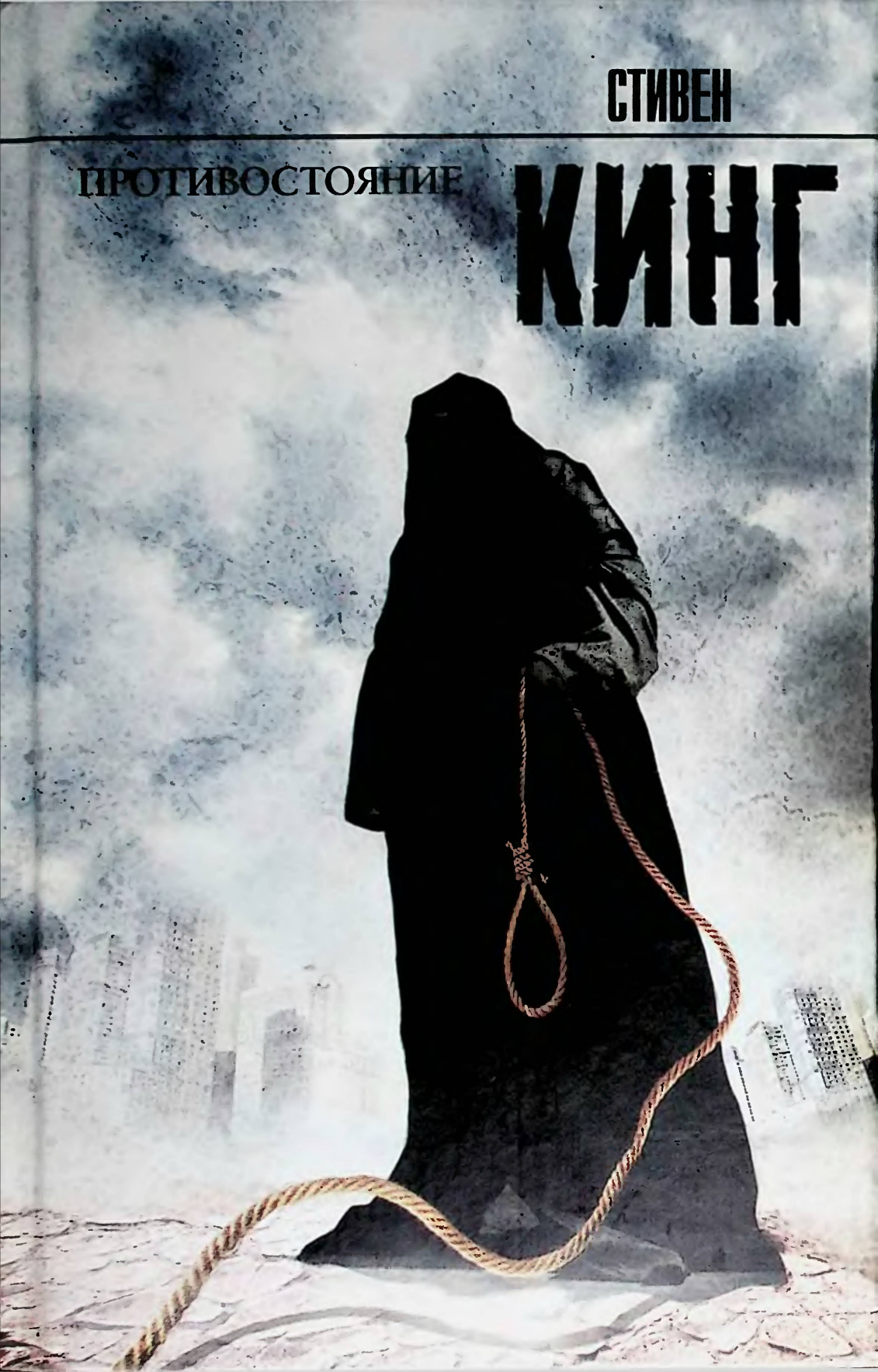
СТИВЕН

КИНГ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Стивен
КИНГ

Стивен Кинг

Противостояние

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84(7Сое)-44
К41

Stephen King
THE STAND

Перевод с английского В.А. Вебера

Компьютерный дизайн Э.Э. Кунтыш

Печатается с разрешения издательства The Knopf Doubleday Publishing Group, a division of Random House, Inc.

Кинг, Стивен.

К41 Противостояние [роман] / Стивен Кинг [пер. с англ. В.А. Вебера]. — Москва Издательство АСТ, 2017. — 1304, [8] с.

ISBN 978-5-17-076512-6 (С.: Темная Башня)
Фото автора на обложке: Shane Leonard

ISBN 978-5-17-076503-4 (С.: Король на все времена)

Америка превратилась в ад. Из секретной лаборатории вырвался на свободу опаснейший вирус. Умерли сотни тысяч, миллионы ни в чем не повинных людей...

Однако и это еще не все. Вступили в игру беспощадные и могучие силы.

Рвется к власти таинственный темный человек, способный подчинять себе слабые, сомневающиеся души. Кто он? Откуда явился? Что сулит человечеству его победа?

Немногие люди, не утратившие еще представления о Добре и Зле, должны понять это — ведь, не зная врага, его невозможно победить...

Роман «Противостояние» — одно из лучших произведений Стивена Кинга — в новом переводе и без сокращений!

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84(7Сое)-44

© Stephen King, 1978, 1990
© Перевод. В.А. Вебер, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Для Тэбби:
это темный сундук чудес

«Противостояние» — плод воображения, на что однозначно указывает его тема. Многие события происходят в реальных городах, таких как Оганквит, штат Мэн, Лас-Вегас, штат Невада, и Боулдер, штат Колорадо. Я позволил себе изменить их в той степени, насколько того требовал сюжет моего произведения. Надеюсь, что читатели, живущие в этих и других реальных местах, упомянутых в романе, не слишком огорчатся из-за моей «чудовищной наглости» — цитирую Дороти Сейерс, которая и сама свободно пользовалась этим приемом.

Другие города, скажем, Арнетт, штат Техас, или Шойо, штат Арканзас, вымышлены, как и весь сюжет.

Выражаю особую благодарность фельдшеру Расселу Дорру и доктору Ричарду Херману из Семейного медицинского центра в Бриджтоне, которые ответили на все мои вопросы о природе гриппа и мутациях вируса этой болезни, случающихся каждые два года или около того, и Сюзан Артц Мэннинг из Кастина, которая откорректировала исходную рукопись. И огромное спасибо Биллу Томпсону и Бетти Прэшкер, благодаря которым эта книга получилась в наилучшем виде.

С.К.

Предисловие

Часть 1. Прочитать перед покупкой

Я считаю, что об этой версии романа «Противостояние» Вы должны узнать кое-что сразу, еще до ухода из книжного магазина. Надеюсь, поймал Вас вовремя, когда вы стоите у стеллажа с новыми книгами, зажав под мышкой несколько уже отобранных и раскрыв мою. Другими словами, я надеюсь поймать Вас, прежде чем вы достанете бумажник. Готовы? Отлично, спасибо. Обещаю быть кратким.

Первое: это — *не* новый роман. Если у Вас есть сомнения, давайте рассеем их здесь и сейчас, пока Вы еще достаточно далеко от кассового аппарата, который извлечет деньги из Вашего кармана и переложит в мой. Роман «Противостояние» уже десять лет как опубликован.

Второе: это *не* новенькая, совершенно другая версия «Противостояния». Прежние персонажи не будут вести себя по-другому, и, разумеется, сюжет не уйдет в сторону от исходного и не поведет Вас, Постоянный Читатель, совершенно в ином направлении.

Это — расширенная версия «Противостояния», впервые опубликованного в 1978 году. Как я уже отметил, в ней нет прежних персонажей, ведущих себя по-новому, однако едва ли не все персонажи, с которыми Вы сталкивались в исходной книге, теперь делают гораздо больше, чем прежде, и если бы я не думал, что все это интересно — более того, многое разъясняет, — то никогда бы не согласился на этот проект.

Если вам нужно совсем другое, не покупайте эту книгу. Если уже купили, надеюсь, Вы сохранили чек. Он потребуется в магазине, чтобы Вам вернули деньги или позволили приобрести на эту сумму другие книги.

Если же данный расширенный вариант Вас устраивает, я приглашаю пройти со мной чуть дальше. Мне нужно многое Вам рассказать, но, думаю, нам лучше поговорить за углом.

В темноте.

Часть 2. Прочитать после покупки

Это не столько предисловие, сколько объяснение, почему новый вариант «Противостояния» вообще существует. Роман и так длиннющий, и его расширение будет воспринято некоторыми — а может, и многими — как потворство автору, чьи книги достаточно хорошо продаются, чтобы он мог такое себе позволить. Я надеюсь, что это не так, но я не совсем глуп и понимаю, что могу услышать подобные обвинения. Тем более что многие критики изначально считали роман слишком длинным.

Был ли он раздут с самого начала или стал таковым в этом издании — вопрос, который я оставляю на усмотрение читателя. Я только хотел занять несколько страничек заявлением: я переиздаю «Противостояние» в том виде, в каком изначально его написал, не ради себя или отдельного читателя, а ради многих читателей, которые просили меня об этом. Я бы этого не сделал, если бы не считал, что те куски, которые пришлось выбросить из исходной рукописи, обогащают роман, и я был бы лжецом, если бы не признался, что мне любопытно, как будет принята полная версия.

Я не буду рассказывать Вам историю создания «Противостояния» — цепочка мыслей, результатом которой становится роман, интересует разве что начинающих писателей. Они склонны верить в существование «секретной формулы» для написания коммерчески успешного произведения, но ее нет. У вас возникает идея; в какой-то момент к ней присоединяется еще одна; вы находите связь, а то и много связей между этими идеями; несколько персонажей (поначалу призрачных, как тени) заявляют о себе; в голове автора возникает возможная концовка (хотя, когда дело доходит до концовки написанного романа, она редко совпадает с придуманной ранее); наконец, писатель садится за стол с бумагой и ручкой, или за пишущую машинку, или за компьютер. Когда

меня спрашивают: «Как вы пишете?» — я неизменно отвечаю: «Слово за словом», — и этот ответ неизменно отвергается. Однако именно так все и происходит. Да, звучит слишком просто, чтобы быть правдой, но вспомните Великую китайскую стену, и Вы поймете: камень за камнем. И все. Один камень за другим. Я читал, что из космоса эту хреновину видно без телескопа.

Для тех, кому интересно: история создания «Противостояния» изложена в последней главе книги «Пляска смерти» — путаном, но удобном для прочтения обзоре литературного направления «ужастики», опубликованном в 1982 году. Это не реклама «Пляски смерти»; я просто сообщаю, что такая история есть, хотя рассказана она не потому, что интересна сама по себе, а для иллюстрации совсем другого тезиса.

Если же говорить о «Противостоянии», очень важно отметить, что в окончательном — опубликованном — варианте рукопись уменьшилась примерно на четыреста страниц. И речь идет не о редакторской правке — будь дело в этом, я бы не возражал, чтобы книга прожила свою жизнь и умерла естественной смертью в том самом виде, в каком ее первоначально выложили на прилавок.

Сокращения делались по требованию бухгалтерии. Они подсчитали производственные затраты, сопоставили с результатами продаж четырех моих предыдущих книг в переплете и решили, что 12 долларов 95 центов — предельная цена книги в переплете, которую переварит рынок (сравните эту цену с ценой книги, которую вы держите в руках, друзья и соседи). Меня спросили, хочу ли я сам сократить рукопись или предпочту, чтобы это сделал кто-то из сотрудников редакции. С неохотой я согласился взяться за хирургию. Думаю, получилось неплохо — для писателя, которого постоянно упрекают в словесном недержании. Есть только одно место — путешествие Мусорного Бака через всю страну из Индианы в Лас-Вегас, — где в первоначальном издании остался заметный шрам.

Но если в книге уже есть все, что нужно, может возникнуть вопрос: а зачем ее расширять? Значит, это все-таки потворство? Я очень надеюсь, что нет; а если да, выходит, я потратил весомую часть моей жизни впустую. Так уж получается — во всяком случае, я так думаю, — что в действительно хороших историях целое всегда больше суммы составляющих. В противном случае следу-

ющая версия сказки «Ганс и Гретель» смотрелась бы вполне приемлемо:

> Двое детей, Ганс и Гретель, жили с хорошим отцом и с хорошей матерью. Хорошая мать умерла, и отец женился на стерве. Стерва хотела избавиться от детей, чтобы тратить на себя больше денег. И заставила-таки бесхребетного недоумка-муженька отвести Ганса и Гретель в лес и там убить. В последний момент отец деточек смягчился и оставил их в живых, чтобы они долго и медленно умирали от голода, а не быстро и без страданий от удара ножа. Кружа по лесу, дети набрели на пряничный домик. Принадлежал он ведьме, которая еще и ела людей. Она заперла брата с сестрой и сказала, что съест их после того, как откормит. Но детки обхитрили ведьму. Ганс затолкал старуху в ее же печь. Они нашли богатства ведьмы и, должно быть, карту, потому что в конце концов вновь добрались до дома. Когда дети появились на пороге, папуля дал стерве пинка под зад, и потом они жили долго и счастливо. Конец.

Не знаю, что Вы думаете, но для меня эта версия — заведомо проигрышная. История есть, однако ей недостает утонченности. Это «кадиллак», с которого содрали хром и краску, оставив тусклый металл. Ездить на нем можно, но он уже, Вы понимаете, не *король дорог*.

Я восстановил не все четыреста вырезанных страниц: есть разница между *сделать правильно* и *все опошлить*. Некоторые куски, оставшиеся на полу после того, как я, поработав ножницами, вернул усеченную рукопись, не заслуживали возвращения. Другие моменты, вроде стычки Фрэнни с ее матерью в начале книги, добавляли повествованию яркости и глубины, чем я, как читатель, всегда наслаждаюсь. На секундочку вернусь к «Гансу и Гретель». Вы, возможно, помните, как злобная мачеха требует от мужа принести ей сердца детей в доказательство того, что несчастный дровосек в точности выполнил ее указание. Дровосек демонстрирует зачатки ума и приносит сердца двух кроликов. Или возьмите знаменитый след из хлебных крошек, который оставляет Ганс, чтобы они с сестрой сумели отыскать дорогу домой. Предусмотрительный парень! Но когда он пытается идти по этому следу, выясняется, что крошки склевали птички. Строго говоря, эти подробности для сюжета значения не имеют — однако, с другой сторо-

ны, как много он теряет без этих точечных и расцвечивающих его вкраплений! Они превращают скучное повествование в историю, которая завораживает и ужасает читателей более сотни лет.

Подозреваю, я не добавил в этот роман ничего такого, что может сравниться с хлебными крошками Ганса. Но я всегда сожалел о том, что никто, кроме меня и нескольких сотрудников издательства «Даблдей», не познакомился с маньяком по кличке Малыш... и не стал свидетелем событий, произошедших с ним возле тоннеля, который напоминал другой тоннель (тоннель Линкольна в Нью-Йорке), хотя их и разделяла половина континента.

Теперь Вам, Постоянный Читатель, предлагается «Противостояние» в том виде, в каком автор первоначально собирался выкатить его из демонстрационного зала. Весь хром на месте, к добру или к худу. И последняя причина для презентации этой версии — самая простая. Хотя эта книга никогда не относилась к моим любимым, ее очень любят те, кому нравятся мои книги. Когда я где-то выступаю (что стараюсь делать как можно реже), в разговоре со мной люди всегда упоминают «Противостояние». Они обсуждают персонажей, словно это живые люди, и часто спрашивают: «Что случилось с таким-то?..» — как будто я постоянно получаю от них письма.

Меня то и дело спрашивают, будет ли снят фильм по этой книге. Ответ, между прочим, скорее всего — да*. Будет ли он хорошим? Не знаю. Плохие или хорошие, фильмы практически всегда оказывают странный эффект, принижают художественное произведение (разумеется, бывают исключения, и первым на ум приходит «Волшебник страны Оз»). В дискуссиях люди готовы бесконечно обсуждать актерский состав. Я всегда думал, что Роберт Дюваль блестяще сыграет Рэндалла Флэгга, но слышал, как некоторые предлагали Клинта Иствуда, Брюса Дерна, Кристофера Уокена**... Они все вроде бы подходят, а из Брюса Спрингстина, если бы он попытался сыграть в кино, вышел бы любопытный Ларри Андервуд (судя по клипам, у него получилось бы очень хорошо... хотя мой личный выбор — Маршалл Креншоу***). Но в ито-

---

* Мини-сериал «Противостояние» вышел в эфир в 1994 г. и получил две премии «Эмми». Стивен Кинг снялся в небольшой роли Тедди Уайзака. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** В роли Флэгга снялся американский актер Джейми Шеридан (р. 1951).

*** Маршалл Креншоу (р. 1953) — американский певец, гитарист, автор песен.

ге, я думаю, Стью, Ларри, Глен, Фрэнни, Ральф, Том Каллен, Ллойд и тот темный человек должны принадлежать читателю, который видит их через объектив воображения, живыми и постоянно меняющимися, на что не способна ни одна камера. Любой фильм, в конце концов, — всего лишь иллюзия движения, скомпонованная из тысяч неподвижных фотографий. Воображение же движется по своим законам. Фильмы, даже лучшие из них, есть застывшая выдумка: любой, кто посмотрел «Пролетая над гнездом кукушки», а потом прочитал роман Кена Кизи, обнаружит, насколько сложно, практически невозможно представить себе Рэндла Патрика Макмерфи не с лицом Джека Николсона. Я не утверждаю, что это плохо... но это ограничивает воображение. Прелесть хорошей истории в том, что она лишена ограничений и подвижна; хорошая история воспринимается каждым читателем по-своему.

Все-таки я пишу только по двум причинам: порадовать себя и порадовать других. Возвращаясь к этой долгой истории темного христианства, я надеюсь, что мне удалось и первое, и второе.

Стивен Кинг,
24 октября 1989 г.

Как в вальсе, смерть
Кружится огнем,
Все перепутав — и явь, и сны,
И поэты не в силах
Сказать о своем,
Лишь наблюдают со стороны.
Им решиться бы, встать,
Не склонить головы,
Выстоять — хоть на миг,
Но разбиты опять,
Полумертвы,
В Земле джунглей.

Брюс Спрингстин

Она была на все согласна,
И дверь уже открыта ветром настежь,
И свечи вспыхнули, и вмиг погасли,
Поднялся занавес — и он ворвался.
Сказал он: «Здравствуй,
Не бойся, Мэри...»
И уже нет страха,
Бежит, легка,
Полетела птахой
В руке рука...
«Не бойся, Мэри,
Посланца смерти!»

«Блю ойстер калт»

ЧТО ЭТО ЗА МАГИЯ?
ЧТО ЭТО ЗА МАГИЯ?
ЧТО ЭТО ЗА МАГИЯ?*

«Кантри Джо энд фиш»

---

* Здесь и далее перевод поэтических эпиграфов Дмитрия Витера.

Понеслось...

Нам пригодится помощь, предположил Поэт.

Эдуард Дорн

— Салли.

В ответ бормотание.

— Просыпайся же, Салли.

Бормотание громче, что-то вроде: «...менявпокое».

Он потряс ее посильнее.

— Просыпайся. Немедленно просыпайся!

Чарли.

Голос Чарли. Зовет ее. Давно?

Салли выплыла из пучины сна.

Первым делом глянула на часы на прикроватном столике: четверть третьего утра. Чарли здесь быть не могло — ведь это его смена. Тут она наконец-то перевела взгляд на мужа, и что-то в ней трепыхнулось, какая-то ужасная догадка.

Она увидела, что Чарли смертельно бледен и его глаза неестественно выпучены. В одной руке он держал ключи от машины, а другой продолжал трясти Салли. Словно до него не доходило, что она уже проснулась.

— Чарли, в чем дело? Что случилось?

Он вроде бы не знал, что ответить. Кадык тщетно ходил вверх-вниз, и, кроме тиканья часов, ничто не нарушало тишину в небольшом бунгало, выделенном им для проживания.

— Пожар? — сразу спросила она. Только это могло привести его в подобное состояние. Она знала, что родители Чарли погибли в своем доме при пожаре.

— В некотором роде, — сказал он. — В некотором роде и еще хуже. Одевайся, милая, и буди малышку Лавон. Надо выметаться отсюда.

— Почему? — спросила она, вставая с постели. Темный страх охватил ее. Все не так. Словно во сне. — Куда? Во двор? — Но она знала, что не во двор. Никогда еще Чарли не казался таким испуганным. Она втянула ноздрями воздух, но не почувствовала запаха дыма или гари.

— Салли, милая, не задавай вопросов. Нам надо уезжать. Чем дальше, тем лучше. Буди малышку Лавон и одевай ее.

— Но мне же... у нас есть время собрать вещи?

Вопрос, похоже, ошарашил его. Поставил в тупик. Салли думала, что он боится в той же степени, что и она, но, вероятно, дело обстояло иначе. Она-то решила, что он просто боится, а по всему выходило, что он на грани неудержимой паники. Он рассеянно прошелся рукой по волосам.

— Не знаю. Мне нужно проверить, откуда дует ветер.

И после этого странного заявления, которое для нее ровным счетом ничего не значило, оставил ее, замерзшую, и испуганную, и сбитую с толку, босиком и в ночнушке. Создавалось ощущение, что он рехнулся. Какое отношение направление ветра имело ко времени, необходимому на сбор вещей? И как далеко им предстояло ехать? В Рино? Вегас? Солт-Лейк-Сити? И...

Ее рука метнулась к горлу, едва в голове сверкнула новая мысль.

САМОВОЛКА. Отъезд под покровом ночи означал, что он собрался в САМОВОЛКУ.

Салли прошла в небольшую комнатку, которая служила детской малышке Лавон, и несколько мгновений стояла в нерешительности, глядя на свою крошку, спящую под розовым одеялом. Она все еще цеплялась за слабую надежду, что это лишь удивительно яркий сон. Он закончится, и она проснется, как обычно, в семь часов утра, покормит малышку Лавон, поест сама, наблюдая за первым часом программы «Сегодня», сварит яйца для Чарли, который придет в начале девятого, по окончании ночной смены на северной вышке Резервации. А через две недели у него начнутся дневные смены, и он не будет таким раздраженным, а когда он спит рядом, ей не снятся такие безумные сны, как этот, и...

— Поторопись! — прошипел он, руша эту слабую надежду. — У нас есть время взять с собой какие-то мелочи... но, ради всего святого, если ты любишь ее, — Чарли указал на девочку в кроватке, — одевай скорее!

Нервно кашлянув, он начал вытаскивать вещи из ящиков комода и в беспорядке запихивать в пару старых чемоданов.

Она осторожно, стараясь не напугать, разбудила малышку Лавон. Трехлетняя кроха выглядела раздраженной и удивленной тем, что ее поднимают с кроватки посреди ночи, и заплакала, когда Салли принялась надевать на нее трусики, блузку, комбинезон. Звук ее плача испугал Салли еще сильнее. Она ассоциировала плач с другими случаями, когда малышка Лавон, обычно ангельский ребенок, плакала по ночам: раздражение кожи от подгузников, режущиеся зубки, затрудненное дыхание, колики... Но испуг медленно перешел в гнев, когда Салли увидела, как Чарли чуть не пронесся мимо двери, сжимая в руках ее белье. Застежки лифчика болтались, словно узкие ленты на новогодних хлопушках. Он бросил белье в один чемодан, захлопнул крышку. Подол ее лучшей комбинации торчал наружу, и Салли могла поклясться, что кружева порваны.

— В *чем* все-таки дело? — закричала она, и тревога в ее голосе заставила малышку Лавон разрыдаться, хотя первые слезы уже начали переходить в хныканье. — Ты спятил? За нами отправят солдат, Чарли! Понимаешь, *солдат*!

— Этой ночью не отправят! — В его голосе звучала такая уверенность, что Салли сама едва не запаниковала. — Пойми, дорогуша, если мы сейчас не сделаем ноги, нам уже никогда не выбраться с базы. Я вообще не понимаю, как мне удалось покинуть вышку. Надо полагать, что-то не сработало. Почему бы и нет? Все на свете может сломаться. — И он издал высокий, птичий смешок, испугавший ее даже сильнее, чем все остальное. — Малышка одета? Хорошо. Положи часть ее одежды во второй чемодан. Остальное запихни в синюю сумку из чулана. И мотаем отсюда к чертовой матери. Думаю, у нас все получится. Ветер дует с востока на запад. Поблагодарим за это Господа.

Он снова кашлянул в кулак.

— Папочка! — заверещала Лавон, протягивая вверх руки. — Хочу папочку! Да! Хочу покататься на лошадке, папочка! На лошадке! Да!

— Не сейчас, — ответил Чарли и исчез на кухне. Салли услышала звон посуды: он доставал ее заначку из голубой супницы, что стояла на верхней полке. Тридцать или сорок долларов, которые она откладывала по одному доллару, иногда по пятьдесят цен-

тов. На мелкие расходы. Значит, действительно что-то случилось. Что бы это ни было.

Малышка Лавон, которой редко в чем-то отказывали, а тут не позволили прокатиться верхом на папочке, вновь расплакалась. Салли удалось надеть на нее легкую курточку, а остальную одежду девочки она торопливо побросала в парусиновую сумку. Сама идея засунуть что-нибудь во второй и без того набитый чемодан казалась нелепой. Он бы лопнул. Ей пришлось придавить крышку коленями, чтобы застегнуть защелки. Мысленно она поблагодарила Бога за то, что малышка Лавон уже ходила на горшок, так что подгузники больше не требовались.

Чарли вернулся в спальню бегом. Он все еще комкал и запихивал в карман форменных брюк одно- и пятидолларовые купюры, взятые из супницы. Салли подхватила малышку Лавон на руки. Девочка уже совсем проснулась и могла бы идти сама, но Салли хотела прижать ее к себе. Она наклонилась, подняла с пола сумку.

— Куда мы едем, папочка? — спросила малышка Лавон. — Я фпала.

— Ты можешь пофпать и в машине. — Чарли взялся за чемоданы. Из одного по-прежнему торчал край комбинации. Глаза Чарли оставались бешеными. Страшная догадка, переходящая в уверенность, зародилась в сознании Салли.

— Там что-то случилось? — прошептала она. — Ох, Иисус, Мария и Иосиф, ведь так? Что-то случилось. *Там*.

— Я раскладывал пасьянс, — ответил Чарли. — Поднял голову и увидел, что цифры из зеленых стали красными. Я включил монитор. Салли, они все...

Он помолчал, посмотрел в глаза малышки Лавон, широко открытые и любопытные, хоть и по-прежнему полные слез.

— Они все там У-М-Е-Р-Л-И, — продолжил он. — Все, за исключением одного или двух, да и тех, наверное, уже нет в живых.

— Что значит У-М-Е-Л-И, папочка? — спросила малышка Лавон.

— Не важно, милая... — Собственный голос, казалось, доносился до Салли из очень длинного каньона.

Чарли сглотнул. У него в горле что-то щелкнуло.

— Когда цифры становятся красными, все выходы должны блокироваться. У них стоит компьютер «Чабб»*, который управляет всей автоматикой, и считалось, что он никогда не дает сбоев. Я посмотрел на монитор и выскочил за дверь. Думал, эта чертова штука перережет меня пополам. Ей следовало закрыться в тот же миг, когда покраснели цифры. Не знаю, как долго они были красными до того, как я посмотрел на часы. Но я почти добежал до стоянки, когда услышал, как дверь захлопнулась у меня за спиной. И все-таки если б я поднял голову тридцатью секундами позже, то остался бы на посту наблюдения, закупоренный, как муха в бутылке.

— Но что случилось? Что...

— Я не знаю. Не *хочу этого знать*. Знаю только, что это уб... это У-Б-И-Л-О их быстро. Если я им потребуюсь, сперва придется меня поймать. Мне платят за риск, но не столько, чтобы я здесь оставался. Ветер дует на запад. Мы едем на восток. Пошли, быстро!

Все еще окончательно не проснувшись, словно в кошмарном сне, она пошла за ним к подъездной дорожке, где стоял их пятнадцатилетний «шеви», тихо ржавея в благоуханной тьме пустыни, укрытой калифорнийской ночью.

Чарли положил чемоданы в багажник, а сумку — на заднее сиденье. Салли с девочкой на руках на мгновение задержалась у пассажирской двери, глядя на бунгало, где они прожили последние четырс года. Когда они въехали, вспомнила она, малышка Лавон сидела у нее в животе, и все катания на лошадке были еще впереди.

— Давай! — позвал муж. — Садись, быстро!

Она подчинилась. Чарли подал машину назад, полоснув лучами фар по дому. Блики в окнах казались глазами какого-то загнанного зверя.

Он напряженно навис над рулем, и тусклые огни приборного щитка подсветили его лицо.

— Если ворота базы закрыты, я попробую их протаранить.

Он так и собирался поступить, она это чувствовала. Внезапно ее ноги стали ватными.

---

* «Чабб» — транснациональная страховая корпорация, занимающаяся, среди прочего, обеспечением безопасности сложных технологических объектов.

Но прибегать к таким отчаянным мерам не пришлось. Ворота были открыты. Один из охранников дремал над журналом, другого Салли не разглядела. Возможно, он находился в гараже. Эта — наружная — часть базы использовалась для хранения военной техники. То, что происходило в «сердце», этих парней никак не касалось.

Я поднял голову и увидел, что цифры из зеленых стали красными.

Она поежилась и положила ладонь ему на бедро. Малышка Лавон снова спала. Чарли коротко похлопал жену по руке:

— Все будет в порядке, милая.

Когда взошло солнце, они все еще ехали на восток, пересекая Неваду, и Чарли непрерывно кашлял.

Книга I
«КАПИТАН ТОРЧ»*
16 июня — 4 июля 1990 года

В ночи я обрываю телефон,
Прошу врача ответить, не тая.
Меня корежит, рвет, трясет, ломает —
Что это за напасть?
Неужто болен я?

Силверс

Поймешь ли ты своего парня, детка?
Он суперпарень, ты же знаешь, детка.
Поймешь ли ты своего парня, детка?

Ларри Андервуд

Глава 1

Заправочная станция «Тексако» Хэпскомба располагалась на шоссе 93 чуть севернее Арнетта, захудалого городишки из четырех улиц, в ста десяти милях от Хьюстона. В тот вечер на заправке собрались завсегдатаи и, усевшись рядом с кассовым аппаратом, пили пиво, лениво болтали и наблюдали, как мотыльки кружат у большой освещенной вывески.

Заправка принадлежала Биллу Хэпскомбу, так что все прислушивались к его мнению, пусть он и был круглым идиотом. Каждый рассчитывал на такое же отношение и к себе, если б все собирались в принадлежащем ему заведении. Да только ничего им

---

* Капитан Торч — прозвище Джерри Гарсия (1942—1995), вокалиста, гитариста, лидера рок-группы «Грейтфул дэд». Намек на многочисленные «путешествия», которые совершал Гарсия и многие верные поклонники группы под действием галлюциногенов.

не принадлежало. Арнетт переживал трудные времена. В 1980 году в городе работали два промышленных предприятия: фабрика бумажных изделий (главным образом одноразовой посуды для пикников и барбекю) и завод электронных калькуляторов. Теперь бумажную фабрику закрыли, а калькуляторный завод дышал на ладан — выяснилось, что делать калькуляторы на Тайване было гораздо дешевле, равно как и портативные телевизоры, и транзисторные радиоприемники.

Норман Бруэтт и Томми Уэннамейкер, раньше работавшие на бумажной фабрике, жили на социальное пособие. Хэнк Кармайкл и Стью Редман работали на заводе калькуляторов, но им редко удавалось простоять у конвейера больше тридцати часов в неделю. Виктор Полфри вышел на пенсию и курил самокрутки из вонючего табака — ничего другого он позволить себе не мог.

— И вот что я вам скажу. — Хэп положил руки на колени и наклонился вперед. — Они просто должны заявить: в жопу всю эту инфляционную хрень. В жопу весь этот государственный долг. У нас есть печатный станок и есть бумага. Нам надо напечатать пятьдесят миллионов тысячедолларовых банкнот и запустить их, мать вашу, в оборот.

Только Полфри, который до 1984 года работал у станка, демонстрировал достаточно самоуважения, указывая на особенно глупые утверждения Хэпа. И теперь, скручивая очередную вонючую сигарету, он ответил:

— Нас это никуда не приведет. Попробуй — и получишь Ричмонд в последние два года Гражданской войны. В те дни если ты хотел коврижку, то давал пекарю конфедеративный доллар. Он клал его на коврижку и отрезал кусок шириной с этот самый доллар. Деньги — всего лишь бумага, знаешь ли.

— Я знаю, что некоторые с тобой не согласны, — кисло сказал Хэп, взяв со стола красный пластмассовый держатель для бумаги, заляпанный маслом. — Я задолжал этим людям. И они все сильнее из-за этого нервничают.

Стюарт Редман, возможно, самый тихий человек во всем Арнетте, сидел на треснувшем пластмассовом стуле «Вулко» с банкой пива «Пабст» в руке и через большую витрину смотрел на шоссе 93. Стью знал, что такое нищета. Он вырос в этом городе, сын дантиста, скончавшегося, когда мальчику едва исполнилось семь, и оставившего жену и еще двоих детей.

Мать нашла работу на стоянке грузовиков «Красный шар», расположенной неподалеку, — Стью мог бы видеть стоянку с того места, где сидел, если б она не сгорела в 1979 году. Денег хватало на еду для четверых, но не более того. С девяти лет Стью пришлось работать, сначала — на Роджа Такера, которому принадлежала стоянка «Красный шар»: после занятий в школе мальчик помогал разгружать грузовики за тридцать пять центов в час. Потом он перешел на скотобойню в соседнем городке Брейнтри, солгав насчет своего возраста, чтобы трудиться двадцать изнурительных часов в неделю по минимальной ставке.

Теперь, слушая, как Хэп и Вик Полфри спорят о деньгах и об их загадочной способности исчезать, лишь только появившись, Стью вспоминал о том, как кровоточили поначалу ладони от бесконечных тачек с внутренностями и шкурами. Он пытался прятать руки от матери, но не прошло и недели, как она все увидела. Немного поплакала, хотя была не из плаксивых. Однако упрашивать его оставить работу не стала. Понимала, в каком они положении. Реалистично смотрела на жизнь.

Отчасти молчаливость Стью объяснялась тем, что у него никогда не было ни друзей, ни времени для них. Сначала школа, потом работа. Его младший брат Дев умер от пневмонии в тот самый год, когда он начал работать на скотобойне. Стью так и не смог его забыть. Может быть, из чувства вины. Он любил Дева больше всех на свете... но с его смертью одним ртом стало меньше.

В старшей школе Стью увлекся футболом, и мать поддержала это увлечение, пусть даже оно отнимало время у работы.

— Играй, — заявила она. — Если ты и сумеешь выбраться отсюда, Стюарт, то лишь благодаря футболу. Играй. Помни об Эдди Уорфилде.

Речь шла о местном герое. Он вырос в еще более бедной семье, чем Стью, прославился как квотербек региональной школьной команды, по спортивной стипендии поступил в Техасский сельскохозяйственный и машиностроительный университет и десять лет играл за «Грин Бэй Пэкерс», главным образом запасным квотербеком, но в нескольких памятных матчах выходил на поле в основном составе. В настоящий момент Эдди принадлежала сеть ресторанов быстрого обслуживания на западе и юго-западе, и в Арнетте он стал легендой. Произнося слово «успех», местные подразумевали Эдди Уорфилда.

Стью не стал ни квотербеком, ни вторым Эдди Уорфилдом. Однако ему казалось, что у него есть хоть какой-то шанс получить маленькую спортивную стипендию... ведь существовали программы совмещения работы и учебы, а школьный психолог рассказала ему о ссудной программе закона об образовании для нужд национальной обороны...

Но тут заболела мать — у нее обнаружили рак. За два месяца до того, как Стью окончил старшую школу, она умерла, оставив его с братом Брайсом на руках. Стью отказался от спортивной стипендии и пошел работать на калькуляторный завод. А ведь в конце концов именно Брайс, на три года младше брата, сумел выбраться из этого дерьма. Теперь он работал в Миннесоте системным аналитиком в компании «Ай-би-эм». Писал редко, и в последний раз Стью видел Брайса на похоронах своей жены, умершей от той же самой разновидности рака, что убила их мать. Стью размышлял о том, что Брайс, наверное, тоже испытывает чувство вины... и, возможно, немного стыдится того, что его брат превратился в очередного добродушного старожила умирающего техасского городка и проводит свои дни, работая на заводе калькуляторов, а вечера — у Хэпа или в баре «Голова индейца» за пивом «Одинокая звезда».

Семейная жизнь — самый счастливый период жизни Стью — продлилась только восемнадцать месяцев. Утроба его жены породила лишь одного безнадежно больного ребенка. С тех пор прошло четыре года. Стью думал о том, чтобы уехать из Арнетта, поискать что-нибудь получше, но его удерживала инерция маленького городка — тихая песнь сирен, завлекающая знакомыми местами и лицами. В Арнетте Стью любили, а Вик Полфри однажды одарил его самым большим комплиментом, назвав «наш главный старожил».

Вик и Хэп продолжали разговор о деньгах и инфляции, небо еще не совсем потемнело, но земля уже спряталась в сумерках. Автомобили по шоссе 93 нынче проезжали редко — именно по этой причине у Хэпа накапливались неоплаченные счета, — однако сейчас к автозаправочной станции приближалась машина, Стью ее видел.

До нее было еще четверть мили, и остатки дневного света отражались от хромированных деталей. Стью отличался острым зрением, а потому определил, что это очень старый «шевроле»,

возможно, семьдесят пятого года выпуска. Ехал автомобиль с выключенными фарами, не быстрее пятнадцати миль в час, и его мотало из стороны в сторону. Кроме Стью, никто «шеви» пока не заметил.

— Допустим, тебе надо платить по закладной на эту автозаправочную станцию, — говорил Вик, — и пусть выплата составляет пятьдесят долларов в месяц.

— Она гораздо больше, черт побери.

— Понимаю, но пусть это будет пятьдесят долларов, для примера. И, допустим, федеральные власти последовали твоему совету и напечатали вагон долларов. Так банкиры тут же все переиграют и запросят с тебя уже сто пятьдесят. Ты от этого ничего не выиграешь.

— Это точно, — вставил Кармайкл. Хэп раздраженно глянул на него. Он знал, что у Хэнка есть привычка брать колу, не оставляя денег: более того, Хэнк знал, что хозяину автозаправки об этом известно, и если уж хотел взять чью-то сторону, ему следовало бы примкнуть к Хэпу.

— Все может быть совсем не так, — веско заявил Хэп, опираясь на глубокие познания девятиклассника. И принялся объяснять почему.

Стью, который понимал только одно: что они в полной жопе, — приглушил голос Хэпа до бессмысленного гудения и продолжил наблюдать, как «шеви» мотает по дороге. Судя по траектории автомобиля, ехать ему осталось недолго. Он пересек белую разделительную линию и левыми колесами поднял пыль на обочине. Потом вильнул обратно и какое-то время оставался на своей полосе движения, после чего чуть не свалился в кювет. Затем, словно водитель принял большое освещенное здание заправочной станции «Тексако» за маяк, «шеви» устремился прямо к нему, напоминая пулю на излете. Стью мог слышать громыхание изношенного двигателя, устойчивые хрипы издыхающего карбюратора и постукивание клапанов. Проскочив съезд к автозаправочной станции, автомобиль взобрался на бордюр. Флуоресцентные лампы над колонками отражались в запыленном ветровом стекле, и рассмотреть, что за ним, не удавалось, но Стью вроде бы различил мешком подпрыгнувшие очертания водителя. Машина двигалась все с той же скоростью, пятнадцать миль в час, по-видимому, не собираясь останавливаться.

— Я и говорю, чем больше денег в обороте...

— Лучше отключи колонки, Хэп, — мягко вставил Стью.

— Колонки? Зачем?

Норм Бруэтт повернулся и посмотрел в окно.

— Христос на пони! — вырвалось у него.

Стью поднялся со стула, перегнулся через Томми Уэннамейкера и Хэнка Кармайкла и одновременно щелкнул всеми восемью переключателями, захватив по четыре каждой рукой. Так что он оказался единственным, кто не видел, как «шеви» врезался в ряд заправочных колонок на верхнем бетонном островке и начал сшибать их одну за другой.

Проделывал он это медленно, но неумолимо и даже величественно. На следующий день Томми Уэннамейкер божился в «Голове индейца», что тормозные огни ни разу не вспыхнули. «Шеви» продолжал ехать все с той же скоростью пятнадцать миль в час, словно направляющая машина на Параде роз. Днище заскребло о бетонный островок, а когда в него врезались колеса, все, кроме Стью, увидели, что голова водителя болтается и бьется о ветровое стекло.

«Шеви» подпрыгнул, как старый пес, которому дали пинка, и сшиб колонку с высокооктановым бензином. Она свалилась с островка и откатилась в фонтане брызг. Заправочный пистолет вывалился из гнезда и лежал на асфальте, поблескивая под светом флуоресцентных ламп.

Все заметили искры, которые вырывались из-под скребущей по бетону выхлопной трубы, и Хэп, видевший взрыв заправочной станции в Мексике, инстинктивно закрыл глаза в ожидании огненного шара. Вместо этого задняя часть «шеви» переползла через бетонный островок, свалившись с него со стороны здания заправочной станции. Передняя часть врезалась в колонку с бензином с низким содержанием свинца и сшибла ее. Раздался гулкий «бэнг».

Не без изящества «шевроле» закончил разворот на триста шестьдесят градусов и вновь ударился о бетонный островок, на этот раз задней частью, теперь сбив колонку с обычным бензином, после чего остановился, задрав кверху ржавую выхлопную трубу. Автомобиль уничтожил все три колонки на ближнем к шоссе бетонном островке. Двигатель еще несколько секунд продол-

жал громыхать, потом заглох. Но повисшая над заправочной станцией тишина была ничуть не лучше грохота.

— Матерь Божья! — выдохнул Томми Уэннамейкер. — Она взлетит на воздух, Хэп?

— Если б собиралась, давно бы взлетела! — Хэп поднялся с места, задел плечом ящик с картами, разбросав Техас, Нью-Мехико и Аризону во все стороны. Его охватывало осторожное ликование. Колонки он застраховал, взнос выплатил. Мэри настаивала на том, чтобы страховка оплачивалась в первую очередь.

— Парень, должно быть, крепко выпил, — заметил Норм.

— Я следил за тормозными огнями! — возбужденно воскликнул Томми. — Они ни разу не мигнули! Матерь Божья! Если бы он гнал со скоростью шестьдесят миль, мы бы уже отправились на тот свет!

Они быстро вышли из здания, Хэп — впереди, Стью — замыкающим. Хэп, Томми и Норм добрались до автомобиля одновременно. В воздухе пахло бензином, слышалось пощелкивание остывающего двигателя «шеви». Хэп открыл водительскую дверь, и сидевший за рулем человек выпал из нее, как куль с грязным бельем.

— Черт! — крикнул Норм Бруэтт, едва не сорвавшись на визг. Он отвернулся, схватился за свой объемистый живот, и его вырвало.

Рвотный рефлекс вызвал не выпавший человек (Хэп подхватил его как раз вовремя, чтобы не дать удариться об асфальт), а тошнотворное зловоние, идущее из салона, в котором смешались запахи крови, фекалий, блевоты и разлагающегося человеческого тела. Из «шеви» густо дохнуло тяжелой болезнью и смертью.

Мгновением позже Хэп повернулся и потащил водителя от автомобиля, держа его под руки. Томми торопливо схватил волочащиеся ноги, и вместе они понесли мужчину в конторку. В свете флуоресцентных потолочных ламп на побледневших лицах читалось отвращение. Хэп забыл о страховых выплатах.

Другие заглянули в салон, а потом Хэнк отвернулся, прикрывая рот рукой, оттопырив мизинец, словно поднял бокал вина, чтобы произнести тост. Бегом добрался до северной границы автозаправочной станции и расстался с ужином.

Вик и Стью посмотрели в машину, переглянулись, снова посмотрели. Справа от водителя сидела молодая женщина, ее цель-

нокроеное платье высоко задралось на бедрах. К ней привалился ребенок, мальчик или, скорее, девочка лет трех. Обе были мертвы. Их шеи раздулись и стали лилово-черными, как один большой синяк. Кожа под глазами припухла. Выглядели они, как потом скажет Вик, словно бейсболисты, которые мазали лица ламповой сажей, чтобы яркий свет не так слепил. Выпученные глаза смотрели в никуда. Женщина сжимала руку девочки. Густая слизь, вытекшая из ноздрей, успела подсохнуть и застыть. Вокруг них жужжали мухи, время от времени опускаясь на слизистую корку и вползая в открытые рты. Стью побывал на войне, но никогда ему не доводилось видеть столь печального зрелища. Его взгляд постоянно возвращался к этим сцепленным рукам.

Они с Виком одновременно подались назад и тупо посмотрели друг на друга. Затем повернулись к станции. Увидели Хэпа, что-то яростно кричавшего в трубку телефона-автомата. Норм шел к зданию автозаправочной станции следом за ними, время от времени оглядываясь на разбитый автомобиль. Водительская дверь «шеви» так и осталась открытой. Пара детских туфелек свисала с зеркала заднего обзора.

Хэнк стоял у двери, вытирая рот грязным носовым платком.

— Господи, Стью, — тоскливо выдохнул он, и Стью кивнул.

Хэп повесил трубку. Водитель «шеви» лежал на полу.

— «Скорая» подъедет через десять минут. Вы думаете, они?.. — Он указал пальцем на «шеви».

— Да, мертвы, — кивнул Вик. Его морщинистое лицо стало изжелта-бледным, и он просыпал табак на пол, пытаясь скрутить одну из своих дерьмовых сигареток. — Двое самых мертвых людей, которых мне только доводилось видеть. — Он взглянул на Стью, и тот снова кивнул, сунув руки в карманы. Его трясло.

Мужчина на полу хрипло застонал, и все посмотрели на него. Спустя мгновение, когда стало ясно, что он говорит или по крайней мере пытается что-то сказать, Хэп наклонился к незнакомцу. Заправка, в конце концов, принадлежала ему.

Что бы ни случилось с женщиной и ребенком в машине, то же самое происходило сейчас и с этим человеком. Из его носа текло, дыхание сопровождалось странным, клокочущим грудным звуком. Плоть под глазами набухла, но еще не почернела, а стала воспаленно-лиловой. Шея казалась слишком толстой, ее мышцы раздувались в стороны и вверх, отчего у мужчины появились еще два

подбородка. И от него исходил жар, как от мангала с раскаленными углями.

— Пес, — пробормотал он. — Вы выпустили его?

— Мистер. — Хэп мягко тряхнул его за плечо. — Я вызвал «скорую». С вами все будет в порядке.

— Циферблат покраснел, — просипел лежащий на полу мужчина и закашлялся, извергая изо рта густую слизь, вылетавшую длинными волокнистыми сгустками. Хэп, морщась, отодвинулся.

— Лучше переместить его, — предложил Вик. — А не то задохнется.

Но тут кашель незнакомца вновь перешел в хриплое, неровное дыхание. Водитель медленно моргнул и посмотрел на склонившихся над ним мужчин.

— Где... я?

— Арнетт, — ответил Хэп. — Заправочная станция «Тексако» Билла Хэпскомба. Вы снесли несколько моих колонок. — А затем торопливо добавил: — Но это не страшно. Они застрахованы.

Человек на полу попытался сесть, но не смог этого сделать. Ограничился тем, что положил ладонь на руку Хэпа.

— Моя жена... моя малышка...

— С ними все в порядке, — ответил Хэп, глупо улыбаясь.

— Я вроде как сильно болен. — Воздух входил в легкие мужчины и выходил обратно с тихим рокотом. — Они тоже заболели. Когда мы проснулись два дня назад... В Солт-Лейк-Сити... — Его глаза медленно закрылись. — Заболели... похоже, мы не успели уехать достаточно быстро...

Где-то вдалеке, приближаясь, завыла сирена арнеттской «скорой».

— Господи, — сказал Томми Уэннамейкер. — Ох, Господи...

Глаза больного вновь раскрылись, и теперь их наполняла тревога. Он снова попытался сесть. Капли пота катились по его лицу. Он схватил Хэпа за руку.

— Салли и малышка Лавон в порядке? — спросил он. С его губ слетала слюна, и Хэп чувствовал жар, идущий от этого человека. Больного, наполовину обезумевшего, вонючего. Такой запах порой исходит от старой собачьей подстилки.

— Они в порядке, — ответил он, в его голосе слышались истеричные нотки. — Вы просто... ложитесь и расслабьтесь, идет?

Мужчина лег. Он задыхался. Хэп и Хэнк помогли больному перевернуться на бок, и, похоже, ему стало чуть-чуть легче дышать.

— До прошлой ночи я чувствовал себя нормально. Кашлял, но не более. Просыпался от кашля ночью. Не успели убраться вовремя. С малышкой Лавон все в порядке?

Последние слова перешли в невнятное бормотание. Сирена завывала все ближе и ближе. Стью отошел к окну, чтобы увидеть, когда подъедет «скорая». Остальные стояли вокруг человека на полу.

— Что с ним, Вик, как думаешь? — спросил Хэп.

Вик покачал головой:

— Не знаю.

— Наверное, они съели что-нибудь, — предположил Норм Бруэтт. — На машине калифорнийские номера. Наверное, они частенько ели в придорожных забегаловках. Может, им дали протухший гамбургер. Такое случается.

Подъехавшая «скорая» обогнула разбитый «шеви» и остановилась между ним и входом в здание автозаправочной станции. Мигалка на крыше пульсировала красным светом. На улице уже совсем стемнело.

— Дай мне руку, и я вытащу тебя отсюда! — внезапно вскрикнул человек на полу и замолчал.

— Пищевое отравление, — сказал Вик. — Да, возможно. Надеюсь, что это так, иначе...

— Иначе что? — спросил Хэнк.

— Иначе это может быть что-нибудь заразное. — Вик обеспокоенно посмотрел на них. — Я видел холеру в пятьдесят восьмом году, около Ногалеса, и это выглядело очень похоже.

Вошли три человека с носилками.

— Хэп, — сказал один из них, — тебе повезло, что твоя тощая задница не взлетела на воздух. Этот парень, да?

Они расступились, чтобы пропустить хорошо знакомых им Билли Верекера, Монти Салливана и Карлоса Ортегу, приехавших на «скорой». Хэп отвел Монти в сторону.

— Двое в машине. Женщина и маленькая девочка. Обе мертвы.

— Ни хрена себе! Ты уверен?

— Да. Этот парень, он еще не знает. Вы отвезете его в Брейнтри?

— Ну да. — Монти посмотрел на Хэпа в недоумении. — Что мне делать с этими двумя в машине? Я не знаю, как надо поступать в таких случаях, Хэп.

— Стью может вызвать дорожный патруль. Ты не против, если я поеду с вами?

— Нет, черт побери!

Они уложили больного на носилки и понесли к «скорой». Хэп повернулся к Стью:

— Я поеду в Брейнтри с этим парнем. Ты вызовешь дорожный патруль?

— Разумеется.

— И позвони Мэри. Расскажи ей, что произошло.

— Хорошо.

Хэп заторопился к «скорой», залез внутрь. Билли Верекер закрыл за ним двери и позвал своих напарников. Те смотрели на разбитый «шеви» как зачарованные.

Через несколько секунд «скорая» уехала под вой сирены. Мигалка отбрасывала кровавые отблески на асфальт. Стью подошел к телефону-автомату и бросил в щель четвертак.

Водитель «шеви» умер в двадцати милях от больницы. Сделал последний шумный вдох, затем выдохнул, попытался вдохнуть снова и сдался.

Хэп достал из его кармана бумажник и заглянул внутрь. Семнадцать долларов наличными. Водительское удостоверение, выданное в Калифорнии на имя Чарльза Д. Кэмпиона. Военный билет и фотографии жены и дочери, закатанные в пластик. Хэпу не хотелось их рассматривать.

Он запихнул бумажник обратно в карман мертвеца и попросил Карлоса выключить сирену. Часы показывали десять минут десятого.

Глава 2

Длинный каменный пирс уходил в Атлантический океан с городского пляжа Оганквита, штат Мэн. Сегодня пирс напоминал ей серый укоризненный палец, и, припарковав машину на стоян-

ке, Фрэнни Голдсмит увидела Джесси, сидевшего на краю пирса: его силуэт вырисовывался в лучах послеполуденного солнца. Над ним с криками кружили чайки — чем не портрет Новой Англии наяву? — но Фрэнни сомневалась, что хоть одна птица осмелится осквернить белым пометом безупречную рубашку из синего шамбре. В конце концов, они имели дело с поэтом.

Она знала, что это Джесси, поскольку его десятискоростной велосипед стоял у задней стены будки сторожа автостоянки, пристегнутый цепью к металлическому поручню. Гас, лысоватый и толстоватый городской старожил, как раз появился в дверях, чтобы встретить ее. Плата для приезжих составляла один доллар с машины, но Гас знал, что Фрэнни местная, и она часто приезжала сюда без наклейки «ПОСТОЯННЫЙ ЖИТЕЛЬ» в углу ветрового стекла.

«Ну разумеется, я часто сюда приезжаю, — подумала Фрэн. — Собственно говоря, я и забеременела-то прямо здесь, на этом пляже, футах в двенадцати от верхней границы прилива. Дорогой Комочек, тебя зачали на живописном побережье Мэна, в двенадцати футах от верхней границы прилива и в двадцати ярдах к востоку от волнолома. Теперь это место отмечено крестиком».

Гас вскинул руку, изобразив знак мира.

— Ваш парень на самом краю пирса, мисс Голдсмит.

— Спасибо, Гас. Как дела?

Улыбаясь, сторож обвел рукой автостоянку. Десятка два автомобилей, и большинство с белой наклейкой «ПОСТОЯННЫЙ ЖИТЕЛЬ» на ветровом стекле.

— Для наплыва туристов еще рановато, — ответил он. Дело было семнадцатого июня. — Подождите недельки две, и мы принесем городу деньжат.

— Не сомневаюсь. Если только вы их все не прикарманите.

Гас расхохотался и вернулся в будку.

Фрэнни оперлась рукой о теплый металл своей машины, сняла теннисные туфли и надела резиновые вьетнамки. Высокая девушка с каштановыми волосами до середины спины, в светло-коричневой блузке. С хорошей фигурой. С длинными ногами, которые часто удостаивались одобрительных взглядов мужчин. Высший класс, так вроде бы это называли в студенческих братствах. Просто загляденье. Мисс Колледж 1990 года.

Тут ей пришлось посмеяться над собой, однако смех был с горьким привкусом. «Ты беременна, — сказала она себе, как будто речь шла о мировой сенсации. — Глава шестая: Эстер Прин* сообщает преподобному Димсдейлу новость о неминуемом прибытии Перл». Но она понесла не от Димсдейла, а от Джесси Райдера, двадцати лет от роду, на год моложе Нашей Героини, Маленькой Фрэн. От студента-выпускника колледжа и поэта, что, впрочем, легко угадывалось по безупречной рубашке из синего шамбре.

Она остановилась у границы песка, даже сквозь резину чувствуя, как жар обжигает подошвы ног. Силуэт на дальнем краю пирса все еще швырял в воду небольшие камушки. Мысль, пришедшая ей в голову, отчасти забавляла, но в целом приводила в смятение. «Он знает, как выглядит со стороны, — подумала она. — Лорд Байрон, ушедший в себя, но не сломленный. Пребывающий в одиночестве и взирающий на море, туда, где лежит родная Англия. Но я, изгнанник, может, никогда...»

Ох, черт!

Фрэн расстроила не столько сама мысль, сколько собственное душевное состояние, о котором эта мысль свидетельствовала. Ее молодой человек — и ведь она думала, что любит его, — сидел там, вдалеке, а она стояла здесь и посмеивалась над ним у него за спиной.

Она пошла по пирсу, осторожно выбирая путь среди торчащих камней и трещин. Этот старый пирс когда-то был частью волнолома. Теперь же большинство яхт и катеров швартовалось у южной оконечности города, где построили три пристани и семь дешевых мотелей и жизнь бурлила все лето.

Фрэнни шагала медленно, изо всех сил стараясь сжиться с мыслью, что могла разлюбить Джесси за одиннадцать дней, прошедших с того момента, как она узнала, что, по выражению Эми Лаудер, «немножко беременна». Ну что ж, в конце концов, это он довел ее до жизни такой, верно?

Но не он один, это уж точно. Она же принимала таблетки. С этим, как выяснилось, все проще пареной репы. Идешь в поликлинику кампуса, говоришь врачу, что у тебя болезненно протe-

---

* Эстер Прин — главная героиня романа «Алая буква» американского писателя Натаниэля Готорна (1804—1864).

кают менструации и на коже появляется сыпь. Доктор выписывает рецепт. В действительности же он выписывает месяц сексуальной свободы.

Она вновь остановилась, на этот раз уже в отдалении от берега — справа и слева от нее бежали волны. Ей пришло в голову, что доктора из поликлиники, возможно, столько же раз слышали о болезненной менструации и прыщах на коже, сколько аптекари о том, как «мой брат попросил меня купить эти презервативы», — а в последние годы, наверное, еще чаще. Ей ничего не стоило просто пойти к врачу и сказать: «Дайте мне таблетки. Я собираюсь трахаться». Возраст-то позволял. К чему эта стеснительность? Она посмотрела на спину Джесси и вздохнула. К тому, что стеснительность становится образом жизни. И Фрэнни двинулась дальше.

В любом случае таблетка не сработала. Кто-то в отделе технического контроля на старой доброй фабрике по производству оврила заснул не вовремя. Или она забыла принять таблетку, а потом забыла о том, что забыла это сделать.

Она неслышно подошла к Джесси и положила руки ему на плечи.

Джесси, сжимавший камушки в левой руке, а правой отправлявший их в глубины Атлантики, вскрикнул и вскочил. Камушки рассыпались, и он едва не сшиб Фрэнни в воду. И сам чуть не упал головой вниз.

Рассмеявшись, Фрэнни подалась назад, прикрывая руками рот. Джесси, хорошо сложенный молодой человек в очках с тонкой золотой оправой, с черными волосами и правильными чертами лица, которые, к вечному сожалению означенного молодого человека, не могли выразить всей чуткости его натуры, в ярости обернулся.

— Ты меня *дьявольски испугала*! — проревел он.

— Ох, Джесс! — Она все смеялась. — Ох, Джесс, извини меня, но это было так забавно, действительно забавно.

— Мы чуть не упали в воду! — В негодовании он шагнул к ней.

Она отступила назад, чтобы сохранить дистанцию, споткнулась о камень, плюхнулась на пятую точку. Ее челюсти сомкнулись, прикусив язык. Боже, какая боль! И Фрэнни разом перестала смеяться, словно ее смех отхватили ножом. Сам факт такого внезапного умолкания — выключи меня, я радио! — показался ей

еще более забавным, и она вновь засмеялась, несмотря на то что язык кровоточил, а из глаз хлынули слезы боли.

— Ты в порядке, Фрэнни? — Джесси опустился на колени рядом с ней, на его лице читалась тревога.

«Я все-таки люблю его, — подумала она с некоторым облегчением. — Ну что ж, тем лучше для меня».

— Ты ушиблась, Фрэн?

— Ушиблась только моя гордость. — Она позволила Джесси помочь ей встать. — И еще я прикусила язык. Видишь? — Она показала ему язык, рассчитывая получить в ответ улыбку, но он нахмурился.

— Господи, Фрэн, да у тебя кровь. — Он достал из заднего кармана носовой платок, с сомнением посмотрел на него и положил обратно. Она представила себе, как они рука об руку возвращаются к стоянке, молодые влюбленные под ярким солнцем, и у нее изо рта торчит скомканный платок. Она приветствует улыбающегося, благожелательного Гаса и говорит: «До-ы-де».

Фрэнни опять засмеялась, несмотря на то что язык сильно болел, а от привкуса крови во рту немного мутило.

— Отвернись, — строго попросила она. — Я собираюсь нарушить правила хорошего тона для молодых леди.

Улыбаясь, он театрально прикрыл глаза. Фрэн присела, опираясь на одну руку, наклонилась над водой и сплюнула — ярко-красной слюной. Еще. И еще раз. Наконец рот вроде бы очистился, она оглянулась и увидела, что он подсматривает сквозь пальцы.

— Извини. Я такая дура.

— Нет, — заверил ее Джесси, явно имея в виду «да».

— Давай найдем где-нибудь мороженое? — предложила она. — Ты ведешь машину, а я покупаю.

— Решено. — Он встал сам, вновь помог ей подняться. Фрэн опять сплюнула. Ярко-красным.

— Я ведь не откусила кусок? — опасливо спросила она.

— Не знаю, — весело ответил Джесси. — Или ты его проглотила?

Ее рука метнулась ко рту.

— Это не смешно!

— Да. Извини меня. Ты просто прикусила его, Фрэнни.

— В языке проходят какие-нибудь артерии?

Теперь, взявшись за руки, они шагали по пирсу в обратном направлении. Время от времени она сплевывала в воду слюну. Ярко-красную. Глотать кровь она не собиралась.

— Нет.

— Хорошо. — Она сжала его руку и ободряюще улыбнулась. — Я беременна.

— Правда? Это хорошо. Знаешь, кого я видел в Порт...

Он остановился и посмотрел на нее, его лицо внезапно стало жестким и очень, очень настороженным. От такой перемены у нее защемило сердце.

— Что ты сказала?

— Я беременна. — Она широко улыбнулась ему и сплюнула с пирса в воду. Ярко-красным.

— Удачная шутка, Фрэнни... — В его голосе слышалась неуверенность.

— Это не шутка.

Он продолжал пристально всматриваться в нее. Через некоторое время они двинулись дальше. Когда они пересекали автостоянку, Гас вышел и помахал им. Фрэнни помахала в ответ. Джесси тоже.

Они заехали в «Дейри куин» на федеральном шоссе 1. Джесси взял кока-колу и глубокомысленно попивал ее за рулем «вольво». Фрэн он принес заказанное ею мороженое, «Банана боут суприм». Она сидела, прислонившись к двери, в двух футах от Джесси и ложечкой ела орешки, ананасовый соус и эрзац-мороженое «Дейри куин».

— Ты знаешь, что мороженое в «Ди-кью» — это по большей части пузырьки воздуха? Знаешь? А многие даже не подозревают.

Джесси смотрел на нее и молчал.

— Это правда, — продолжила Фрэн. — Эти машины, выдающие мороженое, на самом деле продают пузырьки воздуха. Поэтому мороженое в «Дейри куин» такое дешевое. Нам рассказывали об этом на теории бизнеса. Есть много способов снять сливки.

Джесси смотрел на нее и молчал.

— Поэтому, если хочешь настоящего мороженого, надо идти в какое-нибудь место вроде «Кафе-мороженого Диринга» и там...

Она разрыдалась.

Он придвинулся и обхватил ладонями ее шею.

— Фрэнни, не надо. Пожалуйста.

— «Банана боут» капает на меня. — Она продолжала плакать.

Носовой платок вновь появился на свет, и Джесси вытер капли растаявшего мороженого. К тому времени рыдания перешли во всхлипывания.

— «Банана боут суприм» с кровяным соусом. — Фрэнни взглянула на него покрасневшими глазами. — Больше есть не могу. Извини, Джесс, ты не выбросишь?

— Разумеется, — сухо ответил он.

Взял мороженое, вылез из машины и выбросил его в урну.

«У него забавная походка, — подумала Фрэн, — словно его сильно двинули в то место, которое у парней самое чувствительное». В какой-то степени, полагала она, его действительно ударили именно туда. Но если взглянуть на все это с другой стороны, то и у нее была именно такая походка после того, как он лишил ее девственности на пляже. Между ног зудело, как при опрелости. Только от опрелости не беременеют.

Он вернулся и сел в машину.

— Ты действительно беременна, Фрэн? — резко спросил он.

— Действительно.

— Как... как это случилось? Я думал, ты предохраняешься.

— Я предполагаю следующее: первое, кто-то из отдела технического контроля старой доброй фабрики по производству оврила заснул и не отбраковал мою пачку таблеток, когда она проходила по конвейеру, или второе, в университетской столовой парней кормят каким-то активатором спермы, или третье, я забыла принять таблетку, а потом забыла о том, что забыла.

Она так строго, скупо, ослепительно улыбнулась ему, что он чуть отпрянул.

— Чего ты так злишься, Фрэн? Я ведь только спросил.

— Ну что ж, попробую ответить на твой вопрос иначе: теплой апрельской ночью, должно быть, двенадцатого, тринадцатого или четырнадцатого числа, ты ввел пенис в мое влагалище, испытал оргазм и изверг семя с миллионами...

— Прекрати! — резко оборвал он ее. — Ты не должна...

— Не должна — что? — Внешне ей удавалось сохранять каменное спокойствие, но внутри зашевелился страх. Представляя себе эту сцену, она не думала, что все произойдет именно так.

— Не должна так злиться, — мягко закончил он. — Я не собираюсь бросать тебя.

— Хорошо. — И Фрэнни сдержала эмоции. А ведь в тот момент она могла оторвать его руку от руля, сжать ее и полностью устранить возникшую между ними трещину. Но не сумела заставить себя это сделать. Он не имел никакого права рассчитывать на то, что она будет утешать его, каким бы бессознательным и тайным ни было это желание. Фрэнни внезапно поняла, что, так или иначе, на какое-то время о забавах и приятном времяпрепровождении придется забыть. От этой мысли ей вновь захотелось плакать, но уж тут она не дала воли слезам. Фрэнни Голдсмит, дочь Питера Голдсмита, не собиралась сидеть на автомобильной стоянке «Дейри куин» в Оганквите и реветь.

— И что ты собираешься делать? — спросил Джесси, доставая сигареты.

— Что *ты* собираешься делать?

Он щелкнул зажигалкой, и на мгновение, пока сигаретный дым наполнял его легкие, она ясно увидела, как мужчина и мальчик борются за контроль над одним лицом.

— Ох, черт! — вырвалось у него.

— Как я понимаю, возможны варианты. — Дожидаться ответа на свой вопрос она не стала. — Мы можем пожениться и сохранить ребенка. Мы можем пожениться и отказаться от ребенка. Или мы не поженимся, но я сохраню ребенка. Или...

— *Фрэнни...*

— *Или мы не поженимся*, и я откажусь от ребенка. Или я сделаю аборт. Это исчерпывает все возможности? Я ничего не упустила?

— Фрэнни, разве мы не можем просто поговорить...

— Мы и *разговариваем*! — Она сверкнула глазами. — У тебя был шанс, и ты сказал: «Ох, черт!» В точности твои слова. А я просто расписала тебе возможные варианты. Разумеется, я располагала временем, чтобы их обдумать.

— Хочешь сигарету?

— Нет. Это вредно для ребенка.

— Фрэнни, черт побери!

— Почему ты орешь? — мягко спросила она.

— Потому что ты изо всех сил пытаешься довести меня до белого каления! — гневно бросил Джесси. Потом взял себя в

руки. — Извини. Я просто не могу согласиться с тем, что это моя вина.

— Не можешь? — Она посмотрела на него, изогнув бровь. — Се, Дева во чреве приимет*...

— Почему ты все время издеваешься? Ты сказала, что принимаешь таблетки. Я поверил тебе на слово. Напрасно?

— Нет. Не напрасно. Но это дела не меняет.

— Это точно, — мрачно согласился он и выбросил за окно недокуренную сигарету. — И что мы будем делать?

— Ты все спрашиваешь меня, Джесс. Я уже обрисовала вкратце возможные варианты, какими я их вижу. Думала, может, у тебя тоже появились какие-нибудь соображения. Еще, правда, есть самоубийство, но в настоящий момент я исключаю его из рассмотрения. Так что выбирай, что тебе больше понравилось, и давай обсудим.

— Давай поженимся, — неожиданно решительно сказал Джесси. Он выглядел как человек, который окончательно понял, что распутать гордиев узел можно, лишь разрубив его пополам. Полный вперед, а нытиков загоним в трюм.

— Нет, — ответила она. — Я не хочу выходить за тебя.

Как будто его лицо держалось на невидимых болтах, а тут внезапно их отвернули на полтора оборота. Все немедленно провисло. И выглядел он в этот момент настолько смешным, что ей пришлось потереться израненным языком о шершавое нёбо, чтобы не захихикать вновь. Ей не хотелось смеяться над Джесси.

— Почему нет? — спросил он. — Фрэн...

— Мне надо подумать почему. Я не дам втянуть меня в обсуждение причин, по которым я говорю тебе «нет», потому что сейчас они мне неизвестны.

— Ты не любишь меня! — В его голосе звучала обида.

— В большинстве случаев любовь и брак исключают друг друга. Выбери другой вариант.

Он долго молчал, вертя в пальцах новую сигарету, но не закуривая. Наконец заговорил:

— Я не могу выбрать другой вариант, Фрэнни, так как ты не хочешь обсуждать этот. Ты хочешь застыдить меня.

---

* Евангелие от Матфея, 1:23. Речь о непорочном зачатии Девы Марии.

Это ее чуть тронуло. Она кивнула:

— Может быть, ты и прав. Последнюю пару недель я стыдила только себя. А теперь, Джесс, ты ведешь себя как типичный студент. Если на тебя нападет грабитель с ножом, ты и ему устроишь семинар.

— Ради Бога!

— Выбери другой вариант.

— Нет. Ты уже все обдумала. Может быть, и мне нужно время на размышления.

— Ладно. Тебя не затруднит отвезти нас обратно к стоянке? Я тебя высажу и займусь кое-какими делами.

Он удивленно уставился на нее:

— Фрэнни, я на велосипеде приехал сюда из Портленда. Снял номер в загородном мотеле. Мы же собирались провести уик-энд вместе.

— В твоем номере мотеля. Нет, Джесс. Ситуация изменилась. Ты просто садишься на свой велосипед и отправляешься обратно в Портленд. Дашь мне знать, когда какие-нибудь мысли придут тебе в голову. Можешь не торопиться.

— Прекрати издеваться надо мной, Фрэнни!

— Нет, Джесс, это ты надо мной издевался! — фыркнула она во внезапном, яростном приступе злобы, и вот тут он легонько ударил ее по щеке.

А затем, ошеломленный, вытаращился на нее:

— Прости меня, Фрэн.

— Прощаю, — бесстрастно ответила она. — Поехали.

По пути к автомобильной стоянке у городского пляжа они молчали. Фрэнни сидела, сложив руки на коленях, наблюдая, как синие клочки океана мелькают между коттеджами, построенными чуть западнее волнолома. «Они похожи на многоквартирные дома в трущобных районах, — думала она. — Кому они принадлежат, эти строения, отгородившиеся ставнями от лета, которое официально начинается менее чем через неделю? Профессорам Массачусетского технологического института? Бостонским врачам? Нью-йоркским адвокатам? А ведь их размеры ничем не примечательны — настоящие поместья на побережье принадлежат людям, состояния которых измеряются семи- и восьмизначными

числами. Но когда владельцы приедут сюда, самый низкий айкью на Прибрежной улице будет у Гаса, сторожа автостоянки. Дети будут кататься на десятискоростных велосипедах, как у Джесси, есть с родителями лобстеров, посещать театр Оганкуита, прогуливаться в теплых летних сумерках по Главной улице, пытаясь сойти за местных». Фрэнни выискивала всплески синего между налезающими друг на друга домами, отдавая себе отчет, что ее глаза вновь затуманены пленкой слез. Маленьким белым плачущим облачком.

Они приехали на стоянку, и Гас помахал им. Они помахали ему в ответ.

— Извини, что ударил тебя, — сказал Джесси глухо. — Я не хотел.

— Знаю. Ты возвращаешься в Портленд?

— На ночь я останусь здесь и позвоню тебе утром. Принимать решение должна ты, Фрэн. Если ты решишь делать аборт, я наскребу денег.

— Это сознательный каламбур?

— Нет, совсем нет. — Он подался к ней и целомудренно поцеловал. — Я люблю тебя, Фрэн.

«Я не верю тебе, — подумала она. — Я нисколько не верю тебе сейчас... но принимаю твои слова благосклонно. Это вполне в моих силах».

— Хорошо, — ровным голосом ответила она.

— Мотель «Маяк». Позвони, если захочешь.

— Ладно. — Она пересела за руль и внезапно почувствовала, как сильно устала. Прикушенный язык ужасно болел.

Он подошел к велосипеду, зацепленному за металлический поручень, повернулся к ней:

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты позвонила.

Она деланно улыбнулась:

— Посмотрим. Пока, Джесс.

Фрэнни завела двигатель, развернулась и поехала по стоянке в сторону шоссе, которое тянулось вдоль побережья. Она видела Джесси, все еще стоявшего рядом с велосипедом на фоне океана, и второй раз за этот день мысленно обвинила его в том, что он точно знает, как выглядит со стороны. Но на этот раз ощутила не раздражение, а легкую грусть. Она ехала, гадая, сможет ли

когда-нибудь воспринимать океан так же, как раньше, прежде чем все это произошло. Язык по-прежнему болел. Фрэн опустила боковое стекло пониже и сплюнула. На этот раз прозрачной слюной. Воздух пропитывал соленый запах океана, запах горьких слез.

Глава 3

Норм Бруэтт проснулся в четверть одиннадцатого утра. Его разбудила ссора детей за окном и музыка кантри, доносившаяся из радиоприемника на кухне.

Он подошел к двери во двор, как был, в мешковатых трусах и майке, и заорал:

— Мелюзга, а ну заткнулись немедленно!

На мгновение воцарилась тишина. Люк и Бобби обернулись, оторвавшись от старого ржавого грузовичка, из-за которого ссорились. Всякий раз, когда Норм смотрел на детей, его словно раздирало надвое. Сердце ныло от того, что его дети ходят в обносках, полученных в подарок от Армии спасения, наподобие тех, какие носили дети ниггеров в восточной части Арнетта. Но в то же время Норма захлестывал ужасный, исступленный гнев, требовавший, чтобы он большими шагами вышел из дома и избил сыновей до полусмерти.

— Да, папочка, — тихо ответил девятилетний Люк.

— Да, папочка, — эхом отозвался Бобби, которому пошел восьмой годик.

Норм задержался на мгновение, не отрывая от них глаз. Потом захлопнул дверь и нерешительно оглядел груду снятой вчера одежды. Она лежала у изножья продавленной двуспальной кровати, где он ее и бросил.

«Грязная сука! — пронеслось у него в голове. — Не могла даже повесить мою одежку!»

— Лайла! — завопил он.

Ответа не последовало. Норм подумал о том, чтобы вновь распахнуть дверь и спросить Люка, куда, на хрен, она ушла. Продукты и товары первой необходимости сегодня не раздавали, а если

Лайла опять поехала на биржу труда в Брейнтри, значит, она еще большая дура, чем он думал.

Но спрашивать детей Норм не стал. Он чувствовал себя разбитым, и его не отпускала тошнотворная, пульсирующая головная боль. Состояние напоминало похмелье, однако вчера он выпил только три банки пива у Хэпа. И эта чертовски неприятная история. Мертвые женщина и ребенок в машине, мужчина, Кэмпион, который умер по пути в больницу. К тому времени, когда Хэп вернулся, на заправке успели побывать и дорожный патруль, и аварийный тягач, и труповозка из Брейнтри. Вик Полфри дал показания от имени всех пятерых. Владелец похоронного бюро, он же окружной коронер, отказался делать предположения о том, что могло убить этих людей.

— Но это не холера. И не пугайте людей подобными россказнями. Будет вскрытие, и вы обо всем прочтете в газете.

«Паршивый слизняк», — подумал Норм, медленно одеваясь во вчерашнее. Головная боль все нарастала, грозя свалить с ног. Да уж, деткам лучше бы помолчать, а не то не обойдется без сломанных рук и выбитых зубов. Ну почему, на хрен, они не могут ходить в школу круглый год?

Он поразмыслил над тем, стоит ли заправлять рубашку в штаны, решил, что вряд ли президент заглянет сегодня к ним на огонек, и шаркающей походкой, в носках, поплелся на кухню. Яркие лучи солнца, бьющие в восточные окна, заставили его сощуриться.

Стоявший над плитой радиоприемник «Филко» с треснутым корпусом запел:

Кто ж мне ответит, как не ты, детка?
Поймешь ли ты своего парня, детка?
Он суперпарень, ты же знаешь, детка.
Поймешь ли ты своего парня, детка?

Дела, похоже, чертовски плохи, если местная радиостанция, обычно транслирующая кантри, пускает в эфир такой паршивый ниггерский рок-н-ролл. Норм выключил радио, опасаясь, что иначе его голова расколется на части. Рядом с радиоприемником лежала записка, он взял ее, и ему пришлось напрячь глаза, чтобы прочитать текст:

Дорогой Норм!

Салли Ходжес говорит что ей нужно чтобы кто-нибудь посидел с ее детьми сегодня утром и говорит что даст за это долар. Вернусь к лентчу. Вазьми сасиски если хочешь. Я люблю тебя дорогой.

Лайла.

Норм отложил записку и постоял, пытаясь вникнуть в ее смысл. Чертовски трудно думать, когда трещит голова. Посидеть с ребенком... доллар. Жена Ральфа Ходжеса.

Три этих обстоятельства медленно сложились у него в голове в более-менее связную картину. Лайла ушла присмотреть за тремя детьми Салли Ходжес, чтобы заработать какой-то вшивый доллар, и оставила его с Люком и Бобби на руках. Ей-богу, трудные времена настали, раз мужчина должен сидеть дома и утирать носы мальчишкам, пока его жена добывает этот чертов доллар, за который не купишь даже галлон бензина. Гребаные трудные времена.

Накатила тупая злость, отчего голова заболела еще сильнее. Волоча ноги, он добрался до «Фриджидайра» — холодильник удалось купить, когда на заводе была сверхурочная работа, — и открыл дверцу. Большинство полок пустовали, если не считать остатков вчерашней еды, которые Лайла складывала в пластиковые контейнеры. Он ненавидел эти «тапперуэры». Старые тушеные бобы. Старая кукурузная каша. Капелька соуса «чили». Пустота, одни «тапперуэры» и три старые колбаски, завернутые в тонкую полиэтиленовую пленку. Он наклонился, глядя на них, и к знакомой беспомощной злости присоединились гулкие удары головной боли. Выглядели колбаски так, будто в пленку завернули отрезанные члены трех пигмеев, которые живут в Африке, или в Южной Америке, или черт знает где. В любом случае есть Норму не хотелось. Если на то пошло, он чувствовал себя тяжелобольным.

Норм подошел к плите, чиркнул спичкой о прибитую к стене полоску наждачной бумаги, зажег ближнюю конфорку и поставил кофе. Потом присел и стал тупо ждать, пока закипит вода. Прежде чем это произошло, ему пришлось срочно выхватить из заднего кармана носовой платок и ловить сопли — так смачно он чихнул.

«Похоже, простудился, — подумал Норм. — Только этого не хватало». Но ему и в голову не пришло вспомнить о слизи, которая вчера вечером потоком текла из носа этого парня, Кэмпиона.

* * *

Хэп работал в гараже, ставил новую выхлопную трубу на «скаут»* Тони Леоминстера, а Вик Полфри раскачивался на раскладном стульчике, наблюдал за Хэпом и потягивал газировку «Доктор Пеппер», когда зазвенел звонок входной двери в конторку.

Вик скосил глаза.

— Дорожный патруль. Похоже, там твой двоюродный брат, Джо Боб.

— Ясно.

Хэп вылез из-под «скаута», вытирая руки о тряпку, и громко чихнул, пересекая конторку. Он терпеть не мог летние простуды. Самые противные.

Джо Боб Брентвуд, ростом почти шесть с половиной футов, стоял у багажника патрульной машины и заправлял бак. За ним, словно мертвые солдаты, аккуратно лежали три сбитые Кэмпионом колонки.

— Привет, Джо Боб. — Хэп вышел из конторки.

— Хэп, сукин ты сын. — Джо Боб переключил колонку в автоматический режим и перешагнул через шланг. — Повезло же тебе, что этим утром твоя заправка на прежнем месте.

— Черт, Стью Редман заметил, как этот парень подъезжает, и вырубил колонки. Искры так и летели.

— Все равно повезло. Слушай, Хэп, я ведь приехал не только для того, чтобы заправиться.

— Да?

Джо Боб перевел взгляд на Вика, который стоял у двери конторки.

— Этот старикан был здесь вчера?

— Кто? Вик? Да, он приходит почти каждый вечер.

— Может он держать язык за зубами?

— Ну да. Ему можно доверять.

Автоматическая подача отключилась. Хэп выдавил из шланга остатки бензина центов на двадцать, затем вставил пистолет в гнездо и выключил колонку. Вернулся к Джо Бобу.

— Ну? Так в чем же дело?

— Пошли-ка лучше внутрь. Старика тоже зови. И если есть возможность, позвони всем остальным, кто был здесь вчера.

---

* «Скаут» — пикап производства компании «Интернэшнл харвестер».

Они пересекли полоску асфальта и вошли в конторку.

— С добрым утром, патрульный, — поздоровался Вик.

Джо Боб кивнул.

— Кофе? — спросил Хэп.

— Пожалуй, нет. — Полицейский окинул их тяжелым взглядом. — Не знаю, понравится ли моему начальству, что я тут с вами разговариваю. Не думаю, что они очень обрадуются. В общем, когда эти парни заявятся сюда, не говорите им, что я вас предупредил, ладно?

— Какие парни, патрульный?

— Парни из департамента здравоохранения, — пояснил Джо Боб.

— О Господи, *все-таки* холера! Я *так* и знал! — воскликнул Вик.

Хэп переводил взгляд с Вика на своего двоюродного брата.

— Джо Боб?

— Я ничего не знаю, — сказал Джо Боб, усаживаясь на один из пластиковых стульев. Его костлявые колени доставали чуть ли не до подбородка. Он вытащил из кармана форменной рубашки пачку «Честерфилда» и закурил. — Финнеган, коронер...

— Этот хитрожопый! — яростно фыркнул Хэп. — Видел бы ты его здесь вчера, Джо Боб! Раздувался, как индюк, у которого впервые встал. Затыкал людям рот и все такое.

— Большая жаба в маленькой луже, это точно, — согласился Джо Боб. — Так вот, он позвал доктора Джеймса, чтобы тот взглянул на Кэмпиона, а затем оба позвали другого доктора, которого я не знаю. Потом все трое позвонили в Хьюстон. И около трех часов ночи они приземлились в маленьком аэропорту рядом с Брейнтри.

— Они — это кто?

— Патологоанатомы. Трое. Провозились с трупами до восьми часов. Вскрывали, наверное. Затем связались по телефону с Противоэпидемическим центром Атланты, и тамошние ребята приедут сюда сегодня. А пока они сказали, что департамент здравоохранения должен прислать сюда людей, чтобы осмотреть тех, кто был на станции прошлым вечером, и тех, кто отвозил Кэмпиона в Брейнтри. Точно не знаю, но мне кажется, что вас хотят посадить на карантин.

— Моисей в кусте! — испуганно вырвалось у Хэпа.

— У Противоэпидемического центра Атланты федеральный статус, — заметил Вик. — Стали бы они присылать сюда целый самолет федералов из-за обычной холеры?

— Понятия не имею, — ответил Джо Боб. — Но я подумал, что вы имеете право знать. Судя по тому, что я слышал, вы просто пытались помочь.

— Спасибо, Джо Боб, — медленно кивнул Хэп. — А что сказали Джеймс и другой доктор?

— Не слишком много. Но оба выглядели испуганными. Я никогда не видел врачей такими испуганными. Мне это не нравится.

Повисла тяжелая тишина. Джо Боб подошел к торговому автомату и купил бутылку «Фрески». Открыл, и послышался слабый шипящий звук пенящейся цитрусовой газировки. Когда Джо Боб вернулся на место, Хэп вытащил бумажную салфетку из ящичка рядом с кассовым аппаратом и высморкался.

— А что вы выяснили про Кэмпиона? — поинтересовался Вик. — Что-нибудь узнали?

— Проверка продолжается, — важно ответил Джо Боб. — В удостоверении личности указано, что он из Сан-Диего, но многие бумаги, найденные в бумажнике, просрочены на два-три года. Срок действия водительского удостоверения истек. Кредитку «Банк Америки» выдал ему в восемьдесят шестом году, и она тоже просрочена. В бумажнике лежал военный билет, так что мы связались с их ведомством. Капитан предполагает, что Кэмпион не жил в Сан-Диего года четыре.

— Дезертир? — предположил Вик. Достал из кармана большой красный платок и, откашлявшись, сплюнул в него.

— Еще не знаем. Но в военном билете указано, что он находится на действительной службе до девяносто седьмого года. А ведь он был в гражданской одежде, с семьей, да и к тому же далековато от Калифорнии. Ох, что-то я разболтался.

— Хорошо, я свяжусь с остальными и передам им все, что ты рассказал, — кивнул Хэп. — Спасибо тебе.

Джо Боб поднялся.

— Не за что. Только не упоминай мое имя. Мне что-то не хочется потерять работу. Твоим дружкам ведь не обязательно знать, откуда тебе все это известно?

— Не обязательно, — ответил Хэп, а Вик согласно кивнул.

Когда Джо Боб направился к двери, его остановил голос Хэпа, в котором слышались извиняющиеся нотки:

— С тебя пятерка за бензин, Джо Боб. Я бы не стал брать с тебя деньги, но дела такие хреновые...

— Все нормально. — Джо Боб протянул ему кредитную карту. — Платит штат. Да и кассовый чек объяснит, чего я к вам заезжал.

Заполняя чек, Хэп чихнул дважды.

— Будь осторожнее, — предупредил его Джо Боб. — Нет ничего хуже, чем летние простуды.

— Мне ли этого не знать?

— Может, это и не простуда, — внезапно раздался за их спинами голос Вика.

Они повернулись к нему. Вик выглядел испуганным.

— Я проснулся сегодня утром, чихая и кашляя так, словно мне уже шестьдесят, — продолжил Вик. — Да и голова сильно болела. Я принял аспирин, и стало немного полегче, но нос все равно забит соплями. Может быть, мы все заразились. Той самой болезнью, что была у Кэмпиона. От которой он умер.

Хэп посмотрел на него долгим взглядом и в тот самый момент, когда собрался изложить причины, по которым этого быть не могло, снова чихнул.

Джо Боб окинул взглядом их обоих.

— Знаешь, неплохо бы закрыть заправку, Хэп. Хотя бы на один день.

Хэп испуганно посмотрел на него и попытался вспомнить все свои возражения. Но они как сквозь землю провалились. Помнил он лишь о том, что сегодня утром тоже проснулся с головной болью и насморком. Что ж, все время от времени простужаются. Только ведь до появления этого Кэмпиона он чувствовал себя нормально. Абсолютно нормально.

Троим маленьким Ходжесам было соответственно шесть лет, четыре года и восемнадцать месяцев. Двое младших спали, а старший копал яму во дворе. Лайла Бруэтт сидела в гостиной и смотрела по телевизору очередную серию «Молодых и дерзких». Она надеялась, что Салли не вернется до окончания фильма. Ральф Ходжес купил большой цветной телевизор, когда в Арнетте еще

не наступили такие тяжелые времена, и Лайле нравилось смотреть дневные сериалы в цвете. Все выглядело куда красивее.

Она затянулась сигаретой и закашлялась. Пошла на кухню, сплюнула в раковину, смыла слизь водой. Лайла проснулась с кашлем, и весь день ей казалось, будто кто-то щекочет гортань перышком.

Она вернулась в гостиную и через окно выглянула во двор, чтобы убедиться, что с Бертом Ходжесом все в порядке. Показывали рекламный ролик, и на экране танцевали две бутылки чистящего средства для унитаза. Лайла оторвалась от телевизора и оглядела комнату. Ей хотелось, чтобы ее собственный дом выглядел так же мило. Салли нашла себе хобби — картины-раскраски с изображением Христа, и теперь они висели по всей гостиной в красивых рамках. Больше всего Лайле нравилась внушительных размеров «Тайная вечеря» над телевизором. Салли говорила, что для этой картины пришлось использовать шестьдесят масляных красок разных цветов, а работа заняла почти три месяца. Так что получилось настоящее произведение искусства.

Едва реклама кончилась, малютка Черил подняла крик — визгливые вопли перемежались взрывами кашля.

Лайла отложила сигарету и поспешила в спальню. Четырехлетняя Ева продолжала спать, но Черил лежала на спине в своей кроватке, и лицо ее приобрело тревожный пунцовый оттенок. Крики стали придушенными.

Лайла не боялась крупа с тех пор, как им переболели оба ее ребенка. Она перевернула малютку Черил вниз головой и сильно похлопала по спине. Лайла не знала, рекомендовал ли доктор Спок такой метод лечения или нет, потому что не читала его книг, но с Черил все получилось как нельзя лучше. Малышка квакнула, как лягушка, и неожиданно выплюнула на пол сгусток желтой слизи.

— Полегчало? — спросила Лайла.

— Да-а-а, — протянула малютка Черил. Она уже снова почти спала.

Лайла вытерла пол бумажной салфеткой. Ей никогда не приходилось видеть такой обильной мокроты у ребенка.

Она вновь села перед телевизором, чтобы досмотреть «Молодых и дерзких», закурила новую сигарету, чихнула на первой же затяжке и сама зашлась в приступе кашля.

Глава 4

Солнце зашло час назад.

Старки в одиночестве сидел за длинным столом, перебирая листы тонкой желтой бумаги. Они, точнее, написанное на них приводило его в смятение. Он служил своей стране уже тридцать шесть лет, начав затюканным курсантом в Вест-Пойнте. Его награждали орденами. Он разговаривал с президентами, давал им советы, и иногда эти советы принимались. Ему и раньше приходилось попадать в трудные ситуации, причем достаточно часто, но теперь...

Он боялся, так сильно боялся, что едва решался признаться в этом самому себе. Такой страх мог свести с ума.

Он вскочил и направился к стене, с которой на него смотрели пять темных телевизионных экранов. Поднимаясь, ударился коленом об стол, и один листок упал. Он медленно планировал в пропущенном через очистители воздухе, пока не приземлился на плитки пола, наполовину в тени стола, наполовину на свету. На листке было написано следующее:

НЕ ПОДТВЕРЖДЕН
ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ЛОГИЧНЫМ
ШТАММ С ИНДЕКСОМ 848-АВ
КЭМПИОН (Ж.) САЛЛИ
СДВИГ И МУТАЦИЯ АНТИГЕНА.
РИСК/ПРЕВЫШАЮЩАЯ НОРМУ СМЕРТНОСТЬ
И РАСЧЕТНАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ ЗАРАЖЕНИЯ
ПОВТОРЯЮ 99,4%. ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ПОНИМАЕТ. ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ ПРОЕКТ СИНЕВА.
КОНЕЦ

Р-Т-222312А

Старки нажал кнопку под центральным монитором. Изображение появилось с обескураживающей быстротой, свойственной надежному оборудованию государственного учреждения. На экране возникла пустыня в западной Калифорнии. В поле зрения камеры не попало ни единого человека, и безлюдность эта выглядела жутковато из-за пурпурно-красного оттенка, который придавала изображению инфракрасная съемка.

«Он прямо там, впереди, — подумал Старки. — Проект "Синева"».

Страх вновь попытался захлестнуть его. Он полез в карман и вытащил синюю таблетку. Дочь называла их «расслаблялками». Название значения не имело в отличие от результата. Он проглотил таблетку, не запивая, суровое лицо скривилось, когда она проскакивала в желудок.

Проект «Синева».

Он осмотрел остальные — выключенные — мониторы, а затем нажал кнопку под каждым из них. Четвертый и пятый показывали лаборатории. Четвертый — физическую, пятый — вирусной биологии. В лаборатории ВБ стояло множество клеток с животными, преимущественно с морскими свинками и макаками-резусами, несколько — с собаками. И никто из них, похоже, не спал. В физической лаборатории до сих пор крутилась небольшая центрифуга. Старки это не нравилось. *Совершенно* не нравилось. Мурашки бежали по коже потому, что центрифуга радостно крутилась, и крутилась, и крутилась, в то время как доктор Эзвик лежал рядом на полу, неуклюже раскинувшись, напоминая пугало, не устоявшее под напором сильного ветра.

Ему объяснили, что центрифуга работает от того же источника электропитания, что и освещение, поэтому выключить ее можно только вместе со светом. А камеры в лабораториях не приспособлены для съемки в инфракрасном диапазоне. Старки все понимал. Ведь еще какие-нибудь ублюдки могли заявиться из Вашингтона, чтобы посмотреть на труп лауреата Нобелевской премии, лежащий в четырехстах футах под землей, меньше чем в миле отсюда. Если выключим центрифугу, выключим и профессора. Элементарно. Дочь назвала бы такую ситуацию «Уловка-22».

Он принял еще одну таблетку и посмотрел на монитор номер два. Картинка на нем нравилась ему меньше всего. Да и кому мог понравиться человек, упавший лицом в миску супа? Представьте себе, к вам подходят и говорят: *Ты проведешь вечность, уткнувшись мордой в миску супа*. Это как старый киношный комический трюк, когда тортом запускают кому-то в физиономию: ничуть не смешно, если этот кто-то — ты сам.

Монитор номер два показывал столовую проекта «Синева». Все произошло аккурат между сменами, поэтому народу в ней

было немного. Старки полагал, что для сотрудников проекта не имело особого значения, где они умерли — в столовой, или в своих комнатах, или в лабораториях. И все-таки этот человек с лицом в супе...

Мужчина и женщина в синих комбинезонах лежали у автомата со сладостями. Мужчина в белом комбинезоне — у музыкального автомата «Сиберг». Девять мужчин и четырнадцать женщин умерли за столиками. У одних голова соседствовала с пирожным «Твинкис», у других — с лужей колы или спрайта, выплеснувшихся из бумажных стаканчиков, которые смяли руки покойников. Но человеку — в нем потом опознают доктора Фрэнка Д. Брюса — за вторым столиком, ближе к двери, совсем уж не повезло. Его лицо уткнулось в миску супа «Кэмпбелл» с кусочками говяжьей вырезки.

Монитор номер один показывал только электронные часы. До тринадцатого июня все цифры на них были зеленого цвета. Теперь они стали ярко-красными. На часах застыло: 13.06.90 02.37.16.

Тринадцатое июня тысяча девятьсот девяностого года. Два часа тридцать семь минут. И еще шестнадцать секунд.

За спиной коротко звякнуло.

Старки один за другим выключил мониторы и обернулся. Увидел, что один из желтых листов лежит на полу, и поднял его.

— Войдите.

В дверях появился Крайтон. Очень серьезный и бледный как мел.

«Опять плохие новости, — невозмутимо подумал Старки. — Кто-нибудь еще совершил затяжной прыжок в миску холодного супа с кусочками вырезки».

— Привет, Лен, — спокойно поздоровался он.

Лен Крайтон кивнул в ответ:

— Билли. Эти... Боже, я не знаю, как тебе об этом сказать.

— Я думаю, по одному слову за раз — наилучший вариант, солдат.

— Эти люди, которые переносили тело Кэмпиона, проходят предварительное обследование в Атланте, и новости неутешительные.

— Все заражены?

— По крайней мере пятеро. Есть там один парень — его зовут Стюарт Редман, — так вот, у него пока отрицательная реакция. Но, насколько нам известно, и у Кэмпиона первые пятьдесят часов реакция оставалась отрицательной.

— Если бы Кэмпион не сбежал, — вздохнул Старки. — Там оказалась хреновая система безопасности, Лен. На редкость хреновая.

Крайтон кивнул.

— Продолжай.

— В Арнетте введен карантин. Мы уже изолировали как минимум шестнадцать человек, зараженных постоянно мутирующим вирусом гриппа А-прайм. И это только те, у кого проявились явные симптомы.

— Средства массовой информации?

— Пока все тихо. Они верят в то, что это сибирская язва.

— Что еще?

— Одна очень серьезная проблема. Джозеф Роберт Брентвуд, патрульный дорожной полиции Техаса. Его двоюродному брату принадлежит та самая заправка, где Кэмпион закончил свое путешествие. Он заехал вчера утром к Хэпскомбу, чтобы предупредить, что приезжают люди из департамента здравоохранения. Мы задержали его три часа назад, и сейчас он на пути в Атланту. Но до этого Брентвуд объехал на патрульной машине половину восточного Техаса. Одному-Богу известно, со сколькими людьми он вступил в контакт за это время.

— Черт! — выдохнул Старки — и сам испугался водянистой слабости своего голоса и холодка, который зародился где-то в яйцах и теперь подбирался к животу. «Расчетная вероятность заражения девяносто девять целых четыре десятых процента», — подумал он. Эта фраза вертелась и вертелась у него в голове. И означала, в свою очередь, девяносто девять целых четыре десятых процента летальных исходов, поскольку человеческий организм не мог производить антитела, способные уничтожить постоянно мутирующий вирус. Как только нужные антитела появлялись, вирус просто мутировал и переходил в новую, слегка отличную от предыдущей форму. По этой же причине практически не представлялось возможным и создание вакцины.

Девяносто девять целых и четыре десятых процента.

— Господи. Это все?

— Ну...

— Давай же. Заканчивай.

Крайтон тянуть не стал.

— Хаммер мертв, Билли. Самоубийство. Он выстрелил себе в глаз из табельного пистолета. Материалы по проекту «Синева» лежали у него на столе. Мне кажется, он подумал, что они представляют собой вполне исчерпывающую предсмертную записку.

Старки закрыл глаза. Вик Хаммер, его... был его зятем. И как он скажет об этом Синтии? «Мне очень жаль, Синти. Вик сегодня нырнул с вышки в миску холодного супа. Вот, прими «расслаблялку». Видишь ли, это цепь досадных случайностей. Анализатор оказался с дефектом. А еще кто-то забыл повернуть рубильник, отсекающий базу от внешнего мира. Запаздывание составило сорок пять секунд, но этого хватило. Анализаторы эти на нашем жаргоне называют «нюхачами». Их изготовили в Портленде, штат Орегон, по контракту министерства обороны 164480966. «Нюхачей» собирают на отдельных конвейерах женщины-техники, и сборка организована таким образом, что никто из них знать не знает, чем они занимаются. Одна, вероятно, думала о том, что приготовить на ужин, а другая, которой полагалось проверять работу первой, размышляла об обмене семейного автомобиля. И наконец, последняя случайность: охранник, находившийся на посту наблюдения номер четыре, кстати, его фамилия Кэмпион, увидел, как цифры поменяли цвет на красный, и успел уйти, прежде чем двери захлопнулись и сработали магнитные замки. Потом он забрал свою семью и уехал. Проскочил главные ворота за четыре минуты до того, как завыли сирены и мы блокировали всю базу. И никто не искал его еще целый час, потому что на постах наблюдения не стоят камеры слежения — на каком-то этапе приходится прекращать охранять охранников, иначе мы все тут превратимся в надзирателей, — и все полагали, что он на месте, ждет, пока «нюхачи» отделят чистые зоны от зараженных. Таким образом, он получил немалую фору, и ему хватило ума воспользоваться проселочными дорогами; более того, его автомобиль не застрял ни на одной из них. Потом кому-то пришлось принимать волевое решение, ставить ли в известность дорожную полицию, или ФБР, или оба этих ведомства, и все метались из стороны в сторону, и к тому времени, когда кто-то решил, что разгребать дерьмо должна Контора, этот говнюк-везунчик — этот удачливый больной гов-

нюк — добрался до Техаса, а когда его наконец-то настигли, он уже никуда не бежал, потому что лежал в морге, вместе с женой и дочерью. В морге Богом забытого маленького городка, именуемого Брейнтри. Брейнтри, штат Техас. Короче, Синти, я пытаюсь объяснить, что все это — цепь случайностей, и вероятность такого развития событий была ниже, чем вероятность выигрыша в Ирландской лотерее. К счастью, эту вероятность, конечно, чуть повысила некомпетентность... я хотел сказать, к несчастью, пожалуйста, извини меня, но главным образом причина в том, что все эти случайности наложились друг на друга. Вины твоего мужа в этом нет. Однако он возглавлял проект и понял, что ситуация выходит из-под контроля, и тогда...»

— Спасибо, Лен, — поблагодарил он Крайтона.

— Билли, не хочешь ли ты...

— Я поднимусь через десять минут. Пожалуйста, оповести всех, что совещание генштаба начнется через четверть часа. Если они в постелях, лай им пинка, чтобы шевелились.

— Да, сэр.

— И, Лен...

— Да?

— Я рад, что именно ты сообщил мне об этом.

— Да, сэр.

Крайтон вышел. Старки посмотрел на часы. Потом подошел к мониторам, вмонтированным в стену. Включил номер два и, заложив руки за спину, задумчиво уставился на безмолвную столовую проекта «Синева».

Глава 5

Ларри Андервуд повернул за угол и нашел место для парковки, достаточно широкое, чтобы втиснуть свой «датсун-зет» между пожарным гидрантом и чьим-то заполненным доверху и лежащим на боку мусорным контейнером. В нем лежало что-то мерзкое, и Ларри попытался убедить себя в том, что в действительности не видел окоченевший труп кошки, в белый живот которой вгрызалась крыса. Она рванула в темноту от света фар его автомобиля, и ему не составило бы труда поверить, что ее и вов-

се не было. Кошка, однако, никуда не делась, и, глуша двигатель «зет», Ларри пришел к выводу, что если веришь в одно, придется поверить и в другое. Ведь говорили же, что в Париже самая большая популяция крыс во всем мире? Благодаря старым дренажным и канализационным системам. А Нью-Йорк не сильно уступал Парижу, и если Ларри не изменяли воспоминания о растраченном впустую детстве, отнюдь не все нью-йоркские крысы были четвероногими. И зачем он вообще паркуется у этого разваливающегося городского особняка, размышляя о крысах?

Пятью днями ранее, четырнадцатого июня, Ларри пребывал в солнечной южной Калифорнии — этом пристанище наркоманов, сектантов, единственных в мире круглосуточных ночных клубов с танцовщицами гоу-гоу и «Диснейленда». Нынешним же утром, без четверти четыре, он прибыл на побережье другого океана и заплатил за проезд по мосту Трайборо. Сыпал унылый мелкий дождь. Только в Нью-Йорке мелкий летний дождь может казаться таким невыносимо унылым. Ларри видел, как дождевые капельки сливались на ветровом стекле «датсуна», а восточный небосклон уже начала подсвечивать заря.

Дорогой Нью-Йорк, я снова дома.

Может быть, «Янкиз» в городе. Хоть какое-то оправдание для путешествия. Доехать на подземке до Стадиона, пить пиво, есть хот-доги и наблюдать за тем, как «Янкиз» громят Кливленд или Бостон...

Мысли унесли его куда-то прочь, а вернувшись в Нью-Йорк, он увидел, что стало заметно светлее. Часы на приборной панели показывали 6.05. Похоже, он задремал. И теперь убедился, что крыса настоящая. Потому что она вернулась. И уже выгрызла немалую дыру во внутренностях кошки. Пустой желудок Ларри трепыхнулся. Он было собрался посигналить и прогнать крысу, но взглянул на спящие дома, охраняемые пустыми мусорными контейнерами, и передумал.

Он просто сполз пониже в ковшеобразном водительском кресле, чтобы не видеть, как крыса завтракает. «Только заморю червячка, мой дорогой человек, и тут же обратно, в тоннели подземки. Возможно, мне еще доведется увидеть тебя, старина. Хотя я очень сомневаюсь, что ты при этом тоже увидишь меня».

Фасад здания украшали написанные краской из баллончиков слоганы загадочного и зловещего содержания: «ЧИКО 116»,

«ЗОРРО 93», «МАЛЫШ ЭБИ № 1». Когда Ларри был маленьким, до того как умер отец, этот район выглядел респектабельно. Два каменных пса охраняли ступени, ведущие к двустворчатой двери. За год до того, как он уехал на западное побережье, хулиганы разбили туловище правого пса, до самых лап. Теперь от обеих скульптур осталась одна задняя лапа левой собаки. Туловище, для поддержания которого предназначались лапы, исчезло бесследно. Возможно, ныне оно украшало логово какого-нибудь пуэрто-риканского торчка. А может, пса взял ЗОРРО 93 или МАЛЫШ ЭБИ № 1. Или крысы темной ночью утащили скульптуру в заброшенный подземный тоннель. И возможно — наверняка он не знал, — заодно прихватили его мамашу. Он полагал, что должен хотя бы подняться по лестнице и войти в подъезд, чтобы убедиться, что ее фамилия никуда не делась с почтового ящика квартиры номер пятнадцать, но усталость не давала ему сдвинуться с места.

Нет, он посидит здесь и подремлет до семи утра, в надежде, что «красненькие»*, которыми он закинулся, разбудят его около семи. Тогда он выйдет из машины и посмотрит, живет ли еще здесь его мать. Может быть, даже лучше, если она переехала. Может быть, тогда он даже забудет про «Янкиз». Может быть, просто снимет номер в «Билтморе», проспит три дня подряд, а потом отправится обратно на Золотой Запад. В этом свете, под этим моросящим дождем, когда голова и ноги гудели от усталости, Нью-Йорк очаровывал, как мертвая шлюха.

Мысли вновь поплыли в прошлое, и в который раз он принялся размышлять о прошедших девяти неделях (или около того), пытаясь найти разгадку, способную расставить все по местам, позволить объяснить самому себе, как он мог шесть долгих лет биться головой о каменные стены, играть в клубах, рассылать демонстрационные кассеты, участвовать в студийных записях, выпрыгивать из штанов — а потом внезапно добиться всего, о чем мечтал, за каких-то девять недель. Но разложить все по полочкам в голове никак не удавалось, с тем же успехом можно было пытаться проглотить дверную ручку. Тем не менее Ларри исходил из того, что должен же быть какой-то ответ, какое-то объяснение, которое позволило бы отвергнуть самую отвратительную версию: слу-

* Имеются в виду наркотические таблетки.

чившееся с ним — всего лишь каприз, простой поворот судьбы, как пел Дилан.

Он глубже провалился в дрему, сложив руки на груди, вновь и вновь прокручивая в голове события прошлого, добавляя новые, произошедшие только что, тихий и мрачный контрапункт, ноту на пределе слышимости, сыгранную на синтезаторе, больше похожую на предупреждение: крысу, вгрызающуюся в труп кошки, жующую, жующую, ищущую что-то особенно вкусное. Это же закон джунглей, мой дорогой: если ты на деревьях, значит, должен раскачиваться...

На самом деле все началось еще полтора года назад. Он выступал с «Тэттерд ремнантс» в одном из клубов Беркли, и ему позвонил человек из «Коламбии». Не слишком большая шишка, простой труженик виниловых виноградников. Нил Даймонд захотел взять одну из песен Ларри под названием «Поймешь ли ты своего парня, детка?».

Даймонд записывал альбом. Кроме своих песен, он собирался включить туда «Пегги Сью вышла замуж» Бадди Холли и, возможно, песню Ларри Андервуда. Вопрос заключался в следующем: пожелает ли Ларри приехать и принять участие в записи собственной песни? Даймонд хотел добавить вторую акустическую гитару. Мелодия ему очень нравилась.

Ларри согласился.

Запись продолжалась три дня. Все прошло хорошо. Ларри встретился с Нилом Даймондом, Робби Робертсоном и Ричардом Перри. Договорились, что фамилия Ларри будет упомянута на обложке альбома, да и заплатили ему по расценкам профсоюза. Но песня «Поймешь ли ты своего парня, детка?» так и не вошла в альбом. На второй вечер записи Даймонд пришел с новой мелодией собственного сочинения, которая и заменила песню Ларри.

«Что ж, это плохо, — посочувствовал человек из «Коламбии», — но такое случается. И вот что я тебе скажу: почему бы нам все-таки не записать песню? Посмотрим, вдруг мне удастся что-нибудь сделать?»

Песню Ларри записал, а потом вновь оказался на улице. В Лос-Анджелесе тоже наступили трудные времена. Несколько раз его приглашали поучаствовать в записи, но не более того.

Наконец он все-таки устроился гитаристом в вечерний клуб. Негромко наигрывал «Нежно, как я покидаю тебя» и «Лунную

реку», пока пожилые мужчины говорили о делах и поглощали итальянские блюда. Он писал тексты песен на клочках бумаги, потому что иначе путался, а то и вовсе все забывал и напевал мелодии, продолжая тренькать на гитаре, м-м-м-м-м, м-м-м-м-м, та-да-м-м-м-м, стараясь выглядеть изысканно, как импровизирующий Тони Беннетт*, и чувствуя себя полным говнюком. В лифтах и супермаркетах Ларри особенно остро ощущал, какую жалкую музыку он играет.

А потом, девять недель тому назад, совершенно неожиданно позвонил человек из «Коламбии». Они хотят выпустить его запись синглом. Может ли он приехать и записать песенку для другой стороны? «Конечно», — ответил Ларри. Конечно, он мог и приехать, и записать. В воскресенье вечером он вошел в студию «Коламбия рекордс» в Лос-Анджелесе, за один час продублировал на второй дорожке свой голос для «Поймешь ли ты своего парня, детка?», а потом записал песню «Карманный Спаситель», которую сочинил еще для «Тэттерд ремнантс». Человек из «Коламбии» вручил Ларри чек на пятьсот долларов и вонючий контракт, связывавший музыканта куда в большей степени, чем звукозаписывающую компанию. Потом пожал Ларри руку, порадовался тому, что они в одной лодке, одарил его сухой улыбкой, когда тот спросил о рекламной кампании по продвижению сингла, и проводил до дверей. В столь поздний час Ларри уже не мог положить деньги на депозит, поэтому чек оставался у него в кармане, пока он играл стандартный репертуар в вечернем клубе «У Джино». Перед первым перерывом он сыграл и тихонько спел «Поймешь ли ты своего парня, детка?». Заметил это только владелец вечернего клуба, который предложил ему приберечь ниггерский бибоп для бригады уборщиков.

Семь недель назад человек из «Коламбии» позвонил снова и посоветовал купить последний номер «Биллборда». Ларри рванул к газетному киоску. «Поймешь ли ты своего парня, детка?» вошла в число трех лучших новинок недели. Ларри перезвонил человеку из «Коламбии», и тот спросил, не хочет ли Ларри встретиться за ленчем с некоторыми из настоящих шишек, чтобы обсудить будущий альбом. Сингл им понравился, а песни уже включили в

* Тони Беннетт (р. 1926) — исполнитель традиционной свинговой и поп-музыки с элементами джаза.

ротацию радиостанций Детройта, Филадельфии и Портленда, штат Мэн. Все шло к тому, что они могли стать хитами. На одной детройтской радиостанции, транслирующей соул, его сингл четыре вечера подряд побеждал в ночной программе «Битва звуков». Никто, похоже, и представить себе не мог, что Ларри Андервуд — белый.

На ленче он напился и едва ощутил вкус семги. Никто не обратил на это ни малейшего внимания. Один из больших людей сказал, что не удивится, если в следующем году «Поймешь ли ты своего парня, детка?» получит «Грэмми». И каким же бальзамом эти слова пролились на сердце Ларри. Ему казалось, что это сон, а не явь, и, возвращаясь домой, он почему-то не сомневался, что его непременно собьет грузовик и на том все закончится. Шишки из «Коламбии» вручили ему еще один чек, на этот раз на две с половиной тысячи долларов. Придя к себе, Ларри снял телефонную трубку и начал звонить. Первым на повестке дня стал Морт Грин по прозвищу Джино, хозяин вечернего клуба, в котором Ларри играл на гитаре. Ларри сообщил, что тому придется найти кого-то еще, чтобы наигрывать «Желтую птицу», пока посетители жуют недоваренные макароны. Потом он позвонил всем, о ком только смог вспомнить, в том числе Барри Грайгу из «Ремнантс». После чего пошел в ближайший бар и напился как свинья.

Пять недель назад сингл вошел в «Горячую сотню» хит-парада «Биллборда» и занял восемьдесят девятое место. С пулей*. В те дни в Лос-Анджелес по-настоящему пришла весна. В ослепительно сверкающее майское утро, когда дома такие белоснежные, а океан такой синий, что, кажется, глаза сейчас выскочат из глазниц и покатятся вниз по щекам, как стеклянные шарики, Ларри впервые услышал свою запись по радио. Компанию ему составляли три или четыре приятеля, среди них — его тогдашняя девушка, и все они немножко нюхнули кокаина. Он заходил из кухни в гостиную с пакетом печенья «Толл хаус», когда из радиоприемника прозвучал знакомый слоган КЛМТ: «Но-о-о-о-о-вая му-у-у-у-зыка!» А затем Ларри замер, услышав собственный голос, доносящийся из колонок «Техникс»:

---

* В хит-парадах «Биллборда» пулей отмечаются песни, которые максимально быстро поднимаются по списку.

Да, я не сказал тебе, что еду домой,
Да, ты не знала, что я буду с тобой,
Но кто ж мне ответит, как не ты, детка?
Поймешь ли ты своего парня, детка?
Он суперпарень, ты же знаешь, детка.
Поймешь ли ты своего парня, детка?

«Господи, это же я!» — вырвалось у него. Он уронил пакет с печеньем на пол и стоял, разинув рот, словно огретый обухом по голове, а его друзья аплодировали.

Четыре недели назад его песня прыгнула на семьдесят третье место в хит-параде «Биллборда». У Ларри появилось ощущение, будто он попал в старый немой фильм, в котором все происходит слишком быстро. Телефон звонил не переставая. «Коламбия» срочно требовала записи альбома, стремясь извлечь максимальную выгоду из успеха сингла. Какой-то обезумевший сукин кот из «Эй-энд-Ар»* названивал по три раза на дню, твердя, что Ларри еще *вчера* должен был прийти в студию «Рекорд уан» и записать римейк «Держись, Слупи» группы «Маккойс». «Это будет бомба! — орал этот дебил. — Как пить дать, Лар! (Ларри еще ни разу не виделся с ним, но уже стал для него Ларом.) Это будет бомба! Говорю тебе, гребаная *бомба*!»

Ларри вышел из себя и ответил назойливому бомбиле, что если бы ему пришлось выбирать между записью «Держись, Слупи» и клизмой с кока-колой, он бы выбрал клизму, после чего бросил трубку.

Но все продолжалось. В его завороженные уши текли потоки уверений, что это будет лучший альбом последней пятилетки. Десятки агентов обрывали телефон. В каждом голосе слышалась жадность. Ларри начал принимать апперсы, и теперь ему повсюду мерещилась его песня. Одним воскресным утром он услышал ее в программе «Соул трейн», а потом весь день убеждал себя, что это была не галлюцинация.

Неожиданно трудно оказалось избавиться от Джулии — девушки, с которой он начал встречаться в тот период, когда играл на гитаре в вечернем клубе «У Джино». Она знакомила его с раз-

* «Эй-энд-Ар» — подразделение звукозаписывающей компании, которое занимается поиском талантов.

ными людьми, из которых он сам предпочел бы общаться лишь с немногими. Ее голос стал напоминать ему голоса сладкоречивых агентов-телефонистов. После долгого, шумного и желчного скандала он наконец расстался с ней. Она кричала, что его голова скоро распухнет настолько, что перестанет пролезать в дверь звукозаписывающей студии, что он должен ей пятьсот баксов за траву, что он — Загер и Эванс* девяностых в одном лице. Она угрожала покончить жизнь самоубийством. После разрыва Ларри чувствовал себя так, словно принял участие в затяжной битве подушками, каждую из которых обработали низкопробным отравляющим газом.

Они начали записывать альбом три недели тому назад, и Ларри сумел отвертеться от большинства предложений «для его же блага». Он воспользовался той относительной свободой действий, которую оставил ему контракт. Вызвал троицу из «Тэттерд ремнантс» — Барри Грайга, Эла Спеллмана и Джонни Маккола — и двух других музыкантов, с которыми работал в прошлом, Нила Гудмана и Уэйна Стьюки. Они записали альбом за девять дней, использовав выделенное студийное время до последней минуты. «Коламбия», похоже, хотела, чтобы альбом основывался на песнях, способных, по мнению боссов, обеспечить ему двадцатинедельные продажи, начиная с «Детки» и заканчивая «Держись, Слупи». Ларри хотел большего.

Обложку альбома украшала фотография Ларри в наполненной пеной старинной ванне на ножках. Сверху — на кафельной стене — краснели слова, написанные помадой одной из секретарш «Коламбии»: «КАРМАННЫЙ СПАСИТЕЛЬ» и «ЛАРРИ АНДЕРВУД». «Коламбия» хотела назвать альбом «Поймешь ли ты своего парня, детка?», но Ларри твердо стоял на своем, и они в конце концов согласились на наклейку «ВКЛЮЧАЕТ ХИТОВЫЙ СИНГЛ» на упаковочной пленке.

Две недели назад сингл переместился на сорок седьмую позицию, и праздник начался. Ларри снял на месяц дом в Малибу у самой кромки океана, а все последующие события помнил достаточно смутно. Люди приходили и уходили, и их становилось все больше. Некоторых Ларри знал, большинство — видел впервые в

* «Загер и Эванс» — рок-поп-дуэт из Небраски в составе Денни Загера и Рика Эванса, популярный в 60—70-х гг. XX в.

жизни. Он помнил, как его осаждали все новые и новые агенты, желавшие «продолжить его великую карьеру». Он помнил девушку под кайфом, которая, что-то крича, выбежала на пляж в чем мать родила. Он помнил, как нюхал кокаин и запивал его текилой. Он помнил, как его растолкали субботним утром, должно быть, неделю или около того назад, чтобы он послушал, как Кейси Касем прокручивает его запись, впервые вошедшую в число «Сорока лучших синглов Америки» и сразу поднявшуюся на тридцать шестое место. Он помнил, как горстями глотал апперсы и, смутно, как торговался — в кармане лежал полученный по почте чек на четыре тысячи долларов роялти, — покупая «датсун-зет».

А затем, тринадцатого июня, шесть дней назад, Уэйн Стьюки предложил Ларри прогуляться вместе с ним к морю. Несмотря на ранний час — девять утра, — уже гремела стереосистема, работали два телевизора, а звуки, доносившиеся из игровой комнаты в подвале, свидетельствовали об оргии в самом разгаре. Ларри в одних трусах сидел в мягком кресле в гостиной и тупо пытался понять, о чем речь в комиксе «Супербой». Он чувствовал себя очень даже бодрым, но ни одно слово не желало связываться с другими. Целостный образ никак не складывался. Вагнер грохотал из квадрофонических колонок, и Уэйну пришлось прокричать свое предложение три или четыре раза, прежде чем до Ларри дошло. Он кивнул. Энергия так и распирала его. Он мог отшагать многие мили.

Но едва солнечный свет иглами пронзил глазные яблоки, Ларри неожиданно передумал. Никаких прогулок. Нет уж. Глаза превратились в увеличительные стекла, и вскоре солнце, проходя сквозь них, сожжет ему мозги. А судя по ощущениям, его бедные мозги больше всего сейчас напоминали порох.

Однако Уэйн, решительно взяв Ларри за руку, настоял на своем. Они вышли на берег, пересекли полосу нагревающегося рассыпчатого песка, добрались до плотного темно-коричневого, который оставляли после себя откатывающиеся волны, и Ларри решил, что идея, в конце концов, была неплоха. Шум прибоя успокаивал. Чайка, энергично машущая крыльями и набирающая высоту, напоминала белую букву «М», перемещающуюся по синему небу.

Уэйн вновь потянул его за руку.

— Пошли.

Перед Ларри лежали те самые многие мили, которые он мог отшагать. Только вот желание у него отпало. Жутко болела голова, позвоночник будто стал стеклянным. Глазные яблоки пульсировали, почки ныли. Амфетаминное похмелье не так болезненно, как утренние ощущения после литра «Четырех Роузов»*, но трахать Ракель Уэлч все равно куда приятнее. А будь у него еще парочка апперсов, он бы запрыгнул на гребень волны, которая пыталась сбить его с ног. Ларри полез за таблетками в карман брюк и лишь тогда впервые понял, что на нем только трусы, которые он последний раз менял три дня назад.

— Уэйн, я хочу вернуться.

— Давай пройдем чуть-чуть подальше.

Ларри пришло в голову, что Уэйн как-то странно смотрит на него, со смесью раздражения и жалости.

— Нет, чел, я же в одних трусах. Меня арестуют за появление в общественном месте в непристойном виде.

— На этой части побережья ты можешь повязать свой член банданой и сверкать яйцами, не опасаясь ареста за непотребный вид. Пошли, чел.

— Я устал! — раздраженно бросил Ларри. Он начал злиться на Уэйна. Уэйн ему мстит за то, что он, Ларри, написал хит, а Уэйн в новом альбоме указан всего лишь клавишником. Уэйн ничем не отличается от Джулии. Теперь все его ненавидят. Все стремятся вонзить нож в спину. Глаза Ларри тут же затуманились слезами.

— Пошли, чел, — повторил Уэйн, и они потащились дальше по пляжу.

И отшагали, должно быть, еще милю, когда бедренные мышцы Ларри свело судорогой. Он вскрикнул и рухнул на песок. Боль кинжалами пропарывала обе ноги.

— Судороги! — завопил он. — О Господи, судороги!

Уэйн присел рядом с ним на корточки и выпрямил его ноги. Агония повторилась, и тогда Уэйн принялся за работу, массируя мышцы, которые, казалось, завязались узлом. Наконец истосковавшиеся по кислороду ткани начали расслабляться.

Ларри, у которого перехватило дыхание, теперь жадно хватал ртом воздух.

---

* «Четыре Роуза» — бурбон, названный так Руфусом М. Роузом в свою честь, а также в честь своего брата Ориджена, сына и племянника.

— Ох! — вырвалось у него. — Спасибо. Это было... это было чертовски больно.

— Само собой. — Особого сочувствия в голосе Уэйна не слышалось. — Держу пари, что было, Ларри. Как ты сейчас?

— Нормально. Но давай присядем, хорошо? А потом пойдем назад.

— Я хочу поговорить с тобой. Мне пришлось вытащить тебя сюда, чтобы ты немного оклемался и понял, что именно я тебе говорю.

— В чем дело, Уэйн? — спросил Ларри и подумал: «Вот оно. Шантаж».

Но следующие слова Уэйна не имели к шантажу ни малейшего отношения, и на мгновение Ларри почудилось, будто он снова смотрит на раскрытую страницу «Супербоя», не в силах сообразить, что все это значит.

— Праздник пора заканчивать, Ларри.

— Чего?

— Праздник. Вернувшись, ты положишь конец веселью, выдашь всем ключи от автомобилей, поблагодаришь за приятно проведенное время и проводишь каждого до парадной двери. Избавься от них.

— Но я не могу этого сделать! — изумленно воскликнул Ларри.

— Уж постарайся, — ответил ему Уэйн.

— Но почему? Дружище, праздник только-только раскочегарился!

— Ларри, сколько тебе заплатила «Коламбия»?

— А что? — лукаво осведомился Ларри.

— Ты думаешь, я хочу поживиться за твой счет? Подумай еще раз.

Ларри подумал — и с удивлением понял, что Уэйну Стьюки незачем зариться на его кровные. Да, Уэйн еще не заработал кучу денег, наоборот, он получал крохи, как и большинство тех, кто помогал Ларри записывать альбом, — но в отличие от многих и многих Уэйн Стьюки происходил из богатой семьи и прекрасно ладил со своими стариками. Его отцу принадлежала половина третьей по величине американской компании по производству электронных игр, и жила семья Стьюки в Бель-Эйре, в особняке, который тянул на скромный дворец. Вот тут Ларри осознал, что неожидан-

но свалившееся на него богатство в глазах Уэйна выглядело сущей мелочевкой.

— Нет, разумеется, нет! — резко ответил он. — Извини, конечно. Просто у меня такое впечатление, что каждый гребаный козел к западу от Лас-Вегаса...

— Так сколько же?

Ларри поразмыслил.

— К этому моменту мне выплатили семь тысяч. В общей сложности.

— За сингл они выплачивают роялти раз в квартал, за альбом — раз в полгода?

— Да.

Уэйн кивнул.

— И тянут, пока рак на горе не свистнет, суки. Сигарету?

Ларри взял одну и закурил.

— Знаешь, во сколько тебе обходится этот праздник?

— Конечно, — ответил Ларри.

— Дом ты снял не меньше чем за штуку.

— Да, точно. — На самом деле аренда обошлась ему в тысячу двести долларов плюс пятьсот долларов залога на случай порчи имущества. Он внес залог и уплатил половину арендной платы, отдал тысячу сто долларов и остался должен еще шестьсот.

— Сколько за наркотики?

— Ну, дружище, ты же понимаешь, что без этого нельзя. Это как сыр к крекерам «Ритц»...

— Травка и кокаин. Сколько всего?

— Гребучий прокурор, — пробурчал Ларри. — Пятьсот и пятьсот.

— А на второй день уже ничего не осталось.

— Хрена с два! — возмущенно воскликнул Ларри. — Я видел две миски, когда мы уходили этим утром, чел. Большую часть пустили по назначению, да, но...

— Парень, ты что, не помнишь Чека*? — Голос Уэйна внезапно изменился, стал очень похож на гнусавый голос самого Ларри: — Просто запиши на мой счет, Дьюи. Пусть они ни в чем себе не отказывают.

---

* Игра слов. Чек — пакетик с наркотиком.

Ларри смотрел на Уэйна со все возрастающим ужасом. Он помнил маленького жилистого мужичка с необычной стрижкой (десятью годами ранее такие называли «ежиками»), в футболке с надписью: «ИИСУС ИДЕТ, И ОН ЗОЛ». Парень чуть ли не срал хорошим товаром. И Ларри отлично помнил, как говорил ему, этому Дьюи Чеку, следить за тем, чтобы миски с травкой не пустели, и записывать все на его счет. Но это было... ну... прошел не один день.

— Для Дьюи Чека ты просто подарок, каких мало.

— И на сколько он меня выставил?

— С травкой дела обстоят не так уж плохо. Она дешевая. Двенадцать сотен. И восемь штук за кокаин.

На секунду Ларри показалось, что его сейчас стошнит. Он молча вытаращился на Уэйна. Попытался заговорить, но выдавил только:

— *Девять двести?!*

— Инфляция, чел, — пожал плечами Уэйн. — Мне продолжать?

Продолжение Ларри слушать не хотелось, но он кивнул.

— Наверху цветной телевизор. Кто-то швырнул в него стул. Думаю, ремонт обойдется сотни в три. Деревянные панели внизу размолотили. Четыре сотни. Если повезет. Позавчера разбили панорамное окно, которое смотрит на берег. Три сотни. Ворсовый ковер в гостиной можно выкидывать: прожжен сигаретами и залит пивом и виски. Четыре сотни. Я позвонил в винный магазин. Ты порадовал их не меньше, чем Чека. Шесть сотен.

— Шесть сотен за выпивку? — прошептал Ларри. Жуткий ужас сковал все его тело, по самую шею.

— Скажи еще спасибо, что практически все пили только пиво и вино. И супермаркету ты должен четыре сотни за пиццы, чипсы, тако и прочую закусь. Но самое ужасное — это шум. Очень скоро появятся копы. *Les flics*. Нарушение общественного порядка. А среди твоих гостей четверо или пятеро сидят на героине. В доме найдутся три-четыре унции «мексиканского коричневого».

— Тоже за мой счет? — просипел Ларри.

— Нет. Чек не связывается с героином. Его сбытом занимается мафия, а Чеку не хочется примерять бетонные ковбойские сапоги. Но если копы приедут, можешь не сомневаться, что и это запишут на твой счет.

— Но я не знал...

— Да, ты у нас невинное дитя. Само собой.

— Но...

— Короче, на данный момент общая сумма затрат на этот легкий разгуляйчик превышает двенадцать тысяч долларов, — подытожил Уэйн. — Ты уезжал и купил этот «зет»... какой отдал аванс?

— Две с половиной, — тупо ответил Ларри. Ему хотелось плакать.

— Ну и что у тебя осталось до следующего чека с роялти? Тысячи две?

— Около того. — У Ларри не хватило духа признаться Уэйну, что на самом деле у него осталось примерно восемьсот долларов: половина — наличными, половина — чеком.

— Слушай меня внимательно, Ларри, потому что я не стану повторять. Все только и ждут очередного праздника. В этом мире есть лишь две постоянные: постоянный обман и постоянный праздник. Они слетаются, как птички, высматривающие насекомых на спине у гиппопотама. Сейчас они здесь. Стряхни их с себя, и пусть летят своей дорогой.

Ларри подумал о десятках людей, которые находились в доме. Он знал в лучшем случае каждого третьего. Горло перехватило от одной мысли о том, что он должен указать всем этим незнакомцам на дверь. От их доброго отношения к нему не останется и следа. Но тут же перед мысленным взором Ларри возник Дьюи Чек, наполняющий миски марихуаной, достающий из заднего кармана блокнотик и аккуратно записывающий все на его счет. Дьюи Чек с «ежиком» и в ультрамодной футболке.

Уэйн спокойно наблюдал, как в голове Ларри одна картинка сменяет другую.

— Чел, я буду выглядеть самым большим говнюком на свете, — наконец выдохнул Ларри, ненавидя жалкие и обидные слова, слетевшие с его собственных губ.

— Да, они много чего наговорят. Скажут, что ты собрался в Голливуд. Что ты зазнаешься. Забываешь старых друзей. Да только нет среди них твоих друзей, Ларри. Твои друзья еще три дня назад увидели, что происходит, и уехали. Нет ничего веселого в том, чтобы смотреть на друга, который дует в штаны и даже не подозревает об этом.

— Тогда зачем ты мне все это говоришь? — спросил Ларри, внезапно разозлившись. Злость зародилась из осознания того, что все его настоящие друзья действительно уехали, а в свете вышесказанного причины, которыми они объясняли необходимость отъезда, выглядели неубедительными. Барри Грайг отвел его в сторону, попытался что-то сказать, но Ларри был под таким кайфом, что мог только кивать и широко улыбаться. Теперь он задался вопросом: а не пытался ли Барри растолковать ему то же самое, что и Уэйн? Мысль эта злила и выводила из себя. — Тогда зачем ты мне все это говоришь? — повторил он. — Есть подозрение, что ты не очень-то меня жалуешь.

— Не очень... но и неприязни к тебе я не испытываю. А вот других причин, чел, назвать не могу. Я мог бы не мешать тебе и дальше валяться в этой грязи. Думаю, одного раза тебе бы хватило.

— Это ты о чем?

— Ты им все скажешь, потому что у тебя есть характер. И есть что-то еще... вроде способности грызть жесть. Что-то такое, без чего не добиться успеха. У тебя это есть. И карьеру ты сделаешь. Пусть и скромную. Будешь играть средненький поп, который через пять лет уже никто не вспомнит. Поклонники бибопа из старшей школы будут собирать твои альбомы. И деньги ты заработаешь.

Руки Ларри, лежавшие на коленях, сжались в кулаки. Ему захотелось ударить в это спокойное лицо. От слов Уэйна он почувствовал себя кучкой собачьего дерьма, наваленной у знака «Стоп».

— Вернись в дом и выдерни штепсель, — мягко продолжил Уэйн. — Потом садись в машину и уезжай. Просто уезжай. Просто уезжай, чел. И держись подальше, пока не узнаешь, что новый чек с роялти ждет тебя.

— Но Дьюи...

— Я найду человека, который поговорит с Дьюи. С большим удовольствием, чел. Этот парень скажет Дьюи, что тот должен ждать свои деньги, как хороший маленький мальчик, и Дьюи с радостью пойдет ему навстречу. — Уэйн помолчал, наблюдая за бегающими по пляжу детьми в ярких купальных костюмах. Вместе с ними носилась собака, громко и радостно лая в синее небо.

Ларри поднялся и, сделав над собой усилие, поблагодарил Уэйна. Слово вывалилось у него изо рта, как кирпич. Морской бриз пронизывал потрепанные трусы.

— Ты просто поедешь куда-нибудь и соберешься с мыслями. — Уэйн тоже поднялся, не отрывая глаз от детей. — Тебе надо о многом подумать: какой тебе нужен менеджер, какие гастроли, какой контракт, когда «Карманный Спаситель» станет хитом. А я думаю, он станет. В нем есть такой аккуратный, ненавязчивый ритм. Если дашь себе передышку, ты все это сообразишь. Такие парни, как ты, всегда соображают.

Такие парни, как ты, всегда соображают.

Такие парни, как я, всегда соображают.

Такие парни, как...

Кто-то стучал пальцем по стеклу.

Ларри дернулся. Боль прострелила шею, и он поморщился, ощутив, как задеревенели мышцы. Он не просто задремал — уснул. И ему приснилась Калифорния. Но здесь и сейчас его окружал серый нью-йоркский дневной свет, а палец все продолжал стучать.

Ларри осторожно повернул голову на больной шее — и увидел свою мать с черной сеточкой на волосах, всматривающуюся в окно.

Мгновение они просто смотрели друг на друга, и Ларри вдруг почувствовал себя голым, словно животное, которое разглядывают в зоопарке.

Затем он взял рот под контроль, растянул губы в улыбке и опустил стекло.

— Мама?

— Я так и знала, что это ты, — произнесла она на удивление бесстрастным тоном. — Вылезай-ка оттуда и покажись мне в полный рост.

Обе его ноги затекли. Тысячи иголок вонзились в них от самых ступней, когда он открыл дверцу и вылез из машины. Ларри никогда не думал, что их встреча пройдет именно так и он окажется таким неподготовленным и уязвимым. Словно часовой, уснувший на посту и внезапно разбуженный командой «смирно». Почему-то он ожидал, что мать как бы уменьшится и у нее по-

убавится уверенности в себе, рассчитывал, что за прошедшие годы он возмужал, а она осталась прежней.

В том, что она застала его врасплох, Ларри чудилось что-то сверхъестественное. Когда ему было десять, мать будила его субботним утром, если полагала, что он заспался, стуча одним пальцем по закрытой двери спальни. И точно так же она разбудила его четырнадцать лет спустя, спящего в новеньком автомобиле, словно уставший подросток, который бодрствовал всю ночь, но в самый неподходящий момент сдался на милость дремы.

Теперь он стоял перед ней, с всклоченными волосами, с легкой и довольно-таки глупой улыбкой на лице. Иголки продолжали покалывать, заставляя Ларри переминаться с ноги на ногу. Он вспомнил, что мать всегда спрашивала, не надо ли ему в туалет, если он так делал, и немедленно застыл на месте, предоставив иголкам колоться.

— Привет, мам, — поздоровался он.

Она молча смотрела на Ларри, и ужас неожиданно заворочался в его сердце, как зловещая птица, вернувшаяся в старое гнездо. Он боялся, что она отвергнет его, повернется к нему своей спиной в дешевом пальто и просто-напросто уйдет за угол к станции подземки, оставив его в одиночестве.

Потом она вздохнула, подобно человеку, который собирается взвалить на себя тяжелую ношу, но когда заговорила, ее голос звучал так естественно и ровно — так правильно, — что он позабыл про свое первое впечатление.

— Привет, Ларри, — ответила она. — Пойдем наверх. Я поняла, что это ты, когда выглянула из окна. Я уже позвонила на работу и сказала, что заболела. У меня осталось несколько дней, которые я могу взять по болезни.

Она повернулась к нему спиной, чтобы первой подняться по лестнице между двух исчезнувших собак. Сначала он отставал на три шага, потом догнал мать, морщась от болезненных игольчатых уколов.

— Мама?

Она обернулась, и он обнял ее. На мгновение страх исказил черты лица матери, словно она ожидала, что ее ударят, а не обнимут, но затем она обняла его в ответ. Запах ее сухих духов добрался до ноздрей Ларри, вызвав неожиданную ностальгию, яростную, сладкую... и горькую. Он даже подумал, что сейчас заплачет, уж,

во всяком случае, нисколько не сомневался, что она-то заплачет точно. Как-никак Трогательный Момент. Поверх ее склонившегося плеча он видел дохлую кошку, наполовину вывалившуюся из мусорного контейнера. Когда мать высвободилась из объятий, глаза ее были сухими.

— Пошли, я приготовлю тебе завтрак. Ты ехал на машине всю ночь?

— Да, — ответил он чуть хриплым от избытка чувств голосом.

— Ну что ж, идем. Лифт сломан, но два этажа — не проблема. Миссис Холси с ее артритом повезло меньше. Она живет на пятом. Не забудь вытереть ноги. Если ты наследишь, клянусь Гошеном, мистер Фриман устроит мне выволочку. У него просто нюх на грязь. — Они уже поднимались по лестнице. — Сможешь съесть три яйца? Я поджарю тебе гренок, если ты ничего не имеешь против памперникеля*. Идем.

Ларри последовал за ней мимо уничтоженных каменных собак, кинув диковатый взгляд на то место, где они стояли, чтобы убедить себя, что собаки действительно исчезли, что его рост не уменьшился на два фута, а он не вернулся в восьмидесятые. Она распахнула дверь, и они вошли в подъезд. Даже коричневые тени и запахи готовки остались прежними.

Элис Андервуд накормила его яичницей из трех яиц, беконом, гренками, соком, кофе. Покончив со всем, кроме кофе, он закурил и отодвинулся от стола. Она бросила на сигарету осуждающий взгляд, но ничего не сказала. К Ларри вернулась уверенность, точнее, если по-честному, некоторая ее часть. Мать всегда умела выбрать удобный момент.

Она опустила железную сковороду с длинной ручкой в раковину, наполненную водой. Послышалось шипение.

«Не очень-то она изменилась, — подумал Ларри. Немного постарела — ведь ей уже пятьдесят один, — и седины чуть прибавилось, но волосы под сеточкой остались почти черными. Простое серое платье, вероятно, повседневное. И грудь по-прежнему пышная, пожалуй, даже еще увеличилась в размерах. — Мама, скажи мне правду, твоя грудь стала больше? Это единственное фундаментальное изменение?»

---

* Памперникель — хлеб из грубой, непросеянной ржаной муки.

Он уже начал стряхивать пепел в кофейное блюдечко, но она выхватила его и поставила перед ним пепельницу, которую всегда держала в буфете. Ларри запачкал блюдце кофе, вот и полагал, что в него вполне можно стряхивать пепел. А вот пепельницу ему дали чистейшую, без единого пятнышка, и он ощутил легкий укол совести, используя ее по назначению. Его мать умела выжидать и ловко расставляла небольшие капканы, так что скоро лодыжки начинали кровоточить и хотелось хныкать.

— Итак, ты вернулся. — Элис взяла металлическую мочалку «Брилл», которая лежала на блюде для пирога «Тейбл ток», и начала тереть сковороду. — Что привело тебя сюда?

«Видишь ли, мама, один мой друг раскрыл мне глаза на жизнь: говнюки сбиваются в стаи, и на этот раз они выбрали целью меня. Я даже не знаю, можно ли назвать этого друга другом. Как музыканта он уважает меня не больше, чем я уважаю «Фрутгам компани»*. Но он убедил твоего сына отправиться в дальний путь, и разве не Роберт Фрост сказал, что дом — то самое место, где тебе откроют дверь, раз уж ты туда пришел?»

Однако вслух он сказал совсем другое:

— Пожалуй, я соскучился по тебе, мама.

Она фыркнула.

— Поэтому ты так часто мне писал?

— По части писем я не мастер. — Ларри покачивал сигаретой вверх-вниз, не выпуская ее из губ. С кончика слетали кольца дыма и поднимались к потолку.

— Повтори еще раз.

Он улыбнулся:

— По части писем я не мастер.

— Зато по-прежнему дерзок с матерью. В этом ты мастер.

— Извини, — ответил он. — Как тебе жилось, мама?

Она положила сковороду на сушилку, вытащила затычку из сливного отверстия раковины, вытерла кружева мыльной пены с покрасневших рук.

— Не так, чтобы плохо. — Мать вернулась к столу и села. — Спина побаливает, но у меня есть лекарства. Я справляюсь.

— После моего отъезда новых приступов не было?

— Только один. Но доктор Холмс мне помог.

---

* «Фрутгам компани» — американская музыкальная группа 1960-х гг.

— Мама, эти мануальщики... — «Обычные шарлатаны». Он прикусил язык.

— Что?

Он пожал плечами, отводя взгляд от ее кривой улыбки.

— Ты свободная, белая, и двадцать один тебе уже есть. Если этот доктор помогает — отлично.

Она вздохнула и достала из кармана упаковку мятных леденцов «Лайф сейверс».

— Мне гораздо больше, чем двадцать один, и я это чувствую. Хочешь? — Мать предложила ему леденец, который уже подцепила большим пальцем. Ларри покачал головой, и она отправила круглую конфетку себе в рот.

— Выглядишь ты по-прежнему как девушка. — В его голосе слышалась добродушная лесть. Ей всегда это нравилось, но сейчас губы матери тронула лишь тень улыбки. — Новые мужчины?

— Несколько, — ответила она. — Как насчет тебя?

— Нет, — совершенно серьезно произнес он. — Никаких новых мужчин. Девушки — да, но никаких новых мужчин.

Он надеялся рассмешить мать, но снова вызвал лишь призрачную улыбку. «Мое появление тревожит ее, — подумал Ларри. — В этом все дело. Она не знает, зачем я здесь. Она ждала меня три года не для того, чтобы я наконец появился. Ей хотелось бы, чтобы я оставался в далеком далеке».

— Все тот же Ларри. Никакой серьезности. Ты не обручился? Встречаешься с кем-нибудь постоянно?

— Я себя не ограничиваю, мама.

— Ты всегда так поступал. Но, во всяком случае, ни разу не приходил домой, чтобы сообщить мне, что поставил какую-нибудь симпатичную девушку-католичку в интересное положение. В этом тебе надо отдать должное. Либо тебя выручала предельная осторожность, либо тебе везло, либо ты был очень благовоспитанным.

Он попытался сохранить бесстрастное лицо. В первый раз за всю жизнь она заговорила с ним о сексе.

— Так или иначе, рано или поздно тебе придется это сделать, — продолжила Элис. — Говорят, что холостяки снимают все сливки. Это не так. Ты просто становишься старым, и из тебя сыпется песок, как из мистера Фримана. У него квартира на первом

этаже, и он всегда стоит у окна, в надежде, что подует сильный ветер.

Ларри фыркнул.

— Твою песню передают по радио. Я говорю людям, что это мой сын. Мой Ларри. Большинство мне не верит.

— Ты слышала? — Он задался вопросом, почему она не упомянула об этом сразу, вместо того чтобы говорить о всякой ерунде.

— Ну конечно. Ее постоянно крутят по этой рок-н-ролльной радиостанции, которую слушают юные девицы. «У-Рок».

— Тебе понравилось?

— Не больше, чем любая другая музыка этого сорта. — Мать строго посмотрела на него. — Думаю, что некоторые фразы звучат непристойно. Похотливо.

Он заметил, что начал шаркать ногами, и заставил себя сидеть спокойно.

— Мне хотелось, чтобы песня звучала... страстно, мама. Ничего больше. — К лицу Ларри прилила кровь. Он и представить себе не мог, что будет сидеть на кухне у матери, обсуждая страсть.

— Страсти место в спальне, — отрезала она, подводя черту под интеллектуальным обсуждением его хита. — И ты что-то сделал со своим голосом. Звучит, как у ниггера.

— Сейчас? — удивленно спросил он.

— Нет, по радио.

— Это сексуальный звук, таким он и должен быть, — возразил Ларри глубоким, как у Билла Уитерса*, голосом и улыбнулся.

— Именно, — кивнула она. — Когда я была девушкой, нам казалось, что Фрэнк Синатра — это смело. А теперь появился этот *рэп*. Рэп — так это называют они. *Вопли* — вот как это называю я. — Она пристально посмотрела на него. — В твоей песне хотя бы нет воплей.

— Я получаю роялти, — сообщил он. — Определенный процент с каждой проданной пластинки. В целом это составляет до...

— Ой, прекрати. — Она отмахнулась от него. — Я никогда не была сильна в математике. Тебе уже заплатили, или ты купил эту маленькую машину в кредит?

---

* Билл Уитерс (р. 1938) — американский певец и автор песен. Трижды лауреат премии «Грэмми».

— Мне заплатили не так уж много. — Он совсем близко подошел к границе лжи, но пока не переступил ее. — Я сделал первый взнос за машину. Остальное буду выплачивать.

— Политика дешевого кредитования! — В голосе матери слышалась злость. — Потому-то твой отец и обанкротился. Доктор сказал, что он умер от сердечного приступа, но дело не в этом. Его сердце *разбилось*. Твой отец сошел в могилу из-за политики дешевого кредитования.

Это была старая песня, и Ларри пропустил ее мимо ушей, кивая в нужных местах. Его отцу принадлежал галантерейный магазинчик. Затем неподалеку открылся «Роберт-холл»*, и через год отцовское дело обанкротилось. Он начал искать утешения в еде и за три года потолстел на сто десять фунтов. Когда Ларри исполнилось девять, отец умер в забегаловке на углу, оставив на тарелке недоеденный сандвич с фрикадельками. На поминках сестра попыталась утешить Элис Андервуд, которая, судя по ее виду, абсолютно не нуждалась в утешениях, и вдова сказала, что все могло обернуться намного хуже: «Ведь он мог спиться». Произнося эти слова, Элис смотрела через плечо сестры на ее мужа.

После смерти супруга Элис воспитывала Ларри сама, руководя его жизнью посредством прописных истин и предрассудков до тех пор, пока он не ушел из дома. Напоследок, когда он и Руди Шварц уезжали на старом «форде» Руди, мать сказала ему, что в Калифорнии тоже есть приюты для бедных.

«Да, сэр, такая у меня мама».

— Ты хочешь пожить здесь, Ларри? — мягко спросила она.

— Ты не против? — удивился он.

— Места хватит. В дальней спальне есть пустая кровать. Я храню там ненужные вещи, но коробки можно переставить.

— Хорошо, — медленно кивнул Ларри. — Если ты уверена, что я не помешаю. Я только на пару недель. Подумал, что повидаюсь с давними друзьями. Марком... Гейленом... Дэвидом... Крисом... с этими парнями.

Она встала, подошла к окну, открыла его.

— Живи, сколько захочешь, Ларри. Может, по мне этого не видно, но я рада тебя видеть. Мы не очень хорошо расстались. Не

---

* «Роберт-холл» — сеть универмагов, где продавалась недорогая и достаточно качественная одежда.

без резких слов. — Она повернулась к нему. Лицо матери оставалось строгим, но его озаряла огромная любовь, пусть она и не хотела ее показывать. — Я о них сожалею. Они вырвались у меня только потому, что я тебя люблю. Я не знала, как в этом признаться, вот и выражалась доступными мне способами.

— Все нормально. — Ларри смотрел в стол. Его щеки покраснели, он это чувствовал. — Послушай, я оплачу расходы.

— Оплати, если хочешь. Но необходимости в этом нет. Я работаю. В отличие от тысяч других людей. И ты по-прежнему мой сын.

Он вспомнил о дохлой кошке, наполовину вывалившейся из мусорного бака, о Дьюи Чеке, с улыбкой наполняющем миски марихуаной, и внезапно расплакался. Глядя на раздвоившиеся от слез руки, Ларри подумал, что плакать должна она — не он... однако все пошло не так, как он себе представлял. Она все-таки изменилась. И он тоже изменился — но совсем в другом смысле. Загадочным образом они словно поменялись местами: она выросла, а он стал меньше. И домой он вернулся не потому, что ему требовалось куда-то уехать. Он вернулся домой, потому что боялся и хотел повидать мать.

Она стояла у открытого окна, наблюдая за сыном. Тюлевые занавески колыхались под влажным ветерком, затеняя ее лицо, но не скрывая полностью, отчего оно казалось призрачным. С улицы доносился транспортный шум. Она достала из лифа носовой платок, подошла к столу, сунула платок в руку Ларри. В ее сыне чувствовался стержень. Она это видела. Его отец был мягкотелым, и в глубине души она понимала, что именно это в действительности и свело мужа в могилу: выдавать кредиты у Макса Андервуда получалось куда лучше, чем брать. Так откуда взялся этот стержень? Кого Ларри следовало благодарить? Или винить?

Его слезы не влияли на твердость характера, как не способен быстротечный летний ливень повлиять на форму скалы. Эта твердость могла принести пользу, Элис это знала — ведь она была женщиной, в одиночку воспитавшей сына в большом городе, который плевать хотел что на матерей, что на их детей, — однако Ларри еще не определился со своим предназначением. Ее сын не менялся, оставался, как она и сказала, прежним Ларри. Он будет и дальше бездумно идти по жизни, вовлекая людей — и себя — во всякие передряги, но когда станет совсем плохо, этот самый стержень поможет ему выпутаться. Что же до остальных... он их ос-

тавит: пусть тонут или выплывают сами. Скала твердая... и его характер тоже, но пока он использовал эту твердость только для разрушения. Элис видела это в глазах Ларри, в каждом его жесте, даже в том, как он двигал «раковой палочкой» вверх-вниз, пуская кольца дыма. Он никогда не затачивал этот стержень, не превращал в меч, чтобы рубить людей (и это уже что-то), но при необходимости взялся бы за него, как за дубинку (что уже проделывал ребенком), чтобы проложить путь из западней, которые сам же себе и расставил. Когда-нибудь, раньше говорила она себе, Ларри изменится. Она ведь изменилась — а значит, изменится и он.

Но перед ней сидел уже не мальчик, а взрослый мужчина, и Элис подозревала, что для него время изменений — глубоких и фундаментальных, какие ее приходский священник называл изменениями души, а не сердца, — уже в прошлом. Было в Ларри нечто такое, что заставляло содрогнуться, как скрип мела по грифельной доске. Глубоко внутри был только он сам. И никого другого ее сын в свое сердце не допускал. Но она любила его.

Она также думала, что есть в Ларри и хорошее, очень хорошее. Но это хорошее трогать не следовало. Тем более — вытаскивать на поверхность. Это привело бы к катастрофе. Однако пока ни о какой катастрофе речь не шла; сын просто плакал.

— Ты устал, — сказала она. — Пойди умойся. Я переставлю коробки в дальней комнате, и ты сможешь поспать. А на работу я, пожалуй, пойду.

По короткому коридору мать прошла в дальнюю комнату, его прежнюю спальню, и Ларри услышал, как она кряхтит, переставляя коробки. Он медленно вытер глаза. Из окна доносились звуки уличного движения. Он попытался вспомнить, когда в последний раз плакал на глазах у матери. Подумал о дохлой кошке. Мать сказала чистую правду. Он устал. Никогда еще в жизни он так не уставал. Ларри лег на кровать и проспал почти восемнадцать часов.

Глава 6

День клонился к вечеру, когда Фрэнни вышла на задний двор, где ее отец терпеливо пропалывал горох и бобы. Она была поздним ребенком, и сейчас отцу уже пошел седьмой десяток. Его се-

дые волосы торчали из-под привычной бейсболки. Мать Фрэнни уехала в Портленд, чтобы купить белые перчатки. Лучшая подруга детства Фрэн, Эми Лаудер, выходила замуж в начале следующего месяца.

Какое-то время Фрэнни смотрела на спину отца, испытывая к нему искреннюю любовь. В это время дня свет становился каким-то особенным и очень ей нравился, но бывал он таким только мимолетным, по-настоящему ранним мэнским летом. Иногда она думала об этом свете в середине января, и у нее начинало щемить сердце — так хотелось его увидеть. Предвечерний свет раннего лета скользил к темноте, неся в себе очень многое: бейсбольные матчи Малой лиги, где Фред всегда защищал третью базу и обычно без промаха бил по мячу; арбузы; первую кукурузу; чай со льдом в запотелых стаканах; детство.

Фрэнни кашлянула.

— Нужна помощь?

Отец повернулся к ней и усмехнулся:

— Привет, Фрэн. Застукала меня за прополкой?

— Похоже на то.

— Твоя мама уже вернулась? — Он чуть нахмурился, но его лицо тут же прояснилось. — Нет, это вряд ли, она совсем недавно уехала, верно? Конечно, помоги немного, если хочешь. Главное — не забудь потом помыть руки.

— Руки дамы выдают ее привычки, — с легкой насмешкой произнесла Фрэн и фыркнула. Питер попытался изобразить неодобрение, но не преуспел в этом.

Она наклонилась над соседней грядкой и принялась полоть. Вокруг чирикали воробьи, а с шоссе 1, проходившего меньше чем в квартале от их дома, доносился постоянный гул транспортного потока. Его громкость, конечно, еще не достигла июльского максимума, когда между их городом и Киттери почти ежедневно случались аварии, но росла с каждым днем.

Питер рассказал ей о том, как прошел день, и она задавала правильные вопросы и кивала в нужных местах. Увлеченный прополкой, он не видел кивков дочери, но краем глаза замечал, как кивает ее тень. Он работал на большой сэнфордской фирме по производству автомобильных запчастей, самой крупной к северу от Бостона. Возраст его приближался к шестидесяти четырем, и до последнего года работы перед уходом на пенсию оставалось

всего ничего. Короткого года, потому что у него накопились четыре недели отпуска, который он намеревался взять в сентябре, после отъезда дачников. Жизнь на пенсии не выходила у него из головы. Он старался не думать о ней как о бесконечном отпуске, рассказывал Питер дочери, ведь у него хватало друзей, уже вышедших на пенсию, и они говорили, что все это выдумки. Но он сомневался, что будет скучать, как Харлан Эндерс, или жить в постыдной бедности, как Кейромы, — бедняга Пол проработал всю жизнь в магазине, и тем не менее им с женой пришлось продать дом и переехать к дочери и ее мужу.

Питеру Голдсмиту не нравилась система социального обеспечения; он никогда не доверял ей, даже раньше, когда она еще не начала трещать под ударами экономического спада, инфляции и увеличения числа людей, получающих пособие. В тридцатых и сороковых годах в Мэне было не так уж много демократов, говорил он дочери, но ее дедушка принадлежал к ним и, видит Бог, уж точно сделал демократа из ее отца. Из-за этого в лучшие дни Оганквита Голдсмиты выглядели в некотором роде париями. Однако его отец следовал принципу столь же твердокаменному, как и республиканская философия Мэна: не доверяй сильным мира сего, ибо они — и их правительства — поимеют тебя, даже если наступит конец света.

Фрэнни засмеялась. Ей нравилось, когда отец разговаривал с ней на подобные темы. Такое случалось не часто, потому что иначе одна женщина — его жена и ее мать — выжгла бы ему язык кислотой, которая легко и непринужденно стекала с ее собственного языка.

— Ты должен доверять самому себе, — продолжал отец Фрэнни, — и пусть сильные мира сего пытаются как могут поладить с людьми, которые их выбрали. В большинстве случаев получается не очень, но это нормально: они стоят друг друга... Твердая валюта — вот ответ, — объяснял он Фрэнни. — Уилл Роджерс говорил, что земля — единственное, чего больше не делают, но то же самое можно сказать о золоте и серебре. Человек, который любит деньги, — мерзавец, заслуживающий ненависти. Человек, который не заботится о деньгах, — дурак. Ненавидеть его нельзя — только жалеть.

Фрэн задалась вопросом, а что отец думает о бедном Поле Кейроме, своем старинном друге, но решила промолчать.

В любом случае он не говорил ей о том, что потратил немало лучших лет своей жизни, чтобы обеспечить им всем сносное существование. Нет, Фрэнни он говорил другое: что она никогда не была им обузой, в хорошие времена или в плохие. Своим друзьям отец с гордостью рассказывал, что отправил дочь в колледж. Если же, говорил он им, его деньги и ее мозги где-то оказывались бессильны, она добивалась своего проверенным временем способом: сгибая спину и натирая стул ягодицами — или, если избавиться от свойственной этой стране политкорректности, работая, и работая на совесть. Ее мать не всегда это понимала. Жизнь женщин менялась вне зависимости от того, нравилось это им или нет, и Карла с трудом могла уяснить, что учеба Фрэн в университете Нью-Хейвена — не охота за мужем.

— Она видит, что Эми Лаудер выходит замуж, — рассуждал Питер, — и думает: «На ее месте следовало быть моей Фрэн. Эми симпатичная, но рядом с Фрэн она смотрится как старое треснувшее блюдо». Твоя мать всю жизнь пользовалась старыми мерками, и теперь ее не изменишь. Вот почему вы иногда сцепляетесь так, что искры летят, будто кремень о сталь. Винить в этом некого. И помни, Фрэн: она слишком старая, чтобы меняться, а ты — достаточно взрослая, чтобы это понимать.

От взаимоотношений в семье он вернулся к работе, рассказывая о том, как один их сотрудник едва не лишился большого пальца, работая на малом прессе, потому что думал о бильярдной, пока его чертов палец находился под штампом. Хорошо, что Лестер Краули вовремя оттащил его. Но, добавил отец, придет день, когда Лестера Краули не окажется рядом. Вздохнул, словно вспоминая, что и сам скоро покинет цех, потом лицо его прояснилось, и он начал рассказывать дочери о своей идее: упрятать антенну в элементы отделки капота.

Питер продолжал перескакивать с одного на другое, и его голос звучал приятно и успокаивающе. Тени отца и дочери удлинились и двигались по грядкам перед ними. Все это убаюкивало Фрэн, как и всегда. Она пришла сюда, чтобы кое-что сказать, но часто бывало, что, придя сказать, она оставалась, чтобы слушать. Отец не нагонял на нее скуку. Насколько она знала, никому не было с ним скучно, за исключением разве что ее матери. Он был прирожденным рассказчиком.

Она осознала, что отец замолчал. Он сидел на камне в конце своей грядки, набивал трубку и смотрел на нее.

— Что тебя тяготит, Фрэнни?

Мгновение она не отрывала от него глаз, не зная, как начать. Она пришла, чтобы во всем ему признаться, но теперь не знала, сможет ли это сделать. Молчание повисло между ними, принялось разрастаться, угрожая превратиться в пропасть, и этого она вынести не смогла. Прыгнула.

— Я беременна.

Он перестал набивать трубку и только смотрел на нее.

— Беременна, — повторил он так, будто никогда не слышал этого слова раньше. — Ну, Фрэнни... это шутка? Или такая игра?

— Нет, папочка.

— Подойди-ка ко мне и сядь рядом.

Она послушно повиновалась. Каменная стена отделяла их землю от городской площади. За стеной росла спутанная, сладко пахнущая живая изгородь, которую давно уже никто не подстригал. Болела голова, ныл желудок.

— Это точно? — спросил он ее.

— Точно! — ответила она, а потом — без всякой наигранности, просто не смогла сдержаться — громко разрыдалась.

Долго, очень долго он обнимал ее одной рукой. Когда слезы понемногу начали иссякать, она заставила себя задать вопрос, который беспокоил ее больше всего.

— Папочка, ты по-прежнему любишь меня?

— Что? — Он в недоумении посмотрел на нее. — Да, конечно, я по-прежнему очень люблю тебя.

От этих слов она снова разрыдалась, но на этот раз он предоставил ее самой себе и принялся раскуривать трубку. В воздухе поплыл аромат «Боркум Рифф».

— Ты огорчен? — спросила она.

— Я не знаю. У меня никогда раньше не было беременной дочери, и я толком еще не понимаю, как это следует воспринимать. Тот самый Джесси?

Она кивнула.

— Ты сказала ему?

Опять кивок.

— И что он говорит?

— Что женится на мне. Или заплатит за аборт.

— Женитьба или аборт. — Питер Голдсмит затянулся. — И нашим, и вашим.

Она смотрела на свои руки. Грязь в складочках кожи на костяшках и под ногтями. «Руки дамы выдают ее привычки, — зазвучал в голове голос матери. — Беременная дочь. Мне придется выйти из церковной общины. Беременная дочь. Руки дамы...»

— Я бы не хотел задавать лишних вопросов, но неужели он... или ты... неужели вы не соблюдали какие-нибудь предосторожности? — спросил ее отец.

— Я принимала противозачаточные таблетки, — сказала Фрэнни. — Они не подействовали.

— Тогда, похоже, винить можно только вас обоих. — Отец всматривался в нее. — И я не могу этого делать, Фрэнни. Не могу винить. В шестьдесят четыре нетрудно забыть, каково оно было в двадцать один. Поэтому о вине мы говорить не будем.

Она испытала такое огромное облегчение, что едва не лишилась чувств.

— Твоя мать найдет, что сказать тебе о вине, и я не стану ее останавливать, но не стану и поддерживать. Ты это понимаешь?

Она кивнула. Ее отец уже не пытался возражать матери. Во всяком случае, вслух. По причине ее очень уж острого язычка. «Если ей перечат, ситуация иной раз выходит из-под контроля», — однажды сказал он Фрэнни. А когда ситуация выходит из-под контроля, она может зарезать человека без ножа и пожалеть об этом слишком поздно, уже нанеся смертельную рану. Фрэнни подумала, что много лет назад ее отец, вероятно, оказался перед выбором: продолжить сопротивление, что неминуемо привело бы к разводу, или сдаться? Он предпочел второе — но на своих условиях.

— Ты уверен, что в этой ситуации сможешь остаться в стороне, папочка? — спокойно спросила она.

— Ты хочешь, чтобы я поддержал тебя?

— Не знаю.

— Что ты собираешься со всем этим делать?

— С мамой?

— Нет. С собой, Фрэнни.

— Не знаю.

— Выйдешь за него? Вдвоем можно жить на те же деньги, что и одному. Так говорят, во всяком случае.

— Не думаю, что смогу. Мне кажется, я разлюбила его, если вообще любила когда-нибудь.

— Ребенок? — Трубка его хорошо раскурилась, и сладкий запах дыма разлился по летнему воздуху. В саду сгустились тени, начали стрекотать сверчки.

— Нет, причина не в ребенке. Это все равно бы случилось. Джесс... — Она не договорила, пытаясь определить, что же все-таки не так в Джесси, что именно она упускает из-за напряжения, вызванного перспективой появления ребенка, необходимостью принять решение и вырваться из угрожающей тени матери, которая сейчас покупала в торговом центре перчатки на свадьбу лучшей подруги детства Фрэн. Это что-то она бы могла похоронить, но оно тем не менее беспокойно ворочалось бы под землей шесть, шестнадцать или двадцать шесть месяцев, чтобы в конце концов подняться из могилы и наброситься на них обоих. Женишься в спешке — раскаиваешься всю жизнь. Одна из любимых пословиц ее матери. — Он слабый, — продолжила она. — Точнее я не могу объяснить.

— Ты не можешь доверить ему заботу о себе, Фрэнни?

— Да. — Она подумала, что отец ближе всего подобрался к сути проблемы. Она не доверяла Джесси с его богатыми родителями и синими рубашками из шамбре. — Джесс желает мне добра. Он хочет поступить правильно, действительно хочет. Но... два семестра назад мы пошли на поэтические чтения. Стихи читал некий Тед Энслин. Собрался полный зал. Все слушали очень серьезно... очень внимательно... чтобы не пропустить ни одного слова. А я... ты же меня знаешь...

Отец успокаивающе обнял ее одной рукой.

— Фрэнни в рот попала смешинка.

— Да. Именно так. Похоже, ты очень хорошо меня знаешь.

— Немного знаю, — признал он.

— Она — эта смешинка — взялась неизвестно откуда. Я все время думала: «Обросший человек, обросший человек, мы пришли послушать обросшего человека». Появился какой-то ритм, как в песне, которую слышишь по радио. И я начала смеяться. Не специально. И смех мой не имел никакого отношения к стихам мистера Энслина — стихи он писал хорошие, пусть и выглядел не очень. Причина заключалась в том, как *они* смотрели на *него*.

Она повернулась к отцу, чтобы увидеть его реакцию. Он просто кивнул: мол, продолжай.

— Короче, мне пришлось уйти оттуда. Действительно пришлось. Джесс просто взбесился. И я считаю, он имел право разозлиться на меня... Я повела себя как ребенок, я уверена, ребенок именно так отреагировал бы на происходящее... Но со мной это часто случается. Не постоянно, конечно. Я умею быть серьезной...

— Да, умеешь.

— Но иногда...

— Иногда Король Смех стучится в дверь, а ты одна из тех, кто не может держать его за порогом, — закончил Питер.

— Наверное, я такая. А Джесс другой. И если мы поженимся... Возвращаясь домой, он будет всякий раз обнаруживать там этого непрошеного гостя, которого я впустила. Не каждый день, но достаточно часто для того, чтобы злиться. Тогда я попытаюсь... И мне кажется...

— Тебе станет грустно. — Питер крепче обнял ее.

— Похоже на то, — ответила она.

— Тогда не позволяй матери себя переубедить.

Она закрыла глаза и почувствовала еще большее облегчение, чем в прошлый раз. Он понял. Каким-то чудом.

— Как бы ты отнесся к аборту? — спросила она после паузы.

— У меня такое ощущение, что это и есть основная причина для разговора.

Она изумленно вскинула на него глаза.

Он смотрел на нее полувопросительно-полунасмешливо, изогнув кустистую левую бровь. И тем не менее она видела, что он очень серьезен.

— Может, ты и прав, — медленно сказала она.

— Слушай, — начал он и вдруг замолчал. Но она *слушала* и *слышала* воробьев, сверчков, далекий гул самолета высоко в небе, чей-то голос, призывавший Джекки немедленно идти домой, жужжание мощной газонокосилки, шум автомобиля с глушителем из стеклопластика, разгоняющегося на шоссе 1.

Она уже собралась спросить, все ли с ним в порядке, когда он взял ее за руку и заговорил:

— Фрэнни, тебе, конечно, нужен отец помоложе, но тут ничего не поделаешь. Я женился только в пятьдесят шестом.

Он задумчиво смотрел на нее в сумерках.

— Тогдашняя Карла отличалась от нынешней. Она была... черт возьми, молодой, это во-первых. И оставалась такой до тех пор, пока не умер твой брат Фредди. До того момента она оставалась молодой. Она перестала расти после смерти Фредди. Тогда... ты только не подумай, будто я говорю о твоей матери что-то плохое, Фрэнни, даже если мои слова отчасти так и звучат. Но мне представляется, что после смерти Фредди Карла перестала... расти. Обмазала свои жизненные взгляды тремя слоями лака и одним слоем быстросохнущего цемента и заявила, что это хорошо. Теперь она — как хранительница в музее: если видит, что кто-то пытается изменить выставленные там экспонаты-идеи, устраивает ему головомойку. Но она не всегда была такой. Тебе придется поверить мне на слово, но не всегда.

— А какой она была, папочка?

— Ну... — Он рассеянно оглядел огород. — Она была очень похожа на тебя, Фрэнни. С той самой смешинкой. Как-то мы поехали в Бостон на игру «Ред сокс», и в перерыве перед седьмым иннингом она пошла со мной в буфет и взяла пиво.

— Мама... пила пиво?

— Ну да, пила. Потом большую часть девятого иннинга она провела в женском туалете, а выйдя оттуда, рвала и метала, что по моей вине пропустила самую интересную часть матча, хотя сама упрашивала меня сходить в буфет за пивом.

Фрэнни попыталась представить свою мать с кружкой пива «Наррагансетт» в руке, смотрящей на отца и смеющейся, как девчонка на свидании. Ничего не получилось.

— Она никак не могла забеременеть, — смущенно продолжил он. — Мы с ней ходили к доктору, чтобы выяснить, у кого из нас непорядок. Доктор сказал, что никаких отклонений нет. Потом, в шестидесятом, появился на свет твой брат Фред. Она безумно любила этого мальчишку, Фрэн. Фред — так ведь звали ее отца, ты знаешь. В шестьдесят пятом у нее случился выкидыш, и мы оба решили, что с детьми покончено. Потом появилась ты, в шестьдесят девятом, на месяц раньше, чем положено, но здоровенькая. И уже я безумно полюбил тебя. У каждого из нас было по ребенку, но своего она потеряла.

Он замолчал, погрузившись в воспоминания. Фред погиб в тысяча девятьсот семьдесят третьем году. Ему было тринадцать,

Фрэнни — четыре. Фреда сбил пьяный водитель. За этим человеком числился длинный список нарушений правил дорожного движения, включая превышение скорости, опасную езду, управление автомобилем в нетрезвом состоянии. После аварии Фред прожил семь дней.

— Я думаю, что аборт — слишком чистенькое словечко. — Губы Питера Голдсмита двигались медленно, словно каждый звук причинял ему боль. — Я думаю, это детоубийство, если честно и откровенно. Прости, что так говорю, наверное, я... негибкий, закостенелый... Раз уж закон предоставляет тебе право рассматривать этот вариант. Я же говорил, что я уже старый.

— Ты совсем не старый, папочка, — пробормотала она.

— Старый, старый! — резко возразил отец. Выглядел он теперь неожиданно расстроенным. — Я — старик, пытающийся дать совет молодой дочери, все равно что обезьяна, учащая медведя вести себя за столом. Пьяный водитель убил моего сына семнадцать лет назад, и моя жена так от этого и не оправилась. Когда встает вопрос об аборте, я всегда думаю о Фреде. Иначе не получается, бесполезно и пробовать, точно так же, как тебе бесполезно было пытаться избавиться от смешинки на том поэтическом вечере, Фрэнни. Твоя мать будет возражать по всем общепринятым причинам. Моральные принципы, скажет она. Моральные принципы, которым уже две тысячи лет. Право на жизнь. Вся мораль Запада стоит на этой идее. Я читал философов. Проштудировал их всех с дотошностью домохозяйки, которая прочесывает отделы универмага «Сирс и Роубак» с чеком-купоном. Твоя мать предпочитает «Ридерз дайджест», но в итоге именно я в споре руководствуюсь чувствами, а она — моральными принципами. Я просто вижу перед собой Фреда. На нем не было живого места. У него не осталось ни единого шанса. Эти борцы за право на жизнь поднимают плакаты с фотографиями младенцев, утопленных в соли, их ручек и ножек на стальных столах, но что с того? В смерти нет ничего красивого. Я лишь вижу Фреда, пролежавшего на койке семь дней, всего перебинтованного, чтобы скрыть переломы. Жизнь стоит дешево, и аборт делает ее еще дешевле. Что мы делаем и что думаем... Это так часто основывается на случайных суждениях, когда все правильно. Я просто не могу через это переступить. Прямо-таки кирпич в глотке, тот факт, что вся истин-

ная логика, похоже, проистекает из абсурда. Основывается на вере. Я несу чушь, да?

— Я не хочу делать аборт, — спокойно заметила Фрэнни. — По своим причинам.

— Каким же?

— Ребенок — часть меня. — Она чуть вскинула подбородок. — Если это самолюбие, мне без разницы.

— Ты откажешься от него, Фрэнни?

— Я не знаю.

— Ты этого хочешь?

— Нет, я хочу оставить его.

Он молчал. Ей показалось, что она чувствует его неодобрение.

— Ты думаешь о моем образовании, так? — спросила она.

— Нет. — Он поднялся. Потер руками поясницу и скорчил довольную гримасу, когда затрещал позвоночник. — Я думаю, на сегодня мы поговорили достаточно. И тебе пока нет нужды принимать решение.

— Мама вернулась, — заметила Фрэн.

Он обернулся, чтобы проследить за ее взглядом. Универсал сворачивал на подъездную дорожку, хромированные поверхности сверкали в лучах заходящего солнца. Карла увидела их, посигналила и весело махнула рукой.

— Я должна ей сказать.

— Да, но подожди денек-другой, Фрэнни.

— Ладно.

Она помогла ему собрать садовые инструменты, и они вместе направились к универсалу.

Глава 7

В рассеянном свете, какой ложится на землю сразу после захода солнца, но до наступления настоящей темноты, в одну из нескольких коротких минут, которые киношники называют «волшебным часом», Вик Полфри вынырнул из забытья, на короткое время обретя ясность сознания.

Я умираю, подумал он, и слова странным образом лязгнули в мозгу, будто произнесенные вслух, хотя на самом деле он их не озвучивал.

Он осмотрелся и увидел, что лежит на больничной кровати, изголовье которой поднято, чтобы облегчить доступ воздуха в легкие, не дать им слипнуться. Одеяло было закреплено латунными прищепками, боковины кровати тоже подняты. *Наверное, я метался из стороны в сторону*, с легким удивлением подумал он. *И пинался*. Тут же пришла новая мысль: *Где я?*

Ему на шею повязали слюнявчик, покрытый сгустками слизи. Голова болела. Странные идеи плясали в мозгу. Он знал, что был в забытьи... и скоро опять в него провалится. Он заболел, а пришел в себя не потому, что выздоровел или начал выздоравливать, — просто получил короткую передышку.

Вик прикоснулся внутренней стороной запястья ко лбу и отдернул руку, как от печки. Он весь горел, а еще его утыкали трубками. Две маленькие — пластиковые — выходили из ноздрей. Еще одна змеилась из-под больничной простыни к бутыли на полу, и он точно знал, к чему присоединен другой ее конец. Трубки от двух бутылок, закрепленных на штативе, сливались в одну, образуя букву «Y», а та иглой впивалась в его руку чуть пониже локтя. Внутривенное питание.

Казалось бы, достаточно, подумал он, но к нему тянулись провода, закрепленные на черепе, и на груди, и на левой руке. Один из них, похоже, прилепили к гребаному пупку. И в довершение всего он абсолютно не сомневался, что ему в жопу тоже вогнали какую-то хрень. Что, скажите на милость, это могло быть? Детектор дерьма?

— Эй!

Он собирался крикнуть громко, негодующе. Но изо рта вырвался едва слышный шепот смертельно больного человека. И вместе со звуком вырвалась слизь, которая, похоже, душила Вика.

Мама, Джордж завел лошадь в стойло?

Это уже из бреда. Абсурдная фраза, метеором пронесшаяся сквозь более здравые мысли. Тем не менее она чуть не сбила его с толку. Он понимал, что в сознании ему долго не продержаться. Полфри охватила паника. Глянув на щепки, в которые превратились его руки, он догадался, что похудел фунтов на тридцать, хотя

и так не страдал от излишнего веса. Это... что бы это ни было... намеревалось его убить. И сама идея, что он умрет, бормоча всякую чушь, как выживший из ума старик, ужаснула Вика.

Джордж уехал на свидание с Нормой Уиллис. Ты заведешь лошадь сам, Вик, и будь хорошим мальчиком, повесь ей торбу с овсом.

Это не моя работа.

Виктор, ты же любишь свою мамочку.

Люблю. Но это не...

Ты должен любить свою мамочку. У мамочки грипп. Нет, мама, это не грипп. У тебя туберкулез, и он убьет тебя в тысяча девятьсот сорок седьмом. А Джорджу предстоит умереть ровно через шесть дней после того, как он попадет в Корею. Этого времени как раз хватит, чтобы отправить одно письмо, а потом — бах-бах-бах. Джордж...

Вик, помоги мне и немедленно заведи эту лошадь! Я больше повторять не буду!

— Это у меня грипп, а не у нее, — прошептал он, вновь выныривая из небытия. — У меня.

Он смотрел на дверь и думал, что она чертовски странная, даже для больницы. С закругленными углами и заклепками по периметру, а порог приподнят над кафельным полом дюймов на шесть, не меньше. Даже такой неопытный плотник, как Вик Полфри, мог бы

(*дай мне комиксы, Вик, ты уже насмотрелся вдоволь*)

(*Мама, он отнял у меня комиксы! Отдай! Отда-а-а-ай!*)

соорудить дверь и получше. Да она ведь...

(*стальная*)

Мысль эта гвоздем вонзилась в мозг, и Вик попытался сесть, чтобы разглядеть дверь получше. Да, так и есть. Определенно, так и есть. Стальная дверь. Почему он в больнице за стальной дверью? Что случилось? Он действительно умирает? Может, ему пора подумать, как он предстанет перед Господом? Господи, что *произошло*? Он безуспешно попытался пробиться сквозь заполняющий голову серый туман, но услышал лишь доносящиеся издалека голоса, не в состоянии даже вспомнить их обладателей.

И вот что я вам скажу... они просто должны заявить... в задницу всю эту инфляционную хрень...

Лучше отключи колонки, Хэп.

(Хэп? Билл Хэпскомб? Кто это? Мне знакомо *это имя)*

Господи...

Да, мертвы...

Дай мне руку, и я вытащу тебя отсюда...

Дай мне комиксы, Вик, ты уже...

В этот момент солнце достаточно низко опустилось за горизонт, чтобы сработал светочувствительный (точнее, активируемый отсутствием света) датчик. В палате Вика зажглись лампы. Едва палата осветилась, он увидел лица, напряженно наблюдавшие за ним сквозь двойное стекло, и вскрикнул, подумав, что это те самые люди, которые ведут разговоры у него в голове. Один из них, мужчина в белом докторском халате, делал энергичные знаки кому-то еще, остававшемуся за пределами поля зрения Вика, но Вик уже преодолел страх. Он слишком ослабел, чтобы бояться. Однако этот внезапный испуг, вызванный бесшумным включением ламп, и появление лиц за стеклом (люди в белых халатах казались присяжными-призраками) расчистили часть завалов в его мозгу, и он понял, где находится. Атланта. Атланта, штат Джорджия. Они приехали и забрали его — его, и Хэпа, и Норма, и жену Норма, и детей Норма. Они забрали Хэнка Кармайкла. Стью Редмана. И одному Богу известно, сколько еще народу. Вик испугался и вознегодовал. Конечно, он чихал, и сопли летели во все стороны, но уж наверняка у него не было холеры или той заразы, что убила беднягу Кэмпиона и его семью. Вик тогда немного температурил. Он вспомнил, как Норм Бруэтт споткнулся, и ему пришлось помочь подняться по трапу в самолет. Его перепуганная жена плакала, и маленький Бобби Бруэтт тоже плакал — плакал и кашлял. Надрывным, крупозным кашлем. Самолет поджидал их на небольшой взлетно-посадочной полосе рядом с Брейнтри, но чтобы выбраться из Арнетта, им пришлось проехать блокпост на шоссе 93, и люди там натягивали колючую проволоку... Натягивали колючую проволоку от дороги в пустыню...

Над странной дверью вспыхнула красная лампочка. Раздался шипящий звук, а потом словно включился насос. Когда шум смолк, дверь открылась. Вошел человек, одетый в огромный белый скафандр с прозрачным окошком в шлеме. За окошком покачивалась голова мужчины, напоминая воздушный шарик в капсуле. На спине у него крепились баллоны со сжатым воздухом, и заговорил он металлическим, монотонным голосом, лишенным всех человеческих интонаций. Такой голос мог звучать в какой-

нибудь видеоигре, говоря: «Попытайся снова, Космический кадет», — после того как ты просрал последнюю попытку.

— Как вы себя чувствуете, мистер Полфри? — проскрежетал мужчина.

Но Вик не смог ответить. Он вновь погрузился в зеленые бездны. За прозрачным окошечком белого скафандра Вик видел свою мать. Мамочка была одета в белое, когда папочка привез его и Джорджа в санна-торий на последнее свидание с ней. Ей пришлось поехать в санна-торий, чтобы никто из них не заразился от нее. Туберкулез заразен. От него умирают.

Он разговаривал с мамой... сказал, что будет послушным и заведет лошадь в стойло... сказал, что Джордж отнял комиксы... спросил, не лучше ли ей... спросил, скоро ли она сможет приехать домой... и человек в белом скафандре сделал ему укол, и он еще глубже погрузился в бездну, а слова его стали бессвязными. Человек в белом скафандре оглянулся на лица за стеклянной стеной и покачал головой.

Подбородком включил переговорное устройство и произнес:

— Если это не подействует, к полуночи мы его потеряем.

Для Вика Полфри «волшебный час» закончился.

— Просто закатайте рукав, мистер Редман, — попросила его хорошенькая темноволосая медсестра. — Это не займет и минуты. — Она держала в руках — в перчатках — манжету для измерения давления. И улыбалась за пластиковой маской, словно сообщила ему какой-то веселый секрет.

— Нет, — отказался Стью.

Улыбка чуть поблекла.

— Нам надо только измерить давление. Это не займет и минуты.

— Нет.

— Распоряжение доктора. — Ее тон стал деловым. — Пожалуйста!

— Если это распоряжение доктора, дайте мне с ним поговорить.

— Боюсь, сейчас он занят. Если вы только...

— Я подожду, — спокойно ответил Стью, даже не пытаясь расстегнуть пуговицу на рукаве рубашки.

— Это просто моя работа. Вы ведь не хотите, чтобы у меня были неприятности, не правда ли? — Она обаятельно заулыбалась. — Если б вы только позволили мне...

— Не позволю, — сказал Стью. — Идите и скажите им. Они кого-нибудь пришлют.

С обеспокоенным видом сестра подошла к стальной двери и повернула в замочной скважине квадратный ключ. Включился насос, дверь с шипением открылась, и медсестра вышла из палаты, с упреком взглянув на Стью. Тот смотрел на нее с каменным лицом.

Едва дверь закрылась, он встал и нетерпеливо подошел к окну, двойному и зарешеченному, но на улице уже совсем стемнело, поэтому увидеть что-либо не удалось. Стью вернулся и сел. На нем были линялые джинсы и клетчатая рубашка, а его коричневые высокие ботинки с прошитой подошвой уже начали выпячиваться по бокам. Он провел рукой по щеке и недовольно поморщился: колется. Ему не позволили побриться, а борода у него росла быстро.

Стью не возражал против обследований. Его возмущало другое: неведение и страх. Он не заболел, по крайней мере пока, но сильно перепугался. Тут велась какая-то нечестная игра, и он не собирался принимать в ней участие, пока кто-нибудь не объяснит ему, что произошло в Арнетте и какое отношение к случившемуся имеет тот бедолага Кэмпион. Тогда Стью хотя бы будет знать, что его страхи не беспочвенны.

Они ожидали, что он начнет расспрашивать их раньше, — это читалось в их глазах. Они умели скрывать правду от тех, кто попадал в больницу. Четыре года назад его жена умерла от рака в возрасте двадцати семи лет. Болезнь зародилась у нее в матке, а потом с быстротой лесного пожара распространилась по всему телу, и Стью помнил, как они обходили ее вопросы, либо меняя тему, либо пускаясь в долгие, пересыпанные специальными терминами объяснения. Поэтому он и не спрашивал ни о чем, отмечая про себя, что их это беспокоит. Сейчас же настало время вопросов, и он рассчитывал получить на них ответы. Простые и ясные.

Некоторые белые пятна он мог заполнить самостоятельно. Кэмпион, его жена и ребенок заболели чем-то чертовски опасным. Начиналась болезнь как обычный грипп или летняя простуда, но дальше состояние ухудшалось и ухудшалось до тех пор,

пока, по всей видимости, ты не захлебывался в собственных соплях или тебя не сжигала температура. При этом болезнь была чрезвычайно заразной.

Они приехали и забрали его семнадцатого, во второй половине дня, двумя сутками ранее. Четыре солдата и врач. Вежливые, но решительные. Об отказе вопрос не стоял — солдаты пришли с оружием. Именно тогда Стью Редман начал бояться.

Потом колонна автомобилей покинула Арнетт и прибыла к взлетно-посадочной полосе рядом с Брейнтри. Стью ехал с Виком Полфри, Хэпом, Бруэттами, Хэнком Кармайклом и его женой и двумя сержантами. Все они набились в армейский фургон, и военные за всю дорогу не произнесли ни слова, не ответив ни на один истерический вопрос Лайлы Бруэтт.

В другие фургоны людей набилось не меньше. Всех Стью, конечно, не видел, но разглядел пятерых Ходжесов и Криса Ортегу, брата Карлоса, водителя «скорой». Крис работал барменом в «Голове индейца». Стью увидел Паркера Нейсона с женой, пожилую пару, которая жила в трейлере на стоянке неподалеку от дома Стью. Он догадался, что вывозили тех, кто находился на заправочной станции, когда Кэмпион сшиб колонки, и всех, с кем они после этого общались.

На выезде из города дорогу перегораживали два оливково-зеленых грузовика. Стью решил, что точно так же блокированы и остальные дороги, ведущие в Арнетт. Солдаты натягивали колючую проволоку, а потом, взяв город в кольцо, наверное, выставили по периметру часовых.

Получалось, что все серьезно. Смертельно серьезно.

Он терпеливо сидел на стуле рядом с больничной кроватью, которой так и не воспользовался, и ждал, что сестра кого-нибудь приведет. Но не слишком скоро. Может быть, к утру они наконец пришлют к нему человека, имеющего право ответить на вопросы. Он мог подождать. Стюарт Редман всегда отличался завидным терпением.

Чтобы чем-то себя занять, он начал вспоминать состояние людей, которые приехали вместе с ним на взлетно-посадочную полосу. Совсем больным выглядел только Норм. Он кашлял, отхаркивал мокроту, температурил. У остальных симптомы ничем не отличались от обычной простуды. Люк Бруэтт чихал. Лайла Бруэтт и Вик Полфри покашливали. У Хэпа лило из носа, он непре-

рывно сморкался. Да, они не слишком отличались от учеников младших классов тех времен, когда Стью ходил в начальную школу. Две трети детей постоянно чихали, сморкались и кашляли.

Но больше всего его испугало событие — возможно, речь шла о простом совпадении, — случившееся в тот момент, когда они ехали по взлетно-посадочной полосе. Водитель фургона трижды оглушительно чихнул. Да, вероятно, совпадение, ничего больше. В июне восток центральной части Техаса — не лучшее место для аллергиков. Или, может, водитель всего лишь простудился, а не подхватил то же дерьмо, что и они все. Стью хотелось в это верить. Потому что если болезнь распространялась с такой скоростью...

Их армейские сопровождающие тоже загрузились в самолет. На контакт не шли, отказываясь отвечать на любые вопросы, за исключением места назначения. Они летят в Атланту, там их введут в курс дела (откровенная ложь). Чего-то большего от военных добиться не удалось.

Во время полета Хэп сидел рядом со Стью и крепко набрался. Самолет за ними прислали тоже военный, чисто функциональный, но кормили и поили, как в салоне первого класса. Разумеется, заказ принимала не смазливая стюардесса, а сержант с каменным лицом, но если не обращать на это внимания, в остальном претензий к обслуживанию не было. Даже Лайла Бруэтт чуть успокоилась после двух «Кузнечиков»*.

Хэп наклонился ближе, обдав Стью теплым туманом паров скотча.

— Забавная компания добрых старичков, Стюарт. Все старше пятидесяти, ни у одного нет обручального кольца. Профессиональные военные, низкий ранг.

За полчаса до посадки Норм Бруэтт впал в забытье, и Лайла начала кричать. Двое каменнолицых стюардов завернули Норма в одеяло и вынесли из салона. Лайла — от спокойствия не осталось и следа — продолжала голосить. Через какое-то время она выблевала «Кузнечиков» и ранее съеденный сандвич с куриным салатом. Пара добрых старичков бесстрастно принялась за уборку.

---

* «Кузнечик» — коктейль, обязательным ингредиентом которого является мятный ликер.

— Что все это значит? — кричала Лайла. — Что с моим мужем? Мы все умрем? Мои крошки умрут? — Руками она обхватила шеи обеих «крошек», вдавив их головы в свои внушительные груди. Люк и Бобби выглядели испуганными, смущенными и даже раздраженными из-за того, что она привлекала к себе, а потому и к ним, всеобщее внимание. — Почему мне никто не отвечает? Или мы не в Америке?

— Никто не может заткнуть ей рот? — пробурчал Крис Ортега из хвостовой части салона. — Кричащая женщина хуже музыкального автомата с заевшей пластинкой.

Один из армейских стюардов заставил Лайлу выпить стакан молока, и она таки замолчала. Остаток пути она провела, уставившись в иллюминатор на проносящуюся под крылом страну и что-то напевая себе под нос. Стью догадался, что в стакан налили не просто молоко.

После посадки их поджидали четыре «кадиллака»-лимузина. Жители Арнетта расселись по трем. Их армейские сопровождающие разместились в четвертом. Стью предполагал, что добрые старички без обручальных колец — и, возможно, их близкие родственники — находятся сейчас в других палатах этого же здания.

Над дверью вспыхнула красная лампочка. Когда компрессор или насос (или что там у них за штука) наконец прекратил работать, в комнату шагнул человек в белом космическом скафандре. Доктор Денниндже́р. Молодой, с темными волосами, смуглой кожей, резкими чертами лица и бледными губами.

— Патти Грир говорит, что вы доставляете ей много хлопот, — донеслось из динамика на груди у Денниндже́ра. — Она очень расстроена.

— Не из-за чего ей расстраиваться, — непринужденно ответил Стью. Ему с трудом удалось добиться такой непринужденности, но он чувствовал, насколько важно скрыть свой страх от этого человека. Судя по виду и поведению Денниндже́ра, он не давал спуска своим подчиненным, однако, как верный пес, вылизывал зад начальству. Такого человека не составляло труда подвинуть в нужном направлении, если он думал, что в твоей руке кнут. Но стоило ему учуять в тебе страх, ситуация менялась с точностью до наоборот: ты слышал от него лишь «Извините, больше ничего не могу сказать» и видел полнейшее презрение к тупым граждан-

ским, которые хотели знать слишком много, не соображая, что для их же блага лучше не знать ничего. — Я хотел бы получить кое-какие ответы.

— Извините, но...

— Если вы хотите, чтобы я с вами сотрудничал, ответьте мне на мои вопросы.

— Со временем вам...

— Я могу усложнить вам жизнь.

— Это мы знаем! — раздраженно бросил Денниндже р. — Я просто не имею права что-либо вам говорить, мистер Редман. И сам знаю очень мало.

— Думаю, вы сделали анализ моей крови. Все эти иголки...

— Это так, — осторожно сказал Денниндже р.

— Для чего?

— Повторяю, мистер Редман, я не могу сказать вам то, чего сам не знаю. — В его голосе вновь появились раздраженные нотки, и Стью решил, что он говорит правду. В сложившейся ситуации Денниджера использовали втемную, как почетного лаборанта, и все это, похоже, не слишком-то ему нравилось.

— В моем городе введен карантин.

— Об этом мне также ничего не известно. — Но теперь Денниндже р отвел глаза, и Стью подумал, что это ложь.

— Почему об этом до сих пор ничего не сообщили? — Он указал на привинченный к стене телевизор.

— Простите?

— Если блокируют выезды из города и натягивают вокруг колючую проволоку, это из разряда новостей, — пояснил Стью.

— Мистер Редман, если вы позволите Патти измерить вам давление...

— Нет. Если вам что-нибудь от меня понадобится, лучше прислать двух крепких, здоровых мужиков. Но сколько бы вы их ни прислали, я приложу все силы, чтобы проделать несколько дырок в их защитных костюмах. Они не выглядят слишком уж прочными, знаете ли.

Он шутливо протянул руку к костюму Денниндже ра, и тот отпрянул, едва не упав. Из динамика вырвался испуганный писк, а за двойным стеклом засуетились.

— Думаю, вы можете подсыпать мне что-нибудь в еду и вырубить меня, но это скажется на результатах анализов, верно?

— Мистер Редман, вы ведете себя неблагоразумно! — Денниндджер старался держаться на приличном расстоянии. — Ваше нежелание сотрудничать с нами может причинить огромный урон всей стране. Вы понимаете меня?

— Нет, — покачал Стью. — В настоящий момент у меня такое ощущение, что это моя страна причиняет мне огромный урон. Меня заперли в больничной палате в Джорджии в компании со сладкоголосым кретином-врачом, который не может отличить говно от варенья. Вали отсюда и пришли кого-нибудь, кто поговорит со мной, или дюжих молодцов, которые смогут силой добиться того, что вам нужно. Но я буду сопротивляться, даже не сомневайтесь.

После ухода Денниндджера Стью так и не слез со стула. Медсестра больше не появлялась. Не появились и два крепких санитара, чтобы помочь ей измерить его давление. Поразмыслив об этом, он решил, что даже такой пустяк, как показатели давления, не принесет особой пользы, если получить их силой. Похоже, на какое-то время его оставили вариться в собственном соку.

Он поднялся, включил телевизор, невидяще уставился в экран. Страх внутри разрастался, грозя выйти из-под контроля. Двое суток он ждал, что начнет чихать, кашлять, отхаркивать черную слизь и сплевывать ее в горшок. Ему хотелось знать, как обстоят дела у других — тех, с кем он провел всю жизнь. Плохо ли кому-нибудь так же, как было плохо Кэмпиону? Стью подумал о мертвой женщине с ребенком в старом «шеви», только теперь женщина превратилась в Лайлу Бруэтт, а ребенок — в Черил Ходжес, какими он их запомнил во время перелета в Атланту.

Телевизор крякал и потрескивал. Сердце медленно билось в груди. Едва слышно шумел очиститель воздуха. Стью чувствовал, как за его бесстрастным лицом извивается и ворочается страх. Иногда он становился огромным и паническим, сокрушающим все на своем пути, будто слон. Иногда оставался маленьким и гложущим, с острыми зубками, будто крыса. Но не отпускал ни на мгновение.

Только через сорок часов к нему прислали человека, который имел право говорить...

Глава 8

Восемнадцатого июня, через пять часов после разговора со своим кузеном Биллом Хэпскомбом, Джо Боб Брентвуд остановил лихача на техасском шоссе 40, примерно в двадцати пяти милях к востоку от Арнетта. Звали лихача Гарри Трент, жил он в Брейнтри и работал страховым агентом. Гарри Трент мчался со скоростью шестьдесят пять миль в час при разрешенных пятидесяти. Джо Боб выписал ему штрафную квитанцию. Трент покорно взял ее, а потом позабавил Джо Боба, попытавшись уговорить застраховать дом и жизнь. Джо Боб чувствовал себя прекрасно и вовсе не думал о смерти. Тем не менее он уже заболел. На автозаправочной станции «Тексако» Билла Хэпскомба Джо Боб заправился не только бензином. И Гарри Трент, в свою очередь, получил от него не одну лишь штрафную квитанцию.

Гарри, мужчина общительный, любил свою работу и в ближайшие дни заразил более сорока человек. Скольким людям передали заразу эти сорок, подсчитать невозможно — с тем же успехом можно спрашивать, сколько ангелов могут танцевать на булавочной головке. Если брать по минимуму, скажем, по пять на каждого, получится двести. Исходя из того же минимума нетрудно подсчитать, что двести заразили тысячу, тысяча — пять тысяч, пять тысяч — *двадцать* пять тысяч.

Под калифорнийской пустыней, на деньги налогоплательщиков, кто-то наконец изобрел эффективное «письмо счастья». По-настоящему смертоносное «письмо счастья».

Девятнадцатого июня, в тот самый день, когда Ларри Андервуд вернулся домой в Нью-Йорк, а Фрэнни Голдсмит рассказала отцу о грядущем появлении Маленького Незнакомца, Гарри Трент, находясь в восточном Техасе, остановился на ленч в кафе «У Бейба едят быстро». Заказал комплекс с чизбургером и фирменный клубничный пирог на десерт. Его донимала легкая простуда, а может, аллергический насморк, и он постоянно чихал, иногда сплевывая мокроту. По ходу ленча он заразил Бейба, женщину, которая мыла посуду, двух дальнобойщиков, сидевших в угловой кабинке, мужчину, что привез хлеб, и еще одного, приехавшего поменять пластинки в музыкальном автомате. Обаятельной официантке, которая обслуживала его столик, он оставил на чай доллар, обсиженный смертью.

Когда Гарри Трент направлялся к своей машине, на автомобильную стоянку свернул универсал с багажником на крыше, набитый детьми и вещами. Гарри обратил внимание на нью-йоркские номерные знаки, да и водитель, который опустил стекло, чтобы спросить, как проехать к федеральному шоссе 21, говорил с нью-йоркским акцентом. Гарри подробнейшим образом объяснил дорогу — и при этом, сам того не зная, подписал смертные приговоры и водителю, и всей его семье.

Эдуард М. Норрис, лейтенант полиции, отдел расследования убийств, служил в 87-м участке «Большого яблока» и вырвался в настоящий отпуск впервые за пять лет. Он и его семья отлично проводили время. Дети были на седьмом небе, попав в «Дисней уорлд» в Орландо. Понятия не имея, что вся его семья умрет еще до второго июля, Норрис намеревался сказать этому мрачному сукину сыну Стиву Карелле*, что очень даже возможно вывезти жену и детей куда-нибудь на машине и нисколько об этом не пожалеть. «Стив, — собирался сказать он, — ты, может, и хороший детектив, но человек, который не в состоянии держать в узде собственную семью, не стоит скважины, пробуренной мочой в сугробе».

Семья Норриса быстренько поела у Бейба, а потом, следуя замечательным указаниям Гарри Трента, поехала к шоссе 21. Эд и его жена Триш восторгались гостеприимством южан, тогда как трое их детей возились на заднем сиденье. «Одному только Богу известно, — думал Эд, — что бы в такой вот ситуации выделывала парочка монстров Кареллы».

На ночь они остановились в кемпинге, расположенном в Юстасе, штат Оклахома. Эд и Триш заразили клерка. Дети, Марша, Стэнли и Гектор, заразили детей, игравших на детской площадке кемпинга, — а дети эти со своими семьями направлялись в западный Техас, Алабаму, Арканзас и Теннесси. Триш заразила двух женщин, которые стирали белье в прачечной-автомате в двух кварталах от кемпинга. Эд, идя по коридору за льдом, заразил попавшегося ему по дороге мужчину. Каждый вносил свою лепту.

---

* Стив Карелла — главный герой полицейского сериала о 87-м участке американского писателя Эда Макбейна (1926—2005).

Перед рассветом Триш разбудила Эда, чтобы сказать, что Гек, их младшенький, заболел. Мальчик хрипло кашлял, и у него поднялась температура. Эд Норрис застонал и предложил дать малышу аспирин. Если бы этот чертов круп проявился через четыре или пять дней, ребенок заболел бы уже дома, и у Эда остались бы воспоминания об идеальном отпуске (не говоря уже о завистливых взглядах коллег, которые он рассчитывал увидеть, расписывая свою райскую жизнь). Из соседней комнаты доносился надрывный детский кашель.

Триш надеялась, что к утру Гектору полегчает — ведь при крупе требовался постельный режим, — но к полудню двадцатого она признала, что лучше малышу не становится. Аспирин не справлялся с температурой, она поднялась так высоко, что глаза у бедного Гека ярко блестели, словно стеклянные. В кашле появились хрипы, которые ей совершенно не нравились, как и затрудненное, свистящее дыхание. Что бы это ни было, Марша, похоже, тоже заразилась, да и у самой Триш начало неприятно першить в горле, и время от времени ей приходилось откашливаться, хотя, конечно, ее кашель не шел ни в какое сравнение с кашлем малыша.

— Мы должны показать Гека доктору, — пришла она к неутешительному выводу.

Эд свернул на станцию обслуживания и сверился с картой, прикрепленной к солнцезащитному козырьку. Они находились в Хаммер-Кроссинг, штат Канзас.

— Ну, не знаю. Может, нам удастся хотя бы найти врача, который даст направление в больницу. — Он вздохнул, раздраженно провел рукой по волосам. — Хаммер-Кроссинг, Канзас! Господи! Ну почему он так тяжело заболел, что нам понадобился врач в этой чертовой глуши?

— Тут написано, что Джесси Джеймс* ограбил здесь банк, папочка, — подала голос Марша, которая смотрела на карту поверх отцовского плеча. — Дважды.

— На хрен Джесси Джеймса, — пробурчал Эд.

— Эд! — воскликнула Триш.

---

* Имеется в виду Джесси Вудсон Джеймс (1847—1882) — американский преступник XIX в. Нередко в литературе изображается как своего рода Робин Гуд Дикого Запада, что не соответствует действительности.

— Извини. — Но сожаления Эд совершенно не испытывал. Они поехали дальше.

После шести звонков — и всякий раз Эду Норрису приходилось обеими руками душить свою вспыльчивость — они нашли врача в Поллистоне. Тот согласился взглянуть на Гектора при условии, что они подъедут до трех часов дня. Поллистон находился в стороне от их маршрута, двадцатью милями западнее Хаммер-Кроссинга, но к тому моменту состояние Гектора уже вышло на первый план. Эд тревожился не на шутку. Никогда раньше ему не приходилось видеть такого квелого ребенка.

До приемной доктора Брендена Суини они добрались к двум часам дня. К тому времени Эд уже и сам чихал. В приемной сидели многочисленные пациенты, так что к доктору они попали лишь около четырех. Триш не удавалось вывести Гека из полубессознательного состояния, и она чувствовала, что у нее тоже поднялась температура. Только девятилетнему Стэну Норрису хватало бодрости нетерпеливо ерзать на стуле.

Ожидая в приемной доктора Суини, они передали болезнь, которая скоро станет известна в разваливающейся стране как «Капитан Торч», почти трем десяткам человек, включая почтенную женщину, приехавшую только для того, чтобы оплатить счет. Тем же вечером она заразила всех членов бридж-клуба.

Эту почтенную женщину, миссис Роберт Брэдфорд, в бридж-клубе знали как Сару Брэдфорд, тогда как муж и близкие подруги звали ее Булочкой. В тот вечер Сара отлично играла, возможно потому, что пару ей составляла Анжела Дюпрей, ее лучшая подруга. Они понимали друг друга без слов, словно общаясь телепатически, и уверенно выиграли все три роббера, а в последнем сделали «большой шлем». Без ложки дегтя, правда, не обошлось — Сара вроде бы почувствовала, что у нее начинается простуда. Такая несправедливость: она только-только оправилась от предыдущей.

После того как в десять часов игра закончилась, они с Анжелой зашли в коктейль-бар, чтобы пропустить стаканчик-другой. Анжела домой не торопилась: в этот вечер была очередь Дэвида приглашать друзей на покер, а она не могла заснуть в таком шуме... без снотворного, которое сама себе прописывала, на этот раз — в виде двух шипучих коктейлей с джином и терновым соком.

Сара заказала «Вард-8»*, и обе женщины вновь обсудили подробности своей сегодняшней победы. По ходу этого обсуждения им удалось заразить всех посетителей коктейль-бара, включая двух молодых людей, которые пили пиво за одним из соседних столиков. Молодые люди направлялись в Калифорнию — точно так же, как в свое время Ларри Андервуд и его друг Руди Шварц, в поисках удачи. Общий приятель пообещал им работу в компании по перевозке мебели. На следующий день они уехали на запад, попутно распространяя болезнь.

«Письма счастья» не работают. Это установленный факт. Ты никогда не получишь обещанный миллион долларов, даже если отправишь один-единственный доллар на имя первого человека в списке, добавив себя в конце, после чего разошлешь письма пятерым своим друзьям. Но данное конкретное «письмо счастья», «Капитан Торч», сработало очень даже хорошо. Пирамида действительно сложилась, только не от основания к вершине, а от вершины (ею стал умерший охранник Чарльз Кэмпион) к основанию. Все куры возвращались домой на ночлег. И, играя роль почтальона, который принес бы каждому отправившему «письмо счастья» мешки с запечатанными в конверты долларами, «Капитан Торч» принес миллионы спален, в которых лежало одно или два тела, траншеи и ямы, в которых хоронили умерших, и, наконец, просто трупы, которые сбрасывали в океан на обоих побережьях, в каменоломни и в котлованы под строившиеся дома. А когда веселье расцвело пышным цветом, трупы, само собой, оставались гнить там, где упали.

Сара Брэдфорд и Анжела Дюпрей пешком вернулись к своим припаркованным автомобилям (по пути заразив еще четверых или пятерых человек, которых встретили на улице), чмокнули друг друга в щечку и разъехались. Анжела отправилась домой, чтобы заразить мужа, пятерых его приятелей, игравших в покер, и дочь-подростка Саманту. Девушка очень боялась, что подхватила триппер от своего бойфренда, о чем родители не имели ни малейшего понятия. И, если на то пошло, она его действительно подхватила. Но посмотрим правде в глаза: волноваться из-за этого не стоило.

---

* «Вард-8» — коктейль из ржаного виски со свежевыжатыми апельсиновым и лимонным соками.

По сравнению с той заразой, что принесла домой ее мать, триппер не тянул и на маленький прыщик на носу.

На следующий день Саманта пошла в плавательный бассейн поллистонского отделения Молодежной женской христианской организации, где заразила всех купающихся.

И так далее.

Глава 9

На него напали вскоре после захода солнца, когда он шел по обочине шоссе 27, которое милей ранее, в городе, называлось Главной улицей. Отшагав еще пару миль, он собирался повернуть на запад по шоссе 63, которое привело бы его к автостраде и началу долгого путешествия на север. Возможно, только что выпитые два стакана пива несколько притупили его чувства, но он сразу понял: что-то неладно. И едва успел подумать о четверых или пятерых здоровяках, сидевших в дальнем конце бара, как они выскочили из укрытия и набросились на него.

Ник сопротивлялся отчаянно, уложил одного, расквасил нос другому. На какие-то мгновения у него даже возникла надежда, что действительно есть шанс вырваться. Он дрался, не издавая ни звука, и это слегка их нервировало. Бандиты не очень-то наседали, возможно, потому, что раньше такие победы давались им без труда, и они никак не ожидали серьезного сопротивления от тощего паренька с рюкзаком на спине.

Но тут один сумел ударить его в подбородок, рассек нижнюю губу чем-то вроде перстня выпускника, и теплая кровь наполнила рот Ника. Он отшатнулся, и кто-то схватил его за руки. Ник принялся вырываться, но только сумел высвободить одну руку, когда кулак, словно сошедшая с орбиты луна, врезался ему в лицо. Прежде чем правый глаз закрылся от удара, он успел заметить все тот же перстень, тускло поблескивающий в свете звезд. Теперь звезды заплясали у него в голове, и он почувствовал, как сознание медленно меркнет, удаляясь в неизвестном направлении.

Испугавшись, он стал драться еще яростнее. Человек с перстнем снова оказался перед ним, и Ник, боясь, что ему вновь поранят лицо, ударил его в живот. У Перстня перехватило дыхание, и

он согнулся пополам, издавая какие-то ухающие звуки, словно страдающий ларингитом терьер.

Остальные надвинулись. Ник видел теперь только силуэты крупных мужчин — хороших парней, так они себя называли — в серых рубашках с закатанными рукавами, демонстрировавшими большие, загорелые бицепсы. Все в массивных высоких ботинках. Сальные волосы падают на лоб. В сумерках эти люди казались дурным сном. Кровь заливала Нику открытый глаз. Его рюкзак сорвали со спины. Удары посыпались градом, и он превратился в бескостную, дергающуюся марионетку, подвешенную на истертой нити. Но не отключился полностью. Пока они продолжали его лупить, он слышал их тяжелое дыхание да звучную трель козодоя, доносящуюся из сосновой рощи.

Перстень поднялся.

— Держите его, — распорядился он. — Держите за волосы.

Ника схватили повыше локтей. Кто-то запустил обе руки в его жесткие черные волосы.

— Почему он не орет? — с тревогой спросил один из них. — Почему он не орет, Рэй?

— Я же велел не называть имен! — рыкнул Перстень. — Мне насрать, почему он не орет. Сейчас я его уделаю. Сопляк ударил меня. Пустил в ход грязный прием. Ишь чего удумал!

Кулак понесся на Ника. Тот отдернул голову в сторону, и перстень оставил борозду у него на щеке.

— Я же говорю, держите его! — прорычал Рэй. — С кем я связался? С компанией шлюх?

Кулак опустился. Нос Ника превратился в лопнувший помидор. Теперь он хлюпал при каждом вдохе. Сознание сузилось до узкого луча фонарика-карандаша. Ник открыл рот и жадно глотнул ночной воздух. Снова запел козодой, сладко и одиноко. Как и в прошлый раз, Нику было не до него.

— Держите его! — приказал Рэй. — Держите, черт вас побери!

Кулак опустился. Два передних зуба искрошились, приняв на себя таран перстня. Было дико больно, однако кричать Ник не мог. Ноги подогнулись, и он осел, но чьи-то руки держали его, как мешок с зерном.

— Рэй, достаточно! Ты что, хочешь его убить?

— Держите его. Сопляк ударил меня. Сейчас я его уделаю.

На шоссе, к которому в этом месте с двух сторон подходили кусты и возвышающиеся над ними огромные старые сосны, появились фары приближающейся машины.

— О Господи!

— Бросайте его, бросайте!

Голос Рэя, вот только самого Рэя Ник уже не видел. За это стоило поблагодарить судьбу, но большую часть сохранившегося у него сознания занимала боль во рту. Он ощущал на языке осколки зубов.

Чьи-то руки толкнули Ника, вышвырнули на середину дороги. Приближающиеся круги света выхватили его из темноты, как актера на сцене. Завизжали тормоза. Ник замахал руками, попытался заставить ноги идти, но те не послушались, бросили его на произвол судьбы. Он упал на асфальт и в визжащем скрипе тормозов и шин, заполнившем мир, молча ждал, когда его переедут. Хотя бы прекратится эта жуткая боль во рту.

Потом ему в щеку брызнули камешки, и он понял, что смотрит на колесо, остановившееся менее чем в футе от его лица.

Один белый камешек застрял в рисунке протектора, словно монетка между пальцами.

Кусок кварца, успел подумать Ник — и отключился.

Придя в себя, он понял, что лежит на кровати. Жесткой — но за последние три года ему довелось лежать и на более жестких поверхностях. С огромным усилием он разлепил глаза. Веки слиплись, и правый глаз, которому досталось от сошедшей с орбиты луны, открылся только наполовину.

Он смотрел в серый потрескавшийся бетонный потолок. Под потолком змеились покрытые теплоизоляцией трубы. По одной из них деловито полз большой жук. Поле зрения Ника пересекала цепь. Он слегка приподнял голову — ее тут же пронзила чудовищная боль — и увидел другую цепь, которой изножье койки крепилось к торчащему из стены стержню.

Он повернул голову влево (еще один приступ боли, но на этот раз не такой убийственный) — и увидел шероховатую бетонную стену. Потрескавшуюся и густо исписанную. Новые надписи, старые, большинство с ошибками. «ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ КЛОПЫ. ЛУИС ДРАКОНСКИ, 1987». «ПРЕДПОЧИТАЮ В ЖОПУ». «БЕЛОЧКА — ЭТО ПРИКОЛЬНО». «ДЖОРДЖ РАМЛИНГ ПРИДУ-

РОК». «Я ПО-ПРЕЖНЕМУ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, СЮЗАННА». «ЭТО МЕСТО СМИРДИТ, ДЖЕРРИ, КЛАЙД Д. ФРЕД 1981». С надписями соседствовали изображения больших обвислых пенисов, огромных грудей, грубых влагалищ. Ник понял, где находится — в тюремной камере.

Он осторожно приподнялся на локтях, перекинул ноги (в бумажных шлепанцах) через край койки, развернулся и сел. Голову вновь пронзила боль, позвоночник тревожно затрещал. Желудок заколыхался, накатила тошнота — та, что предшествует обмороку, из всех тошнот самая неприятная и выбивающая из колеи, при которой хочется криком просить Бога избавить от нее.

Вместо того чтобы кричать — все равно бы не получилось, — Ник наклонился вперед, сжимая щеки руками, дожидаясь, пока приступ пройдет. И через какое-то время он отступил. Ник почувствовал, что щеки залеплены полосками пластыря, и пришел к выводу, что какой-то хирург успел наложить на раны пару-тройку швов.

Он огляделся. Маленькая камера напоминала банку для сардин, поставленную на попа. За изножьем койки — решетчатая дверь. В глубине камеры, за изголовьем — унитаз без крышки и сиденья. Высоко за спиной (это он увидел, очень, очень осторожно изогнув окостеневшую шею) — маленькое, забранное решеткой окно.

Просидев на краю кровати достаточно долго и почувствовав уверенность, что сознание его не покинет, Ник спустил до колен серые пижамные штаны (свою обновку), присел на корточках над унитазом и отливал, наверное, с час. Закончив, поднялся, держась за край кровати, словно старик. С опаской посмотрел в унитаз, боясь увидеть следы крови, но моча была чистая. Спустил воду.

Осторожно дотащился до решетчатой двери и выглянул в короткий коридор. Слева находилась камера для алкашей. На одной из пяти кроватей лежал старик, его рука, будто плеть, свешивалась на пол. Справа коридор заканчивался широко распахнутой дверью. Посреди потолка висела лампа под зеленым абажуром, какие он видел в бильярдных.

Чья-то тень выросла на стене, метнулась к распахнутой двери, а затем в коридоре появился крупный человек в темно-коричневой форме. На кожаном ремне висела кобура с внушительным

пистолетом. Сунув большие пальцы в карманы брюк, он с минуту молча смотрел на Ника. Потом заговорил:

— Когда я был мальчишкой, мы выследили в горах кугуара и застрелили его. Потом двадцать миль волокли в город по твердой земле. Ничего более жалкого, чем то, что осталось от зверя, когда мы добрались до дома, я в своей жизни не видел. Так ты на втором месте после кугуара, малыш.

Ник подумал, что это хорошо подготовленная и заученная речь, тщательно отрепетированная и лелеемая, приберегаемая для приезжих и бродяг, которые время от времени заполняли эти банки для сардин.

— Имя у тебя есть, бандерлог?

Ник приложил палец к распухшим и разбитым губам и покачал головой. Закрыл рот рукой, потом рассек ею воздух по диагонали и опять покачал головой.

— Что? Не можешь говорить? Что за бред сивой кобылы? — Слова звучали достаточно доброжелательно, но интонаций Ник не различал. Он изобразил жестом, что хватает невидимую ручку и начинает ею писать. — Тебе нужен карандаш?

Ник кивнул.

— Если ты немой, то почему у тебя нет специальных карточек?

Ник пожал плечами. Вывернул пустые карманы. Сжал кулаки и побоксировал, отчего голову снова прострелила боль, а из желудка поднялась еще одна волна тошноты. Потом легонько постучал кулаками по вискам, закатил глаза, повис на прутьях решетки. Опять указал на пустые карманы.

— Тебя ограбили?

Ник снова кивнул.

Человек в форме ушел в свой кабинет. Через мгновение вернулся с тупым карандашом и блокнотом. Все это он просунул Нику между прутьями решетки. Каждый листок блокнота украшала шапка из двух строк: «ПАМЯТКА» и «От шерифа Джона Бейкера».

Ник развернул блокнот лицевой стороной к мужчине, постучал карандашным ластиком по фамилии и вопросительно вскинул брови.

— Да, это я. А ты кто?

Ник Эндрос, написал он и просунул руку сквозь прутья решетки.

Бейкер покачал головой:

— Пожимать тебе руку я не буду. Ты еще и глухой, так?

Ник кивнул.

— Что случилось с тобой этим вечером? Доктор Соумс с женой чуть не раздавили тебя, как сурка, малыш.

Избит и ограблен. В миле от бара «У Зака» на Главной улице.

— В этом притоне такому малышу, как ты, делать нечего, бандерлог. Тебе и пить-то еще рано.

Ник возмущенно потряс головой. *Мне двадцать два*, написал он. *И я имею право выпить пару стаканов пива без того, чтобы меня избили и ограбили, верно?*

Бейкер кисло усмехнулся:

— В Шойо, судя по случившемуся, не имеешь. А что ты вообще делаешь в этих местах, малыш?

Ник вырвал первую страничку блокнота, смял ее в комок и бросил на пол. Прежде чем успел начать писать ответ, сквозь прутья молнией метнулась рука и железной хваткой сжала его плечо. Ник вскинул голову.

— Эти камеры убирает моя жена, — объяснил Бейкер, — и нет никакой необходимости здесь сорить. Подними и выброси.

Ник наклонился, поморщившись от боли в спине, и поднял бумажный комок с пола. Отнес к унитазу, бросил в него, затем вопросительно посмотрел на Бейкера. Тот кивнул.

Ник вернулся к решетчатой двери. На этот раз он писал дольше, карандаш так и летал по бумаге. Бейкер подумал, что, наверное, чертовски трудно научить глухонемого ребенка читать и писать, и у этого Ника Эндроса, должно быть, очень хорошая голова, раз уж он осилил такие премудрости. Здесь, в Шойо, штат Арканзас, хватало нормальных парней, для которых грамота осталась непреодолимым препятствием, и многие из них болтались по вечерам в баре «У Зака». Но он полагал, что парнишка, случайно забредший в город, конечно же, этого знать не мог.

Ник протянул блокнот Бейкеру. Там было написано:

Я кочую по стране, но я не бродяга. Весь день работал у человека, которого зовут Ричард Эллертон, в шести милях к западу отсюда. Вычистил хлев и перетаскал сено на сеновал. Прошлую неделю

провел в Уэттсе, Оклахома, ставил забор. Избившие меня люди забрали мой недельный заработок.

— Ты уверен, что работал у Ричарда Эллертона? Я могу и проверить, знаешь ли. — Бейкер вырвал листок с объяснением Ника, сложил до размеров фотографии, какие носят в бумажнике, и сунул в нагрудный карман.

Ник кивнул.

— Ты видел его собаку?

Ник кивнул.

— Какой она породы?

Ник протянул руку за блокнотом.

Большой доберман, написал он. *Но хороший. Не злой.*

Теперь уже кивнул Бейкер. Он повернулся и пошел обратно в кабинет. Ник стоял у решетки, обеспокоенно глядя ему вслед. Через мгновение Бейкер вернулся с большой связкой ключей, отпер решетчатую дверь, сдвинул в сторону.

— Пошли в кабинет, — пригласил он. — Не хочешь позавтракать?

Ник покачал головой, а затем показал жестами, как наливает и пьет.

— Кофе? Понял. Сливки, сахар?

Ник снова покачал головой.

— Пьешь, как и положено мужчине, — рассмеялся Бейкер. — Пошли.

Шериф шел по коридору и продолжал говорить, но Ник не мог разобрать слов, потому что видел спину, а не губы.

— Я не против компании. У меня бессонница. Редкую ночь я сплю больше трех-четырех часов. Жена хочет, чтобы я съездил к какому-то известному врачу в Пайн-Блаффе. Если не пройдет, я, наверное, так и сделаю. Сам видишь — время пять утра, еще даже не рассвело, а я уже сижу, ем яйца и жареную картошку из столовки на стоянке для грузовиков.

На последней фразе он обернулся, и Ник уловил: «...столовки на стоянке для грузовиков».

Он поднял брови и пожал плечами, показывая, что не понял.

— Не важно, — продолжил Бейкер. — Во всяком случае, для такого молодого парня, как ты.

В кабинете шериф налил ему чашку кофе из большущего термоса. Тарелка с недоеденным завтраком стояла на столе, и Бейкер пододвинул ее к себе. Ник глотнул кофе. Глоток отозвался болью, но кофе был вкусным.

Он похлопал Бейкера по плечу, а когда тот посмотрел на него, указал на кофе, потер живот, подмигнул.

Бейкер улыбнулся:

— Конечно, хороший. Его сварила моя жена, Джейн. — Он отправил в рот половину сваренного вкрутую яйца, пожевал, потом нацелил на Ника вилку. — Хорошо у тебя получается. Как у этих актеров пантомимы. Готов спорить, с людьми ты объясняешься без труда.

Ник неопределенно махнул рукой. *Comme ci, comme ça**.

— Я не собираюсь задерживать тебя, — Бейкер вытер с тарелки жир куском поджаренного хлеба, — но вот что я тебе скажу. Если ты ненадолго задержишься, может, мы сумеем поймать парней, которые так обошлись с тобой. Согласен?

Ник кивнул и написал: *Думаете, смогу я вернуть мой недельный заработок?*

— Ни малейшего шанса, — бесстрастно ответил Бейкер. — Я всего лишь обычный деревенский шериф, малыш. Для этого тебе нужен Орал Робертс**.

Ник кивнул и пожал плечами. Перекрестив руки в запястьях, изобразил улетающую птицу.

— Да, именно так. Сколько их было?

Ник показал четыре пальца, потом пожал плечами и добавил еще один.

— Как считаешь, сможешь кого-нибудь опознать?

Ник показал один палец и написал: *Большой блондин. Ваших габаритов, может, чуть потяжелее. Серые рубашка и брюки. Крупный перстень на третьем пальце правой руки. Пурпурный камень. Им-то он и порезал меня.*

Пока Бейкер читал все это, лицо его менялось. Сначала на нем проступила озабоченность, потом злость. Ник, подумав, что шериф злится на него, снова испугался.

---

* Так себе (*фр.*).

** Грэнвилл Орал Робертс (1918—2009) — пионер американского телеевангелизма, автор более 120 книг, основатель университета.

— Господи Иисусе! — воскликнул Бейкер. — Вся компания в сборе! Ты уверен?

Ник неохотно кивнул.

— Что-нибудь еще? Запомнил еще какие-нибудь приметы?

Ник крепко задумался, а потом написал: *Небольшой шрам. У него на лбу.*

Бейкер взглянул на последнюю запись.

— Это Рэй Бут, — сказал он. — Мой шурин. Ну спасибо тебе, малыш. Еще только пять утра, а день уже безнадежно испорчен.

Глаза Ника открылись чуть-чуть шире, осторожное движение рук выразило сочувствие.

— Да ладно, чего уж там! — Бейкер обращался скорее к самому себе, чем к Нику. — Он дрянной человек. Джейни об этом знает. В детстве он столько раз бил ее. Но они все-таки брат и сестра, так что на этой неделе мне придется забыть про родственные отношения.

Ник смущенно смотрел себе под ноги. Бейкер потряс его за плечо, чтобы он следил за губами.

— Возможно, ничего и не получится. Рэй и его говняные дружки просто поручатся друг за друга. Твое слово против их. Ты достал кого-нибудь?

Пнул Рэя в пах, написал Ник. *Другому двинул в нос. Похоже, сломал.*

— Рэй обычно тусуется с Винсом Хоганом, Билли Уорнером и Майком Чайлдрессом, — сказал Бейкер. — Я, пожалуй, смогу привезти сюда одного Винса и расколоть его. У него хребет, как у умирающей медузы. А если я расколю его, то займусь Майком и Билли. Рэй получил этот перстень в студенческом братстве Университета Луизианы. Вылетел со второго курса. — Он помолчал, барабаня пальцами по краю тарелки. — Мы можем дать этому делу ход, малыш, если ты хочешь. Но заранее тебя предупреждаю: есть вероятность, что прищучить их не получится. Они злы и трусливы, как стая собак, но они местные, а ты — всего лишь глухонемой бродяга. И если они отвертятся, то попытаются свести с тобой счеты.

Ник обдумал слова шерифа. Мысленно представил, как эти парни перекидывают его друг другу, словно кровоточащее чучело. А Рэй произносит: *Сейчас я его уделаю. Сопляк ударил меня.* По-

чувствовал, как срывают с плеч рюкзак — верного друга последних двух лет.

На листке блокнота он написал и подчеркнул два слова: *Давайте попробуем*.

Бейкер со вздохом кивнул:

— Хорошо. Винс Хоган работает на лесопилке... Ну, не совсем так. Он слоняется по лесопилке. Мы съездим туда часиков в девять, если не возражаешь. Может, нам и удастся настолько запугать его, что он расколется.

Ник кивнул.

— Как твой рот? Док Соумс оставил какие-то таблетки. Он сказал, что, наверное, болеть будет ужасно.

Ник уныло кивнул.

— Сейчас достану. Вот... — Шериф прервался, и в своем мире немого кино Ник увидел, как он несколько раз чихнул в платок. — Еще и это. Похоже, я сильно простудился. Господи Иисусе, ну разве жизнь не прекрасна? Добро пожаловать в Арканзас, парень.

Он достал таблетки и подошел к тому месту, где сидел Ник. Передал ему лекарство вместе со стаканом воды, осторожно потер кожу под челюстью. Железы распухли и болели даже от легкого прикосновения. Плюс кашель, чихание, небольшая температура и соответствующее самоощущение. Да, день обещал принести много радости.

Глава 10

Ларри проснулся с легким похмельем, ощущением, что маленький дракончик использовал его рот вместо ночного горшка, и чувством, что находится там, где ему быть не следует.

Кровать была односпальная, но с двумя подушками. Он ощутил запах жарящегося бекона. Сел, посмотрел в окно на очередной серый нью-йоркский день и первым делом подумал, что за ночь с Беркли сделали что-то ужасное: выпачкали в грязи и саже и состарили. Потом в памяти начала постепенно всплывать прошлая ночь, и он осознал, что смотрит на Фордэм, а не на Беркли. Ларри находился в квартире на втором этаже дома по Тремонт-авеню, недалеко от Конкорса, и его матери определенно следова-

ло бы знать, где он провел ночь. Позвонил ли он ей, назвал хоть какую-то причину, пусть и неубедительную?

Он перебросил ноги через край кровати и нашел смятую пачку «Уинстон» с одной оставшейся сигаретой. Прикурил от зеленой пластмассовой зажигалки «Бик». Вкусом сигарета напоминала высушенный конский навоз. Из кухни доносилось шипение жарящегося бекона, монотонное, как помехи в радиоприемнике.

Девушку звали Мария, и она была... кем? Специалисткой по гигиене рта, так? Ларри не знал, много ли она смыслит в гигиене, но по части рта Мария проявила себя блестяще. Он смутно помнил, что его обгладывали, как куриную ножку, произведенную «Пердью». Кросби, Стиллс и Нэш — их голоса доносились из паршивенького стерео в гостиной — пели о том, как много воды утекло под мостом, о потерянном ими времени. Если память не изменяла ему, Мария времени точно не теряла. Ее потрясло, что он — тот самый Ларри Андервуд. И разве они не потратили часть вчерашнего вечера на поиски открытого магазина грампластинок, чтобы купить «Поймешь ли ты своего парня, детка?»?

Ларри тихонько застонал и попытался восстановить в памяти весь вчерашний день, начиная с невинной завязки и кончая неистовым, поглотительным финалом.

«Янкиз» в городе не было, это он помнил. Его мать ушла на работу до того, как он проснулся, оставив на кухонном столе расписание игр «Янкиз» вместе с запиской:

Ларри. Как видишь, «Янкиз» вернутся в город лишь после первого июля. Четвертого они играют двойную игру. Если в этот день ты свободен, почему бы тебе не сводить свою маму на стадион? Я куплю пиво и хот-доги. Яйца и колбаса в холодильнике, сладкие слоеные булочки в хлебнице, если они нравятся тебе больше. Береги себя, малыш.

Далее следовал характерный для Элис Андервуд постскриптум:

Большинство ребят, с которыми ты дружил, разъехались, и скатертью дорожка этим бездельникам, но думаю, что Бадди Маркс работает в типографии на Стрикер-авеню.

Даже воспоминание об этой записке заставило его поморщиться. Ни тебе «дорогой» перед его именем, ни «с любовью» пе-

ред ее подписью. Она верила не в пустые слова, а в содержимое холодильника. Пока он отсыпался после поездки через всю Америку, мать успела сходить в магазин и купить все, что он любил. Ее безупречная память даже пугала. Консервированная ветчина «Дейзи». Два фунта настоящего масла — как она могла позволять себе такое на свою зарплату? Две упаковки колы. Колбаски из универсама. Ростбиф, маринующийся в секретном соусе Элис, составом которого она отказывалась поделиться даже с собственным сыном. В морозилке — галлон мороженого «Персиковый восторг» от «Баскин-Роббинс». Рядом с творожным пирогом «Сары Ли». С клубникой сверху.

Подчиняясь внезапному импульсу, он прошел в ванную, и не только для того, чтобы отлить: ему хотелось заглянуть в аптечный шкафчик. Новая зубная щетка «Пепсодент», висящая в том самом отделении, где в детстве по очереди висели все его зубные щетки. Одноразовые станки для бритья и баллончик пены «Барбасол». Даже флакон одеколона «Олд спайс». «Не бог весть что, — сказала бы она (Ларри буквально услышал ее голос), — но за такие деньги пахнет неплохо».

Он постоял, глядя на все это, взял тюбик зубной пасты, подержал в руке. Ни «Дорогой», ни «Люблю, мама». Просто новая зубная щетка, новый тюбик пасты, новый флакон одеколона. Иногда, подумал он, любовь бывает не только слепой, но и молчаливой. И начал чистить зубы, размышляя, а не написать ли об этом песню.

В комнату вошла специалистка по гигиене рта — в одной лишь розовой нейлоновой нижней юбке.

— Привет, Ларри, — поздоровалась она. Невысокого роста, симпатичная, отдаленно напоминающая Сандру Ди*. Груди задорно торчали, никаких признаков обвисания. Как там было в старой хохме? «Это точно, лейтенант, у нее была пара «тридцать восьмых»** и настоящая пушка». Ха-ха, очень смешно. Он проехал три тысячи миль, чтобы ночью его съела живьем Сандра Ди.

— Привет, — ответил он и встал с постели. Голый — однако вся его одежда лежала у изножья кровати. Он начал одеваться.

— У меня есть халат для тебя, если хочешь. На завтрак у нас копченая селедка и бекон.

---

* Сандра Ди (1942—2005) — американская киноактриса.

** Игра слов. Тридцать восьмой — и калибр патрона, и размер бюстгальтера.

Копченая селедка и бекон? Его желудок начал съеживаться, завязываясь в узел.

— Нет, милая, мне надо бежать. Должен кое с кем повидаться.

— Эй, но ты не можешь просто так удрать от меня...

— Послушай, это очень важно.

— Я тоже важна! — взвизгнула она. От ее голоса у Ларри заболела голова. Без всякой на то причины он вдруг вспомнил Фреда Флинтстоуна, орущего: «*ВИ-И-И-ИЛМА-А-А-А!*» — во всю мощь мультяшных легких.

— Слишком много Бронкса, крошка.

— И что это значит? — Она уперла руки в бока, зажав в одном кулаке жирно поблескивающую кулинарную лопатку, похожую на стальной цветок. Груди призывно шевельнулись, но Ларри не отреагировал. Надел штаны, застегнул пуговицы. — Да, я из Бронкса, но я не черная! Что ты имеешь против Бронкса? Ты у нас кто, расист?

— Ничего такого. — Он подошел к ней босиком. — Послушай, человек, с которым мне надо увидеться, — моя мама. Я приехал в город всего лишь два дня назад, а вчера вечером не позвонил ей и не предупредил... или позвонил? — добавил он с надеждой.

— Ты никому не звонил, — угрюмо буркнула она. — Кто поверит, что это твоя мать?..

Он вернулся к кровати, надел туфли.

— Она самая. Правда. Работает в «Кемикэл-бэнк-билдинг». Уборщицей. Хотя нынче, думаю, она уже старшая по этажу.

— И я не верю, что ты — Ларри Андервуд, который записал эту пластинку.

— Верь во что хочешь. Мне надо бежать.

— Ах ты, гаденыш! — вспыхнула она. — А что мне делать со всей этой едой, которую я приготовила?

— Может, выбросить в окно? — предложил он.

Она злобно взвизгнула и швырнула в него лопаткой. В любой другой день она бы промахнулась. В сущности, один из основополагающих законов физики гласит, что кулинарная лопатка, брошенная рукой разъяренной специалистки по гигиене рта, не может лететь по прямой. Но тут имело место исключение, которое, как известно, только подтверждает правило. Кувырок с переворотом — и стопроцентный результат: лопатка угодила Ларри прямо

в лоб. Особой боли он не почувствовал. Заметил, как две капли крови упали на коврик, лишь когда наклонился, чтобы поднять лопатку.

С лопаткой в руке Ларри сделал два шага по направлению к Марии.

— Тебя надо бы отшлепать этой хренью! — заорал он.

— Ну конечно! — Она подалась назад и заплакала. — Почему бы и нет? Большая звезда! Трахнул и убежал! Я думала, ты хороший парень. Никакой ты не хороший! — Несколько слезинок сбежали по ее щекам, упали на грудь. Словно зачарованный, он наблюдал, как одна скатилась по правой груди и повисла на соске, превратившись в некое подобие увеличительного стекла. Ларри разглядел поры и один черный волос на внутренней границе ареолы. «Господи Иисусе, я схожу с ума», — подумал он.

— Я должен идти. — Белый пиджак Ларри лежал в изножье кровати. Он подхватил его и набросил на плечо.

— Никакой ты не хороший! — крикнула она ему вслед, когда он направился в гостиную. — Я пошла с тобой, поскольку подумала — ты хороший парень!

Войдя в гостиную, он едва не застонал. На диване, где, как он смутно помнил, ему отсасывали, лежали штук двадцать пластинок с песней «Поймешь ли ты своего парня, детка?». Еще три — на вертушке покрытого пылью портативного стереопроигрывателя. На дальней стене висел огромный постер с Райаном О'Нилом и Эли Макгроу*. «Раз тебе отсосали, нечего говорить, что ты о чем-то там сожалеешь, ха-ха! Господи, я схожу с ума».

Она стояла в дверях спальни, все еще плача, такая жалкая в одной лишь нижней юбке. Он видел порез на ее голени — зацепила кожу, когда сбривала волосы.

— Послушай, позвони мне, — попросила она. — Не думай, что я чокнутая.

Ему бы ответить: «Ну конечно», — и все бы на этом кончилось. Но он услышал, как с губ срывается безумный смех, а потом — слова:

— Твоя рыба горит.

---

* Американские актеры Райан О'Нил и Эли Макгроу получили мировую известность, снявшись в фильме «История любви» (1970).

Она закричала на него и рванулась через гостиную, да только споткнулась о лежавшую на полу декоративную подушку и упала. Одной рукой сшибла полупустую бутылку молока и качнула стоявшую рядом пустую бутылку виски. «Боже мой, — подумал Ларри, — неужели мы это смешивали?»

Он быстро вышел из квартиры и сбежал по лестнице. На последних шести ступеньках услышал, как она кричит с верхней лестничной площадки:

— *Никакой ты не хороший! Никакой ты не...*

Он захлопнул за собой парадную дверь, и его окутало туманное, влажное тепло, пропитанное запахами распускающихся деревьев и выхлопных газов. Просто духи в сравнении с вонью жарящегося жира и затхлого сигаретного дыма. Он все еще держал в руке сигарету, уже догоревшую до фильтра, и только теперь бросил ее в ливневую канаву и полной грудью вдохнул свежий воздух. Ну до чего же приятно вырваться из этого безумия. Давайте вернемся к тем удивительным дням здравомыслия, когда мы...

Наверху с грохотом распахнулось окно, и он догадался, что за этим последует.

— *Чтоб тебе сдохнуть!* — крикнула она ему. Типичная скандалистка из Бронкса. — *Чтоб тебе упасть на рельсы перед гребаным поездом подземки! Никакой ты не певец! И в постели просто дерьмо! Гнида! Засунь это себе в задницу! Отнеси своей мамочке, гнида!*

Бутылка с молоком вылетела из окна ее спальни на втором этаже. Ларри пригнулся. Бутылка взорвалась в ливневой канаве, окатив улицу стеклянными осколками. За ней, вращаясь, последовала бутылка из-под виски, чтобы разлететься вдребезги у ног Ларри. Да уж, меткостью эта специалистка по гигиене рта отличалась отменной. Он побежал, прикрывая голову одной рукой. Боясь, что это безумие никогда не кончится.

Сзади донесся финальный протяжный вопль, в котором отчетливо слышался характерный выговор обитателей Бронкса:

— *ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ В ЗАДНИЦУ, ЖАЛКИЙ УБЛЮ-У-У-У-У-У-У-ДОК!*

Тут он завернул за угол и очутился на мосту над проходившим внизу скоростным шоссе. Наклонившись над перилами, затрясся от истерического смеха, наблюдая за проносившимися внизу автомобилями.

— Неужели ты не мог обставить все получше? — Ларри не отдавал себе отчет, что говорит вслух. — Ох, чел, конечно же, мог. До чего же отвратительная получилась сцена. Да забей на это, чел. — Тут он понял, что озвучивает свои мысли, и вновь громко расхохотался. Вдруг голова пошла кругом, его затошнило, и он зажмурился. Ячейка памяти в департаменте мазохизма открылась, и он услышал слова Уэйна Стьюки: *И есть что-то еще... вроде способности грызть жесть.*

Да, с девушкой он обошелся, как со старой шлюхой наутро после студенческой групповухи.

Никакой ты не хороший парень.

Хороший. Хороший.

Но когда народ воспротивился его намерению выставить всех за дверь, он пригрозил позвонить в полицию — и говорил вполне серьезно. Без шуток? Само собой. Большинство людей он не знал и бровью бы не повел, наступи они на противопехотную мину, однако четверо или пятеро протестующих были его давними знакомыми. А Уэйн Стьюки, этот ублюдок, стоял в дверях со скрещенными руками, будто судья, выносящий смертный приговор на громком процессе.

Сол Дориа ушел со словами: *Если успех подобным образом действует на таких, как ты, Ларри, я бы предпочел, чтобы ты оставался сессионником**.

Он открыл глаза и отвернулся от перил, высматривая такси. Резюме оскорбленного друга. Но если Сол был таким уж близким другом, с какой стати он зацепился за эту гулянку, высасывая из него деньги? «Я вел себя глупо, а кому понравится, если глупый вдруг умнеет? В этом все дело...»

Никакой ты не хороший парень.

— Я хороший парень, — мрачно возразил он. — И вообще, кому до этого дело?

Мимо проезжало такси, и он вскинул руку. Таксист, похоже, на секунду замялся, прежде чем свернуть к тротуару, и Ларри вспомнил о крови на лбу. Он открыл заднюю дверь и залез в салон, пока таксист не передумал.

— Манхэттен, «Кемикэл-бэнк-билдинг».

---

* Сессионник — музыкант, приглашаемый для записи песни (альбома) или выступления на концерте.

Такси влилось в транспортный поток.

— Парень, у тебя порез на лбу, — сказал водитель.

— Девушка швырнула в меня кулинарной лопаткой, — рассеянно ответил Ларри.

Таксист одарил его странной, фальшивой сочувственной улыбкой и сосредоточился на дороге, не мешая Ларри собираться с мыслями и думать, как объяснить матери свое ночное отсутствие.

Глава 11

В вестибюле Ларри нашел негритянку с усталым лицом и узнал, что Элис Андервуд, кажется, сейчас проводит инвентаризацию на двадцать четвертом этаже. Он вошел в кабину лифта и поехал наверх, чувствуя, как другие люди настороженно поглядывают на его лоб. Рана больше не кровоточила, но кровь запеклась на коже неровным пятном.

Двадцать четвертый этаж занимала японская компания по производству фотоаппаратов. Ларри чуть ли не двадцать минут бродил по коридорам в поисках матери, чувствуя себя идиотом. В компании работали и уроженцы Запада, но большинство сотрудников составляли японцы, среди которых он, со своими шестью футами двумя дюймами, смотрелся не просто идиотом, а очень высоким идиотом. Маленькие мужчины и женщины с узкими глазами поглядывали на запекшуюся кровь на лбу и окровавленный рукав пиджака с выбивающей из колеи восточной вежливостью.

Наконец за огромным папоротником он нашел дверь с надписью: «УБОРКА И ОБСЛУЖИВАНИЕ». Повернул ручку. Дверь открылась, и Ларри заглянул внутрь. Увидел мать в мешковатой серой униформе, эластичных чулках и туфлях на резиновой подошве, с волосами, собранными в тугой пучок под черной сеточкой. Она стояла спиной к нему, держа в руке папку-планшет. Похоже, пересчитывала баллончики с чистящим спреем на одной из верхних полок.

Ларри разобрало внезапное, виноватое желание повернуться и убежать. Отправиться в гараж, расположенный в двух кварталах от ее квартиры, и забрать «зет». На хрен деньги, которые он за-

платил за два месяца аренды. Сесть в машину и *слинять*. Куда? Все равно. В Бар-Харбор, штат Мэн. В Тампу, штат Флорида. В Солт-Лейк-Сити, штат Юта. Подойдет любое место, при условии, что его не видно из Нью-Йорка вообще и из этого пропахшего мылом чулана в частности. Он не знал, в чем причина — в ярком флуоресцентном свете или в ране на лбу, — но голова начала раскалываться от боли.

Хватит хныкать, чертов сосунок.

— Привет, мама, — поздоровался он.

Она чуть вздрогнула, но не повернулась.

— Ларри. Ты нашел дорогу в центр города.

— Само собой. — Он переминался с ноги на ногу. — Я хочу попросить у тебя прощения. Мне следовало позвонить вчера вечером...

— Да. Хорошая идея.

— Я остался у Бадди. Мы... ну... решили оторваться. Поехали в город.

— Я так и предположила. Или почти так. — Она пододвинула ногой табуретку, встала на нее и начала считать бутылки мастики для пола на самой верхней полке, чуть касаясь каждой кончиками большого и указательного пальцев правой руки. Ей пришлось тянуться, платье задралось, и чуть выше коричневых чулок Ларри увидел белые полоски ее целлюлитных бедер. Он отвел глаза, принявшись вспоминать, что случилось с третьим сыном Ноя, который посмотрел на отца, голого и пьяного старика на соломенном тюфяке. Бедолаге пришлось рубить дрова и черпать воду. Ему и всем его потомкам. «Потому-то нынче мы и имеем расовые бунты, сынок. Восславим Господа».

— Это все, что ты мне хотел сказать? — Она впервые посмотрела на него.

— Ну, я хотел объяснить, где был, и извиниться. Я поступил плохо, не позвонив тебе.

— Да, — кивнула она, — но за тобой всегда такое водилось, Ларри. Или ты думал, что я забыла?

Он вспыхнул:

— Мама, послушай...

— Ты весь в крови. Какая-то стриптизерша огрела тебя своими стрингами? — Мать отвернулась от него и, пересчитав до конца ряд бутылок на верхней полке, сделала пометку на листе, за-

крепленном на планшете. — Кто-то позаимствовал на прошлой неделе две банки с мастикой, — отметила она. — Повезло.

— Я пришел сказать, что *прошу прощения*! — крикнул Ларри. И в отличие от матери вздрогнул. Чуть-чуть.

— Да, ты уже говорил. Мистер Джогэн сожрет нас живьем, если эта чертова мастика не перестанет исчезать.

— Я не ввязывался в пьяную драку и не ходил в стрип-клуб. Ничего похожего. Просто... — Он запнулся.

Она обернулась, сардонически приподняв брови. Он очень хорошо помнил, как она это делала.

— Просто что?

— Ну... — Он не смог быстро придумать убедительную ложь. — Это была... ну... э... кулинарная лопатка.

— Кто-то спутал тебя с глазуньей? Ну и загул вы устроили с Бадди.

Он и забыл, как она умела выводить его на чистую воду всегда, и, наверное, собиралась заниматься этим до конца жизни.

— Это сделала девушка, мама. Швырнула в меня лопатку.

— Должно быть, у нее орлиный глаз. — Элис Андервуд вновь отвернулась от сына. — Эта треклятая Консуэла опять прячет бланки заявок. Не то чтобы от них был особый прок, мы никогда не получаем все, что нужно, но зато нам привозят много такого, чему я бы и под дулом пистолета не смогла найти применение.

— Мама, ты сильно сердишься на меня?

Руки ее неожиданно опустились, она ссутулилась.

— Не сердись на меня, — прошептал он. — Пожалуйста, не надо. Хорошо?

Она снова повернулась к нему, и он заметил, как неестественно блестят ее глаза... То есть, может, вполне естественно, но вовсе не из-за флуоресцентных ламп. И опять услышал, как специалистка по гигиене безапелляционно чеканит: *Никакой ты не хороший парень*. Ну почему он вообще приехал домой, если теперь так ведет себя по отношению к матери?.. И тут уж не важно, как она ведет себя по отношению к нему.

— Ларри, — ее голос был нежным, — Ларри, Ларри, Ларри.

На миг он подумал, что больше она ничего не скажет, даже позволил себе на это надеяться.

— Это все, на что ты способен: «Не сердись на меня, пожалуйста, мама, не сердись»? Я слушаю тебя по радио, и хотя мне не

нравится песня, которую ты поешь, я горжусь тем, что ее поешь ты. Люди спрашивают меня, действительно ли это мой сын, и я отвечаю: да, это Ларри. Я говорю им, что ты всегда хорошо пел, и это правда, верно?

Он с несчастным видом кивнул, не доверяя своему голосу.

— Я рассказываю им, как ты взял гитару Донни Робертса, когда учился в младшей средней школе, и уже через полчаса играл лучше, чем он, хотя Донни брал уроки со второго класса начальной. Ты талантлив, Ларри, меня в этом убеждать не надо, мне и так все понятно. Я думаю, ты и сам это знаешь, потому что лишь об этом ты никогда не плакался. Потом ты уехал, и разве я ругала тебя? Нет. Молодые мужчины и молодые женщины, они всегда уезжают. Такова природа этого мира. Иногда это больно — но это естественно. Потом ты вернулся. И нужно ли объяснять мне почему? Нет. Ты вернулся домой, потому что, с хитом или без него, попал в какую-то передрягу на западном побережье.

— Никуда я не попадал! — возмущенно воскликнул он.

— Попадал. Все признаки налицо. Я достаточно долго пробыла твоей матерью, и тебе не одурачить меня, Ларри. Ты всегда нарывался на неприятности, даже не пытался повернуть голову и увидеть их. Иногда мне кажется, что ты специально перейдешь улицу, чтобы вляпаться в собачье дерьмо. Бог простит мне мои слова, потому что знает: я говорю правду. Сержусь ли я на тебя? Нет. Разочарована ли я? Да. Я надеялась, что ты изменишься. И напрасно. Ты уехал ребенком в теле взрослого человека и вернулся таким же, разве что распрямил волосы. Знаешь, почему ты, на мой взгляд, вернулся домой?

Он смотрел на нее, хотел заговорить, но понимал, что сейчас способен сказать только одно, и это выведет их обоих из себя: *Не плачь, мама, хорошо?*

— Я думаю, ты приехал домой, потому что не знал другого места, куда бы еще мог поехать. Не знал, кто еще пустит тебя в свою жизнь. Никому и никогда я не говорила о тебе ничего плохого, Ларри, даже моей сестре, но раз уж ты меня вынудил, я скажу все, что думаю. Я думаю, ты способен только брать. И всегда был способен только на это. Словно Бог придержал какую-то твою часть, когда строил тебя во мне. Я вовсе не говорю, что ты *плохой*. После смерти отца мы жили в таких местах, где ты, Господь свидетель, мог стать плохим, будь это в тебе заложено. Думаю, самый ужас-

ный проступок, за которым я тебя застукала, — это неприличное слово, которое ты писал в нижнем коридоре того дома на Кастерсавеню в Куинсе. Ты помнишь?

Он помнил. То самое слово она написала мелом у него на лбу и, держа сына за руку, заставила его три раза обойти квартал. Никогда больше он не писал ни одного слова на стене здания, заборе или столбе.

— Самое страшное, Ларри, в том, что ты хочешь как лучше. Иногда я думаю, что было бы даже проще, стань ты плохим. А так — ты вроде бы и понимаешь, что такое плохо, но не знаешь, как с этим бороться. Я и сама не знаю. Все известные *мне* способы я уже испробовала, когда ты был маленьким. Написать это слово у тебя на лбу — один из них... К тому времени я уже начала отчаиваться, иначе никогда бы не обошлась с тобой так жестоко. Ты можешь только брать, вот и все. Ты пришел домой, зная, что я должна что-то дать. Не всем, но тебе точно.

— Я уеду! — Каждое слово выплевывалось, как сухой комок корпии. — Сегодня.

Потом ему пришло в голову, что, вероятно, он не *сможет позволить* себе уехать, по крайней мере до тех пор, пока Уэйн не вышлет ему следующий чек с роялти или с тем, что останется от выписанной ему суммы после того, как он рассчитается с самыми нетерпеливыми кредиторами в Лос-Анджелесе. Что же касалось наличных, он заплатил за парковку «датсуна-зет», и до пятницы предстояло внести очередной, и весомый, взнос за автомобиль, если он не хотел, чтобы машину объявили в розыск (а этого он точно не хотел). И после вчерашнего загула, который начался так невинно с Бадди, его невестой и специалисткой по гигиене рта, которую знала невеста («Милая девушка из Бронкса, Ларри, тебе она понравится, отличное чувство юмора»), денег у него почти не осталось. От этой мысли он запаниковал. Если он уедет от матери, то куда отправится? В отель? Да швейцар любого отеля чуть получше ночлежки посмеется над ним и пошлет его к черту. Несмотря на хороший прикид, они знали. Каким-то непонятным образом эти ублюдки все знали. *Чувствовали* запах пустого бумажника.

— Не уезжай, — мягко попросила она. — Мне не хотелось бы, чтобы ты уезжал, Ларри. Я купила кое-какую еду специально для

тебя. Может, ты уже видел. И я надеялась, что вечером нам удастся сыграть в кункен.

— Ма, ты не умеешь играть в кункен, — чуть улыбнулся он.

— По центу за очко я тебя разделаю в пух и прах.

— Возможно, если я дам тебе фору в четыреста очков...

— Послушайте этого сосунка, — усмехнулась она. — Возможно, если *я* дам тебе фору в четыреста очков. Оставайся, Ларри. Что скажешь?

— Ладно, — согласился он. В первый раз за весь день у него поднялось настроение, действительно поднялось. Тихий внутренний голос прошептал: «Ты опять берешь, старина Ларри, берешь задаром», — но он отказался слушать. Это была *его* мать, в конце концов, и она *попросила* его. Действительно, наговорила много нелицеприятного перед тем, как попросить, но все-таки попросила, искренне или нет. — Вот что я тебе скажу. Я заплачу за билеты на игру четвертого июля. На это пойдет небольшая часть моего сегодняшнего выигрыша. Я обдеру тебя как липку.

— Ты не обдерешь и помидор, — добродушно ответила она, вновь поворачиваясь к полкам. — Дальше по коридору мужской туалет. Почему бы тебе не сходить туда, чтобы смыть кровь со лба? Потом возьми у меня из кошелька десять долларов и отправляйся в кино. На Третьей авеню еще осталось несколько хороших кинотеатров. Только держись подальше от этих гадюшников на Сорок девятой и Бродвее.

— Скоро я буду давать тебе деньги, — сказал Ларри. — На этой неделе пластинка на восемнадцатом месте в хит-параде «Биллборда». Я проверил в «Сэме Гуди» по дороге сюда.

— Это замечательно. Если ты такой богатый, почему не купил журнал, а только пролистал?

Внезапно у него в горле словно что-то застряло. Ларри откашлялся, но ощущение не исчезло.

— Ладно, не обращай внимания, — продолжила Элис. — У меня язык — что лошадь с норовом. Если уж понесет, то не остановится, пока не выдохнется. Сам знаешь. Возьми пятнадцать, Ларри. Считай, что берешь взаймы. Я уверена, что так или иначе они ко мне вернутся.

— Обязательно вернутся, — заверил он. Подошел к ней и дернул за подол ее платья, совсем как маленький мальчик. Она по-

смотрела вниз. Он приподнялся на цыпочках и поцеловал мать в щеку. — Я люблю тебя, мама.

На ее лице отразилось удивление, вызванное не поцелуем, а то ли самими словами, то ли тоном, которым он их произнес.

— Я знаю, Ларри.

— А насчет того, что ты говорила. О передряге. Действительно есть такое, но я...

Ее голос стал холодным и суровым. Настолько холодным, что он даже немного испугался.

— Я не желаю ничего об этом слышать.

— Ладно, — кивнул он. — Послушай, мама, какой здесь лучший кинотеатр? Поблизости?

— «Люкс твин», — ответила она. — Но я не знаю, что там сейчас идет.

— Не важно. Знаешь, что я подумал? Есть три вещи, которые доступны по всей Америке, но действительно хороши лишь в Нью-Йорке.

— Да, мистер критик из «Нью-Йорк таймс»! И что же это?

— Фильмы, бейсбол и хот-доги в «Недиксе»*.

Она рассмеялась:

— Ты не глуп, Ларри... и никогда не был глуп.

Он пошел в мужской туалет. Смыл кровь со лба. Вернулся и вновь поцеловал мать. Взял пятнадцать долларов из ее потертого черного кошелька. Пошел в «Люкс». И смотрел, как злобный и безумный выходец с того света, именуемый Фредди Крюгером, затягивает подростков в пучину их собственных снов, где все они — за исключением главной героини — погибают. В конце фильма Фредди Крюгер вроде бы тоже погиб, но Ларри не мог этого утверждать. После названия стояла римская цифра, народу в зале хватало, и Ларри подумал, что человек с бритвенными лезвиями на кончиках пальцев еще вернется. Он не знал, что неприятные звуки, чей источник находился в следующем за ним ряду, положат всему этому конец: не будет новых серий и в самое ближайшее время не будет кино вообще.

Человек, сидевший за спиной Ларри, кашлял.

---

* «Недикс» — сеть кафе быстрого обслуживания, возникшая в 1913 г. В 1981 г. прекратила существование.

Глава 12

В дальнем углу гостиной стояли дедушкины часы. Всю свою жизнь Фрэнни Голдсмит слышала их размеренное тиканье. Оно заполняло комнату, которую она никогда не жаловала, а в такие дни, как этот, просто ненавидела.

В доме ей больше всего нравилась мастерская отца. Располагалась она в сарайчике, соединявшем дом и амбар. Туда вела маленькая дверь, менее пяти футов в высоту, аккуратно спрятавшаяся за старой дровяной кухонной плитой. Сама дверь уже дорогого стоила: маленькая, почти невидимая, определенно из тех дверей, какие встречаются в сказках и фантастических историях. По мере того как Фрэнни становилась старше и выше, ей, подобно отцу, приходилось все сильнее наклоняться, чтобы войти в нее. Мать заходила в мастерскую лишь в случае самой крайней необходимости. Такая дверь вполне могла привести в Страну чудес Алисы, и какое-то время Фрэнни играла в игру, втайне даже от отца, представляя себе, что однажды, открыв дверь, увидит за ней совсем не мастерскую Питера Голдсмита, а подземный путь из Страны чудес в Хоббитанию — низкий, но уютный тоннель с закругленными земляными стенками и земляным потолком, оплетенным прочными корнями, которые могли набить шишку, если стукнуться головой о любой из них. Тоннель, пахнущий не влажной почвой, и сыростью, и мерзкими жуками, и червями, а корицей и только что испеченными яблочными пирогами, и заканчивающийся далеко впереди — в кладовой Бэг-Энда, где мистер Бильбо Бэггинс празднует свой сто одиннадцатый день рождения...

Уютный тоннель так ни разу и не появился, но для Фрэнни Голдсмит, выросшей в этом доме, хватало и мастерской отца (он иной раз называл ее «инструментальной», а мать — «грязной дырой, в которую твой папа ходит пить пиво»). Странные инструменты и загадочные механизмы. Огромный шкаф с тысячей ящичков, и каждый забит доверху. Гвозди, шурупы, кусочки металла, наждачная бумага (трех видов: мелко-, средне- и крупнозернистая), рубанки, уровни и еще много всякой всячины, названий которой Фрэнни не знала ни тогда, ни сейчас. В мастерской царила темнота, разгоняемая лишь сорокаваттной лампочкой, свешивавшейся на проводе с потолка, да ярким кругом света от настольной лампы, падавшим на верстак, за которым работал отец. Пахло пы-

лью, маслом и трубочным дымом, и Фрэнни казалось, что пора уже ввести такое правило: каждый отец обязан курить. Трубку, сигары, сигареты, марихуану, гашиш, сушеные листья салата-латука — что угодно. Потому что запах дыма являлся одной из составных частей ее детства.

Дай-ка мне тот ключ, Фрэнни. Нет, маленький. Чем ты занималась сегодня в школе?.. Правда?.. С чего бы это Рути Сирс толкать тебя?.. Да, это ужасно. Ужасная царапина. Но зато подходит по цвету к твоему платью, тебе не кажется? Хорошо бы разыскать Рути Сирс и заставить ее снова толкнуть тебя, чтобы поцарапать другую ногу. Для симметрии. Дай-ка мне ту большую отвертку... Нет, с желтой ручкой.

Фрэнни Голдсмит! Немедленно выметайся из этой отвратительной дыры и переодень школьную форму! ПРЯМО СЕЙЧАС!.. НЕМЕДЛЕННО! Ты перепачкаешься!

Даже теперь, в двадцать один год, она могла нырнуть в маленькую дверь, встать между верстаком отца и печью Франклина*, зимой так быстро нагревавшей мастерскую, и снова почувствовать себя маленькой Фрэнни Голдсмит. Это иллюзорное чувство почти всегда смешивалось со скорбью по брату Фреду, которого она едва помнила и чья жизнь оборвалась так жестоко и окончательно. Фрэнни могла стоять и вдыхать вездесущий запах машинного масла и затхлости, ощущать слабый аромат отцовской трубки. Ей редко удавалось вспомнить, каково это — быть такой маленькой, такой на удивление маленькой, но здесь машина времени работала, и она радовалась своим воспоминаниям.

А вот с гостиной дело обстояло иначе.

Гостиная.

Если мастерская отца была светлой частью ее детства, символом которой служил призрачный запах дыма отцовской трубки (иногда он осторожно вдувал дым ей в ухо, если ухо болело, предварительно взяв с дочери слово, что она ничего не скажет Карле — та устроила бы истерику), то гостиная вызывала воспоминания, о которых хотелось забыть. «Отвечай, когда с тобой говорят! Ломать — не строить! Немедленно отправляйся наверх и переоденься, или ты не понимаешь, что нужно надеть по такому

* Имеется в виду экономичная малогабаритная печь для дома, изобретенная Бенджамином Франклином (1706—1790).

случаю? Ты когда-нибудь думаешь? Фрэнни, не копайся в одежде, люди решат, что у тебя вши. Что подумают дядя Эндрю и тетя Карлин? Из-за тебя я от стыда чуть сквозь землю не провалилась!» В гостиной следовало держать язык за зубами и ни в коем случае не почесываться. С гостиной ассоциировались диктаторские приказы, скучные разговоры, родственники, щиплющие за щеки; там ныло сердце, строго-настрого запрещалось кашлять, чихать и прежде всего зевать.

Главным же атрибутом этой комнаты, где обитала душа матери, были часы. Их собрал в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году дед Карлы, Тобиас Даунс, и чуть ли не сразу они обрели статус семейной реликвии. Часы передавали из поколения в поколение, тщательно упаковывали и страховали при переездах из одной части страны в другую (собрали их в Буффало, штат Нью-Йорк, в мастерской Тобиаса, которая плотностью табачного дыма и грязью наверняка не отличалась от мастерской Питера, хотя такое утверждение Карла отвергла бы с порога), иногда от одного члена семьи к другому, если рак, инфаркт или несчастный случай обламывал ту или иную ветвь семейного дерева. В гостиной они пребывали с тех пор, как тридцать шесть лет назад Питер и Карла Голдсмит въехали в этот дом. Здесь их водрузили, и здесь они оставались, тикая и тикая, бесстрастно отмеряя отрезки времени эпохи консервации. «Когда-нибудь часы перейдут ко мне, если я этого захочу, — думала Фрэнни, глядя в бледное, шокированное лицо матери. — Но я не хочу! Не нужны они мне, и я их не возьму!»

В этой комнате под стеклянными колпаками лежали сухие цветы. В этой комнате пол устилал сизо-серый ковер с выдавленными в ворсе тусклыми розами. Окно — изящный эркер — выходило на шоссе 1. Дорогу и участок разделяла высокая зеленая изгородь. Карла не давала покоя мужу, пока он не посадил изгородь, сразу после того как на углу появилась автозаправочная станция «Эксон». Затем она постоянно требовала, чтобы Питер заставил изгородь расти быстрее. Фрэнни полагала, что мать согласилась бы и на радиоактивные удобрения, если бы они послужили достижению поставленной цели. По мере роста изгороди ее напор начал ослабевать, и Фрэнни думала, что он сойдет на нет через год-другой, когда изгородь полностью закроет ненавистную ав-

тозаправочную станцию и уже никому не удастся заглянуть в гостиную.

Так что хотя бы *эта* проблема приближалась к своему полному разрешению.

Узор на обоях — зеленые листья и розовые цветы почти того же оттенка, что и на ковре. Мебель в раннем американском стиле и двустворчатая дверь из темного красного дерева. Камин, выложенный изнутри красным кирпичом, с вечным березовым поленом: его никогда не топили, и кирпич остался девственно чистым. Фрэнни полагала, что за столько лет полено так высохло, что вспыхнуло бы, как газета, если поднести к нему спичку. Над поленом висел котел, достаточно большой, чтобы купать в нем младенца. Он достался им от прабабушки Фрэнни и так и застыл над вечным поленом. А над каминной полкой, дополняя картину, красовалось на стене вечное кремневое ружье.

Отрезки времени эпохи консервации.

С самого раннего детства Фрэнни помнила, как написала на сизо-серый ковер с тускло-розовыми цветами, выдавленными в ворсе. Наверное, ей тогда еще не исполнилось и трех лет, ее не так давно приучили проситься на горшок и, по всей видимости, не пускали в гостиную, за исключением особых случаев, опасаясь таких вот инцидентов. Но каким-то непостижимым образом она умудрилась туда пробраться, и вид матери, которая не просто побежала, а рванула к дочери, чтобы схватить ее, прежде чем свершится немыслимое, привел немыслимое в исполнение. Мочевой пузырь девочки дал слабину, и, увидев пятно, которое начало расширяться вокруг ее попки, превращая ковер из сизо-серого в темно-серый, мать буквально завизжала. Пятно в конце концов сошло — но после скольких стирок шампунем? Бог, наверное, знал. Фрэнни Голдсмит — нет.

Именно в гостиной у Фрэнни состоялся с матерью жесткий, подробный и долгий разговор после того, как та застала дочь с Норманом Берстайном в амбаре, где они внимательно изучали друг друга, сложив одежду в одну кучу на тюке сена. Понравится ли ей, спросила Карла под тиканье дедушкиных часов, мерно отмеряющих отрезки времени эпохи взросления, если она проведет ее в таком виде по шоссе 1, сначала туда, а *потом обратно*? Шестилетняя Фрэнни расплакалась, но каким-то чудом не впала в истерику.

В десять лет она врезалась в почтовый ящик на велосипеде, потому что обернулась, чтобы что-то крикнуть Джорджетте Макгуайр. Ударилась головой, разбила до крови нос и содрала обе коленки, а от шока на несколько секунд потеряла сознание. Придя в себя, поплелась по подъездной дорожке к дому, плача, напуганная количеством крови, которая вытекала из нее. Она пошла бы к отцу, но тот был на работе, и Фрэнни дотащилась до гостиной, где мать угощала чаем миссис Веннер и миссис Принн. *Убирайся!* — крикнула мать. А в следующее мгновение она уже кинулась к дочери, обняла ее, запричитала: *Ох, Фрэнни, любимая, что случилось, ох, твой бедный носик!* При этом уводя Фрэнни на кухню, где оттереть с пола капли крови не составляло труда, и даже успокаивая ее, но Фрэнни навсегда запомнила, что первыми словами матери были не *Ох, Фрэнни*, а *Убирайся*! Прежде всего мать заботила гостиная, где продолжалась и продолжалась эпоха консервации, а потому кровь туда не допускалась. Возможно, миссис Принн тоже обратила на это внимание, потому что даже сквозь слезы Фрэнни увидела ошеломленное выражение ее лица, словно ей отвесили оплеуху. С того дня миссис Принн стала бывать у них гораздо реже.

В первый год учебы в младшей средней школе Фрэнни получила плохую оценку за поведение, и, разумеется, ее пригласили в гостиную, для того чтобы обсудить эту самую оценку с матерью. В последний год обучения в старшей средней школе ее три раза оставляли после уроков за передачу записок, и обсуждение с матерью этих проступков, само собой, проходило в гостиной. Именно там они говорили о честолюбивых планах Фрэнни, которым, как выяснялось, никогда не хватало глубины; о надеждах Фрэнни, которые, как выяснялось, выглядели не вполне достойными; о жалобах Фрэнни, которые, как выяснялось, практически не имели под собой оснований, если не упоминать хныканье, скулеж и неблагодарность.

Именно в гостиной стоял на козлах гроб ее брата, усыпанный розами, хризантемами и ландышами, и их сухой аромат наполнял комнату, в углу которой бесстрастные часы отсчитывали отрезки времени эпохи консервации.

— Ты беременна, — во второй раз повторила Карла Голдсмит.

— Да, мама, — сказала Фрэнни. Ее голос звучал очень сухо, но она не позволила себе облизать губы, а крепко сжала их. Подумала: *В мастерской моего отца живет маленькая девочка в красном платье, и она всегда будет там, смеясь и прячась под верстаком, на котором с одного края закреплены тиски, или за большим ящиком для инструментов, скрючившись, прижимая ободранные коленки к груди. Эта девочка такая счастливая. Но в гостиной моей матери живет другая девочка, которая еще младше и не может удержаться от того, чтобы не написать на ковер, как гадкая собачонка. Как гадкая маленькая сучка. И она всегда будет там, как бы мне ни хотелось, чтобы она ушла.*

— Ох-Фрэнни! — Мать очень быстро произносила слова. И прижимала руку к щеке, как оскорбленная старая дева. — Как-это-случилось?

Тот же вопрос задал Джесси. Вот что разозлило Фрэнни: он задал тот же вопрос.

— Раз уж у тебя самой было двое детей, мама, я думаю, ты знаешь, как это случилось.

— Не дерзи! — закричала Карла. Ее глаза широко раскрылись и полыхнули жарким пламенем, которое так пугало Фрэнни в детстве. Мать быстро вскочила (этой быстроты Фрэнни тоже боялась), высокая женщина с седеющими волосами, аккуратно причесанными и — обычно — уложенными в парикмахерской, высокая женщина в красивом зеленом платье и плотно, без единой складочки, обтягивающих ноги колготках. Подошла к каминной полке, как всегда делала, когда на нее обрушивалась беда. Там, прямо под кремневым ружьем, лежал толстый альбом. Карла была генеалогом-любителем, и в этом альбоме хранилась собранная ею информация о семье, вплоть до тысяча шестьсот тридцать восьмого года, когда наиболее древний из известных ей предков вынырнул из безымянной толпы лондонцев на достаточно долгий срок, чтобы его успели занести в какую-то очень старую церковную книгу под именем Мертона Даунса, вольного каменщика. Четырьмя годами ранее генеалогическое древо ее семьи опубликовали в журнале «Генеалогия Новой Англии», за авторством Карлы.

Теперь она прикасалась пальцами к этому альбому, вобравшему в себя множество с таким трудом собранных имен, к этой обетованной земле, куда никто не мог вторгнуться. Интересно, нет

ли там где-нибудь воров? — гадала Фрэнни. Алкоголиков? Матерей, не состоявших в браке?

— Как ты могла так поступить со мной и с отцом? — спросила наконец Карла. — Это тот паренек? Джесси?

— Джесси, — кивнула Фрэнни. — Джесси — отец.

Карла вздрогнула при последнем слове.

— Как ты могла так поступить? — повторила она. — Мы сделали все, чтобы наставить тебя на путь истинный. Это просто... просто...

Она закрыла лицо руками и начала плакать.

— Как ты могла *так* поступить? — Теперь Карла говорила сквозь слезы. — После всего того, что мы для тебя сделали, это твоя благодарность? Уйти из дома и... и... совокупляться с этим мальчишкой, как течная сука? Дрянная девчонка! Дрянная девчонка!

Слезы перешли в рыдания. Мать привалилась к каминной полке, одной рукой прикрывая глаза, а другой продолжая водить по зеленому матерчатому переплету альбома. Дедушкины часы не переставали тикать.

— Мама...

— Ничего мне не говори! Ты уже достаточно сказала!

Фрэнни неловко поднялась. Ее ноги, казалось, одеревенели, однако при этом еще и дрожали. Из глаз потекли слезы, но она и не пыталась их остановить — пусть текут — и не собиралась позволить этой комнате снова взять над ней верх.

— Я ухожу.

— Ты ела за нашим столом! — неожиданно крикнула Карла. — Мы любили тебя... И поддерживали тебя... И вот что мы за это получили! Дрянная девчонка! *Дрянная* девчонка!

Фрэнни, ослепшая от слез, пошатнулась. Правая нога зацепилась за левую лодыжку. Девушка потеряла равновесие и упала, взмахнув руками. Ударилась виском о кофейный столик, а рукой смахнула на ковер вазу с цветами. Ваза не разбилась, но вода вытекла, превратив сизо-серый в синеватый.

— Ты только посмотри! — чуть ли не с триумфом закричала Карла. Слезы зачернили кожу под ее глазами и проложили дорожки в макияже. Выглядела она осунувшейся и полубезумной. — Посмотри, ты испортила ковер, ковер твоей бабушки...

Фрэнни сидела на полу, растерянно потирая голову, все еще плача, и ей хотелось сказать матери, что это всего лишь вода, но она так разволновалась, что и сама уже не была в этом уверена. Всего лишь вода? Или моча? Что именно?

Вновь двигаясь с пугающей быстротой, Карла Голдсмит схватила вазу и замахнулась ею на Фрэнни.

— Каков будет ваш следующий шаг, мисс? Собираетесь оставаться здесь? Думаете, мы будем содержать и кормить вас, а вы будете шляться по городу? Так, я полагаю? Ну уж нет! Нет! Я этого не потерплю! *Я этого не потерплю!*

— Я не хочу здесь оставаться, — пробормотала Фрэнни. — Неужели ты думаешь, что я здесь останусь?

— И куда же ты отправишься? К нему? Сомневаюсь!

— Наверное, к Бобби Ренгартен в Дорчестер или к Дебби Смит в Самерсуорт. — Фрэнни медленно собралась с силами и встала. Она продолжала плакать, но уже начинала злиться. — Впрочем, это не твое дело.

— Не мое дело? — эхом отозвалась Карла, все еще замахиваясь вазой. Ее лицо стало белым, как бумага. — Не *мое* дело? То, что ты вытворяешь под моей крышей, — не *мое* дело? Неблагодарная маленькая *сучка*!

Она ударила дочь по щеке, причем сильно. Голова Фрэнни откинулась назад. Она перестала потирать висок и принялась потирать щеку, изумленно глядя на мать.

— Вот твоя благодарность за то, что мы отправили тебя в приличный колледж! — Карла оскалила зубы в безжалостной и пугающей ухмылке. — И теперь ты *никогда* его не закончишь. После того как выйдешь за него замуж...

— Я не собираюсь выходить за него замуж. И я не собираюсь бросать учебу.

У Карлы округлились глаза. Она уставилась на Фрэнни как на сумасшедшую:

— О чем ты говоришь? Об аборте? Ты собираешься сделать аборт? Ты уже шлюха, а теперь хочешь стать еще и убийцей?

— Я оставлю ребенка. Мне придется взять академический отпуск на весенний семестр, но я смогу закончить колледж следующим летом.

— А на что ты думаешь его заканчивать? На *мои* деньги? Если так, то тебе, очевидно, надо о многом подумать. Такой современ-

ной девушке, как ты, едва ли требуется поддержка родителей, так?

— Поддержка мне бы не помешала, — мягко ответила Фрэнни. — А деньги... как-нибудь выкручусь.

— В тебе нет ни капли стыда! Ты думаешь только о себе! — прокричала Карла. — Боже, что теперь будет со мной и с твоим отцом! Но тебе нет до этого никакого дела! Это разобьет сердце твоего отца и...

— Оно не чувствует себя таким уж разбитым, — донесся от дверного проема спокойный голос Питера Голдсмита, и обе женщины обернулись к нему. Он действительно стоял в дверях, но не входил в комнату. Мыски его высоких ботинок замерли у черты, разделяющей два ковра, в гостиной и в коридоре. Фрэнни неожиданно поняла, что часто видела его именно на этом месте. Когда он в последний раз заходил в гостиную? Она не могла вспомнить.

— Что ты тут делаешь? — рявкнула Карла, разом позабыв о потенциальном ущербе, который могло понести сердце ее мужа. — Я думала, ты сегодня работаешь допоздна.

— Меня подменил Гарри Мастерс, — ответил Питер. — Фрэн мне уже все рассказала, Карла. Скоро мы станем дедушкой и бабушкой.

— Дедушкой и бабушкой! — взвизгнула она. С ее губ сорвался отвратительный, скрежещущий смех. — Так ты взвалил все на меня! Она сказала тебе первому, а ты это скрыл! Ну а теперь я закрою дверь, и мы выясним все вопросы вдвоем.

Она одарила Фрэнни ослепительно злобной улыбкой.

— Только мы... *девочки*.

Карла взялась за ручку двери и начала закрывать ее. Фрэнни наблюдала, все еще удивленная и с трудом понимающая причину внезапной вспышки гнева и сарказма со стороны матери.

Питер медленно и неохотно поднял руку и остановил дверь на полпути.

— Питер, я хочу, чтобы ты предоставил это мне.

— Я знаю, что ты хочешь. В прошлом так и было. Но не сейчас, Карла.

— Это не по твоей части.

— По моей, — спокойно возразил он.

— Папочка...

Карла повернулась к ней. Бумажно-белая кожа ее лица теперь покрылась красными пятнами на щеках.

— *Не смей с ним говорить!* — закричала она. — Ты имеешь дело не с ним! Я знаю, что ты всегда можешь подольститься к нему с любой безумной идеей и переманить его на свою сторону, что бы ты ни натворила. *Однако сегодня тебе придется иметь дело не с ним!*

— Прекрати, Карла.

— Выйди вон!

— Я и не входил. Можешь убедиться, что...

— Не смей надо мной насмехаться! *Убирайся из моей гостиной!*

И с этими словами она принялась закрывать дверь, нагнув голову и выставив вперед плечи, напоминая некоего странного быка, в котором проступало что-то человеческое и женское. Сначала Питер с легкостью удерживал дверь, потом — прилагая все больше усилий. Наконец у него на шее вздулись жилы, несмотря на то что ему противостояла женщина, весившая на семьдесят фунтов меньше.

Фрэнни хотелось закричать, потребовать, чтобы они прекратили, и попросить отца уйти, избавить их обоих от вида Карлы в таком внезапном и безрассудном ожесточении, которое всегда в ней чувствовалось, а сейчас выплеснулось на поверхность. Но губы онемели, отказываясь шевелиться.

— Убирайся! Убирайся из моей гостиной! Вон! Вон! Вон! *Отпусти эту чертову дверь, мерзавец, и УБИРАЙСЯ ОТСЮДА!*

Именно в этот момент он отвесил ей оплеуху.

Прозвучала она глухо и буднично. Дедушкины часы не рассыпались от ярости в пыль. Мебель не застонала. Но яростные крики Карлы прекратились, словно их отрезало скальпелем. Она упала на колени, а дверь распахнулась полностью и мягко ударилась о викторианский стул с высокой спинкой и вручную расшитым чехлом.

— Нет, не надо, — прошептала Фрэнни.

Карла прижала ладонь к щеке и уставилась на мужа.

— Ты добивалась этого десять лет. — Голос Питера чуть дрожал. — Я всегда сдерживался, потому что бить женщин — это не мое. Я и сейчас так думаю. Но когда человек — мужчина или женщина — превращается в собаку и начинает кусаться, кому-то приходится ставить его на место. И я, Карла, сожалею только о том,

что мне не хватило духа сделать этого раньше. Тогда мы оба не ощущали бы такой боли.

— Папочка...

— Тихо, Фрэнни! — В голосе отца звучала небрежная суровость, и она умолкла. — Ты говоришь, что она эгоистка. — Питер не сводил глаз с застывшего, потрясенного лица жены. — На самом деле эгоистка здесь — ты. Ты перестала любить Фрэнни после смерти Фреда. Именно тогда ты решила, что любовь приносит слишком много страданий и куда проще жить для себя. Что ты и сделала, замкнувшись на этой комнате. Посвятила себя умершим членам своей семьи, забыв, что некоторые еще живы. А когда твоя дочь пришла сюда, сказала, что попала в беду, и попросила о помощи, готов спорить, ты первым делом задалась вопросом: а что скажут женщины в клубе «Цветы и садоводство»? Или испугалась, что теперь тебе не удастся пойти на свадьбу Эми Лаудер. Боль — причина перемен, но вся боль этого мира не способна изменить факты. Ты эгоистична.

Он наклонился и помог жене встать. Она поднялась, как лунатик. Выражение ее лица не менялось, глаза оставались широко раскрытыми, и в них застыло изумление. Безжалостность еще не вернулась, но Фрэнни бесстрастно подумала, что со временем она обязательно вернется.

Обязательно.

— Я виноват в том, что не остановил тебя. Не хотел лишних хлопот. Не хотел раскачивать лодку. Сама видишь, я тоже эгоист. И когда Фрэн поступила в колледж, я подумал: «Что ж, Карла теперь может жить как хочет, и это никому не повредит, кроме нее самой, а если человек не знает, что вредит себе, возможно, и не нужно его трогать». Я ошибся. Я и раньше допускал ошибки, но такую серьезную — никогда. — Он осторожно, но с силой взял ее за плечи. — А теперь я говорю с тобой как твой муж. Если Фрэнни потребуется пристанище, она найдет его здесь — всегда. Если ей потребуются деньги, она сможет найти их в моем кошельке — всегда. И если она захочет оставить ребенка, ты проследишь за тем, чтобы смотрины младенца прошли на должном уровне. Ты, возможно, думаешь, что никто не придет, но у нее есть друзья, верные друзья, и они придут. И вот что еще я тебе скажу. Если она захочет окрестить ребенка, обряд пройдет прямо здесь. Прямо здесь, в этой чертовой гостиной.

Рот Карлы широко раскрылся, и теперь из него стали доноситься звуки, поначалу не складывавшиеся в слова, напоминавшие свисток закипающего чайника. Потом они преобразовались в пронзительный вопль:

— *Питер, твой сын лежал в гробу в этой комнате!*

— Да. Именно поэтому я считаю, что лучшего места для крещения новой жизни не найти, — ответил он. — Кровь Фреда. *Живая кровь.* А сам Фред, он уже много лет мертв, Карла. Его тело давно съели черви.

Она вскрикнула и закрыла уши руками. Он наклонился и отвел их.

— Но червям не достались твоя дочь и ребенок твоей дочери. Не важно, откуда он взялся, но он *живой*. Ты ведешь себя так, будто собираешься ее прогнать, Карла. Что у тебя останется, если ты это сделаешь? Ничего, кроме этой комнаты и мужа, который будет ненавидеть тебя за то, что ты сделала. Если ты это сделаешь, возможно, для тебя умрут все трое — не только Фред, но и мы с Фрэнни.

— Хочу подняться наверх и прилечь, — выдохнула Карла. — Меня тошнит. Думаю, мне лучше прилечь.

— Я тебе помогу, — вызвалась Фрэнни.

— Не смей ко мне прикасаться. Оставайся со своим отцом. Похоже, вы вместе все продумали. Решили, как растоптать меня. Почему бы тебе просто не поселиться в моей гостиной, Фрэнни? Пачкать грязью ковер, швырять угли из камина в мои часы? Почему бы и нет? Почему?

Она начала смеяться и протиснулась мимо отца в коридор. Ее шатало, как пьяную. Питер попытался обнять жену за плечи. Она оскалилась и зашипела на него, словно кошка.

Пока она медленно поднималась по лестнице, опираясь на перила красного дерева, ее смех перешел в рыдания. Такие безутешные и отчаянные, что Фрэнни чуть не закричала, одновременно почувствовав, что ее сейчас вырвет. Лицо отца цветом не отличалось от грязного постельного белья. Наверху Карла обернулась, и ее сильно качнуло. Фрэнни даже испугалась, что сейчас мать скатится вниз. Она посмотрела на них, как будто собиралась что-то сказать, но потом отвернулась. Мгновение спустя дверь ее спальни закрылась, приглушив бурные звуки горя и боли.

Фрэнни и Питер переглянулись, потрясенные. Дедушкины часы продолжали тикать.

— Все образуется. — Голос Питера звучал спокойно. — Она придет в себя.

— Ты уверен? — спросила Фрэнни. Медленно подошла к отцу, прижалась к нему, и он обнял ее одной рукой. — Я в этом сомневаюсь.

— Не важно. Сейчас мы не будем об этом думать.

— Я должна уйти. Она не хочет видеть меня здесь.

— Ты должна остаться. Ты должна быть здесь в тот момент, когда — если — она придет в себя и поймет, что ты по-прежнему *нужна* ей в этом доме. — Он выдержал паузу. — Что касается меня, я это уже понял, Фрэн.

— Папочка. — Она опустила голову ему на грудь. — Папочка, я чувствую себя такой виноватой, такой виноватой...

— Ш-ш-ш... — Он пригладил волосы дочери. Над ее головой послеполуденный солнечный свет вливался в окна, золотой и недвижный, как в музеях и залах мертвых. — Ш-ш-ш, Фрэнни, я люблю тебя. Я люблю тебя.

Глава 13

Зажглась красная лампочка. Зашипел насос. Дверь открылась. Вошел мужчина, без белого скафандра, но со вставленным в нос маленьким блестящим фильтром, отдаленно напоминающим серебряную вилку с двумя зубцами, какую в ресторанах оставляют на столе для закусок, чтобы доставать оливки из банки.

— Привет, мистер Редман, — произнес мужчина, пересекая комнату. Протянул руку в тонкой прозрачной резиновой перчатке, и Стью, еще не придя в себя от изумления, пожал ее. — Дик Дитц. Денниндж сказал, что вы не будете играть в наши игры, пока не узнаете, какой счет.

Стью кивнул.

— Хорошо. — Дитц присел на краешек кровати. Маленький смуглолицый мужчина. Оперся локтями на колени — и стал еще больше похож на гнома из диснеевского мультфильма. — Так что вы хотите знать?

— В первую очередь, наверное, я хочу знать, почему на вас нет скафандра.

— Потому что Херальдо утверждает, что вы не заразны. — Дитц указал на морскую свинку за панелью из двойного стекла. Морская свинка сидела в клетке, а за ней, с каменным лицом, стоял Денниндже.

— Херальдо?

— Херальдо последние три дня дышал одним с вами воздухом, поступающим к нему через конвектор. Болезнь, которой заразились ваши друзья, легко передается от людей морским свинкам и наоборот. Будь вы заразным, Херальдо бы уже сдох.

— Но вы все равно предпочитаете не рисковать. — Стью указал на носовой фильтр.

— Этого в моем контракте нет, — ответил Дитц с циничной улыбкой.

— Что у меня?

Ответ Дитца последовал без запинки, словно отрепетированный:

— Черные волосы, голубые глаза, чертовски классный загар... — Он пристально посмотрел на Стью. — Не смешно, да?

Тот ничего не ответил.

— Хотите ударить меня?

— Не думаю, что от этого будет толк.

Дитц вздохнул и потер переносицу, словно затычки в ноздрях вызывали у него неприятные ощущения.

— Послушайте, когда все очень серьезно, я начинаю шутить. Кто-то курит, кто-то жует жвачку. Это помогает мне держать себя в руках, вот и все. Я не сомневаюсь, что есть способы справиться с нервозностью и получше. Что же касается вашей болезни, то у вас, по компетентному мнению Денниндже и его коллег, никакой болезни нет.

Стью невозмутимо кивнул. Но ему показалось, что этот маленький гном сумел угадать внезапное и глубокое облегчение, которое он испытал, пусть его лицо и осталось непроницаемым.

— Что у других?

— Извините, это секретная информация.

— Как заразился Кэмпион?

— Это тоже секретная информация.

— Я думаю, он служил в армии. И где-то произошел несчастный случай. Вроде как с овцами в штате Юта двадцать лет назад*, только сейчас все гораздо хуже.

— Мистер Редман, меня могут посадить в тюрьму, даже если я просто буду говорить вам «горячо» или «холодно».

Стью задумчиво провел рукой по отрастающей щетине.

— Вам надо радоваться, что мы ничего не говорим, — сказал Дитц. — Вы это понимаете, так?

— Чтобы я мог лучше служить своей стране, — сухо пробурчал Стью.

— Нет, это исключительно прерогатива Денниджера, — покачал головой Дитц. — В общей системе и я, и Денниджер — маленькие люди, но Денниджер стоит даже ниже, чем я. Он всего лишь сервомотор, не более того. У вас есть более прагматичная причина для радости. Вы тоже засекречены, знаете ли. Вы исчезли с лица земли. И если б вы знали слишком много, большие шишки могли бы решить, что для обеспечения безопасности вам лучше исчезнуть навсегда.

Стью молчал. Слова Дитца лишили его дара речи.

— Но я пришел сюда не затем, чтобы угрожать вам, мистер Редман. Нам крайне необходимо ваше содействие. Мы в нем нуждаемся.

— Где находятся остальные люди, с которыми я прибыл?

Дитц вытащил из внутреннего кармана лист бумаги.

— Виктор Полфри, скончался. Норман Бруэтт, Роберт Бруэтт, скончались. Томас Уэннамейкер, скончался. Ральф Ходжес, Берт Ходжес, Черил Ходжес, скончались. Кристиан Ортега, скончался. Энтони Леоминстер, скончался.

Имена и фамилии завертелись в голове Стью. Крис, который был барменом. Всегда держал под прилавком «луисвильский слаггер»** с отпиленной рукояткой и свинцовым сердечником, и любого дальнобойщика, решившего, что Крис всего лишь шутит, ждал большой сюрприз. Тони Леоминстер, который ездил на этом

---

* 14 марта 1968 г. в штате Юта, неподалеку от военного центра испытаний химического и бактериологического оружия Дагуэй, внезапно пали 6400 овец. Военные долго отрицали причастность к происшествию, однако им все же пришлось признать, что при испытании химического оружия ими была допущена ошибка.

** «Луисвильский слаггер» — официальная бита Главной бейсбольной лиги.

большом «интернэшнл»* с радиостанцией «Кобра» под приборной панелью. Время от времени он захаживал на автозаправочную станцию Хэпа, но не в тот вечер, когда Кэмпион сбил колонки. Вик Полфри... Господи, он знал Вика всю жизнь. Как Вик мог умереть? Однако больше всего Стью потрясла смерть Ходжесов.

— Они *все*? — услышал он звук своего собственного голоса. — Вся семья Ральфа?

Дитц перевернул лист.

— Нет, осталась маленькая девочка, Ева. Четырех лет. Она жива.

— И как она?

— Извините, но эта информация засекречена.

С внезапностью приятного сюрприза его охватил приступ ярости. Он вскочил, схватил Дитца за лацканы пиджака и начал трясти взад-вперед. Краем глаза уловил суетливое движение за двойным стеклом. Услышал, как в отдалении завыла сирена.

— Что же вы, черти, делаете? — взревел он. — Что же вы делаете? Что вы *делаете*, сукины дети?!

— Мистер Редман...

— Что? Что же вы, вашу мать, *вытворяете*?

Дверь с шипением распахнулась. Трое здоровяков в форме оливкового цвета вошли в палату. Все с фильтрами в носах.

Дитц увидел их и рявкнул:

— Убирайтесь отсюда к чертовой матери!

Троица выглядела нерешительно.

— Нам приказали...

— Убирайтесь отсюда — и *это* приказ!

Они ретировались. Дитц спокойно сел на кровать. Помятые лацканы пиджака да спутавшиеся, падающие на лоб волосы. Вот, собственно, и все, что изменилось. Спокойно, даже с сочувствием, он смотрел на Стью. На мгновение у того возникло дикое желание вырвать фильтр из носа Дитца, потом он вспомнил Херальдо — ну до чего же глупая кличка для морской свинки. Накатило отчаяние — на него словно выплеснули ушат холодной воды. Он сел.

— Иисус в коляске!.. — вырвалось у Стью.

---

* Имеется в виду автомобиль фирмы «Интернэшнл трак энд энджин компани», которая выпускала пикапы и тягачи для большегрузных трейлеров.

— Послушайте меня, — вновь заговорил Дитц. — Я не виноват в том, что вы здесь. Нет в этом вины ни Денниджера, ни медсестер, которые приходят измерить вам кровяное давление. Если кто и виноват, так это Кэмпион, а с него взятки гладки. Он сбежал — но в таких обстоятельствах сбежал бы и я, и вы. А позволила ему это сделать техническая неполадка. Такова ситуация. Мы пытаемся исправить ее, все мы. Но в том, что она возникла, нашей вины нет.

— Тогда кто виноват?

— Никто. — Дитц улыбнулся. — Ответственность лежит на стольких людях, что ее как бы и не существует. Несчастный случай. От этого никто не застрахован.

— Несчастный случай, — повторил Стью чуть ли не шепотом. — А что с остальными? Хэп, и Хэнк Кармайкл, и Лила Бруэтт? Их малыш Люк? Монти Салливан?

— Секретные сведения, — ответил Дитц. — Хотите еще тряхнуть меня? Если полегчает — трясите.

Стью ничего не сказал, но его взгляд заставил Дитца опустить глаза и заняться изучением складок на своих брюках.

— Они живы, — ответил он. — Может быть, со временем вы их увидите.

— Арнетт?

— Карантинная зона.

— Кто там умер?

— Никто.

— Вы лжете.

— Мне жаль, что вы так думаете.

— Когда я смогу уйти отсюда?

— Не знаю.

— Секретные сведения? — с горечью спросил Стью.

— Нет, просто неизвестно. Вы, похоже, не заразились. Мы хотим узнать почему. После этого вы свободны.

— Могу я побриться? Кожа зудит.

Дитц улыбнулся:

— Если вы позволите Денниджеру вновь начать обследование, я пришлю санитара, чтобы побрить вас прямо сейчас.

— Я и сам умею держать бритву в руках. Я занимаюсь этим с пятнадцати лет.

Дитц твердо покачал головой:

— Боюсь, это невозможно.

Стью сухо улыбнулся:

— Опасаетесь, что я перережу себе глотку?

— Скажем так...

Стью прервал эту речь приступом сухого кашля, такого сильного, что его буквально согнуло пополам.

Дитц отреагировал мгновенно. Вскочил с кровати и пулей понесся к двери, будто не касаясь ногами пола. Выхватил из кармана квадратный ключ, вставил в замочную скважину.

— Не напрягайтесь, — остановил его Стью. — Я просто пошутил.

Дитц медленно повернулся к нему. Лицо его изменилось. Губы сжались от злости, глаза горели.

— *Вы — что?*

— Пошутил, — повторил Стью. Улыбка его стала еще шире.

Дитц сделал по направлению к нему два нерешительных шага.

— Но почему? Почему вам захотелось так пошутить?

— Извините. — Стью продолжал улыбаться. — Эта информация засекречена.

— Говенный ты сукин сын! — В голосе Дитца слышалось восхищение.

— Можете идти. Скажите им, пусть приступают к своим анализам.

В ту ночь он спал лучше, чем в любую из ночей, проведенных здесь. И ему приснился удивительно яркий сон. Сны ему снились часто (жена жаловалась, что он ворочается и бормочет во сне), но такой — никогда.

Он стоял на сельской дороге, в том самом месте, где твердое покрытие уступало место белой, как кость, укатанной земле. Ослепляющее летнее солнце клонилось к горизонту. По обе стороны дороги уходили вдаль засеянные кукурузой поля. У обочины стоял указатель, но слой пыли не позволял прочитать, что на нем написано. Издалека доносилось резкое воронье карканье. А поблизости кто-то играл на акустической гитаре, перебирая пальцами струны. Вик Полфри тоже играл на гитаре, и музыка ласкала слух.

Вот куда я должен прийти, подумал во сне Стью. *Да, то самое место, все точно.*

И что это была за мелодия? «Прекрасный Сион»? «Поля у дома моего отца»? «Нежное прощание»? Какой-то псалом, который он помнил с детства, ассоциирующийся с купанием и пикниками на природе. Но Стью не мог вспомнить, какой именно.

И тут музыка смолкла. Облако закрыло солнце. Стью охватил страх. Он почувствовал, что рядом находится что-то ужасное, куда более жуткое, чем эпидемия, пожар, землетрясение. Что-то темное затаилось в кукурузе.

Он огляделся и увидел два красных глаза, горящих в тени, в глубине кукурузного поля. Эти глаза вызывали парализующий, лишающий надежды ужас, какой курица-наседка испытывает перед лаской. *Это он*, подумал Стью. *Человек без лица. Ох, дорогой Боже. Нет, дорогой Боже, нет.*

Потом сон померк, и Стью проснулся с ощущением тревоги, дезориентации и облегчения. Он прогулялся в ванную, подошел к окну. Посмотрел на луну. Улегся в кровать, но смог уснуть только через час. «Вся эта кукуруза, — сонно думал он. — Наверное, в Айове или Небраске, может, в северном Канзасе». За свою жизнь он никогда не бывал в тех местах.

Глава 14

До полуночи оставалась четверть часа. С улицы к маленькому окну прижималась темнота. Дитц в одиночестве сидел в кабинете, сдвинув вниз узел галстука, расстегнув верхнюю пуговицу рубашки. Ноги он положил на безликий металлический письменный стол, а в руке держал микрофон. На столе стоял старинный магнитофон «Волленсек». Его бобины вращались и вращались.

— Говорит полковник Дитц, — диктовал он. — Место нахождения — Атланта, код объекта «Пи-би-два». Отчет номер шестнадцать, тема — «Проект "Синева"», подтема — «Принцесса/Принц». Отчет, тема и подтема с грифом «Совершенно секретно», классификация два-два-три, только лично. Если у тебя нет допуска к этим материалам, то пошел на хер, козел.

Он прервался и на секунду закрыл глаза. Бобины плавно вращались, готовые записать, а потом и воспроизвести любой звук.

— Принц этим вечером меня чертовски напугал, — наконец заговорил он. — Не стану вдаваться в подробности, все будет в отчете Денниндже́ра. Этот парень ничего не хочет упускать, ни одной мелочи. Плюс, разумеется, распечатка моего разговора с Принцем будет на телекоммуникационном диске вместе с распечаткой этой пленки, которая записывается в двадцать три сорок пять. Я так разозлился, что едва не ударил его, очень уж он меня напугал. Больше я на него не злюсь. Парень поставил меня на свое место, всего лишь на доли секунды, но теперь я точно знаю, каково это — оказаться в таком положении. Он умен, если сообразить, что внешность а-ля Гэри Купер — не самое главное его достоинство, и независим, сукин сын. Если захочет, отыщет все палки, которые можно вставить в колеса. У парня нет близких родственников в Арнетте или где-либо еще, поэтому нам нечем надавить на него. У Денниндже́ра есть добровольцы — по крайней мере он так говорит, — готовые с радостью войти в бокс и кулаками убедить Принца в необходимости сотрудничества, но, если вы простите мне еще одно личное наблюдение, для этого понадобится больше кулаков, чем думает Денниндже́р. Может, гораздо больше. Моя мать говорила, что на мед можно поймать больше мух, чем на уксус, и я ей верю. Опять же хочу заметить, что и теперь его анализы не показывают наличия вируса. С этим вам надо разобраться.

Дитц вновь прервался, борясь со сном. Из последних семидесяти двух часов он спал только четыре.

— Информация на двадцать два ноль-ноль, — заговорил он официальным тоном, взяв со стола несколько листков. — Хэнк Кармайкл умер, пока я разговаривал с Принцем. Полицейский, Джозеф Роберт Брентвуд, умер полчаса назад. Доктор Джей писал кипятком, пусть этого и нет в его донесении. У Брентвуда неожиданно появилась положительная динамика после использования вакцины типа... как ее там... — Он зашуршал бумагами. — Ага, вот она. Шестьдесят три эй три. Загляните в подтему, если хотите. Температура спала, уменьшилась характерная припухлость желез на шее. Он сказал, что голоден, и съел яйцо-пашот с гренком без масла. Разговаривал осмысленно, хотел знать, где находится, и так далее. Потом, примерно в двадцать ноль-ноль, температура резко взлетела вверх. Начался бред. Он сорвал фиксаторы, которые удерживали его на кровати, и принялся бегать по бок-

су, крича, кашляя, выплевывая мокроту, полный набор. Потом упал и умер. Капут. По мнению специалистов, его убила вакцина. На какое-то время ему от нее полегчало, но болезнь продолжила прогрессировать еще до того, как он умер. Поэтому надо вновь возвращаться к чертежным доскам.

Он помолчал.

— Худшее я приберег напоследок. Мы можем переклассифицировать Принцессу обратно в Еву Ходжес, женского пола, четырех лет, белую. Ее карета с кучером и четверкой лошадей сегодня, во второй половине дня, превратилась в тыкву, запряженную мышами. А ведь если посмотреть на нее, так вроде бы со здоровьем полный порядок, даже насморка нет. Конечно, она переживает, скучает по маме, но в остальном — совершенно нормальная девочка. И однако, она больна. После ленча измерение артериального давления показало сначала спад, а затем подъем. В настоящее время это единственный более-менее надежный диагностический метод, которым располагает Денниндж ер. Перед ужином Денниндж ер показал мне слайды ее мокроты. Просмотр этих слайдов — восхитительный способ похудеть, поверьте мне, и они кишат этими круглыми микробами, которые, по словам Денниндж ера, вовсе не микробы, а инкубаторы. Для меня загадка, как он может знать, где находится эта хрень, как она выглядит, — и быть не в силах ее остановить. Он сыплет терминами, которых, как мне кажется, сам не понимает.

Дитц закурил.

— Ну и что мы имеем на сегодняшний день? Есть болезнь, у которой несколько ярко выраженных стадий... но некоторые люди могут проскочить одну из них. Другие могут вернуться на одну стадию назад. С третьими случается и то, и это. Четвертые задерживаются на одной стадии на сравнительно долгий промежуток времени, а пятые проносятся через все четыре, словно на реактивных санях. Один из наших «чистых» объектов перестал быть таковым. Другой — тридцатилетний парень из захолустного городка — здоров, как, скажем, я сам. Денниндж ер провел на нем тридцать миллионов анализов и выявил только четыре отклонения от нормы. Во-первых, у Редмана очень много родинок на теле. Плюс легкая склонность к гипертонии, настолько легкая, что нет смысла лечить ее сейчас. У него появляется небольшой тик под левым глазом, когда он нервничает. И, как утверждает Денниндж-

жер, он видит сны гораздо чаще среднестатистической нормы — почти всю ночь напролет, каждую ночь. Это показывают электроэнцефалограммы, которые они успели снять, прежде чем он забастовал. Вот и все. Никаких выводов из этого я сделать не могу. Как и доктор Денниджер, как и люди, которые проверяют работу доктора Дементо. Все это пугает меня, Старки. Пугает потому, что никто, за исключением первоклассного врача, владеющего всей засекреченной информацией, не определит у людей, зараженных этой хренью, ничего, кроме обыкновенной простуды. И мой Бог, ведь нынче человек идет к врачу, если только у него воспаление легких, или подозрительная шишка на груди, или тяжелый случай крапивницы. Очень уж трудно убедить кого-то посмотреть на тебя. Вот они и останутся дома, будут пить побольше жидкости и соблюдать постельный режим, а потом умрут. Но перед тем как умереть, заразят каждого, кто заглянет к ним в комнату. Все мы по-прежнему ждем, что Принц — мне кажется, я где-то использовал его настоящее имя, но мне сейчас плевать на этот прокол — заболеет сегодня ночью, или завтра, или, самое позднее, послезавтра. А вплоть до настоящего момента никто из заболевших не проявил никаких признаков улучшения. На мой взгляд, эти сукины дети из Калифорнии слегка перестарались. Дитц, Атланта, объект Пи-би-два, конец отчета.

Он выключил магнитофон и долго смотрел на него. Потом снова закурил.

Глава 15

До полуночи оставалось две минуты.

Патти Грир, медсестра, пытавшаяся измерить Стью давление, когда он объявил забастовку, пролистывала свежий выпуск «Макколса» на сестринском посту, ожидая, когда подойдет время проверить мистера Салливана и мистера Хэпскомба. Хэп будет бодрствовать и смотреть программу Джонни Карсона, так что с ним никаких проблем возникнуть не могло. Ему нравилось подшучивать над ней, интересуясь, какую надо приложить силу, чтобы ущипнуть ее за задницу через этот белый скафандр. Мистер Хэпскомб боялся, но всячески им содействовал — в отличие

от этого ужасного Стюарта Редмана, который только смотрел на тебя и молчал. Таких, как мистер Хэпскомб, Патти Грир относила к «славным парням». По ее разумению, все пациенты делились на две категории: «славные парни» и «закоренелые засранцы». Патти, которая в семь лет сломала ногу, катаясь на роликах, и с тех пор не провела в постели по болезни и дня, терпеть не могла «закоренелых засранцев». Либо ты действительно болел и вел себя как славный парень, либо был ипохондрическим закоренелым засранцем, создающим трудности бедной работающей девушке.

Мистер Салливан будет спать — и проснется в отвратительном настроении. Но ей приходилось его будить не по своей воле, и Патти полагала, что мистер Салливан должен это понимать. Ему бы испытывать чувство благодарности за то, что правительство обеспечивает им всем наилучший уход, причем бесплатно. И она собралась сказать об этом мистеру Салливану, если он опять будет вести себя как старый засранец.

На часах — полночь; пора идти.

Она покинула сестринский пост и по коридору направилась к «чистой комнате», где ее сначала опрыскивали, а потом помогали надеть белый защитный костюм. На полпути в носу у нее защекотало. Она достала из кармана носовой платок и трижды несильно в него чихнула. Потом убрала платок.

Поглощенная предстоящей встречей с капризным мистером Салливаном, она не придала этому никакого значения. Возможно, легкий приступ сенной лихорадки. О директиве, вывешенной на сестринском посту, в которой большими красными буквами говорилось: «НЕМЕДЛЕННО ДОЛОЖИТЬ НЕПОСРЕДСТВЕННОМУ НАЧАЛЬНИКУ О ЛЮБЫХ ПРОСТУДНЫХ СИМПТОМАХ, КАКИМИ БЫ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ОНИ НИ КАЗАЛИСЬ», — она и не вспомнила. Все опасались, что болезнь, которая поразила этих бедолаг из Техаса, вырвется за пределы герметично закрытых палат-боксов, но Патти знала, что даже мельчайший вирус не может проникнуть внутрь белого скафандра с его автономной системой жизнеобеспечения. И тем не менее по пути в «чистую комнату» она заразила санитара, доктора, собиравшегося домой, и другую медсестру, идущую на полуночный обход.

Начался новый день.

Глава 16

Днем позже, двадцать третьего июня, совсем в другой части страны, большой белый «конни» несся на север по федеральному шоссе 180. Стрелка спидометра подрагивала в районе девяносто пяти, краска (оттенок «белый коринфский») поблескивала на солнце, хром пускал солнечных зайчиков. Маленькие бортовые окошки в задней части автомобиля также отражали солнце, а потому сияли, как прожекторы.

С тех пор как Тычок и Ллойд убили водителя автомобиля к югу от Ачиты, штат Нью-Мексико, «конни» проделал петляющий и лишенный всякого смысла путь. Федеральное шоссе 80, 81, автострада — в конце концов Тычок и Ллойд занервничали. За последние шесть дней они убили шесть человек, в том числе владельца «континентала», его жену и путавшуюся под ногами дочку. Но нервничали они, мчась на север, не из-за шести убийств. Их волновали наркотики и оружие. Пять граммов гашиша, жестяная табакерка с кокаином — сколько его там, они не знали — и шестнадцать фунтов марихуаны. Плюс два пистолета тридцать восьмого калибра и три — сорок пятого, один «магнум» триста пятьдесят седьмого калибра (Тычок называл его «Тычкоствол»), шесть дробовиков (включая два обреза) и пистолет-пулемет «шмайссер». Этой парочке не хватало мозгов, чтобы оценить последствия убийства, но они понимали, какие проблемы могут возникнуть, если дорожная полиция Аризоны арестует их в угнанном автомобиле, набитом наркотой и оружием. Для полноты картины они еще стали федеральными преступниками, как только пересекли границу Невады.

Федеральные преступники. Ллойду Хенриду нравилось, как звучат эти слова. Будто в гангстерских фильмах. *Получи, грязная крыса. Вот тебе сандвич со свинцом, паршивый коппер.*

Они свернули на север у Деминга, проехали Херли, Байард, а также чуть больший по размеру Сильвер-Сити, где Ллойд купил пакет гамбургеров и восемь молочных коктейлей («Зачем, прости Господи, он купил восемь коктейлей? Чтобы мы начали писать шоколадом?»), одарив официантку безликой, но веселой улыбкой, после которой она не один час не могла прийти в себя. «Я уверена, этот человек мог не задумываясь убить меня», — потом призналась она своему боссу.

Покинув Силвер-Сити, они добрались до Клиффа, где дорога повернула на запад, в ту самую сторону, куда им ехать не хотелось. А когда позади остался Бакхом, они вновь вернулись в забытую Богом страну: двухполосное асфальтовое шоссе бежало сквозь полынь и песок, за которыми поднимались холмы с плоскими вершинами, — ту самую страну, из которой хотелось уехать и никогда больше не возвращаться.

— У нас осталось мало бензина, — подал голос Тычок.

— Осталось бы больше, если б ты не гнал с такой скоростью, — ответил Ллойд. Пригубил третий молочный коктейль, и его чуть не вырвало. Он опустил стекло и выкинул все оставшееся дерьмо, включая три коктейля, к которым они и не притронулись.

— Хоп! Хоп! — закричал Тычок и начал пинать педаль газа. «Конни» прыгал вперед, сбрасывал скорость, снова прыгал.

— Вперед, ковбой! — завопил Ллойд.

— Хоп! Хоп!

— Хочешь покурить?

— Кури, пока есть что курить, — ответил Тычок. — Хоп! Хоп!

Между ног Ллойда лежал большой мешок из плотного зеленого пластика. С шестнадцатью фунтами марихуаны. Ллойд нагнулся к нему, зачерпнул пригоршню травки и стал сворачивать самокрутку.

— Хоп! Хоп! — «Конни» зигзагом мчался по разделительной полосе.

— Кончай это дерьмо! — крикнул Ллойд. — Я все рассыплю!

— Ты знаешь, где взять еще... Хоп!

— Ты чего, нам надо все это сбыть, чел! Мы должны все это сбыть, иначе нас поймают и запихнут в чей-то багажник.

— Ладно, дружище. — Тычок выровнял машину, но на его лице читалась обида. — Это была твоя идея, твоя гребаная идея.

— Раньше ты считал эту идею *хорошей*.

— Да, но я не знал, что в итоге нам придется колесить по этой чертовой Аризоне. Если продолжим в том же духе, как мы вообще доберемся до Нью-Йорка?

— Мы сбиваем со следа погоню, чел, — ответил Ллойд. Перед ним явственно возникла картина, как открываются ворота полицейских гаражей и в ночь выезжают тысячи патрульных автомобилей сороковых годов. Лучи фонарей ползают по стенам. *Выходи, Горбатый, мы знаем, что ты здесь.*

— Гребаная удача! — Тычок все еще дулся. — Мы пашем как проклятые. И знаешь, что у нас есть, кроме этой травки и пушек? У нас есть шестнадцать долларов и три сотни гребаных кредитных карточек, которые мы никогда не посмеем использовать! Какого хера, у нас даже нет денег, чтобы наполнить бак этого борова!

— Бог пошлет. — Ллойд плевком запечатал самокрутку, сунул в рот и поднес к ней прикуриватель «конни». — Счастливые гребаные денечки.

— А если ты собираешься ее продавать, то чего мы ее курим? — продолжал Тычок, не слишком-то уповающий на божественную щедрость.

— Ну, продадим несколькими унциями меньше. Заканчивай, Тычок. Затянись.

От такого предложения Тычок никогда не отказывался. Он гоготнул и взял косяк. Между ними стоял полностью заряженный «шмайссер». «Конни» несся по дороге. Индикатор бензина показывал, что бак на семь восьмых пуст.

Тычок и Ллойд встретились годом раньше в Браунсвиллской тюрьме общего режима, на рабочей ферме в Неваде. Тюрьма включала в себя девяносто акров орошаемой земли и тюремный городок — сборные бараки из гофрированного железа. Располагалась она в шестидесяти милях к северу от Тонопы и в восьмидесяти к северо-востоку от Гэббса. Осужденным на короткие сроки здесь приходилось несладко. Хотя Браунсвиллская тюрьма по статусу считалась фермой, с растительностью тут было не очень. Морковь и салат, едва пробившись навстречу палящему солнцу, чахли и засыхали. Зато бобовые — и сорняки — процветали, и законодательное собрание штата свято верило, что когда-нибудь здесь удастся выращивать сою. Но, похоже, для превращения пустыни в цветущий сад требовалось слишком много ресурсов. Начальник тюрьмы (он предпочитал, чтобы его называли боссом) гордился тем, что строго соблюдает все правила, и нанимал на работу исключительно людей, которые, по его мнению, придерживались того же принципа. Он обожал говорить новичкам, что Браунсвилл является тюрьмой обычного режима с не больно-то строгой охраной, прежде всего потому, что здесь, как в песне, «некуда бежать, детка, негде спрятаться». Некоторые ему не верили и пытались-таки сбежать, но в большинстве случаев их приводили обратно через

два или три дня, обожженных солнцем, ослепших от ярких лучей, жаждущих продать боссу свои спекшиеся души за глоток воды. Кто-то безумно хохотал, а один парень, проведший в пустыне три дня, утверждал, что в нескольких милях к югу от Гэббса видел большой замок, окруженный рвом с водой. Ров этот охраняли тролли на больших черных лошадях. Несколькими месяцами позже в Браунсвилл заглянул проповедник из Колорадо, и сей молодой человек истово уверовал в Иисуса.

Эндрю Фриман по прозвищу Тычок, осужденный за нападение без отягчающих обстоятельств, освободился в апреле тысяча девятьсот восемьдесят девятого года. Его койка стояла рядом с койкой Ллойда Хенрида. Тычок сказал Хенриду, что у него есть на примете кое-что интересное в Лас-Вегасе, если тот хочет сыграть по-крупному. Ллойд хотел.

Освободился он первого июня. Его посадили за попытку изнасилования, совершенную в Рино. Женщина, танцовщица варьете, возвращалась домой после работы и пустила струю слезоточивого газа в глаза Ллойда. Он чувствовал себя счастливчиком, получив только от двух до четырех. Отсиженное до суда время тоже пошло в зачет, плюс ему скостили срок за примерное поведение. Царящая в Браунсвилле жара не способствовала нарушениям тюремного режима.

На автобусе он доехал до Лас-Вегаса, где его на остановке ждал Тычок. Сразу же заговорили о деле. Тычок знал парня, по его словам, «делового партнера», известного в узких кругах как Красавчик Джордж*. Он выполнял мелкие поручения группы людей с итальянскими и сицилийскими фамилиями. В штате у них Джордж не состоял, но время от времени они пользовались его услугами. По большей части, если требовалось что-то где-то взять и куда-то доставить. Например, из Вегаса в Лос-Анджелес. Или, наоборот, из Лос-Анджелеса в Вегас. Чаще всего — мелкие партии наркотиков, халяву для крупных клиентов казино. Иногда оружие. Оружие Красавчик Джордж только куда-то доставлял, никогда не забирал. И, насколько понял Тычок (а уровень понимания Тычка никогда не поднимался выше того, что киношники называют «мягким фокусом»**), эти похожие на сицилийцев люди иногда

* Красавчик Джордж — так называли знаменитого американского рестлера Джорджа Вагнера (1915—1963).

** Мягкий фокус — нечеткое изображение.

продавали оружие ворам-одиночкам. По словам Тычка, Красавчик Джордж согласился назвать время и маршрут перевозки крупной партии наркоты и оружия. Джордж просил двадцать пять процентов от вырученной ими суммы. Тычок и Ллойд должны были напасть на Джорджа, связать его, вставить в рот кляп и забрать товар. А потом пару-тройку раз врезать ему. «Все должно выглядеть правдоподобно, — предупреждал Джордж. — Этих сицилийцев вокруг пальца не обведешь».

— Ну что ж, звучит неплохо, — признал Ллойд.

На следующий день Тычок и Ллойд пошли на встречу с Красавчиком Джорджем — детиной ростом шесть футов, с головой-прыщиком на практически не существующей шее между широченными плечами. Волнистые светлые волосы придавали ему сходство со знаменитым рестлером.

Ллойд в последний момент заколебался, но Тычок рассеял его сомнения. Это он делать умел. Джордж велел им прийти к нему домой в следующую пятницу, около шести вечера.

— Ради Бога, наденьте маски, — предупредил он. — Вы расквасите мне нос и поставите фингал под глазом. Господи, и зачем я только в это ввязался?

Великий вечер наступил. Тычок и Ллойд доехали на автобусе до угла улицы, на которой жил Джордж, и, шагнув на дорожку, ведущую к крыльцу, надели лыжные маски. Дверь оказалась заперта, но, как Джордж и обещал, не на все замки. Игровая комната находилась в подвале. Джордж стоял рядом с пластиковым мешком, набитым травкой. На столе для пинг-понга лежало оружие. Выглядел Джордж испуганным.

— Господи, ох Господи, и зачем только я в это ввязался? — повторял он, пока Ллойд связывал ему ноги бельевой веревкой, а Тычок накручивал на сведенные запястья изоляционную ленту фирмы «Скотч».

Потом Ллойд раскровил Джорджу нос, а Тычок врезал ему в глаз, поставив фингал, как и договаривались.

— Черт! — взвыл Джордж. — Обязательно бить так сильно?

— Ты же сам хотел, чтобы все выглядело по-настоящему, — заметил Ллойд. Тычок залепил куском изоленты рот Джорджа. Они стали собирать добычу.

— Хочу у тебя кое о чем спросить, чел. — Тычок повернулся к Ллойду.

— О чем? — полюбопытствовал Ллойд, нервно хихикнув.

— Как ты думаешь, сможет ли старина Джордж не выдать наш секрет?

Раньше Ллойду такой вопрос в голову не приходил. В течение томительно долгой минуты он задумчиво смотрел на Красавчика Джорджа, глаза которого выпучились от внезапного ужаса.

— Конечно, — наконец ответил Ллойд. — Он тоже в доле. — Но голос его звучал неубедительно, и чувствовалось, что он сам не очень-то в это верит. Семена сомнения обладают почти стопроцентной всхожестью.

Тычок улыбнулся:

— Да он может просто сказать им: «Привет, ребята. Я встретил давнего приятеля с дружком. Мы поболтали, выпили пивка, а потом, можете вы себе такое представить, эти сукины дети заявились ко мне домой и ограбили меня. Уверен, что вы их поймаете. Давайте я опишу, как они выглядят».

Джордж бешено тряс головой, а его глаза от ужаса превратились в заглавные буквы «О».

К тому времени они сложили оружие в брезентовый мешок для белья, найденный в ванной на первом этаже. Ллойд нервно поднял мешок и спросил:

— И что же, по-твоему, мы должны сделать?

— По-моему, старичок, мы должны его замочить, — с сожалением ответил Тычок. — Это единственное, что мы можем сделать.

— Чертовски непростая задача, учитывая, что он навел нас на это дело, — колебался Ллойд.

— А кому в этом мире легко, дружище?

— Да уж, — вздохнул Ллойд, и они направились к Джорджу.

— М-м-м-ф! — Джордж бешено тряс головой. — М-м-м-м-м-ф! М-м-м-м-ф!

— Я знаю, — утешил его Тычок. — Хреново вышло, да? Мне очень жаль, Джордж, без балды. Ничего личного. Хочу, чтобы ты это помнил. Держи его голову, Ллойд.

Легко сказать. Красавчик Джордж неистово мотал головой из стороны в сторону. Он сидел в углу игровой комнаты, стены которой были из шлакоблоков, бился о них затылком, но, похоже, не чувствовал никакой боли.

— Держи его! — рявкнул Тычок и оторвал от рулона очередной кусок скотча.

Ллойд наконец-то ухватил Красавчика Джорджа за волосы и смог удержать достаточно долго, чтобы Тычок успел прилепить скотч прямо на ноздри Джорджа, тем самым запечатав все его дыхательные пути. Джордж просто обезумел. Выкатился из угла, елозил животом по полу, издавал сдавленные звуки — по предположению Ллойда, наверное, кричал. Бедняга. Все это продолжалось минут пять, прежде чем Джордж окончательно затих. Он взбрыкивал, стучал и сучил ногами. Лицо его стало красным, как стена кирпичного амбара. Напоследок он поднял обе ноги и с силой стукнул ими об пол. Это напомнило Ллойду мультфильм о Багзе Банни или еще ком-то, и он хохотнул, чувствуя, что настроение у него улучшилось. Прежнее зрелище нагоняло только тоску.

Тычок присел на корточки рядом с Джорджем и пощупал пульс.

— Ну? — спросил Ллойд.

— Ничего не тикает, только его часы, старина, — ответил Тычок. — И раз уж о них зашла речь... — Он поднял мясистую руку Джорджа и посмотрел на его запястье. — Нет, обычный «Таймекс». Я-то думал, «Касио» или что-нибудь этакое.

Ключи от машины Джорджа лежали в переднем кармане его брюк. А в буфете наверху они нашли банку из-под арахисового масла «Скиппи», наполовину наполненную десятицентовиками. Взяли и их. В общей сложности получилось двадцать долларов и шестьдесят центов.

Ездил Джордж на старом, хрипящем «мустанге» с четырьмя сиденьями, паршивыми амортизаторами и лысыми, как Телли Савалас*, покрышками. Они покинули Вегас по федеральному шоссе 93 и покатили на юго-восток, в Аризону. К полудню следующего дня, то есть позавчера, обогнули Финикс по сельским дорогам. Вчера около девяти утра остановились у старого пыльного магазинчика в двух милях за Шелдоном на аризонском шоссе 75. Вошли внутрь и замочили хозяина — пожилого господина со вставными челюстями, какие заказывают по почте. Им достались шестьдесят три доллара и древний пикап старика.

---

* Имеется в виду Аристотелис Савалас по прозвищу Телли (1922—1994) — американский актер и певец.

Этим утром у пикапа лопнули две шины. Лопнули одновременно, и на шоссе не нашлось ни гвоздя, ни кнопки, хотя Тычок и Ллойд потратили на поиски почти полчаса, передавая друг другу очередную самокрутку. В конце концов Тычок высказался в том смысле, что это скорее всего совпадение. Ллойд признал, что, Бог свидетель, ему приходилось слышать и о более удивительных совпадениях. Потом появился белый «конни», словно в ответ на их молитвы. А чуть раньше, хотя ни один из них об этом не знал, они пересекли границу между Аризоной и Нью-Мексико и попали под юрисдикцию ФБР.

Водитель «конни» высунулся из окна и спросил:

— Нужна помощь?

— Конечно, нужна! — ответил Тычок и тут же его замочил — всадил между глаз пулю из «магнума». Несчастный, наверное, даже не понял, что с ним произошло.

— Почему бы тебе не повернуть здесь? — спросил Ллойд, указывая на приближающийся перекресток. Он уже заторчал.

— И поверну! — весело воскликнул Тычок. Скорость «конни» упала с восьмидесяти до шестидесяти миль в час. При повороте налево правые колеса чуть оторвались от земли, а потом перед ними протянулась новая дорога, шоссе 78, ведущее точно на запад. Не зная, что они вновь пересекли границу между штатами, не зная, что совершенные ими преступления газеты уже назвали «УБИЙСТВЕННЫМ ЗАЕЗДОМ ПО ТРЕМ ШТАТАМ», они вновь очутились в Аризоне.

Примерно час спустя справа появился и начал быстро увеличиваться в размерах указатель: «БУРРАК 6».

— Бурлак? — заплетающимся языком спросил Ллойд.

— Буррак, — поправил его Тычок и принялся крутить руль вправо-влево, отчего автомобиль начал выписывать по дороге плавные дуги. — Хоп! Хоп!

— Давай там остановимся, — предложил Ллойд. — Я голоден, чел.

— Ты всегда голоден.

— Иди в жопу. Я когда накурюсь, постоянно хочу чего-то пожевать.

— Можешь пожевать мой девятидюймовый шланг. Как насчет этого? Хоп! Хоп!

— Я серьезно, Тычок. Давай остановимся.

— Ладно. Да и деньжат надо раздобыть. Думаю, от погони мы на какое-то время оторвались. Нужно добыть денег и сваливать на север. Эта гребаная пустыня меня достала.

— Годится, — кивнул Ллойд. Он не знал, была ли тому причиной травка, но внезапно его охватил дикий страх, какого он не испытывал даже на автостраде. Тычок прав. Надо остановиться за Бурраком и грабануть магазин, как после Шелдона. Разжиться деньгами и дорожными картами, поменять «конни» на другой автомобиль, не столь приметный, а потом рвануть на северо-восток по второстепенным дорогам. Выбраться, нах, из Аризоны.

— Скажу тебе правду, чел. — Тычок повернулся к нему. — Я вдруг занервничал, как длиннохвостый кот в комнате, заставленной креслами-качалками.

— Я знаю, о чем ты, сладкий мой, — очень серьезным тоном произнес Ллойд. Фраза эта показалась обоим очень забавной, и они хором заржали.

Буррак раскинулся по обе стороны от дороги. Они проскочили город и на выезде обнаружили заправочную станцию с кафе и магазином. На общей стоянке увидели старый «форд»-универсал, запыленный «олдсмобил» и телегу с лошадью. Лошадь уставилась на них, когда Тычок сворачивал на стоянку.

— Похоже, то, что надо, — заметил Ллойд.

Тычок согласился. Достал с заднего сиденья «магнум» и проверил, заряжен ли он.

— Готов?

— Думаю, да, — отозвался Ллойд и взялся за «шмайссер».

Они двинулись через выжженную солнцем стоянку. Полиция уже четыре дня знала об их подвигах; они оставили отпечатки пальцев в доме Красавчика Джорджа и в магазине, где замочили старика с «почтовыми» вставными челюстями. Старый пикап стоял в пятидесяти футах от трупов трех человек, ехавших на «континентале», и не требовалось большого ума, чтобы предположить, что люди, прикончившие Красавчика Джорджа и владельца магазина, убили и этих троих. Слушай Ллойд и Тычок радиоприемник «конни», а не магнитофон, они бы знали, что полицейские Аризоны и Нью-Мексико объединились для величайшей за последние сорок лет охоты на людей — и все ради двух мелких пре-

ступников, которые и не представляли себе, что учинили такой переполох.

Заправка работала по принципу самообслуживания — продавец в магазине только включал насос. Ллойд и Тычок поднялись по ступенькам и вошли в торговый зал. Три прохода со стеллажами, заставленными консервами, уходили к кассовому аппарату. У прилавка мужчина в ковбойском костюме расплачивался за пачку сигарет и полдюжины копченых колбасок «Слим джимс». В середине центрального прохода женщина с утомленным лицом и жесткими черными волосами пыталась выбрать один из двух соусов для спагетти. В магазине пахло лежалой лакрицей, и солнцем, и табаком, и старостью. Хозяин — веснушчатый мужчина в серой рубашке и фирменной бейсболке с надписью «ШЕЛЛ» красными буквами по белому полю — поднял голову, когда захлопнулась сетчатая входная дверь, и его глаза широко раскрылись.

Ллойд приставил приклад «шмайссера» к плечу и дал очередь в потолок. Два шарообразных плафона разбились вдребезги, как бомбы. Мужчина в ковбойской одежде начал оборачиваться.

— Всем стоять, и мы никого не тронем! — закричал Ллойд. Тычок немедленно опроверг это, проделав дырку в женщине, выбиравшей соус. Ее вышибло из туфель. — Ты чего, Тычок! — снова крикнул Ллойд. — Незачем...

— Замочил ее, старина! — завопил Тычок. — Больше ей не смотреть Джерри Фолуэлла*! Хоп! Хоп!

Мужчина в ковбойском костюме продолжал оборачиваться. В левой руке он держал пачку сигарет. Резкий свет, падавший сквозь окно-витрину и сетчатую дверь, сверкал яркими звездами на темных стеклах его солнцезащитных очков. Над ремнем торчала рукоятка револьвера сорок пятого калибра. Мужчина неторопливо вытащил револьвер, пока Ллойд и Тычок таращились на мертвую женщину, прицелился, выстрелил — и левая половина лица Тычка неожиданно превратилась в месиво из крови, мяса и зубов.

— *В меня стрельнули!* — завопил Тычок, роняя свой «магнум» и падая назад. Он взмахнул руками, и со стеллажей на деревянный пол полетели пакеты с картофельными и кукурузными чип-

* Джерри Фолуэлл (1933—2007) — известный американский телепроповедник.

сами и «Чиздудлс». — *В меня стрельнули, Ллойд! Посмотри! В меня стрельнули! Стрельнули!* — Тычок ударился о сетчатую дверь, и она распахнулась. Он тяжело осел на крыльцо, сорвав старенькую дверь с одной петли.

Ошеломленный Ллойд выстрелил скорее инстинктивно, чем в целях самозащиты. Грохот «шмайссера» заполнил торговый зал. Консервные банки полетели на пол. Стеклянная тара взрывалась, расплескивая кетчуп, раскидывая маринованные огурцы и оливки. Передняя панель холодильника с пепси сложилась внутрь. Бутылки с «Доктором Пеппером», «джолтом» и «орандж крашем» разлетались, как тарелочки для стрельбы. Текла пена. Мужчина в ковбойском костюме, хладнокровный, спокойный и собранный, снова выстрелил. Ллойд скорее почувствовал, чем услышал, как пуля пролетела у него над головой, едва не коснувшись волос. Он дал еще одну очередь из «шмайссера», слева направо.

Мужчина в бейсболке «ШЕЛЛ» упал за прилавок так внезапно, что у наблюдателя со стороны могло сложиться впечатление, будто он провалился в люк. Автомат, торгующий жевательной резинкой, разнесло вдребезги. Красные, синие и зеленые шарики покатились в разные стороны. Взорвались стеклянные банки, стоявшие на прилавке. В одной были маринованные яйца, в другой — свиные ножки. Помещение наполнил резкий запах уксуса.

«Шмайссер» проделал три дырки в рубашке ковбоя, и большая часть его внутренностей выплеснулась со спины на Спадса Маккензи*. Ковбой осел, все еще сжимая в одной руке револьвер, а в другой — пачку «Лаки».

Ллойд, обезумев от страха, продолжал палить. Пистолет-пулемет нагревался у него в руках. Задребезжал и рухнул ящик с бутылками из-под содовой. Изображенная на календаре девушка в обтягивающих шортах получила пулю в восхитительное персиковое бедро. Перевернулась стойка с книгами. Потом в «шмайссере» закончились патроны, и наступила оглушающая тишина. В воздухе стоял тяжелый и отвратительный запах пороха.

— Твою мать! — выдохнул Ллойд и опасливо посмотрел на ковбоя. По всему выходило, что тот не создаст каких-либо проблем в ближайшем или отдаленном будущем.

---

* Спадс Маккензи — кличка вымышленного пса, фигурировавшего в рекламной кампании пива «Бад лайт». Вероятно, речь идет о рекламном плакате.

— *В меня стрельнули!* — проревел Тычок, вваливаясь в торговый зал. Он с такой силой схватился за сетчатую дверь, что сорвал ее со второй петли, и она упала на крыльцо. — *В меня стрельнули, Ллойд, видишь!*

— Я прикончил его, Тычок, — утешил подельника Ллойд, но тот, похоже, ничего не слышал. Его правый глаз сиял, как зловещий сапфир. Левый исчез. Вместе со щекой. Когда Тычок говорил, левая сторона челюсти двигалась, ничем не прикрытая. Лишился он и чуть ли не всех зубов слева. Его рубашка пропиталась кровью. В общем, честно говоря, выглядел Тычок хреново.

— *Чертов идиот достал меня!* — крикнул Тычок, наклонился и нацелил на ковбоя «магнум». — *Я покажу тебе, как стрелять в меня, гребаный ублюдок!*

Он привинулся к ковбою, этакий сельский мистер Сардоникус*, поставил ногу на его зад, как охотник, позирующий для фотографии с убитым медведем на стену кабинета, и изготовился всадить всю обойму в голову трупа. Ллойд стоял и смотрел на Тычка с раскрытым ртом, с дымящимся «шмайссером» в руке, все еще пытаясь понять, как такое могло случиться.

В этот момент мужчина в бейсболке «ШЕЛЛ», упавший за прилавок, появился оттуда, как черт из табакерки. Его лицо выражало отчаянную решимость, а в руках он сжимал двустволку.

— Что? — Тычок вскинул голову аккурат навстречу двум зарядам. Потом рухнул на пол. Лицо его стало выглядеть еще хуже, чем раньше, но теперь это уже никого не заботило.

Ллойд решил, что самое время сваливать. Черт с ними, с деньгами. В конце концов, их можно найти в любом другом месте. Похоже, придется опять сбивать погоню со следа. Он развернулся и большущими шагами помчался к двери. Его высокие ботинки едва касались половиц.

Он уже преодолел половину ступенек, когда на стоянку свернул патрульный автомобиль аризонской полиции. Из пассажирской двери вылез полицейский и вытащил пистолет.

— Стой на месте! Что там происходит?

— Трое убитых! — закричал Ллойд. — Ну и заваруха! Парень, который сделал это, сбежал через черный ход! Я уношу ноги!

---

* Мистер Сардоникус — герой одноименного фильма ужасов (1961), человек, лицо которого превратилось в застывшую маску.

Он подбежал к «конни», скользнул за руль и как раз успел вспомнить, что ключи остались у Тычка в кармане, когда полицейский заорал:

— Стой! Стой, стрелять буду!

Ллойд замер. Радикальные изменения, произошедшие с лицом Тычка, произвели на него должное впечатление, и он решил, что лучше обойтись без лишних телодвижений.

— Твою мать, — жалостливо пробормотал он, когда второй полицейский приставил ему к голове здоровенный пистолет. Первый надел на него наручники.

— Отправляйся на заднее сиденье патрульной машины, весельчак ты наш.

Мужчина в бейсболке «ШЕЛЛ» вышел на крыльцо, все еще сжимая в руках двустволку.

— Он застрелил Билла Марксона! — завопил мужчина высоким, пронзительным голосом. — А второй убил миссис Сторм! Такие дела! Я того прикончил! Он мертвее собачьего дерьма! С удовольствием прикончу и этого, если вы, ребята, отойдете!

— Успокойся, папаша, — сказал один из полицейских. — Потеха закончилась.

— Я пристрелю его на месте! — закричал хозяин магазина. — И не поморщусь! — Тут он наклонился вперед, словно отвешивающий поклон английский дворецкий, и блеванул на свои ботинки.

— Эй, парни, держите меня подальше от этого человека, — попросил Ллойд. — Он точно рехнулся.

— А это ты получил, выходя из магазина, весельчак. — И полицейский, который первым вылез из патрульного автомобиля, вскинул руку. Пистолет поднимался все выше и выше, поблескивая на солнце, а потом с силой опустился на голову Ллойда Хенрида. Очнулся он только вечером, в лазарете тюрьмы округа Апач.

Глава 17

Старки стоял перед монитором номер два, глядя на специалиста второго класса Фрэнка Д. Брюса. Когда он видел Брюса в последний раз, тот сидел, уткнувшись лицом в миску супа с ку-

сочками говяжьей вырезки. С тех пор ничего не изменилось, если не считать того, что удалось достоверно установить личность Брюса. Ситуация нормальная, полная жопа.

Задумчиво сцепив руки за спиной, словно генерал, инспектирующий войска, — генерал Черный Джек Першинг*, кумир детства Старки, — он перешел к монитору номер четыре, на котором как раз наблюдались изменения к лучшему. Доктор Эммануэль Эзвик по-прежнему неподвижно лежал на полу, но центрифуга остановилась. Прошлым вечером, в 19.40, из центрифуги потянулись тонкие щупальца дыма. В 19.55 микрофоны, установленные в лаборатории Эзвика, начали фиксировать постукивания, напоминавшие далекую барабанную дробь. Дробь эта распадалась на отдельные удары (*ронк-ронк-ронк*), которые становились все громче и сильнее. В 21.07 в центрифуге в последний раз что-то ронкнуло, и она начала замедлять ход, пока не остановилась. Кажется, Ньютон сказал, что где-то далеко, за самой дальней звездой, может находиться тело в состоянии абсолютного покоя. «Ньютон оказался прав во всем, кроме расстояния, — подумал Старки. — Совсем не обязательно отправляться в такую даль». Проект «Синева» воплощал собой именно это состояние. И Старки это радовало. Центрифуга создавала последнюю иллюзию жизни. По его приказу Стеффенс поставил перед центральным компьютером (посмотрев при этом на него как на безумца, и что с того, Старки сам задавался вопросом, в своем ли он уме) следующую задачу: как долго будет вращаться центрифуга? Ответ компьютер выдал через шесть целых шесть десятых секунды: «3 ГОДА ВЕРОЯТНОСТЬ ВЫХОДА ИЗ СТРОЯ В БЛИЖАЙШИЕ ДВЕ НЕДЕЛИ 0,009% МЕСТО ВЕРОЯТНОЙ ПОЛОМКИ ПОДШИПНИКИ 38% ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ 16% ОСТАЛЬНЫЕ УЗЛЫ 54%». Умный компьютер. Старки велел Стеффенсу повторно ввести ту же задачу, уже после того как центрифуга Эзвика сгорела. Компьютер связался с банком данных инженерных систем и подтвердил, что центрифуга действительно спалила подшипники.

---

* Имеется в виду Джон Джозеф Першинг по прозвищу Черный Джек (1860—1948) — генерал американской армии, участник Испано-американской и Первой мировой войн. Прозвище получил за службу в частях, состоявших преимущественно из чернокожих солдат.

«Помни об этом, — думал Старки, когда за спиной призывно запикал интерком. — На последней стадии разрушения перегревшиеся подшипники издают "ронк-ронк-ронк"».

Он подошел к интеркому и нажал на кнопку, обрывая пиканье:

— Слушаю, Лен.

— Билли, у меня срочный звонок от одного из наших подразделений в Сайп-Спрингсе, Техас. Почти в четырехстах милях от Арнетта. Они заявляют, что должны поговорить с тобой. Сами принять решение не имеют права.

— В чем там дело, Лен? — спросил Старки спокойно. За последние десять часов он принял шестнадцать «расслаблялок» и по большому счету прекрасно себя чувствовал. Никакого намека на «ронк-ронк-ронк».

— Пресса.

— Господи! — вырвалось у Старки. — Соедини меня с ними.

Он услышал приглушенные помехи и голос, произносящий что-то нечленораздельное.

— Минутку, — встрял Лен.

Атмосферные помехи постепенно исчезли.

— ...«Лев», группа «Лев», как слышите, база «Синева»? Как слышите нас? Раз... два... три... четыре... говорит группа «Лев».

— Слышу вас, группа «Лев», — ответил Старки. — Говорит база «Синева-один».

— Кодовое обозначение проблемы — «Цветочный горшок», — произнес металлический голос. — Повторяю, «Цветочный горшок».

— Я прекрасно знаю, что такое гребаный «Цветочный горшок», — сказал Старки. — В чем там дело?

Металлический голос из Сайп-Спрингса говорил почти пять минут подряд. Сама по себе ситуация Старки не слишком-то интересовала, потому что уже два дня назад компьютер проинформировал его, что это (в той или иной форме) произойдет до конца июня с вероятностью восемьдесят восемь процентов. Подробности значения не имели. Если у вещи есть две штанины и шлевки, то это брюки. Вне зависимости от цвета.

Врач из Сайп-Спрингса высказал несколько логичных предположений, и репортеры хьюстонской ежедневной газеты связали происходящее в Сайп-Спрингсе с тем, что уже произошло в

Арнетте, Вероне, Коммерс-Сити и городке Поллистон, штат Канзас. В этих местах процесс развивался так стремительно и так неблагоприятно, что военным уже отдали приказ ввести карантин. В компьютере имелся список других двадцати пяти городов в десяти штатах, где начала проявляться «Синева».

Ситуация в Сайп-Спрингсе не имела особого значения, потому что не была уникальной. Возможно, они и могли конкурировать с Арнеттом — но упустили свой шанс. Значение имело другое: «ситуация» грозила выплеснуться на страницы без грифа «особой важности», если бы Старки не принял превентивные меры. И решать, принимать их или нет, ему не пришлось. Когда металлический голос смолк, Старки осознал, что уже все решил. Причем не сейчас, а более двадцати лет тому назад.

Суть сводилась к ответу на вопрос: что имеет значение? Он точно знал, что сам факт болезни значения не имеет. Как и другой факт — то, что в Атланте болезнь каким-то образом вырвалась наружу, и им не оставалось ничего другого, как перенести операцию по борьбе с вирусом в куда менее приспособленный для этого научный комплекс в Стовингтоне, штат Вермонт. Даже быстрое распространение вируса «Синева», так ловко маскировавшегося под обыкновенную простуду, не имело значения.

— Что имеет значение...

— Повторите еще раз, база «Синева-один»! — В голосе слышалась озабоченность. — Мы не расслышали.

Важным Старки полагал только одно: сам прискорбный инцидент, который, увы, имел место быть. Мысленно он перенесся на двадцать два года в прошлое, в тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год. Он находился в офицерском клубе в Сан-Диего, когда пришла весть о лейтенанте Колли и о том, что произошло в Миай-Лаи*. Старки играл в покер с четырьмя другими мужчинами, двое из которых теперь заседали в Объединенном комитете начальников штабов. Они напрочь позабыли о покере, обсуждая, как случившееся отразится на армии — не на отдельном роде войск, а на армии в целом — в атмосфере охоты на ведьм, которую развернула вашингтонская «четвертая власть». И один из них, человек, который мог напрямую звонить жалкому червю, маски-

* Речь идет о резне в Сонгми, учиненной подразделением американской армии во Вьетнаме 16 марта 1968 г., когда были убиты более 100 мирных жителей.

ровавшемуся после двадцатого января тысяча девятьсот пятьдесят девятого года под верховного главнокомандующего, аккуратно положил карты на зеленое сукно стола и сказал: *Господа, произошел прискорбный инцидент. А когда происходит прискорбный инцидент, в который вовлечено подразделение любого рода войск армии Соединенных Штатов, мы не задаем вопросов о причинах инцидента, но думаем о том, как наилучшим образом очистить этот род войск от скверны. Служба для нас — отец и мать. И если вы находите вашу мать изнасилованной или отца избитым и ограбленным, то, прежде чем звонить в полицию или начинать расследование, вы прикрываете их наготу, потому что любите их.*

Никогда Старки не слышал, чтобы кто-нибудь так красиво говорил.

А теперь он отпер ключом нижний ящик своего письменного стола и вытащил оттуда тонкую синюю папку, обклеенную красной бумажной лентой. Надпись на обложке гласила: «ЕСЛИ ЛЕНТА СОРВАНА, НЕМЕДЛЕННО ИЗВЕСТИТЕ ВСЕ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ». Старки сорвал ленту.

— Вы на связи, база «Синева-один»? — прозвучал голос. — Мы вас не слышим. Повторяю, не слышим.

— Я здесь, «Лев», — ответил Старки.

Он уже открыл последнюю страницу, и его палец скользил по колонке, озаглавленной «ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ КОНТРМЕРЫ ПРИКРЫТИЯ».

— Вы слышите меня, «Лев»?

— Слышу вас отчетливо, база «Синева-один».

— Троя, — отчетливо произнес Старки. — Повторяю, «Лев»: *Троя*. Повторите, пожалуйста. Прием.

Молчание. Отдаленный треск помех. Старки вспомнил о тех рациях, которые они делали в детстве: две жестяные консервные банки «Дель монте» и двадцать ярдов вощеной бечевки.

— Повторяю...

— Господи! — донесся из Сайп-Спрингса совсем юный голос.

— Повтори, сынок, — настаивал Старки.

— Т-т-троя, — послышался дрожащий голос. Потом более уверенно: — Троя.

— Очень хорошо, — подбодрил его Старки. — Благослови тебя Бог, сынок. Конец связи.

— И вас, сэр. Конец связи.

За щелчком последовали сильные помехи, снова щелчок, молчание и голос Лена Крайтона:

— Билли?

— Да, Лен.

— Я слышал весь разговор.

— Прекрасно, Лен. — Голос Старки звучал устало. — Ты можешь доложить об этом, как сочтешь нужным. Естественно.

— Ты не понял, Билли. Ты поступил правильно. Или ты думаешь, что я этого не понимаю?

Старки позволил глазам закрыться. На мгновение все замечательные «расслаблялки» перестали действовать.

— Благослови и тебя Бог, Лен. — Он говорил так тихо, что сам едва слышал себя. Затем отключил интерком и вновь встал перед монитором номер два. Сцепил руки за спиной, как Черный Джек Першинг, оглядывающий войска, и смотрел на Фрэнка Д. Брюса и место его упокоения. Через некоторое время он вновь в достаточной мере успокоился.

Выехав из Сайп-Спрингса на федеральное шоссе 36 и двинувшись на юго-восток, вы направитесь в сторону Хьюстона, до которого можно добраться за день. Скорость несшегося по дороге автомобиля — трехлетнего «понтиака-бонневилла» — составляла никак не меньше восьмидесяти миль в час, и это едва не привело к аварии: «понтиак» взлетел на холм, а внизу дорогу перегораживал неприметный «форд».

Водитель, тридцатишестилетний внештатный репортер крупной хьюстонской ежедневной газеты, ударил по тормозам. Завизжали покрышки, «понтиак» клюнул капотом, и автомобиль повело влево.

— Боже мой! — завопил фотограф, сидевший рядом с водителем. Он уронил фотоаппарат на пол и ухватился за ремень безопасности.

Водитель чуть отпустил педаль тормоза, объезжая «форд» по обочине, потом почувствовал, что левые колеса тащит по мягкой земле. Чуть нажал на педаль газа, сцепление колес с обочиной улучшилось, и «бонневилл» вернулся на твердое покрытие. Из-под покрышек вырывался сизый дымок. Радио орало и орало:

Поймешь ли ты своего парня, детка?
Он суперпарень, ты же знаешь, детка.
Поймешь ли ты своего парня, детка?

Водитель вновь нажал на тормоз, и «понтиак» наконец-то остановился посреди жаркого пустынного дня. Водитель шумно, со всхлипом, вдохнул и разразился приступом кашля. Он начал злиться. Включил заднюю передачу, и «понтиак» покатился к «форду» и двум стоявшим за ним мужчинам.

— Послушай! — нервно бросил фотограф, толстяк, который в последний раз дрался в девятом классе. — Послушай, может, нам лучше...

Его бросило вперед, потому что репортер вдавил педаль газа в пол, вновь заставив «понтиак» скрипнуть покрышками, резким движением руки перевел рукоятку переключения скоростей на «парковку», вылез из кабины и зашагал к «форду», сжав руки в кулаки.

— Ладно, сучьи дети! — закричал он. — Вы нас чуть, нах, не угробили, и я хочу...

Он служил в армии четыре года. Добровольцем. Ему как раз хватило времени на то, чтобы определить тип автоматических винтовок — М3А, — которые они подняли из-за «форда». Ошеломленный, он застыл под палящим техасским солнцем и обмочил штаны.

Начал кричать и мысленно повернулся, чтобы бежать к «бонневиллу», но ноги не сдвинулись с места. Мужчины открыли огонь, и пули вспороли репортеру грудь и пах. Когда он падал на колени, молча протягивая руки, словно прося пощады, следующая пуля попала ему в лоб, на дюйм выше левого глаза, и снесла полголовы.

Фотограф, перегнувшийся через спинку сиденья, не мог понять, что произошло, пока двое молодых людей не переступили через тело репортера и не направились к нему с винтовками на изготовку.

Он сдвинулся на водительское сиденье, в углах его рта пузырилась теплая слюна. Ключ торчал из замка зажигания. Фотограф завел двигатель и тронул автомобиль с места, прежде чем они начали стрелять. Он почувствовал, как «бонневилл» бросило вправо, словно какой-то великан пнул заднее левое колесо.

Руль начал вырываться из рук. Автомобиль подпрыгивал на спущенном колесе, и фотографа подбрасывало вверх-вниз. Мгновением позже от «пинка великана» досталось второму заднему колесу. Удерживать руль стало еще труднее. Из асфальта летели искры. Фотограф выл. Задние покрышки «понтиака» превратились в черные лохмотья, шлепающие по асфальту. Молодые люди побежали к «форду», номер которого значился в списках транспортного управления Пентагона, и, развернув машину, ринулись за «понтиаком». Капот подпрыгнул вверх, когда «форд», вернувшись с обочины на проезжую часть, переваливался через тело репортера. Сержант, сидевший рядом с водителем, от неожиданности чихнул, брызнув слюной на ветровое стекло.

«Понтиак» на двух спущенных задних колесах полз со скоростью поливальной машины. Вцепившийся в руль толстяк-фотограф плакал, видя в зеркале заднего обзора, как черный «форд» с каждым мгновением увеличивается в размерах. Он до предела утопил в пол педаль газа, но «понтиак» с пробитыми шинами не разгонялся больше сорока и его мотало по всей дороге. На радио Ларри Андервуда сменила Мадонна, заверявшая всех, что она материалистка.

«Форд» обогнул «понтиак», и на мгновение у фотографа вспыхнула надежда, что он помчится дальше и исчезнет за горизонтом, оставив его в покое.

Но «форд» приблизился, и мотающийся из стороны в сторону передний бампер «понтиака» ткнулся в его крыло. Послышался скрежет раздираемого металла. Фотографа бросило вперед, он ударился лицом о руль, из его носа хлынула кровь.

В ужасе, то и дело оборачиваясь, он заскользил по теплому, словно смазанному жиром пластику сиденья и выбрался из салона через пассажирскую дверь. Побежал с обочины вниз по откосу. Вдоль шоссе тянулось ограждение из колючей проволоки, и он прыгнул через него, ощущая себя дирижаблем. *У меня получится*, подумал он. *Я буду бежать, бежать...*

Он упал на другой стороне, зацепившись ногой за колючки. Крича в небо, пытался освободить брючину и жирную белую плоть, когда двое молодых людей спустились с обочины с винтовками в руках.

«За что?» — хотел спросить он у них, но из горла вырвался лишь тихий и беспомощный клекот, а потом его мозги вылетели через затылок.

В тот день газеты не написали ни о болезни, ни о каких-либо других происшествиях в Сайп-Спрингсе, штат Техас.

Глава 18

Не успел Ник открыть дверь, отделявшую кабинет шерифа Бейкера от тюремных камер, как на него посыпался град угроз и насмешек. Винсент Хоган и Билли Уорнер сидели в двух тесных, как банки для сардин, камерах слева, Майк Чайлдресс занимал одну из двух справа. Еще одна камера пустовала, потому что Рэю Буту, парню с пурпурным перстнем студенческого братства Университета Луизианы, удалось сбежать.

— Эй, чурбан! — позвал Чайлдресс. — Эй ты, гребаный чурбан! Что с тобой будет, когда мы выйдем отсюда? А? Ты подумал об этом?

— Я лично отрежу тебе яйца и буду засовывать в глотку, пока ты не задохнешься, — пообещал Билли Уорнер. — Ты меня понимаешь?

Только Винс Хоган не участвовал в этой словесной атаке. Майк и Билли не слишком жаловали его в этот день, двадцать третьего июня, когда им предстояла поездка в административный центр округа Калхун и предъявление обвинения. Шериф Бейкер надавил на Винса, и тот раскололся. Бейкер сказал Нику, что он добьется привлечения этих парней к уголовной ответственности и передачи дела в суд, но когда дойдет до присяжных, слову Ника будут противостоять показания троицы... или всех четверых, если им удастся поймать Рэя Бута.

За последние два дня Ник проникся к шерифу Джону Бейкеру глубоким уважением. Этого бывшего фермера весом в добрых двести пятьдесят фунтов избиратели, само собой, называли Большой Плохой Джон. Ник зауважал шерифа не потому, что Бейкер взял его уборщиком, чтобы он мог компенсировать потерю недельного жалованья, а потому что шериф нашел и арестовал людей, которые его избили и ограбили. Повел себя так, будто потерпев-

ший — не глухонемой бродяга, но член одной из старейших и самых респектабельных семей города. Ник знал, что многие шерифы в пограничных южных штатах в подобной ситуации устроили бы ему шесть месяцев принудительных работ на ферме или строительстве дорог.

Они поехали на лесопилку, где работал Винс Хоган, на личном автомобиле Бейкера, «пауэр-вэгоне», а не на патрульной машине. Под приборной панелью крепился дробовик («Всегда заряженный и всегда на предохранителе», — пояснил Бейкер) и мигалка, которую шериф ставил, если ехал по полицейским делам. Что он и сделал, когда они свернули на автостоянку у лесопилки. Бейкер прокашлялся, сплюнул в окно, высморкался и промокнул покрасневшие глаза носовым платком. Он осип и говорил в нос. Ник, разумеется, слышать его не мог, но в этом не было никакой необходимости. Он и так понял, что шериф сильно простужен.

— Когда мы увидим Винса, я схвачу его за руку, — начал инструктаж Бейкер. — Спрошу тебя: «Это один из них?» — а ты энергично кивнешь, мол, да. Мне без разницы, узнаешь ты его или нет. Просто кивни. Понял?

Ник кивнул. Он понял.

Винс работал на строгальном станке — подавал в него доски. Куча опилок на полу поднималась почти до самого верха его высоких ботинок. Он нервно улыбнулся Джону Бейкеру, потом его взгляд тревожно скользнул по Нику, который стоял рядом с шерифом, бледный и в синяках.

— Привет, Большой Джон, что занесло тебя к рабочему люду?

Другие члены бригады молча наблюдали за происходящим, их взгляды скользили с Ника на Винса, с Винса на Бейкера, а потом в обратном направлении, словно они смотрели некую новую, более сложную версию тенниса. Один рабочий плюнул жевательным табаком «Хоуни кат» на свежие опилки и вытер подбородок ладонью.

Бейкер схватил Винса Хогана за пухлую, обожженную солнцем руку и потянул на себя.

— Эй? Что такое, Большой Джон?

Бейкер повернулся к Нику, чтобы тот мог видеть его губы.

— Это один из них?

Ник утвердительно кивнул, а потом для пущей убедительности указал на Винса.

— В чем дело? — запротестовал Винс. — Я никогда в жизни не видел этого немого.

— Тогда откуда ты знаешь, что он немой? Пошли, Винс, по тебе тюрьма плачет. Можешь попросить кого-нибудь из этих парней, чтобы они принесли тебе зубную щетку.

Винс протестовал, пока его вели к «пауэр-вэгону» и усаживали в кабину. Протестовал по пути в город. Протестовал, когда его запирали в камере, где ему предстояло провести в раздумьях ближайшую пару часов. Бейкер не стал зачитывать Винсу его права. «Чертов дурак только запутается», — объяснил он Нику. Когда шериф вернулся около полудня, голод и испуг сделали свое дело. Винс просто все рассказал.

К часу дня Майк Чайлдресс уже сидел в другой камере. Билли Уорнера Бейкер застал за укладыванием вещей в старый «крайслер», причем, судя по количеству коробок и багажа, уезжал он надолго. Но кто-то успел шепнуть словечко Рэю Буту, и тому хватило ума смыться быстро и налегке.

Бейкер повез Ника домой, знакомить с женой и ужинать. В машине Ник написал на листке блокнота: *Мне жаль, что это ее брат. Как она?*

— Она держится. — Голос и лицо шерифа оставались непроницаемыми. — Думаю, немного поплакала, но она знает, какой у нее брат. И знает, что родственников в отличие от друзей не выбирают.

Джейн Бейкер, симпатичная миниатюрная женщина, определенно плакала. Нику стало не по себе, когда он заглянул в ее глубоко посаженные глаза. Но она тепло пожала ему руку со словами:

— Приятно познакомиться, Ник. Извини, что тебе пришлось столько пережить. Я чувствую, что несу за это ответственность, потому что один из моих родственников принял в этом участие и все такое.

Ник покачал головой, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

— Я предложил ему работу, — подал голос Бейкер. — Участок превратился в хлев после того, как Брэдли уехал в Литл-Рок. Глав-

ным образом нужно красить и прибираться. Ему придется побыть здесь какое-то время. До... ты понимаешь.

— До суда. Конечно, — кивнула она.

На мгновение повисла такая тяжелая тишина, что даже у Ника защемило сердце.

Джейн нарушила ее деланно веселым голосом:

— Надеюсь, ты ешь кабаний окорок, Ник. Ничего другого нет, кроме кукурузы и большой миски салата из шинкованной капусты. Хотя мой салат не сравнить с тем, что готовила его мать. Так он, во всяком случае, говорит.

Ник потер живот и улыбнулся.

За десертом — слоеным тортом с клубникой (Ник, который в последние недели не видел сладкого, съел две порции) — Джейн Бейкер повернулась к мужу:

— Твоя простуда становится хуже. Слишком много на себя взваливаешь, Джон Бейкер. А ешь так мало, что и мухе не прожить.

Бейкер виновато глянул на свою тарелку. Потом пожал плечами:

— Я могу позволить себе разок-другой обойтись без обеда. — Он осторожно погладил второй подбородок.

Ник, наблюдая за ними, задался вопросом, каким образом эти двое людей, столь отличающиеся по габаритам, управляются в постели. «Наверное, приспособились, — подумал он, сдержав улыбку. — Чувствуется, что им друг с другом хорошо. Да и не мое это дело».

— Ты еще и весь красный. У тебя температура?

Бейкер пожал плечами:

— Нет... ну, может, маленькая.

— Что ж, сегодня ты больше никуда не пойдешь. И это окончательное решение.

— Дорогая моя, у меня арестованные. Приглядывать за ними, может, и не обязательно, но их надо кормить и поить.

— С этим Ник справится, — безапелляционно заявила она. — Ты ложишься в постель. И не жалуйся на бессонницу, тебе это не поможет.

— Я не могу оставить Ника, — слабо упирался Бейкер. — Он глухонемой. Кроме того, он не мой помощник и не служит у меня.

— Так приведи его к присяге и возьми на службу.

— Он не живет в нашем городе.

— Я никому не скажу, если ты не скажешь. — Джейн Бейкер была непоколебима. Она встала, начала убирать со стола. — Вперед, Джон.

Вот так менее чем за двадцать четыре часа Ник Эндрос из заключенного Шойо превратился в помощника шерифа Шойо. И когда он уже собирался вернуться в участок, Бейкер вышел в коридор первого этажа. В потертом банном халате, огромный и похожий на привидение.

— Не следовало мне поддаваться на ее уговоры. Я бы не поддался, если бы не чувствовал себя так скверно. Грудь заложена, весь горю. И слабость.

Ник сочувственно покивал.

— И помощника у меня сейчас нет. Брэдли Кайд и его жена перебрались в Литл-Рок после смерти их младенца. Умер в колыбельке. Ужасно, конечно, и я не виню их за то, что они решили уехать отсюда.

Ник ткнул себе в грудь, а потом сложил большой и указательный пальцы в кольцо.

— Конечно, ты справишься. Просто будь осторожен, ладно? В третьем ящике моего стола лежит револьвер сорок пятого калибра, только к камерам с ним не ходи. И с ключами тоже. Это ясно?

Ник кивнул.

— Когда пойдешь в тюрьму, держись от них подальше. Если кто-нибудь попытается прикинуться больным, не верь. Это самая древняя уловка в мире. Если кто-то действительно заболеет, доктор Соумс приедет утром и осмотрит его. Я уже буду на месте.

Ник достал из кармана блокнот и написал: *Большое спасибо за доверие. И за то, что посадили их под замок, и за работу.*

Бейкер внимательно прочитал написанное.

— Ты такой странный, сынок. Откуда ты? Как вышло, что ты совсем один?

Это длинная история, ответил Ник. *Если хотите, вечером я для вас напишу.*

— Напиши, — кивнул Бейкер. — Полагаю, ты знаешь, что я позвонил в округ, чтобы тебя проверили.

Ник кивнул. Стандартная полицейская процедура, ничего больше. Он не боялся, потому что был чист.

— Я попрошу Джейн позвонить на стоянку грузовиков на трассе. Эти парни начнут орать о грубом обращении полиции, если не получат ужин.

Ник написал: *Скажите, чтобы тот, кто принесет еду, заходил сразу. Стука я не услышу.*

— Ладно. — Бейкер помялся. — Твоя койка в углу. Жесткая, но чистая. Только помни об осторожности, Ник. Ты не сможешь позвонить и вызвать подмогу, если начнется заварушка.

Ник кивнул и написал: *Я смогу позаботиться о себе.*

— Да, я верю, что сможешь. И тем не менее я попросил бы кого-нибудь из горожан, если б не думал, что кто-то из них... — Он замолчал при появлении Джейн.

— Все еще наставляешь бедного мальчика? Отпусти его, прежде чем в участок заявится мой глупый братец и вытащит их всех.

Бейкер невесело рассмеялся.

— Думаю, он уже в Теннесси. — Его слова прервал приступ громкого, влажного кашля. — Пожалуй, я пойду наверх и прилягу, Джейни.

— Я принесу тебе аспирин, чтобы сбить температуру, — пообещала она. Направляясь к лестнице вслед за мужем, обернулась к Нику. — Рада, что познакомилась с тобой, Ник. Пусть и при таких обстоятельствах. Слушай его и будь осторожен.

Ник поклонился ей, и она в ответ сделала полуреверанс. Ему показалось, что глаза Джейн блестят от слез.

Через полчаса после того как Ник вернулся в участок, любопытный прыщавый парнишка в грязном фартуке уборщика посуды принес три подноса с обедом для арестованных. Ник жестом показал поставить подносы на койку и, взяв листок бумаги, написал: *Это оплачено?*

Парнишка изучил записку со вниманием студента-первокурсника, взявшегося за «Моби Дика».

— Конечно, — ответил он. — У шерифа свой счет. Слушай, ты действительно не можешь говорить?

Ник кивнул.

— Хреновато. — И парнишка быстро ретировался, словно опасаясь, что немота заразна.

Ник по одному отнес подносы к камерам и протолкнул в щель между полом и решетчатой дверью с помощью швабры.

Подняв голову, увидел, как с губ Майка Чайлдресса слетели слова:

— ...трусливый говнюк!

Улыбаясь, Ник показал ему средний палец.

— Я еще покажу тебе палец, чурбан! — Губы Чайлдресса кривила неприятная ухмылка. — Когда я выйду отсюда...

Ник отвернулся, так и не узнав продолжения.

Вернувшись в кабинет и усевшись на стул Бейкера, он пододвинул к себе блокнот, на какое-то время задумался, потом написал сверху:

История жизни
Ник Эндрос

Прервался, улыбаясь. Ему довелось побывать в странных местах, но он и представить себе не мог, что будет сидеть в кабинете шерифа, приняв присягу и став его помощником, охраняя трех человек, и писать историю своей жизни. Несколько мгновений спустя Ник продолжил писать:

Я родился в Каслине, штат Небраска, 14 ноября 1968 года. Мой отец был фермером, работал на своей земле. Он и моя мама всегда жили на грани разорения, задолжав деньги трем разным банкам. Когда мать была на шестом месяце беременности мной, они с отцом поехали в город к врачу. По дороге у пикапа лопнула поперечная рулевая тяга, и машина свалилась в кювет. У отца случился инфаркт, и он умер. Три месяца спустя мама родила меня, и я появился на свет таким, какой есть. Конечно же, для нее это был тяжелый удар, особенно после потери мужа. Она держалась за ферму до 1973 года, а потом та отошла крупным дельцам, как мама всегда их называла. Родственников у нее не было, но она написала друзьям в Биг-Спрингс, штат Айова, и кто-то из них нашел ей работу в пекарне. Мы прожили там до 1977 года, когда она погибла в результате несчастного случая — попала под мотоцикл по дороге с работы. В этом не было вины мотоциклиста, только невезение — отказали тормоза. Он

даже не превышал скорость. Баптистская церковь похоронила маму за свой счет. Та же церковь, Милосердия Крестителя, отправила меня в сиротский приют детей Иисуса Христа в Де-Мойне. Самые разные церкви перечисляли средства на содержание этого приюта. Там я научился читать и писать...

Тут Ник остановился. Рука болела от напряжения, но прервался он не по этой причине. Его охватила тревога, бросило в жар при мысли о необходимости вновь пройти через все это. Ник поднялся, заглянул в тюрьму. Чайлдресс и Уорнер спали. Винс Хоган стоял у решетчатой двери, курил и смотрел через коридор в пустую камеру, где сидел бы Рэй Бут, если бы не сделал ноги. Нику показалось, что Хоган плакал, и он вернулся к воспоминаниям, связанным с маленькой безмолвной песчинкой человечества по имени Ник Эндрос. Еще ребенком он запомнил одно слово из какого-то фильма. Инкоммуникадо*. Для Ника оно всегда несло в себе что-то фантастическое, лавкрафтовское. Это пугающее слово билось и отдавалось эхом в его голове, будто олицетворяя все нюансы страха, живущего вне здравомыслящей вселенной, внутри человеческой души. Всю свою жизнь он был инкоммуникадо.

Он сел и перечитал последнюю строчку: *Там я научился читать и писать*. Но все было не так просто. Ник жил в безмолвном мире, где письменность являлась кодом, а речь — движениями губ, поднятием и опусканием зубов, танцем языка. Мать научила его читать по губам и писать свое имя корявыми, расползающимися буквами. *Это твое имя*, говорила она. *Это ты, Никки*. Но разумеется, говорила молча, и он не понимал. Связь возникла лишь тогда, когда она сначала постучала пальцами по бумаге, а потом по его груди. Для глухонемого самое худшее не в том, что он живет в мире немого кино. А в том, что он не знает названий всего того, что его окружает. До четырех лет Ник не понимал значения названий. Только в шесть до него дошло, что высокие зеленые штуковины называются *деревьями*. Он хотел знать — но никому в голову не пришло сказать ему, а сам он спросить не мог. Инкоммуникадо.

Когда умерла мать, он чуть не ушел в себя полностью. В приюте, царстве ревущей тишины, мальчишки с мрачными лицами

---

* Инкоммуникадо — содержание под стражей без права переписываться и общаться непосредственно с родственниками или защитником.

насмехались над его глухонемотой. Иногда они подбегали к нему по двое, один зажимал руками рот, а второй — уши. Если рядом не оказывалось никого из сотрудников приюта, Ника могли и побить. Почему? Безо всякой причины. Разве что в огромном белом среднестатистическом классе жертв существовал свой подкласс: жертвы жертв.

В приюте он утратил стремление общаться, и когда это случилось, начал давать сбои и распадаться сам процесс мышления. Ник тупо бродил с места на место, созерцая безымянные предметы, которые заполняли мир. Наблюдал, как группы играющих во дворе детей шевелили губами, поднимали и опускали зубы, будто половинки белого разводного моста. Их языки танцевали в ритуале создания речи. Иногда он по часу смотрел на одно-единственное облако.

Потом появился Руди. Крупный мужчина с лысой головой и со шрамами на лице. Ростом шесть футов пять дюймов, настоящий великан по сравнению с низкорослым Ником Эндросом. В первый раз они встретились в подвальной комнате, где стояли стол, шесть или семь стульев и телевизор, который работал, когда хотел. Руди присел на корточки, так что их с Ником глаза оказались примерно на одном уровне. Потом поднял огромные, покрытые шрамами руки и прижал их сначала к своему рту, затем к ушам.

Я глухонемой.

Ник хмуро отвернулся: *Кого это, на хрен, волнует?*

Руди отвесил ему оплеуху.

Ник упал. Он молчал, а из глаз потекли безмолвные слезы. Ник не хотел быть рядом с этим покрытым шрамами троллем, с этим лысым чудищем. Никакой он не глухонемой, просто издевается.

Руди бережно поставил его на ноги и повел к столу. Там лежал чистый лист бумаги. Ник мрачно посмотрел сначала на бумагу, потом на лысого мужчину. Руди указал на лист, затем на Ника. Ник покачал головой. Руди кивнул и вновь указал на бумагу. Достал и протянул мальчику карандаш. Ник уронил его на стол, словно карандаш обжег ему пальцы. Покачал головой. Руди указал на карандаш, на Ника и снова на бумагу. Ник вновь покачал головой. Руди ударил его второй раз.

Опять безмолвные слезы. Покрытое шрамами лицо не выражало ничего, кроме бесконечного терпения. Руди указал на бумагу. На карандаш. На Ника.

Ник зажал карандаш в кулаке. Он написал пять слов, которые знал, которые сумел вытащить из оплетенного паутиной, заржавелого механизма — собственного мозга. Он написал:

НИКОЛАС ЭНДРОС
ПОШЕЛ НА ХРЕН.

Потом разломал карандаш пополам, хмуро и воинственно посмотрел на Руди. Но Руди улыбался. Неожиданно он наклонился над столом и обхватил голову Ника крепкими, мозолистыми ладонями, теплыми и нежными на ощупь. Ник не мог вспомнить, когда в последний раз к нему прикасались с такой любовью. Так его касалась только мать.

Руди убрал руки. Поднял половинку карандаша с заточенным концом. Перевернул лист бумаги. Постучал по пустому белому пространству тупым концом карандаша, а потом похлопал Ника по плечу. Проделал это снова. И снова. И снова. В конце концов Ник понял.

Ты — этот чистый лист.

Ник заплакал.

Руди остался с ним на шесть лет.

...Там я научился читать и писать. Человек по имени Руди Спаркман пришел, чтобы помочь мне. Мне очень повезло, что он оказался рядом. В 1984 году приют разорился. Многих детей перевели в другие приюты, но я в их число не попал. Мне сказали, что через какое-то время меня отдадут в семью, а государство будет выплачивать деньги за мое содержание. Я хотел бы быть с Руди, но Руди уехал в Африку, работать в Корпусе мира. Тогда я сбежал. Мне уже исполнилось шестнадцать, и я не думаю, что меня искали очень усердно. Я решил, что все будет хорошо, если не нарушать закон, и пока так оно и было. Я заочно учился в старшей школе, изучал предметы по одному, поскольку Руди всегда говорил, что образование — самое главное. Я собираюсь сдать выпускные экзамены экстерном, когда относительно надолго осяду в каком-нибудь месте. Думаю, справлюсь. Учиться мне нравится. Может, когда-нибудь я поступлю в

колледж. Знаю, это звучит безумно, я же глухонемой бродяга, но считаю, что такое возможно. Короче, вот моя история.

Бейкер появился в семь тридцать утра. Ник как раз выносил мусорные ведра. Шериф выглядел значительно лучше.

Как вы себя чувствуете? — написал Ник.

— Неплохо. До полуночи я весь пылал. С детства у меня так высоко не поднималась температура. Аспирин не помогал. Джейни хотела позвать доктора, но в половине первого температура спала. Потом я спал как бревно. А как ты?

Ник, сомкнув в виде круга большой и указательный пальцы, показал, что отлично.

— Как наши гости?

Ник скорчил злобную гримасу. Несколько раз открыл и закрыл рот. Постучал кулаками по невидимым прутьям решетки.

Бейкер расхохотался, откинув голову, потом несколько раз чихнул.

— Тебе надо выступать по телевизору. Ты написал свою биографию, как собирался?

Ник кивнул и протянул два исписанных листа бумаги. Шериф сел и внимательно прочитал их. Затем смотрел на Ника так долго и пристально, что тот в смущении и замешательстве опустил глаза, уставившись на свои ботинки.

Когда он снова поднял голову, Бейкер спросил:

— Ты живешь один с шестнадцати? Шесть лет?

Ник кивнул.

— И ты действительно прошел предметы, которые изучают в старшей школе?

Ник какое-то время писал на чистом листе блокнота: *Я сильно отстал, потому что поздно начал читать и писать. Когда приют закрылся, я только-только принялся наверстывать упущенное. В приюте я получил зачет по шести предметам. Еще шесть сдал через Ласалль* в Чикаго. Узнал о них из рекламы на спичечном коробке. Мне осталось еще четыре предмета.*

— Какие? — спросил Бейкер, а затем повернулся и заорал: — Эй, вы там, заткнитесь! Получите кофе с булочками, когда я сочту, что пора завтракать, и не раньше!

---

* Ласалльский заочный университет Чикаго просуществовал с 1908 по 1982 г.

Ник написал: *Геометрия. Углубленная математика. Двухгодичный курс языка. Это необходимо для поступления в колледж.*

— Курс языка? Ты говоришь о французском? Немецком? Испанском?

Ник кивнул.

Бейкер рассмеялся и покачал головой:

— Ну и ну! Глухонемой учится говорить на иностранном языке! Не обижайся, малыш. Я не над тобой смеюсь, сынок. Ты ведь понимаешь.

Ник улыбнулся и кивнул.

— Так почему же ты бродишь по стране?

Когда я был несовершеннолетним, не осмеливался оставаться на одном месте слишком долго, написал Ник. *Боялся, что меня отправят в другой приют или что-нибудь в этом роде. Когда же я стал достаточно взрослым, чтобы найти себе постоянную работу, наступили тяжелые времена. Говорили, биржа рухнула, или как-то так, но я, будучи глухим, этого не слышал (ха-ха).*

— В основном тебе пришлось бы перебиваться с хлеба на воду, — кивнул Бейкер. — В тяжелые времена молоко сердечных чувств* почти не льется, Ник. Что же касается постоянной работы, думаю, я тебе что-нибудь подыщу, если только эти парни не отвратили тебя от Шойо и Арканзаса. Но... мы не все такие.

Ник кивнул, показывая, что понимает.

— Как твои зубы? Тебе сильно врезали.

Ник пожал плечами.

— Принимал обезболивающее?

Ник показал два пальца.

— Ну ладно, мне надо подготовить кое-какие бумаги на этих парней. А ты продолжай уборку. Поговорим попозже.

Доктор Соумс, который чуть не переехал Ника на своем автомобиле, заглянул в участок тем же утром, примерно в половине десятого. Это был мужчина лет шестидесяти, с торчащими во все стороны седыми волосами, тощей цыплячьей шеей и проницательными синими глазами.

— Большой Джон говорит, что ты умеешь читать по губам, — обратился он к Нику. — По его словам, он также намерен найти

---

* У. Шекспир. «Макбет», акт 1, сцена 5. *Перевод Б. Пастернака.*

тебе достойную работу, поэтому я хочу убедиться, что ты не умрешь у него на руках. Снимай рубашку.

Ник расстегнул свою синюю рабочую рубашку и снял ее.

— Святой Иисус! — выдохнул Бейкер. — Ты только посмотри!..

— Да уж, они постарались, это точно, — кивнул Соумс. — Парень, ты практически лишился левой сиськи. — Он указал на серповидный шрам чуть повыше соска. Живот и ребра Ника по цветовой гамме напоминали восход в Канаде. Соумс ощупал и прослушал Ника, внимательно изучил зрачки его глаз. Под конец осмотрел обломки передних зубов — единственное, что действительно болело, несмотря на впечатляющие синяки.

— Должно быть, чертовски больно, — предположил он, и Ник горестно кивнул. — Придется их выдернуть, — продолжил Соумс. — Ты... — Он чихнул три раза подряд. — Извините.

Доктор принялся убирать инструменты в черный саквояж.

— Прогноз благоприятный, молодой человек, при условии, что в тебя не ударит молния и ты не будешь ходить в забегаловку Зака. А проблема с речью у тебя физиологическая или вызвана тем, что ты глухой?

Физиологическая, написал Ник. *Врожденный дефект.*

Соумс кивнул:

— Форменное безобразие! Но надо мыслить позитивно и благодарить Бога за то, что Он, лишая тебя дара речи, заодно не лишил тебя мозгов. Надевай рубашку.

Ник надел. Ему нравился Соумс. Он напоминал Руди Спаркмана, который как-то сказал Нику, что Бог прибавил всем глухонемым мужчинам два дюйма ниже пояса, чтобы компенсировать ту мелочь, которую недодал выше ключиц.

— Я распоряжусь, чтобы в аптеке тебе выдали это обезболивающее. Скажи здешнему толстосуму, пусть он за тебя заплатит.

— Хо-хо! — фыркнул Джон Бейкер.

— Припрятанных банок с деньгами у него больше, чем бородавок у борова, — продолжил Соумс. Опять чихнул, вытер нос, порылся в черном саквояже и достал стетоскоп.

— Будешь так себя вести, ворчун, я посажу тебя в камеру за пьянство и нарушение общественного порядка. — Бейкер улыбался.

— Да, да, да, — покивал Соумс. — Чувствую, не за горами тот день, когда ты так широко откроешь рот, что сам же в него и провалишься. Снимай рубашку, Джон. Давай поглядим, не уменьшились ли в размерах твои буфера.

— Снимать рубашку? Зачем?

— Потому что твоя жена попросила тебя осмотреть, вот зачем. Она думает, что ты болен, и не хочет, чтобы ты заболел еще сильнее, Бог ее знает почему. Сколько раз я ей говорил, что мы сможем наконец встречаться в открытую, когда ты отправишься на тот свет... Ну давай, Джонни! Покажи нам свою кожу.

— Обычная простуда. — Бейкер с неохотой начал расстегивать рубашку. — Этим утром я чувствую себя отлично. Честное слово, Амброз, у тебя нос заложен даже сильнее, чем у меня.

— Не ты будешь указывать доктору, а доктор — тебе. — Пока Бейкер снимал рубашку, Соумс повернулся к Нику. — Знаешь, все это странно, но простуда начала валить людей с ног. Миссис Лэтроп заболела, и вся семья Ричи, и большинство живущих на пособие на Баркер-роуд кашляет так, что едва не вылетают мозги. Билли Уорнер и тот кряхтит в своей камере.

Бейкер снял майку.

— Ну, что я говорил? — спросил Соумс. — Буфера что надо. От подобного зрелища встанет даже у такого старого козла, как я.

Когда стетоскоп прикоснулся к груди Бейкера, тот ахнул.

— Господи, какой холодный! Ты что, держишь его в морозилке?

— Вдохни. — Соумс нахмурился. — Теперь выдохни.

Выдох превратился в слабый кашель.

Доктор возился с шерифом очень долго. Прослушивал грудь и спину. Наконец отложил стетоскоп и при помощи деревянного шпателя осмотрел горло. Закончив, переломил шпатель надвое и бросил в корзинку для мусора.

— Ну? — спросил Бейкер.

Пальцами правой руки Соумс надавил на подчелюстные железы Бейкера. Тот отпрянул.

— Можно даже не спрашивать, больно ли тебе, — прокомментировал Соумс. — Джон, сейчас ты пойдешь домой и ляжешь в постель, и это не совет, а приказ.

Шериф моргнул.

— Амброз, — спокойно ответил он, — не дури. Ты же знаешь, что я не могу. У меня трое заключенных, которых сегодня надо

отправить в Камден. Прошлой ночью я оставил их на этого паренька, но больше я так не поступлю. Он глухонемой. Я бы не согласился на это и вчера вечером, если бы соображал, что к чему.

— Забудь о них, Джон. Тебе надо подумать о себе. Это какая-то респираторная инфекция, довольно сильная, судя по звуку, и к тому же сопровождаемая высокой температурой. Твои дыхательные пути воспалены, Джон, и, говоря откровенно, это вовсе не шуточки для такого тучного человека, как ты. Иди и ложись. Если завтра утром будешь чувствовать себя нормально, отвезешь их в Камден и избавишься от них. Но лучше бы тебе связаться с дорожной полицией, чтобы они приехали за ними.

Бейкер виновато посмотрел на Ника.

— Знаешь, — сказал он, — мне действительно как-то нехорошо. Может, если я немного отдохну...

Идите домой и ложитесь, написал Ник. *Я буду осторожен. А кроме того, мне надо заработать денег на эти таблетки.*

— Торчки — лучшие работники, — хохотнул Соумс.

Бейкер взял два листка бумаги с историей жизни Ника.

— Могу я показать их Джейни? Она к тебе прониклась.

Ник написал на листке: *Конечно, можете. Она очень милая.*

— Есть такое, — кивнул шериф и вздохнул, застегивая рубашку. — Похоже, температура опять поднимается. Я-то думал, что избавился от нее.

— Прими аспирин. — Соумс защелкнул черный саквояж. — Мне не нравятся твои воспаленные гланды.

— В нижнем ящике стола лежит коробка из-под сигар, — повернулся Бейкер к Нику. — Там деньги на мелкие расходы. Пойди куда-нибудь на ленч, а по пути купишь лекарство. Просто оставь расписку на деньги, которые потратишь. Эти парни — обычное чмо, а не мачо. Будут сидеть как мышки. Я свяжусь с полицией штата, и к концу дня тебя от них избавят.

Ник сложил большой и указательный пальцы в кольцо.

— Я во многом доверился тебе, хоть мы практически незнакомы, — очень серьезно произнес Бейкер, — но Джейни говорит, что это правильно. Ты парень ответственный.

Ник кивнул.

Джейн Бейкер пришла около шести вечера, принесла ужин в накрытой тарелке и пакет молока.

Большое спасибо, написал Ник. *Как ваш муж?*

Она рассмеялась, миниатюрная женщина с каштановыми волосами, такая изящная в клетчатой рубашке и линялых джинсах.

— Он хотел прийти сам, но я отговорила его. После полудня температура так поднялась, что я испугалась, но к вечеру стала почти нормальной. Думаю, это из-за патрульной дорожной полиции. По-настоящему Джонни радуется, лишь когда злится на дорожную полицию.

Ник посмотрел на нее вопросительно.

— Они сказали ему, что не могут никого прислать за арестованными до девяти часов завтрашнего утра. У них какая-то эпидемия, двадцать или больше патрульных не вышли на смену. А из тех, кто вышел, многие занимались перевозкой людей в больницу Камдена и даже в Пайн-Блафф. Все кругом болеют. У меня такое чувство, что Эм Соумс обеспокоен куда больше, чем хочет показать.

Она и сама выглядела обеспокоенной. Потом достала из нагрудного кармана два сложенных листка.

— Та еще история. — Джейн протянула Нику листки. — Тебе выпала самая тяжелая доля из всех, кого я знаю. Я думаю, это просто чудо — твое стремление подняться над своими физическими недостатками. Я должна извиниться перед тобой за моего брата.

Ник, смутившись, только пожал плечами.

— Я надеюсь, что ты останешься в Шойо. Ты нравишься моему мужу — и мне тоже. Будь осторожен с этими людьми в камерах.

Буду, написал Ник. *Скажите шерифу, что я надеюсь на его скорейшее выздоровление.*

— Я передам ему твои добрые пожелания.

Потом она ушла, и Ник провел тревожную ночь, время от времени вставая, чтобы проверить своих подопечных. На мачо они действительно не тянули, и к десяти вечера все трое крепко спали. Двое горожан зашли, чтобы проверить, все ли у него в порядке, и Ник обратил внимание, что оба простужены.

Ему снился странный сон, и, проснувшись, он вспомнить мог только одно: как шел во сне вдоль нескончаемых рядов зеленой

кукурузы, что-то искал и ужасно боялся чего-то, вроде бы следовавшего за ним по пятам.

Утром он поднялся рано и начал тщательно подметать дальний конец тюремного коридора, не обращая внимания на Билли Уорнера и Майка Чайлдресса. Когда Ник проходил мимо, Билли крикнул ему вслед:

— Рэй вернется, знаешь ли! А когда он доберется до тебя, ты пожалеешь, что всего лишь немой и глухой, а еще и не *слепой*!

Ник пропустил бóльшую часть фразы, находясь спиной к крикуну.

В кабинете он нашел старый номер журнала «Тайм» и принялся читать. Подумал, а не положить ли ноги на письменный стол, но решил, что это неплохой способ нажить неприятности, если шериф застанет его в такой позе.

Около восьми утра он уже с тревогой гадал, не стало ли ночью шерифу Бейкеру хуже. Ник рассчитывал, что к восьми шериф появится, чтобы передать троих арестованных в ведение округа, когда за ними приедет дорожная полиция. Желудок Ника тоже недовольно урчал. Но со стоянки грузовиков никто ничего не приносил. Ник посмотрел на телефонный аппарат. Скорее с отвращением, чем с тоской. Он любил научную фантастику, время от времени за несколько центов покупал древние, расползающиеся книги в бумажной обложке, которые находил на дальних полках старых амбаров, а потому уже не в первый раз подумал, что день, когда появятся предсказанные фантастами телефоны с видеоэкранами, станет самым великим для всех глухонемых этого мира.

К четверти девятого он заволновался не на шутку. Подошел к двери, за которой были камеры, и заглянул в коридор.

Билли и Майк стояли у решеток своих камер и колотили по прутьям туфлями... показывая тем самым, что люди, которые не могут говорить, составляют лишь малую часть дураков этого мира. Винс Хоган лежал на койке. Он лишь повернул голову и посмотрел в сторону приоткрывшейся двери. На смертельно бледном лице Хогана выделялись пятна чахоточного румянца на щеках и темные мешки под глазами. На лбу блестели крупные капли пота. Ник встретился с апатичным, горячечным взглядом Винса и понял, что тот тяжело болен. Его беспокойство усилилось.

— Эй, чурбан, как насчет жратвы? — позвал его Майк. — Старине Винсу, похоже, нужен доктор. Сплетни не довели его до добра, так ведь, Билл?

Но Биллу не хотелось подзуживать Ника.

— Извини, что я раньше кричал на тебя, чел. Винс, он болен, это точно. Ему нужен врач.

Ник кивнул и вышел, пытаясь сообразить, что же ему теперь делать. Склонился над письменным столом и написал на верхнем листе блокнота: *Шериф Бейкер или кто прочитает! Я ушел за завтраком для арестованных и попытаюсь найти доктора Соумса для Винсента Хогана. Похоже, он действительно болен, а не притворяется. Ник Эндрос.*

Он вырвал лист из блокнота и положил в центре письменного стола. Потом, засунув блокнот в карман, вышел на улицу.

На него сразу обрушился недвижный, жаркий воздух с запахом зелени. Чувствовалось, что к полудню асфальт превратится в сковороду. В такие дни люди предпочитали пораньше закончить все дела, чтобы в самое пекло шевелиться как можно меньше, однако Нику все равно показалось, что главная улица Шойо в это утро на удивление безлюдна, как в воскресенье, но не в рабочий день.

Стоянки перед магазинами пустовали. По улице проехало несколько легковушек и пикапов — но именно несколько. Магазин скобяных товаров вроде бы работал, а вот окна Торгового банка по-прежнему закрывали жалюзи, хотя шел уже десятый час.

Ник повернул направо и пошел к стоянке грузовиков, которая находилась в пяти кварталах от участка. На углу третьего по счету квартала он увидел, что навстречу ему медленно, словно из последних сил, виляя из стороны в сторону, движется автомобиль доктора Соумса. Ник энергично замахал, без особой уверенности, что Соумс остановится, но машина прижалась к бордюру и замерла параллельно тротуару, заняв четыре парковочных места. Доктор не вылез из кабины, остался сидеть за рулем. Вид Соумса потряс Ника. С прошлого вечера он постарел лет на двадцать. Отчасти дело, наверное, было в крайней усталости — но она не могла быть единственной причиной, и даже Ник это понимал. Словно в подтверждение его мыслей, доктор, будто старый фокусник, проделывающий замшелый, самому ему надоевший трюк, извлек из нагрудного кармана мятый носовой платок и несколько раз

чихнул в него. Отчихавшись, Соумс откинулся на подголовник и замер с приоткрытым ртом, ловя воздух. Его кожа была блестящей и желтой, как у трупа.

Потом Соумс открыл глаза.

— Шериф Бейкер мертв. Если ты за этим останавливал меня, то забудь о нем. Он умер в начале третьего утра. А теперь заболела Джейни.

У Ника округлились глаза. Шериф Бейкер мертв? Но ведь вечером приходила его жена и сказала, что ему лучше. И она... она прекрасно выглядела. Нет, такое просто невозможно.

— Мертв, все верно. — Соумс словно подслушал мысли Ника. — И не он один. За последние двенадцать часов я подписал двенадцать свидетельств о смерти. И я знаю еще двадцать человек, которые умрут к полудню, если Бог не проявит милосердие. В чем я лично сомневаюсь. Думаю, он предпочтет не вмешиваться.

Ник вытащил из кармана блокнот и написал: *Что с ними такое?*

— Не знаю. — Соумс медленно скомкал листок и бросил в ливневую канаву. — Но похоже, все в городе заболели этой хренью, и еще никогда в жизни мне не было так страшно. Я и сам заразился, но сейчас больше всего страдаю от усталости. Я уже не молод. Не могу так долго работать без перерыва и оставаться свеженьким, знаешь ли!.. — В его голосе появилась нотка усталого, тревожного раздражения, но Ник, к счастью, не мог ее слышать. — И жалеть себя тоже без толку.

Ник, который и не подозревал, что Соумс жалеет себя, в недоумении смотрел на него.

Соумс вышел из машины и ненадолго оперся на руку Ника, чтобы устоять на ногах. Слабые стариковские пальцы чуть подрагивали.

— Пошли на ту скамейку, Ник. С тобой приятно беседовать. Полагаю, тебе об этом уже говорили.

Ник указал в сторону тюрьмы.

— Никуда их не увезут, — вздохнул Соумс. — А если они больны, придется им дожидаться своей очереди в самом конце моего списка.

Они сели на скамейку, выкрашенную в ярко-зеленый цвет, с рекламой местной страховой компании на спинке. Соумс с удовольствием подставил лицо теплому солнышку.

— Озноб и жар, — продолжил он. — С десяти часов прошлого вечера. В последнее время — просто озноб. Слава Богу, хоть без диареи.

Вы должны поехать домой и прилечь, написал Ник.

— Именно так. И поеду. Просто сначала хочу отдохнуть несколько минут... — Его веки сомкнулись, и Ник подумал, что доктор заснул. Задался вопросом, стоит ли ему теперь идти на стоянку грузовиков за завтраком для Билли и Майка.

Затем доктор Соумс заговорил вновь, не открывая глаз. Ник внимательно наблюдал за его губами.

— Симптомы у всех самые обыкновенные. — Он начал перечислять их, распрямляя пальцы, пока все десять не растопырились перед ним, будто веер. — Озноб. Температура. Головная боль. Слабость и ухудшение общего состояния. Потеря аппетита. Болезненное мочеиспускание. Увеличение гланд, прогрессирующее. Увеличение лимфатических узлов под мышками и в паху. Дыхательная недостаточность.

Теперь он смотрел на Ника.

— Это симптомы обычной простуды, гриппа, пневмонии. Все это мы умеем лечить, Ник. Если пациент не слишком молод, или не слишком стар, или, возможно, не ослаблен предшествовавшей болезнью, антибиотики безотказно справляются со всеми этими симптомами. Но не в этот раз. Болезнь может протекать быстро или медленно. Похоже, это не имеет значения. Ничего не помогает. Болезнь прогрессирует, отступает, снова прогрессирует, общее состояние ухудшается, лимфатические узлы и железы все увеличиваются, и наконец — смерть. Кто-то допустил ошибку. И они пытаются ее скрыть.

Ник с сомнением смотрел на доктора, не уверенный, что правильно прочитал слова по движениям губ, и думал, не бредит ли тот.

— Похоже на бред параноика, правда? — спросил Соумс, глядя на него с усталой улыбкой. — Я привык к страхам молодого поколения, знаешь ли. Всей этой боязни, будто кто-то подслушивает их телефонные разговоры,.. идет за ними по улицам... пробивает их по компьютеру... А теперь выясняется, что правы они, а не я. Жизнь — это прекрасно, Ник, но я нахожу, что возраст взимает слишком большую дань с дорогих нам предрассудков.

Что вы хотите этим сказать? — написал Ник.

— Ни один телефон в Шойо не работает.

Ник не мог понять, то ли это был ответ на его вопрос (доктор лишь мельком взглянул на последнюю записку Ника), то ли Соумс переключился на какую-то другую тему. Вероятно, температура нарушала целостность мыслительного процесса.

Доктор посмотрел на озадаченное лицо Ника и, похоже, решил, что глухонемой ему просто не поверил.

— Истинная правда, — продолжил он. — Если набрать номер абонента за пределами этого городка, услышишь записанное на пленку сообщение. Кроме того, оба съезда в Шойо и выезда на шоссе перегорожены барьерами, на которых написано: «РЕМОНТ ДОРОГИ». Но никакого ремонта нет. Одни барьеры. Я туда подъезжал. Наверное, можно отодвинуть эти барьеры, но что-то этим утром на трассе слишком мало машин. Причем большинство из них — армейские. Грузовики и джипы.

А другие дороги? — написал Ник.

— Шестьдесят третье шоссе на восточном выезде из города раскопано. Меняют водопропускную трубу, — ответил Соумс. — На западном выезде, похоже, произошла серьезная автомобильная авария. Две машины посреди дороги, и объехать их невозможно. Выставлены дымящиеся садовые грелки, но ни дорожных полицейских, ни ремонтников нет.

Он замолчал, достал платок и высморкался.

— Работа по замене водопропускной трубы продвигается крайне медленно, по словам Джо Рекмана, который живет неподалеку. Я заезжал к Рекманам около двух часов тому назад и осматривал их маленького сына, состояние которого очень тяжелое. Джо говорит, что люди, занятые заменой трубы, на самом деле солдаты, хотя и одеты в форму дорожных рабочих штата и приехали на грузовике, принадлежащем дорожной службе.

Почему он так думает? — написал Ник.

— Рабочие редко отдают друг другу честь. — С этими словами Соумс встал.

Ник поднялся вслед за ним.

Проселочные дороги? — написал он.

— Возможно, — кивнул Соумс. — Но я врач, а не герой. Джо говорит, что видел оружие в кабине грузовика дорожной службы. Армейские карабины. И если кто-то попытается выехать из Шойо по проселочным дорогам, а они тоже охраняются, что из этого выйдет? А что нас ждет за пределами Шойо? Повторяю: кто-то до-

пустил ошибку. И теперь это пытаются скрыть. Безумие. Безумие. Разумеется, такие новости в конце концов выходят из-под контроля, причем быстро. Но сколько людей умрет за это время?

Испуганный Ник только и мог, что смотреть на доктора Соумса, который вернулся к своему автомобилю и медленно сел за руль.

— А ты, Ник? — спросил Соумс, вновь глядя на него через окошко. — Как ты себя чувствуешь? Тебя знобит? Чихаешь? Кашляешь?

Ник покачал головой.

— Попробуешь покинуть город? Я думаю, это можно сделать полями.

Ник снова покачал головой и написал: *Эти люди заперты в камерах. Я не могу их так оставить. Винсент Хоган болен, но двое других, похоже, в норме. Я отнесу им завтрак и пойду проведать миссис Бейкер.*

— Чуткий мальчик, — кивнул Соумс. — Это редкость. А еще реже в наш век упадка встречаются молодые люди, готовые взять на себя ответственность. Она оценит твою чуткость, Ник, я знаю. Мистер Брейсман, методистский священник, тоже говорил, что зайдет к миссис Бейкер. Боюсь, до конца дня ему придется посетить много домов. Ты будешь осторожен с теми, кто сидит у тебя под замком, да?

Ник с серьезным лицом кивнул.

— Отлично. Я постараюсь навестить тебя во второй половине дня. — Он включил передачу и уехал, усталый, с покрасневшими глазами, дрожащий от озноба. Ник какое-то время встревоженно смотрел ему вслед, а потом вновь зашагал к стоянке грузовиков. Кафе-закусочная работала, но один из двух поваров отсутствовал и три из четырех официанток не вышли на утреннюю смену. Нику пришлось долго ждать, чтобы получить заказ. Когда он вернулся в тюрьму, Билли и Майк выглядели очень испуганными. Винс Хоган бредил. К шести вечера он был уже мертв.

Глава 19

Ларри давно не бывал на Таймс-сквер и ожидал, что она окажется совсем другой, какой-то волшебной. Что все вокруг уменьшится в размерах, но станет лучше, и ему не придется бояться

вони, гама и опасной энергетики этого места, как в детстве, когда он приходил сюда с Бадди Марксом или в одиночку, чтобы посмотреть два фильма за девяносто девять центов и поглазеть на сверкающие вещицы в витринах магазинов, и на галереи игровых автоматов, и на бильярдные.

Но все казалось прежним, и это было странно, потому что некоторые вещи действительно изменились. Исчез газетный киоск, всегда стоявший на выходе из подземки. Галерею игровых — цент за игру — автоматов, с ее мигающими огоньками, колокольчиками и бандитского вида молодыми людьми со свисающей из уголка рта сигаретой, играющими в «Необитаемый остров Готтлиба» или в «Космические гонки», сменил бар «Орандж Джулиус», перед которым тусовались негритянские подростки. Нижние половины их тел пребывали в непрерывном движении, будто где-то играли джайв, услышать который могли только черные уши. Прибавилось массажных салонов и кинотеатров для взрослых.

Однако по большому счету на Таймс-сквер ничего не изменилось, и Ларри от этого стало грустно. А от единственной по-настоящему серьезной перемены настроение его только ухудшилось: теперь он чувствовал себя туристом. Но возможно, даже урожденные ньюйоркцы чувствовали себя туристами на Таймс-сквер, превращались в карликов, которым хотелось задрать голову и читать бегущие электронные строки, кружа и кружа по площади. Ларри не мог сказать, так ли это; он уже забыл, каково оно — ощущать себя частицей Нью-Йорка. И не испытывал особенного желания становиться ею.

В то утро его мать не пошла на работу. Последние два дня она боролась с простудой, а этим утром проснулась с температурой. Лежа на узкой кровати в своей комнате, Ларри слышал, как мать гремит посудой на кухне, чихает и бормочет: «Дерьмо!» — собираясь готовить завтрак. Включился телевизор, новостной блок программы «Сегодня». Попытка переворота в Индии. Взрыв электростанции в Вайоминге. Ожидалось, что Верховный суд примет историческое решение о правах гомосексуалистов.

Когда Ларри вышел на кухню, застегивая рубашку, новости закончились и Джин Шалит брал интервью у лысого мужчины. Лысый показывал стеклянные фигурки животных, которые сам и

выдул. Стеклодувное дело, говорил он, является его хобби на протяжении уже сорока лет, а вскоре у него выйдет книга в издательстве «Рэндом-Хаус». Потом лысый чихнул. «Извиняем вас», — откликнулся Джин Шалит и засмеялся.

— Глазунью или болтунью? — спросила Элис Андервуд, одетая в банный халат.

— Болтунью, — ответил Ларри, прекрасно понимая, что нет смысла протестовать против яиц. С точки зрения Элис, завтрак без яиц (или, если мать была в хорошем настроении, «яйгод») не имел права на существование. В них содержались белок и питательные вещества. Что именно подразумевалось под «питательными веществами», Элис не знала — зато точно знала, в каких продуктах они есть. Ларри не сомневался, что она держит в голове полный список, вместе с полным списком продуктов, которые «питательными» считаться никак не могли и к которым относились мармелад, маринованные огурцы, копченые колбаски, пластинки розовой жевательной резинки с фотографиями бейсболистов и, Бог свидетель, многое другое.

Ларри сидел и наблюдал, как она разбивает яйца, выливает их в знакомую ему с детства старую черную сковороду с длинной ручкой и разбалтывает веничком, который он помнил с первого класса.

Элис вытащила из кармана платок, кашлянула в него, чихнула и едва слышно пробормотала: «Дерьмо!» — прежде чем убрать платок обратно.

— Взяла выходной, мама?

— Позвонила и сказала, что заболела. Эта простуда хочет положить меня на лопатки. Я терпеть не могу отпрашиваться по болезни в пятницу — слишком многие так делают, — но мне надо отлежаться. У меня температура. Да и гланды распухли.

— Ты вызвала врача?

— Когда я работала уборщицей, врачи ходили на вызовы, — ответила она. — Теперь, если заболеешь, надо идти в отделение экстренной помощи при больнице. Или целый день дожидаться, чтобы тебя посмотрел какой-нибудь шарлатан в одном из тех мест, где нам должны обеспечивать — ха-ха! — быстрое медицинское обслуживание. На самом деле — приходишь и ждешь, когда тебя быстро обслужат. В этих местах больше народу, чем в центрах об-

мена зеленых марок* за неделю до Рождества. Останусь дома и приму аспирин, а завтра уже начну выздоравливать.

Почти все утро он пробыл дома, пытаясь помочь. Перетащил в спальню телевизор, героически напрягая мышцы рук («Ты заработаешь себе грыжу, зато я смогу смотреть "Давай заключим сделку"», — фыркнула она), принес ей сока и пузырек найкуила от простуды, сбегал в магазин за парой романов в бумажной обложке.

После этого им ничего не оставалось, кроме как начать взаимную игру на нервах. Она удивилась, насколько хуже показывает телевизор в спальне, а он едко возразил, что плохое изображение все-таки лучше, чем никакого. Наконец Ларри предположил, что неплохо бы ему побродить по городу.

— Дельная мысль! — В ее голосе слышалось явное облегчение. — А я вздремну. Ты хороший мальчик, Ларри.

Он спустился по узкой лестнице (лифт так и не починили) и вышел на улицу, тоже испытывая облегчение, пусть и сдобренное чувством вины. День принадлежал ему, а в кармане оставались кое-какие деньги.

Но на Таймс-сквер настроение у него заметно упало. Он покружил по площади, заранее переложив бумажник в передний карман. Когда Ларри проходил мимо магазина грампластинок, его остановил звук собственного голоса, доносившийся из обшарпанных динамиков над головой:

> Я не скажу тебе: «Останься на ночь, детка», —
> Я не спрошу, разобралась ли ты в себе.
> И ссориться мне ни к чему с тобою, детка,
> Один лишь я вопрос хочу задать тебе.
> Поймешь ли ты своего парня, детка?
> Пойми его, детка...
> Поймешь ли ты своего парня, детка?

«Это я», — подумал он, рассеянно разглядывая обложки альбомов, но сегодня звук собственного голоса расстроил Ларри. Хуже того — его потянуло в Калифорнию. Не хотелось больше оставаться под этим серым небом цвета грязной стиральной воды, вдыхать

---

* Зеленые марки выдавались в виде бонусов к покупкам в торговых сетях, а в центрах обмена на них можно было приобрести товары.

нью-йоркский смог и одной рукой постоянно играть в карманный бильярд с бумажником, проверяя, на месте ли он. О, Нью-Йорк, имя твое — паранойя. Внезапно ему захотелось оказаться в студии на западном побережье, записывать новый альбом...

Ларри ускорил шаг, свернул в галерею игровых автоматов. Его встретили звон колокольчиков и громкое жужжание, рвущий барабанные перепонки рев видеоигры «Смертельная гонка-2000», жуткие электронные вопли умирающих пешеходов. «Крутая игра, — подумал Ларри. — Надо бы выпустить и «Дахау-2000». Им понравится». Он подошел к будке кассира и разменял десять долларов на четвертаки. На противоположной стороне улицы, рядом с рестораном «Биф-энд-Брю», нашел работающий телефон-автомат и по памяти набрал номер «Джейнс плейс», покерного клуба, в который иногда заглядывал Уэйн Стьюки.

Ларри просовывал в прорезь четвертаки, пока не заболела рука, а потом, в трех тысячах миль от него, зазвонил телефон.

— «Джейнс». — Трубку сняла женщина. — Мы уже открыты.

— Для всего? — спросил он низким, сексуальным голосом.

— Послушай-ка, умник, это тебе не... Ларри, это ты?

— Он самый. Привет, Арлен.

— Ты где? Тебя все потеряли.

— Ну, я на восточном побережье, — осторожно ответил он. — Один человек подсказал, что ко мне присосались пиявки и надо держаться подальше от пруда, пока они не отвалятся.

— В связи с тем большим загулом?

— Да.

— Я слышала об этом. Ты просадил кучу денег.

— Уэйн у вас, Арлен?

— Ты про Уэйна Стьюки?

— Ну уж не про покойного Джона Уэйна.

— Так ты ни о чем не знаешь?

— Что я должен знать? Я на другом конце Америки. Эй, с ним все в порядке?

— Он в больнице с этим гриппом. У нас его называют «Капитан Торч». И смеяться тут не над чем. Говорят, многие от него умерли. Люди боятся выходить на улицы. У нас сейчас шесть свободных столиков, а ты ведь знаешь, что в «Джейнс» свободных столиков не бывает никогда.

— Как он себя чувствует?

— Кто же знает? Там целые палаты забиты людьми, и к ним не пускают посетителей. Это страшно, Ларри. А вокруг полным-полно солдат.

— В увольнении?

— Солдаты в увольнении не носят с собой оружие и не разъезжают в грузовиках. Многие люди очень напуганы. Тебе повезло, что ты далеко отсюда.

— В новостях ничего об этом не было.

— У нас в газетах тут несколько раз писали о необходимости делать прививки от гриппа, и все. Но кое-кто говорит, что военные не уследили за одной из своих чумных пробирок. Жутко, правда?

— Просто слухи.

— Там, где ты сейчас, ничего такого нет?

— Нет, — ответил он и тут же подумал о простуде своей матери. И обо всех тех людях, что чихали и кашляли в подземке. Он еще, помнится, подумал, что попал в туберкулезную палату. Но ведь в любом большом городе полным-полно кашля, чиха и сопливых носов. «Разносчики простуды такие общительные, — подумал он. — Готовы со всеми поделиться своим богатством».

— Джейни тоже нет, — сообщила ему Арлен. — Говорит, что у нее температура и припухшие гланды. Я-то думала, что эту старую шлюху никакая болезнь не возьмет.

— Три минуты истекли, — вмешалась телефонистка. — Дайте знать, когда закончите разговор.

— Ладно, я вернусь через неделю или чуть позже, Арлен. Тогда куда-нибудь сходим.

— Я с удовольствием. Всегда мечтала показаться на людях рядом со знаменитостью.

— Арлен! Ты, случайно, не знаешь парня по имени Дьюи Чек?

— Ой! — вдруг вскрикнула она. — Ой, вау! Ларри!

— Что такое?

— Как хорошо, что ты не повесил трубку! Я ведь виделась с Уэйном, дня за два до того, как он попал в больницу. Совсем об этом забыла! Это ж надо!

— По какому поводу?

— Насчет конверта. Он сказал, что конверт для тебя, но попросил, чтобы я недельку подержала его в сейфе для наличных

или отдала тебе, если встречу. Еще он сказал: «Ему чертовски повезло, что Дьюи Чек до него не добрался».

— Что в конверте? — Ларри переложил трубку из одной руки в другую.

— Минутку. Сейчас посмотрю. — Секундная тишина, треск разрываемой бумаги, вновь голос Арлен: — Это чековая книжка. Первый коммерческий калифорнийский банк. На счету... ой! Чуть больше тринадцати тысяч долларов. Если мы куда-нибудь пойдем, а ты заплатишь только за себя, я размозжу тебе голову.

— Думаю, до этого не дойдет. — Ларри улыбался. — Спасибо, Арлен. Подержи ее у себя до моего приезда.

— Нет, выброшу в сточную канаву. Говнюк!

— Это так приятно, когда тебя любят.

Она вздохнула:

— С тобой не соскучишься. Я положу чековую книжку в конверт с нашими именами. Тогда тебе не удастся одурачить меня и забрать все в одиночку.

— Я не собираюсь делать этого.

Он повесил трубку, и тут же послышался голос телефонистки, требующей доплатить «Ма белл» еще три доллара. Ларри, попрежнему широко улыбаясь, скормил телефону-автомату нужное количество монеток.

Затем посмотрел на мелочь, рассыпанную на полочке под телефоном, взял четвертак и опустил в прорезь. Мгновение спустя телефон зазвонил в квартире его матери. Наш первый импульс — поделиться хорошими новостями, второй — кого-то ими оглоушить. Ларри думал — нет, верил, — что руководствуется исключительно первым. Ему хотелось успокоить и себя, и мать новостью о своей новообретенной платежеспособности.

Постепенно улыбка сошла с его губ. Гудки — и ничего больше. Может, в конце концов она решила пойти на работу. Перед мысленным взором Ларри возникло ее покрасневшее от температуры лицо, он вспомнил, как она кашляла, и чихала, и нервно говорила: «Дерьмо!» — в носовой платок. Нет, вряд ли мать в таком виде вышла из дома. Откровенно говоря, он думал, что ей не хватит сил куда-то пойти.

Ларри повесил трубку и машинально достал упавший четвертак из окошечка возврата монет. Он отошел от телефона-автома-

та, позвякивая мелочью в руке. Заметив такси, вскинул руку. Когда машина тронулась с места, вливаясь в транспортный поток, зарядил мелкий дождь.

Дверь была заперта, и, постучав два или три раза, Ларри убедил себя, что квартира пуста. Он стучал достаточно громко, чтобы этажом выше кто-то стукнул в ответ, будто рассердившийся призрак. Он понимал, что должен войти и убедиться в правильности своего предположения, но ключ с собой не захватил. Уже повернулся, чтобы спуститься вниз, к квартире мистера Фримана, когда услышал за дверью тихий стон.

Хотя дверь квартиры запиралась на три замка, мать никогда не задействовала все сразу, несмотря на свой маниакальный страх перед пуэрториканцами. Ларри сильно толкнул дверь плечом, и она задребезжала в коробке. Второго толчка замок не выдержал. Дверь распахнулась, стукнувшись о стену.

— Мама?

Стон повторился.

В квартире царил полумрак. День внезапно потемнел, слышались раскаты грома, звук дождя усилился. Окно в гостиной было наполовину открыто. Белая занавеска то взлетала над столом, то вырывалась на улицу. На полу образовалась небольшая блестящая лужица.

— Мама, ты где?

Еще один стон, погромче. Он прошел на кухню. Раздался очередной раскат грома. Ларри чуть не споткнулся о тело матери. Она лежала на полу, наполовину в коридоре, наполовину в спальне.

— Мама! Господи, мама!

Она попыталась перевернуться на голос, но двигалась только ее голова. Развернулась на подбородке, улеглась на левую щеку. Элис тяжело дышала, у нее клокотало в горле. Однако больше всего — Ларри помнил это до конца своих дней — его напугал ее правый глаз, покатившийся вверх, чтобы взглянуть на сына, словно глаз борова на бойне. Лицо матери пылало от жара.

— Ларри?

— Я сейчас положу тебя на кровать, мама.

Он наклонился, яростно сжал колени, чтобы подавить начинавшуюся в них дрожь, и поднял ее на руки. Халат распахнулся, открыв полинявшую от стирок ночную рубашку и белые, цвета

рыбьего брюха, ноги, испещренные раздутыми варикозными венами. Она вся горела. Ларри перепугался. С такой температурой не живут. Мозги поджариваются прямо в голове.

Словно подтверждая его мысль, она ворчливо произнесла:

— Ларри, сходи за отцом. Он в баре.

— Успокойся, — в смятении пробормотал Ларри. — Просто успокойся и постарайся заснуть, мама.

— Он в баре с этим фотографом! — пронзительно выкрикнула она в густой послеполуденный сумрак, и тут же снаружи злобно ударил гром.

Ларри казалось, что все его тело покрыто медленно сползающей вниз слизью. Прохладный ветер гулял по квартире, залетая в полуоткрытое окно в гостиной. Элис затрясло, ее руки покрылись гусиной кожей. Зубы застучали. В полутьме спальни ее лицо напоминало полную луну. Ларри сдвинул одеяло, уложил мать на кровать и накрыл до подбородка, но ее продолжал бить озноб, такой сильный, что одеяло тоже тряслось. Лицо Элис оставалось сухим, пота не было.

— *Иди и скажи, что я велела ему убираться оттуда!* — закричала она, а потом затихла. В комнате слышалось лишь ее тяжелое, хриплое дыхание.

Ларри вернулся в гостиную, направился к телефонному аппарату, потом обогнул его по широкой дуге. С грохотом закрыл окно и лишь тогда подошел к телефону.

Справочники лежали на нижней полочке маленького телефонного столика. Он нашел номер больницы «Милосердие» и набрал его. Вновь раздался удар грома. Вспышка молнии превратила только что закрытое Ларри окно в сине-белый рентгеновский снимок. Из спальни донесся отчаянный крик матери, от которого у него похолодело внутри.

Один гудок, потом в трубке зажужжало и щелкнуло. Металлический голос четко произнес:

— Вы позвонили в городскую клиническую больницу «Милосердие». В настоящий момент все линии заняты. Не вешайте трубку, вам ответят при первой же возможности. Спасибо. Вы позвонили в городскую клиническую больницу «Милосердие». В настоящий момент все линии заняты. Не вешайте трубку...

— *Мы уберем эти швабры вниз!* — выкрикнула его мать. Прогремел гром. — *Эти пуэрториканцы ничего не знают!*

— ...вам ответят при первой возможности...

Он швырнул трубку на рычаг. На лбу у Ларри выступил пот. Что это, на хрен, за больница, если тебе приходится слушать записанное на пленку сообщение, когда твоя мать умирает? Что здесь происходит?

Ларри решил спуститься этажом ниже и попросить мистера Фримана посидеть с матерью, пока он сбегает в больницу. Или вызвать частную «скорую»? Господи, как так получается, что никто никогда не знает самых необходимых вещей? Почему этому не учат в школе?

Из спальни доносилось тяжелое дыхание матери.

— Я вернусь, — пробормотал он и направился к двери. Он боялся за нее, но внутренний голос твердил: *Со мной постоянно такое случается*, и: *Ну почему такое должно было случиться сразу после того, как мне сообщили хорошие новости*, и самое мерзкое: *Как это помешает моим планам? Что мне придется изменить в своей жизни?*

Он ненавидел этот голос, желал ему смерти, скорейшей и мучительной, однако тот все бубнил и бубнил.

Ларри бросился вниз по лестнице, к квартире мистера Фримана. Вновь загремел гром. Когда он добрался до площадки первого этажа, входная дверь распахнулась и дождь ворвался в подъезд.

Глава 20

Вид из окон «Харборсайда», самого старого отеля Оганквита, перестал быть столь живописным после строительства нового яхт-клуба, но в такие дни, как этот, когда по небу то и дело проплывали грозовые тучи, он, конечно же, впечатлял.

Фрэнни просидела у окна почти три часа, пытаясь написать письмо своей школьной подружке Грейс Дагген, которая теперь училась в Смите*. Речь шла не об исповеди с подробными описаниями своей беременности и сцены с матерью — это был верный

*Имеется в виду колледж Софии Смит — одно из самых престижных частных учебных заведений в штате Массачусетс.

способ расстроиться еще больше, и она полагала, что Грейс сама скоро все узнает, благо в городе подруг и знакомых у нее хватало. Фрэнни пыталась написать обычное дружеское письмо.

Поездка на велосипедах в Рэнджли в мае, мы с Джесси, Сэм Лотроп и Салли Венселас. Экзамен по биологии, на котором мне крупно повезло. Новая работа Пегги Тейт (другая школьная подружка, общая знакомая), которую взяли на какую-то мелкую должность в аппарате сената. Близящаяся свадьба Эми Лаудер...

Письмо никак не желало писаться. Отчасти из-за небесной пиротехники: как можно писать, когда над водой то и дело сверкают молнии и грохочет гром? Но по большей части из-за того, что всякий раз она утаивала толику правды. Так или иначе уходила в сторону, как нож из-под руки, когда ты надрезаешь кожу на пальце, вместо того чтобы очистить картофелину, как собиралась. Поездка на велосипедах удалась на славу, однако сейчас ее отношения с Джесси оставляли желать лучшего. Ей действительно повезло на экзамене по биологии — но было ли оно столь важным, это везение? И ни Фрэнни, ни Грейс никогда всерьез не интересовала карьера Пегги Тейт, а новость о предстоящей свадьбе Эми Лаудер, учитывая теперешнее состояние Фрэн, скорее выглядела как одна из этих отвратительно тупых шуток, а не повод для радости. «Эми выходит замуж, а я беременна, ха-ха-ха».

Чувствуя, что письмо надо заканчивать хотя бы потому, что она больше не могла с ним бороться, Фрэн написала:

У меня самой появились проблемы, и еще какие, но рука не поднимается о них написать. Даже думать о них — удовольствие маленькое! Однако четвертого я рассчитываю тебя увидеть, если только ты не изменила свои планы после последнего письма. (Всего одно письмо за шесть недель? Я уже начала думать, что кто-то отрубил тебе пальчики, детка.) Когда увидимся, я тебе все расскажу. Мне наверняка понадобится твой совет.

Верь в меня, а я буду верить в тебя.

Фрэн.

Она, как обычно, подписалась броско и весело, роспись заняла чуть ли не половину оставшегося места. Только от этого Фрэн

еще сильнее почувствовала себя самозванкой. Сложив лист, она сунула его в конверт, написала адрес и прислонила к зеркалу. Готово.

Вот. И что теперь?

Небо снова темнело. Она встала и начала ходить по комнате, думая о том, что надо уйти, прежде чем опять польет дождь. Но куда? В кино? Единственный фильм, который шел в городе, она уже видела. С Джесси. Поехать в Портленд и походить по магазинам? Нет смысла. В ближайшее время ей понадобится одежда только одного фасона — с эластичным поясом. Чтобы хватило места на двоих.

В этот день ей позвонили трижды. Первый звонок принес хорошие новости, второй — никаких, третий — плохие. Она бы предпочла обратный порядок. Начался дождь, пирс вновь потемнел. Фрэн решила выйти погулять, и плевать она хотела на ливень. Свежий воздух, летняя сырость могли поднять настроение. Она могла даже куда-нибудь заглянуть и выпить стакан пива. Счастье в бутылке. Или хотя бы спокойствие.

Первой ей позвонила Дебби Смит из Самерсуорта. «Мы очень ждем тебя! — Голос Дебби звучал тепло и искренне. — Более того, ты нам нужна. — И действительно, одна из девушек — они втроем снимали квартиру — съехала в мае, устроившись секретарем в оптовую фирму. Теперь Дебби и Рода с трудом платили за аренду. — И мы обе выросли в больших семьях. Так что плачущие дети нам не в диковинку».

Фрэн ответила, что приедет первого июля. Положив трубку, она обнаружила, что по щекам у нее текут теплые слезы. Слезы облегчения. Она подумала, что с ней все будет в порядке, если она сможет уехать из этого города, где выросла. Подальше от матери и даже от отца. Сам факт, что у нее ребенок и она мать-одиночка, привнесет смысл в ее жизнь. Важная причина, само собой, но не единственная. Фрэн вроде бы припоминала, что есть какое-то животное, или букашка, или лягушка, которая при появлении угрозы раздувается, в два раза увеличиваясь в размерах. Хищник, во всяком случае, в теории, пугается и убегает. Она ощущала себя маленькой, как та букашка, и именно город, окружающая среда (гештальт* — вот еще более подходящее слово) принуждали ее ощу-

* Гештальт (*психол.*) — обобщенный чувственный образ, целостная форма.

щать себя таковой. Она знала, что никто не заставит ее носить алую букву, но знала и другое: чтобы рассудок убедил в этом чувства, необходимо порвать с Оганквитом. Находясь на улице, она ощущала присутствие людей, еще не смотрящих на нее, но *готовящихся* посмотреть. Разумеется, постоянных жителей, а не тех, кто приезжал на лето. Постоянные жители всегда находили на кого посмотреть: на пьяницу, не получающего пособие, на юношу из хорошей семьи, который попался в Портленде или в Олд-Орчард-Бич на мелкой краже... или на девушку с растущим животом.

Вторым позвонил Джесси Райдер. Из Портленда. Сначала набрал ее домашний номер. К счастью, попал на Питера, который без лишних слов объяснил, как позвонить ей в «Харборсайд».

Тем не менее начал Джесси с вопроса:

— Похоже, у тебя дома напряженка, да?

— Ну, слегка, — осторожно ответила она, не желая посвящать его в подробности. Иначе получилось бы, что они в каком-то смысле заговорщики.

— Твоя мать?

— Почему ты так думаешь?

— Она похожа на женщину, способную взбеситься. Что-то такое в ее глазах, Фрэнни. Мол, если ты пристрелишь моих священных коров, я пристрелю твоих.

Фрэнни промолчала.

— Извини, я не хотел тебя обидеть.

— Ты и не обидел, — сказала она. Он дал точное определение — пусть и внешне, — но Фрэнни удивило слово «обидеть». Она не ожидала, что услышит его от Джесси. «Наверное, это некая аксиома, — подумала она. — Когда твой любовник начинает бояться «обидеть» тебя, он перестает быть твоим любовником».

— Фрэнни, предложение по-прежнему в силе. Если ты скажешь «да», я куплю пару колец и приеду после полудня.

На своем велике, подумала она и едва не захихикала. Это было бы ужасным, совершенно ненужным оскорблением, и Фрэнни на секунду прикрыла трубку рукой, чтобы убедиться, что с губ не сорвется ни звука. За последние шесть дней она плакала и хихикала больше, чем за все годы с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать и она начала ходить на свидания.

— Нет, Джесс, — ответила она вполне спокойно.

— Я хочу этого! — яростно воскликнул он, словно увидев, как она борется со смехом.

— Знаю, но я не готова к замужеству. Речь только обо мне, Джесс, к тебе это не относится.

— Что ты решила насчет ребенка?

— Буду рожать.

— И откажешься от него?

— Пока не знаю.

Какое-то время он молчал, и она слышала другие голоса в других комнатах. Наверное, у всех были свои проблемы. Мир — это сиюминутная драма, крошка. Мы любим наши жизни, поэтому высматриваем указующий луч в поисках завтрашнего дня.

— Я думаю о ребенке, — прервал затянувшуюся паузу Джесси. Она сомневалась, что это правда, но только упоминание ребенка могло пробить брешь в ее обороне. И пробило.

— Джесс...

— Ну и что мы будем делать? — резко спросил он. — Не можешь же ты оставаться в «Харборсайде» все лето. Если тебе нужно жилье, я могу поискать в Портленде.

— Я нашла себе жилье.

— Где? Или я не должен об этом спрашивать?

— Не должен! — ответила она — и прикусила язык за то, что не нашлась с более дипломатичным ответом.

— О... — произнес он на удивление бесстрастным голосом. Потом осторожно поинтересовался: — Могу я кое-что спросить, не разозлив тебя, Фрэнни? Потому что я действительно хочу знать. Это не риторический вопрос или что-то вроде.

— Спросить ты можешь, — устало согласилась она. Мысленно настраивая себя, убеждая не злиться, потому что за таким предисловием у Джесси обычно следовало какое-нибудь отвратительное и совершенно неожиданное для нее шовинистическое продолжение.

— Во всем этом у меня есть какие-то права? — спросил Джесс. — Разве я не могу разделять ответственность и решение?

На мгновение она таки разозлилась, но это чувство тут же ушло. Джесс всего лишь оставался Джессом, пытался защитить свой образ, который сам для себя и создал, как поступают все мыслящие люди, чтобы спокойно спать по ночам. Он всегда нравился ей, в том числе и благодаря своему уму, но в сложившейся си-

туации ум только навевал скуку. Таких людей, как Джесс — и как она сама, — всю жизнь учили, что принимать решения и действовать — это правильно. Иной раз ты мог причинить себе вред — и немалый, — только чтобы выяснить, что следовало лежать в высокой траве и не дергаться. Джесс расставлял сети из добрых побуждений, но они оставались сетями. Он не желал отпускать ее.

— Джесси, никто из нас не хотел этого ребенка. Противозачаточные таблетки и предназначались для того, чтобы ребенка не было. Никакой ответственности ты не несешь.

— Но...

— Нет, Джесс! — отрезала она.

Он вздохнул.

— Ты свяжешься со мной, когда устроишься на новом месте?

— Думаю, да.

— Ты по-прежнему собираешься продолжить учебу?

— Со временем. Осенний семестр пропущу. Может, сдам какие-нибудь предметы.

— Если я буду тебе нужен, Фрэнни, ты знаешь, где меня найти. Я не сбегу.

— Это я знаю, Джесс.

— Если тебе понадобятся деньги...

— Да.

— Свяжись со мной. Я не настаиваю, но... Мне захочется повидаться с тобой.

— Хорошо, Джесс.

— Пока, Фрэн.

— Пока.

Когда она положила трубку, у нее возникло ощущение, что осталась какая-то недоговоренность. И она поняла почему. Заканчивая разговор, они — впервые — не сказали друг другу: «Я люблю тебя». Ей стало грустно, и она ничего не могла с этим поделать.

Последним, около полудня, позвонил отец. Позавчера они вместе позавтракали, и он сказал ей, что тревожится из-за Карлы. Она не легла спать прошлой ночью: провела ее в гостиной, сосредоточенно изучая старые генеалогические записи. Около половины двенадцатого он зашел к ней и спросил, когда она поднимется наверх. Карла распустила волосы, и они падали ей на плечи и на лиф ночной рубашки. По словам Питера, она выгля-

дела безумной, плохо соображающей, где находится и что делает. Тяжелый альбом лежал у нее на коленях, и она даже не посмотрела на мужа, продолжая перелистывать страницы. Ответила, что ей не спится. И поднимется позже. Она простыла, сказал Питер Фрэнни, когда они сидели в кабинке «Корнер ленч» и играли в гляделки с гамбургерами. У нее лило из носа. Когда он спросил ее, не выпьет ли она стакан горячего молока, Карла вообще не ответила. Наутро он обнаружил ее спящей в кресле с альбомом на коленях.

Проснувшись, она выглядела лучше и, похоже, немного пришла в себя, но простуда усилилась. Карла не захотела вызывать доктора Эдмонтона, сказав, что у нее всего лишь бронхит. Она уже сделала себе грудной компресс и утверждала, что чувствует, как очищаются дыхательные пути. Но Питеру не понравилось, как она выглядела, о чем он и сказал Фрэнни. И хотя Карла отказалась померить температуру, он думал, что у нее жар.

В этот день Питер позвонил, когда началась первая гроза. Облака, лиловые и черные, молчаливо собирались над бухтой, начался дождь, сначала слабый, затем перешедший в ливень. Пока они разговаривали, Фрэнни стояла у окна и видела, как молнии вонзались в воду за волноломом. При этом в трубке каждый раз раздавался легкий треск, словно иголка проигрывателя вгрызалась в пластинку.

— Сегодня она лежит в постели, — сообщил Питер. — В конце концов согласилась, чтобы Том Эдмонтон осмотрел ее. Он думает, у нее грипп.

— О Боже! — Фрэнни закрыла глаза. — В ее возрасте это не шутка.

— Это точно. — Питер помолчал. — Я рассказал ему все, Фрэнни. О ребенке, о твоей ссоре с Карлой. Том лечил тебя с младенчества, и он будет держать язык за зубами. Я хотел знать, могли ли эти волнения стать причиной болезни Карлы. Он ответил, что нет. Грипп есть грипп.

— Грипп сделал кого, — пробормотала Фрэн.

— Не понял.

— Не важно. — Хотя ее отец и отличался широтой кругозора, он не относился к поклонникам творчества группы «Эй-си Диси». — Продолжай.

— Пожалуй, это все, цыпленок. Он говорит, что больных много. Какой-то особенно мерзкий вирус. Похоже, пришел с юга. Эпидемия уже охватила Нью-Йорк.

— Но проспать в гостиной всю ночь... — В голосе Фрэнни слышалось сомнение.

— Если на то пошло, доктор говорит, что сидячее положение лучше и для легких, и для бронхов. Больше он ничего не сказал, но Алберта Эдмонтон участвует в тех же общественных организациях, что и Карла, поэтому молчание получилось вполне красноречивым. И он, и я знаем, что она сама на это нарывалась, Фрэн. Она президент Городского исторического комитета, она проводит в библиотеке двадцать часов в неделю, она секретарь Женского клуба и Читательского клуба, она возглавила городское отделение «Марша десятицентовиков»* еще до смерти Фреда. Прошлой зимой она взвалила на себя еще и Фонд болезней сердца. И, ко всему прочему, пыталась активизировать интерес к работе Генеалогического общества южного Мэна. Она просто вымоталась. Отчасти потому и набросилась на тебя. Эдмонтон сказал лишь, что для таких вирусов более благодатной почвы, чем она, просто не найти. И мне этих слов вполне достаточно. Она стареет, Фрэнни, но не хочет этого признавать. Она работала больше, чем я.

— Как она сейчас, папочка?

— Она в кровати, пьет сок и принимает таблетки, которые прописал Том. Я взял отгул, а завтра придет миссис Холлидей и посидит с ней. Она хочет, чтобы пришла именно миссис Холлидей, потому что они тогда смогут поработать над повесткой июльского заседания Исторического общества. — Он вздохнул, а в трубке вновь проскрежетала молния. — Я иногда думаю, что ей хочется умереть в упряжке.

— Как ты думаешь, не будет ли она возражать, если...

— В данный момент — будет. Но дай ей время, Фрэн. Все образуется.

Теперь, четырьмя часами позже, повязывая на голову непромокаемую косынку, Фрэнни в этом усомнилась. Может быть, если она откажется от ребенка, никто в городе никогда об этом не узнает. Впрочем, маловероятно. В маленьких городах у людей обыч-

* «Марш десятицентовиков» — благотворительная организация, созданная в 1938 г. президентом Рузвельтом для сбора средств на борьбу с полиомиелитом.

но удивительно острый нюх. А если она оставит ребенка... но всерьез она об этом не думала. Ведь так?

Накидывая на себя легкое пальто, она ощущала, как в ней разрастается чувство вины. В последние дни перед ссорой мать выглядела очень измотанной, это точно. Фрэн это заметила, когда приехала домой из колледжа и они поцеловали друг друга в щечку. Темные мешки под глазами, слишком желтая кожа. И седина в, как обычно, аккуратно уложенных волосах стала еще заметнее, хотя мать регулярно красилась в парикмахерской за тридцать долларов. И все же...

Она вела себя как истеричка, полная истеричка. И Фрэнни оставалось лишь спрашивать себя, сколь велика будет ее вина, если грипп матери перейдет в пневмонию или выяснится, что у нее был нервный срыв. А вдруг она умрет? Господи, какая ужасная мысль! Этого не будет. Этого не будет, Господи, нет, разумеется, нет. Таблетки, которые она принимала, конечно же, справятся с болезнью, и, когда Фрэнни уедет из города и будет тихонько вынашивать своего маленького незнакомца в Самерсуорте, мать придет в себя от полученного удара. Она...

Зазвонил телефон.

Мгновение Фрэнни с отсутствующим видом смотрела на него. За окном еще яростнее сверкнула молния, и почти сразу же раздался оглушительный раскат грома, заставивший девушку подскочить на месте.

Дзынь, дзынь, дзынь.

Но ей уже позвонили трижды, кому еще она могла понадобиться? Дебби перезванивать бы не стала, Джесс скорее всего тоже. Может, из программы «Доллары за звонок»? Или ей хотят предложить приобрести посуду «Саладмастер»? А может, все-таки Джесс, решивший предпринять вторую попытку?

Но, направляясь к телефонному аппарату, Фрэнни уже чувствовала, что звонит отец, и ничего хорошего он ей не скажет. «Это пирог, — сказала она себе. — Ответственность — это пирог. Часть ее снимается всей этой благотворительностью, но ты просто дурачишь себя, если думаешь, что тебе не достанется большого, сочного, горького куска. Который придется съесть до последней крошки».

— Алло?

Мгновение в трубке было тихо, и ей пришлось повторить:

— Алло?

— Фрэн? — ответил ее отец, и в трубке раздался странный, булькающий звук. — Фрэнни? — Звук повторился, и она с возрастающим ужасом поняла, что он борется со слезами. Одна ее рука поднялась к шее и ухватилась за узел повязанной на голову непромокаемой косынки.

— Папочка? Что случилось? Что-то с мамой?

— Фрэнни, я должен заехать за тобой. Я... просто заеду за тобой и заберу тебя. Вот что я сделаю.

— С мамой все в порядке? — закричала она в трубку. Над «Харборсайдом» снова прогрохотал гром, испугав ее, и она начала плакать. — Скажи мне, папочка!

— Ей стало хуже — вот все, что я знаю, — ответил Питер. — Через час после нашего с тобой разговора ей стало хуже. Поднялась температура. Она начала бредить. Я попытался разыскать Тома... Рейчел сказала мне, что его нет, а многие очень тяжело больны... Тогда я позвонил в Сэнфордскую больницу, и они сказали, что их «скорые» на вызовах, обе, но они занесут Карлу в список. *Список*, Фрэнни, откуда, черт возьми, вдруг взялся *список*? Я знаю Джима Уэррингтона, он шофер одной из сэнфордских «скорых», целыми днями сидит и играет в кункен, если только на Девяносто пятой не происходит авария. Что это за *список*? — Отец почти кричал.

— Успокойся, папочка. Успокойся. Успокойся. — Фрэнни снова разрыдалась, ее рука оставила в покое узел и поднялась к глазам. — Если она дома, ты лучше сам отвези ее в больницу.

— Нет... нет, они забрали ее пятнадцать минут назад. Боже мой, Фрэнни, в кузове было еще *шесть человек*. В том числе Уилл Ронсон, владелец аптеки. А Карла... твоя мать... немного пришла в себя, когда ее заносили в «скорую», и повторяла без конца: «Я не могу дышать, Питер, я не могу дышать, почему я не могу дышать?» Ох, Господи! — закончил он ломающимся, почти детским, пугающим голосом.

— Ты можешь приехать, папочка? Ты можешь приехать сюда?

— Да, — ответил он. — Конечно. — Похоже, отец пытался взять себя в руки.

— Я буду у парадного подъезда.

Она положила трубку и быстро сбежала вниз на подгибающихся ногах. На крыльце увидела, что дождь еще идет, но облака

уже рвутся, и в разрывы проглядывает послеполуденное солнце. Автоматически поискала радугу — и нашла, далеко над водой, подернутый туманом мистический серп. Чувство вины не отпускало, в животе, где находилось другое существо, что-то трепыхалось, и Фрэн снова заплакала.

«Ешь свой пирог, — повторяла она, дожидаясь отца. — Вкус у него ужасный, так что давай ешь. Возьми второй кусок. И третий. Ешь свой пирог, Фрэнни, до последней крошки».

Глава 21

Стью Редмана не отпускал страх.

Он смотрел в зарешеченное окно своей новой палаты в Стовингтоне, штат Вермонт, и видел небольшой городок далеко внизу: миниатюрные указатели заправочной станции, какую-то фабрику, главную улицу, реку, шоссе и, по ту сторону шоссе, гранитный хребет западной части Новой Англии, Зеленые горы.

Он боялся, потому что его новое жилище скорее походило на тюремную камеру, а не на больничную палату. Он боялся, потому что Денninджер исчез. Он не видел Денninджера с тех пор, как весь этот безумный цирк переехал из Атланты сюда. Дитц тоже исчез. Стью предполагал, что Денninджер и Дитц, возможно, заболели или даже уже умерли.

Кто-то допустил ошибку. А может быть, болезнь, которую принес в Арнетт Чарльз Д. Кэмпион, оказалась куда более заразной, чем кто-либо мог предположить. Так или иначе, в Противоэпидемическом центре Атланты болезнь не удалось удержать в герметичных палатах-боксах, и Стью думал, что всем, кто там работал, представилась возможность изучить на себе воздействие вируса, который они называли «А-прайм», или «супергрипп».

Ему все еще делали анализы, но как-то бессистемно. Расписание не соблюдалось. Результаты записывались, и Стью подозревал, что после беглого просмотра их отправляли в ближайшую машину для уничтожения документов.

Но самое худшее заключалось не в этом. Оружие, вот что было хуже всего. Медсестер, приходивших взять у него кровь, слюну или мочу, теперь всякий раз сопровождал солдат в белом защит-

ном костюме и с армейским пистолетом сорок пятого калибра в полиэтиленовом мешке. Мешок надевался поверх правой перчатки, и горловина обтягивала запястье. Стью не сомневался, что, попытайся он вести себя как с Дитцем, мешок превратится в дымящиеся ошметки, а сам он отправится к праотцам.

Если теперь они и продолжали выполнять полученные указания, он перестал быть незаменимым. Сидеть под замком — плохо само по себе. Сидеть под замком, не будучи незаменимым, — совсем паршиво.

Каждый вечер он внимательно смотрел шестичасовой выпуск новостей. Людей, попытавшихся свергнуть законную власть в Индии, объявили иностранными шпионами и расстреляли. Полиция все еще разыскивала человека или группу людей, днем ранее взорвавших электростанцию в Ларами, штат Вайоминг. Верховный суд — шестью голосами против трех — принял решение о том, что сотрудники, открыто заявляющие о своей гомосексуальности, не могут быть уволены с гражданской службы. Но сегодня — впервые — в эфир просочилась другая информация.

Официальные представители Комиссии по атомной энергии в округе Миллер, штат Арканзас, заявляли, что никакой аварии не было. На атомной электростанции в небольшом городке Фуке, расположенном примерно в тридцати милях от границы Техаса, отмечены лишь незначительные неполадки в системе охлаждения реактора, которые не дают поводов для беспокойства. Армейские подразделения размещены в этом районе исключительно в целях предосторожности. Стью удивился, какие меры предосторожности сможет принять армия, если с реактором в Фуке произойдет то же, что в фильме «Китайский синдром». И подумал, что солдат, возможно, перебросили в юго-восточный Арканзас совсем по другой причине. Фуке находился не так далеко от Арнетта.

Еще в одном сообщении говорилось о том, что эпидемия гриппа на восточном побережье находится на самой ранней стадии. Из-за штамма «русский» волноваться не стоит, разве что очень старым и совсем юным жителям. Усталый нью-йоркский врач давал интервью в коридоре Бруклинской больницы «Милосердие». Он отметил, что болезнь протекает особенно тяжело для штамма «русский-А», и призвал зрителей делать прививки от гриппа. Потом вдруг начал говорить что-то еще, но звук вырубили, оставив только двигающиеся губы. Тут же камеру переключи-

ли на студию. «Поступают сообщения о ньюйоркцах, которые умерли от нового штамма гриппа, — сообщил ведущий, — однако тут могли сыграть свою роль сопутствующие факторы, в частности, загрязнение окружающей среды и даже вирус СПИДа, обнаруженный у многих умерших. Правительственные чиновники, ведающие вопросами здравоохранения, подчеркивают, что штамм «русский-А» не опаснее свиного гриппа. Как известно, новое — это хорошо забытое старое, вот и врачи рекомендуют соблюдать постельный режим, больше отдыхать, пить много жидкости и принимать аспирин, чтобы сбить температуру».

Ведущий успокаивающе улыбнулся... и за пределами кадра кто-то чихнул.

Солнце коснулось горизонта, окрасило его в золото, чтобы он вскоре стал сначала красным, а затем блекло-оранжевым. Особенно не по себе Стью было по ночам. Его перевезли в незнакомую ему часть страны, и в темноте она выглядела совсем чужой. Для столь раннего лета количество зелени за окном казалось чрезмерным, избыточным, даже пугающим. У него не осталось друзей — насколько он знал, все, кто летел с ним из Брейнтри в Атланту, уже умерли. Его окружили дуболомами, которые брали у него кровь на анализ под дулом пистолета. Он опасался за свою жизнь, хотя по-прежнему чувствовал себя хорошо и начал верить, что уже не заразится *этим*, чем бы *оно* ни было.

И Стью задавался вопросом, как отсюда сбежать.

Глава 22

Придя двадцать четвертого июня на работу, Крайтон увидел, что Старки стоит перед мониторами, заложив руки за спину. На правой блестел перстень выпускника Вест-Пойнта, и Крайтон почувствовал прилив жалости к старику. Старки уже десять дней сидел на таблетках, и до неизбежной катастрофы было рукой подать. Но, подумал Крайтон, если его подозрения насчет телефонного звонка небеспочвенны, катастрофа уже произошла.

— Лен? — Старки как будто удивился его появлению. — Спасибо, что зашел.

— De nada*, — слегка улыбнулся Крайтон.

— Знаешь, кто звонил?

— Неужто он?

— Да, сам президент. Меня отправили в отставку. Паршивый правитель отправил меня в отставку, Лен. Конечно, я знал, что это может случиться, но все равно неприятно. Чертовски неприятно. Неприятно услышать это из уст ухмыляющегося, пожимающего руки мешка с дерьмом.

Лен Крайтон кивнул.

— Что ж, — Старки провел рукой по лицу, — вопрос решен. Обратного хода нет. Теперь командуешь ты. Он хочет, чтобы ты немедленно прибыл в Вашингтон. Он вызовет тебя на ковер и будет зубами рвать тебе задницу, а ты будешь просто стоять там, поддакивать и принимать все как должное. Мы спасли все, что могли. Этого достаточно. Я убежден, что этого достаточно.

— Если так, страна должна встать перед тобой на колени.

— Дроссель жег мне руку, но я... я держал его, пока мог, Лен. Я держал его. — Он говорил со спокойной яростью, но его глаза вновь обратились к монитору, и на секунду губы дрогнули. — Я бы не справился без тебя.

— Да уж... мы прошли вместе немалый путь, Билли, это точно.

— Ты совершенно прав, солдат. Теперь слушай. Сейчас это вопрос первостепенной важности. Ты должен встретиться с Джеком Кливлендом, при первой представившейся возможности. Он знает, кто у нас сидит за двумя занавесами — железным и бамбуковым. Он знает, как с ними связаться, и его не отпугнет то, что необходимо сделать. И он поймет, что действовать нужно быстро.

— О чем ты, Билли?

— Мы должны предполагать худшее. — Лицо Старки исказила странная улыбка. Верхняя губа приподнялась и сморщилась, как у собаки, охраняющей скотный двор. Он указал пальцем на лежащие на столе желтые листы: — Эта дрянь вышла из-под контроля. Она появилась в Орегоне, Небраске, Луизиане, Флориде. Есть заболевшие в Мексике и Чили. Потеряв Атланту, мы лишились трех человек, наиболее подготовленных для решения этой проблемы. С мистером Стюартом Редманом, Принцем, мы ров-

* Не за что (*исп.*).

ным счетом ничего не добились. Тебе известно, что ему вкололи вирус «Синева»? Он думал, что это успокоительное. Он расправился с ним, и никто не имеет ни малейшего понятия как. Будь у нас шесть недель, возможно, мы смогли бы раскусить этот орешек. Вот только у нас их нет. Легенда о гриппе хороша, лучше не придумаешь, но необходимо — абсолютно необходимо! — чтобы у той стороны и мысли не возникло, будто эта ситуация искусственно создана Америкой. Иначе у них могут появиться ненужные идеи.

У Кливленда есть восемь — двадцать мужчин и женщин в СССР и по пять — десять в каждой из стран Восточного блока. А сколько у него агентов в Красном Китае, даже мне неведомо. — Губы Старки снова задрожали. — Когда встретишься сегодня с Кливлендом, скажи ему: «Рим гибнет». Не забудешь?

— Нет. — Лен вдруг почувствовал, что у него похолодели губы. — Но ты уверен, что они действительно сделают это? Эти мужчины и женщины?

— Они получили ампулы неделю назад. Они считают, что там находятся радиоактивные вещества, местоположение которых будет фиксироваться нашими спутниками-шпионами. Больше им знать не следует, верно, Лен?

— Верно, Билли.

— И если положение дел изменится от плохого... к худшему, никто никогда ничего не узнает. Мы уверены, что проект «Синева» оставался секретом до самого конца. Новый вирус, мутация... наши противники могут что-то подозревать, а вот разобраться у них времени не хватит. Всем достанется поровну, Лен.

— Да.

Старки вновь смотрел на мониторы.

— Моя дочь несколько лет назад подарила мне сборник стихотворений. Некоего Ейтса. Сказала, что каждый военный должен прочитать Ейтса. Думаю, это была шутка. Ты когда-нибудь слышал о Ейтсе, Лен?

— По-моему, да, — ответил Крайтон, обдумав и отвергнув мысль о том, чтобы сказать Старки, что фамилия этого поэта произносится как Йитс.

— Я прочитал каждую строчку. — Старки всматривался в вечную тишину столовой. — Главным образом потому, что она не сомневалась в обратном. Это ошибка — предугадывать поведение дру-

гого человека. Понял не слишком много — я уверен, поэт был безумцем, — однако прочитал все. Странная поэзия. Не всегда в рифму. Но одно стихотворение накрепко засело у меня в голове. Словно этот человек описывал все то, чему я посвятил свою жизнь. Он сказал, что все рушится. Что основа расшаталась. Я думаю, он имел в виду, что все рассыпается. Ейтс знал, что со временем по краям все рассыпается, это-то он точно знал.

— Да, сэр, — согласился Крайтон.

— Когда я впервые прочитал последние строки этого стихотворения, у меня по коже побежали мурашки. И так повторяется всякий раз, когда я его перечитываю. Я помню их наизусть. «И что за чудище, лождавшись часа, ползет, чтоб вновь родиться в Вифлееме?»*

Крайтон молчал. Что он мог на это сказать?

— Чудище уже в пути. — Старки обернулся. Он плакал и улыбался. — Оно уже в пути, и гораздо более дикое, чем мог предположить этот Ейтс. Все рушится. Наша задача — продержаться как можно дольше, насколько это возможно.

— Да, сэр, — кивнул Крайтон и впервые почувствовал, что слезы жгут глаза. — Да, Билли.

Старки протянул руку, и Крайтон сжал ее обеими своими. Старую и холодную, похожую на сброшенную кожу змеи, в которой умерла какая-то маленькая степная зверушка, оставив хрупкий скелет в оболочке рептилии. Слезы перелились через нижние веки Старки и потекли по тщательно выбритым щекам.

— У меня есть еще одно дело, — добавил он.

— Да, сэр.

Старки снял с правой руки вест-пойнтовский перстень, а с левой — обручальное кольцо.

— Это для Синти. — Он протянул их Крайтону. — Для моей дочери. Передай ей.

— Обязательно.

Старки направился к двери.

— Билли! — окликнул Лен Крайтон.

Он обернулся.

Крайтон стоял по стойке «смирно», и слезы все еще текли у него по щекам. Он отдал честь.

Старки ответил тем же и вышел за дверь.

---

* Стихотворение «Второе пришествие» У.Б. Йитса (1865—1939).

* * *

Лифт мерно гудел, отсчитывая этажи. Когда Старки воспользовался специальным ключом, чтобы открыть двери поднявшейся на самый верх кабины и выйти в гараж, сработал сигнал тревоги — печальный звон, словно знающий, что предупреждение уже не поможет и все потеряно. Старки представил себе Лена Крайтона, наблюдающего по многочисленным мониторам, как он выбирает джип, потом едет по раскинувшемуся в пустыне полигону, минует ворота с надписью: «ОСОБО ОХРАНЯЕМАЯ ЗОНА. ВХОД БЕЗ СПЕЦИАЛЬНОГО ДОПУСКА ЗАПРЕЩЕН». Будки охранников напоминали кабинки кассиров при въезде на платную дорогу. За желтоватым стеклом по-прежнему виднелись солдаты, мертвые, быстро превращающиеся в мумии в сухой жаре пустыни. Будки предохраняли от пуль, но не от вирусов. Остекленевшие и провалившиеся глаза безучастно смотрели на Старки, когда он проезжал мимо; во всем лабиринте грунтовых дорог, связывавших многочисленные ангары из гофрированного железа и низкие здания из шлакоблоков, двигался только его джип.

Старки остановился около приземистого здания с надписью на двери: «ВХОД ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПО ДОПУСКУ А-1-А». Воспользовался одним ключом, чтобы открыть дверь, другим — чтобы вызвать лифт. Охранник, без признаков жизни, застывший, как кочерга, смотрел на него из-за стекла контрольно-пропускного пункта, расположенного слева от лифта. Когда разошлись двери прибывшей кабины, Старки быстро вошел в нее. Он словно чувствовал на себе взгляд мертвого охранника, глаза которого напоминали два тусклых камушка.

Кабина пошла вниз так быстро, что у Старки бултыхнулся желудок. Перед остановкой мелодично звякнул колокольчик. Двери разошлись, и на него, как мягкая оплеуха, обрушился сладкий запах разложения. Не очень сильный, потому что очистители воздуха продолжали работать, но они не справлялись. «Когда человек умирает, он хочет, чтобы об этом знали», — подумал Старки.

С десяток тел распростерлось перед лифтом. Старки лавировал между ними, не желая наступить на разлагающуюся восковую руку или споткнуться о вытянутую ногу. От такого контакта он мог непроизвольно вскрикнуть, а этого ему определенно не хотелось. Кто захочет кричать в могиле, где звук собственного голоса может свести с ума? Ведь именно в могиле он и находился. В на-

поминающей лабораторию хорошо финансируемого научно-исследовательского проекта могиле.

Двери лифта сомкнулись за его спиной, послышалось гудение — кабина автоматически пошла вверх. И не спустилась бы снова, Старки это знал, пока кто-либо не вызвал бы ее специальным ключом. Как только в подземной лаборатории произошла утечка опасной субстанции, компьютеры ввели в действие программу локализации и переключили лифты на аварийный режим работы. Почему эти бедные мужчины и женщины лежали здесь? Очевидно, надеялись, что компьютеры напортачат, вводя меры повышенной безопасности. Отчего бы и нет? В этом даже просматривалась определенная логика. Ведь напортачили же все, кто только мог.

Старки двинулся к столовой, его шаги гулко разносились по коридору. Потолочные флуоресцентные лампы, укрытые похожими на ванночки для льда плафонами, заливали коридор ярким, не дающим теней светом. Здесь тоже лежали тела. Мужчина и женщина, голые, с дырами в голове. «Они трахались, — подумал Старки, — а потом он застрелил ее и застрелился сам». Любовь среди вирусов. Мужчина сжимал в руке пистолет, армейский, сорок пятого калибра. Плитки пола пятнала кровь и серое вещество, напоминающее овсяную кашу. Старки почувствовал ужасное, но, к счастью, мимолетное желание наклониться и потрогать груди мертвой женщины, чтобы понять, упругие они или дряблые.

Дальше по коридору сидел мужчина, привалившись спиной к закрытой двери. На шее, как медальон, висела на шнурке от ботинка записка. Подбородок мертвеца упал на грудь, и голова закрывала написанное. Старки подсунул пальцы под подбородок мужчины и приподнял его. При этом глазные яблоки, чавкнув, укатились в голову. Слова были написаны красным маркером. «ТЕПЕРЬ ВЫ ЗНАЕТЕ: ЭТО РАБОТАЕТ, — гласила записка. — ЕСТЬ ВОПРОСЫ?»

Он отпустил подбородок. Голова так и осталась приподнятой, темные глазницы смотрели вверх. Старки отступил на шаг. Он снова плакал. Возможно, потому, что никаких вопросов у него не было.

Двери столовой были широко распахнуты. Рядом висела большая доска объявлений. Двадцатого июня намечался финальный матч первенства Проекта. «Суровые водилы» против «Первоклассных забивал». Девятого июля Энн Флосс хотела поехать в Денвер

или Боулдер. Искала попутчиков, чтобы разделить расходы и автомобиль. Ричард Беттс предлагал отдать в хорошие руки щенков, наполовину колли, наполовину сенбернаров. Сообщалось о еженедельных внецерковных религиозных службах, которые проводились в столовой.

Старки прочитал все объявления, закрепленные на доске, и лишь после этого вошел в столовую.

Здесь воняло сильнее — не только разлагающимися телами, но и протухшей едой. Старки в безмолвном ужасе огляделся.

Некоторые покойники, казалось, смотрели на него.

— Люди... — начал Старки и поперхнулся. Он понятия не имел, что собирался сказать.

Он медленно направился к столику, за которым, уткнувшись лицом в суп, сидел Фрэнк Д. Брюс. Несколько мгновений не отрывал от него взгляда. Потом за волосы потянул голову Фрэнка Д. Брюса вверх. Миска поднялась вместе с головой, прилепленная к лицу супом, который давно уже превратился в желе, и Старки в ужасе принялся колотить по ней. Миска стукнулась об пол и, перевернутая, застыла. Большая часть супа — теперь рыхлого желе — осталась на лице Фрэнка Д. Брюса. Старки достал из кармана носовой платок и стер суп, насколько смог. Веки Фрэнка Д. Брюса склеились, но их Старки вытереть не решился. Боялся, что его глаза закатятся в голову, как глаза мужчины с запиской. Еще больше боялся, что веки, очищенные от супа, поднимутся вверх, как жалюзи. Но больше всего боялся увидеть выражение глаз Фрэнка Д. Брюса.

— Рядовой Брюс, — прошептал Старки. — Вольно.

Он аккуратно прикрыл лицо Фрэнка Д. Брюса носовым платком, который прилип к остаткам супа. Потом повернулся и вышел из столовой широким, размеренным шагом, словно маршировал по плацу.

На полпути к лифту Старки поравнялся с мужчиной с запиской. Сел рядом, достал из кобуры пистолет, сунул дуло в рот.

Выстрел прозвучал приглушенно и буднично. Никто из трупов не обратил на него ни малейшего внимания. Очистители воздуха быстро справились с маленьким облачком дыма. В столовой носовой платок Старки отлепился от лица Фрэнка Д. Брюса и медленно спланировал на пол. Фрэнк Д. Брюс, похоже, не возражал, но Лен Крайтон стал все чаще и чаще смотреть на монитор, кото-

рый показывал Брюса, гадая, какого черта Билли не вытер суп с бровей бедолаги, раз уж взялся за это дело. Скоро, очень скоро Крайтону предстояло встретиться лицом к лицу с президентом Соединенных Штатов, но суп, застывший на бровях Фрэнка Д. Брюса, волновал его больше. Куда больше.

Глава 23

Рэндалл Флэгг, темный человек, шагал на юг по федеральному шоссе 51, прислушиваясь к ночным звукам, обступившим с обеих сторон эту узкую трассу, которая рано или поздно вывела бы его из Айдахо в Неваду. Из Невады он мог отправиться куда угодно. От Нового Орлеана до Ногалеса, от Портленда, штат Орегон, до Портленда, штат Мэн. Эта страна принадлежала ему, и никто не знал и не любил ее так, как он. Он знал, куда вели дороги, и шагал по ним ночью. В тот момент, за час до рассвета, он находился где-то между Грасмером и Риддлом, к западу от Твин-Фолс, все еще севернее резервации Дак-Вэлли, которую административная граница между двумя штатами делила практически пополам. И разве это было не прекрасно?

Шел он быстро, каблуки сапог стучали по асфальту, а если на горизонте показывались фары приближающейся машины, отступал сперва на мягкую обочину, а потом в высокую траву, где обитали ночные насекомые... Автомобиль проезжал мимо, и водитель, возможно, чувствовал легкий озноб, будто попадал в воздушную яму, а его спящие жена и дети тревожно ворочались во сне, словно всем им снился один и тот же кошмар.

Он шагал на юг, на юг по шоссе 51, и стоптанные каблуки его остроносых ковбойских сапог цокали по асфальту — высокий мужчина неопределенного возраста в линялых зауженных джинсах и джинсовой куртке. Его карманы оттопыривала самая разная литература, брошюры на все случаи жизни: опасность ядерных электростанций, роль международного еврейского картеля в свержении дружественных правительств, кокаиновые связи ЦРУ и контрас, фермерские профсоюзы, «Свидетели Иеговы» (*Если ты можешь ответить «да» на эти десять вопросов, ты СПАСЕН!*), чернокожие за равенство в армии, устав ку-клукс-клана. Все это и

многое другое. На груди, справа и слева, куртку украшали два больших значка-пуговицы. Правый — с желтым лицом-смайликом, левый — со свиным рылом в полицейской фуражке и надписью красными буквами, с которых стекали капли крови: «КАК ВАМ ТАКАЯ СВИНИНА?»

Он шел без остановки, не замедляя шаг, наслаждаясь ночью. Его глаза неистовствовали от ее возможностей. На спине он нес старый, потрепанный бойскаутский рюкзак. Можно было подумать, что зловещая веселость, читающаяся на его лице, таится и в сердце. Это лицо — омерзительно счастливого человека — излучало ужасное притягательное тепло; от его вида вдребезги разбивались стаканы в руках усталых официанток придорожных забегаловок, а маленькие дети врезались на трехколесных велосипедах в дощатые заборы и, рыдая, бежали к своим мамулям с торчащими из коленей острыми щепками. Это лицо гарантировало, что возникший в баре спор о СПО* перейдет в кровавую драку.

Он шагал на юг по шоссе 51, между Грасмером и Риддлом, теперь уже ближе к Неваде. В скором времени предполагал остановиться и проспать весь день, подняться уже с вечерней росой. Пока его ужин готовился на небольшом бездымном костерке, он всегда читал: потрепанный порнографический роман, «Майн кампф», комиксы Р. Крамба или какую-нибудь крайне реакционную газетку, от «Американских ценностей» до «Сынов патриотов». Когда дело касалось печатного слова, Флэгг не выказывал никаких предпочтений.

В этот день после ужина он двинулся дальше, направляясь на юг по прекрасному двухполосному шоссе, проложенному через забытые Богом пустынные края, наблюдая, обоняя и слушая, как климат становится более засушливым, уничтожая все, за исключением полыни да перекати-поля, глядя, как горы начинают вылезать из земли, словно спины динозавров. К завтрашнему рассвету или днем позже он намеревался попасть в Неваду, сначала в Овихи, потом в Маунтин-Сити, где жил человек по имени Кристофер Брейдентон, который снабдил бы его «чистым» автомобилем и «чистыми» документами, после чего страна засверкала бы

* СПО — средний показатель отбивания, усредненное значение попадания по мячу, поданному в зону страйка (удара).

перед ним во всем блеске великолепных возможностей, и ее тело, покрытое сетью дорог, напоминающих капилляры, смогло бы принять его, темную крупицу инородного вещества, в любом месте — в сердце, печени, глазах, мозгу. Он являл собой тромб, присматривающий сосуд, осколок кости, жаждущий пронзить нежный орган, одинокую раковую клетку, подыскивающую себе дружка, чтобы на пару вести домашнее хозяйство и выстроить небольшую и уютную злокачественную опухоль.

Он продолжал путь, размахивая руками. Его знали, хорошо знали на тайных дорогах, по которым путешествуют бедняки и безумцы, профессиональные революционеры и те, кто научился так ненавидеть, что их ненависть выделяется на лице, как заячья губа; отвергнутые всеми, кроме себе подобных, они встречаются в дешевых комнатах, увешанных лозунгами и плакатами, в подвалах, где отрезанные куски труб фиксируют в вертикальном положении и набивают мощной взрывчаткой, в подсобках, где разрабатываются безумные планы: убить министра, похитить ребенка прибывающего высокопоставленного лица или с гранатами и автоматами ворваться на заседание правления «Стандарт ойл» и начать убивать во имя народа. Да, его знали, но даже самые безумные могли лишь искоса смотреть на это темное, усмехающееся лицо. Женщины, с которыми он ложился в постель, даже те, для кого половой акт мало отличался от легкого перекуса на ходу, принимали его с застывшим телом, отвернувшись. Они принимали его, как могли принять поршень с золотистыми глазами или черного кобеля, — а когда все заканчивалось, ощущали холод, такой холод, что, казалось, уже никогда не согреться. Если он приходил на заседание, истерические вопли смолкали — прекращались злословие, упреки, обвинения, идеологическая риторика. На мгновение повисала мертвая тишина, все начинали поворачиваться к нему — а потом отводили глаза, будто он пришел к ним с какой-то древней и ужасной машиной уничтожения, в тысячи раз страшнее пластиковой взрывчатки, которую изготавливали в подвальных лабораториях студенты-химики, предавшие взрастившее их общество, или оружия, незаконно приобретенного у жадного до денег сержанта с армейского склада. Казалось, он пришел к ним с неким устройством, заржавевшим от крови и много столетий хранившимся в смазке криков, но теперь готовым к использованию, и его принесли на их совещание, будто дьявольский

дар, будто торт с нитроглицериновыми свечами. А когда разговор возобновлялся, здравый и только по теме — насколько здраво и по теме могли говорить безумцы, — решения принимались достаточно быстро.

Он шагал вперед, ноги уютно чувствовали себя в сапогах, которые должным образом пружинили в нужных местах. Его ноги и эти сапоги давно уже отлично ладили друг с другом. Кристофер Брейдентон знал его как Ричарда Фрая. Брейдентон служил одним из кондукторов этой подпольной железнодорожной системы, по которой перемещались беглецы. Полдюжины разных организаций, от «Метеорологов» до «Бригады Гевары», заботились о том, чтобы у Брейдентона не переводились деньги. Будучи поэтом, он иногда читал лекции или путешествовал по западным штатам — Юте, Неваде, Аризоне — и выступал в старших школах, удивляя школьников и (он надеялся) школьниц новостью о том, что поэзия до сих пор существует — пусть и вдохновляемая наркотиками, будьте уверены, но все же не лишенная некой жуткой энергии. Возраст Брейдентона приближался к шестидесяти, и прошло уже более двадцати лет с тех пор, как его выгнали из одного калифорнийского колледжа за слишком уж тесные связи с СДО*. В тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году Брейдентона арестовали за участие в демонстрациях во время Большого чикагского съезда. Тогда он установил тесные связи с радикальными группами, сначала поддерживая их безумные планы, а потом присоединившись к ним.

Темный человек шел и улыбался. Брейдентон был лишь одним концом одного канала, счет которым шел на тысячи. По ним и перемещались безумцы, таща с собой книжки и бомбы. Каналы пересекались, замаскированные указатели давали посвященным нужное направление. В Нью-Йорке его знали как Роберта Франка, и утверждение, что он черный человек, никогда не оспаривалось, несмотря на его очень светлую кожу. В паре с негром, ветераном Вьетнама — тот потерял левую ногу, так что его ненависть основывалась на более чем веской причине, — они прикончили шестерых полицейских в Нью-Йорке и Нью-Джерси. В Джорджии он представлялся Рамзеем Форрестом, отдаленным

* СДО (Студенты за демократическое общество) — радикальная студенческая организация, созданная в 1960 г. и распущенная в 1969 г.

потомком Натана Бедфорда Форреста*, и, укрытый белой простыней, участвовал в двух изнасилованиях, кастрации и поджоге жалкого негритянского городишки. Но было все это очень давно, в начале шестидесятых, во время первой вспышки борьбы за гражданские права. Иногда ему казалось, что тогда он и родился. Из предшествующего периода своей жизни он мог вспомнить немногое. Вроде бы вырос в Небраске и какое-то время учился в одной школе с рыжеволосым кривоногим мальчишкой по имени Чарльз Старкуэзер**. Марши за гражданские права в шестидесятом и шестьдесят первом годах Флэгг помнил лучше — драки, ночные рейды, церкви, которые взрывались так, словно внутри вырастало настолько большое чудо, что вместить его в себя не было никакой возможности. Он помнил, как в тысяча девятьсот шестьдесят втором году добрался до Нового Орлеана и встретил там чокнутого молодого человека, раздающего брошюрки, призывающие Америку оставить Кубу в покое. Некоего мистера Освальда. Парочка освальдовских брошюрок, старых и потрепанных, до сих пор лежала в одном из его многочисленных карманов. Он заседал в сотне разных комитетов ответственности. Участвовал в демонстрациях против десятка одних и тех же компаний в сотне разных университетских кампусов. Писал записки с наиболее обескураживающими вопросами, когда сильные мира сего выступали на публике, но никогда не задавал их вслух — политики, увидев это усмехающееся, горящее лицо, могли испугаться и скрыться со сцены. Он никогда не выступал на митингах, так как микрофоны взвыли бы от звука его голоса, а электрические провода перегорели. Но он писал речи для тех, кто выступал, и в нескольких случаях результатом этих речей становились бунты, перевернутые машины, студенческие забастовки и бурные демонстрации. В начале семидесятых он познакомился с человеком по имени Дональд Дефриз*** и предложил ему взять прозвище Синк. Он помог

---

* Натан Бедфорд Форрест (1821—1877) — генерал армии Конфедерации времен Гражданской войны, один из разработчиков тактики мобильной войны. Участвовал в создании ку-клукс-клана и стал его первым Великим магом.

** Чарльз Раймонд Старкуэзер (1938—1959) — американский серийный убийца.

*** Дональд Давид Дефриз (1943—1974) — первый лидер Симбионистской армии освобождения, леворадикальной партизанской организации, взявшей в заложники Патрисию Херст, внучку миллиардера.

составить план похищения наследницы крупнейшего состояния — и именно он предложил не возвращать ее за выкуп, но обратить в свою веру. Он покинул маленький домик в Лос-Анджелесе, где оставался Дефриз со своими дружками, менее чем за двадцать минут до появления полиции. Шел по улице — его пыльные сапоги цокали по мостовой — с яростной ухмылкой на лице. Матери, увидев эту ухмылку, хватали детей и тащили в дом. От этой ухмылки у беременных начинались преждевременные родовые схватки. Позже, когда поймали нескольких оставшихся в живых «партизан», все они признались, что в состав группы входил кто-то еще, может, кто-то важный, может, просто примкнувший, мужчина без возраста, мужчина, которого называли Странником, а иногда — Букой.

Он широко шагал, оставляя позади милю за милей. Два дня тому назад он был в Ларами, штат Вайоминг, где участвовал во взрыве электростанции. Сегодня шел по шоссе 51, между Грасмером и Риддлом, направляясь в Маунтин-Сити. Завтра мог оказаться где угодно. И он почувствовал себя счастливее, чем когда бы то ни было, потому что...

Он остановился.

Что-то явно надвигалось. Он чувствовал это *что-то*, почти ощущал его аромат в ночном воздухе. Горячий запах копоти, который доносился отовсюду, словно Бог задумал устроить пикник, а роль мяса отвел человечеству. И угли уже готовы, с белым пеплом снаружи, внутри красные, как глаза демона. Что-то колоссальное, что-то великое.

Близилось время его перевоплощения. Он собирался родиться вновь, выдавиться из растянутого влагалища какого-то огромного чудовища песочного цвета, которое уже сейчас корчилось в родовых схватках, медленно двигая ногами, истекая родильной кровью и уставившись горячими, как солнце, глазами в пустоту.

Он родился, когда времена изменились, а теперь времена собирались измениться снова. Это чувствовалось в ветре, в ветре этой мягкой ночи в Айдахо.

Время родиться вновь почти пришло. Флэгг это знал. Иначе с чего бы ему внезапно обрести способность творить чудеса?

Он закрыл глаза, чуть вскинув разгоряченное лицо к темному небу, которое уже готовилось к встрече с зарей. Сосредоточился. Улыбнулся. Пыльные, стоптанные каблуки его сапог начали под-

ниматься над дорогой. На дюйм. Два. Три. Улыбка превратилась в ухмылку. Он поднялся уже на фут. В двух футах над дорогой Флэгг неподвижно повис, и ветер под ним поднимал пыль.

Потом он почувствовал, что первые мазки зари запятнали небо, и опустился на землю. Время еще не пришло.

Но ждать осталось недолго.

Он снова зашагал, улыбаясь и высматривая место для сна. Его время скоро наступит, и пока этого было достаточно.

Глава 24

Ллойда Хенрида, которого газеты Финикса окрестили «нераскаявшимся убийцей с лицом младенца», вели по коридору крыла муниципальной тюрьмы, отведенного для особо опасных преступников, двое охранников. У одного текло из носа, и оба выглядели кисло. Другие обитатели крыла горячо приветствовали Ллойда, разве что не закидывали конфетти. Он был местной знаменитостью.

— Приве-е-ет, Хенрид!

— Давай, парень!

— Скажи прокурору, я не дам тебя в обиду, если он выпустит меня!

— Держись, Хенрид!

— Молодец, братан! *Мо-ло-дец, мо-ло-дец, мо-ло-дец!*

— Болтливые ублюдки, — пробормотал охранник с насморком и чихнул.

Ллойд счастливо усмехнулся. Новая слава поражала его. Здесь ему нравилось гораздо больше, чем в Браунсвилле. Даже кормили вкуснее. Когда ты большой человек в своем деле, к тебе поневоле проявляют уважение. Он подумал, что Том Круз, вероятно, испытывает те же чувства на мировой премьере.

На выходе из крыла строгого режима их ждала решетчатая дверь, замок которой открывался дистанционно. Ллойда снова обыскали. Простуженный охранник тяжело дышал, словно только что бегом поднялся по паре лестничных маршей. Потом Ллойда заставили пройти через рамку металлоискателя, вероятно, что-

бы убедиться, что он ничего не засунул себе в зад, как тот парень по прозвищу Мотылек* в фильме.

— Все в порядке, — доложил сопливый охранник, и его коллега, сидевший в будке из пуленепробиваемого стекла, разрешающе махнул рукой. Они попали в другой коридор, стены которого были выкрашены в зеленый цвет. Здесь стояла тишина, нарушаемая только гулкими шагами охранников (Ллойд шагал в мягких тапочках) и астматическим придыханием, доносившимся справа от Ллойда. В конце коридора еще один охранник поджидал их у закрытой двери. В ней было крохотное окошечко, чуть больше глазка, которое прикрывала решетка.

— Почему в тюрьмах всегда так воняет мочой? — спросил Ллойд просто для того, чтобы поддержать разговор. — Даже в тех местах, где нет камер, все равно воняет. Может, вы, ребята, ссыте по углам? — Он засмеялся от этой мысли, которую нашел очень забавной.

— Заткнись, убийца! — фыркнул сопливый охранник.

— Ты плоховато выглядишь, — посочувствовал ему Ллойд. — Тебе надо бы домой, в постель.

— Заткнись! — бросил второй.

Ллойд заткнулся. Так случалось всякий раз, когда он пытался заговорить с этими парнями. Личный опыт показывал, что тюремных охранников не обучали хорошим манерам.

— Привет, говнюк, — поздоровался с ним охранник у двери.

— Как поживаешь, урод? — Ллойд не привык лезть за словом в карман. Ничто так не бодрит, как небольшая перебранка. Всего два дня в тюрьме — и он уже начал ощущать, что впадает в прежнее состояние ступора.

— За это ты лишишься зуба, — сказал охранник у двери. — Ровно одного.

— Эй, послушай, ты не можешь...

— Могу. У нас есть парни, которые убьют свою дорогую мамочку за две пачки «Честерфилда», мешок с дерьмом. Хочешь недосчитаться двух зубов?

Ллойд ничего не ответил.

— Ну, тогда все в порядке, — кивнул охранник. — Ровно один зуб. Ведите его, парни.

---

* Мотылек — прозвище французского преступника Анри Шаррьера (1906—1973), по автобиографическому роману которого в 1973 г. был снят фильм.

Усмехаясь, сопливый охранник открыл дверь, а другой ввел Ллойда в комнату, где за металлическим столом сидел, просматривая бумаги, назначенный судом адвокат.

— Вот ваш клиент, адвокат.

Тот поднял голову. «Да у него молоко на губах не обсохло», — подумал Ллойд. Но что поделаешь? Нищим не до выбора. Они все равно держали его за яйца, и Ллойд полагал, что получит лет двадцать или около того: когда тебя прижали к стенке, остается только закрыть глаза и стиснуть зубы.

— Премного вам...

— Этот парень. — Ллойд указал на дверного охранника. — Он обозвал меня мешком с дерьмом. А когда я что-то ему ответил, сказал, что велит какому-то парню выбить мне зуб! Как насчет жестокого обращения с заключенными?

Адвокат провел рукой по лицу.

— Это правда? — спросил он у охранника.

Охранник у двери закатил глаза, словно говоря: *Боже мой, как вы могли в это поверить?*

— Этим ребятам, адвокат, надо писать сценарии для телика. Я сказал «привет», он сказал «привет», вот и все.

— Это гребаная ложь! — воскликнул Ллойд.

— У меня на этот счет свое мнение. — Охранник одарил Ллойда ледяным взглядом.

— Конечно же, — кивнул адвокат. — Но будьте уверены, перед уходом я пересчитаю зубы мистера Хенрида.

На лице охранника отразились недовольство и злость, он переглянулся с теми двумя, что привели Ллойда. Тот улыбнулся. Мальчишке-то, похоже, палец в рот не клади. Два прошлых раза суд назначал ему каких-то старикашек, так один явился с калоприемником, можете вы себе представить, с гребаным *калоприемником*! Старики плевать на него хотели. Никакой активной защиты — они исходили из этого принципа. Давайте побыстрее от него избавимся, чтобы вновь делиться с судьей всякими похабными историями. Но может, этот парень сумеет добиться для него только десяти лет, за вооруженное ограбление. Может, даже с учетом срока, проведенного за решеткой. В конце концов, он пришил только жену того парня в белом «Конни», а возможно, и ее удастся свалить на старину Тычка. Тычок возражать не будет. Ты-

чок мертв, как мамонт. Улыбка Ллойда стала чуть шире. Всегда надо искать светлую сторону. В этом вся фишка. Жизнь слишком коротка для чего-то другого.

Ллойд вдруг обнаружил, что охранник покинул комнату, оставив его наедине с адвокатом — Энди Девинсом, вспомнил Ллойд, — который как-то странно смотрел на своего подзащитного. Так смотрят на гремучую змею с перебитым хребтом, чей укус по-прежнему смертелен.

— Ты в полном дерьме, Сильвестр! — неожиданно воскликнул Девинс.

Ллойд подскочил.

— Что? Что значит — в полном дерьме? Кстати, я подумал, классно ты осадил этого толстяка. Он так разозлился, что мог грызть гвозди и выплевывать...

— Слушай меня, Сильвестр, и слушай внимательно.

— Меня зовут не...

— Ты даже представить не можешь, в какую попал передрягу, Сильвестр. — Девинс ни на мгновение не отрывал от Ллойда пристального взгляда. Говорил он мягко, но напористо. Светлые, коротко стриженные волосы напоминали пушок, сквозь который просвечивала розовая кожа. На безымянном пальце левой руки он носил простенькое обручальное кольцо, на безымянном пальце правой — затейливый перстень студенческого братства. Адвокат стукнул кольцом о перстень, и от этого странного звука Ллойд стиснул зубы. — Ты будешь осужден через девять дней, Сильвестр, в соответствии с решением Верховного суда, принятым четырьмя годами ранее.

— Каким таким решением? — Ллойд чувствовал себя все более неуютно.

— По делу Маркэма против Южной Каролины, — ответил адвокат. — В нем определены условия, при которых отдельный штат может вершить быстрое правосудие в тех случаях, когда обвинение требует смертной казни.

— *Смертной казни!* — в ужасе завопил Ллойд. — Ты про лектрический стул? Эй, чел, я никогда никого не убивал! Богом клянусь!

— В глазах закона это значения не имеет, — ответил Девинс. — Раз ты там был, стало быть, ты это сделал.

— Как так не имеет *значения*? — Ллойд почти кричал. — Это имеет значение! Это *должно*, твою мать, иметь значение! Не я прикончил всех этих людей, а Тычок! Он был чокнутый! Он...

— Заткнешься, Сильвестр? — полюбопытствовал Девинс своим мягким напористым голосом, и Ллойд заткнулся. Он так испугался, что забыл и о приветствиях в крыле строгого режима, и даже о перспективе лишиться зуба. Внезапно представил себе, как птичка Твити* разбирается с котом Сильвестром. Только в его воображении птичка не охаживала это тупое создание колотушкой по голове и не подставляла ему под лапу мышеловку. Ллойд увидел, как стянутый ремнями Сильвестр сидит на «старой замыкалке», а кенарь устроился на табуретке рядом с большим рубильником. Он даже смог различить фуражку охранника на маленькой желтой головке Твити.

И ничего забавного в этом не было.

Возможно, эти мысли отразились на лице Ллойда, потому что Девинс теперь выглядел гораздо более довольным. Впервые с момента их встречи. Он сложил руки на стопке бумаг, которые достал из портфеля.

— Нет такого понятия, как соучастие, когда речь идет об убийстве первой степени при совершении уголовного преступления, — продолжил Девинс. — У штата есть три свидетеля, которые подтвердят, что ты и Эндрю Фриман были вместе. Этого вполне достаточно, чтобы твой костлявый зад хорошенько прожарился. Понимаешь?

— Я...

— Хорошо. Теперь вернемся к делу «Маркэм против Южной Каролины». В двух словах я объясню, как тот вердикт применим к твоему случаю. Но сначала я напомню тебе о том, что ты, без сомнения, изучал в девятом классе: Конституция Соединенных Штатов запрещает жестокие и необычные способы наказания.

— Вроде этого гребаного лектрического стула, совершенно верно! — воскликнул Ллойд, охваченный праведным гневом.

Девинс качал головой.

— Тут закон не давал определенного толкования, — ответил он, — и вплоть до того дела четырехлетней давности суды так и

---

* Твити — желтый кенарь, популярный персонаж американских мультсериалов.

сяк переворачивали эту статью. Являются ли электрический стул и газовая камера «жестокими и необычными способами наказания»? Или жестоким и необычным является период *ожидания* между вынесением приговора и приведением его в исполнение? Апелляции, задержки, отсрочки — некоторым осужденным, в том числе Эдгару Смиту, Кейрилу Чесману и Теду Банди, приходилось проводить в камерах смертников месяцы и годы. В конце семидесятых Верховный суд разрешил приводить приговоры в исполнение, но тюремные корпуса, где находятся камеры смертников, оставались переполненными, а главный вопрос о жестоком и необычном наказании оставался без ответа. Итак, в деле «Маркэм против Южной Каролины» человека приговорили к казни на электрическом стуле за изнасилование и убийство трех студенток колледжа. Предумышленность преступления доказывал дневник Джона Маркэма. Суд присяжных признал его виновным и заслуживающим смерти.

— Хреновое дело, — прошептал Ллойд.

Девинс кивнул и одарил Ллойда кислой улыбкой.

— Дело прошло весь путь до Верховного суда, который подтвердил, что в ряде случаев смертная казнь не является жестоким или необычным способом наказания. Суд высказал мнение, что чем быстрее приговор приводится в исполнение, тем лучше... с точки зрения закона. Начинаешь усекать, Сильвестр? Начинаешь понимать, в чем дело?

Ллойд не понимал.

— Знаешь, почему тебя судят в Аризоне, а не в Нью-Мексико или Неваде?

Ллойд покачал головой.

— Потому что Аризона является одним из четырех штатов, где существует Выездной суд по особо тяжким преступлениям. Его созывают только в тех случаях, когда выдвинуто и утверждено требование смертной казни.

— Ничего не понимаю.

— Суд начнется через четыре дня, — продолжил Девинс. — Обвинение настолько уверено в успехе, что может позволить себе включить в число присяжных первых двенадцать мужчин и женщин по списку. Я буду тянуть время, сколько могу, но уже в первый день жюри присяжных будет сформировано и приведено к присяге. Во второй день прокурор огласит обвинение. Я постара-

юсь занять три дня, буду растягивать вступительное и заключительное слово, пока судья не остановит меня, но три дня — это максимум. И нам повезет, если мы этого добьемся. Присяжные удалятся на совещание и признают тебя виновным за три минуты, если не произойдет чуда. Через девять дней, начиная с сегодняшнего, тебе вынесут смертный приговор, а неделей позже ты будешь мертв, как кусок собачьего дерьма. Аризонцам это понравится, и Верховному суду тоже. Потому что чем быстрее, тем лучше для всех. Я смогу растянуть эту неделю... возможно... но на самую малость.

— Боже мой, но ведь это несправедливо! — вскричал Ллойд.

— Это жестокий мир, Ллойд, — вздохнул Девинс. — Особенно для «бешеных псов-убийц» — так называют тебя и твоего дружка журналисты и телекомментаторы. В преступном мире ты большая шишка. Ну и натворил ты дел! Из-за тебя даже эпидемия гриппа передвинулась на вторую полосу.

— Я никого не мочил, — хмуро возразил Ллойд. — Тычок, это все он.

— Всем до лампочки, — покачал головой Девинс. — Вот что я пытаюсь вбить в твою тупую башку, Сильвестр. Судья тут же утвердит решение присяжных и огласит приговор. Я подам апелляцию, но по новым правилам Выездной суд должен разобраться с ней в течение семи дней, или дело будет закрыто. Если они решат не рассматривать апелляцию, у меня будет еще неделя, чтобы подать петицию в Верховный суд Соединенных Штатов. В твоем случае я буду тянуть с подачей документов насколько возможно. Но Выездной суд скорее всего согласится заслушать нашу апелляцию. Система еще новая, и они попытаются избежать малейшей критики. Наверное, они заслушали бы и апелляцию Джека Потрошителя.

— Сколько им понадобится времени? — пробормотал Ллойд.

— Они управятся в два счета, — ответил Девинс, и в его улыбке появилось что-то волчье. — Видишь ли, в состав Выездного суда входят пять отставных аризонских судей. Все их дела — рыбачить, играть в покер, пить выдержанный бурбон и дожидаться, пока какой-нибудь кусок дерьма вроде тебя не появится в зале заседаний, который представляет собой несколько компьютерных модемов, подключенных к законодательному собранию, офису губернатора и друг к другу. Телефоны, оборудованные модемами,

установлены в их автомобилях, загородных коттеджах, даже на их яхтах, не говоря уже про дома. Их средний возраст — семьдесят два года...

Ллойд поморщился.

— ...а это означает, что некоторые из них настолько старые, что действительно побывали в самом захолустье, если не судьями, то адвокатами и студентами. И все они верят в кодекс Запада — быстрый суд и петлю на шею. Так здесь и судили примерно до тысяча девятьсот пятидесятого года. Когда дело доходило до виновных в нескольких убийствах, исход мог быть только *один*.

— Господь Всемогущий, тебе обязательно все это рассказывать?

— Ты должен знать, что нам противостоит, — ответил Девинс. — Они всего лишь захотят убедиться, что к тебе не будет применено необычное и жестокое наказание, Ллойд. Тебе бы надо сказать им спасибо.

— Им — *спасибо*? Да я бы скорее...

— Замочил их? — спокойно спросил Девинс.

— Нет, разумеется, — не очень уверенно ответил Ллойд.

— Наше ходатайство о новом рассмотрении будет отклонено, и все мои отводы быстро снимут. Если повезет, суд предложит мне пригласить свидетелей. Если нам дадут такую возможность, я вызову всех, кто давал показания на первоначальном суде, плюс всех, кого смогу придумать. Даже твоих школьных дружков, чтобы они рассказали нам о твоем характере, если смогу их отыскать.

— Я бросил школу в шестом классе, — промямлил Ллойд.

— После того как Выездной суд отклонит нашу апелляцию, я обращусь в Верховный суд. Полагаю, что они отклонят мое обращение в тот же день.

Девинс сделал паузу и закурил.

— А что потом? — спросил Ллойд.

— Потом? — На лице Девинса отразились удивление и раздражение, вызванные непробиваемой тупостью Ллойда. — Потом ты отправишься в камеру смертников в тюрьме штата и будешь наслаждаться прекрасной едой до тех пор, пока не настанет время прокатиться на молнии. Ожидание не затянется.

— Они не могут так поступить, — покачал головой Ллойд. — Ты просто пытаешься запугать меня.

— Ллойд, четыре штата, в которых существуют Выездные суды по особо тяжким преступлениям, поступают так всегда. К настоящему моменту сорок мужчин и женщин казнили в соответствии с прецедентом по делу Маркэма. Лишний суд обходится налогоплательщикам в некоторую сумму, но она не слишком велика, так как Выездной суд рассматривает лишь крохотный процент от общего числа процессов по убийствам первой степени. Кроме того, налогоплательщики ничего не имеют против того, чтобы раскошелиться на смертную казнь. Она им *нравится*.

Ллойд выглядел так, будто его сейчас вырвет.

— Кроме того, окружной прокурор использует прецедент Маркэма только в тех случаях, когда вина подсудимого не вызывает ни малейших сомнений. Пса с куриными перьями на морде так судить не будут. Для этого его должны поймать в курятнике, как тебя.

Четверть часа тому назад Ллойд купался в лучах славы, проходя по крылу строгого режима. Теперь же получалось, что по прошествии нескольких жалких недель его поглотит черная дыра.

— Испугался, Сильвестр? — чуть ли не дружелюбно спросил его Девинс.

Ллойду пришлось облизнуть губы, прежде чем он смог ответить:

— Господи, да, испугаешься тут. По-твоему выходит, что я уже мертвый.

— Мертвый ты мне не нужен, — усмехнулся Девинс, — только испуганный. Если ты войдешь в зал суда самодовольной походкой и с глупой ухмылкой на роже, тебя немедленно прикрутят ремнями к электрическому стулу и врубят ток. Станешь сорок первым. Но если будешь слушать меня, то, может быть, мы прорвемся. Я ничего не гарантирую, однако слабая надежда есть.

— Продолжай.

— Нам надо рассчитывать на присяжных, — пояснил Девинс. — Двенадцать обычных болванов с улицы. Хорошо бы среди них оказалось побольше сорокадвухлетних дамочек, которые до сих пор могут пересказать «Винни-Пуха» от первой до последней строчки и хоронят домашних пташек во дворе своего дома. Очень бы хорошо. При отборе присяжных подробно информируют о последствиях вердикта по делу Маркэма. Им предстоит вынести смертный приговор, который будет приведен в исполнение

не через шесть месяцев или шесть лет, когда они уже давно про него забудут: человек, которого они приговорят к смерти в июне, отправится к праотцам до Матча всех звезд*.

— Умеешь ты нагнать страха.

— В некоторых случаях само знание об этом заставляло присяжных выносить вердикт о невиновности, — продолжал Девинс, пропустив слова Ллойда мимо ушей. — Это оборотная сторона прецедента Маркэма. В некоторых случаях присяжные оправдывали явных убийц только потому, что не хотели пачкать руки *такой* свежей кровью: — Он взял один лист из стопки. — Хотя сорок человек и казнили в соответствии с вердиктом по делу Маркэма, но прокуратура требовала вынесения обвинительного приговора по семидесяти таким делам. Из тридцати избежавших смерти двадцать шесть были признаны невиновными присяжными, и лишь четыре раза приговор отменял Выездной суд по особо тяжким преступлениям — один раз в Южной Каролине, два во Флориде и еще один в Алабаме.

— А в Аризоне?

— Ни разу. Я же тебе говорил. Кодекс Запада. Эти пятеро старичков хотят усадить тебя на сковородку. Если нам не удастся отстоять тебя перед присяжными, тебе крышка. Ставлю девяносто против одного.

— Сколько человек, дела которых рассматривались в соответствии с этим законом, присяжные признали невиновными в Аризоне?

— Двоих из четырнадцати.

— Выходит, шансы довольно дерьмовые.

Девинс обнажил зубы в волчьей улыбке.

— Следует отметить, что одного из этих двоих защищал твой покорный слуга. Он был виновен, как смертный грех, Ллойд. Совсем как ты. Судья Пешер двадцать минут орал на этих десятерых женщин и двоих мужчин. Я думал, его хватит удар.

— Если меня признают невиновным, они ведь не смогут судить меня снова, так?

— Никаких шансов.

— Так что попытка одна — либо все, либо ничего.

---

* Имеется в виду игра между лучшими игроками Национальной и Американской бейсбольных лиг, отобранными по результатам опросов болельщиков, игроков, тренеров и менеджеров команд. Проводится во второй вторник июля.

— Да.

— Черт!.. — Ллойд вытер лоб.

— Раз ты понял ситуацию, — кивнул Девинс, — и понял, что мы можем им противопоставить, то перейдем к делу.

— Я понял. Но мне это не нравится.

— Если б понравилось, я бы счел тебя чокнутым. — Девинс положил руки на стол, наклонился к Ллойду. — Значит, так. Ты сказал мне и полиции, что ты... э-э-э... — Он взял из стопки бумаг несколько листков, сцепленных степлером, просмотрел их. — Ага, вот оно: «Я никого не убивал. Всех убил Тычок. Это была его идея, а не моя. Тычок был чокнутый, и, по-моему, миру сильно повезло, что он подох».

— Да, так оно и есть. Ну и что? — опасливо спросил Ллойд.

— А вот что, — проворковал Девинс. — Из этого следует, что ты *боялся Тычка Фримана*. Ты его боялся?

— Ну, не то чтобы...

— Если на то пошло, ты боялся, что он тебя убьет.

— Не думаю...

— Боялся до ужаса. Поверь в это, Сильвестр. Просто срал кирпичами.

Ллойд нахмурился. Он напоминал старательного ученика, который никак не может ухватить смысл услышанного.

— Не позволяй мне направлять тебя, Ллойд, — покачал головой Девинс. — Я не хочу этого. Тебе может показаться, что я пытаюсь представить дело так, будто Тычок все время был под действием наркотиков...

— Но он действительно торчал! Мы *оба* торчали!

— Нет. *Ты не торчал, только он*. А обкурившись, он становился безумным...

— Истинная правда. — В памяти Ллойда призрак Тычка весело завопил: «Хоп! Хоп!» — и выстрелил в женщину, стоявшую у стеллажа в магазине в Бурраке.

— И он несколько раз наставлял на тебя пистолет...

— Нет, он никогда...

— Наставлял. Грозил, что убьет тебя, если ты не будешь ему помогать.

— Ну, у меня был автомат...

— Я уверен, — Девинс пристально смотрел на Ллойда, — что ты вспомнишь, если хорошенько пороешься в памяти, как Ты-

чок говорил тебе, что автомат заряжен холостыми. Вспоминаешь?

— Ну, когда ты об этом упомянул...

— И именно ты удивился больше всех на свете, когда он начал стрелять *настоящими* пулями, верно?

— Точно. — Ллойд энергично кивнул. — Меня чуть удар не хватил.

— И ты уже собирался направить автомат на Тычка Фримана, когда его пристрелили, избавив тебя от этой необходимости.

Ллойд посмотрел на адвоката с зарождающейся в глазах надеждой.

— Мистер Девинс, — голос Ллойда звучал очень искренне, — именно так все и было.

В то утро, только позже, Ллойд стоял во дворе для прогулок, наблюдал за игрой в софтбол и размышлял насчет того, что сказал Девинс, когда к нему подошел здоровяк заключенный по имени Мазерс и ухватил за воротник. Голову Мазерс брил наголо, как Телли Савалас, и она зловеще блестела в горячем воздухе пустыни.

— Подожди, подожди! — заверещал Ллойд. — Адвокат пересчитал все мои зубы. Их семнадцать. И если ты...

— Да, Шокли так и сказал, — кивнул Мазерс. — Поэтому он велел мне...

Колено Мазерса поднялось и врезалось в промежность Ллойда. Его пронзила ослепляющая боль, такая мучительная, что он не мог даже вскрикнуть. Ллойд рухнул на землю, держась за причинное место. Мир застлал красный туман агонии.

Через какое-то время — кто знал, сколько его утекло? — он смог посмотреть вверх. Мазерс по-прежнему не отрывал от него глаз, выбритая голова все так же блестела. Охранники таращились куда угодно, только не на них. Ллойд застонал и шевельнулся. По его щекам покатились слезы, нижнюю часть живота, казалось, залили расплавленным свинцом.

— Ничего личного, — совершенно искренне сказал Мазерс. — Только бизнес, ты понимаешь. Я надеюсь, ты вывернешься. Этот закон Маркэма — просто жуть.

Широкими шагами он отошел, и Ллойд увидел охранника, прежде стоявшего у двери, за которой сидел адвокат, а теперь —

возле поручня разгрузочной платформы на противоположной стороне двора для прогулок. Засунув большие пальцы за кожаный ремень, он широко улыбался, глядя на лежащего на земле Ллойда. А когда заметил, что Ллойд смотрит на него, поднял обе руки с оттопыренными средними пальцами. Мазерс подошел к платформе, и охранник бросил ему пачку сигарет «Тейритон». Мазерс положил пачку в нагрудный карман, отсалютовал и ушел. Ллойд по-прежнему лежал на земле, подтянув колени к груди, а в голове вертелись слова Девинса: «Это жестокий мир, Ллойд, это жестокий мир».

Чистая правда.

Глава 25

Ник Эндрос отдернул занавеску и выглянул на улицу. Отсюда, со второго этажа дома, который раньше принадлежал Джону Бейкеру, слева был виден деловой центр Шойо, а справа — шоссе 63, выходящее из города. Главная улица пустовала. Окна всех деловых заведений закрывали жалюзи. Посреди дороги сидела собака. Бока ее раздувались, белая пена капала с морды на раскаленную мостовую. В ливневой канаве лежал труп еще одной собаки.

Женщина за его спиной низко и протяжно застонала, но Ник ее не услышал. Он задернул занавеску, потер глаза, повернулся, а потом подошел к проснувшейся женщине. Джейн Бейкер лежала, заваленная одеялами, потому что пару часов назад ее начал бить озноб. Теперь по лицу женщины струился пот, она скинула одеяла, и Ник в смущении заметил, что в некоторых местах ее тонкая ночная рубашка насквозь промокла и стала прозрачной. Но Джейн его не видела, и он сомневался, что в данной ситуации ее частичная нагота имела какое-то значение. Она умирала.

— Джонни, принеси тазик. Я думаю, меня сейчас вырвет! — закричала она.

Он вытащил тазик из-под кровати и поставил рядом с Джейн, но она дернулась, и посудина упала на пол с глухим грохотом, которого Ник не услышал. Просто подобрал тазик и держал в руках, наблюдая за женщиной.

— Джонни! — вскрикнула она. — Не могу найти коробку с иголками и нитками! Ее нет в шкафу!

Ник налил стакан воды из кувшина, который стоял на прикроватной тумбочке, и поднес к ее губам, но Джейн вновь дернулась и едва не выбила стакан из его руки. Он поставил стакан на тумбочку, чтобы взять, когда она чуть успокоится.

Никогда еще ему не приходилось так горько сожалеть о своей немоте, как в последние два дня. Ник пришел в дом Бейкеров двадцать третьего июня, и Брейсман, методистский священник, сидел у Джейн. Читал с ней Библию в гостиной, но чувствовалось, что он нервничает и ему не терпится уйти. Ник понимал почему. Жар придал ее внешности какое-то розовое, девичье свечение, которое никак не вязалось с ее горем. Возможно, священник боялся, что она начнет к нему приставать. А скорее всего ему просто не терпелось забрать семью и уйти через поля. В маленьком городке новости распространялись быстро, и многие уже решили, что в Шойо им делать нечего.

После того как Брейсман ушел, примерно сорок восемь часов назад, все превратилось в какой-то кошмар наяву. Миссис Бейкер стало хуже, настолько хуже, что Ник испугался, как бы она не умерла еще до захода солнца.

К тому же он не мог быть с ней постоянно. Он сходил на стоянку для грузовиков и принес заключенным ленч, но Винс Хоган есть уже не мог. Только лежал в забытьи и бредил. Майк Чайлдресс и Билли Уорнер хотели, чтобы их выпустили, но Ник не мог заставить себя сделать это. Не потому, что боялся — едва ли они стали бы терять время, мстя за свои обиды. Они поспешили бы сбежать из Шойо вместе с остальными. Нет, ему мешало чувство ответственности. Он дал обещание человеку, который уже умер. Наверняка рано или поздно дорожная полиция штата взяла бы дело в свои руки и забрала их отсюда.

В нижнем ящике письменного стола Бейкера Ник нашел кобуру с револьвером сорок пятого калибра и после некоторого колебания надел ее на ремень. Глядя вниз, на рукоятку с деревянными боковинами, прижимающуюся к его костлявому бедру, он казался себе смешным, но тяжесть револьвера подбадривала.

Во второй половине дня двадцать третьего июня он вошел в камеру Винса и положил ему на лоб, грудь и шею по пакету со льдом. Винс открыл глаза и посмотрел на Ника с такой молчали-

вой и отчаянной просьбой о помощи, что Нику внезапно захотелось что-нибудь сказать ему — то же желание не отпускало его и теперь, двумя днями позже, с миссис Бейкер — слова, которые могли принести хотя бы секундное облегчение. Наверное, хватило бы: «Все будет хорошо». — или: «Я думаю, температура начинает спадать».

Пока он заботился о Винсе, Билли и Майк кричали на него. Когда он наклонялся над Винсом, это не имело значения, но всякий раз, поднимая голову, он видел их испуганные лица, губы, с которых, казалось, готовы были сорваться слова: «Пожалуйста, выпусти нас». Ник старался держаться подальше от них. Он прожил на свете достаточно долго, чтобы знать, что паника делает людей опасными.

В этот день он мотался взад-вперед по практически пустым улицам Шойо, всякий раз ожидая найти труп Винса Хогана в одной конечной точке своего маршрута или Джейн Бейкер в другой. Высматривал машину доктора Соумса, но она так и не появилась. Несколько магазинов по-прежнему работали, и заправочная станция «Тексако» тоже, однако Ник все более убеждался в том, что город пустеет. Люди уходили по лесным тропам и лесовозным дорогам, возможно, даже по руслу реки Шойо, которая протекала через Смакоувер, поднимаясь к городу Маунт-Холли. Ник не сомневался, что с наступлением темноты поток беженцев только увеличится.

Сразу же после захода солнца он пришел к Бейкерам и увидел, что Джейн, неловко передвигаясь по кухне в банном халате, заваривает чай. Она с благодарностью посмотрела на него, и он заметил, что жар у нее спал.

— Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты ухаживал за мной, — сказала она ровным, спокойным голосом. — Я чувствую себя гораздо лучше. Хочешь чашечку чая? — И расплакалась.

Он подошел в ней, опасаясь, что она может потерять сознание и упасть на горячую плиту.

Она взяла его за руку, чтобы устоять на ногах, и положила голову ему на грудь. Темные волосы падали на светло-синий халат.

— Джонни, — позвала она в сумрак кухни. — Бедный мой Джонни.

«Если б я только мог говорить», — тоскливо подумал Ник. Но он мог только покрепче обнять ее и подвести к столу.

Чай...

Он указал на себя и усадил ее на стул.

— Ладно, — кивнула она. — Мне действительно лучше. На удивление хорошо. Это просто... просто... — Она закрыла лицо руками.

Он налил горячего чая и поставил чашки на стол. Некоторое время они пили в молчании. Она держала чашку двумя руками, словно маленький ребенок. Наконец опустила ее на стол и спросила:

— Многие в городе больны, Ник?

Точно не знаю, написал он. *Но дела чертовски плохи.*

— Ты видел доктора?

Последний раз — утром.

— Эм выбьется из сил, если не будет осторожен, — покачала головой Джейн. — Но ведь он будет осторожен, правда, Ник? Не выбьется из сил?

Ник кивнул и попытался улыбнуться.

— А что с арестованными Джона? Дорожная полиция их забрала?

Нет, написал Ник. *Хоган очень болен. Я делаю что могу. Другие хотят, чтобы я их отпустил до того, как Хоган их заразит.*

— Не выпускай их! — воскликнула она. — Надеюсь, ты об этом не думаешь?

Нет, написал Ник, а мгновение спустя добавил: *Вам надо снова лечь в постель. Вам нужен отдых.*

Она улыбнулась ему. Ник заметил темные припухлости под ее нижней челюстью с обеих сторон подбородка и усомнился в том, что худшее для нее позади.

— Да. Просплю не меньше суток. Это, наверное, неправильно: я сплю, а Джон мертв... Мне просто не верится, знаешь ли. Постоянно приходится напоминать себе об этом. — Он сжал ее руку. Она чуть улыбнулась. — Со временем, может быть, появится что-то другое, ради чего стоит жить. Ты отнес арестованным ужин, Ник?

Ник покачал головой.

— Обязательно надо это сделать. Почему бы тебе не взять машину Джона?

Я не умею водить, написал Ник. *Спасибо. Я пройдусь до стоянки грузовиков. Это недалеко. Зайду к вам утром, если не возражаете.*

— Нет, — ответила она. — Прекрасно.

Он поднялся и строго указал на чашку с чаем.

— До последней капли, — пообещала она.

Он уже открывал сетчатую дверь, когда почувствовал осторожное прикосновение к рукаву.

— Джон... — Она замолчала. Потом заставила себя продолжить: — Я надеюсь... они отвезли его в морг Кертиса. Оттуда провожали в последний путь родителей Джона и моих. Думаешь, они его взяли?

Ник кивнул. По ее щекам покатились слезы, и она вновь зарыдала.

Из дома Бейкеров Ник прямиком отправился на стоянку грузовиков. Увидел в окне покосившуюся табличку «ЗАКРЫТО». Обошел кафе-закусочную. Позади стоял кемпер, запертый и темный. Никто не откликнулся на стук. Ник подумал, что в сложившихся обстоятельствах у него есть полное право взломать дверь в кафе — в копилке шерифа хватит денег, чтобы оплатить ущерб.

Он разбил стеклянную панель рядом с замком и отпер входную дверь. Помещение пугало даже с включенным светом: молчаливый и темный музыкальный автомат, бильярдный стол и игральные автоматы пустуют, за столами никого, гриль закрыт.

Ник прошел на кухню, поджарил на газовой плите несколько гамбургеров и положил их в мешок. К ним добавил бутылку молока и половину яблочного пирога, который стоял на прилавке под стеклянным колпаком. Потом пошел в тюрьму, оставив на прилавке записку, объясняющую, кто вломился в кафе и с какой целью.

Винс Хоган умер. Он лежал на полу камеры среди тающего льда и мокрых полотенец. Перед смертью Хоган расцарапал себе шею, словно сопротивляясь невидимому душителю. На кончиках его пальцев запеклась кровь. Над ним кружились мухи. Шея почернела и раздулась, как велосипедная камера, которую какой-то безголовый пацан накачал чуть ли не до предела.

— Ну а *теперь* ты нас выпустишь? — спросил Майк Чайлдресс. — Он умер. Ну что, гребаный выродок, ты доволен? Считаешь себя отомщенным? Он тоже заболел. — Майк указал на Билли Уорнера.

Билли перекосило от ужаса. На шее и на щеках горели яркие красные пятна. Рукав рубашки, которым он постоянно утирал нос, затвердел от соплей.

— Это ложь! — истерично закричал он. — Ложь, ложь, гнусная ложь! Это л... — Внезапно Уорнер начал чихать, согнувшись пополам, изо рта и носа полетели слюна и сопли.

— Видишь? — спросил Майк. — Ну что? Доволен, гребаный безмозглый выродок? Выпусти меня! Можешь оставить его, если тебе так хочется, но выпусти меня. Это же убийство, вот что это такое! Настоящее хладнокровное убийство!

Ник покачал головой, и Майк озверел. Начал биться о прутья, в кровь разбил лицо, ободрал костяшки пальцев на обеих руках. Смотрел на Ника выпученными глазами, колотясь лбом о решетку.

Ник подождал, пока тот не устанет, а потом с помощью швабры пропихнул подносы с едой в зазоры под решетчатыми дверями. Билли Уорнер некоторое время тупо смотрел на него, затем начал есть.

Майк разбил стакан молока о решетку. Осколки и брызги полетели в разные стороны. Оба своих гамбургера он швырнул в покрытую надписями и рисунками заднюю стену камеры. Один прилип к стене в окружении брызг горчицы, кетчупа и приправы, гротескно веселый, будто картина Джексона Поллока. Затем Майк принялся яростно топтать кусок яблочного пирога. Его ошметки заляпали пол. Белая пластиковая тарелка треснула.

— Голодовка протеста! — завопил он. — Я объявляю гребаную голодовку протеста! Скорее ты съешь мой член, чем я съем что-нибудь из твоих подачек, гребаный глухонемой придурковатый говнюк! Ты у меня...

Ник отвернулся, и немедленно воцарилась тишина. Он пошел в кабинет Бейкера, испуганный, не зная, что делать. Если бы он умел водить машину, то сам отвез бы их в Камден. Но он не умел. Плюс Винс. Нельзя же оставлять его на полу на поживу мухам.

В кабинете были еще две двери. За одной оказался встроенный шкаф для одежды, за другой — ведущая вниз лестница. Ник спустился по ней и очутился в подвальном помещении, которое использовалось под склад. Там царила прохлада. Ник решил, что подвал вполне может стать моргом, во всяком случае, на какое-то время.

Он поднялся наверх. Майк сидел на полу. Подбирал с пола кусочки яблока, очищал и отправлял в рот. На Ника он и не посмотрел.

Ник подхватил Винса под руки и попытался поднять. Исходивший от трупа тошнотворный запах чуть не вывернул его желудок наизнанку. Винс оказался слишком тяжелым. Несколько секунд он беспомощно смотрел на труп, отдавая себе отчет в том, что другие двое стоят у решетчатых дверей камер и, как зачарованные, не сводят с него глаз. Ник мог догадаться, о чем они думают. Винс был одним из них, плаксивым треплом, это да, но все равно одним из них. И умер, как крыса в западне, от какой-то ужасной болезни, которой они не понимали. Уже не в первый раз за этот день Ник задался вопросом, когда же и он начнет чихать, почувствует, что у него поднялась температура и начали распухать подчелюстные железы.

Он взялся за накачанные бицепсы Винса Хогана и потащил его из камеры. Голова покойника запрокинулась, и он вроде бы смотрел на Ника, просил быть с ним поаккуратнее, не трясти так сильно.

Ему потребовалось десять минут, чтобы спустить тяжелое тело Винса по крутой лестнице. Тяжело дыша, Ник уложил его на бетонный пол и накрыл потрепанным армейским одеялом, которое взял с камерной койки.

Потом он попытался уснуть, но удалось ему это лишь после полуночи, когда двадцать третье июня уже сменилось двадцать четвертым, то есть вчерашним днем. Ему всегда снились очень яркие сны, и иногда он их боялся. Совсем уж кошмарные сны он видел редко, но в последнее время они все чаще и чаще становились зловещими, и у него возникало ощущение, что они несут в себе какой-то тайный, скрытый смысл. Нормальный мир потихоньку превращался в некое место, где грудных детей приносили в жертву за закрытыми дверьми и огромные черные машины ревели и ревели в запертых подвалах.

И разумеется, Ника мучил жуткий вопрос: вдруг он сам проснется больным?

Спал он мало, а приснившийся ему сон уже видел, причем недавно: кукурузное поле, теплый запах растений, ощущение того, что совсем рядом — что-то (или кто-то) очень доброе и безопасное. Ощущение *близости дома*. Которое начало уступать место ле-

денящему ужасу, когда он осознал: нечто затаилось на кукурузном поле и следит за ним. Он подумал: «Мама, ласка забралась в курятник!» — и проснулся в свете раннего утра, обливаясь потом.

Он поставил кофе и пошел проверить двух своих подопечных.

Лицо Майка Чайлдресса блестело от слез. За его спиной по-прежнему висел прилепившийся к стене гамбургер.

— Теперь-то ты доволен? Я тоже заразился. Разве не этого ты хотел? Разве это не месть? Послушай, я дышу, как гребаный товарняк на подъеме!

Но Ника в первую очередь интересовал Билли Уорнер, который лежал без сознания. Шея его распухла и почернела. Грудь судорожно вздымалась.

Он поспешил в кабинет, посмотрел на телефонный аппарат и в приступе ярости и вины скинул его со стола на пол, где он и остался лежать на конце своего шнура. Ник выключил плитку и побежал к Бейкерам. Жал на кнопку звонка, как ему показалось, целый час, прежде чем Джейн открыла дверь. Раскрасневшееся от температуры лицо блестело от пота. Она не бредила, но говорила медленно и нечетко. Ее губы покрывали волдыри.

— Ник. Входи. Что случилось?

Ник написал: *В. Хоган умер прошлым вечером. Кажется, Уорнер умирает. Он очень тяжело болен. Видели ли вы доктора Соумса?*

Она покачала головой, чихнула и пошатнулась. Ник обнял ее за плечи и подвел к стулу. Он снова написал: *Не могли бы вы позвонить ему от моего имени?*

— Да, конечно. Принеси мне телефон, Ник. Кажется... ночью болезнь вернулась.

Он принес телефон, и Джейн набрала номер Соумса. После того как она более тридцати секунд прижимала трубку к уху, не шевельнув губами, Ник понял, что ответа не будет.

После звонка Соумсу она позвонила его медсестре. Там тоже не отвечали.

— Попробую позвонить в дорожную полицию, — сказала Джейн, но ей пришлось положить трубку уже после первой цифры. — Похоже, междугородняя связь по-прежнему не работает. После единицы сразу идут гудки. — Она слабо улыбнулась ему, и слезы беспомощно потекли по ее щекам. — Бедный Ник. Бедная

я. Бедные все. Помоги мне подняться наверх, пожалуйста. Я очень ослабела и задыхаюсь. Похоже, скоро мы с Джоном опять будем вместе. — Он смотрел на нее и вновь жалел о собственной немоте. — Думаю, я прилягу, если ты поможешь мне.

Он довел ее до спальни, а потом написал: *Я вернусь.*

— Спасибо, Ник. Ты хороший мальчик... — Она уже проваливалась в сон.

Ник вышел из дома и остановился на тротуаре, не зная, что же дальше. Если бы он умел водить машину, возможно, ему удалось бы что-нибудь сделать. Но...

На лужайке перед домом на противоположной стороне улицы он увидел детский велосипед. Подошел к нему, посмотрел на дом с зашторенными окнами (так выглядели дома и в его сумбурных снах), направился к двери, постучал. Ему не открыли, хотя стучал он несколько раз.

Ник вернулся к велосипеду. Маленькому, но не настолько, чтобы он не мог на нем ехать. Конечно, это будет выглядеть смешно, но Ник сомневался, что в Шойо к этому времени кто-нибудь остался... а если и остался, им сейчас определенно не до смеха.

Он сел на велосипед и неуклюже покатил по главной улице, мимо тюрьмы, потом на восток по шоссе 63, к тому месту, где Джо Рекман видел солдат, одетых дорожными рабочими. Если они по-прежнему там и действительно солдаты, Ник считал себя вправе перепоручить им охрану Билли Уорнера и Майка Чайлдресса. Разумеется, только в том случае, если Билли все еще жив. Раз уж эти люди ввели в Шойо карантин, то должны заботиться о местных больных.

Путь занял у него около часа. Велосипед мотало из стороны в сторону, Ник то и дело пересекал центральную разделительную линию, стукаясь коленями о руль. Но, добравшись до места проведения дорожных работ, он не обнаружил ни солдат, ни рабочих, кем бы они ни были. На дороге стояли несколько бочек, над одной даже вился дымок, и пара оранжевых барьеров, по форме напоминающих козлы для пилки дров. Дорогу перекопали, но Нику показалось, что по ней вполне можно проехать, если не слишком трепетно относиться к подвеске своего автомобиля.

Краем глаза Ник уловил движение чего-то черного, и в тот же миг легкое дуновение ветерка донесло до его ноздрей густой, тошнотворный запах разложения. Черное облачко мух непрерывно

шевелилось, постоянно меняя форму. Ник подкатил велосипед к кювету на дальней стороне дороги. В нем, рядом с новенькой, сверкающей рифленой водопропускной трубой, лежали тела четырех человек. Их шеи и распухшие лица почернели. Ник не знал, солдаты это или нет, но ближе подходить не стал. Он говорил себе, что здесь нечего бояться, что они мертвы, а мертвые, как известно, не кусаются, но им овладела паника, и он бешено закрутил педали. На окраине города налетел на камень и разбил велосипед. Сам перелетел через руль, ушиб голову и содрал в кровь руки. Лишь мгновение помедлил, лежа посреди дороги. Его била дрожь.

Следующие полтора часа Ник стучал в двери и нажимал на кнопки звонков. Убеждал себя, что найдет кого-нибудь здорового. Сам он чувствовал себя прекрасно и, конечно же, не мог быть единственным, кто не заразился этой дрянью. Он не сомневался, что отыщет кого-нибудь — мужчину, женщину, даже подростка с ученическим водительским удостоверением — и услышит от него или от нее: *Да, конечно. Давай отвезем их в Камден. Для этого лучше всего подойдет универсал.* Или что-нибудь в этом роде.

Но на его стуки и звонки ответили меньше десятка раз. Дверь открывалась на длину цепочки, и в проеме возникало больное, но исполненное надежды лицо. Правда, при виде Ника надежда умирала. Лицо двигалось из стороны в сторону, отказывая Нику в его просьбе, и дверь закрывалась. Если бы Ник мог говорить, то попытался бы переубедить их, сказал бы, что им по силам вести машину, раз уж они могут ходить. А если они отвезут арестованных в Камден, то и сами смогут попасть в больницу, где их вылечат. Но говорить он не мог.

Некоторые спрашивали о докторе Соумсе. Один мужчина в горячечной ярости широко распахнул дверь своего маленького домика, вывалился на крыльцо в одних трусах и попытался схватить Ника. Крикнул, что собирается сделать с ним то, «что следовало сделать в Хьюстоне». Кажется, принял Ника за какого-то Дженнера. Он гонялся за Ником по крыльцу, как зомби из третьесортного фильма ужасов. Его пах ужасно распух. Казалось, кто-то засунул ему в трусы мускатную дыню. В конце концов мужчина грохнулся на крыльцо, и Ник наблюдал за ним с лужайки, с

гулко бьющимся сердцем. Мужчина потряс кулаком, потом уполз в дом, не потрудившись закрыть дверь.

Но в большинстве домов вообще никто не откликался, и в итоге Ник уже не мог заставить себя подойти к еще хотя бы одному дому. Зловещие предчувствия из сна стали явью, и он не мог избавиться от мысли, что стучит в двери гробниц, стучит, чтобы разбудить мертвых, и рано или поздно трупы начнут откликаться. Он, конечно, пытался убедить себя, что большинство домов пустует, поскольку их обитатели уехали в Камден, Эльдорадо или Техаркану, — но не получалось.

Он вернулся в дом Бейкеров. Джейн Бейкер крепко спала. Ник пощупал ее лоб — прохладный, — но на этот раз его это не особенно обнадежило.

Наступил полдень. Он снова пошел на стоянку грузовиков, чувствуя, что практически бессонная ночь дает о себе знать. Тело гудело от боли после падения с велосипеда. Бейкеровский револьвер сорок пятого калибра колотился о бедро. В кафе-закусочной он разогрел две банки супа и перелил в кружки-термосы. Молоко в холодильнике, похоже, еще не успело скиснуть, так что он прихватил бутылку.

Билли Уорнер уже умер, а Майк, увидев Ника, начал истерически смеяться, тыча в него пальцем:

— Двоим хана, а третий на подходе! Двоим хана, а третий на подходе! Месть свершается! Так? Так?

Рукояткой швабры Ник осторожно пропихнул под решетчатую дверь кружку-термос с супом, потом большой стакан молока. Мелкими глотками Майк стал пить суп прямо из кружки. Ник взял свою и сел на пол в коридоре. Решил, что сначала поест, а уж потом оттащит Билли вниз. Он проголодался. Пока ел суп, задумчиво смотрел на Майка.

— Интересуешься моим самочувствием? — спросил Майк.

Ник кивнул.

— Точно так же, как утром, когда ты ушел. Я выхаркал целый фунт мокроты. — Он с надеждой посмотрел на Ника. — Моя мама всегда говорила: если мокрота так отходит, ты идешь на поправку. Может, у меня легкий случай, а? Как думаешь, это возможно?

Ник пожал плечами. Все возможно.

— Здоровье у меня богатырское. Я думаю, это ерунда. Я думаю, что поправлюсь. Послушай, чел, выпусти меня. Пожалуйста. Я, твою мать, умоляю тебя.

Ник задумался.

— Черт, у тебя же есть пушка. Но ты мне все равно не нужен. Я просто хочу выбраться из этого города. Сначала узнаю, как там моя жена...

Ник указал на левую руку Майка, без кольца.

— Да, мы развелись, но она живет в городе, на Ридж-роуд. Я хочу к ней заскочить. Что скажешь, чел? — Майк плакал. — Дай мне шанс. Не оставляй меня в этой крысоловке.

Ник медленно поднялся, вернулся в кабинет и открыл ящик стола, в котором лежали ключи. Логику Майка он опровергнуть не мог: не имело смысла рассчитывать, что кто-нибудь наконец заявится сюда, чтобы забрать арестованного. Он взял ключи и пошел обратно. Поднял нужный ключ с белой биркой, который показывал ему Большой Джон Бейкер, и бросил всю связку сквозь решетку Майку Чайлдрессу.

— Спасибо, — забормотал Майк. — Спасибо. Прости, что избили тебя. Клянусь Богом, это все Рэй придумал. Мы с Винсом пытались его отговорить, но у него, когда напьется, крыша едет... — Ключ повернулся в замке. Ник отступил и положил руку на рукоять револьвера.

Дверь камеры распахнулась, и Майк вышел.

— Я не отказываюсь от своих слов. Все, что мне нужно, — это выбраться из города. — Он рванул к кабинету шерифа. Ник последовал за ним и успел заметить, как закрывается входная дверь.

Выйдя на улицу, он увидел, что Майк стоит на тротуаре, положив руку на парковочный счетчик, и смотрит на пустынную улицу.

— Боже мой, — прошептал он и обернулся к Нику. — Вот оно как? Вот оно как?

Ник кивнул, все еще держа руку на рукоятке револьвера.

Майк начал говорить что-то еще, но слова растворились в приступе кашля. Он прикрыл рот рукой, а потом вытер губы.

— Я отсюда сматываюсь, — наконец сказал он. — Если у тебя хватит ума, немой, ты последуешь моему примеру. Это ж чисто черная смерть или что-то в этом роде.

Ник пожал плечами, и Майк зашагал по тротуару. Все быстрее и быстрее, чуть ли не бегом. Ник смотрел ему вслед, пока тот не скрылся из виду, а потом вернулся в участок. Больше он Майка не видел. На сердце у него полегчало, внезапно появилась уверенность, что он поступил правильно. Ник лег на койку и почти сразу провалился в сон.

Спал он чуть ли не до вечера, на койке без одеяла, проснулся потный, но отдохнувший. Над холмами бушевала гроза — он не мог слышать гром, но видел бело-голубые вилы молний, втыкавшиеся в землю. До Шойо в тот вечер гроза так и не добралась.

В сумерках он прошелся по главной улице до магазина «Радиоприемники и телевизоры» и вновь взломал замок. Оставил на кассовом аппарате записку и унес в участок портативный телевизор «Сони». Включил его и принялся переключать каналы. На Си-би-эс увидел заставку: «ПРОБЛЕМЫ С ТРАНСЛЯЦИЕЙ В МИКРОВОЛНОВОМ ДИАПАЗОНЕ. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ПЕРЕКЛЮЧАЙТЕСЬ». На Эй-би-си показывали «Я люблю Люси». На Эн-би-си оставили заявленный сериал — о нахальной девице, которая пыталась устроиться механиком в сеть автосалонов, — но серию показывали старую. Независимая телевизионная станция Техарканы, специализирующаяся на старых фильмах, телевикторинах и религиозных программах вроде Джека ван Импа, в эфир не вышла.

Ник выключил телевизор, направился в кафе-закусочную на стоянке грузовиков и приготовил суп и сандвичи для двух человек. Он находил что-то жуткое в том, что уличные фонари зажглись, как и всегда, по обеим сторонам главной улицы, пятная ее кругами белого света. Ник положил еду в корзину с крышкой, и по пути к дому Бейкеров на него напала стая из трех или четырех собак, по-видимому, брошенных и некормленых, которых привлек запах пищи. Ник вытащил револьвер, но не мог заставить себя пустить оружие в ход, пока одна из собак чуть не укусила его. Тогда он нажал на спусковой крючок, и пуля отскочила от бетона в пяти футах от него, оставив серебристый свинцовый след. Звука он, естественно, не услышал, но почувствовал отдачу. Собаки разбежались в разные стороны.

Джейн спала. Ее лоб и щеки пылали, дышала она медленно и с трудом. Нику показалось, что она сильно осунулась. Он смочил

полотенце холодной водой и вытер ее лицо. Оставил еду на прикроватном столике, спустился в гостиную и включил телевизор, цветной, с большим экраном.

На Си-би-эс так и не устранили проблемы с трансляцией, на Эн-би-си сетку вещания не меняли, а на Эй-би-си изображение то и дело пропадало, вдруг становилось четким — и тут же расползалось из-за помех. И транслировали на Эй-би-си только старые программы, приобретенные у других компаний, словно доступ к своим им перекрыли. Значения это не имело. Ник ждал только одного — выпуска новостей.

Наконец пошли новости, ошарашившие Ника. «Эпидемия "супергриппа"», конечно же, стала центральным событием, но ведущие на обоих каналах утверждали, что ситуация взята под контроль. В Противоэпидемическом центре Атланты разработана вакцина, и уже в начале следующей недели каждый сможет прийти к своему доктору на прививку. Серьезные вспышки заболевания отмечены в Нью-Йорке, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе, но все они локализированы. В некоторых районах, сообщил ведущий, временно запрещены публичные собрания.

«В Шойо, — подумал Ник, — запретили целый город. Кто кого пытается обмануть?»

В заключение ведущий сообщил, что поездки в большинство крупных городов по-прежнему ограничены, но ограничения будут сняты, как только вакцину развезут по стране. Затем он перешел к авиационной катастрофе в Мичигане и о реакции некоторых конгрессменов на последнее постановление Верховного суда по правам гомосексуалистов.

Ник выключил телевизор и вышел на крыльцо дома Бейкеров. Сел на стоявший там диван-качалку. Движение взад-вперед успокаивало, а ржавого скрипа — Джон Бейкер все время забывал смазывать подвижные части — Ник не слышал. Он наблюдал за светлячками, неровными стежками прошивавшими темноту. Иной раз облака на горизонте изнутри подсвечивала молния, и тогда казалось, будто в них тоже поселились светляки, огромные, как динозавры. Липкая ночь навалилась на Ника.

Для него телевидение служило исключительно источником визуальной информации, и во время выпуска новостей он обратил внимание на подробности, которые вполне могли ускользнуть от других зрителей. Полностью отсутствовали репортажи с мест.

Не сообщались результаты бейсбольных матчей, возможно, потому, что ни одного матча и не состоялось. Расплывчатая сводка погоды без карты с зонами повышенного и пониженного давления смотрелась так, будто Метеорологическая служба Соединенных Штатов закрывала лавочку. И исходя из личного опыта Ник полагал, что это соответствует действительности.

Оба ведущих выглядели нервными и расстроенными. Одного донимала простуда. Однажды он кашлянул в микрофон и извинился. Оба то и дело отводили взгляд от объектива камеры, смотрели то вправо, то влево... словно в студии находились какие-то люди, следившие, чтобы с экрана не прозвучало ничего лишнего.

Ту ночь, двадцать четвертого июня, Ник провел на переднем крыльце дома Бейкеров, и сны ему снились очень плохие. А теперь, во второй половине следующего дня, он присутствовал при последних минутах жизни Джейн Бейкер, этой прекрасной женщины... и не мог сказать ни слова утешения.

Она держала его за руку. Ник смотрел на ее бледное, осунувшееся лицо. Кожа стала сухой, весь пот испарился. Но его это не обнадеживало. Она уходила. Он уже научился различать это состояние.

— Ник. — Она улыбнулась. — Хочу снова поблагодарить тебя. Никому не хочется умереть в одиночку, так ведь?

Он яростно потряс головой, и она поняла, что он не соглашался с ней, а хотел, чтобы она жила и жила.

— Да, я умираю, — спокойно возразила Джейн. — Но это не важно. В том шкафу висит платье, Ник. Белое. Ты узнаешь его по... — Приступ кашля не дал ей договорить. Справившись с ним, она закончила предложение: — ...по кружевам. В этом платье я садилась в поезд, когда мы отправились в свадебное путешествие. Оно и сейчас мне подходит... или подходило. Наверное, теперь будет великовато — я немного похудела, — но это не имеет значения. Мне оно всегда нравилось. Мы с Джоном ездили на озеро Поншартрен. Там я провела две самые счастливые недели в моей жизни. С Джоном мне всегда было хорошо. Ты запомнишь про платье, Ник? Я хочу, чтобы меня похоронили в нем. Ты сможешь... переодеть меня? Тебя это не смутит?

Он шумно сглотнул и покачал головой, глядя на покрывало. Должно быть, она почувствовала его печаль и неловкость, пото-

му что о платье больше не упоминала. Легко, почти кокетливо заговорила о другом. Как победила на конкурсе чтецов в старшей школе и поехала на финальный этап в Арканзас, и как нижняя юбка свалилась с нее и упала ей на туфли как раз в тот момент, когда она добралась до кульминационного момента в «Демонелюбовнике» Ширли Джексон. Как ее сестра поехала во Вьетнам в составе баптистской церковной миссии и вернулась не с одним или двумя, а с тремя приемными детьми: Как три года назад они отправились с Джоном в туристический поход, и лось, пребывавший в дурном настроении в отсутствие самки, загнал их на дерево и продержал там целый день.

— Мы сидели на ветвях и ворковали, как школьники на балконе, — сонно говорила она. — Господи, он так распалился к тому моменту, как мы спустились вниз. Он... мы... любили друг друга... очень любили... миром движет любовь, я всегда так думала... это единственное, что позволяет людям стоять в мире, где гравитация всегда стремится сбить их с ног... уложить на землю... заставить ползать... мы... очень любили друг друга...

Наконец она заснула и спала, пока сон не прервался новой вспышкой бреда — Ник разбудил ее, то ли отдернув занавеску, то ли наступив на скрипучую половицу.

— *Джон!* — придушенно закричала она — в горле клокотала мокрота. — *Ох, Джон, я не могу справиться с этим чертовым рычагом! Джон, ты должен мне помочь! Ты должен мне...*

Слова перешли в долгий приступ хриплого кашля. Ник не слышал ни звука, но все чувствовал. Из одной ноздри потекла тоненькая струйка темной крови. Джейн упала на подушку, и ее голова дернулась из стороны в сторону, раз, другой, третий, словно она принимала какое-то жизненно важное решение и с чем-то не соглашалась.

Потом она затихла.

Ник робко коснулся ее шеи, потом пощупал внутреннюю сторону запястья, затем положил руку между грудей. Сердце не билось. Джейн умерла. Часы важно тикали на прикроватном столике, но слышать их было уже некому. На минуту он прижался лбом к коленям, как обычно, молча. Поплакал. *Все, что тебе позволено, — это тоненькая струйка*, однажды сказал ему Руди, *но в мире мыльных опер это бывает очень даже кстати.*

Ник знал, что ему предстоит, но не хотел этого делать. «Это несправедливо! — кричала какая-то его часть. — Это меня не касается!» Но раз уж здесь никого не было — возможно, в радиусе многих миль, — не оставалось ничего другого, как браться за дело. Браться — или оставить ее тут гнить, чего он допустить не мог. Джейн была добра к нему, а за свою жизнь он встретил очень много людей, как больных, так и здоровых, которые делиться добром вовсе не спешили. Ник понимал, что лучше сразу перейти к делу. Чем дольше он будет сидеть, тем труднее окажется первый шаг. Он знал, где находится похоронное бюро Кертиса — три квартала по Главной улице и еще один на запад.

Он заставил себя встать и подойти к шкафу, отчасти надеясь на то, что белое платье окажется всего лишь частью ее бреда. Но оно там висело. Немного пожелтевшее от времени, однако тем не менее узнаваемое. По кружевам. Ник вытащил его и положил на скамью у изножья кровати. Посмотрел на платье, посмотрел на женщину, подумал: *Немножко великовато — это слабо сказано. Чертова болезнь обошлась с ней жестоко... но, наверное, это не имеет значения.*

Ему не хотелось, но он обогнул кровать и стал снимать с Джейн ночную рубашку. А когда ему открылось ее обнаженное тело, ужас исчез и осталась только жалость — жалость, которая проникала в самые глубины сердца. Ник плакал, обмывая Джейн. Потом надел на нее платье, чтобы она выглядела точно так же, как в тот день, когда они с Джоном отправились на озеро Поншартрен. Наконец поднял ее на руки, одетую как в тот день и всю в кружевах, да, всю в кружевах, и понес к похоронному бюро, словно жених, на руках переносящий свою возлюбленную через порог вечности.

Глава 26

В ночь с двадцать пятого на двадцать шестое июня одна из студенческих группировок — то ли «Студенты за демократическое общество», то ли «Юные маоисты» — воспользовалась копиром, чтобы к утру обклеить весь кампус Университета штата Кентукки в Луисвилле плакатами:

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ВАМ ЛГУТ!
ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЖЕТ ВАМ!
ПРЕССА, ПРИНУЖДЕННАЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ СВИНЬЯМИ В МУНДИРАХ, ЛЖЕТ ВАМ!
АДМИНИСТРАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА ЛЖЕТ ВАМ, КАК ПО ЕЕ ПРИКАЗУ ЛГУТ И ВРАЧИ ПОЛИКЛИНИКИ!

1. НИКАКОЙ ВАКЦИНЫ ПРОТИВ «СУПЕРГРИППА» НЕСУЩЕСТВУЕТ.
2. «СУПЕРГРИПП» — НЕ СЕРЬЕЗНАЯ БОЛЕЗНЬ, ЭТО *СМЕРТЕЛЬНАЯ* БОЛЕЗНЬ.
3. ЗАБОЛЕТЬ И УМЕРЕТЬ МОГУТ ДО 75% НАСЕЛЕНИЯ.
4. ВИРУС «СУПЕРГРИППА» СОЗДАН СВИНЬЯМИ В МУНДИРАХ, АМЕРИКАНСКОЙ АРМИЕЙ, И СЛУЧАЙНО ВЫРВАЛСЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ СЕКРЕТНОЙ ЛАБОРАТОРИИ.
5. СВИНЬИ В МУНДИРАХ ТЕПЕРЬ ХОТЯТ СКРЫТЬ СВОЙ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫЙ ПРОМАХ ДАЖЕ ЦЕНОЙ ГИБЕЛИ 75% НАСЕЛЕНИЯ!

ПРИВЕТ ВСЕМ РЕВОЛЮЦИОННО НАСТРОЕННЫМ ЛЮДЯМ!
ПРИШЛО ВРЕМЯ ПОДНИМАТЬСЯ НА БОРЬБУ!
ОБЪЕДИНЯТЬСЯ, БОРОТЬСЯ, ПОБЕЖДАТЬ!
МИТИНГ В СПОРТИВНОМ ЗАЛЕ В 19.00!
ЗАБАСТОВКА! ЗАБАСТОВКА! ЗАБАСТОВКА! ЗАБАСТОВКА!

Случившееся на УБЗ-ТВ в Бостоне спланировали предыдущим вечером трое ведущих новостных выпусков и шестеро техников. Все они работали в шестой студии. Пятеро из них регулярно играли в покер, а шестеро уже заболели. Все понимали, что терять им нечего. Они собрали с десяток пистолетов и револьверов. Боб Палмер, ведущий утреннего выпуска новостей, пронес оружие на работу в дорожной сумке, в которой обычно приносил тексты, карандаши и несколько блокнотов.

Работу студии контролировали люди, представлявшиеся национальными гвардейцами, но, как Палмер сказал прошлым вечером Джорджу Дикерсону, никогда в жизни он не видел гвардейцев, которым за пятьдесят.

Мятеж вспыхнул в 9.01, сразу же после того как Палмер начал читать успокоительный текст, врученный ему армейским сержантом десятью минутами ранее. Вдевятером сотрудники захватили

контроль над телевизионной станцией. Солдат, не ожидавших, что у них могут возникнуть какие-либо серьезные трудности с жалкой группкой штатских, привыкших сообщать о трагедиях, которые происходят где-то далеко-далеко, застали врасплох и разоружили. Другие работники станции присоединились к мятежникам, быстро очистили шестой этаж и заперли все двери. Лифты вызвали на шестой этаж до того, как солдаты в вестибюле сообразили, что происходит. Трое солдат попробовали подняться по восточной пожарной лестнице, но уборщик по имени Чарльз Йоркин, вооруженный армейским карабином, выстрелил поверх их голов. Этот выстрел оказался единственным.

Телезрители, смотревшие УБЗ-ТВ, увидели, как Боб Палмер прервал чтение на полуслове, после чего скомандовал: «Поехали!» За кадром послышался шум борьбы. Когда наступила тишина, тысячи пораженных зрителей увидели, что ведущий держит в руке короткоствольный пистолет.

Кто-то хрипло, ликуя, завопил:

— Мы их взяли, Боб! Мы взяли ублюдков! Они в наших руках!

— Отлично, чистая работа, — кивнул Палмер и вновь повернулся к камере: — Жители Бостона и все американцы, находящиеся в зоне вещания нашей телестанции. В этой студии только что произошло нечто очень серьезное и очень важное, и я счастлив, что впервые это событие случилось у нас, в Бостоне — колыбели американской независимости. Последние семь дней эта телестудия находилась под контролем людей, которые называют себя национальными гвардейцами. Вооруженные люди в хаки стояли рядом с нашими операторами, в пультовых, около телетайпов. Корректировались ли новости? С сожалением вынужден дать положительный ответ на этот вопрос. Мне вручали текст и заставляли читать его перед камерой, буквально с пистолетом у виска. Тексты, которые я зачитывал, имели отношение к так называемой эпидемии супергриппа и содержали заведомо ложную информацию.

На пульте управления замигали огоньки. Не прошло и пятнадцати секунд, как включились все лампы.

— Кадры, которые снимали наши операторы, изымались или намеренно засвечивались. Материалы наших корреспондентов исчезали. И все-таки, дамы и господа, у нас есть что вам показать, и корреспонденты находятся сейчас в этой студии — уже не как

профессиональные репортеры, но как живые свидетели, возможно, величайшего бедствия, с которым столкнулась наша страна... И такими словами я не разбрасываюсь. Сейчас мы покажем вам некоторые материалы. Все съемки велись тайно, поэтому качество некоторых сюжетов оставляет желать лучшего. Однако мы, люди, только что освободившие нашу телестанцию, думаем, что вы увидите достаточно. Возможно, даже больше, чем вам хотелось бы.

Он поднял глаза, достал из кармана платок и высморкался. Те, у кого дома стояли хорошие цветные телевизоры, заметили, что лицо у него горит, как при высокой температуре.

— Если все готово, Джордж, то давай.

Лицо Палмера сменилось кадрами, снятыми в Центральной больнице Бостона. Забитые под завязку палаты. Больные на полу. Переполненные коридоры. Медсестры, многие из которых сами выглядят явно больными, бродят по коридорам, некоторые истерически плачут. Другие, совершенно ошарашенные, находятся в ступоре.

Часовые на перекрестках с винтовками в руках. Здания со взломанными дверями.

Снова появился Боб Палмер.

— Если у вас есть дети, дамы и господа, — заговорил он ровным голосом, — мы советуем попросить их уйти из комнаты.

На экране большой, оливкового цвета армейский грузовик задним ходом ехал по пирсу, вдающемуся в Бостонскую гавань. У пирса на воде покачивалась баржа, укрытая брезентом. Двое солдат в противогазах, прямо-таки инопланетяне, выпрыгнули из кабины грузовика. Изображение дернулось, потом снова выровнялось. Солдаты откинули полог над задним бортом, залезли в кузов, и оттуда на баржу посыпались тела: женщины, старики, дети, полицейские, медсестры. В какой-то момент стало ясно, что солдаты поддевают тела вилами.

Палмер вел передачу около двух часов, постепенно садящимся голосом зачитывал свидетельства очевидцев и сводки новостей, сам брал интервью у других репортеров. Так продолжалось до тех пор, пока кто-то на первом этаже не сообразил, что для прекращения трансляции вовсе не обязательно отвоевывать шестой этаж. В 11.16 передатчик УБЗ, взорванный двадцатью фунтами пластида, замолк навсегда.

Палмера и всех, кто находился на шестом этаже, тут же расстреляли по обвинению в измене государству — Соединенным Штатам Америки.

«Трубный глас Дербина», еженедельная газета, которую издавал в маленьком городке в Западной Виргинии Джеймс Д. Хоглисс, отошедший от дел адвокат, всегда расходилась хорошим тиражом, потому что Хоглисс в конце сороковых и в пятидесятых яростно отстаивал право шахтеров на создание профсоюза, а его передовицы сулили адские муки бюрократам всех уровней, от городского до федерального.

Разносчиков газет у Хоглисса хватало, но в это ясное летнее утро он развозил газеты сам, на своем «кадиллаке» модели тысяча девятьсот сорок восьмого года. Большие колеса с белыми боковинами катили по улицам Дербина... и в глаза сразу бросалось отсутствие людей и автомобилей. Обычно «Трубный глас» выходил в другой день недели, но этот номер газеты состоял лишь из одной страницы: текст, набранный большим кеглем, окаймляла черная рамка. Поверху тянулась надпись: «ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК», — и это был первый экстренный выпуск Хоглисса после тысяча девятьсот восьмидесятого года, когда произошел взрыв на шахте «Божья коровка», похоронивший под землей сорок шахтеров.

Заголовок гласил:

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИЛЫ ПЫТАЮТСЯ
СКРЫТЬ ВСПЫШКУ ЧУМЫ.

И ниже: *Джеймс Д. Хоглисс, специально для «Трубного гласа».*

Далее шел текст:

Как стало известно Вашему корреспонденту из надежного источника, эпидемия гриппа (здесь, в Западной Виргинии, эту болезнь иногда называют «удушкой» или «черной шеей») в действительности вызвана смертоносной мутацией обычного вируса гриппа, созданной нынешним федеральным правительством для военных целей, что напрямую противоречит пересмотренным Женевским конвенциям по бактериологическому и химическому оружию, которые представители Соединенных Штатов подписали семь лет назад. Источник, армейский представитель, в настоящее время находящийся в Уилинге, также сообщил, что

обещанная в самом ближайшем будущем вакцина — «откровенная ложь». Никакой вакцины, согласно этому источнику, еще не разработано.

Граждане, это не просто беда или трагедия, это конец нашей веры в государство. Если мы действительно выбрали себе такую власть, тогда...

Хоглисс тоже заболел и очень ослаб. Последние остатки сил он, похоже, потратил на написание передовицы. Силы обратились в слова и ничем не восполнились. Бронхи забила мокрота, каждый вздох давался с трудом, словно Хоглисс бежал вверх по склону холма. И однако, он методично объезжал дом за домом, оставляя у каждого свою гневную статью, не зная, есть ли кто-то внутри, а если и есть, хватит ли ему сил, чтобы выйти из дома и взять оставленное.

Наконец он добрался до западной окраины города — Бедняцкого ряда с его лачугами, трейлерами и вонючими выгребными ямами. Газеты остались только в багажнике, крышку которого Хоглисс не закрывал, и она покачивалась вверх-вниз на каждой рытвине. Он пытался не сдаться дикой головной боли, и перед глазами у него все двоилось.

После того как он доставил газету в последний дом, разваливающуюся лачугу у самой границы с Рэкс-Кроссингом, в багажнике осталась только одна пачка, примерно двадцать пять экземпляров. Старым перочинным ножом Хоглисс разрезал шпагат и позволил ветру унести газеты, куда тому вздумается, размышляя о своем источнике информации, майоре с черными затравленными глазами, которого каких-то три месяца тому назад перевели сюда со сверхсекретного объекта в Калифорнии, построенного под проект «Синева». Майор руководил там наружной охраной и, рассказывая Хоглиссу все, что ему было известно, то и дело поглаживал рукоятку пистолета. Хоглисс подумал, что вряд ли пройдет много времени, прежде чем майор пустит оружие в ход. Если уже не пустил.

Он вновь вернулся за руль «кадиллака», единственного автомобиля, которым владел с тех давних пор, когда ему только исполнилось двадцать семь лет, и вдруг понял, что слишком устал, чтобы возвращаться в город. Сонно откинулся на заднее сиденье, прислушиваясь к клокотанию, доносившемуся из груди, на-

блюдая, как ветер лениво тащит экземпляры экстренного выпуска к Рэкс-Кроссингу. Некоторые зацепились за деревья и повисли на ветвях, как экзотические фрукты. До него доносилось журчание протекающей неподалеку реки Дербин, в которой он мальчишкой ловил рыбу. Теперь, разумеется, рыба в ней не водилась — угольные компании об этом позаботились, — но звук успокаивал. Хоглисс закрыл глаза, заснул, а через полтора часа умер.

Они успели отпечатать двадцать шесть тысяч экземпляров экстренного одностраничного выпуска «Лос-Анджелес таймс», прежде чем дежурные офицеры обнаружили, что печатают отнюдь не заявленный рекламный проспект. Последовало возмездие, быстрое и кровавое. Согласно официальной версии ФБР, «радикальные революционеры» — это древнее пугало — подложили динамит в типографию «Таймс», что привело к смерти двадцати восьми работников. ФБР не пришлось объяснять, каким образом в результате взрыва в каждой из двадцати восьми голов оказалось по пуле, так как трупы смешали с тысячами тел жертв эпидемии и похоронили в море.

Тем не менее десять тысяч экземпляров успели разойтись, и этого вполне хватило. Заголовок, набранный тридцать шестым кеглем, кричал:

ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ В КОГТЯХ ЭПИДЕМИИ

Тысячи людей бегут от смертельного «супергриппа»
Правительство пытается скрыть свою вину

ЛОС-АНДЖЕЛЕС. Некоторые солдаты, называющие себя национальными гвардейцами, призванными помочь в связи с создавшейся критической ситуацией, на самом деле являются профессиональными военными. На рукавах у них по четыре звездочки, каждая из которых дается за десять лет службы. Одна из их целей — уверить напуганных жителей Лос-Анджелеса, что вирус «супергриппа», который молодежь во многих районах называет «Капитаном Торчем», «лишь в незначительной степени более опасен», чем лондонский или гонконгский штаммы... но эти уверения звучат сквозь мембраны рес-

пираторов. Сегодня, в восемнадцать часов по СТВ*, планируется выступление президента, и пресс-секретарь Хуберт Росс назвал сообщения о том, что президент будет выступать в помещении, выглядящем как Овальный зал, но в действительности находящемся глубоко под землей в бункере Белого дома, «истеричными, злобными и совершенно безосновательными». Согласно попавшему нам в руки предварительному тексту речи президента, он собирается «отшлепать» американский народ за излишне острую реакцию и сравнивает теперешнее состояние людей с паникой, вызванной радиоспектаклем Орсона Уэллса «Война миров» в тридцатых годах.

У «Таймс» есть пять вопросов, на которые мы хотели бы услышать ответ в выступлении президента:

1. Почему головорезы в военной форме запрещают «Таймс» публиковать новости, тем самым напрямую нарушая конституционные права?

2. Почему федеральные шоссе 5, 10 и 15 заблокированы бронеавтомобилями и бронетранспортерами?

3. Если это действительно только «небольшая вспышка гриппа», почему в Лос-Анджелесе и на прилегающих территориях объявлено военное положение?

4. Если это действительно только «небольшая вспышка гриппа», почему в Тихий океан буксируются караваны барж и затапливаются там? Что находится на этих баржах? Не вывозятся ли на них — как мы опасаемся и как нам сообщают информированные источники — трупы жертв эпидемии?

5. И наконец, если врачам и территориальным больницам в начале следующей недели действительно будет выдана вакцина, то почему до сих пор *ни один* из сорока шести врачей, с которыми связывались репортеры этой газеты, ничего не знает о конкретных планах поставки? Почему не развернут *ни один* пункт проведения прививок против «супергриппа»? Почему *ни один* из десяти фармацевтических складов, которые мы обзвонили, не получил счетов или извещений о скорых поставках вакцины?

Мы призываем президента ответить в своей речи на все эти вопросы, но прежде всего мы призываем его отказаться от репрессивных методов управления и этой безумной попытки скрыть правду...»

---

* СТВ — стандартное тихоокеанское время (минус 8 часов от Гринвича).

В Дулуте мужчина в шортах цвета хаки и сандалиях разгуливал по Пьедмонт-авеню с полосой сажи на лбу и двойным рекламным щитом, закрепленным на тощих плечах.

Надпись от руки, сделанная спереди, гласила:

ВРЕМЯ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ПРИШЛО
ГОСПОДЬ НАШ ХРИСТОС СКОРО ВЕРНЕТСЯ
ГОТОВЬТЕСЬ К ВСТРЕЧЕ С БОГОМ!

Сзади красовалось:

ЗРИ! СЕРДЦА ГРЕШНИКОВ РАЗБИТЫ!
ВЕЛИКИЕ БУДУТ УНИЖЕНЫ, А УНИЖЕННЫЕ —
ВОЗВЕЛИЧЕНЫ
ЧЕРНЫЕ ДНИ НАСТУПАЮТ
ГОРЕ ТЕБЕ, О СИОН!

Четверо молодых людей в мотоциклетных куртках, все кашляющие и в соплях, набросились на мужчину в шортах и избили до беспамятства его же двойным рекламным щитом. Потом убежали, а один из них истерично крикнул через плечо:

— Будешь знать, как пугать людей! Будешь знать, как пугать людей, полоумный выродок!

Из утренних радиопрограмм Спрингфилда, штат Миссури, самый высокий рейтинг был у телефонного шоу радиостанции КЛФТ «Говорите, вы в прямом эфире» с ведущим Рэем Флауэрсом. К его студийной кабине подсоединялись шесть телефонных линий, и утром двадцать шестого июня из всех сотрудников КЛФТ на работу пришел он один. Флауэрс отдавал себе отчет, что происходит в окружающем мире, и очень боялся. Ему казалось, что за последнюю неделю или около того заболели все, кого он знал. В Спрингфилд войска не ввели, но части Национальной гвардии появились в Канзас-Сити и Сент-Луисе, чтобы «остановить распространение паники» и «предотвратить грабежи». Рэй Флауэрс чувствовал себя прекрасно. Он задумчиво посмотрел на свое оборудование — телефонные аппараты, устройство выдержки времени, позволяющее редактировать речь тех звонящих, что могли ввернуть в разговор непристойное словечко, стойки с рекламны-

ми роликами (*Если засорился туалет! Если сил терпеть уж больше нет! Человек со шлангом вам поможет! Чистильщик засоры уничтожит!*) и, разумеется, микрофон.

Рэй закурил, подошел к двери студии и запер ее. Вернулся в свою кабину и запер ее тоже. Выключил музыку, записанную на магнитофонной ленте, включил позывные своей программы и устроился перед микрофоном.

— Всем привет, — начал он. — Это Рэй Флауэрс, ведущий передачи «Говорите, вы в прямом эфире», и сегодня, как мне кажется, есть только одна тема для разговора. Как бы вы ни называли эту болезнь, «супергриппом» или «Капитаном Торчем», речь идет именно о ней. Я слышал разные жуткие истории о том, как армия все подмяла под себя, и если вы хотите поделиться информацией, милости прошу. У нас ведь свободная страна, верно? А раз уж в это утро я в студии один, мы построим передачу чуть иначе. Я отключил устройство задержки по времени, и, думаю, сегодня мы обойдемся без рекламных пауз. Если вы находитесь в том самом Спрингфилде, который я вижу из окон КЛФТ, вряд ли кто-то расположен к шопингу.

Итак, если вы — настоящий спортсмен и готовы поддержать команду, как, бывало, говорила моя мама, давайте начнем. Номера наших контактных телефонов: пять-пять-пять-восемь-шесть-ноль-ноль и пять-пять-пять-восемь-шесть-ноль-один. Звонок бесплатный. Если будет занято, потерпите немного. Сегодня я в студии один.

В Карфагене, в пятидесяти милях от Спрингфилда, находилась армейская часть, и отряд из двадцати человек получил приказ разобраться с Рэем Флауэрсом. Два человека отказались подчиниться. Их расстреляли на месте.

За тот час, что военные добирались до Спрингфилда, Рэй Флауэрс принял звонки: от доктора, сообщившего, что люди мрут как мухи и, по его мнению, правительство лжет насчет вакцины; от медсестры, подтвердившей, что тела увозят из больниц Канзас-Сити на грузовиках; от бредящей женщины, заявившей, что во всем виноваты летающие тарелки из космоса; от фермера, рассказавшего, что армейский взвод, оснащенный двумя экскаваторами, выкопал на поле рядом с шоссе 71 к югу от Канзас-Сити чертовски длинный ров; и от еще нескольких человек, поделившихся своими историями.

Во входную дверь студии застучали.

— Откройте! — послышался чей-то приглушенный голос. — Откройте именем Соединенных Штатов!

Рэй посмотрел на часы. Без четверти двенадцать.

— Что ж, похоже, ко мне в гости заявились морпехи. Но мы просто будем продолжать наш разговор, хор...

Раздался треск автоматной очереди. Дверная ручка вывалилась на ковер. Из зазубренной дыры вырвалось облачко сизого дыма. Дверь распахнулась под напором мощного плеча, и с полдесятка солдат, в респираторах и при полном вооружении, ворвались в помещение.

— Только что несколько солдат вломились в студию, — прокомментировал Рэй. — Они вооружены... и выглядят так, словно готовы начать военную операцию по зачистке территории, как во Франции пятьдесят лет тому назад. Если не считать респираторов...

— Прекращай! — завопил здоровяк с сержантскими нашивками на рукаве. Он стоял перед прозрачной стенкой кабины и угрожающе жестикулировал винтовкой.

— Я этого не сделаю! — отозвался Рэй. Внутри у него все похолодело, и, взяв недокуренную сигарету из пепельницы, он увидел, что его пальцы дрожат. — У станции есть лицензия Федеральной комиссии по связи, и я...

— Я *отменяю* твою хренову лицензию! А теперь *прекращай* передачу!

— Я этого не сделаю, — повторил Рэй и снова повернулся к микрофону. — Дамы и господа, мне только что приказали отключить передатчик КЛФТ, и я отказался выполнить этот приказ. Думаю, я поступил совершенно правильно. Эти люди ведут себя как нацисты, а не американские солдаты. Я не собираюсь...

— Даю тебе последний шанс! — Сержант вскинул винтовку.

— Сержант, — подал голос один из солдат, оставшихся у двери. — Не думаю, что у вас есть право...

— Если этот парень еще что-нибудь вякнет, пристрелите его, — приказал сержант.

— Похоже, они собираются убить меня, — продолжил Рэй Флауэрс, и в следующую секунду стекло кабины разлетелось вдребезги, а сам он упал на пульт. Тут же послышался жуткий вой, который становился все громче и громче. Сержант разрядил в

пульт всю обойму, и вой прекратился. Все лампочки на пульте погасли.

— Вот и все. — Сержант обернулся. — Я хочу вернуться в Карфаген к часу дня и не...

Трое из его подчиненных одновременно открыли огонь, один из безоткатной винтовки, скорострельность которой составляла семьдесят пуль с полыми наконечниками в секунду. Сержант исполнил судорожный танец смерти и рухнул спиной на остатки стеклянной стены кабины. Одна нога дернулась и вышибла из рамы несколько осколков стекла.

Рядовой, на побелевшем лице которого выделялась россыпь прыщей, зарыдал. Остальные замерли, ошарашенные. В воздухе плыл сильный, удушающий запах кордита.

— Мы его завалили! — истерично воскликнул рядовой. — Святой Боже, мы завалили сержанта Питерса!

Никто не ответил. На бледных лицах застыло недоумение, хотя позже многие пожалели о том, что не сделали этого раньше. Шла какая-то смертельная игра, но они не считали, что должны в ней участвовать.

Телефон, который Рэй Флауэрс, перед тем как умереть, переключил на громкую связь, затрещал.

— Рэй? Вы слышите, Рэй? — говорил усталый гнусавый голос. — Я слушаю вашу передачу постоянно, и я, и мой муж, и мы просто хотели сказать, чтобы вы и дальше продолжали в том же духе и не позволили им помыкать вами. Хорошо, Рэй? Рэй?.. Рэй?..

СООБЩЕНИЕ 234 ЗОНА 2 СЕКРЕТНАЯ ШИФРОВКА

ОТ: ЛЭНДОНА ЗОНА 2 НЬЮ-ЙОРК

КОМУ: КОМАНДУЮЩЕМУ КРАЙТОНУ

ТЕМА: ОПЕРАЦИЯ «КАРНАВАЛ»

КОРДОНЫ ВОКРУГ НЬЮ-ЙОРКА ПО-ПРЕЖНЕМУ ФУНКЦИОНИРУЮТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ УБОРКА ТЕЛ В ГОРОДЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СПОКОЙНО Х ВЕРСИЯ ПРИКРЫТИЯ ЛОПАЕТСЯ БЫСТРЕЕ ЧЕМ ОЖИДАЛОСЬ НО ПОКА ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НЕ СОЗДАЕТ НАМ ПРОБЛЕМ С КОТОРЫМИ МЫ НЕ МОГЛИ БЫ СПРАВИТЬСЯ

СУПЕРГРИПП ДЕРЖИТ ИХ ПО ДОМАМ ХХ СУПЕРГРИППОМ БОЛЬНЫ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО 50% ВОЕННЫХ НА КОРДОНАХ В ПУНКТАХ ВЪЕЗДА/ВЫЕЗДА [МОСТ ДЖОРДЖА ВАШИНГТОНА МОСТ ТРИБОРО БРУКЛИНСКИЙ МОСТ ТОННЕЛИ ЛИНКОЛЬНА И ГОЛЛАНДСКИЙ ПЛЮС ОСНОВНЫЕ АВТОТРАССЫ В ДРУГИЕ ОКРУГА НЬЮ-ЙОРКА] НО В БОЛЬШИНСТВЕ СВОЕМ ВОЙСКА ЕЩЕ СПОСОБНЫ К АКТИВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ И СПРАВЛЯЮТСЯ С ПОРУЧЕННЫМИ ЗАДАЧАМИ ХХХ В ГОРОДЕ ТРИ НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ ПОЖАРА ГОРЯТ ГАРЛЕМ СЕДЬМАЯ АВЕНЮ СТАДИОН ШИ ХХХХ ДЕЗЕРТИРСТВО СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ СЕРЬЕЗНОЙ ПРОБЛЕМОЙ ТЕПЕРЬДЕЗЕРТИРОВ РАССТРЕЛИВАЮТ НА МЕСТЕ ХХХХХ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ СИТУАЦИЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПОД КОНТРОЛЕМ НО МЕДЛЕННО УХУДШАЕТСЯ ХХХХХХ КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

ЛЭНДОН ЗОНА 2 НЬЮ-ЙОРК

В Боулдере, штат Колорадо, начал распространяться слух, что Метеорологический центр контроля воздуха США на самом деле является секретной лабораторией по производству бактериологического оружия. Слух этот повторил в эфире находящийся в полузабытьи диджей радиостанции «Денвер эф-эм». К одиннадцати вечера двадцать шестого июня из Боулдера начался массовый исход. Из Денвера направили роту солдат, чтобы остановить беженцев, но много ли может сделать человек с метлой против авгиевых конюшен? Более одиннадцати тысяч гражданских — больных, испуганных, одержимых одной только мыслью: уйти как можно дальше от Центра контроля воздуха — просто растоптали бы солдат, не отойди они в сторону. Тысячи других жителей Боулдера покидали город всеми возможными путями.

В четверть двенадцатого ночь подсветил громкий взрыв на территории Центра контроля воздуха, расположенного на Бродвее. Молодой радикал — Десмонд Реймедж — заложил в вестибюле центра шестнадцать фунтов пластида, первоначально предназначавшегося для взрыва зданий судов и законодательных собраний Среднего Запада. Взрывчатка не подвела, а с таймером вышла промашка. Реймедж испарился вместе с различным абсолютно безвредным для человека метеорологическим оборудованием и приборами, измеряющими загрязненность воздуха.

А тем временем исход из Боулдера продолжался.

СООБЩЕНИЕ 771 ЗОНА 6 СЕКРЕТНАЯ ШИФРОВКА

ОТ: ГАРЕТА ЗОНА 6 ЛИТЛ-РОК

КОМУ: КОМАНДУЮЩЕМУ КРАЙТОНУ

ТЕМА: ОПЕРАЦИЯ «КАРНАВАЛ»

БРОДСКИ НЕЙТРАЛИЗОВАН ПОВТОРЯЮ БРОДСКИ НЕЙТРАЛИЗОВАН ОН РАБОТАЛ ЗДЕСЬ В КЛИНИКЕ ЕГО СУДИЛИ И РАССТРЕЛЯЛИ НА МЕСТЕ ЗА ИЗМЕНУ СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ АМЕРИКИ НЕКОТОРЫЕ ЕГО ПАЦИЕНТЫ ПОПЫТАЛИСЬ ВМЕШАТЬСЯ 14 ГРАЖДАНСКИХ ПОЛУЧИЛИ ПУЛЕВЫЕ РАНЕНИЯ 6 УБИТО 3 МОИХ ЛЮДЕЙ РАНЕНО ВСЕ ЛЕГКО Х ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЗОНЫ 6 СОХРАНЯЮТ 40% РАСЧЕТНОЙ БОЕГОТОВНОСТИ ОКОЛО 25% ВСЕ ЕЩЕ НАХОДЯЩИХСЯ В СТРОЮ БОЛЬНЫ СУПЕРГРИППОМ 15% ДЕЗЕРТИРОВАЛО ХХ САМЫЙ СЕРЬЕЗНЫЙ ИНЦИДЕНТ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЛАНА Ф ХХХ СЕРЖАНТ Т.Л. ПИТЕРС ПРОХОДИВШИЙ СЛУЖБУ В КАРФАГЕНЕ УБИТ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗАДАНИЯ В СПРИНГФИЛДЕ СУДЯ ПО ВСЕМУ СВОИМИ ЖЕ СОЛДАТАМИ ХХХХ ПОСТУПИЛИ НЕПОДТВЕРЖДЕННЫЕ ПОКА СООБЩЕНИЯ ОБ АНАЛОГИЧНЫХ СЛУЧАЯХ СИТУАЦИЯ БЫСТРО УХУДШАЕТСЯ ХХХХХ КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ
ГАРЕТ ЗОНА 6 ЛИТЛ-РОК

Когда вечер растекся по небу, как пациент под наркозом — по операционному столу, две тысячи студентов Кентского университета, штат Огайо, вышли на тропу войны — и по-крупному. В число двух тысяч бунтовщиков входили студенты первого летнего мини-семестра, члены симпозиума, посвященного будущему студенческой журналистики, сто двадцать человек, посещавших курсы актерского мастерства, и двести членов огайского отделения национальной общественной организации «Будущие фермеры Америки», региональный конгресс которой совпал по времени со стремительным распространением «супергриппа». Всех их держали в кампусе уже четыре дня, с двадцать второго июня. Далее приведена распечатка переговоров патрульных, охватывающая временной промежуток с 19.16 до 19.22.

— Шестнадцатый, Шестнадцатый, как слышите? Прием.

— Слышу, Двадцатый, прием.

— У нас группа студентов, идут по бульвару, Шестнадцатый. Примерно семьдесят, и все навеселе, я бы сказал, и... проверьте это, Шестнадцатый, у нас еще одна группа, идущая с другой стороны... Господи, человек двести, не меньше. Прием.

— Двадцатый, это база. Слышите меня? Прием.

— Слышу вас ясно и четко, база. Прием.

— Я направляю Чамма и Холлидея. Блокируйте дорогу своим автомобилем. Больше не предпринимайте никаких действий. Если они насядут на вас, раздвиньте ноги и наслаждайтесь. Никакого сопротивления, слышите меня? Прием.

— Я слышу, никакого сопротивления, база. А что делают те солдаты на восточной стороне бульвара, база? Прием.

— Какие солдаты? Прием.

— Об этом я вас и спрашиваю, база. Они...

— База, это Далли Чамм. Ох, черт, это Двенадцатый. Извините, база. Группа студентов идет по Барроус-драйв. Примерно сто пятьдесят человек. Направляются к бульвару. Что-то поют или скандируют. Но, капитан, Господи Иисусе, мы тоже видим солдат. Думаю, они все в противогазах. И выглядят так, будто готовятся к бою. Именно так. Прием.

— База — Двенадцатому. Присоединяйтесь к Двадцатому в начале бульвара. Те же инструкции. Никакого сопротивления. Прием.

— Понял, база. Уже еду. Прием.

— База, это Семнадцатый. Это Холлидей, база. Слышите меня? Прием.

— Слышу, Семнадцатый. Прием.

— Я следую за Чаммом. Еще двести студентов идут с запада на восток к бульвару. Они несут плакаты, как в шестидесятых. На одном написано: «СОЛДАТЫ БРОСАЙТЕ ОРУЖИЕ». Я вижу еще один: «ПРАВДУ ВСЮ ПРАВДУ И НИЧЕГО КРОМЕ ПРАВДЫ». Они...

— Мне насрать, *что* написано на плакатах, Семнадцатый. Поезжай к Чамму и Питерсу и блокируй их. Похоже, они лезут в торнадо. Прием.

— Понял. Конец связи.

— Начальник службы безопасности кампуса Ричард Берли обращается к командиру войсковой части, окопавшейся к югу от

кампуса. Повторяю, это начальник службы безопасности Берли. Я знаю, что вы прослушиваете наши переговоры, поэтому не вертите хвостом и ответьте. Прием.

— Полковник армии Соединенных Штатов Алберт Филипс. Мы слушаем, начальник Берли. Прием.

— База, это Шестнадцатый. Студенты собираются у военного мемориала. Похоже, поворачивают к солдатам. Конец связи.

— Это Берли, полковник Филипс. Пожалуйста, сообщите о ваших намерениях. Прием.

— У меня приказ: ограничить перемещение тех, кто находится в кампусе, кампусом. И намерение у меня одно: выполнять его. Если эти люди просто проводят демонстрацию — что ж, имеют право. Если же они планируются вырваться из карантинной зоны — увы. Прием.

— Вы ведь не собираетесь...

— По-моему, я выразился достаточно ясно, начальник Берли. Конец связи.

— Филипс! Филипс! Ответьте мне, черт бы вас побрал! Это же не партизаны-коммунисты! Они дети! Американские дети! Они не вооружены! Они...

— Тринадцатый вызывает базу. Эти студенты идут на солдат, капитан. Размахивают своими плакатами. Поют эту песню. Ту самую, которую пела эта сучка Баэз*. Ох, черт! Я думаю, некоторые из них бросают камни. Они... Господи! Господи Иисусе! Они не могут этого делать!

— База — Тринадцатому! Что там у тебя? Что происходит?

— Это Чамм, Дик. Я скажу тебе, что тут происходит. Это бойня. Я жалею, что не слепой. Ох, сучьи дети! Они... ох, они просто косят студентов. Похоже, из автоматов. Насколько я могу сказать, даже без предупреждения. Те студенты, кто еще на ногах... ох, они бегут... бегут во все стороны. Ох, Господи! Я только что увидел, как девушку очередью буквально разорвало надвое! Кровь. На траве лежат семьдесят, восемьдесят человек. Они...

— Чамм! Возвращайся! Возвращайся, Двенадцатый!

— База, это Семнадцатый! Вы меня слышите? Прием.

---

* Джоан Чандос Баэз (р. 1941) — певица, автор песен, активистка различных общественных движений. Скорее всего речь идет о песне «Мы победим».

— Я тебя слышу. Черт побери, но где гребаный *Чамм*? Гребаный *прием*!

— Чамм и... думаю, Холлидей... они вылезли из автомобилей, чтобы лучше видеть. Мы возвращаемся, Дик. Теперь солдаты, похоже, стреляют друг в друга. Не знаю, кто побеждает, да мне и без разницы. Кто бы ни победил, потом они примутся за нас. Когда те, кто сможет, вернутся, я предлагаю всем спуститься в подвал и ждать, пока они расстреляют все патроны. Прием.

— Черт побери...

— Бойня продолжается, Дик. Я не шучу. Прием. Конец связи.

Приведенные выше переговоры по рации сопровождались звуковым фоном — хлопками, похожими на те, что раздаются, если бросить в костер каштаны. Помимо хлопков, слышались и крики... в последние секунд сорок к ним добавились тяжелые, гулкие разрывы мин.

Ниже приведена распечатка разговора, который велся по специальному высокочастотному радиоканалу в южной Калифорнии. Распечатка охватывает временной промежуток с 19.17 до 19.22 по СТВ.

— Мессинджил, десятая зона. Слышите нас, база «Синева»? Это сообщение закодировано как Энни Оукли, срочно-плюс-десять. Отвечайте, если вы на связи. Прием.

— Это Лен, Дэвид. Думаю, можно обойтись без этого птичьего языка. Подслушивать нас некому.

— Все вышло из-под контроля, Лен. Буквально все. Лос-Анджелес в огне. Весь гребаный город и окрестности. Все мои люди либо больны, либо взбунтовались, либо дезертировали, либо мародерствуют вместе с местным населением. Я нахожусь в главном здании «Бэнк оф Америка», в зале со стеклянным куполом. Около шестисот человек пытаются вломиться сюда и добраться до меня. Большинство из них — военные.

— Все рушится. Основа расшаталась.

— Повтори еще раз, я не понял.

— Не важно. Ты можешь выбраться?

— Черт, нет. Но первым мерзавцам из этой банды я дам повод для размышления. У меня безоткатная винтовка. Мерзавцы. Гребаные мерзавцы!

— Удачи тебе, Дэвид.

— Тебе тоже. Держи все в кулаке, сколько сможешь.

— Постараюсь.

— Я не уверен...

На этом разговор прервался. Послышался треск, грохот, скрежет рвущегося под напором грубой силы металла, звон разбитого стекла. Крики множества людей. Пистолетные и револьверные выстрелы. Потом в непосредственной близости от радиопередатчика послышались другие выстрелы, куда более мощные, оглушающие, словно кто-то стрелял из безоткатной винтовки. Крики приблизились. Взвизгнула пуля, отрикошетив от металла, кто-то закричал рядом с радиопередатчиком, послышался глухой удар, и наступила тишина.

Ниже приведена распечатка обращения по армейской волне из Сан-Франциско. Распечатка охватывает временной промежуток с 19.28 до 19.30 по СТВ.

— Солдаты и братья! Мы захватили радиостанцию и штаб! Ваши угнетатели мертвы! Я, брат Зено, еще несколько минут назад бывший сержантом первого класса Роландом Гиббсом, провозглашаю себя первым президентом республики Северная Калифорния! Ситуация находится под нашим контролем! Под нашим контролем! Если ваши офицеры попытаются отменить мои приказы, пристрелите их, как уличных собак! Как собак! Как сук, на задах которых еще не обсохло дерьмо! Записывайте имена, звания и личные номера дезертиров! Составляйте списки тех, кто ведет подрывную агитацию и призывает к измене республике Северная Калифорния! Начинается новый день! Время угнетателей закончилось! Мы...

Треск автоматных очередей. Крики. Глухие удары. Пистолетные выстрелы, снова крики, длинная автоматная очередь. Протяжный, умирающий стон. Три секунды мертвой тишины.

— Говорит майор Альфред Нанн, армия Соединенных Штатов. Я беру войска Соединенных Штатов, находящиеся в районе Сан-Франциско, под свое временное командование. Кучка предателей, захвативших штаб, уничтожена. Я принимаю командование на себя, повторяю, принимаю командование на себя. Дезертиры и предатели будут расстреливаться на месте. Сейчас я...

Снова автоматные очереди. Чей-то крик.

Отдаленный вопль:

— *...всех! Держи их всех! Смерть свиньям в мундирах...*

Громкий треск автоматных очередей. Потом тишина.

В 21.16 по ВПВ* жители Портленда, штат Мэн, которые еще достаточно хорошо себя чувствовали, чтобы смотреть телевизор, и включили канал УКСХ-ТВ, онемев от ужаса, наблюдали, как огромный негр, обнаженный, если не считать набедренной повязки из розовой кожи и фуражки офицера морской пехоты, несомненно, больной, собственноручно расстрелял шестьдесят двух человек.

Его коллеги, вооруженные автоматическим и полуавтоматическим оружием, тоже чернокожие, не отличались от него одеждой: те же набедренные повязки и какие-то знаки отличия, показывающие, что раньше они служили в армии. Там, где раньше сидели приглашенные в студию зрители, наблюдая политические дебаты или игру «Доллары за звонок», теперь находились сотни две одетых в хаки солдат. Другие члены черной «хунты» держали их на прицеле винтовок и пистолетов.

Огромный негр, который постоянно ухмылялся, обнажая удивительно ровные и белые зубы, сжимал в руке автоматический пистолет сорок пятого калибра и стоял рядом с большим стеклянным барабаном, из которого когда-то — казалось, давным-давно — доставали вырезанные из телефонного справочника номера и набирали их в прямом эфире по ходу передачи «Доллары за звонок».

Негр крутанул барабан, вытащил из него водительское удостоверение и провозгласил:

— Рядовой Франклин Стерн, ко мне, пжалста!

Вооруженные люди, окружавшие аудиторию со всех сторон, принялись разглядывать нашивки с именами, в то время как оператор, несомненно, лишь недавно приобщившийся к этой профессии, резкими рывками переводил камеру.

Наконец на ноги подняли молодого человека со светлыми волосами, не старше девятнадцати, кричащего и протестующего, и вывели его на сцену. Двое негров заставили жертву опуститься на колени.

---

* ВПВ — восточное поясное время (минус 5 часов от Гринвича).

Негр-здоровяк ухмыльнулся, чихнул, выплюнул комок слизи и приставил пистолет к виску рядового Стерна.

— Нет! — истерически воскликнул Стерн. — Я пойду с вами, клянусь Богом, я пойду! Я...

— Воимяотцаисынаисвятогодуха, — нараспев произнес негр и нажал на спусковой крючок. Позади того места, где рядовой Стерн стоял на коленях, на полу красовалась большая лужа крови и мозгов. Теперь и он внес в нее свою лепту.

Плюх.

Негр снова чихнул и чуть не упал. Другой негр, тот, что находился в пультовой, нажал кнопку «АПЛОДИСМЕНТЫ». Перед студийной аудиторией вспыхнул соответствующий транспарант. Негры, охранявшие зрителей-пленников, угрожающе вскинули оружие, и белые солдаты, с блестящими от пота и перекошенными от ужаса лицами, неистово зааплодировали.

— Следующий! — прохрипел негр-здоровяк в набедренной повязке и вновь запустил руку в барабан. Посмотрел на удостоверение и объявил: — Мастер-сержант Роджер Петерсен, ко мне, пжалста!

Один из пленников взвыл и рванулся к задним дверям. Через несколько мгновений он уже стоял на сцене. Под шумок один из солдат в третьем ряду попытался оторвать от гимнастерки нашивку с именем. Прозвучал выстрел, и он обмяк на своем стуле, а глаза его затуманились, словно столь безвкусное шоу нагоняло подобную смерти дремоту.

Спектакль продолжался, пока где-то без четверти одиннадцать в студию не ворвались четыре взвода военных в респираторах и с автоматами в руках. Две группы умирающих солдат без промедления схватились между собой.

Негр-здоровяк в набедренной повязке упал почти сразу же, сыплющий проклятиями, потный, продырявленный пулями, и выпустил в пол патроны, оставшиеся в обойме его автоматического пистолета. Изменник, стоявший за камерой номер два, получил пулю в живот и наклонился вперед, пытаясь поймать вываливающиеся внутренности. Камера, медленно вращаясь, выдавала на экраны телевизоров панораму ада. Полуголые охранники открыли ответный огонь, и солдаты в респираторах принялись поливать свинцом зрительскую зону. Безоружные солдаты-плен-

ники обнаружили, что спастись скорее всего не удастся и расстреляют их, похоже, всех сразу, а не по одному.

Молодой рыжеволосый парень, охваченный паникой, поднялся на шесть рядов, шагая по спинкам сидений, совсем как цирковой артист, прежде чем выпущенные очередью пули сорок пятого калибра раздробили ему ноги. Другие ползли по проходам между рядами, вжимаясь носом в пол, как их учили ползать под автоматным огнем на занятиях по боевой подготовке. Седой сержант в возрасте поднялся, раскинув руки, словно ведущий телепередачи, и закричал во всю мощь легких: «СТО-О-О-О-ОП!» Добился он только того, что привлек к себе огонь обеих сторон, и задергался под пулями, как кукла-марионетка. Грохот оружия и крики раненых и умирающих достигли такой громкости, что в пультовой стрелки приборов, замеряющих уровень шума в студии, подпрыгнули к пятидесяти децибелам.

Оператор упал на ручку управления камерой, и до конца продолжающейся перестрелки телезрителям милосердно транслировался потолок студии. За какие-то пять минут автоматные очереди перешли в отдельные выстрелы, потом смолкли и они. Остались только крики.

В пять минут двенадцатого вместо потолка на экранах появился мультяшный человечек, хмуро таращащийся на мультяшный телевизор. На светлом экране мультяшного телевизора темнела надпись: «ИЗВИНИТЕ, У НАС ПРОБЛЕМЫ!»

А кто в этот поздний час, когда время неумолимо близилось к полуночи, мог похвастаться обратным?

В Де-Мойне, в 23.30 по ЦПВ*, старый «бьюик», весь покрытый религиозными наклейками — «ПОГУДИ, ЕСЛИ ЛЮБИШЬ ИИСУСА» среди прочих, — без устали кружил по пустынным центральным улицам. Днем в Де-Мойне случился пожар, в котором выгорела большая часть южной стороны Халл-авеню и Грэндвью-Джуниор-колледж; потом начались беспорядки, охватившие чуть ли не всю центральную часть города.

После захода солнца эти улицы заполнили толпы людей, в большинстве своем моложе двадцати пяти, многие из которых были на мотоциклах. Они разбивали витрины, крали телевизоры,

* ЦПВ — центральное поясное время (минус 6 часов от Гринвича).

заполняли баки бензином, высматривая тех, у кого могло быть оружие. Однако теперь улицы опустели. Некоторые — главным образом байкеры — отправились стравливать давление на шоссе 80. Но большинство просто вернулись в свои дома и заперли двери, уже страдая от «супергриппа» или пока только от ужаса, боясь, что свет навсегда покинул эту зеленую равнину. Теперь Де-Мойн выглядел, как после окончания чудовищной новогодней попойки, когда последние, самые стойкие ее участники провалились в пьяный сон. Шины «бьюика» шуршали по асфальту и хрумкали осколками стекла. Автомобиль повернул с Четырнадцатой улицы на Евклид-авеню, проехал мимо двух машин, столкнувшихся лоб в лоб и теперь лежавших на боку. Их бамперы сплелись, будто любовники после успешного двойного самоубийства. На крыше «бьюика» стоял рупор громкоговорителя, из которого, усиленное динамиком, сначала послышалось бибиканье, потом скрипы, как в самом начале старой пластинки, и, наконец, призрачные, пустынные улицы Де-Мойна заполнил нежно-тягучий голос Мэйбел Картер, поющей «На солнечной стороне»:

Держись солнечной стороны,
Всегда солнечной стороны,
Живи на солнечной стороне,
Пусть много у тебя проблем —
О них забудешь ты совсем
На солнечной стороне...

Старый «бьюик» кружил и кружил по улицам, выписывая восьмерки и петли, иногда три или четыре раза объезжая один и тот же квартал. Когда колесо попадало в рытвину (или переезжало через тело), музыка на мгновение прерывалась.

За двадцать минут до полуночи «бьюик» свернул к тротуару и остановился. Мотор работал на холостых оборотах. Потом автомобиль покатился вновь. Из рупора громкоговорителя зазвучал псалом «Этот старый потертый крест» в исполнении Элвиса Пресли. Ночной ветер шелестел кронами деревьев и уносил последние клубы дыма с развалин сгоревшего колледжа.

Из речи президента, произнесенной в 21.00 по ВПВ, которую не увидели во многих регионах страны:

— ...что и должна показать такая великая нация, как наша. Мы не можем позволить себе пугаться теней, как маленькие дети в темной комнате, но не можем и легкомысленно относиться к столь серьезной вспышке гриппа. Сограждане американцы, я призываю вас оставаться дома. Если вам нездоровится, ложитесь в постель, примите аспирин и пейте побольше жидкости. Будьте уверены, что скоро — *самое позднее* через неделю — вам станет лучше. Позвольте мне повторить то, что я сказал в начале нашего с вами разговора этим вечером: нет ни крупицы правды — ни единой — в слухах о том, что этот штамм гриппа смертелен. В абсолютном большинстве случаев больной может рассчитывать на полное выздоровление в течение недели. Далее...

[приступ кашля]

— Далее, радикальные антиправительственные группировки распространяют злобный слух о том, что этот вирус был создан правительством для возможного использования в военных целях. Сограждане американцы, это откровенная ложь, и я хочу покончить с ней раз и навсегда. Наша страна подписала пересмотренные Женевские соглашения по отравляющему газу, нервно-паралитическому газу и бактериологическому оружию с чистой совестью и открытым сердцем. Ни сейчас, ни когда-либо ранее...

[чихание]

— ...мы не занимались тайным производством веществ, запрещенных Женевской конвенцией. Это просто серьезная вспышка гриппа, ни больше ни меньше. Этим вечером мы получили сообщения об аналогичных вспышках в ряде других стран, включая Россию и Красный Китай. Поэтому мы...

[кашель и чихание]

— ...мы призываем вас сохранять спокойствие и особо не тревожиться, точно зная, что в конце этой недели или в начале следующей те, кто еще не успел выздороветь, получат вакцину против гриппа. В отдельные регионы мы направили национальных гвардейцев, призванных защитить население от хулиганов, вандалов и паникеров, но слухи о том, будто некоторые города «оккупированы» войсками, а новости фабрикуются, не выдерживают никакой критики. Сограждане американцы, это откровенная ложь, и я хочу покончить с ней раз и...

На фасаде Первой баптистской церкви Атланты было написано красной краской:

ДОРОГОЙ ИИСУС. СКОРО ВСТРЕТИМСЯ.
ТВОЯ ПОДРУЖКА АМЕРИКА.
P.S. НАДЕЮСЬ, К КОНЦУ НЕДЕЛИ У ТЕБЯ ЕЩЕ ОСТАНУТСЯ СВОБОДНЫЕ МЕСТА.

Глава 27

Утром двадцать седьмого июня, сидя на скамейке в Центральном парке, Ларри Андервуд смотрел на зверинец. Позади находилась Пятая авеню, забитая автомобилями, теперь тихими и недвижными, потому что их владельцы умерли или убежали. Чуть дальше по Пятой дымились разграбленные роскошные магазины.

Со скамейки Ларри мог видеть льва, антилопу, зебру и какую-то обезьяну. Все, кроме обезьяны, сдохли. Ларри предположил, что умерли они не от гриппа: бог знает сколько дней животные не получали ни еды, ни питья — это их и убило. Всех, кроме обезьяны, но за три часа, которые Ларри просидел на скамейке, обезьяна шевельнулась только несколько раз. Обезьяне хватило ума избежать смерти от голода или жажды — пока, — но она точно заразилась гриппом. И страдала именно от гриппа. Потому что жила в жестоком мире.

Справа от него часы со всеми этими животными отбили одиннадцать. Фигурки на часах, которые недавно так радовали детей, теперь давали представление при пустом зале. Медведь дул в рог, обезьяна, которая не могла заболеть (только сломаться), играла на тамбурине, слон хоботом бил в барабан. Тяжеловесные звуки, детка, тяжеловесные, мать их. Финал сюиты «"Конец света", аранжировка для заводных фигурок».

После того как часы смолкли, он вновь услышал хриплые крики, слава Богу, не такие громкие, потому что доносились они издалека. Выкликатель монстров в это прекрасное утро находился по левую руку от Ларри, возможно, на Игровой площадке Хек-

шера. Оставалось надеяться, что он упадет в детский бассейн и утонет.

— Монстры идут! — доносился издали грубый голос.

Облака в это утро разошлись, день выдался яркий и жаркий. Пчела пролетела у самого носа Ларри, покружила над одной из соседних клумб, спикировала на пион. Из зверинца доносилось монотонное, успокаивающее гудение мух, приземлявшихся на трупы животных.

— Монстры уже идут!

Выкликатель монстров — высокий мужчина — выглядел лет на шестьдесят пять. Впервые Ларри услышал его прошлой ночью, которую провел в «Шерри-Незерленд»*. В ночи, накрывшей неестественно тихий город, далекий завывающий голос казался зычным и мрачным, голосом безумного Иеремии, плывущим по улицам Манхэттена, эхом отдающимся от стен, искажающимся. У Ларри, лежавшего без сна в огромной двуспальной кровати при всех включенных лампах, возникла абсурдная мысль, что выкликатель монстров идет за ним, выискивает его, точно так же, как иногда это делали чудовища в часто снившихся ему кошмарных снах. Долгое время ему казалось, что голос приближается (*Монстры идут! Монстры в пути! Они уже на окраинах!*), и внутренне Ларри уже готовился к тому, что дверь люкса, которую он запер на три замка, сейчас распахнется и войдет этот выкликатель монстров... не человек, а гигантский тролль с головой собаки, глазами как у мухи, только величиной с блюдце, и торчащими из пасти зубами.

Однако этим утром, чуть раньше, Ларри увидел выкликателя в парке и теперь знал, что это — старик в вельветовых брюках, плетеных сандалиях и очках в роговой оправе, с одной дужкой, обмотанной изоляционной лентой. Ларри попытался заговорить с ним, но выкликатель в ужасе убежал, оборачиваясь на ходу, крича, что монстры в любой момент появятся на улицах. Он споткнулся о невысокую, по лодыжку, проволочную оградку и упал на велосипедную дорожку с громким, комичным «бух». Очки отлетели в сторону, однако не разбились. Ларри направился к нему, но не успел подойти: выкликатель монстров подхватил очки и убежал в сторону бульвара, выкрикивая и выкрикивая свои предуп-

* «Шерри-Незерленд» — престижный отель в Нью-Йорке на Пятой авеню.

реждения. Так что за последние двенадцать часов отношение Ларри к нему разительно изменилось: если раньше он до смерти боялся выкликателя, то теперь тот вызывал лишь полнейшую скуку и даже легкое раздражение.

В парке ему встретились и другие люди; с некоторыми он разговаривал. Все они очень походили друг на друга, и Ларри полагал, что сам не сильно отличается от них. Ошеломленные, бессвязно лопочущие, они так и тянулись руками к твоему рукаву, чтобы подержаться за него. Им было что рассказать. Но их истории не отличались друг от друга. Друзья и родственники умерли или умирали. На улицах стреляли, Пятая авеню превратилась в ад, правда ли, что «Тиффани» больше нет? Может ли такое быть? Кто будет подметать тротуары? Кто будет вывозить мусор? Следует ли им выбираться из Нью-Йорка? Они слышали, что армия блокировала все места, где это можно сделать. Одна женщина боялась, что крысы вылезут из тоннелей подземки и заселят землю. Ее слова напомнили Ларри собственные мысли в день возвращения в Нью-Йорк. Молодой человек, жующий кукурузные чипсы «Фритос» из огромного пакета, непринужденно поведал Ларри, что собирается воплотить в реальность мечту всей своей жизни. Он шел на стадион «Янки», чтобы голым обежать бейсбольное поле, а потом поонанировать в «доме». «Такой шанс дается раз в жизни, чел», — сказал он Ларри, моргнул обоими глазами и ушел, жуя «Фритос».

Многие из встреченных им в парке людей болели "супергриппом" но мало кто здесь умирал. Возможно, их тревожила перспектива стать обедом для животных, и они уползали под крышу, когда чувствовали, что конец близок. В это утро Ларри увидел только одного мертвеца, но ему хватило с лихвой. Он тогда прошел по Первому проезду к расположенному рядом с дорожкой общественному туалету. Открыл дверь кабинки, а там сидел ухмыляющийся мертвец, по лицу которого деловито ползали черви. Руки покойник положил на голые бедра, а его запавшие глаза пристально смотрели на Ларри. Того окатило волной тошнотворно сладкого запаха, словно кабинку занимал не труп, а прогорклый леденец, лакомство, которое из-за всей этой суматохи оставили мухам. Ларри тут же захлопнул дверцу, но все равно опоздал: с кукурузными хлопьями, съеденными на завтрак, пришлось расстаться, а сухая рвота продолжалась так долго, что он испугался, как бы ему не лишиться части жизненно важных органов. «Гос-

поди, если Ты есть, — молился он, плетясь к зверинцу, — если Ты сегодня принимаешь просьбы, Отче наш, моя просьба очень проста: сделай так, чтобы сегодня я больше ничего подобного не видел. Психи — это плохо, но *такое* выше моих сил. Премного Тебе благодарен».

Теперь, сидя на скамейке (выкликатель монстров удалился за пределы слышимости, во всяком случае, временно), Ларри думал о Мировых сериях* пятилетней давности. Воспоминания эти были приятными: Ларри казалось, что именно тогда он в последний раз был совершенно счастлив, в отличном физическом состоянии, и его разум пребывал в благодушном настроении, а не работал против него.

Происходило все это после разрыва с Руди. Чертовски неприятная вышла история, и если бы он когда-нибудь снова встретил его («Не бывать этому», — со вздохом заверил его внутренний голос), то обязательно извинился бы. Упал бы на колени и поцеловал туфли Руди, если б тот счел, что Ларри только так может искупить свою вину.

Они отправились через всю страну на хрипящем старом «меркури» модели тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, у которого в Омахе полетела коробка передач. После этого они задерживались где-нибудь на пару недель подработать, потом какое-то время на попутках ехали дальше на запад, затем снова работали пару недель — и снова голосовали на обочине, ожидая, пока их подвезут. Как-то они нанялись на ферму в западной Небраске, и однажды вечером Ларри проиграл в покер шестьдесят долларов. На следующий день ему пришлось попросить у Руди взаймы, чтобы отдать долги. Через месяц они оказались в Лос-Анджелесе, и Ларри первым нашел работу — если только можно назвать работой мытье тарелок за минимальную ставку, определенную профсоюзом. Однажды вечером, недели через три, Руди напомнил о долге. Он сказал, что встретил парня, который порекомендовал ему действительно хорошее агентство по найму, гарантирующее работу, но вознаграждение агентства составляло двадцать пять долларов. Именно столько Руди одолжил Ларри после его покерного проигрыша.

---

* Мировые серии — заключительный аккорд бейсбольного сезона. Победитель становится чемпионом страны.

— В обычной ситуации, — признал Руди, — я не стал бы напоминать, но...

Ларри запротестовал, заявив, что уже вернул долг. Они квиты. Если Руди нужны двадцать пять долларов — нет проблем, но ему не хотелось бы дважды уплачивать один и тот же долг.

Руди ответил, что ему не нужны *подарки*, он всего лишь хочет получить одолженные *деньги*, и фантазии Ларри Андервуда его совершенно не интересуют. «Господи Иисусе! — воскликнул Ларри, пытаясь добродушно рассмеяться. — Никогда не думал, что мне следовало взять у тебя расписку, Руди. Выходит, что я ошибался».

Дело чуть не дошло до драки. В конце концов лицо Руди налилось кровью. «В этом ты весь, Ларри! — закричал он. — Вся твоя сущность! Такой ты на самом деле. Я уж думал, что жизнь ничему меня не научит, так нет же, получил хороший урок! Пошел ты на хрен, Ларри!»

Руди выскочил за дверь, и Ларри последовал за ним на лестницу дешевого пансиона, доставая бумажник из заднего кармана. В секретном отделении за фотографиями лежали три аккуратно сложенные десятки. Он швырнул их вслед Руди. *Давай, лживый сукин сын! Бери! Бери эти чертовы деньги!*

Руди хлопнул дверью и ушел в ночь, ни разу не оглянувшись, навстречу какой-нибудь паршивой судьбе, которая ждала всех Руди этого мира. Тяжело дыша, Ларри стоял на лестнице. Минуту спустя он огляделся в поисках своих десяток, подобрал их и засунул в бумажник.

В последующие годы, изредка вспоминая об этом случае, Ларри все больше и больше склонялся к мысли, что Руди был прав. Собственно, он в этом уже и не сомневался. Даже если бы он действительно вернул долг Руди, они дружили с начальной школы, и, насколько мог помнить Ларри, ему всегда не хватало десяти центов на дневной субботний фильм, потому что по пути к Руди он покупал лакричные конфеты или шоколадные батончики. Да и в школе Ларри часто занимал у Руди пять центов на завтрак или семь на проезд. За все годы в сумме набралось долларов пятьдесят, если не сто. Когда Руди напомнил ему о тех двадцати пяти баксах, внутри у Ларри — он это помнил — все сжалось. Его рассудок вычел двадцать пять из тридцати и озвучил итог: *Останется только пять долларов. Стало быть, ты уже заплатил ему. Не*

помню, когда именно, но заплатил. И больше обсуждать тут нечего. Вот так.

Но после этого Ларри остался в городе один. У него не было друзей, и он даже не пытался познакомиться с теми, кто работал вместе с ним в кафе в Энсино. Потому что считал их всех недоумками, начиная от вспыльчивого шеф-повара и заканчивая виляющими задом и жующими жвачку официантками. Да, он действительно полагал, что те, кто работал в кафе «У Тони», не могли сравниться с ним, Ларри Андервудом, необыкновенно талантливым человеком, которого вскоре ждал успех (и вам лучше в это поверить). Страдая от одиночества в мире недоумков, он чувствовал себя как побитая собака и маялся от тоски по дому, как человек, выброшенный после кораблекрушения на необитаемый остров. Уже начал подумывать о том, чтобы купить билет на «Грейхаунд» и вернуться в Нью-Йорк.

Через месяц, может, даже через две недели он бы так и поступил... если бы не Ивонн.

Он познакомился с Ивонн Уэттерлен в кинотеатре, расположенном в двух кварталах от клуба, в котором она танцевала топлес. Когда закончился второй фильм, она плакала и ползала по проходу в поисках своей сумочки. В ней лежали водительское удостоверение, чековая книжка, профсоюзный билет, единственная кредитная карточка, копия свидетельства о рождении и карточка социального страхования. Хотя Ларри не сомневался, что сумочку украли, говорить он ей этого не стал и помог в поисках. А потом произошло событие, заставляющее поверить в чудеса: он нашел сумочку тремя рядами ниже места Ивонн, в тот момент, когда они уже собрались закончить поиски. Ларри предположил, что сумочка упала на пол и съехала вниз из-за вибрации, вызванной шарканьем ног зрителей: фильм действительно навевал скуку. Ивонн обнимала его и плакала, когда благодарила. Ларри, чувствуя себя Капитаном Америкой*, сказал, что с удовольствием угостил бы ее бургером или чем-нибудь еще, чтобы отпраздновать находку, но у него действительно туго с наличными. Ивонн ответила, что угощает она. Ларри, великий принц, предполагал, что так оно и будет.

---

* Капитан Америка — супергерой одноименных комиксов, впервые появившихся в 1941 г.

Они стали встречаться. Менее чем через две недели завязались отношения. Ларри нашел себе работу получше, продавцом в книжном магазине, потом начал выступать с группой «Рейнджеры быстрого ритма — непревзойденный буги-бэнд». Если они чем-то и выделялись в лучшую сторону, так это названием, но ритм-гитаристом у них был Джонни Маккол, который со временем организовал «Тэттерд ремнантс», действительно хорошую рок-группу.

Ларри и Ивонн стали жить вместе, и для Ларри все изменилось. Отчасти из-за того, что у него наконец-то появился свой дом, настоящий дом, за который он вносил половину квартирной платы. Ивонн повесила занавески, они купили кое-какую дешевую мебель и обставили квартиру, а другие члены рок-группы и подруги Ивонн начали заглядывать к ним на огонек. Днем в окна светило яркое солнце, а по ночам в квартиру проникал восхитительный калифорнийский ветерок, благоухающий апельсинами, хотя благоухать он вроде бы мог только гарью. Иногда никто не приходил, и они с Ивонн просто смотрели телевизор. Она приносила ему банку пива, садилась на подлокотник кресла и массировала шею. Это был его собственный дом, *дом*, черт побери, и, случалось, он лежал ночью в постели рядом со спящей Ивонн и дивился, ну до чего же ему сейчас хорошо. А потом плавно соскальзывал в сон, крепкий сон праведника, и совсем не думал о Руди Шварце. Во всяком случае, нечасто.

Они прожили вместе четырнадцать месяцев. Можно сказать, душа в душу, за исключением последних шести недель или около того, когда Ивонн повела себя как сука. И завершение этого периода жизни ассоциировалось у Ларри с Мировыми сериями. В те дни после работы в книжном магазине он отправлялся домой к Джонни Макколу, и они вдвоем — вся группа собиралась только по уик-эндам, потому что двое других парней работали по ночам, — сочиняли свою музыку и экспериментировали со старыми песнями, которые Джонни считал крутыми, типа «Никто, кроме меня» или «Двойная порция любви моей крошки».

Потом он шел домой, *к себе* домой, и Ивонн ставила на стол обед. Не какой-то там «телеобед», не какую-то дрянь, а настоящую домашнюю еду. Готовить она умела. Поев, они отправлялись в гостиную, включали телевизор и смотрели Серии. После чего

занимались любовью. С тех пор ему никогда не было так хорошо. Никогда.

Ларри понял, что плачет, и на мгновение ощутил отвращение к самому себе: сидит на скамейке в Центральном парке и плачет, глядя на солнце, как глубокий старик, живущий на одну пенсию. Потом подумал, что имеет право оплакивать утерянное, имеет право пребывать в шоке, если, конечно, это так называется.

Его мать умерла три дня тому назад. Умерла на койке в коридоре больницы «Милосердие», забитой тысячами других умирающих. Ларри стоял на коленях рядом с матерью, пока она уходила, думал, что сойдет с ума, наблюдая, как она умирает, а вокруг воняло мочой и говном, кричали и бормотали бредившие люди, раздавались хрипы и вопли, полные боли и страданий. Перед смертью мать не узнала его. Не было никакого предсмертного просветления. Просто ее грудь, поднимаясь, остановилась на полувдохе — и очень медленно опустилась, словно автомобиль на проколотой шине. Он еще минут десять простоял на коленях рядом с кроватью, в голове мелькали отрывочные мысли, что надо дождаться, пока выпишут свидетельство о смерти или пока кто-нибудь спросит его, что произошло. Но произошедшее не требовало никаких вопросов — смерть была повсюду. Больница превратилась в дурдом. К нему не собирался подходить какой-нибудь серьезный молодой доктор, чтобы выразить сочувствие и запустить механизм оформления смерти. Рано или поздно мать вынесли бы отсюда, как мешок с овсом, но Ларри не хотел при этом присутствовать. Сумочка матери лежала под койкой. Ларри взял ее, достал оттуда ручку, заколку для волос и чековую книжку. Оторвал от одного из последних листков расписку о взносе депозита, написал ее имя, адрес и, после кратких вычислений в уме, возраст. Заколкой для волос пришпилил листок к карману ее блузки и заплакал. Поцеловал мать в щеку и убежал, плача. Чувствуя себя дезертиром. На улице ему стало немного легче, хотя в тот момент его окружали обезумевшие люди, больные и армейские патрули. А теперь он сидел на скамейке в Центральном парке и грустил: о том, что его мать так и не успела выйти на пенсию, о крахе своей карьеры, о тех днях в Лос-Анджелесе, когда они с Ивонн смотрели Мировые серии, зная, что за этим последует любовь, и о разрыве с Руди. Больше всего он грустил о разрыве с Руди, жалея, что тогда не отдал Руди, чуть улыбнувшись и пожав плечами,

те двадцать пять долларов и что потерянные шесть лет уже не вернуть.

Обезьяна умерла без четверти двенадцать.

Сидела на своем шестке, просто тупо сидела, сунув лапки под подбородок, потом веки ее трепыхнулись, и она упала вниз, ударившись о бетон с жутким «чмок».

Ларри больше не хотелось оставаться на этой скамейке. Он поднялся и бесцельно двинулся к аллее с большой эстрадой. Пятнадцать минут тому назад до него вновь донесся голос выкликателя монстров, издалека, но теперь в парке остались только стук его каблуков по бетону дорожки да чириканье птиц. Птицы, похоже, гриппом не болели. Оставалось только порадоваться за них.

Приблизившись к открытой эстраде, он увидел, что на одной из скамеек перед ней сидит женщина. Лет, наверное, пятидесяти, но она приложила немало усилий для того, чтобы выглядеть моложе. Дорогие серо-зеленые слаксы, шелковая блуза в крестьянском стиле, сползающая с плеча... «Только, — подумал Ларри, — крестьяне вряд ли могли позволить себе шелк». Женщина обернулась на звук его шагов. В одной руке она держала капсулу и теперь небрежно бросила ее в рот, как зернышко жареного арахиса.

— Привет, — поздоровался Ларри. Всмотрелся в спокойное лицо, синие глаза, светящиеся острым умом.

Она носила очки в тонкой золотой оправе, а мех на ее сумочке напоминал настоящую норку. Руки украшали четыре кольца — обручальное, два с бриллиантами и еще одно с изумрудом.

— Эй, я не опасен! — вырвалось у него. Фраза получилась глупая, но на пальцах женщины красовались как минимум тысяч двадцать долларов. Конечно, драгоценные камни могли быть подделкой, однако она не походила на девиц, жалующих макароны и цирконы.

— Да, — кивнула она. — Опасным вы не выглядите. Как, впрочем, и больным. — Произнося последнее слово, она слегка выделила его, превращая свою фразу в вежливый полувопрос. Теперь он заметил, что не такая уж она и спокойная, как ему поначалу показалось: слева на шее женщины пульсировала жилка, а за живым умом синих глаз скрывался тот же самый шок, который Ларри увидел сегодня утром в зеркале, когда брился.

— Нет, я, похоже, здоров. А вы?

— Я тоже. Вы знаете, что к вашему ботинку прилипла обертка от мороженого?

Он посмотрел вниз и убедился, что так оно и есть. Это заставило его покраснеть, так как он подозревал, что тем же тоном она сообщила бы ему о расстегнутой ширинке. Стоя на одной ноге, он попытался избавиться от обертки.

— Вы похожи на аиста, — отметила она. — Присядьте и попытайтесь еще раз. Меня зовут Рита Блейкмур.

— Приятно познакомиться. Я Ларри Андервуд.

Он сел. Она протянула руку, и он легонько пожал ее, почувствовав пальцами прикосновение колец. Осторожно отлепил обертку от мороженого и аккуратно бросил в стоящую у скамейки урну с надписью: «ЭТО ВАШ ПАРК. СОБЛЮДАЙТЕ ЧИСТОТУ!» Только что проделанная операция показалась Ларри забавной. Он откинул голову назад и расхохотался от всей души, впервые с того дня, как пришел домой и обнаружил мать на полу. И испытал безмерное облегчение, осознав, что смех, как и прежде, вызывал приятные ощущения, поднимаясь откуда-то из живота и исчезая между зубами, отправляясь в веселенькое путешествие к чертовой матери.

Рита Блейкмур улыбалась ему и вместе с ним, и его вновь поразила ее небрежно-элегантная красота. Она словно сошла со страниц романа Ирвина Шоу. Может, «Ночного портье» или другого*, по нему еще сняли телесериал, который Ларри смотрел подростком.

— Услышав ваши шаги, я чуть не спряталась, — призналась она. — Подумала, что идет тот мужчина в разбитых очках и со странными идеями.

— Выкликатель монстров?

— Это ваше прозвище или его собственное?

— Мое.

— Очень метко. — Она открыла отороченную мехом норки (возможно) сумочку и достала пачку ментоловых сигарет. — Мне он напоминает безумного Диогена.

— Да, ищущего настоящего монстра. — И Ларри снова засмеялся.

---

* Имеется в виду роман Ирвина Шоу «Богач, бедняк».

Она закурила, выдохнула облачко дыма.

— Он тоже не болен, — заметил Ларри. — В отличие от большинства других.

— Швейцар в моем доме выглядит очень хорошо, — поделилась своими наблюдениями Рита. — Он по-прежнему на посту. Выходя этим утром из дома, я дала ему на чай пять долларов. Сама не знаю за что. То ли за то, что он очень хорошо выглядит, то ли за то, что стоит на посту. Как вы считаете?

— Я слишком мало вас знаю, чтобы ответить.

— Конечно, вы меня не знаете. — Она убрала сигареты в сумочку. Он заметил лежащий в ней револьвер. Рита, перехватив его взгляд, продолжила: — Это револьвер моего мужа. Он работал управляющим крупного нью-йоркского банка. Так он всегда отвечал, если его спрашивали, чем он занимается. «Я-управляющий-крупного-нью-йоркского-банка». Он уже два года как умер. Отправился на ленч с одним из этих арабов, которые будто мажут все открытые участки кожи «Брилкримом». Обширный инсульт. Даже галстук не успел снять. Как вы думаете, для нашего поколения это эквивалентно давней поговорке о смерти в сапогах*? Гарри Блейкмур умер в галстуке. Мне это нравится, Ларри.

Перед ними на дорожку приземлился зяблик и принялся клевать землю.

— Он безумно боялся воров, отсюда и этот револьвер. Ларри, правда ли, что при выстреле бывает сильная отдача и громкий звук?

— Не думаю, что у такого револьвера будет сильная отдача, — ответил Ларри, никогда в своей жизни не стрелявший. — Это тридцать восьмой калибр?

— По-моему, тридцать второй. — Она вытащила револьвер из сумки, и Ларри заметил, что в ней также много пузырьков с капсулами. На этот раз Рита не следила за его взглядом, она смотрела на невысокую персидскую сирень, росшую шагах в пятнадцати от скамейки. — Пожалуй, я его испытаю. Как думаете, я попаду в то дерево?

— Не знаю, — опасливо ответил он. — Мне кажется, что...

---

* Речь идет об идиоме to die with your boots on — умереть в сапогах, умереть на работе (*англ.*).

Она нажала на спусковой крючок. Грохнуло достаточно сильно. В стволе сирени появилась маленькая дырка.

— В яблочко, — удовлетворенно сказала Рита. Она сдула дым со ствола, как заправский стрелок.

— Действительно, здорово, — признал Ларри. Когда она убрала револьвер в сумочку, его сердце постепенно замедлило бег.

— В человека я бы не смогла выстрелить. Нисколько в этом не сомневаюсь. Да и скоро не в кого будет стрелять, верно?

— Ох, об этом я ничего не знаю.

— Вы смотрели на мои кольца. Хотите одно?

— Что? Нет! — Он снова покраснел.

— Как банкир, мой муж верил в бриллианты. Он верил в них так же, как баптисты верят в Откровение Иоанна Богослова. У меня очень много бриллиантов, и все они застрахованы. Мы не просто владели какой-то толикой бриллиантов, мой Гарри и я, иногда мне казалось, что мы имеем право на все, что только есть в мире. Но если бы кто-нибудь попросил у меня мои бриллианты, я бы их тут же отдала. В конце концов, это ведь просто камни...

— Мне кажется, вы правы.

— Разумеется, — кивнула Рита, и на левой стороне ее шеи вновь запульсировала жилка. — Если бы они понадобились грабителю, я бы отдала ему не только свои бриллианты, но и адрес «Картье». У них выбор получше, чем у меня.

— Что вы собираетесь теперь делать? — спросил Ларри.

— А что бы вы предложили?

— Ума не приложу, — вздохнул Ларри.

— Вот и я о том же.

— Знаете что? Этим утром я встретил парня, который сказал, что идет на стадион «Янки», чтобы подр... чтобы поонанировать в «доме». — Он вновь почувствовал, как краснеет.

— Идти-то как далеко. Почему вы не предложили ему что-нибудь поближе? — Рита вздохнула, и вздох перешел в дрожь. Она открыла сумочку, достала пузырек и бросила себе в рот желатиновую капсулу.

— Что это? — спросил Ларри.

— Витамин Е, — ответила она с яркой, фальшивой улыбкой. Жилка на ее шее запульсировала и тут же перестала. К женщине вернулось спокойствие.

— В барах никого нет, — неожиданно произнес Ларри. — Я заглянул в «Пэтс» на Сорок третьей и увидел, что там ни души. У них роскошная барная стойка из красного дерева. Я зашел за нее, взял стакан для воды и наполнил виски. «Джонни Уокер». Потом понял, что не могу там оставаться. Оставил стакан на стойке и ушел.

Они вздохнули в унисон.

— С вами очень приятно общаться, — первой заговорила она. — Вы мне очень нравитесь. И так прекрасно, что вы не сумасшедший.

— Спасибо, миссис Блейкмур. — Ее слова удивили и порадовали его.

— Рита. Я Рита.

— Хорошо.

— Ты голоден, Ларри?

— Если на то пошло, да.

— Может, пригласишь даму на ленч?

— С удовольствием.

Она поднялась и предложила ему руку, с легкой просительной улыбкой. Беря Риту под руку, он уловил аромат ее сухих духов. Этот запах одновременно и успокаивал, и смущал из-за вызванных им ассоциаций. Когда они ходили с матерью в кино, она всегда пользовалась сухими духами.

Но он забыл обо всем этом, когда они вышли из парка на Пятую авеню, с каждым шагом удаляясь от умершей обезьяны, выкликателя монстров и темного, сладкого леденца, навечно усевшегося в туалетной кабинке рядом с Первым проездом. Рита болтала без умолку, и потом он ничего не смог вспомнить из ее болтовни (впрочем, нет, одно все-таки вспомнил: «Я всегда мечтала прогуляться по Пятой авеню под руку с молодым человеком, который годился бы мне в сыновья, но не был моим родственником»), однако саму прогулку вспоминал часто, особенно после того, как Рита начала рассыпаться, будто небрежно сделанная игрушка. Вспоминал ее прекрасную улыбку, блеск глаз, циничную, непринужденную болтовню, шуршание слаксов.

Они зашли в стейк-хаус. Ларри готовил, поначалу неуклюже, а она аплодировала каждому блюду: стейку, картофелю фри, растворимому кофе, пирогу с клубникой и ревенем.

Глава 28

В холодильнике стоял клубничный пирог, завернутый в полиэтиленовую пленку. Фрэнни долго смотрела на него, тупо, словно не понимая, что видит, потом достала, поставила на стол, отрезала кусок. Когда переносила кусок на маленькую тарелку, клубничина упала на столешницу с сочным «плюх». Фрэнни подняла ягоду и съела. Потом тряпкой вытерла пятнышко сока. Остаток пирога вновь завернула в пленку и убрала в холодильник.

Когда она поворачивалась к тарелке с куском пирога, ее взгляд упал на стойку с ножами рядом с буфетом. Стойку сделал отец. С двумя намагниченными горизонтальными дорожками. Ножи крепились к ним лезвиями вниз. Фрэнни долго смотрела на ножи все тем же тупым, равнодушным взглядом, без устали комкая руками складки фартука.

Наконец, минут через пятнадцать, она вспомнила, что чем-то занималась. Чем? Внезапно, вроде бы без всякой на то причины, ей в голову пришла строка из Библии, вернее, ее переложение: *В чужом глазу пылинку видишь, в своем бревна не замечаешь**. Она задумалась. Пылинка? Бревно? Какое бревно? Потолочная балка? Или вообще лунный луч? А есть еще лучи фонарика, и лучащиеся лица, и в Нью-Йорке в свое время был мэр с похожей фамилией, не говоря уже о песне, которую она выучила в летней библейской школе: «Я буду Ему солнечным лучом».

В чужом глазу пылинку видишь...

Но речь не о глазе, а о пироге. Фрэнни повернулась к пирогу и увидела ползущую по нему муху. Махнула рукой. *Мистер Муха, улетай, пирогу скажи «прощай».*

Она долго смотрела на кусок пирога. Ее мать и отец умерли, это она знала точно. Мать — в Сэнфордской больнице, а отец, стараниями которого маленькая девочка когда-то чувствовала себя как дома в таинственной мастерской, лежал неживой над ее головой. Почему вдруг все стало рифмоваться? Да еще так мерзко, низкопробно, эдакая идиотская мнемотехника, как при высокой температуре! *У моей собаки блохи, и дела собаки плохи...*

---

* Евангелие от Матфея, 7:5: «...вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего».

Внезапно Фрэнни пришла в себя, ее охватил ужас. На кухне пахло горелым. Она что-то сожгла.

Фрэнни закрутила головой и увидела небольшую кастрюлю с длинной ручкой, которую она поставила на плиту и забыла. В кастрюле лежал нарезанный ломтиками картофель, залитый маслом. Теперь оттуда валил густой дым. Капли масла, сердито выплескиваясь из кастрюли, падали на горелку, вспыхивали и исчезали, будто невидимая рука щелкала и щелкала невидимой газовой зажигалкой.

Фрэнни коснулась ручки кастрюли и, ахнув, отдернула пальцы. Слишком горячая. Схватила посудное полотенце, обернула вокруг ручки и быстро перенесла кастрюльку, шипящую, как дракон, через дверь черного хода на заднее крыльцо. Поставила на верхнюю ступеньку. Запах жимолости и жужжание пчел одуряли, но она едва их замечала. Толстое, отупляющее одеяло, которое последние четыре дня укутывало эмоции Фрэнни, вдруг сдернули, и она почувствовала острый укол страха. Страха? Нет — ужаса, граничащего с паникой.

Она помнила, как чистила и резала картофель, как наливала масло. Теперь помнила. Но на какое-то время она просто... это ж надо! Она просто забыла!

Стоя на заднем крыльце, по-прежнему сжимая в руке посудное полотенце, Фрэнни пыталась воссоздать цепочку своих мыслей после того, как поставила кастрюлю с залитым маслом картофелем на плиту. Почему-то ей казалось, что это важно.

Итак, сначала она подумала, что трапеза, состоящая исключительно из картофеля фри, не очень-то сытная. Потом подумала, что ей нет необходимости самой готовить картофель фри, если работает «Макдоналдс» на шоссе 1, и она еще может прикупить бургер. Всего-то делов сесть в машину и подъехать к автоокну. Она может взять «Роял чизбургер» и большую порцию картошки, какие выдают в ярко-красных картонных контейнерах. С маленькими пятнышками жира внутри. Несомненно, вредная пища, но, бесспорно, и ободряющая. И потом, у беременных женщин возникают такие странные желания.

Эта мысль перебросила мостик к следующему звену. Мысль о странных желаниях привела к мысли о клубничном пироге, упрятанном в холодильник. Внезапно она решила, что клубничного пирога ей хочется больше, чем чего бы то ни было. Она доста-

ла пирог, а потом ее взгляд упал на стойку с ножами, которую отец сделал для матери (миссис Эдмонтон, жена доктора, с такой завистью смотрела на эту стойку, что Питер два года тому назад подарил ей такую же на Рождество), и тут ее мозг... закоротило. Пылинки... бревна... мухи...

— Господи, — обратилась она к пустынному двору и отцовскому огороду, который больше никто не пропалывал. Села, закрыла лицо фартуком и заплакала.

Когда слезы высохли, ей вроде бы чуть полегчало... но испуг остался. «Я схожу с ума? — спросила себя Фрэнни. — Так это происходит, такие возникают ощущения, если у тебя нервный срыв или как там это называется?»

С тех пор как вчера вечером, в половине девятого, ее отец умер в своей постели, мыслительный процесс утратил связность, разорвался на отдельные части. Фрэнни забывала, что делала, разум вдруг уходил в какие-то грезы, а она просто сидела, не думая ни о чем и восприятием действительности не отличаясь от кочана капусты.

После того как умер отец, она долго сидела у его кровати. Наконец спустилась вниз и включила телевизор. Безо всякой особой на то причины: как говорится, просто решила, что это хорошая идея. Работала только одна станция, портлендская УКСХ-ТВ, показывали какое-то совершенно безумное судебное шоу. Негр, выходец из кошмарных снов куклуксклановца, делал вид, что расстреливает из пистолета белых людей, тогда как другие белые люди восторженно аплодировали. Разумеется, он просто делал вид — если такие вещи происходят на самом деле, их не показывают по телевизору, — но выглядело все вполне реально. Фрэнни происходящее напомнило «Алису в Стране чудес», только на этот раз «Голову с плеч!» кричала не Королева Червей, а... что? Кто? Черный Принц, предположила она. Хотя этот здоровяк в набедренной повязке не выглядел принцем.

Позже по ходу передачи (насколько позже, она сказать не могла) какие-то другие люди ворвались в студию, и завязалась перестрелка, поставленная даже еще более реалистично, чем казни. Она видела, как пули большого калибра чуть не отрывали людям головы. Их отбрасывало назад, и из разорванных шей струями выплескивалась артериальная кровь. Фрэнни помнила, что еще подумала (пусть и бессвязно, но как получилось), что авторам шоу

надо бы время от времени выводить на экран табличку с рекомендацией родителям уложить детей спать или переключиться на другой канал. Она также помнила, что подумала, что у УКСХ-ТВ все равно могли отобрать лицензию на вещание — слишком уж кровавую они показывали передачу.

Когда камера уставилась в потолок, демонстрируя только висящие там прожекторы, Фрэнни выключила телевизор и легла на диван, уставившись в свой собственный потолок. Там она и уснула, а утром практически убедила себя, что вся передача ей просто приснилась. Похоже, в этом и было все дело: происходящее вокруг превращалось в кошмарный сон, заполненный беспричинными тревогами. Сначала умерла мать, затем отец. Как в «Алисе», жизнь становилась все страньше и страньше.

Отец пошел на экстренное городское собрание, хотя уже заболел. Фрэнни, будто под наркозом, утратив связь с реальностью, отправилась вместе с ним.

Зал собраний заполнился под завязку, людей пришло гораздо больше, чем на ежегодные городские собрания, которые проводились в конце февраля или в начале марта. Большинство чихало, кашляло и сморкалось. На лицах читались испуг и готовность взорваться по малейшему поводу. Говорили все громко и хрипло. Вскакивали. Грозно трясли пальцами. Вещали. Многие — не только женщины — плакали.

Подавляющим большинством приняли решение закрыть город. Чтобы никто не мог в него попасть. Если кто-то хотел уехать — счастливого пути, разумеется, только пусть отдает себе отчет, что обратно ему уже не вернуться. Дороги, ведущие в город, в особенности федеральное шоссе номер 1, решили перегородить легковыми автомобилями (после жарких дебатов, длившихся полчаса, изменили свое решение в пользу принадлежащих городу грузовиков департамента общественных работ) и выставить у этих блокпостов вооруженных добровольцев. Тех, кто попытался бы воспользоваться шоссе номер 1 для проезда на север или на юг, охранники направляли бы в Уэллс на севере и в Йорк на юге, где путешественники могли повернуть на автостраду 95 и обогнуть Оганквит. В любого, кто попытался бы прорваться через блокпост, решили стрелять на поражение. «Убивать?» — переспросил кто-то. «Именно так», — ответили ему несколько голосов.

Небольшая группа, человек из двадцати, предложила незамедлительно выдворить всех больных за пределы города. Это предложение отвергли подавляющим большинством голосов, так как к вечеру двадцать четвертого почти у каждого горожанина, даже если он сам оставался здоровым, заболели близкие родственники или друзья. Многие из них верили передаваемым в выпусках новостей сообщениям о скором поступлении вакцины. «Как мы потом посмотрим в глаза друг другу, — восклицали они, — если, поддавшись панике, поступим со своими земляками, как с бездомными собаками?»

Тогда поступило предложение выдворить из города всех больных дачников.

Дачники, а их на собрании тоже хватало, сурово заявили, что за счет налогов, которые они многие годы платят за свои коттеджи, обеспечивается поддержка городских школ, дорог, бедняков, пляжей. И частный бизнес, который с середины сентября по середину июня не может свести концы с концами, остается на плаву только за счет летних денег. Поэтому, если их так беспардонно выдворят, жители Оганквита могут быть уверены, что больше сюда они не вернутся. И тогда местным придется вновь зарабатывать на жизнь промыслом лобстеров, съедобных моллюсков и морских ежей. Предложение о выдворении больных дачников отклонили с солидным перевесом.

К полуночи дорогу перегородили, а к следующему утру, двадцать пятого июня, нескольких человек подстрелили у блокпостов. По большей части ранили, но троих или четверых убили. Почти все они ехали на север из Бостона, охваченные страхом, потерявшие голову от паники. Некоторые после уговоров возвращались к Йорку, чтобы там повернуть на автостраду, но встречались и такие, кто уже не понимал слов. Эти пытались или переть напролом, или объехать преграду по обочинам. По ним и приходилось стрелять.

Однако к вечеру большинство людей, охраняющих блокпосты, заболели сами, раскраснелись от жара и постоянно опускали ружья, чтобы высморкаться. Некоторые, в том числе Фредди Диленси и Кертис Бьюкамп, потеряли сознание, и потом их отвезли в лазарет, который наспех организовали в муниципалитете, где они и умерли.

К вчерашнему утру слег отец Фрэнни, возражавший против самой идеи блокпостов, и она осталась при нем сиделкой. Он не разрешил ей отвезти его в лазарет. Если ему суждено умереть, сказал он дочери, то он хочет умереть у себя дома, достойно, без посторонних.

После полудня автомобильное движение совсем прекратилось. Гас Динсмор, сторож платной автостоянки на пляже, рассказал Фрэнни, что на дороге скопилось столько обездвиженных машин, что даже те водители, которые могли продолжить путь, не имели возможности проехать. И оно было к лучшему, потому что к полудню двадцать пятого в городе осталось менее трех десятков человек, еще способных нести вахту на блокпостах. У Гаса, до вчерашнего дня чувствовавшего себя превосходно, начался насморк. Собственно говоря, единственным здоровым человеком в городе, кроме Фрэнни, оставался Гарольд, шестнадцатилетний брат Эми Лаудер. Сама Эми умерла как раз перед первым городским собранием, и ее так и не надетое свадебное платье осталось висеть в шкафу.

Сегодня Фрэн из дома не выходила и никого не видела с тех пор, как вчера, во второй половине дня, к ней заглянул Гас. Несколько раз за это утро она слышала шум мотора, однажды где-то поблизости раздались два выстрела из ружья, но ничего больше. Воцарившаяся в городе устойчивая, ничем не нарушаемая тишина усиливала охватившее ее чувство нереальности.

И теперь предстояло все это обдумать. Мухи... глаза... пироги. Фрэнни вдруг поняла, что вслушивается в звуки, издаваемые холодильником, оснащенным автоматическим устройством для приготовления льда, и каждые двадцать секунд или около того где-то внутри слышался холодный удар — в накопитель падал еще один ледяной кубик.

Фрэнни сидела на кухне над тарелкой с куском клубничного пирога уже почти целый час. На ее лице застыло унылое, полувопросительное выражение. Мало-помалу еще одна мысль начала подниматься на поверхность из глубин сознания — точнее, две мысли, одновременно связанные и не имеющие друг к другу никакого отношения. Две сцепившиеся части одной большой мысли. Прислушиваясь к звуку падающих кубиков в устройстве для приготовления льда, Фрэнни принялась их анализировать. Первая мысль заключалась в том, что отец мертв; он умер в собственном доме, и это, наверное, было хорошо.

Вторая мысль имела отношение к сегодняшнему дню. Прекрасному, идеальному летнему дню, без единого недостатка: ради таких туристы и приезжают на побережье Мэна. Не для того чтобы поплавать, потому что вода все равно оставалась холодной, а чтобы насладиться летним днем.

Ярко светило солнце, и Фрэнни видела, что термометр за кухонным окном показывает почти восемьдесят градусов*. Отличный денек, и ее отец мертв. Существует ли между двумя этими мыслями какая-то связь, кроме очевидной, от которой на глаза наворачиваются слезы?

Она задумалась. Глаза словно застлал туман. Ее разум кружился вокруг проблемы, соскальзывал куда-то в сторону, затем вновь возвращался к ней.

Отличный *теплый* денек, и ее отец мертв.

Внезапно до нее дошло, и она зажмурилась, как от удара.

В тот же самый момент ее руки импульсивно дернули скатерть, и тарелка полетела на пол. Разбилась на сотни осколков, словно бомба, и Фрэнни закричала, впившись ногтями в щеки. Блуждающая, апатичная неопределенность исчезла из ее глаз, взгляд вдруг стал резким и осмысленным. Словно ей закатили сильную пощечину или поднесли к носу пузырек с нашатырем.

Нельзя оставлять труп в доме. В разгар лета — никак нельзя.

К ней вновь стала подкрадываться апатия, затуманивая мысли. Пережитый ужас притуплялся. Она снова принялась прислушиваться к звукам падающих ледяных кубиков...

Фрэнни попыталась встряхнуться. Встала, подошла к раковине, открыла на полную мощь кран с холодной водой и начала набирать полные пригоршни и плескать себе в лицо, шокируя горячую кожу.

Хочешь уйти от реальности — пожалуйста, только прежде реши эту проблему. Реши обязательно. Фрэнни не могла оставить отца лежать в кровати наверху, пока июнь будет плавно перетекать в июль. Получится слишком похоже на рассказ Фолкнера, который включался в антологии всех колледжей. «Роза для Эмили». Отцы города не знали, откуда исходит этот ужасный запах, но спустя некоторое время он исчез. Он... Он...

---

* По Фаренгейту; примерно 26,7°С.

— Нет! — громко вскрикнула Фрэнни в залитой солнцем кухне. Закружила по ней, обдумывая проблему.

Первой пришла мысль о местном похоронном бюро, но кто... кто...

— Не пытайся от этого уйти! — яростно крикнула она пустой кухне. — Кто будет его *хоронить*?

Вместе со звуком ее голоса пришел и ответ. Абсолютно ясный. Она, конечно. Кто же еще? Только она.

В половине третьего Фрэнни услышала, как на подъездную дорожку свернул автомобиль. Мощный двигатель самодовольно урчал на низких оборотах. Она положила лопату на край ямы, которую копала в огороде, между помидорами и салатом-латуком, и обернулась чуть испуганно.

На подъездной дорожке стоял новенький «кадиллак-куп-девиль» бутылочно-зеленого цвета, и из него вылезал толстый шестнадцатилетний Гарольд Лаудер. Фрэнни ощутила внезапный приступ неприязни. Гарольд ей не нравился, и она не знала никого, кто бы относился к нему иначе, включая его покойную сестру Эми. Вот тут Фрэн и поразила печальная ирония судьбы: во всем Оганквите в живых, помимо нее, остался один из тех немногих жителей города, которых она не жаловала.

Гарольд был редактором литературного журнала Оганквитской старшей школы и писал странные рассказы в настоящем времени или от второго лица, а иногда совмещал и то и другое. *Ты идешь бредовым коридором, плечом открываешь расщепленную дверь и смотришь на мчащиеся звезды* — таков был стиль Гарольда.

«Он дрочит в штаны, — однажды шепнула Фрэн Эми. — Как тебе эта мерзость? Дрочит в штаны и носит одну пару трусов, пока они не начинают стоять сами по себе».

Черные волосы Гарольда сально блестели. Довольно высокий, шесть футов и один дюйм, весил он почти двести сорок фунтов. Предпочитал ковбойские остроносые сапоги, широкие кожаные ремни, которые ему приходилось постоянно подтягивать, так как его живот толщиной значительно превосходил зад, и широкие цветастые рубашки, которые раздувались на нем, как паруса. Фрэнни не волновало, как часто и куда он дрочит, какой у него

вес и кому он подражает на этой неделе — Райту Моррису* или Хьюберту Селби-младшему**. Но, глядя на него, она всегда испытывала неловкость и легкое отвращение, словно обладала зачатками телепатии и чувствовала, что каждая мысль Гарольда покрыта слизью. Она не думала, даже в сложившейся ситуации, что Гарольд опасен, но он вызывал у нее те же неприятные чувства, что и всегда, а может, и более сильные.

Он ее не заметил, так как смотрел на дом.

— Есть кто-нибудь дома? — крикнул он, а потом просунул руку в окно «кадиллака» и нажал на клаксон. Резкий автомобильный гудок хлестнул Фрэнни по нервам. Она бы не отозвалась, да только Гарольд, повернувшись, чтобы сесть в машину, обязательно увидел бы яму и ее саму на краю этой ямы. На мгновение ей захотелось отойти поглубже в огород, лечь на землю и затаиться среди гороха и бобов, пока ему не надоест здесь торчать и он не уедет.

«Прекрати, — приказала она себе, — немедленно прекрати. Он, между прочим, еще один живой человек».

— Я здесь, Гарольд, — позвала она.

Гарольд подпрыгнул, его крупные ягодицы колыхнулись в обтягивающих штанах. Очевидно, он просто объезжал дома, не ожидая найти кого-то живого. Он повернулся, и Фрэнни направилась к нему, отряхивая грязь с ног, смирившись с тем, что он таращится на ее белые шорты и топ. И действительно, Гарольд буквально пожирал ее взглядом.

— Привет, Фрэн! — радостно воскликнул он.

— Привет, Гарольд.

— Я слышал, у тебя успехи в сопротивлении этой смертельной болезни, поэтому первым делом заехал к тебе. Я объезжаю город. — Он улыбнулся, показав зубы, которые в лучшем случае могли похвастаться лишь шапочным знакомством с зубной щеткой.

— Мне очень жаль, что так вышло с Эми, Гарольд. Твои отец и мать?..

---

* Райт Марион Моррис (1910—1998) — американский прозаик, фотограф, эссеист.

** Хьюберт Селби (1928—2004) — американский писатель. Два его романа, «Последний поворот на Бруклин» и «Реквием по мечте», экранизированы.

— Боюсь, что да, — ответил Гарольд. Он на мгновение склонил голову, потом вскинул ее, отчего слипшиеся волосы подпрыгнули. — Но жизнь продолжается, правда?

— Наверное, — вымученно выдавила Фрэнни. Его взгляд снова остановился на ее грудях, буквально прилип к ним, и она пожалела, что не в свитере.

— Как тебе моя машина?

— Она ведь принадлежит мистеру Брэннигану, так?

Рой Брэнниган был местным риелтором.

— Принадлежала, — бесстрастно поправил ее Гарольд. — Я раньше считал, что в наши дни всеобщего дефицита любого, кто ездит на таком прожорливом монстре, надо вешать на ближайшем указателе «Суноко»*, но теперь все изменилось. Меньше людей — больше бензина. Больше всего, — закончил Гарольд. Его глаза блеснули, спустившись к пупку Фрэнни, потом поднялись к лицу, упали к шортам, вновь вернулись к лицу. На лице Гарольда играла веселая и одновременно смущенная улыбка.

— Гарольд, если ты меня извинишь...

— Но чем ты так занята, дитя мое?

Ощущение нереальности происходящего вновь попыталось вползти в нее, и она задалась вопросом, сколько способен вынести человеческий мозг перед тем, как лопнуть, словно растянутая резинка. «Мои родители умерли, но я могу смириться с этим. Какая-то жуткая болезнь охватила всю страну, может быть, весь мир, скашивая праведных и неправедных, — и я могу смириться с этим. Я копаю яму в огороде, который мой отец пропалывал еще на прошлой неделе, и когда яма будет достаточно глубокой, я похороню его в ней — думаю, я смогу смириться с этим. Но Гарольд Лаудер в «кадиллаке» Роя Брэннигана, лапающий меня глазами и называющий «дитя мое»? Я не знаю, Господи. Просто не знаю».

— Гарольд, — в ее голосе слышалось христианское терпение, — я тебе не дитя. Я на пять лет старше тебя. Я физически не могу быть твоим дитем.

— Это всего лишь образное выражение. — Он моргнул, почувствовав ее сдерживаемую ярость. — В любом случае — что это там такое? Вон та яма?

— Могила. Для моего отца.

---

* «Суноко» — американская нефтяная и нефтехимическая компания.

— Ох, — выдохнул Гарольд.

— Я хочу попить воды, прежде чем закончу. Честно говоря, Гарольд, я жду, пока ты уедешь. Я расстроена.

— Понимаю, — сдавленно ответил он. — Но, Фрэн... в огороде?

Она уже направилась к дому, но, услышав его слова, яростно обернулась.

— А что ты предлагаешь? Чтобы я положила его в гроб и поволокла на кладбище? Но, ради Бога, зачем? Он *любил* свой огород! И что тебе до этого? Твое-то какое дело?

Она расплакалась. Повернувшись, побежала на кухню, чуть не стукнувшись о передний бампер «кадиллака». Она знала, что Гарольд будет смотреть на ее покачивающиеся ягодицы, накапливая материал для того порнофильма, который постоянно прокручивался у него в голове, и это только прибавляло злости, грусти и слез.

Она захлопнула сетчатую дверь за своей спиной, подошла к раковине и выпила три стакана холодной воды слишком быстро, в результате чего серебряная иголка боли глубоко вонзилась ей в лоб. Изумленный желудок дернулся, и Фрэнни зависла над фаянсовой раковиной, сощурившись, размышляя, вырвет ее или нет. Через мгновение желудок сообщил ей, что примет холодную воду, во всяком случае, попытается.

— Фрэн? — донесся до нее неуверенный, тихий голос.

Она обернулась и увидела Гарольда, стоящего за сетчатой дверью, его руки болтались по бокам. Он выглядел озабоченным и несчастным, и Фрэн внезапно почувствовала к нему жалость. Гарольд Лаудер, разъезжающий по этому печальному, опустевшему городу в «кадиллаке» Роя Брэннигана, Гарольд Лаудер, который, возможно, за всю жизнь не был ни на одном свидании, Гарольд Лаудер, одержимый чувством, которое он сам, наверное, определял как вселенское презрение. К свиданиям, девушкам, друзьям — ко всему, в том числе, и это уж почти наверняка, к самому себе.

— Извини, Гарольд.

— Нет, не следовало мне ничего говорить. Послушай, если ты не против, я могу помочь.

— Спасибо, но лучше я все сделаю сама. Это...

— Это личное. Конечно, я понимаю.

Она могла достать свитер из шкафа на кухне, но, разумеется, он понял бы, зачем она это сделала, а ей не хотелось снова смущать его. Гарольд изо всех сил пытался вести себя хорошо, что отчасти напоминало попытки говорить на иностранном языке. Фрэнни вышла из дома, и мгновение они стояли рядом и смотрели на огород и на яму в обрамлении вырытой земли. А вокруг убаюкивающе «жужжал» день, словно ничего и не изменилось.

— Что ты собираешься делать? — спросила она Гарольда.

— Понятия не имею, — ответил он. — Знаешь... — Он запнулся.

— Что?

— Ну, мне трудно об этом говорить. Я не вхожу в число тех, кто пользуется всеобщей любовью в этом уголке Новой Англии. Сомневаюсь, что в этом городе мне поставят памятник, даже если я когда-нибудь стану знаменитым писателем, как в свое время мечтал. Между нами говоря, я верю, что стану стариком с бородой до пупа, прежде чем появится еще один знаменитый писатель.

Она ничего не ответила, только продолжала смотреть на него.

— Вот! — воскликнул Гарольд, дернувшись, будто это слово вылетело из него, как пробка. — Вот мне и приходится удивляться такой несправедливости! Она кажется — мне, во всяком случае, — такой чудовищной, что легче поверить, будто оболтусам, которые посещают местную цитадель знаний, удалось наконец свести меня с ума.

Он поправил очки на носу, и Фрэнни посочувствовала ему, заметив, какая у него россыпь прыщей. Говорил ли кто-нибудь Гарольду, спросила она себя, что мыло и теплая вода могут немного помочь? Или все слишком увлеклись симпатичной, миниатюрной Эми, наблюдая, как она — имея в школе средний балл 3,8 — на крыльях неслась сквозь Мэнский университет, закончив его двадцать третьей на курсе, где обучалось более тысячи человек? Милашка Эми, такая умненькая и жизнерадостная, а чего примечательного в Гарольде? Разве что грубость.

— Свести с ума, — тихо повторил Гарольд. — Я разъезжаю по городу на «кадиллаке», имея при себе лишь ученическое удостоверение. И посмотри на эти сапоги. — Он приподнял штанины джинсов, приоткрывая сверкающие, сложно расшитые голени-

ща. — Восемьдесят шесть долларов. Я просто вошел в «Шу боут» и взял свой размер. Чувствуя себя грабителем. Актером в пьесе. Сегодня я не раз и не два думал, что рехнулся.

— Ты не рехнулся, — заверила его Фрэнни. Пахло от него так, будто он не мылся три или четыре дня, но теперь она не испытывала к нему отвращения. — Откуда это? «Я буду в твоем сне, если ты будешь в моем»? Мы не психи, Гарольд.

— Может, было бы лучше, если б мы ими были.

— Кто-нибудь придет. — Фрэнни в этом не сомневалась. — Через какое-то время. После того как эпидемия этой болезни, чем бы она ни была, закончится.

— Кто?

— Кто-то, обладающий властью... — ответила она уже не так уверенно. — Тот, кто сможет... ну... навести порядок.

Он горько засмеялся:

— Мое дорогое дитя... извини, Фрэн. Все это *сделали* люди, облеченные властью. Они здорово умеют наводить порядок. Одним махом они разрешили все проблемы — экономическую депрессию, загрязнение окружающей среды, нехватку топлива, холодную войну. Да, они навели полный порядок. Они разрешили проблемы тем самым способом, каким Александр распутал гордиев узел — просто разрубив его пополам.

— Но ведь это просто необычный вирус *гриппа*, Гарольд. Я слышала по радио...

— Мать-Природа не использует такие методы, Фрэн. Кто-то из твоих властных людей собрал команду бактериологов, вирусологов и эпидемиологов и засадил в какое-нибудь правительственное учреждение, чтобы посмотреть, сколько они смогут создать необычных организмов. Бактерий. Вирусов. Микробов. Как ни назови. И неизбежно наступил момент, когда какая-нибудь хорошо оплачиваемая жаба сказала: «Смотрите, что я сделал. Убивает практически *всех*. Разве это не здорово?» Ей дали медаль, увеличили жалованье, подарили таймшер. А потом кто-то разбил пробирку... Что собираешься делать, Фрэн?

— Хоронить отца, — ответила она мягко.

— Ой... ну конечно. — Он кинул на нее быстрый взгляд и добавил: — Послушай, я собираюсь уехать отсюда. Из Оганквита. Если я останусь здесь еще на какое-то время, то действительно сойду с ума. Фрэн, почему бы тебе не поехать со мной?

— Куда?

— Не знаю. Пока.

— Ладно, когда будешь знать, приди и спроси меня еще раз.

Гарольд просиял.

— Хорошо! Обязательно! Дело... Видишь ли, дело в том... — Он запнулся и сошел с крыльца, словно в каком-то полусне. Его новые ковбойские сапоги сверкали на солнце. Фрэн наблюдала за ним с грустным недоумением.

Он помахал ей перед тем, как сесть за руль «кадиллака». Фрэн подняла руку в ответ. Автомобиль дернулся, когда Гарольд неумело тронул его задним ходом, а потом рывками покатился по подъездной дорожке. В какой-то момент Гарольд слишком взял влево и раздавил часть цветов Карлы. Наконец он вырулил на дорогу, едва не угодив в ливневую канаву. Потом просигналил два раза и уехал, быстро набирая скорость. Фрэн смотрела ему вслед, пока «кадиллак» не скрылся из виду, после чего вернулась в огород отца.

Где-то в начале пятого, пересиливая себя, волоча ноги, Фрэн поднялась наверх. В виски и в лоб стучала тупая головная боль, вызванная жарой, и усталостью, и напряжением. Она уже собралась отложить похороны на один день, но поняла, что будет только хуже. В руках она несла лучшую дамастную скатерть матери, предназначенную исключительно для гостей.

Оказалось, что все не так хорошо, как она надеялась, но и не так плохо, как боялась. У него на лице сидели мухи, потирали мохнатые лапки, потом взлетали, и его кожа почернела, но благодаря сильному загару от работы в саду в глаза это не бросалось... особенно если дать себе установку не замечать лишнего. И никакого запаха, а его-то она и страшилась сильнее всего.

Он умер на двуспальной кровати, которую годами делил с Карлой. Фрэнни расстелила скатерть на половине матери — край ткани касался руки, бедра и ноги отца — и, сглотнув слюну (голова разболелась еще сильнее), изготовилась перекатить покойного на его саван.

Питер Голдсмит был в полосатой пижаме, и Фрэнни поразила неподобающая фривольность этого одеяния, но она понимала, что придется оставить все как есть. Она не могла даже подумать о том, чтобы сначала раздеть его, а потом снова одеть.

Напрягшись, она ухватила отца за левую руку, ставшую твердой и негнущейся, как деревянный брусок, и потянула на скатерть. Отвратительное, протяжное рыгание вырвалось у него изо рта, и этот звук никак не обрывался, хрипел в горле, словно туда забралась цикада и теперь ожила в длинном, темном канале, затянула свою нескончаемую песню.

Фрэнни взвизгнула, отшатнулась, наткнулась на прикроватный столик. Расчески отца, щетки, будильник, небольшая кучка мелочи, булавки для галстука и запонки со звяканьем полетели на пол. Теперь появился *запах*, омерзительный запах разложения: тонкий, еще остававшийся слой окутывавшей Фрэнни защитной дымки рассеялся, и ей открылась истина. Она упала на колени, обхватила руками голову и зарыдала. Она хоронила не какую-нибудь куклу размером с человека, она хоронила своего *отца*, и последним свидетельством его принадлежности к роду человеческому — самым последним — был этот ядреный, насыщенный запах, повисший в воздухе. А скоро исчезнет и он.

Мир окутался серым, и звуки ее горя, истошные и непрерывные, как-то отдалились, словно издавала их, скажем, одна из маленьких темнокожих женщин, каких постоянно показывают в выпусках новостей. Это продолжалось какое-то время, сколько именно, Фрэнни понятия не имела, но мало-помалу она пришла в себя. Вернулось и осознание: она еще не сделала того, что должна. Того, что раньше не могла заставить себя сделать.

Она подошла к отцу и вновь перевернула его. Он еще раз рыгнул, но уже слабо и угасающе. Она поцеловала его в лоб.

— Я люблю тебя, папочка. Я люблю тебя. Фрэнни тебя любит. — Ее слезы капали на его лицо и блестели на нем. Она сняла с него пижаму и одела его в лучший костюм, не замечая, как пульсировала от боли спина, как тупо ныли шея и руки, когда она поднимала какую-то часть его тела, одевала, опускала обратно на кровать и переходила к следующей. Она подложила ему под голову два тома «Энциклопедии», чтобы повязать галстук. В нижнем ящике, под носками, нашла его военные награды, медаль «Пурпурное сердце», знаки отличия за доблестное несение службы, за участие в боевых кампаниях... «Бронзовую звезду», которую он получил в Корее. Приколола их к пиджаку. Из ванной комнаты принесла детскую присыпку и напудрила его лицо, и шею, и руки. Сладкий, ностальгический запах пудры вновь заставил ее запла-

кать. Тело Фрэнни покрывал пот. Под глазами темнели мешки усталости.

Она с двух сторон накрыла отца скатертью, принесла швейный набор матери и прошила ткань. Потом для прочности сделала второй шов. Рыдая, хрипя от натуги, сумела стащить тело отца с кровати на пол, не уронив его. Потом отдохнула, находясь в полуобморочном состоянии. Когда почувствовала, что может продолжить, приподняла верхнюю часть трупа, дотащила до лестничной площадки как могла, осторожно спустила на первый этаж. Снова остановилась передохнуть, воздух выходил из легких с резкими, жалобными всхлипами. Боль в голове усилилась, пронзая ее острыми иглами.

Она протащила тело по коридору, через кухню, на заднее крыльцо. Вниз по ступенькам. Тут ей опять пришлось отдыхать. Землю уже освещал золотистый свет раннего вечера. Она сдалась горю, села рядом с телом отца, положив голову на колени, раскачиваясь из стороны в сторону, плача. Щебетали птицы. Наконец она смогла вытащить его в огород.

И довела дело до конца. Когда последний кусок дерна занял положенное ему место (она укладывала их, стоя на коленях, словно собирая пазл), часы показывали без четверти девять. Фрэнни вся перепачкалась. Белой осталась только кожа под глазами — это место постоянно очищали слезы. Она изнемогала от усталости. Волосы повисли спутанными патлами.

— Покойся с миром, папочка, — пробормотала она. — Пожалуйста...

Она оттащила лопату в мастерскую отца и небрежно бросила на пол. Ей пришлось дважды остановиться, чтобы отдохнуть, пока она поднималась по шести ступенькам на крыльцо. Не включая свет, Фрэнни пересекла кухню, сбросив свои теннисные туфли, прежде чем войти в гостиную. Рухнула на диван и мгновенно уснула.

Во сне она опять поднималась по лестнице на второй этаж, направляясь к отцу, чтобы исполнить свой долг и похоронить его надлежащим образом. Но когда вошла в спальню, скатерть уже накрывала тело, и ощущение горя и утраты уступило место какому-то другому чувству... очень похожему на страх. Она пересекла погруженную во мрак комнату, не желая этого делать, с одной лишь мыс-

лью о том, что надо бежать отсюда, и не в силах остановиться. Скатерть призрачно светилась в тени, и внезапно ее осенило: под скатертью — не ее отец. И оно вовсе не мертво.

Под скатертью находилось что-то... кто-то, наполненный темной жизнью и омерзительным весельем, и лучше ей самой умереть, чем сдернуть покров, но она... не могла... остановиться.

Рука Фрэнни вытянулась, замерла на скатерти и резко дернула ее.

Он усмехался, но она не могла разглядеть его лица. Эта ужасная усмешка обдала ее волной ледяного холода. Да, она не могла разглядеть его лица, но увидела, какой подарок припас этот кошмарный призрак ее неродившемуся ребенку: перекрученную вешалку-плечики.

Она убежала, убежала из комнаты, из сна, приходя в себя, на короткое время выныривая на поверхность...

В три часа ночи она ненадолго очнулась от сна — ее тело еще плавало в пене ужаса, а кошмар уже распадался и терял связность, оставляя после себя лишь чувство обреченности, напоминавшее прогорклый привкус во рту, как бывает, если съешь что-то тухлое. И в этот момент, когда она уже не спала, но еще и не бодрствовала, Фрэнни подумала: *Он, это он, Странник, человек без лица.*

Потом она снова заснула, на этот раз без сновидений, а когда проснулась на следующее утро, ночной кошмар уже бесследно исчез из ее памяти. Но стоило Фрэнни подумать о ребенке, растущем в животе, ее немедленно захлестнуло яростное желание встать на его защиту. Глубина и сила этого чувства удивляли и немного пугали.

Глава 29

Тем же вечером, когда Ларри Андервуд спал с Ритой Блейкмур, а Фрэнни Голдсмит спала одна и видела этот загадочный, зловещий сон, Стюарт Редман ожидал Элдера. Он ждал его уже три дня, и на этот раз Элдер его не разочаровал.

Двадцать четвертого, после полудня, Элдер пришел с двумя медбратьями и забрал телевизор. Точнее, медбратья забирали телевизор, а Элдер просто стоял, направив револьвер (упрятанный

в пластиковый мешок) на Стью. Но к тому времени телевизор Стью уже не требовался: все равно по нему передавали всякую чушь, которая только запутывала. Получить всю необходимую информацию он мог, стоя у зарешеченного окна и глядя вниз на город у реки. Как неспроста пел тот человек: «Не надо быть метеорологом, чтобы знать, куда дует ветер».

Над трубами текстильной фабрики больше не поднимался дым. Цветастые пятна и разводы на реке исчезли, и вода очистилась. Большинство машин, выглядевших с такого расстояния как яркие игрушки, покинуло фабричную стоянку и не вернулось. За вчерашний день, двадцать шестое июня, по шоссе проехало лишь несколько автомобилей, да и тем пришлось лавировать между брошенной техникой, словно горнолыжникам на слаломной трассе. Ни один эвакуатор так и не приступил к расчистке дороги.

Центр города расстилался внизу, будто рельефная карта, и выглядел абсолютно пустым. Городские часы, отбивавшие каждый час его заточения, молчали с девяти утра, и музыкальная нота, предшествовавшая последнему часовому бою, прозвучала затянуто и странно, словно из утонувшей музыкальной шкатулки. В придорожном кафе или магазине на выезде из города случился пожар: здание весело полыхало всю вторую половину дня, черный дым поднимался в синее небо, но ни одна пожарная машина не приехала, чтобы потушить огонь. Стью полагал, что выгорела бы половина города, если б здание не стояло посреди асфальтированной автостоянки. Вечером руины еще дымились, несмотря на прошедший небольшой дождик.

Стью предполагал, что у Элдера есть приказ убить его — почему нет? Всего лишь одним трупом больше, к тому же Стью знал их маленький секрет. Они не сумели найти лекарство и не смогли понять, чем мистер Редман отличается от всех тех, кто умер от этой болезни. А мысль о том, что вряд ли останется много народу, с кем он сможет поделиться этим секретом, вероятно, даже не приходила им в голову. Стью ощущал себя последним живым свидетелем в лапах загнанных в угол ублюдков.

Он не сомневался, что герой телесериала или романа обязательно нашел бы способ убежать отсюда — черт, такие люди встречаются и в реальной жизни, — вот только Стью Редман к ним не относился. В конце концов он с паническим смирением решил,

что ему остается только одно: ждать Элдера и постараться быть готовым ко всему.

Элдер являл собой неопровержимое доказательство того, что и в этом заведении болезнь, которую сотрудники иногда называли «Синевой», а иногда — «супергриппом», вырвалась из-под контроля. Медсестры обращались к Элдеру «доктор», но врачом он не был. Лет пятидесяти пяти, с тяжелым взглядом, напрочь лишенный чувства юмора. До Элдера ни один из врачей не нуждался в том, чтобы держать Стью под прицелом. Стью боялся Элдера, так как понимал, что ни логические доводы, ни мольбы для того ровным счетом ничего не значат. Элдер ждал приказов. Как только они поступали, он их выполнял. Этакий копьеносец, армейский аналог наемного убийцы мафии, ему бы в голову не пришло усомниться в целесообразности этих приказов, с учетом имеющих место событий.

Три года назад Стью купил книгу, которая называлась «Обитатели холмов*», чтобы отослать племяннику, жившему в Вако. Он достал коробку, в которую хотел положить книгу, а потом, поскольку заворачивать подарки не любил даже больше, чем читать, открыл первую страницу, полагая, что надо посмотреть, о чем речь. Прочитал ее, потом вторую страницу... и увлекся. Не спал всю ночь, пил кофе, курил и упорно продвигался вперед, как человек, не привыкший получать удовольствие от чтения. Как выяснилось, речь в книге — подумать только — шла о кроликах. Самых глупых, самых трусливых существах на Земле... да только парень, который написал книгу, вывел их совсем другими. Судьба кроликов брала за живое. Это была чертовски хорошая история, и Стью, обычно читавший со скоростью улитки, закончил книгу двумя днями позже.

Больше всего ему запомнилось выражение «впасть в ступор», или просто «ступор». Стью сразу понял, о чем речь. Потому что видел многих впавших в ступор животных, да и сшибал некоторых на трассе. Животное, впав в ступор, приседает посреди дороги, прижав уши к голове, и смотрит, как на него летит автомобиль, не в силах сдвинуться с места, чтобы избежать смертельного удара. Оленя можно вогнать в ступор, посветив ему в глаза фонарем.

---

* «Обитатели холмов» — эпический роман английского писателя Ричарда Адамса (р. 1920).

Точно так же действует на енота громкая музыка, а на попугая — монотонное постукивание по клетке.

Вот и Элдер вгонял Стью в ступор. Хватало одного взгляда в ничего не выражающие синие глаза Элдера, чтобы душа ушла в пятки. Элдеру, вероятно, и не требовался пистолет, чтобы избавиться от него. Элдер наверняка владел приемами карате, французского бокса и еще много чего. И что он, Стью, мог противопоставить такому человеку? От одной только мысли об Элдере душа сворачивалась в клубок. Ступор. Хорошее название для этого явления.

Красная лампочка вспыхнула над дверью в самом начале одиннадцатого, и Стью почувствовал, как на ладонях и на лице выступает пот. Так случалось каждый раз, когда зажигался красный свет, потому что рано или поздно Элдер мог прийти один. Один, чтобы обойтись без свидетелей. Где-нибудь здесь наверняка была печь, в которой сжигали жертв эпидемии. Элдер сам бы запихнул его туда. Плевое дело. И никаких следов.

Элдер вошел в палату. Один.

Стью сидел на больничной койке, положив руку на спинку стула. При виде Элдера он почувствовал, как привычно заныл желудок. Ощутил знакомое желание разразиться потоком бессвязных, молящих слов, хотя знал, что ничего не добьется. Лицо за прозрачным щитком белого защитного костюма не ведало жалости.

Все вокруг стало очень отчетливым, предельно ярким, неторопливым. Стью почти слышал, как глазные яблоки перекатываются по хорошо смазанным глазницам, следуя за перемещениями Элдера. Белый защитный костюм едва не лопался на этом крупном, мощном здоровяке. Дыра на срезе ствола револьвера, который Элдер держал в руке, казалась огромным туннелем.

— Как самочувствие? — спросил гость, и даже искажающий голос динамик не скрыл от Стью гнусавость Элдера. Он заболел.

— Без изменений. — Стью удивило собственное спокойствие. — Скажите, когда я смогу выйти отсюда?

— Теперь уже очень скоро, — ответил Элдер. Револьвер смотрел в направлении Стью, не точно на него, но и не в сторону. Элдер приглушенно чихнул. — Вы не слишком-то разговорчивы, так?

Стью пожал плечами.

— В людях мне это нравится, — продолжил Элдер. — Кто любит поговорить, так это нытики, плаксы и слабаки. Минут двадцать назад поступил приказ насчет вас, мистер Редман. Не слишком радостный, но, думаю, вы справитесь.

— Какой приказ?

— Ну, мне приказали...

Взгляд Стью сместился за спину Элдера, к высокому порогу герметически закрывающейся двери.

— Боже мой! — воскликнул он. — Там гребаная крыса! Ну и дыра у вас, если тут бегают крысы!

Элдер обернулся, и на мгновение Стью настолько удивился неожиданному успеху своей хитрости, что едва не впал в оцепенение. Но все же успел соскользнуть с кровати и ухватить стул за спинку, когда Элдер вновь стал оборачиваться к нему. Глаза Элдера внезапно широко раскрылись. Стью вскинул стул над головой и сделал шаг вперед, а потом опустил стул вниз, вложив в замах всю силу своих ста восьмидесяти фунтов.

— Назад! — закричал Элдер. — Не...

Удар пришелся на правую руку Элдера. Грохнул выстрел, пуля разорвала полиэтилен и отрикошетила от пола. Револьвер упал на ковер и выстрелил еще раз.

Стью подумал, что прежде чем Элдер оправится, ему вряд ли удастся нанести больше одного удара. И постарался вложить в этот удар всю свою силу. Стул пошел по размашистой дуге, имитируя путь биты Генри Аарона*. Элдер попытался поднять сломанную правую руку, но не смог. Ножки стула обрушились на шлем белого скафандра. Пластиковый щиток разлетелся вдребезги, и осколки брызнули Элдеру в лицо. Он закричал и повалился на спину.

Потом перевернулся на живот, поднялся на четвереньки и попытался дотянуться до револьвера на ковре. Стью в последний раз взмахнул стулом и врезал Элдеру по затылку. Тот рухнул. Тяжело дыша, Стью наклонился и поднял револьвер. Отступил, держа на мушке распростертое тело Элдера, но тот не двигался.

На мгновение мелькнула кошмарная мысль: «А вдруг Элдеру дали приказ не убить, а освободить меня?» Но это было бы не-

* Генри Луис Аарон по прозвищу Молоток (р. 1934) — один из самых знаменитых бейсболистов.

логично, верно? Если б речь шла об освобождении, чего поминать нытиков и слабаков? И называть приказ «не слишком радостным».

Нет: Элдера послали сюда, чтобы убить его.

Стью смотрел на распростертое тело, дрожа с головы до ног. «Если Элдер сейчас встанет, — подумал он, — то я промахнусь всеми оставшимися пятью пулями. Стреляя в упор». Однако он сомневался, что Элдер сможет подняться. Вообще.

Внезапно его охватило такое сильное желание выбраться из этой палаты-бокса, что он чуть не рванул через дверь воздушного шлюза навстречу неизвестности. Он провел здесь больше недели, и ему хотелось глотнуть свежего воздуха, а потом убраться подальше от этого жуткого места.

Но действовать следовало осмотрительно.

Стью направился к воздушному шлюзу, зашел в него и нажал кнопку с надписью «ЦИРКУЛЯЦИЯ». Включился насос, поработал некоторое время. Открылась внешняя дверь. Она вела в небольшую комнатку с одним письменным столом. На нем лежала тонкая стопка медицинских карт... и его одежда. Та самая, в которой он прилетел из Брейнтри в Атланту. Стью вновь ощутил прикосновение ледяного пальца ужаса. Все это, безусловно, предназначалось для кремации вместе с ним, сомнений нет. Его медицинские карты, одежда. Прощай, Стюарт Редман. Да и не было здесь никакого Стюарта Редмана. В сущности...

Позади послышался негромкий шум, и Стью резко обернулся. Элдер ковылял по направлению к нему, согнувшись, с болтающимися, как плети, руками. Из вытекающего глаза торчал зазубренный осколок пластмассы. Элдер улыбался.

— Не двигаться, — приказал Стью. Он поднял пистолет и сжал его двумя руками, но ствол все ходил из стороны в сторону.

Словно не слыша, Элдер продолжал идти.

Скривившись, Стью нажал на спусковой крючок. Револьвер дернулся у него в руках, и Элдер остановился. Улыбка превратилась в гримасу, словно ему внезапно скрутило живот. В белом костюме появилась небольшая дырка. Мгновение Элдер стоял, покачиваясь, а потом рухнул лицом вниз. Некоторое время Стью не двигался, пристально глядя на него, потом двинулся в комнатку, где на столе лежали его личные вещи.

Попытался открыть дверь в дальнем конце комнатки, и у него получилось. За дверью тянулся коридор, освещенный тусклыми флуоресцентными лампами. На полпути к нише, где находились лифты, рядом с чем-то, напоминающим сестринский пост, стояла пустая каталка. Стью услышал слабый стон. Тут же кто-то закашлялся, хрипло, надрывно, и никак не мог остановиться.

Стью вернулся к столу и забрал свою одежду. Зажал под мышкой, вышел из комнатки, закрыл за собой дверь и зашагал по коридору. Влажная от пота рука сжимала револьвер Элдера. Поравнявшись с каталкой, он оглянулся: тишина и отсутствие людей нервировали. Кашель смолк. Стью ожидал увидеть Элдера, плетущегося или ползущего следом, с намерением выполнить последний полученный приказ. Ему уже хотелось вернуться в отгороженную от всего мира и такую знакомую палату.

Стон повторился уже громче. За лифтами оказался еще один коридор, перпендикулярный тому, по которому шел Стью. В этом коридоре, привалившись к стене, сидел мужчина, один из медбратьев. Лицо его распухло и почернело, грудь резко вздымалась и тут же опадала. Пока Стью смотрел на него, он снова застонал. За ним, свернувшись калачиком, лежал труп. Дальше по коридору Стью увидел еще три тела, одно из них — женское. Медбрат — Стью вспомнил, что его зовут Вик, — снова начал кашлять.

— Господи! — выдохнул Вик. — Господи, как ты смог выйти? Ты же не мог выйти.

— Элдер пришел разобраться со мной, а вместо этого я разобрался с ним, — ответил Стью. — Мне повезло, что он заболел.

— Святая кровь Христова, тебе действительно повезло. — Вик снова зашелся в припадке кашля. — Это больно, если бы ты знал, как это больно! Нам всем так хреново! Боже ты мой...

— Слушай, могу я чем-нибудь помочь? — спросил Стью.

— Если серьезно, то можешь приставить эту пушку мне к уху и нажать на спусковой крючок. Внутри у меня все разрывается. — Он снова закашлялся, а потом беспомощно застонал.

Но Стью не мог выполнить эту просьбу. Вик продолжал глухо стонать, и нервы у него не выдержали. Он побежал к лифтам, подальше от этого почерневшего лица, напоминающего луну при частичном затмении, подсознательно ожидая, что Вик позовет его, окликнет беспомощно-праведным голосом, каким больные

обращаются к здоровым, если им что-нибудь нужно. Однако Вик только продолжал стонать, и это пугало еще сильнее.

Двери лифта закрылись, а кабина пошла вниз, когда Стью вдруг подумал, что лифт может оказаться ловушкой. Вполне в их духе. Может, в кабину впрыснут отравляющий газ или сработает реле, отсоединив тросы и отправив его в недолгий полет на дно шахты. Он нервно огляделся, пытаясь найти скрытые вентиляционные каналы или амбразуры. Клаустрофобия погладила его шершавой рукой, и неожиданно кабина сжалась до размера телефонной будки, а потом и гроба. Преждевременные похороны, ага.

Он протянул палец к кнопке «СТОП», но подумал: а что хорошего в остановке между этажами? Прежде чем успел ответить на этот вопрос, кабина замедлила ход и плавно остановилась.

А если там вооруженная охрана?

Но единственным часовым, который поджидал его в коридоре, оказалась мертвая женщина в униформе медсестры. Она свернулась калачиком у двери женского туалета.

Стью смотрел на нее так долго, что двери лифта начали закрываться. Он вытянул руку, и двери послушно разошлись. Стью вышел из кабины. Коридор вел к Т-образному перекрестку, и Стью зашагал к нему, обойдя мертвую медсестру по широкой дуге.

Позади него раздался шум, и он резко повернулся, вскинув револьвер, но это всего лишь второй раз захлопнулись двери лифта. Он посмотрел на них, шумно сглотнул и пошел дальше. Шершавая рука вернулась, наигрывая мелодии на его позвоночнике и убеждая послать к черту это хождение, пуститься бегом, прежде чем кто-нибудь... *что*-нибудь... сумеет до него добраться. Эхо шагов в полутемном коридоре административного крыла не добавляло спокойствия. *Пришел поиграть, Стюарт? Очень хорошо.* Двери с панелями из матового стекла маршировали мимо, и каждая могла рассказать свою историю. «ДОКТОР СЛОУН». «ЗАПИСИ И РАСПЕЧАТКИ». «МИСТЕР БОЛЛИНДЖЕР». «МИКРОФИЛЬМЫ». «КОПИРОВАНИЕ». «МИССИС УИГГС». «С огородика*», — подумал Стью.

На Т-образном перекрестке стоял фонтанчик с питьевой водой, теплой, с привкусом хлорки, от которой его желудок чуть не

*«Миссис Уиггс с капустной грядки» — роман американской писательницы Элис Хеган Райс (1870—1942).

вывернулся наизнанку. Слева выхода не было. На кафельной стене Стью увидел надпись: «БИБЛИОТЕЧНОЕ КРЫЛО» — и оранжевую стрелку под ней. Коридор в том направлении тянулся, казалось, на многие мили. В пятидесяти ярдах на полу лежало тело человека в белом защитном костюме. Он напоминал какое-то странное животное, выброшенное на стерильный берег.

Стью начал терять самообладание. Здание оказалось огромным, куда больше, чем он предполагал вначале. Впрочем, предполагать что-либо он мог исходя лишь из того, что видел, когда его сюда привезли: два коридора, один лифт, одна палата-бокс. Он мог бродить здесь часами, оглашая коридоры звуками и эхом своих шагов, переходя от трупа к трупу. Они лежали повсюду, словно призы в какой-нибудь жуткой игре «Охота за сокровищами». Стью вспомнил, как возил Норму, свою жену, в большую больницу в Хьюстоне после того, как у нее диагностировали рак. Там на стенах везде висели схемы со стрелкой, указывающей на точку. На стрелках красовались слова: «ВЫ ЗДЕСЬ». Схемы предназначались для того, чтобы люди не заблудились, как сейчас заблудился он. *Заблудился*. Ох, малыш, это плохо. Это очень плохо.

— Не впадай в ступор, мы почти на свободе, — вслух произнес Стью, и слова эхом вернулись к нему, монотонные и странные. Он не собирался их озвучивать, так получилось только хуже.

Он двинулся направо, повернувшись спиной к библиотечному крылу, прошел мимо каких-то кабинетов, свернул в другой коридор и зашагал по нему. Начал часто оглядываться, убеждая себя, что никто — например, Элдер — его не преследует, но не в силах в это поверить. Коридор закончился запертой дверью с надписью: «РАДИОЛОГИЯ». На ручке висела написанная от руки табличка: «ЗАКРЫТО ДО ДАЛЬНЕЙШИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ. РЭНДАЛЛ».

Стью вернулся к развилке, выглянул из-за угла, осторожно посмотрев в ту сторону, откуда пришел. Тело в белом скафандре лежало далеко-далеко, уменьшившись до размеров точки, и все вокруг казалось неизменным и вечным, что только усилило желание Стью вырваться из этого здания как можно быстрее.

Он повернул направо. Через двадцать ярдов добрался до еще одного Т-образного перекрестка. Снова повернул направо. На

этот раз коридор закончился лабораторией микробиологии. В одном из лабораторных отсеков на письменном столе лежал молодой мужчина в одних трусах. Он был без сознания, и изо рта и из носа у него шла кровь. Хриплое дыхание напоминало осенний ветер, шуршащий высохшими обертками кукурузных початков.

И тут Стью все-таки побежал, из коридора в коридор, все более и более убеждаясь в том, что выхода нет, во всяком случае, на этом этаже. Эхо его шагов следовало за ним по пятам, словно Вик или Элдер успели-таки направить в погоню взвод призрачной военной полиции. Потом Стью овладело другое наваждение, каким-то образом связанное с теми странными снами, которые он видел в последние несколько ночей. Он так перепугался, что не мог заставить себя обернуться: боялся, что увидит идущую следом за ним фигуру в белом защитном костюме, фигуру без лица, с черной пустотой за плексигласовым щитком. Какого-то ужасного призрака, наемного убийцу, прибывшего из-за пределов здравого времени и пространства.

Тяжело дыша, Стью завернул за угол, пробежал десять футов, прежде чем осознал, что коридор этот — тупик, и налетел на дверь с табличкой. Прочитал надпись на табличке: «ВЫХОД».

Он взялся за ручку, не сомневаясь, что та не повернется, но она повернулась, а дверь легко открылась. По четырем ступеням он спустился к следующей двери. Слева от лестничной площадки ступени вели вниз, в густую темноту. Верхнюю часть второй двери занимала стеклянная панель, а перед ней была натянута защитная сетка. За стеклом ждала восхитительная теплая летняя ночь и вся свобода, о которой мог только мечтать человек.

Стью все еще зачарованно смотрел сквозь стекло, когда из темноты уходящего вниз крутого лестничного пролета высунулась рука и ухватила его за лодыжку. Сдавленный вскрик разорвал горло Стью, как шип. Он обернулся, чувствуя, что живот превратился в глыбу льда, и увидел окровавленное, ухмыляющееся лицо, обращенное к нему из темноты.

— Спускайся ко мне и поешь со мной курочки, красавчик, — прошептала тварь надтреснутым, умирающим голосом. — Здесь *та-а-ак* темно...

Стью закричал и попытался освободить ногу. Ухмыляющаяся тварь не отпускала его. Из уголков ее рта стекала то ли кровь, то ли желчь. Стью ударил другой ногой по держащей его руке, а по-

том наступил на нее. Лицо скрылось в темноте. Послышалась серия глухих ударов... затем раздались крики боли или гнева — Стью точно не знал. Да его это и не волновало. Он толкнул наружную дверь плечом, и она с треском распахнулась. Он вывалился наружу, безуспешно взмахнул руками, пытаясь удержаться на ногах, и упал на бетонную дорожку.

Стью медленно, осторожно сел. Крики за спиной прекратились. Прохладный вечерний ветерок коснулся его лица, осушил пот на лбу. Он с удивлением заметил, что его окружает трава и цветочные клумбы. Никогда еще ночь не пахла так сладко и нежно. По небу плыл месяц. Стью с благодарностью вскинул к нему лицо и пошел через лужайку к дороге, ведущей вниз, в Стовингтон. Траву покрывала роса. Он слышал, как ветер шепчется с соснами.

— Я жив, — выдохнул Стью Редман, обращаясь к ночи. И заплакал. — Я жив, слава Богу, я жив, слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи, слава Тебе...

Слегка пошатываясь, он зашагал по дороге.

Глава 30

Ветер гнал пыль по техасской лесостепи, и в сумерках она напоминала полупрозрачный занавес, за которым Арнетт превратился в коричневатый город-призрак. Вывеску заправочной станции «Тексако», принадлежавшей Биллу Хэпскомбу, сорвало порывом ветра, и теперь она лежала посреди дороги. Кто-то оставил включенным газ в доме Норма Брюэтта, и днем раньше искра из кондиционера привела к мощному взрыву. Бревна, шифер и игрушки «Фишер-прайс» разлетелись по всей Лавровой улице. На Главной улице в ливневых канавах валялись мертвые собаки и солдаты. В продовольственном магазине Рэнди мужчина, одетый в пижаму, лежал на мясном прилавке, и его руки свисали вниз. Одна из собак, последним пристанищем которой стала ливневая канава, отведала лицо этого мужчины, прежде чем потеряла аппетит. Кошки гриппом не заразились и десятками сновали по сумеречной недвижности, будто дымчатые тени. Из нескольких домов доносились звуки работающих телевизоров. Где-то хлопала ставня. Красный возок, старый, выцветший и ржавый, с едва читаемыми

надписями «СКОРОСТНОЙ ЭКСПРЕСС» на бортах, стоял посреди Дерджин-стрит напротив бара «Голова индейца». В возке лежало несколько бутылок из-под пива и содовой. На Логанлейн, в лучшем районе Арнетта, на крыльце Тони Леоминстера позвякивали китайские колокольчики. «Скаут» Тони стоял на подъездной дорожке с опущенными стеклами. На заднем сиденье уже устроилось беличье семейство. Солнце покинуло Арнетт. Город погрузился в темноту под крылом ночи. И, за исключением писка и шебуршания маленьких животных и позвякивания китайских колокольчиков Тони Леоминстера, затих. И затих. И затих.

Глава 31

Кристофер Брейдентон вырывался из бреда, как человек вырывается из засасывающего его зыбучего песка. Все тело болело. Лицо стало чужим, словно кто-то сделал ему десяток инъекций силикона; и оно раздулось, как дирижабль. Горло превратилось в сплошную рану, а дыхательные пути, казалось, сузились до диаметра шарика-пульки для детского пневматического пистолета. Воздух со свистом входил и выходил через этот невероятно узкий канал, необходимый для поддержания связи с окружающим миром. Однако этим его беды не ограничивались. Ощущение, будто он тонет, приносило больше страданий, чем постоянная пульсирующая боль в груди. А больше всего его донимал жар. Он не мог вспомнить другого такого случая, ему не было так хреново даже два года тому назад, когда он вез из Техаса в Лос-Анджелес двух политических заключенных, выпущенных под залог, но нарушивших правила условно-досрочного освобождения. Их древний «понтиак-темпест» приказал долго жить на шоссе 190 в Долине Смерти, и тогда им пришлось погреться, но на этот раз все обстояло хуже. Теперь его донимал внутренний жар, словно он проглотил солнце.

Он застонал и попытался сбросить с себя покрывало, но у него не хватило сил. Он сам лег в постель? Вряд ли. Кто-то или что-то находилось в доме вместе с ним. Кто-то или что-то... ему бы вспомнить, а он не мог. Помнил только одно: он боялся еще до

того, как заболел, потому что знал — кто-то (или что-то) едет к нему, и он должен... что?

Он снова застонал и помотал лежащей на подушке головой из стороны в сторону. В памяти возникали только бредовые образы. Жаркие призраки с липучими глазами. В спальню с бревенчатыми стенами вошла его мать, умершая в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году, и говорила ему: «Кит, ох, Кит, я предупреждала тебя, не связывайся с этими людьми, я предупреждала тебя. Мне нет дела до политики, но эти люди, с которыми ты ошиваешься, я предупреждала, они свихнувшиеся, как бешеные собаки, а девушки — просто шлюхи. Я ведь предупреждала тебя, Кит...» А потом лицо ее распалось, и из желтых пергаментных трещин полезла орда могильных жучков, и он кричал, пока темнота не начала колыхаться, а потом послышались сбивчивые крики, топот бегущих людей... появились огни, мигающие огни, запах газа, и он вернулся в Чикаго, в год тысяча девятьсот шестьдесят восьмой, когда там скандировали: *Весь мир смотрит! Весь мир смотрит! Весь мир смотрит!*.. Там в ливневой канаве у входа в парк лежала девушка в джинсовом комбинезоне, босая, в ее длинных волосах сверкали осколки стекла, а лицо превратилось в поблескивающую кровавую маску — маску раздавленного насекомого, потому что в безжалостном белом свете уличных фонарей кровь стала черной. Он помог ей подняться, и она закричала и прижалась к нему, потому что из облака газа выходил космический монстр в сверкающих черных сапогах, бронекуртке и противогазе. В одной руке он держал дубинку, в другой — баллончик с «Мейсом», а когда монстр поднял противогаз, обнажив ухмыляющееся, пылающее лицо, они оба вскрикнули, потому что перед ними стоял кто-то или что-то, кого он ждал, человек, которого Кит Брейдентон всегда боялся. Странник. Крики Брейдентона развалили этот сон, словно высокочастотные колебания — кристалл, и он очутился в Боулдере, штат Колорадо, в квартире на бульваре Каньон: лето и жара, такая жара, что по телу течет пот, хотя из одежды на тебе только трусы, а перед тобой стоит самый красивый парень в мире, высокий, и загорелый, и гетеросексуальный, в узких лимонно-желтых плавках, которые любовно облегают каждую выпуклость и впадинку его несравненных ягодиц, и ты знаешь: если он повернется, лицо у него будет как у рафаэлевского ангела, а член —

как у жеребца Одинокого Рейнджера. «Хай-йо, Сильвер, вперед!»* Где ты его подцепил? На сходке в кампусе Университета Колорадо, посвященной обсуждению проблемы расизма? Или в кафетерии? Или подвез, когда тот голосовал на дороге? А есть ли разница? Ой, как же жарко, но ведь есть вода, вода в кувшине, вода в вазе со странными барельефными фигурами, и еще таблетка, нет... ТАБЛЕТКА! Та самая, которая отправит тебя в некое место, которое этот загорелый ангел в желтых плавках называет Хакслилендом, где цветы растут на мертвых дубах, ох, парень, какая эрекция разрывает твои трусы! Случалось ли, чтобы Кит Брейдентон был так возбужден, настолько готов к любви? «Пойдем в постель, — говоришь ты этой гладкой загорелой спине, — пойдем в постель, и ты трахнешь меня, а потом я трахну тебя. Так, как ты захочешь». «Сначала прими таблетку, — отвечает он, не оборачиваясь, — а потом посмотрим». Ты принимаешь таблетку, и вода холодит горло, и постепенно что-то странное происходит с твоим зрением, и странность эта заключается в том, что все вокруг начинает принимать причудливые очертания, и каждый прямой угол, который ты видишь, становится либо чуть больше, либо чуть меньше девяноста градусов. Какое-то время ты смотришь на вентилятор, стоящий на дешевом комоде, а потом уже на свое отражение в неровном зеркале над ним. Лицо твое выглядит почерневшим и распухшим, но тебе нечего беспокоиться, потому что это всего лишь таблетка, всего лишь!!! ТАБЛЕТКА!!! «Торч, — бормочешь ты, — ох, Капитан Торч, и я та-а-ак возбудился...» Он бежит, и ты смотришь на эти гладкие бедра, которые почти не закрывает ткань плавок, а потом твой взгляд скользит по плоскому загорелому животу, по прекрасной безволосой груди и, наконец, со стройной шеи переходит на лицо... и это лицо — со впалыми щеками, счастливое и яростно ухмыляющееся — не ангела Рафаэля, а дьявола Гойи, и из каждой пустой глазницы на тебя смотрит мерзкая змеиная морда; он направляется к тебе, и когда ты начинаешь кричать, шепчет: *Торч, детка. Капитан Торч...*

Потом снова была темнота, голоса и лица, которых он не помнил, и наконец он вынырнул из небытия здесь и сейчас, в небольшом домике, который построил своими руками на окраине Ма-

* «Хай-йо, Сильвер, вперед!» — знаменитая фраза Одинокого Рейнджера, также известного как капитан Кид, сражающегося со злом на Диком Западе.

унтин-Сити. Да, здесь и сейчас, а волна великого бунта, поглотившая страну, давно схлынула, юные бунтари превратились в стариков с сединой в бороде и выжженными кокаином дырами на месте носовых перегородок, и это беда, детка. Юноша в желтых плавках остался в далеком прошлом, да и боулдерский Кит Брейдентон только-только вышел из юношеского возраста.

Господи, неужели я умираю?

В ужасе он отверг эту мысль, жар ревел и завывал у него в голове, как песчаная буря. Внезапно у него перехватило дыхание, и без того отрывистое: за закрытой дверью спальни возник и стал нарастать непонятный звук.

Сначала Брейдентон подумал, что это сирена пожарной машины или патрульного автомобиля. Звук приближался, становился громче и ниже, в нем все отчетливее различались тяжелые шаги в коридоре первого этажа, затем в гостиной, затем на лестнице. Шаги варвара.

Его затылок вдавился в подушку, глаза округлились, распухшее и почерневшее лицо превратилось в маску ужаса, но звук все приближался. Не сирена, а крик, пронзительный и подвывающий крик, который не могла издавать человеческая глотка, конечно же, крик баньши или какого-то чернокожего Харона, пришедшего, чтобы перевезти его через реку, отделяющую царство живых от царства мертвых.

Теперь эти бегущие шаги направлялись прямо к нему по коридору второго этажа, половицы протестующе стонали и скрипели под весом безжалостных стоптанных каблуков, и внезапно Кит Брейдентон понял, кто идет, и пронзительно вскрикнул. Дверь стремительно распахнулась, и в спальню вбежал человек в потертой джинсовой куртке, с убийственной ухмылкой, сияющей на его лице, как белый вращающийся круг ножей, с лицом радостным, как у безумного Санта-Клауса, и с большим оцинкованным железным ведром на правом плече.

— Х-И-И-И-Й-Й-Й-Й-Й-Й-О-О-О-О-О-О-О-О!

— Нет! — вскрикнул Брейдентон, с трудом поднимая руки, чтобы прикрыть лицо. — Нет! Не-е-ет!..

Ведро наклонилось, и из него хлынула вода. На мгновение она словно застыла в желтом электрическом свете, как самый большой в мире необработанный алмаз, и сквозь нее он увидел лицо темного человека, отраженное и преломленное, превратившееся

в морду широко ухмыляющегося тролля, который только что проделал долгий путь наверх из самых черных, забитых дерьмом адских кишок, чтобы буйствовать на земле. Потом вода обрушилась вниз, такая холодная, что распухшее горло Брейдентона на мгновение расширилось, большими каплями выдавливая кровь из стенок, заталкивая воздух в легкие, заставляя одним резким движением отбросить покрывало и простынь к изножью кровати, чтобы телу ничто не мешало изготовиться для прыжка, и тут же судороги от этих непроизвольных движений вызвали резкую боль, словно укусы собак.

Он закричал. Закричал снова. Затрясся, мокрый от макушки до пяток, с гудящей от боли головой и выпученными глазами. Горло вновь сжалось, и ему приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы протолкнуть воздух в легкие. Его била мелкая дрожь.

— Я *знал*, что это тебя охладит! — весело закричал человек, известный ему под именем Ричарда Фрая, и со звоном поставил ведро на пол. — Говорю тебе, говорю тебе, я знал, что это поможет, Золотая Рыбка. Жду благодарности, мой друг, благодарности от тебя. Ты скажешь мне спасибо? Не можешь говорить? Понятно. Но я знаю, что в сердце ты мне благодарен.

— *Й-е-е-е-е-е!*

Он подпрыгнул в воздух, широко разведя колени, как Брюс Ли в фильмах, прославляющих кун-фу, и на мгновение завис над Брейдентоном в том же самом месте, что и вода. Его тень пятном легла на мокрую пижаму Брейдентона, и тот слабо вскрикнул. Затем колени опустились по обе стороны грудной клетки Брейдентона, и обтянутая синими джинсами промежность Фрая образовала арку в нескольких дюймах над грудью больного. Лицо нависало над ним, словно факел из готического романа.

— Пришлось взбодрить тебя, чел, — пояснил Фрай. — Не хочу, чтобы ты отдал концы, не успев со мной поговорить.

— ...слезь... слезь... слезь с меня...

— Я не *на* тебе, чел, не выдумывай. Я просто завис над тобой. Как великий невидимый мир.

Брейдентон, охваченный страхом, мог только тяжело дышать, дрожать и отводить глаза от этого веселого, пламенеющего лица.

— Мы должны поговорить о кораблях, и тюленях, и замазках, и о том, есть ли у пчелы жало. А также о документах, которые ты приготовил для меня, и об автомобиле, и о ключах от этого авто-

мобиля. В твоем га-а-араже я вижу только пикап «шеви», и я знаю, что он твой, Китти-Китти. Так что скажешь?

— Они... документы... не могу... не могу говорить. — Брейдентон жадно хватал ртом воздух, его зубы стрекотали, как маленькие птички на дереве.

— *Лучше* бы тебе смочь. — Фрай оттопырил большие пальцы. Все его пальцы имели по три фаланги, и он сгибал и поворачивал их под невероятными углами, противореча законам физиологии и физики. — Потому что в противном случае мне придется вырвать твои синие глазки и сделать из них брелок, а ты будешь бродить по аду с собакой-поводырем — Он нажал большими пальцами на глаза Брейдентона, и тот беспомощно завертел головой. — Скажи мне все, — продолжал Фрай, — и я оставлю тебе нужные таблетки. Даже приподниму тебя и поддержу, чтобы ты смог их проглотить. Тебе полегчает, чел. Таблетки решают все проблемы.

Брейдентон, трясущийся от холода и от страха, выдавил несколько слов сквозь стучащие зубы:

— Документы... на имя Рэндалла Флэгга. Валлийский комод внизу. Под самоклеящейся пленкой.

— Машина?

В отчаянии Брейдентон попытался сосредоточиться. Достал ли он этому человеку машину? С тех пор произошел пожар забытья, и забытье как-то повлияло на процесс мышления, спалило целые банки памяти. Большущие отрезки прошлого превратились в обугленные шкафы с расплавившимися проводами и почерневшими реле. Вместо машины, которая интересовала этого человека, в голове возник образ первого принадлежавшего ему автомобиля, «студебекера» модели тысяча девятьсот пятьдесят третьего года, с пулеобразным передом, который он выкрасил в розовый цвет.

Одной рукой Фрай мягко накрыл рот Брейдентона, а другой зажал ноздри. Брейдентон забился. Из-под руки Фрая раздались приглушенные стоны. Фрай убрал руки.

— Помогает вспомнить?

Как ни странно, действительно помогло.

— Машина... — начал он, затем стал судорожно хватать ртом воздух. Отдышался, продолжил: — Машина стоит... за заправкой «Коноко»... сразу за городом. Пятьдесят первое шоссе.

— К северу или к югу от города?

— Ю... ю...

— Да, ю! Понял. Продолжай.

— Накрыта брезентом... Б... б... «бьюик». Регистрационный талон на руле. На имя... Рэндалла Флэгга. — Он вновь принялся хватать ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова и глядя на Фрая с немой надеждой.

— Ключи?

— Коврик. Под...

Зад Фрая пресек фразу, опустившись на грудь Брейдентона. Он устроился, точно на удобном пуфике в доме приятеля, и внезапно Брейдентон утратил способность дышать. Остатки воздуха покинули его легкие с единственным словом:

— ...пожалуйста...

— И спасибо, — ответил ему Ричард Фрай/Рэндалл Флэгг с сухой усмешкой. — Скажи «спокойной ночи», Кит.

Говорить Кит Брейдентон не мог, лишь вращать глазами под опухшими веками.

— Не думай обо мне плохо, — мягко продолжил темный человек, глядя на Брейдентона. — Просто нам надо спешить. Карнавал открывается рано. Все игровые аттракционы. И «Бросай до победного», и «Колесо фортуны». А я чувствую, Кит, это моя счастливая ночь. Я не могу ошибиться. Так что надо спешить.

Заправка «Коноко» находилась примерно в полутора милях, и он добрался туда к четверти четвертого утра. Ветер набрал силу, выл, пролетая по улице. По пути Флэггу повстречались четыре трупа — трех собак и одного мужчины, одетого в какую-то форму. Над головой светили чистые и яркие звезды, пронзая черную кожу вселенной.

Брезент, укрывавший «бьюик», был растянут и закреплен вбитыми в землю колышками. Когда Флэгг выдернул их, брезент улетел в ночь, на восток, словно большущий коричневый призрак. Вопрос состоял в том, в каком направлении двигаться ему, Флэггу?

Он постоял рядом с «бьюиком», хорошо сохранившейся моделью тысяча девятьсот семьдесят пятого года (автомобили здесь процветали — минимум влаги, и ничего не ржавеет), вдыхая летний ночной воздух, словно койот. Пахло ароматом пустыни, ощу-

тить который можно только ночью. «Бьюик» стоял целехонький посреди кладбища автомобильных частей, напоминающих каменных истуканов с острова Пасхи, в тишине, нарушаемой только ветром. Двигатель. Ось, похожая на штангу какого-то культуриста. Груда покрышек, из которых ветер извлекал ухающие звуки. Треснувшее лобовое стекло. И многое другое.

В таких местах ему думалось лучше всего. В таких местах любой человек мог почувствовать себя Яго.

Он прошел мимо «бьюика», провел рукой по смятому капоту, возможно, от «мустанга». Мелодично пропел: «Эй, маленькая «кобра», ты ведь сделаешь их всех...»*. Пнул радиатор запыленным сапогом, перевернул — и ему открылись драгоценные камни, тускло поблескивавшие в звездном свете. Рубины, изумруды, жемчужины с гусиное яйцо, бриллианты, соперничающие со звездами. Флэгг наставил на них палец. Они исчезли. Так куда же *ему* идти?

Ветер стонал, врываясь в разбитое боковое стекло «плимута», а в салоне шуршал залетевший туда мусор.

Что-то зашуршало за спиной Флэгга. Он обернулся и увидел Кита Брейдентона, в одних лишь абсурдных желтых плавках, с поэтическим животом, нависающим над поясом, как лавина в мультипликационном фильме. Брейдентон брел по свалке вышедшей из строя детройтской продукции. Пружина проткнула ему ногу, как гвоздь, но крови не было. Пупок Брейдентона казался черным глазом.

Темный человек щелкнул пальцами, и Брейдентон исчез.

Флэгг усмехнулся и пошел к «бьюику». Прижался лбом к крыше над передним пассажирским сиденьем. Прошло время. Он выпрямился, по-прежнему усмехаясь. Теперь он знал.

Он скользнул за руль «бьюика» и пару раз нажал на педаль газа, чтобы прокачать карбюратор. Мотор заурчал, и стрелка указателя уровня бензина качнулась до отказа вправо. Флэгг тронул автомобиль с места и объехал заправку. Фары на мгновение выхватили из темноты еще два изумруда — глаза кошки, опасливо поблескивающие из высокой травы у двери женской туалетной кабинки автозаправочной станции «Коноко». Кошка держала в

* Строка из единственного хита «Эй, маленькая «кобра» (1964) группы «The Rip Chords».

зубах маленькое обвисшее мышиное тельце. При виде ухмыляющегося луноподобного лица за стеклом водительской двери она выронила добычу и убежала. Флэгг громко расхохотался — искренним смехом человека, у которого на уме только добрые дела. Там, где выезд с заправочной станции переходил в шоссе, он повернул направо и покатил на юг.

Глава 32

Кто-то оставил открытой дверь, отделявшую крыло строгого режима от общего коридора; стальные стены превращали его в естественный усилитель звука, поэтому монотонные вопли, все утро раздававшиеся в другом конце коридора, были невероятно громкими, и Ллойд Хенрид все более укреплялся в мысли, что эти звуки, на пару со страхом, который он по понятным причинам испытывал, сведут его с ума.

— *Мама*, — в очередной раз донесся до него хриплый, усиленный эхом крик. — *Ма-а-а-а-ма!*

Скрестив ноги, Ллойд сидел на полу камеры. Кровь покрывала обе его кисти, и со стороны могло показаться, что он надел красные перчатки. Светло-синюю тюремную рубашку он тоже запачкал кровью, потому что досуха вытирал об нее пальцы, чтобы усилить хватку. Часы показывали десять часов утра двадцать девятого июня. В семь часов Ллойд заметил, что правая передняя ножка его койки шатается. С тех пор он пытался отвернуть болты, которые крепили ее к полу и к кроватной раме. Роль инструментов исполняли пальцы, и он уже сумел выкрутить пять из шести болтов. В результате пальцы стали похожи на сырой гамбургер. Шестой болт оказался самым упрямым, но Ллойд уже чувствовал, что в конце концов справится с ним. О том, что будет дальше, он думать себе не позволял, прекрасно понимая, что единственный способ избежать паники — поменьше думать.

— *Ма-а-а-а-ма-а-а-а...*

Ллойд вскочил на ноги, роняя на пол капли крови с израненных, пульсирующих болью пальцев, и высунул лицо в коридор насколько мог, схватившись руками за решетку и яростно выкатив глаза.

— *Заткнись, членосос!* — закричал он. — *Заткнись, я из-за тебя, на хрен, чокнусь!*

Последовала долгая пауза. Ллойд наслаждался тишиной, как когда-то наслаждался чизбургером в «Макдоналдсе». Молчание — золото. Эта поговорка всегда казалась ему глупой, но теперь он не мог не признать, что она вполне осмысленна.

— *МА-А-А-А-МА-А-А-А-А...* — вновь донесся из далекого коридора протяжный вопль, печальный, как противотуманная сирена.

— Господи, — пробормотал Ллойд. — Господи Иисусе. *ЗАТКНИСЬ! ЗАТКНИСЬ! ЗАТКНИСЬ, ГРЕБАНЫЙ НЕДОУМОК!*

— *МА-А-А-А-А-А-А-МА-А-А-А-А-А-А-А-А...*

Ллойд вернулся к ножке своей койки и с яростью набросился на нее, пытаясь не обращать внимания на пульсирующую боль в пальцах и панику в голове. Он попробовал точно вспомнить, когда в последний раз видел своего адвоката: подобные факты быстро тускнели в памяти Ллойда, которая удерживала хронологию прошедших событий не лучше, чем решето — воду. Три дня тому назад? Да. На следующий день после того, как этот ублюдок Матерс врезал ему по яйцам. Двое охранников вновь привели его к переговорной комнате, и Шокли опять стоял у двери, и Шокли поприветствовал его: *Ой, да это наш обалдуй с острым язычком. Как жизнь, обалдуй? Хочешь сказать что-нибудь умное?* А потом Шокли открыл рот и чихнул Ллойду прямо в лицо, забрызгав его густой слюной. *Я тут припас для тебя несколько вирусов, обалдуй, у всех остальных они уже есть, начиная с начальника тюрьмы, а я верю в то, что богатством надо делиться. В Америке даже такие подонки, как ты, имеют право заболеть гриппом.* Когда его привели к Девинзу, адвокат напоминал человека, изо всех сил пытающегося скрыть хорошие новости, чтобы не сглазить. Судью, которому предстояло вести процесс Ллойда, свалил грипп. Двое других судей также болели. То ли гриппом, который косил всех подряд, то ли чем-то еще, поэтому оставшиеся судьи работали как проклятые. Так что у них появился шанс на отсрочку. «Скрести пальцы», — предложил ему адвокат. «Когда мы будем знать точно?» — спросил Ллойд. «Все может выясниться только в последнюю минуту, — ответил Девинз. — Я дам тебе знать, не беспокойся». Но с тех пор Ллойд его не видел, и сейчас, думая об их по-

следней встрече, он вспомнил, что у адвоката текло из носа, то есть...

— *Го-о-о-споди-и-и-и-и-су-у-у-се!*

Ллойд сунул пальцы правой руки в рот и ощутил вкус крови. Но злогребучий болт немного подался, а это значило, что он обязательно его отвернет. Даже крикун из другого конца коридора уже не бесил его... по крайней мере не так сильно. Он точно знал, что скоро открутит болт. А потом останется только ждать дальнейшего развития событий. Ллойд сидел, не вынимая пальцы изо рта, давая им отдых. Покончив с болтом, он намеревался разорвать рубашку на полосы и забинтовать пальцы.

— *Мама?*

— Я знаю, что ты можешь сделать со своей мамочкой, — пробормотал Ллойд.

Вечером того дня, когда он в последний раз виделся с Девинзом, из камер стали выносить тяжелобольных заключенных. Сосед Ллойда из камеры справа, Трэск, обратил внимание, что большинство охранников тоже сопливые. «Может, нам что-то с этого обломится», — предположил Трэск. «Что?» — спросил Ллойд. «Не знаю, — ответил Трэск. — Отсрочка суда, скажем».

Под матрасом Трэск прятал шесть косяков. Четыре он отдал одному из охранников, который выглядел еще ничего и мог рассказать, что происходит за стенами тюрьмы. По словам охранника, горожане покидали Финикс, просто разбегались из города. Многие болели и очень быстро умирали. Правительство говорило, что скоро будет вакцина, но большинство думало, что это треп. Калифорнийские радиостанции передавали всякие ужасы о законах военного времени, блокаде дорог, дезертирах, вооруженных автоматами, и о десятках тысяч умерших. Охранник сказал, что не удивится, если выяснится, что какие-то длинноволосые хиппи из кампуса, симпатизирующие коммунистам, вызвали эту болезнь, подмешав чего-нибудь в водопроводную воду.

Охранник заявил, что сам прекрасно себя чувствует, но собирается убраться куда подальше, как только закончится его смена. Он слышал, что с завтрашнего утра армия блокирует шоссе 17 и 80 и автостраду 95, так что он заберет жену с ребенком, они захватят с собой как можно больше еды и отсидятся в горах, пока все это не кончится. У него там домик, сказал охранник, и любой, кто

попытается приблизиться к нему на расстояние тридцати ярдов, получит пулю в лоб.

На следующее утро у Трэска потекло из носа, и он сказал, что чувствует жар. Он чуть не помешался от страха, вспомнил Ллойд, обсасывая свои пальцы. Каждого проходившего мимо охранника Трэск просил перевести его, нах, в лазарет, пока он действительно не заболел. Охранники не обращали никакого внимания ни на него, ни на других заключенных, которые теперь нервничали, как некормленые львы в зоопарке. Вот когда Ллойд впервые по-настоящему испугался. Обычно по этажу расхаживало не меньше двадцати охранников, так почему же теперь он видел сквозь решетку лишь четверых или пятерых?

С того дня, двадцать седьмого, Ллойд стал съедать только половину еды. Вторую половину он прятал под матрасом.

Вчера Трэск вдруг забился в конвульсиях. Его лицо стало черным, как туз пик, и он умер. Ллойд с жадностью смотрел на недоеденный ленч Трэска, но достать его не мог. На этаже еще оставались охранники, но они уже никого не переносили в лазарет, какими бы больными ни казались заключенные. Возможно, они все равно умирали в лазарете, и начальник тюрьмы решил, что незачем напрягаться. За телом Трэска тоже никто не пришел.

Вчера во второй половине дня Ллойд задремал. Проснувшись, он обнаружил, что коридор крыла особого режима пуст. Ужин не принесли. Теперь это место действительно напоминало львиный дом в зоопарке. Ллойду не хватало воображения, чтобы представить себе, какой бы стоял здесь крик, будь крыло строгого режима заполнено до отказа. Он понятия не имел, сколько заключенных еще живы и скольким достает сил требовать ужин, но благодаря эху создавалось ощущение, что живых достаточно много. Ллойд знал лишь, что Трэском в камере справа питаются мухи, а камера слева пуста. Ее прежнего обитателя, молодого негритянского парня с мелодичным голосом, который пытался ограбить старушку, но вместо этого убил ее, увели в лазарет несколькими днями раньше. Напротив две камеры тоже пустовали, а в третьей он видел болтающиеся ноги мужчины, который убил жену и ее брата во время игры в покено*. Покеновый Убийца, как его про-

* Покено — азартная игра, в которой роль номеров выполняют игральные карты.

звали, вероятно, решил проблему с помощью ремня. А если ремень у него отобрали, возможно, соорудил петлю из штанины.

Тем же вечером, только позже, когда автоматически включилось освещение, Ллойд поел бобов, припасенных двумя днями ранее. На вкус они были отвратительны, но он все равно их съел. Запил водой из туалетного бачка, а потом залез на койку и подтянул колени к груди, кляня Тычка, из-за которого попал в такую передрягу. Во всем был виноват Тычок. Самому Ллойду вполне хватало мелких правонарушений.

Мало-помалу требования ужина стихли, и Ллойд предположил, что не он один откладывал пищу на черный день. Но много ему запасти не удалось. Если бы он действительно верил, что такое может произойти, то отложил бы побольше. В глубине его сознания пряталось нечто, с чем ему не хотелось встречаться. Словно отдаленный уголок занавесили, и там что-то скрывалось. Из-под портьер виднелись только костлявые, как у скелета, ноги. И это все, что Ллойд соглашался видеть. Потому что принадлежали ноги кивающему, истощенному трупу по имени ГОЛОД.

— Ох, нет, — покачал головой Ллойд. — Кто-нибудь должен прийти. Обязательно. Вне всяких сомнений. Так же верно, как дерьмо прилипает к одеялу.

Но он все вспоминал о своем кролике. Никак не мог выкинуть его из головы. Он выиграл кролика с клеткой в школьной лотерее. Отец не хотел, чтобы кролик остался в доме, но Ллойду как-то удалось убедить его, что он будет ухаживать за ним и кормить на свои деньги. Он любил кролика и заботился о нем. Поначалу. Но увы, он быстро обо всем забывал. Так было всегда. И однажды, раскачиваясь на шине, подвешенной к ветке клена во дворе их маленького, обшарпанного домика в Маратоне, штат Пенсильвания, он внезапно подскочил на месте, подумав о кролике. Он не вспоминал о нем... ну, больше двух недель. Как-то совершенно вылетело из головы.

Ллойд побежал в небольшой сарайчик, пристроенный к амбару. Дело было летом, совсем как сейчас, и когда он шагнул внутрь, его наотмашь ударил идущий от кролика запах. Мех, который он так любил гладить, свалялся и выпачкался. Белые черви деловито копошились в глазницах на месте хорошеньких розовых глазок. Ллойд увидел, что лапы кролика изгрызены и окровавленны. Он попытался убедить себя, что кролик рвал

проволочные стенки клетки, вот и поцарапался, и, несомненно, так оно и было, но какая-то извращенная, темная часть его сознания подала голос и зашептала, что, возможно, кролик, доведенный голодом до последней степени отчаяния, начал есть самого себя.

Ллойд унес кролика, вырыл глубокую яму и похоронил его прямо в клетке. Отец ни разу не спросил о нем, может, даже забыл, что у его сына жил кролик — Ллойд особым умом не отличался, но в сравнении с отцом тянул на гиганта мысли, — однако Ллойд запомнил этот случай на всю жизнь. Ему постоянно снились яркие сны, а смерть кролика аукнулась жуткими кошмарами. И теперь, когда он сидел на койке, подтянув колени к груди, воспоминания о кролике вернулись, пусть Ллойд и говорил себе, что кто-нибудь придет, кто-нибудь точно придет и выпустит его на свободу. Он не заболел этим гриппом, этим «Капитаном Торчем». Он просто хотел есть. Как хотел есть кролик. Ничего больше.

Вскоре после полуночи он заснул, а с утра занялся ножкой койки. Теперь, глядя на окровавленные пальцы, Ллойд вновь с ужасом подумал о лапах того давнишнего кролика, которому он не хотел причинять никакого вреда.

К часу дня двадцать девятого июня Ллойд открутил ножку койки. В самом конце болт стал выкручиваться с дурацкой легкостью, ножка звякнула о пол камеры, и он просто смотрел на нее, гадая, а зачем, скажите на милость, она вообще ему понадобилась. Длина ножки не превышала трех футов.

Он поднял ее с пола, подошел к решетке и принялся колотить по стальным прутьям.

— Эй! — завопил он под гулкие, далеко разносящиеся удары. — Эй, выпустите меня! Я хочу, блин, выбраться отсюда, ясно? Эй, черт побери, эй!

Он перестал стучать и прислушался. На мгновение воцарилась полная тишина, а потом из коридора, где находились обычные камеры, донесся хриплый, восторженный отклик:

— Мама! Я здесь, мама! Я здесь!

— *Господи!* — взревел Ллойд и швырнул ножку в угол. Он вкалывал долгие часы, изувечил пальцы — и все для того, чтобы разбудить этого говнюка.

Он сел на койку, приподнял матрас и вынул оттуда кусок черствого хлеба. Подумал, не добавить ли к этому горсть фиников, решил пока оставить их — и все равно вытащил из-под матраса. Съел финики один за другим, оставив хлеб напоследок, чтобы перебить вязкий фруктовый вкус.

Покончив с этой жалкой трапезой, он случайно подошел к правой стене камеры. Глянул вниз — и вскрикнул от отвращения. Трэск наполовину сполз со своей койки, и его штанины чуть задрались. Поверх тюремных шлепанцев виднелись голые лодыжки. Большая, лоснящаяся крыса обедала ногой Трэска. Отвратительный розовый хвост аккуратно обвивал ее серое тело.

Ллойд пошел в другой угол своей камеры и подобрал ножку. Вернулся и какое-то время стоял неподвижно, думая, не решит ли крыса, заметив его, отправиться в менее людные места. Но похоже, крыса его не замечала. Ллойд прикинул на глаз расстояние и пришел к выводу, что длины ножки хватит с запасом.

— Х-ха! — крякнул он, с силой опуская ножку. Она придавила крысу к ноге Трэска, и тот с глухим стуком свалился с койки. Крыса лежала на боку, ошеломленная, едва дыша. На усах выступили капельки крови. Задние лапки двигались, но если маленький крысиный мозг и приказывал ей бежать, то сигналы, проходя по позвоночнику, безнадежно путались. Ллойд стукнул ее снова и убил. — Готова, маленькая срань. — Ллойд положил ножку и вернулся к койке. Разгоряченный, напуганный, он чуть не плакал. Обернулся через плечо и закричал: — Как тебе нравится крысиный ад, грязный ублюдок?

— Мама! — послышался радостный голос. — Ма-а-а-ма-а-а!

— *Заткнись!* — взвизгнул Ллойд. — *Я не твоя мама! Твоя мама отсасывает кому-то в борделе Жопосранска, штат Индиана!*

— Мама?.. — На этот раз в голосе улавливалось сомнение. И воцарилась тишина.

Ллойд заплакал. Он сидел и тер глаза кулаками, совсем как маленький. Он хотел сандвич со стейком, хотел поговорить со своим адвокатом, хотел выбраться отсюда.

Наконец он вытянулся на койке, прикрыл глаза рукой и принялся онанировать. Хороший способ загнать себя в сон, не хуже любого другого.

* * *

Ллойд проснулся в пять вечера. В крыле строгого режима царила мертвая тишина. Поднялся с койки, один край которой, лишенный опоры, наклонился. Подхватил с пола ножку, мысленно приготовился к возможному крику: «*Мама!*» — и снова принялся барабанить по прутьям решетки, как повар на ферме, сзывающий всех работников на ужин. *Ужин*. До чего же хорошее слово, разве можно найти лучше? Жареная свинина, и картошка с подливой, и зеленый горошек, и молоко с шоколадным сиропом «Херши», чтобы макать в него хлеб. И большое блюдо клубничного мороженого на десерт. Нет такого слова, которое могло бы сравниться со словом «ужин».

— Эй, неужто тут никого нет? — закричал Ллойд срывающимся голосом.

Ответа не последовало. Обошлось даже без крика «Мама!». Теперь он бы порадовался и этому. Компания сумасшедшего лучше компании мертвецов.

Ллойд с грохотом бросил ножку на пол, пошатываясь, вернулся к койке, поднял матрас и произвел ревизию оставшейся еды. Два куска хлеба, две горсти фиников, наполовину обглоданная свиная косточка, один кусок болонской колбасы. Он разделил кусок колбасы надвое и съел большую часть, но этим лишь раздразнил себя, разжег аппетит.

— Больше не буду, — прошептал он и обглодал остатки свинины с косточки. Обозвал себя нехорошими словами и еще немного поплакал. Ему предстояло умереть здесь, как кролику в клетке, как Трэску в своей камере.

Трэск.

Он долго и задумчиво смотрел в камеру Трэска, наблюдая, как мухи кружатся, и садятся, и взлетают. Настоящий международный аэропорт Лос-Анджелеса — аэропорт для мух на лице старины Трэска. Наконец Ллойд взял ножку, подошел к решетке и просунул ее между прутьев. Встав на цыпочки, он как раз сумел зацепить крысу и подтянуть к своей камере.

Когда крыса оказалась достаточно близко, Ллойд опустился на колени и перетащил ее на свою сторону. Взял за хвост и долгое время держал перед собой раскачивающееся тельце. Потом положил крысу под матрас, чтобы мухи не могли до нее добраться, от-

дельно от другой еды. Долго-долго смотрел на трупик, прежде чем опустить матрас, милостиво скрывший ее от глаз Ллойда.

— На всякий случай, — шепотом сообщил Ллойд Хенрид окружавшей его тишине. — На всякий случай, только и всего.

Потом забрался на другой конец койки, подтянул колени к подбородку и застыл.

Глава 33

Вечером, в тридцать восемь минут девятого — по часам, висевшим над дверью в кабинете шерифа, — погас свет.

Ник Эндрос читал книжку в бумажной обложке, которую взял с полки в аптечном магазине, готический роман об испуганной гувернантке, подозревавшей, что в уединенном поместье, где ей предстояло учить сыновей красавца хозяина, живет привидение. Не дойдя и до середины, Ник уже знал, что привидением на самом деле является жена красавца хозяина, вероятно, запертая где-нибудь на чердаке и безумная, как Мартовский Заяц.

Когда свет погас, он почувствовал, как сердце затрепыхалось у него в груди, и услышал исходящий из глубины сознания шепот. Доносился он из того самого места, где прятались в ожидании своего часа посещавшие его по ночам кошмары: *Он идет за тобой... сейчас он в пути, на ночных дорогах... на тайных дорогах... темный человек...*

Ник бросил книжку на стол и вышел на улицу. День еще догорал на горизонте, но ночь почти полностью вступила в свои права. Все уличные фонари погасли, как и флуоресцентные лампы в аптечном магазине, обычно горевшие круглые сутки. Приглушенное гудение распределительных коробок на столбах электропередач смолкло. Это Ник мог легко проверить: приложил руку к столбу и не ощутил никакой вибрации — только дерево.

В чулане лежали свечи, полная коробка, но мысль о них не слишком-то успокоила Ника. Сам факт отключения электричества очень сильно на него подействовал, и теперь он стоял, глядя на запад, молчаливо умоляя свет не покидать его, не оставлять одного на этом темном кладбище.

Но свет ушел. В десять минут десятого Ник больше не мог даже притворяться, на небе оставалась хотя бы светлая полоска, поэтому вернулся в кабинет и на ощупь добрался до чулана, в котором лежали свечи. Он обшаривал одну из полок в поисках нужной коробки, когда дверь позади него с шумом распахнулась и в кабинет ввалился Рэй Бут с почерневшим и распухшим лицом. Перстень Университета Луизианы по-прежнему поблескивал у него на пальце. С ночи двадцать второго июня, на протяжении недели, он прятался в лесах недалеко от города. К утру двадцать четвертого Рэй почувствовал, что заболел, и наконец этим вечером голод и боязнь за свою жизнь погнали его обратно в город, совершенно пустой, не считая этого чертова немого, из-за которого все и произошло. Он увидел немого, когда тот, задрав нос, пересекал городскую площадь с таким видом, будто город, в котором Рэй прожил большую часть своей жизни, принадлежал ему одному. И револьвер шерифа торчал из кобуры на его правом бедре, закрепленный стяжкой. Может, он действительно *думал*, что город принадлежит ему. Рэй подозревал, что умирает от болезни, которая выкосила всех, но собирался показать этому чертову выродку, что здесь ему не принадлежит ничего.

Ник стоял спиной к двери и не подозревал, что в кабинете шерифа Бейкера он не один, пока чьи-то пальцы не сомкнулись у него на шее и не начали ее сжимать. Коробка со свечами, которую Ник только что нашел, выпала у него из рук, и восковые свечи посыпались на пол, ломаясь и раскатываясь во все стороны. Его уже наполовину задушили, когда он наконец сумел преодолеть первый приступ ужаса. Внезапно Ник поверил, что ожила черная тварь из его снов: какой-то демон из глубин ада подкрался к нему сзади, и его чешуйчатые, когтистые лапы сомкнулись на шее Ника, как только отключилась электроэнергия.

Потом он судорожно, инстинктивно схватился своими руками за чужие, пытаясь оторвать их от шеи. Горячее дыхание жгло ему правое ухо. Шума он не слышал, но чувствовал движение воздуха. Ему удалось чуть вдохнуть, прежде чем пальцы вновь сжали его шею.

Они оба раскачивались в темноте, словно танцоры. Немой продолжал сопротивляться, и Рэй Бут чувствовал, как убывают его собственные силы. Голова раскалывалась. Если он не прикон-

чит немого быстро, то не прикончит уже никогда. Он поднапрягся и снова стиснул тощую шею парнишки.

Ник ощущал, как меркнет окружающий мир. Боль в горле, вначале очень острая, теперь стала какой-то тупой и далекой — почти приятной. Он с силой наступил каблуком на ногу Рэю и одновременно навалился на него всем весом своего тела. Тому пришлось отступить на шаг. При этом он наступил на свечку, она провернулась под подошвой, и Бут повалился на пол, увлекая за собой Ника, который оказался наверху. Руки Бута наконец-то разжались.

Ник откатился в сторону, жадно хватая ртом воздух. Все вокруг казалось каким-то далеким и плавающим, за исключением боли в горле, которая возвращалась медленными, тупыми толчками. И он чувствовал вкус крови.

Массивный силуэт напавшего на Ника (кем бы он ни был) поднимался с пола. Ник вспомнил о револьвере и схватился за него. Оружие было на месте, но вытащить его он не смог. Каким-то образом револьвер застрял в кобуре. Ник, охваченный паникой, изо всех сил дернул за рукоятку. Громыхнул выстрел. Пуля чиркнула по его ноге и ушла в пол.

Силуэт навалился на него как смерть.

Воздух вырвался из груди Ника, а потом белые руки зашарили по его лицу, большие пальцы выискивали глаза. В тусклом свете луны Ник заметил на одном из пальцев пурпурный блеск, и его изумленные губы выплюнули в темноту неслышное слово: «*Бут!*» Правой рукой он продолжал тащить револьвер из кобуры, почти не чувствуя обжигающей боли в бедре.

Большой палец Рэя Бута уперся в правый глаз Ника. В голове у того вспыхнула и рассыпалась искрами чудовищная боль. Наконец-то он вытащил револьвер. А палец, мозолистый и жесткий, резко повернулся по часовой стрелке, потом в обратном направлении, размалывая глазное яблоко Ника.

Тот вскрикнул, то есть из его рта шумно вырвался воздух, и вдавил револьвер в дряблый бок Рэя Бута. Нажал на спусковой крючок, и револьвер издал приглушенное: «Пах!» Ник почувствовал сильную отдачу, от которой рука онемела до плеча, увидел вспышку, а мгновение спустя в ноздри ему ударил запах сгоревшего пороха и обуглившейся материи. Рэй Бут напрягся, потом обмяк.

Рыдая от боли и ужаса, Ник рванулся из-под лежащего на нем трупа, и тело Бута наполовину свалилось, наполовину сползло с него. Полностью выбравшись, зажимая одной рукой изуродованный глаз, Ник долгое время лежал на полу. Горло пылало огнем, и ему казалось, что гигантские, безжалостные клещи сдавливают виски.

Наконец он пошарил вокруг, нашел свечу и зажег ее зажигалкой с письменного стола. В слабом желтом свете увидел распростертого на полу Бута, лежащего лицом вниз. Он напоминал мертвого кита, выбросившегося на берег. Револьвер прожег в его рубашке дыру размером с оладью. На пол натекло много крови. Тень Бута, огромная и бесформенная, в неровном мерцании свечи дотягивалась до дальней стены.

Мыча от боли, Ник проковылял в маленькую ванную, все еще зажимая рукой глаз, и посмотрел на себя в зеркало. Увидел сочащуюся между пальцев кровь и неохотно отвел руку. Полной уверенности у него еще не было, но он предчувствовал, что теперь в придачу стал одноглазым, а не только глухонемым.

Он вернулся в кабинет и пнул бездыханное тело Рэя Бута.

«Ты меня изувечил, — мысленно обратился он к мертвецу. — Сначала мои зубы, а теперь и мой глаз. Ты счастлив? Ты бы и два глаза мне выдавил, если б смог, так ведь? И оставил бы меня глухим, немым и слепым в мире мертвых. Тебе бы это понравилось, дружище?»

Он снова пнул Бута ногой, она вдавилась в мертвое мясо, и при мысли об этом Ника замутило. Через какое-то время он подошел к койке, сел на нее и обхватил голову руками. Снаружи по-прежнему правила темнота. Снаружи погасли все огни мира.

Глава 34

Долгое время, в течение многих дней (скольких именно? кто знал? уж во всяком случае, не Мусорный Бак, это точно), Дональд Мервин Элберт — друзья по начальной школе в смутном, полузабытом прошлом прозвали его Мусорным Баком — бродил по улицам Паутенвилла, штат Индиана, пугаясь голосов в голове,

уворачиваясь и заслоняясь руками от камней, которые бросали в него привидения.

Эй, Мусорный Бак!

Эй, Мусорный Бак, мы доберемся до тебя, Мусорник! Поджег что-нибудь большое на этой неделе?

Что сказала старушка Семпл, когда ты сжег ее пенсионный чек, Мусорник?

Эй, Мусоренок, хочешь прикупить керосина?

Как тебе понравилась шокотерапия в Терре-Хоте, Мусорище?

Мусорник...

...Эй, Мусорный Бак...

Иногда он понимал, что эти голоса ненастоящие, но иногда громко кричал им, просил замолчать, лишь для того, чтобы осознать, что единственный голос принадлежит ему и возвращается, отразившись от домов и фасадов магазинов, отскакивая от шлакоблочной стены мойки машин «Протрем и полирнем», где он когда-то работал, а сегодня, тридцатого июня, сидел и ел большой неопрятный сандвич с арахисовым маслом, желе, помидорами и горчицей «Гулденс диабло». Никаких голосов, кроме его голоса, отражающегося от домов и магазинов и возвращающегося к нему в уши, словно незваный гость. Потому что по непонятной причине Паутенвилл опустел. Все ушли... ведь так? Они всегда утверждали, что он псих, а ведь это была мысль, достойная психа: кроме него, в родном городе никого не осталось. И его взгляд возвращался к нефтяным резервуарам на горизонте, огромным, белым и круглым, словно низкие облака. Они стояли между Паутенвиллем и дорогой на Гэри и Чикаго, и он знал, что хотел с ними сделать. Наяву. Это было плохое желание, но он не спал, а потому не мог с ним справиться.

Обжег пальцы, Мусорник?

Эй, Мусорный Бак, разве ты не знаешь, что те, кто играет с огнем, дуют в постель?

Что-то, казалось, просвистело мимо него, он всхлипнул и вскинул руки, уронив сандвич в пыль, вжав голову в плечи... Но нет, никого и ничего. За сложенной из шлакоблоков стеной автомобильной мойки «Протрем и полирнем» находилось только шоссе 130, ведущее к Гэри, однако сначала дорога шла мимо огромных резервуаров «Чири ойл компани». Продолжая всхлипывать,

он поднял сандвич, стряхнул серую пыль с белого хлеба, вновь принялся за еду.

Или во сне? Когда-то его отец был жив, но шериф убил его на улице прямо перед Методистской церковью, и с этим ему предстояло прожить всю свою жизнь.

Эй, Мусорник, шериф Грили пристрелил твоего старика, как бешеную собаку, ты знаешь об этом, гребаный выродок?

Его отец сидел в баре «У О'Тула», и там произошла какая-то ссора, и Уэнделл Элберт выхватил револьвер и убил бармена, а потом пришел домой и убил двух старших братьев Мусорного Бака и заодно сестру — и да, Уэнделла Элберта отличал вздорный характер, и странности за ним замечались задолго до того вечера, это вам сказал бы любой паутенвиллец, а еще он сказал бы, что яблоко от яблони недалеко падает. Он убил бы и мать, но Салли Элберт с криком выбежала на улицу, держа на руках пятилетнего Дональда (впоследствии получившего прозвище Мусорный Бак). Уэнделл Элберт стоял на ступеньках переднего крыльца и палил им вслед. Пули визжали и отскакивали от дороги, и при последнем выстреле дешевый револьвер, купленный Уэнделлом у ниггера в баре на Стейт-стрит в Чикаго, взорвался у него в руке. Осколки развороти ли ему большую часть лица. Он брел по улице — кровь заливала ему глаза, — крича и размахивая тем, что осталось от дешевого револьвера. Ствол расщепило, как взрывающуюся сигару из магазина приколов. И в тот самый момент, когда он поравнялся с Методистской церковью, подъехал шериф Грили на единственном в городе патрульном автомобиле. Он приказал Уэнделлу немедленно остановиться и бросить оружие. Вместо этого Уэнделл Элберт навел на шерифа остатки своего дешевого оружия, и Грили то ли действительно не заметил расщепленный ствол, то ли сделал вид, что не заметил, но, так или иначе, на результат это не повлияло. Шериф разрядил в Уэнделла Элберта оба ствола ружья, которое возил под приборной панелью.

Эй, Мусорник, ты еще не поджег свой ЧЛЕН?

Он огляделся в поисках того, кто прокричал эти слова — голос вроде бы принадлежал Карли Ейтсу или какому-то мальчишке из его компании, да только Карли давно вырос, как и он сам.

Может быть, теперь он станет просто Доном Элбертом, а не Мусорным Баком, как Карли Ейтс стал Карлом Ейтсом, продаю-

щим автомобили в фирменном салоне «Крайслер-Плимут». Но Карл Ейтс куда-то делся, *все* куда-то делись, и, возможно, он уже упустил свой шанс стать кем бы то ни было.

Он покинул мойку «Протрем и полирнем» — отшагал милю или даже больше по шоссе 130 на северо-запад, — и теперь Паутенвилл расстилался внизу, словно масштабная модель детской настольной железной дороги. До нефтяных резервуаров оставалось всего полмили. В одной руке он нес ящик с инструментами, а в другой — пятигаллонную канистру бензина.

Это было плохо, но...

После смерти Уэнделла Элберта Салли Элберт нашла работу в паутенвиллском кафе, и время от времени, в первом или втором классе начальной школы, ее единственный оставшийся в живых ребенок, Дональд Мервин Элберт, поджигал чужие мусорные баки, а потом убегал.

Смотрите, девочки, вот идет Мусорный Бак, он подожжет ваши платья!

О-о-о-од! Уро-о-о-од!

Взрослые обнаружили, кто это делает, лишь когда он перешел в третий класс, и тут появился шериф, все тот же старина Грили, и, наверное, потому-то и вышло, что человек, пристреливший его отца у Методистской церкви, стал его отчимом.

Эй, Карли, хочешь загадку: как может твой отец убить твоего отца?

Не знаю, Пити, а как?

Я и сам не знаю, но это очень просто, если ты — Мусорный Бак!

Хи-хи-хи-ха-ха-ха-хо-хо-хо!

Теперь он стоял в самом начале щебеночной подъездной дороги, и плечи болели от тяжести ящика с инструментами и бензина. На воротах висел щит с надписью: «ЧИРИ ПЕТРОЛИУМ КОМПАНИ, ИНК. ВСЕ ПОСЕТИТЕЛИ ДОЛЖНЫ ОТМЕТИТЬСЯ В ОФИСЕ! СПАСИБО!»

На стоянке стояло несколько автомобилей, но не очень много. Большинство со спущенными шинами. Мусорный Бак двинулся по подъездной дороге, миновал полуоткрытые ворота. Его

глаза, синие и странные, не отрывались от тонкой лесенки, которая спиралью обвивала ближайший резервуар до самой вершины. Внизу лесенку перегораживала цепь, на которой висела табличка: «НЕ ВХОДИТЬ! НАСОСНАЯ СТАНЦИЯ ЗАКРЫТА». Мусорный Бак перешагнул через цепь и начал подниматься по ступеням.

Его мать сделала ошибку, выйдя замуж за шерифа Грили. В четвертом классе он стал поджигать почтовые ящики. Именно тогда он сжег пенсионный чек старой миссис Семпл и снова попался. Салли Элберт Грили впала в истерику при первых же словах мужа о том, что мальчика надо отправить в то заведение в Терре-Хоте (*Ты думаешь, он сумасшедший? Как может десятилетний мальчик быть сумасшедшим? Мне кажется, ты просто хочешь избавиться от него! Ты избавился от его отца, а теперь хочешь избавиться и от него!*). Так что Грили не оставалось ничего другого, как взять мальчика на поруки: десятилетнего ребенка не отправляют в исправительную школу, если, конечно, не хотят значительно увеличить диаметр его заднего прохода или развестись с новой женой.

Вверх и вверх по ступеням. Сталь слегка позвякивала под ногами. Голоса остались далеко внизу, и никто не мог бросить камень так высоко. Машины на стоянке теперь казались сверкающими игрушечными моделькими «Корги». Сверху доносился только голос ветра, который что-то нашептывал ему на ухо и стонал в каком-то вентиляционном коробе, да далекий щебет птиц. Вокруг простирались поля, росли деревья — все оттенки зеленого, чуть синеватые от утренней дымки. Теперь он улыбался, счастливый, поднимаясь по стальной спирали, огибая резервуар, все выше и выше.

Поднявшись на плоскую круглую крышу резервуара, он решил, что добрался до самой крыши мира и, если протянуть руку, ногтями можно соскрести голубой мел со дна неба. Он поставил канистру и ящик с инструментами и просто огляделся. С крыши резервуара был виден Гэри, потому что из заводских труб больше не шел дым и воздух очистился, Чикаго казался миражом в летней дымке, а далеко на севере проступал слабый голубой отблеск — то ли озеро Мичиган, то ли плод разыгравшегося вооб-

ражения. Мягкий, золотистый аромат, разлитый в воздухе, вызвал мысли о неспешном завтраке в ярко освещенной кухне. Но скоро дню предстояло вспыхнуть.

Не трогая канистру, Мусорный Бак взял ящик с инструментами и подошел к насосной станции, чтобы запустить ее. Технику он понимал интуитивно. Разбирался в ней с той же легкостью, с какой некоторые ученые идиоты умножали и делили в уме семизначные числа. Ему не требовалось ни глубоких знаний, ни понимания принципа действия — он просто позволял взгляду в течение нескольких секунд блуждать по тому или иному агрегату, а потом его руки начинали двигаться быстро и уверенно.

Эй, Мусорный Бак, с чего ты решил сжечь церковь? Почему ты не спалил ШКОЛУ?

В пятом классе он устроил пожар в гостиной пустого дома в соседнем городке Седли, и дом выгорел дотла. Отчим, шериф Грили, посадил пасынка в камеру: его уже побили мальчишки, а теперь за дело грозили взяться и взрослые (*И понятно почему — если б не дождь, мы могли потерять полгорода из-за этого проклятого поджигателя!*). Грили сказал Салли, что Дональду придется отправиться в Терре-Хот и пройти обследование. Салли сказала, что уйдет от него, если он так поступит с ее единственным сыном, но Грили стоял на своем. Судья подписал ордер, и Мусорный Бак на некоторое время уехал из Паутенвилла, если точно, то на два года, а его мать развелась с шерифом. В том же году, только позже, Грили прокатили на очередных выборах, и он перебрался в Гэри, нашел работу на автосборочном конвейере. Салли навещала Мусорника каждую неделю и всякий раз плакала.

— Вот ты где, пидорасина, — прошептал Мусорный Бак и тут же украдкой оглянулся, чтобы убедиться, что никто не слышал, как он ругается. Естественно, никто не слышал, потому что он находился на первом резервуаре «Чири ойл», да и внизу тоже никого не осталось. Только призраки. А над ним проплывали толстые белые облака.

Среди механизмов возвышалась широкая труба диаметром более двух футов с резьбой в верхней части для установки гибкого шланга. Труба предназначалась для откачки или для сброса, но поскольку резервуар под завязку был заполнен неэтилированным

бензином, немного, может, с пинту, перелилось через край, оставив радужные дорожки на тонком слое пыли. Мусорный Бак отступил на шаг, сверкая глазами, с большим гаечным ключом в одной руке и молотком в другой. Бросил их, и они звякнули о железную крышу резервуара.

Ему даже не требовался принесенный бензин. Он поднял канистру и швырнул вниз с криком:

— Сбросить бомбы!

После чего с большим интересом пронаблюдал за траекторией ее полета. Где-то на трети пути канистра врезалась в лестницу, отскочила, потом, переворачиваясь, преодолела остававшееся до земли расстояние, выплескивая янтарную жидкость из образовавшейся при ударе дыры.

Потом он опять повернулся к трубе, обвел взглядом сверкающие лужи бензина. Из нагрудного кармана достал книжицу бумажных спичек, посмотрел на них виновато, зачарованно, возбужденно. Реклама на обложке сообщала, что вы можете изучить любой предмет в заочной школе Ласалль в Чикаго. *Я стою на огромной бомбе*, подумал он. Закрыл глаза, дрожа от страха и экстаза. Внутри его нарастало знакомое возбуждение, от которого немели пальцы рук и ног.

Эй, Мусорник, ты — гребаный поджигатель!

Из больницы в Терре-Хоте он вышел, когда ему исполнилось тринадцать. Врачи не знали, вылечился он или нет, но сказали, что вылечился. Им понадобилась его палата, чтобы засадить туда на пару лет другого чокнутого мальчишку. Мусорный Бак отправился домой. Он сильно отстал в учебе и, похоже, не мог наверстать упущенное. В Терре-Хоте его лечили электрошоковой терапией, а вернувшись в Паутенвилл, он ничего не мог запомнить. Готовился к контрольной, потом забывал половину и, конечно же, получал «неуд».

Но в течение какого-то времени он, во всяком случае, больше не устраивал пожаров. Казалось бы, все вернулось на круги своя. Убийца-шериф прикручивал фары к «доджам» в Гэри («Ставит колеса на развалюхи», — иногда говорила мать). Она снова работала в паутенвиллском кафе. Все шло хорошо. Правда, оставалась нефтяная компания «Чири», белые резервуары которой возвышались на горизонте, как побеленные огромные жестяные

банки, а за ними поднимался в небо дым заводов Гэри — где работал шериф-убийца, — создавая впечатление, что город уже в огне. Он часто задавался вопросом, а как будут гореть резервуары «Чири ойл». Три отдельных взрыва, достаточно громких, чтобы разодрать в клочья барабанные перепонки, и достаточно ярких, чтобы изжарить глаза в глазницах? Три столба огня (отец, сын и святой отцеубийца-шериф), которые будут пылать день и ночь в течение долгих месяцев? А может, они вообще не загорятся?

Теперь он мог это выяснить. Легкий летний ветерок задул две первые спички, которые он зажег, и почерневшие огарки упали на клепаную сталь. Справа, у самого поручня высотой по колено, который тянулся по периметру крыши, он увидел жука, слабо перебирающего лапками в луже бензина. «Я — как этот жук», — обиженно подумал он и задался вопросом, что же это за мир такой, если Бог не только запихивает тебя в липкую гадость, как жука — в лужу неэтилированного бензина, но и оставляет в живых, чтобы ты трепыхался в течение долгих часов, может, дней... или, как в его случае, лет. Такой мир заслуживал сожжения, это точно. Он стоял с опущенной головой и ждал, приготовив третью спичку, чтобы зажечь ее, как только утихнет ветер.

После возвращения его называли и *полоумным*, и *психом*, и *чокнутым*, но Карли Ейтс, который теперь опережал его на три класса, вспомнил про мусорные баки, и так к нему прилипло это прозвище. Когда ему исполнилось шестнадцать, он, с разрешения матери, бросил школу (*А чего вы ждали? Они сожгли ему мозги, там, в Терре-Хотв. Будь у меня деньги, я бы подала на них в суд. Они называют это шоковой терапией. Проклятый электрический стул — вот как называю это я!*) и начал работать на мойке машин «Протрем и полирнем»: намылить фары/намылить пороги/поднять дворники/протереть зеркала/эй, мистер, полировать будем? И еще какое-то время все шло хорошо. Люди окликали его с углов улиц или из проезжающих автомобилей, интересуясь, что сказала миссис Семпл (уже четыре года как покойная), когда он сжег ее пенсионный чек, и надул ли он в постель после того, как сжег тот дом в Седли; и они свистели друг другу, стоя у магазина-кондитерской или привалившись к стене бара «У О'Тула», орали, советуя спрятать спички и затушить сигареты, потому что Мусорный Бак уже рядом. Голоса постепенно стали призрачными, го-

лоса — но не камни, летевшие из темных проулков или с другой стороны улицы. Однажды из проезжавшей машины в него запустили полупустой банкой пива. Она попала ему в лоб, и он упал на колени.

Так и шла его жизнь: голоса, прилетавшие время от времени камни, «Протрем и полирнем». А в обеденный перерыв он обычно сидел на том же самом месте, что и сегодня, ел сандвич с беконом, салатом и помидором, приготовленный матерью, смотрел на резервуары «Чирн ойл» и гадал, что произойдет, если их поджечь.

Так и шла его жизнь, пока однажды он не очнулся в притворе Методистской церкви с пятигаллонной канистрой от бензина в руках, а сам бензин был разлит повсюду, особенно щедро — по груде старых псалтырей в углу. В тот самый момент Мусорный Бак остановился и подумал: *Это плохо, нет, не просто плохо, а еще и ГЛУПО, они поймут, кто это сделал, поймут, даже если это сделает кто-нибудь другой, и «упекут тебя»*. Так он думал, вдыхая запах бензина, а голоса трепыхались и кружились в его голове, словно летучие мыши на колокольне с привидениями. Потом его губы растянулись в медленной улыбке, он перевернул канистру и побежал с ней по центральному проходу, разливая бензин, пробежал весь путь от притвора к алтарю, как жених, опоздавший на собственную свадьбу и настолько нетерпеливый, что уже не в силах удержать горячую жидкость, больше подходящую для использования на брачном ложе.

После этого он вернулся в притвор, вытащил из нагрудного кармана единственную деревянную спичку, чиркнул ею о молнию джинсов, бросил на груду псалтырей, с которых капал бензин, попал. Вспыхнуло пламя, и на следующий день он уже ехал в Подростковый исправительный центр северной Индианы мимо черных и еще дымящихся развалин Методистской церкви.

Карли Ейтс стоял, привалившись к фонарному столбу напротив «Протрем и полирнем», с «лаки страйк», свисающей из уголка рта. Карли проорал ему напутствие, эпитафию, приветствие и прощальное слово: *Эй, Мусорный Бак, с чего ты решил сжечь церковь? Почему ты не спалил ШКОЛУ?*

В семнадцать лет его отправили в тюрьму для несовершеннолетних, а когда ему исполнилось восемнадцать, перевели в тюрьму штата, и сколько он там пробыл? Кто знал? Во всяком случае,

не Мусорный Бак, это уж точно. В тюрьме никого не волновало, что он сжег Методистскую церковь. Там сидели люди, совершившие более плохие поступки. Убийцы. Насильники. Люди, которые могли разбить голову старой библиотекарше. Кое-кто из заключенных хотел кое-что сделать с ним, а кое-кто — чтобы он с ними кое-что сделал. Он не возражал. Все происходило после того, как гасили свет. Один мужчина с лысой головой сказал, что любит его: *Я люблю тебя, Дональд!* — и он решил, что это гораздо лучше, чем уворачиваться от камней. Иногда он думал, что хорошо бы остаться здесь навсегда. Но иногда ночью ему снилась нефтяная компания «Чири», и в этом сне всегда гремел один оглушительный взрыв, за которым следовали два других: «БА-БАХ!.. ... ...БА-БАХ! БА-БАХ!» Гигантские монотонные взрывы, врывающиеся в яркий дневной свет, трансформирующие его, как удары молотка — тонкий медный лист. И все горожане прекращали свои занятия, чтобы посмотреть на север, в сторону Гэри, в сторону трех резервуаров, прорисованных на фоне неба, будто побеленные жестяные банки. Смотрел Карли Ейтс, пытавшийся продать двухлетний «плимут» молодой паре с ребенком. Бездельники, ошивавшиеся в баре «У О'Тула» и в магазине-кондитерской, вываливались на улицу, оставляя на столах пиво и шоколадное солодовое молоко. В кафе его мать замирала перед кассовым аппаратом. Новый парень, работавший в «Протрем и полирнем», отрывался от фары, которую мыл, и смотрел на север, откуда накатывал этот громкий звук, рвущий заведенный порядок дня: «БА-БАХ!» Таким был его сон.

Со временем он заслужил доверие у администрации тюрьмы, и его отправили помогать в лазарете, когда появилась странная болезнь. Но несколькими днями ранее больных там уже не осталось, потому что все, кто заболел, умерли. Все умерли или убежали, за исключением молодого охранника, которого звали Джейсон Деббинс. Он остался сидеть за рулем грузовика, на котором из тюрьмы возили белье в прачечную, потому что пустил себе пулю в лоб.

И куда еще мог пойти Мусорный Бак, как не домой?

Ветерок погладил его по щеке и стих.

Он зажег спичку и уронил ее. Она упала в лужицу бензина. Тот загорелся. Поднялись языки голубого пламени и начали не торопясь расширяться, образуя корону вокруг обгоревшей спички. Се-

кунду Мусорный Бак зачарованно наблюдал за ними, а потом, оглядываясь через плечо, побежал к лестнице, спиралью обвивавшей резервуар. Насосную станцию уже скрывала тепловая дымка, и она мерцала, как мираж. Голубые языки, не более двух дюймов в высоту, расширяющимся полукругом приближались к насосной станции и возвышающейся в центре трубе. Жук больше не пытался вылезти из бензиновой лужицы. От него осталась почерневшая хитиновая скорлупа.

Я могу сделать так, чтобы со мной произошло то же самое.

Но похоже, ему этого не хотелось. Мелькнула смутная мысль, что теперь у него может появиться новая цель, что-нибудь великое и возвышенное. Его охватил страх, и он побежал вниз по лестнице, гремя ботинками по ступеням, хватаясь за тронутый ржавчиной поручень.

Вниз и вниз, вокруг резервуара, непрерывно думая о том, когда же наконец воспламенятся пары над трубой и как скоро температура станет достаточно высокой, для того чтобы огонь смог прорваться через горловину трубы в сам резервуар.

С разлетающимися волосами и прилипшей к лицу улыбкой, слушая рев ветра в ушах, Мусорный Бак спешил вниз. Половина пути осталась позади, он уже пробегал мимо букв «ЧИ», двадцать футов высотой, зеленых на белом фоне. Вниз и вниз, и, если бы его летящие ноги соскользнули со ступеньки или за что-нибудь зацепились, он бы рухнул, как баллон с газом, переломав все кости.

Земля приближалась, побеленная полоса гравия вокруг резервуара и подступающая к нему зеленая трава. Автомобили на стоянке начинали обретать нормальный размер. Но ему все казалось, что он плывет, плывет во сне и никогда не достигнет земли, что будет только бежать и бежать, оставаясь на месте. Рядом с бомбой с уже запаленным фитилем.

Сверху донесся внезапный хлопок, похожий на взрыв пятидюймовой петарды Четвертого июля. Что-то приглушенно лязгнуло, потом просвистело мимо него. С острым и таким восхитительным страхом Мусорный Бак увидел, что это кусок выступавшей из резервуара трубы, абсолютно черный и принявший под действием жара какую-то новую и бессмысленную форму.

Схватившись рукой за поручень, Мусорный Бак сиганул через него, услышал, как что-то хрустнуло в запястье. Жуткая боль

прострелила руку до локтя. Он пролетел последние двадцать пять футов, приземлился на гравий, упал. Ободрал кожу на руках, но практически не почувствовал боли. Его переполняла стонущая, ухмыляющаяся паника, и день вдруг стал очень ярким.

Мусорный Бак кое-как поднялся и побежал, откинув назад голову, продолжая смотреть вверх даже на бегу. На крыше среднего резервуара появилась шапка желтых волос, растущих с удивительной скоростью. Резервуар мог взорваться в любую секунду.

Он бежал. Сломанная кисть правой руки болталась из стороны в сторону. Он перепрыгнул через бордюрный камень стоянки, его подошвы застучали по асфальту. Вот Мусорный Бак пересек стоянку, с тенью, бегущей у его ног, вот пробежал по широкой щебеночной подъездной дороге, пронесся сквозь приоткрытые ворота и выскочил на шоссе 130. Перемахнул через проезжую часть и плюхнулся в кювет на дальней стороне, приземлившись на мягкую подстилку из опавших листьев и влажного мха, закрыв голову руками. Дыхание с хрипом вырывалось из его груди.

Нефтяной резервуар взорвался. *Не БА-БАХ! — БУ-БУХ!* Рванило что надо, но коротко и приглушенно. Он почувствовал, как барабанные перепонки вдавились внутрь, а глаза вылезли из орбит, настолько сильно переменилось давление воздуха. Последовал второй взрыв, а за ним и третий, и Мусорный Бак извивался на опавших листьях, и ухмылялся, и беззвучно кричал. Затем он сел, зажимая руками уши, и внезапно налетевший ветер ударил его с такой силой, что уложил на спину, будто мусоринку.

Росшие позади молодые деревца согнулись, их листья затрепыхались, как флаги над салоном подержанных автомобилей в ветреный день. Одно или два сломались со звуками, напоминавшими пистолетные выстрелы. Горящие куски резервуара начали падать на другой стороне шоссе, некоторые долетали до проезжей части. Они со звоном ударялись о землю или асфальт — на некоторых еще оставались заклепки, — искореженные и черные, совсем как кусок выпускной трубы.

БА-БА-А-АХ!

Мусорный Бак снова сел и увидел гигантское огненное дерево за автомобильной стоянкой «Чири ойл». На вершине клубился черный дым, вертикально поднимался на невероятную высоту, прежде чем ветер начинал рвать и растаскивать его клочья. Смотреть на огненное дерево Мусорный Бак мог, только сощурившись,

а теперь еще до него добралась и тепловая волна, перекатившись через шоссе, обжигая кожу, чуть ли не заставляя ее светиться. Глаза сразу же протестующе заслезились. Еще один кусок металла, более семи футов в ширину, по форме напоминающий ромб, упал с неба, приземлившись в кювет немного левее Мусорного Бака, и опавшие листья, лежавшие на влажном мху, сразу же вспыхнули.

БА-БА-А-АХ-БА-БА-А-АХ!

Если бы он остался на месте, то наверняка вспыхнул бы сам от такого жара. Мусорный Бак с трудом поднялся на ноги и побежал по обочине в сторону Гэри. Воздух, который попадал в его легкие, становился все горячее и горячее, а еще приобрел металлический привкус. В какой-то момент он начал ощупывать волосы, чтобы убедиться, что они не загорелись. Сладковатый запах бензина пропитывал воздух, казалось, лип к коже. Горячий ветер рвал одежду. Это было похоже на попытки выбраться из микроволновой печи. Дорога уже двоилась у него перед глазами, потом стала троиться.

За спиной вновь раскатисто грохнуло — это взорвалось административное здание «Чири ойл компани». Стеклянные ятаганы рассекли воздух. Обломки бетона и шлакоблоков градом посыпались на дорогу. Вращающийся кусок металла размером и толщиной с батончик «Марс» рассек рукав Мусорного Бака, оставив на коже царапину. Другой кусок, достаточно большой, чтобы превратить голову Мусорного Бака в гуавовый джем, упал у его ног и отлетел в сторону, оставив на месте падения приличных размеров кратер. Потом Мусорный Бак выскочил из зоны бомбардировки, но продолжал бежать. Кровь била в виски, голова пылала, словно и в ней разожгли костер.

БА-А-А-АХ!

Взорвался еще один резервуар, и сопротивление воздуха перед Мусорным Баком словно исчезло. Огромная теплая рука подтолкнула его сзади, рука, принявшая форму его тела, от затылка до пяток. Она просто несла Мусорного Бака вперед, ноги едва касались асфальта, и теперь на его лице играла ужасная, испуганная улыбка человека, которого подцепили к самому большому в мире воздушному змею, подхваченному сильнейшим ветром, и отпустили: лети, лети, детка, в небесную высь и летай, пока ветер не отправится куда-то еще, оставив тебя кричать на всем протяжении затяжного пике, до самой встречи с землей.

За чередой взрывов Божий боезапас сгорал в пламени справедливости, а Сатана штурмовал небо, и его артиллерией командовал яростно улыбающийся идиот с пламенеющими, обожженными щеками, по прозвищу Мусорный Бак, которого никто и никогда больше не назовет Дональдом Мервином Элбертом.

За спиной остались сброшенные с проезжей части автомобили, синий почтовый ящик мистера Стрэнга с реющим над ним флагом, столбы линии электропередач на кукурузном поле.

Рука, толкающая его вперед, заметно ослабела. Сопротивление воздуха постепенно вернулось. Мусорник рискнул оглянуться. Холм, на котором стояли резервуары, пылал. Горело все, похоже, даже дорога, а деревья превратились в огненные факелы.

Он пробежал еще четверть мили и, задыхаясь, жадно ловя воздух, перешел на спотыкающийся шаг. Милей дальше остановился отдохнуть, посмотрел в ту сторону, откуда пришел, его ноздри втягивали сладостный запах горелого. Без пожарных машин и самих пожарных огонь мог распространяться по ветру. Мог пылать не один месяц. Сначала сгорит Паутенвилл, а потом огненный фронт пойдет дальше на юг, уничтожая дома, деревни, фермы, поля, пастбища, леса. Возможно, доберется до Терре-Хота и спалит место, где его держали. Огонь мог пойти и дальше! Собственно...

Он вновь посмотрел на север, в сторону Гэри. Теперь он видел город и возвышающиеся над ним огромные трубы, застывшие без единого дымка, меловые полосы на светло-синей доске. А за ним — Чикаго. Сколько там нефтяных резервуаров? Заправочных станций? Поездов с цистернами сжиженного газа и горючими удобрениями на запасных путях? Лачуг, сухих, как хворост для растопки? Сколько еще городов за Гэри и Чикаго?

Перед ним простиралась вся страна, застывшая под летним солнцем, созревшая для огня.

Улыбаясь, Мусорный Бак поднялся и зашагал дальше. Кожа его уже покраснела, как у сваренного лобстера. Пока он не чувствовал боли, хотя ночью ожоги не дадут ему уснуть. Впрочем, возбуждение окажется сильнее физических неудобств. Впереди ждали еще более обширные и величественные пожары. Он смотрел на мир нежными, радостными и абсолютно безумными глазами. Глазами человека, нашедшего главный рычаг своей судьбы и взявшегося за него обеими руками.

Глава 35

— Я хочу выбраться из города. — Рита не обернулась. Она стояла на небольшом балконе своей квартиры, и ранний утренний ветерок теребил ее прозрачную ночную рубашку. Длинный шлейф утаскивало в комнату через открытую сдвижную дверь.

— Хорошо. — Ларри сидел за столом и ел сандвич с яичницей.

Она повернулась к нему, ее лицо заметно осунулось. Если в парке в день их встречи она выглядела на элегантные сорок, то теперь казалась женщиной, балансирующей на лезвии хронологического ножа, отделяющего первую половину седьмого десятка от второй. В руке Рита держала сигарету, кончик которой трясся, когда она подносила ее ко рту, набирала дым в рот и выпускала, не затягиваясь.

— Я серьезно.

— Я знаю. — Он вытер рот салфеткой. — И могу тебя понять. Нам действительно надо уходить.

Ее лицевые мышцы облегченно расслабились, и с почти (но все же не совсем) подсознательным отвращением Ларри подумал, что так она выглядит даже старше.

— Когда?

— Почему не сегодня?

— Какой ты милый. Хочешь еще кофе?

— Я могу налить и сам.

— Глупости. Сиди, где сидишь. Я всегда наливала мужу вторую чашку кофе, он настаивал на этом. Впрочем, за завтраком я видела только его волосы. Остальное скрывал «Уолл-стрит джорнал» или какая-нибудь чертовски серьезная книга. Не просто что-нибудь важное или глубокое, но обязательно со значением. Белль, Камю, *Мильтон*, прости Господи. С тобой куда лучше. — Она обернулась, уже направляясь на кухню, с игривым выражением лица. — Это же просто стыд, прятать за газетой такую мордашку, как у тебя.

Он вяло улыбнулся. Этим утром, как, впрочем, и весь вчерашний день, ее шутки выходили натужными. Он помнил их встречу в парке, когда ее речь показалась ему небрежной россыпью бриллиантов на зеленом сукне бильярдного стола. Однако со второй половины вчерашнего дня бриллианты больше напоминали цир-

коны, по блеску ничуть не уступающие настоящим драгоценностям, но фальшивые.

— Держи. — Ее руки по-прежнему дрожали, и когда она ставила чашку на стол, кофе выплеснулся ему на тыльную сторону ладони. Он отдернул руку, зашипев от боли, как кошка. — Ой, извини... — На ее лице отразился не просто испуг — почти что ужас.

— Все в порядке...

— Нет, я просто... мокрая тряпка... сиди на месте... неуклюжая... глупая...

Она расплакалась, разразившись такими оглушительными рыданиями, словно стала свидетельницей жуткой смерти лучшего друга, а не легонько обожгла его руку.

Он встал и обнял Риту, не очень-то обрадовавшись ее судорожным ответным объятиям. Она же вцепилась в него чуть ли не мертвой хваткой. «"Космические тиски" — новый альбом Ларри Андервуда, — с тоской подумал он. — Ох, черт, вовсе ты не хороший парень. Опять двадцать пять».

— Прости меня. Не знаю, что это со мной стряслось. Никогда такого не было. Прости меня...

— Все в порядке, это ерунда. — Он продолжал автоматически утешать ее, гладя по тронутым сединой волосам, которые могли выглядеть гораздо лучше (да и вся она, собственно говоря, могла выглядеть гораздо лучше), проведи Рита некоторое время в ванной.

Разумеется, он понимал, что с ней такое. У этой перемены были причины, как объективные, так и субъективные. Все это повлияло и на него, но не столь резко и глубоко. В ней же за последние двадцать часов словно разбился некий внутренний кристалл.

К объективным причинам, очевидно, относился запах. Его приносил прохладный утренний ветерок через открытую дверь между гостиной и балконом. Ветерку этому вскоре предстояло смениться неподвижной, влажной жарой, если, конечно, этот день не будет отличаться от предыдущих трех или четырех. При желании пустить пыль в глаза пришлось бы поломать голову, чтобы подобрать точное название этому запаху. Что-то вроде гнилых апельсинов, или тухлой рыбы, или запаха, который иногда бывает в подземке, когда в поезде открыты окна, — но ни одно из этих

определений в полной мере не соответствовало действительности. Пахло гниющими телами, тысячами гниющих тел, разлагающихся на жаре за закрытыми дверями, — да только кому понравится такая правда?

На Манхэттен еще подавалась электроэнергия, но Ларри полагал, что долго так продолжаться не будет. Почти во всех других районах свет уже погас. Прошлой ночью, когда Рита уснула, он стоял на балконе и с такой высоты мог видеть, что темна бóльшая часть Бруклина и весь Куинз. Черный карман тянулся от Сто десятой улицы до самого конца острова Манхэттен. Посмотрев в другую сторону, он увидел яркие огни Юнион-Сити и, возможно, Байонны, но в остальном штат Нью-Джерси погрузился в черноту.

Чернота означала не только отсутствие света. Среди прочего она означала и отключение кондиционеров, этого современного удобства, благодаря которому можно спокойно существовать в городе после середины июня. Она означала, что люди, спокойно умершие в своих квартирах, теперь тухли в раскаленных печах, и когда он об этом думал, перед его мысленным взором возникал посетитель туалетной кабинки у Первого проезда. Ему уже снилось, что этот черный сладкий леденец оживает и манит к себе.

Что касается субъективных причин, Ларри полагал, что Рите, по-видимому, не давала покоя находка, которую они сделали вчера во второй половине дня, гуляя по парку. Когда они выходили из дома, она смеялась, болтала и веселилась, но уже на обратном пути начала стареть.

Выкликатель монстров распластался на тропинке парка в огромной луже собственной крови. Рядом с его окоченевшей и вытянутой левой рукой лежали очки, обе линзы были разбиты вдребезги. Какой-то монстр, очевидно, все же появился. Его столько раз ударили ножом, что Ларри, которого замутило, он напомнил человеческую подушечку для иголок.

Рита кричала и кричала, а когда истерика наконец поутихла, настояла на том, чтобы похоронить его. Так они и сделали. И на обратном пути в квартиру она начала превращаться в женщину, которую он увидел этим утром.

— Все в порядке, — прервал он ее. — Совсем небольшой ожог. Кожа чуть покраснела.

— Я принесу ангуэнтин. В аптечке есть тюбик.

Она шагнула к двери, но он крепко взял ее за плечи и усадил на стул. Она посмотрела на него запавшими глазами, под которыми темнели мешки.

— Что тебе надо, так это поесть. Яичница, гренок, кофе. Потом мы раздобудем какие-нибудь карты и посмотрим, как нам лучше всего выбраться с Манхэттена. Нам придется идти пешком, знаешь ли.

— Да... наверное.

Он прошел в маленькую, примыкающую к гостиной кухоньку, чтобы больше не видеть молчаливой мольбы в ее глазах, достал из холодильника два последних яйца. Разбил над миской, бросил скорлупу в мусорное ведро и стал сбивать.

— Куда ты хочешь уйти?

— Что? Я не...

— В каком направлении? — уточнил он с легким нетерпением в голосе. Он добавил к яйцам молоко и поставил на плиту сковороду. — На север? Там Новая Англия. На юг? По-моему, смысла нет. Мы можем пойти...

Приглушенное рыдание. Он обернулся и увидел, что она смотрит на него, руки мнут друг друга на коленях, глаза блестят от слез. Она пыталась справиться с нервами, но безуспешно.

— В чем дело? — спросил он, подходя к ней. — Что такое?

— Боюсь, я не смогу поесть, — всхлипнула она. — Я знаю, что ты хочешь, чтобы я... Конечно, я попытаюсь... Но запах...

Ларри пересек гостиную, сдвинул половинки стеклянной двери по стальным направляющим, закрыл на защелку.

— Вот так! — небрежно воскликнул он, надеясь, что его раздражение останется незамеченным. — Лучше?

— Да! — с жаром откликнулась Рита. — Гораздо лучше. Теперь я смогу поесть.

Он подошел к плите и помешал яичницу, которая уже начинала пузыриться. На полке нашел терку, несколько раз провел по ней куском американского сыра, посыпал им яичницу. Он слышал, как Рита двигается у него за спиной, и мгновением позже квартиру заполнила музыка Дебюсси, слишком легкая и слащавая на вкус Ларри. Такую классическую музыку он не жаловал. Если уж есть желание послушать классическое дерьмо, так надо брать что-то серьезное, Бетховена, или Вагнера, или кого-то такого. Чего, нах, заниматься ерундой?

Раньше она как бы невзначай спросила, чем он зарабатывал себе на жизнь... и Ларри не без негодования подумал, что небрежность, с которой задавался вопрос, обуславливалась тем, что Рита никогда не сталкивалась с такой проблемой, как заработать на жизнь. «Был рок-н-ролльным певцом, — ответил он, удивляясь, насколько безболезненно дался переход к прошедшему времени. — Пел в одной группе, потом в другой. Иногда записывался в студии». Она кивнула, и они закрыли тему. У него не возникло желания рассказать ей о песне «Поймешь ли ты своего парня, детка?» — потому что песня осталась в прошлом. Между той жизнью и этой разверзлась такая огромная пропасть, что он еще не мог оценить ее масштабов. В той жизни он убегал от торговца кокаином; в этой — похоронил человека в Центральном парке и воспринимал это (более или менее) как само собой разумеющееся.

Он положил яичницу на тарелку, добавил чашку растворимого кофе с большим количеством сливок и сахара, как ей нравилось (сам Ларри придерживался мнения дальнобойщиков: «Если тебе нужна чашка сливок с сахаром, зачем просить кофе?»), и принес к столу. Она сидела на пуфике, обхватив пальцами локти, лицом к стереопроигрывателю. Дебюсси тек из колонок, как растаявшее масло.

— Кушать подано, — позвал он.

Она подошла к столу с вымученной улыбкой, посмотрела на яичницу, как бегун — на штангу, и принялась за еду.

— Вкусно, — кивнула она. — Ты был прав. Спасибо.

— На здоровье, — ответил он. — А теперь слушай. Я хочу предложить тебе следующее. По Пятой мы дойдем до Тридцать девятой и повернем на запад. Переберемся в Нью-Джерси по тоннелю Линкольна. Потом двинемся по Четыреста девяносто пятому шоссе на северо-запад до Пассейика и... яйца нормальные? Часом, не тухлые?

Она улыбнулась:

— Отличные. — Подцепила на вилку еще один кусок и отправила в рот, запив глотком кофе. — Как раз то, чего мне не хватало. Продолжай, я слушаю.

— От Пассейика мы будем идти на запад, пока дороги в достаточной степени не расчистятся. Потом сможем ехать. Думаю, повернем на северо-восток и направимся в Новую Англию. Сделаем такой крюк, понимаешь? Вроде бы путь более длинный, но,

по-моему, это избавит нас от многих проблем. Найдем дом где-нибудь на побережье в Мэне. В Киттери, Йорке, Уэллсе, Оганквите, а может быть, в Скарборо или Бутбей-Харбор. Как тебе такой план?

Он говорил, глядя в окно. А когда обернулся и увидел ее, на мгновение страшно перепугался. Подумал, что Рита сошла с ума. Она по-прежнему улыбалась, но ее лицо застыло в маске боли и страха. На нем выступили крупные капли пота.

— Рита? Господи, Рита, что...

— ...извини... — Она вскочила, перевернув стул, и побежала к двери. По дороге споткнулась о пуфик, на котором сидела, слушая Дебюсси, тот повалился на бок и покатился, словно большая шашка. Рита сама чуть не упала.

— *Рита!*

Но она уже метнулась в ванную, и Ларри слышал громкие, скрежещущие звуки, свидетельствующие о расставании с завтраком. Он раздраженно хлопнул рукой по столу, потом поднялся и пошел за ней. Боже, как он ненавидел, когда людей рвало. Всегда возникало ощущение, будто рвет тебя самого. И от запаха американского сыра в ванной его действительно чуть не вывернуло наизнанку. Рита сидела на ярко-синих кафельных плитках пола, подложив под себя ноги, ее голова зависла над унитазом.

Она вытерла рот обрывком туалетной бумаги и с мольбой посмотрела на него. Лицо ее было белее мела.

— Извини меня, Ларри. Я просто не могла есть. Действительно. Пожалуйста, извини.

— Господи, но если ты знала, что все этим закончится, то зачем же *пыталась*?

— Потому что ты хотел, чтобы я поела. А мне не хотелось, чтобы ты на меня сердился. Но ты ведь рассердился, правда? Ты сердишься на меня.

Ему вспомнилась прошлая ночь. Рита занималась с ним любовью с такой неистовой энергией, что он впервые подумал о ее возрасте и почувствовал легкое отвращение. Словно попал на тренажер. Он кончил быстро, чуть ли не в порядке самозащиты, но она оставила его в покое лишь значительно позже, тяжело дыша, неудовлетворенная. Потом, когда Ларри уже засыпал, она придвинулась к нему, и снова он ощутил запах ее сухих духов — гораздо более дорогих в сравнении с теми, которыми пользовалась

его мать, когда они вместе ходили в кино. Рита прошептала ему на ухо слова, которые разом разбудили его и не давали уснуть еще два часа: *Ты ведь не оставишь меня, правда? Ты не оставишь меня одну?*

До этого она была очень хороша в постели, настолько хороша, что он даже поразился. Она привела его сюда после ленча в день их встречи, и все произошло совершенно естественно. Он помнил мгновенный приступ отвращения, который испытал, когда увидел, как обвисли ее груди и как выпирают голубоватые вены (ему сразу вспомнились варикозные вены матери), но совсем забыл об этом, когда ее ноги поднялись, а бедра сжали его с удивительной силой.

Медленно, рассмеялась она. *Так будут последние первыми, и первые последними**.

Он уже находился на грани оргазма, когда она оттолкнула его и взяла пачку сигарет.

Какого черта? — удивленно спросил он, а его Джон Томас негодующе раскачивался в воздухе.

Она улыбнулась.

У тебя ведь одна рука не занята, так? У меня тоже.

Они пустили в ход свободные руки, пока курили, и она весело болтала о всякой всячине — хотя ее щеки становились пунцовыми, и дыхание учащалось, и слова начинали путаться.

Пора. Рита взяла его сигарету и загасила вместе со своей. *Давай-ка посмотрим, сможешь ли ты закончить начатое. А если не сможешь, я скорее всего тебя порву.*

Ларри закончил, к их обоюдному удовлетворению, и они уснули. Он проснулся после четырех и, наблюдая, как она спит, подумал, что за опыт, в конце концов, надо бы замолвить словечко. Он много трахался за последние десять лет, но то, что произошло с ним сегодня, под это определение не подпадало. Другой уровень, более высокий, пусть и с декадентским привкусом.

Само собой, у нее были любовники.

Эта мысль так взволновала Ларри, что он разбудил Риту.

Так все и продолжалось, пока они не нашли выкликателя монстров в парке и не наступил вчерашний вечер. Конечно, некоторые вещи случались и раньше, и это его тревожило, однако

---

* Евангелие от Матфея, 20:16.

он принимал все как должное. Да, отклонения от нормы, но незначительные, с которыми можно сжиться и идти дальше.

Двумя ночами ранее он проснулся в начале третьего и услышал, как она наливает в ванной стакан воды. Он подумал, что, наверное, она принимает очередную снотворную таблетку. Эти желатиновые красно-белые капсулы на западном побережье называли «желтенькими». Сильные «расслаблялки». Ларри решил, что Рита скорее всего начала принимать эти таблетки задолго до эпидемии "супергриппа".

И ее манера ходить за ним по пятам по всей квартире. Она стояла в дверях ванной и что-то говорила ему, даже когда он принимал душ или отливал. Он считал, что в ванной посторонним делать нечего, но подумал, что некоторые могли придерживаться иной точки зрения. Все зависело от воспитания. И решил поговорить с ней... со временем.

Но теперь...

Ему придется нести ее на своем горбу? Господи, он надеялся, что нет. А ведь ему казалось, что она сильная, и поначалу так оно и было. По этой причине, среди прочих, она понравилась ему при их встрече в парке... и это была главная причина. *Первое впечатление зачастую бывает обманчивым*, с горечью подумал Ларри. Разве он сможет заботиться о ней, если и с собой не в состоянии управиться? Он наглядно продемонстрировал это после выхода пластинки. И Уэйн Стьюки все доходчиво ему объяснил.

— Нет, — ответил он ей. — Я не сержусь. Просто... понимаешь, я же не твой начальник. Не хочешь есть, так и скажи.

— Я и сказала... боюсь, поесть я не смогу...

— Хрена лысого ты сказала! — бросил он резко и сердито.

Она опустила голову и уставилась на свои руки, и он понял, что она старается не разрыдаться, знает, что ему это не понравится. На мгновение это разозлило его больше, и он чуть не заорал в полный голос: *Я тебе не папенька и не богатенький муженек! Я не собираюсь о тебе заботиться! Господи, да ты на тридцать лет меня старше!* Потом почувствовал знакомую волну презрения к себе, задался вопросом: да что, черт побери, с ним такое?

— Прости меня, — сказал он уже тише. — Я бесчувственный ублюдок.

— Нет, нет. — Она шмыгнула носом. — Просто... все это очень уж навалилось на меня. Это... вчера, этот человек в парке... я по-

думала: ведь никто уже не поймает тех людей, которые так с ним обошлись, и не посадит в тюрьму. А они будут снова и снова это делать. Как звери в джунглях. И все вдруг стало очень реальным. Ты понимаешь, Ларри? Понимаешь, о чем я? — Она вскинула на него влажные от слез глаза.

— Да, — ответил он, все еще чувствуя раздражение, смешанное с совсем маленькой каплей презрения к ней. Ситуация что ни на есть реальная, и это чистая правда. Они во всем участвовали и видели все своими глазами. Его мать умерла, и он при этом присутствовал, а теперь Рита пытается сказать, что у нее более чувствительная натура? Он потерял мать, она — человека, который возил ее на «мерседесе», но почему-то ее утрата более значима? А это уже вздор. Просто вздор.

— Попытайся не сердиться на меня, — попросила она. — Я исправлюсь.

Надеюсь на это. Очень надеюсь.

— Ты молодец. — Он помог ей подняться на ноги. — Пошли, прямо сейчас. Что скажешь? Нам надо многое сделать. Ты готова?

— Да, — ответила она, но выражение ее лица было таким же, как в тот момент, когда он предложил ей яичницу.

— Когда мы выберемся из города, тебе станет лучше.

Она беззащитно посмотрела на него:

— Думаешь?

— Уверен, — искренне сказал Ларри. — Уверен, что станет.

Из дома они вышли налегке.

Магазин «Спортивные товары на Манхэттене» был заперт, но Ларри пробил дыру в витрине найденным длинным куском железной трубы. Пустынную улицу огласило бесполезное завывание охранной сигнализации. Он выбрал большой рюкзак для себя и поменьше — для Риты. Она отобрала по две смены одежды на каждого — больше он не позволил, — и он упаковал их в дорожную сумку «Пан-Ам», которую она нашла в своем стенном шкафу. Вместе с зубными щетками. Забота о чистоте зубов Ларри представлялась нелепой. Рита для прогулки оделась по-модному, в белые прямые шелковые брюки и тунику. Ларри обошелся линялыми синими джинсами и белой рубашкой с закатанными рукавами.

В рюкзаки они положили только упаковки сублимированных продуктов.

«Нет смысла особенно нагружаться и тащить на себе что-то еще, включая одежду, — объяснил Ларри. — Все можно найти и на другом берегу реки». Она покорно согласилась, и ее равнодушие вновь разозлило его.

После недолгих внутренних дебатов он также взял с собой «винчестер» тридцатого калибра и двести патронов. Оружие было очень красивым и стоило четыреста пятьдесят долларов, согласно ценнику, который Ларри сорвал с предохранительной скобы и небрежно бросил на пол.

— Ты уверен, что нам это нужно? — спросила Рита опасливо. Револьвер по-прежнему лежал у нее в сумочке.

— Думаю, не помешает, — ответил он и этим ограничился, хотя и вспомнил об ужасной смерти выкликателя монстров.

— Ох! — вырвалось у Риты, и по ее глазам он угадал, что она вспомнила о том же.

— Рюкзак не слишком тяжелый?

— Нет, нет. Правда.

— Да, но в пути у них есть обыкновение становиться тяжелее. Когда устанешь, скажи мне, и я какое-то время его понесу.

— Я справлюсь, — улыбнулась она.

Когда они вновь вышли на улицу, Рита огляделась по сторонам.

— Мы покидаем Нью-Йорк.

— Да.

Она повернулась к нему.

— Я рада. Я чувствую себя... маленькой девочкой. Будто мой отец сейчас скажет: «Сегодня мы отправимся в путешествие». Помнишь, как это было?

Ларри чуть улыбнулся, вспоминая вечера, когда его мать говорила: «Тот вестерн, что ты хотел посмотреть, идет сейчас в «Кресте», Ларри. С Клинтом Иствудом. Что скажешь?»

— Конечно, помню, — ответил он.

Она приподнялась на цыпочки, поправила рюкзак на плечах.

— Путешествие начинается, — произнесла она громко, а потом добавила так тихо, что Ларри и не знал, правильно ли расслышал: — Дорога вдаль и вдаль ведет...

— Что?

— Строка из Толкиена. «Властелин колец». Я всегда думала, что это — ключ к приключениям.

— Чем меньше приключений, тем лучше, — ответил Ларри, но почти неохотно понял, что она имела в виду.

Рита все смотрела на улицу. У перекрестка высокие каменные плиты и участки сверкающего на солнце многослойного термостойкого стекла образовывали узкий каньон, забитый автомобилями. Пробка тянулась на мили в обе стороны. Словно все нью-йоркцы одномоментно решили припарковать свои машины прямо на улицах.

— Я побывала на Бермудах и в Англии, — вновь заговорила Рита, — на Ямайке и в Монреале, в Сайгоне и в Москве. Но я никогда не ходила в пешие походы с тех пор, как маленькой девочкой отец водил меня и мою сестру Бесс в зоопарк. Пошли, Ларри.

Этот поход Ларри Андервуд запомнил на всю жизнь. Подумал, что Рита не ошиблась, процитировав Толкиена, Толкиена с его мистическими землями, увиденными сквозь призму времени и полубезумных полувосторженных фантазий, населенными эльфами, и энтами, и троллями, и орками. Среди жителей Нью-Йорка такие не значились, но столь многое изменилось, столь многое пошло наперекосяк, что для осмысления случившегося как нельзя лучше подходила терминология жанра фэнтези. На перекрестке Пятой авеню и Восточной пятьдесят четвертой улицы на фонарном столбе висел человек. На шее у него красовалась табличка с одним словом: «МАРОДЕР». На крышке шестигранного мусорного контейнера, обклеенного свежими афишами бродвейского шоу, нежилась на утреннем солнышке кошка, а ее недавно родившиеся котята сосали молоко. Широко ухмыляющийся молодой человек с саквояжем в руке подошел к ним и сказал Ларри, что даст ему миллион долларов за право попользоваться его женщиной в течение пятнадцати минут. Миллион, по всей видимости, лежал в саквояже. Ларри снял с плеча карабин и предложил парню отнести миллион куда-нибудь еще.

— Само собой, чел. Не держи на меня зла, лады? Попытка — не пытка, верно? Хорошего вам дня. Пока.

Вскоре после встречи с этим человеком (Рита с несколько истерическим смехом упорно называла его Джоном Берсфордом

Типтоном* — Ларри это имя ничего не говорило) они дошли до угла Пятой авеню и Восточной тридцать девятой улицы. До полудня оставалось совсем ничего, и Ларри предложил перекусить. На углу располагался гастроном, но когда он открыл дверь, вырвавшийся изнутри запах тухлого мяса заставил Риту отпрянуть.

— Пожалуй, чтобы сохранить тот скромный аппетит, который у меня еще остался, мне туда лучше не заходить. — В голосе Риты слышались извиняющиеся нотки.

Ларри полагал, что в гастрономе найдутся какие-нибудь готовые продукты — салями, пеперони, что-нибудь в этом роде, — но после встречи в четырех кварталах отсюда с «Джоном Берсфордом Типтоном» не хотел оставлять ее одну на улице даже на короткое время, которое требовалось для обследования магазина. В итоге, повернув на Тридцать девятую улицу и пройдя на запад еще полквартала, они нашли скамейку и достали сублимированные фрукты и ломтики бекона. Закончили трапезу крекерами с сыром, передавая друг другу термос с кофе со льдом.

— На этот раз мне действительно хотелось есть, — с гордостью заявила Рита.

Ларри улыбнулся ей, чувствуя себя лучше. Просто двигаться, предпринимать любые конкретные действия было здорово. Раньше он говорил Рите, что она придет в норму, когда они выберутся из Нью-Йорка. Тогда это были просто слова. Теперь, ощущая, как поднимается настроение, он полагал, что не ошибся. Нынешний Нью-Йорк слишком напоминал кладбище, мертвецы которого еще не успокоились. И покинуть его следовало как можно быстрее. Возможно, Рита снова станет прежней, как в тот первый день в парке. Они доберутся до Мэна по второстепенным дорогам и поселятся в одном из дорогих летних коттеджей. Поживут на севере, а в сентябре или октябре подадутся на юг. Бутбей-Харбор летом, Ки-Бискейн зимой. Звучит неплохо. Занятый своими мыслями, Ларри не заметил гримасу боли, появившуюся на ее лице в тот момент, когда он встал и повесил на плечо «винчестер».

---

* В еженедельной программе «Миллионер», выходившей на канале Си-би-эс в 1955—1960 гг., миллионер Джон Берсфорд Типтон вручал миллион долларов своему секретарю для передачи заранее выбранному человеку, который ничего об этом не знал. В каждой серии показывалось, как, к лучшему или к худшему, менялась жизнь человека, получившего этот подарок.

Теперь они шли на запад, преследуемые своими тенями. Миновали авеню Америк, Седьмую, Восьмую, Девятую, Десятую. Улицы превратились в бесшумные, замерзшие реки автомобилей всех расцветок, среди которых доминировал желтый — цвет такси. Многие машины стали катафалками, разлагающиеся водители сидели за рулем, пассажиры лежали на сиденьях, словно заснули, утомленные ожиданием в пробке. Ларри подумал, что на выходе из города им стоит разжиться парой мотоциклов. Так они смогут передвигаться быстрее и объедут скопления брошенных машин, которыми, должно быть, забиты все дороги.

«Это при условии, что она сможет ехать на мотоцикле, — сказал себе Ларри. — А если исходить из того, как все складывается, скорее всего не сможет». Жизнь с Ритой превращалась в проблему, во всяком случае, в некоторых аспектах. Но если уж прижмет, решил он, она поедет на заднем сиденье.

На пересечении Тридцать девятой улицы и Седьмой авеню они увидели молодого человека, одетого в одни обрезанные джинсовые шорты, который лежал на крыше такси.

— Он мертвый? — спросила Рита, и, услышав ее голос, молодой человек сел, огляделся, увидел их и помахал рукой. Они ответили тем же. Молодой человек вновь улегся на крышу.

В начале третьего, когда они пересекали Одиннадцатую авеню, Ларри услышал сдавленный вскрик боли, раздавшийся у него за спиной, и понял, что Риты рядом нет.

Она опустилась на одно колено, держась за ногу. Охваченный чувством, очень похожим на ужас, Ларри впервые заметил, что на Рите — дорогие сандалии с открытым мыском, стоимостью не меньше восьмидесяти долларов, годящиеся разве что для прогулки — если хочется поглазеть на витрины — по четырем кварталам Пятой авеню, но никак не для похода, в который отправились они.

Ремешки разодрали кожу. По лодыжкам стекала кровь.

— Ларри, я...

Он резко поднял ее на ноги.

— О чем ты думала? — прокричал он ей в лицо. На мгновение, когда она отпрянула, испытал смесь стыда и удовлетворения. — Думала, что сможешь вернуться домой на такси, если ноги устанут?

— Я не думала...

— О Господи! — Он пробежался руками по волосам. — Вижу, что не думала. У тебя течет кровь, Рита. И когда у тебя заболели ноги?

Она ответила так тихо и сипло, что Ларри с трудом расслышал ее даже в этой неестественной тишине.

— С... ну, наверное, когда мы прошли угол Пятой и Сорок девятой.

— *У тебя двадцать гребаных кварталов болели ноги, и ты ничего не говорила?*

— Я думала... боль могла... уйти... перестать болеть... я не хотела... мы с толком использовали время... уходя из города... я просто подумала...

— Ты вообще не думала! — зло оборвал ее Ларри. — Как мы теперь пойдем? Твои гребаные ноги выглядят так, будто их прибивали к гребаному кресту.

— Не ругайся на меня, Ларри. — Рита заплакала. — Пожалуйста, не надо... мне так плохо, когда ты... пожалуйста, не ругайся на меня.

Но его уже переполняла ярость, и впоследствии он так и не смог себе объяснить, почему именно вид ее окровавленных ног сорвал все внутренние тормоза. В тот момент это не имело никакого значения.

— Твою мать! Твою мать! Твою мать! — Слова эхом отлетали от высоких многоквартирных домов, мутные и бессмысленные.

Она закрыла лицо руками и, плача, наклонилась вперед. Его это разъярило еще сильнее, отчасти потому, что она действительно *не хотела* этого видеть: она бы с радостью с самого начала закрыла лицо руками и позволила ему вести ее. Почему нет, всегда находился человек, который заботился о Нашей Героине, Маленькой Рите. Кто-то садился за руль автомобиля, ходил на рынок, мыл унитаз, заполнял налоговую декларацию. Так что давайте включим тошнотворного Дебюсси, закроем глаза ухоженными ручками и оставим все на Ларри. «Позаботься обо мне, Ларри. Увидев, что стало с выкликателем монстров, я решила, что больше ничего не хочу видеть. Все это просто омерзительно для человека с таким воспитанием и происхождением, как я...»

Он оторвал ее руки от лица. Она вся сжалась и попыталась вновь закрыть ими глаза.

— Посмотри на меня.

Она покачала головой.

— Черт побери, посмотри на меня, Рита!

Она посмотрела, осторожно, подавшись назад, словно боясь, что он может не только хлестать ее языком, но и наброситься с кулаками. И какая-то его часть хотела наброситься, полагая, что ей это только пойдет на пользу.

— Я хочу объяснить тебе некоторые жизненные обстоятельства, которых ты, похоже, не понимаешь. Первое, мы должны пройти еще двадцать или тридцать миль. Второе, если через эти ранки в организм попадет инфекция, все может закончиться заражением крови и смертью. Третье, тебе пора вытащить палец из жопы и начать помогать мне.

Он держал Риту повыше локтей и заметил, что его большие пальцы глубоко впились в ее плоть. Его злость начала спадать, когда он убрал руки и увидел красные отметины, оставшиеся на ее коже. Отступил на шаг, вновь почувствовав неуверенность, отчетливо понимая, что перегнул палку. Ларри Андервуд в своем репертуаре. Если он такой умный, то почему не проверил ее обувь перед тем, как они тронулись в путь?

Потому что это ее проблема, пронеслась мысль, заставив ее насторожиться.

Нет, ложь. Это была *его* проблема. Потому что Рита не знала, что их ждет. Если уж он собрался взять ее с собой (а ведь он начал думать, что без нее жизнь стала бы существенно проще, только сегодня), то и ответственность за нее целиком и полностью лежала на нем.

Будь я проклят, если возьму на себя такую ответственность, пробурчал угрюмый голос.

Его мать: *Ты можешь только брать.*

Специалистка по гигиене рта из Фордэма, кричащая ему вслед: *Я думала, ты хороший парень! Никакой ты не хороший!*

В тебе чего-то не хватает. Ты можешь только брать.

Это ложь! Это чертова ЛОЖЬ!

— Рита. Извини.

Она села на мостовую, в тунике без рукавов и белых брюках, ее волосы выглядели седыми и старыми. Наклонила голову и обхватила руками кровоточащие ноги. Не глядя на него.

— Извини, — повторил он. — Я... послушай, я не имел права такого говорить. — На самом деле имел, но сейчас речь шла не об

этом. Извиняются для того, чтобы наладить отношения. Так уж заведено в этом мире.

— Иди, Ларри. Я не хочу тебя задерживать.

— Я же *сказал* — извини! — В его голосе послышалось раздражение. — Мы найдем тебе другую обувь и белые носки. Мы...

— Мы ничего не будем делать. Иди.

— Рита, извини...

— Если ты повторишь это еще раз, я закричу. Ты — говно, и твои извинения не принимаются. А теперь иди.

— Я сказал, я...

Она откинула голову и пронзительно заорала. Ларри отступил на шаг, огляделся посмотреть, не слышит ли кто ее, не спешит ли к ним полицейский, чтобы проверить, чем этот молодой парень обидел пожилую даму, которая сидела на тротуаре, сняв обувь. «Пережитки прошлого, — рассеянно подумал он. — Смех, да и только».

Она перестала кричать и посмотрела на него. Небрежно махнула рукой, словно прогоняя надоедливую муху.

— Ты это прекрати, а не то я действительно уйду.

Она продолжала смотреть на него. Он не смог заставить себя встретиться с ней взглядом и отвел глаза, ненавидя ее за то, что она заставила его это сделать.

— Хорошо, получай удовольствие, когда тебя будут насиловать и убивать.

Он поправил карабин на плече и двинулся вперед, на этот раз забирая влево, к забитому автомобилями выезду на шоссе 495, которое чуть дальше уходило вниз, к въезду в тоннель. Увидел, что на выезде произошла жуткая авария. Водитель «мейфлауэра», большущего фургона для перевозки мебели, попытался проложить путь и разбросал легковушки, как кегли для боулинга. Сгоревший «пинто» лежал под фургоном. Сам водитель грузовика наполовину вывалился из кабины, голова висела, руки болтались. На асфальте и на двери засохли кровь и блевотина.

Ларри оглянулся, в уверенности, что Рита идет следом или стоит, обвиняюще глядя на него. Но Рита исчезла.

— И хрен с тобой! — воскликнул он нервно и негодующе. — Я пытался извиниться.

Несколько секунд он не мог идти дальше. Чувствовал, что его пригвоздили к месту сотни сердитых мертвых глаз, которые смотрели из всех этих автомобилей. В голову пришли строки из песни

Дилана: *Я жду тебя среди застывших машин... ты знала, куда я мог пойти... но где ты сегодня, милая Мари?*

Впереди Ларри видел четыре полосы шоссе, уходящие в черную арку, и с внезапно нахлынувшим ужасом он осознал, что флуоресцентные лампы под потолком тоннеля Линкольна не горят. Получалось, что ему предстояло идти по автомобильному кладбищу. *Они позволят мне пройти половину, а потом начнут шевелиться... оживать... я услышу хлопанье автомобильных дверей, они приблизятся... их шаркающие шаги...*

На его теле выступил пот. Над головой хрипло каркнула ворона, и Ларри подпрыгнул. «Не тупи, — сказал он себе. — Детские сказочки, вот что это такое. Все, что тебе нужно, — это оставаться на пешеходной дорожке, и очень скоро...»

...тебя задушат ходячие мертвяки.

Он облизал губы и попытался рассмеяться. Получилось плохо. Он прошел еще пять шагов к тому месту, где выезд вливался в шоссе, и остановился. Слева застыл «кадиллак-эльдорадо», и женщина, лицо которой превратилось в почерневшее рыло тролля, таращилась на него из кабины. Нос расплылся, вжавшись в стекло. На окне остались потеки крови и соплей. Мужчина-водитель навалился на руль, будто что-то рассматривал на полу. «Кадиллак» стоял с поднятыми стеклами, то есть салон напоминал теплицу. Если бы он открыл дверь, женщина вывалилась бы и разбилась о мостовую, как мешок гнилых дынь, а на него пахнуло бы жаркой и влажной гнилью.

Должно быть, и в тоннеле его ждал тот же запах.

Ларри резко развернулся и затрусил в ту сторону, откуда пришел, чувствуя, как ветерок охлаждает пот на лбу.

— Рита! Рита, послушай! Я хочу...

Слова смолкли, когда он добрался до верхней точки съезда на шоссе 495. Риты по-прежнему не было видно. Тридцать девятая улица уходила вдаль до самого горизонта. Он перебежал с южного тротуара на северный, протискиваясь между бамперами и перепрыгивая через капоты, достаточно горячие, чтобы обжечься. Но и северный тротуар пустовал. Он рупором сложил ладони у рта и закричал:

— Рита! Рита!

Ответило ему лишь мертвое эхо:

— *Рита... ита... ита... ита...*

* * *

К четырем часам темные облака начали собираться над Манхэттеном, раскаты грома отдавались эхом от городских утесов. Молнии вилами впивались в здания. Казалось, что Господь пытается запугать немногих оставшихся в живых, выгнать из нор, в которые они забились. Свет стал желтым и чужим, и Ларри это не нравилось. Желудок скрутило, а когда он закуривал, сигарета в его руке дрожала точно так же, как утром — чашка с кофе в руке Риты.

Он сидел у выезда с Тридцать девятой улицы на шоссе, привалившись спиной к нижнему рельсу ограждения. Рюкзак лежал на коленях, карабин он прислонил к ограждению рядом с собой. Он думал, что Рита скоро испугается и все-таки вернется, но она не возвращалась. Пятнадцатью минутами раньше он перестал выкрикивать ее имя. От эха у него по коже бежали мурашки.

Опять гром, уже ближе. Ветер холодной рукой прошелся по спине, где мокрая от пота рубашка прилипла к телу. Ларри понимал, что надо или искать убежище от дождя, или переставать валять дурака и идти в тоннель. Иначе придется провести в городе еще одну ночь, а утром топать к мосту Джорджа Вашингтона, расположенному в ста сорока кварталах к северу.

Он попытался заставить себя взглянуть на ситуацию трезво. В тоннеле нет ничего такого, что могло бы его укусить. Он забыл взять с собой хороший большой фонарь — Господи, всего же никогда не упомнишь, — но в кармане лежала бутановая зажигалка «Бик», а пешеходную дорожку и мостовую разделяли перила. Все остальное... к примеру, мысли о мертвецах во всех этих автомобилях... это всего лишь панические мысли, материал для комиксов, страх перед ними сродни страху перед монстром в шкафу. «И если это все, о чем ты можешь думать, Ларри, — вычитывал он себе, — тогда ты не создан для этого дивного нового мира. Не создан. Тебе...»

Зигзаг молнии расколол небо чуть ли не над головой, заставив его скривиться. За молнией последовал оглушительный раскат грома. «Первое июля, — рассеянно подумал он. — В такой день положено отвезти свою девушку на Кони-Айленд, десятками есть хот-доги. Сшибить одним шаром три деревянные молочные бутылки и выиграть приз — куклу Кьюпи. А вечером — фейерверк...»

Дождь плеснул пригоршней воды ему в лицо, вторую вылил на шею, и вода потекла за воротник. Капли диаметром с десятицентовик начали падать вокруг. Ларри поднялся, надел рюкзак, повесил карабин на плечо. Он все еще не решил, куда же ему идти, обратно на Тридцать девятую или в тоннель Линкольна, но понимал, что надо искать укрытие от ливня.

Гром оглушительно бабахнул прямо над ним, и он пискнул от ужаса — звук этот не слишком отличался от писка кроманьонцев, который те издавали в аналогичной ситуации двумя миллионами лет ранее.

— Ты гребаный трус! — прикрикнул на себя Ларри и быстрым шагом направился вниз к пасти тоннеля, наклонив голову, потому что дождь прибавил силы. С волос капало. Он прошел мимо женщины, прижавшейся носом к стеклу «эльдорадо», стараясь не смотреть на нее, но все равно заметив краем глаза. Дождь барабанил по крышам, как палочки джазового ударника — по барабанам и тарелкам. Капли падали с такой силой, что отскакивали вверх, создавая легкую дымку. Справа Ларри увидел ограждение пешеходной дорожки, уходящей в тоннель.

Он на мгновение остановился у самого входа, вновь испуганный, не зная, что же делать. Но тут пошел град, и это решило дело. Большие градины больно жалили. Гром оглушал.

Хорошо, подумал Ларри. *Хорошо, хорошо, хорошо, мне все ясно.* И вошел в тоннель Линкольна.

Под землей оказалось куда темнее, чем он предполагал. Поначалу в тоннель вливался мутно-белый свет, и Ларри различал автомобили, стоявшие бампер к бамперу («Это ужасно — умирать здесь, — подумал он, когда толстые, невидимые пальцы клаустрофобии начали сначала поглаживать, а потом сжимать его виски, — действительно ужасно, просто гребаный *кошмар*»), и зеленовато-белые кафельные плитки закругляющихся кверху стен. По левую руку уходящие вдаль перила отделяли пешеходную дорожку от мостовой. Надпись на подвешенном к потолку щите посоветовала ему «НЕ МЕНЯТЬ ПОЛОСУ ДВИЖЕНИЯ». Он видел темные флуоресцентные лампы, утопленные в потолок тоннеля, и невидящие объективы камер слежения. Увы, когда он проходил первый плавный поворот, медленно забирая вправо, свет начал

тускнеть, и вскоре Ларри мог различить только редкие отблески на хроме. А чуть дальше свет просто исчез.

Ларри полез за зажигалкой, поднял руку, крутанул колесико. Жалкий огонек только усилил его тревогу. Даже при максимальной высоте пламени диаметр круга видимости не превышал шести футов.

Он вернул зажигалку в карман и двинулся дальше, скользя рукой по перилам. Его шаги отдавались эхом, и оно нравилось ему куда меньше эха наружного. Здесь оно создавало ощущение, будто кто-то идет за ним... преследует его. Несколько раз он застывал, склонив голову, с широко раскрытыми глазами (пусть и в полной темноте), и прислушивался, пока эхо не затухало. Через какое-то время трогался с места, скользя ногами по полу, чтобы не отрывать каблуки от бетона, производить меньше шума.

Остановившись в очередной раз, он чиркнул зажигалкой и поднес ее к часам. Они показывали шестнадцать двадцать, но он не мог сказать, что из этого следовало. В такой темноте время, похоже, теряло какое-либо реальное значение. Как и расстояние, если на то пошло; и вообще, какова длина тоннеля Линкольна? Миля? Две? Конечно же, не может тоннель под Гудзоном тянуться две мили. Скажем, миля. Но если всего миля, тогда он уже должен был добраться до выхода. Человек обычным шагом может пройти за час четыре мили, следовательно, одну пройдет за пятнадцать минут. А Ларри находился в этой вонючей дыре уже на пять минут дольше.

— Я шел гораздо медленнее, — произнес он вслух и подпрыгнул от звука собственного голоса. Зажигалка выпала у него из руки и стукнулась о бетон дорожки. Эхо заговорило вновь, опасно-веселым голосом приближающегося лунатика:

— *...медленнее... дленнее... леннее...*

— Господи, — пробормотал Ларри, и эхо тут же зашептало:

— *...споди... поди... оди...*

Он вытер рукой мокрое лицо, борясь с паникой и желанием перестать думать и слепо бежать вперед. Вместо этого опустился на колени (суставы хрустнули, как пистолетные выстрелы, вновь напугав его) и принялся изучать пальцами топографию пешеходной дорожки: долины, со временем образовавшиеся в бетоне, хребет из старого окурка, гору из шарика фольги, — пока не нашел

зажигалку. С внутренним вздохом облегчения он крепко зажал ее в руке, поднялся и пошел дальше.

И только начал брать под контроль расшалившиеся нервы, как его нога стукнулась обо что-то жесткое и не желающее поддаваться. Конечно же, Ларри вскрикнул и, пошатываясь, отступил на пару шагов. Заставил себя чуть успокоиться, достал из кармана «Бик» и зажег. Пламя заплясало над трясущимся кулаком.

Он наступил на руку солдата, который привалился спиной к стене тоннеля, вытянув ноги и перегородив ими пешеходную дорожку, жуткий часовой, оставленный здесь, с тем чтобы никого не пропускать. Его остекленевшие глаза смотрели на Ларри. Губы отвалились от зубов, и солдат вроде бы улыбался. Из шеи торчала рукоятка ножа с выкидным лезвием.

Зажигалка начала нагреваться в руке Ларри, и он ее затушил. Облизывая губы, мертвой хваткой вцепившись в перила, заставил себя медленно идти вперед, пока нога вновь не ткнулась в руку солдата. Переступил через труп, сделав комично-большой шаг, и в тот же момент совершенно отчетливо осознал, что сейчас солдат подтянет ноги, наклонится вперед и ледяной рукой схватит его повыше лодыжки.

Торопливо, но при этом не отрывая каблуки от бетона, Ларри сделал десять шагов и заставил себя остановиться, потому что понимал: если не остановится, паника возьмет верх, и он будет слепо бежать, преследуемый гулким эхом собственных шагов.

Когда почувствовал, что какое-то подобие контроля над нервами восстановлено, двинулся дальше. Только теперь каждый шаг давался с куда большим трудом: пальцы сжимались внутри обуви, опасаясь, что в любой момент могут войти в контакт с еще одним телом, распростертым на пешеходной дорожке... И новая встреча не заставила себя долго ждать.

Ларри застонал и вновь полез за зажигалкой. На этот раз его ждало более жуткое зрелище. Нога наткнулась на старика в синем костюме. Черная шелковая кипа упала с лысеющей головы на колени. К лацкану пиджака крепилась шестиконечная серебряная звезда. За ним дорожку перегораживали еще полдюжины трупов: две женщины, мужчина средних лет, женщина лет под восемьдесят, двое мальчиков подросткового возраста.

Зажигалка стала слишком горячей, чтобы держать в руке. Ларри погасил ее и сунул в карман джинсов, где она принялась греть

ногу теплым угольком. «Капитан Торч» не имел никакого отношения к смерти этих людей, точно так же, как и к смерти солдата. Ларри успел увидеть кровь, разорванную одежду, разбитые кафельные плитки, дыры от пуль. Их всех застрелили. Ларри вспомнил слухи о том, что солдаты блокировали все выезды с острова Манхэттен. Просто раньше он не знал, верить им или нет; в ту неделю, когда мир рушился, слухи множились как мухи.

Ему не составило труда представить себе, что тут произошло. Эти люди застряли в тоннеле, но им еще хватало сил идти. Они вылезли из своего автомобиля и направились в сторону Нью-Джерси по той же самой пешеходной дорожке, что и он. А впереди их ждал командный пост, или пулеметное гнездо, или что-то такое.

Ждал? Или ждет по-прежнему?

Ларри стоял, весь в поту, пытаясь принять решение. Кромешная тьма — идеальная сцена, на которой разум может разыгрывать свои фантазии. И Ларри увидел солдат с суровыми взглядами, в защитных костюмах, не пропускающих никакую заразу, изготовившихся к бою за пулеметом, оснащенным прибором ночного видения. Их задача — пристрелить любого, кто попытается пройти по тоннелю. А может, остался только один солдат, доброволец-смертник, в инфракрасных очках, и сейчас он ползет к нему, зажав зубами нож. Или двое солдат тихонько заряжают миномет единственной оставшейся миной с отравляющим газом.

И все же он не мог заставить себя двинуться в обратный путь. Ларри почти не сомневался, что все эти видения — фантомы, и мысль о возвращении не выдерживает никакой критики. Конечно же, солдат в тоннеле больше нет. Мертвец, через которого он переступил, вроде бы это доказывал. Но...

Но Ларри полагал, что на самом-то деле его волновали лежащие на пешеходной дорожке трупы. Они лежали вповалку, занимая восемь или девять футов. Он не мог разом переступить через них, как переступил через солдата. А спуститься с пешеходной дорожки, чтобы обойти их, означало риск сломать ногу или лодыжку. В общем, чтобы продолжить путь, ему предстояло пройти... ну... ему предстояло пройти по трупам.

У него за спиной, в темноте, что-то двигалось.

Ларри развернулся, насмерть перепуганный этим скрипом... чьих-то шагов.

— Кто здесь? — крикнул он, сдергивая с плеча карабин.

Ответило ему эхо. А когда оно смолкло, Ларри услышал — или подумал, что услышал, — тихое дыхание. Он застыл, выпучив глаза, вглядываясь в темноту, волосы у него на затылке встали дыбом. Он почти не дышал. Тишина. И когда Ларри уже решил списать услышанные звуки на проделки воображения, они появились вновь... Кто-то шел, скользя ногами по бетону.

Он лихорадочно полез в карман за зажигалкой. Мысль о том, что ее огонек превратит его в мишень, даже не пришла ему в голову. Когда Ларри вытаскивал зажигалку из кармана, колесико на мгновение зацепилось за подкладку и зажигалка вылетела у него из руки. Он услышал, как она стукнулась о перила, потом до него донесся еще один удар, снизу, о капот или багажник стоящего автомобиля.

Вновь скользящий шаг, чуть ближе, но невозможно определить, насколько близко. Кто-то шел, чтобы убить его, и затуманенное ужасом воображение нарисовало ему солдата с ножом в шее, медленно приближающегося в темноте...

Еще один шаг.

Ларри вспомнил про карабин. Вскинул приклад к плечу и открыл огонь. Выстрелы оглушительно грохотали в замкнутом пространстве. Ларри кричал, но его голос растворялся в этом грохоте. Вспышки озаряли выложенные кафелем стены и застывшие ряды автомобилей. Перед глазами Ларри словно возникала череда черно-белых снимков. Пули, отлетая от кафельных стен, визжали, как баньши. Карабин вновь и вновь бил в плечо, пока оно не онемело, пока Ларри не понял, что сила отдачи развернула его и теперь он палит поверх автомобилей, а не вдоль пешеходной дорожки. Но он все равно не мог остановиться. Указательный палец правой руки взял на себя функции мозга, нажимал и нажимал на курок, пока тот не начал издавать сухой и бесполезный клацающий звук.

Эхо волнами накатывалось на него. Яркие остаточные изображения стояли перед глазами. Он ощущал запах сгоревшего пороха и слышал вой, идущий из груди.

Сжимая «винчестер», он развернулся на сто восемьдесят градусов. Теперь на экране своего внутреннего кинотеатра он видел не солдат в защитных костюмах из «Штамма "Андромеда"», а морлоков из комиксовой версии «Машины времени» Гербер-

та Уэллса, горбатых и слепых страшилищ, вылезающих из своих подземных тоннелей, где в чреве Земли гудели и гудели машины.

Он начал преодолевать мягкую, но застывшую баррикаду из тел, спотыкаясь, чуть не падая, держась за перила, не останавливаясь. Нога Ларри провалилась во что-то ужасно склизкое, его окутало зловоние, но он едва обратил на это внимание и, тяжело дыша, продолжил путь.

А потом сзади, из темноты, донесся крик, заставивший его замереть. Отчаянный крик, с самой границы безумия:

— *Ларри! Ох, Ларри, ради Бога...*

Рита Блейкмур.

Он развернулся. Теперь до него доносились рыдания, которые заполняли тоннель новым эхом. В первую секунду он решил продолжить путь. Оставить ее в тоннеле. Сама найдет дорогу, чего вновь взваливать на себя такую ношу? Потом опомнился и закричал:

— Рита! Оставайся на месте! Ты меня слышишь?

Рыдания продолжались.

Ларри полез по телам в обратную сторону, стараясь не дышать, с перекошенным от отвращения лицом. Потом поспешил к Рите, не зная, где она — расстояние искажалось эхом. В результате наткнулся на нее и чуть не упал.

— Ларри... — Она прижалась к нему и обхватила за шею с силой душителя. Он почувствовал, как под блузкой с бешеной скоростью стучит ее сердце. — Ларри не оставляй меня здесь одну, не оставляй меня одну в темноте...

— Не оставлю. — Он крепко прижал ее к себе. — Я не причинил тебя вреда? Ты... не ранена?

— Нет... я почувствовала ветер... одна пролетела так близко, что я почувствовала ветер... и осколки... думаю, осколки кафеля... лицо... поцарапали мне лицо...

— Господи, Рита, я не знал. Жутко перепугался. Темнота. И я потерял зажигалку... Тебе бы позвать меня. Я же мог тебя убить. — И тут до Ларри дошло, что это правда. — *Я же мог тебя убить*, — ошарашенно повторил он.

— Я не знала, ты ли это. Я вошла в многоквартирный дом, когда ты спустился к шоссе. А когда вернулся и позвал, я почти что... но я не смогла... После того как начался дождь, появились двое

мужчин... Думаю, они искали нас... или меня. Поэтому я оставалась в доме, а когда они ушли, подумала, может, они не ушли, может, спрятались и поджидают меня... И я не решалась выйти, пока не подумала, что ты уйдешь на другую сторону и я больше никогда тебя не увижу... вот я... я... Ларри, ты меня не оставишь? Больше не уйдешь?

— Нет, — ответил он.

— Я ошибалась, все, что я говорила, неправильно, ты был прав, мне следовало сказать тебе о сандалиях, то есть о туфлях, я буду есть, когда ты скажешь... я... я... *у-у-у-у-у-у-у*...

— Ш-ш-ш. — Он по-прежнему обнимал Риту. — Теперь все хорошо, хорошо. — Но перед его мысленным взором стоял Ларри Андервуд, в слепой панике палящий по темноте, и он подумал, что одна из пуль с легкостью могла раздробить Рите руку или устроить кровавое месиво в животе. Внезапно у него возникла насущная потребность посетить туалет, а зубам захотелось стучать. — Мы пойдем, когда ты почувствуешь, что можешь идти. Торопиться нам некуда.

— Там человек... я думаю, человек... я наступила на него, Ларри. — Она шумно сглотнула, в горле у нее что-то щелкнуло. — Я едва не закричала, но сдержалась. Потому что подумала, а вдруг впереди не ты, а один из тех мужчин. И когда ты меня позвал... эхо... я не могла понять, ты это... или... или...

— Дальше тоже трупы. Сможешь через них перелезть?

— Если ты будешь со мной. Пожалуйста... если ты будешь со мной.

— Буду.

— Тогда пошли. Я хочу выбраться отсюда. — По-прежнему прижимаясь к нему, она содрогнулась всем телом. — Кажется, никогда в жизни я ничего так не хотела.

Ларри нащупал ее лицо и поцеловал — в нос, в каждый глаз, в губы.

— Спасибо тебе, — пробормотал он, не имея ни малейшего понятия, что означают его слова. — Спасибо тебе. Спасибо тебе.

— Спасибо тебе, — ответила Рита. — Ох, милый мой Ларри. Ты не оставишь меня, да?

— Нет, — ответил он. — Не оставлю. Просто скажи мне, когда ты сможешь идти, Рита, и мы пойдем.

И когда она почувствовала, что может, они пошли.

* * *

Они перебрались через тела, обнимая друг друга за шею, как пьяные друзья, возвращающиеся домой из близлежащей таверны. Преодолев это препятствие, вскоре наткнулись на какую-то баррикаду. Увидеть ее не могли, но на ощупь Рита предположила, что это кровать, поставленная на торец. На пару они смогли перевалить ее через перила. Внизу кровать упала на какой-то автомобиль, издав такой грохот — еще и отразившийся эхом, — что они подпрыгнули и крепко обнялись. За кроватью лежали три распростертых тела, и Ларри догадался, что это те самые солдаты, которые расстреляли еврейскую семью. Они перебрались через них и пошли дальше, держась за руки.

Какое-то время спустя Рита остановилась.

— Что такое? — спросил Ларри. — Ты на что-то наткнулась?

— Нет. Я могу видеть, Ларри! Там конец тоннеля!

Он моргнул и понял, что тоже может видеть. Но свет был очень тусклым, поэтому Ларри не замечал, что вокруг уже не кромешная тьма, пока Рита не сказала об этом. Теперь он разглядел слабый блеск кафельных плиток, бледный овал лица Риты, а слева от себя — мертвую реку автомобилей.

— Пошли! — ликующе воскликнул он.

Через шестьдесят шагов они вновь наткнулись на трупы (все солдаты), лежащие на пешеходной дорожке. Переступили через них.

— Почему они закрыли только Нью-Йорк? — спросила Рита. — Если только... Ларри, может, это случилось только в Нью-Йорке?

— Я так не думаю, — ответил он, но почувствовал, как в душе вспыхнула абсурдная надежда.

Они зашагали быстрее. Выезд из тоннеля приближался. Его блокировали два огромных армейских транспортных грузовика, стоявших капотами друг к другу. Грузовики отсекали немалую часть дневного света. Если бы не они, свет проникал бы в тоннель гораздо глубже. Трупы лежали и там, где пешеходная дорожка спускалась к выезду из тоннеля. Они протиснулись между грузовиками, забравшись на сдвинутые вплотную передние бамперы. Рита не стала заглядывать в кабину, но Ларри заглянул. Увидел почти собранный пулемет на треноге, коробки с патронами и канистры, как он догадался, со слезоточивым газом. Плюс еще троих мертвых солдат.

Когда они выходили наружу, смоченный дождем ветер прижался к ним, и только ради его восхитительно свежего запаха уже стоило преодолеть выпавшие на их долю трудности. Ларри так и сказал Рите, а она кивнула и на мгновение положила голову ему на плечо.

— По второму разу я бы не прошла через все это и за миллион долларов.

— Через несколько лет ты будешь использовать деньги вместо туалетной бумаги, — ответил он. — Пожалуйста, передай зелененькие.

— Но ты уверен...

— Что это случилось не только в Нью-Йорке? Смотри сама.

Рита посмотрела.

Пустые кабинки кассиров, собиравших плату за проезд через тоннель. В одной выбиты все стекла. За кабинками на всех полосах движения, уходящих на запад, насколько хватало глаз, — ни единого автомобиля. Зато все полосы движения в противоположном направлении, по которым автомобили попадали через тоннель в город, забиты под завязку. И груда человеческих тел на разделительной полосе, и морские чайки, эти тела разглядывающие.

— Боже ты мой, — прошептала Рита.

— Множество людей пыталось вернуться в Нью-Йорк. Их было не меньше, чем тех, кто хотел уехать из города. Не понимаю, почему они решили блокировать тоннель на въезд со стороны Нью-Джерси. Вероятно, они и сами не знали почему. Просто кого-то осенило, захотелось выслужиться...

Но Рита уже сидела на асфальте и плакала.

— Не плачь — Он опустился рядом с ней на колени. Свежесть тоннельных впечатлений не позволяла ему сердиться на нее. — Все хорошо, Рита.

— Что? — всхлипнула она. — Что? Скажи мне, *что* хорошо?

— Мы выбрались из тоннеля, это уже что-то. И потом — свежий воздух. Если на то пошло, в Нью-Джерси никогда еще так хорошо не пахло.

Этим он заслужил слабую улыбку. Ларри осмотрел царапины на щеке и виске Риты, оставленные осколками кафеля.

— Мы должны зайти в аптеку и промыть их перекисью водорода. Идти можешь?

— Да. — В ее глазах читалась такая безмерная благодарность, что Ларри стало не по себе. — И я найду себе новую обувь. Какие-нибудь кроссовки. Я буду делать все, что ты мне скажешь, Ларри. Я этого хочу.

— Я накричал на тебя, потому что нервничал, — произнес он ровным голосом. Откинул волосы Риты назад. Поцеловал одну царапину над правым глазом. И добавил: — Я не такой уж плохой парень.

— Только не покидай меня.

Он помог ей подняться и обнял за талию. Потом они медленно пошли к кабинкам кассиров, миновали их и оставили Нью-Йорк за спиной, на другом берегу реки.

Глава 36

В самом центре Оганквита находился небольшой парк с пушкой времен Гражданской войны и военным мемориалом. Туда и пришла Фрэнни Голдсмит после смерти Гаса Динсмора, села рядом с прудом для уток, бросала камешки и наблюдала, как круги расходятся по стоячей воде, добираются до листьев кувшинок у краев пруда и распадаются.

Позавчера она отвела Гаса в дом Хэнсона, расположенный чуть дальше по берегу, опасаясь, что дальнейшая отсрочка приведет к тому, что Гас не сможет ходить и его «последнее уединение» (такой неприятный, но уместный эвфемизм использовали ее родители) пройдет в жаркой маленькой сторожке возле автостоянки городского пляжа.

Она думала, что Гас умрет в ту ночь. Температура у него зашкаливала, он бредил, дважды сваливался с кровати и даже ходил по спальне мистера Хэнсона, сшибая вещи, падая на колени, снова поднимаясь. Обращался к людям, которых рядом не было, что-то им отвечал, наблюдал за ними, реагируя на их действия. На его лице отражались самые разные эмоции, от отвращения до радости, и в какой-то момент Фрэнни начало казаться, что невидимые собеседники Гаса существуют на самом деле, тогда как она — призрак. Она умоляла Гаса лечь в постель, но для Гаса Фрэнни как бы

не было. Ей приходилось отступать с его пути, иначе он просто сбил бы ее с ног и прошел прямо по ней.

Наконец он упал на кровать и лишился чувств, жадно и тяжело хватая воздух. Фрэн предположила, что это — предсмертная кома. Но наутро, когда она заглянула к нему, Гас сидел на кровати и читал вестерн, который нашел на одной из полок. Поблагодарил Фрэнни за заботу и выразил надежду, что прошлым вечером не обидел ее ни словом, ни делом.

Фрэнни заверила его, что не обидел. Гас с сомнением оглядел разгромленную спальню и еще раз поблагодарил Фрэнни за доброту. Она приготовила суп, и он с аппетитом поел, а потом пожаловался, что ему трудно читать без очков, которые он разбил, когда неделей раньше нес вахту на баррикаде на южной окраине города. Фрэнни взяла у него книгу (несмотря на вялые протесты) и прочитала четыре главы вестерна, написанного женщиной, которая жила на севере, в Хейвене. Назывался роман «Расстрелянное Рождество»*. Шериф Джон Стоунер решал проблемы, возникшие с самыми хулиганистыми жителями Роринг-Рок, штат Вайоминг... и, что было намного хуже, не мог найти рождественский подарок для своей очаровательной молодой жены.

Фрэнни ушла в хорошем настроении, думая, что Гас поправляется. Но вечером ему вновь стало хуже, и утром, без четверти восемь, он умер, всего-то полтора часа тому назад. Перед смертью Гас находился в здравом уме, только не понимал тяжести своего состояния. С тоской в голосе сказал, что очень хотел бы кремсоды со льдом, какой отец угощал его и братьев Четвертого июля и в День труда, когда в Бангоре проводилась ярмарка. Но электричество в Оганквите отключили — произошло это, если верить электронным часам, в двадцать один семнадцать двадцать восьмого июня, — так что никакого льда в городе не осталось. Фрэнни задалась вопросом, нет ли у кого-то из горожан бензинового электрогенератора, подключенного к морозильнику, и даже подумала, а не найти ли ей Гарольда Лаудера, вдруг он знает, но тут у Гаса начались перебои с дыханием. Он промучился пять минут, в течение которых она одной рукой поддерживала его голову, а второй вытирала обильно отходящую мокроту, и умер.

---

* Роман «Расстрелянное Рождество» написан Бобби Андерсон, главной героиней романа Стивена Кинга «Томминокеры».

Фрэнни накрыла Гаса чистой простыней и оставила на кровати старого Джека Хэнсона, лицом к океану. Потом пришла сюда и с тех пор бросала камушки в пруд, ни о чем особо не думая. Но подсознательно она понимала, что это хороший вид недумания, не та жуткая апатия, которая охватила ее после смерти отца. С того дня она более-менее пришла в себя. Взяла розовый куст в «Доме цветов Натана» и аккуратно посадила на могиле Питера. Она надеялась, что он действительно хорошо приживется, как сказал бы отец. Теперь отсутствие мыслей воспринималось как отдых после проводов Гаса в другой мир. Это состояние не имело ничего общего с прелюдией безумства, через которую ей пришлось пройти. Тогда она словно блуждала по какому-то серому, грязному тоннелю, полному призраков, скорее осязаемых, чем видимых. Больше ей бродить там не хотелось.

Но Фрэнни понимала, что вскоре предстоит подумать о том, что делать дальше, и предполагала, что в эти раздумья придется включать Гарольда Лаудера. Не только потому, что в округе не осталось никого, кроме них. Фрэнни просто не знала, что станет с Гарольдом, если никто не будет за ним приглядывать. Она не считала, что приспособлена к жизни лучше любого другого, но, раз уж больше никого не было, получалось, что приглядывать придется ей. Она по-прежнему не питала к Гарольду особо теплых чувств, но он хотя бы попытался проявить тактичность и показал, что не лишен добропорядочности. Если на то пошло, добропорядочности у него хватало.

Гарольд оставил ее в покое после их встречи четырьмя днями ранее, вероятно, уважая желание Фрэнни скорбеть о родителях. Но время от времени она видела его разъезжающим на «кадиллаке» Роя Брэннигана. Он бесцельно кружил по улицам. И дважды, когда ветер дул в нужном направлении, она слышала стук печатной машинки, разносившийся из окна его спальни. Тишина, позволявшая различить этот стук, хотя дом Лаудеров находился в полутора милях, как бы подчеркивала реальность случившегося. Ее слегка забавляло, что Гарольд, позаимствовав «кадиллак», не подумал о том, чтобы заменить механическую пишущую машинку на одну из практически бесшумных электрических.

«Теперь бы ему от нее не было никакой пользы, — решила она, поднимаясь и отряхивая шорты. — Крем-сода со льдом и электрические пишущие машинки остались в прошлом». От этой мыс-

ли ей взгрустнулось, и в который раз Фрэнни поразилась тому, что для подобной катастрофы хватило пары недель.

Но другие люди, конечно же, остались, что бы ни говорил Гарольд. И если система власти временно разрушилась, они всего лишь должны найти немногих выживших, собрать их и реформировать эту систему. Ей даже не пришло в голову задуматься, а почему столь необходимо иметь «власть», как она не задумывалась над тем, что автоматически почувствовала себя ответственной за Гарольда. Так надо, вот и все. И без властной структуры тоже не обойтись.

Фрэнни вышла из парка и медленно зашагала по Главной улице к дому Лаудеров. День выдался жарким, но ветер с моря приносил прохладу. Ей вдруг захотелось пройтись у кромки воды, найти сочную бурую водоросль, съесть маленькими кусочками.

— Господи, какая же ты гадкая! — воскликнула она. Но разумеется, она была не гадкой. Всего лишь беременной. Ничего больше. И на следующей неделе ей могло захотеться сандвича с бермудским луком. И кружочками хрена поверху.

Фрэнни остановилась на углу, в квартале от дома Гарольда, изумившись тому, сколько времени прошло с тех пор, как она в последний раз думала о своем «деликатном положении». Раньше за каждым углом пряталась мысль *я-беременна*, будто какое-то стойкое грязное пятно: «Мне обязательно надо отнести это синее платье в химчистку до пятницы (еще несколько месяцев, и придется вешать его в шкаф, потому что *я-беременна*); пожалуй, приму сейчас душ (через несколько месяцев буду напоминать кита в душевой кабине, потому что *я-беременна*); следует поменять масло в двигателе, прежде чем поршни выпадут из пазов или в чем они там ходят (интересно, что сказал бы Джонни с "Ситго", узнав, что *я-беременна*)». Но возможно, теперь она свыклась с этой мыслью. В конце концов, она была беременна чуть ли не три месяца, почти треть полного срока.

Однако впервые она подумала, и не без тревоги, о другом: кто поможет ей родить?

Из-за дома Лаудеров доносился мерный стрекот ручной газонокосилки, и Фрэнни, обогнув угол, увидела такое странное зрелище, что только крайнее изумление удержало ее от громкого смеха.

Гарольд, в синих обтягивающих, выставляющих все напоказ плавках, косил лужайку. Его белая кожа блестела от пота, длинные волосы прилипли к шее (хотя, и тут следовало отдать Гарольду должное, судя по виду, мыл он их относительно недавно). Валики жира над поясом плавок и под эластичными короткими штанинами подпрыгивали вверх-вниз. Скошенная трава выкрасила ноги зеленым выше лодыжек. Спина покраснела, но Фрэнни не могла сказать, от прилагаемых ли усилий или от солнца.

Но Гарольд не просто *косил траву* — он *бегал*. Лужайка во дворе Лаудеров спускалась к живописной каменной стене, а посередине стояла восьмигранная беседка. Маленькими девочками они с Эми часто устраивали там «чаепития», вспомнила Фрэнни, и укол ностальгии оказался неожиданно болезненным. В те давние дни они могли плакать над последними строками «Паутинки Шарлотты»* или вздыхать по Чаки Майо, самому красивому мальчику в школе. Лужайка Лаудеров зеленью и покоем напоминала английскую, но теперь в эту пастораль ворвался дервиш в синих плавках. Фрэнни слышала пугающе тяжелое дыхание Гарольда, когда он разворачивался в северо-восточном углу, там, где посаженные в ряд шелковицы разделяли лужайки Лаудеров и Уилсонов. Гарольд помчался вниз по склону, нагнувшись над Т-образной ручкой. Он уже выкосил, наверное, половину лужайки. Остался только уменьшающийся с каждым проходом квадрат с беседкой посередине. Добравшись до низа, он развернулся и побежал вверх, на мгновение скрылся за беседкой, потом появился вновь, по-прежнему наклоняясь вперед, напоминая пилота «Формулы-1». Преодолев половину склона, увидел Фрэнни. Практически одновременно она его позвала:

— Гарольд! — И только тут заметила, что он плачет.

— Что? — отозвался, точнее, пискнул Гарольд.

Фрэнни вырвала парня из мира грез и на секунду даже испугалась, как бы у него не случился инфаркт, вызванный физической нагрузкой и шоком от ее внезапного появления.

А потом он побежал к дому, поднимая фонтанчики зеленой травы, и в воздухе разлился ее сладкий запах.

Она пошла за ним.

---

* «Паутинка Шарлотты» — роман американского писателя Элвина Брукса Уайта (1899—1985).

— Гарольд, что-то не так?

Но он уже взбегал по ступенькам заднего крыльца. Открылась дверь, Гарольд прошмыгнул в дом, и дверь с оглушающим грохотом захлопнулась. В наступившей тишине подала скрипучий голос сойка, а какой-то маленький зверек зашебуршался в кустах, росших за каменной стеной. Брошенная газонокосилка застыла между подстриженной и высокой травой недалеко от беседки, в которой они с Эми когда-то пили кулэйд из кухонных чашек Барби, элегантно оттопырив мизинчики.

Какое-то время Фрэнни стояла в нерешительности. Потом направилась к двери и постучала. Ответа не последовало, но она услышала, как где-то в доме плачет Гарольд.

— Гарольд!

Никакого ответа. Только продолжающийся плач.

Фрэнни вошла через черный ход в коридор, темный, прохладный и благоухающий: дверь по левую руку вела в кладовую миссис Лаудер, и, насколько помнила Фрэнни, оттуда всегда шел приятный запах сушеных яблок и корицы, которые так и просились в пирог.

По коридору она прошла на кухню, где и увидела Гарольда, сидящего за столом. Он вцепился руками в волосы, а позеленевшие ноги запачкали выцветший линолеум, который миссис Лаудер содержала в идеальной чистоте.

— Гарольд, что не так?

— Уходи! — сквозь слезы крикнул он. — Уходи, я тебе не нравлюсь!

— Да нет же. Ты хороший парень, Гарольд. Может, не самый лучший, но хороший. — Она помолчала. — Если уж на то пошло, учитывая сложившиеся обстоятельства и все такое, я должна признаться, что во всем мире ты — один из моих любимчиков.

От ее слов Гарольд только еще сильнее расплакался.

— У тебя есть что-нибудь попить?

— Кулэйд. — Он всхлипнул, вытер нос и добавил, по-прежнему глядя в стол: — Он теплый.

— Естественно. Ты брал воду на городской колонке?

Как и во многих маленьких городах, в Оганквите общественная колонка стояла во дворе здания муниципалитета, хотя последние сорок лет она служила достопримечательностью, а не источником воды. Туристы иногда фотографировались рядом с ней.

«А это колонка в маленьком прибрежном городке, где мы проводили отпуск. Оригинальная, не правда ли?»

— Да, именно там.

Фрэнни налила два стакана и села.

Нам бы пойти в беседку, подумала она. *Мы могли бы пить кулэйд, оттопыривая мизинцы.*

— Гарольд, что не так?

Гарольд издал истерический смешок и поднес стакан ко рту. Выпил до последней капли и поставил на стол.

— Не так? А что теперь может быть не так?

— Я имела в виду, может, с тобой что-то случилось? — Она пригубила кулэйд и, скорчив гримаску, вернула стакан на место. Фруктовый напиток не успел нагреться, наверное, Гарольд только недавно ходил за водой, но он забыл добавить сахар.

Теперь он поднял голову и посмотрел на нее. Его лицо блестело от слез, и чувствовалось, что он не прочь поплакать еще.

— Я хочу, чтобы вернулась мама, — честно ответил он.

— Ох, Гарольд...

— Я думал, когда это происходило, когда она умирала: «Не так уж все и плохо». — Он сжимал в руке стакан, не отрывая от Фрэнни напряженного, загнанного, немного пугающего взгляда. — Я понимаю, как, наверное, ужасно это звучит. Но я никогда не знал, как восприму их уход. Я все очень тонко чувствую. Вот почему меня так доставали эти кретины из дома ужасов, который отцы города именовали старшей школой. Я думал, она может свести меня с ума от горя, их кончина, или надолго выбить из колеи... Образно говоря, загасить мое внутреннее солнце... Но когда это произошло, моя мать... Эми... отец... я сказал себе: «Не так уж все и плохо». Я... они... — Он ударил кулаком по столу, отчего Фрэнни подпрыгнула. — Почему я не могу выразить словами, что чувствую? — вскричал он. — *Я всегда* мог выразить! Это работа писателя — отсекать лишнее с помощью слов, добираться до сути, *так почему я не могу сказать, что чувствую?!*

— Гарольд, успокойся. Я знаю, что ты чувствуешь.

Он уставился на нее как громом пораженный.

— Ты знаешь?.. — Он покачал головой. — Нет. Ты не можешь знать.

— Помнишь, как ты пришел ко мне? И я рыла могилу? Я почти что рехнулась. Не могла вспомнить, что делала. Хотела приго-

товить картофель фри и чуть не сожгла дом. Поэтому если тебе становится лучше от того, что ты косишь траву, — отлично. Правда, ты обгоришь, если будешь косить траву в одних плавках. Ты уже обгорел, — добавила она, взглянув на его плечи. Из вежливости сделала еще глоток этого отвратительного кулэйда.

Он утер рот.

— Я даже не очень-то их любил, но думал, что горе положено чувствовать. Ты понимаешь, если у тебя наполнился мочевой пузырь, ты должен отлить. Если умерли близкие родственники — должен горевать.

Фрэнни кивнула, подумав, что сравнение странное, но вполне уместное.

— Моя мать всегда занималась Эми. Была ее подружкой! — В голосе Гарольда слышалась неосознанная ревность. — А у отца каждый брошенный на меня взгляд вызывал ужас.

Фрэн понимала, что такое возможно. Брэд Лаудер, здоровенный, мускулистый, работал бригадиром на ткацкой фабрике в Кеннбанке. И наверное, плохо представлял себе, как его чресла могли дать жизнь такому толстому, не похожему на него сыну.

— Однажды он отвел меня в сторону, — продолжил Гарольд, — и спросил, не голубой ли я. Взял и спросил. Я так испугался, что заплакал, а он влепил мне оплеуху и сказал, что мне лучше сразу уехать из города, если я и дальше собираюсь оставаться таким слюнтяем. И Эми... Я думаю, Эми плевать на меня хотела. Я только ее смущал, когда к ней приходили друзья. Как грязь на ковре.

Сделав над собой усилие, Фрэн допила кулэйд.

— Поэтому, когда они ушли, а я ничего не почувствовал, я подумал, что ошибался. Сказал себе: «Горе — не автоматическая реакция». Как бы не так! С каждым днем мне недостает их все сильнее. Особенно мамы. Если бы я смог увидеть ее... Так часто ее не было рядом, когда мне того хотелось... когда я в ней нуждался... Она всегда что-то делала для Эми или с Эми, но она никогда не злилась на меня. Поэтому сегодня утром, думая об этом, я сказал себе: «Я скошу траву — и смогу об этом не думать». Но я продолжал думать. Вот и начал косить все быстрее и быстрее... словно мог убежать от этих мыслей... И наверное, тогда ты и появилась. Я выглядел таким же психом, каким себя ощущал, Фрэн?

Она наклонилась через стол и коснулась его руки.

— Нет ничего странного в том, что ты чувствуешь, Гарольд.

— Ты уверена? — спросил он, глядя на нее широко раскрытыми, совсем детскими глазами.

— Да.

— Ты станешь мне другом?

— Да.

— Слава Богу! Спасибо Тебе, Господи!

Она подумала, что у него очень потная рука, и Гарольд, словно прочитав ее мысли, с неохотой отодвинулся.

— Хочешь еще кулэйда? — застенчиво спросил он.

Фрэнни одарила его дипломатичной улыбкой.

— Может, позже.

Они устроили пикник в парке: сандвичи с арахисовым маслом и конфитюром, бисквитные пирожные «Хостесс твинкис», большая бутылка колы на каждого. Кола пошла очень неплохо после того, как они охладили бутылки в пруду для уток.

— Я думал о том, что мне делать дальше. — Гарольд указал на пирожное, которое оставила Фрэнни. — Больше не хочешь «Твинки»?

— Нет, сыта по горло.

Пирожное в мгновение ока исчезло во рту Гарольда.

Запоздалое горе не сказалось на его аппетите, отметила Фрэнни, но потом решила, что это слишком злая мысль.

— Что? — спросила она.

— Я думал о том, чтобы поехать в Вермонт, — неуверенно ответил он. — Ты бы хотела со мной?

— Почему в Вермонт?

— Там, в городе Стовингтон, находится федеральный центр по борьбе с инфекциями, передающимися контактным путем. Не такой большой, как в Атланте, но Вермонт гораздо ближе. Я подумал, если есть еще живые люди, пытающиеся справиться с этим гриппом, то искать их надо там.

— А почему они тоже не умерли?

— Знаешь, может, и умерли, — поджал губы Гарольд. — Но в таких местах, как Стовингтон, где имеют дело с заразными заболеваниями, привыкли принимать меры предосторожности. Если они еще функционируют, могу себе представить, как им нужны такие, как мы. Люди с врожденным иммунитетом.

— Откуда ты все это знаешь, Гарольд? — Она смотрела на него с искренним восхищением, и Гарольд покраснел от счастья.

— Я много читаю. Ничего секретного в этом нет. Так что думаешь, Фрэн?

Она думала, что это замечательная идея. И полностью соответствующая ее устремлению к порядку и власти. Она разом отмела предположение Гарольда, что люди, работающие в таком научно-исследовательском центре, могли умереть. Конечно же, им надо отправляться в Стовингтон, их там примут, сделают все анализы и выяснят, что именно отличает их от людей, которые заболели и умерли. Фрэнни даже не задалась вопросом, какой прок теперь был в вакцине, если бы ее и удалось создать.

— Я думаю, нам еще вчера следовало найти дорожный атлас и посмотреть, как туда добраться, — ответила она.

Гарольд просиял. На мгновение она подумала, что он собирается ее поцеловать, и в тот знаменательный миг она бы скорее всего ему это позволила, — но момент миновал. Потом она только порадовалась, что этого не произошло.

В дорожном атласе, где расстояния уменьшались до длины пальцев, все выглядело достаточно просто. По федеральному шоссе 1 до автострады 95, по автостраде 95 до федерального шоссе 302, потом на северо-запад по шоссе 302 через приозерные города в Западном Мэне, пересекая трубообразный Нью-Хэмпшир, в штат Вермонт. Стовингтон располагался в тридцати милях западнее Барре, к нему вели шоссе 61 и автострада 89.

— А как далеко? — спросила Фрэн.

Гарольд взял линейку, измерил, потом сверился с масштабной шкалой.

— Ты не поверишь, — мрачно ответил он.

— Так сколько? Сто миль?

— Больше трехсот.

— Господи! — выдохнула Фрэнни. — Вот уж не думала. Я где-то читала, что большинство штатов Новой Англии можно пройти за один день.

— Это трюк, — наставительно заявил Гарольд. — Можно пройти по территории четырех штатов, Коннектикута, Род-Айленда, Массачусетса и Вермонта, за двадцать четыре часа, если знать маршрут. То же самое, что разобрать головоломку с двумя пере-

плетенными проволоками: легко, если знаешь как, невозможно, если не знаешь.

— Откуда тебе все это известно? — удивленно спросила Фрэнни.

— Из «Книги мировых рекордов Гиннесса», — небрежно ответил он. — Также известной как Библия учебного зала Оганквитской старшей школы. Знаешь, я думал о велосипедах. Или... ну, не знаю... может, нам больше подойдут скутеры.

— Гарольд, — торжественно произнесла она, — ты гений!

Гарольд кашлянул, вновь покраснев от удовольствия.

— На велосипедах мы можем доехать до Уэллса завтра утром. Там есть салон «Хонды»... ты сможешь ехать на «хонде», Фрэн?

— Я смогу научиться, если сначала мы не будем спешить.

— Я думаю, гнать — вариант не из лучших, — серьезно ответил Гарольд. — Как знать, может, за слепым поворотом тебя ждут три столкнувшихся автомобиля посреди дороги.

— Действительно, заранее не предугадаешь. Но зачем ждать до завтра? Почему мы не можем выехать сегодня?

— Уже третий час. Мы не сможем уехать дальше Уэллса, и нам нужно подготовиться к поездке. Это проще сделать в Оганквите, потому что здесь мы все знаем. И нам, разумеется, потребуется оружие.

Странно, конечно, но когда он упомянул об оружии, она сразу подумала о ребенке.

— Зачем нам оружие?

Он некоторое время смотрел на нее, потом опустил глаза. Румянец пополз вверх по его шее.

— Потому что полиции и судов больше нет, а ты женщина... и хорошенькая, и некоторые люди... некоторые мужчины... могут оказаться... не джентльменами. Вот почему.

Теперь его щеки были пунцовыми.

«Он говорит об изнасиловании, — подумала она. — *Изнасиловании*. Но как кто-нибудь может изнасиловать меня, если я беременна? Но ведь никто об этом не знает, в том числе Гарольд. И даже если сказать насильнику: *Пожалуйста, не делайте этого, потому что я беременна,* можно ли ожидать, что насильник ответит: *Ох, простите-извините, я изнасилую какую-нибудь другую женщину?*»

— Хорошо, — кивнула она. — Оружие. Но мы все равно можем добраться до Уэллса сегодня.

— Мне надо еще кое-что здесь сделать, — ответил Гарольд.

* * *

В куполе над амбаром Мозеса Ричардсона стояла жуткая жара. Когда они поднялись на сеновал, Фрэнни вспотела, а уж когда подошли к хлипкой лестнице, ведущей в купол, пот потек ручьями. Ее блузка потемнела и облепила грудь.

— Ты действительно думаешь, что это необходимо, Гарольд?

— Не знаю. — Он нес ведерко с белой краской и широкую кисть в целлофановой обертке. — Но амбар выходит на первое шоссе, и я думаю, что именно по нему пойдут люди. В любом случае хуже не будет.

— Будет, если ты упадешь и переломаешь кости. — От жары у Фрэнни разболелась голова, а кола, которую она выпила за ленчем, бултыхалась в желудке, вызывая тошноту. — Во всяком случае, ты уже никуда не поедешь.

— Я не упаду. — нервно ответил Гарольд и посмотрел на нее. — Фрэн, ты плохо выглядишь.

— Это от жары, — выдохнула она.

— Тогда, ради Бога, спускайся вниз. Приляг под деревом. Наблюдай, как человек-муха, взобравшись на крышу сарая Мозеса Ричардсона, выполняет смертельный трюк на преопаснейшем склоне десятой категории сложности.

— Не шути. Я все равно думаю, что это глупо. И опасно.

— Да, но если я это сделаю, на душе у меня станет спокойнее. Иди, Фрэн.

Она подумала: *А ведь он это делает для меня.*

Гарольд стоял перед ней, потный и испуганный, с паутиной, прилипшей к голым пухлым плечам, с животом, нависающим над поясом обтягивающих зад синих джинсов, полный решимости ничего не упустить, сделать все правильно.

Фрэн приподнялась на цыпочки и легонько поцеловала его в губы.

— Будь осторожен. — А потом быстро спустилась вниз с колой, бултыхающейся в желудке: вверх-вниз и по кругу. Она ушла быстро, но не настолько, чтобы не заметить ошеломленного счастья, засветившегося в его глазах. С сеновала на посыпанный соломой амбарный пол Фрэнни спускалась еще быстрее, чувствуя, что ее сейчас вырвет, и пусть она знала причину — жара, кола и

ребенок, — что мог подумать Гарольд, если б услышал, как ее рвет? Потому-то она и хотела успеть выйти из амбара, чтобы он не услышал. И успела. Правда, едва-едва.

Гарольд спустился вниз без четверти четыре, его обожженная спина пламенела, руки забрызгала белая краска. Пока он работал, Фрэнни успела подремать под вязом в палисаднике Ричардсона. Крепко заснуть не удалось: она все время ждала треска шифера и отчаянного крика Гарольда, пролетающего девяносто футов, которые отделяли крышу амбара от твердой земли. Но все обошлось — слава Богу, — и теперь он гордо стоял перед ней, с зелеными ногами, белыми руками, красными плечами.

— А почему ты принес краску вниз? — из любопытства спросила она.

— Не хотел оставлять наверху. Она могла самопроизвольно загореться, и тогда мы потеряли бы наше послание.

Фрэнни вновь подумала, что он старается ничего не упустить. Это даже немного пугало.

Они оба посмотрели на крышу амбара. Свежая краска блестела, резко выделяясь на выцветших зеленых листах шифера, и сама надпись напомнила Фрэнни другие надписи, которые иной раз встречались на амбарных крышах в южной глубинке: «ИИСУС СПАСАЕТ» или «ЗАГРЫЗИ ИНДЕЙЦА». Гарольд написал:

УШЛИ В СТОВИНГТОН, В ПРОТИВОЭПИД. ЦЕНТР
ШОССЕ 1 ДО УЭЛЛСА
АВТОСТРАДА 95 ДО ПОРТЛЕНДА
ШОССЕ 302 ДО БАРРЕ
АВТОСТРАДА 89 ДО СТОВИНГТОНА
ПОКИНУЛИ ОГАНКВИТ 2 ИЮЛЯ 1990
ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР
ФРЭНСИС ГОЛДСМИТ

— Я не знал твоего второго имени... — В голосе Гарольда слышались извиняющиеся нотки.

— Пустяки. — Фрэнни все смотрела на надпись. Первая строка — чуть пониже окна купола, последняя, ее имя и фамилия, — у самого дождевого желоба.

— Как тебе удалось написать последнюю строчку? — спросила она.

— Просто, — застенчиво ответил он. — Чуть свесил ноги — и все дела.

— Ох, Гарольд. Почему ты не подписался только своим именем?

— Потому что мы — команда, — ответил он и вопросительно взглянул на нее. — Да?

— Полагаю, что да... пока ты не разобьешься. Есть хочешь?

Он просиял:

— Как волк!

— Тогда давай поедим. И я намажу детским кремом твои ожоги. Тебе следовало надеть рубашку, Гарольд. Этой ночью спать ты не сможешь.

— Еще как смогу. — Он улыбнулся ей, она — ему. Они поели консервов, запили их кулэйдом (Фрэнни приготовила его сама, добавив сахар), а позже, когда начало темнеть, Гарольд пришел к ее дому, неся что-то под мышкой.

— Это принадлежало Эми. Нашел на чердаке. Думаю, мама и папа подарили ей эту штуковину, когда она закончила девятый класс. Я даже не знаю, работает ли она, но взял батарейки в магазине хозяйственных товаров. — Он похлопал по карманам, которые оттопыривали батарейки «Эвереди».

Гарольд принес портативный проигрыватель с пластиковой крышкой, созданный специально для того, чтобы девочки-подростки тринадцати или четырнадцати лет могли брать его с собой на пляж или на пикник на лужайке. Предназначался он для синглов-сорокапяток — песен Осмондов, Лейфа Гарретта, Джона Траволты, Шона Кэссиди. Фрэн смотрела на проигрыватель, и ее глаза наполнились слезами.

— Давай проверим, работает ли он.

Он работал. И на протяжении почти четырех часов, сидя на разных краях дивана, поставив портативный проигрыватель на кофейный столик перед собой, молча, как зачарованные, с печальными лицами, они слушали музыку умершего мира, заполнявшую летнюю ночь.

Глава 37

Поначалу Стью воспринял этот звук как должное, как неотъемлемую часть яркого солнечного утра. Он только что прошел через город Саут-Райгейт, штат Нью-Хэмпшир, и теперь шоссе пролегало по прекрасной сельской местности под раскидистыми вязами, кроны которых нависали над дорогой и усыпали ее движущимися бликами солнечного света. С обеих сторон к шоссе подступала густая растительность — яркий сумах, сине-серый можжевельник, а также множество кустов, названий которых он не знал. Их обилие по-прежнему поражало Стью. Он-то привык к восточному Техасу, где придорожная флора не слишком радовала разнообразием. Слева вдоль дороги тянулась старая каменная стена, кое-где полностью скрытая кустами, справа весело журчала речушка, текущая на восток. Время от времени в кустах шуршали маленькие зверьки (вчера его потряс вид крупной оленихи, стоявшей на разделительной полосе шоссе 302 и принюхивавшейся к утреннему воздуху) и пронзительно кричали птицы. На этом звуковом фоне собачий лай прозвучал очень даже естественно.

Стью отшагал еще чуть ли не милю, прежде чем до него дошло, что, возможно, эта собака — судя по звуку, расстояние до нее сократилось — выпадает из общей картины. После ухода из Стовингтона ему на глаза попадалось великое множество дохлых собак — однако ни одной живой. Что ж, он предполагал, что грипп убил большинство, но не всех людей. Вероятно, он убил и большинство, но не всех собак. Наверное, эта оставшаяся в живых собака теперь очень боялась людей. Уловив людской запах, сразу уползала в кусты и истерически гавкала, пока человек, в данном конкретном случае Стью, не покидал ее территорию.

Он поправил лямки рюкзака «Дей-Гло», который нес на спине, и по-новому сложил подложенные под них носовые платки. Высокие ботинки «Джорджия джайэнтс» после трех дней пути уже не выглядели такими новенькими. Голову Стью прикрывала от солнца веселенькая красная широкополая фетровая шляпа, а на плече у него висела армейская винтовка. Он сомневался, что столкнется с мародерами, но считал оружие хорошей идеей. Может, пригодится, чтобы добыть себе свежее мясо. Правда, вчера он видел свежее мясо прямо на копытах, но его вид доставил ему столько удовольствия, что о стрельбе не возникло даже мысли.

Лямки больше не давили на плечи, и он пошел дальше. Судя по громкости лая, пес находился за следующим поворотом дороги. «Может, я все-таки увижу его», — подумал Стью.

Он решил идти на восток по шоссе 302, предполагая, что рано или поздно дорога выведет его к океану. Стью заключил с собой некое подобие договора: «Когда выйду к океану, решу, что собираюсь делать. Пока даже не буду об этом думать». Его пеший поход, продолжавшийся уже четвертый день, в каком-то смысле являлся лечением. Стью подумывал о том, чтобы взять десятискоростной велосипед или, может, мотоцикл и без труда объезжать места автомобильных аварий, которые блокировали дороги, но все-таки решил идти пешком. Ему всегда нравились туристические походы, а сейчас тело просто требовало физической нагрузки. До побега из Стовингтона он просидел под крышей почти две недели, потерял форму и чувствовал, какими дряблыми стали мышцы. Стью предполагал, что рано или поздно столь медленное перемещение заставит его терпение лопнуть, и тогда он воспользуется велосипедом или мотоциклом, но пока его все устраивало: он шел на восток по шоссе, смотрел куда хотел, присаживался на несколько минут, если возникало такое желание, а во второй половине дня мог и проспать самые жаркие часы. Подобное времяпрепровождение шло Стью на пользу. Мало-помалу безумные поиски выхода стали меркнуть в его памяти. Нет, он, конечно, все помнил, но события эти утратили яркость, от которой его прошибал холодный пот. Труднее всего забывалось ощущение, будто кто-то его преследовал. Две первые ночи на дороге ему снова и снова снилась последняя стычка с Элдером в тот день, когда Элдер пришел, чтобы выполнить полученный приказ. В этих снах Стью всегда запаздывал пустить в ход стул. Элдер успевал отступить, нажимал на спусковой крючок, и Стью чувствовал, как в момент выстрела боксерская перчатка тяжело, но безболезненно ударяла его в грудь. Он видел этот сон снова и снова, пока не просыпался утром, не отдохнув, но безмерно, пусть и подсознательно радуясь тому, что жив. В последнюю ночь этот сон не пришел. Стью сомневался, что кошмары прекратятся вот так сразу, однако полагал, что пешая прогулка постепенно выводит из организма накопившуюся отраву. Возможно, совсем избавиться от нее не удастся, но когда голова очистится от большей ее части, ему будет лучше ду-

маться о дальнейших планах, независимо от того, успеет он к тому времени добраться до океана или нет.

Он миновал поворот и увидел собаку, красновато-коричневого ирландского сеттера. Пес радостно гавкнул при виде Стью и побежал к нему, постукивая когтями по асфальту, с неистово мотающимся из стороны в сторону хвостом. Подпрыгнул, ткнулся передними лапами в живот Стью, и под его напором тому пришлось отступить на шаг.

— Притормози, парень! — улыбнулся Стью.

На его голос сеттер отреагировал радостным лаем и новым прыжком.

— Коджак! — послышался строгий голос. Стью подпрыгнул и огляделся. — На землю! Оставь человека в покое! Ты своими лапами перепачкаешь ему рубашку! Несносный пес!

Коджак вновь встал на все четыре лапы и обошел Стью, поджав хвост. Кончик хвоста продолжал движение из стороны в сторону, показывая, что пса по-прежнему переполняет радость, пусть ему и приходится ее сдерживать, и Стью решил, что этот пес в собачьи притворщики не годится.

Теперь он видел обладателя голоса... и, судя по всему, хозяина Коджака — мужчину лет шестидесяти в потрепанном свитере, старых серых штанах... и в берете. Тот сидел на вращающемся табурете и держал в руке палитру. Перед ним стоял мольберт с картиной.

Мужчина встал, положил палитру на табурет (Стью услышал, как он шепнул себе под нос: «Не забудь, а то сядешь на нее») и направился к Стью, протягивая руку. Выглядывающие из-под берета мягкие седеющие волосы шевелил легкий ветерок.

— Я надеюсь, вы не собираетесь пустить в ход винтовку, сэр. Глен Бейтман, к вашим услугам.

Стью шагнул вперед и пожал протянутую руку (Коджак вновь оживился, бегал вокруг Стью, но не решался на новый прыжок — пока, во всяком случае).

— Стюарт Редман. Насчет винтовки не беспокойтесь. Я еще не встретил достаточное количество людей, чтобы начать их отстреливать. Собственно, вы первый, кого я увидел.

— Вам нравится черная икра?

— Никогда не пробовал.

— Значит, пора попробовать. А если вам не понравится, найдется много другой еды. Коджак, не прыгай. Я знаю, ты думаешь о том, чтобы вновь накинуться на этого человека, — я читаю твои мысли, как открытую книгу, — но, пожалуйста, контролируй себя. Всегда помни, Коджак, что именно самоконтроль отличает существо высшего порядка от низшего. Самоконтроль!

Должным образом реагируя на эти слова, Коджак сел на задние лапы и часто задышал. На его морде появилась широкая улыбка. По собственному опыту Стью знал, что улыбающаяся собака бывает либо кусачей, либо чертовски хорошей. А Коджак определенно не тянул на кусачую.

— Приглашаю вас на ленч, — продолжил Бейтман. — Вы — первое человеческое существо, которое я встретил за последнюю неделю. Останетесь?

— С удовольствием.

— Южанин, так?

— Восточный Техас.

— Восточник, ошибся! — Бейтман хохотнул, довольный собственным остроумием, и повернулся к картине, посредственной акварели, изображавшей лес на другой стороне дороги.

— На вашем месте я бы пока на табурет не садился, — предупредил Стью.

— Черт, не сяду! Будет только хуже, правда?

Он двинулся в другую сторону, к дальнему краю небольшой поляны. Стью увидел, что в тени стоит оранжево-белая сумка-холодильник, на которой вроде бы лежит белая скатерть для пикников. Когда Бейтман взял ее и развернул, он понял, что не ошибся в своем предположении.

— Входила в комплект для причастия в Баптистской церкви благодати в Вудсвилле, — пояснил Бейтман. — Я ее позаимствовал. Не думаю, что баптисты ее хватятся. Они все ушли домой, к Иисусу. По крайней мере все баптисты Вудсвилла. Теперь они могут причащаться на небесах. Хотя, думаю, баптисты решат, что небеса — большой шаг назад в сравнении с Землей, если, конечно, руководство не обеспечит их телевидением — возможно, там оно называется небовидением, — по которому они смогут смотреть передачи Джерри Фолуэлла и Джека ван Импа. Нам же остается только древнее языческое общение с природой. Коджак, не наступай на скатерть! Самоконтроль, всегда помни об этом, Код-

жак. Если сможешь, сделай самоконтроль девизом всей жизни. Не желаете перейти на другую сторону дороги и умыться, мистер Редман?

— Зовите меня Стью.

— Хорошо, так и буду.

Они перешли дорогу и умылись чистой, холодной водой. Стью почувствовал себя счастливым. Встреча с этим необычным человеком в это необычное время пришлась очень даже кстати. Ниже по течению Коджак полакал воды, а потом скрылся в лесу, радостно гавкая. Вспугнул фазана, и Стью увидел, как птица взлетает из кустов. Подумал с некоторым удивлением, что, возможно, все наладится. Каким-то образом все наладится.

Икра его не впечатлила — по вкусу она напоминала холодное рыбное желе, — но Бейтман также мог предложить пеперони, салями, две банки сардин, мягковатые яблоки и большую коробку батончиков «Клибер» с инжиром. Художник отметил, что инжир очень полезен для кишечника. После ухода из Стовингтона кишечник не доставлял Стью никаких хлопот, но батончики ему понравились, и он съел не меньше пяти. Да и вообще ел с аппетитом.

Хлеб заменяли соленые крекеры, и по ходу трапезы Бейтман рассказал Стью, что работал доцентом кафедры социологии в муниципальном колледже Вудсвилла, маленького городка («известного своим муниципальным колледжем и четырьмя автозаправочными станциями», — сообщил он Стью), расположенного в шести милях дальше по шоссе. Его жена умерла десять лет назад. Детей у них не было. Большинство коллег его в упор не замечали, признал Бейтман, и это чувство было взаимным.

— Они думали, что я псих, — уточнил он. — И скорее всего были правы, не пытаясь наладить отношения.

Эпидемию «супергриппа», по его словам, он воспринял хладнокровно, потому что наконец-то смог отойти от дел и все время посвятить живописи, как ему всегда и хотелось.

На десерт был фунтовый кекс «Сара Ли». Бейтман разрезал его пополам и, протягивая Стью бумажную тарелку, сообщил:

— Художник я отвратительный. Но я просто сказал себе, что в этом июле никто на всей Земле не нарисует пейзаж лучше Гленндона Пикуода Бейтмана, бакалавра гуманитарных наук, магистра

гуманитарных наук, магистра изящных искусств. Жалкое эгоистическое объяснение — зато мое, родное.

— Коджак и раньше принадлежал вам?

— Нет... это довольно-таки удивительное совпадение, верно? Насколько я понимаю, Коджак принадлежал кому-то из жителей нашего городка. Иногда я его видел раньше, но клички не знал, поэтому позволил себе переименовать пса. Он, похоже, не возражает. Прошу меня извинить, Стью.

Он торопливо пересек дорогу, и Стью услышал плеск воды. Вскоре Бейтман вернулся с закатанными до колен брюками. В каждой руке он нес по шестибаночной упаковке пива «Наррагансетт», с которых капала вода.

— Следовало выпить за едой. Сглупил.

— И сейчас хорошо пойдет, — успокоил его Стью, доставая банку из упаковки. — Спасибо.

Они вскрыли банки, и Бейтман поднял свою.

— За нас, Стью. Счастливых нам дней, утоления желаний разума и никаких или минимальных болей в спине.

— Аминь, — кивнул Стью.

Они чокнулись и выпили. Стью подумал, что никогда прежде пиво не казалось ему таким вкусным... и, вероятно, не покажется и в будущем.

— Вы человек немногословный, — заметил Бейтман. — Надеюсь, у вас не сложилось впечатление, словно я, образно выражаясь, пляшу на могиле мира?

— Нет.

— К миру я относился с предубеждением, — продолжил Бейтман. — Открыто это признаю. Для меня мир в последней четверти двадцатого века по привлекательности сравним с восьмидесятилетним стариком, умирающим от рака прямой кишки. Говорят, эта болезнь поражает западную цивилизацию в конце любого столетия. Мы заворачиваемся в погребальные саваны и начинаем ходить по кругу, стеная: «Горе тебе, Иерусалим»... или, в нашем случае, Кливленд. В конце пятнадцатого столетия была танцевальная болезнь*. Бубонная чума — черная смерть — выкосила Европу в конце четырнадцатого, коклюш — в конце семнадцато-

* Речь идет о случае танцевальной мании в 1518 г. в Страсбурге. 400 человек танцевали без отдыха изо дня в день, пока не умерли.

го, а первые документально зафиксированные вспышки гриппа произошли в конце девятнадцатого века. Мы так привыкли к гриппу — ведь нам он всегда казался обыкновенной простудой, — что никто, кроме историков, и знать не знает, что *какую-то сотню лет тому назад его не существовало.*

В последние десятилетия любого века появляются религиозные фанатики, которые при помощи фактов и цифр жаждут доказать, что Армагеддон наконец-то близок. Такие люди, разумеется, есть всегда, но к концу столетия их ряды заметно пополняются... и очень многие воспринимают их на полном серьезе. Рождаются монстры. Аттила. Чингисхан. Джек-Потрошитель. Лиззи Борден*. Из нашего времени — Чарльз Мэнсон**, и Ричард Спек***, и Тед Банди****, если хотите. Коллеги с более богатым, чем у меня, воображением предполагали, что Западному Человеку время от времени требуется кардинальная очистка кишечника, сильнодействующее слабительное, и это происходит в конце столетий, чтобы он мог войти в новое столетие освобожденным от понятно чего и полным оптимизма. На этот раз нам сделали суперклизму, и, если подумать, все очень даже логично. Мы не просто приближаемся к новому столетию. Мы перешагиваем в новое тысячелетие.

Бейтман помолчал, задумавшись.

— Теперь, когда я об этом поразмыслил, получается, что я пляшу на могиле мира. Еще пива?

Стью взял банку, по-прежнему обдумывая слова Бейтмана.

— В действительности это не конец, — через некоторое время высказал он свое мнение. — Я, во всяком случае, так не думаю. Всего лишь... пауза.

— Логично. Точно подмечено. Если не возражаете, я вернусь к картине.

— Само собой.

— Вы видели других собак? — спросил Бейтман, когда Коджак появился из леса и радостно перебежал дорогу.

---

* Лиззи Борден (1860—1927) — американка, которую обвиняли в убийстве собственных отца и мачехи (1892 г.).

** Чарльз Мэнсон (р. 1934) — американский преступник, лидер коммуны «Семья», члены которой в 1969 г. совершили ряд жестоких убийств.

*** Ричард Спек (1941—1991) — американский маньяк-убийца.

**** Теодор Роберт Банди (1946—1989) — американский серийный убийца.

— Нет.

— Я тоже. Вы — первый человек, которого я встретил, но Коджак, похоже, единственный в своем роде.

— Если он выжил, то будут и другие.

— Это ненаучный подход, — добродушно упрекнул его Бейтман. — Что вы за американец? Покажите мне вторую собаку — предпочтительнее суку, — и я приму ваш тезис, что где-то еще бегает и третья. Но не убеждайте меня, что есть вторая, исходя из наличия первой. Так не пойдет.

— Я видел коров, — задумчиво отметил Стью.

— Коровы — да, и олени. Но все лошади мертвы.

— Знаете, это правда, — согласился Стью. По пути он видел дохлых лошадей. В нескольких случаях коровы выщипывали траву из-под их раздувшихся тел. — Почему так?

— Ни малейшего представления. Мы все дышим одинаково, а это, похоже, болезнь, передающаяся респираторным путем. Но я задаюсь вопросом: нет ли еще какого-то фактора? Люди, собаки и лошади заболевают. Коровы и олени — нет. Крысы на какое-то время ушли под землю, но теперь вроде бы возвращаются. — Бейтман нервно смешивал краску на палитре. — Кошки — повсюду, просто прорва кошек, и, судя по тому, что я видел, для насекомых тоже ничего не изменилось. Разумеется, маленькие faux pas* человечества редко на них отражаются... и мысль о гриппующем комаре слишком нелепа, чтобы ее рассматривать. Явной закономерности вроде бы нет. Какое-то безумие...

— Это точно. — Стью откупорил следующую банку. В голове приятно гудело.

— Нас ждут интересные изменения в экологии. — Бейтман совершал ужасную ошибку, пытаясь вписать Коджака в свою картину. — Любопытно посмотреть, удастся ли человеку разумному наладить собственное воспроизводство, очень интересно, но, во всяком случае, мы можем собраться вместе и предпринять такую попытку. Однако сможет ли Коджак найти себе пару? Станет ли он гордым папашей?

— Господи, насколько я понимаю, вовсе не обязательно.

Бейтман поднялся, положил палитру на вращающийся табурет, взял банку пива.

---

* Ложный шаг, ошибка (*фр.*).

— Я думаю, вы правы. Возможно, есть другие люди, другие собаки, другие лошади. Но многие животные могут умереть, не оставив потомства. Возможно, некоторые особи из подверженных болезни видов были беременны, когда появился этот грипп. Возможно, в Соединенных Штатах сейчас насчитывается несколько десятков здоровых женщин, в духовках которых, уж простите за грубость, выпекаются пирожки. Но некоторые виды животных перейдут критическую точку и исчезнут. Если вычеркнуть из уравнения собак, олени, которые, похоже, невосприимчивы к гриппу, начнут бесконтрольно размножатся. И оставшихся людей определенно не хватит, чтобы уменьшать их популяцию. Охотничий сезон на несколько лет будет закрыт.

— Избыточные олени умрут от голода, — вставил Стью.

— Нет, не умрут. Не все и даже не большинство. Во всяком случае, здесь. Я не знаю, что может случиться в восточном Техасе, но здесь, в Новой Англии, сады закладывались и прекрасно росли до того, как появился этот грипп. Оленям хватит еды и в этом году, и в следующем. Кроме того, наши злаковые культуры будут давать всходы и расти. Олени не будут голодать как минимум лет семь. Если вы вернетесь сюда через несколько лет, Стью, вам придется локтями расталкивать оленей, чтобы пройти по дороге.

Стью обдумал его слова.

— Вы не преувеличиваете?

— Нарочно — нет. Возможно, есть фактор или факторы, которых я не учел, но, честно говоря, я так не думаю. И мы можем взять мою гипотезу о воздействии полного или почти полного исчезновения собак на поголовье оленей и применить ее к взаимоотношениям между другими видами. Бесконтрольно размножающиеся кошки. И что это означает? Да, я говорил, что крысы поначалу отступили, но теперь возвращаются. Однако если кошек станет слишком много, ситуация может измениться. На первый взгляд мир без крыс кажется прекрасным, но возникают вопросы.

— А что вы имели в виду, говоря, что это еще надо посмотреть, сможет человек сохранить свой вид или нет?

— Есть два критических фактора, — ответил Бейтман. — По крайней мере сейчас я вижу два. Первый: младенцы могут быть восприимчивы к вирусу.

— То есть умереть, появившись в этом мире?

— Возможно — так, возможно — еще в утробе матери. Менее вероятно, но тоже возможно, что «супергрипп» стерилизовал тех из нас, кто еще остался.

— Это бред! — отмахнулся Стью.

— Свинка-то стерилизует, — сухо возразил Глен Бейтман.

— Но если матери младенцев... которые в утробе... если матери невосприимчивы...

— Да, в некоторых случаях иммунитет может передаваться от матери к младенцу, точно так же, как может передаваться предрасположенность к заболеванию. Но не во всех случаях. Рассчитывать на это просто нельзя. Я думаю, будущее детей, которые сейчас находятся в утробе, очень зыбко. Матери невосприимчивы к гриппу, это не обсуждается, но, согласно статистической вероятности, большинство отцов этих младенцев иммунитетом не обладали, и сейчас они мертвы.

— А какой второй фактор?

— Мы сами можем довести до конца уничтожение нашего вида, — ровным голосом ответил Бейтман. — Не сразу, потому что сейчас мы рассеяны по свету. Но человек — животное стадное, социальное. Вероятно, мы начнем собираться вместе, хотя бы для того, чтобы поделиться историями о том, как мы пережили «великую чуму» тысяча девятьсот девяностого года. Большинство таких сообществ будет представлять собой примитивные диктатуры, возглавляемые маленькими царьками. Избежать этого можно только при очень большом везении. Несколько сообществ могут быть просвещенными, демократическими, и я даже скажу вам, что именно потребуется для создания такого сообщества в конце двадцатого — начале двадцать первого века: достаточное количество технически грамотных людей, которые смогут вновь зажечь свет. У нас же не последствия атомной войны, когда все лежит в руинах. Техника в исправности, ждет, чтобы кто-то пришел, кто-то умелый, знающий, как протереть свечи и заменить несколько сгоревших предохранителей. Вопрос в том, сколько осталось людей, разбирающихся в технике, которую мы все воспринимали как должное.

Стью отпил пива.

— Вы так думаете?

— Уверен. — Бейтман тоже сделал глоток, наклонился к Стью, мрачно ему улыбнулся. — А теперь позвольте мне обрисовать вам гипотетическую ситуацию, мистер Стюарт Редман из восточного Техаса. Допустим, у нас есть сообщество А в Бостоне и сообщество Б в Утике. Они знают друг о друге, и каждому сообществу известно об условиях жизни в другом. Группа А в хорошей форме. Они живут в Бикон-Хилл, купаются в роскоши, потому что один из их членов оказался ремонтником «Кон эд»*. Знаний этого парня вполне достаточно, чтобы вновь запустить электростанцию, обслуживающую Бикон-Хилл. Знать главным образом нужно одно: какие повернуть рубильники, чтобы вывести электростанцию в рабочий режим после автоматического отключения? Как только станция входит в рабочий режим, дальше все делает автоматика. Ремонтник может научить других членов группы А, какие рубильники надо поворачивать и за какими приборами следить. Турбины работают на нефти, которой вокруг полным-полно, потому что практически все, кто раньше ее использовал, отправились к праотцам. Так что в Бостоне электричество льется рекой. Есть тепло, чтобы уберечься от холода. Есть свет, чтобы почитать с наступлением темноты, есть холодильник, чтобы пить виски со льдом, как и положено цивилизованному человеку. Если на то пошло, жизнь там чертовски близка к идеальной. Никакого загрязнения окружающей среды. Никаких наркотиков. Никаких расовых проблем. Всего вдоволь. Никаких денег и никакого бартера, потому что товары, пусть и не услуги, под рукой, а с учетом радикально уменьшившейся численности населения их хватит на три столетия. Если использовать социологические термины, эта группа, в силу сложившихся условий, вероятно, станет коммуной. Никакой диктатуры. Почвы для создания диктатуры — нищеты, неуверенности в завтрашнем дне, нехватки самого необходимого — просто нет. Вполне возможно, что Бостоном будет вновь управлять городское собрание.

А теперь возьмем сообщество Б в Утике. У них нет человека, способного запустить электростанцию. Все технари мертвы. Им потребуется много времени, чтобы понять, как что работает. А пока ночью им холодно (и зима близится), они едят из консервных банок и чувствуют себя абсолютно несчастными. Сильный

* «Кон эд» — одна из крупнейших энергетических компаний США.

человек берет власть. Они рады, что он у них есть, потому что растерянны, и больны, и замерзают. Пусть он *принимает решения*. И разумеется, он принимает. Посылает кого-то в Бостон с вопросом: не пришлют ли они своего драгоценного ремонтника в Утику, чтобы тот запустил их электростанцию? Альтернатива — долгий и опасный поход на юг, чтобы провести зиму там. И что делает сообщество А, получив такое послание?

— Направляет своего ремонтника? — спросил Стью.

— Во имя яиц Иисуса, нет! Ему не дадут пойти, даже если он захочет, и скорее всего так оно и будет. В постгриппозном мире техническое ноу-хау заменит золото в качестве идеального средства обмена. И если оперировать этими категориями, сообщество А — богатое, а сообщество Б — бедное. Что же делает сообщество Б?

— Полагаю, отправляется на юг, — ответил Стью, потом улыбнулся. — Может, даже в восточный Техас.

— Как вариант. Или грозит бостонцам атомной боеголовкой.

— Правильно, — кивнул Стью. — Они не могут запустить свою электростанцию, но уж пульнуть ракетой по «Бобовому городу» для них — суший пустяк.

— На их месте я бы с ракетой заморачиваться не стал. Постарался бы понять, как отсоединить боеголовку, а потом отвез бы в Бостон в универсале. Как думаете, получилось бы?

— Будь я проклят, если знаю.

— Даже если не получится, кругом полным-полно обычного оружия. В этом все дело. Оно просто лежит, дожидаясь, когда его подберут. А если технари есть и в сообществе А, и в сообществе Б, у них может возникнуть ядерный конфликт из-за религиозных, территориальных или даже ничтожных идеологических разногласий. Подумайте только, вместо шести или семи мировых ядерных держав мы можем получить шестьдесят или семьдесят прямо здесь, на территории Соединенных Штатов. Будь ситуация иной, драться бы стали, я в этом уверен, камнями и утыканными гвоздями палками. Но факт остается фактом: солдаты ушли, оставив все свои игрушки. Об этом даже думать страшно, особенно после того, что уже произошло... но, боюсь, такое очень даже возможно.

Оба долго молчали. Из леса доносился лай Коджака. День клонился к вечеру.

— Знаете, — нарушил паузу Бейтман, — по природе я человек веселый. Может, потому, что довольствуюсь малым. Из-за этого меня сильно недолюбливали коллеги. У меня есть недостатки. Я слишком много говорю, в чем вы уже убедились, и я отвратительный художник, как вы наверняка уже заметили, а в прошлом я не умел распорядиться деньгами. Последние три дня перед получкой мне нередко приходилось жить на одних только сандвичах с арахисовым маслом, и в Вудсвилле меня знали как человека, который открывал в банке депозитные счета, чтобы закрыть их неделей позже. Но я никогда не падал из-за этого духом, Стью. Эксцентричный, зато оптимист — это про меня. Единственным проклятием моей жизни были сны. С детства меня преследовали удивительно яркие сны. И зачастую жуткие. В юные годы мне снились тролли под мостами, которые вылезали оттуда и хватали меня за ногу, или злая колдунья, превращающая меня в птицу... Я открывал рот, чтобы закричать, но с губ срывалось только карканье. Вам когда-нибудь снились дурные сны, Стью?

— Бывало, — ответил тот, подумав об Элдере, о том, как Элдер преследовал его в этих кошмарных снах, о коридорах, которые нигде не заканчивались, а переходили друг в друга, залитые холодным флуоресцентным светом и наполненные эхом.

— Тогда вы знаете. Подростком мне, само собой, снились эротические сны, как с поллюциями, так и без, но иногда они перемежались снами, в которых моя девушка превращалась в жабу, змею, а то и в разлагающийся труп. По мере взросления пошли сны о неудаче, вырождении, самоубийстве, жуткой смерти от несчастного случая. В самом последнем меня медленно раздавливал подъемник ремонтной мастерской на автозаправочной станции. Полагаю, все это вариации сна с троллем. Я действительно верю, что такие сны — всего лишь психологическое рвотное, скорее благословение, чем проклятие.

— Если вы от чего-то избавляетесь, оно не накапливается.

— Именно. Есть множество толкований снов, самое известное — по Фрейду, но я всегда думал, что сны выполняют простую гигиеническую функцию, не более того: снами наша психика справляет большую нужду, всякий раз наваливая объемистую кучу. И у людей, которые не видят сны (или видят, но, проснувшись, не могут вспомнить), в каком-то смысле — ментальный запор. В

конце концов, от кошмара есть только одна практическая польза: проснуться и осознать, что это — всего лишь сон.

Стью улыбнулся.

— Но недавно мне приснился совсем уж отвратительный сон. Он повторяется, как и тот, с подъемником, однако по сравнению с ним подъемник кажется детской сказкой. Он не похож на другие сны, которые я видел, но при этом в нем есть что-то от них всех. Словно... словно он вобрал в себя все мои кошмары. И просыпаюсь я от него с предчувствием беды, будто это был вовсе не сон, а откровение. Я знаю, как глупо это звучит.

— И что вам приснилось? — спросил Стью.

— Человек, — едва слышно ответил Бейтман. — По крайней мере я думаю, что это человек. Он стоит на крыше высотного здания, а может, это вершина утеса. Что бы это ни было, оно такое высокое, что подножие — в тысячах футов внизу — укрыто туманом. Близится закат, но он смотрит в другую сторону, на восток. Иногда он в джинсах и джинсовой куртке, но гораздо чаще — в сутане с капюшоном. Я никогда не могу разглядеть его лицо, но глаза вижу. У него красные глаза. И у меня такое ощущение, что он ищет меня... и рано или поздно найдет, или мне придется прийти к нему... и для меня это будет смерть. Тогда я пытаюсь закричать и... — Бейтман замолчал и в замешательстве пожал плечами.

— И просыпаетесь?

— Да.

Они посмотрели на возвращающегося Коджака. Бейтман присел и трепал пса по голове, пока тот очищал алюминиевую миску от остатков кекса.

— Что ж, полагаю, это всего лишь сон, — продолжил Бейтман. Поднялся, поморщился, когда хрустнули колени. — Приди я к психоаналитику, тот наверняка сказал бы, что сон выражает мой подсознательный страх перед лидером или лидерами, которые начнут все заново. Или страх перед техникой в целом. Потому что я действительно верю, что все новые общества, по крайней мере те, что возникнут в западном мире, будут базироваться на технике. Жаль, конечно, лучше бы по-другому, но так будет, потому что мы все на крючке. Никто не вспомнит — или предпочтет не вспоминать, — в какой угол мы себя загнали. Отравленные реки, дыра в озоновом слое, атомная бомба, загрязнение атмосферы... Вспом-

нят другое: как когда-то по ночам нежились в тепле, не прилагая к этому особых усилий. Видите ли, в довершение ко всему я еще и луддит. Но этот сон... он преследует меня, Стью.

Тот промолчал.

— Ладно, пора домой! — отрывисто бросил Бейтман. — Я уже наполовину пьян и чувствую, что скоро начнется гроза. — Он ушел на дальний конец поляны, повозился в кустах и вскоре вернулся с тачкой. До предела закрутил сиденье вращающегося табурета, положил его в тачку, добавил палитру, сумку-холодильник, накрыл все мольбертом, а сверху разместил посредственную картину.

— Вы прикатили все это сюда? — спросил Стью.

— Я качу тачку, пока не увижу того, что мне хочется нарисовать. В разные дни хожу в разные стороны. Хорошая физическая нагрузка. Раз уж вы идете на восток, почему бы вам не заглянуть в Вудсвилл и не провести ночь в моем доме? Тачку мы можем катить по очереди, а в реке охлаждается еще одна упаковка пива. Так что дорога дальней не покажется.

— Я согласен, — кивнул Стью.

— Хороший человек. По пути я, наверное, буду болтать без умолку. Вы попали в лапы говорливого профессора, Восточный Техас. Когда надоест слушать, просто предложите мне заткнуться. Я не обижусь.

— Мне нравится слушать, — ответил Стью.

— Тогда вы из Божьих избранников. Пошли!

Они зашагали по шоссе 302, один катил тачку, второй пил пиво. Независимо от того, кто что делал, Бейтман говорил, в бесконечном монологе перескакивая с темы на тему, практически без пауз. Коджак трусил рядом. Стью какое-то время слушал, потом уходил в собственные мысли, следовал за ними, затем вновь возвращался назад. Его тревожила нарисованная Бейтманом картина: сотни маленьких человеческих поселений, в том числе воинственных, в стране, где тысячи орудий убийства валялись без присмотра, словно детские кубики. Но странным образом у него из головы не шел сон Глена Бейтмана: мужчина без лица на крыше высотного здания — или на вершине утеса, — мужчина с красными глазами, стоящий спиной к заходящему солнцу, устремивший взгляд на восток.

* * *

Он проснулся незадолго до полуночи, весь в поту, боясь, что кричал во сне. Но из соседней комнаты доносилось медленное и ровное дыхание Глена Бейтмана, ничем не потревоженное, и Стью видел Коджака, который спал в коридоре, положив голову на лапы. В лунном свете все выглядело таким ярким, что казалось нереальным.

Проснувшись, он приподнялся на локтях, а теперь вновь улегся на влажную простыню, закрыв глаза рукой, не желая вспоминать сон, но не в состоянии от него скрыться.

Он вновь в Стовингтоне. Элдер мертв. Все мертвы. Стовингтон — могила, по которой гуляет эхо. Жив только он, но выхода никак не найти. Поначалу он пытался держать панику в узде. «Иди, не беги», — повторял он себе снова и снова, но понимал, что скоро побежит. Шаг его все ускорялся, желание оглянуться и убедиться, что звуки за спиной — всего лишь эхо, становилось неодолимым.

Он прошел мимо закрытых дверей в кабинеты с черными фамилиями на матовых стеклянных панелях. Мимо перевернутой каталки. Мимо медсестры с задранной на бедра белой юбкой; почерневшее, перекошенное лицо женщины смотрело на холодные, напоминающие перевернутые формочки для льда потолочные плафоны, за которыми светили флуоресцентные лампы.

Наконец он побежал.

Быстрее, быстрее, двери проплывали мимо и исчезали за спиной, ноги стучали по линолеуму. Оранжевые стрелы выступали из белизны оштукатуренных шлакоблоков. Указатели. Поначалу вроде бы правильные: «РАДИОЛОГИЯ», «КОРИДОР Б к ЛАБОРАТОРИЯМ», «ПРОХОД ТОЛЬКО по ПРОПУСКАМ». А потом он оказался в другой части комплекса, в той части, которую никогда раньше не видел, да и не собирался с ней знакомиться. Здесь краска на стенах облезла, некоторые флуоресцентные лампы перегорели, другие жужжали, как мухи, застрявшие в сетке. Часть матовых стеклянных панелей разбилась, и через зазубренные дыры он видел, что в кабинетах царит разгром, а лица мертвецов перекосило от дикой боли. И везде кровь. Эти люди умерли не от гриппа. Их убили. Он видел ножевые и пулевые ранения, пробитые дубинами черепа. Выпученные глаза убитых смотрели в пустоту.

Он спустился по неработающему эскалатору и попал в длинный тоннель, выложенный кафелем. В другом конце его ждали новые двери в кабинеты, но только выкрашенные в чернильно-черный цвет. Ярко-красные стрелки-указатели гласили: «ХРАНИЛИЩЕ КОБАЛЬТА», «ЛАЗЕРНЫЙ АРСЕНАЛ», «РАКЕТЫ "САЙДУАЙНДЕР"», «ЧУМНАЯ КОМНАТА». А потом, всхлипнув от облегчения, он углядел еще одну стрелку, указывающую в уходящий направо коридор, с единственным благословенным словом над ней: «ВЫХОД».

Стью повернул за угол и увидел распахнутую дверь. За ней ждала сладкая, благоуханная ночь. Он рванул к двери — и тут в дверном проеме, загораживая путь, возник мужчина в джинсах и джинсовой куртке. Стью остановился, крик хрипом застрял у него в горле, а когда мужчина ступил под свет мигающих флуоресцентных ламп, Стью увидел холодную черную тень на том месте, где полагалось быть лицу, и черноту эту нарушали лишь два бездушных красных глаза. Без души — зато с чувством юмора. Исполненные пляшущего, безумного ликования.

Темный человек протянул руки, и Стью увидел, что с них капает кровь.

— Небо и земля, — донесся до Стью шепот из темной дыры на месте лица. — Все небо и земля...

Стью проснулся.

Теперь в коридоре застонал и зарычал Коджак. Его лапы задергались, и Стью предположил, что даже собаки видят сны. Это же так естественно — видеть сны, даже если иной раз среди них встречается кошмар.

Но прошло немало времени, прежде чем он смог снова заснуть.

Глава 38

После завершения эпидемии «супергриппа» накатила вторая эпидемия, которая длилась примерно две недели. Более заметный след она оставила в промышленно развитых странах, таких как Соединенные Штаты Америки, менее заметный — в слаборазвитых, вроде Перу и Сенегала. В США эта эпидемия унесла пример-

но шестнадцать процентов выживших после «супергриппа». В Перу и Сенегале — не больше трех. Вторая эпидемия осталась без названия, потому что симптомы очень разнились от случая к случаю. Социолог вроде Глена Бейтмана мог бы назвать вторую эпидемию «естественной смертью» или «блюзом неотложки». С позиции дарвинизма эта эпидемия стала последней зачисткой — самой жестокой из всех, как сказали бы некоторые.

Мать Сэма Таубера, малыша пяти с половиной лет от роду, умерла двадцать четвертого июня в больнице города Мерфрисборо, штат Джорджия. Двадцать пятого умерли отец и младшая сестра, двухлетняя Эйприл. Двадцать седьмого умер старший брат Майк, оставив Сэма самого приглядывать за собой.

Сэм пребывал в шоке со дня смерти матери. Бесцельно бродил по улицам Мерфрисборо, ел, когда хотелось, иногда плакал. Через какое-то время плакать перестал, потому что толку от слез не было. Людей к жизни они не возвращали. Ночью его сон прерывался жуткими кошмарами, в которых папа, и Эйприл, и Майк умирали снова и снова, их лица раздувались и чернели, и ужасные хрипы вырывались из груди, когда их душила собственная мокрота.

Второго июля, без четверти десять, он забрел в ежевичные заросли за домом Хэтти Рейнольдс. Ошарашенный, с пустыми глазами, кружил среди кустов в два раза выше его, брал ягоды и отправлял в рот, пока губы и подбородок не почернели от сока. Шипы рвали одежду, а иногда и царапали кожу, но мальчик едва это замечал. Вокруг сонно жужжали пчелы. Он так и не увидел старую и прогнившую крышку колодца, наполовину скрытую высокой травой и побегами ежевики. Со скрежещущим треском крышка развалилась под весом Сэма, и он пролетел двадцать футов выложенной камнями шахты до сухого дна. При ударе он сломал обе ноги. Мальчик умер через двадцать часов — от шока, голода и обезвоживания, а также от страха и тоски.

Ирма Фейет жила в Лоди, штат Калифорния. Девственница двадцати шести лет, панически боявшаяся изнасилования. С двадцать третьего июня, когда в городе начались грабежи, а уже умершие полицейские не могли остановить мародеров, ее жизнь превратилась в сплошной кошмар. Маленький домик Ирмы на-

ходился на боковой улице; здесь жила ее мать, скончавшаяся от инсульта в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году. Грабежи сопровождались выстрелами и жутким ревом мотоциклов, на которых пьяные мужики разъезжали по деловой части города. Ирма заперла все двери и спряталась в пустующей комнате на первом этаже. С тех пор она периодически поднималась наверх, чтобы поесть или справить нужду.

Ирма не любила людей. Если бы на земле умерли все, кроме нее, она бы прыгала от радости. Но не сложилось. Только вчера, после того как в ней проснулась робкая надежда, что в Лоди осталась она одна, Ирма увидела толстого пьяного мужчину, хиппи в футболке с надписью на груди: «Я ОТКАЗАЛСЯ ОТ СЕКСА И ВЫПИВКИ, И ЭТО БЫЛИ САМЫЕ СТРАШНЫЕ 20 МИНУТ В МОЕЙ ЖИЗНИ». Он шел по улице с бутылкой виски в руке. Длинные светлые волосы торчали из-под дешевой бейсболки и падали на плечи. Над поясом его обтягивающих синих джинсов виднелась рукоятка пистолета. Ирма неотрывно следила за ним через щелочку между портьерами в спальне, пока он не скрылся из виду, а потом, словно освободившись от злого наваждения, спустилась вниз, чтобы забаррикадироваться в пустой комнате.

Получалось, что они не все умерли. Если оставался один мужчина-хиппи, могли остаться и другие мужчины-хиппи. И все они были насильниками. Все хотели изнасиловать ее. Рано или поздно они найдут ее и изнасилуют.

В то утро, еще до рассвета, она прокралась на чердак, где в картонных коробках хранились немногие вещи отца. Он плавал на торговых судах. Бросил мать Ирмы в конце шестидесятых. Ирме мать рассказала об этом все. Предельно откровенно. Ее отец был зверем, который напивался, а потом хотел насиловать ее. Они все хотели одного. Если мужчина женился на тебе, у него появлялось право насиловать тебя в любое удобное ему время. Даже днем. Уход мужа мать Ирмы определяла двумя словами, теми же самыми, какими Ирма могла охарактеризовать гибель чуть ли не всех мужчин, женщин и детей на этом свете: «Невелика потеря».

По большей части в коробках лежали дешевые побрякушки: сувенир из Гонконга, сувенир из Сайгона, сувенир из Копенгагена. Плюс альбом с фотографиями. Они запечатлевали отца на разных кораблях, иногда улыбающегося в камеру, обнимающего за плечи своих дружков-зверей. Что ж, вероятно, болезнь, которую

здесь называли «Капитан Торч», поразила его там, куда он пытался от нее убежать. Невелика потеря.

Но в одной коробке лежал деревянный ящичек с маленькими золотыми петлями, и в этом ящичке — пистолет. Сорок пятого калибра. На красном бархате, а в секретном отделении под бархатом хранились патроны. Они позеленели и словно покрылись мхом, но Ирма подумала, что патроны все равно сгодятся. Они же металлические. Металл не портится, как молоко или сыр.

Она зарядила пистолет в свете единственной, облепленной паутиной чердачной лампочки и спустилась вниз, чтобы позавтракать за кухонным столом. Она больше не собиралась прятаться, как мышь в норе. Теперь она вооружена. Пусть остерегаются насильники.

После полудня Ирма вышла на переднее крыльцо, чтобы почитать книгу. Называлась она «Сатана жив и прекрасно себя чувствует на планете Земля»*. Книгу мрачную и веселую. Грешники и неблагодарные люди получили по заслугам, как и обещала книга. Они все ушли. За исключением нескольких хиппи-насильников, и Ирма полагала, что с *ними* она сможет разобраться сама. Пистолет лежал под рукой.

В два часа пополудни вновь появился тот самый блондин. Такой пьяный, что едва держался на ногах. Увидел Ирму и просиял, несомненно, подумал, как ему повезло, что он наконец-то нашел «киску».

— Эй, крошка! — закричал он. — Здесь только ты и я! Уже давно...

Тут его лицо перекосило от ужаса: он увидел, что Ирма отложила книгу и подняла пистолет.

— Эй, послушай, опусти эту штуковину... он заряжен? Эй!..

Ирма нажала на спусковой крючок. Пистолет взорвался, убив ее на месте. Невелика потеря.

Джордж Макдугалл жил в Ньяке, штат Нью-Йорк. Преподавал математику в средней школе, главным образом отстающим. Он и его жена Гарриет регулярно ходили в католическую церковь. Гарриет родила ему одиннадцать детей: девятерых мальчиков и

* «Сатана жив и прекрасно себя чувствует на планете Земля» — книга американских писателей Хола Линдси и Кэрол К. Карлсон.

двух девочек. Между двадцать вторым июня, когда его девятилетний сын Джефф умер от — как указали в свидетельстве о смерти — «пневмонии, вызванной гриппом», и двадцать девятым июня, когда его шестнадцатилетняя дочь Патрисия (о Господи, такая юная и ослепительно красивая) умерла от болезни, которую все (кто еще оставался в живых) прозвали «черной шеей», он стал свидетелем смерти двенадцати самых дорогих ему людей, которых любил больше всех на свете, тогда как сам оставался здоровым и прекрасно себя чувствовал. В школе он шутил насчет того, что не может запомнить имена всех своих детей, но порядок их ухода навсегда запечатлелся в его памяти: Джефф — двадцать второго, Марти и Элен — двадцать третьего, его жена Гарриет, и Билл, и Джордж-младший, и Роберт, и Стэн — двадцать четвертого, Ричард — двадцать пятого, Дэнни — двадцать седьмого, трехлетний Фрэнк — двадцать восьмого и, наконец, Пэт — Пэт, которая вроде бы пошла на поправку, но...

Джордж думал, что сойдет с ума.

Он начал бегать трусцой десятью годами ранее, по совету врача. Не играл ни в теннис, ни в гандбол, платил мальчишке (разумеется, кому-то из своих), чтобы выкосить лужайку, и обычно ездил в магазин на углу, если Гарриет просила купить батон хлеба. «Ты набираешь вес, — сказал ему доктор Уэрнер. — Таскаешь на себе лишние килограммы. Это нехорошо для сердца. Попробуй бег трусцой».

Поэтому он купил себе спортивный костюм и начал бегать по вечерам. Сначала на короткие расстояния, потом все дальше и дальше. Первое время стеснялся, уверенный, что соседи за его спиной стучат себя по виску и закатывают глаза, но затем двое мужчин, которых он знал только мельком, махал им рукой, если они поливали лужайку, подошли и спросили, не могут ли они присоединиться к нему. Вероятно, поодиночке они бегать стеснялись. К тому времени с Джорджем уже бегали два его старших сына. Получился этакий соседский клуб по интересам, и хотя кто-то присоединялся, а кто-то выпадал, клуб продолжал функционировать.

Теперь, когда выпали все, Джордж продолжал бегать трусцой. Каждый день. Только на бегу он мог сосредоточиться исключительно на шлепанье теннисных туфель по тротуару, размахивании руками и потоотделении, а ощущение нарастающего безумия ухо-

дило. Будучи глубоко верующим католиком, он не мог покончить с собой: самоубийство — смертный грех, и Бог бережет его для чего-то. Поэтому он и бегал трусцой. Вчера — почти шесть часов, пока совершенно не выдохся, и его чуть не вырвало от усталости. Ему исполнился пятьдесят один год, уже не мальчик, и он полагал, что столь продолжительный забег вряд ли пойдет ему на пользу, но, с другой стороны, только бег трусцой хоть как-то помогал отвлечься от случившегося.

Поэтому после практически бессонной ночи он поднялся с первыми лучами солнца (в голове крутилось одно и то же: «Джефф-Марти-Элен-Гарриет-Билл-Джордж-младший-Роберт-Стэнли-Ричард-Дэнни-Фрэнк-Патти-а-я-думал-ей-становится-лучше») и надел спортивный костюм. Вышел из дома и побежал по пустынным улицам Ньяка. Иногда под ногами скрипели осколки стекла, один раз пришлось перепрыгнуть через разбитый телевизор, валяющийся на мостовой. Он бежал мимо домов с зашторенными окнами, мимо жуткой автомобильной аварии на Главной улице, где столкнулись три машины.

Сначала бежал трусцой, но потом ему пришлось все ускорять-ся и ускоряться, чтоб избавиться от мыслей. Он бежал трусцой, затем рысцой, наконец понесся, как спринтер, пятидесятиодно-летний мужчина с седыми волосами, в сером спортивном костюме и белых теннисных туфлях. Мчался по пустынным улицам, словно за ним гнались все демоны ада. В четверть двенадцатого все закончилось обширным инфарктом, и он упал мертвым на углу Дубовой и Сосновой улиц. На его лице читалась искренняя благодарность.

Миссис Эйлин Драммонд из Клюистона, штат Флорида, второго июля сильно напилась, прикладываясь и прикладываясь к ликеру «Де Кайпер мятный кремовый». Она хотела напиться. Потому что, напившись, могла не думать о своей семье, а из всего спиртного организм принимал только мятный крем. Днем раньше она нашла в комнате своего шестнадцатилетнего сына мешочек с марихуаной и выкурила ее, но от марихуаны стало только хуже. Она просидела в гостиной всю вторую половину дня, обкуренная, плача над фотографиями из семейного альбома.

В этот день она выпила бутылку мятного ликера, но потом ее замутило, она побежала в ванную, проблевалась, после чего лег-

ла в постель, закурила, заснула, сожгла дом, и необходимость думать отпала навсегда. Как раз поднялся ветер, и вместе с ее домом сгорела большая часть Клюистона. Невелика потеря.

Артур Стимсон жил в Рино, штат Невада. Во второй половине дня двадцать девятого июня, поплавав в озере Тахо, он наступил на ржавый гвоздь. Началась гангрена. Он поставил диагноз по запаху и попытался ампутировать ступню. По ходу операции потерял сознание и умер от болевого шока и потери крови в вестибюле казино «Тоби Харрас», где и оперировал.

В Свонвилле, штат Мэн, десятилетняя девочка Кэндис Моран упала с велосипеда и, разбив голову, умерла.

Милтона Крэслоу, фермера из округа Хардинг, штат Нью-Мексико, укусила гремучая змея, и через полчаса он умер.

В Миллтауне, штат Кентукки, Джуди Хортон, семнадцатилетняя и красивая, была очень даже рада последним событиям. Двумя годами ранее Джуди допустила две серьезные ошибки: позволила себе забеременеть и позволила родителям уговорить себя выйти замуж за парня, который ее накачал, студента-очкарика из местного университета, собиравшегося стать инженером. В пятнадцать лет это так приятно, когда тебя приглашает на свидание студент (пусть даже и первокурсник), но она никак не могла вспомнить, почему позволила Уолдо — Уолдо Хортон, что за сраные имя с фамилией? — добиться своего. Если уж она и собиралась залететь, почему именно от него? Джуди также позволяла «добиться своего» Стиву Филлипсу и Марку Коллинзу, игрокам футбольной команды Миллтаунской старшей школы («Миллтаунским кугуарам», если точнее, мы-им-двинем-двинем-двинем-за-родной-наш-бело-синий). Она входила в группу поддержки и, если бы не этот сраный Уолдо Хортон, могла бы ее возглавить, и легко. Опять же если по делу, то муж что из Стива, что из Марка получился бы куда лучше. Оба широкоплечие здоровяки, а у Марка еще длинные светлые волосы. Но ее накачал Уолдо, и никто другой, кроме Уолдо. Для этого ей понадобилось лишь заглянуть в дневник и сделать самые простые арифметические расчеты. А

после того как родился ребенок, не понадобились и расчеты. Вылитый отец. Сраный.

Два года она не разгибала спины, работала в ресторанах быстрого обслуживания и в мотелях, тогда как Уолдо учился. Если он так хотел обзавестись семьей, почему не мог пойти работать? Но ее и его родители этого не допустили. В одиночку Джуди смогла бы его уговорить (заставила бы пообещать, прежде чем позволила бы прикоснуться к себе в постели), однако вся четверка бабушек и дедушек постоянно лезла не в свои дела. «Ох, Джуди, все будет гораздо лучше, когда Уолдо получит хорошую работу... Ох, Джуди, все выглядело бы для тебя не так мрачно, если бы ты почаще ходила в церковь... Ох, Джуди, ешь дерьмо, глотай и улыбайся... Пусть оно станет твоим дерьмом...»

Потом появился «супергрипп» и решил все проблемы. Ее родители умерли, ее маленький мальчик Пити умер (грустно, конечно, но через пару дней она это пережила), потом умерли родители Уолдо, и, наконец, умер Уолдо, а она обрела свободу. Мысль о том, что она тоже может умереть, ни разу не пришла ей в голову, и, само собой, она не умерла.

Они жили в большом и шумном многоквартирном доме в центре Миллтауна. Квартира эта приглянулась Уолдо тем (у Джуди никто и не спрашивал), что в подвале дома находилась большая морозильная камера. Они въехали сюда в сентябре тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года, в квартиру на третьем этаже, и догадайтесь, кому всегда приходилось спускаться в подвал за стейком или гамбургером? У вас три попытки, и две первые не в счет. Уолдо и Пити умерли дома. К тому времени из больницы приезжали только за большими шишками, да и в моргах не осталось свободного местечка (впрочем, моргов Джуди боялась, никогда бы не пошла туда по своей воле), но электричество подавалось без перебоев. Поэтому она отнесла их вниз и положила в морозильную камеру.

Электричество в Миллтауне отключилось три дня тому назад, но в морозильной камере царила прохлада. Джуди это знала. Потому что спускалась вниз, чтобы посмотреть на их мертвые тела, три или четыре раза в день. Говорила себе, что просто проверяет. А зачем еще? Конечно, не для того, чтобы радоваться.

Она спустилась вниз и второго июля и забыла подложить резиновый клин под дверь морозильной камеры. Дверь закрылась

и захлопнулась на защелку за спиной Джуди. Только тут она и заметила, после двух лет пользования морозильной камерой, что изнутри ее открыть нельзя. К тому времени температура в камере поднялась достаточно высоко, и замерзнуть Джуди не грозило. Но от голода тепло не спасало. И Джуди Хортон все-таки умерла в компании мужа и сына.

Джим Ли из Хэттисбурга, штат Миссисипи, подсоединил электропроводку своего дома к бензиновому генератору — и получил смертельный удар электрическим током, когда попытался его запустить.

Ричард Хоггинс, молодой чернокожий парень, всю жизнь прожил в Детройте, штат Мичиган. Последние пять лет он сидел на замечательном белом порошке под названием «хехроун». Во время эпидемии «супергриппа» пережил жуткую ломку, потому что все сбытчики и наркоманы, которых он знал, умерли или покинули город.

Тем ярким солнечным днем он сидел на замусоренном крыльце, пил теплый севен-ап и мечтал о дозе, совсем маленькой, крошечной дозе.

Он начал думать об Элли Макфарлане, точнее, о том, что он слышал об Элли Макфарлане перед тем, как грянул гром. Люди говорили, что Элли, третий по оборотам сбытчик в Детройте, только что получил партию товара. И теперь дефицита не будет. Причем получил не какое-то дерьмо, а «китайский белый».

Ричи не мог знать наверняка, где Макфарлан хранит большую партию товара — такие знания были вредны для здоровья, — но слышал от знающих людей, что Элли светил долгий срок за решеткой, если бы копы сподобились обыскать дом в Гросс-Пойнте, который Элли купил для своего двоюродного дедушки.

Ричи решил прогуляться в Гросс-Пойнт. В конце концов, чем еще он мог себя занять?

Из детройтского телефонного справочника он узнал, что некий Эрин Д. Макфарлан проживает в доме на Лейк-шор-драйв, и отправился в путь. Прибыл, когда уже начало темнеть. Ноги болели. Ричи уже не говорил себе, что это всего лишь прогулка, в

которую он отправился от нечего делать. Ему хотелось ширнуться, очень хотелось.

Участок окружала стена из серого плитняка. Ричи перемахнул ее черной тенью, порезав руки об осколки бутылочного стекла, зацементированные поверху. Когда разбил окно, чтобы проникнуть в дом, завыла система охранной сигнализации, заставив его броситься прочь. Он пробежал половину лужайки, прежде чем вспомнил, что копы на вызов не приедут. Вернулся, трясясь и в поту.

Централизованная подача электричества отключилась, а в этом гребаном доме было никак не меньше двадцати комнат. Осмотреть он его мог только завтра, при свете, на обыск ушло бы никак не меньше трех недель, и, возможно, товара тут и не было. Господи!.. Ричи почувствовал, как на него накатывает отчаяние. Но уж в самые очевидные тайники он заглянуть мог.

И в ванной наверху он нашел десяток пластиковых пакетов, туго набитых белым порошком. Они лежали в туалетном бачке, словно ждали, когда же их заберут. Ричи смотрел на них, изнывая от желания, смутно думая о том, что Элли, похоже, подмазал всех, кого нужно, раз мог позволить себе держать такой товар в гребаном туалетном бачке. Одному человеку такого количества «хекроуна» могло хватить на шестнадцать веков.

Он отнес один пакет в спальню и вскрыл на кровати. У него дрожали руки, когда он доставал нехитрое оборудование и готовил дозу. Ему и в голову не пришло подумать о чистоте продукта. На улице Ричи лишь один раз достался порошок, в котором содержалось двенадцать процентов чистого героина, и та доза вогнала его в глубокий, сравнимый с комой сон. Он не мог даже кивнуть. Раз — и он отключился, из синевы в черноту*.

Он ввел иглу в вену повыше локтя и вдавил поршень до упора. Чистота белого порошка составляла почти девяносто шесть процентов. Ричи вдарило как обухом по голове. Он упал на вскрытый пакет героина, измазав им рубашку, и через шесть минут умер.

Невелика потеря.

---

* «Из синевы в черноту» — строка известной песни Нила Янга (р. 1945), канадского певца, музыканта, кинорежиссера.

Глава 39

Ллойд Хенрид стоял на коленях. Что-то напевал себе под нос и улыбался. Время от времени забывал, что напевает, переставал улыбаться, и с его губ срывалось рыдание, но потом забывал, что плачет, и начинал напевать. Песня, которую он напевал, точнее, бубнил, называлась «Кэмптаунские скачки». Время от времени, вместо того чтобы бубнить или плакать, Ллойд шептал: «Ду-у-у-да, ду-у-у-да». Во всем крыле строгого режима стояла полная тишина, если не считать бубнения, рыданий, редкого «ду-у-у-да, ду-у-у-да» и скрипа ножки от кровати, когда Ллойд пускал ее в ход. Он пытался развернуть тело Трэска так, чтобы добраться до его ноги. «Пожалуйста, официант, принесите мне добавку этого салата из шинкованной капусты и другую ногу...»

Выглядел Ллойд как человек, которого посадили на крайне жесткую диету. Тюремный комбинезон болтался на нем, будто обвисший парус. Последний раз ему приносили ленч восемь дней тому назад. Кожа Ллойда туго обтянула лицо, подчеркивая каждый выступ, каждую впадину черепа. Глаза ярко блестели. Губы обвисли, открывая зубы. На голове появились проплешины, потому что волосы выпадали клочьями. Он казался безумцем.

— Ду-у-у-да, ду-у-у-да, — прошептал Ллойд, продолжая орудовать ножкой от кровати. Когда-то давно он понятия не имел, зачем сбивает в кровь пальцы, отворачивая болты на этой хреновине. Когда-то давно он думал, будто знает, что такое настоящий голод. Тот голод не тянул и на легкий аппетит по сравнению с этим. — Пусть скачут всю ночь... пусть скачут весь день... ду-у-у-да...

Ножка от койки зацепила штанину Трэска. А потом сорвалась. Ллойд опустил голову и заплакал как ребенок. За его спиной, небрежно брошенный в угол, лежал скелет крысы, которую он убил в камере Трэска двадцать девятого июня. Длинный розовый хвост по-прежнему оканчивал позвоночник. Ллойд несколько раз пытался съесть хвост, но слишком уж тот был жестким. И в туалете почти не осталось воды, несмотря на все его попытки экономить. Камера провоняла мочой: ему приходилось отливать в коридор, чтобы не загрязнять воду. Необходимости справлять большую нужду — по вполне понятным причинам, учитывая скудость его диеты, — у Ллойда не было.

Запасенную еду он съел слишком быстро. Теперь он это понимал. Он думал, что кто-то придет. Просто не мог поверить...

Он не хотел есть Трэска. Его ужасала сама мысль о том, чтобы есть Трэска. Только прошлым вечером ему удалось прихлопнуть шлепанцем таракана и съесть его еще живым. Ллойд чувствовал, как таракан мечется по рту, прежде чем сумел раскусить насекомое зубами надвое. Если на то пошло, таракан ему понравился, Он был вкуснее крысы. Нет, Ллойд не хотел есть Трэска. Не хотел превращаться в людоеда. Он же не крыса. Подтащить Трэска поближе ему хотелось... но на всякий случай. Всего лишь на всякий случай. Он слышал, что человек может долго прожить без пищи, если у него есть вода.

(*воды мало но сейчас я не буду об этом думать сейчас не буду сейчас не буду*)

Он не хотел умирать. Тем более от голода. Его переполняла ненависть.

В последние три дня ненависть набирала силу исподволь, росла вместе с голодом. Ллойд предполагал, что его давно умерший кролик, обладай он способностью мыслить, ненавидел бы его точно так же (теперь Ллойд много спал, и ему постоянно снился кролик с раздувшимся телом, грязной шерстью, с копошащимися в глазницах червями и, что хуже всего, с окровавленными лапами: просыпаясь, он завороженно смотрел на свои пальцы). Ненависть Ллойда концентрировалась вокруг простого визуального образа, и этим образом был КЛЮЧ.

Он сидел взаперти. Когда-то давно ему казалось, что это правильно. Он — плохиш. Конечно, не совсем уж плохиш — кто был совсем уж плохишом, так это Тычок. Без Тычка Ллойд мог сподобиться разве что на мелкую гадость. Однако какая-то часть вины лежала и на нем. Красавчик Джордж в Лас-Вегасе, трое людей в белом «континентале» — он в этом участвовал, а потому нес за это ответственность. Ллойд полагал, что заслужил наказание, скажем, какой-то срок. Нет, он на это не напрашивался, но раз уже тебя взяли, не оставалось ничего другого, кроме как мириться с наказанием. Ллойд говорил адвокату, что думает, он заслуживает двадцати лет тюрьмы за участие в «убийственном заезде по трем штатам». Но не электрического стула, Господи, нет. Мысль о том, что он, Ллойд Хенрид, оседлает молнию... нет, чистый бред.

Но у них находился КЛЮЧ, вот в чем заключалась проблема. Они могли запереть тебя и делать с тобой все, что заблагорассудится.

В последние три дня Ллойд начал смутно постигать символическое, волшебное могущество КЛЮЧА. Он служил наградой, если ты играл по правилам. Если нет — тебя могли запереть. То есть КЛЮЧ не отличался от карточки «Иди в тюрьму» в игре «Монополия». Не передавай ход, не забирай двести долларов. КЛЮЧ давал определенные привилегии. Владея им, они могли отнять у тебя десять лет жизни, двадцать, сорок. Они могли нанимать таких людей, как Матерс, чтобы избить тебя. Они могли даже лишить тебя жизни, усадив на электрический стул.

Но владение КЛЮЧОМ не давало им права уйти и оставить тебя под замком умирать от голода. Владение КЛЮЧОМ не давало им права вынуждать тебя есть дохлую крысу и пытаться грызть сухую набивку матраса. Владение КЛЮЧОМ не давало им права ставить тебя в такое положение, когда, возможно, не остается выхода, кроме как съесть человека из соседней камеры, чтобы остаться в живых (если ты сумеешь добраться до него, так-то — ду-у-у-да, ду-у-у-да).

Однако есть вещи, которые с людьми делать нельзя. Обладание КЛЮЧОМ позволяло дойти до определенной границы, но не перешагнуть через нее. Они обрекли его на ужасную смерть, хотя могли выпустить. Он не бешеный пес-убийца, кидающийся на всех подряд, что бы там ни писали в газетах. Мелкая гадость — это все, на что он мог сподобиться до встречи с Тычком.

Поэтому Ллойд ненавидел. А ненависть приказывала ему жить... по крайней мере пытаться. Какое-то время ему казалось, что ненависть и стремление выжить бесполезны, потому что все владельцы КЛЮЧА умерли от гриппа. Отомстить им он не мог. Потом, мало-помалу, по мере нарастания голода Ллойд начал осознавать, что грипп не мог убить *их*. Мог убить таких неудачников, как он, мог убить Матерса — но не того говнюка-охранника, который нанял Матерса, потому что у охранника был КЛЮЧ. Грипп не мог убить губернатора или начальника тюрьмы — слова охранника о том, что начальник тюрьмы болен, конечно же, гребаная ложь. Грипп не мог убить полицейских, приглядывающих за освобожденными условно-досрочно, шерифов или агентов ФБР. Грипп не мог тронуть тех, кто располагал КЛЮЧОМ. Не

посмел бы. А вот Ллойд их тронуть мог. Если бы выбрался отсюда живым.

Ножка кровати вновь подцепила штанину Трэска.

— Давай, — прошептал Ллойд. — Ну же. Сюда... кэмптаунские дамы поют эту песню... весь ду-у-у-да день.

Тело Трэска заскользило по полу камеры, медленно, неуклюже. Ни один рыбак не подтаскивал пойманную рыбу к берегу с большей осторожностью и радостью, чем Ллойд — Трэска. В какой-то момент штанина порвалась, и Ллойду пришлось цепляться за новое место. Но в конце концов ступня Трэска оказалась достаточно близко, чтобы Ллойд мог просунуть руку сквозь прутья решетки и схватиться за нее... если б захотел.

— Ничего личного, — прошептал он Трэску. Прикоснулся к ноге Трэска. Погладил ее. — Ничего личного, я не собираюсь тебя есть, если только мне не придется.

Он не отдавал себе отчета в том, что его рот наполняется слюной.

В пепельном отсвете сумерек Ллойд кого-то услышал, но поначалу звук был таким далеким и странным — клацанье металла о металл, — что он подумал, а не сон ли это. Сон и явь стали почти неразличимы: он переходил из одного состояния в другое, едва это замечая.

Однако за звуком последовал голос, и тут он сел на койке, широко раскрыв глаза, огромные и блестящие на изможденном лице. Голос приплывал из далеких коридоров административного блока, спускался по лестницам в крыло строгого режима, в котором находился Ллойд. Просачивался сквозь решетки дверей, чтобы добраться до ушей Ллойда.

— *Эй-й-й-й-й-й! Кто-нибудь дома?*

Как ни странно, первой мыслью Ллойда было: *Не отвечай. Может, он уйдет.*

— *Кто-нибудь дома? Считаю раз, считаю два... Ладно, пошел дальше. Хотел только стряхнуть пыль Финикса с моих сапог...*

Тут Ллойд вышел из ступора. Соскочил с койки. Схватил ножку и принялся отчаянно колотить по прутьям решетки. Каждый удар отдавался в сжатом кулаке.

— *Нет!* — прокричал он. — *Нет. Не уходи. Пожалуйста, не уходи!*

Голос приблизился, теперь он доносился с лестницы между административным блоком и крылом, в котором находился Ллойд:

— Мы тебя съедим, мы так тебя любим... и да, судя по голосу, кто-то тут очень... *проголодался*. — За этим последовал ленивый смешок.

Ллойд бросил ножку от койки на пол, обеими руками вцепился в прутья решетчатой двери камеры. Теперь он слышал шаги, раздающиеся на лестнице... приближающиеся к коридору, ведущему к его камере. Ллойд хотел разрыдаться от облегчения... в конце концов, его сейчас спасут... но в сердце ощущал не радость, а страх, нарастающий ужас, который заставлял его сожалеть, что он подал голос, вместо того чтобы промолчать. Промолчать? Господи! Да что может быть хуже голодной смерти?!

От голодной смерти мысли его перекинулись к Трэску. Трэск лежал на спине, окутанный пепельным отсветом сумерек, его нога всовывалась в камеру Ллойда, и голень претерпела значительные изменения. Точнее, мясистая часть голени. На ней виднелись следы зубов. Ллойд знал, чьи зубы оставили эти следы, но у него были только смутные воспоминания о том, как он закусывал мясом Трэска. Тем не менее его охватили отвращение, чувство вины и ужас. Он бросился к решетчатой стене и вытолкал ногу Трэска из своей камеры. Потом, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что обладатель голоса еще не подошел, просунул руки между прутьями и, вжимаясь в них лицом, спустил вниз штанину Трэска, пряча содеянное.

Разумеется, он мог и не торопиться, потому что решетчатые двери у входа в коридор запирались на электронный замок. Подача электричества давно отключилась, кнопка, нажатием на которую охранник открывал двери, не работала. Его спасителю придется вернуться назад и найти КЛЮЧ. Ему придется...

Ллойд ахнул, когда загудел электрический мотор, управляющий замком. В тишине звук этот казался особенно громким, а потом он стих после знакомого щелчка: двери открылись.

И шаги уже разносились по коридору крыла строгого режима.

Ллойд, успевший вернуться к двери камеры после того, как прикрыл штаниной Трэска следы своих зубов, теперь непроизвольно отступил на пару шагов. Уставился в пол за решеткой, пер-

вым делом увидел пару запыленных остроносых ковбойских сапог со сбитыми каблуками и сразу подумал, что Тычок носил точно такие же.

Сапоги остановились перед его камерой.

Взгляд Ллойда медленно поднялся к синим линялым джинсам, под которые уходили голенища сапог, кожаному поясу с латунной пряжкой (с различными астрологическими знаками внутри двух концентрических окружностей), джинсовой куртке со значками-пуговицами на нагрудных карманах (на правом — с желтым лицом-смайликом, на левом — со свиным рылом и надписью: «КАК ВАМ ТАКАЯ СВИНИНА?»).

В тот самый момент, когда взгляд Ллойда с неохотой добрался до темно-сияющего лица, Флэгг крикнул:

— Бу!

Это единственное слово поплыло по пустынному крылу строгого режима, тут же эхом вернулось назад. Ллойд пронзительно вскрикнул, запутался в собственных ногах, упал и заплакал.

— Все хорошо, — успокоил его Флэгг. — Эй, все хорошо. Все очень даже хорошо.

— Вы можете меня выпустить? — всхлипнул Ллойд. — Пожалуйста, выпустите меня. Я не хочу стать таким же, как мой кролик, я не хочу закончить, как он, это несправедливо! Если бы не Тычок, я бы занимался мелочевкой, пожалуйста, выпустите меня, мистер, я сделаю что угодно.

— Бедняга. Тебе сейчас только рекламировать летний отдых в Дахау.

Несмотря на сочувствие в голосе Флэгга, Ллойд не мог заставить себя поднять глаза выше колен незнакомца. Он бы умер, если бы вновь посмотрел на это лицо. Лицо дьявола.

— Пожалуйста, — бубнил Ллойд. — Пожалуйста, выпустите меня. Я умираю от голода.

— И давно тебя посадили в эту говняную камеру, друг мой?

— Я не знаю. — Ллойд вытер глаза отощавшими пальцами. — Давно.

— Почему ты до сих пор не умер?

— Я знал, что так будет, — сообщил Ллойд брючинам синих джинсов, собрав воедино последние крохи хитрости. — Я запасал еду. Вот почему.

— Случайно, не отхватил кусочек от того славного парня, что лежит в соседней камере? А?

— Что? — просипел Ллойд. — *Что?* Нет! Как можно! За кого вы меня принимаете? Мистер, мистер, пожалуйста...

— Его левая нога выглядит тоньше правой. Я спросил только по этой причине, друг мой.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — прошептал Ллойд. Он дрожал всем телом.

— А как насчет Братца Крысы? Каков он на вкус?

Ллойд закрыл лицо руками и промолчал.

— Как тебя зовут?

Ллойд попытался ответить, но лишь простонал что-то нечленораздельное.

— Как тебя зовут, солдат?

— Ллойд Хенрид. — Он хотел сказать что-то еще, но в голове царил полный хаос. Он испугался, когда адвокат сообщил ему об электрическом стуле, но не так, как сейчас. *Такого* страха он не испытывал никогда в жизни. — Это все идея Тычка! — прокричал он. — Здесь место Тычку, а не мне!

— Посмотри на меня, Ллойд.

— Нет, — прошептал Ллойд, его глаза бешено вращались.

— Почему нет?

— Потому что...

— Продолжай.

— Потому что я не верю, что вы настоящий, — прошептал Ллойд. — А если вы настоящий... мистер, если вы настоящий, тогда вы дьявол.

— Посмотри на меня, Ллойд.

Ллойд беспомощно вскинул глаза на это темное улыбающееся лицо, которое виднелось за перекрестьем металлических прутьев. Правая рука что-то держала рядом с правым глазом. От взгляда на это что-то Ллойда бросило сначала в жар, потом в холод. Вроде бы черный камень, такой черный, что он казался смолистым и вязким. Красная трещина по центру напоминала Ллойду жуткий глаз, налитый кровью и полуоткрытый, уставившийся на него. Потом Флэгг чуть повернул камень в пальцах, и красная трещина в нем приняла очертания... ключа. Флэгг вертел камень взад-вперед. Глаз становился ключом, чтобы вновь превратиться в глаз.

Глаз, ключ.

Флэгг запел:

— Она принесла мне кофе... она принесла мне чай... она принесла мне... чуть ли не все, «но только не ключ от моей конуры»*. Верно, Ллойд?

— Верно, — прохрипел Ллойд. Его глаза не отрывались от черного камня. Флэгг начал перекатывать камень от пальца к пальцу, словно фокусник, показывающий какой-то трюк.

— Теперь ты один из тех, кто способен понять ценность ключа, — продолжил незнакомец. Черный камень исчез в сжатом кулаке и внезапно появился в другой руке, где начал перекатываться по пальцам. — Я уверен, что способен. Потому что ключ предназначен для того, чтобы открывать двери. Есть ли в жизни что-то более важное, чем открывание дверей, Ллойд?

— Мистер, я ужасно голоден...

— Конечно, голоден. — На темном лице отразилось сочувствие, которое все росло, пока не стало совсем уж нелепым. — Господи Иисусе, крыса — это совсем не еда! Знаешь, что я съел на ленч? Сандвич из нежнейшего ростбифа с кровью на венском хлебе с колечками лука поверху, залитый горчицей «Гулденс спайс браун». Звучит неплохо?

Ллойд кивнул, из его лихорадочно блестящих глаз медленно текли слезы.

— Добавил к нему картошку по-домашнему и шоколадное молоко, а на десерт... О Господи, *я тебя мучаю*, так? Кто-то должен меня выпороть, вот что им следует сделать. Извини! Я прямо сейчас тебя выпущу, а потом мы пойдем куда-нибудь, и ты поешь, хорошо?

Ллойд обалдел до такой степени, что не смог даже кивнуть. Он уже решил, что этот человек с ключом, конечно же, дьявол или, что более вероятно, мираж, и мираж этот будет стоять у его камеры, пока он, Ллойд, не упадет замертво, стоять и весело болтать о Боге, и об Иисусе, и о горчице «Гулденс спайс браун», а черный камень в его руках будет при этом исчезать и появляться. Но теперь участие на лице незнакомца выглядело достаточно искренним, как и прозвучавший в голосе упрек самому себе. Черный камень вновь исчез в сжатом кулаке, а когда пальцы разжались,

---

* Строка песни Рьюба Лейси (1901—1972) «Стон из тюрьмы в Миссисипи».

изумленным глазам Ллойда открылся плоский серебряный ключ с резной головкой, лежащий на ладони мужчины.

— Мой... дорогой... *Боже!* — прохрипел Ллойд.

— Тебе нравится? — спросил темный человек, довольный реакцией Ллойда. — Я научился этому трюку у одной милашки в массажном салоне Секокуса, штат Нью-Джерси, Ллойд. Секокуса, где находятся самые большие свинофермы мира.

Он наклонился и вставил ключ в замок камеры Ллойда. И это выглядело очень странно, потому что, если память не изменяла Ллойду (а на тот момент с памятью дело у него обстояло не очень), в этих камерах не было замочных скважин: замки открывались и закрывались с помощью электроники. Но Ллойд не сомневался в том, что серебряный ключ сработает.

Вставив ключ, Флэгг не повернул его, а посмотрел на Ллойда, лукаво улыбаясь, и тот почувствовал, как его вновь охватывает отчаяние. Опять трюк, ничего больше.

— Я тебе не представился? Моя фамилия — Флэгг, с двумя «г». Рад с тобой познакомиться.

— Взаимно, — прохрипел Ллойд.

— И знаешь, прежде чем я открою эту камеру и мы пойдем обедать, нам надо достигнуть определенного взаимопонимания, Ллойд.

— Само собой, — прохрипел Ллойд и заплакал.

— Я собираюсь сделать тебя моей правой рукой, Ллойд. Собираюсь поставить на одну доску со святым Петром. Открыв эту дверь, я собираюсь вручить тебе ключи от царства. Серьезное дело, так?

— Да, — прошептал Ллойд, его страх вновь начал нарастать. В коридоре и камере сгустилась темнота. Флэгг превратился в черный силуэт, Ллойд ясно и отчетливо видел только его глаза. Они словно светились в темноте, как глаза рыси, один слева от прута, который упирался в замковую коробку, второй — справа. Ллойд ощущал смесь ужаса и чего-то еще, чего-то, напоминающего религиозный экстаз. Радость. Радость быть *избранным*. Чувство, что он в конечном итоге добился... чего-то.

— Ты хочешь свести счеты с людьми, которые заперли тебя здесь, правильно?

— Еще как хочу! — Ужас мгновенно забылся. Ллойда разом поглотила вскормленная голодом ярость.

— Не только с этими людьми, но и со всеми, кто мог поступить с тобой точно так же, — уточнил Флэгг. — Это определенный тип людей, не правда ли? Для них такой человек, как ты, — просто мусор. Они думают, что у таких, как ты, нет права на жизнь.

— Именно так, — согласился с ним Ллойд. Жуткий физический голод, который он испытывал, превратился в другой голод. Превратился точно так же, как черный камень — в серебряный ключ. Этот человек только что выразил обуревавшие его сложные чувства несколькими простыми предложениями. Он хотел поквитаться не только с охранником-у-двери — *ой, да это наш обалдуй с острым язычком, как жизнь, обалдуй, хочешь сказать что-нибудь умное?* — потому что охранник-у-двери мало что значил. Охранник-у-двери держал в руке КЛЮЧ, это так, да только не он этот КЛЮЧ сделал. Кто-то вручил его охраннику-у-двери. Начальник тюрьмы, предполагал Ллойд, но сделал КЛЮЧ тоже не он. Ллойд хотел добраться до изготовителей и лжецов. Их, конечно же, не тронул грипп, и у него было к ним дело. Да, *благое* дело.

— Знаешь, что говорит Библия о таких людях? — ровным голосом спросил Флэгг. — Она говорит: кто возвышает себя, тот уничтожен будет*, и могущественные будут низвергнуты, и те, кто ожесточает выю свою, внезапно сокрушатся**. А знаешь, что там говорится о таких людях, как ты, Ллойд? Там говорится, что блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. И там говорится, что блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное***.

Ллойд кивал. Кивал и плакал. На мгновение на голове Флэгга возникла сверкающая корона, такая яркая, что глаза Ллойда выжгло бы дотла, если бы он смотрел на нее слишком долго. Потом она исчезла... словно ее и не было, и, наверное, не было, потому что Ллойд не ослеп.

— Конечно, ты не слишком умен, — продолжил Флэгг, — но ты первый. И у меня есть ощущение, что ты будешь хранить верность. Ты и я, Ллойд, мы далеко пойдем. Это хорошее время для таких людей, как мы. Мы в самом начале пути. Все, что мне нужно, так это твое слово.

— С-слово?

---

* Евангелие от Матфея, 23:12.

** Притчи, 29:1.

*** Евангелие от Матфея, 5:3, 5:5.

— Что мы будем держаться вместе, ты и я. Никаких разногласий. Никто не уснет на посту. Очень скоро появятся другие — они уже идут на запад, — но сейчас мы вдвоем. Я дам тебе ключ, если ты дашь мне обещание.

— Я... обещаю, — ответил Ллойд, и слова, казалось, повисли в воздухе, странным образом вибрируя. Склонив голову, он прислушивался к этой вибрации и буквально мог видеть эти два слова, темное свечение которых походило на отсвет полярного сияния в глазах мертвеца.

Потом он забыл о них, потому что ключ начал поворачиваться в замке. А в следующий момент замковая коробка упала к ногам Флэгга, из нее поднимались завитки дыма.

— Ты свободен, Ллойд. Выходи.

Не веря своему счастью, Ллойд осторожно прикоснулся к прутьям решетки, словно они могли его обжечь. И действительно, оказалось, что они теплые. Но когда он толкнул дверь, она легко и бесшумно отъехала в сторону. Он посмотрел на своего спасителя, в эти горящие глаза.

Что-то легло ему на ладонь. Ключ.

— Теперь он твой, Ллойд.

— Мой?

Флэгг схватил его за пальцы, сомкнул их поверх ключа... и Ллойд почувствовал, как ключ шевелится в его руке, почувствовал, что он *меняет форму*. Хрипло вскрикнул и разжал пальцы. Ключ исчез, превратившись в черный камень с красной трещиной. Ллойд поднял его, гадая, что это такое, поворачивая из стороны в сторону. Красная трещина выглядела то как ключ, то как череп, то как налитый кровью полуоткрытый глаз.

— Мой, — ответил себе Ллойд. И на этот раз сам сомкнул пальцы, крепко сжав камень.

— Не пообедать ли нам? — спросил Флэгг. — Этим вечером нас ждет дальняя дорога.

— Пообедать? Хорошо.

— Так много предстоит сделать! — радостно воскликнул Флэгг. — И нам надо спешить.

Они вместе направились к лестнице, мимо мертвецов, лежащих в камерах. Когда Ллойд покачнулся от слабости, Флэгг схватил его за руку повыше локтя и поддержал. Ллойд повернулся и всмотрелся в улыбающееся лицо. В его взгляде читалась не просто благодарность. Он смотрел на Флэгга почти с любовью.

Глава 40

Ник Эндрос спал, беспокойно ворочаясь, на койке в кабинете шерифа Бейкера. В одних трусах, весь в поту. К утру он умрет — эта мысль мелькнула у него последней вчера вечером, перед тем как он уснул: темный человек, постоянно присутствующий в горячечных снах Ника, каким-то образом прорвет последний тонкий барьер и утащит его.

С ним творилось что-то странное. Глаз, который выдавил Рэй Бут, донимал его два дня. А на третий ощущение, будто огромные клещи сдавливают виски, уступило место тупой боли. Перед этим глазом теперь был только серый туман, и в этом сером тумане то ли двигались какие-то тени, то ли казалось, что двигаются. Но убивал Ника не травмированный глаз, а пуля, оставившая длинный след на ноге.

Он не продезинфицировал рану: глаз так сильно болел, что о царапине на ноге он и не вспомнил. Она протянулась вдоль правого бедра до колена. На следующий день он не без удивления заметил оставленную пулей дыру в джинсах. А днем позже, тридцатого июня, рана покраснела по краям и, казалось, заболели все мышцы ноги.

Он дохромал до приемной доктора Соумса и взял бутылку перекиси водорода. Вылил на царапину, длина которой составляла порядка десяти дюймов. Но увы. Поезд уже ушел. К вечеру вся правая нога пульсировала, как гнилой зуб, а под кожей появились красные полосы, радиально отходящие от раны, на которой только начали образовываться струпья, и свидетельствующие о заражении крови.

Первого июля он вновь пошел к Соумсу и перерыл всю его аптечку в поисках пенициллина. Нашел и после короткого колебания проглотил две таблетки. Он понимал, что может умереть от сильной аллергической реакции на антибиотик, однако подумал, что альтернативный вариант — та же смерть, только еще более мучительная. Пенициллин Ника не убил, но, похоже, и не помог.

К вчерашнему полудню у него поднялась высокая температура, и он подозревал, что немалую часть времени пролежал без сознания. Еды хватало, но есть он не хотел. Только чашку за чашкой

пил воду из кулера, стоявшего в кабинете Бейкера. Вода почти что закончилась, когда он заснул (или отключился) прошлым вечером, и Ник понятия не имел, где ее взять. Но в том горячечном состоянии его это не волновало. Он не сомневался, что скоро умрет, и тогда все волнения останутся позади. Он не мечтал о смерти, однако мысль, что больше не будет ни боли, ни тревог, определенно была приятной. Нога пульсировала болью, чесалась и горела.

В дни и ночи, прошедшие после убийства Рэя Бута, сны Ника стали совсем странными. Он видел нескончаемый поток снов. Все, кого он знал, казалось, решили посетить его. Руди Спаркман, указывающий на белый лист бумаги: *Ты — этот чистый лист*. Мать, постукивающая пальцем по линиям и кружочкам, написанным на другом белом листе, марающим его чистоту: *Тут написано «Ник Эндрос», милый. Это ты*. Джейн Бейкер, прижимающаяся щекой к подушке, шепчущая: *Джонни, мой бедный Джонни*. В его снах доктор Соумс вновь и вновь просил Джона Бейкера снять рубашку, а Рэй Бут снова и снова говорил: *Держите его... сейчас я его уделаю... сопляк ударил меня... держите его...* В отличие от всех других снов, увиденных Ником за свою жизнь, в этих ему не приходилось читать по губам. Он действительно слышал, что говорят люди. И сами сны потрясали яркостью и четкостью. Они таяли, если боль в ноге становилась слишком сильной, однако новый сон начинался, едва Ник вновь засыпал. В двух снах он видел людей, которых не встречал в жизни, и именно эти сны помнил лучше всего, когда окончательно проснулся.

Он находился где-то очень высоко. Земля расстилалась внизу, как рельефная карта. Он видел пустыню, а над головой с безумной ясностью — благодаря разреженному воздуху — сияли звезды. Рядом с ним стоял человек... нет, не человек, а *контур* человека. Словно из материи реальности вырезали фигуру человека, и рядом с ним стоял ее негатив, черная дыра с человеческим контуром. И голос этой дыры шептал: «Все это станет твоим, если ты падешь на колени и будешь мне поклоняться». Ник качал головой, ему хотелось отойти от края этой жуткой пропасти, он боялся, что контур протянет руки и столкнет его вниз.

Почему ты не отвечаешь? Почему только качаешь головой?

Во сне Ник делал то же самое, что много раз проделывал в реальной жизни: прикладывал палец к губам, потом ладонь к шее... и слышал, как произносит идеально четким, даже прекрасным голосом: «Я не могу говорить. Я немой».

Но ты сможешь. Если захочешь, сможешь.

Ник протягивал руку, чтобы коснуться контура, его страх мгновенно смывало потоком безмерного и обжигающего ликования. Но когда пальцы приближались к плечу контура, оно оказывалось леденяще-холодным, таким холодным, что у Ника возникало ощущение, будто он обжегся. Ник отдергивал руку и видел, что на пальцах образовались кристаллы льда. И тут до него доходило. Он мог слышать. Голос темного контура; далекий крик ночной хищной птицы; непрерывный вой ветра. И он вновь лишался дара речи — от крайнего изумления. В его мире появлялось новое измерение, о существовании которого он не подозревал. Он *слышал* звуки. И вроде бы знал, что какой означает, безо всяких объяснений. Они ему нравились. *Звуки* ему нравились. Он водил пальцами вверх-вниз по рубашке и наслаждался шуршанием хлопчатобумажной ткани под ногтями.

Потом темный человек начинал поворачиваться к нему, и Ник ужасно пугался. Это существо, кем бы они ни было, не творило бесплатных чудес.

...если падешь на колени и будешь мне поклоняться.

И Ник закрывал лицо руками. Он хотел получить все, что показал ему черный человеческий контур с той вознесенной над пустыней вершины: города, женщин, сокровища, власть. Но больше всего ему хотелось слышать шуршание ногтей по рубашке, тиканье часов в пустом доме после полуночи и таинственный шепот дождя.

Однако он произносил слово «нет», и тут же леденящий холод надвигался на него, и его *толкали*, и он падал и падал, беззвучно крича, из заоблачной выси, чтобы рухнуть в запах...

...кукурузы?

Да, кукурузы. Это был уже другой сон, они сливались вместе, без черты, которая позволила бы отделить их друг от друга. Он находился на кукурузном поле, среди еще зеленой кукурузы, и его окружал запах летней земли, коровьего навоза и растений. Он поднимался и шагал вдоль ряда кукурузных стеблей, в который

упал с небес, на мгновение останавливался, осознав, что может слышать легкий шепот июльского ветра в зеленых листьях, похожих на лезвия мечей... и что-то еще.

На музыку?

Да... на какую-то музыку. И во сне Ник подумал: «Так вот что *это* означает». Музыка раздавалась где-то впереди, и он шел к ней, хотел увидеть, действительно ли последовательность этих приятных звуков возникает благодаря вещам под названием «пианино», или «труба», или «виолончель», или еще что-нибудь.

Жаркий запах лета, бездонная синева неба над головой, прекрасные звуки. В этом сне Ник чувствовал себя счастливым, как никогда. По мере приближения к источнику этих звуков к музыке присоединялся голос, старый, как потемневшая кожа, не совсем четко произносящий слова, будто песня была тушеным мясом с овощами, многократно подогретым, но так и не потерявшим своего исходного аромата. И Ник как зачарованный шел к ней.

В этот сад я пришла в одиночку,
И роса золотилась на склоне зари.
Я услышала голос, шепнувший на ушко:
«Это Господа сын... посмотри».
Мы гуляем с Ним вместе по светлым аллеям,
Он сказал, что мы будем с Ним вместе всегда.
Наша общая радость светла и прекрасна,
Не покинет меня никогда.

Песня закончилась. Ник уже добрался до последних в ряду стеблей и за ними, на поляне, увидел лачугу, не слишком отличающуюся от хижины, с ржавой бочкой для мусора слева и качелями из старой шины справа. Качели свисали с толстой ветки яблони, кривой, но покрытой зелеными листьями. Крыльцо отошло от стены, наклонилось, и на месте его удерживали старые домкраты в потеках масла. Над крышей поднималась труба из оцинкованного железа, помятая и закопченная, тоже наклонившаяся под странным углом. Во все стороны от поляны, на которой стоял дом, уходили кукурузные поля, тянувшиеся, насколько хватало глаз. Лишь в одном месте, на севере, зеленое море разрывала полоска проселочной дороги, бегущей к плоскому горизонту. В

тот самый миг Ник понял, где находится: округ Полк, штат Небраска, к западу от Омахи и чуть севернее Оцеолы. Проселочная дорога вела к федеральному шоссе 30 и Коламбусу, расположенному на северном берегу реки Платт.

На крыльце сидит самая старая женщина Америки, чернокожая женщина с пушистыми, тонкими седыми волосами, очень худенькая, в домашнем платье и в очках. Она кажется такой миниатюрной, что сильный послеполуденный ветер вот-вот подхватит ее и унесет в высокое синее небо, чтобы доставить, скажем, в Джулсберг, штат Колорадо. Музыкальный инструмент, на котором она играет (возможно, именно его вес не позволяет ветру подхватить женщину, удерживает ее на земле), — «гитара», и Ник думает во сне: *Вот, значит, как звучит «гитара». Красиво.* Он чувствует, что может простоять на этом месте целый день, глядя на старую чернокожую женщину, сидящую на крыльце, которое остается у стены дома только благодаря домкратам (среди всей этой кукурузы Небраски, в округе Полк, к западу от Омахи и чуть севернее Оцеолы), и слушая. Ее лицо испещрено миллионами морщинок, как географическая карта местности, где рельеф еще только формируется: реки и каньоны на коричневых, выдубленных ветром и солнцем щеках, горные кряжи под подбородком, извилистые вытянутые холмы у основания лба, пещеры глаз.

Она снова начинает петь, аккомпанируя себе на старой гитаре:

И-и-исус, почему ты сюда не идешь,
О-ох, И-и-исус, почему ты сюда не идешь,
Иисус, почему ты сюда не идешь?
Час беды наступил...
Ох, теперь... час беды наступил,
Потому что теперь...

Эй, малыш, кто пригвоздил тебя к тому месту?

Она кладет гитару на колени, как ребенка, и жестами подзывает Ника. Он подходит. Говорит, что просто хотел послушать ее пение, оно такое красивое.

Что ж, пение — Божья глупость, теперь я пою чуть ли не дни напролет... Как у тебя все закончилось с тем черным человеком?

Он меня пугает. Я боюсь...

Малыш, ты и должен бояться. Ты должен бояться даже дерева на закате, если видишь его под определенным углом. Все мы смертные, хвала Господу.

Но как мне сказать ему «нет»? Как мне...

Как ты дышишь? Как ты видишь сны? Никто не знает. Но ты приходи ко мне. В любое время. Матушка Абагейл, так меня здесь называют. Наверное, я самая старая женщина в этих краях, но по-прежнему могу сама испечь лепешку. Приходи в любое время, малыш, и приводи друзей.

Но как мне из этого выбраться?

Да благослови тебя Бог, малыш, это никому еще не удавалось. Ты просто надейся на лучшее и приходи к матушке Абагейл в любое время, как только возникнет такое желание. Скорее всего ты найдешь меня здесь; я теперь редко куда ухожу. Так что приходи повидаться со мной. Я буду...

...здесь, прямо здесь...

Он просыпался постепенно, мало-помалу, пока Небраска не ушла вместе с запахом кукурузы и морщинистым, темным лицом матушки Абагейл. Реальный мир просачивался в сознание, но не вытеснял мир сна, а скорее заслонял его, пока тот не исчез из виду.

Он вновь находился в Шойо, штат Арканзас, его звали Ник Эндрос, он никогда не говорил и не слышал звуков «гитары»... но он не умер.

Ник сел на койке, свесил ноги, посмотрел на рану. Опухоль немного спала. Боль заметно уменьшилась. «Я пошел на поправку, — подумал он с безмерным облегчением. — Думаю, скоро все будет в порядке».

Он поднялся и, по-прежнему в одних трусах, дохромал до окна. Нога слушалась плохо, но Ник знал, что она разработается, если дать ей небольшую нагрузку. Он смотрел на молчаливый город, не Шойо, а труп Шойо, понимая, что должен покинуть его уже сегодня. В первый день он далеко не уйдет, но главное — сделать первый шаг.

А куда идти? Это он знал. Сны, конечно, были всего лишь снами, но для начала путь его лежал на северо-запад. В Небраску.

* * *

Ник покинул город третьего июля, примерно в четверть второго пополудни. Утром собрал рюкзак. Положил в него таблетки пенициллина — вдруг понадобятся — и кое-какие консервы. Преимущественно томатный суп «Кэмпбелл» и равиоли «Шеф Бойар-ди», которые любил больше всего. Добавил несколько коробок с патронами и фляжку с водой.

Прошел по улице, заглядывая в гаражи, пока не нашел то, что искал: десятискоростной велосипед под свой рост. Неспешно покатил по главной улице на низкой передаче, разрабатывая больную ногу. Ник ехал на запад, и его тень следовала за ним на собственном черном велосипеде. За спиной остались последние дома на окраине города, застывшие в тени, со шторами, задернутыми на веки вечные.

На ночь он остановился в фермерском доме в десяти милях к западу от Шойо. К вечеру четвертого июля почти добрался до Оклахомы. Остановился на ночлег в другом фермерском доме, а перед тем, как лечь спать, постоял во дворе, наблюдая, как метеоритный дождь царапает ночь холодным белым огнем. Ник подумал, что никогда не видел ничего прекраснее. И, что бы ни ждало его впереди, он радовался тому, что жив.

Глава 41

Ларри проснулся в половине девятого навстречу солнечному свету и пению птиц. И то и другое его бодрило. Каждое утро с того дня, как они покинули Нью-Йорк, — солнечный свет и пение птиц. А еще — дополнительная завлекалка, бесплатный подарок, если хотите: воздух пах чистотой и свежестью. Даже Рита это заметила. В голову всякий раз приходила мысль: «Так хорошо, что лучше быть не может». Но становилось только лучше. Становилось лучше и лучше, пока Ларри не начал задаваться вопросом: «А что мы вообще делали на этой планете?» Возникал и другой вопрос: может, воздух всегда благоухал в таких краях, как Миннесота и Орегон, или на западных склонах Скалистых гор?

Лежа в своей половине двойного спального мешка под низкой парусиновой крышей двухместной палатки, которую утром

второго июля они добавили к своему багажу в Пассаике, Ларри вспомнил, как Эл Спеллман, один из музыкантов группы «Тэттерд ремнантс», пытался убедить его отправиться в пеший турпоход с ним и еще двумя или тремя парнями. Они собирались поехать на восток, на ночь остановиться в Лас-Вегасе, а потом добраться до Лавленда, штат Колорадо. И уже оттуда уйти в горы дней на пять.

— Вам лучше оставить все это дерьмо насчет «Высоких Скалистых гор» Джону Денверу*, — фыркнул тогда Ларри. — Вы вернетесь, искусанные комарами и, возможно, с зудящими задницами после знакомства с ядовитым плющом. Так частенько бывает, когда срешь в лесу. А вот если передумаете и решите на пять дней разбить лагерь в казино «Дюны» в Лас-Вегасе, дайте мне знать.

Но возможно, поход принес бы точно такие же впечатления. Сам по себе, никто тебя не достает (за исключением Риты, но Ларри полагал, что ее доставания как-нибудь перенесет), чистый воздух, глубокий, крепкий ночной сон без метаний по кровати — раз, и ты отрубился, будто кто-то ударил тебя по голове молотком. Никаких проблем, разве что решить, куда ехать завтра и сколько на это уйдет времени. Просто замечательно.

И это утро, которое они встречали в Беннингтоне, штат Вермонт, направляясь на восток по шоссе 9, это утро было особенным. Клянусь Богом, Четвертое июля, День независимости.

Он сел, не вылезая из спального мешка, посмотрел на Риту, но она спала как убитая, только контуры тела вырисовывались под стеганой материей спальника да виднелись волосы на макушке. Что ж, чуть позже он найдет, чем ее разбудить.

Ларри расстегнул молнию со своей стороны спального мешка и вылез из него в чем мать родила. На мгновение кожа покрылась мурашками, но потом почувствовала, что воздух-то теплый, вероятно, уже градусов семьдесят**, то есть их ждал еще один жаркий день. Ларри выполз из палатки и поднялся.

Рядом с палаткой стоял черно-серебристый мотоцикл «харлей-дэвидсон» с двигателем объемом тысяча двести кубиков. Как

---

* Джон Денвер (1943—1997) — американский певец, сочинитель песен, актер и поэт.

** По Фаренгейту; примерно 21°С.

и спальный мешок и палатку, они нашли его в Пассаике. К тому времени уже сменили три автомобиля. Двум дорогу перегородили жуткие пробки, третий застрял в грязи около Натли, когда Ларри пытался объехать два столкнувшихся грузовика. Мотоцикл решил все проблемы. Он без труда, на малой скорости, объезжал что пробки, что аварии. Если автомобили перегораживали всю мостовую, они могли ехать по аварийной полосе или по тротуару, при наличии такового. Рите мотоцикл не нравился — езда на заднем сиденье ее нервировала, и она изо всех сил прижималась к Ларри, — но она соглашалась, что это единственное эффективное решение. Напоследок человечество устроило грандиозные транспортные пробки. Однако когда Пассаик остался позади и они попали в сельскую местность, скорость их продвижения заметно возросла. К вечеру второго июля они вновь въехали в штат Нью-Йорк и разбили свою палатку на окраине Куэрривилля, а на западе к небу вздымались вершины Катскилл. Во второй половине третьего июля они повернули на восток, с наступлением сумерек пересекли границу Вермонта и заночевали в Беннингтоне.

Палатку поставили на холме за чертой города, и теперь Ларри, голый, стоя у мотоцикла и отливая, смотрел вниз и наслаждался картинкой с подарочной открытки, изображающей типичный городок Новой Англии. Две аккуратные белые церкви, шпили которых, казалось, пронзали синее утреннее небо; частная школа — здания из серого плитняка, увитые плющом; завод; пара кирпичных школьных зданий; множество деревьев в ярко-зеленом летнем наряде. Правда, два обстоятельства вызывали сомнения в подлинности этой «открытки»: отсутствие дыма над заводской трубой и поблескивающие на солнце автомобили, припаркованные под странными углами на главной улице, продолжении шоссе, по которому они приехали. Но в этой солнечной тишине (действительно тишине, изредка нарушаемой только криком какой-нибудь птицы) Ларри мог бы повторить коронную фразу покинувшей этот мир Ирмы Фейетт, если бы, конечно, знал сию даму: «Невелика потеря».

Однако наступило Четвертое июля, а он по-прежнему считал себя американцем.

Он откашлялся, сплюнул, немного побубнил себе под нос, чтобы «прогреть» голосовые связки. Потом набрал полные легкие

воздуха, чувствуя ласковый ветерок голыми грудью и ягодицами, и запел:

— Смотри, видишь ли ты в солнца первых лучах то, с чем в заката часы мы простились*...

Он допел гимн до конца, лицом к Беннингтону, напоследок крутанув бедрами, как в стрип-танце, потому что Рита уже наверняка выглядывала из палатки и улыбалась, глядя на него.

Замолчав, отсалютовал, по его разумению, зданию суда Беннингтона и повернулся, думая, что нет лучшего способа начать еще один год независимости старых добрых Соединенных Штатов Америки, чем старый добрый американский трах.

— Ларри Андервуд, парень-патриот, желает вам самого доброго ут...

Но полог палатки был опущен, и Ларри вновь почувствовал легкое раздражение, хотя решительно его подавил. Рита не могла постоянно быть с ним на одной волне. Вот и все. Когда ты это понимаешь и ведешь себя соответственно, перед тобой открывается путь к нормальным отношениям между взрослыми людьми. После того нервного инцидента в тоннеле Ларри всячески старался наладить такие отношения с Ритой и полагал, что получается у него очень даже неплохо.

Требовалось только одно: попытаться встать на ее место. Признать, что она гораздо старше и привыкла к определенному образу жизни, который долгие годы оставался неизменным. Вполне естественно, что ей сложнее приспособиться к миру, вставшему с ног на голову. Лекарства, к примеру. Его вовсе не порадовало, что она взяла с собой целую гребаную аптеку, уложив все в банку из-под конфитюра с завинчивающейся крышкой. И «желтенькие», и куаалуд**, и дарвон***, и другие капсулы, которые она называла «мои маленькие «бодрилки»». «Бодрилки» были красного цвета. Запьешь три штуки глотком текилы — и носишься как заведенный весь длинный-предлинный день. Он этого не любил, потому что слишком частые перемены настроения только усугубляли ту серьезную проблему, которая тяжелым камнем придавливала их к земле. Проблему величиной с Кинг-

* Первые строки государственного гимна США.

** Куаалуд — сильный транквилизатор, обладающий наркотическим эффектом.

*** Дарвон — болеутоляющее, обладающее наркотическим эффектом.

Конга. И еще он не любил таблетки потому, что, если уж докапываться до самой сути, они являлись эквивалентом пощечины ему, Ларри. С чего ей нервничать? Почему у нее трудности с засыпанием? У него таких проблем точно не возникало. Разве он не заботился о ней? Можете отдать свой гребаный зуб — еще как заботился.

Он направился к палатке, на мгновение остановился. Может, не мешать ей спать? Может, она вымоталась? Но...

Он посмотрел вниз, на Старую Замыкалку, и Старая Замыкалка определенно не хотел, чтобы Рита спала. После исполнения «Звездно-полосатого банана» он стоял по стойке «смирно». Поэтому Ларри откинул полог и заполз в палатку.

— Рита?

Ему в нос сразу ударил запах — слишком разительным был контраст с утренней свежестью за пределами палатки. Вероятно, он не проснулся до конца, когда вылезал наружу, вот ничего и не почувствовал. Запах был не особенно сильным — палатка достаточно хорошо вентилировалась, — но ощущался сразу: сладковато-кислый запах блевоты и болезни.

— Рита? — Ларри почувствовал нарастающую тревогу: она лежала недвижно, из спального мешка торчал только сухой клок волос. Пополз к ней на четвереньках, и запах блевоты усилился, узлом скручивая ему желудок. — Рита, что с тобой? Просыпайся, Рита!

Никакого движения.

Тогда он повернул ее, и оказалось, что молния наполовину расстегнута, словно Рита пыталась выбраться из спальника, может, поняв, что с ней что-то не так, попыталась выбраться, и ей это не удалось, а он все это время мирно спал рядом с ней, мистер Скалистая Гора. Он повернул Риту, и из ее руки выпал один из пузырьков от таблеток, а глаза ее напоминали тусклые камешки, проглядывающие между полузакрытыми веками, и рот заполняла зеленая блевота, которая ее и задушила.

Должно быть, он очень долго всматривался в ее мертвое лицо. Нос к носу, а в палатке становилось все жарче, будто находились они на чердаке в послеполуденную августовскую жару, перед самой грозой. У Ларри начала пухнуть голова. Это дерьмо у нее во рту. Он не мог отвести от него глаз. В мозгу, как механический заяц на круговом собачьем треке, крутился один и тот же вопрос: *И*

долго я спал рядом с ней после того, как она умерла? Отвратительно. *О-о-о-отвратительно.*

Ларри вышел из ступора и выбрался из палатки, оцарапав колени о твердую землю. Подумал, что сейчас его вырвет, вступил в борьбу с рвотным рефлексом, волевым усилием попытался его подавить — терпеть не мог блевать, — но потом подумал: *А я ведь полез в палатку, чтобы ТРАХНУТЬ ее!* — и все содержимое желудка мощным потоком выплеснулось наружу. Плача, он отполз от дымящейся зловонной лужи, испытывая омерзение от запаха и привкуса во рту.

Он думал о ней все утро. Ощущал облегчение от того, что она умерла, и немалое облегчение. В этом он никому бы не признался. Облегчение это подтверждало все, что говорила о нем мать, и Уэйн Стьюки, и даже та глупая телка в квартире рядом с Университетом Фордэма. Ларри Андервуд, Фордэмский эксгибиционист.

— Я не хороший парень, — произнес он и, едва эти слова слетели с губ, почувствовал себя лучше. Ему стало проще говорить правду, и не было на свете ничего более важного, чем говорить правду. Он заключил договор с самим собой, в той темной комнате подсознания, где ведут дела серые кардиналы, что позаботится о ней. Может, он не хороший парень, но он и не убийца, а то, что он сотворил в тоннеле, очень уж походило на попытку убийства. Поэтому он решил заботиться о Рите и не кричать на нее, даже если она выведет его из себя — как в тот день, когда она вцепилась в него мертвой хваткой, едва устроившись на заднем сиденье «харлея». Он дал себе слово не злиться на нее, как бы она его ни задерживала и как бы ни тупила в самых простых ситуациях. Позавчера вечером она поставила банку с горошком на угли, не пробив в крышке дырки, и он вытащил банку, закопченную и раздувшуюся, наверное, за три секунды до того, как та взорвалась бы, словно бомба, возможно, вышибив им глаза зазубренными кусочками жести. Он отчитал Риту? Нет. Не отчитал. Обратил все в шутку. То же самое с таблетками. Он полагал, что таблетки — ее дело.

Может, следовало с ней об этом поговорить. Может, она этого хотела.

— Это не долбаная групповая терапия! — воскликнул он. И она не смогла перестроиться.

Может; знала, что не сможет, с того дня в Центральном парке, когда беззаботно выстрелила в персидскую сирень из дешевого револьвера тридцать второго калибра, который мог взорваться в ее руке. Может...

— Может, *дерьмо*! — зло бросил Ларри. Поднес ко рту фляжку, но она оказалась пустой, так что мерзкий привкус никуда не делся. Может, таких, как она, хватало по всей стране. Грипп не оставлял в живых исключительно тех, кто отличался повышенными способностями к выживанию, с какой стати? Вполне возможно, что в этот самый момент молодой человек в прекрасной физической форме, невосприимчивый к «супергриппу», умирал от тонзиллита. Как сказал бы Хенни Янгман*: «Эй, друзья, я знаю таких миллион».

Ларри сидел на вымощенной смотровой площадке рядом с шоссе. С нее открывался захватывающий вид на уходящий к Нью-Йорку Вермонт, залитый солнцем, чуть подернутый утренней дымкой. Согласно надписи на щите-указателе, дальность обзора составляла двенадцать миль. Но Ларри полагал, что двенадцать миль — не предел. В ясный день можно увидеть и край земли. Дальний конец площадки огораживала стенка из скрепленных цементным раствором камней высотой по колено. Об нее кто-то разбил несколько бутылок из-под пива «Будвайзер». Там же валялся и использованный презерватив. Ларри предположил, что старшеклассники раньше приходили сюда в сумерках, чтобы понаблюдать, как в городе зажигаются огни. Сначала их это возбуждало, потом они трахались. БГС, так они это называли: большой группен-секс.

Но почему ему было так муторно? Он же говорил правду, верно? Да. И худшее в этой правде состояло в том, что он испытывал облегчение, правильно? Потому что освободился от камня на шее?

Нет, худшее в том, что он теперь один. Совсем один.

Банально, но справедливо. Ему хотелось, чтобы кто-то еще любовался вместе с ним этим видом, чтобы кто-то еще повернулся к нему и незамысловато пошутил: «В ясный день можно уви-

---

* Генри Хенни Янгман (1906—1998) — английский комик и скрипач, прославившийся шутками «в одну строку».

деть и край земли». Но его единственная спутница лежала в палатке, и ее рот заполняла рвота, а сама она окоченела и притягивала мух.

Ларри положил голову на колени и закрыл глаза. Сказал себе, что не будет плакать. Плакать он терпеть не мог, почти так же, как блевать.

В итоге он струсил. Не смог заставить себя похоронить Риту. Привлекал на помощь самые противные мысли: червей и насекомых, лесных сурков, которые учуют ее и придут, чтобы отведать. Признавал, что поступает безобразно: один человек бросает другого, как обертку от шоколадного батончика или банку из-под пепси. Но все эти доводы не имели прямого отношения к необходимости похоронить Риту и, по правде говоря (а теперь он говорил правду, так?), тянули только на дешевую отговорку. Он еще мог убедить себя спуститься в Беннингтон, вломиться в неизменно-популярный магазин скобяных товаров, взять неизменно-популярную лопату и ей в пару неизменно-популярную кирку; он даже мог убедить себя подняться наверх, где царил покой и откуда открывался прекрасный вид, и вырыть неизменно-популярную могилу рядом с неизменно-популярным щитом-указателем, на котором говорилось о двенадцатимильном обзоре. Но снова залезть в палатку (запах в которой теперь наверняка напоминал запах в туалетной кабинке около Первого проезда в Центральном парке, где неизменно-популярный темный леденец обосновался на веки вечные), полностью расстегнуть молнию, высвободить окоченевшее тело, взяв под руки, оттащить к яме, сбросить в нее и забросать землей, наблюдая, как та падает на белые ноги со вздувшимися варикозными венами и застревает в волосах...

«Ох-ох, дружище, думаю, я пас. Если создается ощущение, что я труслив, как курица, пожалуй, так оно и есть. Куд-кудах, куд-кудах».

Он вернулся к палатке и откинул полог. Нашел длинную палку. Набрал полную грудь свежего воздуха, задержал дыхание и с помощью палки вытащил ботинки. Сел на упавшее дерево и надел их.

Палаточный запах остался на его одежде.

— Черт, — прошептал он.

Он видел Риту — верхняя половина тела находилась вне мешка, ее окоченевшие пальцы сомкнулись вокруг пузырька, который давно уже из них выпал. Полузакрытые глаза, казалось, обвиняюще смотрели на него. Он вновь подумал о тоннеле, о ходячих мертвецах, которые ему там привиделись. Быстро воспользовался палкой, для того чтобы вернуть на место откинутый полог.

Но ее запах оставался на нем.

Поэтому первую остановку он все-таки сделал в Беннингтоне и в магазине мужской одежды разделся догола и надел все новое. Взял три комплекта нижнего белья и четыре пары носков. Даже подобрал новые высокие ботинки. Оглядывая себя в трехстворчатое зеркало, видел за спиной пустой магазин и «харлей», беспечно оставленный у бордюра.

— Клевый прикид, — пробормотал он. — Смотрится здорово.

Но некому было восхититься его вкусом.

Он вышел из магазина и завел «харлей». Вроде бы следовало остановиться у магазина спортивных товаров и подобрать новую палатку и спальный мешок, однако в тот момент ему больше всего хотелось выбраться из Беннингтона. Нужный магазин он мог найти и в другом городке.

На выезде из города он оглянулся и увидел высоко, по другую его сторону, смотровую площадку, но не палатку. Это было к лучшему, потому что...

Взгляд Ларри вернулся к дороге, и от ужаса сердце чуть не выпрыгнуло у него из груди. Пикап «интернэшнл-харвестер» с прицепом для перевозки лошадей резко ушел в сторону, чтобы избежать столкновения с другим автомобилем, и прицеп перевернулся. А он, Ларри, ехал прямиком в этот прицеп, потому что не смотрел на дорогу.

Он резко вывернул руль вправо, его правый ботинок чиркнул по асфальту, и ему почти удалось избежать столкновения. Но левая подножка зацепила задний бампер прицепа и выдернула мотоцикл из-под Ларри. Он с грохотом приземлился на обочину

шоссе. Двигатель «харлея» за его спиной поработал еще несколько секунд, потом заглох.

— Ты как? — громко спросил Ларри.

Слава Богу, скорость не превышала двадцати миль в час. Слава Богу, Рита не сидела на заднем сиденье, иначе она бы сейчас билась в истерике. Разумеется, будь Рита с ним, он бы не оглядывался, а ЗБД — занимался бы делом, для тех, кто не понял.

— Все в порядке, — так же громко ответил он себе, хотя еще не был в этом уверен. Сел. Тишина навалилась на него — иногда он буквально чувствовал ее давление. Было так тихо, что человек мог сойти с ума, просто подумав об этом. В такие моменты он бы порадовался даже рыданиям Риты. Перед глазами вдруг заплясали яркие огоньки, и Ларри испугался, что сейчас лишится чувств. *Я получил тяжелую травму,* подумал он. *Через минуту, когда пройдет шок, я это почувствую. Почувствую, что сильно порезался или что-то в этом роде, и кто наложит мне жгут?*

Но угроза обморока миновала, Ларри решил, что, судя по всему, легко отделался. Ободрал обе ладони, и на его новых брюках, на правом колене, появилась дыра — колено он тоже ободрал, — но речь шла о царапинах, сущей ерунде. Любой мог свалиться с мотоцикла, такое хоть раз случается с каждым мотоциклистом.

Однако теперь он знал, чем все могло закончиться. Он мог удариться головой и раздробить череп — и тогда лежал бы здесь под ярким солнцем, пока бы не умер. Или не утонул в собственной блевоте, совсем как его ныне покойная подруга.

Нетвердой походкой он подошел к «харлею» и поднял его. Никаких повреждений не обнаружил, но теперь мотоцикл выглядел иначе. Раньше Ларри имел дело с пленяющей взгляд машиной, которая решала две задачи: доставляла из пункта А в пункт Б и позволяла почувствовать себя Джеймсом Дином или Джеком Николсоном в «"Ангелах ада" на колесах». Но теперь хромированные детали улыбались ему, как балаганный зазывала, словно приглашая подойти и посмотреть, а достанет ли ему духа продолжить путь на этом двухколесном монстре.

Мотоцикл завелся с третьего пинка, и Ларри покинул Беннингтон со скоростью пешехода. Его запястья окольцевали брас-

леты холодного пота, и никогда, никогда за всю свою жизнь ему так не хотелось увидеть другое человеческое лицо.

Но в тот день он никого не встретил.

Во второй половине дня Ларри заставил себя чуть увеличить скорость, однако рука отказывалась дальше открывать дроссель, стоило стрелке спидометра подобраться к двадцати милям, даже если впереди лежала пустая дорога. На окраине Уилмингтона ему встретился магазин спортивных товаров и мотоциклов. Он остановился, взял палатку, мотоциклетные перчатки и шлем, но даже в шлеме не смог заставить себя ехать быстрее двадцати пяти миль в час. Завидев слепой поворот, он сбрасывал скорость, слезал с мотоцикла и катил его. То и дело представлял себя лежащим на обочине и истекающим кровью, обреченным умереть без надежды на помощь.

В пять часов вечера, когда Ларри приближался к Брэттлборо, загорелась лампочка перегрева. Ларри припарковался и выключил двигатель со смешанным чувством облегчения и презрения к себе.

— Ты мог бы с тем же успехом толкать его, — вынес он вердикт. — Этот мотоцикл предназначен для шестидесяти миль в час, чертов дурак!

Он оставил мотоцикл на обочине и пошел в город, не зная, вернется ли к хромированному коню.

Ночь Ларри провел на муниципальной площади Брэттлборо, под куполом эстрады. Улегся, как только стемнело, и сразу же заснул. Разбудил его какой-то звук. Он посмотрел на часы. Светящиеся стрелки показывали двадцать минут двенадцатого. Ларри приподнялся на локте и уставился в темноту, чувствуя огромное пространство купола, тоскуя по маленькой палатке, которая сохраняла тепло человеческого тела. Уютная такая брезентовая матка!

Если его и разбудил какой-то звук, больше он не повторился. Молчали даже сверчки. Это нормально? Могло такое считаться нормой?

— Есть здесь кто-нибудь? — позвал Ларри — и испугался звука собственного голоса. Он потянулся за карабином и долгие, невероятно ужасные секунды не мог его найти. А когда нашел, первым делом нажал на спусковой крючок, не думая, как тонущий в

океане человек, хватающийся за брошенный ему спасательный круг. Если б не предохранитель, карабин бы выстрелил. Возможно, в самого Ларри.

Кто-то скрывался в этой тишине, Ларри в этом не сомневался. Возможно, человек, возможно, большое и опасное животное. Конечно же, опасность могла исходить и от человека. Скажем, вроде того, что истыкал ножом бедного выкликателя монстров в Центральном парке, или вроде Джона Берсфорда Типтона, предложившего миллион наличными, чтобы попользоваться женщиной Ларри.

— Кто здесь?

В рюкзаке лежал фонарь, но чтобы отыскать его, Ларри пришлось бы отпустить карабин, который он подтащил к себе. И потом... действительно ли он хотел видеть, кто затаился где-то неподалеку?

Поэтому он просто сел в надежде вновь услышать звук, который его разбудил (звук ли? может, что-то из сна?), через какое-то время начал клевать носом и задремал.

Но внезапно вскинул голову, широко раскрыл глаза; все в нем замерло. *Теперь-то* он точно слышал звук, и, если бы не облака, луна — близилось полнолуние — показала бы ему...

Но он не хотел видеть. Он определенно не хотел видеть. Однако Ларри подался вперед, склонил голову набок, прислушиваясь к стуку пыльных каблуков, которые уходили от него по тротуару Главной улицы города Брэттлборо, штат Вермонт, уходили на запад. Звук этот затихал, пока не растворился в ночи.

Ларри внезапно охватило безумное желание вскочить, уронив спальный мешок, и закричать: *Вернись, уж не знаю, кто ты! Мне все равно! Вернись!* Но действительно ли он так уж хотел познакомиться с этим не-знаю-кем? Купол эстрады усилил бы его крик — его мольбу. И что, если эти каблуки действительно вернутся, стуча все громче в полнейшей тишине, которую не нарушал даже стрекот сверчков?

Вместо того чтобы вскочить, Ларри лег, свернулся калачиком, не выпуская из рук карабина. *Этой ночью мне больше не заснуть,* подумал он, но уже через три минуты крепко спал, а утром у него не возникло сомнений, что все это ему приснилось.

Глава 42

Четвертого июля, когда Ларри падал с мотоцикла, Стюарт Редман — их разделял всего один штат — сидел на большом камне у дороги и перекусывал. Он услышал шум приближающихся двигателей. Одним глотком допил остававшееся в банке пиво, аккуратно завернул верх кулька из вощеной бумаги с крекерами «Ритц». Винтовка стояла рядом, прислоненная к камню. Он взял ее, снял с предохранителя, а потом снова поставил, уже ближе к руке. Это были мотоциклы, судя по звукам, с небольшим объемом двигателя. Двести пятьдесят кубиков? В накрывшей землю тишине не представлялось возможным определить, на каком они расстоянии. Возможно, в десяти милях — но не точно. Времени, чтобы доесть, хватало, однако Стью насытился. И ему нравилось греться на теплом солнышке и думать о встрече с себе подобными. Он не видел живых людей с того момента, как покинул дом Глена Бейтмана в Вудсвилле. Он посмотрел на винтовку. Стью снял ее с предохранителя потому, что приближающиеся ему подобные могли оказаться такими же, как Элдер. Но оставил оружие у камня, потому что надеялся, что они окажутся больше похожими на Бейтмана — только будут оптимистичнее смотреть вперед. *Общество возродится*, сказал ему Бейтман. *Обратите внимание, я не говорю «реформируется». Это плохая шутка. Человечество так не умеет.*

Однако сам Бейтман не хотел участвовать в строительстве фундамента нового человеческого общества. Его вполне устраивали — по крайней мере на данный момент — прогулки с Коджаком, написание картин, прополка огорода и мысли о социологических последствиях практически полного исчезновения человечества.

Если будете возвращаться этим же путем и повторите ваше приглашение присоединиться, Стью, я, наверное, соглашусь. Это проклятие человечества. Общительность. Христу следовало сказать: «Да, истинно говорю, когда двое или трое из вас собираются вместе, кого-то забьют до смерти». Надо ли мне объяснять вам, чему учит нас социология по части человечества? Все предельно просто. Возьмите одинокого мужчину или женщину, и я скажу, что перед вами святой. Возьмите двоих, и они влюбятся друг в друга.

Возьмите троих, и они придумают такую занятную конструкцию, которую мы называем «обществом». Возьмите четверых, и они построят пирамиду. Возьмите пятерых, и они превратят одного в изгоя. Возьмите шестерых, и они вновь изобретут предрассудки. Возьмите семерых, и через семь лет они вновь изобретут войну. Человек, возможно, создан по образу и подобию Бога, но человеческое общество создано по образу Его оппонента и всегда пытается вернуться домой.

Соответствовали ли слова Бейтмана истине? Если да, оставалось надеяться только на Бога. В последнее время Стью много думал о давних друзьях и знакомых. И память его в значительной мере преуменьшала, а то и вовсе забывала их отрицательные качества: скажем, Биллу Хэпскомбу нравилось ковырять в носу и вытирать козявки о подошву ботинка; Норм Бруэтт отвешивал подзатыльники детям; Билли Верекер регулировал количество кошек в своем доме, круша черепа только что родившихся котят каблуком тяжелого ботинка.

Ему хотелось вспоминать только хорошее. Как они шли охотиться на заре, в толстых стеганых куртках и светоотражающих оранжевых жилетах. Как играли в покер в доме Ральфа Ходжеса, и Уилли Крэддок постоянно жаловался на проигрыш четырех долларов, даже если выигрывал двадцать. Как вшестером или всемером вытаскивали на дорогу «скаут» Тони Леоминстера, на котором съехал в кювет его пьяный в стельку хозяин. Сам Тони, пошатываясь, ходил вокруг и клялся Богу и всем святым, что больше ноги его не будет в «Ю-Холе», набитом мексиканскими нелегалами, а они смеялись до слез. Как Крис Ортега сыпал анекдотами про мексиканцев и гринго. Как они ездили в Хантсвилл к проституткам, и тот случай, когда Джо Боб Брентвуд подцепил триппер и пытался убедить всех, что заразился от дивана, а не от девушки. Они чертовски хорошо проводили время. Может, хорошее времяпрепровождение для каких-то интеллектуалов с их ночными клубами, и модными ресторанами, и музеями означало совсем другое, но они все равно хорошо проводили время. Стью думал об этом, вновь и вновь прокручивал эти эпизоды в памяти, как старый отшельник, вновь и вновь раскладывающий пасьянс из засаленной колоды карт. Больше всего Стью хотелось услышать человеческие голоса, с кем-нибудь познакомиться, получить возможность повернуться к кому-то и спро-

сить: *Ты это видел?* — когда происходило что-то удивительное, вроде метеоритного дождя прошлой ночью. Разговорчивым он не был, но одиночество ему никогда не нравилось — ни теперь, ни прежде.

Он чуть выпрямился, не вставая с камня, когда из-за поворота наконец-то показались мотоциклы, «Хонды-250». На одном сидел парень лет восемнадцати, на другом — девушка чуть постарше, в ярко-желтой блузке и светло-синих джинсах «Левайс».

Когда мотоциклисты увидели сидящего на камне человека, обе «хонды» вильнули рулями, потому что и юноша, и девушка от изумления разжали руки. У юноши отвисла челюсть. Мгновение было неясно, остановятся ли они или, ускорившись, продолжат свой путь на запад.

Стью вскинул руку и крикнул:

— Привет!

Сердце гулко билось у него в груди. Ему хотелось, чтобы они остановились. Так и вышло.

На секунду его поставила в тупик чувствовавшаяся в них напряженность. Особенно в юноше. Он выглядел так, будто ему в кровь впрыснули галлон адреналина. Понятное дело, у Стью была винтовка, но он не взял их на мушку, да и они прихватили с собой оружие: юноша — пистолет, девушка — карабин небольшого калибра для охоты на оленей, который висел на лямке у нее за спиной, как у актрисы, без должной убедительности сыгравшей Патти Херст.

— Я думаю, это нормальный парень, Гарольд. — Девушка повернулась к своему спутнику, но юноша, которого она назвала Гарольдом, застыл, поставив ноги на землю по обе стороны от мотоцикла, не отрывая глаз от Стью. На его лице по-прежнему читалось изумление, к которому начала подмешиваться неприязнь. — Я сказала, думаю... — вновь начала девушка.

— И откуда мы можем это знать? — резко бросил Гарольд, по-прежнему сверля глазами Стью.

— Я рад вас видеть, если это что-то изменит, — подал голос Стью.

— А если я вам не верю? — с вызовом спросил Гарольд, и Стью понял, что юноша до смерти напуган. Его пугали как незнакомец, так и ответственность за девушку.

— Ну, тогда и не знаю, что сказать. — Стью поднялся с камня. Рука Гарольда метнулась к рукоятке пистолета, торчащей из кобуры.

— Гарольд, давай без этого, — остановила его девушка и замолчала, не зная, как продолжить. На мгновение все они не знали, что делать дальше, — группа из трех точек, которые, если соединить, образуют треугольник неизвестной пока конфигурации.

— О-о-о-х. — Фрэнни осторожно уселась на островок мха у подножия придорожного вяза. — Гарольд, мозоли на пятой точке у меня теперь останутся навсегда.

Гарольд мрачно хмыкнул.

Она повернулась к Стью:

— Вам никогда не доводилось проехать сто семьдесят миль на «хонде», мистер Редман? Не рекомендую.

Стью улыбнулся.

— Куда вы направляетесь?

— А вам какое дело? — грубо ответил Гарольд.

— С чего такое отношение? — спросила его Фрэнни. — Мистер Редман — первый человек, которого мы встретили после смерти Гаса Динсмора! Я хочу сказать, если мы не собираемся искать других людей, так зачем и куда едем?

— Он оберегает вас, вот и все, — мягко вставил Стью. Сорвал травинку, сунул между губ.

— Точно, оберегаю! — Мягче голос Гарольда не стал.

— Я думала, мы оберегаем друг друга, — ответила Фрэн, и Гарольд густо покраснел.

У Стью пронеслась мысль: *Возьми троих, и они придумают такую занятную конструкцию, которую мы называем «обществом»*. Девушка ему понравилась, но юноша производил впечатление испуганного хвастуна. А испуганный хвастун может оказаться очень опасным и при обычных обстоятельствах... и при необычных.

— Как скажешь, — пробормотал Гарольд. Исподлобья глянул на Стью и достал пачку «Мальборо» из кармана куртки. Закурил. По всему чувствовалось, что привычка эта появилась у него недавно. Вероятно, позавчера.

— Мы едем в Стовингтон, штат Вермонт, — ответила Фрэнни на вопрос Стью. — В расположенный там противоэпидемический центр. Мы... что не так? Мистер Редман?

Он вдруг побледнел как полотно. Травинка выпала из его губ на колени.

— Почему туда? — спросил Стью.

— Потому что это научно-исследовательский институт, изучающий заразные болезни, — высокомерно ответил Гарольд. — Я подумал, если в стране и остался островок порядка, если кто-то из власть имущих пережил последнюю эпидемию, то они будут в Стовингтоне или в Атланте, где расположен такой же противоэпидемический центр.

— Совершенно верно, — кивнула Фрэнни.

— Вы напрасно тратите время, — разочаровал их Стью.

Фрэнни ошарашенно уставилась на него, на лице Гарольда отразилось негодование. Краска вновь начала заливать его лицо.

— Не думаю, что вы можете об этом судить, мистер.

— Полагаю, что могу. Я пришел оттуда.

Теперь они оба выглядели ошарашенными. Ошарашенными и изумленными.

— Вы знали о существовании центра? — с дрожью в голосе спросила Фрэнни. — Проверяли, что там?

— Нет, не совсем так. Видите ли...

— Вы лжете! — воскликнул Гарольд пронзительно-громким голосом.

Фрэн заметила вспышку ледяной злости в глазах Редмана, но они тут же вновь стали карими и кроткими.

— Нет. Я не лгу.

— А я говорю, что лжете! Я говорю, вы л...

— *Гарольд, заткнись!*

Гарольд посмотрел на нее с обидой:

— Но, Фрэнни, как ты можешь верить...

— А как ты можешь быть таким грубым и враждебным? — воскликнула она. — Почему бы тебе для начала не выслушать, что он скажет, Гарольд?

— Я ему не доверяю.

«Логично, — подумал Стью. — Это у нас взаимно».

— Как ты можешь не доверять человеку, которого только что встретил? Гарольд, ты ведешь себя отвратительно!

— Давайте я расскажу вам то, что знаю, — спокойно предложил Стью. И рассказал укороченную версию своей истории, начав с того, как автомобиль Кэмпиона сшиб заправочные колонки Хэпа, и закончив бегством из Стовингтона неделей раньше. Гарольд тупо смотрел на свои руки, которые выдирали волоконца мха и рвали на части. Лицо девушки стало таким трагическим, что Стью ее пожалел. Она поехала с этим мальчишкой (который, надо отдать ему должное, выдвинул здравую идею), надеясь вопреки очевидному, что где-то остались островки привычного правопорядка. Что ж, девушку постигло разочарование. И крайне жестокое, судя по выражению ее лица.

— Атланта тоже? Болезнь уничтожила оба центра? — спросила она.

— Да, — ответил Стью, и Фрэнни разрыдалась.

Он хотел утешить ее, но юноша этого бы не позволил. Гарольд неловко глянул на Фрэнни. Потом на клочки мха на манжетах. Стью протянул ей носовой платок. Она рассеянно поблагодарила его, не поднимая глаз. Гарольд вновь уставился на Стью глазами маленького толстого мальчишки, который хотел заграбастать всю коробку с печеньем. «Наверное, он сильно удивится, — подумал Стью, — узнав, что девушки и коробки с печеньем — разные вещи».

Когда слезы перешли во всхлипывания, девушка повернулась к Стью:

— Думаю, мы с Гарольдом должны вас поблагодарить. Вы спасли нас от долгого путешествия и разочарования в конце пути.

— Ты что, ему поверила? Взяла и поверила? Он рассказывает тебе фантастическую историю, а ты... покупаешься на нее?

— Гарольд, а зачем ему лгать? Ради чего?

— Откуда я знаю, что у него на уме? — резко спросил Гарольд. — Может, убийство. Или изнасилование.

— Я не верю, что от изнасилования может быть прок, — мягко вставил Стью. — Возможно, у тебя на этот счет другое мнение.

— *Прекрати!* — Фрэн повернулась к юноше. — Гарольд, как ты можешь быть таким ужасным?

— *Ужасным?* — взревел Гарольд. — Я пытаюсь оберегать тебя... нас... и ты называешь это, черт побери, *ужасным*?

— Смотри. — Стью закатал рукав. У локтевого сгиба виднелись несколько заживающих следов от иглы и последние остатки рассосавшегося синяка. — Они пичкали меня всякой дрянью.

— Может, вы наркоман, — пробурчал Гарольд.

Стью опустил рукав, ничего не ответив. Причина, само собой, крылась в девушке. Мальчишка свыкся с мыслью, что она принадлежит ему. Что ж, одни девушки могли кому-то принадлежать, а другие — нет. И эта определенно относилась к другим. Высокая, и хорошенькая, и такая юная. Темные глаза и волосы могли создать ложное впечатление о ее беспомощности. Нетрудно было упустить из виду едва заметную вертикальную морщинку между бровей (мать Стью называла ее *я-хочу*), которая становилась глубже, если что-то огорчало Фрэн, а также уверенные движения рук и решительность, с которой она отбрасывала со лба волосы.

— Так что же нам теперь делать? — спросила она, полностью проигнорировав последнюю реплику Гарольда.

— Все равно поедем, — ответил Гарольд, а когда она посмотрела на него — на лбу Фрэнни образовалась та самая вертикальная морщинка, — торопливо добавил: — Мы все равно должны куда-то поехать. Конечно, не исключено, что он говорит правду, но мы можем и проверить. А потом решим, что делать дальше.

Фрэн повернулась к Стью, как бы говоря: «Я не хочу вас обидеть». Тот пожал плечами.

— Договорились? — напирал Гарольд.

— Пожалуй, куда именно ехать, действительно не важно. — Фрэнни сорвала одуванчик с пушистой головкой и дунула на него.

— По пути сюда вам никто не встретился? — спросил Стью.

— Только собака, вроде бы здоровая. Люди — нет.

— Я тоже видел собаку. — Он рассказал им о Бейтмане и Кодже. Закончив, добавил: — Я шел к побережью, но ваши слова о том, что людей там нет, отбили желание туда идти.

— Сожалею! — Сожаления в голосе Гарольда не чувствовалось. Он встал. — Готова, Фрэн?

Она посмотрела на Стью, замялась, потом поднялась.

— Назад к этой великолепной машине для похудания. Спасибо за ваш рассказ, мистер Редман, пусть новости и не из приятных.

— Одну секунду. — Стью тоже поднялся. Помедлил, вновь задавшись вопросом, а нужна ли ему такая компания. К девушке никаких претензий не было, однако этот семнадцатилетний пацан на всю голову страдал ненавистью-почти-ко-всем-кроме-себя. Но достаточно ли осталось на земле людей, чтобы выбирать? Стью полагал, что нет. — Как я понимаю, мы ищем людей. Я бы хотел присоединиться к вам. Если вы меня возьмете.

— Нет, — мгновенно ответил Гарольд.

Фрэн в тревоге переводила взгляд с Гарольда на Стью.

— Может, мы...

— Молчи. Я говорю — нет!

— У меня нет права голоса?

— Что с тобой? Разве ты не видишь, что ему нужно только одно? Господи, Фрэн!

— Трое всегда лучше двоих, если случается беда, — заметил Стью, — и я точно знаю, что хуже всего быть одному.

— Нет, — повторил Гарольд. Его рука легла на рукоятку пистолета.

— Да, — возразила Фрэн. — Мы будем рады, если вы присоединитесь к нам, мистер Редман.

Гарольд развернулся к ней, на его лице читались злость и обида. Стью на мгновение напрягся, подумав, что он сейчас ударит ее, потом расслабился.

— Вот ты, значит, как? Просто ждала удобного момента, чтобы избавиться от меня, теперь я понимаю. — Гарольд так разозлился, что на глаза ему навернулись слезы, и от этого злость только усилилась. — Раз ты этого хочешь — пожалуйста. Поезжай с ним. А мне с тобой делать нечего. — И он направился к «хондам».

Фрэнни с убитым видом посмотрела на Стью, потом повернулась к Гарольду.

— Минуточку, — подал голос Стью. — Подождите здесь, пожалуйста.

— Только не обижайте его, — попросила Фрэн. — Прошу вас.

Стью побежал к Гарольду, который уже успел оседлать свою «хонду» и пытался ее завести. От злости он слишком сильно открыл дроссель, и ему еще повезло, что горючее залило карбюратор, подумал Стью. Если бы двигатель завелся при полностью открытом дросселе, все могло закончиться тем, что мотоцикл встал бы на заднее колесо, покатился бы назад, как одноколесный велосипед, и сбросил бы бедного Гарольда на первое дерево. А потом еще и придавил бы сверху.

— Не подходи! — гневно крикнул Гарольд и снова взялся за рукоять револьвера. Стью накрыл его руку своей. Глаза Гарольда расширились, и Стью подумал, что еще чуть-чуть — и мальчишка может стать опасным. Он не просто ревновал девушку — не стоило так упрощать ситуацию. На кону стояло чувство собственного достоинства, новый образ защитника, который он только-только примерил на себя. Одному Богу известно, каким слизняком он был до этого, с его толстенным животом, остроносыми сапогами и наглой грубостью. Однако под этим новым образом таилась несокрушимая вера в то, что он — слизняк. Заодно с уверенностью в том, что начать новую жизнь с чистого листа невозможно. Гарольд точно так же отреагировал бы и на Бейтмана, и на двенадцатилетнего подростка. В любом треугольнике он воспринимал бы себя самым слабым местом.

— Гарольд, — шепнул ему Стью почти в самое ухо, положив руку на плечо.

— Отпустите меня! — Его жирное тело буквально светилось от напряжения; он вибрировал, как живая нить.

— Гарольд, ты спишь с ней?

Гарольд вздрогнул, и Стью понял, что нет.

— Не ваше дело!

— Не мое. Да только надо смотреть правде в глаза. Она — не моя женщина, Гарольд. Она руководствуется только своими желаниями. Я не собираюсь отбивать ее у тебя. Сожалею, что приходится говорить столь откровенно, но ты должен понять, в каком мы положении. Сейчас есть двое и один. Если ты уедешь, опять останутся двое и один. Никто ничего не приобретет.

Гарольд промолчал, но дрожи в его руке поубавилось.

— Объясняю предельно просто, — продолжил Стью, говоря буквально в ухо Гарольда, забитое коричневой серой, и пы-

таясь изгнать из голоса все эмоции. — Ты знаешь, и я знаю, что мужчине нет никакой необходимости насиловать женщин. Если, разумеется, ему известно, как пользоваться своей рукой.

— Это... — Гарольд облизнул губы, потом посмотрел на Фрэнни, стоящую на другой стороне дороги. Она скрестила руки под грудью, обхватив пальцами локти, и в тревоге наблюдала за ними. — Это отвратительно.

— Может, да, а может, и нет, но когда рядом с мужчиной женщина, которая не хочет видеть его в своей постели, у мужчины всегда есть выбор. Я каждый раз выбираю руку. Предполагаю, что и ты делаешь то же самое, поскольку она с тобой по своему выбору. Я просто хочу, чтобы мы друг друга поняли. Я здесь не для того, чтобы отбить ее у тебя, как какой-то задира на сельских танцах.

Рука Гарольда, лежащая на рукоятке пистолета, полностью расслабилась.

— Вы серьезно? Я... вы обещаете, что не скажете ей?

Стью кивнул.

— Я ее люблю, — сказал Гарольд сиплым голосом. — Она меня не любит, я знаю, но я говорю прямо, как вы.

— Отлично. Я не собираюсь вставать между вами. Просто хочу к вам присоединиться.

— Вы обещаете? — повторил Гарольд.

— Да, обещаю.

— Хорошо.

Он медленно слез с «хонды». Вдвоем они вернулись к Фрэн.

— Он может ехать, — сказал Гарольд. — И я... — Он посмотрел на Стью и продолжил с неохотой, но с достоинством: — Прошу прощения, что вел себя как говнюк.

— Ур-р-ра! — воскликнула Фрэнни и хлопнула в ладоши. — А теперь, раз с этим все ясно, куда поедем?

В итоге они поехали в ту сторону, куда направлялись Фрэн и Гарольд, на запад. Стью сказал, что Глен Бейтман с радостью примет их на ночлег, если они успеют попасть в Вудсвилл до темноты... и, возможно, утром согласится поехать вместе с ними (на этом Гарольд вновь надулся). Стью сел за руль «хонды» Фрэн, а она поехала с Гарольдом, на заднем сиденье. На ленч они остановились в Твин-Маунтин и начали медленный,

неспешный процесс знакомства друг с другом. Выговор Гарольда и Фрэн, с растянутыми «а» и пропущенными «р», казался Стью забавным. Он полагал, что его выговор кажется им не менее забавным.

Ели они в пустующем кафе, и Стью обнаружил, что его взгляд все чаще притягивается к лицу Фрэн — ее очаровательным глазам, маленькому, но решительному подбородку, вертикальной морщинке между бровей, выдающей ее эмоции. Ему нравилось, как она смотрела и говорила; нравилось даже, как ее темные волосы убраны от висков за уши. Тогда-то он и начал понимать, что все-таки хочет ее.

Книга II
ПЕРЕПУТЬЕ
5 июля — 6 сентября 1990 года

И звался наш корабль «Мэйфлауэр»,
И парус под луной сиял,
И в тот тревожный час недаром
Напев Америки звучал.
И как ни хорошо, но все ж
Удачу впрок не запасешь...

Пол Саймон

Рули в автокино, паркуйся — и вперед,
Туда, где гамбургеры жарят круглый год,
Пластинки крутятся, поет душа —
Ах, до чего ж я счастлив в США,
Чего ни захочу, найдется в США.

Чак Берри

Глава 43

Посреди Главной улицы города Мэй, штат Оклахома, лежал мертвец.

Ник не удивился. После ухода из Шойо он видел множество трупов и подозревал, что на глаза ему попалось не больше одной тысячной всех покойников, мимо которых он проезжал. В некоторых городах, через которые он проезжал, стоял такой сильный запах смерти, что Ник едва не лишался чувств. Одним трупом больше, одним меньше — никакой разницы он не видел.

Но когда мертвец сел, Ника охватил такой дикий страх, что велосипед вырвался из-под контроля. Наклонился, закачался и упал, сбросив Ника на мостовую оклахомского шоссе 3. Он ободрал ладони и лоб.

— Господи, мистер, да ты упал! — Мертвец уже направлялся к нему, благодушно пошатываясь. — Вот это да! Родные мои!

Ник ничего этого не услышал. Он смотрел на ту точку на мостовой между собственных рук, куда капала кровь со лба, и гадал, сильно ли поранился. Когда его плеча коснулась рука, он вспомнил про мертвеца и пополз в сторону, отталкиваясь от земли ладонями и подошвами ботинок, а его глаз, не прикрытый повязкой, сверкал от ужаса.

— Теперь ты ничего? — спросил мертвец, и Ник увидел, что перед ним вовсе не покойник, а молодой, радостно улыбающийся мужчина. В руке тот держал початую бутылку виски, и Ник наконец все понял. На дороге лежал не мертвец, а живой человек, который хватил лишнего и вырубился.

Ник кивнул и соединил в кольцо большой и указательный пальцы. В этот самый момент резко заболел глаз, едва не выдавленный Рэем Бутом: на него упала теплая капля крови со лба. Ник поднял повязку и указательным пальцем вытер кровь. Глаз этот теперь видел вроде бы чуть лучше, но если Ник закрывал здоровый глаз, мир превращался в расплывчатое цветовое мельтешение. Он вернул повязку на место, медленно подошел к бордюрному камню, сел на него рядом с «плимутом» с канзасскими номерами, медленно оседавшим на полупустых шинах. Ник рассмотрел рану на лбу в отражении от хромированного бампера «плимута». Выглядела она жутко, но, судя по всему, он лишь содрал кожу. Значит, предстояло найти аптеку, продезинфицировать рану и заклеить пластырем. Ник полагал, что в его организме достаточно пенициллина, чтобы справиться с любой инфекцией, однако слишком хорошо помнил, сколько хлопот доставила ему вроде бы царапина от пули, и не хотел повторения пройденного. Стряхивая с ладоней прилипшие к ним маленькие камушки, он поморщился от боли.

Мужчина с бутылкой наблюдал за всем этим с бесстрастным лицом. Если бы Ник поднял голову, такое поведение сразу показалось бы ему странным. Когда он повернулся к бамперу, чтобы рассмотреть свое отражение, лицо мужчины напрочь лишилось мимики, стало пустым и гладким, освободившись и от эмоций, и от морщин. Ростом он был пять футов девять дюймов, носил комбинезон и тяжелые высокие ботинки. Ярко-синие глаза и соломенные волосы выдавали шведское или норвежское происхож-

дение. Выглядел мужчина лет на двадцать с небольшим, но, как позднее выяснил Ник, на самом деле ему было лет сорок пять, потому что он помнил окончание Корейской войны и возвращение отца в военной форме месяцем позже. Вопроса о том, что он все это выдумал, не возникло. Том Каллен ничего выдумать не мог.

Он так и стоял с бесстрастным лицом, словно робот, отключенный от источника энергии. Потом, мало-помалу, лицо начало оживать. Заблестели покрасневшие от виски глаза. Он улыбнулся. Вновь вспомнил, что случилось.

— Господи, мистер, да ты упал. Так ведь? Мои родные! — Он моргнул, глядя на залитый кровью лоб Ника.

Ник достал из кармана рубашки блокнот и ручку «Бик», которые не выпали из кармана при падении. Написал: *Вы меня напугали. Думал, что вы мертвый, пока вы не сели. Я в порядке. В городе есть аптека?*

Он протянул блокнот мужчине в комбинезоне, и тот взял его. Посмотрел на написанное. Вернул блокнот. Улыбнулся.

— Я Том Каллен. Но я не умею читать. Доучился только до третьего класса, но мне уже исполнилось шестнадцать, и папа заставил меня уйти из школы. Сказал, что я слишком большой.

«Умственно отсталый, — подумал Ник. — Я не могу говорить, а он не может читать». На секунду он пришел в полное замешательство.

— Господи, мистер, да ты упал! — воскликнул Том Каллен. И в каком-то смысле эти слова прозвучали впервые для них обоих. — Так ведь? Мои родные!

Ник кивнул. Сунул в карман ручку и блокнот. Прикрыл рукой рот и покачал головой. Сложил руки лодочками, накрыл уши и покачал головой. Прижал к шее ладонь левой руки и покачал головой.

Каллен в недоумении улыбался.

— Болит зуб? У меня такое однажды было. Ей-ей, это больно. Так ведь? Мои родные!

Ник покачал головой и вновь обратился к языку жестов. На этот раз Каллен решил, что у Ника болит ухо. Ник вскинул руки и подошел к велосипеду. Краска кое-где поцарапалась, но обошлось без серьезной поломки. Ник сел на велосипед и проехал чуть вперед. Да, никаких поломок. Каллен бежал рядом, радост-

но улыбаясь. Его глаза не отрывались от Ника. Он почти неделю никого не видел.

— Не хочешь поговорить? — спросил он, но Ник на него не смотрел и, похоже, не услышал. Том дернул Ника за рукав и повторил вопрос.

Человек на велосипеде приложил руку ко рту и покачал головой. Том нахмурился. Теперь человек установил велосипед на подставку и оглядывал вывески магазинов. Вроде бы увидел, что искал, потому что прошел на тротуар, а потом к аптечному магазину мистера Нортона. Если он хотел попасть в аптечный магазин, то ему не повезло, потому что магазин не работал, а мистер Нортон уехал из города. Похоже, почти все заперли двери и уехали из города, за исключением мамы и ее подруги миссис Блейкли, потому что они умерли.

Теперь этот неговорящий человек пытался открыть дверь. Том мог бы сказать ему, что толку не будет, несмотря на табличку «ОТКРЫТО» на двери. Табличка «ОТКРЫТО» врала. Просто беда, потому что Том очень любил крем-соду со льдом. Куда лучше виски, от которого сначала ему становилось хорошо, потом тянуло в сон, а в конце концов голова раскалывалась от боли. Он укладывался спать, чтобы избавиться от головной боли, но ему снилось множество безумных снов о человеке в черном одеянии, вроде того, что носил преподобный Дайффенбейкер. Во снах человек в черном одеянии гонялся за ним. И Тому представлялось, что это очень плохой человек. Пить он начал в первую очередь потому, что этого делать не следовало. Так ему говорил папа, так говорила мама, но теперь они все ушли, и что? Он мог делать все, что захочет.

Но чем это занимался неговорящий человек? Поднял урну для мусора и собрался... что? Разбить окно мистера Нортона? ДЗЫНЬ! Клянусь Богом и дьяволом, он так и сделал. А теперь сунул руку в дыру, открыл дверь...

— Эй, мистер, этого нельзя делать! — Голос Тома дрожал от негодования и волнения. — Это незаконно! Не-законно! Разве ты не знаешь...

Но человек уже вошел в аптеку, ни разу не оглянувшись.

— Ты что, глухой? — возмущенно крикнул Том. — Родные мои! Ты... — Лицо Тома вновь лишилось мимики, на нем больше не отражалось никаких эмоций. Он опять стал роботом с отключенным источником питания. В Мэе Недоумка Тома таким

видели часто. Он мог идти по улице, разглядывая витрины с выражением внеземного счастья на круглом скандинавском лице, потом внезапно останавливался как вкопанный, и его лицо превращалось в застывшую маску. Частенько кто-нибудь кричал: «Том в ауте!» — и все смеялись. Если компанию Тому составлял отец, он хмурился и тыкал Тома локтем или даже хлопал по плечу или спине, пока Том не возвращался к жизни. Но отец Тома с начала тысяча девятьсот восемьдесят пятого года стал проводить с ним все меньше и меньше времени, потому что спутался с рыжеволосой официанткой, которая работала в «Баре и гриле Бумерса». Ее звали Ди-Ди Пэкалотт (и имя это вызывало немало шуток*). А где-то год назад они с Доном Калленом сбежали из города. Парочку видели лишь однажды, в дешевом мотеле неподалеку, в Слэпауте, штат Оклахома, после чего их след затерялся.

Большинство воспринимало внезапные «отключки» Тома как признак нарастающего слабоумия, однако на самом деле в эти короткие периоды он мог мыслить почти как нормальный человек. Процесс нашего мышления основывается (так, во всяком случае, утверждают психологи) на дедукции и индукции, но умственно отсталый человек не способен на эти дедуктивные или индуктивные переходы. Где-то внутри порваны провода, закорочены цепи, сломаны переключатели. Том Каллен страдал умеренной умственной отсталостью и мог делать самые простые умозаключения. А иногда — когда «отключался» — обретал способность находить и более сложные индуктивные или дедуктивные связи. Он чувствовал возможность найти такую связь, как нормальный человек чувствует некое слово или имя, которое вертится «на самом кончике языка». Когда подобное случалось, Том отсекал окружающий мир, который, по существу, являл собой дискретный поток информации от органов чувств, и уходил в себя. Превращался в человека в темной комнате, который держит в руке штепсель настольной лампы и ползает по полу, натыкается на мебель, а свободной рукой ищет электрическую розетку. И если находит ее — что случалось не всегда, — вспыхивает яркий свет, и он ясно видит комнату (или мысль). Том жил чувствами. Список того, что ему нравилось, включал вкус крем-соды со льдом в аптечном ма-

* Имя официантки DeeDee — от deaf and dumb — глухонемой (*англ.*).

газине мистера Нортона, вид красивой девушки в коротком платье, которая стоит на перекрестке в ожидании зеленого света, чтобы перейти улицу, запах лилий, ощущение шелка. Но больше всего он любил нечто нематериальное, любил тот момент, когда находилась эта связь, когда переключатель срабатывал должным образом (хотя бы на мгновение) и свет заливал темную комнату. Такое случалось не всегда; очень часто связь найти не удавалось. На этот раз удалось.

Он крикнул: *Ты что, глухой?*

Человек вел себя так, словно не слышал, что говорил Том, за исключением тех случаев, когда смотрел на него. И этот человек не сказал ему ни слова, даже не поздоровался. Иногда люди не отвечали Тому, когда он задавал вопросы: что-то в выражении его лица выдавало слабоумие. Но обычно человек, который не отвечал, выглядел злым, печальным или просто краснел. А этот мужчина вел себя иначе. Он показал Тому кольцо, образованное большим и указательным пальцами, и Том знал значение этого жеста: все, мол, тип-топ! — но все равно не заговорил с ним.

Руки, накрывшие уши, и покачивание головы.

Рука, поднесенная ко рту, и покачивание головы.

Рука, прижатая к шее, и покачивание головы.

Комната осветилась: возникла связь.

— Родные мои! — воскликнул Том, и лицо его вновь ожило. Налитые кровью глаза вспыхнули.

Он поспешил в аптечный магазин мистера Нортона, забыв, что входить в него незаконно. Неговорящий человек выплескивал что-то пахнущее, наподобие бактина*, на вату, а потом протирал ею лоб.

— Эй, мистер! — Том подбежал к нему. Неговорящий человек не обернулся. Том на мгновение удивился, как такое может быть, потом вспомнил. Похлопал Ника по плечу, и Ник повернулся к нему. — Ты глухонемой, так? Не можешь слышать! Не можешь говорить! Так?

Ник кивнул. И его, конечно же, потрясла реакция Тома. Тот запрыгал и захлопал в ладоши.

---

* Бактин — дезинфицирующее и обезболивающее средство.

— Я додумался! Какой я молодец! Я сам до этого додумался! Какой Том Каллен молодец!

Ник улыбнулся. Он не мог вспомнить, чтобы его физический недостаток когда-либо доставлял кому-то такую радость.

Перед зданием суда располагался небольшой сквер, и его украшала статуя морского пехотинца в форме и при оружии времен Второй мировой войны. На табличке значилось, что монумент поставлен в честь парней из округа Харпер, которые «ПОЖЕРТВОВАЛИ СОБОЙ РАДИ СВОЕЙ СТРАНЫ». В тени этого памятника и сидели Ник Эндрос и Том Каллен, ели андервудовские* паштеты «Свиной с пряностями» и «Куриный с пряностями», намазывая на картофельные чипсы. Две перекрещенные полоски пластыря залепляли лоб Ника над левым глазом. Он считывал слова с губ Тома (не без труда, потому что Том говорил и жевал одновременно) и думал о том, что ему чертовски надоело есть консервы. А что бы он съел с удовольствием, так это бифштекс с полноценным гарниром.

С того момента, как они принялись за еду, Том говорил без умолку. Часто повторялся, то и дело вплетал в повествование «Родные мои!» и «Так ведь?». Ник не возражал. До встречи с Томом он не осознавал, как же ему недоставало других людей. В глубине души он даже боялся, что остался один-одинешенек на всей Земле. В какой-то момент ему в голову пришла мысль, что болезнь убила всех, кроме глухонемых. Теперь, думал он, улыбаясь про себя, можно рассмотреть другой вариант: болезнь убила всех, кроме глухонемых и умственно отсталых. Идея эта, столь забавная в два часа пополудни под ярким летним солнцем, вернется к нему ночью — и уже не покажется смешной.

Его интересовало мнение Тома о том, куда подевались все люди. Он уже знал историю о папе Тома, который сбежал с официанткой пару лет тому назад, и о том, что Том работал на ферме Норбатта, и о том, как двумя годами ранее мистер Норбатт решил, что он «достаточно хорошо справляется», чтобы доверить ему топор, и о том, как однажды ночью на Тома набросились «большие парни», Том сражался с ними, пока «они все чуть не умерли, а од-

* «Андервуд» — один из брэндов известной американской корпорации «Би энд джи фудс».

ного я отправил в больницу с переломанными костями, с пе-ре-ло-ман-ны-ми, вот что сделал Том Каллен». Узнал Ник и о том, как Том нашел мать в доме миссис Блейкли, обе лежали в гостиной мертвые, и Том оттуда ушел. По словам Тома, Иисус не приходил и не забирал тела на небо в присутствии живых. Ник отметил, что Том считал Иисуса Санта-Клаусом наоборот: он утаскивал мертвых через печную трубу наверх, вместо того чтобы приносить подарки вниз. Но Том ничего не сказал о полном отсутствии жителей в городе Мэй, как и о пустынном шоссе, пересекавшем город, по которому никто и ничто не двигалось.

Он надавил руками на грудь Тома, останавливая поток слов.

— Что? — спросил Том.

Ник широким взмахом руки обвел дома в центральной части города. Изобразил удивление, изогнул бровь, наклонил голову набок, почесал затылок. Потом пальцами изобразил шагающие движения и вопросительно посмотрел на Тома.

Увиденное его испугало. Том застыл, лицо превратилось в маску, глаза, мгновением раньше сверкавшие всем тем, что он собирался рассказать, теперь напоминали тусклые синие камушки. Челюсть отвисла, и Ник видел размокшие кусочки картофельных чипсов, прилипшие к языку. Руки плетьми лежали на коленях.

В тревоге Ник потянулся, чтобы коснуться Тома, но тут его тело дернулось. Веки дрогнули, жизнь влилась в глаза, словно вода, наполняющая ведро. Том заулыбался. Чтобы объяснить происходящее с ним, не требовалось пузыря над головой (как в комиксах) со словом «ЭВРИКА!».

— Ты хочешь знать, куда ушли все люди? — воскликнул Том.

Ник энергично кивнул.

— Что ж, думаю, они уехали в Канзас-Сити, — ответил Том. — Родные мои, да. Все всегда говорили о том, чтобы уехать из такого маленького города, как этот. Здесь ничего нет. Никаких развлечений. Даже роликовый каток закрылся. Ничего нет, кроме автокино, а там показывают только всякую ерунду. Моя мама всегда говорит, что люди уходят, но не возвращаются. Как мой отец, он убежал с официанткой из кафе Бумерса, ее звали Ди-Ди Пэкалотт. Вот я и думаю, что всем тут надоело и они одновременно ушли. Вероятно, в Канзас-Сити, родные мои, так ведь? Наверняка туда. Кроме миссис Блейкли и моей мамы. Иисус собирается забрать их наверх на небеса, чтобы качать в вечных объятиях.

И Том продолжил свой монолог.

«Ушли в Канзас-Сити, — подумал Ник. — Что ж, может, и так. Все покинули эту бедную трагическую планету по воле Господа и теперь либо покачиваются в Его объятиях, либо обустраиваются на новом месте в Канзас-Сити».

Он привалился спиной к постаменту, его веки то опускались, то поднимались, и слова Тома превращались в визуальный эквивалент современного стихотворения, без заглавных букв, в стиле э.э. каммингса*:

мама сказала
так ведь
но я сказал им я сказал вам лучше
не связывайтесь

Дурные сны замучили его в прошлую ночь, которую он провел в амбаре, и теперь, на полный желудок, ему больше всего хотелось...

родные мои
конечно хочется

Ник заснул.

Проснувшись и еще не полностью придя в себя, как бывает, когда крепко засыпаешь ясным днем, Ник удивился тому, что вспотел. Сев, он все понял. Часы показывали без четверти пять. Он проспал больше двух с половиной часов, и солнце, переместившись, выглядывало из-за памятника, освещая его. Но этим дело не ограничилось. Том Каллен в порыве заботливости укрыл Ника, чтобы тот не простудился. Двумя одеялами и стеганым покрывалом.

Ник отбросил их в сторону, встал, потянулся. Тома видно не было. Ник направился к выходу на центральную площадь, гадая, что ему делать — и нужно ли что-либо делать — с Томом. Слабоумный парень питался в универсаме «Эй-энд-пи», расположен-

* э.э. каммингс (1894—1962, настоящее имя — Каммингс, Эдвард Эстлин) — американский поэт, отказавшийся в своем творчестве от многих грамматических норм, знаков препинания, заглавных букв и прочих «условностей».

ном в дальнем конце городской площади. Не испытывал ни малейших угрызений совести, когда заходил туда и выбирал съестное по картинкам на баночных этикетках, потому что, по его словам, дверь супермаркета была открыта.

Ник задался вопросом, а как бы поступил Том, если бы дверь заперли, и предположил, что, основательно проголодавшись, он бы забыл про строгие моральные принципы или чуть отодвинул их в сторону. Но что станет с ним, когда еда закончится?

Еще сильнее Ника тревожило другое. Трогательная радость, с которой этот человек его встретил. Да, Том был умственно отсталым, но не настолько, чтобы не чувствовать одиночества. Мать Тома и женщина, которая приходилась ему теткой со стороны отца, умерли. Отец давно сбежал. Работодатель, мистер Норбатт, и все остальные жители Мэя однажды ночью свалили в Канзас-Сити, пока Том спал, оставив его бродить взад-вперед по Главной улице, как неприкаянного призрака. И он начал делать то, чего делать ему не следовало, — скажем, пить виски. Напившись снова, он мог причинить себе вред. А если он причинит себе вред и рядом не окажется человека, который ему поможет, он скорее всего умрет.

Но... глухонемой и умственно отсталый? Сумеют ли они чем-то помочь друг другу? Человек, который не может говорить, и человек, который не может думать. Нет, это несправедливо. Немного думать Том мог, но он не умел читать, и Ник понимал, что вскоре устанет играть в шарады с Томом Калленом. Том — тот не устанет. Родные мои, конечно же, нет.

Ник остановился на тротуаре у выхода из сквера, сунув руки в карманы. «Ладно, — решил он, — я могу провести с ним ночь. Одна ночь значения не имеет. Зато приготовлю ему сносный ужин».

Подбодренный этой мыслью, он отправился на поиски Тома.

В ту ночь Ник спал в сквере. Где спал Том, он не знал, но, проснувшись утром, с чуть влажными от росы волосами, а в остальном в полном здравии, и выйдя на площадь, первым делом увидел Тома, который играл с автомобильными моделями «Корги» и большой пластмассовой автозаправочной станцией «Тексако».

Должно быть, Том решил, что можно вламываться в любой магазин, раз уж взлом «Аптечного магазина Нортона» не вызвал

ни у кого никаких возражений. Он сидел на тротуаре у «Центовки»*, спиной к Нику. Перед ним выстроились порядка сорока игрушечных автомобилей. Тут же лежала отвертка, которой он воспользовался, чтобы разбить витрину. Том отдал предпочтение «ягуарам», «мерседесам», «роллс-ройсам», взял выполненную в масштабе модель «бентли» с длинным лаймово-зеленым капотом, «ламборгини», «корд», четырехдюймовый «понтиак-бонневилл», изготовленный по индивидуальному заказу, «корвет», «мазерати» и — не покидай нас, Господи, и защити нас — «мун» модели тысяча девятьсот тридцать третьего года. Нависнув над машинками, Том завозил их в гараж, вывозил оттуда, заправлял на бензоколонке. Один из подъемников автомастерской работал, и на глазах Ника Том несколько раз поднимал на нем автомобили, делая вид, будто что-то ремонтирует. Не будь Ник глухим, он бы услышал в почти абсолютной тишине звуки работающего воображения Тома Каллена: «бр-р-р-р», когда автомобили заезжали на асфальт от «Фишер-прайс», «чк-чк-чк-динь» бензонасоса, «с-с-с-ш-ш-ш-ш» подъемника. Услышал бы он и обрывки разговоров между хозяином автозаправочной станции и маленькими людьми из маленьких автомобильчиков: *Каким заправлять, сэр? Стандартным? Нет проблем! Позвольте мне протереть лобовое стекло, мэм. Я думаю, проблема с карбюратором. Давайте поднимем вашу крошку и поглядим, что с ней не так. Туалеты? Само собой. По правой стене.*

А над ними, над этим маленьким клочком Оклахомы, простираясь на многие мили во все стороны, синело Божье небо.

Ник подумал: *Я не могу оставить его. Не могу этого сделать.* И внезапно на него навалилась неизвестно откуда взявшаяся грусть, такая острая, что он едва не заплакал.

Они уехали в Канзас-Сити, подумал он. *Вот что произошло. Они все уехали в Канзас-Сити.*

Ник пересек мостовую и похлопал Тома по руке. Том подпрыгнул и оглянулся. Широкая виноватая улыбка растянула его губы, от шеи начала подниматься краска, заливая лицо.

— Я знаю, это для маленьких мальчиков, а не для взрослых мужчин. Я знаю, да, конечно, папа мне говорил.

Ник пожал плечами, развел руки. На лице Тома отразилось облегчение.

---

* «Центовка — магазин товаров повседневного спроса.

— Теперь они мои. Мои, если я захочу. Если тебе можно заходить в аптечный магазин и брать что-то, значит, мне можно заходить в «Центовку» и брать что-то. Родные мои, так ведь? Я не должен их возвращать, правда?

Ник кивнул.

— Мои! — радостно воскликнул Том и повернулся к гаражу. Ник вновь похлопал его по руке, и Том посмотрел на Ника. — Что?

Ник дернул его за рукав, и он с готовностью поднялся. Ник повел Тома по улице к тому месту, где на подставке стоял его велосипед. Указал на себя. Потом на велосипед. Том кивнул:

— Конечно. Этот велик твой. А гараж «Тексако» — мой. Я не беру твой велосипед, а ты не берешь мой гараж. Само собой, никогда!

Ник покачал головой. Показал на себя. На велосипед. На Главную улицу. Помахал рукой: пока, пока.

Том застыл. Ник ждал. Том осторожно спросил:

— Ты уезжаешь, мистер?

Ник кивнул.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал! — воскликнул Том. Его глаза, большие и очень синие, заблестели от слез. — Ты мне нравишься. Я не хочу, чтобы и ты уехал в Канзас-Сити.

Ник подтянул Тома к себе и обнял. Указал на себя. На Тома. На велосипед. На Главную улицу.

— Я не понимаю, — признался Том.

Ник терпеливо повторил все жесты. На этот раз добавил прощальные взмахи руки, а потом — его озарило — поднял руку Тома и помахал ею.

— Хочешь, чтобы я поехал с тобой? — спросил Том. И невероятно радостная улыбка осветила его лицо.

Ник с облегчением кивнул.

— Конечно! — воскликнул Том. — Том Каллен собирается уехать. Том... — Он замолчал, радость умирала на его лице, он осторожно глянул на Ника. — Я смогу взять свой гараж?

Ник на мгновение задумался, потом согласно кивнул.

— Хорошо! — Широкая улыбка Тома вернулась, как солнце, выглянувшее из-за облака. — Том Каллен едет!

Ник подвел Тома к велосипеду. Указал на Тома, потом на велосипед.

— Я никогда на таком не ездил. — Том с сомнением смотрел на звездочки передач и высокое узкое сиденье. — Наверное, не надо и пытаться. Том Каллен упадет с такого хитрого велосипеда, как этот.

Но Ника его реакция приободрила. «Я никогда на таком не ездил» означало, что на велосипеде Том ездить умел. Оставалось только найти простой и крепкий. Ник понимал, что Том будет его тормозить, но, возможно, не слишком. Да и куда ему торопиться? Сны — это сны. Тем не менее он ощущал внутреннюю потребность поторапливаться, порой очень сильную, пусть и не поддающуюся четкому объяснению, некую команду на подсознательном уровне.

Он отвел Тома к его заправочной станции. Указал на нее, улыбнулся и кивнул. Тот тут же присел на корточки, протянул руки к двум автомобильчикам, но, не коснувшись их, поднял голову и посмотрел на Ника. На лице Тома отражалась тревога, смешанная с подозрением.

— Ты не собираешься уехать без Тома Каллена?

Ник решительно покачал головой.

— Хорошо. — И Том тут же повернулся к игрушкам. Ник не смог сдержаться, протянул руку и взъерошил его волосы. Том вновь посмотрел на него и застенчиво улыбнулся. Улыбнулся и Ник. Нет, он не мог просто оставить Тома. Это точно.

Велосипед, который, по его разумению, мог подойти Тому, Ник нашел около полудня. Он не ожидал, что на это уйдет столько времени, но, как ни странно, многие жители Мэя заперли свои дома, гаражи, пристройки. В большинстве случаев ему приходилось заглядывать в сумрак гаражей через маленькие, запыленные, затянутые паутиной окошки в надежде увидеть то, что нужно. Три часа он бродил по улицам города, обливаясь потом, чувствуя, как солнце жжет шею. В какой-то момент вернулся в «Уэстерн авто», но пользы это не принесло: в витрине стояли два велосипеда с тремя звездочками на заднем колесе, а остальные лежали разобранными.

В конце концов Ник нашел то, что искал, в маленьком отдельно стоящем гараже в южной части города. Гараж тоже был заперт, но одно окно оказалось достаточно большим, чтобы Ник смог в него влезть. Он камнем разбил стекло, а потом аккуратно вытащил все осколки из старой, крошащейся замазки. Внутри царила

жара, пахло машинным маслом и пылью. Велосипед, старый мальчишеский «швинн», стоял рядом с десятилетним «меркурием»-универсалом с лысыми шинами и ободранными порогами.

«Судя по тому, как мне везет, этот чертов велик будет не на ходу, — подумал Ник. — Без цепи, со спущенными колесами, что-то вроде этого». Но нет, на сей раз удача повернулась к нему лицом. Велик катился легко, шины были надуты, протектор — не стерт, все болты и звездочки — на месте. Отсутствовала багажная корзинка, которую предстояло чем-то заменить, зато имелся щиток над цепью, предохраняющий правую ногу, а на стене, между граблями и лопатой для чистки снега, Ник увидел неожиданный подарок: новенький ручной велосипедный насос «Бриггс».

Ник продолжил поиски и нашел на полке маленькую масленку «Три-ин-уан». Сел на потрескавшийся бетонный пол — жара его больше не беспокоила — и тщательно смазал цепь и обе звездочки, переднюю и заднюю. Покончив с этим, аккуратно навернул крышку на носик и сунул масленку в карман.

Привязал насос к багажнику над задним крылом «швинна», открыл ворота гаража и выкатил велосипед. Никогда еще свежий воздух не казался Нику таким сладким. Он закрыл глаза, глубоко вдохнул, вышел на дорогу, сел на велосипед и медленно поехал к Главной улице. Катил «швинн» отлично. Лучшего для Тома было не найти... при условии, что Том умел ездить на велосипеде.

Он припарковал «швинн» рядом со своим «рали» и направился в «Центовку». Нашел хорошую багажную проволочную корзинку в отделе спортивных товаров в глубине магазина и уже повернулся, чтобы уйти, когда заметил гудок с хромированным раструбом и большой красной резиновой грушей. Улыбаясь, Ник положил гудок в корзинку, потом прошел в отдел инструментов за отверткой и гаечным ключом подходящего размера. Выйдя на улицу, увидел, что Том сладко спит в тени морского пехотинца в форме и с оружием времен Второй мировой войны.

Ник закрепил на руле «швинна» сначала корзинку, потом гудок. Вернулся в «Центовку» и вышел оттуда, держа в руках объемистую сумку с одной лямкой.

С ней направился в универсам «Эй-энд-пи», наполнил сумку банками с консервированными мясом, овощами и фруктами. Задумавшись, брать ли фасоль в соусе чили, заметил тень, мелькнувшую в проходе. Если бы Ник мог слышать, он бы еще рань-

ше понял, что Том уже нашел велосипед. Хриплые гудки («Х-о-у-у-О-О-О-Г-а-а!») плыли по улице, перемежаемые смехом Тома Каллена.

Ник вышел из универсама и увидел Тома, величественно мчащегося по Главной улице, его светлые волосы и подол рубашки развевались на ветру. Он то и дело с силой жал на грушу гудка. У автозаправочной станции «Арко», где заканчивалась деловая часть города, Том развернулся и покатил назад. Гараж от «Фишер-прайс» лежал в проволочной корзине. Карманы брюк и рубашки цвета хаки топорщились от игрушечных автомобилей «корги». Солнце отражалось от сверкающих кругов спиц. С легкой тоской Ник подумал, что ему хочется услышать гудок, чтобы понять, получит ли он от этого звука такое же удовольствие, как Том.

Том помахал ему рукой и поехал дальше. В дальнем конце делового района развернулся и вновь направился к Нику, по-прежнему нажимая на грушу. Ник вытянул руку, как полицейский, останавливающий транспортное средство. Том остановился прямо перед ним. На его лице блестели крупные капли пота. Резиновый шланг ручного насоса свисал с багажника над задним колесом. Том тяжело дышал и улыбался.

Ник указал на Главную улицу и помахал рукой: пока-пока.

— Я могу взять с собой гараж?

Ник кивнул и перекинул лямку сумки с продуктами через бычью шею Тома.

— Мы уезжаем прямо сейчас?

Ник снова кивнул. Сложил в кольцо большой и указательный пальцы.

— В Канзас-Сити?

Ник покачал головой.

— Куда захотим?

Ник кивнул. «Да, в любое место, куда захотим, — подумал он, — но место это, вероятнее всего, окажется где-то в Небраске».

— Вау! — радостно воскликнул Том. — Хорошо! Да! Вау!

По шоссе 283 они направились на север и ехали уже два с половиной часа, когда на западе начали собираться темные облака. Гроза быстро надвигалась на них, опираясь на пелену дождя. Ник не мог слышать раскатов грома, но видел зигзаги молний, выстреливающих из облаков. Такие яркие, что после их исчезновения

перед глазами оставался сине-лиловый отсвет. Они приближались к окраине Росстона, где Ник намеревался повернуть на восток, по шоссе 64, когда пелена дождя под облаками исчезла, а небо застыло и приобрело странный, зловещий желтоватый оттенок. Ветер, освежающе обдувавший левую щеку, стих полностью. Ник вдруг непонятно почему занервничал, ему стало не по себе. Он не знал, что одним из немногих инстинктов, свойственных как человеку, так и низшим животным, является реакция на внезапное и резкое падение атмосферного давления.

А потом Том принялся яростно дергать его за рукав. Ник повернулся к нему и, к своему изумлению, увидел, что Том бледен как полотно, а глаза его превратились в огромные летающие тарелки.

— *Торнадо!* — прокричал Том. — *Приближается торнадо!*

Ник поискал глазами воронку, но ничего не увидел. Вновь повернулся к Тому, пытаясь найти способ успокоить его. Однако Тома рядом уже не было. Он катил на велосипеде по полю справа от дороги, оставляя за собой дорожку в высокой траве.

«Чертов дурак! — сердито подумал Ник. — Ты же сломаешь гребаную ось».

Том спешил к амбару, который на пару с силосной башней находился в четверти мили от шоссе. Туда вела проселочная дорога. Ник, по-прежнему нервничая, доехал до съезда на проселок, перенес велосипед через невысокие воротца, а потом покатил к амбару. Велосипед Тома лежал на утоптанной земляной площадке. Том даже не откинул подставку, чтобы поставить на нее велик. Ник мог бы списать это на забывчивость, если бы не видел, как Том несколько раз пользовался подставкой. «Он просто до смерти напуган», — подумал Ник.

Собственная нервозность заставила его еще раз оглянуться — и он словно окаменел.

Жуткая чернота приближалась с запада. Не облако — скорее черная дыра, засасывающая в себя весь свет. По форме она напоминала воронку, а высота ее на первый взгляд достигала тысячи футов. Вершина шириной значительно превосходила основание, которое, похоже, не касалось земли. Наверху облака отлетали от воронки, будто охваченные отвращением.

На глазах Ника основание воронки коснулось земли в трех четвертях мили от амбара, и длинное синее здание с крышей из

гофрированного металла, то ли ангар для хранения техники, то ли склад древесины, с грохотом взорвалось. Ник, разумеется, слышать этого не мог, но почувствовал вибрацию земли и едва удержался на ногах. Здание, казалось, сложилось внутрь, словно воронка высосала из него весь воздух. В следующее мгновение металлическая крыша развалилась надвое. Обе части, вращаясь, взлетели в небо. Ник, словно зачарованный, задрав голову, наблюдал за их полетом.

Это то, что я видел в самых жутких снах, думал он, *и это совсем не человек, хотя иногда, возможно, и похоже на человека. А на самом-то деле это торнадо. Невероятно огромный черный вихрь, подступающий с запада, засасывающий все, что, на свою беду, окажется у него на пути. Это...*

В этот момент его схватили за обе руки и потащили в амбар. Оглянувшись, Ник удивился, увидев Тома Каллена. Завороженный торнадо, он напрочь забыл о своем спутнике.

— Вниз! — крикнул Том. — Быстро! Быстро! Ох, родные мои, да! Торнадо! *Торнадо!*

И Ник наконец-то по-настоящему, осознанно испугался, вышел из сомнамбулического состояния, в котором находился, понял, где он и с кем. И когда Том уводил его к лестнице в подвал-убежище, почувствовал странную, звенящую вибрацию. Пожалуй, из всех ощущений, которые он когда-либо испытывал, эта вибрация больше всего походила на звук. Напоминала зудящую боль в самом центре головы. А потом, спускаясь по лестнице в подвал следом за Томом, он увидел зрелище, которое запомнил до конца своей жизни: обшивочные доски амбара отрывались одна за другой и уносились в клубящийся воздух, подобно гнилым коричневым зубам, выдираемым невидимыми щипцами. Рассыпанное по полу сено поднялось, закружилось в дюжине миниатюрных воронок-торнадо. Вибрация набирала и набирала силу.

Том уже распахивал тяжелую деревянную дверь и толкал его в подвал. На Ника пахнуло сыростью и гнилью. В тускнеющем свете он увидел, что подвал придется делить с семейством обглоданных крысами трупов. Тут Том захлопнул дверь, и они остались в кромешной тьме. Вибрация ослабела, но не прекратилась.

Паника накинула на Ника плащ и прижала к себе. Его связь с внешним миром сузилась до осязания и обоняния, но и они не

успокаивали. Ник ощущал постоянную вибрацию досок под ногами. В подвале пахло смертью.

Том вслепую нащупал его руку, и Ник притянул умственно отсталого парня к себе. Он чувствовал, что Том дрожит, и задался вопросом, не плачет ли тот и не пытается ли заговорить с ним. Эта мысль чуть поубавила его собственный страх, и он обнял Тома за плечи. Том ответил тем же, и оба застыли в темноте, вытянувшись в струнку, прижавшись друг к другу.

Вибрация под ногами Ника все усиливалась; казалось, дрожал даже воздух у его лица. Том еще крепче стиснул объятия. Ничего не слыша и не видя, Ник ждал дальнейшего развития событий. Он подумал, что такой могла бы быть вся его жизнь, если бы Рэй Бут выдавил ему и второй глаз. Но Ник был уверен: случись такое, он сразу пустил бы себе пулю в лоб.

Потом он усомнился в правильности своих часов, настаивавших на том, что они с Томом провели в подвале-убежище только пятнадцать минут, хотя логика и говорила, что часы, раз уж они работали, не ошибаются. Никогда прежде Ник не осознавал, каким субъективным, каким пластичным может быть время. Ему казалось, что прошел час, может, даже два или три. И по мере того как текли минуты, в нем крепло убеждение, что в подвале они с Томом не одни. Да, конечно, там лежали тела — какой-то бедолага перед смертью привел в подвал всю свою семью, в горячечном предположении, что подвал спасет их от болезни, как спасал от атмосферных катаклизмов, — но Ник имел в виду не трупы. Их он воспринимал как вещи, ничем не отличающиеся от стула, пишущей машинки или ковра. Труп — неодушевленный предмет, занимающий пространство, ничего больше. Однако Ник чувствовал присутствие другого существа, и в нем росла и росла убежденность в том, кто именно — или что — делит с ним этот подвал.

Рядом находился темный человек, тот самый, что оживал в его снах, чей дух он учуял в черном сердце вихря.

Откуда-то — из угла или, возможно, расположившись позади них — темный человек наблюдал за ними. И ждал. Выбрав момент, он коснется их, и они оба... что? Разумеется, сойдут с ума от ужаса. Ни больше ни меньше. Он их видел. Ник не сомневался, что он их видел. Глаза темного человека видели в темноте, как глаза кошки или какого-то инопланетного существа. Как в том фильме, кажется, он назывался «Хищник». Да... как у той твари. Тем-

ный человек видел в части спектра, недоступной человеческому глазу, и все казалось ему замедленным и красным, будто весь мир выкупали в чане с кровью.

Поначалу Ник еще мог отличать эту фантазию от реальности, но время шло, и он укреплялся в мысли, что фантазия и есть реальность. Представлял себе, что чувствует на загривке дыхание темного человека.

И уже собрался метнуться к двери, чтобы распахнуть ее и взбежать по лестнице, невзирая на последствия, когда за него это сделал Том. Рука, обнимавшая плечи Ника, внезапно исчезла. В следующее мгновение дверь подвала-убежища открылась, и в дверной проем хлынул поток ослепительно белого света, заставивший Ника прикрыть рукой единственный здоровый глаз. Он увидел покачивающийся силуэт Тома Каллена, поднимающегося по ступеням, а потом последовал за ним, нащупывая путь в этой ослепляющей белизне. К тому времени, когда он поднялся наверх, его глаз уже приспособился к новым условиям.

Он подумал, что свет не был таким ярким, когда они спускались в подвал, и сразу понял почему. С амбара сорвало крышу. Даже не сорвало, а аккуратно срезало, будто скальпелем. Торнадо сработал очень чисто, не оставив на полу ни щепок, ни мусора. С сеновала свисали три потолочные балки, а со стен сорвало почти все обшивочные доски. Создавалось впечатление, будто находишься внутри собранного скелета какого-то доисторического чудовища.

Том не остановился, чтобы оценить разрушения. Выбежал из амбара, словно за ним гнался дьявол. Оглянулся только раз, и в его огромных глазах стоял ужас, который в другой ситуации вызвал бы смех. Ник не смог устоять перед искушением и все-таки заглянул в подвал-убежище. Ступени уходили вниз, в темноту, старые, потрескавшиеся, истертые посередине. Он увидел разбросанную солому на полу и две пары рук, тянувшихся из тени. Крысы объели пальцы до костей.

Если в подвале был кто-то еще, Ник его не увидел.

Да и не хотел видеть.

Он последовал за Томом.

Том, дрожа всем телом, стоял у велосипеда. Ника на мгновение позабавила прихотливая избирательность торнадо: воронка всосала в себя большую часть амбара, но побрезговала их велоси-

педами, — и тут он заметил, что Том плачет. Ник подошел к нему, обнял за плечи. Том, широко раскрыв глаза, смотрел на просевшие ворота амбара. Ник сложил большой и указательный пальцы в кольцо. Глаза Тома скользнули по кольцу, но вопреки надеждам Ника он не улыбнулся. Он вновь уставился на амбар. И Нику совершенно не нравился его пустой, оцепенелый взгляд.

— Там кто-то был! — резко бросил Том.

Ник улыбнулся сам, но улыбка получилась вымученной. Он не знал, как она выглядит со стороны, однако чувствовал, что не очень. Указал на Тома, на себя, потом разрезал воздух рукой, словно подводя черту.

— Нет, — возразил Том. — *Не только* мы. Кто-то еще. Кто-то, кто вышел из смерча.

Ник пожал плечами.

— Теперь мы можем ехать? Пожалуйста!

Ник кивнул.

Они покатили велосипеды к шоссе, воспользовавшись полосой выдернутой травы и взрытой земли, которую оставил после себя торнадо. Он прошелся по западной окраине Росстона, пересек федеральное шоссе 283, продвигаясь с запада на восток, ломая ограждения и обрывая провода, обогнул амбар слева от них, зато с силой ударил по дому, который стоял — раньше — перед амбаром. В четырехстах ярдах от шоссе проложенная в поле полоса резко обрывалась. Теперь облака уже начали рассеиваться (хотя дождь продолжал идти, легкий и освежающий), и беззаботно пели птицы.

Ник наблюдал, как напряглись могучие мышцы Тома, когда он переносил велосипед через скрученное ограждение у обочины шоссе. «Этот парень спас мне жизнь, — подумал он. — До этого дня я никогда в жизни не видел смерча. Если бы я оставил его в Мэе, как поначалу собирался сделать, то сейчас лежал бы мертвым бревном».

Он перенес велосипед через ограждение, хлопнул Тома по плечу и улыбнулся ему.

«Мы должны найти кого-то еще, — подумал Ник. — Чтобы я смог поблагодарить его. И сказать ему мое имя. Он даже не знает, как меня зовут, потому что не умеет читать».

Какое-то время он постоял, пораженный этим открытием, а потом они сели на велосипеды и поехали дальше.

* * *

На ночь они остановились на левой половине поля «Росстонских малышей», выступавших в малой лиге. Вечер выдался звездным и безоблачным. Ник заснул быстро, и ему ничего не снилось. Проснулся на заре, думая, как же это хорошо, когда рядом вновь кто-то есть, и насколько от этого все меняется.

В Небраске действительно был округ Полк. Поначалу его это поразило, но ведь последние несколько лет он провел в пути. Должно быть, кто-то из собеседников Ника упомянул округ Полк, а может, раньше жил в округе Полк, но в его памяти этот разговор не сохранился. Нашел Ник на карте и шоссе 30, однако все-таки не мог поверить, во всяком случае, ранним утром солнечного дня, что они действительно отыщут старую негритянку, которая сидит на крыльце посреди кукурузного поля и поет псалмы, аккомпанируя себе на гитаре. Ник не верил в предчувствия и видения, но полагал, что нужно куда-то идти, искать людей. В каком-то смысле он разделял стремление Фрэнни Голдсмит и Стью Редмана к объединению. А до тех пор все оставалось чуждым и лишенным должного порядка. И везде таилась опасность. Пусть скрытая от глаз, она чувствовалась, как присутствие темного человека в подвале. Опасность была везде. В домах, за следующим поворотом дороги, под легковушками и грузовиками на шоссе. И если сегодня они избежали встречи с ней, она по-прежнему поджидала их в отрывном календаре, отделенная двумя или тремя листочками. «Опасность! — казалось, шептала каждая клеточка его тела. — АВАРИЙНЫЙ МОСТ. СОРОК МИЛЬ ПЛОХОЙ ДОРОГИ. МЫ НЕ НЕСЕМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕХ, КТО ПРОДОЛЖИТ ПУТЬ В ЭТОМ НАПРАВЛЕНИИ».

Отчасти причину следовало искать в огромном, выбивающем из колеи психологическом шоке, вызванном пустынным пространством. Находясь в Шойо, Ник практически его не испытывал. Пустынность Шойо значения не имела... по крайней мере особого значения, поскольку сам Шойо являлся песчинкой на бескрайнем пляже. Но когда ты катил по шоссе, возникало ощущение... Ник вспомнил фильм Уолта Диснея о природе, который видел в детстве. Тюльпан заполнял весь экран, один тюльпан, такой красивый, что захватывало дух. А потом камера отъезжала с быстротой, вызывающей головокружение, и ты видел целое поле таких же тюльпанов. Этот прием бил в самое сердце. Создавал

полную информационную перегрузку, из-за которой перегорал предохранитель какой-то внутренней цепи, отсекая информационный поток. Человек подобного выдержать не мог. Аналогичным образом действовало на Ника и это путешествие. В Шойо не осталось ни души, но он к этому худо-бедно приспособился. Однако и в Макнабе не осталось ни души, и в Тексаркане, и в Спенсервилле, а Ардмор выгорел дотла. Пока он ехал на север по шоссе 81, ему встречались только олени. Дважды попадались на глаза признаки того, что в живых остались и другие люди: относительно свежий костер и останки застреленного и освежеванного оленя. Однако самих людей Ник не видел. И этого было достаточно, чтобы свести человека с ума, потому что медленно, но верно приходило осознание случившегося. Речь шла не просто о Шойо, или о Макнабе, или о Тексаркане. Вся Америка превратилась в небрежно брошенную жестянку, на дне которой перекатывались несколько забытых горошин. А ведь за пределами Америки лежал *целый мир*. Но от этой мысли Нику стало так тошно, что он выбросил ее из головы.

И склонился над атласом. Возможно, продолжив путь, они превратятся в снежный ком, катящийся вниз по склону, увеличивающийся в размерах. Если повезет, по пути в Небраску к их маленькой команде присоединится еще несколько человек (или они к ним присоединятся). А после Небраски, полагал Ник, они отправятся куда-то еще. Все это напоминало поход без конечной цели — ни тебе чаши Грааля, ни меча в камне.

«Мы двинемся на северо-восток, прямиком в Канзас», — думал Ник. Шоссе 35 приведет их к другому участку шоссе 81, и по нему они смогут добраться до Суидхолма, штат Небраска, где шоссе 81 под прямым углом пересекало шоссе 92. А шоссе 30 являлось гипотенузой этого прямоугольного треугольника. И где-то в нем лежала приснившаяся ему страна.

Думая об этом, Ник ощутил трепет.

Краем глаза он уловил какое-то движение, поднял голову. Том сидел и обоими кулаками тер глаза. Нижняя половина его лица, казалось, исчезла в огромном зевке. Ник улыбнулся Тому и получил улыбку в ответ.

— Сегодня поедем дальше? — спросил Том, и Ник кивнул. — Ух ты, как хорошо! Мне нравится ехать на моем велике. Родные мои, да! Надеюсь, мы никогда не остановимся.

Убирая атлас, Ник подумал: «А кто знает? Возможно, твое желание исполнится».

Тем утром они повернули на восток и на ленч остановились на перекрестке неподалеку от границы Канзаса и Оклахомы. День этот, седьмое июля, выдался жарким.

Незадолго до привала Том, как обычно, резко остановил велосипед. Он смотрел на щит-указатель, закрепленный на бетонной стойке, наполовину ушедшей в мягкую обочину. Ник тоже взглянул на щит. Прочитал: «ВЫ ПОКИДАЕТЕ ОКРУГ ХАРПЕР, ШТАТ ОКЛАХОМА. ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В ОКРУГ ВУДС, ШТАТ ОКЛАХОМА».

— Я могу это прочитать, — заявил Том, и если бы Ник мог слышать, его бы отчасти позабавил, отчасти тронул пронзительный голос Тома, декламирующего: — *Вы покидаете округ Харпер, штат Оклахома. Вы въезжаете в округ Вудс, штат Оклахома.* — Том повернулся к Нику. — Знаешь что, мистер?

Ник покачал головой.

— Я никогда в жизни не выезжал из округа Харпер, родные мои, нет, только не Том Каллен. Но однажды мой папа привез меня сюда и показал этот щит. Сказал, что если когда-нибудь поймает меня по другую сторону щита, то сдерет с меня кожу. Я очень надеюсь, что он не поймает нас в округе Вудс. Или поймает?

Ник энергично покачал головой.

— Канзас-Сити в округе Вудс?

Ник вновь покачал головой.

— Но мы заедем в округ Вудс до того, как поедем куда-то еще, так?

Ник кивнул.

Глаза Тома блеснули.

— Это — мир?

Ник не понял. Нахмурился... вскинул брови... пожал плечами.

— *Мир* — это место, вот я про что, — пояснил Том. — Мы едем в *мир*, мистер? — Он замялся, а потом со всей серьезностью спросил: — Вудс — так можно назвать мир?

Ник медленно кивнул.

— Ладно. — Том еще несколько секунд смотрел на щит-указатель, потом вытер правый глаз, из которого выкатилась одна

слезинка. Оседлал велосипед. — Ладно, поехали. — И молча пересек границу между округами. Ник последовал за ним.

Они въехали в Канзас прямо перед тем, как стало слишком темно, чтобы продолжать путь. После ужина Том надулся и выглядел усталым. Он хотел поиграть в гараж. Хотел посмотреть телик. Не испытывал ни малейшего желания ехать дальше, его зад болел от слишком долгого контакта с сиденьем. Том не понимал, что такое граница между штатами, и в отличие от Ника не испытал прилива бодрости, когда они миновали еще один щит-указатель с надписью: «ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В КАНЗАС». К тому времени сумерки настолько сгустились, что белые буквы, казалось, плавали в нескольких дюймах от коричневого фона, словно призраки.

Отъехав на четверть мили от границы штата, они остановились на ночлег под водонапорной башней на высоких стальных опорах, совсем как у машин марсиан Герберта Уэллса. Том заснул, едва успев залезть в спальник. Ник какое-то время сидел, наблюдая за появляющимися звездами. Их окружала совершенно темная и — для Ника — абсолютно бесшумная земля. Когда же он сам собрался залезть в мешок, на ближайшую изгородь уселась ворона и вроде бы принялась изучать его. Ее маленькие черные глазки, казалось, обрамляли кровавые полукружия — отражение раздутой оранжевой луны, молчаливо поднявшейся над горизонтом. Что-то в вороне Нику не понравилось; она определенно его нервировала. Он нашел комок земли и запустил в птицу. Та взмахнула крыльями, бросила на Ника, как ему показалось, злобный взгляд и улетела в темноту.

В эту ночь ему приснился человек без лица, стоящий на высокой крыше с простертыми на восток руками, а потом из кукурузы — выше его ростом — донеслась музыка. Только на этот раз он знал, что это *музыка*, и *знал*, что это гитара. Ник проснулся перед зарей с переполненным мочевым пузырем и словами, отдающимися в ушах: *Матушка Абагейл, так меня здесь называют... Приходи в любое время.*

Во второй половине следующего дня, пересекая округ Команчи по шоссе 160, они в изумлении застыли, не слезая с велосипедов, увидев небольшое стадо бизонов — с десяток голов, не боль-

ше. Бизоны спокойно переходили дорогу в поисках сочной травы. Раньше по северной стороне дороги тянулась изгородь из колючей проволоки. Но похоже, бизоны ее повалили.

— Кто они? — опасливо спросил Том. — Это не коровы!

И поскольку Ник не мог говорить, а Том — читать, ответа на свой вопрос он не получил. Так и прошло для них восьмое июля тысяча девятьсот девяностого года. На ночь они остановились на плоской, открытой всем ветрам равнине в сорока милях к западу от Дирхеда.

Девятого июля они ели ленч в тени старого высокого вяза, росшего перед частично сгоревшим фермерским домом. Одной рукой Том отправлял в рот сосиски из консервной банки, а второй то завозил автомобиль в мастерскую, то вывозил оттуда. И вновь и вновь напевал строки из популярной песни. По движениям губ Тома Ник их уже заучил: «Поймешь ли ты своего парня, детка... он су-уперпа-арень, ты же знаешь, детка...»

Огромность простиравшейся вокруг страны подавляла Ника, внушала благоговейный страх. Никогда раньше он не осознавал, как это легко — поднимать руку с оттопыренным большим пальцем, точно зная, что рано или поздно закон больших чисел сыграет в твою пользу. Остановится какой-нибудь автомобиль, обычно с мужчиной за рулем, и зачастую между ног у водителя будет стоять початая банка пива. Он спросит, куда тебе надо, а ты протянешь ему листок бумаги, который держишь под рукой в нагрудном кармане: «Привет, меня зовут Ник Эндрос. Я глухонемой. Извините. Мне нужно в... Буду признателен, если подвезете. Я умею читать по губам». И все дела. Если только водитель не недолюбливал глухонемых (такие встречались, но нечасто), ты запрыгивал в машину, и она или доставляла тебя в нужное место, или помогала преодолеть немалый кусок пути в нужном направлении. Машина пожирала дорогу и выдувала мили из выхлопной трубы. Машина служила средством телепортации. Машина побеждала карту. Но теперь никакой *машины* не было, хотя по многим дорогам с ее помощью, при соблюдении должной осторожности, не составляло труда проехать семьдесят или восемьдесят миль. А уткнувшись в пробку, ты мог бросить свой автомобиль, какое-то расстояние пройти пешком и взять другой. Без автомобиля они напоминали муравьев, ползущих по груди великана, муравьев, от-

правившихся в бесконечное путешествие от одного соска к другому. Потому-то Ник наполовину мечтал, наполовину грезил о том, что они наконец-то встретят кого-нибудь еще (при условии, что это вообще возможно), и произойдет это точно так же, как в беззаботные времена передвижения на попутках: солнечный луч сверкнет на хроме отделки, когда автомобиль возникнет на вершине лежащего впереди холма, одновременно ослепляя и радуя глаз. И это будет самый обычный американский автомобиль, «шеви-бискейн» или «понтиак-темпест», железяка на колесах, произведенная на заводах Детройта. В своих мечтах Ник никогда не представлял «хонду», «мазду» или «юго». «Американская красота» остановится, и за рулем будет сидеть мужчина, выставив из окна загорелый локоть. Мужчина улыбнется и скажет: «Святой Иосиф, парни! Чертовски рад вас видеть! Запрыгивайте! Запрыгивайте и давайте поглядим, куда мы едем!»

Но в тот день они никого не встретили, а десятого июля наткнулись на Джули Лори.

День снова выдался жарким. Большую часть его второй половины они ехали, повязав рубашки на поясе, и оба уже загорели, как индейцы. Но сегодня похвастаться быстрым продвижением вперед они не смогли — из-за яблок. Зеленых яблок.

Яблоки росли на старой яблоне в фермерском дворе, маленькие, зеленые, кислые, но они давно уже не ели свежих фруктов, а потому сочли их вкус божественным. Ник заставил себя остановиться после первых двух, но Том съел шесть, жадно, одно за другим, до самых косточек. Он игнорировал протестующие жесты Ника, требовавшего, чтобы тот остановился. Стоило Тому что-то вбить себе в голову, и он становился таким же неуправляемым, как своенравный четырехлетний ребенок.

И где-то в одиннадцать утра у Тома прихватило желудок. Пот бежал по нему ручьями. Он стонал. Ему приходилось слезать с велосипеда и катить его даже на небольших подъемах. Несмотря на раздражение, вызванное задержкой, Ник иной раз пусть грустно, но улыбался.

Примерно в четыре часа дня они добрались до Прэтта, и Ник решил, что на сегодня хватит. Том с радостью плюхнулся на стоящую в тени скамейку автобусной остановки и тут же заснул. Ник оставил его там, а сам пошел в брошенный деловой район в по-

исках аптеки. Он хотел найти пепто-бисмол и заставить Тома выпить лекарство, когда тот проснется, будет ему того хотеться или нет. И если бы для «закупорки» Тома потребовалась целая бутылка, Ника бы это не остановило, потому что на следующий день он намеревался наверстать упущенное.

Он нашел «Рексолл»* рядом с местным кинотеатром. Проскользнул в открытую дверь и на мгновение остановился, вдыхая знакомый жаркий запах помещения, которое давно не проветривали. К нему примешивались и другие запахи, сильные и удушающие. Прежде всего запах духов. Вероятно, несколько флаконов лопнули от жары.

Ник огляделся в поисках желудочных средств, пытаясь вспомнить, не портится ли пепто-бисмол от высокой температуры. Решил, что найдет нужную ему информацию на этикетке. Его взгляд скользнул по манекену и двум рядам по правую руку, прежде чем он увидел то, что искал. Сделал пару шагов — и тут до него дошло, что никогда еще ему не попадались манекены в аптечном магазине.

Ник оглянулся — и увидел Джули Лори.

Она замерла как памятник, с флаконом духов в одной руке и маленькой стеклянной палочкой, какую используют, чтобы что-то намазывать, в другой. В ее фарфорово-синих глазах читалось ошеломленное изумление. Каштановые волосы она зачесала назад и завязала ярким шелковым шарфом, концы которого падали на спину. Розовый свитер почти полностью скрывал джинсовые шорты, такие короткие, что они больше напоминали трусики. Россыпь прыщей краснела на лбу, а один, чертовски большой, пламенел по центру подбородка.

Теперь они с Ником, застыв от удивления, смотрели друг на друга, разделенные половиной торгового зала. Потом флакон с духами выпал из ее руки и разбился об пол с оглушительным грохотом. По аптечному магазину разлилась тепличная вонь, придав ему сходство с похоронным бюро.

— Господи, ты настоящий? — спросила она дрожащим от волнения голосом.

---

* «Рексолл» — канадская фармацевтическая компания, располагающая сетью аптек, и в США.

Сердце Ника заколотилось, он почувствовал, как кровь бешено застучала в висках. Даже глаза начали пульсировать, отчего перед ним заплясали яркие точки.

Он кивнул.

— Ты не призрак?

Он покачал головой.

— Тогда скажи что-нибудь. Если ты не призрак, скажи что-нибудь.

Ник накрыл рот рукой, потом поднес ее к шее.

— И что это должно означать? — В ее голосе появились истерические нотки. Ник их слышать не мог... но увидел выражение ее лица. Он боялся шагнуть к ней, потому что она бросилась бы бежать. Он не думал, что она испугалась его как человека. Она боялась, что видит галлюцинацию, боялась, что сходит с ума. Ник вновь ощутил прилив досады. Если бы он мог *говорить*...

Вместо этого он обратился к пантомиме. Ничего другого не оставалось. На этот раз язык жестов сработал.

— Ты не можешь *говорить*? Ты *немой*?

Ник кивнул.

Девушка пронзительно, раздраженно рассмеялась:

— Ты хочешь сказать, что мне наконец-то встретился человек, и он — *немой*?

Ник пожал плечами и криво улыбнулся.

— Ладно. — Она направилась к нему по проходу торгового зала. — Ты хотя бы выглядишь неплохо. — Девушка положила руку ему на плечо, и ее грудь почти коснулась его предплечья. Ник уловил ароматы трех разных духов, а под ними — неприятный запах ее пота.

— Меня зовут Джули, — представилась она. — Джули Лори. А тебя как зовут? — Она хихикнула. — Ты же не можешь мне сказать, так? Бедняжка. — Она наклонилась ближе, на этот раз коснувшись его грудью. Нику вдруг стало очень жарко. «Какого черта, — нервно подумал он, — она же еще ребенок».

Он оторвался от Джули, достал из кармана блокнот и ручку, начал писать. В какой-то момент она тесно прижалась к нему, заглядывая через плечо, чтобы видеть, что он там пишет. Никакого бюстгальтера. Господи, быстро же она оправилась от испуга. Почерк Ника стал неровным.

— Ух ты! — вырвалось у нее, пока он писал, словно она увидела обезьянку, проделывающую какой-то сложный трюк. Ник смотрел на блокнот и не мог «прочитать» ее слов, но почувствовал щекочущее тепло ее дыхания.

Я Ник Эндрос. Глухонемой. Путешествую с человеком, которого зовут Том Каллен, он немного умственно отсталый. Он не умеет читать и не понимает многое из того, что я ему показываю жестами, за исключением самого простого. Мы едем в Небраску, потому что там мы сможем найти людей. Так я, во всяком случае, думаю. Поедем с нами, если хочешь.

— Конечно, — без запинки ответила она, а потом, вспомнив, что он еще и глухой, спросила, тщательно выговаривая слова: — Ты можешь читать по губам?

Ник кивнул.

— Хорошо. Я так рада увидеть хоть кого-нибудь. Какая разница, что один глухонемой, а другой — умственно отсталый. Я просто не могу спать с тех пор, как отключилось электричество. — На ее лице отразилась мученическая печаль, больше подобающая героине «мыльной оперы», чем реальному человеку. — Мои мама и папа умерли две недели тому назад. Все умерли, кроме меня. Мне было так одиноко! — Она с рыданием бросилась в объятия Ника и начала тереться об него в непристойной пародии на горе.

Затем Джули отодвинулась, ее глаза сухо блестели.

— Эй, давай займемся этим. Ты такой милый.

Ник вытаращился на нее. Подумал: «Я не могу в это поверить».

Но все к этому шло. Она уже дергала его ремень.

— Давай. Я приняла таблетку. Это безопасно — Она на секунду замолчала. — Ты же можешь, правда? Я хочу сказать, если ты не можешь говорить, это не означает, что ты не можешь и...

Он протянул руки, возможно собираясь обнять ее за плечи, но наткнулся на ее груди. И его сопротивление растаяло как дым. Вместе со связностью мышления. Он уложил Джули на пол и овладел ею.

Потом Ник подошел к двери и, застегивая ремень, выглянул на улицу, чтобы посмотреть, где Том. Тот по-прежнему спал на

скамейке, не ведая, что творится в окружающем мире. Джули присоединилась к Нику, по пути прихватив новый флакон духов.

— Это умственно отсталый? — спросила она.

Ник кивнул, но ее слова ему не понравились. Жестокие слова.

Джули начала рассказывать о себе, и Ник, к своему облегчению, узнал, что ей семнадцать, то есть она не намного младше его. Мама и друзья всегда называли ее Ангельское Личико, или просто Ангел, потому что она так молодо выглядела. За последовавший час она ему еще много чего наговорила, и Ник понял, что нет никакой возможности отделить правду от лжи... или желаний, которые выдавались за действительность, если угодно. Джули, похоже, всю жизнь ждала такого, как он, того, кто не мог прервать ее бесконечный монолог. Глаза Ника устали неотрывно следить за розовыми губками, которые выталкивали слова одно за другим. Но если он отводил взгляд больше чем на секунду, чтобы проверить, как там Том, или глянуть на разбитую витрину магазина одежды на противоположной стороне улицы, ее рука касалась его щеки, возвращая к своим розовым губкам. Она хотела, чтобы он «услышал» все, ничего не упустив. Сначала она его раздражала, потом наскучила. Какого-то часа — невероятно, но факт — хватило, чтобы он пожалел, что вообще встретил ее. И ему уже хотелось, чтобы она отказалась от принятого решения ехать с ними.

Она подсела на рок-музыку и марихуану, любила стейки с жареной картошкой. У нее был бойфренд, которому обрыдла «общественная система», управляющая старшей школой, и он бросил ее в прошлом апреле, чтобы завербоваться в морскую пехоту. С тех пор она его не видела, но писала ему каждую неделю. Она и две ее школьные подруги, Рут Хонинджер и Мэри-Бет Гуч, ездили на все рок-концерты в Уичиту, а в прошлом сентябре автостопом добрались до Канзас-Сити, чтобы увидеть «Ван Хален» и других хэви-метал-монстров. Она утверждала, что «занималась этим» с бас-гитаристом «Доккена» и «никогда в жизни ее так чертовски хорошо не драли»; она «плакала и плакала» после смерти матери и отца, которые умерли один за другим в течение двадцати четырех часов, пусть даже ее мать была «сучьей ханжой», а отец «на дух не выносил» Ронни, ее бойфренда, который уехал из города, чтобы завербоваться в морскую пехоту. Она же по окончании сред-

ней школы собиралась или стать парикмахершей в Уичите, или добраться до Голливуда и найти работу в одной из тех компаний, которые строят дома кинозвезд. «Я чертовски хороша в разработке интерьеров, а Мэри-Бет сказала, что поедет со мной».

В этот момент она внезапно вспомнила, что Мэри-Бет Гуч мертва и ее шанс стать парикмахершей в Уичите или дизайнером интерьеров в компании, строящей дома для кинозвезд, ушел вместе с Мэри-Бет... и всеми остальными. И эта мысль, похоже, по-настоящему ее огорчила... но продержалась в голове недолго. Печаль не затянулась, пронеслась мимолетным шквалом.

Когда словесный поток начал иссякать — по крайней мере на время, — она захотела еще раз «сделать это» (игриво выражаясь), но Ник покачал головой, и она надула губки.

— Может, я и не захочу ехать с вами.

Ник пожал плечами.

— Болван-болван-болван! — с неожиданной злостью проговорила она. Ее глаза злобно сверкнули. Но она тут же улыбнулась. — Я так не думаю. Просто пошутила.

Ник бесстрастно смотрел на нее. Его еще и не так обзывали, однако что-то в ней очень ему не нравилось. Какая-то постоянная неуравновешенность. Если она на тебя злилась, то не кричала и не отвешивала оплеуху. Нет, Джули была не такая. Она сразу вонзала в тебя ногти. Его вдруг осенило, причем он совершенно не сомневался в своей догадке: насчет возраста она солгала. Ей не семнадцать, не четырнадцать и не двадцать один. Ей ровно столько, сколько тебе нужно... пока ты хочешь ее больше, чем она тебя, нуждаешься в ней больше, чем она в тебе. Она всячески демонстрировала свою сексуальность, но Ник полагал, что в данном случае сексуальность — всего лишь внешнее проявление чего-то другого в ее характере... всего лишь симптом. «Симптом» — это слово используют для описания болезни, верно? Значит, Джули больна? В каком-то смысле — да, и Ник внезапно испугался, что она может дурно повлиять на Тома.

— Эй, твой дружок просыпается! — воскликнула Джули.

Он оглянулся. Да, Том уже сидел на скамейке, почесывая спутанные волосы и недоуменно таращась по сторонам. Тут Ник вспомнил про пепто-бисмол.

—.Эй, привет! — закричала Джули и побежала к Тому, ее груди покачивались под обтягивающим свитером. И если раньше Том

просто таращился, то теперь его глаза буквально вылезли из орбит.

— Привет? — медленно то ли сказал, то ли спросил он и посмотрел на Ника, ожидая подтверждения и (или) объяснения.

Скрывая тревогу, Ник пожал плечами и кивнул.

— Я Джули, — представилась она. — Как дела, красавчик?

Глубоко задумавшись, по-прежнему в тревоге, Ник повернулся к ним спиной и пошел к стеллажам, чтобы взять нужное Тому лекарство.

— Нет, нет! — Том пятился и мотал головой. — Нет, нет, не хочу. Том Каллен не любит лекарства, само собой, никогда, у них плохой вкус!

Держа в одной руке трехгранную бутылку пепто-бисмола, Ник смотрел на Тома с досадой и неприязнью. Взглянул на Джули, и она перехватила его взгляд, но в ее глазах он увидел знакомую злобу, как и в тот момент, когда она назвала его болваном. Не веселые огоньки, а неприятный, начисто лишенный веселья блеск. Так обычно блестят глаза у человека, не отличающегося чувством юмора, когда он собирается кого-нибудь подразнить.

— И правильно, Том, — кивнула она. — Не пей, это яд.

Ник вытаращился на нее. Она улыбнулась в ответ, уперев руки в бедра, предлагая теперь убедить Тома в обратном. Так, вероятно, она мстила ему за то, что он отверг ее второе предложение перепихнуться.

Он вновь повернулся к Тому и глотнул из бутылки. Ник чувствовал, как злость начинает распирать виски. Протянул бутылку Тому, но ему пример не показался убедительным.

— Нет, ой-ой, Том Каллен не пьет яд! — И Ник, все сильнее злясь на девушку, увидел, что Том в ужасе. — Папа говорил, нельзя. Папа говорил, раз он убивает крыс в амбаре, то убьет и Тома! Никакого яда!

Ник резко повернулся к Джули, не в состоянии больше выносить ее ехидную ухмылку. Отвесил ей оплеуху, открытой ладонью, но сильно. Том замер с широко раскрытыми, испуганными глазами.

— Ты... — начала она, не в состоянии подобрать слова. Ее лицо густо покраснело, теперь она выглядела избалованной и злобной. — *Ты, тупоголовый ублюдок! Это же была шутка, говнюк! Ты не имеешь права меня бить! Ты не имеешь права меня бить, черт тебя побери!*

Она прыгнула на него, и он ее оттолкнул. Она плюхнулась на пятую точку, обтянутую джинсовыми шортиками, посмотрела на него снизу вверх, ее губы растянулись в зверином оскале.

— Я оторву тебе яйца! — выдохнула она. — Ты не имеешь права так себя вести!

Дрожащими руками — голова просто раскалывалась от боли — Ник достал ручку и блокнот, большими кривыми буквами написал несколько слов. Вырвал листок и протянул ей. Сверкая глазами, Джули яростно отбросила записку. Ник поднял ее, второй рукой схватил Джули за шею и сунул записку ей в лицо. Том хныкал, сжавшись в комок.

— Хорошо! — крикнула она. — Я ее прочту! Я прочту твою сраную записку!

Записка состояла из четырех слов: *Ты нам не нужна*.

— Да пошел ты! — огрызнулась она, вырываясь из его руки. Отступила по тротуару на несколько шагов. Глаза ее стали такими же огромными и синими, как при их первой встрече в аптеке, только теперь они плевались ненавистью.

Ник чувствовал, как наваливается усталость. Из всех людей... ну почему она?

— Я здесь не останусь, — заявила Джули Лори. — Я с вами. И ты не сможешь мне помешать.

Но он мог. Или она до сих пор этого не осознала? «Нет, — подумал Ник. — Не осознала. Она воспринимала происходящее как голливудский сценарий, как фильм-катастрофу в реальной жизни, с Джули Лори в главной роли. И в этом фильме Ангельское Личико всегда получала то, что хотела».

Ник вытащил револьвер из кобуры и нацелил ей на ноги. Она застыла и побледнела. Выражение ее глаз изменилось, и выглядела она теперь по-другому, впервые стала настоящей, живой Джули Лори. В ее мире возникло нечто такое, чем она не могла манипулировать, что не умела обратить в свою пользу. Револьвер. Ник уже не просто чувствовал усталость. Его мутило.

— Я же не всерьез, — быстро заговорила Джули. — Я сделаю все, что ты хочешь, перед Богом клянусь.

Он махнул револьвером, предлагая ей уйти.

Она повернулась и пошла, оглядываясь. Ускорила шаг, побежала. Повернула за угол и исчезла. Ник убрал револьвер в кобуру.

Его трясло. Он чувствовал себя так, будто его вываляли в грязи, и ощущал опустошенность, словно Джули Лори была совсем не человеком, а близким родственником холоднокровных жучков, которых находят под гниющими на земле стволами деревьев.

Он обернулся в поисках Тома, но Том исчез.

Ник быстрым шагом пошел по залитой солнцем улице, едва живой от головной боли. Глаз, выдавленный Рэем Бутом, пульсировал. Ему потребовалось почти двадцать минут, чтобы найти Тома. Тот забился на заднее крыльцо какого-то дома в двух улицах от делового района. Сидел на ржавом диване-качалке, прижимая к груди гараж от «Фишер-прайс». Увидев Ника, Том заплакал:

— Пожалуйста, не заставляй меня это пить, пожалуйста, не заставляй Тома Каллена пить яд, само собой, никогда, папа говорил, раз он убивает крыс, то убьет и меня... *пожа-а-а-алуйста*!

Только тут Ник заметил, что по-прежнему держит в руке бутылку пепто-бисмола. Он бросил ее и показал Тому пустые руки. А понос... что будет, то будет. Огромное тебе спасибо, Джули.

Том спустился со ступенек, бормоча:

— Я извиняюсь, я извиняюсь, Том Каллен извиняется.

Они вместе направились к Главной улице... и вдруг замерли как вкопанные. Оба велосипеда лежали на боку. Со вспоротыми шинами. Вокруг валялись вещи из их рюкзаков.

Тут же что-то на большой скорости пронеслось рядом с лицом Ника — он это почувствовал, — а Том закричал и побежал. Ник на мгновение застыл, в недоумении оглянулся — и, так уж вышло, посмотрел в правильном направлении, потому что увидел вспышку второго выстрела. Стреляли из окна третьего этажа отеля «Прэтт». На этот раз что-то быстрое, вроде швейной иглы, дернуло воротник его рубашки.

Он повернулся и побежал вслед за Томом.

Ник так и не узнал, выстрелила ли Джули еще раз, но, догнав Тома, убедился, что ни один из них не ранен. «Зато мы отделались от этой докучливой девицы», — решил он... однако, как потом выяснилось, ошибся.

На ночлег они остановились в амбаре в трех милях к северу от Прэтта, и Том то и дело просыпался из-за кошмаров, а потом будил Ника, чтобы тот его успокоил. К одиннадцати утра добрались до города Юка и нашли два хороших велосипеда в магазине «Спортивный и велосипедный мир». Ник, который уже начал прихо-

дить в себя после встречи с Джули, подумал, что закончить экипировку они смогут в Грейт-Бэнд, куда, по его расчетам, попадут не позднее четырнадцатого июля.

Но примерно без четверти три пополудни двенадцатого июля он заметил какое-то мерцание в зеркале заднего обзора, установленном слева на руле. Ник остановился (Том, который ехал сзади, витая в облаках, прокатил по его ступне, но он этого почти не заметил) и оглянулся. Источник мерцания взошел на вершину холма, словно дневная звезда, радуя и захватывая дух: Ник просто не мог поверить своим глазам. Пикап «шеви» какой-то древней модели — добрая старая детройтская железяка на колесах — медленно продвигался по федеральному шоссе 281, лавируя от одной обочины к другой между застывшими автомобилями.

Пикап подкатил к ним (Том энергично размахивал руками, но Ник так и стоял столбом, не слезая с велосипеда, поставив ноги на землю). Перед тем как водитель вылез на дорогу, Ник успел подумать, что сейчас увидит Джули Лори и ее злобную, торжествующую улыбку. В руках она будет держать ту самую винтовку, из которой стреляла по ним, и с такого расстояния промахнуться будет очень сложно. В злобе с отвергнутой женщиной не под силу тягаться даже демонам ада.

Но из автомобиля появился мужчина сорока с небольшим лет, в соломенной шляпе с залихватски заткнутым за синюю бархатную ленту пером, а когда он улыбнулся, его загорелое лицо покрылось сетью более светлых морщинок.

— Святой Иисус на карусели, рад ли я встрече с вами, ребята? — спросил он и сам же ответил: — Полагаю, что рад! Залезайте в кабину и давайте поглядим, куда мы едем.

Так Ник и Том повстречали Ральфа Брентнера.

Глава 44

«Он сходил с ума... детка, как будто ты этого не знаешь?»

Такая строчка была у Хьюи Смита по прозвищу Пианино*, раз уж об этом зашла речь. Давным-давно. Привет из прошлого. Хьюи

* Хьюи Смит (р. 1934) — известный американский пианист. В расцвете сил ушел к «Свидетелям Иеговы» и перестал выступать.

Пианино Смит, помнишь? *Л-а-а-а, да-а-а-а-йо... гу-уба, гу-уба... а-а-а-а.* И так далее. Остроумие, мудрость и социальный комментарий Хьюи Пианино Смита.

— На хрен социальный комментарий, — пробормотал он. — Хьюи Смит — это не моя история.

Годы спустя Джонни Риверс* записал одну из песен Хьюи, «Роковую пневмонию и буги-вуги-грипп». Эту запись Ларри помнил очень даже хорошо и думал, что она соответствует сложившейся ситуации. Старина Джонни Риверс. Старина Хьюи Пианино Смит.

— На хрен, — вновь компетентно высказался Ларри. Выглядел он ужасно — бледный, отощавший фантом, бредущий по шоссе в Новой Англии. — Дайте мне шестидесятые.

Само собой, шестидесятые, такие славные денечки. Власть цветов. «Очищаемся для Джина»**. Энди Уорхол с его стаканами с розовыми ободками и гребаными ящиками «Брилло». «Велвет андерграунд». Возвращение экземпляра из Йорба-Линды***. Норман Спинрад, Норман Мейлер, Норман Томас, Норман Рокуэлл и старина Норман Бейтс из мотеля «Бейтс», хе-хе-хе. Дилан ломает шею. Барри Макгуайр хрипит «Канун уничтожения». Дайана Росс занимает мысли всех белых подростков Америки. «Все эти прекрасные рок-группы, — заторможенно думал Ларри. — Дайте мне шестидесятые, а восьмидесятые заткните себе в зад. Если говорить о рок-н-ролле, шестидесятые стали последним взлетом Золотой Орды. «Крим». «Рэскелс». «Спунфул». «Эйрплейн» с вокалисткой Грейс Слик, соло-гитаристом Норманом Мейлером и ударником стариной Норманом Бейтсом. «Битлз». Которые. Умерли».

Он упал и ударился головой.

Мир погрузился в черноту, потом всплыл обратно яркими фрагментами. Ларри провел рукой по виску, и она вернулась, вымазанная кровью. Пустяки. Хренотень, как говорили в яркие и великолепные шестидесятые. А как еще оценить падение и удар

---

* Джонни Риверс (р. 1942) — известный американский рок-музыкант, певец, автор песен, гитарист.

** «Очищаемся для Джина» — лозунг предвыборной президентской кампании 1968 г. Юджина (Джина) Маккартни, сенатора от штата Миннесота.

*** В городе Йорба-Линда родился Ричард Никсон, 37-й президент США (1969—1974).

головой в сравнении с тем, что последнюю неделю он не мог заснуть, не проснувшись от кошмара, и хорошими ночами считались те, когда крик не поднимался выше горла? Если кричишь вслух и просыпаешься от этого, испуг только усиливается.

Сны возвращали его в тоннель Линкольна. Кто-то шел за ним, только это была не Рита, а дьявол, и он подкрадывался к Ларри с мрачной, застывшей на лице улыбкой. За ним шел темный человек — не ходячий мертвяк, куда хуже любого ходячего мертвяка. Ларри бежал в медленной, вязкой панике кошмара, спотыкался о невидимые трупы, зная, что они смотрят на него остекленевшими глазами набивных чучел из своих гробов-автомобилей, которые застряли в застывшем транспортном потоке, хотя ехали совсем в другое место. Он бежал, но какой смысл бежать от темного дьявольского человека, черного мага, глаза которого видели в темноте, как ноктовизоры*? И через какое-то время дьявол начинал подзывать его к себе: *Иди сюда, иди сюда, Ларри, мы сделаем это вме-е-е-е-есте, Ла-а-а-арри...*

Он чувствовал дыхание темного человека на своем плече и в тот самый момент вырывался из сна, выпрыгивал из сна, с криком, застрявшим в горле, как острая кость, или срывающимся с губ, достаточно громким, чтобы разбудить мертвого.

В дневное время видения блекли. Темный человек работал исключительно в ночную смену. В дневное время за него бралось Большое Одиночество, вгрызалось в мозг острыми зубками какого-то не знающего устали грызуна — крысы, может, ласки. Днем его мысли вращались вокруг Риты. Очаровательная Рита, женщина-контролер на дневной платной стоянке. Снова и снова он мысленно поворачивал ее, видел глаза-щелочки, напоминающие глаза животного, умершего в изумлении и боли, рот, который он раньше целовал, набитый зеленой блевотой. Она умерла так легко, ночью, *в гребаном спальном мешке, который они делили на двоих, а теперь он...*

Что ж, он сходит с ума. Так ведь, правда? Именно это с ним творится. Он сходит с ума.

— Схожу с ума, — простонал Ларри. — Господи, у меня едет крыша.

---

* Ноктовизор — прибор, преобразующий инфракрасные (тепловые) лучи в видимый свет и позволяющий видеть в темноте.

Часть рассудка, которая еще сохранила толику здравомыслия, заверила его, что, возможно, так оно и есть, но в эту самую минуту он страдает от теплового удара. После случившегося с Ритой он больше не ехал на мотоцикле. Просто не мог: у него возник психологический блок. Он видел себя размазанным по асфальту. Так что мотоцикл пришлось оставить. После чего он шел пешком... сколько дней? Четыре? Восемь? Девять? Ларри не знал. В это утро уже в десять часов температура поднялась выше девяноста градусов*; теперь же было почти четыре, и солнце светило ему в затылок, а он шагал без шляпы.

Ларри не мог вспомнить, когда избавился от мотоцикла. Не вчера и, возможно, не позавчера (может, все-таки позавчера, но вряд ли), да и какое это имело значение? Он слез с него, включил передачу, открыл дроссель и отпустил сцепление. Мотоцикл вырвался из его дрожащих, больных рук, как дервиш, помчался к обочине и сиганул с насыпи федерального шоссе 9 где-то к востоку от Конкорда. Ларри думал, что город, в котором он убил мотоцикл, звался Госсвиллем, хотя и это не имело особого значения. Главное заключалось в том, что ему такой мотоцикл не годился. Он не мог ехать быстрее пятнадцати миль в час — и даже на такой скорости видел, как его перебрасывает через руль и он разбивает голову об асфальт, или как в слепом повороте врезается в перевернутый грузовик и вместе с мотоциклом вспыхивает факелом. А через какое-то время загоралась гребаная лампочка перегрева двигателя, само собой, загоралась, потому что Ларри почти мог разобрать слово «ТРУС», пропечатанное маленькими буковками на пластмассовой пластинке, под которой горела эта красная лампочка. В свое время он принимал мотоцикл как должное, и поездки на нем доставляли ему наслаждение: ощущение скорости, ветер, обдувающий щеки, мостовая, пролетающая в каких-то шести дюймах под ногами. Да, пока Рита была с ним, пока Рита не превратилась в набитый блевотой рот и пару глаз-щелочек, он наслаждался ездой на мотоцикле.

Итак, он направил мотоцикл с насыпи в заросшую бурьяном лощину, а потом, не без ужаса, подошел к краю и посмотрел на него, словно боялся, что тот поднимется на дорогу и раздавит его. «Ну же, — думал Ларри, — ну же, угомонись, урод». Но мотоцикл

* По Фаренгейту; примерно 32,2 °С.

еще долго не желал угомониться. Ревел и неистовствовал внизу, заднее колесо бешено вращалось, цепь захватывала прошлогодние листья и выплевывала облака коричневой, пахнущей горечью пыли. Сизый дым вырывался из хромированной выхлопной трубы. Уже тогда с головой у него творилось неладное: он подумал, что в мотоцикле есть что-то сверхъестественное, что мотоцикл сейчас встанет на оба колеса, развернется, поднимется из лощины и расправится с ним... А если сейчас ему и удастся уйти живым, то через какое-то время он оглянется на нарастающий шум мотоциклетного двигателя — и увидит свой мотоцикл, который не захотел угомониться и умереть, как того требовали приличия. Нет, мотоцикл мчался по шоссе на скорости восемьдесят миль в час, а над рулем склонялся этот темный человек, этот твердый орешек, а на заднем сиденье компанию ему составляла Рита Блейкмур в белых шелковых штанах, трепещущих на ветру, с мертвенно-бледным лицом, глазами-щелочками, волосами сухими и мертвыми, как обертка кукурузного початка зимой. Потом наконец мотоцикл стал кашлять, и пыхтеть, и захлебываться, и давать перебои в зажигании, а когда двигатель все-таки заглох, Ларри, глядя на него, опечалился, словно убил какую-то часть себя. Без мотоцикла он не мог организовать серьезное наступление на тишину, а тишина по большому счету доставала его сильнее, чем страх умереть или получить серьезную травму, разбившись на мотоцикле. С тех пор он шел пешком. Миновал несколько небольших городков на шоссе 9, в которых ему попадались магазины, торгующие мотоциклами. В выставочных залах стояли модели с ключом в замке зажигания, однако если он смотрел в витрину слишком долго, то видел себя, лежащего на дороге в луже крови, и яркостью и насыщенностью красок видения эти напоминали жуткие, но завораживающие фильмы ужасов Чарльза Бэнда, в которых люди умирали под колесами больших грузовиков или в их теплых внутренностях росли большие безымянные насекомые, потом вырывавшиеся на волю и улетавшие, оставляя за собой вскрытые животы... И Ларри проходил мимо, бледный и дрожащий, шел дальше, с капельками пота на верхней губе и в височных впадинах.

Он похудел... а почему нет? Шагал дни напролет, каждый день, от восхода до заката. Плохо спал. Ночные кошмары будили его к

четырем утра, он зажигал лампу Коулмана* и, скрючившись, сидел рядом, дожидаясь рассвета, чтобы сразу двинуться в путь. А потом шагал едва ли не до наступления полной темноты и только тогда разбивал лагерь с торопливостью, достойной беглеца из тюрьмы. Покончив со всеми делами, он долго лежал без сна, как человек, в крови которого циркулируют два грамма кокаина. Ох, детка, его трясло и корежило. Опять же, как и любой кокаинист, он мало ел, но никогда не ощущал голода. Кокаин и ужас не способствуют аппетиту. Ларри не прикасался к кокаину с того давнишнего загула в Калифорнии, но ужас не отпускал его ни на минуту. Он дергался от пронзительного крика птицы в лесу. Подпрыгивал, слыша предсмертный писк какого-то маленького зверька, угодившего в пасть хищника. Миновав этапы стройности и худобы, он превратился в ходячий скелет. И теперь балансировал на тонкой метафорической (или метаболической?) грани, за которой начиналось крайнее истощение. У него отросла борода, торчавшая во все стороны, рыжевато-золотистая, более светлая, чем волосы. Глаза глубоко запали и сверкали из глазниц, словно маленькие затравленные зверьки, попавшиеся в пару поставленных рядом капканов.

— Схожу с ума! — вновь простонал Ларри. Безнадежное отчаяние своего собственного скулежа испугало его. Неужели все зашло так далеко? Когда-то существовал Ларри Андервуд, записавший пластинку, которая успешно раскупалась, мечтавший стать Элтоном Джоном своего времени, ох, други мои, как бы смеялся над этим Джерри Гарсия... а теперь этот парень превратился в полутруп, ползущий по черному покрытию шоссе 9 где-то в юго-восточном Нью-Хэмпшире. Тот, другой Ларри Андервуд не потерпел бы сравнения с этим ползущим бедолагой... с этим...

Он попытался подняться и не смог.

— Ох, как же это нелепо... — Ларри наполовину смеялся, наполовину плакал.

По другую сторону дороги, на холме, расположенном ярдах в двухстах, будто великолепный мираж, поблескивал разросшийся за счет пристроек новоанглийский фермерский дом. С зеленой обшивкой и отделкой, крытый зеленой черепицей. С холма

* Лампа Коулмана — названа по фамилии изобретателя У. Коулмана (1870—1957). Источником света является горящий сжиженный газ.

сбегала зеленая лужайка, которая только-только начала зарастать травой. У подножия лужайки тек небольшой ручей. Ларри мог слышать завораживающий звук его веселого журчания. Вдоль ручья извивалась каменная стена, возможно, служившая границей частного владения, а перед ней на одинаковом расстоянии друг от друга нависали огромные тенистые вязы. Ларри решил, что продемонстрирует свое всемирно известное мастерство ползания и просто немного посидит в тени... вот что он сделает. А почувствовав себя чуть лучше на предмет... на предмет жизни вообще... встанет на ноги, спустится к ручью, попьет воды и умоется. Может быть, от него плохо пахнет. Однако кому какое до этого дело? Кто будет нюхать его теперь, когда Риты нет на свете?

«Она до сих пор лежит в той палатке? — пришла ему в голову отвратительная мысль. — И тело ее распухает? Привлекает мух? Становится все больше похожим на черный леденец в туалетной кабинке у Первого проезда? Ну а где ей еще быть? Играть в гольф в Палм-Спрингс вместе с Бобом Хоупом?»

— Боже, это ужасно, — прошептал он и пополз через дорогу. Он чувствовал, что сможет встать, оказавшись в тени, но для этого потребовалось бы слишком много усилий. Тем не менее Ларри потратил часть оставшихся сил, чтобы украдкой глянуть в ту сторону, откуда пришел, и убедиться, что брошенный мотоцикл не переедет его.

В тени было градусов на пятнадцать прохладнее, и Ларри шумно выдохнул от удовольствия и облегчения. Потрогал рукой затылок, почти весь день гревшийся на солнце, и отдернул пальцы, зашипев от боли. Боль от ожога? Помажь ксилокаином. Или другим целительным дерьмом. Уберите этих людей с солнца. Ожог, детка, ожог. Уоттс*? Помнишь Уоттс? Еще один привет из прошлого. Все человечество — теперь один большой привет из прошлого, великий «золотой укол»**.

— Чел, ты болен, — поставил он себе диагноз и привалился головой к шероховатому стволу вяза. Закрыл глаза. Испещренная солнечными бликами тень образовала на внутренней стороне век движущиеся красно-черные узоры. Веселое журчание воды радо-

* Уоттс — спальный район Лос-Анджелеса.

** Имеется в виду введение себе наркоманом смертельной дозы наркотика.

вало и успокаивало. Через минутку он пойдет к ручью, чтобы попить воды и умыться. Через минутку.

Ларри задремал.

Минуты поплыли одна за другой, и дрема впервые за последние дни перешла в глубокий, не омраченный кошмарами сон. Руки бессильно лежали на животе. Тощая грудь поднималась и опускалась. От бороды лицо выглядело еще более худым — полное тревоги лицо одинокого беженца, оставшегося в живых после жуткой резни, поверить в которую просто невозможно. Мало-помалу глубокие морщины на обожженном солнцем лице начали разглаживаться. Ларри по спирали спустился к глубинным уровням подсознания и отдыхал там, как маленькое речное существо, которое летом проводит самые жаркие часы в спячке, зарывшись в прохладную глину. А солнце тем временем клонилось к горизонту.

Густые заросли кустов вдоль ручья чуть зашуршали: в них что-то двигалось. Шуршание прекратилось, послышалось вновь — и через какое-то время из кустов вынырнул мальчик. Лет тринадцати, а может, и десяти, довольно высокий для своего возраста, одетый в трусы «Фрут оф зе лум». Тело покрывал ровный загар, и лишь повыше пояса трусов тянулась странная белая полоска. В правой руке мальчик держал нож для разделки мяса. С зазубренным футовым лезвием. Оно ярко сияло на солнце.

Бесшумно, чуть пригнувшись, мальчик подкрался к Ларри. Уголки его зеленовато-синих, цвета морской воды глаз слегка поднимались вверх, придавая лицу что-то китайское. Сами глаза были немного дикие и ничего не выражали. Мальчик поднял нож.

— Нет, — послышался за его спиной мягкий, но твердый женский голос.

Мальчик обернулся, склонив голову набок и прислушиваясь, по-прежнему держа нож в поднятой руке. На его лице одновременно читались вопрос и разочарование.

— Мы будем наблюдать за ним, — добавил женский голос.

Мальчик помедлил, переводя взгляд, уже откровенно кровожадный, с ножа на Ларри и опять на нож, а потом вернулся тем же путем, что и пришел.

Ларри спал.

* * *

Проснувшись, Ларри прежде всего осознал, что чувствует себя на удивление хорошо. Потом ощутил голод. Тут же отметил неполадки с солнцем: оно вроде бы двигалось по небу в обратном направлении. И наконец, простите великодушно, ему жутко хотелось поссать.

Вставая и прислушиваясь к восхитительному потрескиванию сухожилий, Ларри понял, что не просто вздремнул, а проспал целую ночь. Взглянул на часы и понял причину солнечной аномалии: было утро, двадцать минут десятого. Отсюда и голод. Он не сомневался, что в большом белом доме наверняка найдется какая-нибудь еда. Консервированный суп, а может быть, ветчина. В животе у него заурчало.

Прежде чем отправиться в дом, он разделся, встал на колени перед ручьем и принялся лить на себя воду. Заметил, как исхудало его тело — вылитый героиновый наркоман. Ларри встал, вытерся рубашкой и натянул брюки. Влажные черные спины камней выступали над водой, и он перешел по ним на другой берег. Уже там вдруг застыл и посмотрел на густые заросли кустов. Страх, который не давал о себе знать с момента пробуждения, вдруг вспыхнул ярким пламенем — и так же резко угас. Вероятно, он услышал шебуршание белки или сурка, может, лисы. Ничего больше. Уже совершенно успокоившись, Ларри повернулся и зашагал по лужайке к большому белому дому.

Он преодолел половину пути, когда на поверхность его сознания всплыла мысль, словно поднявшийся и лопнувший пузырь. Произошло все обыденно, без фанфар, но сама мысль заставила его замереть на месте: *Почему ты не ехал на велосипеде?*

Он стоял на лужайке, между ручьем и домом, пораженный простотой этой идеи. Он шел пешком с тех пор, как отправил свой «харлей» в лощину. Шел, донельзя выматывая себя, и в конце концов свалился от солнечного удара или чего-то очень к нему близкого. А ведь мог крутить педали, передвигаясь со скоростью бегуна, если не хотел ехать быстрее, и, возможно, уже находился бы на побережье, выбирая себе подходящий коттедж и заготавливая запасы продовольствия.

Он засмеялся, сначала негромко, немного пугаясь звука собственного смеха, разносящегося по всей этой тишине. Смех в оди-

ночестве, когда рядом никого нет и некому посмеяться вместе с тобой, — еще один признак того, что ты медленно, но верно продвигаешься к сказочной стране под названием Дурдомия. Однако смех этот прозвучал так искренне и по-настоящему, так чертовски *здраво*, так похоже на смех прежнего Ларри Андервуда, что сдерживать его Ларри не стал. Он стоял, уперев руки в бока, вскинув лицо к небу, и хохотал над собственной потрясающей дуростью.

Позади, из самых густых зарослей кустов, за ним наблюдали зеленовато-синие глаза. Они продолжали наблюдать, когда Ларри, все еще посмеиваясь и качая головой, вновь зашагал по лужайке, поднялся на крыльцо и открыл парадную дверь. Ларри вошел в дом, кусты заколыхались, и раздался тот самый шелестящий звук, который Ларри услышал, но которому не придал значения. Из зарослей выбрался мальчик, по-прежнему в одних трусах и с зажатым в руке ножом для разделки мяса.

Потом появилась рука и погладила его по плечу. Мальчик немедленно остановился. Из кустов вышла женщина, высокая и крупная, но казалось, что кусты вокруг нее даже не шелохнулись. В ее густых, роскошных черных волосах ослепительно белели отдельные седые пряди. Волосы женщина заплела в косу, перекинутую через плечо вперед, и кончик косы покоился на груди. При взгляде на эту женщину прежде всего бросался в глаза ее рост, однако потом все внимание занимали волосы, их буквально осязаемая грубоватая, но словно смазанная маслом фактура. Мужчины немедленно задавались вопросом: а как она будет выглядеть при свете луны с распущенными волосами, разметавшимися по подушке? Задавались вопросом: а какая она в постели? Но она еще не познала мужчину. Хранила девственность. Ждала своего принца. Видела сны. Как-то раз в колледже имела дело с планшеткой*. И теперь она снова задалась вопросом: а не этому ли мужчине суждено познать ее?..

— Подожди, — сказала она мальчику. Повернула к себе его напряженное лицо. Она знала, в чем дело. — С домом все будет в порядке. Зачем ему вредить дому, Джо?

---

* Имеется в виду планшетка для спиритических сеансов с нанесенными на нее буквами алфавита, цифрами от 1 до 10 и словами «да» и «нет».

Он отвернулся от нее и посмотрел на дом тревожным, алчущим взглядом.

— Когда он уйдет, мы последуем за ним.

Он злобно затряс головой.

— Да, мы должны. *Я* должна. — Она ощущала это с необычайной силой. Возможно, он не окажется тем единственным, но в любом случае будет звеном цепи, держась за которую она шла все эти годы. И цепь эта подходила к своему концу.

Джо — в действительности его звали иначе — яростно вскинул нож, словно собираясь вонзить в нее. Она не попыталась ни защититься, ни спастись бегством, и он медленно опустил оружие. Потом повернулся к дому и ткнул лезвием в его направлении.

— Нет, ты этого не сделаешь, — возразила она. — Потому что он — человек и приведет нас к... — Она замолчала. *К другим людям*. Так она хотела закончить. *Он — человек и приведет нас к другим людям*. Но она не знала, это ли имела в виду и вся ли это была правда. Противоположные желания уже начали разрывать ее надвое, и она пожалела о том, что они увидели Ларри. Она снова попыталась погладить мальчика по голове, но тот сердито отскочил в сторону, уставился на большой белый дом, и его глаза горели ревностью. Через какое-то время он скрылся в кустах, метнув в нее обиженный взгляд. Она последовала за ним, чтобы убедиться, что с ним все будет в порядке. Он лег и свернулся калачиком, прижав нож к груди. Сунул в рот большой палец и закрыл глаза.

Надин прошла к тому месту, где ручей образовывал небольшое озерцо, и опустилась на колени. Зачерпнув воду руками, она утолила жажду и продолжила наблюдение за домом. В ее глазах светился покой, а лицом она очень напоминала Мадонну Рафаэля.

Во второй половине того же дня, когда Ларри ехал на велосипеде по трехполосному шоссе 9, впереди возник зеленый светоотражающий щит-указатель. Ларри остановился и в изумлении прочитал: «МЭН — СТРАНА ОТДЫХА». Он не верил глазам: неужто отшагал столь невероятное расстояние в полузабытьи от страха? Или несколько дней полностью выпали из его памяти? Он уже собрался двинуться дальше, когда что-то — какой-то звук,

раздавшийся в лесу или у него в голове, — заставило его резко оглянуться. Ничего, кроме пустынного шоссе 9, уходящего в Нью-Хэмпшир.

После того как он ушел из большого белого дома, позавтракав там сухими овсяными хлопьями и сырной пастой, выжатой из аэрозольного баллончика на слегка лежалые крекеры, у Ларри несколько раз возникало ощущение, что за ним следят и его преследуют. Он что-то *слышал* и, возможно, даже *видел* краем глаза. Его наблюдательность становилась все более острой, ее постоянно что-то подстегивало, причем на неуловимом, можно сказать, подсознательном уровне: нервные окончания реагировали на мелочи, которые даже в совокупности тянули только на смутную догадку, на чувство, что ты «под колпаком». Но в отличие от многого другого это чувство его не пугало. Оно не имело отношения ни к галлюцинациям, ни к бреду. Если кто-то наблюдал за ним, однако предпочитал держаться подальше, причина, возможно, заключалась в том, что его просто боялись. А если они боялись бедного исхудалого старину Ларри Андервуда, который настолько перетрусил, что даже не мог ехать на мотоцикле со скоростью двадцать пять миль в час, то, по всей видимости, он тоже мог их не опасаться.

И теперь, широко расставив ноги по обе стороны велосипеда, который он позаимствовал в спортивном магазине в четырех милях к востоку от большого белого дома, Ларри громко крикнул:

— Если здесь кто-нибудь есть, почему бы вам не показаться? Я вас не обижу.

Ответа не последовало. Он стоял у щита-указателя, маркирующего границу между штатами, наблюдал и ждал. У него над головой, защебетав, пронеслась птица. Все остальное пребывало в полном покое. Спустя некоторое время он вновь закрутил педали.

К шести вечера Ларри добрался до маленького городка Норт-Беруик, расположившегося на пересечении шоссе 9 и 4. Решил, что остановится здесь на ночлег, а уж утром покатит к побережью.

В маленьком магазинчике на пересечении двух шоссе Ларри взял в давно уже не работающем холодильном шкафу упаковку из шести банок пива. «Блэк лейбл», такого пива он никогда не про-

бовал. Решил, что это местная марка. Он также прихватил большой пакет картофельных чипсов «Хампти-дампти» с солью и уксусом и две банки тушеного мяса «Динти Мур». Положил все это в рюкзак и вышел из магазина.

На противоположной стороне находился ресторан, и на мгновение Ларри подумал, что увидел две длинные тени, метнувшиеся за него. Мелькнула мысль перебежать шоссе и посмотреть, а не удивит ли их его внезапное появление в облюбованном ими укромном местечке. «И кто это у нас тут прячется? Игра закончена, детки». Решил этого не делать. Он знал, что такое страх.

Вместо этого прошел чуть дальше по шоссе, толкая велосипед с висящим на руле потяжелевшим рюкзаком. Увидел большое кирпичное здание школы и рощицу деревьев за ней. В роще набрал сухих веток для приличных размеров костра и развел его в самом центре заасфальтированной игровой площадки. Протекавшая по соседству речушка петляла вдоль текстильной фабрики, а потом ныряла под шоссе. Пиво Ларри опустил в воду охлаждаться, вскрыл банку тушенки и поставил на огонь, чтобы разогреть. Поел из бойскаутского посудного набора, сидя на качелях и медленно раскачиваясь взад-вперед. Его длинная тень пересекала разметку баскетбольной площадки.

После еды Ларри задумался, а почему он почти не боится людей, которые следили за ним, — теперь он уже не сомневался, что это люди, по крайней мере двое, а может, и больше. И тут же задался вторым вопросом: почему весь день он прекрасно себя чувствовал, словно какой-то черный яд вытек из него во время вчерашнего долгого сна? Только ли потому, что нуждался в отдыхе? Лишь поэтому? Такой ответ казался слишком простым.

Рассуждая логически, он предположил, что его преследователи уже попытались бы причинить ему какой-нибудь вред, если бы собирались это сделать. Могли выстрелить в него из засады или хотя бы нацелить на него оружие и заставить отдать свое. Они могли бы взять все, что хотели... но, опять же рассуждая логически (и до чего же это было приятно — *рассуждать логически*, учитывая, что последние несколько дней все его мысли разъедала кислота ужаса), что им от него могло понадобиться? Любых товаров теперь хватало на всех, потому что потребителей осталось очень мало. Какой смысл красть или убивать, рискуя при этом собственной жизнью, если все, о чем ты когда-либо мечтал, сидя на толч-

ке с каталогом «Сирс» на коленях, ожидало тебя за витриной любого американского магазина? Просто разбей стекло, войди и возьми.

Все, что угодно, — за исключением общества тебе подобных. Оно превратилось в предмет роскоши. Ларри знал это слишком хорошо. И подлинная причина отсутствия страха как раз заключалась в том, что, по его мнению, незнакомцы искали этого самого общения. Рано или поздно их желание пересилило бы боязнь. Он мог позволить себе подождать. Не собирался спугивать их, как стаю перепелов. Никакого смысла в этом не было. Двумя днями ранее он и сам, возможно, спрятался бы при виде другого человека. Слишком бы перепугался, чтобы сделать что-то еще. Так что он мог подождать. Но, если по правде, ему действительно хотелось снова увидеть кого-нибудь. Очень хотелось.

Он вновь прогулялся к речушке и помыл посуду. Выудил из воды упаковку пива и вернулся к качелям. Вскрыл первую банку и поднял, повернувшись в сторону ресторана, где заметил две тени.

— За ваше здоровье. — Ларри одним глотком осушил полбанки. И как же хорошо пошло пиво!

Когда он выпил все шесть банок, шел уже восьмой час и солнце готовилось закатиться за горизонт. Он расшвырял последние тлеющие угли и собрал пожитки. Потом, полупьяный и в очень благостном расположении духа, проехал четверть мили по шоссе 9 и увидел дом с застекленным крыльцом. Припарковал велосипед на лужайке, взял с собой свой спальный мешок и отверткой взломал дверь.

В последний раз оглянулся, надеясь увидеть его, ее или их — они следовали за ним, Ларри это чувствовал, — но улица оставалась тихой и пустынной. Пожав плечами, прошел на крыльцо.

Время было раннее, и Ларри думал, что какое-то время провалялся без сна, но ему определенно требовался отдых. Через пятнадцать минут он уже крепко спал, дыша ровно и размеренно. Винтовка лежала рядом с его правой рукой.

Надин устала. Этот день, похоже, выдался самым длинным в ее жизни. Дважды она чувствовала, что он их заметил: один раз под Стаффордом, а второй раз на границе между Нью-Хэмпширом и Мэном, когда он обернулся и позвал их. Лично ее это не

беспокоило. Этот человек не был сумасшедшим — в отличие от другого, который прошел мимо большого белого дома десять дней тому назад. Солдат, сгибавшийся под тяжестью оружия, и гранат, и патронташей. Он смеялся, плакал и грозился оторвать яйца некому лейтенанту Мортону. Лейтенанта Мортона поблизости видно не было, за что тот мог благодарить Бога, если, конечно, еще не умер.

— Джо?

Она осмотрелась.

Джо ушел.

А она уже находилась на границе сна и бодрствования, даже пересекала эту границу. Надин откинула единственное одеяло и встала, морщась от боли в сотне разных мест. Когда она в последний раз столько времени ехала на велосипеде? Вероятно, никогда. Плюс эти постоянные, выматывающие усилия сохранить золотую середину. Если бы они подъехали к нему слишком близко, он бы их заметил, что расстроило бы Джо. А если бы отстали слишком далеко, он мог свернуть с шоссе 9 на другую дорогу, и они бы его потеряли. И это расстроило бы *ее*. Надин и в голову не приходило, что Ларри мог сделать круг и оказаться позади них. К счастью (во всяком случае, для Джо), Ларри до этого тоже не додумался.

Она повторяла себе, что рано или поздно Джо привыкнет к мысли о том, что они нуждаются в этом мужчине... и не только в нем. Они не могут жить одни. Если останутся одни, то и умрут одни. Постепенно Джо свыкнется с этой идеей. Он ведь, как и она, прежде жил не в вакууме. Человеческое общество не могло быть для него в диковинку.

— Джо, — снова тихонько позвала Надин.

Пробираться сквозь кусты он мог так же бесшумно, как вьетконговский партизан, но за последние три недели она научилась улавливать издаваемые им звуки. А этой ночью к тому же светила луна. Она услышала слабый шорох и скрип гравия и поняла, куда он идет. Не обращая внимания на ломоту в теле, последовала за ним. Часы показывали четверть одиннадцатого.

Они разбили лагерь (если только два одеяла на траве тянули на «лагерь») за «Норт-Беруикским грилем» и спрятали свои велосипеды в сарайчике позади ресторана. Мужчина, за которым они следили, поужинал на игровой площадке перед школой на другой

стороне дороги («Если бы мы подошли к нему, он бы поделился с нами своим ужином, Джо, — тактично заметила Надин. — Горячим ужином... а как хорошо он пахнет! Готова спорить, эта еда гораздо вкуснее копченой колбасы». Глаза Джо широко раскрылись, показав огромные белки, и он угрожающе потряс ножом, направив острие в сторону Ларри), а потом пошел к дому с застекленным крыльцом. Ей показалось, что мужчина немного пьян. Теперь он спал на крыльце.

Она пошла быстрее, морщась от уколов впивавшихся в ступни острых камешков. На левой стороне улицы стояли дома, и она пошла по лужайкам, которые теперь превращались в поля. Отяжелевшая от росы, сладко пахнущая трава доходила до обнаженных голеней. Это навело ее на мысли о том времени, когда она бегала с юношей по такой же траве, только под полной луной, а не убывающей, как эта. Тогда в нижней части живота перекатывался жаркий, сладкий шар возбуждения, и она очень даже чувствовала, какими эротичными становятся груди, упругими, налитыми, полными. Лунный свет пьянил ее, и трава тоже, смачивая ноги ночной влагой. Она знала, что позволит юноше лишить себя девственности, если он поймает ее. И бежала, как индианка по кукурузному полю. Поймал ли он ее? Какое это теперь имело значение?..

Она побежала еще быстрее, выпрыгнула на бетонную дорожку, блестевшую в темноте, как лед.

Джо стоял перед крыльцом, на котором спал человек. Его белые трусы ярким пятном выделялись в темноте. В сущности, у мальчика была такая темная кожа, что на первый взгляд могло показаться, что трусы то ли просто висели в пространстве, то ли украшали человека-невидимку Герберта Уэллса.

Джо жил в Эпсоме, она это знала, потому что нашла его именно там. Надин попала туда из Саут-Барнстида, городка в пятнадцати милях к северо-востоку от Эпсома. Она методично искала других выживших, но не хотела при этом покидать свой дом в родном городе. Вела поиск все более расширяющимися концентрическими кругами. Однако нашла только Джо, температурящего и бредящего после укуса какого-то животного... судя по размеру, крысы или белки. Он сидел на лужайке перед домом в Эпсоме в одних трусах, сжимая в руке нож для разделки мяса, словно первобытный дикарь или умирающий, но по-прежнему злобный пиг-

мей. Она знала, что надо делать в таких ситуациях. Отнесла мальчика в дом. Его собственный дом? Она так думала, но наверняка сказать не могла, не получив подтверждения Джо. В доме обнаружила трупы: мать, отец, трое других детей, самый старший — лет пятнадцати. Потом она нашла кабинет местного доктора, где были дезинфицирующие средства, антибиотики и бинты. Она не знала точно, какой из антибиотиков нужно применить, и понимала, что ошибка могла убить мальчика, но бездействие точно его бы убило. Укус пришелся в лодыжку, которая распухла до размеров надутой автомобильной камеры. Удача не оставила Надин. Через три дня лодыжка приобрела прежние размеры, а температура спала. Мальчик стал доверять ей. Никому другому, только ей. Когда она просыпалась по утрам, то обнаруживала его рядом с собой. Они поселились в большом белом доме. Она стала называть его Джо. Конечно же, его звали иначе, но в те времена, когда она работала учительницей, любая безымянная девочка становилась для нее Джейн, а любой мальчик — Джо. Мимо прошел солдат, смеясь, и плача, и проклиная лейтенанта Мортона. Джо хотел броситься на него из засады и заколоть ножом. А теперь этот мужчина. Она боялась отбирать у Джо нож, поскольку это был его талисман. Такая попытка могла привести к тому, что он бросился бы на нее. Он спал, сжимая нож в руке, и когда однажды она попыталась разжать его пальцы (не для того, чтобы действительно отнять нож, а чтобы просто посмотреть, возможно ли такое в принципе), он мгновенно проснулся. Еще секунду назад крепко спал — и вдруг эти жесткие зеленовато-синие китайские глаза уставились на нее со сдержанной свирепостью. Он прижал к себе нож с тихим рычанием. Он не говорил.

Он заносил нож, потом опускал его и заносил снова. Потом тихонько рычал и тыкал ножом в направлении крыльца. Возможно, готовился к решающей атаке.

Она приближалась к нему сзади, не таясь, но Джо не слышал ее. Он с головой ушел в собственный мир. Импульсивно, не отдавая себе отчета в том, что собирается сделать, она схватила его за запястье и резко повернула против часовой стрелки.

Джо зашипел, и Ларри Андервуд слегка шевельнулся во сне, перевернулся на другой бок и вновь затих. Нож упал на траву между ними, и на зазубренном лезвии засверкали серебряные лунные блики. Они напоминали светящиеся снежинки.

Он уставился на нее, и в его глазах читались злоба, упрек и недоверие. Надин решительно встретила взгляд Джо. Указала в ту сторону, откуда они пришли. Он злобно потряс головой. Указал на крыльцо и темный бугор в спальнике, а потом ужасающе откровенно обозначил свои намерения, проведя большим пальцем себе по горлу на уровне адамова яблока. После чего улыбнулся. Надин никогда раньше не видела его улыбки, и мороз пошел у нее по коже. Даже если бы его блеснувшие белые зубы превратились в остро отточенные клыки, улыбка не стала бы более свирепой.

— Нет, — мягко сказала она. — Или я разбужу его прямо сейчас.

Джо встревожился. Быстро покачал головой.

— Тогда пошли со мной. Спать.

Он бросил взгляд вниз, на нож, а потом снова посмотрел на нее. Свирепость исчезла с его лица, во всяком случае, на время. Он снова стал всего лишь потерявшимся маленьким мальчиком, который тосковал о своем плюшевом медвежонке или хотел укрыться колючим одеялом, сопровождавшим его всю жизнь, начиная с колыбели. Надин смутно почувствовала, что, возможно, пришла пора заставить Джо отказаться от ножа, просто однозначно качнуть головой: «Нет». Но что тогда? Закричит ли он? Он кричал после того, как безумный солдат исчез из виду. Кричал, не переставая, исторгая из себя оглушительные и нечленораздельные звуки ужаса и ярости. Хотелось ли ей встретиться со спящим мужчиной ночью, когда эти крики будут звенеть у них в ушах?

— Ты идешь со мной?

Джо кивнул.

— Хорошо, — спокойно сказала она. Он быстро нагнулся и поднял нож.

Вдвоем они пошли обратно, и он доверчиво жался к ней, забыв хотя бы на время о мужчине, невольно вторгшемся в их жизнь. Обнял ее и заснул. Она почувствовала прежнюю знакомую боль в животе, гораздо более глубокую и всеобъемлющую, чем боли, вызванные физической нагрузкой. Чисто женскую боль, и с этим Надин ничего не могла поделать. Вскоре она уснула.

Она проснулась где-то перед рассветом — часов у нее не было, — замерзшая, с затекшим телом и в ужасе: внезапно испугалась, подумав, что Джо затаился, дожидаясь того момента, когда она ус-

нет, снова подкрался к дому и перерезал глотку спящему мужчине. Руки Джо больше не обнимали ее. Она чувствовала себя ответственной за мальчика, ответственной за всех детей, которых не спросили, прежде чем произвести их на свет... но если бы Джо это сделал, она бы его прогнала. Отнимать чью-то жизнь, когда и так отнято столько жизней, — грех, которому нет прощения. И она не могла и дальше оставаться наедине с Джо без чьей-то помощи. Как не могла жить в одной клетке с легко возбудимым львом. Джо — и этим он ничем не отличался ото льва — не мог (или не хотел) говорить. Лишь рычал голосом потерявшегося маленького мальчика.

Она села и увидела, что мальчик по-прежнему рядом с ней. Просто во сне он чуть отодвинулся. Лежал, свернувшись калачиком, как зародыш, с большим пальцем во рту, с ножом в руке.

Снова одолеваемая сном, она отошла в траву, помочилась и вернулась к своему одеялу. На следующее утро Надин уже не знала, действительно ли просыпалась ночью — или ей это приснилось.

«Если мне и снились сны, — подумал Ларри, — то, наверное, только хорошие». Однако ни один не всплывал у него в памяти. Он чувствовал себя прежним и предвкушал еще один славный денек. Уже сегодня он мог увидеть океан. Ларри скатал спальник, закрепил на багажнике, пошел обратно за рюкзаком... и остановился.

К крыльцу вела бетонная дорожка, по обе стороны которой ярко зеленела высокая трава. Справа, неподалеку от крыльца, росистую траву примяли. Когда роса испарится, трава поднимется, но пока на ней оставались следы ног. Ларри родился и вырос в городе и никак не тянул на следопыта (предпочитал Хантера Томпсона Джеймсу Фенимору Куперу), однако только слепец, отметил он про себя, не разглядел бы на лужайке два вида следов: большие и маленькие. В какой-то момент ночью они подходили к веранде и смотрели на него. Мороз пошел у него по коже. Такая скрытность ему не понравилась, а еще меньше понравился острый укол возвращающегося страха.

«Если они не объявятся сами в ближайшее время, — подумал он, — я попытаюсь застигнуть их врасплох». Одна мысль о том,

что он может сделать это, вернула ему большую часть уверенности в себе. Он надел рюкзак и отправился в путь.

К полудню Ларри добрался до федерального шоссе 1, в том месте, где оно пересекало Уэллс. Подкинул монетку, и выпала решка. Ларри повернул на юг по шоссе 1, оставив монетку поблескивать в пыли. Двадцать минут спустя ее нашел Джо и уставился на металлический кружок, словно на кристалл гипнотизера. Он положил монетку в рот, но Надин заставила его выплюнуть ее.

Через две мили Ларри впервые увидел океан — огромное синее животное, в этот день медлительное и ленивое. Совершенно непохожий на Тихий океан или на тот же Атлантический у Лонг-Айленда. Там океан казался каким-то услужливым, почти что ручным. Здесь более темная вода цвета кобальта мерными волнами накатывала на берег и кусала скалы. Пенная накипь, густая, как яичный белок, взлетала в воздух, а потом падала обратно. Слышался постоянный ворчливый гул прибоя.

Ларри оставил велосипед и пошел к океану, ощущая необъяснимое глубокое волнение. Он прибыл сюда, добрался до места, где правило море. Здесь заканчивался восток. Он стоял на краю земли.

Ларри пересек заболоченное поле, хлюпая по воде, заполнившей пространство между кочками и островками тростника. Вокруг стоял густой, ядреный запах прилива. По мере того как Ларри все ближе и ближе подходил к краю суши, тонкий слой почвы вышелушивался, а под ней обнаруживалась голая гранитная кость — гранит, основа Мэна. В небо, крича и завывая, взмыли чайки, ослепительно белые на синем фоне. Никогда ему не доводилось видеть сразу столько птиц. Он подумал, что чайки, несмотря на всю свою белую красоту, питаются падалью. И тут же в голове возникла новая, отвратительная мысль, возникла и полностью оформилась, прежде чем он сумел отбросить ее: *Должно быть, в последнее время пропитания им хватало с лихвой.*

Он снова пошел, и теперь подошвы шуршали по высушенным солнцем камням. Трещины в них всегда оставались влажными от брызг. В трещинах обитали усоногие раки, и повсюду, как осколки костяной шрапнели, валялись их панцири, раздробленные снарядами-чайками, жаждущими добраться до мягкого мяса.

Мгновением позже Ларри уже стоял на голом граните. Морской ветер изо всей силы бил в лицо, откидывая со лба тяжелую копну волос. Он поднял голову навстречу ветру, чистому, терпкосоленому запаху синего животного. Длинные волны, тусклые и сине-зеленые, медленно надвигались на берег, по мере уменьшения глубины их склоны становились более четкими, на гребнях сначала формировались завитки пены, а потом гребень закипал целиком — и в самоубийственном порыве разбивался о скалы, как повелось с незапамятных времен. Уничтожая и себя, и микроскопическую толику суши. Слышался глухой, кашляющий удар, когда вода вливалась в какой-то наполовину затопленный скальный тоннель, который пробивала тысячелетиями.

Ларри повернулся налево, направо и увидел ту же картину: длинные волны, брызги, бескрайнее буйство *цвета*, от которого захватывало дух.

Он стоял на краю земли.

Ларри сел, свесив ноги с невысокого обрыва, чувствуя, что его переполняют эмоции, и просидел так полчаса или даже больше. От морского ветра разгулялся аппетит, и он порылся в рюкзаке в поисках ленча. Плотно поел. От брызг его синие джинсы снизу стали черными. Он ощущал себя очистившимся и посвежевшим.

Ларри зашагал назад через болото, настолько погруженный в свои мысли, что принял нарастающий крик за возгласы чаек. Даже посмотрел вверх — и лишь тогда, испытав неприятный укол страха, понял, что крик человеческий. Боевой клич.

Взгляд его сместился к земле, и он увидел, как через дорогу к нему бежит мальчик-подросток, громко топая мускулистыми ногами. В одной руке мальчик держал длинный нож для разделки мяса. Всю его одежду составляли трусы, а ноги были исполосованы перекрестными царапинами от шипов ежевики. У него за спиной, только что выбравшись из зарослей низкого кустарника и крапивы на другой стороне шоссе, возникла женщина. Очень бледная, с темными мешками усталости под глазами.

— *Джо!* — позвала она, а потом побежала, и чувствовалось, что каждое движение причиняло ей боль.

Джо продолжал мчаться, словно и не услышал ее, шлепая босыми ногами по мелким лужам болотной воды. Его лицо растянула напряженная и убийственная ухмылка. Нож для разделки

мяса, зажатый в руке и занесенный высоко над головой, сверкал в солнечных лучах.

Он собирается меня убить. Мысль поразила Ларри наповал. *Этот мальчик... что я ему сделал?*

— *Джо!* — вновь закричала женщина, пронзительным, измученным и отчаявшимся голосом. Джо по-прежнему бежал, сокращая дистанцию.

Ларри как раз хватило времени осознать, что он оставил винтовку рядом с велосипедом, когда вопящий мальчик налетел на него.

Нож начал опускаться по длинной, размашистой дуге, и Ларри стряхнул с себя оцепенение. Отступил в сторону и, даже не думая, вскинул правую ногу и ударил тяжелым мокрым желтым ботинком прямо в солнечное сплетение. Почувствовал жалость — всего-то мальчишка, вот и рухнул, как сбитая кегля. Выглядел он свирепо, но на тяжеловеса никак не тянул.

— Джо! — позвала Надин. Она споткнулась о кочку и упала на колени, забрызгав коричневой грязью свою белую кофту. — Пожалуйста, не бейте его! Он всего лишь маленький мальчик! Пожалуйста, не причиняйте ему вреда! — Она поднялась на ноги и поплелась к ним.

Джо упал на спину и лежал, раскинув руки и ноги в форме буквы «Х»: руки образовали нормальную букву «V», ноги — перевернутую. Ларри наступил на его правое запястье, вдавив руку с ножом в грязь.

— Брось нож, парень!

Мальчик зашипел и издал клокочущий звук, будто рассерженный индюк. Верхняя губа приподнялась, обнажая оскаленные зубы. Китайские глаза не отрывались от глаз Ларри. Прижимая ногой запястье мальчика, Ларри словно стоял над раненой, но по-прежнему опасной змеей. Он чувствовал, как мальчик пытается выдернуть руку, не боясь содрать кожу, или поранить мышцы, или даже сломать кость. Маленький дикарь рывком приподнялся в полусидячее положение и попытался укусить Ларри за ногу сквозь грубую мокрую хлопчатобумажную ткань джинсов. Ларри придавил запястье еще сильнее, и Джо закричал — с вызовом, а не с болью:

— Брось, я тебе говорю!

Джо продолжал борьбу.

Равновесие сохранялось бы до тех пор, пока Джо не удалось бы высвободить руку или пока Ларри не сломал бы ему запястье, но тут наконец прибыла шатающаяся от усталости, задыхающаяся и грязная Надин.

Не глядя на Ларри, она опустилась на колени.

— Брось! — Голос женщины звучал спокойно, но твердо. И лицо ее, блестевшее от пота, оставалось спокойным.

Она наклонилась практически вплотную к перекошенному лицу Джо. Тот по-собачьи лязгнул зубами и продолжил сопротивление. Ларри с трудом пытался удержаться на ногах. Высвободившись, мальчишка вполне мог первой ударить женщину.

— Брось... нож! — повторила Надин.

Мальчик зарычал. Слюна текла между его сжатыми зубами. Грязное пятно на правой щеке напоминало вопросительный знак.

— Мы оставим тебя, Джо. Я оставлю тебя. Я уйду с ним, если ты не будешь хорошо себя вести.

Ларри почувствовал, как рука под его ногой снова напряглась, а потом расслабилась. Мальчик смотрел на женщину с тоской, гневом и негодованием. Но когда переводил взгляд на Ларри, тот мог прочитать в его глазах исступленную ревность. И пусть пот лил с него ручьями, Ларри похолодел от этого взгляда.

Она продолжала говорить ровно и спокойно. Никто его не обидит. Никто его не оставит. Если он бросит нож, все станут друзьями.

Постепенно Ларри почувствовал, что рука под его ботинком расслабилась и пальцы перестали сжимать рукоятку ножа. Мальчик недвижно лежал и смотрел в небо. Он сдался. Ларри снял ногу с запястья Джо, быстро наклонился и подобрал нож. Повернулся и запустил его по высокой дуге в направлении океана. Нож крутился и крутился, разбрасывая дротики солнечных бликов. Необычные глаза Джо следили за его полетом, и в какой-то момент он издал протяжный, жалобный вопль боли. С тихим звоном нож отскочил от скалы и упал в воду.

Ларри обернулся и посмотрел на них. Женщина разглядывала правую руку Джо, на которой воспаленно краснел глубокий отпечаток ребристой подошвы ботинка. Потом вскинула темные глаза на Ларри. В них читалась печаль.

Ларри почувствовал, как к губам поднимаются привычные, своекорыстные слова оправдания: *Мне пришлось это сделать, я не виноват, послушайте, он же хотел убить меня,* — потому что ему показалось, что в ее печальных глазах сквозило осуждение: *Никакой ты не хороший парень.*

Но он не произнес ни слова. Случилось то, что случилось, и мальчишка вынудил его действовать так, а не иначе. Глядя на парня, который теперь сидел, подтянув колени к груди и сунув большой палец в рот, Ларри засомневался, что тот осознавал, что делает. Могло кончиться и хуже: ранением, а то и смертью одного из них.

Итак, он не сказал ни слова, встретил мягкий взгляд женщины и подумал: *Мне кажется, я изменился. В чем-то. Не знаю, насколько сильно.* Ему вспомнились слова Барри Грайга об одном ритм-гитаристе из Лос-Анджелеса по имени Джори Бейкер, который всегда приходил вовремя, ни разу не пропустил репетицию и не провалил прослушивание. Не из тех гитаристов, которые сразу привлекали внимание, не задавака вроде Ангуса Янга или Эдди ван Халена, но дело свое знал. По словам Барри, когда-то на Джори Бейкере держалась рок-группа «Спаркс», и все думали, что она победит в номинации «Успех года». По звучанию они напоминали ранних «Криденс», крепкий гитарный рок-н-ролл. Джори написал большую часть песен и исполнял их все. Потом была автомобильная авария, сломанные кости, обезболивающие. Он вышел из больницы, как говорится в песне Джона Прайна, со стальной пластиной в голове и обезьяной на спине. От демерола перешел к героину. Пару раз его арестовывали. Через какое-то время он стал одним из множества наркоманов с дрожащими пальцами, ошивался возле автовокзала и на улице. А потом каким-то образом — за восемнадцать месяцев — избавился от наркотической зависимости и больше к наркотикам не притрагивался. Конечно, от него мало что осталось. Пожалуй, теперь он уже не мог быть приводным ремнем группы, распевающей что-то вроде «Наибольший шанс на успех», зато всегда приходил вовремя, не пропускал репетиций и не подводил на прослушиваниях. Говорил мало, но игольная дорожка на левой руке исчезла. О нем Барри Грайг сказал: *Он вернулся с другой стороны.* И все. Никому не дано знать, что происходит в промежутке, отделяющем тебя прежнего от тебя настоящего. Никому не составить карту той час-

ти ада, где живут тоска и одиночество. Нет таких карт и быть не может. Ты просто... возвращаешься с другой стороны.

Или не возвращаешься.

«Я как-то изменился, — подумал Ларри. — Я тоже вернулся с другой стороны».

— Я Надин Кросс, — представилась она. — Это Джо. Рада с вами познакомиться.

— Ларри Андервуд.

Они пожали руки, чуть улыбнувшись абсурдности этого действа.

— Давайте вернемся на шоссе, — предложила Надин.

Они шли рядом, и через несколько шагов Ларри обернулся, чтобы посмотреть на Джо. Мальчик по-прежнему сидел, подтянув колени к груди, и сосал большой палец, по-видимому, не подозревая о том, что они ушли.

— Он придет, — спокойно заметила она.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Когда они поднимались на шоссе по усыпанной гравием насыпи, она споткнулась, и Ларри поддержал ее под руку. Она посмотрела на него с благодарностью.

— Мы можем присесть? — спросила она.

— Конечно.

Они сели на асфальт, лицом друг к другу. Через какое-то время Джо поднялся и поплелся к ним, глядя на свои босые ноги. Сел в некотором отдалении от них. Ларри с тревогой взглянул на него, потом вновь повернулся к Надин Кросс.

— Вы вдвоем следовали за мной.

— Вы догадались? Да. Я так и думала, что вы догадаетесь.

— И давно?

— Уже два дня, — ответила Надин. — Мы жили в большом доме в Эпсоме. — И, заметив его удивленное выражение, добавила: — Рядом с ручьем. Там, где вы спали около каменной стены.

Он кивнул.

— А прошлой ночью вы вдвоем приходили посмотреть, как я сплю на веранде. Может, хотели проверить, нет ли у меня рогов и длинного красного хвоста?

— Это все Джо, — спокойно объяснила она. — Я пошла за ним, когда увидела, что его нет. А как вы узнали?

— Вы оставили следы на траве.

— А-а-а. — Она изучающе посмотрела на него, а он, хотя и с усилием, не отвел взгляд. — Я не хочу, чтобы вы на нас сердились. Наверное, это звучит нелепо после того, как Джо пытался вас убить, но Джо не отвечает за свои поступки.

— Это его настоящее имя?

— Нет, я просто называю его так.

— Он похож на дикаря из телепередачи «Нэшнл джиографик».

— Да, он именно такой. Я нашла его на лужайке перед домом — возможно, его домом, фамилию владельцев, Рокуэй, я прочитала на почтовом ящике, — и он умирал от укуса. Скорее всего крысиного. Он не говорит. Только рычит и хрюкает. До этого утра мне удавалось контролировать его поведение. Но я... я устала, понимаете... и... — Она пожала плечами. Болотная грязь высыхала на ее блузке, образуя узор, похожий на китайские иероглифы. — Сначала я его одевала. Он снимал все, кроме трусов. Затем перестала и пытаться. Похоже, мошкара и комары его не беспокоят. — Она помолчала. — Я хочу, чтобы мы пошли с вами. Мне кажется, стесняться тут нечего, с учетом обстоятельств.

Ларри задался вопросом: а как бы она себя повела, если бы знала о судьбе последней женщины, которая хотела пойти вместе с ним? Но рассказывать ей он не собирался. Он похоронил эти воспоминания глубоко-глубоко, пусть и не мог сказать того же о женщине. Упоминать о Рите ему хотелось даже меньше, чем убийце — называть имя своей жертвы в салонной беседе.

— Я не представляю, куда направляюсь, — признался он. — Пришел сюда из Нью-Йорка... в общем, издалека. Намеревался найти симпатичный домик на побережье и залечь здесь примерно до октября. Но чем дольше я иду, тем больше мне хочется увидеть других людей. Чем дольше иду, тем сильнее осознание случившегося.

Он выражал свои чувства с трудом и, похоже, не мог говорить отчетливее, не упоминая о Рите и кошмарных снах с темным человеком.

— Меня постоянно одолевал страх, — осторожно продолжил он, — потому что я шел сам по себе. Какая-то паранойя. Словно я ожидал, что индейцы нападут на меня и снимут скальп.

— Иными словами, вы перестали искать дома и начали искать людей.

— Возможно, вы правы.

— Вы нашли нас. Это только начало.

— Скорее уж вы нашли меня. И этот мальчик меня тревожит, Надин. Я должен быть постоянно начеку. Ножа у него больше нет, но мир до отказа набит ножами, которые только и ждут того, чтобы их подобрали.

— Да.

— Я не хочу, чтобы это прозвучало жестоко... — Он запнулся, надеясь, что она договорит за него, но она не произнесла ни слова и только смотрела на него своими темными глазами. — Вы не думали о том, что его надо бросить? — Ларри все же выплюнул эту фразу, будто кусок камня, и прозвучала она так, словно он был не таким уж хорошим парнем... Но справедливо ли это, должны ли они усугублять и без того плохую ситуацию, превращать ее в совсем поганую, связываясь с десятилетним психопатом? Он предупредил, что слова его могут прозвучать жестоко, и, наверное, не покривил душой. Теперь их окружал жестокий мир.

Тем временем странные глаза Джо цвета морской волны буравили Ларри.

— Я не могу так поступить, — спокойно ответила Надин. — Я понимаю существующую опасность и понимаю, что угроза в первую очередь нависает над вами. Он ревнует. Боится, что вы станете для меня важнее, чем он. Вполне возможно, он снова попытается... попытается добраться до вас, если, конечно, вам не удастся с ним подружиться или хотя бы убедить его в том, что вы не собираетесь... — Она замолчала, решив не развивать тему. — Но оставить его — все равно что убить. И я не хочу принимать в этом участие. Слишком много людей уже умерло, чтобы убивать еще.

— Если он глубокой ночью перережет мне глотку, то вы волей-неволей станете соучастницей.

Она наклонила голову.

Ларри продолжил шепотом, который могла услышать только Надин (он не знал, понимает ли наблюдавший за ними Джо, о чем они говорят):

— Он, вероятно, сделал бы это уже прошлой ночью, если бы вы не пошли за ним. Разве не так?

— Мало ли что может случиться, — мягко заметила она.

Ларри засмеялся:

— Скажем, снизойдет Дух Рождества?

Она подняла на него глаза.

— Я хочу пойти с вами, Ларри, но я не могу оставить Джо. Вам решать.

— Вы не ищете легких путей.

— В наши дни легкой жизни уже не будет.

Он задумался. Джо сидел на обочине, наблюдая за ними глазами цвета морской воды. За спиной настоящая морская вода набрасывалась на скалы, с шумом прорываясь в тайные тоннели, пробитые ею в камне.

— Хорошо, — кивнул он. — Я думаю, у вас чересчур доброе сердце, а нынче это опасно, но... хорошо.

— Спасибо, — улыбнулась Надин. — Я буду нести ответственность за его поступки.

— Если я умру от его руки, меня это утешит.

— Ваша смерть будет на моей совести до конца, — ответила она, и внезапно уверенность в том, что в не слишком отдаленном будущем все ее слова о святости жизни обернутся против нее, обрушилась на Надин, как порыв холодного ветра. Она поежилась. «Нет, — сказала она себе. — Я не убью. Только не это. Никогда».

В тот вечер они разбили лагерь на мягком белом песке общественного пляжа в Уэллсе. Ларри развел большой костер над полосой водорослей, отмечавшей самый высокий прилив. Джо сел с другой стороны костра, подальше от Ларри и Надин, и бросал в огонь небольшие палочки. Иногда брал палку побольше, поджигал конец, как факел, и начинал носиться по пляжу, держа палку перед собой, словно единственную свечу, зажженную в честь дня рождения. Они видели его, пока он не покидал тридцатифутового круга света костра, а потом оставался только движущийся факел, раздуваемый потоками воздуха, поднявшимися от дикого бега Джо. С океана дул легкий ветерок, так что вечер выдался чуть прохладнее, чем предыдущие. Ларри смутно вспомнил дождь, который пролился над Нью-Йорком в тот день, когда он нашел мать на полу, аккурат перед тем, как «супергрипп» обрушился на город, словно мчащийся на всех парах товарняк. Он вспомнил грозу и раздувающуюся белую занавеску. По его телу пробежала дрожь, а

ветер закрутил огненную спираль и потянул ее к черному звездному небу. Ларри подумал об осени, еще далекой, но уже существенно приблизившейся в сравнении с тем июньским днем, когда он нашел мать лежащей на полу без сознания. И вновь содрогнулся. Севернее, далеко от них, поднимался и опускался факел Джо. Факел этот вызывал мысли об одиночестве и холоде — единственный огонек, мерцающий в огромной и молчаливой темноте, нарушаемой только рокотом прибоя.

— Ты играешь?

Ларри чуть подпрыгнул от звука ее голоса и посмотрел на футляр с гитарой, лежавший перед ним на песке. Раньше футляр стоял, прислонившись к пианино «Стейнвей», в музыкальной комнате большого дома, куда они вломились, чтобы добыть себе ужин. Ларри набил рюкзак консервными банками взамен тех, которые они съели днем, и, подчиняясь внезапному импульсу, прихватил с собой футляр, даже не посмотрев, какая в нем гитара, — впрочем, в таком доме барахла определенно не держали. Последний раз он играл на гитаре во время той безумной вечеринки в Малибу, шесть недель назад. В другой жизни.

— Да, играю, — ответил Ларри и обнаружил, что *хочет* играть, но не для Надин, а просто потому, что иногда это очень приятно — поиграть на гитаре: снимает напряжение, знаете ли. А уж если костер разводят на пляже, кто-нибудь обязательно берется за гитару. — Давай посмотрим, что у нас там. — И он откинул защелки.

Он ожидал чего-то качественного, но лежавшая внутри гитара все-таки оказалась приятным сюрпризом. Двенадцатиструнная, фирмы «Гибсон», прекрасный инструмент, возможно, даже ручной работы. Ларри недостаточно хорошо разбирался в гитарах, чтобы однозначно заявить об этом, но знал, что инкрустирована она настоящим перламутром, который вбирал в себя красновато-оранжевые отблески костра, а потом излучал их призмами света.

— Красивая, — заметила Надин.

— Это точно.

Он взял несколько аккордов, и ему понравилось звучание, хотя струны требовали настройки. Звук оказался насыщеннее и богаче, чем у шестиструнки. Гармоничный, но жесткий. В этом и заключалось достоинство гитары со стальными струнами — от-

личный жесткий звук. И струны — «Блэк даймондс», с навивкой, к которым требовалось приспособиться, но дающие настоящий чистый звук, слегка грубоватый при смене аккордов — *зинг*! Ларри чуть улыбнулся, вспомнив, с каким пренебрежением относился Барри Грайг к гладким и плоским гитарным струнам. Он называл их «долларовые слики». Старина Барри, который хотел стать Стивом Миллером, когда повзрослеет.

— Чему ты улыбаешься? — спросила Надин.

— Прежним временам, — ответил он и погрустнел.

Начал настраивать гитару на слух, чувствуя, что получается, вспоминая Барри Грайга, Джонни Макколла и Уэйна Стьюки. Когда почти закончил, Надин дотронулась до его плеча, и он вскинул глаза.

Джо стоял рядом с костром, позабыв о потухшей палке в руке. Рот его раскрылся, а странные глаза смотрели на Ларри, откровенно зачарованные.

Он услышал голос Надин, очень тихий, такой тихий, что могло показаться, будто у него в голове прозвучала ее мысль:

— Музыки сила волшебная...

Ларри начал подбирать мелодию, старый блюз, который еще подростком услышал на пластинке «Электры»*. Насколько он знал, впервые эту песню исполнили «Кернер, Рэй и Гловер». Убедившись в том, что мелодия подобрана правильно, Ларри заиграл громче, чтобы слышал весь берег, и запел... пел он всегда лучше, чем играл...

Где я только не скитался от любимой далеко,
Захочу — и тьму ночную превращу я в день легко,
Я от дома далеко,
Я иду издалека.
Слышишь, как стучу я, детка,
Костью черного кота.

Джо теперь улыбался с изумленным видом человека, который только что открыл какой-то сладостный секрет. Будто он долгое время страдал от зуда между лопатками в том месте, куда не достают руки, а теперь нашелся человек, который точно знал, где

* Имеется в виду «Электра рекордс» — звукозаписывающая компания, созданная в 1950 г.

надо почесать, чтобы зуд прошел. Ларри порылся в давно забытых архивах памяти, охотясь за вторым куплетом, и быстро обнаружил то, что искал:

Мне подвластно то, что скрыто от обычных людей,
Разгадаю тайну чисел и волшебных корней,
Я от дома далеко,
Я иду издалека.
Ты узнай меня по стуку
Кости черного кота.

Открытая, восхищенная улыбка озарила глаза Джо, превратив их в нечто особенное, достаточное, как показалось Ларри, для того, чтобы любая молодая девушка чуть развела ноги. Ларри дошел до инструментального проигрыша и справился с ним не так уж плохо. Его пальцы извлекали из гитары правильные звуки: жесткие, яркие, немного кричащие, словно набор фальшивых драгоценностей, возможно, краденых, продающихся из бумажного пакета на уличном углу. Он играл чуть развязно, а потом быстро, тремя пальцами, ушел на ноту «ми», чтобы все не испортить. Последний куплет полностью он вспомнить не смог — вроде бы в нем говорилось о железнодорожной колее. Повторил первый куплет и замолчал.

Когда он закончил петь, Надин засмеялась и захлопала в ладоши. Джо отбросил свою палку и стал скакать по песку, испуская неистовые крики радости. Ларри с трудом мог поверить в свершившуюся с мальчиком перемену и велел себе не обольщаться на этот счет. Дабы не испытать сильное разочарование.

*Музыки сила волшебная укрощает дикое сердце**.

С невольным недоверием он задумался: неужели все может быть так просто? Джо подавал ему какие-то знаки, и Надин их истолковала:

— Он хочет, чтобы ты сыграл что-нибудь еще. Сыграешь? Это было прекрасно. Я чувствую себя лучше. Гораздо лучше.

Он сыграл «Поездку в центр города» Джоффа Малдура и собственное произведение «Фресно-блюз Салли»; сыграл «Катастрофу на шахте "Спрингхилл"» и «Это хорошо, мама» Арту-

* Первая строка стихотворения «Утренняя невеста» английского драматурга и поэта Уильяма Конгрива (1670—1829).

ра Крудапа. Потом переключился на примитивный рок-н-ролл: «Блюз молочной коровы», «Джим Дэнди», «Рок двадцатого этажа» (стараясь выдержать ритм буги-вуги, хотя пальцы отказывались двигаться так быстро, немели и начали болеть), а напоследок оставил песню, которая ему всегда нравилась, — «Бесконечный сон». Она была написана и впервые исполнена Джоди Рейнольдсом.

— Больше я не могу играть, — сказал он Джо, который за весь концерт ни разу не пошевелился. — Мои пальцы. — Ларри вытянул руки, показывая глубокие следы, которые струны оставили на пальцах, и обломанные ногти.

Мальчик жадно смотрел на гитару.

Ларри мгновение помедлил, а потом внутренне пожал плечами. Протянул гитару грифом вперед.

— Надо много практиковаться, — предупредил он.

Но то, что произошло дальше, стало одним из самых удивительных впечатлений в его жизни. Мальчик почти безошибочно сыграл «Джима Дэнди», испуская вместо слов ухающие крики, словно его язык прилип к нёбу. В то же время не вызывало сомнений, что раньше Джо никогда не играл на гитаре. Он не мог ударить по струнам достаточно сильно, чтобы они зазвенели должным образом, и перемены аккордов выходили у него неточными и неряшливыми. Звук получался приглушенным и призрачным, словно инструмент набили ватой, но в остальном он идеально скопировал сыгранную Ларри мелодию.

Закончив, Джо с любопытством посмотрел на свои пальцы, словно пытаясь понять, почему они могут воспроизвести лишь канву музыки Ларри, но не сами звенящие звуки.

Ларри услышал собственный голос, доносящийся как будто со стороны:

— Ты слишком слабо бьешь по струнам, вот и все. У тебя должны появиться мозоли — твердые бугорки — на подушечках пальцев. И еще — окрепнуть мышцы левой руки.

Пока он говорил, Джо смотрел на него очень внимательно, но Ларри не знал, понимает его мальчик или нет. Повернулся к Надин:

— Ты знала, что он на такое способен?

— Нет. Я удивлена не меньше твоего. Получается, он вундеркинд или что-то вроде того, так?

Ларри кивнул. Мальчик играл «Это хорошо, мама», снова воспроизводя почти каждый нюанс игры Ларри. Но порой струны лишь тупо стучали, как деревяшки, когда пальцы Джо останавливали вибрацию, не давая им зазвучать правильно.

— Позволь, я покажу тебе. — Ларри протянул руки к гитаре. Джо немедленно бросил на него недоверчивый взгляд. Ларри подумал, что мальчик вспомнил о том, как исчез в море его нож. Джо попятился, крепко сжимая гитару. — Хорошо, — кивнул Ларри. — Она твоя. Когда захочешь получить урок, приходи ко мне.

Мальчик издал ликующий крик и побежал по пляжу, держа гитару над головой, словно священную жертву.

— Он разнесет ее в щепки, — предположил Ларри.

— Нет, — ответила Надин. — Я так не думаю.

Ларри проснулся посреди ночи и приподнялся на локте. Надин превратилась в смутный силуэт, завернутый с головой в три одеяла. Она лежала около потухшего костра по его правую руку. Напротив устроился Джо. Он тоже завернулся в несколько одеял, но его голова торчала наружу. Большой палец, как обычно, нырнул в рот. Ноги он подтянул к животу, прижимая к нему двенадцатиструнную гитару фирмы «Гибсон». Свободная рука обнимала гриф. Ларри зачарованно смотрел на него. Он отнял у мальчика нож и выбросил в море, а мальчик взял в руки гитару. Прекрасно. Пусть играет. Гитарой никого не заколешь, хотя, предположил Ларри, она вполне могла сойти за тупой предмет. Он снова заснул.

Когда он проснулся на следующее утро, Джо сидел на камне с гитарой на коленях — до его голых ступней докатывались волны — и играл «Фресно-блюз Салли». Он делал успехи. Надин проснулась двадцать минут спустя и ослепительно улыбнулась Ларри. И тот вдруг подумал, что она, в сущности, очень красива. В памяти всплыла строка из песни, кажется, Чака Берри: «Надин, родная, ты ли это?»

Вслух он произнес другое:

— Поглядим, что у нас есть на завтрак.

Он развел костер, и все трое уселись вокруг огня, выгоняя из костей ночной холод. Надин сварила овсяную кашу на сухом молоке, а потом, как принято у бродяг, они пили заваренный в жес-

тянке крепкий чай. Джо ел, держа гитару на коленях. Дважды Ларри поймал себя на том, что улыбается мальчику и думает, что невозможно не любить человека, который любит гитару.

Они покатили на юг по шоссе 1. Джо ехал на своем велосипеде строго по белой линии, иногда вырываясь на милю вперед. Однажды они нагнали его в тот момент, когда он вел свой велосипед по обочине и ел ежевику довольно странным способом: подкидывал каждую ягоду в воздух и на излете безошибочно ловил ртом. Через час они обнаружили его на мемориальной доске в честь Войны за независимость. Он сидел там и играл на гитаре «Джима Дэнди».

После одиннадцати часов они наткнулись на странную дорожную пробку перед въездом в небольшой городок под названием Оганквит. Три ярко-оранжевых городских мусороуборочных грузовика стояли в ряд поперек дороги, заблокировав ее от одной обочины до другой. На одном из мусорных контейнеров лежало истерзанное воронами человеческое тело. Десять жарких дней сделали свое дело. На открытых участках трупа копошились черви.

Надин отвернулась.

— Где Джо? — спросила она.

— Не знаю. Где-нибудь впереди.

— Лучше бы он этого не видел. Как думаешь, он заметил?

— Возможно, — ответил Ларри. Он уже задумывался над тем, что для главной дороги шоссе 1 на удивление пустынно. С тех пор как они покинули Уэллс, им встретилось не более дюжины застывших машин. Теперь он понимал почему. Жители Оганквита перегородили дорогу. Возможно, на другой стороне городка окажутся сотни, если не тысячи скопившихся машин. Он знал, как Надин заботится о Джо, и подумал, что лучше бы избавить мальчика от этого зрелища.

— Почему блокировали дорогу? — спросила она. — Ради чего?

— Наверное, пытались ввести карантин. Думаю, на другом конце города мы найдем еще одну баррикаду.

— Есть еще трупы?

Ларри поставил велосипед на подставку и подошел к баррикаде.

— Три, — ответил он.

— Ладно. Я на них смотреть не буду.

Он кивнул. Они прокатили велосипеды мимо грузовиков, а потом снова поехали. Дорога повернула в сторону моря, и стало прохладнее. Летние коттеджи сбились в длинные убогие ряды. «И в таких жилищах люди проводили отпуск? — удивленно подумал Ларри. — Почему бы просто не отправиться в Гарлем и не выкупать детей под струями гидранта?»

— Не слишком-то симпатичные, правда? — спросила Надин. С каждой стороны шоссе красовались непременные атрибуты прибрежного курорта: заправочные станции, ларьки, торговавшие жареными моллюсками, кафе быстрого обслуживания, мотели, расписанные в пастельные тона, поле для мини-гольфа.

У Ларри все это вызывало противоречивые чувства. С одной стороны, его возмущали грустное и вопиющее уродство зданий и убогость разума тех, кто превратил этот участок великолепного дикого побережья в один длинный придорожный парк развлечений для семей в универсалах. С другой — он думал о людях, которые заполняли и эти дома, и эту дорогу в прошлые годы. Женщины в широкополых солнцезащитных шляпах в и шортах, слишком тесных для их больших задниц. Студенты колледжей в красно-черных полосатых рубашках-поло. Девушки в пляжных платьях и вьетнамках. Маленькие кричащие дети с перемазанными мороженым лицами. Он думал об американцах, которых окутывал грязный и захватывающий романтический ореол, где бы они ни собирались — на горнолыжном курорте Аспен или на федеральном шоссе 1 в штате Мэн, выполняя прозаически-загадочные летние ритуалы. Но теперь все эти американцы ушли. Гроза сломала ветку, которая сбила большую пластмассовую вывеску «Дейри куин». Та свалилась на автомобильную стоянку у кафе, где и осталась лежать на боку, напоминая бумажный колпак. На поле для мини-гольфа выросла трава. Этот участок шоссе между Портлендом и Портсмутом, когда-то семидесятимильный парк развлечений, теперь превратился в населенный призраками дом ужасов, в котором остановились все часы.

— Не слишком, — согласился Ларри, — но прежде все это было нашим, Надин. Нашим, пусть даже мы никогда сюда и не приезжали. Теперь все это в прошлом.

— Но не навсегда, — ответила она спокойно, и он взглянул на нее, на ее чистое, сияющее лицо. Лоб, с которого она откинула свои необычные волосы с седыми прядями, светился, как электрическая лампочка. — Я не религиозна, иначе сказала бы, что свершился Божий суд. Через сто лет, а может быть, и через двести все это опять станет нашим.

— Эти грузовики не исчезнут и через двести лет.

— Грузовики — нет, но исчезнет дорога. Грузовики будут стоять посреди поля или леса. Перестанут быть грузовиками и превратятся в памятники старины.

— По-моему, ты ошибаешься.

— Как я могу ошибаться?

— Ты ошибаешься, потому что мы ищем других людей, — ответил Ларри. — А теперь скажи, почему мы этим занимаемся?

Она обеспокоенно посмотрела на него.

— Ну... потому что так надо. Людям *нужны* другие люди. Разве ты не почувствовал это? Когда был один?

— Да, — кивнул Ларри. — Мы сходим с ума от одиночества, если остаемся одни. А собравшись вместе, сходим с ума от того, что нас много. Собравшись вместе, мы строим мили и мили летних коттеджей и убиваем друг друга в барах субботними вечерами. — Он рассмеялся. Смех вышел холодным и жалким, напрочь лишенным юмора. Он надолго повис в пустынном воздухе. — Ответа нет. Все равно что застрять внутри яйца. Пошли, а то Джо уже, наверное, намного нас обогнал.

Несколько секунд она стояла, не убирая ноги с земли, с тревогой глядя в удаляющуюся спину Ларри. Потом поехала следом. Он не мог быть прав. *Не мог.* Если столь ужасная катастрофа, как эта, произошла без всякой причины, то какой смысл в жизни вообще? Зачем они тогда жили?

Джо обогнал их не так уж сильно. Они наткнулись на него, когда он сидел на заднем бампере синего «форда», припаркованного на подъездной дорожке, и рассматривал мужской журнал, который где-то нашел. Ларри смутился, заметив, что у мальчика эрекция. Бросил взгляд на Надин, но она смотрела в другую сторону — возможно, намеренно.

Когда они подъехали к синему «форду», Ларри спросил у Джо:

— Поехали?

Джо отложил журнал в сторону, но не встал, а издал гортанный вопросительный звук и указал вверх. Ларри нелепо запрокинул голову, на мгновение предположив, что мальчик увидел в небе самолет. И тут же услышал крик Надин:

— Да не на небо, смотри на амбар! — Ее голос дрожал от волнения. — На амбар! Слава Богу, что ты у нас есть, Джо! Если бы не ты, мы бы ничего не заметили!

Она подошла к Джо, обвила мальчика руками и крепко прижала к себе. Ларри повернулся к амбару, на выцветшей кровле которого ярко выделялись белые буквы:

УШЛИ В СТОВИНГТОН, В ПРОТИВОЭПИД. ЦЕНТР

Далее указывалось, как туда добраться, а в самом низу Ларри прочитал:

ПОКИНУЛИ ОГАНКВИТ 2 ИЮЛЯ 1990
ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР
ФРЭНСИС ГОЛДСМИТ

— Господи Иисусе, его задница, должно быть, болталась в воздухе, когда он выводил последнюю строчку, — покачал головой Ларри.

— Противоэпидемический центр! — воскликнула Надин, не обращая внимания на его слова. — Почему я не подумала о нем! Не прошло и трех месяцев, как я читала статью об этом центре в воскресном приложении! Они отправились туда!

— Если они по-прежнему живы.

— По-прежнему живы? Можешь не сомневаться. Ко второму июля эпидемия уже *закончилась*. Если они смогли влезть на крышу амбара, то уж, наверное, не были больными.

— Один из них точно чувствовал себя очень даже здоровеньким, — согласился Ларри, ощущая, как начинает нарастать волнение. — Подумать только, я как раз проезжал через Вермонт.

— От девятого шоссе до Стовингтона довольно далеко, — рассеянно заметила Надин, по-прежнему глядя на амбар. — Теперь-то они точно там. Со второго июля прошло две недели. — Ее глаза вспыхнули. — Как ты думаешь, Ларри, могут ли оказаться в центре другие люди? Ведь могут, правда? Раз уж они все знают о

карантине и защитной одежде? И они, наверное, работают над вакциной, да?

— Я не знаю, — осторожно ответил Ларри.

— В этом нет сомнения! — нетерпеливо и чуть сердито воскликнула Надин. Ларри еще не видел ее в таком возбуждении, даже когда Джо демонстрировал свои удивительные способности музыкальной мимикрии. — Готова спорить, что Гарольд и Фрэнсис нашли *десятки* людей, может, даже *сотни*. Мы поедем туда прямо сейчас. Кратчайший маршрут...

— Подожди минутку. — Ларри положил руку ей плечо.

— Что значит — подожди? Ты понимаешь...

— Я понимаю, что надпись две недели ждала, пока мы пройдем мимо нее, и может подождать еще немного. Нам же пора перекусить. Да и старина Джо Гитарный Уникум засыпает на ходу.

Она оглянулась. Джо снова листал порнографический журнал, но голова его клонилась книзу, а глаза, под которыми темнели мешки, слипались.

— Ты сказала, что он только-только оправился от болезни, — заметил Ларри. — Да и ты сама прошла тяжелый путь... не говоря уже о Погоне за Голубоглазым Гитаристом.

— Ты прав... мне это не пришло в голову.

— Что ему нужно, так это сытно поесть и хорошенько выспаться.

— Ну конечно. Извини меня, Джо. Я не подумала.

Джо что-то пробурчал, сонно и безразлично.

Ларри почувствовал, как прежние страхи овладевают им. Он собирался задать Надин вопрос и понимал, что иначе не получится. Если он промолчит, вопрос задаст Надин, как только у нее окажется свободная минутка для раздумий... И кроме того, возможно, пришло время проверить, так ли уж сильно он изменился.

— Надин, ты умеешь водить?

— Водить? Тебя интересует, есть ли у меня водительское удостоверение? Да, но со всеми этими заторами на дорогах автомобиль не слишком удобен, тебе не кажется? Я хочу сказать...

— Я не об автомобиле, — прервал он ее, и образ Риты, едущей на мотоцикле позади загадочного темного человека (по-видимому, в сознании Ларри он стал символическим воплощением смерти), неожиданно возник перед его мысленным взором: они двое,

темный и бледная, мчались на него на чудовищном «харлее», будто еще один всадник Апокалипсиса, не описанный в Библии. Во рту у Ларри пересохло, в висках застучало, но когда он вновь заговорил, голос его звучал ровно. Если он и запнулся, то Надин, похоже, ничего не заметила. А вот Джо, как ни странно, внимательно посмотрел на него из своей полусонной дремы, похоже, уловив какую-то перемену. — Я говорю про мотоциклы или что-то вроде этого. На них мы сможем двигаться быстрее и с меньшими усилиями, огибая все... препятствия на дорогах. Точно так же, как обошли с велосипедами те грузовики.

В глазах Надин зажглось нарастающее возбуждение.

— Да, это можно. Я никогда не сидела за рулем мотоцикла или мопеда, но ты покажешь мне, как это делается?

При словах: «Я никогда не сидела за рулем мотоцикла или мопеда», — ужас Ларри усилился.

— Да, — кивнул он. — Но ты должна будешь ехать медленно, пока не освоишься. Очень медленно. Мотоцикл — и даже мопед — не прощает людских ошибок, а я не смогу отвезти тебя к врачу, если ты покалечишься на дороге.

— Я буду очень осторожна. Мы... Ларри, а ты ехал на мотоцикле до того, как мы тебя увидели? Иначе ты ведь просто не смог бы добраться сюда из Нью-Йорка так быстро.

— Я сбросил его с откоса, — ответил он ровным голосом. — Нервничал из-за того, что еду в одиночку.

— Что ж, теперь ты уже не один, — почти весело заметила Надин и повернулась к Джо. — Мы едем в Вермонт, Джо! Мы увидим других людей! Разве это не *здорово*?

Джо зевнул.

Надин сказала, что слишком взволнована, чтобы спать, но полежит с Джо, пока тот не уснет. Ларри поехал на велосипеде в Оганквит в поисках магазина мотоциклов. Такого в городке не оказалось, но он вспомнил, что видел подходящий магазин на выезде из Уэллса. Он вернулся, чтобы сказать об этом Надин, и обнаружил обоих крепко спящими в тени синего «форда», на бампере которого Джо внимательно рассматривал «Гэллери».

Ларри улегся неподалеку от них, но заснуть не смог. Наконец встал, пересек дорогу и прямо по тимофеевке, доходящей до колен, направился к амбару, на крыше которого белела надпись. Ты-

сячи кузнечиков шустро выскакивали у него из-под ног, и Ларри подумал: *Я — их чума. Я — их темный человек.*

Около распахнутых ворот амбара он заметил две пустые банки из-под пепси и засохшую корку от сандвича. В прежние времена чайки давно бы уже склевали остатки сандвича, но времена изменились, и чайки, без сомнения, привыкли к более сытной пище. Он пнул ногой корку, а затем одну из банок.

«— Отнесите это в лабораторию криминалистики, сержант Бриггс. Думаю, наш убийца все-таки совершил ошибку.

— Вы правы, инспектор Андервуд. Будь благословен тот день, когда Скотленд-Ярд решил направить вас в Сквинчли-на-траве.

— Не стоит, сержант. Это моя работа...»

Ларри зашел в амбар. Темно, жарко, лишь мягко шелестят крылья снующих туда-сюда деревенских ласточек. Воздух пронизывал сладкий запах сена. Стойла пустовали. Фермер, должно быть, предпочел отпустить животных на свободу, сулящую жизнь или смерть от «супергриппа», а не обрекать на неизбежную гибель от голода.

«—Запишите это и поставьте в известность коронера, сержант.

— Будет исполнено, инспектор Андервуд».

Ларри огляделся и увидел обертку от шоколадного батончика. Поднял. «Пейдей». Итак, автор надписи, похоже, отсутствием аппетита не страдал, а вот хорошим вкусом похвастаться не мог. Любители шоколадных батончиков «Пейдей» явно слишком много времени проводили с непокрытой головой под палящим солнцем.

Ведущие на сеновал ступеньки были прибиты к одной из опорных балок. С уже влажной от пота кожей и толком не понимая, зачем он это делает, Ларри полез наверх. В средней части сеновала (он шел медленно, опасаясь крыс) увидел более привычную лестницу, ведущую в купол. Ступеньки были забрызганы белой краской.

«— Как я понимаю, еще одна находка, сержант?

— Инспектор, я потрясен. Ваши дедуктивные способности могут сравниться лишь с остротой вашего зрения и экстраординарной длиной детородного органа.

— Пустяки, сержант!»

Он поднялся в купол. Там оказалось еще жарче, настоящее пекло, и Ларри подумал, что амбар радостно сгорел бы дотла еще неделю тому назад, если бы Фрэнсис и Гарольд оставили здесь ведро с краской после окончания работы. Стекла покрывала пыль и занавешивала древняя паутина, сотканная, без сомнения, еще в те

времена, когда Белый дом занимал Джеральд Форд. Одно из окон было выломано, и когда Ларри высунулся наружу, ему открылся впечатляющий вид на расстилающуюся на многие мили страну.

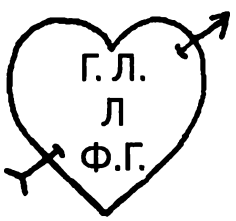
Эта сторона амбара смотрела на восток, и с высоты постройки у шоссе, такие чудовищно уродливые с земли, выглядели сущей ерундой, полоской придорожного мусора. По другую сторону шоссе лежал великолепный океан, и отходящий от северной стороны гавани волнолом аккуратно делил набегающие волны надвое. Суша напоминала написанную маслом картину, изображающую разгар лета в зеленых и золотых тонах, с послеполуденной дымкой на горизонте. Пахло солью и водорослями. Посмотрев на скат крыши, он увидел надпись Гарольда, только вверх ногами.

От одной лишь мысли о том, чтобы вылезти на эту крышу на такой высоте от земли, у Ларри затрепыхался желудок. А ведь парню пришлось спустить ноги вниз, за водяной желоб, чтобы написать имя девушки.

«— Зачем он так рисковал, сержант? Думаю, это один из вопросов, отвечать на которые придется нам самим.

— Как скажете, инспектор Андервуд...»

Ларри спустился вниз по лестнице, медленно и внимательно глядя себе под ноги. Сейчас было не время для переломов. Внизу что-то привлекло его внимание, что-то, вырезанное на одной из опорных балок и свежей белизной резко выделяющееся на темном, пыльном дереве. Он подошел к балке и уставился на рисунок. Провел по нему подушечкой большого пальца, отчасти восхищаясь, отчасти удивляясь тому, что другой человек вырезал все это в тот самый день, когда они с Ритой ехали на мотоцикле на север. Вновь прошелся пальцем по вырезанным буквам.

Буквы, обведенные пробитым стрелой сердцем.

Как я понимаю, сержант, этот парень влюблен.

— Удачи тебе, Гарольд, — сказал Ларри и вышел из амбара.

* * *

Магазин в Уэллсе оказался салоном «Хонды», и, оглядев выставленные в зале мотоциклы, Ларри пришел к выводу, что двух не хватает. Еще больше он возгордился второй своей находкой — скомканной оберткой от шоколадного батончика «Пейдей» рядом с мусорной корзиной. По всему выходило, что кто-то — возможно, изнывающий от любви Гарольд Лаудер — доедал шоколадный батончик, размышляя о том, какая модель доставит максимум удовольствия ему и его возлюбленной. Потом скомкал обертку в шарик и бросил в мусорную корзину. Не попал.

Надин согласилась с его дедуктивными выкладками, но они занимали ее в меньшей степени, чем самого Ларри. Она разглядывала оставшиеся мотоциклы в лихорадочном стремлении поскорее уехать. Джо сидел на нижней ступеньке у входа в демонстрационный зал, играл на двенадцатиструнной гитаре «Гибсон» и удовлетворенно ухал.

— Послушай. — Ларри повернулся к Надин. — Уже пять часов вечера. До завтра мы уехать никак не сможем.

— Но у нас еще три часа светлого времени! Незачем просиживать их здесь! Мы можем их упустить!

— Если и упустим, ничего страшного. Гарольд Лаудер один раз уже оставил инструкции с подробным описанием дорог, по которым они поедут. Если они продолжат свое путешествие, он скорее всего сделает это снова.

— Но...

— Я знаю, что тебе не терпится. — Он положил руки ей на плечи. Почувствовал, как в нем поднимается знакомое раздражение, и заставил себя подавить его. — Ты ведь никогда раньше не ездила на мотоцикле.

— Но я умею ездить на велосипеде. И я знаю, как пользоваться сцеплением, я тебе говорила. *Пожалуйста*, Ларри. Если мы не будем терять времени, то на ночь остановимся уже в Нью-Хэмпшире, а к завтрашнему вечеру проделаем половину пути. Мы...

— Но это не *велосипед*, черт возьми! — взорвался он, и гитара позади него внезапно смолкла. Ларри увидел, как Джо смотрит на них поверх плеча. Глаза его сузились и мгновенно стали недоверчивыми. «Да, я умею общаться с людьми!» — подумал Ларри... и разозлился еще сильнее.

— Мне больно, — мягко сказала Надин.

Он увидел, что его пальцы глубоко впились в мягкую плоть ее плеч, и его гнев сменился стыдом.

— Извини...

Джо по-прежнему смотрел на него, и Ларри понял, что потерял половину завоеванного доверия мальчика. А может быть, и больше. Надин что-то сказала.

— Что?

— Я говорю, объясни — почему это не велосипед?

Ему захотелось крикнуть: *Раз ты такая умная, садись и попробуй! Посмотрим, как тебе понравится мир, если созерцать его со свернутой шеей!* Он сдержался, подумав о том, что теряет не только доверие мальчика, но и свое собственное. Может, он и вернулся с другой стороны, однако что-то от прежнего инфантильного Ларри еще тянулось за ним, словно тень, сжимающаяся в полдень, но не исчезающая совсем.

— Мотоцикл тяжелее, — ответил он. — Если ты потеряешь равновесие, то не сможешь восстановить его так же легко, как на велосипеде. Мотоцикл с объемом двигателя триста шестьдесят кубиков весит триста пятьдесят фунтов. Ты очень быстро научишься контролировать этот лишний вес, но к нему надо привыкнуть. В автомобиле с механической коробкой передач ты переключаешь скорости рукой, а на газ давишь ногой. Здесь все наоборот, и к этому привыкнуть уже гораздо сложнее. Вместо одного тормоза здесь два. Правой ногой тормозят заднее колесо, правой рукой — переднее. Если ты забудешь об этом и случайно воспользуешься ручным тормозом, то просто перелетишь через руль. И еще тебе придется привыкнуть к пассажиру.

— Джо? А я думала, он поедет с тобой.

— Я бы с радостью взял его, — ответил Ларри. — Но сейчас он вряд ли на это согласится. Тебе так не кажется?

Надин долго смотрела на Джо, и в глазах ее была тревога.

— Да, — вздохнула она. — Возможно, он не захочет ехать и со мной. Если испугается.

— Если поедет, ответственность за него будет лежать на тебе. Я отвечаю за вас двоих — и не хочу видеть, как вы перевернетесь.

— С тобой так уже было, Ларри? Ты ехал не один?

— Я ехал не один, — сказал Ларри. — И я действительно перевернулся. Но к тому времени, как это произошло, женщина, которая ехала со мной, уже умерла.

— Она разбилась на мотоцикле? — Лицо Надин застыло.

— Нет. Я бы сказал, что произошедшее на семьдесят процентов было несчастным случаем и на тридцать — самоубийством. Того, в чем она нуждалась... дружбы, понимания, поддержки, не знаю, чего еще... она от меня не получала. — Он расстроился, в висках у него стучало, горло сжималось, к глазам подступили слезы. — Ее звали Рита. Рита Блейкмур. Я хочу, чтобы с тобой у меня получилось лучше, вот и все. С тобой и с Джо.

— Ларри, почему же ты мне раньше не рассказал?

— Потому что мне больно об этом говорить, — честно признался он. — Очень больно. — Это была правда, но не вся. Он умолчал про сны. Задумался, а снятся ли Надин кошмары — прошлой ночью он на короткое время проснулся, и она металась во сне и что-то бормотала. Однако сегодня она про это не упомянула. А Джо? Снились ли Джо кошмары? Что ж, об этом он тоже ничего не знал, но бесстрашный инспектор Андервуд из Скотленд-Ярда боялся снов... и если бы Надин свалилась с мотоцикла, они могли вернуться.

— Тогда мы поедем завтра, — согласилась она. — А этим вечером ты поучишь меня водить мотоцикл.

Но сначала предстояло заправить два выбранных Ларри небольших мотоцикла. Салон располагал собственной заправочной колонкой, однако без электричества насос не работал. Ларри обнаружил еще одну обертку от шоколадного батончика на крышке подземного резервуара и понял, что ее не так давно поднимал находчивый Гарольд Лаудер. Не важно, что он там любил, девушку или «Пейдей», этот парень завоевывал у Ларри все большее уважение. Гарольд Лаудер заранее ему нравился. У него уже сложился свой образ этого человека: лет тридцати пяти, возможно, фермер, высокий и загорелый, худощавый, может быть, для кого-то не очень умный, но зато чрезвычайно практичный. Ларри усмехнулся. Дурацкое это занятие — представлять себе внешний облик человека, которого никогда не видел. Ни за что на свете он не ока-

жется таким, как ты думаешь. Все знают шутку о диджее весом три сотни фунтов с тонюсеньким голоском.

Пока Надин готовила холодный ужин, Ларри прогулялся вдоль боковой стены салона. Нашел большой стальной мусорный бак. К нему кто-то прислонил лом, а на крышку положил резиновый шланг.

«— Я снова нашел твои следы, Гарольд! Взгляните-ка на это, сержант Бриггс. Наш парень откачал бензин из подземного резервуара, чтобы заправить мотоциклы. Странно, что он не взял с собой свой шланг.

— Может быть, он отрезал себе кусок, а перед нами — остаток, инспектор Андервуд. Вы уж извините, но это мусорный бак.

— Ей-богу, сержант, вы правы. Я подам рапорт о представлении вас к очередному званию».

Он взял лом и резиновый шланг и вернулся к крышке резервуара.

— Джо, не мог бы ты подойти на минутку и помочь мне?

Мальчик оторвался от сыра и крекеров, которые ел, и недоверчиво посмотрел на Ларри.

— Иди, все в порядке. — Голос Надин, как и всегда, звучал ровно и спокойно.

Джо подошел, чуть подволакивая ногу.

Ларри просунул лом в прорезь на крышке.

— Налегай на лом, и посмотрим, сможем ли мы ее поднять, — велел он.

На секунду Ларри подумал, что мальчик либо не понял его, либо не хочет этого делать. Но потом Джо ухватился за лом и налег на него. На тонких руках проступали жилистые мускулы, какие обычно бывают у рабочих из небогатых семей. Крышка немного поднялась, однако недостаточно высоко, чтобы Ларри смог просунуть в щель пальцы.

— Ложись на лом.

Диковатые узкие глаза холодно всмотрелись в него, а потом Джо повис на ломе, оторвав ноги от земли и налегая всем своим весом.

Крышка поднялась еще на чуть-чуть, и теперь Ларри удалось просунуть в щель пальцы. И в тот самый момент, когда он пытался ухватиться поудобнее, в голове у него сверкнула паническая

мысль: если мальчик по-прежнему испытывает к нему неприязнь, сейчас есть прекрасный шанс это продемонстрировать. Отпусти Джо рычаг, крышка с грохотом рухнула бы вниз, и он лишился бы всех пальцев на руке, кроме больших. Ларри заметил, что и Надин это поняла. Если раньше она внимательно изучала один из мотоциклов, то теперь смотрела на мужчину и мальчика, напряженно застыв. Взгляд ее темных глаз сместился с Ларри, опустившегося на одно колено, на Джо, который наблюдал за Ларри, навалившись на лом. Прочитать выражение этих глаз цвета морской волны не представлялось возможным, а Ларри все не мог ухватиться за крышку.

— Нужна помощь? — спросила Надин, и в ее обычно спокойный голос проникли более высокие нотки.

Капля пота упала Ларри в глаз, он моргнул. В воздухе стоял запах бензина.

— Думаю, мы справимся, — ответил он, глядя ей прямо в глаза.

Через мгновение его пальцы нащупали на обратной стороне крышки небольшой желобок. Он рванул изо всех сил, крышка поднялась и перевернулась, с глухим звоном ударившись о бетон площадки. Он услышал вздох Надин и стук упавшего лома. Вытер испарину и посмотрел на мальчика:

— Хорошая работа, Джо. Если бы ты не удержал эту штуку, всю оставшуюся жизнь мне пришлось бы застегивать молнию на ширинке зубами. Спасибо!

Он не ждал никакого ответа, кроме разве что нечленораздельного уханья, но Джо произнес хрипло и натужно:

— Пжалста.

Ларри быстро повернулся к Надин, которая ответила ему удивленным взглядом, а потом посмотрела на Джо. Она казалась изумленной и довольной, но при этом по ее лицу чувствовалось — Ларри не мог сказать, почему он так решил, — что она этого ожидала. Такое выражение лица он уже видел раньше, только никак не мог вспомнить, как оно называлось.

— Джо, ты сказал «пожалуйста»? — спросил он.

Джо энергично кивнул:

— Пжалста. Пжалста.

Надин протянула к мальчику руки, широко улыбаясь:

— Это хорошо, Джо! Очень, очень хорошо!

Джо подбежал к ней и позволил себя обнять на секунду-другую. Потом вновь уставился на мотоциклы, ухая и смеясь.

— Он может говорить, — сказал Ларри.

— Я знала, что он не немой, — ответила Надин. — И это замечательно, что он может пойти на поправку. Думаю, мы оба ему нужны. Две половинки. Он... ох, я не знаю.

Ларри увидел, как она покраснела, и подумал, что догадывается о причине. Он начал просовывать резиновый шланг в дыру в бетоне, и ему неожиданно пришло в голову, что его действия можно расценить как символичную (и довольно-таки грубую) пантомиму. Он резко вскинул на нее глаза. Надин быстро отвернулась, но Ларри успел заметить, с каким напряженным вниманием она следила за движениями его рук и какой яркий румянец выступил у нее на щеках.

В его груди поднялась волна жуткого страха, и он закричал:

— Ради Бога, Надин, смотри, куда едешь!

Она целиком сосредоточилась на руках и не смотрела, куда едет, направляя «хонду» прямиком в сосну, пусть и с пешеходной скоростью пять миль в час.

Надин подняла голову, и он услышал ее удивленный возглас. Потом она слишком резко повернула руль и свалилась с мотоцикла. «Хонда» заглохла.

Ларри побежал к ней с трепыхающимся в горле сердцем.

— С тобой все в порядке, Надин? С тобой все...

Она уже медленно поднялась на ноги, глядя на свои ободранные руки.

— Да, все хорошо. Какая я дура, не смотрю, куда еду. Я не разбила мотоцикл?

— Не важно, что с мотоциклом, дай мне взглянуть на твои руки.

Она протянула ему ладони, он достал из кармана брюк пластмассовую бутылочку бактина и попрыскал на царапины.

— Ты весь дрожишь, — отметила она.

— И это не важно! — Голос Ларри прозвучал чуть более резко, чем ему хотелось. — Послушай, может, нам все-таки поехать на велосипедах? Это опасно...

— Дышать тоже опасно, — ответила она спокойно. — Я думаю, Джо лучше поехать с тобой, по крайней мере сначала.

— Он не...

— Я думаю, он согласится. — Надин смотрела Ларри в глаза. — И ты тоже будешь не против.

— Ну ладно, на сегодня хватит. Уже так темно, что почти ничего не видно.

— Еще разок. Я где-то читала, что надо немедленно снова сесть на лошадь, если она только что сбросила тебя.

Джо прогуливался неподалеку, поедая ежевику из мотоциклетного шлема. Он нашел за салоном целое поле диких кустов ежевики и собирал ягоды, пока Надин брала свой первый урок вождения мотоцикла.

— Наверное, ты права, — покорно согласился Ларри. — Но пожалуйста, смотри, куда едешь.

— Да, сэр. Будет исполнено, сэр. — Она отдала ему честь и улыбнулась. Ее красивая медлительная улыбка озаряла все лицо. Улыбнулся и Ларри — а что ему оставалось делать? Когда улыбалась Надин, ей в ответ улыбался даже Джо.

На этот раз она сделала два круга по стоянке, а потом выехала на дорогу, повернув слишком резко и вновь заставив сердце Ларри запрыгнуть в горло. Но она проворно опустила ногу вниз, как он учил ее, удержала равновесие, поднялась на холм и скрылась из виду. Он видел, как она осторожно переключилась на вторую передачу, и услышал, как перешла на третью за гребнем холма. Потом шум мотора превратился в слабое тарахтение и постепенно затих полностью. Ларри стоял в сумерках, охваченный тревогой, время от времени механически убивая очередного комара.

Мимо прошел Джо с синим ртом.

— Пжалста, — повторил он и улыбнулся. Ларри натянуто улыбнулся в ответ. Он уже решил, что поедет за ней, если она не вернется в ближайшее время. Перед его мысленным взором стояла мрачная картина: Надин лежит в канаве со сломанной шеей.

И как раз когда он направлялся ко второму мотоциклу, раздумывая, брать ли с собой Джо, вновь раздалось слабое тарахтение, которое постепенно переросло в гул двигателя «хонды», ровно работавшего на четвертой передаче. Ларри расслабился... слегка. С горечью осознал, что никогда не сможет чувствовать себя спокойно, пока она будет ехать на этой хреновине.

Она возникла на гребне холма с включенной фарой и подкатила к нему.

— Неплохо, да? — Надин выключила двигатель.

— А я уже собрался за тобой ехать. Думал, что-то стряслось.

— Едва не стряслось. — Она заметила, как он напрягся, и быстро добавила: — Я слишком медленно разворачивалась и забыла выжать сцепление. Мотор заглох.

— Ох! Достаточно на сегодня, ладно?

— Да, — кивнула она. — Даже копчик болит.

В тот вечер он лежал под одеялами и думал, придет ли она к нему, когда Джо уснет, или ему самому пойти к ней. Он хотел ее и думал, что Надин также хочет его, судя по тому, с каким видом она наблюдала за абсурдной пантомимой с резиновым шлангом. Наконец он заснул.

Ему снилось, что он заблудился на кукурузном поле. Но где-то раздавалась музыка, гитарная музыка. Джо играет на гитаре. Если он найдет Джо, все будет хорошо. Он двинулся на звук, переходя от одного ряда к другому, когда требовалось, и наконец выбрался на поляну. Там стоял небольшой домик, скорее лачуга, а крыльцо подпирали старые, ржавые домкраты. Играл на гитаре не Джо, да он и не мог, ведь Джо держал его за левую руку, а Надин — за правую. Они шли вместе с ним. На гитаре играла старуха. Она исполняла нечто вроде джазового спиричуэла, и, слушая ее, Джо улыбался. Старуха была чернокожей, она сидела на крыльце, и Ларри подумал, что это, наверное, самая старая женщина из всех, кого он видел за свою жизнь. Но пока он смотрел на нее, ему вдруг стало очень хорошо... как бывало только в раннем детстве, когда мать неожиданно обнимала его и говорила: *Нет второго такого мальчика, мальчик Элис Андервуд — самый лучший на свете.*

Старуха кончила играть и посмотрела на них.

Что ж, вот и гости прибыли. Выходите, чтобы я могла вас рассмотреть, мои гляделки уже не такие острые, как раньше.

Они подошли ближе, втроем, держась за руки. Джо протянул свободную руку, тронул старую лысую покрышку, и та начала медленно раскачиваться. Похожая на пончик тень перемещалась взад-вперед по заросшей травой земле. Они находились на крошечной полянке, на островке в море кукурузы. Проселочная дорога уходила к горизонту на север.

Хочешь поиграть на этом старом ящике? — спросила старуха у Джо, и тот поспешил к ней, взял гитару из ее узловатых рук. Начал наигрывать мелодию, которая привела их на поляну, только лучше и быстрее.

Благослови его Господь, он играет хорошо. Я-то уже слишком старая. Не могу заставить пальцы шевелиться быстрее. Это все ревматизм. Но в тысяча девятьсот втором я играла в зале собраний округа. Первая негритянка, которая там играла, самая первая.

Надин спросила у негритянки, кто она. Они находились в каком-то зачарованном месте, где солнце остановилось за час до захода, а тень от качелей, приведенных в движение Джо, вечно перемещалась взад-вперед по поросшей сорняками земле. Ларри хотел бы остаться здесь навсегда, вместе с семьей. Он чувствовал, что это хорошее место. Человек без лица никогда не смог бы достать их здесь. Ни его, ни Джо, ни Надин.

Матушка Абагейл, так меня здесь называют. Наверное, я самая старая женщина в восточной Небраске, но по-прежнему могу сама испечь лепешку. Приходите ко мне, приходите быстрее. Мы должны уйти, прежде чем он нас почует.

Туча закрыла солнце. Перемещающаяся тень от шины исчезла. Джо перестал перебирать струны, и Ларри почувствовал, как волоски у него на загривке встали дыбом. Старая женщина словно ничего не заметила.

Прежде чем нас почует — кто? — переспросила Надин, и Ларри пожалел, что не может говорить, а то крикнул бы ей, потребовал забрать вопрос обратно, прежде чем он причинит им вред.

Этот темный человек, слуга дьявола. Нас разделяют Скалистые горы, слава Богу, но они не смогут удержать его. Вот почему нам надо держаться вместе. В Колорадо. Бог явился мне во сне и указал место. Но все равно нам надо спешить, спешить, насколько это в наших силах. Так что приходите ко мне. Другие тоже придут.

Нет! — Голос Надин звучал холодно и испуганно. *Мы едем в Вермонт, и не дальше. Только в Вермонт — совсем короткая поездка.*

Твоя поездка может затянуться, если ты не справишься с его силой, ответила старуха во сне Ларри. И посмотрела на Надин с невыразимой грустью. *Человек с тобой может быть хорошим, женщина. Он хочет измениться к лучшему. Почему бы тебе не следовать за ним, вместо того чтобы использовать его?*

Нет! Мы едем в Вермонт, в ВЕРМОНТ!

Во взгляде старухи появилась жалость.

Ты отправишься прямо в ад, если не будешь осторожна, дочь Евы. А попав туда, поймешь, что там холодно.

Сон раскололся на множество кусков, и сквозь образовавшиеся трещины хлынула темнота, которая поглотила Ларри. В этой темноте что-то подкрадывалось к нему, холодное и безжалостное, и вскоре его ждали оскаленные в усмешке зубы.

Но прежде чем это произошло, Ларри проснулся. Солнце взошло полчаса назад, и мир окутывала белая пелена густого тумана. Мотоциклетный салон выступал из белизны, будто нос какого-то странного корабля, с бортами из шлакоблоков, а не из дерева.

Кто-то лежал рядом с ним, и он понял, что не Надин пришла к нему ночью, а Джо. Мальчик сосал большой палец и вздрагивал во сне так, словно его тоже мучил какой-то кошмар. Ларри задался вопросом, сильно ли отличаются сны Джо от его собственных. Он лег на спину, уставился в белый туман и думал об этом до тех пор, пока час спустя не проснулись остальные.

К тому времени, когда они закончили завтрак и упаковали рюкзаки, туман в достаточной степени рассеялся, и можно было отправляться в путь. Как и предсказывала Надин, Джо не возражал против того, чтобы ехать позади Ларри. Собственно говоря, он уселся на мотоцикл Ларри по собственной инициативе.

— Едем медленно, — в четвертый раз повторил Ларри. — Мы не собираемся нестись сломя голову и попасть в аварию.

— Прекрасно, — ответила Надин. — Я так взволнована. Мы словно выступаем в поход!

Она улыбнулась ему, но Ларри не смог улыбнуться ей в ответ. Рита Блейкмур произнесла очень похожие слова, когда они уходили из Нью-Йорка. Произнесла за два дня до своей смерти.

На ленч они остановились в Эпсоме. Ели жареную консервированную ветчину и запивали ее апельсиновой газировкой как раз под тем деревом, под которым спал Ларри, а Джо стоял над ним с занесенным ножом. Ларри с облегчением обнаружил, что езда на мотоцикле оказалась не столь ужасной, как он предполагал. Большинство участков трассы они преодолевали достаточно быстро, и даже в населенных пунктах ехать со скоростью пешехода

приходилось лишь по тротуарам. Надин чрезвычайно осторожно проходила слепые повороты, сбрасывая скорость до минимальной, и даже на прямых участках трассы не заставляла Ларри ехать быстрее тридцати пяти миль в час. Он подумал, что при хорошей погоде они смогут оказаться в Стовингтоне девятнадцатого июля.

На ужин они остановились к западу от Конкорда, и Надин заметила, что им удастся выиграть время по сравнению с маршрутом Лаудера и Голдсмит, если они поедут прямо на северо-запад по автостраде 89.

— Там будет много заторов. — В голосе Ларри слышалось сомнение.

— Мы сможем лавировать между автомобилями или воспользуемся резервной полосой, — уверенно заявила Надин. — В худшем случае нам придется вернуться к съезду и сделать крюк по местной дороге.

После ужина они два часа ехали по автостраде 89 и действительно наткнулись на затор. Сразу за Уорнером дорогу перегораживал автомобиль с жилым прицепом. Водитель и его жена, умершие несколько недель назад, лежали на передних сиденьях своей «электры», словно кули с зерном.

Втроем им с трудом удалось перетащить мотоциклы через погнувшуюся сцепку между автомобилем и кемпером. После этого они слишком устали, чтобы ехать дальше. В тот вечер Ларри уже не размышлял о том, стоит или нет пойти к Надин, которая унесла свои одеяла на десять футов от того места, где он расстелил свои (мальчик спал между ними). В тот вечер он так устал, что мог только одно — спать.

Во второй половине следующего дня они наткнулись на затор, который не смогли преодолеть. В перевернувшуюся фуру врезалось несколько следовавших за ней легковушек. К счастью, произошло это всего в двух милях от съезда в Энфилд. Они вернулись назад, съехали с автострады и, чувствуя усталость и разочарование, устроили двадцатиминутный привал в энфилдском городском парке.

— Чем ты занималась раньше, Надин? — спросил Ларри. Он думал о выражении ее глаз в тот момент, когда Джо впервые заговорил (мальчик обогатил свой лексикон словами «Ларри», «На-

дин», «пасиб» и выражением «иду в тувалет»), а потому высказал догадку: — Учила детей?

Она удивленно взглянула на него:

— Да, попал в точку.

— Маленьких детей?

— Да, первый и второй классы.

Этим отчасти объяснялось ее абсолютное нежелание бросить Джо. По умственному развитию мальчик находился на уровне семилетнего ребенка.

— Как ты догадался?

— Давным-давно я встречался с женщиной-логопедом, которая жила на Лонг-Айленде, — ответил Ларри. — Я знаю, звучит как начало какого-нибудь нью-йоркского анекдота, но это правда. Она работала в школах Оушн-Вью. В начальных классах. Занималась с детьми с дефектами речи, с волчьей пастью, с заячьей губой, с глухими детьми. Она говорила, что для исправления речи требовалось показывать детям альтернативный способ произношения правильных звуков. Показывать, как произносится слово, пока в голове ребенка что-то не сработает. И, говоря об этом срабатывании, она выглядела точно так же, как ты, когда Джо произнес: «Пожалуйста».

— Правда? — Надин мечтательно улыбнулась. — Мне нравились маленькие дети. Некоторые вели себя плохо, но в этом возрасте не бывает безвозвратно испорченных. Если и можно найти хороших людей, так это маленькие дети.

— Романтическая идея, верно?

Она пожала плечами:

— Дети — действительно *хорошие* люди. И если работаешь с ними, поневоле становишься романтиком. Это не так уж плохо. Разве твоему логопеду работа не приносила радость?

— Да, работа ей нравилась, — согласился Ларри. — Ты была замужем? Прежде? — Снова оно — это просто вездесущее слово. *Прежде*. Всего два слога, но сколько они в себе несли.

— Замужем? Нет, никогда. — На ее лице вновь отразилась тревога. — Я самая настоящая школьная старая дева, моложе, чем выгляжу, но старше, чем ощущаю себя. Мне тридцать семь. — Ларри не успел спохватиться, и его взгляд скользнул по ее волосам. Она кивнула, словно он озвучил свою мысль. — Ранняя се-

дина, — привычно объяснила Надин. — Моя бабушка полностью поседела в сорок. Думаю, я продержусь лет на пять дольше.

— Где ты работала?

— В небольшой школе в Питтсфилде. Частной и очень дорогой. Стены, увитые плющом, и новейшее спортивное оборудование. К черту экономический спад, снова полный вперед. Автомобильный парк состоял из двух «тандербердов», трех «мерседесов», парочки «линкольнов» и «крайслера-империала».

— Ты, наверное, была очень хорошей учительницей.

— Думаю, да, — ответила она не рисуясь, а потом улыбнулась. — Сейчас это не имеет особого значения.

Ларри обнял ее одной рукой. Надин слегка вздрогнула, и он почувствовал, как она напряглась. Ее ладонь и плечо были теплыми.

— Не надо, — стеснительно попросила она.

— Ты не хочешь?

— Нет, не хочу.

Он озадаченно убрал руку. Она *хотела*, чтобы он обнял ее. Он чувствовал слабые, но вполне отчетливые волны исходящего от нее желания. Густо покраснев, Надин беспомощно смотрела вниз на свои руки, которые шевелились у нее на коленях, как пара искалеченных пауков. Ее глаза блестели, словно она вот-вот разрыдается.

— Надин...

(родная, ты ли это?)

Она подняла на него глаза, и он увидел, что ей удалось справиться с подступавшими слезами. Надин собиралась что-то сказать, но тут подошел Джо с гитарой в руке. Они виновато посмотрели на него, словно он застал их за чем-то гораздо более личным, чем обыкновенная беседа.

— Дама, — как бы между прочим сообщил Джо.

— Что? — удивленно спросил Ларри, не очень хорошо понимая, в чем дело.

— Дама! — повторил Джо и ткнул большим пальцем себе за спину.

Ларри и Надин переглянулись.

Неожиданно послышался четвертый голос, пронзительный и захлебывающийся от волнения, неожиданный, как голос Бога.

— Хвала небесам! — прозвучал возглас. — Ох, хвала небесам!

Они встали и увидели женщину, бегущую к ним по улице. Она улыбалась и плакала одновременно.

— Рада вас видеть! — крикнула она. — Я так рада видеть вас, хвала небесам...

Она пошатнулась и упала бы в обморок, если бы Ларри не поддержал ее. Он предположил, что ей лет двадцать пять. Синие джинсы, простенькая белая хлопчатобумажная блузка, бледное лицо. Ее голубые глаза неестественно застыли, уставившись на Ларри, словно пытались убедить мозг, что это не галлюцинация, что эти три человека на самом деле здесь находятся.

— Я Ларри Андервуд, — представился он. — Это Надин Кросс. Мальчика зовут Джо. Мы счастливы, что встретились с вами.

Какое-то время женщина продолжала беззвучно поедать его глазами, а потом медленно подошла к Надин.

— Я так рада... — начала она, — ...так рада встретить вас. — Она запнулась. — Боже мой, неужели передо мной действительно люди?

— Да, — кивнула Надин.

Женщина обняла ее и зарыдала. Джо подошел к Ларри и посмотрел на него. Ларри взял его за руку. Они стояли вдвоем, бок о бок, и пристально наблюдали за женщинами. Так они познакомились с Люси Суонн.

Она сразу захотела ехать с ними, как только они рассказали, куда направляются и что у них есть надежда найти там двух других людей, а может быть, и больше. В энфилдском магазине спортивных товаров Ларри подобрал для Люси среднего размера рюкзак, и Надин пошла с ней в ее дом на окраине города, чтобы помочь собрать вещи... две смены одежды, что-то из нижнего белья, запасную пару туфель, плащ. И фотографии умерших мужа и дочери.

В тот вечер они разбили лагерь в городке под названием Куичи, расположенном уже в Вермонте. Люси Суонн рассказала им свою историю, короткую и простую, не очень отличающуюся от других историй, что им еще предстояло услышать. Нарастающее чувство утраты и шок подтолкнули ее к грани, за которой начиналось безумие.

Ее муж заболел двадцать пятого июня, дочь — на следующий день. Она истово ухаживала за ними, ожидая, что вскоре сама сва-

лится с хрипаткой (так называли болезнь в этом уголке Новой Англии). К двадцать седьмому числу, когда ее муж впал в кому, Энфилд оказался практически отрезанным от окружающего мира. Телевизор принимал не все программы, а те, что показывал, вызывали лишь недоумение. Люди умирали как мухи. За предыдущую неделю они насмотрелись на чрезвычайные перемещения войск по автостраде, но никто не обращал внимания на такой маленький городок, как Энфилд, штат Нью-Хэмпшир. Ее муж умер двадцать восьмого июня, перед рассветом. Дочери, похоже, стало немного лучше двадцать девятого, но вечером произошел рецидив. Она умерла около одиннадцати. К третьему июля умерли все жители Энфилда, кроме нее и старика по имени Билл Даддс. По словам Люси, Билл тоже заболел, но потом вроде бы совершенно оправился. Однако утром Дня независимости она нашла Билла на Главной улице мертвым, такого же распухшего и почерневшего, как все остальные.

— Я похоронила своих, а заодно и Билла, — рассказывала она, сидя перед потрескивающим костром. — Это заняло целый день, но они обрели покой. После этого подумала, что надо, пожалуй, идти в Конкорд, где жили мои родители. Но я... все как-то не могла собраться. — Она вопросительно посмотрела на них. — Как вы думаете, я поступила неправильно? Они могли остаться в живых?

— Нет, — ответил Ларри. — Иммунитет к болезни не связан с наследственностью. Моя мать... — Он уставился на пламя.

— Уэс и я, нам пришлось пожениться, — продолжила Люси. — Тем летом, когда я окончила школу, в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году. Родители не хотели, чтобы я выходила за него замуж. Они хотели, чтобы я уехала из города, родила ребенка и отказалась от него. Но я не смогла. Мама говорила, что все закончится разводом. Папа считал Уэса никчемностью, предупреждал, что он будет постоянно мне изменять. Я на это ответила: «Поживем — увидим». Хотела испытать судьбу. Вы меня понимаете?

— Да, — ответила Надин. Она сидела рядом с Люси и смотрела на нее с нежным сочувствием.

— Мы жили в уютном маленьком домике, и я никогда не думала, что все это может вот так кончиться. — Люси вздохнула, и вздох больше напоминал сдавленное рыдание. — У нас троих все

шло так хорошо. Уэс остепенился, не из-за меня, а из-за Марси. Для него свет клином сошелся на ней. Он...

— Не надо, — сказала Надин. — Все это было прежде.

«Снова это слово, — подумал Ларри. — Короткое слово из двух слогов».

— Да. Теперь все в прошлом. И я думаю, что смогу начать жить заново. Во всяком случае, думала, пока мне не начали сниться эти плохие сны.

Ларри вздрогнул.

— Сны?

Надин повернулась к Джо. Еще секунду назад он дремал у костра — а теперь смотрел на Люси горящими глазами.

— Плохие сны, кошмары, — кивнула Люси. — Они не всегда повторяются, но обычно меня преследует какой-то человек, и я никогда не могу хорошенько разглядеть его, потому что он с ног до головы завернут в... как бы это сказать... в плащ. И он всегда находится в тени или в проулке. — Она поежилась. — Мне даже стало страшно засыпать. Но теперь, может быть, я...

— Черый чел! — выкрикнул Джо так яростно, что они буквально подпрыгнули от неожиданности. Он вскочил на ноги и, скрючив пальцы, вытянул вперед руки, словно миниатюрная копия Белы Лугоши*. — Черый чел! Плохие сны! Гонится! Гонится за мной! Хватает меня! — Он прижался к Надин и опасливо уставился в темноту.

Повисло молчание.

— Это безумие! — вырвалось у Ларри, и он запнулся. Все смотрели на него. Внезапно темнота показалась еще более темной, а Люси вновь выглядела испуганной.

Ларри заставил себя продолжить:

— Люси, тебе никогда не снились сны о... ну, об одном месте в Небраске?

— Как-то раз мне приснился сон о старой негритянке, — кивнула Люси, — но короткий. Она сказала что-то вроде: «Ты приходи ко мне». Но я тут же снова оказалась в Энфилде, и... этот жуткий человек гнался за мной. Потом я проснулась.

* Бела Лугоши (1882—1956) — американский актер венгерского происхождения, легендарный исполнитель роли Дракулы.

Ларри посмотрел на нее таким долгим взглядом, что она покраснела и опустила глаза.

Он повернулся к Джо:

— Джо, тебе когда-нибудь снился сон о... ну, кукурузе? О старой женщине? О гитаре?

Джо только смотрел на него, а рука Надин обнимала его за плечи.

— Оставь его в покое, — потребовала Надин, — ты только еще больше его расстроишь.

Ларри поразмыслил.

— Дом, Джо? Маленький дом с крыльцом на домкратах?

Ему показалось, что в глазах Джо появился блеск.

— Прекрати, Ларри! — потребовала Надин.

— Качели, Джо? Качели из покрышки?

Джо неожиданно рванулся из объятий Надин, вынув большой палец изо рта. Надин попыталась удержать его, но безуспешно.

— Качели! — возбужденно сказал Джо. — Качели! Качели! — Он отбежал от них и ткнул пальцем сначала в Надин, потом в Ларри. — Она! Ты! Много!

— Много? — переспросил Ларри, но Джо уже успокоился.

На лице Люси Суонн отражалось изумление.

— Качели. Я тоже их помню. — Она посмотрела на Ларри. — Почему мы видим одни и те же сны? Кто-то направляет на нас луч?

— Я не знаю. — Он смотрел на Надин. — Ты тоже все это видела?

— Мне не снятся сны, — ответила она резко и тут же опустила глаза.

Ты лжешь, подумал Ларри. *Но почему?*

— Надин, если ты... — начал он.

— Я же сказала, что мне *не снятся сны*! — пронзительно, даже истерично закричала она. — Почему ты не можешь оставить меня в покое? Зачем изводишь меня?

Она встала и почти бегом отошла от костра.

Люси неуверенно посмотрела ей вслед, а потом тоже поднялась на ноги.

— Я пойду к ней.

— Хорошо. Джо, останешься со мной, лады?

— Ады, — ответил Джо и начал расстегивать футляр с гитарой.

* * *

Люси вернулась с Надин через десять минут. Видно было, что обе плакали, но Ларри заметил, что между ними установились хорошие отношения.

— Извини меня, — сказала Надин Ларри.

— Ничего страшного.

Больше эта тема не поднималась. Они сидели и слушали, как Джо исполняет свой репертуар. Он делал большие успехи, и теперь наряду с уханьем и похрюкиванием изо рта у него вылетали отдельные слова.

Наконец они улеглись спать: Ларри с одного края, Надин с другого, Джо и Люси — посредине.

Сначала Ларри приснился сон о темном человеке, стоящем где-то в вышине, потом о старой негритянке на крыльце. Только в этом сне он знал, что темный человек приближается, идет по кукурузному полю, прокладывает дорогу сквозь кукурузу, к его лицу прилеплена эта ужасная ухмылка, и он идет к ним, сокращая и сокращая разделяющее их расстояние.

Ларри проснулся среди ночи, с перехваченным горлом, задыхаясь от ужаса. Остальные спали как убитые. Темный человек шел за ним не с пустыми руками. В этом сне темный человек знал, кто он. На руках, словно жертвоприношение, он нес полуразложившееся и распухшее тело Риты Блейкмур, частично съеденное лесными сурками и ласками. Ларри почувствовал неодолимое желание броситься к его ногам, покаяться и смиренно признать, что никакой он не хороший парень, а неудачник, созданный только для того, чтобы брать.

Наконец он снова заснул. Без сновидений. Проснулся в семь утра, замерзший, с затекшим телом, голодный и с переполненным мочевым пузырем.

— Господи!.. — опустошенно выдохнула Надин. Ларри посмотрел на нее и увидел разочарование, такое глубокое, что даже слезы тут помочь не могли. Надин побледнела, а ее прекрасные глаза затуманились и потускнели.

В конечную точку своего маршрута они прибыли вечером девятнадцатого июля, в четверть восьмого, и к тому времени их тени заметно удлинились. Ехали они целый день, лишь несколько раз останавливались на пять минут, чтобы чуть передохнуть. На ленч

в Рандольфе у них ушло всего полчаса. Никто не жаловался, хотя после шести часов непрерывной езды на мотоцикле тело Ларри затекло и болело так, словно в него вонзили множество иголок.

Теперь они стояли перед металлическим забором. Внизу, за их спинами, раскинулся город Стовингтон, точно такой же, каким его видел Стью Редман в последние два дня своего заточения. За забором и лужайкой, когда-то аккуратно выкошенной, а теперь поросшей высокой травой и усыпанной листьями и ветками, занесенными сюда ветром во время послеполуденных гроз, стояло трехэтажное здание. Ларри предположил, что большая его часть скрыта под землей.

Не вызывало сомнений, что там нет ни одной живой души.

В центре лужайки стоял щит с надписью:

СТОВИНГТОНСКИЙ ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ФЕДЕРАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ!
ПОСЕТИТЕЛИ ДОЛЖНЫ ОТМЕТИТЬСЯ НА ГЛАВНОЙ ПРОХОДНОЙ

Под этими строчками были написаны другие, и именно на них они и смотрели.

ШОССЕ 7 ДО РУТЛАНДА	ЗДЕСЬ ВСЕ МЕРТВЫ
ШОССЕ 4 ДО СКАЙЛЕРВИЛЛЯ	МЫ ЕДЕМ НА ЗАПАД
ШОССЕ 29 ДО АВТОСТРАДЫ 87	В НЕБРАСКУ
НА ЮГ ПО А-87 ДО А-90	СЛЕДУЙТЕ ПО НАШЕМУ МАРШРУТУ
НА ЗАПАД ПО А-90	ИЩИТЕ УКАЗАНИЯ

ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР
ФРЭНСИС ГОЛДСМИТ
СТЮАРТ РЕДМАН
ГЛЕНДОН ПИКУОД БЕЙТМАН
8 ИЮЛЯ 1990 ГОДА

— Гарольд, дружище, — пробормотал Ларри. — Мне не терпится пожать тебе руку и купить пива... или «Пейдей».

— Ларри! — вскрикнула Люси.

Надин потеряла сознание.

Глава 45

Утром двадцатого июля она вышла на крыльцо без двадцати одиннадцать, с чашкой кофе и гренком, как выходила каждый день, если рекламный термометр «Кока-Колы» за окном над кухонной раковиной показывал больше пятидесяти градусов*. Стояло лето, на памяти матушки Абагейл — самое лучшее с тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, когда умерла ее мать, прожившая долгие девяносто три года. «Остается только сожалеть, что другие не могут им насладиться», — думала она, осторожно усаживаясь в кресло-качалку без подлокотников. Но разве люди когда-нибудь наслаждались летом? Некоторые — да; наслаждались юные влюбленные и старики, чьи кости слишком хорошо помнили морозные укусы зимы. Но теперь большинство малых и старых ушло, вместе со всеми остальными. Господь сурово покарал человечество.

Кто-то, может быть, и стал бы утверждать, что эта кара несправедлива, однако матушка Абагейл так не считала. Когда-то Он сделал это с помощью воды, а когда-нибудь сделает с помощью огня. Не ее дело — судить Господа, но она бы хотела, чтобы Он избавил ее от той задачи, которую перед ней поставил. Тем не менее, когда дело касалось Его суждений, матушку Абагейл вполне устраивал ответ Бога, данный Моисею из горящего куста. «Кто *ты*?» — спросил Моисей, а Бог строго ответил ему: «*Я есмь* Сущий»**. Другими словами, Моисей, хватит тебе здесь тереться, взял руки в ноги и пошел.

Она хрипло засмеялась, и кивнула, и опустила гренок в кофе, чтобы он стал мягче. Шестнадцать лет прошло с тех пор, как она распрощалась с последним зубом. Беззубой она вышла из утробы матери — и беззубой ей предстояло сойти в могилу. Год спустя, когда ей самой исполнилось девяносто три, правнучка Молли с мужем подарили ей вставные челюсти на День матери, но они натирали десны, и она вставляла их в рот, только когда знала, что Молли и Джим приедут в гости. Лишь тогда она доставала зубы из коробочки, которая лежала в ящике комода, мыла и ставила куда положено. А если у нее оставалось время до приезда Молли

---

* По Фаренгейту; примерно 10°С.

** Исход, 3:14.

и Джима, вставала перед пятнистым кухонным зеркалом, корчила рожи, рычала сквозь эти большие белые зубы и смеялась до коликов в животе. Она выглядела, как старая черная эверглейдсская аллигаторша.

Возможно, она была старой и слабой, но голова у нее работала исправно. Абагейл Фримантл, так ее звали, родилась в тысяча восемьсот восемьдесят втором году, и у нее имелось свидетельство о рождении, доказывающее сей факт. За свою жизнь она видела много всякого и разного, но ничто не могло сравниться с событиями последнего месяца. Нет, никогда она не сталкивалась ни с чем подобным, а теперь ей предстояло стать частью случившегося, и она негодовала. Старая женщина, она хотела отдыхать, радуясь смене времен года между здесь и сейчас и тем мигом, когда Бог устанет смотреть на ее жизнь и решит призвать на Небеса. Но что происходило, если ты о чем-то спрашивал Бога? Ты получал ответ: «Я есмь Сущий», — и на том все заканчивалось. Когда Его собственный Сын просил отвести чашу сию от Его губ, Бог не ответил... И она не подходила для отведенной ей роли — никогда, ни в коем случае. По ночам, когда в кукурузе свистел ветер, она, обыкновенная грешница, со страхом думала о том, как в начале тысяча восемьсот восемьдесят второго года Бог посмотрел с небес на новорожденную девочку, появившуюся между ног матери, и сказал Себе: *Пусть живет подольше. У нее будет одно дельце в тысяча девятьсот девяностом году, по другую сторону целой горы листков отрывного календаря.*

Пребывание здесь, в Хемингфорд-Хоуме, подходило к концу, а последнее дело ждало ее на западе, у самых Скалистых гор. Моисея Он определил в горовосходители, Ноя — в кораблестроители. Проследил, чтобы Сына распяли. Так неужели Он будет обращать внимание на то, как отчаянно боится Эбби Фримантл человека без лица, который бродит по ее снам?

Она никогда не видела его; да и зачем? Она и так знала, что он — тень, пробегающая по кукурузе в полдень, порыв холодного воздуха, ворон, таращащийся с телефонных проводов. Его голос слышался ей во всех звуках, которые пугали ее: в мягком тиканье жука-точильщика под ступенями, предвещавшем скорую смерть кого-то из близких; в громком грохоте послеполуденного грома, прокатывавшемся между облаками, которые надвигались с запада, как кипящий Армагеддон. Иногда темный человек не

издавал никаких звуков, только ночной ветер шуршал кукурузой, но Абагейл знала, что он здесь и, что еще хуже, не так уж уступает в могуществе самому Богу; в такие моменты ей казалось, что она — на расстоянии вытянутой руки от темного ангела, бесшумно пролетавшего над Египтом, убивая первенцев в каждом доме, дверь которого не пометили кровью. И это пугало ее больше всего. От страха она вновь становилась ребенком и понимала, что только ей известно о его жутком могуществе, тогда как другие всего лишь знали о существовании темного человека и боялись его.

— Ну и ладно. — Она отправила в рот последний кусок гренка. Продолжила раскачиваться, допивая кофе. День выдался ясным и солнечным, у нее ничего особенно не болело, и она прочла краткую благодарственную молитву за все, что получила от Бога. Бог великий, Бог добрый — даже маленький ребенок мог выучить эти слова, вобравшие в себя весь мир, добро и зло.

— Бог великий, — начала матушка Абагейл, — Бог добрый. Благодарю Тебя за солнечный свет. За кофе. За то, что вчера я без проблем справила большую нужду. Ты не ошибся, эти финики сделали свое дело, но, Господь, вкус мне не понравился. Разве я не молодец? Бог великий...

Она почти допила кофе, поставила чашку на пол и начала раскачиваться на качалке, подставив солнцу лицо, похожее на какую-то странную скальную поверхность, испещренную угольными прожилками. Она задремала, потом уснула. Ее сердце, стенки которого стали тонкими, будто папиросная бумага, билось и билось, как и каждую минуту последних тридцати девяти тысяч шестисот тридцати дней. А чтобы убедиться, что она дышит, пришлось бы положить руку ей на грудь, как младенцу в колыбельке.

Но на ее губах играла улыбка.

Жизнь, конечно же, изменилась в сравнении с годами ее детства. Фримантлы прибыли в Небраску как освобожденные рабы, и правнучка Молли, цинично и отвратительно смеясь, предположила, что деньги, на которые отец Абагейл купил новое жилье — деньги, заплаченные ему Сэмом Фримантлом из Льюиса, штат Южная Каролина, за те восемь лет, что отец и его братья оставались на плантации после завершения Гражданской войны, — выданы исключительно для успокоения совести. Абагейл придержа-

ла язык, когда Молли все это говорила, — Молли и Джим, да и все остальные по молодости не понимали ничего, кроме очень-очень хорошего и очень-очень плохого, — но внутренне закатила глаза и сказала себе: «Деньги, выплаченные для успокоения совести? Что ж, а бывают ли более чистые деньги?»

Итак, Фримантлы поселились в Хемингфорд-Хоуме, и Эбби, последний ребенок в семье, родилась уже здесь, в новом доме. Ее отец взял верх и над теми, кто не хотел ничего покупать у негров, и над теми, кто не хотел ничего им продавать. Землю он приобретал маленькими участками, чтобы не тревожить тех, кого волновало «нашествие черномазых ублюдков». Он первым из всех фермеров округа Полк применил севооборот, первым использовал химические удобрения. В марте тысяча девятьсот второго Гэри Сайтс пришел к ним домой, чтобы сообщить, что Джона Фримантла приняли в «Грейндж»*. Первого чернокожего во всей Небраске. Тот год вообще выдался очень удачным.

Абагейл полагала, что любой человек, оглянувшись, мог выбрать один год и сказать: «Этот самый лучший». У каждого человека находилась одна смена сезонов, когда все складывалось как нельзя лучше, легко и гладко. Точно в сказке. И только потом человек задавался вопросом: а почему вообще так случилось? Это было все равно что разом поместить в холодную кладовую десять вкусных блюд, чтобы все они пропитались ароматом друг друга; грибы — ветчиной, ветчина — грибами; оленина — легким привкусом куропатки, а куропатка — едва приметной остротой маринованных огурцов. С высоты прожитых лет человеку может захотеться, чтобы все хорошее, что уложилось в один особенный год, растянулось на более длительный срок. Берешь какое-нибудь радостное событие и переносишь в трехлетний период, о котором ты не помнишь ровным счетом ничего, ни хорошего, ни даже плохого, а потому знаешь, что в это время все шло согласно порядку, заведенному в мире, который создал Бог и наполовину разрушили Адам и Ева: грязное отправляли в стирку, пол мыли, о детях заботились, одежду штопали; три года ничто не нарушало ровный, серый поток времени, кроме Пасхи, Четвертого июля, Дня благодарения и Рождества. Но никому не ведомы пути Господни, ког-

* «Грейндж» — местное отделение «Нэшнл грейндж» (Национальной ложи покровителей сельского хозяйства).

да дело касается Его чудес, и для Эбби Фримантл, как и для ее отца, тысяча девятьсот второй год выдался очень удачным.

Эбби полагала, что во всей семье лишь она одна — не считая, разумеется, ее папочки — понимала, какое это великое, почти беспрецедентное событие — приглашение в «Грейндж». Он становился первым негром-грейнджером Небраски и, весьма вероятно, первым негром-грейнджером Соединенных Штатов. Джон не питал иллюзий насчет того, какую цену придется заплатить за это ему и его семье, понимал, что наслушается и грубых шуток, и оскорблений от тех людей — и прежде всего от Бена Конвея, — которые выступали против этого приглашения. Но он также видел, что Гэри Сайтс предлагал ему нечто большее, чем просто шанс на выживание: Гэри предлагал ему процветание наравне с другими фермерами кукурузного пояса.

Стоило ему стать членом «Грейнджа», и проблема покупки хороших семян отпадала сама собой. Вместе с необходимостью везти урожай в Омаху и искать там покупателя. Прекращались споры из-за прав на воду, постоянно возникавшие с Беном Конвеем, который терпеть не мог ни ниггеров, вроде Джона Фримантла, ни негрофилов, вроде Гэри Сайтса. Возможно, ему перестал бы докучать и окружной сборщик налогов. Короче, Джон Фримантл принял приглашение, и голосование завершилось в его пользу (со значительным перевесом), но, конечно, хватило и едких шпилек, и злобных шуток. О том, как енота (читай: негра) поймали на чердаке «Грейндж-холла»; о том, как младенец-негр отправился на небеса и получил черные крылышки, поэтому вместо ангела его прозвали летучей мышью. Бен Конвей долго еще объяснял людям, что члены «Грейнджа» проголосовали за Джона Фримантла по одной причине: близился детский карнавал, а им требовался негр на роль африканского орангутана. Джон Фримантл делал вид, что ничего этого не слышит, а по возвращении домой цитировал Библию: «Кроткий ответ отвращает гнев», «Какой мерою мерите, такою отмерено будет вам» — и его любимое, произносимое не со смирением, а в непреклонной надежде: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю»*.

* Соответственно: Притчи, 15:1; Евангелие от Марка, 4:24; Евангелие от Матфея, 5:5.

И мало-помалу он наладил отношения с соседями. Не со всеми, конечно, не с такими бешеными, как Бен Конвей и его сводный брат Джордж, не с Арнольдсами и не с Диконами, но со всеми остальными. В тысяча девятьсот третьем они обедали у Гэри Сайтса со всей его семьей, прямо в гостиной, как белые люди.

А в тысяча девятьсот втором Абагейл играла на гитаре в «Грейндж-холле», причем не в балаганной постановке про ленивых ниггеров, а на конкурсе для белых «Мы ищем таланты», который устраивался в конце года. Ее мать категорически возражала. То был один из редких случаев, когда она открыто выступила против мужа в присутствии детей (правда, дети к тому времени уже весьма приблизились к среднему возрасту, да и у самого Джона волосы почти полностью поседели).

— Я знаю, в чем тут дело, — плача, говорила она. — Ты, Сайтс и этот Фрэнк Феннер вместе все это придумали. С них спроса нет, Джон Фримантл, но ты-то что вбил в голову? Они же *белые*. Ты можешь сидеть с ними во дворе и говорить о пахоте. Ты даже можешь выпить с ними пива в городе, если Нейт Джексон пустит тебя в свой салун. Прекрасно! Я знаю, что тебе пришлось вынести за последние годы, никто лучше меня не знает. Я знаю, что ты улыбался, когда у тебя в сердце бушевал степной пожар. *Но сейчас речь о другом! Это же твоя дочь!* Что ты скажешь, если она поднимется на сцену в своем хорошеньком белом платьице, а они поднимут ее на смех? Что ты будешь делать, если они забросают ее гнилыми помидорами, как Брика Салливана на певческом концерте? И что ты ответишь ей, если она подойдет к тебе в испачканном этими помидорами платье и спросит: «Почему, папочка? Почему они это сделали, и почему ты *позволил* им это сделать?»

— Знаешь, Ребекка, — ответил Джон, — мне кажется, мы не должны вмешиваться. Решать ей и Дэвиду.

Он говорил о ее первом муже. В тысяча девятьсот втором году Абагейл Фримантл стала Абагейл Троттс. Чернокожий Дэвид Троттс работал на ферме в Вальпараисо и проходил тридцать миль в один конец, чтобы поухаживать за Абагейл. Джон Фримантл как-то сказал Ребекке, что медведь крепко ухватил старину Дейви и деваться ему некуда. Среди родственников хватало и таких, кто посмеивался над ее первым мужем со словами: «Я знаю, *кто* в этой семье носит брюки».

Но Дэвид не был подкаблучником, просто отличался спокойным нравом и задумчивостью. И когда он сказал Джону и Ребекке Фримантл: «Я полагаю, как Абагейл сочтет нужным, так и надо сделать», — она благословила его и сказала отцу и матери, что собирается принять участие в конкурсе.

Итак, двадцать седьмого декабря тысяча девятьсот второго года, на третьем месяце беременности своим первенцем, она поднялась на сцену «Грейндж-холла» в полной тишине, воцарившейся в зале, едва ведущий объявил ее имя. Перед ней выступала Гретхен Тайлионс с быстрым французским танцем, демонстрируя лодыжки и нижние юбки под свист, ободряющие крики и топанье зрителей.

Абагейл стояла в этой вязкой тишине, зная, как выглядит ее черное лицо над новым белым платьем, сердце бешено колотилось в груди, и она думала: *Я забыла все слова, все до единого, я обещала папочке, что ни за что не заплачу, не заплачу, но здесь сидит Бен Конвей, и когда Бен Конвей завопит: «НЕГРИТОСКА!» — наверное, я заплачу. Ох, и зачем я во все это ввязалась? Мама была права, я слишком далеко зашла, и теперь мне придется за это заплатить...*

Зал заполняли обращенные к ней напряженные белые лица. Не осталось ни одного свободного кресла, а в глубине зала в два ряда стояли те, кому не хватило места. Керосиновые лампы давали яркий, пусть и неровный свет. Портьеры из красного бархата были отдернуты к краям окон и подвязаны золотыми шнурами.

И она подумала: *Меня зовут Абагейл Фримантл Троттс, я хорошо играю и хорошо пою, я знаю это не с чужих слов.*

И в недвижной тишине она запела «Этот старый потертый крест», тихо наигрывая мелодию на гитаре. Потом, разогревшись, более энергично сыграла «Как я люблю своего Иисуса» и уже в полную силу — «Молебен под открытым небом в Джорджии». Зрители, раньше сидевшие абсолютно неподвижно, начали раскачиваться чуть ли не против своей воли. Некоторые улыбались и хлопали себя по коленям.

Она спела подборку песен Гражданской войны: «Когда Джонни идет домой», «Марш по Джорджии» и «Земляные орешки» (во время последней улыбок в зале прибавилось — многим зрителям-ветеранам отлично знаком был их вкус). Закончила песней «Но-

чуем сегодня в старом лагере», и когда завершающий аккорд, задумчивый и печальный, растворялся в тишине, подумала: *Ну а теперь, если вам так уж хочется бросить в меня помидоры или что там у вас припасено, валяйте. Я играла и пела как могла, и у меня действительно получилось.*

Когда музыка окончательно смолкла, в зале на один долгий, почти волшебный миг воцарилась полная тишина, словно люди, сидевшие в креслах и стоявшие в глубине зала, унеслись куда-то далеко, так далеко, что не сразу нашли обратную дорогу. Потом аплодисменты нахлынули на нее продолжительной, непрерывной волной, от которой она вспыхнула и засмущалась. Ее бросило в жар, а по коже побежали мурашки. Она видела мать, которая в открытую плакала, и отца, и Дэвида, не отрывавшего от нее сияющих глаз.

Тогда она попыталась уйти со сцены, но повсюду раздались крики: *Бис! Бис!* — и она с улыбкой сыграла «Кто-то копал мою картошку». Песенку немного непристойную, но она решила, что может себе это позволить, раз уж Гретхен Тайлионс продемонстрировала публике свои лодыжки. Она, в конце концов, была замужней женщиной.

Эх, картошку мы копали,
Глубоко копал мой друг.
Тяжела теперь я стала,
Только смылся милый вдруг!

Песня состояла из шести подобных куплетов (некоторые были еще забористее), она пропела их один за другим, и в конце каждого раздавался все более громкий хохот одобрения. Позднее она подумала, что если и совершила в тот вечер какую-либо ошибку, то именно исполнив эту песню. Песню, которую они ожидали услышать от негритоски.

Она закончила под громовую овацию и новые крики «Бис!». Вновь поднялась на сцену и, когда толпа затихла, сказала:

— Большое спасибо всем вам. Я надеюсь, вы не сочтете меня выскочкой, если я попрошу у вас разрешения спеть еще одну, последнюю песню, которую я специально разучивала, но никогда не думала, что буду исполнять ее здесь. Однако это одна из лучших известных мне песен, и в ней говорится о том, что президент

Линкольн и эта страна сделали для меня и моих близких, когда меня еще не было на свете.

Теперь все сидели очень тихо и внимательно слушали. Члены ее семьи обратились в камень. Они расположились рядом с левым проходом — пятно от ежевичного варенья на белом носовом платке.

— В ней говорится о том, что случилось в разгар Гражданской войны, — ровным голосом продолжала она, — о том, что позволило моей семье приехать сюда и жить рядом с прекрасными соседями.

Потом она заиграла и запела «Звездно-полосатый флаг», и все встали со своих мест. Многие полезли в карман за платками, а когда она закончила, раздались такие аплодисменты, что чуть не рухнула крыша.

Этим днем Эбби гордилась, как никаким другим.

Проснулась она вскоре после полудня и села, щурясь от яркого солнечного света, старая женщина ста восьми лет от роду. Она спала в неудобной позе, теперь ее мучили боли в спине, и она знала, что до самого вечера лучше ей не станет.

— Ну и ладно. — Абагейл осторожно поднялась с качалки. Начала спускаться по ступенькам крыльца, крепко держась за шаткие перила, морщась от кинжалов боли, вонзающихся в спину, и покалываний в ногах. Кровь циркулировала по телу уже не так хорошо, как раньше... да и могло ли быть иначе? Сколько раз она предупреждала себя о последствиях сна в кресле-качалке. Она заснет, и вернутся прежние времена, и это будет здорово, да, очень здорово, лучше, чем смотреть какую-нибудь пьесу по телевизору, но потом, после пробуждения, за это придется заплатить. Она могла сколько угодно читать себе нотации, однако продолжала вести себя точно старая собака, которая устраивается перед горящим камином. Если она сидела на солнце, то засыпала, и все дела. Больше на эту тему сказать было нечего.

Матушка Абагейл добралась до земли и остановилась, дожидаясь, «пока ноги меня догонят». Отхаркнула сгусток мокроты и выплюнула в пыль. Когда почувствовала себя более-менее сносно (не считая болей в спине), поплелась к сортиру, который ее внук Виктор построил за домом в тысяча девятьсот тридцать первом году. Вошла, чопорно закрыла за собой дверь, заперла на крю-

чок, словно снаружи собралась людская толпа, а не несколько ворон, и села. Мгновением позже почувствовала, как потекла моча, и удовлетворенно вздохнула. Вот еще один атрибут старости, о котором тебе никто не скажет (а может, и говорили, да ты пропустила мимо ушей?): ты уже и не знаешь, когда тебе надо отлить. Такое впечатление, что мочевой пузырь потерял всякую чувствительность, и если не будешь соблюдать осторожность, тебе может неожиданно потребоваться смена одежды. Она старалась этого избежать, а потому приходила сюда шесть или семь раз в день и ночью держала у кровати горшок. Джим, муж Молли, как-то сказал ей, что она похожа на собаку, которая не пропустит ни одного гидранта, чтобы не отсалютовать ему поднятой ногой, и она так смеялась, что слезы заструились у нее из глаз и потекли по морщинистым щекам. Джим, муж Молли, занимал высокий пост в одной чикагской рекламной фирме, и все у него шло хорошо... раньше, во всяком случае, шло. Она полагала, что он ушел вместе с остальными. Благослови их сердца, сейчас они уже с Иисусом.

В последний год только Молли и Джим приезжали сюда, чтобы навестить ее. Остальные, похоже, забыли, что она жива, и Абагейл их понимала. Она пережила свое время. Превратилась в динозавра, который еще ходил по этой земле, тогда как его кости давно уже ждал музей (или кладбище). Она понимала, что они не хотят видеть *ее*, но не могла понять, почему они не хотят приехать и увидеть *землю*. Земли осталось не так уж много, несколько акров от первоначального участка Джона Фримантла, но эти акры принадлежали им, это была *их земля*. Однако ныне чернокожие утратили прежнее трепетное отношение к земле. Появились и такие, кто стыдился земли. Они перебрались в города, чтобы там строить свою жизнь, и у большинства, как у Джима, получалось очень даже хорошо... но как у нее щемило сердце, когда она думала обо всех этих чернокожих людях, отвернувшихся от земли!

В позапрошлом году Молли и Джим хотели поставить в доме сливной туалет и обиделись, когда она отказалась. Она пыталась объяснить так, чтобы они поняли, но Молли только повторяла снова и снова: «Матушка Абагейл, тебе сто шесть лет. Что, по-твоему, я чувствую, зная, что тебе приходится усаживаться там на толчок, когда в некоторые дни температура воздуха опускается до де-

сяти градусов*? Или ты не знаешь, что от холодового шока у тебя может остановиться сердце?»

«Когда Господь захочет прибрать меня, Он приберет», — отвечала ей Абагейл. Она вязала, и они, разумеется, думали, что она смотрит на спицы и не видит, как они закатывали глаза, глядя друг на друга.

На что-то соглашаться можно, на что-то — нет. Этого молодежь тоже никак не могла понять. В тысяча девятьсот восемьдесят втором, когда ей исполнилось сто лет, Кэти и Дэвид предложили Абагейл телевизор, и она согласилась его взять. У телевизора так приятно коротать время, если живешь в одиночку. Но когда приехали Кристофер и Сюзи и сказали, что хотят провести городскую воду, она отказалась, как отказалась от предложения Молли и Джима оборудовать дом сливным туалетом. Они спорили, убеждали ее, что воды в колодце немного и он пересохнет совсем, если повторится еще одно такое же лето, как в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом, когда Небраска изнывала от засухи. Подобное вполне могло случиться, но она настаивала на своем. Они, конечно же, думали, что у нее совсем съехала крыша и она впала в старческий маразм, однако Абагейл полагала, что голова у нее ясная, как и прежде.

Она поднялась с сиденья, высыпала в яму немного извести и медленно вышла на солнечный свет. Она содержала туалет в чистоте, но в таких местах воняло всегда, несмотря на старания.

Голос Бога шептал ей на ухо, когда Крис и Сюзи предлагали провести городскую воду... голос Бога шептал ей и раньше, когда Молли и Джим хотели снабдить ее фаянсовым троном с ручкой для спуска воды. Бог иной раз *говорил* с людьми; ведь говорил же Он с Ноем насчет ковчега, объясняя, какая у него должна быть длина, высота и ширина? Да. И она верила, что Он говорил с ней, не из горящего куста или огненного столба, но ровным, тихим голосом, который слышала только она: *Эбби, тебе понадобится ручной насос. Наслаждайся своим лектричеством сколько хочешь, Эбби, но держи эти масляные лампы полными и следи за фитилями. И пусть кладовая всегда будет набита продуктами, как у твоей матери. И не позволяй молодым уговорить тебя на что-то*

* По Фаренгейту; примерно –12°С.

такое, чего Я не одобрю, Эбби. Они — твои потомки, но Я — твой Отец.

Она остановилась посреди двора, глядя на море кукурузы, только в одном месте разорванное проселочной дорогой, которая уходила к Дункану и Коламбусу. В трех милях от ее дома дорога обретала твердое покрытие. Кукуруза в этом году уродилась на славу, и оставалось только пожалеть, что весь урожай достанется грачам. Она загрустила, подумав о том, что большие красные машины в этом сентябре останутся в ангарах. О том, что не будет в этом году ни лущения початков, ни танцев в амбаре. О том, что впервые за последние сто восемь лет не сможет увидеть, как в Хемингфорд-Хоуме лето уступит место ликующей, жизнерадостной осени, — потому что ее здесь не будет. Абагейл полностью отдавала себе отчет, что это лето она будет любить больше, чем любое другое, поскольку оно для нее — последнее. И в землю ей предстояло лечь не здесь, а на западе, в незнакомой стране. Это было грустно.

Волоча ноги, она добралась до качелей и привела их в движение. Эти качели из старой тракторной покрышки ее брат Лукас соорудил в тысяча девятьсот двадцать втором году. Веревку с тех пор меняли неоднократно, а вот покрышку — никогда. Тут и там проглядывал корд, на внутреннем ободе образовалась глубокая впадина в том месте, где покрышка соприкасалась с ягодицами многих поколений детей и подростков. В глубокой пыльной канаве под качелями трава давно уже зареклась расти, а на ветке, к которой была привязана веревка, кора стерлась полностью, обнажив белую древесную кость. Веревка чуть поскрипывала, и на этот раз Абагейл заговорила вслух:

— Пожалуйста, Господь, пожалуйста, если в этом нет крайней необходимости, я бы хотела, чтобы Ты отнял чашу сию от моих губ, если Ты можешь. Я старая, и я боюсь, и я хотела умереть здесь, в родном доме. Я готова умереть прямо сейчас, если Ты хочешь забрать меня. Воля Твоя будет исполнена, Господь, но Эбби — всего лишь уставшая, едва переставляющая ноги, старая черная женщина. Воля Твоя будет исполнена.

Ни звука, кроме поскрипывания веревки по ветке да вороньего карканья в кукурузе. Абагейл прижалась старым, морщинистым лбом к старой, потрескавшейся коре яблони, которую так давно посадил ее отец, и горько заплакала.

* * *

В ту ночь ей снилось, как она вновь поднимается на сцену «Грейндж-холла», юная и красивая Абагейл, уже три месяца как беременная, темная негритянская жемчужина в белом платье. Держа гитару за гриф, поднимается, поднимается, поднимается в этом замершем зале, ее мысли несутся бурным потоком, но одна остается четкой и ясной: *Меня зовут Абагейл Фримантл Троттс, я хорошо играю и хорошо пою; я знаю это не с чужих слов.*

В этом сне она медленно повернулась, посмотрела на белые лица, обращенные к ней, как многочисленные луны, на зал, залитый светом керосиновых ламп, отметила, что свет отражается от темных, чуть запотевших окон, а портьеры из красного бархата раздвинуты и подвязаны золотыми шнурами.

Крепко держась за эту четкую и ясную мысль, она начала играть «Скалу веков». Она играла и пела, зная, что голос у нее не нервный и напряженный, а точно такой, каким она слышала его на бесчисленных репетициях, глубокий и мягкий, словно желтый свет ламп, и она подумала: *Я собираюсь расположить их к себе. С Божьей помощью я собираюсь расположить их к себе. Ох, люди мои, если вас мучает жажда, разве я не источу вам воду из камня? Я расположу их к себе, и Дэвид будет гордиться мной, и мама и папа будут гордиться мной, и я сама сделаю все, чтобы гордиться собой. Я источу музыку из воздуха и источу воду из камня...*

Именно тогда она впервые увидела его. Он стоял в дальнем углу, позади всех, сложив руки на груди. В джинсах и джинсовой куртке, со значками-пуговицами на нагрудных карманах. В запыленных черных сапогах со сбитыми каблуками, которые выглядели так, будто отмерили немало темных и пыльных миль. Лоб белел, как свет газового рожка, щеки пылали радостным румянцем, глаза сверкали, как синие бриллианты, лучились инфернальным весельем, будто этот Сын Сатаны взялся за работу Криса Кринглa*. Злая и пренебрежительная улыбка, почти оскал, оттягивала губы от зубов, белых, острых и ровных, напоминающих зубы ласки.

Он поднял руки, отрывая их от тела. Пальцы сжимались в кулаки, такие же крепкие и жесткие, как наросты на яблоне. Он про-

* Крис Кринглa — искаженное имя немецкого персонажа, или Секретный Санта — рождественская церемония анонимного обмена подарками.

должал улыбаться — весело и невероятно отвратительно. С кулаков начали падать капли крови.

Слова застряли у нее в горле. Пальцы забыли, как перебирать струны; гитара в последний раз неблагозвучно тренькнула, и наступила тишина.

Боже! Боже! — кричала она, но Бог отвернулся.

А в зале уже поднимался Бен Конвей с побагровевшим, горящим лицом, маленькие поросячьи глазки блестели. *Черномазая сука!* — крикнул он. *Что делает эта черномазая сука на нашей сцене? Ни одна черномазая сука не источала музыку из воздуха! Ни одна черномазая сука не источала воды из камня!*

Ему ответили яростные крики согласия. Люди рванулись к ней. Она увидела, как ее муж встал и попытался подняться на сцену. Чей-то кулак ударил ему в зубы, отбросив назад.

Оттащите этих грязных ниггеров в дальний конец зала! — проревел Билл Арнольд, и кто-то оттолкнул Ребекку Фримантл к стене. Кто-то еще — судя по всему, Чет Дикон — набросил на нее портьеру из красного бархата, завязал золотым шнуром и закричал: *Вы только посмотрите! Одетая обезьяна! Одетая обезьяна!*

Остальные поспешили к нему и принялись щипать и бить женщину, которая пыталась выбраться из бархатной портьеры.

Мама! — закричала Абагейл.

Гитара выпала из ее онемевших пальцев и разлетелась в щепки, ударившись о край сцены.

Она огляделась в поисках темного человека, стоявшего в глубине зала, но тот давно уже ушел — зашагал в какое-то другое место.

Мама! — вновь закричала она, а грубые руки уже стаскивали ее со сцены, лезли под платье, лапали, дергали, щипали за зад. Кто-то сильно дернул Абагейл за руку, едва не вырвав ее из плечевого сустава, приложил ладонь к чему-то твердому и горячему.

Бен Конвей прошептал ей в ухо: *Тебе нравится МОЯ скала веков, черномазая шлюха?*

Зал кружился у нее перед глазами. Она видела, как отец пытается добраться до лежащей на полу матери, видела, как белая рука, держащая за горлышко бутылку, опускается к спинке складного стула. Раздался звон, а потом зазубренное бутылочное стекло, неровно поблескивающее в свете керосиновых ламп, вонзилось в лицо отца. Она видела, как его вылезающие из орбит глаза лопнули, словно виноградины.

Она закричала, и мощь ее крика, казалось, разнесла в клочья этот ярко освещенный зал, впустила в него темноту, и она вновь стала матушкой Абагейл, ста восьми лет от роду, слишком старой, дорогой Господь, слишком старой (но пусть исполнится воля Твоя), и она шагала по кукурузному полю, заблудившись среди мистических кукурузных стеблей, которые укореняются неглубоко, но широко, по кукурузному полю, серебрящемуся от лунного света и черному от тени; она слышала легкий шелест летнего ночного ветра, ощущала запах растущей кукурузы, живой запах, с которым не расставалась всю свою долгую, долгую жизнь (она много раз думала, что это растение лучше всего олицетворяет жизнь, что его запах и есть запах самой жизни, начала жизни, ох, она трижды выходила замуж и похоронила всех своих мужей, Дэвида Троттса, Генри Хардести и Нейта Брукса, и она делила постель с тремя мужчинами, и ублажала их, как женщина должна ублажать мужчину, отдавалась целиком и полностью, и всегда испытывала наслаждение, и думала: *О Господи, как я люблю быть сексуальной с моим мужчиной и как я люблю, чтобы он был сексуальным со мной, когда берет меня, когда берет меня тем, что выстреливает в меня*, — и иногда в момент оргазма она думала о кукурузе, ласковой кукурузе, семена которой сажали неглубоко, но широко, она думала о плоти и о кукурузе, когда все заканчивалось, и ее муж лежал рядом с ней, и в спальне стоял запах секса, запах спермы, которую муж выстреливал в нее, и запах соков, которые выделяла она, чтобы смазать ему путь, и точно так же пахла лущеная кукуруза — нерезко и сладко, хорошо).

И все-таки она боялась, стыдилась близости с землей, и летом, и растущими растениями, потому что шла по полю не одна. *Он* находился где-то рядом, в двух рядах справа или слева, шел следом позади или чуть обгонял. Темный человек находился на этом самом поле, его запыленные сапоги вдавливались в мясо почвы и отбрасывали ее комьями, а он ухмылялся в ночи, как фонарь «молния».

Потом он заговорил, впервые вслух, и она видела его лунную тень, высокую, горбатую и гротескную, падающую на тот ряд, по которому шла она. Голос его напоминал ночной ветер, стонущий в октябре среди сухих, ободранных кукурузных стеблей, напоминал хруст этих самых белых, засохших, бесплодных стеблей, шепчущихся о собственной смерти. Мягкий голос. Голос рока: *Мне*

нравится твоя кровь в моих кулаках, старая мать. Если ты молишься Богу, молись, чтобы Он взял тебя, прежде чем ты услышишь мои шаги у своего порога. Это не ты творила музыку из воздуха, это не ты источала воду из камня, и твоя кровь в моих ладонях.

Потом она проснулась, проснулась за час до зари, и первым делом подумала, что обмочила кровать, но простыни намокли от ночного пота, тяжелого, как майская роса. Ее исхудалое тело беспомощно дрожало, и каждая его частичка молила о покое.

Господь мой, Господь, отведи чашу сию от моих губ.

Но ее Господь не ответил. Только ветер раннего утра чуть дребезжал стеклами, разболтавшимися и требовавшими новой замазки. Наконец она поднялась, и разожгла огонь в старой дровяной печи, и поставила воду для кофе.

В последующие несколько дней работы ей хватало, так как она ждала гостей. Какие бы ужасные сны ей ни снились, какой бы усталой она себя ни чувствовала, Абагейл никогда не пренебрегала гостями и не собиралась менять заведенный порядок. Но приходилось делать все очень медленно, иначе она могла что-то забыть — теперь она многое забывала — или что-то положить не туда, а в итоге ходить кругами, не сдвигаясь с места.

Прежде всего следовало наведаться в курятник Адди Ричардсон, а путь туда был неблизкий, четыре или пять миль. Она поймала себя на мысли, не пошлет ли ей Бог орла, чтобы пролететь эти четыре мили, или Илию на огненной колеснице, чтобы тот ее подвез.

— Богохульница, — благодушно укорила она себя. — Господь посылает силу, а не такси.

Перемыв тарелки, Абагейл надела тяжелые башмаки и взяла трость. Даже теперь тростью она пользовалась очень редко, но сегодня та могла понадобиться. Четыре мили туда, четыре обратно. В шестнадцать она бы неслась туда сломя голову, а обратно бежала бы трусцой, но ее шестнадцать лет остались в далеком прошлом.

Она отправилась в путь в восемь утра, надеясь к полудню добраться до фермы Ричардсонов и проспать самые жаркие часы. А уж к вечеру свернула бы курам шею и в сумерках пошла бы домой. Абагейл понимала, что не сможет вернуться до тем-

ноты, и эта мысль заставила ее вспомнить о своем вчерашнем сне, но темный человек все еще находился далеко. Гости — гораздо ближе.

Она шла очень медленно, даже медленнее, чем, по ее мнению, следовало, потому что в половине девятого утра солнце уже палило слишком сильно. Она не особо потела — на костях оставалось не так уж много плоти, из которой выжимается пот, — но когда добралась до почтового ящика Гуделлов, почувствовала, что должна отдохнуть. Уселась под их перечным деревом, съела немного сушеного инжира. Ни орла, ни такси не просматривалось. Похихикав, она поднялась, стряхнула с платья крошки и двинулась дальше. Нет, никаких такси. Господь помогал тем, кто помогал себе сам. И все равно Абагейл чувствовала, как настраиваются все ее суставы, готовясь устроить ночной концерт.

Она все больше и больше сгибалась над тростью, на которую опиралась при ходьбе, хотя боль в запястьях усиливалась. Ее грубые башмаки с желтыми кожаными ремешками шаркали по пыли. Солнце жарило, и по мере того, как шло время, тень Абагейл становилась все короче. За одно утро она увидела больше диких зверей, чем за последние семьдесят лет: лису, енота, дикобраза, пекана. Если бы она слышала, как Стью Редман и Глен Бейтман обсуждают странную — это им она казалась странной — избирательность «супергриппа», убивавшего одних животных и не причинявшего вреда другим, то расхохоталась бы. Болезнь убила домашних животных и оставила диких — просто, как апельсин. Несколько видов домашних животных сохранилось, но больше всего пострадали человек и его лучшие друзья. Болезнь уничтожила собак и пощадила волков, потому что волки остались дикими, а собаки — нет.

Раскаленные докрасна свечи боли искрили в ее бедрах, под каждым коленом, в лодыжках и в запястьях, которые получали непривычную нагрузку, когда она опиралась на трость. Абагейл шла и разговаривала с Богом, иногда про себя, иногда вслух, не ощущая разницы между первым и вторым. И вновь ее мысли вернулись к прошлому. Конечно, тысяча девятьсот второй год был лучшим. После этого время словно ускорило ход, и страницы какого-то огромного, толстого отрывного календаря шелестели и шелестели, почти не задерживаясь на месте. Жизнь тела пролете-

ла слишком быстро... и как это тело умудрилось настолько устать от жизни?

От Дэви Троттса она родила пятерых. Одна девочка, Мэйбелл, подавилась яблоком и задохнулась во дворе Старого Дома. Эбби развешивала одежду, а когда обернулась, то увидела, что дочь лежит на спине, лиловея и царапая ногтями горло. Ей все-таки удалось извлечь кусок яблока, но к тому времени крошка Мэйбелл уже не шевелилась и похолодела, единственная рожденная Эбби девочка и единственная из ее многочисленных детей, кто погиб от несчастного случая.

Теперь Абагейл сидела в тени вяза, растущего во дворе Ноглерсов, и видела, что в двухстах ярдах от нее проселок обретает твердое покрытие. В том месте Фримантл-роуд переходила в дорогу, находившуюся в ведении округа Полк. От жары воздух над гудроном мерцал, и казалось, что на горизонте разлита ртуть, сверкающая, как вода во сне. В такой жаркий день человек всегда видел вдалеке что-то похожее на ртуть, но не мог разглядеть как следует. По крайней мере она никогда не могла...

Дэвид умер в тысяча девятьсот тринадцатом от гриппа, не очень-то отличавшегося от теперешнего, убившего столько человек. В тысяча девятьсот шестнадцатом, в тридцать четыре года, она вышла замуж за Генри Хардести, чернокожего фермера из округа Уилер на севере. Он специально приезжал, чтобы ухаживать за ней. Генри остался вдовцом с семью детьми, но пятеро из них уже выросли и покинули родные места. На семь лет старше Абагейл, он успел стать отцом еще двух детей, прежде чем трагически погиб в конце лета тысяча девятьсот двадцать пятого года: его придавил перевернувшийся трактор.

Годом позже она вышла замуж за Нейта Брукса, и люди начали сплетничать — да, люди сплетничают, как же они это любят, иногда даже кажется, что никаких других дел у них просто нет. Нейт прежде работал у Генри Хардести и стал ей хорошим мужем. Возможно, не таким милым, как Дэвид, и, уж конечно, не таким надежным, как Генри, но он был достойным человеком, который во многом слушался ее советов. Когда женщине уже немало лет, это всегда приятно — точно знать, кто в доме хозяин.

Шестеро ее мальчиков принесли урожай из тридцати двух внуков и внучек. Тридцать два внука и внучки, в свою очередь, произвели на свет девяносто одного правнука и правнучку, а к нача-

лу эпидемии Абагейл уже могла похвастаться тремя праправнуками. Их было бы больше, если бы не таблетки, которые теперь принимали девушки, чтобы не рожать детей. Им казалось, что кровать — еще одна игровая площадка. Абагейл жалела их, раз уж им приходилось жить по таким правилам, но никогда об этом не говорила. Только Бог мог судить, грешили они, принимая эти таблетки, или нет (а не тот старый лысый пердун в Риме — матушка Абагейл всю жизнь ходила в методистскую церковь и чертовски гордилась тем, что не имела ничего общего с этими заносчивыми католиками), но Абагейл знала, чего они лишают себя: экстаза, который приходит, когда ты стоишь на краю Долины Тени, экстаза, который приходит, когда ты полностью отдаешься своему мужчине и своему Богу, когда говоришь: Твоя воля будет исполнена и Твоя воля будет исполнена; конечного экстаза полового акта в присутствии Господа, когда мужчина и женщина переживают вновь древний грех Адама и Евы, только омытый и освященный кровью агнца.

Ох, ну да ладно...

Она хотела выпить глоток воды, она хотела быть дома, в кресле-качалке, она хотела, чтобы ее оставили в покое. Теперь она видела слева от себя отблеск солнца на крыше курятника. Еще миля, не больше. Часы показывали четверть одиннадцатого, а значит, шла она достаточно быстро для такой пожилой девчушки. Сейчас она доберется до места и проспит в тени до вечера. Никакой это не грех. Особенно в ее возрасте. И Абагейл, шаркая ногами, двинулась дальше по обочине, ее тяжелые башмаки теперь покрывал толстый слой пыли.

Да, потомков у нее хватало, чтобы не остаться одной в старости, а это что-то да значило. Некоторые, вроде Линды и никчемного коммивояжера, за которого она вышла замуж, никогда не приезжали, но другие — хорошие, такие как Молли и Джим или Дэвид и Кэти, — с лихвой заменяли тысячу линд и никчемных коммивояжеров, ходивших от дома к дому и продававших кастрюли-сковородки, позволяющие готовить без воды. Последний из ее братьев, Люк, умер в тысяча девятьсот сорок девятом, в возрасте восьмидесяти с чем-то лет, а последний из ее детей, Сэмюель, — в тысяча девятьсот семьдесят четвертом, в пятьдесят четыре года. Она пережила своих детей, чего вроде бы делать не следовало, но, похоже, Господь имел на нее особые виды.

В тысяча девятьсот восемьдесят втором, когда ей исполнилось сто лет, ее фотография появилась в омахской газете, и с телевидения прислали репортера, чтобы он снял о ней сюжет. «Благодаря чему вам удалось дожить до столь почтенного возраста?» — спросил молодой человек, и на его лице отразилось разочарование, когда она ответила: «Благодаря Богу». Они-то хотели услышать рассказ о том, как она ела пчелиный воск, или воздерживалась от жареной свинины, или всегда спала, задрав ноги. Но она никогда этого не делала, так чего врать? Бог дает жизнь и забирает ее, когда Он того хочет.

Кэти и Дэвид подарили ей телевизор, чтобы она смогла увидеть себя в выпуске новостей, и она получила письмо от президента Рональда Рейгана (тоже далеко не желторотого юнца), поздравившего ее с «преклонным возрастом» и поблагодарившего за то, что она голосовала за республиканцев всю жизнь. Ну а за кого еще она могла голосовать? Рузвельт и его окружение были коммунистами.

Когда ей исполнилось сто лет, городской совет Хемингфорд-Хоума «навечно» избавил Абагейл от налогов в связи с тем самым «преклонным возрастом», с которым поздравлял ее Рональд Рейган. Ей выдали сертификат, в котором указывалось, что она — самый старый человек во всей Небраске, как будто маленькие дети стремились ей подражать. С налогами, однако, они хорошо придумали, хотя все остальное она считала полнейшей глупостью. Если бы они не сделали этого, она бы потеряла оставшийся у нее клочок земли. Большей части земли семья лишилась давным-давно. Владения Фримантлов и мощь «Грейнджа» достигли расцвета в волшебном тысяча девятьсот втором году, а с тех пор постепенно пошли на спад. У нее осталось только четыре акра. Что-то ушло на уплату налогов, что-то продали из-за нехватки денег... и, пусть она и стыдилась в этом признаться, землю в основном продавали ее сыновья.

В прошлом году она получила письмо от какого-то нью-йоркского объединения, которое называлось «Американское геронтологическое общество». В письме говорилось, что она — шестая по возрасту из всех граждан Соединенных Штатов Америки и третья из женщин. Самый старый американец жил в Санта-Розе, штат Калифорния. Этому человеку из Санта-Розы исполнилось сто двадцать два года. Она попросила Джима вставить письмо в рам-

ку и повесила его на стену рядом с письмом от президента. Джим сделал это лишь в феврале нынешнего года. Тут Абагейл поняла, что именно тогда в последний раз видела Молли и Джима.

Она дошла до фермы Ричардсонов. Уставшая донельзя, привалилась к ближайшему заборному столбу и с вожделением посмотрела на дом. Внутри ее ждала прохлада. Прохлада и уют. Она чувствовала, что может проспать вечность. Но прежде чем прилечь, она должна была сделать еще кое-что. Множество животных умерло от этой болезни — лошади, собаки, крысы, — и ей хотелось узнать, не постигла ли кур та же судьба. Если бы выяснилось, что столь долгий путь она проделала только ради созерцания дохлых кур, оставалось бы лишь горько рассмеяться.

Она зашаркала к курятнику, пристроенному к амбару, и остановилась, услышав внутри кудахтанье. Через секунду сердито закукарекал петух.

— Все в порядке, — пробормотала Абагейл. — Тогда все в порядке.

Поворачиваясь, чтобы вернуться к дому, она увидела распростертое рядом с поленницей тело Билла Ричардсона, деверя Адди. Его сильно обглодали бродячие животные.

— Бедняга, — вздохнула она. — Бедняга. Сонмы ангелов отпевают тебя, Билли Ричардсон.

Абагейл снова повернулась к прохладному, приветливому дому. Казалось, до него многие мили, хотя на самом деле ей предстояло всего лишь пересечь двор. Но она не знала, дойдет ли, потому что совершенно вымоталась.

— Воля Господа будет исполнена. — И Абагейл сделала первый шаг.

Солнце светило в окно спальни для гостей, где она легла на кровать и заснула, едва сняв башмаки. Какое-то время Абагейл не могла понять, почему свет такой яркий; примерно то же ощутил Ларри Андервуд, проснувшись у каменной стены в Нью-Гэмпшире.

— Господь Всемогущий, я проспала вторую половину дня и всю ночь!

Должно быть, она действительно устала. Тело ее так ныло, что ей потребовалось десять минут, чтобы встать и доплестись до туалета. Еще десять она обувалась. Каждый шаг вызывал жуткие му-

чения, но она знала, что должна идти. Если не пойдет, тело окостенеет. Хромая и спотыкаясь, она добралась до курятника и зашла внутрь, поморщившись от невероятной жары, запаха птицы и неизбежной вони разложения. Подача воды осуществлялась автоматически, гравитационным насосом из артезианской скважины Ричардсонов, но большую часть корма куры уже съели, да и от жары погибло немало птиц. Слабейшие уже давным-давно умерли от голода или были заклеваны своими сородичами. Трупики лежали на грязном полу, словно небольшие сугробы тающего снега.

Оставшиеся в живых птицы бросились врассыпную, хлопая крыльями, но те, что сидели на яйцах, не сдвинулись с места и только глупыми глазами наблюдали за ее медленным, шаркающим приближением. Куры гибли от многих болезней, и Абагейл опасалась, что грипп убил их всех, однако эти выглядели вполне здоровенькими. Спасибо Господу.

Она выбрала трех самых жирных кур-несушек и заставила их засунуть головы под крыло. Они мгновенно уснули. Она отправила их в мешок, а потом обнаружила, что одеревеневшее тело не в состоянии поднять такую тяжесть и ей придется тащить мешок по полу.

Другие курицы пугливо наблюдали за ней с высоких насестов, пока она не вышла из курятника, и только потом спустились вниз в поисках остатков корма.

До девяти утра оставалось лишь несколько минут. Она села на скамейку, которая опоясывала растущий во дворе Ричардсонов дуб, и задумалась. Исходная идея — отправиться домой в сумеречной прохладе — по-прежнему казалась ей наилучшим вариантом. Она теряла день, но ведь гости еще находились в пути. А день она могла использовать, чтобы позаботиться о курах и отдохнуть.

Мышцы ее уже немного расслабились, и Абагейл ощутила незнакомое, но довольно приятное ноющее чувство под грудиной. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это такое... она проголодалась! Этим утром ей и правда *хотелось есть*, восславим Господа, и сколько времени прошло с тех пор, как она в последний раз ела не в силу привычки, выполняя роль кочегара, подбрасывающего уголь в топку? Но теперь, отрубив этим курам головы, она собиралась посмотреть, что там у Адди осталось

в кладовке, а потом, с благословения Божьего, насладиться найденным. «Видишь? — назидательно сказала она себе. — Господь все устраивает к лучшему. Божественная гарантия, Абагейл, божественная гарантия».

Кряхтя и отдуваясь, она потащила джутовый мешок с курами к колоде для колки дров, которая стояла между коровником и дровяным сараем. Внутри, на стене у двери, нашла топор Билли Ричардсона, висевший на двух колышках. Лезвие закрывала резиновая перчатка. Абагейл взяла топор и вышла из сарая.

— Что ж, Господь, — она стояла над джутовым мешком в пыльных желтых башмаках и смотрела в синее летнее небо, — Ты дал мне силу, чтобы дойти сюда, и, я уверена, Ты дашь мне силу дойти обратно. Твой пророк Исайя говорит: если мужчина или женщина верит в Господа Бога Саваофа, то поднимется на крыльях, как орел*. Я мало что знаю насчет орлов, Господь мой, кроме того, что это птицы с отвратительным характером, которых можно увидеть издалека, но в этом мешке у меня три курицы, и я хочу отрубить им головы, а не себе — руку. Воля Твоя будет исполнена, аминь.

Она развязала мешок, раскрыла, заглянула в него. Одна курица все еще прятала голову под крылом и крепко спала. Еще две прижались друг к другу и почти не двигались. В мешке царила темнота, и они думали, что наступила ночь. Тупее курицы-наседки может быть только нью-йоркский демократ.

Абагейл вытащила одну курицу и положила ее на колоду, прежде чем та успела сообразить, что происходит. С силой опустила топор, поморщилась, как и всегда, когда лезвие вошло в дерево. Голова упала в пыль с одной стороны колоды. Безголовая курица неестественно важно прошлась по двору Ричардсонов, махая крыльями и разбрызгивая кровь, через некоторое время обнаружила, что мертва, и, как положено, улеглась на землю. Курицы-наседки и нью-йоркские демократы, Господи, Господи!

Она обезглавила всех трех куриц и обнаружила, что напрасно боялась не справиться или поранить руку. Бог услышал ее молитвы. А теперь ей оставалось только унести трех жирных куриц домой.

---

* Точная цитата: «А надеющиеся на Господа обновятся в силе; поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся» (Исайя, 40:31).

Абагейл положила птиц в мешок и повесила на место топор Билли Ричардсона. Потом вновь зашла в дом, чтобы посмотреть, что она сможет съесть.

Раннюю часть второй половины дня она проспала, и ей приснился сон, что ее гости приближаются. Они уже находились к югу от Йорка и ехали в старом пикапе. Всего шестеро, в том числе глухонемой юноша. Но наделенный силой. Один из тех, с кем ей предстояло поговорить.

Проснулась Абагейл около половины четвертого, с чуть затекшим телом, но чувствуя себя отдохнувшей и бодрой. В течение следующих двух с половиной часов она ощипывала кур, отдыхая, когда пораженные артритом пальцы доставляли чересчур сильную боль. За работой пела церковные псалмы и гимны: «Семь ворот Города (Слава Тебе, Господь)», «Веруй и повинуйся» и свой любимый — «В саду».

Когда она кончила ощипывать последнюю курицу, каждый палец раздирала боль, а дневной свет начал приобретать тот спокойный золотистый оттенок, указывающий на приближение сумерек. Конец июля, дни снова становились короче.

Она зашла в дом и опять перекусила. Хлеб зачерствел, но не заплесневел — никакая плесень не посмела бы показать свое зеленое рыло на кухне Адди Ричардсон, — и она нашла полбанки арахисового масла. Съела сандвич с маслом, приготовила еще один и положила его в карман платья на случай, если снова проголодается.

Часы показывали без двадцати семь. Она вышла на крыльцо, завязала мешок и осторожно спустилась во двор. Перья она складывала в другой мешок, но несколько улетели и теперь висели на зеленой изгороди Ричардсонов, которая засыхала, потому что ее никто не поливал.

— Я закончила, Господи. — Абагейл тяжело вздохнула. — Направляюсь домой. Идти буду медленно и не думаю, что доберусь раньше полуночи, но Книга говорит, что не убоишься ни ужасов в ночи, ни стрелы, летящей ясным днем. Я исполняю Твою волю, насколько это в моих силах. Прошу Тебя, иди рядом со мной. Во имя Иисуса, аминь.

Когда она добралась до того места, где дорога с твердым покрытием переходила в просёлок, уже совсем стемнело. В траве

трещали сверчки, где-то рядом с водой, возможно, у пруда, в котором Кэл Гуделл поил коров, квакали лягушки. Вставала луна, большая и пока еще красная, цвета крови.

Абагейл присела отдохнуть и съела половину своего сандвича с арахисовым маслом (с удовольствием добавила бы к нему желе из черной смородины, чтобы убрать вязкий вкус, но Адди держала свои заготовки в подвале, куда вела слишком длинная лестница). Джутовый мешок лежал рядом. Тело вновь болело, последние силы, казалось, иссякли, а идти оставалось около двух с половиной миль... но она чувствовала необъяснимое веселье. Сколько лет прошло с тех пор, как она гуляла одна ночью под звездным шатром? Звезды светили так же ярко, как всегда, и если ей повезет, она увидит падающую звезду и загадает желание. Теплая ночь, звезды, летняя луна, красное лицо которой только-только показалось над горизонтом, — все это вновь навело Абагейл на мысли о ее девичестве со всеми его неожиданными вспышками активности, причудами, невероятной ранимостью, когда она стояла на пороге Тайны. Да, в свое время и она была девушкой. Некоторые люди не смогли бы в это поверить, точно так же, как не могли поверить в то, что гигантская секвойя вырастает из зеленого побега. Но она была девушкой, испытала тот период жизни, когда детская боязнь темноты немного ослабевает, а взрослые ночные страхи в тихой ночи, когда можешь услышать голос своей вечной души, еще находятся в пути. В этот короткий период ночь — ароматная загадка, и ты, глядя на усеянное звездами небо и вдыхая пьянящие запахи, которые приносит ветер, в полной мере ощущаешь сердцебиение Вселенной, любовь и жизнь. Тебе кажется, что ты навечно останешься молодой и...

Твоя кровь в моих ладонях.

Кто-то резко дернул за мешок, и сердце Абагейл подпрыгнуло.

— Эй! — вскрикнула она старческим, надтреснутым голосом. Потянула мешок на себя — и заметила внизу маленькую рваную дыру.

Раздалось глухое рычание. Между усыпанной гравием обочиной и кукурузой Абагейл увидела большую бурую ласку. Зверек смотрел на нее, и в его глазах мерцали красные лунные блики. К первой ласке присоединилась еще одна. И еще. И еще.

Она перевела взгляд на другую сторону дороги и увидела, что вдоль обочины выстроился ряд ласок, их злые глазки задумчиво

уставились на женщину. Они учуяли запах кур в ее мешке. «Откуда их столько взялось?» — подумала Абагейл с нарастающим страхом. Однажды ее укусила ласка. Она залезла под крыльцо Большого Дома, чтобы достать закатившийся туда красный резиновый мяч, и словно множество иголок впилось ей в руку между запястьем и локтем. Она пронзительно закричала от внезапности и злобности случившегося, от обжигающей боли и неожиданности. Вытащила руку из-под крыльца — и ласка осталась висеть на ней, капельки крови забрызгали гладкий бурый мех. Тело зверька извивалось в воздухе, словно змея. Абагейл кричала и махала рукой, но ласка не ослабляла хватку, словно сделавшись частью тела девочки.

Во дворе играли ее братья Мика и Мэтью. Отец сидел на веранде и просматривал каталог «Товары — почтой». Все они подбежали к ней и на мгновение застыли, увидев двенадцатилетнюю Абагейл, кружащую по двору на том месте, где через какое-то время поднимется амбар, с бурой лаской, свисающей с руки, словно меховой шарф. Задние лапы зверька вспарывали воздух в поисках опоры. Кровь дождем падала на платье, ноги и туфли девочки.

Первым вышел из оцепенения ее отец. Джон Фримантл подобрал полено, валявшееся рядом с колодой для колки дров, и закричал:

— *Не шевелись, Эбби!*

Его голос, которым — она привыкла к этому с детства — отдавались команды, обязательные к исполнению, прорвался сквозь заполонившую разум панику (никакому другому голосу это бы не удалось). Эбби застыла, полено полетело, вращаясь, и руку до плеча пронзила резкая боль (Абагейл не сомневалась в том, что рука сломана), а в следующую секунду бурая Тварь, которая так удивила ее и причинила ей столько мучений — в те несколько мгновений удивление и боль переплелись в неделимое целое, — уже лежала на земле с выпачканным в ее крови мехом, и Мика подпрыгнул и обеими ногами приземлился на нее. Послышался жуткий хруст, какой иной раз слышится в голове, когда разгрызаешь твердый леденец, и ласка гарантированно покинула этот свет. Абагейл не потеряла сознание, но разразилась громкими, истеричными рыданиями.

К тому времени к ним подбежал Ричард, старший сын, и переглянулся с отцом. Во взглядах читался испуг.

— Никогда в жизни я не видел, чтобы ласка так себя вела. — Джон Фримантл обнимал рыдающую дочь за плечи. — Слава Богу, твоя мать в поле, собирает фасоль.

— Может, она б... — начал Ричард.

— Заткнись! — резко бросил отец, прежде чем Ричард успел закончить фразу. Голос звенел от ледяной ярости, но при этом в нем слышался страх. И Ричард заткнулся. Закрыл рот так быстро и сильно, что Эбби услышала, как лязгнули его зубы. А отец наклонился к ней. — Пойдем к колонке, Абагейл, и промоем рану.

Через год Люк объяснил ей, почему отец не захотел, чтобы Ричард закончил фразу: ласка почти наверняка была бешеной, раз набросилась на человека, а если бы оказалось, что так оно и есть, Абагейл умерла бы одной из самых мучительных смертей, какие выпадают на долю человека. Но ласка не была бешеной. Рана быстро зажила. Тем не менее с тех пор Абагейл боялась этих зверьков точно так же, как некоторые люди боятся крыс и пауков. Если бы «супергрипп» забрал их вместо собак! Но не забрал, и она...

Твоя кровь в моих ладонях.

Одна из ласок бросилась вперед и рванула грубое дно джутового мешка.

— *Эй!* — прикрикнула на нее Абагейл. Ласка унеслась прочь, словно усмехаясь, из ее пасти свисала вырванная нить.

Он послал их — темный человек.

Ужас захлестнул Абагейл. Вокруг нее собрались уже сотни ласок, серых, бурых, черных, и все учуяли запах кур. Они выстроились по обе стороны дороги, вертелись, расталкивая друг друга в стремлении ухватить кусок пищи.

Придется отдать им кур. Столько труда пропало зря. Если не отдам, они разорвут меня в клочья. Все впустую.

Мысленным взором она видела усмешку темного человека, видела его вытянутые руки, сжатые кулаки, из которых капала кровь.

Еще одна ласка рванула мешок. И еще одна.

Ласки с противоположной стороны дороги, извиваясь, подползали к ней, прижавшись брюхом к земле. Их маленькие свирепые глазки сверкали в лунном свете, словно кристаллы льда.

Но тот, кто верит в Меня, смотри, он не умрет... потому что Мой знак на нем и ни одна тварь не тронет его... он Мой, сказал Господь...

Абагейл встала, все еще в ужасе, но теперь зная, что надо делать.

— Убирайтесь! — закричала она. — Это куры, верно, но они для моих гостей! А теперь пошли прочь!

Они попятились. В их маленьких глазках появилась неуверенность. И неожиданно они исчезли, словно развеянный ветром дым. «Чудо», — подумала она, и душу ее преисполнила благодарность Господу. А потом неожиданно ей стало холодно.

Она почувствовала, что где-то на западе, далеко-далеко, по ту сторону Скалистых гор, которые не просматривались даже на горизонте, широко раскрылся глаз — чей-то сверкающий глаз — и повернулся к ней, выискивая ее. И она явственно услышала слова, будто произнесенные вслух: *Кто там? Это ты, старуха?*

— Он знает, что я здесь, — прошептала она. — Помоги мне, Господи. Помоги мне сейчас, помоги всем нам.

Волоча мешок, она вновь поплелась к своему дому.

Они приехали двумя днями позже, двадцать четвертого июля. Абагейл подготовилась к их приезду не так хорошо, как ей хотелось. Она снова чувствовала себя разбитой, даже раздавленной, могла ковылять с места на место только с помощью трости, даже воду из колодца доставала с огромным трудом. На следующий день после убийства кур и противостояния ласкам Абагейл, совершенно вымотанная, надолго уснула вскоре после полудня. Ей приснилось, что она находится на каком-то высоком холодном перевале в Скалистых горах, к западу от материкового водораздела. Шоссе 6 тянулось и петляло между высоких каменных стен, которые пропускали солнечный свет на дно ущелья только в очень короткий промежуток времени, от одиннадцати сорока пяти до двенадцати пятидесяти. Но во сне она попала в это ущелье не днем, а глубокой, безлунной ночью. Где-то выли волки. Внезапно в темноте открылся Глаз и стал осматриваться, перекатываясь из стороны в сторону. Ветер завывал среди сосен и голубых елей. Это был *он*, и *он* искал ее.

Она пробудилась от этого долгого и тяжелого сна еще более уставшей, чем прежде, и снова обратилась к Богу с молитвой, чтобы Он отпустил ее с миром или хотя бы изменил направление, в котором ее посылал.

Север, юг или восток, Господи, и я покину Хемингфорд-Хоум, вознося Тебе хвалу. Но не на запад, не к темному человеку. Скалистых гор недостаточно, чтобы разделить нас. Даже Анд недостаточно.

Но это не имело значения. Рано или поздно, когда этот человек почувствует себя достаточно сильным, он придет в поисках тех, кто ему противостоит. Если не в этом году, то в следующем. Собак нет, их унесла эпидемия, однако в горах остались волки, готовые служить сыну Сатаны.

И не только волки.

Утро того дня, когда наконец прибыли гости, началось для нее в семь часов. Абагейл таскала к печи поленья, по два за раз, пока печь не нагрелась, а ящик для дров не наполнился. Господь послал ей прохладный, облачный денек, первый за многие недели. К ночи даже мог пойти дождь. Во всяком случае, так считало ее бедро, которое она сломала в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году.

Первым делом Абагейл испекла пироги. Воспользовалась консервированной начинкой, которую нашла в кладовой, и свежим ревенем и земляникой с огорода. Земляника как раз поспевала, восславим Господа, и ее радовало, что ягоды пошли в дело. Сам процесс готовки улучшил самочувствие Абагейл, потому что готовка — это жизнь. Один пирог с черникой, два с земляникой и ревенем и один яблочный. Их аромат заполнил утреннюю кухню. Она поставила пироги охлаждаться на подоконники, как делала всегда.

Абагейл замесила хорошее тесто, хотя без свежих яиц пришлось проявить смекалку. А ведь она побывала в курятнике, яйца лежали на расстоянии вытянутой руки, но... винить в этом можно было только себя. С яйцами или без, днем маленькая кухня с бугристым полом и выцветшим линолеумом наполнилась запахом жарящихся кур. На кухне стало очень жарко, и она поплелась на крыльцо, чтобы, как обычно, почитать Библию, обмахиваясь последним, уже потрепанным номером «Сионской горницы».

Куры получились мягкими и нежными, как ей того и хотелось. Один из гостей мог прогуляться на поле и принести два десятка початков молодой кукурузы, после чего они перекусят под открытым небом.

Завернув готовых кур в бумажные салфетки, она вышла на заднее крыльцо с гитарой, села и начала играть. Спела все свои любимые гимны и псалмы, и ее высокий дрожащий голос далеко разносился в застывшем воздухе.

Соблазны встречаются всем по пути,
Пройти мимо них нелегко.
Но если совсем мы духом падем,
Попросим поддержки Его.

Музыка так нравилась Абагейл (пусть даже слух у нее ухудшился, и она не могла сказать, правильно ли подбирает мелодию), что она играла один гимн за другим, не прерываясь.

И как раз добралась до «Мы идем в Сион», когда с севера до нее донесся звук работающего двигателя. Автомобиль ехал к ней по дороге, находящейся в ведении округа. Абагейл перестала петь, но пальцы продолжали отсутствующе перебирать струны, а она прислушивалась, склонив голову набок. Едут, да. Господи, они отыскали дорогу, и ей уже виден тянущийся за пикапом шлейф пыли, потому что они съехали с твердого покрытия на проселок, который заканчивался у нее во дворе. Невероятно радостное волнение охватило ее, и Абагейл похвалила себя за то, что надела свое лучшее платье. Она поставила гитару между ног и приложила ладонь ко лбу, хотя солнце и не выглядывало из облаков.

Теперь звук двигателя стал заметно громче, и через секунду, там, где кукуруза отступала перед тропой, протоптанной стадом Кэла Гуделла...

Да, теперь она видела его, медленно едущий старый пикап «шевроле». Кабина набита битком — в ней сидело человека четыре (вдали она отлично все видела, даже в сто восемь лет), — а еще трое стояли в кузове и смотрели поверх кабины. Она разглядела худощавого блондина, девушку с рыжими волосами, а в центре... да, он, тот самый юноша, который почти уже научился быть мужчиной. Темные волосы, узкое лицо, высокий лоб. Он заметил ее, сидящую на крыльце, и неистово замахал рукой. Через секунду к нему присоединился и блондин. Рыжеволосая девушка просто стояла и смотрела. Матушка Абагейл подняла руку и махнула им в ответ.

— Спасибо, Господи, что привел их сюда, — хрипло пробормотала она. Теплые слезы потекли по ее щекам. — Господь мой, я так Тебе благодарна.

Грохоча и подскакивая на рытвинах, пикап вкатился к ней во двор. Она обратила внимание, что на водителе соломенная шляпа с большим пером, заткнутым за синюю бархатную ленту.

— *Да-а-а-а-а-а!* — кричал он и махал ей рукой. — Привет, матушка! Ник сказал, что мы найдем вас здесь, и мы нашли! Да-а-а-а-а! — Он нажал на клаксон. С ним в кабине сидели мужчина лет пятидесяти, женщина того же возраста и девочка в красном вельветовом комбинезоне. Девочка робко махала одной рукой; большой палец другой руки надежно угнездился во рту.

Молодой человек с повязкой на глазу и темными волосами — Ник — выпрыгнул из кузова через борт еще до того, как пикап остановился. Удержался на ногах и медленно направился к ней. Его лицо было серьезно, но единственный глаз сверкал ликованием. Он остановился у ступенек крыльца и изумленно оглядел двор, дом, старое дерево с качелями из покрышки. Хотя, конечно же, больше всего он смотрел на нее.

— Привет, Ник, — поздоровалась Абагейл. — Рада тебя видеть. Да благословит тебя Господь.

Он улыбнулся, из его глаза потекли слезы. Поднялся по ступенькам и взял ее за руки. Она подставила ему свою морщинистую щеку, и он нежно ее поцеловал. За его спиной пикап остановился, и все вылезли из него. Мужчина, сидевший за рулем, держал на руках девочку в красном комбинезоне с загипсованной правой ногой. Ее руки крепко обвивали загорелую шею водителя. Рядом с ними стояла женщина лет пятидесяти, следом за ней — рыжая и светловолосый юноша с бородой. «Нет, конечно, он не юноша, — подумала матушка Абагейл, — просто слабоумный». Замыкал ряд мужчина, который тоже ехал в кабине. Он протирал стекла очков в тонкой стальной оправе.

Ник пристально всмотрелся в нее, и она кивнула:

— Ты все сделал правильно. Бог привел тебя сюда, а матушка Абагейл сейчас тебя накормит. Я рада видеть вас всех! — поспешила добавить она, возвысив голос. — Мы не можем долго оставаться здесь, но, прежде чем отправиться в путь, мы отдохнем, и познакомимся друг с другом, и подружимся.

Маленькая девочка пискнула из надежных рук водителя:

— Вы самая старая женщина в мире?

— Тс-с-с, Джина, — одернула ее пятидесятилетняя женщина.

Но матушка Абагейл только положила руку на бедро и рассмеялась:

— Вполне возможно, дитя. Вполне возможно.

По ее указаниям они расстелили скатерть в крупную красную клетку с дальней стороны яблони, и две женщины, Оливия и Джун, стали накрывать на стол, а мужчины отправились собирать кукурузу. Сварилась она очень быстро, и хотя сливочного масла Абагейл не припасла, растительного и соли хватило вдоволь.

Во время еды почти никто не разговаривал — раздавались лишь звуки жующих челюстей и тихое довольное бурчание. Ей нравилось смотреть, как люди едят, а эти люди отдавали должное ее готовке. То есть не зря она сходила к Ричардсонам и отбилась от ласок. Нельзя сказать, что они так уж оголодали, но после месяца консервной диеты свежая, специально приготовленная еда пришлась очень кстати. Сама Абагейл съела три куска курицы, початок кукурузы и ломтик пирога с земляникой и ревенем. И почувствовала, что набита до отказа, как чехол соломенного матраса.

Когда они поели и наполнили чашки кофе, водитель, приятный мужчина с открытым лицом, которого звали Ральф Брентнер, повернулся к ней:

— Какой вы закатили нам пир, мэм. Никогда еще еда не доставляла мне такого удовольствия. Спасибо вам огромное.

Остальные согласно загудели. Ник улыбнулся и кивнул.

— Могу я подойти и посидеть с тобой, бабуля? — спросила девочка.

— Думаю, ты слишком тяжелая, — попыталась остановить ее женщина постарше, Оливия Уокер.

— Чепуха! — отмахнулась Абагейл. — В тот день, когда я не смогу посадить себе на колени маленькую девочку, меня вынесут ногами вперед. Перебирайся ко мне, Джина.

Ральф принес ее и усадил.

— Когда она станет слишком тяжелой, просто скажите мне. — Он пощекотал лицо Джины перышком на шляпе. Та подняла руки и засмеялась.

— Не щекочи меня, Ральф! Не смей щекотать меня!

— Не волнуйся. — Ральф убрал перышко. — Я так наелся, что долго никого щекотать не смогу. — Он снова сел.

— Что случилось с твоей ножкой, Джина? — спросила Абагейл.

— Я сломала ее, когда упала в амбаре, — ответила Джина. — Дик наложил гипс. Ральф говорит, что он спас мне жизнь. — И она послала воздушный поцелуй мужчине в очках со стальной оправой, который чуть покраснел, кашлянул и улыбнулся.

Ник, Том Каллен и Ральф наткнулись на Дика Эллиса, миновав уже пол-Канзаса. Тот шагал по обочине с рюкзаком за плечами и палкой для ходьбы в руке. В прошлой жизни Дик лечил животных. На следующий день, проезжая через маленький городок Линдсберг, они остановились на ленч и услышали слабые крики, доносившиеся из южной части города. Если бы ветер дул в другую сторону, эти крики бы до них не долетели.

— Милосердие Божье, — уверенно кивнула Эбби, поглаживая девочку по волосам.

Джина прожила одна три недели. За день или два до того, как мужчины приехали в город, она играла на сеновале амбара своего дяди, когда прогнивший пол не выдержал и девочка упала с сорокафутовой высоты на копну сена. Сено смягчило удар, но она свалилась с копны и сломала ногу. Поначалу Дик Эллис расценивал ее шансы очень пессимистично. Совмещение частей сломанной кости и наложение гипсовой повязки он провел под местным наркозом: девочка сильно похудела, ее физическое состояние оставляло желать лучшего, и он боялся, что общий наркоз может убить ребенка (пока Дик излагал самые душещипательные подробности, Джина Маккоун преспокойно играла пуговицами на платье Абагейл).

Но Джина на удивление быстро пошла на поправку. И мгновенно прониклась симпатией к Ральфу и его щеголеватой шляпе. Понизив голос, Эллис заметил, что основной причиной, подрывавшей здоровье девочки, было одиночество.

— Несомненно, — кивнула Абагейл. — Если бы вы ее не услышали, она бы угасла.

Джина зевнула. Ее большие глаза начали закрываться.

— Я ее возьму. — Оливия Уокер встала.

— Положите ее в маленькой комнатке в конце коридора, — подсказала Эбби. — Вы тоже можете там лечь, если хотите. Другая девушка... как, ты говорила, тебя зовут, дорогуша? Совсем выскочило из головы.

— Джун Бринкмейер, — ответила рыжеволосая.

— Ты можешь спать со мной, Джун, если у тебя нет других планов. Кровать недостаточно широка для двоих, и я не думаю, что тебе захотелось бы лежать рядом с таким мешком костей, даже если бы ширины хватало. Но у меня на антресолях есть матрас, который вполне тебе подойдет. Если только в нем не завелись клопы. Думаю, кто-нибудь из этих здоровяков-мужчин тебе его достанет.

— Конечно, — кивнул Ральф.

Оливия унесла спящую Джину. Кухню, на которой давно уже не собиралось столько народа, окутали сумерки. Улыбаясь, матушка Абагейл поднялась и зажгла три масляные лампы. Одну поставила на стол, вторую — на плиту «Блэквуд» (отлитая из чугуна, она теперь остывала, удовлетворенно потрескивая), а третью — на подоконник окна, которое выходило на заднее крыльцо. Свет разогнал темноту.

— Может, хорошо забытое старое и есть лучшее! — резко бросил Дик, и все посмотрели на него. Он покраснел, вновь кашлянул, но Абагейл только хохотнула. — Я хочу сказать, — продолжил он, словно оправдываясь, — что домашней еды я не ел с... наверное, с тридцатого июня. В тот день отключили электричество. Кроме того, я приготовил ее сам. А приготовленную мной еду назвать домашней можно с большой натяжкой. Моя жена... она как раз отлично готовила. Она... — Он замолчал.

Вернулась Оливия.

— Крепко спит, — сообщила она. — Девочка очень устала.

— Вы сами печете хлеб? — спросил Дик матушку Абагейл.

— Разумеется. Всегда пекла. Конечно, это не дрожжевое тесто. Дрожжей больше нет. Но есть и другие способы.

— Мне так хочется хлеба, — честно признался Дик. — Элен... моя жена... она пекла хлеб дважды в неделю. Дайте мне три ломтя хлеба и клубничный джем, а потом, думаю, я умру с радостью.

— Том Каллен устал, — подал голос Том. — У-у-у-стал. — Он зевнул, широко раскрыв рот.

— Вы можете лечь в сарае, — предложила матушка Абагейл. — Там чуток пахнет пылью, зато сухо.

Несколько секунд они прислушивались к мерному шуму дождя, который пошел часом раньше и заставил их перебраться на кухню. Одинокого человека звук этот вгонял в тоску, а компанию — радовал и сближал. Вода текла по оцинкованным желобам и падала в бочку, стоявшую у дальней стены дома. Издалека, наверное, из Айовы, доносилось рокотание грома.

— Как я понимаю, походное снаряжение у вас есть? — спросила Абагейл.

— Все, что душе угодно, — ответил Ральф. — Мы отлично устроимся. Пошли, Том. — Он встал.

— Ральф, — обратилась к нему Абагейл, — если не возражаешь, я попрошу тебя и Ника чуть задержаться.

Ник все это время сидел за столом напротив ее кресла-качалки. Казалось бы, размышляла Абагейл, человек, который не может говорить, должен чувствовать себя потерянным в помещении, где полно людей, буквально становиться невидимым. Но с Ником ничего подобного не происходило. Он спокойно сидел, поворачивая голову, следя за разговором, его лицо реагировало на слова. Открытое, интеллигентное лицо, но слишком уж измученное заботами, с учетом его юного возраста. Несколько раз она заметила, как в беседе люди поворачивались к Нику, словно за подтверждением своих слов. Они постоянно помнили о его присутствии. И она заметила, как он поглядывал в темноту за окном, и на его лице отражалась тревога.

— Поможете мне достать матрас? — мягко спросила Джун.

— Мы с Ником сейчас все сделаем. — Ральф встал.

— Я не хочу идти в этот сарай один, — замотал головой Том. — Родные мои, нет.

— Я пойду с тобой, парень, — успокоил его Дик. — Мы зажжем лампу Коулмана и расстелим спальники. — Он поднялся. — Еще раз огромное вам спасибо, мэм. Все было так хорошо, что у меня просто нет слов.

Поблагодарили ее и остальные. Ник и Ральф достали матрас, в котором не поселились ни клопы, ни другие насекомые. Том и Дик («Для полного комплекта не хватает только Гарри*», — поду-

---

* Намек на идиому «Том, Дик и Гарри» — то есть множество людей.

мала Абагейл) пошли в сарай, где вскоре вспыхнула лампа Коулмана. Прошло еще немного времени, и на кухне остались только Ник, Ральф и матушка Абагейл.

— Не будете возражать, если я закурю, мэм? — спросил Ральф.

— Нет, при условии, что ты не будешь стряхивать пепел на пол. Пепельница на буфете у тебя за спиной.

Ральф поднялся, чтобы взять пепельницу, а Эбби по-прежнему смотрела на Ника, одетого в рубашку цвета хаки, синие джинсы и кожаную жилетку. Что-то в нем заставляло ее думать, что она знала его прежде, а если нет, то не могла с ним не встретиться. Глядя на него, она ощущала некую завершенность, словно исполнилось предначертание судьбы. Словно в начале ее жизни стоял отец, Джон Фримантл, высокий, чернокожий и гордый, а на другом конце — этот человек, молодой, белый и немой, с ярким, все подмечающим глазом на отягощенном заботами лице.

Она посмотрела в окно и увидела яркое пятно лампы, освещающее окно сарая и маленькую часть двора. Задумалась, пахнет ли в сарае коровой. Она не подходила к нему уже три года. Не возникало такой необходимости. Последнюю корову, Маргаритку, продали в тысяча девятьсот семьдесят пятом, но в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом в сарае еще пахло коровой. Возможно, пахло и сейчас. Значения это не имело — встречались запахи и похуже.

— Мэм...

Она отвернулась от окна. Ральф сидел рядом с Ником, держа в руке вырванный из блокнота листок и всматриваясь в него. На коленях Ника лежал сам блокнот и шариковая ручка. Он не отрывал глаз от хозяйки дома.

— Ник говорит... — Ральф смущенно замолчал, откашлялся.

— Продолжай.

— Он говорит, что ему трудно читать по вашим губам, потому что...

— Я догадываюсь почему, — кивнула она. — Это не проблема.

Она поднялась и, шаркая ногами, подошла к буфету. На второй полке стояла пластиковая банка с полупрозрачной жидкостью, в которой, словно медицинский экспонат, плавали вставные челюсти.

Абагейл выудила их и промыла водой.

— Дорогой Господь, я страдала! — мрачно воскликнула она и вставила челюсти. — Нам надо поговорить. Вы — главные, и мы должны кое-что обсудить.

— Только не я, — возразил Ральф. — Я обычный рабочий и отчасти фермер. Мозолей на руках у меня гораздо больше, чем идей в голове. А вот Ник, как я понимаю, главный.

— Это так? — спросила она, глядя на Ника.

Ник что-то написал, и Ральф озвучил его слова:

— *Приехать сюда — моя идея, это так. Насчет главенства — не знаю.*

— Мы встретили Джун и Оливию примерно в девяноста милях к югу отсюда, — сообщил Ральф. — Позавчера. Так, Ник?

Ник кивнул.

— Мы уже ехали к вам, матушка. А женщины шли на север. Как и Дик. Мы просто встретились по пути сюда.

— Вы видели кого-нибудь еще? — спросила она.

Нет, написал Ник. *Но у меня возникало ощущение — и у Ральфа тоже, — что другие люди, спрятавшись, наблюдали за нами. Думаю, боялись. Еще не справились с шоком от случившегося.*

Она кивнула.

Ник продолжал писать: *Дик говорил, что за день до встречи с нами он слышал треск мотоцикла где-то на юге. Так что другие люди есть. Я думаю, они пугаются, если видят достаточно большую группу.*

— Почему вы приехали сюда? — Ее глаза, окруженные сетью морщинок, пристально смотрели на Ника.

Вы мне снились, написал Ник. *Дик Эллис говорит, что один раз видел вас во сне. И маленькая девочка, Джина, называла вас бабулей задолго до нашего приезда сюда. Она описывала ваш дом. Покрышку-качели.*

— Благослови Господь этого ребенка, — рассеянно сказала Абагейл. Теперь она смотрела на Ральфа. — А ты?

— Раз или два, мэм. — Он облизнул губы. — По большей части мне снился тот... другой человек.

— Что за другой человек?

Ник написал. Обвел написанное. Протянул листок ей. Без очков или увеличительного стекла, купленного в прошлом году в «Хемингфорд-Центре», вблизи она видела не очень, но эту запись

прочитать смогла. Такими же большими буквами Господь писал на стене дворца Валтасара. Ник обвел слова кругом, отчего по спине Абагейл, когда она смотрела на запись, пробежал холодок. Она подумала о ласках, рвавших ее мешок острыми, как иглы, зубами убийц. Подумала об открывающемся красном глазе, разрывающем темноту, ищущем, высматривающем не только одну старуху, но всю группу, состоящую из мужчин и женщин... и одной маленькой девочки.

Ник обвел два слова: *темный человек*.

— Мне сказали, — она сложила листок, распрямила, снова сложила, на какое-то время забыв про артрит, — что мы должны идти на запад. Сказали во сне, и говорил сам Господь. Я не хотела слушать. Я старая женщина, и хочется мне только одного — умереть на этом маленьком клочке земли. Земля эта принадлежала моей семье сто двенадцать лет, но я создана не для того, чтобы умереть здесь, точно так же, как Моисея создали для того, чтобы он пришел в Ханаан с сынами Израиля.

Она помолчала. Двое мужчин пристально смотрели на нее в свете масляных ламп, а за окном падали капли дождя, медленные и постоянные. Гром больше не гремел. «Господи, — думала Абагейл, — эти вставные челюсти натирают десны. Я хочу вынуть их и лечь в постель».

— Я начала видеть сны за два года до начала эпидемии. Мне всегда снились сны, и иной раз они оказывались вещими. Пророчество — дар Божий, и в каждом заложена его частица. Моя бабушка называла этот дар сияющей лампой Господней, иногда просто сиянием. В своих снах я видела, как иду на запад. Сначала с несколькими людьми, потом их число увеличивалось, снова увеличивалось. На запад, всегда на запад, пока впереди не вырастали Скалистые горы. Мы уже ехали целым караваном, человек двести. И на пути стояли знаки-указатели... нет, не божественные, а обычные дорожные знаки, с надписями: «БОУЛДЕР, КОЛОРАДО, 609 МИЛЬ» или «К БОУЛДЕРУ».

Она помолчала.

— Эти сны, они пугали меня. Я ни одной живой душе не рассказывала ни о самих снах, ни об испуге, который они у меня вызывали. Я испытывала те же чувства, что и, наверное, Иов, когда Господь заговорил с ним из смерча. Я даже пыталась убедить себя,

что это всего лишь сны, глупая старуха, бегущая от Бога точно так же, как бежал Иона. Но, как видите, большая рыба проглотила что его, что меня! И если Господь говорит Эбби: «Ты должна сказать», — это означает, что я должна. И я всегда чувствовала, что кто-то должен прийти ко мне, кто-то особенный, и тогда я буду знать, что время настало.

Она повернулась к Нику, который сидел у стола и очень серьезно смотрел на нее единственным здоровым глазом сквозь сигаретный дымок Ральфа Брентнера.

— Я поняла, как только увидела тебя, — продолжила Абагейл. — Это ты, Ник. Бог указал перстом на твое сердце. Но у Него не один перст, и есть другие избранные, которые сейчас в пути, слава Богу, едут сюда. *Он* мне тоже снится, *он* даже теперь выискивает нас, и, да простит Господь мою грешную душу, в сердце я проклинаю его. — Она заплакала и встала, чтобы выпить воды и ополоснуть лицо. Слезы выдавали ее человеческую сущность, слабую и поникшую.

Когда она вернулась, Ник что-то писал. Наконец вырвал листок и протянул Ральфу: *Я не знаю насчет Бога, но мне понятно, что здесь действует какая-то сила. Все, кого мы встретили, шли на север. Словно вы знаете ответ. Вам снился кто-то из остальных? Дик? Джун или Оливия? Может, маленькая девочка?*

— Из этих — никто. Немногословный мужчина. Беременная женщина. Парень примерно твоего возраста, который едет ко мне со своей гитарой. И ты, Ник.

— И вы думаете, что отправиться в Боулдер — это правильно?

— От нас ждут, что мы именно так и поступим, — ответила матушка Абагейл.

Ник несколько мгновений выводил на чистом листке блокнота какие-то завитушки. Потом написал: *Что вам известно о темном человеке? Вы знаете, кто он?*

— Я знаю, что он такое, но не кто. Он — абсолютное зло, оставшееся в этом мире. Все прочее — маленькое зло. Воришки, и прелюбодеи, и те, кто пускает в ход кулаки. Но он их созовет. Уже начал сзывать. Он соберет их вместе быстрее, чем мы. Однако прежде чем он выступит против нас, думаю, он призовет к себе гораздо больше людей. Не только злых, как он, но и слабых... и одиноких... и тех, кто закрыл свое сердце для Бога.

Может, он ненастоящий, написал Ник. *Может, он всего лишь...* Он пожевал тупой конец ручки, задумавшись. Наконец добавил: *Испуганная, плохая часть нас всех. Может, нам снится то, что таится внутри нас, то, что мы можем сделать.*

Ральф хмурился, когда читал все это вслух, но Эбби сразу поняла, о чем говорил Ник. О том же вещали новые проповедники, которые заполонили страну в последние два десятка лет. Никакого Сатаны нет — вот к чему сводились их проповеди. Зло есть, и его источник, вероятно, в первородном грехе, но оно — в нас самих, и извлечь его невозможно, как невозможно поджарить яичницу, не разбив яйца. Эти проповедники утверждали, что Сатана — тот же пазл. Каждый человек на земле — мужчина, женщина или ребенок — отдельный элемент, а все вместе они составляют общую картинку. Да, идея выглядела очень современной, но проблема заключалась в том, что она противоречила истине. И если Ник позволит себе и дальше так думать, темный человек съест его на обед.

— Я тебе снилась, — напомнила матушка Абагейл. — Я настоящая?

Ник кивнул.

— И ты снился мне. Разве ты не настоящий? Слава Господу, ты сидишь передо мной с блокнотом на колене. Тот человек, Ник, такой же реальный, как и мы. Да, реальный. — Она подумала о ласках и красном глазе, открывающемся в темноте. И когда заговорила, голос ее сел. — Он не Сатана, но они с Сатаной знают друг друга и с давних пор действуют сообща.

В Библии не говорится о том, что случилось с Ноем и его семьей после того, как вода пошла на убыль. Но я бы не удивилась, если бы тогда произошла жестокая схватка за тех немногих оставшихся людей — за их души, тела, *образ мышления*. И я не удивлюсь, если то же самое ждет и нас.

Он сейчас к западу от Скалистых гор. Рано или поздно он двинется на восток. Может, не в этом году, нет, лишь когда подготовится. И нам суждено схватиться с ним.

Ник встревоженно покачал головой.

— Да, — настаивала Абагейл. — Ты сам увидишь. Впереди трудные дни. Смерть и ужас, предательство и слезы. И не все из нас останутся в живых, чтобы увидеть, чем это закончится.

— Мне все это не нравится, — пробормотал Ральф. — Все плохо и без того парня, о котором вы с Ником говорите. У нас и так хватает проблем, нет врачей, электричества, ничего нет. Почему мы должны вступать в схватку с этим чертовым отродьем?

— Не знаю. Так хочет Бог, и Он ничего не объясняет таким, как Эбби Фримантл.

— Если таково его желание, — гнул свое Ральф, — я бы хотел, чтобы Он вышел на пенсию и уступил свое место кому-нибудь помоложе.

Если темный человек на западе, написал Ник, *может, нам надо собрать вещи и двинуть на восток?*

Она терпеливо покачала головой:

— Ник, все на свете служит Господу. Или ты думаешь, что темный человек не служит Ему? Служит, будь уверен, каким бы загадочным ни казался замысел Божий. Темный человек последует за тобой, куда бы ты ни убежал, потому что он служит цели Господа, а Господь хочет, чтобы ты с ним разобрался. И нет никакого смысла противодействовать воле Господа Бога Саваофа. Мужчина или женщина, которые попытаются это сделать, закончат свой путь в брюхе чудища.

Ник что-то быстро написал. Ральф прочитал написанное, потер нос. Он бы предпочел не зачитывать эти слова. Подобные старушки крайне неодобрительно относились к тому, что только что написал Ник. Он предполагал, что матушка Абагейл обвинит Ника в святотатстве, да так громко, что перебудит всех, кто уже успел заснуть.

— Что он написал? — спросила Абагейл.

— Он написал... — Ральф откашлялся. Перышко, торчащее из-под ленты, качнулось. — Он написал, что не верит в Бога. — И с тоской уставился на свои ботинки, ожидая взрыва.

Но она только рассмеялась, встала, подошла к Нику. Взяла его руку. Похлопала по ней.

— Благослови тебя Господь, Ник, но это значения не имеет. *Он* верит *в тебя.*

На следующий день они остались у Эбби Фримантл, и для каждого из них этот день стал лучшим с тех пор, как «супергрипп» ушел, будто вода, схлынувшая со склонов Арарата. Дождь перестал еще под утро, к девяти часам небо являло собой приятный

глазу витраж: облака и сияющее в их разрывах солнце. Во всех направлениях кукуруза поблескивала россыпью изумрудов. Температура воздуха заметно снизилась в сравнении с предыдущими неделями.

Том Каллен провел все утро, бегая между рядов кукурузы, размахивая руками и пугая ворон. Джина Маккоун сидела на земле у качелей и играла с бумажными куклами, которые Абагейл нашла на дне сундука, стоящего в глубине стенного шкафа ее спальни. А чуть раньше они с Томом возили грузовики и легковушки вокруг гаража «Фишер-прайс», который Том взял в «Центовке» Мэя.

Дик Эллис, ветеринар, застенчиво подошел к матушке Абагейл и спросил, не держал ли кто из соседей свиней.

— У Стоунеров всегда были свиньи. — Она сидела на крыльце в кресле-качалке, перебирала струны гитары и смотрела на Джину, играющую во дворе. Девочка вытянула перед собой загипсованную ногу.

— Как вы думаете, может, какие-то еще живы?

— Надо посмотреть. Может, и живы. А может, они выбрались из загонов и разбежались. — Ее глаза блеснули. — По-моему, я знаю человека, которому прошлой ночью снились свиные отбивные.

— Может, и знаете, — не стал отпираться Дик.

— Ты когда-нибудь резал свиней?

— Нет, мэм. — Теперь он широко улыбался. — Лечил нескольких от глистов, а резать не доводилось. Я из сторонников ненасильственных действий.

— Ты и Ральф сможете выполнять приказы женщины?

— Возможно.

Двадцать минут спустя они отбыли. Абагейл сидела между двумя мужчинами в кабине «шеви», зажав коленями трость. В дальнем загоне на ферме Стоунеров они нашли двух годовалых свиней, здоровых и энергичных. Судя по всему, после того как закончился корм, у них вошло в привычку обедать более слабыми и менее удачливыми соседями по загону.

Ральф приготовил к работе цепной подъемник в амбаре Рега Стоунера, а Дику, следуя указаниям Абагейл, в конце концов удалось обвязать веревкой заднюю ногу одной свиньи. Пронзитель-

но визжащую и вырывающуюся, ее оттащили в амбар и подняли головой вниз.

Ральф наведался в дом и принес мясницкий нож с трехфутовым лезвием. «Это не нож, а настоящий штык, хвала Господу», — подумала Абагейл.

— Знаете, я не уверен, что смогу это сделать, — признался он.

— Ладно, давай мне. — Абагейл протянула руку.

Ральф с сомнением посмотрел на Дика. Тот пожал плечами, и Ральф отдал нож.

— Господи, мы благодарим Тебя за тот дар, который сейчас получим от Твоих щедрот. Благослови свинью, которая может накормить нас, аминь. Отойдите подальше, мальчики, кровь брызнет фонтаном.

Она перерезала свинье горло одним четким ударом — некоторые навыки не забываются в любом возрасте — и как могла быстро отступила в сторону.

— Ты развел огонь под котлом? — спросила она Дика. — Большой огонь во дворе?

— Да, мэм, — почтительно ответил Дик, который не мог оторвать глаз от свиньи.

— Ты принес щетки? — спросила она Ральфа.

Ральф показал две большие скребковые щетки с жесткими желтыми щетинками.

— Значит, так, надо будет отнести тушу к котлу и бросить в воду. После того как она немного поварится, этими щетками поскребете шкуру, чтобы удалить щетину. Потом мы снимем шкуру с мистера Порося, как с банана.

Оба от такой перспективы чуть позеленели.

— А что делать? — пожала плечами Абагейл. — Мы не можем есть его, пока он в куртке. Сначала надо снять одежду.

Ральф и Дик вновь переглянулись, сглотнули и принялись опускать свинью на землю. К трем часам дня они все закончили. К четырем вернулись к дому Абагейл, привезя с собой свежее мясо, и в тот вечер на обед были свиные отбивные. Дику и Ральфу кусок в горло не лез, зато Абагейл съела две штуки — ей нравилось, как поджаренная корочка хрустит на вставных зубах. Нет ничего вкуснее свежего мяса, которое ты добыл сам.

* * *

В начале десятого Джина уже спала, а Том Каллен задремал на крыльце в качалке матушки Абагейл. Далеко на западе молнии беззвучно рассекали небо. Все взрослые собрались на кухне, за исключением Ника, отправившегося на прогулку. Абагейл знала, что творится в душе юноши, и у нее щемило сердце от жалости к нему.

— Но ведь вам не может быть сто восемь лет, правда? — спросил Ральф, вспомнив что-то сказанное матушкой Абагейл этим утром, когда они отправились на поиски свиней.

— Подожди здесь, — ответила та. — Я должна тебе кое-что показать, мистер Мужчина. — Она прошла в спальню и достала из верхнего ящика комода вставленное в рамку письмо от президента Рейгана. Принесла его на кухню и положила Ральфу на колени. — Прочитай *это*, сынок! — В ее голосе слышалась гордость.

Ральф прочитал:

— «...по случаю вашего сотого дня рождения... одна из семидесяти двух граждан Соединенных Штатов Америки, достигших столетнего возраста... занимающая пятое место по возрасту среди зарегистрированных членов республиканской партии Соединенных Штатов Америки... приветствия и поздравления от президента Рональда Рейгана, четырнадцатое января тысяча девятьсот восемьдесят второго года». — Посмотрел на нее широко раскрытыми глазами. — Ну и ну, чтоб меня утопили в го... — Он запнулся, смутился и покраснел. — Извините, мэм.

— Сколько же вы всего повидали за свою жизнь! — восхищенно воскликнула Оливия.

— Ничего такого, что могло бы сравниться с увиденным за последний месяц, — вздохнула матушка Абагейл. — Или с тем, что я ожидаю увидеть.

Дверь открылась, и вошел Ник — разговор как раз оборвался, словно все замолчали, зная, что он вот-вот вернется. По его лицу Абагейл видела, что он принял решение, и догадывалась, какое именно. Он протянул ей записку, которую написал на крыльце, стоя рядом с Томом. Она прочла ее, держа на расстоянии вытянутой руки от глаз.

В Боулдер нам лучше отправиться завтра, написал Ник.

Она перевела взгляд с записки на лицо Ника и медленно кивнула. Передала записку Джун Бринкмейер, та — Оливии.

— Да, пожалуй. — Матушка Абагейл снова вздохнула. — Мне этого хочется не больше, чем тебе, но, думаю, не стоит терять времени. Что определило твое решение?

Ник чуть ли не сердито пожал плечами и указал на нее.

— Да будет так. Я верю Господу.

Ник подумал: *И мне бы хотелось.*

Наутро двадцать шестого июля, после короткого совещания, Дик и Ральф поехали в Коламбус на пикапе Ральфа.

— Ужасно не хочется менять машину, — признался Ральф, — но раз ты говоришь, что надо, Ник, я все сделаю.

Ник написал: *Возвращайтесь как можно скорее.*

С губ Ральфа сорвался короткий смешок, он оглядел двор. Джун и Оливия стирали одежду в большом чане с гофрированной доской, закрепленной у одного края. Том бегал по кукурузному полю, пугая ворон, — похоже, он мог заниматься этим с утра до вечера. Джина играла с его игрушечными машинками «Корги» и гаражом. Старуха, похрапывая, спала в кресле-качалке.

— Ты чересчур торопишься сунуть голову в пасть льва, Никки.

Ник написал: *Разве есть другое место, куда мы можем поехать?*

— Это правда. От бесцельного бродяжничества проку нет. Чувствуешь себя никчемным. Человек становится человеком, лишь когда обретает цель, ты это замечал?

Ник кивнул.

— Ладно. — Ральф хлопнул Дика по плечу. — Дик, готов прокатиться?

Том Каллен выбежал из кукурузы, кукурузные рыльца прилипли к его рубашке, штанам и длинным светлым волосам.

— Том тоже! Том Каллен тоже хочет прокатиться. Родные мои, да!

— Тогда подойди сюда, — позвал его Ральф. — Посмотри, ты с головы до ног в кукурузных рыльцах. И до сих пор не поймал ни одной вороны! Дай-ка я тебя отряхну.

Улыбаясь в пустоту, Том позволил Ральфу стряхнуть рыльца с рубашки и штанов. Для Тома, отметил Ник, последние недели наверняка стали самыми счастливыми в жизни. Он провел их с людьми, которые приняли его за своего и хотели, чтобы он оставался с ними. И почему нет? Он, конечно, был слабоумным, но

стал редкостью в этом новом мире, живым человеческим существом.

— До встречи, Никки. — Ральф уселся за руль «шеви».

— До встречи, Никки, — скопировал его Том Кален, по-прежнему улыбаясь.

Ник наблюдал, как пикап скрылся из виду, потом прошел в сарай, нашел старый фанерный ящик и банку краски. Оторвал одну из боковых стенок ящика и прибил к штакетине. Вынес щит-указатель и краску во двор и начал что-то аккуратно на нем писать. Джина с интересом заглядывала ему через плечо.

— И что тут написано?

— Тут написано: «Мы уехали в Боулдер, штат Колорадо. Будем держаться местных дорог, чтобы избежать заторов. Гражданский диапазон, четырнадцатый канал*», — ответила ей Оливия.

— И что это означает? — спросила Джун, подходя к ним. Она взяла Джину на руки, и обе наблюдали, как Ник тщательно устанавливает щит надписью к проселку, который играл роль подъездной дорожки к дому матушки Абагейл. Штакетину он вогнал в землю на три фута, и свалить этот щит-указатель мог только очень сильный ветер. Разумеется, в этой части Америки дули сильные ветра; Ник вспомнил, как торнадо чуть не унес его и Тома. Вспомнил и страх, которого они натерпелись в подвале.

На листке блокнота он написал несколько слов и протянул Джун: *Среди прочего Дик и Ральф должны найти в Коламбусе си-би-радио. И кому-то придется постоянно прослушивать канал 14.*

— Ясно, — кивнула Оливия. — Умно.

Ник важно постучал себя по лбу, потом улыбнулся.

Две женщины принялись развешивать выстиранную одежду. Джина вернулась к игрушечным машинкам, прыгая на одной ноге. Ник пересек двор, поднялся по ступенькам на крыльцо, сел рядом со спящей старой женщиной. Смотрел на кукурузу и гадал, что с ними станет.

Раз ты говоришь, что надо, Ник, я все сделаю.

Они превратили его в лидера. Они это сделали, а он не имел ни малейшего понятия почему. Никто не может подчиняться глухонемому, это какая-то дурная шутка. Дику следовало стать их ли-

---

* Имеется в виду доступная простым гражданам радиосвязь на незначительном расстоянии в диапазоне 27 МГц.

дером. Он же, Ник, — простой копьеносец. Его место — третий слева, мелкая сошка, и признания он мог ждать только от собственной матери. Но с того самого момента, как они встретили Ральфа Брентнера, едущего на своем стареньком пикапе неизвестно куда, все принялись после каждого слова смотреть на Ника, словно спрашивая его мнение. Ему уже хотелось вернуться в те несколько дней между Шойо и Мэем, до того как он взял на себя заботу о Томе. Не составляло труда забыть и одиночество, которое он тогда ощущал, и страх, что он медленно, но верно сходит с ума, о чем свидетельствовали эти жуткие сны. Запомнилось другое: тогда он присматривал только за собой, копьеносец, третий слева, мелкая сошка в этой чудовищной игре.

Я поняла, как только увидела тебя. Это ты, Ник. Бог указал перстом на твое сердце.

«Нет, я не могу это принять. Если на то пошло, я не принимаю и Бога. Пусть Бог останется с этой старой женщиной. Бог необходим старым женщинам, как клизма и пакетики чая "Липтон"». Он же не будет заглядывать далеко вперед, всему свое время, сначала один шаг, только потом второй. Отвезти их в Боулдер и посмотреть, что за этим последует. Старая женщина говорила, что темный человек — настоящий, из плоти и крови, не психологический символ, и он не хотел верить в это... но сердцем верил. Сердцем он верил всему, что она говорила, и это пугало. Он не хотел быть их лидером.

Это ты, Ник.

Рука сжала его плечо, он от изумления подпрыгнул. Потом оглянулся. Если раньше она и спала, то теперь проснулась. Улыбалась ему, сидя в качалке без подлокотников.

— Я сидела и думала о Великой депрессии, — заговорила матушка Абагейл. — Знаешь, когда-то моему отцу принадлежала земля на мили вокруг. Это правда. Немалое достижение для чернокожего человека. А я играла на гитаре и пела в «Грейндж-холле» в тысяча девятьсот втором году. Давно, Ник. Очень, очень давно.

Ник кивнул.

— Это были хорошие времена, Ник... во всяком случае, по большей части. Но, полагаю, все заканчивается. За исключением любви Господа. Мой отец умер, землю разделили между сыновьями, часть досталась и моему первому мужу, шестьдесят акров, не

так уж много. Этот дом стоит на части тех шестидесяти акров, знаешь ли. Четыре акра — это все, что от них осталось. Да, конечно, теперь я могу забрать всю землю обратно, но это будет уже не то, что раньше.

Ник похлопал исхудалую руку, и матушка Абагейл тяжело вздохнула.

— Братья не всегда ладят между собой, частенько начинают ссориться. Вспомни Каина и Авеля! Все стремились управлять, и никому не хотелось работать в поле! Наступил тысяча девятьсот тридцать первый год, и банк потребовал возвращения займов. Тогда они, конечно, сплотились, но поезд уже ушел. К тысяча девятьсот сорок пятому мы потеряли все, за исключением моих шестидесяти акров и сорока или пятидесяти, на которых сейчас расположена ферма Гуделла.

Она достала из кармана платья носовой платок, медленно и задумчиво вытерла глаза.

— Наконец осталась только я, без денег и ни с чем. И каждый год, когда наступало время платить налоги, они отрезали кусок земли в счет оплаты, а я приходила туда, чтобы посмотреть на ту часть, которая мне больше не принадлежала, и плакала, как плачу сейчас. Каждый год что-то уходило на налоги, вот так вот. Кусок здесь, кусок там. Я сдавала в аренду то, что оставалось, но этого не хватало, чтобы покрыть все эти чертовы налоги. Потом мне исполнилось сто лет, и меня до конца жизни освободили от уплаты налогов. Да, их перестали с меня брать после того, как отняли практически все, кроме жалкого клочка земли, на котором мы сейчас находимся. Проявили великодушие, верно?

Он чуть сжал руку матушки Абагейл и посмотрел ей в глаза.

— Ох, Ник, я взрастила ненависть к Богу в своем сердце. Каждый человек, мужчина или женщина, который любит Его, при этом Его и ненавидит, потому что Он — жестокий Бог, ревнивый Бог. Он такой, какой Он есть, и в этом мире Он зачастую расплачивается за службу болью, тогда как те, кто творит зло, разъезжают по дорогам на «кадиллаках». Даже радость служения Ему — горькая радость. Я выполняю Его волю, но моя человеческая часть прокляла Его в своем сердце. «Эбби, — говорит мне Господь, — в далеком будущем для тебя есть работа. Поэтому я позволю тебе жить и жить, пока твоя плоть не скукожится на костях. Я позволю тебе увидеть, как твои дети умирают раньше тебя, а ты все бу-

дешь ходить по этой земле. Я позволю тебе увидеть, как землю твоего отца отбирают кусок за куском. А в конце наградой тебе будет отъезд с незнакомцами. Ты бросишь все, что любила, и умрешь в неведомом тебе краю, не завершив работу. Такова Моя воля, Эбби», — говорит Он. «Да, Господь, — говорю я. — Воля Твоя будет исполнена», — но в сердце я проклинаю Его и спрашиваю: «Почему, почему, почему?» — и на это получаю только один ответ: «Где ты была, когда я сотворил этот мир?»

Теперь ее слезы полились потоком, они скатывались по щекам и мочили лиф платья, и Ник задумался, откуда столько слез у старой женщины, тощей и сухой, как давно отломанная ветвь.

— Помоги мне, Ник, — попросила она. — Я всего лишь хочу все сделать правильно.

Он крепко сжал ее руки. Во дворе засмеялась Джина и подняла игрушечную машинку к солнцу, чтобы она засверкала в его лучах.

Дик и Ральф вернулись к полудню, Дик — за рулем новенького фургона «додж», Ральф — в красном грузовике-эвакуаторе со скребком для расчистки проезжей части спереди и краном сзади. Том стоял рядом с краном, махая рукой. Они подъехали к крыльцу, и Дик вылез из кабины фургона.

— В этом эвакуаторе потрясающая сибишная радиостанция. Сорок каналов. Я думаю, Ральф влюбился в нее.

Ник улыбнулся. Подошли женщины, оглядывая новые автомобили. Абагейл обратила внимание, как Ральф повел Джун к эвакуатору, чтобы та взглянула на радиостанцию и одобрила его выбор. Бедра широкие, между ними наверняка отличная дверь в подъезд. Она могла родить столько малюток, сколько захочет.

— Когда поедем? — спросил Ральф.

Сразу после обеда, написал Ник. *Ты опробовал радио?*

— Да, — ответил Ральф. — Прошелся по всем каналам. Жуткие статические помехи. Там есть кнопка, включающая устройство их подавления, но оно, похоже, плохо работает. Хотя знаешь, помехи или нет, клянусь, я что-то слышал. Но слишком далеко. Возможно, это были и не голоса. Только скажу тебе правду, Ник, мне они не особо понравились. Как и те сны.

Повисла тишина.

— Что ж, — нарушила ее Оливия, — пойду что-нибудь приготовлю. Надеюсь, никто не против того, чтобы два раза подряд поесть свинину?

Никто не возражал.

К часу дня все походное снаряжение — плюс кресло-качалку и гитару Абагейл — погрузили в фургон, и они отправились в путь. Эвакуатор теперь ехал первым, чтобы очищать дорогу от препятствий. Абагейл сидела в кабине фургона, катящего на запад по шоссе 30. Она не плакала. Трость стояла между коленей. Со слезами было покончено. Теперь она претворяла в жизнь Божью волю и знала, что Его воля будет исполнена. Знала, что будет исполнена, но думала о красном Глазе, открывающемся в черном сердце ночи, и боялась.

Глава 46

Поздним вечером двадцать седьмого июля они разбили лагерь на территории «Ярмарочного комплекса Канкл», как следовало из надписи на огромном щите. Комплекс этот наполовину разрушили летние ураганы. Сам Канкл, штат Огайо, находился к югу от них. Городок практически целиком выгорел при пожаре. Стью предположил, что причиной тому стала молния. Гарольд, разумеется, не согласился. Если бы Стью Редман сказал, что пожарные машины красные, Гарольд Лаудер принялся бы доказывать, прибегая к цифрам и фактам, что они зеленые.

Фрэнни вздохнула и повернулась на бок. Она не могла спать — боялась снов.

Слева от нее выстроились в ряд пять мотоциклов на боковых подножках, в лунном свете поблескивали хромированные выхлопные трубы и корпусные детали. Словно «Ангелы ада» выбрали это место для ночлега. Впрочем, предположила она, настоящие «Ангелы ада» никогда бы не сели на такие девчачьи мотоциклы, как эти «хонды» и «ямахи». Настоящие «Ангелы ада» ездили на «боровах»... или как там они назывались в старом американо-международном эпическом фильме о байкерах, который она видела по телику? «Дикие ангелы». «Дьявольские ангелы». «Ангелы ада на колесах». Байкерские фильмы частенько показывали в ав-

токинотеатрах, когда она училась в старшей школе. «Уэллс-драйв-ин», «Сэнфорд-драйв-ин», «Саут-Портленд-твин». Ты платишь деньги и смотришь, сколько хочешь. Теперь — капут, капут всем автокинотеатрам, не говоря уже об «Ангелах ада» и старых добрых американо-международных фильмах.

«Запиши это в свой дневник, Фрэнни», — сказала она себе и перекатилась на другой бок. Только не сегодня. Сегодня она собиралась спать, со снами или без оных.

В двадцати футах от того места, где она лежала, расположились остальные, залезли в свои спальники, как «Ангелы ада» после большой пивной вечеринки, на которой все снимавшиеся в фильме актеры перетрахались, за исключением Питера Фонды и Нэнси Синатры. Гарольд, Стью, Глен Бейтман, Марк Брэддок, Перион Маккарти. Принять соминекс и спать...

Но они принимали не соминекс, а по половине таблетки веронала. Идея принадлежала Стью. Он высказал ее после того, как сны действительно всех замучили и они начали буквально бросаться друг на друга. Стью отвел Гарольда в сторону, прежде чем обсудить это с остальными, потому что Гарольда следовало погладить по шерстке, чтобы услышать его непредвзятое мнение. А кроме того, Гарольд многое знал. С одной стороны, это радовало, с другой — пугало, будто к ним в компанию попал пятисортный бог, более-менее всемогущий, но эмоционально нестабильный, способный взорваться в любой момент. В Олбани, где они встретили Марка и Перион, Гарольд добавил к своему арсеналу второй пистолет, и теперь они висели у него на бедрах, как у современного Джонни Ринго*. Она жалела Гарольда, но при этом начала его бояться. Появились мысли о том, что однажды ночью он рехнется и откроет стрельбу из обоих пистолетов. Она часто вспоминала тот день, когда нашла Гарольда во дворе его дома в одних плавках, мало что соображающего, выкашивающего лужайку и плачущего.

Она знала, как Стью преподнес ему свою идею, очень спокойно, чуть ли не как один заговорщик — другому: *Гарольд, эти сны — проблема. У меня есть идея, но я не знаю точно, как ее реализовать... легкое снотворное... но доза должна быть оптимальной.*

---

* Джонни Ринго (1850—1882) — ковбой, легенда американского Запада.

Если переборщить, никто не проснется в случае беды. Что бы ты предложил?

Гарольд предложил по таблетке веронала, который они могли найти в любой аптеке, и, если препарат прервет эти сны, уменьшить дозу до трех четвертей таблетки, а потом до половины. После этого Стью переговорил с Гленом, который идею одобрил, и они провели эксперимент. При четверти таблетки сны вновь начали омрачать их покой, поэтому остановились на половине.

По крайней мере все прочие.

Фрэнни каждый вечер брала лекарство, но не принимала его. Она не знала, повредит веронал ребенку или нет, однако предпочитала не рисковать. Говорили, что даже аспирин может разрушить хромосомы. Поэтому она страдала от снов — *страдала*, очень правильное слово. Один сон доминировал. Остальные разнились, но рано или поздно вливались в первый. Она находилась в родительском доме в Оганквите, и темный человек гнался за ней. По мрачным коридорам, через гостиную матери, где часы продолжали отсчитывать сезоны эпохи консервации... Она смогла бы убежать от него, Фрэнни это знала, если бы ей не приходилось тащить тело. Тело отца, завернутое в простыню, и брось она его, темный человек сделал бы с ним что-нибудь, ужасным образом надругался бы над ним. Поэтому она бежала, чувствуя, что он все ближе и ближе, и в конце концов ей на плечо ляжет его рука, горячая и вызывающая тошноту рука. Она разом лишится всех сил, ноги станут ватными, и она повернется, готовая сказать: *Бери его, делай что хочешь, мне все равно, просто больше не гонись за мной.*

И он будет стоять перед ней, одетый во что-то черное, напоминающее монашеское одеяние с капюшоном, и черты его лица будут прятаться в тени — за исключением широченной и счастливой улыбки. В руке он будет держать скрученные и изогнутые плечики для одежды. Именно в тот момент ужас ударял ее, словно боксерская перчатка, и она вырывалась из сна в холодном поту, с гулко бьющимся сердцем, мечтая о том, чтобы никогда больше не засыпать.

Потому что он пришел не за мертвым телом ее отца — он хотел заполучить живого ребенка, которого она носила под сердцем.

* * *

Фрэн вновь перекатилась с бока на бок. Раз не удается заснуть, может, действительно достать дневник и сделать очередную запись? Дневник она вела с пятого июля. В каком-то смысле — для ребенка. Дневник являл собой акт веры — веры в то, что ребенок будет жить. Она хотела, чтобы он знал, как все было. Как эпидемия пришла в городок под названием Оганквит, как она и Гарольд остались живы и что с ними стало. Она хотела, чтобы ребенок все это узнал.

Лунного света хватало, чтобы писать, а после двух или трех страниц глаза у нее всегда начинали слипаться. Говорило это не в пользу ее литературного таланта. Но она решила дать сну еще один шанс.

Закрыла глаза.

И продолжила думать о Гарольде.

Ситуация могла бы измениться к лучшему с появлением Марка и Перион, если бы те двое еще не успели сойтись. Тридцатитрехлетняя Перион была на одиннадцать лет старше Марка, но в этом мире разница в возрасте едва ли что-то значила. Они нашли друг друга, они приглянулись друг другу, и компания друг друга их вполне устраивала. Перион призналась Фрэнни, что они пытались зачать ребенка. «Слава Богу, я принимала противозачаточные таблетки, а не вставила спираль, — поделилась Пери. — Иначе как бы я ее вытащила?»

Фрэнни, в свою очередь, едва не сказала ей, что беременна (треть срока уже осталась позади), но в последний момент сдержалась. Побоялась, что ситуация изменится только к худшему.

Теперь их стало шестеро, а не четверо (Глен наотрез отказывался садиться за руль мотоцикла и всегда ехал со Стью или Гарольдом), но появление второй женщины ничего не изменило.

А как насчет *тебя*, Фрэнни? Чего *ты* хочешь?

Если бы ей пришлось существовать в подобном мире, подумала она, а биологические часы организма удалось бы прокрутить назад на шесть месяцев, она бы выбрала такого, как Стью Редман... нет, не такого, как он. Она хотела именно *его*. Вот так, абсолютно честно и откровенно.

Цивилизация ушла, с двигателя человеческого общества содрали хром и мишуру. Глен Бейтман неоднократно высказывался на эту тему, всякий раз безмерно радуя Гарольда.

Эмансипация женщин, решила Фрэнни (думая, что откровенность действительно должна быть полной, а не частичной), — нарост на индустриальном обществе, ни больше ни меньше. Женщины находятся во власти своих тел. Они уступают мужчинам ростом и весом. Они обычно слабее. Мужчина не может родить ребенка, а женщина может — это известно любому четырехлетке. И беременная женщина — уязвимое человеческое существо. Цивилизация прикрывала зонтиком здравомыслия представителей обоих полов. *Эмансипация* — вот оно, это слово. До появления цивилизации с ее взвешенной и милосердной системой защитных мер женщины были рабынями. «Давайте не будем подслащать пилюлю — мы были рабынями», — думала Фрэнни. Потом тяжелые времена закончились. И символом веры женщин, который следовало бы вывесить в редакции журнала «Мисс», предпочтительно вышитым гладью, стало следующее: *Спасибо вам, мужчины, за железные дороги. Спасибо вам, мужчины, за изобретение автомобиля и убийство индейцев, которые думали, что неплохо и впредь оставаться хозяевами Америки, раз уж они появились здесь первыми. Спасибо вам, мужчины, за больницы, полицию, школу. А теперь я бы хотела голосовать, будьте так любезны, и иметь право идти своим путем и самой творить свою судьбу. Когда-то я была рабыней, но теперь с этим покончено. Мои дни рабства должны остаться в прошлом; мне незачем быть рабыней, как незачем пересекать Атлантический океан на утлом суденышке под парусом. Реактивные самолеты безопаснее и быстрее маленьких парусников, и в свободе больше здравого смысла, чем в рабстве. Я не боюсь полета*. Спасибо вам, мужчины.*

И что тут скажешь? Ничего. Обыватели ворчат — им не нравится сжигание бюстгальтеров, реакционеры играют в свои интеллектуальные игры, а истина только улыбается. Теперь все изменилось, изменилось за какие-то недели. Насколько — покажет только время. Но здесь и сейчас, лежа в ночи, Фрэнни знала, что ей необходим мужчина. Господи, как же она нуждалась в мужчине!..

И речь шла не только о защите ребенка, не только о заботе о себе любимой (в двойном количестве, считая отпрыска). Ее тянуло к Стью, особенно после Джесса Райдера. Стью привлекал спо-

* Отсылка к культовому феминистскому роману американской писательницы Эрики Джонг (р. 1942) «Боязнь полета».

койствием, обстоятельностью, а главное, он уж никак не относился к тем, кого ее отец называл «двадцатью фунтами дерьма в десятифунтовом мешке».

И его влекло к ней. Она это точно знала, знала с Четвертого июля, когда они впервые вместе обедали в пустующем ресторане. На мгновение — только на одно мгновение — их взгляды встретились, и ее обдало жаром, прошибло молнией. Она полагала, что Стью тоже знал, как обстоят дела, однако ждал, предоставляя ей сделать первый шаг, принять решение, когда ей будет удобно. Она приехала с Гарольдом и, стало быть, принадлежала Гарольду. Дурно пахнущая идея, достойная самца, но Фрэн опасалась, что этот мир вновь станет дурно пахнущим миром самцов, хотя бы на некоторое время.

Если бы им встретилась еще какая-нибудь женщина, женщина для Гарольда... Но нет, таковой видно не было, и Фрэн боялась, что долго ждать не сможет. Она подумала о том дне, когда Гарольд, со свойственной ему неуклюжестью, попытался овладеть ею, окончательно закрепить свое право собственности. Когда это произошло? Две недели назад? Казалось, больше. Прошлое вроде бы удлинялось, растягивалось, как теплая ириска. Она не знала, что делать с Гарольдом, и боялась того, как он может себя повести, если она уйдет к Стюарту. Она боялась снов. Она думала, что эти тревоги и страхи не дадут ей уснуть.

С этими мыслями Фрэнни заснула.

Она проснулась в темноте. Кто-то тряс ее за плечо.

Фрэнни протестующе забормотала — впервые за неделю она спала без кошмаров, отдыхала душой и телом, — но потом с неохотой вынырнула из сна, думая, что уже утро и пора ехать. Вот только с какой стати им ехать в темноте? Садясь, Фрэн увидела, что луна опустилась за горизонт.

Тряс ее Гарольд, и на его лице читался испуг.

— Гарольд? Что-то случилось?

Она видела, что Стью уже на ногах. И Глен Бейтман. Перион стояла на коленях у костра в дальнем конце лагеря.

— Марк, — ответил Гарольд. — Он заболел.

— Заболел? — переспросила она — и тут же услышала тихий стон с другой стороны едва тлеющего костра, где опустилась на колени Перион и стояли оба мужчины.

Фрэнни почувствовала, как внутри поднимается черная волна ужаса. Болезни они боялись больше всего.

— Это... это не грипп, Гарольд?

Если Марка свалил «Капитан Торч», значит, опасность грозит им всем. Может, эта зараза никуда не делась и оставалась в воздухе. Может, этот вирус даже мутировал. Чтобы было легче кушать тебя, внученька.

— Нет, это не грипп. Ничего похожего на грипп. Фрэн, ты ела вчера вечером консервированных устриц? Или когда мы останавливались на ленч?

Она попыталась вспомнить, голову еще застилал туман сна.

— Да, оба раза, — ответила она. — Они мне понравились. Я вообще люблю устриц. Это пищевое отравление? Да?

— Фрэн, я только спрашиваю. Никто из нас не знает, что это. Доктора нет дома. Как ты себя чувствуешь? Ты хорошо себя чувствуешь?

— Отлично, просто сонная. — Но она проснулась. Уже проснулась. Еще один стон приплыл к ним от костра, словно Марк обвинял ее в том, что она хорошо себя чувствует, тогда как он — нет.

— Глен думает, что это, возможно, аппендицит.

— *Что?*

Гарольд кисло улыбнулся и кивнул.

Фрэн встала и направилась туда, где собрались остальные. Гарольд печальной тенью последовал за ней.

— Мы должны ему помочь, — говорила Перион. Эти слова она произнесла механически, будто уже в который раз. Она беспрестанно переводила взгляд с одного на другого, ее глаза переполняли ужас и беспомощность, и Фрэнни вновь почувствовала себя виноватой. Мысли эгоистично переключились на ребенка, который рос в ней, и она попыталась их прогнать, однако они никуда не делись. *Отойди от него!* — кричал голос разума. *Ты должна отойти от него немедленно! Возможно, он заразный.* Она посмотрела на Глена, который в ровном свете лампы Коулмана казался бледным и разом постаревшим.

— По словам Гарольда, вы думаете, это аппендицит? — спросила она.

— Не знаю. — В голосе Глена слышались тревога и испуг. — Симптомы есть: у него температура, живот твердый и раздутый, прикосновения болезненны...

— Мы должны ему помочь, — повторила Перион и разрыдалась.

Глен коснулся живота Марка, и глаза больного, наполовину скрытые веками и остекленевшие, широко раскрылись. Он закричал. Глен резко отдернул руку, словно от раскаленной духовки, посмотрел на Стью, на Гарольда, снова на Стью, уже практически не скрывая паники.

— Что предложите, господа?

Гарольд судорожно сглатывал слюну, словно у него в горле застряло что-то удушающее. Наконец он выдавил из себя:

— Дайте ему аспирин.

Перион, которая сквозь слезы смотрела на Марка, теперь резко повернулась к Гарольду.

— Аспирин? — В ее голосе звучали ярость и изумление. — *Аспирин?* — выкрикнула она. — И это все, что ты можешь предложить, болтливый умник? *Аспирин?*

Гарольд сунул руки в карманы и печально посмотрел на нее, принимая упрек.

— Но Гарольд прав, Перион, — поддержал его Стью. — У нас ничего нет, кроме аспирина. Который час?

— Вы *не знаете*, что делать! — закричала она на них. — Почему вы в этом не признаетесь?

— Без четверти три, — ответила Фрэнни.

— А если он *умирает*? — Пери отбросила со лба прядь темно-каштановых волос. Ее лицо опухло от слез.

— Оставь их в покое, Пери, — раздался тихий, усталый голос Марка. Все подпрыгнули. — Они сделают что смогут. С такой болью, думаю, мне лучше умереть. Дайте мне аспирин. Что-нибудь.

— Я принесу. — Гарольду очень хотелось уйти. — Он у меня в рюкзаке. Экседрин усиленного действия, — добавил он, словно надеясь услышать слова одобрения, а потом поспешил к своему рюкзаку.

— Мы должны ему помочь, — взялась за старое Перион.

Стью отвел в сторону Глена и Фрэнни.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил он тихим голосом. — У меня нет, признаюсь честно. Она разозлилась на Гарольда, но его предложение дать Марку аспирин в два раза лучше любого из моих.

— Она расстроена, вот и все, — ответила Фрэнни.

Глен вздохнул.

— Может, все-таки кишечник? Избыток грубой пищи. Может, его пронесет и все наладится?

Фрэнни покачала головой:

— Боюсь, что нет. При запоре не повышается температура. И живот не раздувает до такой степени. — Живот Марка напоминал выросшую за ночь опухоль. Фрэнни чуть не стало дурно, когда она об этом подумала. Она не помнила, чтобы ей когда-либо было так страшно (за исключением кошмарных снов). Как там сказал Гарольд? Доктора нет дома. Чистая правда. Ужасная правда. Господи, до нее вдруг дошло. Она была потрясена. Какие же они одинокие. Как далеко они ушли по проволоке без страховочной сетки. Фрэнни переводила взгляд с напряженного лица Глена на не менее напряженное лицо Стью — и видела на них озабоченность, но не ответ.

Позади вновь закричал Марк, и Перион откликнулась своим криком, словно ощутив его боль.

— И что же нам делать? — беспомощно спросила Фрэнни.

Она думала о ребенке, в голове у нее бился один вопрос: *А если придется делать кесарево сечение? А если придется делать кесарево сечение? А если...*

Марк опять закричал, будто какой-то ужасный пророк, и Фрэнни возненавидела его за эти крики.

Они смотрели друг на друга в вибрирующей темноте.

Из дневника Фрэн Голдсмит

6 июля 1990 г.

После коротких уговоров мистер Бейтман согласился поехать с нами. Он говорит, что после всех его статей («Я пишу их умными словами, чтобы никто не понял, насколько они примитивны») и двадцати лет, в течение которых он вгонял в сон студентов первого и второго курсов на «Общей социологии», не говоря уже о «Социологии

аномального поведения» и «Сельской социологии», просто не может упустить такую возможность.

Стью поинтересовался, о какой возможности речь.

«Думаю, это просто, — сказал Гарольд с присущим ему НЕВЫНОСИМЫМ САМОДОВОЛЬСТВОМ (иногда Гарольд может быть душкой, но может быть и отъявленным *задавакой*; этим вечером он выбрал второе). — Мистер Бейтман...»

«Пожалуйста, зови меня Глен», — сказал мистер Бейтман очень спокойно, но, судя по взгляду, который бросил на него Гарольд, можно было подумать, что его обвинили в какой-то социальной болезни.

«*Глен*, как социолог, видит возможность на личном опыте изучить особенности формирования общества. Я это так понимаю. Он хочет посмотреть, как факты соотносятся с теорией».

Так вот, если коротко, Глен (буду его так называть, раз уж он этого хочет) по большей части согласился, но добавил: «У меня также есть теории, которые я записал и теперь хочу проверить, подтвердятся они или нет. Я не верю, что человек, поднявшийся с пепелища, оставленного «супергриппом», будет хоть немного похож на человека, вышедшего из колыбели Нила с костью в носу, таща женщину за волосы. Такова одна из моих теорий».

«Потому что все лежит вокруг, ожидая, когда подберут», — как обычно, ровным голосом вставил Стью. Он выглядел таким мрачным, когда это говорил, что я удивилась. Даже Гарольд как-то странно на него посмотрел.

Но Глен просто кивнул и продолжил: «Совершенно верно. Индустриальное общество, образно говоря, ушло с площадки, но оставило все баскетбольные мячи. Кто-то обязательно вспомнит игру и научит остальных. Изящное сравнение, правда? Надо потом все записать».

[Но я записала сама, на случай если он забудет. Как знать? Лучше продублировать, ха-ха.]

Потом Гарольд сказал: «Такое ощущение, будто вы верите, что все начнется снова: гонка вооружений, загрязнение окружающей среды и так далее. Это еще одна из ваших теорий? Или следствие первой?»

«Не совсем», — начал говорить Глен, но тут Гарольд взорвался своим видением ситуации. Я не могу записать все слово в слово, потому что Гарольд, когда волнуется, начинает говорить очень быстро, но сказанное им сводилось к следующему: пусть он и невысо-

кого мнения о человечестве в целом, но все же не считает людей такими глупыми. И, по его мнению, на этот раз будут приняты определенные законы. Один целиком и полностью запретит расщепление атома, вторуглеродовые (возможно, тут я что-то напутала) спреи и все такое. Точно помню лишь одно из сказанного им, потому что в голове сразу возник очень яркий образ: «Нет оснований снова завязывать гордиев узел только потому, что его для нас разрубили».

Я видела, что спорит он исключительно ради спора — Гарольд не нравился людям прежде всего потому, что слишком стремился показать, как много знает (и он действительно много знает, этого у него не отнимешь, Гарольд — суперумный), — но Глен ответил коротко: «Время покажет, верно?»

Все это закончилось час назад, а теперь я в спальне наверху, и Коджак лежит на полу рядом со мной. Хороший пес! Тут уютно, навевает воспоминания о доме, но я стараюсь о нем не думать. Потому что от этих мыслей начинаю плакать. Я знаю, звучит ужасно, но я действительно хочу, чтобы кто-то помог мне согреть эту постель. Даже могу назвать подходящего кандидата.

Выброси *это* из головы, Фрэнни!

Так что завтра мы отправляемся в Стовингтон, и Стью эта идея совершенно не греет. Он боится этого места. Мне очень нравится Стью, только хочется, чтобы он чуть больше нравился Гарольду. Гарольд всем усложняет жизнь, но я думаю, что он ничего не может с собой поделать.

Глен решил оставить Коджака здесь. Он сожалеет об этом, хотя нет нужды тревожиться о том, что Коджак не найдет пропитания. Сделать мы ничего не можем, если только не найдем мотоцикл с коляской, но даже тогда бедняга Коджак может испугаться и выпрыгнуть из нее, покалечиться, а то и убиться.

В любом случае завтра мы выезжаем.

Запомнить! В «Техасских рейнджерах» (бейсбольная команда) играл питчер Нолан Райан, который с помощью своих знаменитых быстрых подач не позволял противнику нанести хотя бы один удар по мячу, и таких питчеров еще поискать. Есть телевизионные комедии с закадровым смехом. Записанный на пленку смех звучит в смешных местах и вроде бы доставляет зрителям большее удовольствие. Люди покупали в супермаркете десяток замороженных тортов и пирогов, которые надо только разморозить и съесть. Мой любимый — клубничный творожный торт от «Сары Ли».

7 июля 1990 г.

Не могу писать долго. Попа превратилась в гамбургер, а спина словно набита камнями. Прошлой ночью мне приснился дурной сон. Гарольду тоже снился этот человек, и он крайне из-за этого расстроился, потому что не может объяснить, каким образом нам мог присниться один и тот же сон.

Стью говорит, что ему по-прежнему снится Небраска и старая женщина, которая там живет. Она твердит, что мы можем прийти и увидеться с ней в любое время. Стью думает, что она живет в городе Холланд-Хоум, или Хоумтаун, или что-то в этом роде. Говорит, он думает, что сумеет его найти. Гарольд фыркнул на него и разразился долгой речью о том, что сны — псевдофрейдистское проявление всего того, о чем мы не решаемся подумать, когда бодрствуем. Думаю, Стью злился, но из себя не выходил. Я так боялась, что их взаимная неприязнь вырвется наружу. МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, ЧТО ВСЕ ТАК ВЫШЛО!

Короче, Стью спросил: «Как объяснить, что тебе и Фрэнни приснился один сон?»

Гарольд что-то забормотал о совпадении и заткнулся.

Стью сказал Глену и мне, что он хочет, чтобы после Стовингтона мы все поехали в Небраску. Глен пожал плечами: «Почему нет? Мы должны куда-то ехать».

Гарольд, разумеется, будет возражать из принципа. Черт бы тебя побрал, Гарольд, взрослей!

Запомнить! В начале 1980-х возник дефицит бензина, потому что в Америке все куда-то ехали, и мы использовали большинство наших запасов нефти, и арабы держали нас за яйца. Арабы получили столько денег, что просто не знали, куда их потратить. Рок-н-ролльная группа «Ху» обычно заканчивала живые концерты тем, что разбивала гитары и усилители. Это называлось «демонстративное потребление».

8 июля 1990 г.

Уже поздно, и я снова устала, но попытаюсь записать как можно больше, прежде чем мои веки просто ЗАХЛОПНУТСЯ. Гарольд примерно час назад закончил надпись на щите-указателе (и, должна отметить, постарался на славу) и поставил его на лужайке перед зданием Стовингтонского противоэпидемического центра. Стью помог ему установить щит и не терял спокойствия, несмотря на злобные шпильки Гарольда.

Я пыталась подготовиться к разочарованию. Сама не верила, что Стью лгал, и не думаю, что Гарольд в это верил. То есть я предполагала, что там все мертвы, но увиденное очень меня расстроило, и я расплакалась. Ничего не смогла с собой поделать.

Но расстроилась не только я. Когда Стью увидел это место, он побледнел как полотно. Он был в рубашке с короткими рукавами, и я заметила, что его руки покрылись мурашками. Глаза, обычно синие, стали темно-серыми, как океан в облачный день.

Он указал на третий этаж:

«Вон моя палата».

Гарольд повернулся к нему, и я поняла, что с его губ готова слететь одна из фирменных острот Гарольда Лаудера, но он увидел выражение лица Стью и промолчал. Я думаю, он поступил мудро.

Через какое-то время Гарольд говорит: «Что ж, зайдем туда и оглядимся».

«Ради чего ты хочешь туда идти?» — спрашивает Стью, и в голосе его слышится истерика, пусть он и держит ее под контролем. Меня это пугает, потому что обычно он предельно хладнокровен. Раз за разом проваливающиеся попытки Гарольда его достать — тому свидетельство.

«Стюарт...» — начинает Глен, но Стью прерывает его:

«Зачем? Разве вы не видите, что это — мертвое место? Ни духовых оркестров, ни солдат, ничего. Поверьте мне, — говорит он, — будь они здесь, уже прибежали бы к нам. И мы сидели бы в этих белых палатах, как гребаные морские свинки. — Тут он смотрит на меня и добавляет: — Извини, Фрэн... обычно я так не говорю. Наверное, очень разволновался».

«Что ж, я иду, — говорит Гарольд. — Кто со мной?»

Но я вижу, пусть Гарольд и пытается изобразить БОЛЬШОГО и СМЕЛОГО, что он очень напуган.

Глен сказал, что пойдет, и Стью посмотрел на меня: «Ты тоже иди, Фрэн. Взгляни своими глазами. Утоли любопытство».

Я хотела сказать, что лучше останусь с ним, потому что он выглядел таким расстроенным (и потому что мне, если честно, совершенно не хотелось туда идти), но это могло привести к очередной вспышке гнева Гарольда, поэтому я согласилась.

Если бы мы — Глен и я — действительно сомневались в правдивости истории Стью, сомнения рассеялись бы, едва мы открыли дверь. Благодаря запаху. Такой же запах стоял в достаточно больших городах, через которые мы проезжали, запах гниющих томатов, и,

Господи, я *снова* плачу, но это нормально, оплакивать людей, которые умерли, а теперь воняют, как...

Перерыв.

(*позже*)

Ну вот, я второй раз за день ВЫПЛАКАЛАСЬ, оказывается, и такое может случиться с маленькой Фрэн Голдсмит, которая могла грызть гвозди и выплевывать на ковер шляпки, ха-ха, как говаривали раньше. Что ж, этим вечером больше никаких слез, обещаю.

Мы пошли дальше, полагаю, из нездорового любопытства. Не знаю насчет остальных, а я хотела увидеть палату, в которой держали Стью. Нас поразил не только запах, но и холод в сравнении с наружной температурой. Много гранита, мрамора и, наверное, фантастическая теплоизоляция стен. На верхних двух этажах, конечно, стало теплее, но на нижнем... этот запах... этот холод... как в могиле. БР-Р-Р-Р!

И было страшно, как в доме с привидениями, мы все сбились в кучку, и я радовалась, что при мне винтовка, пусть только двадцать второго калибра. Наши шаги эхом возвращались к нам, создавая ощущение, что кто-то крадется следом, вы понимаете, и я вновь подумала об этом сне, главную роль в котором играл тот мужчина в черном одеянии. Неудивительно, что Стью не захотел идти с нами.

Наконец мы добрались до лифтов и поднялись на второй этаж. Ничего, кроме кабинетов... и нескольких тел. Третий этаж напоминал больницу с воздушным шлюзом на входе в каждую палату (и Гарольд, и Глен так назвали тамбур, отделяющий саму палату от коридора) и специальными смотровыми окнами. Здесь было множество тел, как в палатах, так и в коридорах. В основном мужчин, женщины встречались крайне редко. «Попытались ли их эвакуировать? — задалась я вопросом. — Сколь многого мы уже никогда не узнаем. Но с другой стороны, хотелось ли нам это знать?»

В любом случае в конце одного коридора, отходящего от главного, где были лифты, мы нашли палату с распахнутыми дверьми воздушного шлюза. Там мы тоже обнаружили мертвеца, но не пациента (они носили белые больничные пижамы), и он точно умер не от гриппа. Лежал в большой луже засохшей крови и выглядел так, будто пытался выползти из комнаты, в которой умер. Тут же валялся сломанный стул, беспорядок говорил о том, что здесь шла борьба.

Глен долго оглядывался, прежде чем сказать: «Не думаю, что нам стоит рассказывать об этой палате Стью. Полагаю, именно здесь он едва не умер».

Я посмотрела на распростертое тело, и мне стало еще страшнее.

«Что вы хотите этим сказать?» — спросил Гарольд, но приглушенно. Так редко случалось, чтобы он говорил не во весь голос, словно выступая перед большой аудиторией.

«Я уверен, что этот господин пришел сюда, чтобы убить Стюарта, — ответил Глен, — но каким-то образом Стью вышел из схватки победителем».

«Но почему? — спросила я. — Зачем убивать Стюарта, если у него врожденный иммунитет? В этом нет никакого смысла».

Он посмотрел на меня, и его глаза пугали. Почти мертвые, как глаза макрели.

«Это не имеет значения, Фрэн, — ответил он. — У здравого смысла нет ничего общего с этим местом, судя по тому, что мы здесь увидели. Есть люди с определенным менталитетом, которые верят, что необходимо скрывать свои деяния. Верят в это с искренностью и фанатизмом, с какими члены некоторых религиозных сект верят в божественность Иисуса. Потому что для некоторых людей необходимость продолжать скрывать даже после того, как ущерб нанесен, превращается в идею фикс. И у меня возникает вопрос: скольких людей с врожденным иммунитетом они убили в Атланте, и в Сан-Франциско, и в Топике, в тамошнем Вирусологическом центре, прежде чем болезнь прикончила их и положила конец учиненной ими бойне? Этот говнюк? Я рад, что он мертв. И только жалею Стью, которому, вероятно, он будет являться в кошмарных снах до конца жизни».

И знаете, что после этого сделал Глен Бейтман — милейший человек, который пишет отвратительные картины? Подошел и пнул мертвеца в лицо. Гарольд что-то буркнул, будто ударили его. А Глен вновь занес ногу.

«Нет!» — крикнул Гарольд, но Глен все равно пнул мертвеца еще раз. Потом повернулся и вытер рот рукой, а его глаза теперь хотя бы больше не напоминали глаза дохлой рыбы.

«Пошли отсюда, — сказал он. — Лучше бы мы послушали Стью. Это мертвое место».

Мы вышли наружу, и Стью сидел спиной к железным воротам в высокой стене, которая огораживала это заведение, и мне захотелось... давай, Фрэнни, если ты не можешь поделиться этим с дневником, то с кем же? Мне захотелось подбежать к нему, и поцеловать, и сказать, что мне стыдно за всех нас, за наше недоверие. И стыдно за то, как мы распинались о трудностях, с которыми нам пришлось столкнуться после начала эпидемии, тогда как он практически ничего не говорил, хотя тот человек едва его не убил.

Ох, что же делать, я влюбляюсь в него, влюбляюсь безумно, сильней всех на свете, и, наверное, рискнула бы, если б не этот Гарольд!

В любом случае (всегда пишу «в любом случае», даже если пальцы так немеют, что ручка едва из них не вываливается) именно тогда Стью впервые сказал нам, что хочет поехать в Небраску, проверить реальность своего сна. На его лице читались упрямство и легкое раздражение, словно он знал, что Гарольд опять наедет на него, но Гарольд еще не пришел в себя после нашей «экскурсии» по Противоэпидемическому центру, поэтому не смог оказать серьезного сопротивления. А его попытку сказать хоть что-то пресек Глен, сдержанно, буквально в нескольких словах сообщив нам, что прошлой ночью тоже видел во сне ту самую старую женщину.

«Конечно, возможно, причина в том, что Стью рассказал нам о своем сне, — признал он, чуть покраснев, — но очень уж все сходится».

Гарольд начал говорить, что причина именно в этом, когда Стью остановил его: «Минутку, Гарольд... у меня идея».

Идея состояла в том, что каждый из нас должен взять лист бумаги и вспомнить все о снах, которые нам снились за последнюю неделю, а потом сравнить записи. С таким научным подходом не мог поспорить даже Гарольд.

Что ж, мне снился только тот сон, который я уже описала, поэтому повторяться не буду. Я все записала, оставив часть с телом отца, но исключив ребенка и плечики для одежды.

Сравнение наших записей дало ошеломляющие результаты.

Гарольду, Стью и мне снился «темный человек», как я его называю. Стью и я видели этого человека в монашеской рясе с капюшоном и без лица — оно всегда находилось в тени и разглядеть его черты не представлялось возможным. Гарольд написал, что темный человек всегда стоит в темной дверной арке и подзывает его взмахами руки, «как сутенер». Иногда он видел ноги темного человека и блеск глаз — «как глаза ласки», так он написал.

Сны Стью и Глена о старой женщине оказались практически идентичны. Схожих моментов слишком много, чтобы их расписывать (так я «литературным» способом объясняю, что у меня онемели пальцы). В любом случае они согласуются в том, что женщина эта живет в округе Полк, штат Небраска, хотя с названием города к общему знаменателю не пришли: Стью говорит, это Холлингфорд-Хоум, Глен — Хемингуэй-Хоум. В любом случае похоже. Оба уверены, что смогут его найти. (Примечание: обрати внимание, дневник, моя догадка — Хемингфорд-Хоум.)

«Это действительно что-то удивительное, — сказал Глен. — Мы все, похоже, в одинаковой степени проявляем сверхъестественные психические способности». Гарольд тут же заспорил, но по выражению его лица чувствовалось, что ему есть о чем подумать. Он согласился исключительно из общего принципа — «мы должны куда-то ехать». Завтра мы отбываем. Я испугана, взволнована, но прежде всего счастлива, потому что мы покидаем Стовингтон, это место смерти.

Запомнить! «Держать хвост пистолетом» — не расстраиваться. «Классная» или «клевая» — так говорят о какой-то хорошей вещи. «Легко» — означает, что ты не тревожишься. «Тусоваться» — хорошо проводить время, и много людей носили футболки с надписью на груди: «ДЕРЬМО СЛУЧАЕТСЯ». Именно это и произошло... и продолжает происходить. «Я в шоколаде» — достаточно новое выражение (впервые услышала его только в этом году), означающее, что все идет хорошо. «Нора» — старое английское словечко, которое начало вытеснять «хату» и «конуру», для обозначения места, где человек жил до «супергриппа». «Мне нравится твоя нора». Глупо, правда? Но такой была жизнь.

Перевалило за полдень.

Перион забылась тяжелым сном рядом с Марком, которого двумя часами ранее осторожно перенесли в тень. Он то терял сознание, то приходил в себя, и им всем было проще, когда Марк отключался. Остаток ночи он еще терпел боль, но с рассветом сдался, и, когда приходил в себя, его крики леденили кровь. Они стояли, переглядываясь, беспомощные. Есть, понятное дело, никто не хотел.

— Это аппендицит, — нарушил долгую паузу Глен. — Думаю, сомнений быть не может.

— Наверное, мы должны попытаться... ну, оперировать его. — Гарольд смотрел на Глена. — Как я понимаю, вы...

— Мы его убьем, — прямо ответил Глен. — Ты это знаешь, Гарольд. Даже если мы вскроем ему брюшную полость и он не истечет кровью, а скорее всего так и будет, мы не отличим аппендикс от поджелудочной железы. Бирок там нет, знаешь ли.

— Мы убьем его, если не проведем операцию.

— Ты хочешь попытаться? — едко спросил Глен. — Иногда ты меня удивляешь, Гарольд.

— Кажется, и вы не особо в курсе, что делать. — Гарольд густо покраснел.

— Прекратите, — вмешался Стью. — Какой прок от таких разговоров? Если вы собираетесь вскрыть ему живот перочинным ножом, все равно ничего не получится.

— *Стью!* — ахнула Фрэн.

— Что? — спросил он и пожал плечами. — Ближайшая больница в Моуми. Нам его туда не довезти. Я сомневаюсь, что мы сумеем довезти его до автострады.

— Ты, разумеется, прав, — пробормотал Глен, провел рукой по щетинистому подбородку. — Гарольд, извини меня. Я очень расстроился. Я понимал, что-то такое может случиться — и уже случилось, — но думал, что это исключительно теоретическая возможность. Все выглядит совсем иначе, когда сидишь в кабинете и размышляешь о том, что может произойти.

Гарольд пробурчал, что принимает извинения, и отошел, сунув руки в карманы. Он напоминал надувшегося десятилетнего подростка, слишком высокого для своего возраста.

— Почему мы не сможем его довезти? — в отчаянии спросила Фрэн, переводя взгляд со Стью на Глена.

— Потому что теперь его аппендикс слишком раздулся, — ответил Глен. — Если он лопнет, вылившегося яда хватит, чтобы убить десять человек.

Стью кивнул:

— Перитонит.

Голова у Фрэнни шла кругом. Аппендицит? Сущий пустяк в те дни. *Сущий*. Чего уж там, если человек попадал в больницу с камнями в желчном пузыре или с чем-то таким, ему заодно удаляли и аппендикс — все равно живот уже разрезали. Она вспомнила одного из своих приятелей по начальной школе, Чарли Биггерса, которого все звали Бигги. Ему вырезали аппендицит во время летних каникул между пятым и шестым классами. Он провел в больнице два или три дня. С медицинской точки зрения удаление аппендицита не вызывало никаких проблем.

Как не вызывали проблем — с медицинской точки зрения — и роды.

— А если оставить его в покое, аппендикс не лопнет? — спросила она.

Стью и Глен неловко переглянулись и промолчали.

— Тогда толку от вас действительно никакого, как и говорит Гарольд! — взорвалась Фрэн. — Вы должны сделать хоть что-то, пусть даже и перочинным ножом! Вы должны!

— Почему мы? — сердито спросил Глен. — Почему не *ты*? Если на то пошло, у нас даже нет медицинского учебника!

— Но вы... он... такого быть не может! *Удаление аппендицита — это же сущий пустяк!*

— В прежние времена — возможно, но не теперь! — ответил Глен, однако Фрэн уже убежала, расплакавшись.

Она вернулась около трех, стыдясь своего поведения и готовая извиниться, но не нашла в лагере ни Стью, ни Глена. Гарольд отрешенно сидел на стволе поваленного дерева. Перион, скрестив ноги, устроилась рядом с Марком, протирая его лицо влажной тряпкой. Бледная, но собранная.

— Фрэнни! — Гарольд, подняв голову, увидел ее и просиял.

— Привет, Гарольд. — Она направилась к Пери. — Как он?

— Спит, — ответила Пери. Но Марк не спал, даже Фрэн это понимала. Лежал без сознания.

— Куда уехали остальные, Пери? Ты знаешь?

Ей ответил Гарольд. Он подошел сзади, и Фрэн чувствовала, что ему хочется коснуться ее волос или положить руку ей на плечо. Она же этого не хотела. С Гарольдом она все острее чувствовала себя не в своей тарелке.

— Поехали в Канкл. Попытаются отыскать приемную врача.

— Они рассчитывают найти какие-нибудь медицинские книги, — добавила Пери. — И какие-нибудь... какие-нибудь инструменты. — Она сглотнула, и у нее в горле что-то явственно щелкнуло, а затем продолжила протирать лицо Марка, изредка макая тряпку в ведерко с водой и отжимая ее.

— Мы очень сожалеем, — вырвалось у Гарольда. — Звучит, наверное, банально, но это так.

Пери подняла голову и одарила Гарольда усталой, но милой улыбкой.

— Я знаю. Спасибо. Никто в этом не виноват. Разве что Бог. Если есть Бог, это Его вина. И, встретившись с Ним, я намерена пнуть Его по яйцам.

При взгляде на Пери в глаза прежде всего бросалось лошадиное лицо и крепко сбитое крестьянское тело, но Фрэн, которая

первым делом подмечала все лучшее (Гарольд, к примеру, мог похвастаться очень красивыми для юноши кистями), видела, что у женщины роскошные каштановые волосы и красивые, умные глаза цвета индиго. Пери рассказала им, что преподавала антропологию в Нью-Йоркском университете, а также принимала активное участие в деятельности различных политических движений, среди прочего борясь за права женщин и против законодательной дискриминации жертв СПИДа. Она никогда не была замужем. Марк, поделилась она с Фрэнни, относился к ней лучше, чем можно было ожидать от мужчины. Другие знакомые мужчины либо игнорировали ее, либо называли свиньей. Она признавала, что при обычных условиях Марк входил бы в группу тех, кто ее игнорировал, но условия изменились. Они встретились в Олбани в последний день июня — Перион присхала туда, чтобы провести лето с родителями, — и, переговорив, решили уйти из города, прежде чем микробы, выделяющиеся при разложении тел, доберутся до них и завершат работу, оказавшуюся не под силу «супергриппу».

Они покинули Олбани и на следующую ночь стали любовниками, скорее от отчаянного одиночества, чем по настоящей привязанности (этот девичий разговор по душам Фрэнни записывать в свой дневник не стала). Он так хорошо к ней относился, говорила Пери с удивлением женщины-простушки, вдруг обнаружившей доброго человека в жестоком мире. Она полюбила Марка и с каждым днем любила все сильнее.

А теперь это.

— Так странно, — сказала она. — Здесь все, кроме Стью и Гарольда, закончили колледж, и ты, Гарольд, тоже продолжил бы учебу, если бы жизнь шла своим чередом.

— Да, пожалуй, это правда, — согласился Гарольд.

Пери повернулась к Марку и вновь начала протирать его лицо влажной тряпкой, мягко, с любовью. Фрэнни вспомнилась цветная иллюстрация из семейной Библии: три женщины, готовящие тело Иисуса к погребению, смазывающие его маслами и благовониями.

— Фрэнни изучала английский язык и литературу, Глен преподавал социологию, Марк готовил докторскую по американской истории, Гарольд тоже изучал бы английский и литературу, раз хо-

тел стать писателем. Мы могли бы сидеть кружком и беседовать на общие для всех темы. Собственно, так мы и делали.

— Да, — еле слышно согласился Гарольд, хотя обычно его голос разносился далеко вокруг.

— Гуманитарное образование учит думать... где-то я об этом читала. Фактическая информация, с которой вы знакомитесь в процессе обучения, имеет второстепенное значение. Главное, что вы уносите с собой из учебных классов, — умение конструктивно применять индукцию и дедукцию.

— Это верно, — кивнул Гарольд. — Мне нравится.

Теперь его рука *легла* на плечо Фрэнни. Она не стряхнула ее, но как же ей не нравилось это прикосновение.

— Ничего хорошего в этом нет! — яростно вскинулась Пери, и от удивления Гарольд убрал ладонь с плеча Фрэн. Она почувствовала безмерное облегчение.

— Нет? — переспросил он безо всякого вызова.

— Он умирает! — Пери понизила голос, в нем слышались злость и беспомощность. — Он умирает. Потому что мы все проводили время, учась нести чушь и выслушивать, как ее несут другие, в общежитиях и гостиных дешевых квартир в университетских городках. Да, я могу рассказать вам о папуасах Новой Гвинеи, а Гарольд может объяснить литературные приемы современных английских поэтов, но какую пользу это принесет моему Марку?

— Если бы среди нас был медик... — осторожно начала Фрэн.

— Да, если бы. Но медика среди нас нет. Нет даже автомеханика или человека, который учился в сельскохозяйственном колледже и хотя бы видел, как ветеринар оперирует корову или лошадь. — Она посмотрела на них, и ее индиговые глаза потемнели еще сильнее. — И хотя вы все мне очень нравитесь, думаю, сейчас я бы променяла вас всех на одного мистера Гудренча*. Вы все так боитесь прикоснуться к нему, даже зная, что с ним будет, если его не тронуть. И я такая же... точно такая же.

— Однако двое... — Фрэн замолчала. Она собиралась сказать: «Однако двое мужчин поехали», — но потом решила, что это не-

* Мистер Гудренч — мастер на все руки. Впервые появился в рекламе сервисных центров авторемонтной службы «Дженерал моторс».

удачная фраза, учитывая, что Гарольд остался с ними. — Однако Стью и Глен поехали. Это уже что-то, верно?

Пери вздохнула:

— Да... это что-то. Но решение принимал Стью, так? Единственный, кто в конце концов решил, что лучше что-то предпринять, чем стоять рядом, заламывая руки. — Она посмотрела на Фрэнни. — Он говорил тебе, чем зарабатывал на жизнь?

— Работал на заводе, — без запинки ответила Фрэн. Она не заметила, как затуманились глаза Гарольда, услышавшего ее быстрый ответ. — Собирал электронные калькуляторы. Наверное, можно сказать, был техническим специалистом по компьютерам.

— Ха! — воскликнул Гарольд и пренебрежительно усмехнулся.

— Он единственный из нас, кто умеет работать руками, — продолжила Пери. — То, что собираются сделать они с мистером Бейтманом, убьет Марка, я практически в этом уверена, но лучше ему умереть, когда кто-то будет пытаться спасти его, чем под взглядами тех, кто будет просто стоять рядом, словно он — собака, которую переехал автомобиль.

Ни Гарольд, ни Фрэн не нашлись с ответом. Только стояли рядом и смотрели на бледное, застывшее лицо Марка. Через какое-то время Гарольд вновь положил потную руку на плечо Фрэн. Она едва не закричала.

Стью и Глен вернулись без четверти четыре. Они ездили на одном из мотоциклов. Привезли с собой черный докторский саквояж с инструментами и несколько больших черных книг.

— Мы попытаемся, — вот и все, что сказал Стью.

Пери вскинула голову и посмотрела на него. Бледная и напряженная, она говорила почти спокойно:

— Правда? Пожалуйста. Мы оба этого хотим.

— Стью! — позвала Перион.

Часы показывали десять минут пятого. Стью стоял на коленях на клеенке, которую они расстелили под деревом. Пот ручьями стекал по его лицу. Глаза ярко блестели. В них читались страх и решимость. Фрэнни держала перед ним раскрытую книгу, показывала то одну цветную иллюстрацию, то другую, когда он под-

нимал на нее глаза и кивал. Рядом с ним невероятно бледный Глен Бейтман зажимал в кулаке катушку тонких белых ниток. Между ними стоял открытый футляр с хирургическими инструментами из нержавеющей стали. На футляре краснели капли крови.

— Вот он! — закричал Стью. Пронзительно и торжествующе. Его глаза превратились в щелочки. — Вот этот маленький говнюк! Здесь! Прямо здесь!

— Стью! — повторила Перион.

— Фрэн, покажи мне другую иллюстрацию! Быстро! Быстро!

— Ты сможешь его вырезать? — спросил Глен. — Господи Иисусе, восточный Техас, ты действительно думаешь, что сможешь?

Гарольд ушел. Покинул мероприятие в самом начале, зажимая рот рукой. Последние пятнадцать минут он провел в небольшой рощице к востоку от «операционного стола», спиной к ним. На крик Стью он повернулся, на его большом круглом лице читалась надежда.

— Не знаю, — ответил Стью, — но я попытаюсь. Я попытаюсь.

Он смотрел на цветную иллюстрацию, которую показывала ему Фрэн. Кровь покрывала его руки до локтей, словно он надел алые вечерние перчатки.

— Стью! — в третий раз обратилась к нему Перион.

— Он замкнут сверху и снизу, — прошептал Стью. Его глаза засверкали еще ярче. — Аппендикс. Такой маленький. Он... вытри мне лоб, Фрэнни, Господи, я потею, как гребаная свинья... спасибо... Боже, я не хочу резать дальше... это его гребаные кишки... но, Господи, я должен. Я должен.

— Стью! — снова подала голос Перион.

— Дай мне ножницы, Глен. Нет... не эти. Маленькие.

— *Стью...*

Наконец-то он посмотрел на Перион.

— Резать больше не нужно. — Ее голос звучал мягко и спокойно. — Он мертв.

Стью смотрел на нее, его глаза-щелочки раскрылись.

Она кивнула:

— Уже две минуты. Но спасибо тебе. Спасибо, что попытался.

Она снова кивнула. По ее щекам потекли слезы.

Стью отвернулся от них, бросил маленький скальпель, закрыл лицо руками жестом полнейшего отчаяния. Глен уже поднялся и уходил, не оглядываясь, ссутулившись, словно его ударили.

Фрэнни обняла Стью, прижала к себе.

— Вот так, — выдохнул он, а потом принялся повторять как заведенный, медленно и монотонно, пугая ее: — Вот так. Все кончено. Вот так. Вот так.

— Ты сделал все, что мог. — Она прижала его к себе еще сильнее, словно боялась, что он улетит.

— Вот так, — повторил он в очередной раз, как бы подводя черту.

Фрэнни все обнимала его. Несмотря на все мысли за последние три с половиной недели, несмотря на «безумную влюбленность», она не сделала ни одного шага навстречу Стью. Тщательно скрывала свои чувства. Слишком взрывоопасной представлялась ей ситуация с Гарольдом. И сейчас она не выказывала чувства, которые испытывала к Стью. В ее объятиях не было ничего любовного. Просто один выживший человек прижимался к другому. Его руки поднялись к ее плечам и сжали их, оставив кровавые отпечатки на рубашке цвета хаки, словно они стали подельниками в каком-то преступлении. Где-то грубо закричала сойка. Рядом заплакала Перион.

Гарольд Лаудер, который не чувствовал разницы между объятиями выживших и влюбленных, смотрел на Фрэнни и Стью с нарастающим подозрением и страхом. Через какое-то время он развернулся и ушел, ломая кусты. Вернулся Гарольд, когда все уже давно поужинали.

Наутро Фрэнни проснулась рано. Кто-то тряс ее за плечо. «Сейчас я открою глаза и увижу Гарольда или Глена, — сонно подумала она. — Нам придется пройти через это снова — и мы будем проходить снова и снова, пока не сделаем правильные выводы. Те, кто не усваивает уроки истории...»

Но за плечо ее тряс Стью. Уже светало: на небо наползала заря, окутанная легким туманом, напоминая золото, просвечивающее сквозь тонкую хлопчатобумажную ткань. Остальные крепко спали.

— Что такое? — спросила она, садясь. — Что не так?

— Мне снова снился сон, — ответил Стью. — Не старая женщина... тот, другой. Темный человек. Я испугался. Поэтому...

— Перестань. — Ее пугало выражение его лица. — Говори, что случилось, *пожалуйста*.

— Перион. Она взяла веронал из рюкзака Глена.

Воздух с шипением вышел через сжатые зубы Фрэн.

— Ужасно. — Стью поник головой. — Она мертва, Фрэнни. Господи, ну почему все так плохо?!

Она попыталась заговорить, но не смогла.

— Наверное, следовало разбудить и остальных, — рассеянно продолжил Стью. Он потер заросшую щетиной щеку. Фрэн до сих пор помнила, как вчера прижималась к ней своей щекой, обнимая его. Он вновь повернулся к девушке, в его глазах читалось недоумение. — Когда это закончится?

— Я думаю, никогда, — мягко ответила она.

Их взгляды встретились в свете ранней зари.

Из дневника Фрэн Голдсмит

12 июля 1990 г.

Этим вечером мы встали лагерем к западу от Гуилдерленда (штат Нью-Йорк), наконец-то вырулив на большую дорогу, шоссе 80/90. Ажиотаж от встречи с Марком и Перион (по-моему, красивое имя), которая случилась вчерашним днем, более-менее спал. Они согласились поехать с нами... собственно, высказали такое предложение раньше нас.

И я вовсе не уверена, что Гарольд бы это предложил. Вы же знаете, какой он. Поначалу его чуть отпугнуло (думаю, Глена тоже) количество оружия, которое они на себе тащили, в том числе полуавтоматические винтовки (две). Но Гарольду прежде всего хотелось показать себя... обозначить свое присутствие, знаете ли.

Я знаю, что немало страниц уже исписано ПСИХОЛОГИЕЙ ГАРОЛЬДА, и если вы еще не поняли, какой он, то не поймете никогда: под его важным видом и помпезными высказываниями прячется маленький, очень неуверенный в себе мальчик. Часть Гарольда — я думаю, достаточно большая часть — продолжает верить, что его школьные мучители вновь поднимутся из своих могил и начнут плеваться в него шариками из жеваной бумаги, а может, и обзывать Дрочилой Лаудером, как, по словам Эми, его обзывали. Иногда я думаю, что для него было бы лучше (и для меня, возможно, тоже), если бы

мы не встретились в Оганквите. Я — часть прежней жизни Гарольда, одно время ходила в лучших подругах его сестры, и так далее, и так далее. И вот каков итог наших странных отношений с Гарольдом: возможно, это кого-то удивит, но с учетом того, что я теперь знаю, я бы выбрала в друзья Гарольда, а не Эми, которую всегда завораживали парни с красивыми автомобилями и одежда из «Суитис» и которая являла собой (Господь простит меня за то, что я плохо отзываюсь о мертвых, но это правда) типичного оганквитского сноба, какие встречались только среди коренных горожан. Гарольд, по-своему, парень клевый. К сожалению, лишь в те моменты, когда не старается всеми силами показать себя отъявленным говнюком. Но, видите ли, Гарольд не может заставить себя поверить, что кто-то считает его клевым. Гарольд убедил себя, что он — пустое место. И твердо намерен захватить все свои проблемы в этот не-столь-уж-дивный новый мир. Наверное, запаковал их в рюкзак вместе со своими любимыми шоколадными батончиками «Пейдей».

Ох, Гарольд, черт побери, я просто не знаю, что с тобой делать.

Запомнить! Попугай «Жиллетт»*. «Пожалуйста, не мните «Шармин»**. Ходячий кувшин с кулэйдом, говоривший: «О... ДА-А-А-А-А-А». «Тампоны «О-Би»... созданы женщиной-гинекологом». «Конверс олл-старс»***. «Ночь живых мертвецов». Бр-р! Очень уж жизненно. Заканчиваю.

14 июля 1990 г.

Сегодня за ленчем мы подробно и обстоятельно поговорили об этих снах, задержавшись дольше, чем, наверное, следовало. Мы, между прочим, уже к северу от Батавии, штат Нью-Йорк.

Вчера Гарольд очень робко (для него) предложил начать запасать веронал и принимать его маленькими дозами, чтобы посмотреть, не удастся ли нам «разорвать сновиденческий цикл», так он это назвал. Я идею поддержала, чтобы никто не подумал, что со мной что-то не так, хотя пить таблетки не собираюсь. Кто знает, как они могут подействовать на Одинокого Рейнджера (я надеюсь, что он одинокий, не уверена, что смогу выдержать близнецов).

---

* Имеется в виду поющий мультяшный попугай из рекламных роликов компании «Жиллетт».

** Рекламный лозунг туалетной бумаги «Шармин» в 1964—1985 гг.

*** «Конверс олл-старс» — кеды, выпускаемые компанией «Конверс». Впервые поступили в продажу в 1917 г.

После того как мы пришли к общему согласию насчет веронала, Марк прокомментировал ситуацию со снами.

«Знаете, — говорит он, — нельзя об этом много думать. Так недолго решить, что мы — Моисей или Иосиф и Господь говорит с нами по прямой телефонной линии».

«Темный человек звонит не с Небес, — говорит Стью. — Если это звонок по телефону-автомату, думаю, установлен он где-то глубоко под землей».

«Стью хочет сказать, что за нами охотится дьявол», — вставляет Фрэнни.

«Это объяснение ничуть не хуже любого другого, — говорит Глен. Мы все посмотрели на него. — Видите ли, — продолжает он, как мне показалось, чуть оправдываясь, — с теологической точки зрения мы — узел на канате, который перетягивают ад и рай, верно? И если среди выживших после «супергриппа» есть иезуиты, они наверняка в полном восторге».

Марк расхохотался. Я не врубилась, а потому предпочла не раскрывать рта.

«А я думаю, все это нелепо, — вмешался Гарольд. — Мы не успеем и глазом моргнуть, как вы перейдете к Эдгару Кейси* и трансмиграции душ».

Он произнес фамилию как «Кейэс», а когда я его поправила («это же не аббревиатура Канзас-Сити»), то увидела НАСУПЛЕННЫЕ БРОВИ ГАРОЛЬДА УЖАСНОГО. Да, дневник, он не из тех, кто поблагодарит тебя, если ты укажешь ему на допущенные маленькие ошибки.

«Когда случается что-то паранормальное, — вновь заговорил Глен, — из всех объяснений идеально подходит и соответствует внутренней логике именно теологическое. Вот почему физика и религия всегда шли рука об руку, вплоть до наших современных целителей, лечащих молитвами и наложением рук».

Гарольд что-то пробурчал, но Глен продолжал гнуть свое: «По моему глубокому убеждению, мы все обладаем сверхъестественными способностями... и они настолько укоренились в нас, что мы очень редко их замечаем. Эти наши способности обычно предупреждают ту или иную беду, и из-за этого заметить их еще сложнее».

«Почему?» — спросила я.

«Потому что это негативный фактор, Фрэн. Ты когда-нибудь читала исследование Джеймса Д.Л. Стаунтона, посвященное железно-

---

* Эдгар Кейси (1877—1945) — американский ясновидящий и врачеватель.

дорожным и авиационным катастрофам? В тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году он опубликовал статью в социологическом журнале, и таблоиды постоянно ее цитируют».

Мы все покачали головами.

«Ее следует прочитать. Лет двадцать назад мои студенты сказали бы про Джеймса Стаунтона: «Это голова». Он был кабинетным социологом, который в качестве хобби исследовал оккультизм. И написал несколько статей, затрагивающих и социологию, и оккультизм, прежде чем отправился на ту сторону, чтобы проверить правильность или ошибочность своих выкладок».

Гарольд хмыкнул, а Стью и Марк улыбались. Боюсь, я вела себя ничуть не лучше.

«Так расскажите нам о поездах и самолетах», — говорит Пери.

«Что ж, Стаунтон взял статистику по пятидесяти авиационным катастрофам, случившимся после тысяча девятьсот двадцать пятого года, и по более чем двумстам железнодорожным, случившимся после тысяча девятисотого. Ввел эти данные в компьютер. Его интересовали три показателя: общее число пассажиров, количество погибших и вместимость транспортного средства».

«Не понимаю, что он пытался доказать», — подал голос Стью.

«Чтобы понять, надо знать вот еще о чем: он ввел в компьютер и другой набор данных — на этот раз по самолетам и поездам, летевшим или ехавшим теми же маршрутами, но добравшимся до места назначения без происшествий».

Марк кивнул: «Контрольная группа и экспериментальная. Чисто научный подход».

«Результаты получились очень простые, однако их выводы ошеломляли. Но для того чтобы выявить простой статистический факт, пришлось продраться через шестнадцать таблиц».

«Какой факт?» — спросила я.

«Полностью заполненные самолеты и поезда редко терпят катастрофу», — ответил Глен.

«Да это гребаная ЧУШЬ!» — чуть ли не кричит Гарольд.

«Отнюдь, — спокойно говорит Глен. — Стаунтон высказал эту версию, а компьютер ее подтвердил. В тех случаях, когда случались катастрофы, заполненность транспортных средств составляла шестьдесят один процент. В тех случаях, когда обходилось без происшествий, — семьдесят шесть процентов. Разница в пятнадцать процентов весьма существенна, и ее не спишешь на статистическую погрешность. Стаунтон утверждает, что для статистика даже трехпроцентная погрешность — уже повод для размышлений. И он совершенно прав.

Это аномалия размером с Техас. Вывод Стаутона: люди знали, какие поезда и самолеты потерпят катастрофу... подсознательно они предсказывали будущее. У вашей тети Салли разболелся живот прямо перед вылетом рейса шестьдесят один из Чикаго в Сан-Диего. И когда самолет падает в невадской пустыне, кто-то говорит: «Ох, тетя Салли, эти боли в животе — знак Божий». Но до исследования Джеймса Стаунтона никто не подозревал, что живот разболелся у тридцати людей... или голова... или возникло странное чувство в ногах, будто тело пытается сказать голове, что в нем сейчас что-то откажет».

«Я просто не могу в это поверить», — говорит Гарольд, горестно качая головой.

«Знаете, примерно через неделю после того, как я первый раз прочитал статью Стаунтона, в аэропорту Логан потерпел катастрофу самолет «Маджестик эйрлайнс». Погибли все, кто находился на борту. Я позвонил в представительство авиакомпании «Маджестик» в аэропорту Логан после того, как все более-менее успокоилось. Представился репортером из «Манчестер юнионлидер» — маленькая ложь во благо. Сказал, что мы готовим материал по авиационным катастрофам последнего времени, и поинтересовался, сколько мест в этом полете пустовали. Человек, с которым я разговаривал, удивился моему вопросу, потому что, по его словам, сотрудники авиакомпании как раз обсуждали этот аспект. Не явилось шестнадцать пассажиров. Я его спросил, а сколько обычно не является на рейс семьсот сорок седьмого из Денвера в Бостон. Он ответил, что три».

«Три», — завороженно говорит Перион.

«Да. Но парень на этом не остановился. От билетов, по его словам, отказались пятнадцать человек, тогда как обычно отказываются максимум восемь. Поэтому хотя заголовки кричали: «АВИАКАТАСТРОФА В ЛОГАНЕ УНЕСЛА ДЕВЯНОСТО ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ», — они могли бы звучать иначе: «ТРИДЦАТЬ ОДИН ЧЕЛОВЕК ИЗБЕЖАЛ СМЕРТИ В АВИАКАТАСТРОФЕ В ЛОГАНЕ».

Что ж... мы еще долго говорили о сверхъестественных способностях, уйдя довольно далеко от наших снов и о том, ниспосланы они нам свыше или нет. Еще один интересный момент возник (уже после того, как Гарольд ушел в полном отвращении), когда Стью спросил Глена: «Если мы все обладаем такими способностями, почему не узнаем сразу, что умер близкий нам человек, или что торнадо только что разрушил наш дом, или что-то в этом роде?»

«Иногда именно так и происходит, — ответил Глен, — но я признаю, что такие случаи редки... и их не столь легко доказать с помощью компьютера. Но вот что любопытно. У меня есть гипотеза...

(Похоже, у него на все есть гипотеза, верно, дневник?)

...что это связано с эволюцией. Вы знаете, когда-то у людей — или у их предков — были хвосты, все тело покрывала шерсть, и они обладали более эффективными органами чувств, чем теперь. Почему это так? Быстро, Стью! Вот твой шанс стать первым в классе и получить все соответствующие почести».

«Наверное, по той же причине, что люди больше не надевают защитные очки и плащи, предохраняющие от пыли, когда садятся за руль. Отпала необходимость. Наступил момент, когда тебе это больше не нужно».

«Именно. И какой смысл в сверхъестественных способностях, если они бесполезны в повседневной жизни? Какую они принесут пользу, если ты работаешь в офисе и вдруг узнаешь, что твоя жена погибла при лобовом столкновении двух автомобилей, возвращаясь из супермаркета? Кто-то все равно позвонит тебе по телефону и скажет, так? Если это чувство и было у нас, оно могло давным-давно атрофироваться. Уйти, как хвост и космы шерсти.

И вот что занимает меня в этих снах, — продолжил Глен. — Они — предзнаменование какой-то будущей борьбы. Мы словно получаем некие смутные картинки героя и антигероя. Соперников, коли угодно. Если это так, мы будто смотрим на самолет, на котором нам суждено лететь... и ощущаем боль в животе. Возможно, нам предоставляют средства, с помощью которых мы можем определить наше будущее. Свободная воля как четвертое измерение: шанс выбрать до совершения события».

«Но мы не знаем, что означают эти сны», — заметила я.

«Да, не знаем. Но можем узнать. Я не думаю, что эта маленькая толика сверхъестественного, которой мы обладаем, превращает нас в святых. Достаточное количество людей принимает увиденное чудо, не веря, что оно доказывает существование Бога. Но я считаю, что эти сны — конструктивная сила, пусть и пугающая. Поэтому у меня есть сомнения насчет веронала. Принимать его — все равно что пить пепто-бисмол, чтобы избавиться от болей в животе и все же сесть на тот самолет».

Запомнить! Рецессии, дефициты, прототип «форда-гроулера», который может проехать шестьдесят миль по автостраде на одном галлоне бензина. Действительно, чудо-автомобиль. Это все. Я заканчиваю. Если не буду ужиматься в записях, мой дневник объемом сравнится с «Унесенными ветром» еще до появления Одинокого Рейнджера (только, пожалуйста, не на белой лошади по кличке Сильвер).

Ах да, и вот еще что надо ЗАПОМНИТЬ. Эдгар Кейси. Нельзя его забывать. Он, судя по всему, видел будущее в своих снах.

16 июля 1990 г.

Только два момента, оба связанные с снами (смотри запись двухдневной давности). Первый: Глен Бейтман очень бледен и молчалив последние два дня, а вечером я заметила, что он принял двойную дозу веронала. Я подозреваю, что две последние ночи он веронал не принимал и видел ОЧЕНЬ плохие сны. Меня это тревожит. Хотелось бы найти возможность завести с ним разговор на эту тему, но пока ничего придумать не могу.

И второй: мои собственные сны. До предпоследней ночи (ночи после нашей дискуссии) я спала как младенец и ничего не помнила. В ту ночь мне впервые приснилась та самая старая женщина. Ничего не могу добавить к вышесказанному, разве что упомяну про окружающую ее ауру НЕЖНОСТИ и ДОБРОТЫ. Думаю, я понимаю, почему Стью так хочется попасть в Небраску, несмотря на сарказм Гарольда. Тем утром я проснулась совершенно отдохнувшей, уверенная, что все будет хорошо, если мы приедем к той женщине. Матушке Абагейл. Я надеюсь, что она действительно там. (Между прочим, теперь я абсолютно не сомневаюсь, что название города — Хемингфорд-Хоум.)

Запомнить! Матушка Абагейл!

Глава 47

Когда это случилось, события развивались стремительно.

Было тридцатое июля, где-то без четверти десять, и они ехали уже почти час. Ехали медленно, потому что ночью прошел сильный дождь и дорога оставалась мокрой и скользкой. Со вчерашнего утра, когда Стью разбудил сначала Фрэнни, а потом Гарольда и Глена, чтобы рассказать им о самоубийстве Перион, они практически не разговаривали. «Он винит себя, — с тоской думала Фрэнни, — винит себя, хотя виноват в том, что произошло, не больше, чем ночная гроза».

Ей хотелось сказать ему об этом, отчасти потому, что его следовало пожурить за потакание собственным слабостям, отчасти потому, что она любила его. Что касается последнего, Фрэнни пе-

рестала притворяться. Думала, что сможет убедить его в невиновности в смерти Пери... и, убеждая, откроет ему собственные чувства. Фрэнни осознавала, что должна показать Стью свое истинное к нему отношение. К сожалению, Гарольд это тоже увидит, поэтому такой вариант исключался... но только на какое-то время. Она не сомневалась, что скоро разговор со Стью обязательно состоится, независимо от Гарольда. Пока она еще могла оберегать его, но вскорости ему предстояло обо всем узнать и принять ее решение... или не принять. Фрэнни опасалась, что Гарольд выберет второй вариант, а это могло привести к ужасным последствиям, учитывая, что оружия у них хватало.

Такие мысли крутились у нее в голове, когда они обогнули поворот и увидели большой кемпер, который лежал на боку поперек дороги, блокируя чуть ли не всю проезжую часть. Его розовый, местами ржавый борт блестел от ночного дождя. На этом сюрпризы не заканчивались. Еще три универсала и большой эвакуатор блокировали обочины по обеим сторонам шоссе. У баррикады стояли люди, не меньше двенадцати человек.

Фрэнни так удивилась, что слишком резко затормозила. «Хонду», на которой она ехала, занесло на мокром асфальте, и только в самый последний момент ей удалось взять мотоцикл под контроль и не свалиться с него. В итоге все четверо остановились почти в ряд, изумленные видом такого большого количества живых людей.

— А теперь спешиваемся! — крикнул один из мужчин. Высокий, светлобородый, в темных солнцезащитных очках. На мгновение Фрэнни словно перенеслась в прошлое, вдруг вспомнив патрульного, который остановил ее на автостраде в Мэне за превышение скорости.

Сейчас он потребует предъявить наши водительские удостоверения, подумала она. Но судьба свела их не с одиноким патрульным, тормозящим лихачей и выписывающим штрафные квитанции, а с четырьмя мужчинами. Трое стояли за спиной светлобородого, вроде бы готовые к стычке. Женщины числом превосходили мужчин как минимум вдвое. Бледные и испуганные, они маленькими группками держались рядом с универсалами.

Светлобородый держал в руке пистолет. Мужчины за его спиной — винтовки и ружья. У двоих в одежде просматривались детали военной формы.

— Спешивайтесь, черт побери! — повторил приказ светлобородый, и один из мужчин за его спиной передернул затвор. Громкий зловещий звук далеко разнесся во влажном утреннем воздухе.

На лицах Глена и Гарольда отражались удивление и тревога. Ничего больше. «Мы же легкая добыча», — подумала Фрэнни с нарастающей паникой. Она и сама не могла полноценно оценить ситуацию, но знала, что здесь что-то не так. «Четверо мужчин, восемь женщин, — отметил ее мозг, а потом повторил уже громче, с тревожными нотками: — Четверо мужчин! Восемь женщин!»

— Гарольд, — полушепотом заговорил Стью. Что-то мелькнуло в его глазах. Похоже, он что-то понял. — Гарольд, не... — Тут все и случилось.

Винтовка Стью висела у него за спиной. Он наклонил плечо, чтобы лямка заскользила по предплечью, а через мгновение уже держал винтовку в руках.

— Не делай этого! — яростно проорал светлобородый. — Гарви! Вердж! Ронни! Убейте их! В женщину не стрелять!

Гарольд попытался схватиться за пистолеты, поначалу забыв про ремешки, которые удерживали их в кобуре.

Глен Бейтман неподвижно сидел за Гарольдом. На его лице отображалось полнейшее изумление.

— *Гарольд!* — крикнул Стью.

Фрэнни начала снимать свою винтовку. Почувствовала, как воздух вокруг вдруг загустел, словно его залила невидимая патока, и поняла, что не успевает пустить оружие в ход. До нее вдруг дошло, что здесь они скорее всего и умрут.

— ПОРА! — крикнула одна из девушек.

Взгляд Фрэнни метнулся к ней, хотя она продолжала бороться со своей винтовкой. Не девушка — женщина лет двадцати пяти, с пепельными волосами, облегающими голову, как шапочка, будто их недавно обкорнали садовыми ножницами.

Не все женщины отреагировали на сигнал; некоторые, похоже, остолбенели от испуга. Но блондинка и три других взялись за дело.

Все уложилось в какие-то семь секунд.

Бородатый мужчина навел пистолет на Стью. Когда блондинка крикнула: *«Пора!»* — ствол чуть дернулся в ее сторону, как «волшебная лоза», почувствовавшая воду. Раздался выстрел, громкий,

будто стальным стержнем пробило картон. Стью упал с мотоцикла, и Фрэнни выкрикнула его имя.

А потом Стью уже упирался обоими локтями в асфальт (падая, он поцарапал оба, а «хонда» лежала на его ноге) и стрелял. Бородач вроде бы отпрыгнул назад, как водевильный танцор, уходящий со сцены, отработав свой номер. Его вылинявшая клетчатая рубашка вздувалась и опадала. Ствол пистолета взлетел к небу, и этот звук — стальной стержень, пробивающий картон, — повторился еще четыре раза. Затем светлобородый упал на спину.

Двое из троих мужчин, стоявших позади него, обернулись на крик блондинки. Один нажал на оба курка своего ружья, старой двустволки «ремингтон» двенадцатого калибра. Приклад ни к чему не прижимался — мужчина держал его у правого бедра, — и после выстрелов, напоминавших раскат грома в маленькой комнатке, ружье вырвалось из его рук, содрав кожу с пальцев, отлетело назад и запрыгало по дороге. Лицо одной из женщин, которая не отреагировала на крик блондинки, превратилось в кровавое месиво, и на протяжении секунды Фрэнни буквально слышала, как кровяной дождь стучит по асфальту. Один глаз, чудом оставшийся невредимым, смотрел сквозь надетую против воли кровавую маску. Похоже, боли женщина не почувствовала. Просто свалилась на обочину. Дробь пробила борт универсала «кантри-сквайр», у которого она стояла. Одно из стекол покрылось катарактой трещин.

Блондинка схватилась со вторым мужчиной, обернувшимся к ней. Винтовка, оказавшаяся между ними, выстрелила. Еще одна девушка метнулась к лежащей на дороге двустволке.

Третий мужчина, который не повернулся к женщинам, начал стрелять по Фрэн. Она сидела на мотоцикле, поставив ноги на асфальт, и тупо смотрела на него. Смуглый, он напоминал итальянца. Фрэн почувствовала, как пуля просвистела у самого виска.

Гарольд наконец-то вытащил из кобуры один пистолет. Поднял и выстрелил в смуглого. С расстояния в пятнадцать шагов. Промахнулся. Дыра появилась в корпусе розового кемпера слева от головы смуглого. Тот посмотрел на Гарольда и крикнул:

— Теперь я тебя убью, сукин сы-ы-ын!

— *Не делай этого!* — закричал Гарольд, отбросил пистолет и поднял руки.

Смуглый трижды выстрелил в Гарольда. И не попал. Третья пуля нанесла наибольший урон — отрикошетила от выхлопной трубы «ямахи» Гарольда. Мотоцикл повалился на бок, уронив на асфальт своих пассажиров.

Прошло уже двадцать секунд. Гарольд и Стью лежали на дороге. Глен сидел, скрестив ноги, и, казалось, по-прежнему не понимал, что происходит. Фрэнни в ярости пыталась прикончить смуглого до того, как тот успеет убить Гарольда или Стью, но ее винтовка отказывалась стрелять — спусковой крючок не двигался с места, потому что она забыла снять винтовку с предохранителя. Блондинка продолжала бороться со вторым мужчиной, а женщина, которая бросилась за упавшим на дорогу ружьем, схватилась за него с другой женщиной.

Ругаясь на, безусловно, итальянском языке, смуглый мужчина вновь прицелился в Гарольда, но тут выстрелил Стью, лоб смуглого провалился внутрь, и он упал, как мешок с картошкой.

Еще одна женщина вступила в схватку за ружье. Мужчина, из рук которого оно вырвалось, попытался отбросить ее в сторону. Она сунула руку ему между ног, ухватилась за промежность и сжала пальцы. Фрэн увидела, как вдоль руки до самого локтя натянулись сухожилия. Мужчина закричал, потерял всякий интерес к ружью, схватился за яйца и, согнувшись, поплелся прочь.

Гарольд пополз к лежащему на асфальте пистолету, поднял его. Трижды выстрелил в мужчину, державшегося за яйца. Все три пули прошли мимо.

Это же в чистом виде «Бонни и Клайд», подумала Фрэнни. *Господи, везде кровь!*

Блондинка с короткими волосами проиграла борьбу за винтовку мужчине. Он вырвал оружие, ударил женщину ногой, целя в живот, но попал тяжелым ботинком в бедро. Блондинка отступила, взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, и села на задницу.

Сейчас он ее пристрелит, подумала Фрэнни, но мужчина развернулся на месте, как пьяный солдат, выполняющий команду «кругом», и принялся стрелять по женщинам, которые дрались за ружье рядом с «кантри-сквайром».

— Получайте, суки! — кричал этот джентльмен. — Получайте, суки!

Одна женщина упала на асфальт между универсалом и лежащим на боку кемпером и забилась, словно вытащенная на берег рыба. Две другие побежали. Стью выстрелил в стрелка и промахнулся. Стрелок выстрелил в одну из бегущих женщин и попал. Она вскинула руки к небу и упала. Вторая резко взяла влево и скрылась за розовым кемпером.

Третий мужчина, который лишился ружья и не сумел вновь завладеть им, стоял, пошатываясь, по-прежнему обеими руками держась за промежность. Одна из женщин направила на него ружье и нажала на оба спусковых крючка, закрыв глаза и скривив рот в ожидании грома. Но грома не последовало. Никто не удосужился перезарядить двустволку. Тогда она обеими руками схватилась за стволы, и приклад, описав широкую дугу, обрушился на мужчину. По голове женщина не попала — удар пришелся в то место, где шея переходила в правое плечо. Мужчина упал на колени. Попытался уползти. Женщина в синей футболке с надписью «УНИВЕРСИТЕТ КЕНТА» на груди и порванных джинсах пошла за ним, нанося удары прикладом. Мужчина продолжал ползти, кровь бежала ручьями, но женщина дубасила и дубасила его.

— А-а-а-ах, *су-у-у-уки*! — закричал мужчина с винтовкой и выстрелил в женщину среднего возраста, которая, оцепенев, что-то бормотала. Расстояние между срезом ствола и женщиной не превышало трех футов; потянувшись, она могла бы отвести ствол мизинцем. Мужчина промахнулся. Вновь нажал на курок, но послышался лишь сухой треск: закончились патроны.

Гарольд теперь держал пистолет обеими руками, как это делали копы в кино. Нажал на спусковой крючок, и пуля раздробила мужчине с винтовкой левый локоть. Он выронил винтовку и запрыгал на месте, издавая пронзительные крики. Фрэнни он напомнил Кролика Роджера, кричавшего: *«П-п-пожалуйста!»*

— Я в него попал! — в экстазе заверещал Гарольд. — Я в него попал! Клянусь Богом, я в него попал!

Фрэнни наконец-то вспомнила про предохранитель и сняла его большим пальцем, когда Стью выстрелил вновь. Мужчина, которого ранил Гарольд, упал, держась уже за живот, а не за локоть, продолжая кричать.

— Боже мой, Боже мой! — вырвалось у Глена. Он закрыл лицо руками и заплакал.

Женщина в футболке с надписью «УНИВЕРСИТЕТ КЕНТА» вновь опустила приклад ружья и на этот раз угодила точно в голову ползущего мужчины. С таким звуком Джим Райс* обычно отбивал высокий фастбол. И приклад ружья из орехового дерева, и голова синхронно разбились вдребезги.

На мгновение воцарилась тишина, которую тут же нарушила птичка:

— Уить-уить... уить-уить... уить-уить.

А потом женщина в футболке, стоя над телом поверженного мужчины, издала долгий первобытный победный вопль, который преследовал Фрэн Голдсмит до конца ее жизни.

Светловолосую женщину звали Дейна Джергенс. До эпидемии она жила в городе Зиния, штат Огайо. Женщину в футболке Кентского университета звали Сюзан Штерн. Третью женщину, которая прихватила за яйца мужчину с ружьем, — Патти Крогер. Две другие были гораздо старше. Самую старшую, по словам Дейны, звали Ширли Хэммет. Имени второй — она выглядела лет на тридцать пять — они не знали. Она пребывала в шоке, бесцельно бродила по улицам, когда двумя днями ранее Эл, Гарви, Вирдж и Ронни наткнулись на нее в городе Арчболд.

Вдевятером они свернули с автострады и встали лагерем в фермерском доме чуть западнее Коламбии, сразу за границей штата Индиана. Все пребывали в шоке, и потом Фрэнни пришла в голову мысль, что их прогулка от перевернувшегося на автостраде розового кемпера до фермы стороннему наблюдателю могла показаться турпоходом, спонсированным местной психиатрической больницей. Трава, высотой до бедер и еще не высохшая после дождя, скоро вымочила им штаны. Белые бабочки, едва перебиравшие отяжелевшими от влаги крыльями, то подлетали к ним, то улетали прочь, выписывая круги и восьмерки. Солнце пыталось пробиться сквозь облака, однако никак не могло этого сделать. Так что они видели лишь яркое пятно, отделенное от них белой облачной пеленой, растянутой от горизонта до горизонта. Но, несмотря на облака, влажный воздух уже сильно прогрелся, а над их головами кружила стая отвратительно каркающих ворон. «Теперь их больше, чем людей, — зачарованно подумала Фрэн. — Если мы

* Джим Райс (р. 1953) — известный американский бейсболист.

потеряем бдительность, они выклюют нас с лица земли». Месть черных птиц. Питались ли вороны мясом? Фрэнни подозревала, что да.

За этими пустячными мыслями, едва видимая, совсем как солнце за тающим облачным слоем (и, как солнце, бурлящая энергией в это ужасное, удушливое утро тридцатого июля тысяча девятьсот девяностого года), в ее голове вновь и вновь прокручивалась только что закончившаяся битва. Лицо женщины, разнесенное в клочья двойным зарядом дроби. Падающий на землю Стью. Мгновение дикого ужаса, когда она подумала, что его убили. Мужчина, который кричал: «А-а-а-ах, су-у-у-уки!» — и визжал, как Кролик Роджер, когда Гарольд его подстрелил. Звук металлического стержня, пробивающего картон, которым сопровождался каждый выстрел из пистолета светлобородого. Первобытный победный вопль Сюзан Штерн, стоящей над поверженным врагом, мозги которого, еще теплые, вытекали из размозженного черепа.

Глен шагал рядом с ней, на его обычно язвительном лице читалось смятение, седые волосы летали, будто бабочки. Он держал руку Фрэн и все похлопывал и похлопывал по ней.

— Главное — не сломаться, — наконец заговорил он. — Без таких ужасов... не обойтись. Спасение — в численности. В обществе, ты понимаешь. Общество — краеугольный камень того, что мы называем цивилизацией, и это единственное противоядие от беззакония. Ты должна принимать такое... такое... как неизбежность. Это — отдельный случай. Воспринимай их как троллей. Да. Троллей, или йогсов, или афритов. Типичных монстров. Это я могу понять. Можно сказать, это очевидная истина.

Он хохотнул, но смех больше напоминал стон. После каждой из его коротких фраз Фрэнни вставляла: «Да, Глен», — но он, похоже, ее не слышал. От него попахивало рвотой. Бабочки врезались в них, а потом отлетали, направляясь по своим бабочкиным делам. Они уже подходили к фермерскому дому. Битва продолжалась чуть меньше минуты, но Фрэн подозревала, что у нее в голове она будет крутиться вечно. Глен похлопывал ее по руке. Она хотела попросить его больше этого не делать, но боялась, что он заплачет, услышав такую просьбу. Похлопывание по руке она вынести могла, а плачущего Глена — вряд ли.

С одной стороны от Стью шел Гарольд, с другой — блондинка, Дейна Джергенс. Сюзан Штерн и Патти Крогер вели под руки безымянную женщину в ступоре, которую нашли в Арчболде. Ширли Хэммет, в которую не попал в упор мужчина, перед смертью закричавший, как Кролик Роджер, шла чуть левее, что-то бормоча себе под нос и изредка пытаясь поймать пролетавшую рядом бабочку. Все они двигались медленно, но Ширли Хэммет отставала от них. Седые волосы неопрятными космами падали на ее лицо, и изумленные глаза смотрели сквозь них на мир, словно испуганная мышь из неглубокой норки.

Гарольд смущенно взглянул на Стью:

— Мы их прикончили, Стью, так? Разобрались с ними. Надрали задницу.

— Похоже на то, Гарольд.

— Нам пришлось это сделать! — с жаром воскликнул Гарольд, словно Стью сомневался в правильности их действий. — Вопрос стоял ребром: либо мы, либо они!

— Они бы вышибли вам мозги, — ровным голосом вставила Дейна Джергенс. — Я была с двумя парнями, когда они напали на нас. Они застрелили Рича и Дэймона из засады. А когда все закончилось, каждому пустили по пуле в голову, для гарантии. Вам не оставалось ничего другого, это точно. По всему выходило, что на дороге останутся ваши трупы.

— По всему выходило, что нас хотели убить! — воскликнул Гарольд.

— Это точно, — кивнул Стью. — Расслабься, Гарольд.

— Конечно! Постараюсь! — кивнул Гарольд. Порылся в рюкзаке, достал шоколадный батончик «Пейдей», едва не выронил, срывая обертку. Выругался и начал поедать, держа двумя руками, как леденец.

Наконец они добрались до фермерского дома. Разбираясь с батончиком, Гарольд постоянно ощупывал себя, словно хотел убедиться, что не ранен. Его мутило. Он боялся посмотреть на свою промежность, поскольку практически не сомневался, что надул в штаны вскоре после того, как веселье у розового кемпера достигло апогея.

За поздним завтраком — ни у кого кусок не лез в горло — говорили преимущественно Дейна и Сюзан. Патти Крогер, семнадцатилетняя и фантастически красивая, изредка вставляла пару

слов. Безымянная женщина забилась в дальний угол пыльной кухни фермерского дома. Ширли Хэммет сидела за столом, ела черствые крекеры «Набиско хани грэмс» и что-то бормотала.

Дейна ушла из Зинии с Ричардом Дарлиссом и Дэймоном Брэкнеллом. Сколько еще человек осталось в Зинии после эпидемии? Она видела только троих: глубокого старика, женщину и маленькую девочку. Дейна и ее друзья предложили этой троице присоединиться к ним, но старик отмахнулся, сказав, что у них «есть дело в пустыне».

К восьмому июля Дейне, Ричарду и Дэймону начали сниться кошмары с каким-то страшилищем. Очень жуткие кошмары. По словам Дейны, Рич считал, что этот монстр настоящий и живет в Калифорнии. Он также предположил, что к этому человеку, если это был человек, и собирались идти те трое, когда говорили, что у них есть дело в пустыне. Они с Дэймоном начали опасаться, а не сходит ли Рич с ума. Он называл этого человека-из-снов «крутым парнем» и говорил, что тот собирает армию крутых парней. Говорил, что эта армия скоро двинется на восток, чтобы поработить всех, кто еще остался в живых, сначала в Америке, а потом во всем мире. Дейна и Дэймон на полном серьезе начали готовиться к тому, чтобы однажды ночью ускользнуть от Рича, и пришли к выводу, что их кошмары — результат психического воздействия Рича Дарлисса.

В Уильямстауне они обогнули поворот и увидели большой мусоровоз, который лежал на боку, перегораживая дорогу. Рядом стояли универсал и эвакуатор.

— Мы предположили, что это место очередной аварии. — Дейна нервно разломила пальцами крекер. — Собственно, именно этого от нас и ждали.

Они слезли с велосипедов, чтобы обойти перевернувшийся мусоровоз, и четверо крутых парней — по терминологии Рича — открыли огонь из кювета. Они убили Рича и Дэймона, а Дейну взяли в плен. Она стала четвертой женщиной в их, как они выражались, «зоопарке», или «гареме». Там же была и бормочущая Ширли Хэммет, тогда почти нормальная, хотя ее постоянно насиловали спереди и сзади и заставляли отсасывать всем четверым.

— Однажды, — рассказывала Дейна, — она не смогла дотерпеть до того времени, когда ее выводили в кусты, чтобы справить

нужду, и Ронни подтер ее колючей проволокой. Прямая кишка у нее кровоточила три дня.

— Господи Иисусе! — выдохнул Стью. — Который из них?

— Тот, что с ружьем, — ответила Сюзан Штерн. — Которому я размозжила голову. Жаль, что он сейчас не лежит здесь, на полу. Я бы повторила.

Светлобородого мужчину в солнцезащитных очках они знали как Дока. Он и Вердж входили в какое-то армейское подразделение, отправленное в Акрон после начала эпидемии. Им поручили «общение с прессой», что на армейском жаргоне означало «подавление прессы». Когда они выполнили эту задачу, перед ними поставили другую: «пресечение массовых беспорядков», что на армейском жаргоне означало стрельбу по убегающим мародерам и вешание пойманных. К двадцать седьмому июня, рассказал им Док, командная вертикаль развалилась. Большинство его подчиненных болели и не могли патрулировать улицы, что, впрочем, никакого значения не имело: жители Акрона слишком ослабели, чтобы читать и слушать новости, не говоря уже о том, чтобы грабить банки и ювелирные магазины.

К тридцатому июня от подразделения ничего не осталось: военнослужащие умерли, умирали или разбежались. Собственно, разбежаться смогли только Док и Вердж, и именно они начали новую жизнь: стали владельцами «зоопарка». Первого июля к ним присоединился Гарви, третьего — Ронни. После чего они закрыли свой необычный маленький клуб и новых членов больше не принимали.

— Но через какое-то время вас стало больше, чем их, — заметил Глен.

Тут в разговор неожиданно вмешалась Ширли Хэммет.

— Таблетки. — Ее глаза загнанной в угол мышки смотрели сквозь седые космы. — Таблетки каждое утро, чтобы встать, таблетки каждый вечер, чтобы лечь. Апперсы и расслаблялки. — Ее голос затих, последние слова они едва расслышали. Она замолчала, потом вновь принялась что-то бормотать себе под нос.

Сюзан Штерн продолжила рассказ. Ее и одну из убитых женщин, Рейчел Кармоди, они поймали семнадцатого июля, неподалеку от Коламбуса. К тому времени они двигались караваном из двух универсалов и эвакуатора. Мужчины использовали эвакуатор, чтобы убирать с трассы разбитые автомобили или, наоборот,

перегораживать дорогу, в зависимости от ситуации. Док держал таблетки в большом мешке, прицепленном к поясному ремню. Сильные транквилизаторы на ночь, легкие стимуляторы для поездки, «красненькие» для отдыха.

— Меня поднимали утром, насиловали два или три раза, а потом я ждала, пока Док выдаст таблетки, — буднично рассказывала Сюзан. — Я хочу сказать, таблетки на день. К третьему дню у меня появились такие ссадины в моей... вы понимаете, в моей вагине, что обычные половые сношения стали болезненными. Я даже прониклась приязнью к Ронни, потому что Ронни требовалось только отсосать. Но после таблеток ты становился очень спокойным. Не сонным, а спокойным. Несколько синих таблеток утром — и для тебя уже ничего не имело значения. Тебе хотелось только сидеть, положив руки на колени, и наблюдать, как они используют эвакуатор, чтобы убрать что-то с дороги. Однажды Гарви жутко рассердился, потому что одна девочка, ей было не больше двенадцати, не захотела... нет, этого я вам говорить не буду. Это ужасно. В общем, Гарви выстрелил ей в голову. Меня это не тронуло. Я... оставалась спокойной. Через какое-то время ты перестаешь даже думать о побеге. Тебе хочется только одного: получить эти синие таблетки.

Дейна и Патти Крогер кивали.

— Но они вроде бы поняли, что восемь женщин — это их предел, — добавила Патти.

Когда они поймали ее двадцать второго июля, убив мужчину лет пятидесяти, с которым она путешествовала, то пристрелили очень старую женщину, пробывшую в «зоопарке» с неделю. После того как нашли в Арчболде безымянную женщину, убили и оставили в кювете шестнадцатилетнюю девушку, страдавшую косоглазием.

— Док шутил по этому поводу, — рассказала Патти. — Говорил: «Я не хожу под лестницами, не пересекаю тропы черных кошек и не допущу, чтобы нас стало тринадцать».

Двадцать девятого они впервые засекли Стью и остальных. «Зоопарк» разбил лагерь на площадке отдыха рядом с автострадой, по которой проехала вся четверка.

— Гарви запал на тебя. — Сюзан повернулась к Фрэнни. Та содрогнулась.

Дейна пододвинулась к ним и прошептала:

— И они не скрывали, чье место ты должна занять. — Она чуть мотнула головой в сторону Ширли Хэммет, которая что-то бормотала и ела крекеры.

— Бедная женщина, — вздохнула Фрэнни.

— Это Дейна решила, что вы — наш лучший шанс на спасение, — продолжила Патти. — Или, возможно, наш последний шанс. В вашей группе было трое мужчин — они с Элен Роже это заметили. Трое *вооруженных* мужчин. И Док стал слишком уж самоуверенным с этим трюком — перевернувшимся на дороге грузовиком. Всякий раз он действовал как лицо, наделенное властью. Мужчины в тех группах, на которые они устраивали засаду, — когда в них были мужчины, — всегда попадались на этот трюк. После чего их убивали. Срабатывало идеально.

— Дейна предложила нам в это утро не пить таблетки, — заговорила Сюзан. — Они отчасти потеряли бдительность, уже не стояли над нами, пока таблетка не проглатывалась. И мы знали, что в то утро у них хватало забот с большим кемпером. Мы сказали не всем. О нашем плане знали только Дейна, Патти и Элен Роже... одна из женщин, которых застрелил Ронни. И я, разумеется. Элен сказала: «Если они заметят, что мы пытаемся выплюнуть таблетки, нас убьют». Дейна ответила, что они все равно нас убьют, рано или поздно, и, если рано, нам только повезет. Разумеется, мы все знали, что это правда.

— Мне пришлось достаточно долго держать таблетку во рту, — вставила Патти. — Она уже начала рассасываться, когда представилась возможность ее выплюнуть. — Женщина посмотрела на Дейну. — Я думаю, Элен пришлось проглотить свою. Отсюда и ее заторможенность.

Дейна кивнула. Она смотрела на Стью с такой теплотой, что Фрэнни стало не по себе.

— Тем не менее у них могло все получиться, если бы ты не сообразил, что к чему, здоровяк.

— Я сообразил, но недостаточно быстро, — ответил Стью. — В следующий раз не стану терять времени. — Он встал. Подошел к окну, выглянул. — Знаете, меня это даже пугает. Мы становимся чересчур сообразительными.

Фрэнни все больше бесили откровенные взгляды, которые Дейна бросала на Стью. Она не имела права так смотреть на него, особенно после всего, через что ей пришлось пройти. *Но она го-*

раздо красивее меня, несмотря ни на что, думала Фрэнни. *И я сомневаюсь, что она беременна.*

— Это мир для сообразительных, здоровяк, — сказала Дейна. — Или ты начинаешь соображать, или умираешь.

Стью повернулся к ней, словно впервые увидел, и Фрэн ощутила укол дикой ревности. *Я ждала слишком долго,* подумала она. *Боже мой, я просто теряла время. Слишком долго ждала, вместо того чтобы действовать.*

Она случайно глянула на Гарольда и заметила, как тот прячет улыбку, поднеся руку ко рту. Как ей показалось, улыбку облегчения. Внезапно Фрэнни захотелось встать, небрежно подойти к Гарольду и ногтями выцарапать ему глаза. Крича при этом: «Никогда, Гарольд! Никогда!»

Никогда?

Из дневника Фрэн Голдсмит

19 июля 1990 г.

Господи! Произошло худшее. Во всяком случае, когда такое происходит в книгах, что-то как минимум *меняется*, но в реальной жизни все тянется и тянется, словно «мыльная опера», которая никак не перейдет в решающую стадию. Возможно, мне следовало бы ускорить события, рискнуть, но я так боюсь, что между ними что-то случится, и. Нельзя заканчивать предложение на «и», но я боюсь писать о том, что может случиться после этого союза.

Позволь мне рассказать тебе все, дорогой дневник, пусть это и сомнительное удовольствие. Мне противно даже думать об этом.

Ближе к сумеркам Глен и Стью поехали в город (на этот раз в Джирард, штат Огайо), чтобы раздобыть что-нибудь из еды, лучше всего концентраты и сублимированные продукты. Их легко везти, а некоторые концентраты даже вкусные, но, на мой взгляд, у всех сублимированных продуктов есть какой-то привкус — высушенного индюшачьего дерьма. И, кстати, откуда ты знаешь, какой у него вкус? Не важно, дневник, кое о чем говорить не положено, ха-ха.

Они спросили меня и Гарольда, хотим ли мы поехать с ними, но я ответила, что на сегодня наездилась на мотоцикле и, если они не возражают, останусь. Гарольд тоже отказался, под тем предлогом, что наберет воды и вскипятит ее на костре. Вероятно, уже вынашивал свои планы. Не хочу выставлять его заговорщиком, но факты налицо.

[Примечание: нам всем до чертиков обрыдла кипяченая вода, которая совершенно безвкусна и НАПРОЧЬ ЛИШЕНА кислорода, но Марк и Глен говорят, что заводы и т.п. не работают слишком мало времени, чтобы реки и ручьи успели очиститься, особенно на промышленном северо-востоке и в тех краях, что называют Поясом ржавчины*, поэтому из соображений безопасности воду мы кипятим. Мы надеемся рано или поздно найти большой склад бутилированной воды, точнее, нам давно уже следовало его найти — так говорит Гарольд, — но чуть ли не вся бутилированная вода таинственным образом исчезла. По мнению Стью, многие люди решили, что причина болезни — водопроводная вода, и в последние дни перед смертью перешли на бутилированную.]

Марк с Перион куда-то ушли, возможно, на поиски диких ягод, которые разнообразят нашу диету, возможно, чтобы заняться кое-чем еще — они это не афишируют, и спасибо им большое, — так что я собрала хворост и разожгла костер для котелка с водой Гарольда... и он его принес, но не слишком быстро (очевидно, задержался у реки, чтобы помыться самому и вымыть волосы). Он повесил котелок над огнем на как-это-там-называется. Потом подходит ко мне и садится рядом.

Мы сидели на бревне, говорили о всякой всячине, а потом неожиданно он обнял меня и попытался поцеловать. Я говорю: попытался, а на самом деле ему это удалось, во всяком случае, поначалу, так он меня удивил. Но я отпрянула от него — теперь я понимаю, что выглядело все это комично, хотя боль еще чувствуется, — и свалилась с бревна. Порвала блузку на спине и содрала кожу. Закричала. К разговору о том, что история повторяется: очень уж похоже на ситуацию с Джессом на волноломе, когда я прикусила язык... так похоже, что даже нервирует.

Через секунду Гарольд, красный до кончиков чистых волос, уже стоит на колене рядом со мной и спрашивает, в порядке ли я. Гарольд иногда пытается быть таким холодным, таким искушенным — мне он вечно кажется пресытившимся молодым писателем, ищущим особое «Грустное кафе» на Западном берегу, где он сможет коротать дни, беседуя о Жан-Поле Сартре и потягивая дешевое вино, — но под этой личиной скрывается хорошо замаскированный подросток с целым букетом незрелых фантазий. Мне это кажется весьма правдоподоб-

* В Пояс ржавчины (Rust Belt) входят штаты Пенсильвания, Огайо, Индиана и Мичиган. Название появилось в 1970-х гг., когда в этих индустриальных штатах закрылось много заводов и фабрик, от которых остались только ржавые ворота.

ным. И фантазии эти по большей части из субботних дневных фильмов: Тайрон Пауэр из «Капитана из Кастильи», Хамфри Богарт из «Темной полосы», Стив Маккуин из «Буллита». В периоды крайнего напряжения эта его сторона вылезает наружу, возможно, потому, что он подавлял ее, будучи ребенком, не знаю. В любом случае, когда он уподобляется Боги, то напоминает лишь парня, игравшего Боги в фильме Вуди Аллена «Сыграй это снова, Сэм».

Поэтому когда Гарольд опустился рядом со мной на одно колено и спросил: «Ты в порядке, крошка?» — я захихикала. История повторялась! Но хихиканье вызвала не только абсурдность ситуации, вы понимаете. Если бы этим все и ограничивалось, я бы сдержалась. К истерике привело многое другое. И кошмарные сны, и тревога о ребенке, и неопределенность в отношениях со Стью, и каждодневная езда на мотоцикле, и затекшие мышцы, и боль в спине, и утрата родителей, и все перемены... короче, хихиканье переросло в истерический смех, который я просто не смогла остановить.

«Что тут такого забавного?» — спросил Гарольд, поднимаясь. Думаю, эти слова он произнес праведным голосом, да только к тому моменту я уже забыла о Гарольде и перед моим мысленным взором возник карикатурный образ Дональда Дака. Дональд Дак вразвалочку шел по развалинам западной цивилизации и сердито крякал: «Что тут такого забавного, а? Что тут такого забавного, а? Что тут, твою мать, такого забавного?» Я закрыла лицо руками и смеялась, и рыдала, и снова смеялась, пока Гарольд не подумал, что у меня совсем съехала крыша.

Через какое-то время мне удалось взять себя в руки. Я вытерла слезы и хотела попросить Гарольда взглянуть на мою спину и посмотреть, сильно ли я поцарапалась. Но не сделала этого, потому что испугалась: а вдруг он воспримет это как разрешение на СВОБОДУ ДЕЙСТВИЙ? Жизнь, свобода и погоня за Фрэнни, о-хо-хо, вот это как раз и не смешно.

«Фрэн, — говорит Гарольд, — мне так трудно это сказать».

«Тогда, может, лучше не говорить?» — предлагаю я.

«Я должен, — отвечает он, и я начинаю осознавать, что ответ «нет» его не устроит, если только я не прокричу это слово во всю мощь легких. — Фрэнни, — говорит он, — я тебя люблю».

Наверное, я и сама давно это знала. Было бы куда проще, если бы он хотел только спать со мной. Любовь более опасна, чем секс, и я оказалась в сложном положении. Как мне сказать «нет» Гарольду? Наверное, есть только один способ, независимо от того, кому ты это говоришь.

«Я не люблю тебя, Гарольд» — вот что я ответила.

Его перекосило.

«Это он, да? — Лицо Гарольда превратилось в отвратительную гримасу. — Это Стью Редман, да?»

«Не знаю», — ответила я. Я могу вспылить, и мне не всегда удается держать себя в руках — думаю, это у меня от матери. Но я боролась изо всех сил, чтобы моя вспыльчивость не выплеснулась на Гарольда. Правда, чувствовала, что уже на пределе.

«Я знаю! — Его голос стал пронзительным, наполненным жалостью к себе. — Я знаю, все так. С того дня, как мы его встретили, я уже тогда это знал. Я не хотел, чтобы он ехал с нами, потому что *знал*. И он говорил...»

«Что он говорил?»

«Что не хочет тебя! Что ты можешь быть моей!»

«Все равно что отдал тебе новую пару туфель, так, Гарольд?»

Он не ответил, возможно, осознав, что зашел слишком далеко. С некоторым усилием я вспомнила тот день в Фабиане. Гарольд сразу же отреагировал на Стью, как собака реагирует на новую собаку, незнакомую собаку, пришедшую во двор первой собаки. В его владения. Я буквально видела, как волоски поднимаются дыбом на загривке Гарольда. Я понимала, чем обусловлены слова, сказанные тогда Стью: он произнес их, чтобы вернуть нас из разряда собак в разряд людей. В этом же все дело, так? Эта чудовищная борьба, в которой мы участвуем. Если нет, то какого черта мы пытаемся сохранить приличия?

«Я никому не принадлежу, Гарольд».

Он что-то пробурчал.

«Что?»

«Я сказал, что тебе, возможно, придется переменить свое мнение».

С моего языка едва не сорвался резкий ответ, но я сдержалась. Гарольд смотрел куда-то далеко-далеко с отсутствующим видом.

«Я уже видел такого парня. Можешь мне поверить, Фрэнни. Он — квортербек школьной команды, но в классе плюется шариками из бумаги и показывает другим средний палец, потому что знает: учитель обязательно натянет ему троечку, чтобы он мог продолжать играть. Он встречается с самой красивой девушкой из группы поддержки, и она думает, что он — сам Иисус Христос. Это он пердит на уроке английского языка и литературы, когда учитель просит тебя прочитать сочинение, потому что оно лучшее в классе. Да, я знаю таких сволочей, как он. Удачи тебе, Фрэн».

И он ушел. ВЕЛИЧЕСТВЕННОГО, ТОРЖЕСТВЕННОГО УХОДА, как он скорее всего рассчитывал, не получилось. Это больше выглядело так, будто у него была мечта, а я только что разнесла ее в клочья — мечту о том, что все поменялось, что изменилась даже сама реальность. Я очень его жалела — святая правда, — потому что, уходя, он не изображал поддельную обиду, а ощущал НАСТОЯЩУЮ, острую и вызывающую, как лезвие ножа, боль. Его высекли, да, но только Гарольд никогда не сможет понять, что измениться должен его образ мышления. Он должен понять, что мир будет оставаться таким же, пока не начнет меняться он сам. Гарольд копит обиды точно так же, как раньше вроде бы копили сокровища пираты...

Что ж, теперь все вернулись, ужин съеден, сигареты выкурены, веронал роздан (моя таблетка в кармане, а не в желудке), народ укладывается спать. Наша с Гарольдом конфронтация не принесла никаких результатов, разве что теперь он еще внимательнее наблюдает за мной и Стью, чтобы увидеть, что произойдет. Меня от этого тошнит, и я понапрасну злюсь, когда все это записываю. Какое он имеет право следить за нами? Какое он имеет право усугублять нашу и без того трагичную ситуацию?

Запомнить! Извини, дневник. Должно быть, что-то с головой. Не могу ничего удержать в памяти.

Когда Фрэнни подошла к Стью, тот сидел на валуне и курил сигару. Каблуком он вырыл в земле небольшую круглую ямку и использовал ее вместо пепельницы. Он смотрел на запад, где солнце как раз опускалось за горизонт. Облака разошлись, открыв красную макушку светила. Хотя они только вчера встретили и взяли в свою компанию пять женщин, казалось, что произошло это очень давно. Они без труда вытащили из кювета один универсал и теперь, считая мотоциклы, целым караваном медленно катили на запад по автостраде.

Сигарный дым заставил Фрэнни вспомнить об отце и его трубке. Скорбь, пришедшая с этими мыслями, плавно перетекла в ностальгию. «Я начинаю сживаться с тем, что тебя уже нет, папочка, — подумала она. — Не думаю, что ты будешь возражать».

Стью оглянулся.

— Фрэнни! — В его голосе слышалась искренняя радость. — Как ты?

Она пожала плечами:

— Помаленьку.

— Хочешь составить мне компанию и посмотреть на заход солнца?

Она присоединилась к нему, ее сердце забилось чуть быстрее. Но, в конце концов, зачем еще она пришла сюда? Она знала, в какую сторону Стью ушел из лагеря, и знала, что Гарольд, Глен и две женщины поехали в Брайтон, чтобы найти си-би-радио (идея Глена, а не, как обычно, Гарольда). Патти Крогер осталась в лагере присматривать за еще двумя спасенными женщинами. Ширли Хэммет вроде бы начала выходить из ступора, но в час ночи перебудила всех: дико кричала во сне, отпихивая кого-то руками. Состояние второй женщины, безымянной, наоборот, ухудшалось. Она сидела. Ела, если ее кормили. Могла справить нужду. Но не отвечала на вопросы и, казалось, проявляла признаки жизни только во сне. Даже после большой дозы веронала часто стонала, иногда даже вскрикивала. Фрэнни полагала, что знает, кто снился бедной женщине.

— Похоже, нам предстоит еще долгий путь.

Стью ответил после короткой паузы:

— Более долгий, чем мы думали. Эта старая женщина, она уже не в Небраске.

— Я знаю... — начала Фрэнни и оборвала фразу.

Стью с легкой улыбкой посмотрел на нее:

— Вы не принимаете лекарство, мэм.

— Я выдала свой секрет, — улыбнулась она.

— Мы не единственные. Днем я говорил с Дейной (Фрэн почувствовала укол ревности — и страха, — как бывало, когда он называл блондинку по имени). Ни она, ни Сюзан не стали принимать веронал.

Фрэн кивнула.

— А почему не принимаешь ты? Они пичкали тебя наркотиками... в том месте?

Он стряхнул пепел в земляную пепельницу.

— Вечером давали легкое успокоительное, ничего больше. Пичкать меня наркотиками не требовалось. Я сидел под крепким замком. Нет, я перестал принимать веронал тремя ночами ранее, потому что ощутил... потерю контакта. — Он на несколько секунд задумался, потом объяснил: — Глен и Гарольд хотят найти си-би-радио, и это действительно хорошая идея. Для чего нужна двусторонняя связь? Чтобы общаться. У одного моего приятеля в Ар-

нетте, Тони Леоминстера, такой приемник-передатчик стоял на «скауте». Отличная штука. Ты мог говорить с людьми, мог позвать на помощь, если попал в беду. Эти сны... то же си-би-радио в голове, но передатчик вроде бы сломан, и работает оно только на прием.

— Может, мы что-то и передаем, — предположила Фрэнни.

Он удивленно вскинул на нее глаза.

Какое-то время они сидели молча. Солнце смотрело на них сквозь разрыв в облаках, словно прощалось, прежде чем полностью укатиться за горизонт. Фрэн могла понять дикарей, которые обожествляли солнце. Невероятная тишина практически пустынной страны день за днем давила на нее, убеждая в реальности случившегося, а солнце — и луна тоже — прибавляло в размерах и значимости. Становилось чем-то более личным. Эти яркие небесные корабли теперь вызывали благоговение, как в детстве.

— В любом случае пить веронал я перестал, — продолжил Стью. — Прошлой ночью мне вновь приснился темный человек. Такого страшного сна я еще не видел. Он обосновался где-то в пустыне. Думаю, в Лас-Вегасе. И, Фрэнни... Похоже, он распинает людей. Тех, кто ему мешает.

— Он — *что*?

— Мне это приснилось. Вдоль пятнадцатого шоссе стоят кресты, изготовленные из телеграфных столбов и балок. К ним прибиты люди.

— Всего лишь сон!.. — В ее голосе слышалась тревога.

— Возможно. — Стью курил и смотрел на запад, на окрашенные алым облака. — Но две предыдущие ночи, перед тем как мы наткнулись на этих маньяков, отлавливающих женщин, мне снилась она... женщина, которая называет себя матушкой Абагейл. Она сидела в кабине старого пикапа, припаркованного на обочине семьдесят шестого шоссе. Я стоял рядом с автомобилем, опираясь одной рукой на окно, разговаривал с ней точно так же, как сейчас разговариваю с тобой. И она сказала: «Ты должен двигаться быстрее, Стюарт. Если на это способна такая старая женщина, как я, то и тебе, здоровяку из Техаса, вполне по силам». — Стью рассмеялся, бросил окурок на землю, раздавил каблуком. Рассеянно, словно не отдавая себе отчета в том, что делает, обнял Фрэнни за плечи.

— Они едут в Колорадо, — сказала она.

— Да, похоже на то.

— Она... снилась Дейне или Сюзан?

— Обеим. И прошлой ночью Сюзан снились кресты. Как и мне.

— С этой старой женщиной уже много людей.

Стью согласился:

— Двадцать, может, и больше. Знаешь, мы каждый день проезжаем мимо людей. Они просто прячутся и ждут, пока мы проедем. Они нас боятся, но ее... я полагаю, они идут к ней. Только своим путем.

— Или к нему, — добавила Фрэнни.

Стью кивнул:

— Да, или к нему. Фрэн, почему ты не принимала веронал?

Она нервно вдохнула и подумала, а не сказать ли ему. Хотела сказать, но боялась реакции Стью на свое признание.

— Женщины непредсказуемы в своих поступках, — наконец ответила она.

— Да, — согласился он, — однако, возможно, есть способы выяснить, о чем они думают.

— И что это за... — начала говорить она, но он закрыл ей рот поцелуем.

Они лежали на траве в сумерках, почти перешедших в ночь. Пока они занимались любовью, пылающе-красный свет сменился более холодным пурпурным, и теперь Фрэнни могла видеть звезды, сверкающие среди последних облаков. Завтра, судя по всему, их ждала хорошая погода. При удаче они могли проехать большую часть Индианы.

Стью лениво прихлопнул комара, усевшегося ему на грудь. Его рубашка висела на ближайшем кусте. Фрэн свою не сняла, только расстегнула. Материя облегала ее груди, и она подумала: *Они стали больше, пока на чуть-чуть, но это заметно... во всяком случае, мне.*

— Я так долго тебя хотел. — Стью не смотрел на нее. — Думаю, ты это знаешь.

— Я пыталась избежать проблем с Гарольдом, — ответила Фрэнни. — И есть еще одна причина...

— Кем станет Гарольд, сказать трудно, но в нем есть задатки хорошего человека. Ему только надо перестать распускать слюни. Он тебе нравится, верно?

— Это неправильное слово. В английском языке нет слова, которым можно выразить мое отношение к Гарольду.

— А как насчет твоего отношения ко мне?

Она посмотрела на него и вдруг поняла, что не может сказать: «Я тебя люблю», — не может, хотя ей и хотелось.

— Нет, — продолжил Стью, словно она ему возразила. — Я просто хочу, чтобы все стояло на своих местах. Как я понимаю, пока тебе бы не хотелось, чтобы Гарольд знал об этом. Так?

— Да, — с благодарностью ответила Фрэн.

— Ну и хорошо. Если мы будем сидеть тихо, может, все и обойдется. Я видел, как он смотрел на Патти. Они одного возраста.

— Не знаю...

— Ты считаешь себя его должником, да?

— Пожалуй. В Оганквите мы остались вдвоем, и...

— Это везение, ничего больше, Фрэн. Ты не должна считать себя кому-то чем-то обязанной, если тебе в чем-то просто повезло.

— Наверное.

— Думаю, я тебя люблю. Мне нелегко такое говорить.

— Кажется, я тоже тебя люблю. Но есть еще кое-что...

— Я это знал.

— Ты спрашивал, почему я перестала принимать таблетки. — Она теребила рубашку, не решаясь посмотреть на него. Почувствовала, как пересохли губы. — Я думала, они могут навредить ребенку, — прошептала она наконец.

— Ре... — Стью замолчал. Потом схватил ее и заставил повернуться к нему. — Ты *беременна*?

Она кивнула.

— И ты никому не говорила?

— Нет.

— Гарольд... Гарольд знает?

— Никто, кроме тебя.

— Бога-душу-мать! — выдохнул Стью. Он вглядывался в ее лицо так пристально, что Фрэнни испугалась. Решила, что он сделает одно из двух: или тут же уйдет от нее (как, несомненно, поступил бы Джесс, узнав, что она беременна от другого), или об-

нимет и скажет, что волноваться не о чем, что он позаботится обо всем. Она не ожидала этого пристального, изучающего взгляда, и ей вспомнился вечер, когда она сказала отцу, что беременна. Он смотрел на нее точно так же. Теперь она жалела, что не рассказала Стью обо всем до того, как они занялись любовью. Может, тогда они вообще не стали бы заниматься любовью и у него хотя бы не появился повод думать, что ему подсунули... как там говорится? Подпорченный товар. А думал ли он об этом? Она не знала.

— Стью?.. — В ее голосе слышался испуг.

— Ты никому не говорила, — повторил он.

— Я не знала, как сказать. — На глазах у Фрэнни выступили слезы.

— Когда ты должна рожать?

— В январе. — Слезы полились.

Он обнял ее и без единого слова дал понять, что все будет хорошо. Не сказал, что волноваться не о чем и он обо всем позаботится, но вновь занялся с ней любовью, и Фрэнни подумала, что никогда еще не была так счастлива.

Ни один из них не увидел Гарольда, бесшумного и неприметного в ночи, как сам темный человек. Он стоял в кустах и наблюдал за ними. Ни один из них не знал, что его глаза превратились в узенькие злые щелки, когда Фрэн закричала от наслаждения, охваченная накатившим на нее оргазмом.

К тому времени, когда они закончили, наступила ночь.

Гарольд ушел без единого звука.

Из дневника Фрэн Голдсмит

1 августа 1990 г.

Вчера ничего не записывала. Была слишком счастлива. Испытывала ли я когда-нибудь такое счастье? Думаю, что нет. Мы со Стью вместе. Мы дважды занимались любовью.

Он согласился, что мне следует как можно дольше хранить в тайне моего Одинокого Рейнджера, если удастся, до того момента, как мы обоснуемся на новом месте. Если это будет Колорадо, я ничего не имею против. По моим нынешним ощущениям, я бы не возражала и против гор на Луне. Я похожа на потерявшую голову школьницу? Что ж... где еще женщине превратиться в потерявшую голову школьницу, как не в своем дневнике?

Должна добавить, прежде чем закрыть тему Одинокого Рейнджера. Это связано с моим «материнским инстинктом». Он существует? Я думаю, да. Вероятно, это что-то гормональное. В последние недели я была сама не своя, но очень трудно отделить перемены, вызванные беременностью, от перемен, вызванных ужасной бедой, обрушившейся на мир. Однако ЕСТЬ и некое чувство ревности (ревность — неправильное слово, но более точного я подобрать не могу), чувство, будто ты передвинулся ближе к центру Вселенной и должен защищать это место. Потому-то веронал и представляется большей опасностью, чем дурные сны, хотя рациональная часть моего мозга уверена в его безвредности для ребенка... во всяком случае, в таких маленьких дозах. И я предполагаю, что чувство ревности одновременно является частью моей любви к Стью Редману. Я чувствую, что люблю его, как и ем, за двоих.

С другой стороны, пора закругляться. Сон мне необходим, с кошмарами или без. Мы едем через Индиану не так быстро, как рассчитывали, — нас сильно задержала огромная пробка около Элкхарта. Там было много армейских машин. И мертвых солдат. Глен, Сюзан Штерн, Дейна и Стью вооружились до зубов: взяли два десятка винтовок, ручные гранаты и — да, дамы и господа, это правда — реактивный гранатомет. Пока я это пишу, Гарольд и Стью пытаются понять, как этот гранатомет работает. Потому что они заодно прихватили семнадцать или восемнадцать реактивных гранат. Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы они не взорвали себя.

Раз уж речь зашла о Гарольде, я должна сказать тебе, дорогой дневник, что он НИЧЕГО НЕ ПОДОЗРЕВАЕТ (звучит как фраза из старого фильма с Бетти Дэвис). Когда мы присоединимся к матушке Абагейл, полагаю, придется ему все рассказать, потому что прятаться и дальше будет неправильно.

Но сегодня он очень весел и всем доволен, таким я его еще не видела. Он так много улыбался, что я испугалась, а не треснет ли у него лицо. Сам вызвался помочь Стью с этим опасным гранатометом и...

Они возвращаются. Допишу позже.

Фрэнни спала крепко и без сновидений. Они все так спали, за исключением Гарольда Лаудера. Вскоре после полуночи он поднялся и неслышно подошел к тому месту, где лежала Фрэнни, постоял, глядя на нее сверху вниз. Без тени улыбки, хотя улыбался весь день. Иногда ему казалось, что от улыбки его лицо вот-вот

треснет и из щели выплеснутся бурлящие мозги. Может, это принесло бы облегчение.

Он стоял, глядя на нее, прислушиваясь к стрекоту ночных цикад. «Сейчас собачьи дни», — думал он. Согласно Вебстеру, период с двадцать пятого июля по двадцать восьмое августа. Называются так потому, что в эти дни чаще всего проявляется собачье бешенство. Он смотрел на Фрэн, которая сладко спала, подложив свитер под голову вместо подушки. Рюкзак лежал рядом.

Но каждой собаке иногда везет, Фрэн.

Гарольд присел, замер, когда хрустнули колени, но никто не шевельнулся. Он расстегнул пряжку клапана, откинул его, развязал веревку, сунул руку внутрь, направив луч фонарика-карандаша в глубины рюкзака. Фрэнни что-то пробормотала во сне, пошевелилась, и Гарольд затаил дыхание. Нашел то, что искал, на самом дне, под тремя чистыми блузками и потрепанным дорожным атласом. Блокнот на металлической спирали. Вытащил его, открыл на первой странице, осветил строки, написанные плотным, но легко читаемым почерком Фрэнни: *6 июля 1990 г. После коротких уговоров мистер Бейтман согласился поехать с нами...*

Гарольд захлопнул блокнот и пополз с ним к своему спальнику, вновь чувствуя себя маленьким мальчиком, каким был когда-то, маленьким мальчиком, который мог похвастаться лишь несколькими друзьями (примерно до трех лет он казался милым малышом и лишь потом превратился в толстого урода) и множеством врагов; мальчиком, с которым смирились родители (они все свое время уделяли Эми, начавшей долгий путь по хайвею «Мисс Америка/Атлантик-Сити»); мальчиком, который искал и находил спасение в книгах: это в реальной жизни его не брали играть в бейсбол и всегда старались назначить дежурным по школе, зато в книгах он становился Долговязым Джоном Сильвером, или Тарзаном, или Филипом Кентом... В этих людей он превращался поздно ночью под одеялом, с лучом фонаря, освещающим страницу; его глаза возбужденно сверкали, и он не замечал вони собственных газов. Этот самый мальчик теперь забрался в глубины спальника с дневником Фрэнни и фонариком.

И когда он направил луч на обложку блокнота, здравомыслие на какое-то мгновение вернулось к нему. Голос разума взывал: *Гарольд! Остановись!* — так громко, что он содрогнулся всем телом.

Почти остановился. В тот момент он еще *мог* остановиться, вернуть дневник туда, откуда взял, позволить им идти своим путем, прежде чем случится что-то ужасное и непоправимое. В тот миг он мог отодвинуть горькое зелье, выплеснуть на землю, наполнить чашу тем, что предназначалось ему в этом мире. *Не читай, Гарольд!* — молил голос здравомыслия, но, наверное, было уже слишком поздно.

В шестнадцать лет Гарольд отказался от Берроуза, и Стивенсона, и Роберта Говарда ради других фантазий, которые он одновременно любил и ненавидел: ракеты и пираты уступили место девушкам в шелковых прозрачных пижамах, которые опускались перед ним на колени, тогда как он, Гарольд Великий, обнаженным возлежал на троне, готовый наказать их: то ли выпороть кожаным кнутом, то ли высечь тонкой тростью с серебряной ручкой. Через эти фантазии прошли все самые симпатичные девушки старшей школы Оганквита. Эти грезы наяву всякий раз заканчивались жаром в его чреслах и выплеском спермы, что приносило больше душевных страданий, чем удовольствия. Потом он засыпал, и сперма коркой высыхала на его животе. На улице каждого бывает праздник.

И теперь они вернулись, эти горькие фантазии, давние обиды, которые он собирал вокруг себя, как пожелтевшие простыни, старые друзья, которые никогда не умирали, чьи зубы никогда не тупились, чье внимание никогда не рассеивалось.

Гарольд открыл первую страницу, направил луч и начал читать.

За час до рассвета Гарольд вернул дневник в рюкзак Фрэнни и застегнул клапан. Он больше не таился. «Если она проснется, — равнодушно думал Гарольд, — я убью ее и убегу». Куда? На запад. Но он не собирался останавливаться ни в Небраске, ни в Колорадо, ох нет.

Фрэнни не проснулась.

Гарольд вернулся к своему спальнику и с остервенением погонял шкурку. Сон пришел, но неглубокий. Ему снилось, что он умирает на крутом горном склоне среди голых скал и валунов. Высоко в небе, паря в восходящих ночных потоках теплого воздуха, кружили стервятники, дожидаясь, когда смогут поживиться его телом. Не было ни луны, ни звезд...

А потом в темноте раскрылся пугающий красный глаз: коварный, таинственный. Глаз ужасал Гарольда, но при этом не отпускал от себя.

Глаз звал.

Манил на запад, где уже теперь собирались тени в сумеречной пляске смерти.

В тот вечер, под лучами закатного солнца, они встали лагерем к западу от Джольета, штат Иллинойс. Пили пиво, болтали, смеялись. Все чувствовали, что дожди остались в Индиане. Ни от кого не укрылось, что Гарольд весел, как никогда.

— Знаешь, Гарольд, — сказала ему Фрэнни, когда народ начал расползаться от костра, — я впервые вижу тебя в таком хорошем настроении. В чем причина?

Он весело ей подмигнул.

— На улице каждого бывает праздник, Фрэн.

Она улыбнулась ему в некотором недоумении. Но решила, что Гарольд просто в своем репертуаре. Он вечно что-то недоговаривает. Да и какая разница? Главное — наконец-то все пошло на лад.

В ту ночь Гарольд начал вести свой дневник.

Глава 48

Спотыкаясь и покачиваясь, он преодолел длинный подъем; от солнечного жара кипел живот и плавились мозги. Автострада мерцала отраженным теплом. Когда-то он был Дональдом Мервином, теперь — отныне и навсегда — стал Мусорным Баком. И он видел знаменитый город, Семь-в-одном, Сиболу*.

Сколько он шел на запад? Когда расстался с Малышом? Господь, наверное, знал, а Мусорный Бак — нет. Многие дни. Ночи. Да, он помнил ночи!

---

* Сибола — сказочная страна с семью городами, богатая золотом, расположенная к северу от Мексики.

Покачиваясь, одетый в лохмотья, он стоял, глядя на Сиболу, город обетованный, город мечты. Запястье, которое он сломал, когда прыгнул через поручень лестницы, убегая от резервуара «Чири ойл», срослось неправильно и напоминало гротескный, обмотанный грязными бинтами ком. Все кости пальцев торчали вверх, превращая кисть в лапу Квазимодо. Левая рука, обожженная от плеча до локтя, медленно заживала. Она больше не воняла и не сочилась гноем, но новая кожа оставалась безволосой и розовой, как у дешевой куклы. Его улыбающееся, безумное лицо обгорело, кожа слезала клочьями, подбородок и щеки заросли щетиной; лицо усеивали царапины и порезы, появившиеся после того, как он перелетел через руль велосипеда, от которого отвалилось переднее колесо. Одет он был в выцветшую синюю рубашку «Джей-си пенни», на которой от подмышек расширялись круги пота, и грязные вельветовые брюки. Рюкзак, еще недавно новый, теперь очень напоминал владельца: одна лямка порвалась, и Мусорник, как мог, завязал ее узлом, отчего рюкзак на спине перекосило, будто ставню на окне дома с привидениями. Он запылился, складки ткани заполнил песок. Кеды, обмотанные веревкой, просили каши, над ними торчали голыс, не прикрытые носками лодыжки.

Мусорный Бак посмотрел на раскинувшийся вдалеке город. Вскинул лицо к бронзовому небу и солнцу, которое окутывало его печным жаром. Закричал. Этот дикий торжествующий вопль мало чем отличался от вопля Сюзан Штерн, который та издала, размозжив голову Кролика Роджера прикладом его же ружья.

Подволакивая ноги, он пустился в победный пляс на горячем, мерцающем асфальте автострады 15, а дующий из пустыни ветер тащил песок через проезжую часть, и на фоне яркого неба, как и миллионы лет назад, торчали зазубренные пики Паранагата и Полосатого хребта. На другой стороне автострады стояли практически занесенные песком «линкольн-континентал» и «ти-берд», их водители и пассажиры в кабинах с поднятыми стеклами превратились в мумии. Впереди лежал перевернутый пикап. Из песка торчали только колеса и пороги.

Мусорный Бак танцевал. Его ноги, обутые в разорванные, бесформенные кеды, поднимались и вновь опускались на асфальт в

неком подобии хорнпайпа*. Обтрепанный подол рубашки мотался из стороны в сторону, фляга постукивала о рюкзак. Развязанные концы бинта плясали в горячих дуновениях ветра. Розовая, гладкая кожа на месте ожога блестела. Вены змеились по вискам. Он уже неделю находился на Божьей сковородке, шагая на юго-запад. Миновал Юту, захватил кусочек Аризоны, после чего попал в Неваду, безумный, словно Шляпник.

Танцуя, он монотонно пел, повторяя снова и снова одни и те же слова, на мелодию, которая была популярна в то время, когда он находился в психиатрической лечебнице в Терре-Хоте. Песня называлась «По пути в ночной клуб», и исполняла ее негритянская группа «Тауэр оф пауэр». Но слова он придумал сам. Он пел:

— Си-а-бола, Си-а-бола, ба-бабах, ба-бабах, *бах*! Си-а-бола, Си-а-бола, ба-бабах, ба-бабах, *бах*!

За каждым последним «бах!» следовал прыжок. Однако в конце концов от жары перед глазами у него все поплыло, яркое небо посерело, словно спустились сумерки, и он упал на дорогу, наполовину потеряв сознание, его натруженное сердце безумно стучало по ребрам. Из последних сил, что-то лепеча и улыбаясь, он дополз до перевернутого пикапа и улегся на уменьшающемся островке тени, дрожа от жары и хватая ртом воздух.

— Сибола! — прохрипел он. — Бабах-бабах-*бах*!

Рукой, больше похожей на лапу, он сдернул с плеча фляжку, потряс. Фляжка почти опустела. Это не имело значения. Он мог выпить все, до последней капли, полежать в тени перевернутого пикапа, пока не сядет солнце, а потом пойти вниз по шоссе в Сиболу, сказочный город, Семь-в-одном. Вечером он будет пить из вечно бьющих фонтанов, выложенных золотом. Но только после того, как зайдет убийственное солнце. Бог — величайший поджигатель из всех. Давным-давно мальчик по имени Дональд Мервин Элберт сжег пенсионный чек старушки Семпл. Тот же мальчик сжег Методистскую церковь в Паутенвилле, и если в этом теле что-то и оставалось от Дональда Мервина Элберта, то остатки сгорели вместе с нефтяными резервуарами в Гэри, штат Индиана. Числом более девяноста, и все они вспыхнули, точно гирлянда шутих. Как раз к Четвертому июля. Красиво. Однако лицезреть

* Хорнпайп — английский, валлийский и шотландский народный танец, появился ок. 1760 г.

этот большой пожар довелось только Мусорному Баку, с сильно обгоревшей левой рукой, с огнем в теле, который не мог потухнуть... во всяком случае, до тех пор, пока само тело не превратится в почерневшую головешку.

Но уже сегодня он будет пить воду Сиболы, вкусом неотличимую от вина.

Мусорный Бак поднял фляжку, и по горлу в желудок потекла вода, теплая, как моча. Выпив все, он отбросил фляжку в пустыню. Пот выступил у него на лбу, как роса. Он лежал, сотрясаясь от судорог, вызванных водой.

— Сибола! — пробормотал он. — Сибола! Я иду! Я иду! Я сделаю все, что ты захочешь! Я готов отдать за тебя жизнь! Бабах-бабах-*бах*!

Он чуть утолил жажду, и его начало клонить в сон. Он уже почти заснул, когда жуткая мысль заставила его содрогнуться, словно он получил удар стилетом: *А если Сибола — мираж?*

— Нет, — пробормотал он. — Нет, не-ет, нет.

Но простое отрицание не вышибло эту мысль из головы. Лезвие кололо и крутилось, держа сон на расстоянии вытянутой руки. Вдруг он выпил последнюю воду, празднуя появление миража? По-своему он признавал, что безумен, а ведь именно так и поступали безумцы, верно? Если это был мираж, ему предстояло умереть в пустыне, и стервятники закусят его телом.

Наконец, более не в силах выносить эту ужасную мысль, он с трудом поднялся на ноги и поплелся обратно на дорогу, борясь с головокружением и тошнотой, которые хотели уложить его на землю. С гребня холма озабоченно уставился на длинную плоскую долину внизу, кое-где поросшую юккой, и перекати-полем, и шалфеем. Воздух застрял у него в горле, а потом вышел со вздохом, словно лоскут материи, повисший на копье.

Он ее видел!

Сиболу, сказочную и древнюю, искомую многими, найденную Мусорным Баком.

Далеко внизу в пустыне, окруженная синими горами, сама синяя в призрачном мареве, с башнями и улицами, сверкающими под ярким солнцем пустыни. Там росли пальмы... он видел пальмы... и движение... и *воду*!

— Ох, Сибола... — промурлыкал он и поплелся обратно к тени, отбрасываемой пикапом. Город находился дальше, чем казалось

с вершины холма, он это знал. Вечером, после того как факел Господний покинет небо, он пойдет дальше, как не ходил никогда. Доберется до Сиболы и прежде всего нырнет в фонтан, который первым попадется ему на пути. Потом найдет *его*, человека, призвавшего Мусорного Бака сюда. Человека, который указывал ему путь через равнины и горы, который наконец привел его в пустыню, и все за какой-то месяц, несмотря на страшно обожженную руку.

Он, который Сущий. Темный человек, крутой парень. Он ждал Мусорного Бака в Сиболе, и ему подчинялись армии ночи, ему подчинялись бледнолицые всадники смерти, которым предстояло идти с запада навстречу солнцу. Они пойдут, ревя и улыбаясь, воняя потом и порохом. Будут крики, но крики никогда не волновали Мусорного Бака, будут изнасилования и порабощение, и это волновало его еще меньше, будут убийства, что его совершенно не касалось...

...и будет Великий Пожар.

Вот это его очень даже касалось. В его снах темный человек приходил к нему и раскидывал руки, стоя где-то высоко-высоко, и показывал Мусорному Баку объятую огнем страну. Города взрывались, как бомбы. Ухоженные поля пылали. Реки в Чикаго, и Питсбурге, и Детройте, и Бирмингеме покрывал слой горящей нефти. И темный человек в этих снах говорил ему две короткие фразы, которые и заставляли его идти: «Я поставлю тебя над моей артиллерией. Ты — тот, кто мне нужен».

Он перекатился на бок, щеки и веки натирал и раздражал песок, принесенный ветром. Он терял надежду — да, с того мгновения, когда переднее колесо отвалилось от его велосипеда, он терял надежду. Бог — Бог шерифов-отцеубийц, Бог карли ейтсов — был все-таки сильнее темного человека. Но Мусорный Бак продолжал верить и шел к цели. И наконец, когда, казалось, он сгорит в этой пустыне, даже не добравшись до Сиболы, где его ждал темный человек, он увидел ее далеко внизу, дремлющую под солнцем.

— Сибола! — прошептал Мусорный Бак и заснул.

Первый сон он увидел в Гэри, больше месяца назад, после того как обжег руку. Он уснул тем вечером в полной уверенности, что умрет. Никто не мог выжить после такого ожога. В его голове бились слова: *Живи факелом, умри факелом, живи им, умри им.*

Ноги отказали в небольшом городском парке, и он упал. Левая рука откинулась в сторону, словно и не принадлежала ему, рукав еще дымился. Дикая, невероятная боль убивала его. Он и представить себе не мог, что боль может быть такой сильной. Он радостно перебегал от одной группы нефтяных резервуаров к другой, устанавливая самодельные зажигалки-таймеры, состоявшие из стальной трубки и легковоспламеняющейся парафиновой смеси, отделенной стальной перегородкой от лужицы кислоты. Ставил эти устройства в дренажные трубы на крышах резервуаров. Идея состояла в следующем: кислота прожигает перегородку, парафин загорается, резервуар взрывается. Но еще до первого взрыва он планировал перебраться в западную часть Гэри, где многочисленные транспортные развязки выводили на шоссе, уходящие к Чикаго и Милуоки. Хотел наблюдать это зрелище со стороны, насладиться видом города, пожираемого огненным штормом.

Однако с последним таймером он то ли ошибся в расчетах, то ли что-то напутал в конструкции. Таймер загорелся, когда Мусорный Бак снимал крышку с дренажной трубы на крыше резервуара. Ослепительно белой вспышкой горящий парафин вырвался из трубки, окутав его левую руку огнем. Будь этот огненный рукав из более легкой жидкости, он бы легко стряхнул его. Но парафин облепил руку, она словно попала в жерло вулкана.

Крича, он принялся бегать по крыше резервуара, отталкиваясь от ограждения, как человеческий шарик для пинбола. Если бы не ограждение, свалился бы вниз, падал бы и падал, переворачиваясь, будто факел, брошенный в колодец. Только случай спас ему жизнь. Ноги его заплелись, и он упал на левую руку. Тело затушило пламя.

Он сел, ослепленный безумной болью. Потом Мусорный Бак думал, что только слепая удача — или воля темного человека — уберегла его: он же мог сгореть заживо. Большая часть парафиновой струи пролетела мимо. Поэтому он ощущал благодарность, но только ощущение это пришло позже. В тот момент он мог только кричать и раскачиваться взад-вперед, отведя обожженную руку подальше от тела, а кожа на ней дымилась, и хрустела, и сворачивалась.

Когда небо уже начало темнеть, он смутно припомнил, что установил с десяток зажигалок-таймеров. Они могли вспыхнуть в

любой момент. Он считал смерть желанным избавлением от безумной боли — однако смерть в языках пламени вызывала ужас.

Каким-то образом он спустился с резервуара и поплелся прочь, протискиваясь между застывшими автомобилями, по-прежнему держа поджаренную руку подальше от тела.

К тому времени, когда Мусорный Бак добрался до маленького парка в центре города, солнце уже закатывалось за горизонт. Он сел на траву рядом с двумя площадками для шаффлборда*, пытаясь вспомнить, что делать с ожогом. «Смазать маслом» — вот что сказала бы мать Дональда Мервина Элберта. Но она могла говорить совсем о другом ожоге, скажем, паром или капелькой жира, брызнувшего со сковородки, на которой жарился бекон. Он представить себе не мог, как смазывать маслом потрескавшееся и почерневшее месиво между локтем и плечом. Не мог представить себе, как до него дотронуться.

Покончи с собой. Да, пожалуй, это выход. Он мог прекратить страдания, как старый пес...

Внезапно гигантский взрыв раздался в восточной части города, словно материю реальности рывком разорвали надвое. Жидкая колонна огня выстрелила в темно-синее небо. Ему пришлось сощуриться, чтобы смотреть на нее сквозь слезы.

Несмотря на боль, огонь радовал его... более того, приносил наслаждение, вызывал восторг. Огонь был лучшим лекарством, по эффективности превосходившим морфин, который он нашел на следующий день (как доверенное лицо администрации, в тюрьме он работал не только в библиотеке и гараже, но и в лазарете, поэтому знал, для чего нужны морфин, элавил и дарвон). Он не связывал свою нынешнюю агонию с этой огненной колонной. Он только знал, что огонь — это хорошо, огонь — это прекрасно, что огонь ему нужен теперь и будет нужен всегда. Чудесный огонь.

Мгновением позже взорвался второй нефтяной резервуар, и даже здесь, в трех милях от места взрыва, он ощутил теплую воздушную волну. Еще один взрыв, еще. Короткая пауза — и шесть взрывов, один за другим. Теперь пламя стало слишком ярким, чтобы смотреть на него, но он все равно смотрел, забыв про обожженную руку, забыв про мысли о самоубийстве.

---

*Шаффлборд — игра на размеченном корте с использованием клюшек и шайб.

Прошло больше двух часов, прежде чем взорвался последний нефтяной резервуар, но и тогда наступившая темнота не стала темной, от языков пламени ночь окрасилась в желтый и оранжевый цвета. Пылал весь восточный горизонт. Зрелище это напомнило ему картинку из книжки комиксов, которая была у него в детстве, «Войны миров» Герберта Уэллса. Теперь, по прошествии многих лет, мальчик, которому принадлежала та книжка, ушел, но его место занял Мусорный Бак, владевший удивительным, ужасным секретом луча смерти марсиан.

Пришло время покинуть парк. Температура воздуха уже поднялась на десять градусов. Мусорный Бак понимал, что должен идти на запад, оставляя огонь позади, как он сделал в Паутенвилле, убегая от расширяющейся арки уничтожения. Да только бежать он не мог. Поэтому заснул на траве, а сполохи огня гуляли по его лицу — лицу утомленного, измученного плохим обращением ребенка.

Во сне к нему пришел темный человек в плаще с капюшоном, с невидимым лицом... однако Мусорный Бак подумал, что встречал его прежде. Когда завсегдатаи магазина-кондитерской и пивного бара в Паутенвилле освистывали его, вроде бы этот человек стоял среди них, молчаливый и задумчивый. И когда он работал на автомойке «Протрем и полирнем» (помыть фары, помыть пороги, поднять дворники, эй, мистер, полировать будем или как?), не снимая перчатку-губку с правой руки, пока рука эта не становилась похожей на мертвую рыбу, а ногти — белыми, как кость, вроде бы он видел лицо этого человека, яростное и пылающее безумной радостью, под рвущейся пленкой воды, стекающей по лобовому стеклу. Когда шериф отправил его в дурдом Терре-Хота, это он стоял над его головой в комнате, где лечили электрошоком, это его рука лежала на рубильнике (*Я собираюсь прожарить тебе мозги, парень, помочь тебе на пути превращения Дональда Мервина Элберта в Мусорника, полировать будем или как?*), готовая послать тысячевольтовый разряд в мозг. Он знал этого темного человека, будьте уверены: и лицо, которое никогда не мог как следует разглядеть, и руки, сдававшие пики из колоды мертвеца, и глаза цвета пламени, и улыбку мирового могильщика.

«Я сделаю все, что захочешь, — благодарно говорил он во сне. — Я готов отдать за тебя жизнь!»

Темный человек поднимал руки, упрятанные в плаще, превращая плащ в черного воздушного змея. Они стояли на каком-то высоком месте, а под ними пылала Америка.

Я высоко вознесу тебя. Ты — тот, кто мне нужен.

Потом он увидел армию из десяти тысяч мужчин и женщин — разношерстного сброда, — едущих на восток, через пустыню и горы, армию-чудовище, чье время наконец-то пришло. Они ехали на грузовиках, и джипах, и фургонах, и в кемперах, и на танках. У каждого — у мужчин и у женщин — на шее висел черный камень, а в некоторых камнях что-то краснело, то ли Глаз, то ли Ключ. И среди них, на крыше гигантской цистерны, он увидел себя, и он знал, что цистерна наполнена напалмом... а позади него колонной катили грузовики, нагруженные бомбами, и противотанковыми минами, и пластиковой взрывчаткой; огнеметами, и осветительными ракетами, и самонаводящимися снарядами; гранатами, и автоматами, и реактивными гранатометами. До начала танца смерти оставалось совсем немного, и уже дымились струны скрипок и гитар, и запах серы и пороха наполнял воздух.

Темный человек вновь поднял руки, а когда опустил, все вокруг стало холодным и бесшумным, огни погасли, даже от головешек больше не шло тепло, и Мусорный Бак на мгновение вновь превратился в Дональда Мервина Элберта, маленького, испуганного, ничего не понимающего. Только на это мгновение он заподозрил, что является всего лишь еще одной пешкой в огромной шахматной партии темного человека, что его обманули.

Потом он увидел, что лицо темного человека скрыто уже не полностью: два темно-красных угля горели в тех пещерах, где полагалось находиться глазам, и подсвечивали нос, тонкий, как лезвие ножа.

«Я сделаю все, что ты захочешь, — с благодарностью говорил Мусорник во сне. — Я готов отдать за тебя жизнь! Моя душа принадлежит тебе!»

«Ты будешь поджигать для меня, — торжественно ответил ему темный человек. — Ты должен прийти в мой город, и там все прояснится».

«Где он? Где?» — Мусорный Бак изнемогал от надежды и ожидания.

«На западе. — Темный человек таял в воздухе. — На западе. За горами».

Тут он проснулся посреди яркой ночи. Огонь приближался. Жара нарастала. Дома взрывались. Звезды исчезли, отрезанные толстым слоем черного нефтяного дыма. С неба начала падать сажа. Площадки для шаффлборда запорошил черный снег.

Теперь, когда у него появилась цель, он мог идти. Мусорный Бак захромал на запад. Время от времени он видел других людей, покидавших Гэри, оглядывавшихся на пожарище. «Дураки, — думал Мусорник чуть ли не с любовью. — Вы сгорите. Со временем вы все сгорите». Они не обращали на него внимания. Для них Мусорный Бак был еще одним выжившим. Они исчезали в дыму, и где-то после рассвета Мусорный Бак, по-прежнему хромая, перешел границу штата Иллинойс. Чикаго лежал к северу от него, Джольет — на юго-западе, а пожар превратился в пятнающий небо дым на горизонте. Наступило второе июля.

Он забыл, что грезил сожжением Чикаго, забыл, что хотел спалить нефтяные резервуары, цистерны со сжиженным газом, сухие, как порох, дома. «Город ветров» его больше не интересовал. В тот же день он вломился в кабинет врача в Чикаго-Хайтс и украл коробку со шприцами, заполненными морфином. Морфин лишь немного снял боль, но куда более важным оказался его побочный эффект: она теперь почти не волновала Мусорника.

В аптеке он взял огромную банку вазелина и нанес на обожженную руку толстый слой. Его замучила жажда. Казалось, ему все время хочется пить. Мысли о темном человеке жужжали в голове, как мясные мухи. Когда в сумерках Мусорный Бак свалился на землю, он уже начал осознавать, что город, в который направляет его темный человек, и есть Сибола, Семь-в-одном, город обетованный.

В ту ночь темный человек вновь пришел к нему во снах и с сардоническим смехом подтвердил, что так оно и есть.

Мусорный Бак проснулся от этих спутавшихся снов-воспоминаний, дрожа от пронизывающего холода. В пустыне по-другому не бывало: или лед, или пламень; никаких переходных состояний.

Он со стоном поднялся, пытаясь подавить дрожь. Над головой сверкал триллион звезд, так близко, что, казалось, можно дотянуться до них рукой. Они заливали пустыню холодным колдовским светом.

Он вышел на дорогу, морщась от боли, которую доставляла обожженная кожа, и от других многочисленных болей. На мгновение замер, чтобы посмотреть на город, застывший в ночи (кое-где в нем сверкали островки света, словно электрические костры). Потом зашагал.

Когда многие часы спустя заря начала окрашивать небо, Сибола казалась такой же далекой, как и с гребня холма. А он по глупости выпил всю воду, забыв про оптическое увеличение, свойственное этим краям. Он понимал, что из-за обезвоживания не сможет долго идти после восхода солнца. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как найти убежище, прежде чем жар обрушится на него всей своей мощью.

Через час после рассвета он набрел на «мерседес-бенц» на обочине. Правый борт автомобиля песком замело до самых стекол. Он открыл одну из левых дверей и вышвырнул из салона два сморщенных, обезьяноподобных трупа — старухи с позвякивающей бижутерией и старика с роскошной гривой седых волос. Что-то бормоча себе под нос, Мусорник вытащил ключи из замка зажигания, обошел автомобиль, открыл багажник. Чемоданы были открыты. Он занавесил различной одеждой окна «мерседеса», придавив ткань камнями. Приготовил себе сумрачную, прохладную пещеру.

Залез в нее и заснул. К западу от него, отделенный многими милями, Лас-Вегас сверкал в лучах летнего солнца.

Он не умел водить автомобиль, в тюрьме его этому не научили, но мог ездить на велосипеде. Четвертого июля, в тот день, когда Ларри Андервуд обнаружил, что Рита Блейкмур умерла во сне, приняв слишком много таблеток, Мусорный Бак нашел десятискоростной велосипед и поехал на нем. Поначалу медленно, потому что от левой руки пользы не было никакой. В первый день он дважды свалился с велосипеда, один раз аккурат на ожог, причинив себе жуткую боль. К тому времени гной просачивался сквозь вазелин, и вонь стояла ужасная. Иногда Мусорный Бак задумывался о гангрене, но не позволял этим мыслям надолго задерживаться в голове. Он начал смешивать вазелин с антисептической мазью, не зная, поможет ли это, но чувствуя, что хуже уже не будет. Получалась вязкая субстанция молочного цвета, напоминавшая сперму.

Мало-помалу он приноровился ехать, держась за руль только одной рукой, и обнаружил, что достаточно быстро продвигается к цели. Холмы уступили место гладкой, как стол, равнине, и велосипед развивал немалую скорость. Он крутил и крутил педали, несмотря на ожог и легкое головокружение, вызванное морфином. Выпивал галлоны воды и много ел. Размышлял над словами темного человека: *Я высоко вознесу тебя. Ты — тот, кто мне нужен.* Как радовали его эти слова: кому он был нужен до этого? Они снова и снова звучали в его голове, когда он крутил педали под горячим солнцем Среднего Запада. В какой-то момент он начал напевать себе под нос мелодию песни «По дороге в ночной клуб». Потом придумал слова («Си-а-бола, Си-а-бола, ба-бабах, ба-бабах, бах!»). Тогда он еще не был таким безумным, но дело к этому шло.

Восьмого июля, когда Ник Эндрос и Том Каллен увидели пасущихся бизонов в округе Команчи, штат Канзас, Мусорный Бак пересек Миссисипи в Куод-Ситиз — Давенпорте, Рок-Айленде, Беттендорфе и Молине — и въехал в Айову.

Четырнадцатого июля, когда Ларри Андервуд проснулся около большого белого дома в восточной части Нью-Хэмпшира, Мусорник пересек Миссури к северу от Каунсел-Блаффс и въехал в Небраску. Пусть и немного, но он уже мог пользоваться левой рукой, накачал мышцы ног и прибавлял скорость, потому что чувствовал, что должен спешить, очень спешить.

Именно к западу от Миссури Мусорник впервые заподозрил, что Бог хочет встать между ним и его целью. Что-то было не так с Небраской, очень даже не так. Что-то вызывало у него страх. Выглядела Небраска, как Айова... но была другой. Раньше темный человек приходил к нему во снах каждую ночь, однако стоило Мусорнику попасть в Небраску, как он исчез.

Зато ему начала сниться старая женщина. В этих снах он лежал на животе посреди кукурузного поля, буквально парализованный ненавистью и страхом. Было ясное утро. Он слышал, как каркают многочисленные вороны. Перед ним стояла стена широких кукурузных листьев, похожих на наконечники копий. Не желая этого, но не в силах остановить движения рук, он раздвигал листья и всматривался в зазор между ними. Видел старый дом на поляне. Дом стоял то ли на бетонных блоках, то ли на домкратах, то ли еще на чем-то. Рядом росла яблоня, к одной ветке крепи-

лись качели из автомобильной покрышки. На крыльце сидела чернокожая старуха, играла на гитаре и пела какую-то старую церковную песню. Песни менялись от сна ко сну, но Мусорный Бак знал их все, потому что когда-то жил в одном доме с женщиной, матерью мальчика, которого звали Дональд Мервин Элберт, и эта женщина пела те же песни, пока прибиралась по дому или хлопотала на кухне.

Эти сны были кошмарными, и не только потому, что в конце каждого случалось нечто невероятно ужасное. Поначалу создавалось ощущение, что в этих снах нет ничего пугающего. Кукуруза? Синее небо? Старуха? Качели? Что тут страшного? Старухи не бросаются камнями и не насмехаются, особенно старухи, которые поют прославляющие Иисуса песни вроде «В это великое утро» или «До встречи, мой Владыка, до встречи». Камнями бросались карли йитсы этого мира.

Но задолго до того, как сон заканчивался, страх парализовал Мусорного Бака, будто перед собой он видел не старуху, а какой-то тайный, едва скрываемый свет, который в любое мгновение мог вспыхнуть вокруг нее, окружив сиянием. В сравнении с этим светом пылающие нефтяные резервуары Гэри выглядели свечами на ветру, свет был бы столь ярким, что сразу выжег бы ему глаза. Именно в этой части сна Мусорный Бак думал: *Пожалуйста, уведи меня от нее, я не хочу оставаться рядом с ней, пожалуйста, ну пожалуйста, выведи меня из Небраски.*

Потом песня, которую она пела, резко обрывалась на полуноте. Она смотрела на то место, откуда он подсматривал за ней через крохотную щель в ширме из листьев. Ее лицо покрывали морщины, сквозь поредевшие волосы просвечивал коричневый череп, но глаза сверкали, как бриллианты, наполненные светом, которого он боялся.

Старым, надтреснутым, но сильным голосом она выкрикивала: *Ласки в кукурузе!* — и он чувствовал происходящие с ним изменения, а посмотрев вниз, видел, что превратился в ласку, коричнево-черного крадущегося зверька, покрытого шерстью, с длинным и острым носом, с черными глазами-бусинками, с лапами, заканчивающимися коготками. Он стал лаской, трусливым ночным зверьком, охотящимся на слабых и малых.

Тут он начинал кричать и, вероятно, просыпался от собственного крика, весь в поту и с выпученными глазами. Руки тут же

принимались ощупывать тело, чтобы проверить, все ли человеческие части на месте. В конце этого панического осмотра он хватался за голову, чтобы убедиться, что она по-прежнему *человеческая*, а не длинная, и гладкая, и обтекаемая, покрытая шерстью и по форме напоминающая пулю.

Четыреста миль по Небраске он проехал за три дня, подгоняемый ужасом, который не отпускал его ни на минуту. Границу с Колорадо пересек неподалеку от Джулсберга, и страшный сон начал таять, тускнеть.

(Что же касается матушки Абагейл, то она проснулась ночью пятнадцатого июля — вскоре после того как Мусорный Бак проехал чуть севернее Хемингфорд-Хоума — от жуткого холода и смешанного чувства жалости и страха. Кого или что она жалела, так и осталось для нее тайной. Она подумала, что ей, возможно, приснился правнук Эндерс, который в шесть лет погиб на охоте в результате несчастного случая.)

Восемнадцатого июля к юго-западу от Стерлинга, штат Колорадо, не доезжая до Браша, Мусорный Бак встретил Малыша.

Мусорник проснулся, когда начали опускаться сумерки. Несмотря на одежду, которой он занавесил стекла, в «мерседесе» царила жара. Горло напоминало пересохший колодец, стенки которого ошкурили наждачной бумагой. В висках пульсировала боль. Он высунул язык и коснулся его пальцем. На ощупь язык не отличался от высохшей ветки. Садясь, он положил руку на рулевое колесо «мерседеса» — и отдернул ладонь, зашипев от боли, так оно раскалилось. Прежде чем повернуть ручку двери, пришлось обернуть ее подолом рубашки. Он подумал, что сможет выйти из кабины, но переоценил свои силы и недооценил обезвоживание, которое к тому августовскому вечеру зашло слишком, слишком далеко. Ноги его подогнулись, и он упал на дорогу, тоже горячую. Постанывая, добрался до тени «мерседеса», напоминая хромого ворона. Сел, свесив голову и руки между согнутых колен, дыхание с хрипами вырывалось из его груди. Он тупо смотрел на два трупа, которые выкинул из «мерседеса». На женщину с браслетами на иссохших руках, на мужчину с гривой седых волос над мумифицированным обезьяньим лицом.

Мусорный Бак понимал, что должен попасть в Сиболу до восхода солнца. Иначе он умрет... почти добравшись до цели! Конеч-

но же, темный человек не мог быть таким жестоким... конечно же, не мог!

— Я готов отдать за тебя жизнь, — прошептал Мусорный Бак. Когда солнце зашло за зубчатую линию гор, он поднялся на ноги и зашагал к башням, минаретам и улицам Сиболы, где вновь начали вспыхивать островки света.

Дневная жара сменилась холодом ночной пустыни, и он обнаружил, что может идти быстрее. Его расползшиеся, перевязанные веревкой кеды шлепали по асфальту автострады 15. Он упорно брел вперед, наклоненная голова напоминала цветок засыхающего подсолнечника, и не увидел зеленый светоотражающий указатель «ЛАС-ВЕГАС 30», мимо которого прошел.

Он думал о Малыше. По-хорошему, Малыш сейчас вполне мог быть с ним. Они могли ехать в Сиболу на его «дьюсе»-купе, и треск выхлопа разносился бы по пустыне. Но Малыш показал себя недостойным такой чести, и Мусорника отправили в пустыню в одиночку.

Его ноги отрывались от асфальта и опускались на него.

— Си-а-бола! — хрипел он. — Ба-бабах, ба-бабах, *бах*!

Около полуночи он упал на обочину и забылся тревожным сном. Расстояние до города заметно сократилось.

Он мог до него дойти.

Не сомневался, что дойдет.

Он услышал Малыша задолго до того, как увидел. Разрывая тишину дня, с востока по шоссе 34, по стороны города Юмы, штат Колорадо, на него накатывал нарастающий трескучий рев двигателя без глушителя. Поначалу он хотел спрятаться, как прятался от нескольких выживших, которых видел после ухода из Гэри. Но на этот раз что-то заставило его остаться. Он съехал на обочину и застыл, поставив ноги на землю. Оглянулся, ожидая появления источника этого шума.

Рев усиливался, солнце уже отражалось от хрома и от

(ОГНЯ?)

чего-то яркого и оранжевого.

Водитель увидел его. Сбросил скорость в пулеметной очереди обратных вспышек. Резина «Гудиер» оставила на асфальте горячие черные полосы. Потом рядом с ним остановился автомобиль, двигатель которого на холостых оборотах не урчал, а хрипел, как

смертельно опасный дикий зверь, который, возможно, не поддавался приручению, и водитель уже вылезал из кабины. Но поначалу Мусорный Бак не мог оторвать глаз от автомобиля. Он разбирался в автомобилях, любил автомобили, пусть и не получил даже ученические водительские права. Он видел перед собой красотку, над которой кто-то работал долгие годы, вложив тысячи долларов, из тех, что можно встретить только на шоу необычных автомобилей, результат любви и тяжелого труда.

Это был «дьюс»-купе, «форд» тысяча девятьсот тридцать второго года, но владелец не ограничился тем, чтобы с доскональной точностью восстановить его в первозданном виде. Он пошел дальше, превратив этот старинный автомобиль в пародию на все американские автомобили: сверкающее научно-фантастическое средство передвижения с нарисованными языками пламени, вырывающимися из выхлопных труб. В желтую краску кузова что-то добавили для блеска. Хромированные отводные трубы, протянувшиеся вдоль бортов, яростно отражали солнце. Лобовое стекло было выпуклым и многослойным. На задних колесах стояли здоровенные шины «Гудиер уайд овал»; чтобы их разместить, пришлось подрезать крылья. На капоте странным агрегатом красовался нагнетатель. Из крыши выпирал стальной аэродинамический рассекатель «акулий плавник», черный, с красными блестками, напоминающими угольки. Оба борта украшало слово «МАЛЫШ», написанное заваливающимися назад, чтобы показать скорость, буквами.

— Эй, ты, та-акой высокий и ужа-асный, — сказал водитель, растягивая слова, и Мусорник оторвал взгляд от нарисованных языков пламени, чтобы посмотреть на владельца этой бомбы на колесах.

Рост его не превышал пяти футов трех дюймов. Еще три дюйма добавляли волосы, поднятые наверх, завитые, напомаженные и щедро смазанные бриолином. Завитки собрались поверх воротника, напоминая не просто «утиный хвост»*, но аватар всех «утиных хвостов», какие когда-либо носили панки и бандиты этого мира. На нем были черные сапоги с заостренными носами и эластичными врезками по бокам. Наборные каблуки увеличи-

* Имеется в виду прическа с сильно набриолиненными волосами, взбитыми на макушке, а по бокам гладко сведенными к затылку в «утиный хвост».

вали рост Малыша еще на три дюйма, и в сумме получались вполне пристойные пять футов девять дюймов. Вылинявшие джинсы в заклепках столь туго обтягивали ноги, что не составляло труда прочитать год чеканки лежавших в карманах монет. Маленькие, аккуратные ягодицы превратились в синие скульптуры, а промежность выглядела так, будто в джинсы засунули замшевый мешочек с мячами для гольфа. Приталенную рубашку из темно-красного шелка, отороченную желтой тесьмой, украшали пуговицы из искусственного сапфира. Запонки вроде бы были из полированной кости, и позднее Мусорник узнал, что они действительно костяные. Малыш возил с собой два комплекта: один — из человеческих коренных зубов, второй — из резцов добермана-пинчера. Поверх этой удивительной рубашки, несмотря на жаркий день, он надел кожаную мотоциклетную куртку с орлом на спине. Тут и там ее рассекали молнии, блестевшие, как бриллианты. С «погон» и ремня свешивались три заячьих лапки. Одна белая, вторая коричневая, третья — ярко-зеленая, цвета Дня святого Патрика. Эта куртка, еще более удивительная, чем рубашка, поблескивала маслом и самодовольно поскрипывала при каждом движении. Над орлом белело вышитое шелковой нитью слово «МАЛЫШ». А между горой блестящих волос и поднятым воротником блестящей мотоциклетной куртки располагалось лицо, миниатюрное и бледное, кукольное личико с тяжелыми, но безупречно вылепленными надутыми губами, ничего не выражающими серыми глазами, широким лбом без единой морщинки и пухлыми щечками. Уменьшенная копия Элвиса.

Два ремня-патронташа опоясывали плоский живот, на каждом на уровне бедра висело по кобуре с торчащей из нее рукояткой огромного револьвера сорок пятого калибра.

— Эй, парень, что скажешь? — добавил Малыш.

— Мне нравится ваша машина, — только и смог ответить Мусорный Бак.

С ответом он угадал. Возможно, дал единственный правильный ответ. Пятью минутами позже Мусорник сидел на пассажирском сиденье, а «дьюс»-купе набирал привычную крейсерскую скорость Малыша, примерно девяносто пять миль в час. Велосипед, на котором Мусорник приехал из восточного Иллинойса, превращался в точку на дороге.

Мусорный Бак робко предположил, что на такой скорости Малыш не сможет вовремя заметить препятствие на дороге (вообще-то они уже встречали препятствия, но Малыш, не снижая скорости, огибал их под протестующий визг «Уайд овалс»).

— Эй, парень, — ответил ему Малыш, — у меня рефлексы. Я проверял. Три пятых секунды. Ты веришь?

— Да, сэр, — выдохнул Мусорник. Он чувствовал себя человеком, который только что палкой расшевелил змеиное гнездо.

— Ты мне нравишься, парень. — Малыш все так же странно растягивал слова. Его кукольные глаза смотрели на мерцающую дорогу поверх оранжевого флуоресцирующего руля. Большая игральная пенопластовая кость с черепами вместо точек свешивалась с зеркала заднего обзора. — Возьми пиво на заднем сиденье.

Там лежали банки пива «Куэрс». Само собой, теплого. Мусорный Бак терпеть не мог пиво, но быстро осушил банку и сказал, что оно очень хорошее.

— Эй, парень, — ответил Малыш, — только «Куэрс» и есть настоящее пиво. Я бы ссал «Куэрсом», если бы мог. Ты веришь в эту брень-хрень?

Мусорник ответил, что верит.

— Меня зовут Малыш. Из Шривпорта, Луизиана, Этот монстр брал призы всех южных автошоу. Ты веришь в эту брень-хрень?

Мусорный Бак ответил, что верит, и взял еще одну банку пива. Он полагал, что в сложившихся обстоятельствах это очень даже правильно.

— Как зовут тебя, парень?.

— Мусорный Бак.

— *Как?* — На один ужасный момент ничего не выражающие кукольные глаза сместились на лицо Мусорного Бака. — Ты смеешься надо мной, парень? Никто не смеется над Малышом. И тебе лучше поверить в эту брень-хрень.

— Я верю, — торопливо воскликнул Мусорный Бак, — но именно так меня зовут, потому что раньше я поджигал мусорные баки других людей, и почтовые ящики, и все такое! Я сжег пенсионный чек старухи Семпл. За это меня отправили в исправительную школу. Я также сжег Методистскую церковь в Паутенвилле, в Индиане.

— *Неужели?* — радостно воскликнул Малыш. — Па-арень, да ты безумен, как сортирная крыса. Это нормально. Я люблю безумных. Сам такой. На всю мою гребаную головку. Мусорный Бак, да? Мне это нравится. Хороша пара. Гребаный Малыш и гребаный Мусорный Бак. Руку, Мусорник!

Он протянул ладонь, и Мусорник как мог быстро ее пожал, чтобы Малыш поскорее обеими руками взялся за руль. Они обогнули поворот и увидели полуприцеп «Бекинс», перекрывший почти всю автостраду. Мусорный Бак закрыл лицо руками, ожидая мгновенного перемещения в астрал. Малыш и бровью не повел. «Дьюс»-купе легко и быстро, словно водомерка, пронесся по левой обочине вплотную к кабине полуприцепа.

— На пределе, — прокомментировал Мусорный Бак, когда почувствовал, что может говорить без дрожи в голосе.

— Эй, парень! — Один кукольный глаз Малыша закрылся. Мусорный Бак понял, что ему подмигивают, пусть и без тени улыбки. — Не говори мне — я скажу тебе. Как пиво? Хорошо идет? Особенно после прогулки на детском велике.

— Точно, хорошо, — ответил Мусорный Бак и вновь глотнул теплого пива. Он, конечно, был чокнутый, но не настолько, чтобы возражать Малышу, когда тот вел автомобиль. Такое ему и в голову прийти не могло.

— Ладно, нет смысла ходить вокруг да около. — Малыш обернулся, чтобы взять с заднего сиденья банку «Куэрса». — Мне представляется, мы едем в одно место.

— Думаю, да, — осторожно ответил Мусорный Бак.

— Чтобы присоединиться к нему. Едем на запад. Войдем в гребаную команду. Ты веришь в эту брень-хрень?

— Думаю, да.

— Тебе снились сны об этом страшиле в черном летном костюме?

— Вы хотите сказать — о священнике.

— Я всегда говорю то, что говорю! — отрезал Малыш. — Не ты говоришь мне, гребаный червяк, я скажу тебе! Это черный летный костюм, и у него очки-«консервы». Как в фильме с Джоном Уэйном о Большой второй. Очки такие большие, что ты не можешь видеть его гребаного лица. Он кого хочешь испугает, да?

— Да. — Мусорный Бак отпил теплого пива. У него начало гудеть в голове.

Малыш согнулся над оранжевым рулем и принялся изображать пилота истребителя — вероятно, одного из тех, кто участвовал в Большой второй, — ведущего отчаянный бой с врагом. «Дьюс»-купе мотало от одного края автострады к другому: петли, нырки, бочки в исполнении Малыша сменяли друг друга.

— *Ни-и-и-и-и-й-й-й-я-а-а-а-а-а-х-х... их-их-их-их-их-их-их... тах-тах-тах...* получай, фриц... Капитан! Бандиты прямо по курсу! Наводи на них пушку, ты, гребаный недоумок... *тах... тах... тах-тах-тах.* Они сбиты, сэр! Горизонт чист... *Ур-р-ра-а-а-а! Садимся, парни! УР-Р-Р-РА-А-А!*

Пока он изображал бой, его лицо оставалось совершенно бесстрастным, ни единый щедро смазанный бриолином волосок не сдвинулся с места. Затем он вернул автомобиль на положенную полосу движения и погнал дальше. Сердце Мусорного Бака гулко билось в груди. Пленка пота покрывала все тело. Он пил пиво. Ему хотелось отлить.

— Но меня он не испугал, — заявил Малыш, словно разговор и не прерывался. — Черт, нет. Он крутой, но Малыш справлялся и с теми, кто круче. Первым делом затыкал им рот, потом затыкал их совсем, как говорил Босс. Ты веришь в эту брень-хрень?

— Конечно, — кивнул Мусорник.

— Ты согласен с Боссом?

— Конечно. — Он понятия не имел, кто этот Босс.

— Тебе лучше, твою мать, не спорить с Боссом. Слышь, хочешь знать, что я собираюсь сделать?

— Ехать на запад? — спросил Мусорный Бак. Вроде бы такое предположение ничем ему не грозило.

На лице Малыша отразилось нетерпение.

— После приезда туда, понял? *После*. Знаешь, что я собираюсь сделать?

— Нет. Что?

— Залягу на дно. На некоторое время. Можешь ты понять эту брень-хрень?

— Конечно.

— Молодец. Не говори мне, я, твою мать, скажу тебе. Буду просто следить. Следить за большим человеком. Потом...

Малыш замолчал, задумавшись, навис над оранжевым рулем.

— Что потом? — осторожно спросил Мусорный Бак.

— Потом прикончу его. Отправлю в ящик. Пусть пасется на «Кадиллаковом ранчо»*. Ты мне веришь?

— Да, конечно.

— Я займу его место, — уверенно продолжал Малыш. — Возьму власть, а его оставлю на «Кадиллаковом ранчо». Держись меня, Мусорный Бак, или как там ты себя называешь. Мы не будем есть свинину и бобы. Мы съедим столько курятины, сколько еще никто не ел.

«Дьюс»-купе мчался по автостраде, нарисованные языки пламени вырывались из выхлопной трубы. Мусорный Бак сидел на пассажирском сиденье, с банкой теплого пива на коленях и тревогой в душе.

Утром пятого августа, перед самым рассветом, Мусорный Бак вошел в Сиболу, известную также как Вегас. Где-то на последних пяти милях он потерял один кед, и когда шагал по съезду с автострады, его шаги напоминали *шлеп-БАМ, шлеп-БАМ, шлеп-БАМ.* Или удары об асфальт спущенной покрышки.

Он едва держался на ногах, но испытывал легкое удивление, проходя мимо огромного количества застывших автомобилей. Хватало и мертвецов, причем практически всех успели отведать стервятники. Он пришел. Он в Сиболе. Ему устроили испытание, и он его выдержал.

Он увидел сотню ночных клубов, где обычно играли кантри, вывески «БЕСПЛАТНЫЕ АВТОМАТЫ», другие вывески («КОЛОКОЛЬЧИК — ЧАСОВНЯ БРАКОСОЧЕТАНИЙ», «БРАКОСОЧЕТАНИЕ ЗА 60 СЕКУНД — И НА ВСЮ ЖИЗНЬ!»). Он увидел «роллс-ройс» модели «серебряный призрак», который наполовину въехал в витрину книжного магазина для взрослых. Он увидел голую женщину, которая висела на столбе головой вниз. Он увидел две страницы «Лас-Вегас сан», которые тащил и переворачивал ветер. Заголовок появлялся и исчезал, появлялся и исчезал: «ЭПИДЕМИЯ РАЗРАСТАЕТСЯ, ВАШИНГТОН МОЛЧИТ». Он увидел огромный рекламный щит с надписью: «НИЛ ДАЙМОНД! ОТЕЛЬ «АМЕРИКАНА» 15 ИЮЛЯ — 30 АВГУСТА!» Кто-то написал: «УМРИ, ЛАС-ВЕГАС, ЗА СВОИ

* «Кадиллаковое ранчо» — инсталляция под открытым небом, созданная в 1974 г. в Амарильо, штат Техас, американскими художниками Ч. Лордом, Х. Маркесом и Д. Мичелсом из восьми старых «кадиллаков».

ГРЕХИ!» — на витрине ювелирного магазина, который, похоже, специализировался на обручальных кольцах. Он увидел перевернутый рояль, лежащий на мостовой, как сдохшая деревянная лошадь. На все эти чудеса Мусорный Бак взирал широко раскрытыми глазами.

Он шел дальше, и ему начали попадаться другие вывески, неон которых впервые за долгие годы погас этим летом. «Фламинго». «Минт». «Дюны». «Сахара». «Стеклянная туфелька». «Империал». Но где люди? Где вода?

Едва осознавая, что делает, позволяя ногам самим выбирать дорогу, Мусорный Бак свернул в сторону. Его голова упала, подбородок уткнулся в грудь. Он дремал на ходу. И, споткнувшись о бордюрный камень, упал лицом вниз и расквасил нос. А когда поднял голову и увидел, где находится, едва поверил своим глазам. Кровь бежала из носа на порванную синюю рубашку. Он словно все еще дремал и видел сон.

Высокое белое здание выделялось на фоне синего неба, монолит в пустыне, игла, монумент, не менее величественное, чем Сфинкс или Великая пирамида. Окна на восточной стороне отражали яростный свет восходящего солнца. Перед этим белым сооружением по обеим сторонам ведущей к нему дороги сверкали две гигантские золотые пирамиды. Над козырьком крепился огромный бронзовый медальон с барельефом, изображающим голову ревущего льва.

Над медальоном, тоже в бронзе, красовалось название отеля, безыскусное, но легендарное: «МГМ-Гранд-отель».

Однако взгляд Мусорного Бака приковало то, что находилось на заросшем травой квадрате между автомобильной стоянкой и входом. Он смотрел во все глаза, его сотрясала оргазмическая дрожь, и в течение нескольких секунд он, не в силах подняться, мог лишь опираться на окровавленные руки, между которыми ветер таскал по тротуару конец бинта. Его выцветшие синие глаза, наполовину ослепшие от яркого солнца, уставились на фонтан. С губ начал срываться протяжный тихий стон.

Фонтан работал. Великолепная конструкция из камня и слоновой кости, инкрустированная золотом. Цветные огни подсвечивали струи, вода из пурпурной становилась желто-оранжевой, потом красной, потом зеленой и с громким плеском падала в бассейн.

— Сибола, — прошептал Мусорный Бак, из последних сил поднимаясь на ноги. Разбитый нос по-прежнему кровоточил.

Он поплелся к фонтану. Ускорил шаг, перешел на бег, полетел как ветер. Ободранные колени поднимались чуть ли не к самой шее. Из его груди начало рваться слово, длинное слово, напоминающее взмывающий к небу бумажный транспарант. Заслышав это слово, люди подходили к окнам высоко над землей (и кто видел этих людей? Может, Бог, может, дьявол, но точно не Мусорный Бак). Слово становилось все громче и пронзительнее, разрасталось по мере приближения Мусорного Бака к фонтану:

— СИ-И-И-И-БОЛА-А-А-А-А-А-А-А-А!

Последняя «А-А-А-А» тянулась и тянулась, вобрав в себя все наслаждение, которое испытали все жившие на Земле люди, и оборвалась, лишь когда Мусорный Бак ударился о высокий, по грудь, бортик фонтана и перевалился через него в купель невероятной прохлады и благодати. Он почувствовал, как поры его тела открылись, будто миллион ртов, и принялись засасывать воду, словно губка. Он закричал. Опустил голову, втянул в себя воду, выплюнул, одновременно чихнув и закашлявшись, отчего кровь, и вода, и сопли разбрызгались по бортику. Наклонил голову и начал пить, как корова.

— Сибола! Сибола! — восторженно кричал Мусорник. — Я готов отдать за тебя жизнь!

Плывя по-собачьи, он обогнул фонтан, снова выпил воды, перебрался через край и с глухим стуком неуклюже рухнул на траву. Ради этого стоило жить, ради этого стоило страдать. Живот свело судорогой, и внезапно вода шумным потоком выплеснулась наружу. Но даже рвота доставляла наслаждение.

Он поднялся на ноги и, держась за бортик рукой-лапой, опять выпил воды. На этот раз желудок с благодарностью принял дар.

Хлюпая, как наполненный бурдюк, он поплелся к алебастровым ступеням, которые вели ко входу в этот сказочный дворец, ступеням, лежащим меж двух золотистых пирамид. Когда половина лестницы осталась позади, живот вновь скрутила судорога, согнувшая его пополам. После того как приступ миновал, Мусорный Бак двинулся дальше. В отель вели вращающиеся двери, и последние остатки сил ушли на то, чтобы привести одну из них в движение. Он очутился в устланном ковром фойе, которое, казалось, тянулось на сотни миль. Толстый, мягкий ковер цвета

клюквы пружинил под ногами. Никто не ждал его ни за регистрационной стойкой, ни за стойкой для почты, ни за стойкой, где получали и сдавали ключи, ни в окошечках кассы. Справа, за декоративным кованым ограждением, находилось казино. Мусорный Бак в благоговейном восторге уставился на диковинное зрелище: игральные автоматы выстроились шеренгами, как солдаты, готовые промаршировать по плацу, а за ними виднелись столы для игры в кости и рулетку, мраморные поручни вокруг столов для игры в баккару.

— Есть здесь кто-нибудь? — прохрипел Мусорный Бак, но ответа не получил.

Он испугался, потому что здесь жили призраки и могли прятаться монстры, но страх этот требовал сил, которых у него не было. По ступеням он спустился в казино, прошел мимо бара «Каб», где, укрывшись в тенях, тихо сидел Ллойд Хенрид со стаканом минеральной воды в руке и наблюдал за Мусорным Баком.

Он подошел к столу, обтянутому зеленым сукном, с загадочной надписью: «ДИЛЕР ДОЛЖЕН БРАТЬ НА 16 И ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ НА 17». Мусорник забрался на стол и мгновенно заснул. Скоро человек шесть собрались вокруг спящего оборванца по имени Мусорный Бак.

— И что нам с ним делать? — спросил Кен Демотт.

— Пусть спит, — ответил Ллойд. — Он нужен Флэггу.

— Да? И где же Флэгг? — спросил другой мужчина. Ллойд повернулся, чтобы взглянуть на него, лысоватого и высокого. Под его взглядом мужчина подался назад. Только у Ллойда на груди висел не просто черный камень: по его центру мерцала маленькая, вызывающая тревогу красная щель.

— Тебе так не терпится увидеть его, Гек? — спросил Ллойд.

— Нет, — ответил лысоватый. — Эй, Ллойд, ты же знаешь, я...

— Конечно. — Ллойд перевел взгляд на вновь прибывшего, который спал на столе для блэкджека. — Флэгг появится. Он ждал этого парня. Этот парень — особенный.

Мусорный Бак по-прежнему спал на столе и ничего не слышал.

Ночь восемнадцатого июля Мусорный Бак и Малыш провели в мотеле Голдена, штат Колорадо. Малыш выбрал два смежных

номера. Обнаружив, что дверь между ними заперта, он, уже прилично поддатый, решил эту мелкую проблему тремя выстрелами из револьвера сорок пятого калибра.

Потом поднял миниатюрную ногу и пнул дверь. Она распахнулась, окутанная облаком сизого порохового дыма.

— И все дела! Какая твоя? Выбирай, Мусорище!

Мусорный Бак выбрал комнату по правую руку и на какое-то время остался один. Малыш куда-то ушел. Мусорник лениво размышлял, а не раствориться ли ему во мраке, прежде чем произойдет что-то действительно плохое, — пытаясь понять, стоит ли идти на это, пожертвовав быстротой передвижения, — когда Малыш вернулся. Мусорный Бак встревожился, увидев, что тот толкает перед собой тележку из супермаркета, доверху наполненную шестибаночными упаковками пива «Куэрс». Кукольные глаза налились кровью и приобрели красные ободки. Высокая прическа начала разворачиваться, как сломанная и растянувшаяся часовая пружина. Жирные пряди волос падали на щеки и уши Малыша, придавая ему вид опасного (пусть и нелепого) пещерного человека, который нашел кожаную куртку, оставленную каким-то путешественником во времени, и натянул на себя. Кроличьи лапки мотались из стороны в сторону.

— Теплое, — сообщил Малыш, — но кого это волнует, я прав?

— Прав абсолютно, — ответил Мусорный Бак.

— Бери пиво, говнюк! — Малыш бросил ему банку. Мусорный Бак открыл ее — и получил в лицо струю пены. Малыш расхохотался, на удивление пронзительно, обхватив плоский живот обеими руками. Мусорник кисло улыбнулся. Он решил, что чуть позже, когда этого маленького монстра сморит сон, он уйдет. Малыш его достал. А с учетом того, что тот говорил о темном священнике... Мусорный Бак перепугался не на шутку. Говорить такое, пусть даже не всерьез, — все равно что испражняться на церковный алтарь или вскидывать лицо к небу во время грозы и просить молнию ударить в тебя.

Причем он думал, и в этом заключалось самое ужасное, что Малыш говорил серьезно.

Мусорный Бак не собирался подниматься в горы и огибать все повороты серпантинов с этим безумным карликом, который пил весь день (и, вероятно, всю ночь) да еще разглагольствовал о том, что свергнет темного человека и займет его место.

Тем временем Малыш за две минуты осушил две банки пива, смял их, безразлично бросил на одну из двух кроватей, которые стояли в номере. Теперь он тупо смотрел на телевизор, держа в одной руке полную банку пива, а в другой — револьвер сорок пятого калибра, выстрелами из которого вышиб дверной замок.

— Гребаного лектричества нет, потому нет и гребаного телика. — Напиваясь, он еще сильнее тянул слова. — И меня это злит. Мне нравится, что всех этих говнюков больше нет, но, Иисус-выше-нос-лысеющий-Христос, где Эйч-би-оу? Где матчи по рестлингу? Где канал «Плейбой»? Хороший был канал, Мусорище. Я говорю, они никогда не показывали парней, которые сразу принимались есть этот волосатый пирог, эту бородатую устрицу, ты понимаешь, о чем я, но у некоторых из этих телок ноги росли из подбородка, ты понимаешь, мать твою, о чем я?

— Конечно, — ответил Мусорный Бак.

— И правильно. Не говори мне, я скажу тебе.

Малыш все смотрел на неработающий телевизор.

— Ты, тупая дрянь! — Он выстрелил в экран. Трубка с грохотом разлетелась. Осколки усыпали ковер.

Мусорный Бак вскинул руку, чтобы прикрыть глаза, и пиво выплеснулось на зеленый нейлоновый ворс ковра.

— Эй, ты только посмотри на это, придурок! — воскликнул Малыш. В его голосе слышалась дикая ярость. Внезапно револьвер нацелился на Мусорного Бака, дыра в стволе разрослась до размеров дымовой трубы океанского лайнера.

Мусорный Бак почувствовал, как онемела промежность. Подумал, что, возможно, обдулся, но точно сказать не мог.

— Я собираюсь проветрить тебе мозги, — продолжил Малыш. — Ты разлил пиво. Если бы другое, я бы не возражал, но это «Куэрс». Я бы ссал «Куэрсом», если б мог, ты веришь в эту брень-хрень?

— Конечно, — прошептал Мусорный Бак.

— И как, по-твоему, они нынче варят «Куэрс», Мусорник? Небось ты в этом, блин, уверен?

— Нет, — прошептал Мусорный Бак. — Наверное, не варят.

— Ты чертовски прав. Это исчезающий вид. — Малыш приподнял револьвер. Мусорный Бак подумал, что на этом его жизнь и оборвется, оборвется наверняка. Но Малыш опустил револьвер... чуть-чуть. Его лицо абсолютно ничего не выражало. Мусор-

ный Бак догадался, что это свидетельствует о глубоких раздумьях. — Вот что я тебе скажу, Мусорник. Ты возьмешь новую банку и заглотнешь. Если сможешь, я не пошлю тебя на «Кадиллаковое ранчо». Ты веришь в эту брень-хрень?

— Что... что значит — заглотну?

— Господи Иисусе, парень, ты тупой, как каменный корабль. Выпить всю банку, не отрываясь, вот что значит заглотнуть. Где ты жил, в злогребучей Африке? Если прольешь хоть каплю, получишь пулю в глаз. Эта хрень заряжена патронами «дум-дум». Вскроет тебе башку, превратит в гребаный пир для здешних тараканов. — Он чуть шелохнул револьвером, его красные глаза не отрывались от Мусорника. На верхней губе белела капелька пивной пены.

Мусорный Бак подошел к упаковке пива, достал банку, открыл.

— Приступай. До последней капли. И если тебя вырвет, ты гребаный покойник!

Мусорный Бак поднял банку. Пенясь, полилось пиво. Он судорожно глотал, кадык лихорадочно ходил вверх-вниз. Когда банка опустела, он бросил ее под ноги и вступил в показавшуюся ему бесконечной битву с желудком. Отпраздновал победу, продолжительно, раскатисто рыгнув, и сохранил себе жизнь. Малыш откинул маленькую головку и радостно, звонко рассмеялся. Мусорник покачивался, кисло улыбаясь. Внезапно он почувствовал себя совсем пьяным.

Малыш сунул револьвер в кобуру.

— Ладно. Неплохо, Мусорный Бак. Очень даже хорошо, твою мать!..

Малыш продолжил пить. Смятые банки горой громоздились на кровати. Мусорник держал банку «Куэрса» между колен и подносил ко рту, если Малыш осуждающе смотрел на него. Малыш что-то бормотал и бормотал, все тише и тише, все сильнее растягивая слова по мере того, как прибавлялось пустых банок. Он говорил о местах, в которых побывал. О гонках, которые выиграл. О наркотиках, которые перевозил через мексиканскую границу в грузовичке с двигателем «Хеми». Наркотики — мерзость, бубнил он. Все наркотики — злогребучая мерзость. Он сам никогда их не пробовал, но, парень-как-тебя-там, если несколько раз перевезти через границу груз этого дерьма, ты сможешь подтирать жопу

золотой туалетной бумагой. Наконец он начал клевать носом, маленькие красные глазки закрывались на все более продолжительные промежутки времени, а потом с неохотой раскрывались только наполовину.

— Должен прикончить его, Мусорище, — бормотал Малыш. — Приеду туда, осмотрюсь, буду целовать жопу этому козлу, пока не пойму, что к чему. Никто не отдает приказы Малышу. Никто! Долго — никто! Я не выполняю часть работы. Если я что-то делаю, мне подчиняются все. Это мой стиль. Мне все равно, кто он, откуда пришел и каким образом может вещать прямо в наших злогребучих головах, но я собираюсь выгнать его из гре... — широченный зевок, — ...из города. Собираюсь пришибить его. Собираюсь отправить на «Кадиллаковое ранчо». Держись меня, Сомурник... или, блин, как тебя там.

Он медленно повалился на кровать. Банка пива, только что открытая, выскользнула из расслабившейся руки. «Куэрс» снова вылился на ковер. От пива, которое привез на тележке Малыш, ничего не осталось. По прикидкам Мусорного Бака, Малыш сам выпил двадцать одну банку. Мусорник не мог понять, как такой маленький человечек мог выпить столько пива, однако понимал, что пора делать ноги. Он это *знал*, но чувствовал себя пьяным, слабым и больным. И больше всего на свете хотел немного поспать. А почему нет? Малыш, судя по всему, вырубился на всю ночь и, возможно, половину следующего утра. Вот и он успеет отдохнуть часок-другой.

Мусорный Бак прошел в соседний номер (на цыпочках, несмотря на коматозное состояние Малыша) и кое-как закрыл дверь. Плотно не получилось — от пуль она покоробилась. На комоде стоял механический будильник. Мусорный Бак завел его и поставил часовую и минутную стрелки на полночь, поскольку не знал (да и не хотел знать), который теперь час, а стрелку будильника — на пять утра. Лег на одну из кроватей, даже не сняв кеды, и почти сразу заснул.

Через какое-то время проснулся. Его окружала кромешная тьма предрассветных часов, отдающая запахом пива и блевоты. Что-то лежало рядом с ним, что-то жаркое, гладкое и извивающееся. Первой в голову пришла паническая мысль о ласке из кошмаров, которые ему снились в Небраске, будто эта тварь каким-то образом перебралась в реальность. Скулящий стон сорвался с

его губ, когда он понял, что существо, извивающееся рядом, не очень большое, но слишком здоровое для ласки. От выпитого пива болела голова, в висках нещадно стучало.

— Возьми, — прошептал в темноте Малыш. Он ухватил руку Мусорного Бака и положил ее на что-то твердое, и цилиндрическое, и пульсирующее. — Подрочи. Давай подрочи, ты знаешь, как это делается, я понял, что знаешь, как только увидел тебя. Давай, злогребучий дрочила, подрочи.

Мусорный Бак знал, как это делается. И частенько это приносило облегчение. Этому его научили долгие ночи в тюрьме. Говорили, что это плохо, что этим занимаются пидоры, но занятия пидоров были куда лучше того, чем занимались некоторые другие, скажем, превращали ложку в заточку или просто лежали на своих койках, хрустя костяшками пальцев, и, ухмыляясь, поглядывали на тебя.

Малыш положил руку Мусорного Бака на орудие, с которым тот умел обращаться. Он обхватил его пальцами и приступил к работе. Надеялся, что, кончив, Малыш вновь заснет. Вот тогда он и сбежит.

Дыхание Малыша ускорилось. Он задергал бедрами в такт движениям Мусорного Бака. Мусорник поначалу и не понял, что Малыш расстегивает его ремень и спускает до колен джинсы с трусами. Решил не вмешиваться. Если Малыш хотел ему вставить, значения это не имело. Мусорнику уже вставляли. От этого никто не умирал. Это ж не яд.

А потом рука Мусорного Бака замерла. К его анусу приставили не что-то живое и горячее, а холодную сталь.

И внезапно он *понял*, что именно.

— Нет, — прошептал он. В темноте его глаза широко раскрылись от ужаса. Теперь, очень смутно, он мог видеть в зеркале кукольное лицо убийцы, нависшее над его плечом, с волосами, падающими на красные глаза.

— Да, — прошептал в ответ Малыш. — И не сбивайся с ритма, Мусорище. Не сбивайся со злогребучего ритма. А не то я просто нажму на курок. Разнесу твою сраку к чертовой матери. Думдум, Мусорище. Ты веришь в эту брень-хрень?

Поскуливая, Мусорный Бак продолжил работу. Поскуливания превратились в короткие вскрики боли: ствол сорок пятого

продвигался внутрь, вращался, цеплял. Рвал. И неужели его это возбуждало? Именно так.

Возбуждение это не укрылось от Малыша.

— Тебе нравится, да? — Малыш тяжело дышал. — Я знал, что понравится, сукин дрот. Тебе нравится, как он ходит у тебя в жопе? Скажи это, сукин дрот. Скажи «да», а не то отправишься в ад.

— Да, — проверещал Мусорный Бак.

— Хочешь, чтобы я подрочил тебе?

Он не хотел. Ни в коем случае не хотел. Но знал, что лучше этого не говорить.

— Да.

— Я не прикоснусь к твоему члену ни за какие бриллианты. Делай это сам. Зачем, по-твоему, Бог дал тебе две руки?

Сколько это продолжалось? Бог, возможно, знал, а Мусорный Бак — нет. Минуту, час, вечность — какая разница? Он не сомневался, что в тот самый момент, когда Малыш достигнет оргазма, одновременно произойдут два события: горячая струя спермы Малыша брызнет ему на живот, и пуля «дум-дум» превратит в кровавое месиво его внутренности. Смертельная клизма.

Потом губы Малыша напряглись, а пенис начал подергиваться в руке Мусорного Бака. Кулак стал склизким, как резиновая перчатка. Мгновение спустя ствол покинул прямую кишку. Молчаливые слезы облегчения потекли по щекам Мусорного Бака. Он не боялся смерти, во всяком случае, на службе темному человеку, но не хотел умереть в этом мрачном номере мотеля от рук психопата. Не увидев Сиболы. Он бы помолился Богу, но интуитивно знал, что Бог не посочувствует тому, кто обязался служить темному человеку. Да и что сделал Бог для Мусорного Бака? Или, если на то пошло, для Дональда Мервина Элберта?

В дышащей тишине раздался голос Малыша, вдруг запевшего песню, но быстро затих, сморенный сном:

— Всем известны я и мои друзья... нас плохие парни знают, жить они нам не мешают...

Он захрапел.

Надо уходить, думал Мусорный Бак, но боялся, что разбудит Малыша, если шевельнется. *Я уйду, как только пойму, что он действительно заснул. Через пять минут. Этого будет достаточно.*

Однако никто не знает, сколько тянутся пять минут в темноте; наверное, с высокой степенью вероятности можно утверждать,

что в темноте пяти минут не существует. Он ждал. Засыпал и просыпался, даже не отдавая себе отчета, что спал. И вскоре провалился в глубокий сон.

Он шел по темной дороге где-то очень высоко в горах. Звезды висели так низко, что, казалось, можно дотянуться до них, снять с неба и побросать в банку, как светлячков. Холод пробирал до костей. Царила глубокая ночь. Смутно, под звездным светом, он различал отвесные скалы, сквозь которые прорубили дорогу.

И в этой темноте что-то приближалось к нему.

А потом послышался *его* голос, идущий ниоткуда, идущий отовсюду: *В горах я дам тебе знак. Я покажу тебе мое могущество. Я покажу тебе, что бывает с теми, кто решил выступить против меня. Жди. Наблюдай.*

Красные глаза начали открываться в темноте, будто кто-то установил три десятка аварийных ламп, накрытых колпаками, а теперь принялся попарно снимать колпаки. Но это были глаза, и они взяли Мусорного Бака в сказочное кольцо. Сначала он подумал, что это глаза ласок, но когда кольцо сжалось, увидел, что это большие серые горные волки, их уши стояли торчком, пена капала с темных морд.

Он испугался.

Они пришли не за тобой, мой верный слуга. Видишь?

Волки исчезли. Как по мановению волшебной палочки, тяжело дышащие серые горные волки исчезли.

Наблюдай, велел голос.

Жди, велел голос.

Сон закончился. Он проснулся навстречу яркому солнечному свету, вливающемуся в окно, перед которым стоял Малыш. Обильное вечернее возлияние с участием продукции канувшей в небытие «Адольф Куэрс компани» никоим образом не отразилось на нем. Он причесался — все завитки занимали положенное место — и наслаждался своим отражением в зеркале. Кожаная куртка висела на спинке стула. Кроличьи лапки напоминали крошечных висельников.

— Эй, сукин дрот! Я думал, мне придется снова смазать тебе руку, чтобы разбудить. Поднимайся, у нас впереди большой день. Много чего сегодня случится, так ведь?

— Конечно, — ответил Мусорный Бак, загадочно улыбнувшись.

* * *

Мусорный Бак проснулся вечером пятого августа, по-прежнему лежа на столе для блэкджека в казино «МГМ-Гранд-отель». Увидел перед собой молодого мужчину с прямыми волосами соломенного цвета, в солнцезащитных очках, оседлавшего стул, повернутый спинкой вперед. Первым делом Мусорник обратил внимание на камень, который висел в V-образном вырезе спортивной рубашки. Черный, с красной щелью посередине. Как глаз волка прошлой ночью.

Он попытался сказать, что ему хочется пить, но с губ сорвался лишь слабый стон.

— Ты точно провел много времени под солнцем, — посочувствовал Ллойд Хенрид.

— Вы — это *он*? — прошептал Мусорник. — Вы...

— Босс? Нет, я не он. Флэгг в Лос-Анджелесе. Хотя он знает, что ты здесь. Днем я говорил с ним по радио.

— Он едет?

— Только для того, чтобы повидаться *с тобой*? Черт, нет! Он вернется, когда сочтет нужным. Мы с тобой, парень, всего лишь мелкая сошка. Он вернется, когда сочтет нужным. — И тут Ллойд повторил вопрос, который задал высокому мужчине вскоре после того, как Мусорный Бак приплелся в казино: — Тебе так не терпится увидеть его?

— Да... нет... не знаю.

— Что ж, при любом раскладе такой шанс у тебя появится.

— Пить...

— Конечно. Держи. — Ллойд протянул Мусорному Баку большой термос с вишневым кулэйдом. Тот осушил его до дна. Потом наклонился вперед, держась руками за живот и постанывая. Когда судорога прошла, с щенячьей благодарностью посмотрел на Ллойда. — Думаешь, сможешь что-нибудь съесть? — спросил Ллойд.

— Да, думаю, смогу.

Ллойд повернулся к мужчине, который стоял позади него, лениво крутил колесо рулетки и бросал белый шарик, стучавший и подпрыгивавший.

— Роджер, пойди и скажи Уитни или Стефани-Энн, чтобы сюда прислали жареной картошки и пару бургеров. Нет, черт, о

чем я думаю? Он же тут все заблюет. Суп. Принеси ему супа. Хорошо, чел?

— Мне все равно! — В голосе Мусорника слышалась благодарность.

— У нас тут есть один парень, — продолжил Ллойд. — Звать его Уитни Хоргэн. Раньше был мясником. Толстый, крикливый мешок говна, но как готовит! Господи! И здесь есть все. Генераторы еще работали, когда мы въехали сюда, и морозильники были забиты под завязку. Гребаный Вегас! Второго такого просто нет.

— Да, — кивнул Мусорник. Ему уже нравился Ллойд, а он даже не знал, как его зовут. — Это Сибола.

— Как ты сказал?

— Сибола. Искомая многими.

— Да, многие искали этот город, но потом в большинстве своем уезжали, жалея, что нашли. Ладно, зови его как хочешь, дружище... Похоже, ты едва не зажарился, добираясь сюда. Как тебя звать?

— Мусорный Бак.

У Ллойда, судя по всему, и мысли не возникло, что это странное имя.

— Готов спорить, раньше ты был байкером. — Он протянул руку. На кончиках пальцев еще оставались следы пребывания в тюрьме Финикса, где он едва не умер от голода. — Я Ллойд Хенрид. Рад встрече с тобой, Мусорник. Добро пожаловать на борт корабля «Леденец»*.

Мусорный Бак пожал протянутую руку и с трудом сдержал слезы благодарности. Насколько он помнил, впервые в жизни кто-то предложил ему обменяться рукопожатием. Он прибыл куда хотел. Здесь его принимали за своего. Наконец-то он стал *частью чего-то*. Ради этого момента он прошел бы по пустыне в два раза больше, обжег бы другую руку, а заодно и обе ноги.

— Спасибо, — пробормотал он. — Спасибо, мистер Хенрид.

— Черт, если ты не будешь звать меня Ллойдом, мы выльем твой суп.

— Тогда Ллойд. Спасибо, Ллойд.

---

* Отсылка к песне «На борту корабля "Леденец"», ставшей визитной карточкой актрисы Ширли Темпл (р. 1928).

— Так-то лучше. После того как поешь, я отведу тебя наверх и покажу твою комнату. А завтра займемся делом. У босса какие-то задумки насчет тебя, но, пока его нет, тебе и без того хватит работы. Мы тут кое-что восстановили, однако дел еще непочатый край. Одна наша команда сейчас на плотине Боулдера, пытается вывести ее на прежнюю мощность. Еще одна занимается обеспечением подачи воды. Разведывательные отряды патрулируют окрестности, каждый день к нам приходят шесть — восемь человек, но от этого мы тебя, пожалуй, освободим. Ты, похоже, столько времени провел на солнце, что ближайший месяц вполне можешь без него обойтись.

— Пожалуй, — с легкой улыбкой ответил Мусорный Бак. Он уже с готовностью отдал бы жизнь за Ллойда Хенрида. Собравшись с духом, он указал на камень, который висел в ложбинке между ключицами Ллойда. — Это...

— Да, их носят те из нас, кто командует. *Его* идея. Это черный янтарь. Не совсем камень, знаешь ли. Скорее смоляной шар.

— Я про... красный свет. Глаз.

— Тебе тоже кажется, что похоже на глаз? Это щель. *Его* особый подарок. Я не самый умный из тех, кто сейчас с ним, далеко не самый умный... по большому счету. Но я... черт, наверное, можно сказать, что я — его талисман. — Он пристально посмотрел на Мусорника. — Может, ты тоже. Кто знает? Уж точно не я. Флэгг — он скрытный. В любом случае мы слышали, что ты не такой, как все. Мы с Уитни. Подобное он говорит редко. Слишком много народу приходит сюда, чтобы замечать каждого. — Ллойд помолчал. — Хотя, думаю, он мог бы, если бы захотел. Я думаю, он мог бы заметить каждого.

Мусорный Бак кивнул.

— Он может творить чудеса. — Ллойд немного осип. — Я видел. Я бы не хотел оказаться среди тех, кто идет против него, знаешь ли.

— Да, — кивнул Мусорный Бак. — Я видел, что случилось с Малышом.

— Каким малышом?

— Парнем, с которым я ехал, пока мы не попали в горы. — Он содрогнулся. — Я не хочу об этом говорить.

— Хорошо, чел. Вон несут твой суп. И Уитни, вижу, добавил бургер. Тебе понравится. Этот парень отлично жарит бургеры, но постарайся не блевануть, хорошо?

— Хорошо.

— А мне надо идти, посмотреть, что и как. Если бы мой давний приятель Тычок увидел меня, он бы не поверил своим глазам. Дел у меня, как у одноногого мужика на конкурсе «кто-отвесит-больше-пинков-по-жопе». Еще увидимся.

— Конечно, — кивнул Мусорный Бак, а потом добавил совсем робко: — Спасибо. Спасибо за все.

— Благодари не *меня*, — весело отмахнулся Ллойд. — Благодари *его*.

— Я так и делаю, — ответил Мусорный Бак. — Каждую ночь. — Но это он сказал уже самому себе. От Ллойда его отделяла половина фойе. Тот что-то втолковывал мужчине, который принес суп и гамбургер. Мусорный Бак с нежностью смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду, а потом принялся за еду. Ел жадно, смолотил почти все. И наверное, чувствовал бы себя отлично, если бы не глянул на миску с супом. Томатным супом цвета крови.

Мусорный Бак отодвинул ее, внезапно разом лишившись аппетита. Он поступил правильно, сказав Ллойду Хенриду, что не хочет говорить о Малыше. Но перестать думать о том, что с ним случилось... это было совсем другое.

Он подошел к колесу рулетки, маленькими глотками прихлебывая молоко, стакан которого ему принесли вместе с едой. Лениво крутанул колесо, бросил маленький белый шарик. Тот прокатился по ободу, потом свалился вниз и запрыгал по ячейкам. Мусорный Бак думал о Малыше. Задавался вопросом, придет ли кто-нибудь, чтобы показать ему его комнату. Он думал о Малыше. Задавался вопросом, остановится ли шарик на красном поле или на черном... но по большей части думал о Малыше. Прыгая, шарик попал в одну из ячеек, где и остановился. Колесо перестало вращаться. Выпал зеленый дабл-зеро*.

Выиграло казино.

В безоблачный, теплый — температура поднялась до восьмидесяти градусов** — день они выехали из Голдена на запад по автостраде 70, держа курс на Скалистые горы. Малыш променял

---

* При остановке шарика на этом секторе все ставки идут в пользу казино. Есть только в американской рулетке.

** По Фаренгейту; примерно 26,7°С.

пиво «Куэрс» на бутылку виски «Ребел йелл». Еще две бутылки лежали между ними, каждая в пустом пакете из-под молока, чтобы не укатилась и, не дай Бог, не разбилась. Малыш делал маленький глоток виски, тут же запивал большим глотком пепси-колы, а потом во всю глотку орал «черт побери», или «э-ге-гей», или «секс-машина». Несколько раз он говорил, что ссал бы «Ребел йелл», если бы мог. Спрашивал Мусорного Бака, верит ли тот в эту брень-хрень. Мусорный Бак, бледный от испуга и все еще страдающий похмельем после трех банок пива, выпитых прошлым вечером, отвечал, что да.

Даже Малыш не мог гнать со скоростью девяносто миль в час по этой дороге. Пришлось сбросить до шестидесяти, и Малыш что-то бормотал, кляня эти чертовы горы. Потом просиял.

— Мы наверстаем упущенное, когда доберемся до Юты и Невады. На равнине эта красотуля легко делает сто шестьдесят. Ты веришь в эту брень-хрень?

— Конечно, отличная машина. — Мусорный Бак криво улыбнулся.

— Будь уверен. — Малыш отпил «Ребел йелл». Догнался пепси. Во всю глотку прокричал: — Э-ге-гей!

Мусорник тоскливо смотрел на местность, по которой они проезжали, залитую лучами позднего утреннего солнца. Автострада прорезала горный склон, и время от времени они ехали между отвесных скал. Такие же скалы он видел во сне прошлой ночью. Неужели с наступлением темноты вновь откроются эти красные глаза?

Он содрогнулся.

Какое-то время спустя Мусорный Бак обратил внимание, что их скорость упала с шестидесяти миль в час до сорока. Потом до тридцати. Малыш ругался уже непрерывно, правда, себе под нос. «Дьюс»-купе лавировал между застывшими на дороге автомобилями, которых становилось все больше.

— Да что это за хрень? — бушевал Малыш. — Что они придумали? Все решили сдохнуть на высоте десяти тысяч гребаных футов? *Эй, глупые твари, прочь с дороги! Слышите меня? Прочь с дороги, на хрен!*

Мусорный Бак сжался в комок.

Они обогнули поворот и увидели четыре врезавшихся друг в друга автомобиля, которые полностью перегородили ведущие на

запад полосы автострады 70. Мертвый мужчина, залитый давно высохшей и превратившейся в неровную, покрытую трещинами корочку кровью, распростерся на асфальте лицом вниз. Рядом с ним лежала раздавленная кукла «Болтушка Кэти». Слева от разбитых автомобилей дорогу блокировало ограждение высотой шесть футов. Справа дорога обрывалась в пропасть.

Малыш глотнул «Ребел йелл» и двинул «дьюс»-купе к пропасти.

— Держись, Мусорище, — прошептал он. — Мы прорвемся.

— Места нет, — прохрипел Мусорный Бак. Судя по ощущениям, поверхность его горла вдруг превратилась в напильник.

— Нет, места хватит, — прошептал Малыш, сверкая глазами. Он начал съезжать с проезжей части. Правые колеса уже шуршали по земляной обочине.

— Я в этом не участвую! — вырвалось у Мусорного Бака, и он схватился за ручку двери.

— Сиди смирно, а не то станешь мертвым сукиным дротом, — предупредил Малыш.

Мусорник повернул голову и встретился взглядом с дырищей в стволе револьвера сорок пятого калибра. Малыш нервно хохотнул.

Мусорный Бак откинулся на спинку сиденья. Хотел закрыть глаза, но не мог. С его стороны последние шесть дюймов обочины исчезли. Теперь он видел внизу веселенькие голубые ели и огромные валуны. Мог представить, что покрышки «Уайд овалс» сейчас в четырех дюймах от края... теперь в двух...

— Еще дюйм, — проворковал Малыш, его глаза стали огромными, губы растянулись в улыбке от уха до уха. Пот крупными каплями выступил на бледном кукольном лбу. — И еще... один.

Закончилось все быстро. Мусорный Бак почувствовал, как правое заднее колесо внезапно заскользило к пропасти. Услышал, как зашуршали, падая, сначала мелкие камушки, потом побольше. Он закричал. Малыш громко выругался, переключился на первую передачу и вдавил педаль газа в пол. Слева — они огибали перевернутый труп микроавтобуса «фольксваген» — донесся металлический скрежет.

— *Лети!* — закричал Малыш. — *Как большая птица! Лети! Черт побери, ЛЕТИ!*

Задние колеса «дьюса»-купе провернулись. На мгновение показалось, что машина еще больше сползает в пропасть. А потом она рванула вперед, выровнялась, и они вернулись на проезжую часть, уже за разбитыми автомобилями, оставив позади полосы жженой резины.

— *Я говорил тебе, что она это сделает!* — торжествующе воскликнул Малыш. — *Черт побери! Мы проехали? Мы проехали, Мусорище, гребаный ты пересравший трусохвост!*

— Мы проехали, — ровным голосом согласился Мусорный Бак. Его трясло. Он ничего не мог с собой поделать. А потом, во второй раз после встречи с Малышом, Мусорник интуитивно произнес те единственные слова, которые могли спасти ему жизнь (в противном случае Малыш наверняка убил бы его, чтобы отпраздновать чудесное спасение): — Классно рулишь, чемпион! — Никогда прежде он никого не называл чемпионом.

— Ну... не такой уж это класс, — снисходительно ответил Малыш. — В этой стране есть еще как минимум два парня, которые сделали бы то же самое. Веришь в эту брень-хрень?

— Если ты так говоришь, Малыш...

— Не говори мне, сладенький, это я, блядь, скажу тебе. Что ж, едем дальше. Впереди целый день.

Но долго им ехать не пришлось. Через каких-то пятнадцать минут «дьюс»-купе остановился навсегда, в тысяче восьмистах милях от Шривпорта, штат Луизиана, исходной точки путешествия Малыша.

— Не верю! — вырвалось у него. — Я не... твою мать... НЕ ВЕРЮ!

Он распахнул водительскую дверь, выпрыгнул из машины, зажав в левой руке уже на три четверти опустевшую бутылку виски.

— *УБИРАЙТЕСЬ С МОЕЙ ДОРОГИ!* — ревел Малыш, подпрыгивая в своих нелепых сапогах с высокими каблуками, — миниатюрная природная сила уничтожения, землетрясение в бутылке. — *УБИРАЙТЕСЬ С МОЕЙ ДОРОГИ, СВОЛОЧИ, ВЫ ПОДОХЛИ, ВАМ МЕСТО НА ЗЛОГРЕБУЧЕМ КЛАДБИЩЕ, НЕЧЕГО ВАМ ДЕЛАТЬ НА МОЕЙ ДОРОГЕ!*

Он отшвырнул бутылку «Ребел йелл», она полетела, вращаясь, роняя янтарные капли, и разбилась на сотню осколков, ударившись о борт старого «порше». Малыш замолчал и стоял, тяжело дыша и покачиваясь.

Возникшее препятствие не шло ни в какое сравнение с четырьмя разбитыми автомобилями, перегородившими дорогу. Теперь машины просто занимали все полосы движения. Вторую половину автострады, ведущую на восток, отделял от первой травяной островок шириной примерно десять ярдов, и, возможно, «дьюс»-купе смог бы перебраться на другую сторону, да только там творилось то же самое: четыре полосы занимали шесть рядов автомобилей, стоявших бок о бок, бампер к бамперу. Аварийные полосы выглядели ничуть не лучше. Некоторые из водителей попытались проехать и по разделительной полосе, хотя из травы тут и там, словно зубы дракона, торчали острые камни. Возможно, и существовали внедорожники с высоким просветом, способные преодолеть такое препятствие, но Мусорный Бак видел, что разделительная полоса превратилась в автомобильное кладбище для разбитой, смятой и поломанной продукции детройтских заводов. Создавалось ощущение, будто водителей охватило массовое безумие и они решили поучаствовать в апокалиптической гонке на уничтожение или в чумовом автокроссе по высокогорной части автострады 70. «В Колорадо Скалистые горы высокие, — подумал Мусорный Бак. — Дождь из «шеви» оставил лужи глубокие». Он чуть не засмеялся и торопливо прикрыл рот. Если бы Малыш услышал его смех, больше ему смеяться почти наверняка бы не довелось.

Малыш вернулся назад, широко шагая своими сапожищами на высоком каблуке, его тщательно уложенные волосы блестели. Лицом он напоминал карликового василиска. Глаза выпучились от ярости.

— Я не оставлю мой гребаный автомобиль! — прорычал он. — Слышишь меня? Никогда. Я его не оставлю. Ты прогуляешься, Мусорище. Иди дальше и посмотри, далеко ли тянется эта злогребучая пробка. Может, дорогу перегородил грузовик, я не знаю. Знаю только, что назад мы вернуться не можем. Обочина обрушилась. Вот и мы свалимся. Но если причина в грузовике или в чем-то там еще, мне насрать. Я скину все эти гребаные машины в пропасть. Одну за другой. Я могу это сделать, и тебе лучше поверить в эту брень-хрень. Шевелись, сынок!

Мусорник не стал спорить. Зашагал по автостраде, лавируя между застывшими автомобилями, готовый пригнуться и бежать, если Малыш откроет стрельбу. Но обошлось. Удалившись, как он

решил, на безопасное расстояние (то есть такое, чтобы Малыш не мог попасть в него из револьвера), Мусорный Бак забрался на цистерну бензовоза и оглянулся. Малыш, миниатюрный уличный панк из ада, с расстояния в полумилю действительно смотрелся куклой. Он привалился к «дьюсу»-купе и пил. Мусорный Бак уже собрался помахать ему рукой, но потом решил, что это скорее всего плохая идея.

В тот день Мусорный Бак отправился в путь в половине одиннадцатого утра по горному времени*. Продвигался он медленно — частенько приходилось залезать на багажники, капоты и крыши автомобилей и грузовиков, которые стояли впритирку друг к другу, и до первого знака «ТОННЕЛЬ ЗАКРЫТ» он добрался в четверть четвертого. Преодолел почти двенадцать миль. Не такое уж и большое расстояние, особенно для человека, который проехал на велосипеде половину страны, но, учитывая препятствия на пути, Мусорный Бак полагал, что эти двенадцать миль — достижение. Он мог бы вернуться, чтобы сказать Малышу, что дальнейшая поездка исключается... если бы намеревался вернуться. Но таких намерений у Мусорного Бака, разумеется, не было. Он не читал книг по истории (после электрошоковой терапии читать ему стало совсем тяжело) и не знал, что в прежние времена короли и императоры частенько убивали гонцов, принесших плохую весть. Исключительно от досады. Знал Мусорный Бак другое: он провел с Малышом достаточно много времени, чтобы не испытывать ни малейшего желания увидеть его вновь.

Он постоял, глядя на знак, черные слова на оранжевом ромбе. Знак сбили, и он лежал под колесом самого старого в мире «юго», судя по внешнему виду. «ТОННЕЛЬ ЗАКРЫТ». Какой тоннель? Он всмотрелся вперед, прикрыв глаза ладонью, и вроде бы что-то разглядел. Прошел еще триста ярдов, при необходимости перебираясь через автомобили, и оказался среди машин и мертвецов. Некоторые легковушки и пикапы полностью сгорели. Здесь хватало армейских грузовиков. Многие тела были в военной форме. За местом сражения — Мусорник не сомневался, что здесь сражались, — вновь начиналась транспортная пробка. А чуть

* Горное время соответствует часовому поясу горных штатов США (минус семь часов от Гринвича).

дальше и западные, и восточные полосы исчезали в двух дырах, над которыми висел гигантский щит, закрепленный на горном склоне, сообщающий, что это «ТОННЕЛЬ ЭЙЗЕНХАУЭРА».

Мусорный Бак подошел ближе, с гулко бьющимся сердцем, не зная, что предпринять. Эти дыры-близнецы, уходящие в гору, пугали его, но по мере приближения к ним испуг перерос в ужас. Он бы прекрасно понял, что испытывал Ларри Андервуд, подходя к тоннелю Линкольна: в тот момент, пусть и не зная друг друга, они стали братьями по духу, разделив чувство дикого страха.

Главное отличие тоннелей заключалось в расположении пешеходной дорожки. Если в тоннеле Линкольна ее проложили достаточно высоко над проезжей частью, то в тоннеле Эйзенхауэра она шла так низко, что некоторые водители попытались объехать по ней пробку. Поэтому оставалось только одно: пробираться между автомобилями в кромешной тьме.

У Мусорного Бака скрутило живот.

Он долго стоял, глядя на тоннель. Месяцем раньше Ларри Андервуд вошел в тоннель, несмотря на страх. После долгих размышлений Мусорный Бак развернулся и зашагал обратно к Малышу, поникнув плечами, с дрожащими уголками рта. Назад его заставило повернуть не отсутствие свободного прохода и не длина тоннеля (Мусорник, который всю жизнь прожил в Индиане, понятия не имел, какова длина тоннеля Эйзенхауэра). Ларри Андервуд руководствовался в своих действиях как чистым эгоизмом, так и простой логикой выживания: Манхэттен — остров, и он должен с него выбраться. Тоннель — кратчайший путь. Пройти его надо как можно быстрее. Как с дурно пахнущим лекарством: зажимаешь нос и проглатываешь. Мусорный Бак привык к тому, что его бьют, привык получать удары и пинки судьбы и своей необъяснимой натуры... и принимал их, склонив голову. Встреча с Малышом обернулась катастрофой, выхолостила Мусорного Бака, практически лишила последних остатков разума. Его тащили вперед на скорости, угрожавшей целостности мозга. Под дулом пистолета он выпил целую банку пива и сумел после этого не блевануть. Его изнасиловали стволом револьвера. Он чуть не упал в пропасть с тысячефутового обрыва. И после всего этого от него хотели, чтобы он собрался с духом и заполз в дыру в основании горы, дыру, где в темноте, возможно, поджидали неведомые ему ужасы? Он не мог. Другие, возможно, могли — но не

Мусорный Бак. Кроме того, в идее возвращения была определенная логика. Логика побитого жизнью и наполовину обезумевшего человека — но обладающая извращенной притягательностью. Он находился *не на острове*. Если бы ему пришлось идти назад остаток этого дня и весь завтрашний, для того чтобы найти дорогу вокруг гор, а не сквозь горы, он бы это сделал. Ему предстояло проскользнуть мимо Малыша, это правда, но он надеялся, что Малыш передумал и уже ушел, несмотря на свои заявления. Или мертвецки напился. Или даже (хотя Мусорник искренне сомневался, что ему так повезет) просто умер. В самом худшем случае, если Малыш остался на прежнем месте, ждущий и наблюдающий, Мусорный Бак мог дождаться темноты, а потом проскользнуть мимо него, как

(ласка)

какой-нибудь маленький зверек в кустах. А потом шагать и шагать на восток, пока не найдет нужную ему дорогу.

Обратный путь к бензовозу, с цистерны которого он в последний раз видел Малыша и его легендарный «дьюс»-купе, занял у Мусорного Бака меньше времени. На этот раз он не стал забираться на цистерну, потому что Малыш мог заметить его силуэт на фоне вечернего неба, а пополз между автомобилями на четвереньках, стараясь не издавать ни звука. Малыш мог его поджидать. Предсказать поведение таких, как Малыш, не представлялось возможным... поэтому рисковать не стоило. Он даже пожалел, что не прихватил с собой армейскую винтовку, хотя никогда в жизни не держал в руках оружие. Мусорный Бак полз, и камешки больно вдавливались в ладонь его кисти-лапы. Было уже восемь вечера, и солнце скатилось за горы.

Мусорный Бак остановился за капотом «порше», о который разбилась брошенная Малышом бутылка, и осторожно выглянул. Увидел «дьюс»-купе Малыша, золотистый, с выпуклым лобовым стеклом, «акульим плавником» на крыше, режущим темно-фиолетовое вечернее небо. Малыш сидел за оранжевым флуоресцирующим рулем с закрытыми глазами и открытым ртом. Сердце Мусорного Бака принялось выстукивать в груди победную песнь. *Мертвецки пьян!* — выбивало его сердце. *Мертвецки пьян! Клянусь Богом! Мертвецки пьян!* Он подумал, что будет уже в двадцати милях к востоку, когда Малыш разлепит глаза.

И все-таки Мусорный Бак проявлял предельную осторожность. Бесшумно скользил от автомобиля к автомобилю, как водомерка по ровной поверхности пруда, обходя «дьюс»-купе слева, торопливо пересекая зазоры между застывшими машинами. Наконец он поравнялся с «дьюсом»-купе, миновал его — и автомобиль Малыша остался за спиной. Теперь требовалось лишь увеличить расстояние между ним и этим безумным...

— Не двигайся, членосос хренов!

Мусорник замер, стоя на четвереньках. Он надул в штаны, а его разум превратился в бешено машущую крыльями черную птицу паники.

Он начал поворачивать голову, очень медленно, сухожилия на шее скрипели, как петли дома с приведениями. У него за спиной стоял Малыш в роскошной рубашке, переливающейся зеленым и золотым, и выцветших вельветовых брюках. В каждой руке он держал по револьверу сорок пятого калибра, его лицо перекосила чудовищная гримаса ненависти и ярости.

— Я просто про-проверял дорогу, — услышал Мусорный Бак свой голос. — Чтобы у-убедиться, что путь сво-сво-свободен.

— Само собой, проверял на карачках, дундук. Я очищу тебе злогребучий путь. Поднимайся!

Каким-то образом Мусорному Баку удалось подняться и удержаться на ногах, схватившись за дверь стоящего справа от него автомобиля. Дыры-близнецы в револьверах Малыша казались такими же большими, как дыры-близнецы тоннеля Эйзенхауэра. Он смотрел на смерть. Он знал это. И не было правильных слов, чтобы отвести ее.

Поэтому Мусорный Бак молча взмолился темному человеку: *Пожалуйста... если будет на то твоя воля... я готов отдать за тебя жизнь!*

— Что там? — спросил Малыш. — Авария?

— Тоннель. Полностью забит автомобилями. Поэтому я вернулся, чтобы сказать тебе. Пожалуйста...

— Тоннель, — простонал Малыш. — Иисус-лысеющий-старина-Христос! — Он вновь нахмурился. — Ты мне врешь, гребаный пидор?

— *Нет!* Клянусь, нет! Там было написано: «Тоннель Изенхувера». Вроде бы так, но я плохо понимаю длинные слова. Я...

— Заткни пасть. Как далеко?

— Восемь миль. Может, и дальше.

Малыш некоторое время молчал, глядя на запад. Потом перевел взгляд на Мусорного Бака.

— Ты пытаешься сказать мне, что эта пробка тянется *восемь миль*? Ты, лживый мешок говна! — Малыш поставил оба курка на предохранительный взвод. Мусорный Бак, который понятия не имел, что бывает предохранительный взвод, по-женски взвизгнул и закрыл лицо руками.

— *Это правда!* — прокричал он. — *Правда! Я клянусь! Клянусь!*

Малыш долго смотрел на него. Наконец отпустил курки.

— Я намерен тебя убить, Мусорище. — Он улыбнулся. — Я намерен лишить тебя твоей злогребучей жизни. Но сначала мы прогуляемся к тому месту, где утром протискивались мимо столкнувшихся автомобилей. Ты сбросишь микроавтобус в пропасть. Тогда я смогу уехать и найти другой путь через горы. Я не собираюсь оставлять здесь мой гребаный автомобиль. — И раздраженно добавил: — Ни за что не оставлю!

— Пожалуйста, не убивай меня, — прошептал Мусорный Бак. — Пожалуйста.

— Если сбросишь этот «фолькс» меньше чем за пятнадцать минут, может, и не убью, — ответил Малыш. — Ты веришь в эту брень-хрень?

— Да, — ответил Мусорник. Но он успел приглядеться к неестественно блестевшим глазам Малыша и, конечно же, не верил ему.

Они направились к месту аварии. Мусорный Бак шагал впереди на подгибающихся ватных ногах. Малыш семенил следом, его кожаная куртка мягко поскрипывала. По кукольным губам гуляла рассеянная, почти нежная улыбка.

К тому времени, когда они добрались до разбитых автомобилей, сумеречный свет потускнел окончательно. Микроавтобус лежал на боку. Трупы трех или четырех людей, которые ехали в нем, переплелись руками и ногами. К счастью, хорошенько разглядеть их в надвигающейся темноте не представлялось возможным. Малыш прошел мимо микроавтобуса и остановился на обочине, глядя на то место, которое они чудом проскочили десятью часами

ранее. Один след от их колес остался, второй исчез вместе с частью обочины.

— Нет! — резко бросил Малыш. — Здесь нам больше не проехать, если не расчистим дорогу. Не говори мне, я скажу тебе.

На один короткий момент у Мусорного Бака возникло желание броситься на Малыша и попытаться столкнуть его в пропасть, но Малыш тут же повернулся. Револьверы он держал в руках, и они небрежно смотрели в живот Мусорного Бака.

— Скажи, Мусорище, у тебя в голове появились плохие мысли? Не пытайся отрицать. Я читаю их, как злогребучую книгу.

Мусорный Бак протестующе замотал головой из стороны в сторону.

— Никогда не ври мне, Мусорище. Я этого не терплю. А теперь толкай этот микроавтобус. У тебя пятнадцать минут.

Рядом на полустертой разметочной линии стоял «остин». Малыш распахнул пассажирскую дверь, небрежно вытащил раздувшийся труп девочки-подростка (кисть оторвалась, и Малыш отшвырнул ее, словно куриную ножку, которую только что обглодал), уселся на ковшеобразное сиденье, оставив ноги на асфальте. Добродушно махнул револьверами в сторону трясущегося всем телом Мусорного Бака.

— Время уходит, старина. — Малыш откинул голову и запел: — Ох... вот Джонни идет и свой пестик несет, он у нас с одним яйцом, на родео хочет он*... давай, Мусорище, не тяни, осталось только двенадцать минут... аламанд налево, аламанд направо**, давай, гребаный тупица, упирайся правой ногой...

Мусорник привалился к микроавтобусу. Уперся ногами и толкнул. Микроавтобус сдвинулся к пропасти на пару дюймов. В его сердце вновь начала расцветать надежда — этот неуничтожимый сорняк человеческой души. Малыш был нелогичным и импульсивным, безумнее сортирной крысы, как сказали бы Карли Ейтс и его дружки. Возможно, если он действительно сбросит микроавтобус в пропасть и расчистит путь для драгоценного «дьюса»-купе Малыша, этот псих все-таки не убьет его.

Возможно.

---

* Строки из «Песни о родео» (1983) канадской кантри-группы «Гэри Ли энд шоудаун».

** Искаженное название популярного танца эпохи барокко аллеманда.

Он наклонил голову, крепче ухватился за кузов «фольксвагена» и толкнул со всей силы. Боль полыхнула в недавно обгоревшей руке. Мусорный Бак понял, что нежная новая кожа скоро лопнет и тогда боль станет агонией.

Микроавтобус сдвинулся на три дюйма. Пот капал со лба и заливал глаза, жег, как теплое машинное масло.

— Ох, вот Джонни идет и свой пестик несет, он у нас с одним яйцом, на родео хочет он! — пел Малыш. — Что ж, аламанд налево, аламанд на...

Песня разом оборвалась. Мусорный Бак поднял голову, предчувствуя дурное. Малыш поднялся с пассажирского сиденья «остина». Он стоял боком к Мусорному Баку, уставившись на дорожные полосы, ведущие на восток. За ними поднимался каменистый, заросший кустами склон, закрывающий полнеба.

— Что это, блин, такое? — прошептал Малыш.

— Я ничего не слы...

Тут он *услышал*. По другую сторону автострады сыпались камешки. Внезапно он вспомнил ночной сон, вспомнил полностью. Кровь застыла в жилах, а изо рта испарилась вся слюна.

— *Кто здесь?* — прокричал Малыш. — *Вам лучше ответить! Отвечайте, черт побери, а не то я начну стрелять!*

И ему ответили, однако не человеческим голосом. Из ночи донесся вой, напоминающий хриплую сирену, поначалу громкий, но быстро сменившийся горловым рычанием.

— Святой Иисус! — Голос Малыша вдруг сорвался на визг.

Волки, поджарые серые волки с красными глазами и раскрытыми пастями, из которых капала слюна, спускались по склону на трассу и переходили с одной полосы на другую. Их было больше двух десятков. Мусорный Бак в экстазе ужаса вновь надул в штаны.

Малыш обошел «остин», поднял револьверы и начал стрелять. Пламя вырывалось из стволов, выстрелы эхом отдавались от горных склонов, таким громким, что могло создаться впечатление, будто работает артиллерия. Мусорный Бак закричал и сунул указательные пальцы в уши. Ночной ветер рвал облако порохового дыма, свежего, ядреного и горячего. Запах сгоревшего пороха жег нос.

Волки приближались все с той же скоростью, быстро перебирая ногами. Их глаза... Мусорный Бак обнаружил, что не может

отвести взгляда от их глаз. Не могло быть таких глаз у... обыкновенных волков, в этом он совершенно не сомневался. Точно знал, что видит глаза их Владыки. Их Владыки и его Владыки. Внезапно Мусорный Бак вспомнил свою молитву — и перестал бояться. Вытащил пальцы из ушей. Забыл про мочу, текущую по ногам. Заулыбался.

Малыш опорожнил барабаны обоих револьверов, уложив трех волков. Сунул револьверы в кобуры, не попытавшись перезарядить их, и повернулся лицом к западу. Прошел десять шагов и остановился. Другие волки приближались по автостраде, серыми тенями лавируя среди застывших автомобилей. Один поднял морду к небу и завыл. К нему присоединился второй, ко второму — третий, к третьему — все остальные. Потом они продолжили путь.

Малыш попятился. Попытался перезарядить один револьвер, но патроны вываливались из его трясущихся пальцев. Внезапно он сдался. Револьвер выпал из руки и запрыгал по асфальту. Словно восприняв это как сигнал, волки бросились на Малыша.

С пронзительным криком ужаса Малыш развернулся и побежал к «остину». Второй револьвер вывалился из низко висящей кобуры и тоже упал на дорогу. С глухим ревом ближайший к Малышу волк прыгнул на него в тот самый момент, когда он нырнул в «остин» и захлопнул дверь.

Едва успел. Волка отбросило от двери, он зарычал громче, его красные глаза вращались в орбитах. К нему присоединились другие волки, и в считанные секунды «остин» оказался в сером кольце. Из окна маленькой белой луной выглядывало лицо Малыша.

Потом один из волков направился к Мусорному Баку, наклонив треугольную голову. Его глаза светились, как аварийные лампы.

Я готов отдать за тебя жизнь...

Твердым шагом, нисколько не боясь, Мусорник двинулся к волку. Протянул обожженную руку, и волк ее лизнул. Через мгновение сел у ног Мусорного Бака, свернув колечком лохматый хвост.

Малыш с отвисшей челюстью смотрел на него.

Широко улыбаясь, Мусорный Бак показал ему средний палец.

Два пальца. На обеих руках. И закричал:

— Мать твою! Сдохни! Ты меня слышишь? *ТЫ ВЕРИШЬ В ЭТУ БРЕНЬ-ХРЕНЬ? СДОХНИ! НЕ ГОВОРИ МНЕ, Я СКАЖУ ТЕБЕ!*

Челюсти волка мягко сомкнулись на здоровой руке Мусорного Бака. Он посмотрел вниз. Волк уже стоял и легонько тянул его, тянул на запад.

— Хорошо, — не споря, согласился Мусорный Бак. — Пошли.

Он зашагал на запад, а волк пристроился сзади, словно хорошо выдрессированный пес. Тут же к ним присоединились еще пять волков, появившихся из-за застывших автомобилей. Теперь один шел спереди, один — сзади, по два — с каждой стороны. Мусорный Бак превратился в почетного гостя, получившего соответствующий его статусу эскорт.

Один раз он остановился и оглянулся. И навсегда запомнил увиденное: сидящие на асфальте волки терпеливым серым кольцом окружали маленький «остин», а за стеклом маячил бледный диск лица Малыша, и его губы пребывали в непрерывном движении. Волки с вываленными из пасти языками, казалось, ухмылялись Малышу. Будто спрашивали, сколько пройдет времени, прежде чем он вышвырнет темного человека из старого доброго Вегаса. Сколько именно?

Мусорный Бак задался вопросом: как долго волки будут сидеть вокруг маленького «остина», взяв его в зубастое кольцо? Ответ, разумеется, был прост: сколько понадобится. Два дня, три, может, четыре. И Малыш будет сидеть, выглядывая из окон. Без еды (если только в «остине» не ехал кто-то еще, помимо девочки-подростка), без питья, а в полдень температура в крохотной кабине будет достигать ста тридцати градусов*. Верные псы темного человека будут ждать, пока Малыш не сдохнет от голода или не обезумеет до такой степени, что попытается прорваться сквозь кольцо осады. Мусорный Бак засмеялся в темноте. Малыш не такой уж и большой. Волкам достанется разве что по кусочку. Но и этот кусочек может их отравить.

— Я прав? — воскликнул он и захохотал, вскинув лицо к ярким звездам. — Не говори *мне*, верю ли я в эту брень-хрень! Я, мать твою, скажу *ТЕБЕ*!

---

* По Фаренгейту; примерно 54,4 °С.

Его серо-призрачные спутники степенно шли рядом, не обращая никакого внимания на крики. Когда они добрались до «дьюса»-купе Малыша, волк, который замыкал шествие, подошел к автомобилю, понюхал «Уайд овалс», а потом, сардонически улыбаясь, поднял лапу и пустил струю на колесо.

Мусорный Бак снова расхохотался. Он смеялся, пока слезы не брызнули у него из глаз и не потекли по заскорузлым, заросшим щетиной щекам. Его безумию, как сложному блюду, требующему долгого приготовления, не хватало только солнца пустыни, которое стало бы последним, завершающим картину штрихом.

Они шли — Мусорный Бак и его сопровождающие. Автомобилей прибавилось, и теперь волки либо проползали под ними на животах, либо запрыгивали на них и шли рядом с ним по багажникам, крышам, капотам — жизнерадостные молчаливые компаньоны с красными глазами и сверкающими зубами. Когда уже после полуночи они оказались у входа в тоннель Эйзенхауэра, Мусорный Бак, не колеблясь, решительно вошел в пасть, ведущую на запад. Как он мог теперь бояться? Чего ему бояться с такими охранниками?

Это было долгое путешествие, и он потерял счет времени вскоре после начала. Вслепую продвигался от автомобиля к автомобилю. Один раз рука Мусорного Бака погрузилась во что-то мягкое и отвратительно-влажное, раздался негромкий хлопок, и его обдало тошнотворным зловонием. Даже тогда он не сбился с шага. Иногда он видел в темноте красные глаза, всегда впереди, всегда зовущие за собой.

Через некоторое время он почувствовал, что воздух посвежел, и заторопился. Один раз потерял равновесие и свалился с капота автомобиля, больно ударившись головой о бампер другого, стоящего впереди. Вскоре, подняв глаза, вновь увидел звезды. Небо уже светлело в преддверии зари. Тоннель остался позади.

Его охранники растворились в темноте. Мусорный Бак упал на колени и произнес долгую, бессвязную благодарственную молитву. Он увидел, на что способен темный человек, увидел собственными глазами.

Несмотря на все переживания, которые выпали на его долю со вчерашнего утра, когда он проснулся в номере мотеля в Голдене, а Малыш стоял перед зеркалом и любовался своей прической,

спать Мусорному Баку не хотелось: восторг, который он ощущал, не позволил бы ему уснуть. Автомобилей хватало и после тоннеля, но уже через две мили дорога в достаточной степени очистилась, чтобы он мог без труда лавировать между ними. Зато по другую сторону разделительной полосы, на въезде в тоннель, автомобили стояли плотными рядами.

К полудню, миновав перевал Вейл, он добрался до одноименного города и шел мимо кондоминиумов и жилых комплексов. Тут усталость сокрушила его. Он разбил окно, открыл дверь, нашел кровать. И отключился до следующего утра.

Прелесть религиозной мании состоит в том, что она может объяснить все. Когда Бог (или Сатана) становится первопричиной всего, что происходит в смертном мире, исчезает смысл пробовать... или менять. Когда в ход идут фразы-заклинания «теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло»* или «неисповедимы пути, которые Он выбирает, и чудеса, которые Он творит», логику можно легко выкинуть на помойку. Религиозная мания — один из немногих безошибочных способов реагирования на превратности судьбы, поскольку она целиком и полностью вычеркивает случайность. Для истинного религиозного маньяка *все* целенаправленно.

И вполне вероятно, что именно по этой причине Мусорный Бак около двадцати минут говорил с вороной на дороге к западу от Вейла, в полной уверенности, что перед ним — посланница темного человека... или сам темный человек. Ворона молчаливо слушала его, сидя на телефонном проводе, и не улетала, пока ей не стало скучно или она не проголодалась... или пока Мусорный Бак не высказал все похвалы и заверения в верности.

Он раздобыл себе новый велосипед около Гранд-Джанкшена и к двадцать пятому июля катил через западную Юту по шоссе 4, которое связывало автостраду 89 на востоке с автострадой 15 на юго-востоке, протянувшейся от севера Солт-Лейк-Сити до Сан-Бернардино, штат Калифорния. И когда переднее колесо внезапно решило отделиться от велосипеда и продолжить свой путь в пустыню самостоятельно, Мусорный Бак перелетел через руль и при ударе об асфальт просто не мог не размозжить голову (по-

* Первое послание к коринфянам, 13:12.

скольку ехал без шлема со скоростью сорок миль в час). Тем не менее он смог подняться всего через пять минут, хотя кровь и струилась по его лицу из пяти или шести порезов и ссадин, смог пританцовывать, стоя на месте, кривясь от боли, смог запеть:

— Си-а-бола, я готов отдать за тебя жизнь, Си-а-бола, Си-а-бола, ба-бабах, ба-бабах, бах!

Нет лучшего бальзама для истерзанной души или разбитой головы, чем хорошая доза заклинания: «Воля твоя будет исполнена».

Седьмого августа Ллойд Хенрид вошел в номер на тринадцатом этаже «МГМ-Гранд-отеля», куда днем раньше поселили обезвоженного и полубезумного Мусорного Бака. Посреди комнаты стояла круглая кровать, застланная шелковыми простынями, а к потолку крепилось одного с ней размера круглое зеркало.

Мусорный Бак посмотрел на Ллойда.

— Как себя чувствуешь, Мусорник? — спросил Ллойд, оглядываясь.

— Хорошо, — ответил Мусорный Бак. — Лучше.

— Еда, вода и отдых — это все, что тебе требовалось, — кивнул Ллойд. — Я принес чистую одежду. Размер брал навскидку.

— По-моему, подойдет. — Мусорник не помнил своих размеров. Взял джинсы и рубашку.

— Спускайся завтракать, когда оденешься. — Голос Ллойда звучал чуть ли не почтительно. — Большинство из нас ест в кафетерии.

— Да. Конечно.

Кафетерий гудел от разговоров, и Мусорный Бак остановился в коридоре за углом, охваченный внезапным страхом. Они уставятся на него, когда он войдет. Уставятся и начнут смеяться. Кто-то хохотнет первым в глубине зала, кто-то еще присоединится к нему, а потом все примутся хохотать и указывать на него пальцем.

Эй, уберите спички, вон идет Мусорный Бак!

Эй, Мусорник! Что сказала старуха Семпл, когда ты сжег ее пенсионный чек?

Часто ссышь в постель, Мусорище?

Пот выступил у него на коже, и он почувствовал себя грязным, несмотря на душ, который принял после ухода Ллойда. Вспомнил

свое лицо в зеркале в ванной, покрытое подживающими струпьями, свое тело, такое высохшее, свои глаза, слишком маленькие для пещер-глазниц. Да, они будут смеяться. Он прислушался к гулу разговоров, звяканью ножей и вилок и подумал, что ему лучше уйти.

Но тут же вспомнил, как волк взял его за руку, так нежно, и увел от металлической могилы Малыша. Мусорник расправил плечи и вошел в кафетерий.

Несколько человек коротко глянули на него, а потом вернулись к еде и разговорам. Ллойд, который сидел за большим столом в центре зала, поднял руку и помахал. Мусорник направился к нему, лавируя между столами, прошел под большим темным электронным табло. За столом, помимо Ллойда, сидели еще трое мужчин. Все ели яичницу с ветчиной.

— Пойди возьми себе что-нибудь на столе с паровым подогревом.

Мусорный Бак взял поднос и принялся наполнять его едой. Мужчина за стойкой, крупный, в белом, но грязном поварском наряде, наблюдал за ним.

— Вы мистер Хоргэн? — застенчиво спросил Мусорный Бак.

Хоргэн улыбнулся, показав редкие зубы.

— Да, но ты ко мне так не обращайся. Зови меня Белый. Тебе получше? Вчера ты больше напоминал гнев Божий.

— Гораздо лучше, конечно.

— Налегай на эти яйца, бери сколько хочешь. А картошки поменьше. Я бы так сделал на твоем месте. Она приготовлена давно и подсохла. Хорошо, что ты с нами, парень.

— Спасибо, — улыбнулся Мусорник.

Он вернулся к столу Ллойда.

— Мусорник, это Кен Демотт. Этот парень с лысиной — Гектор Дроугэн. А этот, который пытается уподобить лицо своей густо поросшей жопе, называет себя Одиноким Тузом.

Они все кивнули ему.

— А это наш новичок, — продолжил Ллойд. — Его зовут Мусорный Бак.

Последовали рукопожатия. Мусорник принялся за яичницу. Затем он посмотрел на молодого парня с редкой бороденкой и тихо и вежливо спросил:

— Вас не затруднит передать мне соль, мистер Туз?

Мгновение все удивленно переглядывались, а потом расхохотались. Мусорник смотрел на них, в его груди поднималась паника, а потом он услышал смех, действительно услышал, не только ушами, но и рассудком, и понял, что в нем нет ни капли злобы. Никто не собирался спрашивать, почему он сжег церковь, а не школу. Никто не собирался подкалывать его насчет сожженного пенсионного чека старухи Семпл. И он тоже мог улыбнуться, если хотел. И улыбнулся.

— Мистер Туз, — сквозь смех выдавил Дроугэн. — Мистер *Туз*, мне это нравится. *Ми-и-истер Ту-у-уз*. Чел, это, блядь, круто!

Одинокий Туз передал Мусорному Баку соль.

— Просто Туз, дружище. Я сразу откликнусь. Ты не называешь меня мистером Тузом, а я не буду называть тебя мистером Баком. Идет?

— Идет. — Мусорный Бак продолжал улыбаться. — Договорились.

— Ох, мистер Ту-у-уз! — фальцетом прокричал Гек Дроугэн. Вновь рассмеялся. — Туз, теперь это к тебе прилипнет. Клянусь. Прилипнет.

— Может, и так, но я это переживу, — ответил Одинокий Туз и поднялся за добавкой. Его рука на мгновение сжала плечо Мусорного Бака. Теплая и крепкая. Дружелюбная рука, не пытающаяся причинить боль.

Мусорный Бак ел яичницу, чувствуя, как внутри разливается приятная теплота. Ощущение настолько незнакомое, что почти болезненное. Очищая тарелку, он пытался выделить его, понять. Мусорный Бак поднял голову, посмотрел на окружающие его лица и подумал, что, возможно, знает, что это за ощущение.

Счастье.

Какие хорошие здесь люди, подумал он.

И еще: *Я дома.*

В этот день ему позволили отоспаться, а на следующий вместе со многими другими повезли на автобусах на плотину Боулдер. Они провели день, наматывая медную проволоку на сердечники сгоревших электродвигателей. Мусорный Бак работал на скамье, с которой открывался вид на воду, на озеро Мид, и никто за ним

не присматривал. Он предположил, что это и не нужно, поскольку всем, как и ему, нравится то, что они делают.

На следующий день он выяснил, что ошибался.

Утром, в четверть одиннадцатого, Мусорный Бак сидел на скамье, наматывая медную проволоку. Работу делали пальцы, а мыслями он находился в миллионе миль отсюда. Сочинял благодарственный псалом темному человеку. Ему уже пришло в голову, что он должен раздобыть большую книгу (если на то пошло — Книгу) и начать записывать некоторые свои мысли о *нем*. Возможно, это будет Книга, которую когда-нибудь захотят прочитать люди. Люди, относившиеся к *нему* так же, как Мусорник.

К его скамье подошел Кен Демотт, бледный и испуганный, несмотря на загар.

— Пошли. Работа закончена. Мы возвращаемся в Вегас. Все. Автобусы ждут.

— Что? Почему? — заморгал Мусорный Бак.

— Не знаю. Это *его* приказ. Ллойд — всего лишь передаточное звено. Жопу в горсть, Мусорище. Лучше не задавать вопросов, когда дело касается нашего крутого парня.

Больше Мусорный Бак вопросов не задавал. На Гувер-драйв стояли три автобуса департамента образования Лас-Вегаса, их двигатели урчали на холостых оборотах. Мужчины и женщины поднимались в салоны и рассаживались. Почти все молчали, и этим дневная поездка кардинально отличалась от утренней и вечерней: обычно у двух десятков женщин и трех десятков мужчин всегда находились темы для разговоров. Однако сейчас все замкнулись. Когда они подъезжали к городу, Мусорный Бак услышал, как мужчина, сидевший через проход от него, тихо говорит своему соседу:

— Это Гек. Гектор Дроугэн. Черт побери, как *он* все вызнает?

— Заткнись! — оборвал его второй мужчина и бросил недоверчивый взгляд на Мусорного Бака.

Мусорник отвел глаза и уставился в окно, за которым проплывала пустыня. На душе у него вдруг вновь стало тревожно.

— О Господи! — выдохнула одна женщина, когда они выходили из автобуса, но больше никто не произнес ни слова.

Мусорный Бак в недоумении огляделся. Казалось, будто здесь собрались все, все жители Сиболы. Их всех вызвали в го-

род, за исключением нескольких разведчиков, которые могли быть где угодно, от Мексиканского полуострова до западного Техаса. Люди, общим числом более четырехсот человек, расположились полукругом у фонтана, в шесть или семь рядов. В задних рядах некоторые встали на принесенные из отеля стулья, чтобы все видеть, и поначалу Мусорный Бак подумал, что они смотрят на фонтан. Потом, вытянув шею, разглядел что-то, лежащее на лужайке перед фонтаном, но не смог понять, что это такое.

Рука сжала его локоть. Ллойд. С бледным, напряженным лицом.

— Я тебя искал. Потом *он* хочет повидаться с тобой. А пока у нас это. Господи, как я это ненавижу! Пошли. Мне нужна помощь, и ты избран.

Голова у Мусорного Бака шла кругом. *Он* хотел повидаться с ним. *Он!* А пока его ждало это... что бы *это* ни было.

— Что, Ллойд? Что именно?

Ллойд не ответил. Все еще легонько придерживая Мусорного Бака за локоть, повел его к фонтану. Толпа разделялась перед ними, люди чуть ли не шарахались в стороны. Узкий коридор, по которому они проходили, казалось, отгораживали холодные стены презрения и страха.

Перед толпой стоял Уитни Хоргэн. Курил сигарету, поставив ногу в «Хаш паппис» на предмет, который Мусорник не сумел разглядеть прежде. Деревянный крест. Длиной двенадцать футов. Он напоминал грубую букву «t».

— Все здесь? — спросил Ллойд.

— Да, — кивнул Белый. — Думаю, да. Мигун провел перекличку. Девять человек сейчас за пределами штата. Флэгг велел про них забыть. Держишься, Ллойд?

— Я в порядке, — ответил Ллойд. — Ну... не в порядке, но ты знаешь... я выдержу.

Белый мотнул головой в сторону Мусорного Бака:

— А что знает этот пацан?

— Я ничего не знаю. — Замешательство Мусорного Бака нарастало. Надежда, восторг и ужас сошлись в его душе в непонятной ему схватке. — В чем дело? Кто-то что-то сказал насчет Гека...

— Да, это Гек, — кивнул Ллойд. — Он принимал кокаин. Гребаный нюхач, как же я ненавижу этого гребаного нюхача! Давай, Уитни, скажи им, чтобы его привели.

Белый отвернулся от Ллойда и Мусорника, переступил через прямоугольную дыру в земле. Дыру с бетонными стенками, размером точно соответствующую основанию креста. Когда Уитни Хоргэн по прозвищу Белый поднимался по широким ступеням между двумя золотыми пирамидами, Мусорный Бак почувствовал, что во рту высохла вся слюна. Сначала он повернулся к толпе, молчаливым полумесяцем стоявшей под синим небом. Потом к Ллойду, бледному и тоже молчаливому, который смотрел на крест и ковырял белую головку прыща на подбородке.

— Ты... мы... распнем его? — наконец сумел выдавить из себя Мусорный Бак. — Мы здесь за этим?

Ллойд внезапно сунул руку в карман вылинявшей рубашки.

— Знаешь, у меня кое-что есть для тебя. От *него*. Я не могу заставить тебя взять это, но хорошо хоть вспомнил, что надо предложить. Возьмешь?

Он достал из нагрудного кармана золотую цепочку, на которой висел кусок черного янтаря. С маленькой красной щелью, как и у Ллойда. Теперь камень мотался перед глазами Мусорного Бака, будто амулет гипнотизера.

Правда читалась в глазах Ллойда, слишком явная, чтобы ее не признать, и Мусорный Бак понимал, что не сможет плакать и ползать — ни перед *ним*, ни перед кем бы то ни было, но прежде всего перед *ним*, — скуля, что до него не дошло. *Возьми этот камень, и ты возьмешь все*, — говорили глаза Ллойда. — *А что не включено во все? Само собой — Гек Дроугэн. Гек и эта забетонированная яма в земле, яма под основание креста Гека.*

Он медленно протянул к камню руку. Она на мгновение замерла, не коснувшись золотой цепочки.

Это мой последний шанс. Мой последний шанс остаться Дональдом Мервином Элбертом.

Однако другой голос, говоривший куда более властно (но не без мягкости, словно прохладная рука на пылающем лбу), сказал ему, что время выбора давно прошло. Если сейчас он выберет Дональда Мервина Элберта, то умрет. Он искал темного человека по собственной свободной воле (как будто существовало понятие «свободная воля» для мусорников этого мира), он принимал бла-

годеяния темного человека. Темный человек спас его от смерти, уготовленной ему Малышом (мысль о том, что именно для этого темный человек и *послал* Малыша, не приходила Мусорному Баку в голову), и, конечно же, это означало, что теперь он задолжал свою жизнь этому самому темному человеку... которого кое-кто называл Странником. Его жизнь! Разве он сам не предлагал ее *ему* снова и снова?

Но твоя душа... ты предлагал ему свою душу?

Взялся за гуж — не говори, что не дюж, подумал Мусорный Бак и осторожно обхватил пальцами одной руки цепочку, а другой — темный камень. Холодный и гладкий. Какое-то время подержал камень в кулаке, чтобы понять, сможет ли его согреть. Не думал, что ему это удастся, и оказался прав. Надел цепочку на шею, и камень прижался к коже, как маленький шарик льда.

Но он и не возражал против идущего от камня холода.

Этот холод уравновешивал огонь, всегда пылавший в его разуме.

— Просто скажи себе, что ты не знаешь его, — посоветовал Ллойд. — В смысле — Гека. Я так всегда делаю. Так легче. Это...

Широкие двери отеля с грохотом распахнулись. Из них донеслись исступленные, испуганные крики. Толпа ахнула.

По ступенькам спускалась группа из девяти человек. Гектора Дроугэна взяли в плотное кольцо. Он сражался, как тигр, пойманный сетью. На скулах мертвенно-бледного лица краснели пятна румянца. Пот ручьями струился по его телу. Он был гол. Пять человек держали Гека. В том числе и Одинокий Туз, которого Гек подначивал насчет мистера.

— Туз! — забормотал Гектор. — Туз, что скажешь? Почему бы тебе не помочь, а? Скажи им, пусть прекратят, чел... я смогу избавиться от этой привычки, клянусь Богом, смогу избавиться. Что скажешь? Помоги мне! *Пожалуйста,* Туз!

Одинокий Туз промолчал и еще крепче сжал руку вырывающегося Гека. Молчание вполне сошло за ответ. Гектор Дроугэн вновь начал кричать. Его по-прежнему тащили к фонтану.

За ним, словно в торжественной похоронной процессии, шли трое мужчин: Уитни Хоргэн с большим саквояжем, Рой Хупс со стремянкой и Мигун Уинкс, лысый, с постоянно подергивающимися глазами. Мигун нес папку с зажимом и листом бумаги, на котором был напечатан текст.

Гека подтащили к основанию креста. От него расходились волны жуткого запаха страха. Глаза закатились, показывая мутные белки, напоминая глаза лошади, оставленной в грозу под открытым небом.

— Эй, Мусорище! — прохрипел он, когда Рой Хупс поставил стремянку у него за спиной. — Мусорный Бак! Скажи им, дружище, пусть прекратят. Скажи им, я избавлюсь от этой привычки. Скажи им, что такой испуг действует лучше всех этих гребаных реабилитационных клиник. Скажи им, чел!

Мусорный Бак смотрел себе под ноги. Голову он наклонил так, что черный камень отлепился от груди и попал в поле зрения. Красная щель в форме глаза пристально смотрела на него снизу вверх.

— Я тебя не знаю, — пробормотал он.

Краем глаза Мусорный Бак увидел, что Белый опустился на одно колено. Из уголка его рта свешивалась сигарета, левый глаз прищурился от едкого дыма. Он уже открыл саквояж и доставал из него острые деревянные гвозди. Объятому ужасом Мусорнику они показались огромными, как колышки палатки. Белый положил гвозди на землю и вытащил из саквояжа большой деревянный молоток.

Несмотря на шум голосов, слова Мусорного Бака, похоже, пробили туман паники, застилавший разум Гектора Дроугэна.

— Как это ты не знаешь меня?! — пронзительно выкрикнул он. — Два дня тому назад мы вместе завтракали! Ты назвал вот этого парня мистер Туз! *Как это ты меня не знаешь, трусливый врун?*

— Я совершенно тебя не знаю, — ответил Мусорник чуть окрепшим голосом. И почувствовал облегчение. Он видел перед собой незнакомца, причем отдаленно незнакомец этот напоминал Карли Ейтса. Рука поднялась к камню и сжала его. Идущий от камня холод придал ему еще большую уверенность.

— *Ты лжец!* — прокричал Гек. Вновь принялся вырываться. Мышцы натягивались и раздувались, пот тек по груди и рукам. — *Ты лжец! Ты знаешь меня! Ты знаешь, лжец!*

— Нет, я не знаю тебя. Я не знаю тебя и не хочу тебя знать!

Гек опять начал кричать. Четверо мужчин с огромным трудом удерживали его, тяжело дыша.

— Давайте! — приказал Ллойд.

Гека потащили назад. Один мужчина подставил ногу, и Гек повалился на спину, наполовину приземлившись на крест. Тем временем Мигун начал зачитывать текст с листа, закрепленного на папке, его пронзительный голос прорезал вопли Гека, как визг циркулярной пилы.

— Внимание, внимание, внимание! По приказу Рэндалла Флэгга, Лидера народа и Первого гражданина, этот человек по имени Гектор Алонсо Дроугэн приговаривается к смертной казни — распятию на кресте. Таково наказание за употребление наркотиков.

— Нет! Нет! Нет! — в смертельном ужасе прокричал Гек. Его левая рука, скользкая от пота, вырвалась из пальцев Одинокого Туза.

Инстинктивно Мусорник упал на колени и схватил руку, приложив кисть к перекладине креста. Секундой позже Белый уже стоял на коленях рядом с ним с деревянным молотком и двумя гвоздями. Сигарета по-прежнему свисала из уголка его рта. Он напоминал человека, который собирается что-то починить у себя во дворе.

— Да, хорошо, так его и держи, Мусорник. Я его пришпилю. Не займет и минуты.

— Употребление наркотиков запрещено в Народном союзе, поскольку наркотики уменьшают способность человека служить Союзу, — вещал Мигун. Он говорил быстро, как аукционист, его веки пребывали в непрерывном движении. — В данном конкретном случае у обвиняемого Гектора Дроугэна найдено оборудование для приема наркотиков и большое количество кокаина.

Теперь крики Гека достигли пика, стали такими пронзительными, что могли бы разрушить кристалл. Его голова моталась из стороны в сторону. На губах выступила пена. Кровь текла по рукам шестерых человек, включая Мусорного Бака, когда они поднимали крест и устанавливали его основание в бетонное гнездо. На фоне неба появился силуэт кричащего от боли Гектора Дроугэна с запрокинутой головой.

— ...делается во благо Народного союза, — продолжал вещать Мигун. — Это сообщение заканчивается серьезным предупреждением и наилучшими пожеланиями людям Лас-Вегаса. Пусть этот список истинных фактов будет прибит над головой преступ-

ника, и пусть его скрепит печать Первого гражданина, имя которого *РЭНДАЛЛ ФЛЭГГ*.

— *Господи, как же БОЛЬНО!* — кричал над ними Гектор Дроугэн. — *О Господи, Господи, Господи, Господи!*

Толпа оставалась на месте почти час, никто не решался уйти первым. На многих лицах читалось отвращение, на некоторых — нервное возбуждение... и на всех без исключения — страх.

Мусорный Бак страха не испытывал. С чего ему было бояться? Он не знал этого человека.

Совершенно его не знал.

Вечером того же дня, в четверть одиннадцатого, Ллойд пришел в комнату Мусорного Бака. Оглядел его.

— Ты одет. Хорошо. Я думал, ты уже мог лечь спать.

— Нет, — ответил Мусорный Бак. — Я не ложился. А что?

Ллойд понизил голос:

— Время пришло, Мусорище. Он хочет видеть тебя. Флэгг.

— Он?..

— Да.

— Где он? — взволнованно спросил Мусорный Бак. — Я готов отдать за него жизнь, да!

— На верхнем этаже, — ответил Ллойд. — Вернулся, пока мы хоронили тело Дроугэна. С побережья. Уже был у себя, когда мы с Белым приехали с кладбища. Никто не видит, как он уходит и приходит, Мусорник, но все знают, на месте он или нет. Пошли.

Четырьмя минутами позже кабина лифта остановилась на последнем этаже, и Мусорный Бак вышел из нее. На его лице читалось благоговение, глаза сияли. Ллойд остался в лифте.

Мусорник повернулся к нему:

— Разве ты?..

Ллойд попытался улыбнуться, но получилась кислая гримаса.

— Нет. Он хочет видеть тебя одного. Удачи тебе, Мусорник.

И, прежде чем тот успел что-либо ответить, двери лифта захлопнулись, отсекая Ллойда.

Мусорный Бак осмотрелся. Он стоял в просторном, роскошном вестибюле. Здесь было две двери... и одна, в дальнем конце,

медленно открывалась. За ней царила темнота. Но Мусорник видел силуэт в дверном проеме. И глаза. Красные глаза.

Сердце медленно стучало в его груди, во рту пересохло. Мусорный Бак направился к силуэту. С каждым шагом воздух вокруг него становился все холоднее. Мурашки побежали по сожженным солнцем рукам. Где-то глубоко внутри труп Дональда Мервина Элберта перевернулся в могиле и закричал.

Потом угомонился.

— Мусорный Бак, — сказал тихий и обаятельный голос, — как хорошо, что ты пришел. Очень хорошо.

Слова с трудом слетали с его губ.

— Моя... я готов отдать за тебя жизнь.

— Да, — обволакивающим голосом ответил силуэт у двери. Губы разошлись в улыбке, обнажив белые зубы. — Но, думаю, до этого не дойдет. Заходи. Дай мне взглянуть на тебя.

С по-прежнему сияющими глазами, с расслабленным, как у лунатика, лицом Мусорный Бак переступил порог. Дверь закрылась, их окружил сумрак. Невероятно горячая рука сомкнулась на ледяной руке Мусорного Бака... и внезапно он ощутил умиротворенность.

— У меня есть для тебя работа в пустыне, Мусорник. Великая работа. Если ты захочешь.

— Готов на все, — прошептал Мусорный Бак. — Готов на все.

Рэндалл Флэгг обнял его сутулые плечи.

— Ты у меня будешь поджигать. Пошли, выпьем чего-нибудь и поговорим об этом.

И да, речь пошла о великом пожаре.

Глава 49

Люси Суонн проснулась за пятнадцать минут до полуночи, судя по часам «Пульсар», которые она носила на левой руке. На западе, где высились горы — Скалистые горы, с трепетом отметила она, — бесшумно сверкали зарницы. До этого путешествия она не бывала западнее Филадельфии, где жил брат ее мужа. Раньше жил.

Вторая половина двойного спального мешка пустовала. Она подумала о том, чтобы просто перекатиться на другой бок и снова заснуть — он вернется, когда сочтет нужным, — но потом встала и тихонько пошла туда, где рассчитывала его найти, в западную часть лагеря. Люси двигалась бесшумно, никого не тревожа. За исключением, разумеется, Судьи. Он нес вахту с десяти вечера до полуночи, и не было случая, чтобы Судья Феррис задремал на посту. Ему уже перевалило за семьдесят, и он присоединился к ним в Джольете. Теперь их стало девятнадцать: пятнадцать взрослых, трое детей и Джо.

— Люси? — шепотом позвал Судья.

— Да. Вы видели?..

Тихий смешок.

— Конечно. Он на шоссе. Так же, как и прошлой ночью, и позапрошлой.

Она подошла ближе и увидела у него на коленях раскрытую Библию.

— Судья, вы сломаете глаза.

— Ерунда. Для чтения Библии лучше звездного света не сыскать. Может, только при этом свете ее и следует читать. Как насчет этого? *«Не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наемника? Как раб жаждет тени, и как наемник ждет окончания работы своей, так я получил в удел месяцы суетные, и ночи горестные отчислены мне. Когда ложусь, то говорю: «когда-то встану?», а вечер длится, и я ворочаюсь досыта до самого рассвета»**.

— Круто, — без энтузиазма прокомментировала Люси. — Действительно мило, Судья.

— Это не мило, это Иов. Нет ничего действительно милого в Книге Иова, Люси. — Он закрыл Библию. — *«Я ворочаюсь досыта до самого рассвета»*. Это твой мужчина, Люси. Это Ларри Андервуд. Без прикрас.

— Я понимаю, — вздохнула она. — Если бы я только знала, что с ним не так.

Судья мог бы высказать свои соображения на этот счет, но предпочел промолчать.

---

* Книга Иова, 7:1—4.

— Это не сны, — продолжила Люси. — Никто их больше не видит, за исключением разве что Джо. А Джо... другой.

— Да. Это точно. Бедный мальчик.

— И все здоровы. По крайней мере с тех пор, как умерла миссис Воллман. — Через два дня после того, как к ним присоединился Судья, в их компанию влились мужчина и женщина, представившиеся как Дик и Салли Воллман. Люси сильно сомневалась, что «супергрипп» мог пощадить одновременно мужа и жену, и подозревала, что их брак нигде не зарегистрирован, а семейная жизнь началась совсем недавно. Им обоим было за сорок, и, несомненно, они очень любили друг друга. Потом, неделю назад, в доме старой женщины в Хемингфорд-Хоуме Салли Воллман заболела. Они оставались там два дня, беспомощно ожидая, выздоровеет она или умрет. Она умерла. Дик Воллман по-прежнему оставался с ними, но стал другим человеком — молчаливым, ушедшим в себя, бледным.

— Он принимает это близко к сердцу, да? — спросила она Судью Ферриса.

— Ларри — человек, который сравнительно поздно нашел себя в жизни. — Судья откашлялся. — По крайней мере таким я его воспринимаю. Людям, которые не сразу находят себя, свойственна некоторая неуверенность. Они обладают всеми качествами, которые, как скажет нам любой учебник по гражданскому праву, должны быть у добропорядочного гражданина: он отстаивает свои убеждения, но не до фанатизма, учитывает факты, относящиеся к той или иной ситуации, но никогда не пытается их исказить, на властной позиции чувствует себя не в своей тарелке, но крайне редко уходит от ответственности, если она возлагается на него... или даже ему навязывается. В демократическом обществе такие люди становятся лучшими лидерами, поскольку крайне мала вероятность того, что они влюбятся во власть. Скорее наоборот. А когда что-то идет не так... например, умирает миссис Воллман... Мог ли это быть диабет? — прервал сам себя Судья. — Я думаю, да. Синюшная кожа, быстро наступившая кома... возможно, возможно. Но если так, где был ее инсулин? Может, она позволила себе умереть? Может, это было самоубийство?

Судья вдруг замолчал, задумавшись, сцепив руки под подбородком, напоминая погруженную в размышления черную хищную птицу.

— Вы хотели сказать, что происходит, если что-то идет не так, — мягко напомнила Люси.

— Если что-то идет не так — Салли Воллман умирает от диабета, или внутреннего кровотечения, или чего-то еще, — такой человек, как Ларри, начинает винить себя. Люди, которых учебники по гражданскому праву превращают в идолов, редко умирают своей смертью. Мелвин Первис, лучший агент ФБР тридцатых годов, застрелился из табельного пистолета в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году. Когда убили Линкольна, он уже был преждевременно состарившимся человеком на грани нервного срыва. Мы привыкли наблюдать по национальному телевидению, как президенты увядают на наших глазах, из месяца в месяц, от недели к неделе... за исключением, разумеется, Никсона, который расцветал от власти, как вампиры расцвстают от крови, и Рейгана, который оказался слишком глупым, чтобы стареть. Наверное, таким же был и Джеральд Форд.

— Я думаю, есть что-то еще... — В голосе Люси слышалась грусть.

Судья вопросительно посмотрел на нее.

— Как там сказано? Я ворочаюсь досыта до самого рассвета?

Судья кивнул.

— Убедительное описание влюбленного мужчины, верно?

Он смотрел на нее, удивленный ее осведомленностью. Люси пожала плечами, скривила губы в улыбке.

— Женщины знают. Женщины практически всегда знают.

Прежде чем он успел ответить, она ушла к шоссе, где рассчитывала найти Ларри, думающего о Надин Кросс.

— Ларри!..

— Я здесь, — откликнулся он. — Чего не спишь?

— Замерзла, — ответила она. Он сидел на валуне у дороги, скрестив ноги, словно медитировал. — Для меня местечко найдется?

— Конечно. — Он подвинулся. Валун еще хранил тепло, накопленное за ушедший день. Она села. Он обнял ее. По прикидкам Люси, этим вечером они разбили лагерь примерно в пятидесяти милях восточнее Боулдера. И если бы выехали в девять утра, то к ленчу могли прибыть в Свободную зону Боулдера.

Так называл это место мужчина из радио: Свободная зона Боулдера. Мужчину звали Ральф Брентнер, и он говорил (с некоторым смущением), что «Свободная зона Боулдера» — это, скорее, радиопозывной, но Люси эти слова нравились, нравилось их звучание. Оно было правильным. Как начало новой жизни. А Надин Кросс приняла это название почти что с религиозным рвением, словно талисман.

Через три дня после того, как Ларри, Надин, Джо и Люси приехали в Стовингтон и нашли заброшенный Противоэпидемический центр, Надин предложила раздобыть си-би-радио и начать прослушивать все сорок каналов. Ларри обеими руками ухватился за эту идею — как, собственно, и за все идеи, высказываемые Надин, думала Люси. Она совершенно не понимала Надин Кросс. Ларри влюбился в нее, это не вызывало сомнений. Но Надин не желала иметь с ним ничего общего, вне рамок повседневного общения.

В любом случае си-би-радио оказалось хорошей идеей, пусть и родилась она в голове лишенной эмоций — по отношению ко всем за исключением Джо — женщины. Это был самый простой способ найти другие группы и договориться о встрече, пояснила Надин.

Ее слова привели к несколько странной дискуссии в их группе, которая к тому времени увеличилась до шестерых человек за счет Марка Зеллмана, сварщика из штата Нью-Йорк, и Лори Констэбл, двадцатишестилетней медсестры. А дискуссия вновь привела к нервному спору насчет снов.

Лори первой выразила сомнения в том, что они *точно* знают, куда едут. Они следовали за изобретательным Гарольдом Лаудером и его компанией в Небраску. Разумеется, следовали, и не без причины: отрицать могущество снов было невозможно.

От всех этих разговоров Надин впала в истерику. Ей не снилось никаких снов, повторяю, *никаких чертовых снов*. Если другие хотели продолжать упражняться в самогипнозе перед остальными — пожалуйста. Пока оставалась хоть какая-то рациональная основа для поездки в Небраску, вроде надписи в стовингтонском центре, она соглашалась туда ехать. Но хотела, чтобы все понимали: она едет туда не из-за всей этой метафизической чуши. С их позволения, она ставила на радио, а не на видения.

Марк взглянул на напряженное лицо Надин и добродушно улыбнулся ей.

— Если тебе не снятся сны, почему же прошлой ночью ты разбудила меня, разговаривая во сне?

Надин побелела как полотно.

— Ты называешь меня лгуньей? — чуть ли не прокричала она. — Потому что если так, одному из нас лучше немедленно уйти!

Джо прижался к ней, заскулив.

Ларри сгладил конфликт, переведя разговор на тему радио. И в последнюю неделю они принимали сигнал, только не из Небраски (откуда они собрались уезжать, еще не добравшись туда, — об этом им говорили сны, которые таяли, становясь не столь яркими и настойчивыми), а из Боулдера, штат Колорадо, расположенного в шестистах милях к западу. Его источником служил мощный передатчик Ральфа.

Люси до сих пор помнила радостные, чего там, восторженные лица остальных, когда сквозь статические помехи до них долетел чуть гнусавый, с оклахомским выговором, голос Ральфа: «Это Ральф Брентнер, Свободная зона Боулдера. Если вы меня слышите, ответьте по каналу четырнадцать. Повторяю, по каналу четырнадцать».

Они слышали Ральфа, но не располагали достаточно мощным передатчиком, чтобы дать о себе знать. Однако подъезжали все ближе и после того первого сообщения выяснили, что старая женщина, Абагейл Фримантл (хотя Люси всегда думала о ней как о матушке Абагейл), и ее группа прибыли в Боулдер первыми. С тех пор приходили и другие люди, по двое, по трое, а то и большими группами, до тридцати человек. К тому дню, когда они впервые услышали Брентнера, в Боулдере собралось уже порядка двухсот человек, а в тот вечер, когда связь стала двухсторонней — теперь-то мощности передатчика хватало за глаза, — более трехсот пятидесяти. С их группой общая численность могла дойти до четырехсот.

— О чем задумался? — спросила Люси у Ларри, положив руку ему на плечо.

— Я думал об этих часах и смерти капитализма. — Он кивнул на ее «Пульсар». — Казалось, что капитализм — основа основ, а зиждился он на мечте о красно-бело-синем «кадиллаке» и часах «Пульсар». Теперь у нас истинная демократия. Любая женщина

Америки может иметь и электронные часы «Пульсар», и шубу из голубой норки. — Он рассмеялся.

— Возможно, — кивнула она. — Но вот что я скажу тебе, Ларри. Я мало что смыслю в капитализме, однако кое-что знаю об этих часах за тысячу долларов. Проку от них — чуть.

— Чуть? — Он удивленно посмотрел на нее, потом улыбнулся. Едва заметно, зато искренне. Люси порадовала эта улыбка, потому что предназначалась она ей. — Почему?

— Потому что никто не знает, который нынче час, — весело ответила Люси. — Четыре или пять дней тому назад я спросила мистера Джексона, и Марка, и тебя — по очереди. Все вы назвали мне разное время и сказали, что у каждого часы хоть раз да останавливались... помнишь то место, где поддерживали точное время? Я читала об этом в каком-то журнале, пока ждала приема у врача. Это нечто. Они знали время с точностью до микромикросекунд. У них были и маятники, и солнечные часы, и еще много всякого. Теперь я иногда думаю о том месте, и меня это бесит. Все часы там, должно быть, остановились, а мой «Пульсар» за тысячу долларов из ювелирного магазина не может показывать время с точностью до секунды, хотя должен. Из-за гриппа. Чертова гриппа.

Она выговорилась, и какое-то время они сидели молча. Потом Ларри указал на небо:

— Посмотри туда.

— Что? Куда?

— Вверх и чуть правее.

Она посмотрела, но ничего не видела, пока он не сжал ее щеки теплыми руками и не повернул голову к нужному участку неба. Тут Люси заметила, и у нее перехватило дыхание. Точка света, яркая, как звезда, но не мерцающая. Она быстро перемещалась по небу с востока на запад.

— Господи, это самолет? — воскликнула она. — Ларри, это самолет?

— Нет. Искусственный спутник. Будет вращаться и вращаться, наверное, еще лет семьсот.

Они посидели, наблюдая за спутником, пока тот не скрылся за темной громадой Скалистых гор.

— Ларри? — мягко спросила Люси. — Почему Надин это не признает? Насчет снов?

Он едва заметно напрягся, и она пожалела, что затронула эту тему. Но раз уж затронула, решила, что не отступится... если только он резко ее не оборвет.

— Она говорит, что не видит никаких снов.

— Но она их видит... Марк не ошибся. И она разговаривает во сне. Как-то ночью говорила так громко, что разбудила меня.

Теперь он смотрел на нее. И после долгой паузы спросил:

— И что она говорила?

Люси сосредоточилась, чтобы вспомнить все.

— Она ворочалась в спальнике и повторяла снова и снова: «Не надо, он такой холодный, не надо, я не вынесу, если ты это сделаешь, он такой холодный, такой холодный». А потом она начала рвать волосы. Вырывать свои волосы во сне. И стонать. У меня от этих воспоминаний мурашки бегут по коже.

— Людям снятся кошмары, Люси. Это не означает, что они... ну, о *нем*.

— И лучше не говорить о нем с наступлением темноты?

— Да, лучше не говорить.

— Она ведет себя так, будто может сломаться, Ларри. Ты понимаешь, о чем я?

— Да. — Он понимал. Хотя Надин и настаивала, что не видит снов, к тому времени, как они добрались до Хемингфорд-Хоума, у нее под глазами появились темные мешки. А в великолепных волосах прибавилось белизны. И если он прикасался к ней, она вздрагивала. Отскакивала от него.

— Ты ведь любишь ее?

— Ох, Люси!.. — В его голосе слышался упрек.

— Нет, я просто хочу, чтобы ты знал... — Она яростно замотала головой, глядя на выражение его лица. — Я должна это сказать. Я вижу, как ты смотришь на нее... как она иногда смотрит на тебя, когда ты чем-то занят и это... это безопасно. Она любит тебя, Ларри. Но она боится.

— Боится чего? *Чего* боится?

Он вспомнил свою попытку заняться с ней любовью через три дня после так разочаровавшего их приезда в Стовингтон. Она еще больше ушла в себя... иногда вроде бы веселилась, но явно неискренне. Джо заснул. Ларри подсел к ней, и какое-то время они говорили не о происходящем вокруг, а о добрых, прежних временах. Потом он попытался поцеловать ее. Она оттолкнула его, от-

вернувшись, но лишь после того, как Ларри почувствовал все то, о чем только что сказала ему Люси. Он попытался снова, одновременно грубо и нежно, потому что очень ее хотел. И только на одно мгновение она уступила ему, показала, как это *могло бы* быть, если бы...

Потом отпрянула, отодвинулась, побледнев, скрестила руки на груди, обхватив пальцами локти. Наклонила голову.

Больше не делай этого, Ларри. Пожалуйста, не делай. Или мне придется забрать Джо и уйти.

Почему? Почему, Надин? Что в этом такого особенного?

Она не ответила, не подняла головы. Под глазами у нее проступали темные мешки.

Я бы сказала, если б могла, наконец выдавила она и ушла, не оглянувшись.

— Когда-то у меня была подруга, которая вела себя очень похоже. — Люси помолчала. — Я как раз заканчивала старшую школу. Ее звали Джолин. Джолин Мейджер. Она в старшей школе не училась. Бросила учебу, чтобы выйти замуж за своего бойфренда. Он служил на флоте. Замуж она выходила беременной, но ребенка потеряла. Муж частенько отсутствовал, а Джолин... ей нравилось веселиться. Ей нравилось, а муж был жутким ревнивцем. Сказал, что сломает ей обе руки и изуродует лицо, если узнает, что она наставляет ему рога. Можешь себе представить, какая у нее была жизнь? Муж приходит и говорит: «Слушай, я уплываю, любовь моя. Поцелуй меня, а потом мы покувыркаемся в кровати, и, между прочим, если я вернусь и мне скажут, что ты с кем-то путалась, я переломаю тебе руки и изуродую лицо».

— Да, радости мало.

— И через какое-то время она встретила этого парня, — продолжила Люси. — Тренера по физической подготовке в школе Берлингтона. Они встречались, шарахаясь от каждой тени, и я не знаю, действительно ли ее муж просил кого-то за ней приглядывать, но через некоторое время это уже не имело значения. Через некоторое время у Джолин поехала крыша. Она видела друга мужа в любом парне, ждущем автобуса на углу. Или в коммивояжере, который вроде бы следил за ней и Эрбом в дешевом мотеле, где они остановились, хоть находился этот мотель в глубинке штата Нью-Йорк. Или даже в копе, который объяснил им, как добраться до площадки отдыха, где они решили устроить пикник. Дело

дошло до того, что она вскрикивала, если где-то в доме от ветра захлопывалась дверь, подпрыгивала всякий раз, когда кто-то поднимался по лестнице. А поскольку она жила в доме с семью квартирами, по лестнице всегда кто-то поднимался. Эрб испугался и ушел от нее. Он боялся не мужа Джолин — его пугала *она сама*. И прямо перед возвращением мужа у нее произошел нервный срыв. А все потому, что она слишком хотела любить... и потому, что он был безумно ревнив. Надин напоминает эту девушку, Ларри. Я ее жалею. Она мне не очень-то нравится, это так, но я ее искренне жалею. Она ужасно выглядит.

— Ты считаешь, что Надин боится меня так же, как та девушка боялась своего мужа?

— Возможно, — ответила Люси. — Но вот что я тебе скажу... кем бы ни был муж Надин, его здесь нет.

Он невесело рассмеялся.

— Пора возвращаться. Завтра будет тяжелый день.

— Да. — Люси подумала, что он не понял, о чем она толковала. И внезапно расплакалась.

— Эй, эй! — Он попытался обнять ее.

Она оттолкнула его руку.

— Ты и так получаешь все, что хочешь. Не обязательно еще и утешать меня!

В новом Ларри осталось немало от Ларри прежнего, и он задался вопросом, не слышен ли ее голос в лагере.

— Люси, я тебе руки не выкручивал, — мрачно напомнил он.

— Ох, ну почему ты такой *глупец*?! — воскликнула она и ударила его по ноге. — Почему мужчины так глупы, Ларри? Вы все видите только в черном или белом цвете. Нет, ты не выкручивал мне руки. Я не такая, как *она*. Ты мог бы выкручивать ей руки, но она все равно плевала бы тебе в глаза и сжимала ноги. У мужчин есть названия для таких, как я. Я слышала, они пишут их на стенах в туалетных кабинках. Но человеку нужно тепло, он хочет, чтобы его согрели. Хочет, чтобы его любили. Разве это так плохо?

— Нет. Конечно, нет. Но, Люси...

— Но ты в это не веришь! — сердито бросила она. — Вот и бегаешь за мисс Недотрогой, тогда как Люси служит тебе подстилкой после захода солнца.

Он сидел, кивая. Она говорила правду, истинную правду. Он слишком устал, слишком вымотался, чтобы спорить с ней. Люси,

похоже, это заметила. Лицо ее смягчилось. Она положила руку ему на плечо.

— Если ты ее заловишь, Ларри, я первой брошу тебе букет. Я ни на кого не держу зла. Просто... постарайся не слишком разочароваться.

— Люси...

Ее голос неожиданно стал громче, в нем появилась властность, и его руки внезапно покрылись гусиной кожей.

— Я только думаю, что любовь очень важна, что именно любовь позволит нам пройти через это испытание. Любовь и добрые отношения. Нам противостоит ненависть, хуже того — пустота... — Она запнулась. — Ты прав. Уже поздно. Я иду спать. Ты со мной?

— Да, — ответил он и, когда они встали, импульсивно обнял ее и крепко поцеловал. — Я люблю тебя, насколько могу, Люси.

— Это я знаю. — Она устало улыбнулась. — Это я знаю, Ларри.

На этот раз, когда он положил руку ей на плечо, она ее не сбросила. Они вернулись в лагерь, перепихнулись и заснули.

Надин проснулась, как кошка в темноте, через двадцать минут после того, как Ларри Андервуд и Люси Суонн вернулись в лагерь, через десять после того, как они закончили заниматься любовью и начали засыпать.

Туго натянутая струна ужаса звенела в ее венах.

Кто-то хочет меня, подумала она, прислушиваясь к быстрому бегу сердца. Ее глаза, широко раскрытые и полные темноты, смотрели на ветви вяза, занавешивавшие небо кружевами теней. *Да. Кто-то хочет меня. Это правда.*

Но... он такой холодный.

Ее родители и брат погибли в автомобильной аварии, когда ей было шесть лет; в тот день она не поехала с ними к дяде и тете, ее оставили дома, отправили поиграть к подружке, которая жила на другой стороне улицы. Родители больше любили брата, она это помнила. Брат кардинально отличался от нее — малышки, взятой из приюта в четыре с половиной месяца. У брата с происхождением вопросов не возникало. Брата — фанфары, пожалуйста! — *они родили сами.* Но Надин всегда и навеки принадлежала только Надин. Она была ребенком мира.

После той аварии ее взяли к себе дядя и тетя, потому что других близких родственников у нее не осталось. Белые горы в восточном Нью-Хэмпшире. Она помнила, как на ее восьмой день рождения они на фуникулере поднялись на гору Вашингтона, на большой высоте у нее пошла носом кровь, и они сильно на нее рассердились. Тетя и дядя были очень старыми, им давно перевалило за пятьдесят, когда ей исполнилось шестнадцать. В тот год она бегала по росистой траве под луной — пьянящей ночью, когда мечты конденсировались в разреженном воздухе, как ночное молоко фантазии. Ночь любви. И если бы юноша поймал ее, она отдала бы ему все, что только могла отдать, а потому разве имело значение, поймал он ее или нет? Они бегали по росе, вот что было самым важным!

Но он ее не поймал. Облако закрыло луну. Роса стала холодной и неприятной, пугающей. Привкус вина во рту сменился привкусом чего-то кислого, словно через слюну пропустили электрический ток. С ней произошла какая-то перемена, появилось ощущение, что ей следует — *что она должна* — подождать.

И где он был тогда, ее суженый, ее темный жених? По каким ходил улицам, по каким темным дорогам, окутанный мраком сельской ночи, когда в городах звяканье кубиков льда и болтовня за коктейлем разбивали мир на аккуратные фрагменты здравомыслия? Какие холодные ветра обдували его? Сколько шашек динамита нес он в потертом рюкзаке? Кто знал, как его звали в тот год, когда ей исполнилось шестнадцать? И сколько ему тогда было лет? И когда он родился? И что за женщина кормила его грудью? Она лишь чувствовала, что он такой же сирота, как и она, и его время должно прийти. Он шагал по дорогам, которые еще не проложили, а ей только предстояло на них ступить. Перекресток их встречи находился далеко впереди. Он был американцем, она это знала, человеком, которому нравится вкус молока и яблочного пирога, который может оценить уют хлопковой ткани в красную клетку. Вся Америка служила ему домом, и бродил он по ней по тайным тропам, по никому не ведомым дорогам, по подпольным путям с указателями, написанными рунами. Она еще не видела этого человека, не видела его лица, знала лишь, что он крутой парень, темный человек, Странник, и стоптанные каблуки его сапог стучали по благоухающим трассам летней ночи.

Кто знает, когда придет жених?

Она его ждала, запечатанный сосуд. Едва не оступилась в шестнадцать, а потом в колледже. Оба мужчины ушли злые и в недоумении, как сейчас Ларри, чувствуя перепутья ее души, догадываясь о существовании предопределенного, мистического перекрестка.

Боулдер был тем местом, где расходились дороги.

Время близилось. *Он* позвал, требуя, чтобы она пришла.

После колледжа она с головой ушла в работу, поселившись в доме, снятом вместе с двумя другими девушками. Какими? Они приходили и уходили. Только Надин жила и жила в этом доме, вежливая и обходительная с молодыми мужчинами, которых приводили ее меняющиеся соседки, но сама без кавалера. Она полагала, что они обсуждают ее, называют старой девой, может, даже предполагают, что она — тщательно законспирированная лесбиянка. Все это никоим образом не соответствовало действительности. Она всего лишь оставалась...

Целкой.

В ожидании.

Иногда ей казалось, что перемены грядут. В конце дня она убирала игрушки в затихшем классе — и внезапно замирала, со сверкающими и настороженными глазами, держа в руке забытого чертика из табакерки. И думала: *Перемены грядут... поднимается ветер.* Иной раз, когда такая мысль приходила к ней, она оглядывалась, словно человек, которого преследовали. Потом ощущение это пропадало, и она невесело смеялась.

Ее волосы начали седеть на семнадцатом году жизни, в тот год, когда за ней гнались, но не поймали; сначала несколько прядей стали не седыми, нет, это неправильное слово... *белыми*, они стали *белыми* и фантастически смотрелись в ее черных волосах.

Несколько лет спустя она пришла на вечеринку в подвальном зале студенческого общежития. Свет притушили, и какое-то время спустя гости начали расходиться по двое. Большинство девушек — и Надин в том числе — предупредили дежурных в своих общежитиях, что на ночь не вернутся. Она пришла на вечеринку с твердым намерением пройти через это... но что-то, все еще запрятанное под толщью месяцев и лет, удержало ее. И на следую-

щее утро, в холодном семичасовом свете, она посмотрелась в одно из длинного ряда зеркал в туалете общежития и увидела, что белизны прибавилась буквально за одну ночь, хотя, разумеется, быть такого не могло.

И по мере того как проходили годы, отсчитывались сезоны эпохи консервации, накатывали чувства, да, *чувства*, и иногда, в глубокой могиле ночи, она просыпалась, одновременно замерзшая и разгоряченная, купаясь в поту, полная жизни и волнующе бодрая, лежа в продавленной кровати, думая о необычном темном сексе, полном экстаза. Катаясь в горячей жидкости. Кончая и кусаясь одновременно. И после такой ночи, подходя утром к зеркалу, она видела, что белизны в волосах вроде бы снова прибавлялось.

Внешне все эти годы она оставалась только Надин Кросс: мягкой, доброй к детям, умело выполняющей свою работу, одинокой. Когда-то такая женщина вызывала пересуды и любопытство соседей и коллег, но времена изменились. И ее удивительная красота свидетельствовала о том, что она имела полное право жить, как ей того хотелось.

Но теперь временам снова предстояло перемениться.

Теперь перемены надвигались, и во снах она начала узнавать своего жениха, немного его понимать, хотя так и не увидела его лица. Он был именно тем, кого она ждала. Она хотела пойти к нему... и не хотела. Она предназначалась ему, но он ее ужасал.

Потом появился Джо, а после него — Ларри. И все вновь страшно усложнилось. Она начала ощущать себя призовым кольцом на перетягиваемом канате. Она знала, что ее чистота, ее девственность по каким-то причинам многое значили для темного человека. И если бы она позволила Ларри овладеть ею (или если бы она позволила любому мужчине овладеть ею), темные чары рухнули бы. А ее тянуло к Ларри. Вот она и решила вполне осознанно позволить ему взять верх — вновь собралась через это пройти. Пусть он познает ее, пусть это закончится, все закончится. Она устала, и Ларри был прав. Она слишком долго ждала другого, слишком много лет никого не подпускала к себе.

Но Ларри был *не* прав... или ей так поначалу казалось. Она с некоторым пренебрежением пресекла его первоначальные уха-

живания, как кобыла, отгоняющая хвостом надоедливую муху. Она помнила, что думала: *Раз все это предназначено не ему, кто может винить меня за то, что я отвергаю его?*

Впрочем, она последовала за ним. Это факт. Но ее тянуло к другим людям, не только из-за Джо, а потому, что она уже находилась на грани того, чтобы бросить мальчика и одной уйти на запад, к темному человеку. Останавливала Надин лишь укоренившаяся за долгие годы привычка нести ответственность за детей, вверенных ее попечению... и осознание того, что Джо, предоставленный сам себе, умрет.

В мире, где уже умерли столь многие, пособничество новым смертям — конечно же, величайший грех.

И она пошла с Ларри. Все лучше, чем ничего или никого.

Но, как выяснилось, для Ларри Андервуда их встреча значила гораздо больше, чем «ничего или никого». Он напоминал одну из тех оптических иллюзий (может, и сам так думал о себе), когда вода выглядит совсем мелкой, но если сунуть руку, неожиданно проваливаешься по плечо. Во-первых, он сумел установить контакт с Джо. Во-вторых, Джо все сильнее к нему привязывался. И в-третьих, она ревновала их друг к другу. В мотоциклетном салоне Уэллса Ларри поставил на мальчика пальцы обеих рук и выиграл.

Если бы они целиком и полностью не сосредоточились на крышке, закрывавшей подземный бак с бензином, то увидели бы, как у нее отвисла челюсть, а губы разошлись в изумленном «О». Она стояла и смотрела на них, не в силах пошевельнуться, ее взгляд уперся в блестящую металлическую полоску лома, ожидая, что он сначала дернется, а потом выскочит из щели. И только когда все закончилось, Надин осознала, что ждала криков боли Ларри.

Но потом Ларри откинул крышку, и ей стало ясно, что она допустила ошибку в оценке ситуации, можно даже сказать — фундаментальную ошибку. Как показал этот случай, Ларри знал Джо лучше, чем она, не имея специального образования, пообщавшись с ним всего ничего. И только оглянувшись назад, Надин поняла, какую важную роль сыграл эпизод с гитарой, насколько быстро и решительным образом повлиял на взаимоотношения Ларри и Джо. И что являлось основой этих взаимоотношений?

Доверие, разумеется... что еще могло вызвать у нее столь неожиданный прилив ревности? Если бы только Джо доверял Ларри, полагался на него, она бы воспринимала это как нечто естественное и приемлемое. Расстроило ее другое: Ларри тоже доверял Джо, нуждался в нем там, где она не могла заменить мальчика... и *Джо это знал*.

Получалось, что она ошиблась и в оценке характера Ларри? Теперь она думала, что это так. Его тревожная мнительность, эгоизм являли собой лишь наружный слой, заметно поистершийся от активного использования. А тот факт, что он удерживал всех вместе в столь долгом путешествии, указывал на решительность и целеустремленность.

Вывод напрашивался сам собой. Да, она приняла решение позволить Ларри овладеть ею, но в глубине души оставалась верной другому мужчине... и, отдававшись Ларри, она навсегда убила бы душу. Надин не знала, сможет ли она это сделать.

И теперь темный человек снился не только ей.

Сначала ее это встревожило, потом испугало. Испуг она испытывала, когда их было всего трое. Но потом они встретили Люси Суонн, и она сказала, что видела тот же сон. Вот тогда испуг перешел в безумный ужас. Уже не имело смысла говорить себе, что их сны только *походили* на ее. А если они снились всем, кто остался в живых? А если время темного человека действительно наконец-то пришло — не только для нее, *но и для всех, кто остался на планете*?

Эта идея вызвала всплеск конфликтующих эмоций: предельного ужаса и сильнейшего притяжения. Она чуть ли не мертвой хваткой держалась за мысль о Стовингтоне. Считала Противоэпидемический центр бастионом здравомыслия и рациональности, стоящим на пути поднимающейся волны черной магии, которая грозила ее захлестнуть. Но Стовингтон оказался заброшен, и идея безопасного убежища, пышным цветом расцветшая в ее воображении, была лишь пшиком. В бастионе здравомыслия и рациональности жила смерть.

Они продвигались на запад, собирая выживших, и по ходу умерла еще одна ее идея насчет того, что удастся обойтись без конфронтации. Она умирала по мере того, как возрастала ее оценка Ларри. Теперь он спал с Люси Суонн, но какое это имело значение? Это уж точно ничего не меняло. Остальным снились два про-

тивоборствующих сна: темный человек и старая женщина. Старая женщина, похоже, олицетворяла какую-то фундаментальную силу. Как и темный человек. Старая женщина являла собой ядро, к которому тянулись другие.

Надин она никогда не снилась.

Только темный человек. И когда сны остальных исчезли так же неожиданно, как и появились, ее сны только прибавляли в силе и ясности.

Она знала много такого, что оставалось неведомым остальным. Темного человека звали Рэндалл Флэгг. На западе тех, кто возражал ему или шел против его воли, либо распинали, либо каким-то образом сводили с ума и отправляли на прогулку в кипящий котел Долины Смерти. Маленькие группки людей, преимущественно технарей, базировались в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, но временно. Очень скоро им предстояло перебраться в Лас-Вегас, где собиралась основная масса выживших. Он никуда не торопился. Лето катилось под гору. Пройдет еще немного времени, и перевалы в Скалистых горах завалит снегом. И пусть они располагали снегоочистительной техникой, им не хватало людей, чтобы посадить их за руль. Зиму он намеревался посвятить накоплению сил. А в следующем апреле... или мае...

Надин лежала в темноте, глядя на небо.

Боулдер стал для нее последней надеждой. Старая женщина стала для нее последней надеждой. Здравомыслие и рационализм, которые она надеялась найти в Стовингтоне, начали формироваться в Боулдере. Там собирались хорошие люди, думала она, но для нее, бьющейся в паутине противоречивых желаний, все было так непросто.

Снова и снова в голове Надин звучала мысль (и она свято в нее верила), что убийство в этом обезлюдевшем мире — величайший грех. А сердце твердо и без обиняков говорило ей, что цель Рэндалла Флэгга — сеять смерть. Но как же она хотела вкусить его холодный поцелуй — больше, чем поцелуи парня из ее школы или из колледжа... даже больше, боялась она, чем поцелуи и объятия Ларри Андервуда.

Завтра мы будем в Боулдере, подумала она. *Может, тогда я пойму, закончено мое путешествие или...*

Падающая звезда прочертила огненную полосу по небосводу, и, как ребенок, Надин загадала желание.

Глава 50

Загорелась заря, окрасив восточный небосклон в нежно-розовый цвет. Стью Редман и Глен Бейтман уже преодолели половину склона Флагштоковой горы в западном Боулдере, где предгорья Скалистых гор начинали вырастать из равнин, напоминая о том, какой была Земля в доисторические времена. Стью подумал, что в свете зари сосны, пробившиеся между лишенных растительности и почти отвесных камней, напоминают вены на руке какого-то великана, вылезшего из-под земли. Где-то на востоке Надин Кросс наконец-то забылась тревожным, не приносящим отдыха сном.

— Во второй половине дня у меня будет болеть голова, — пожаловался Глен. — Насколько могу припомнить, последний раз я пил и не спал всю ночь еще в колледже.

— Восход того стоит, — ответил Стью.

— Да. Прекрасное зрелище. Ты когда-нибудь бывал в Скалистых горах?

— Нет, — покачал головой Стью. — Но я рад, что попал сюда. — Он поднес ко рту бутылку с широким горлом, на донышке которой еще плескалось вино, глотнул. — У меня тоже гудит в голове. — Какое-то время Стью молча смотрел на Скалистые горы, потом повернулся к Глену, криво усмехнулся: — И что теперь будет?

— Будет? — вскинул брови Глен.

— Само собой. Для того-то я и заманил тебя сюда. Сказал Фрэнни: «Я собираюсь его напоить, а потом обчистить мозги». Она дала добро.

Глен улыбнулся:

— На дне бутылки с вином чайных листьев нет.

— Нет, но она объяснила мне, чем ты занимался раньше. Социологией. Изучением взаимодействия групп людей. Вот и выдвини несколько научно обоснованных гипотез.

— Позолоти ручку, о жаждущий знаний.

— Давай без золота, лысый. Завтра я отвезу тебя в Первый национальный банк Боулдера и выдам миллион долларов. Как насчет этого?

— Серьезно, Стью... что ты хочешь знать?

— Полагаю, то же самое, что хочет знать и этот немой парень Эндрос. Что нас ждет? Я не знаю, как выразиться точнее.

— Будет создаваться общество, — медленно ответил Глен. — Какое? Сейчас сказать невозможно. Нас уже почти четыре сотни. Если исходить из того, как они приходят — с каждым днем все больше, — к первому сентября нас станет полторы тысячи. Четыре с половиной — к первому октября, возможно, восемь тысяч, когда в ноябре пойдет снег и перекроет дороги. Запиши это число как предсказание номер один.

К изумлению Глена, Стью действительно достал блокнот из заднего кармана джинсов и записал его слова.

— Мне трудно в это поверить, — заметил он. — Мы проехали всю страну, но не увидели и сотни людей.

— Да, но они приходят, верно?

— Да... ошметками и обрывками.

— Как? — улыбаясь, переспросил Глен.

— Ошметками и обрывками. Так говорила моя мать. Тебе не нравятся слова моей матери?

— Не наступит тот день, когда я настолько потеряю уважение к собственной шкуре, чтобы осудить манеру разговора техасской матери, Стюарт.

— Что ж, они приходят. Ральф поддерживает связь с пятью или шестью группами, и после их прибытия к концу недели нас станет пятьсот человек.

Глен вновь улыбнулся:

— Да, и матушка Абагейл сидит с ним в его «радиобудке», но не говорит по си-би. Боится, что ее ударит током.

— Фрэнни любит эту старую женщину, — заметил Стью. — Отчасти потому, что она так много знает о родах, но отчасти... потому что просто любит ее. Ты понимаешь?

— Да. Большинство испытывает те же чувства.

— Восемь тысяч к зиме. — Стью вернулся к исходной теме. — Ну и ну!..

— Это чистая арифметика. Предположим, грипп выкосил девяносто девять процентов населения. Может, все не так плохо, но давай воспользуемся этим числом, чтобы упростить расчеты. Если для девяноста девяти процентов населения этот грипп стал смертельным, значит, только в этой стране от него умерло почти двести восемнадцать миллионов. — Он глянул на искаженное

ужасом лицо Стью и мрачно кивнул. — Может, все не так плохо, но велика вероятность того, что мы ошибаемся на какие-то доли процента. Рядом с этим гриппом нацисты выглядят мелкой шпаной, верно?

— Господи!.. — хрипло выдохнул Стью.

— Но все равно остается более двух миллионов людей, пятая часть населения доэпидемического Токио, четвертая — доэпидемического Нью-Йорка. И только в этой стране. Далее... я уверен, что десять процентов от этих двух миллионов не пережили последствий гриппа. Люди, ставшие жертвами того, что я называю... афтершоком. Такие, как Марк Брэддок с его лопнувшим аппендиксом, а также жертвы несчастных случаев, самоубийцы, да и убитые другими выжившими. То есть общее число оставшихся в живых сократится до миллиона и восьмисот тысяч. Но мы подозреваем, что есть Противник, верно? Темный человек, который всем нам снился. И находится он где-то к западу от нас. Семь расположенных там штатов можно с полным основанием называть его территорией... *если* он действительно существует.

— Я полагаю, существует, будь уверен, — вставил Стью.

— Тут я с тобой согласен. Но все ли выжившие там люди встали под его начало? Я думаю, нет, ведь и матушка Абагейл не стала автоматически главой всех, кто выжил на территории оставшегося сорока одного континентального штата. Я думаю, пока все пребывает в постоянном движении, но этот процесс медленно подходит к концу. Происходит консолидация выживших. Когда мы впервые говорили об этом в Нью-Хэмпшире, я предсказывал появление десятков маленьких сообществ. Но я не учел — потому что ничего об этом не знал — неодолимого притяжения двух разнонаправленных снов. Этого фактора тогда никто предвидеть не мог.

— Ты хочешь сказать, что в итоге у нас окажется девятьсот тысяч человек — и у него окажется девятьсот тысяч?

— Нет. Во-первых, грядущая зима соберет свою жатву. Нам будет нелегко ее пережить, но куда труднее придется маленьким группам людей, которые не успеют добраться сюда до первого снега. Ты понимаешь, что пока в Свободной зоне нет ни одного врача? Все наши медики — один ветеринар и сама матушка Абагейл, которая забыла о народной медицине больше, чем мы с тобой сможем узнать до конца наших жизней. Наверное, они будут выгля-

деть очень мило, пытаясь поставить стальную пластину в твой череп после того, как ты упадешь и разобьешь затылок, верно?

Стью фыркнул:

— Старина Ролф Дэннмонт предпочтет достать свой «винчестер» и провентилировать мне мозги.

— Я полагаю, к следующей весне население Америки уменьшится до миллиона шестисот тысяч — и это еще завышенная оценка. Из них, хочу надеяться, мы соберем миллион.

— Миллион человек?.. — В голосе Стью слышалось благоговение. Он оглядел широко раскинувшийся, практически пустой Боулдер, теперь подсвеченный солнцем, поднимающимся над восточным горизонтом. — Не могу себе такого представить. Этот город расползется по всем швам.

— Боулдер всех не вместит. Я знаю, эта мысль кажется странной, когда бродишь по пустым центральным улицам или идешь к Столовой горе, но не вместит. Нам придется осваивать соседние города. Ситуация получится следующая: одна густонаселенная зона и абсолютно пустынная страна к востоку от нее.

— Почему ты думаешь, что большинство людей придет к нам?

— По совершенно ненаучной причине. — Глен одной рукой взъерошил венчик волос вокруг лысины. — Я хочу верить, что большинство людей по природе добрые. И я верю, что тот, кто правит балом на другой стороне, — настоящее зло. Но у меня есть предчувствие... — Он замолчал.

— Не томи, выкладывай.

— Выложу, потому что пьян. Только пусть это останется между нами, Стюарт.

— Хорошо.

— Даешь слово?

— Даю, — кивнул Стью.

— Думаю, большинство технических специалистов окажется у него, — после долгой паузы заговорил Глен. — Не спрашивай почему, это всего лишь догадка. Основывается она вот на чем: технари любят работать в условиях жесткой дисциплины и над четко поставленными задачами. Им нравится, когда поезда ходят по расписанию. А у нас в Боулдере царит всеобщая суета, все вроде бы вместе, но каждый сам по себе и занимается своим делом... и мы должны что-то сделать насчет самоорганизации. А другой па-

рень... я готов спорить, что у него поезда ходят по расписанию и каждый знает свой маневр. Технари — такие же люди, как и мы все. Они пойдут туда, где их больше привечают. И я подозреваю, что наш Противник хочет заполучить именно технарей. На хрен фермеров, ему нужны те парни, которые могут сдуть пыль с ракетных пусковых установок в шахтах Айдахо и привести их в рабочее состояние. Плюс танки, и вертолеты, и, возможно, один-два бомбардировщика «Б-52» смеха ради. Я сомневаюсь, что он это уже сделал... более того, уверен, что еще нет. Мы бы знали. Сейчас, вероятно, он концентрирует все усилия на восстановлении подачи электроэнергии, обеспечении связи... Возможно, ему даже приходится вычищать тех, у кого недостаточно веры. Рим не один день строился, и он это знает. Время у него есть. Но когда я наблюдаю за уходящим за горизонт солнцем — и это правда, Стюарт, — мне становится страшно. Мне больше не нужны кошмары, чтобы пугаться. Достаточно подумать о том, что те, кто находится по ту сторону Скалистых гор, трудятся как пчелки.

— И что нам делать?

— Продиктовать тебе список неотложных дел? — улыбаясь, спросил Глен.

Стюарт указал на потрепанный блокнот с темными силуэтами двух танцоров и словами «ТАНЦУЕМ БУГИ!» на ярко-розовой обложке.

— Да.

— Ты шутишь?

— Отнюдь. Ты сам сказал, Глен, мы должны как-то организовываться. Я тоже это чувствую. И с каждым днем мы упускаем время. Мы не можем просто сидеть, гоняя шкурку, и слушать радио. Иначе однажды утром проснемся и увидим, как этот крутой парень въезжает в Боулдер во главе бронетанковой колонны, да еще при поддержке с воздуха.

— Только не жди его завтра.

— Я и не жду. А как насчет следующего мая?

— Возможно, — прошептал Глен. — Да, очень даже возможно.

— И что, по-твоему, тогда будет с нами?

Глен обошелся без слов. Указательным пальцем правой руки нажал на воображаемый курок. А потом торопливо допил вино.

— Да, — кивнул Стюарт. — Так что давай начнем организовываться. Говори!

Глен закрыл глаза. Разгорающийся день коснулся его морщинистых щек и лба.

— Ладно. Значит, так, Стью. Первое: воссоздать Америку. Маленькую Америку. Чистыми средствами и грязными. Прежде всего — организационная структура и управление. Если начнем сейчас, сможем сформировать те органы управления, какие сочтем нужными. Если будем ждать, пока население утроится, у нас возникнут серьезные проблемы. Мы можем через неделю, то есть восемнадцатого августа, созвать общее собрание, на которое должны прийти все. До собрания должен начать действовать специальный организационный комитет. Скажем, из семи человек. Ты, я, Эндрос, Фрэн, Гарольд Лаудер, может, еще парочка других. Задача комитета — сформировать повестку дня для собрания восемнадцатого августа. И некоторые пункты я могу назвать тебе прямо сейчас.

— Выкладывай.

— Первое: зачитывание и ратификация Декларации независимости. Второе: основы Конституции. Третье: основы Билля о правах. Ратификация должна проводиться устным голосованием.

— Господи, Глен, мы же все американцы...

— Нет, вот тут ты ошибаешься. — Глен открыл глаза, запавшие и налитые кровью. — Мы — горстка выживших безо всякого государства. Мы — сборная солянка самых разных возрастных групп, религиозных групп, классовых сословий и национальных принадлежностей. Государство — это *идея*, Стью. Вот что это такое, если отбросить бюрократию и прочее дерьмо. Я даже пойду дальше. Это — навязанная система взглядов, всего лишь тропка памяти, проложенная в нашем сознании. Мы сейчас проходим через культурный лаг. Большинство людей все еще верит в представительскую форму государства — республику, которую они воспринимают как «демократию». Но долго культурный лаг длиться не может. Через какое-то время до них начнет доходить: президент мертв, Пентагон сдается в аренду, в палате представителей и в сенате дебатируют только термиты и тараканы. Наши люди очень скоро начнут прозревать, осознают, что старых порядков уже нет и они могут воссоздавать общество таким, каким захотят его увидеть. Нужно — мы долж-

ны — поймать их до того, как они прозреют и сделают что-то ужасное.

Он нацелил палец на Стью.

— Если кто-нибудь встанет на собрании восемнадцатого августа и предложит передать матушке Абагейл абсолютную власть, назначит тебя, меня и Эндроса ее советниками, эти люди встретят такое предложение овацией, не осознавая, что проголосовали за приведение к власти первого американского диктатора со времен Хьюи Лонга*.

— Нет, я не могу в это поверить. Среди нас — выпускники колледжей, адвокаты, политические активисты...

— Может, они ими были. Но сейчас это толпа усталых, испуганных людей, которые не знают, что дальше. Кто-то, вероятно, и запищит, но они заткнутся, когда ты скажешь им, что матушка Абагейл и ее советники за шестьдесят дней обеспечат подачу электроэнергии. Нет, Стью, это очень важный момент — первым делом утвердить дух прежнего общества. Именно под этим я подразумеваю воссоздание Америки. И мы должны идти этим путем, раз уж нам предстоит жить под угрозой нападения человека, которого мы называем Противник.

— Продолжай.

— Хорошо. Следующим пунктом повестки дня должен быть выбор модели управления, повторяющей ту, что используется в городах Новой Англии. Идеальная демократия. Пока нас мало, она прекрасно сработает. Только вместо членов городского совета мы изберем семь... представителей, полагаю. Представители Свободной зоны. Как это звучит?

— Звучит неплохо.

— Я тоже так думаю. И мы проследим, чтобы представителями выбрали тех же самых людей, кто входил в специальный комитет. Ускорим процесс и проведем голосование до того, как кто-то начнет проталкивать своих друзей. Мы можем подобрать людей, которые выдвинут нас. И тех, кто потом поддержит наши кандидатуры. Голосование пройдет без сучка без задоринки, как игла сквозь тюль.

— Здорово! — В голосе Стью слышалось восхищение.

---

* Хьюи Пирс Лонг (1893—1935) — американский политический деятель и прототип главного героя романа Р.П. Уоррена «Вся королевская рать».

— Само собой, — хмуро ответил Глен. — Если хочешь обойти формальности, чтобы ускорить демократический процесс, обратись к социологу.

— Что потом?

— Следующий пункт программы будет принят с наибольшим энтузиазмом. И вот как он должен звучать. «Постановили: матушка Абагейл наделяется абсолютным правом вето на любое действие, предложенное Советом».

— Господи! Она на это согласится?

— Думаю, да. Но сомневаюсь, что ей придется воспользоваться этим правом, во всяком случае, такой ситуации я не предвижу. Мы не сможем создать работоспособный орган власти, если поставим ее во главу этого органа. Но она связывает нас всех. Мы все столкнулись с паранормальным явлением, благодаря которому и оказались здесь. И ее... ее окружает особая аура. Все люди в этой разношерстной компании используют одни и те же прилагательные, когда описывают ее: хорошая, добрая, старая, мудрая, умная, милая. Все эти люди видели один сон, от которого душа уходила в пятки, и другой, вселявший спокойствие и уверенность. Однако мы сможем ясно дать ей понять, что она — наш лидер чисто номинально. Я думаю, она сама этого захочет. Она старая, уставшая...

Стью уже качал головой.

— Она старая и уставшая, но воспринимает борьбу с темным человеком как крестовый поход, Глен. И не только она. Ты это знаешь.

— Ты хочешь сказать, она может решить порулить?

— Может, это будет не так уж плохо, — ответил Стью. — В конце концов, нам снилась она, а не Совет представителей.

Теперь закачал головой Глен:

— Нет, я не могу принять идею, что все мы — пешки в какой-то постапокалиптической игре добра и зла, какие бы сны нам ни снились. Черт побери, это иррационально!

Стью пожал плечами:

— Слушай, давай сейчас в это не углубляться. Я нахожу здравой твою идею дать ей право вето. Более того, я думаю, этого недостаточно. Мы должны дать ей право предлагать, а не только запрещать.

— Но не абсолютное право на этой стороне Скалистых гор.

— Нет, ее идеи должны получать одобрение Совета представителей, — ответил Стью, а потом добавил, лукаво усмехнувшись: — Но мы можем превратиться в резиновую печать для ее указов, а не наоборот.

Наступила долгая пауза. Глен потирал лоб рукой. Потом заговорил:

— Да, ты прав. Она не может быть главой номинально... по крайней мере мы должны учитывать, что у нее могут быть собственные идеи. А теперь я убираю мой затуманившийся хрустальный шар, Восточный Техас. Потому что матушка Абагейл — из тех, кого мы, занимающиеся социологией, называем ориентирующимися на других.

— И кто эти другие?

— Бог? Тор? Аллах? Крошка Герман*? Это не имеет значения. Означает это следующее: то, что она говорит, не всегда будет обусловлено нуждами общества или его устремлениями. Она будет слушать какой-то другой голос. Как Жанна д'Арк. Ты открыл мне глаза. Дело может закончиться теократией.

— Тео-чем?

— Все будет делаться по слову Божьему, — ответил Глен. Голос его звучал печально. — Стью, грезил ли ты в детстве о том, чтобы стать одним из семи высших жрецов ставосьмилетней негритянки из Небраски?

Стью уставился на него.

— Вина не осталось?

— Все выпили.

— Черт!..

— Да...

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, а потом внезапно расхохотались.

Матушка Абагейл никогда прежде не жила в таком красивом доме и, сидя на застекленном крыльце, вдруг вспомнила коммивояжера, который появился в Хемингфорде в тысяча девятьсот тридцать шестом или тридцать седьмом году. Что ж, таких сладкоголосых мужчин ей больше встречать не доводилось. Он мог

* Крошка Герман — комический персонаж, созданный американским комиком Полом Рубенсом.

убедить птичек слететь с дерева на землю. Она спросила этого молодого человека, которого звали мистер Дональд Кинг, какое у него дело к Эбби Фримантл, и он ответил: «Мое дело, мэм, — удовольствие. *Ваше* удовольствие. Вам нравится читать? Или, может, слушать радио? А может, просто сидеть, положив усталые ноги на скамеечку, и слушать мир, катящийся по большой боулинговой дорожке Вселенной?»

Она признала, что все это ей нравится, не упомянув, что месяцем раньше продала радиоприемник «Моторола», чтобы заплатить за девяносто тюков сена.

«Что ж, я продаю именно это, — продолжил сладкоголосый коммивояжер. — Мой товар можно назвать пылесосом «Электролюкс» со всеми приспособлениями, но в действительности это — свободное время. Включите его в электросеть — и откройте для себя новые просторы отдыха. А платежи будут почти такими же легкими, как домашняя работа».

Депрессия была в самом разгаре, ей не удавалось выкроить двадцать центов, чтобы купить ленты для волос на дни рождения внучек, поэтому о покупке «Электролюкса» речь не шла. Но как сладко уговаривал этот мистер Дональд Кинг из города Перу, штат Индиана. Она могла поставить последний доллар, что он растопил сердце не одной белой женщины. У нее пылесос появился только после войны с нацистами, когда все вдруг смогли позволить себе что угодно, и даже у «белой рвани» в сарае на заднем дворе стоял «меркурий».

Этот дом, расположенный, как написал ей Ник, в районе Мэрлтон-Хилл (матушка Абагейл подозревала, что до эпидемии здесь жили считанные черные), был оборудован всеми устройствами для облегчения жизни, о которых она когда-либо слышала, и теми, о которых даже не подозревала. Посудомоечная машина. Два пылесоса, один — исключительно для комнат второго этажа. Измельчитель пищевых отходов в раковине. Микроволновая печь. Стиральная машина и сушилка. На кухне еще стоял какой-то стальной ящик, и хороший друг Ника, Ральф Брентнер, объяснил ей, что это «мусородавилка». Засыпаешь туда сто фунтов мусора, а машина выдает тебе этот мусор блоком, размер которого не превышает скамейку для ног. Воистину чудеса никогда не заканчивались.

Но если хорошенько подумать об этом, некоторые все-таки закончились.

Она покачивалась на кресле-качалке, когда ее взгляд упал на розеточный блок, встроенный в плинтус. Вероятно, хозяева дома летом приходили сюда, чтобы послушать радио, а может, и посмотреть бейсбол по этому маленькому, изящному круглому телевизору. Что встречалось в их стране повсеместно, так это стенные розетки. Они были даже в ее доме-развалюхе в Хемингфорде. Эти розетки и не замечаешь... пока они работают. А когда перестают, понимаешь, насколько на них завязана твоя жизнь. Все свободное время, все удовольствие, о котором давным-давно вещал ей Дон Кинг, брали начало в этих стенных розетках. Когда же они переставали выполнять возложенные на них функции, приходилось привыкать к тому, что на всю эту бытовую технику вроде микроволновых печей и «мусородавилок» можно только бросить шляпу или положить пальто.

Чего там, со смертью розеток ее маленький домик смотрелся привлекательнее, чем этот. Здесь кому-то приходилось приносить воду из Боулдер-Крик, и ее нужно было кипятить перед использованием, в целях безопасности. Дома она могла воспользоваться ручным насосом и накачать воды из колодца. Здесь Нику и Ральфу пришлось привезти уродливое сооружение, которое называлось «Порт-о-сэн». Они поставили его во дворе. А у нее сортир всегда стоял за домом. Она бы в мгновение ока променяла стиральную машину-сушилку «Мейтэг» на собственное корыто для стирки, но пришлось просить Ника привезти ей новое корыто, а Брэд Китчнер нашел ей доску для стирки и хорошее, привычное хозяйственное мыло. Они наверняка подумали, что она просто хотела доставить им лишние хлопоты, пожелав самолично стирать свои вещи — и столь часто, — но чистоплотность матушка Абагейл ценила почти так же высоко, как благочестие, никогда раньше не перепоручала свою стирку кому-то еще и теперь не собиралась менять свои привычки. Время от времени у нее случались маленькие неприятности, какие случаются у стариков, и пока она могла себя обслуживать, об этих неприятностях никому не полагалось знать.

Разумеется, электричество вернется. Господь показал ей это во снах, среди прочего. Она знала многое о том, что здесь произойдет: что-то из снов, что-то из здравого смысла. Сны и здра-

вый смысл так тесно переплетались, что она не могла сказать, откуда ей известно то или другое.

Она отдавала себе отчет, что скоро люди перестанут бегать, точно куры с отрубленными головами, и начнут собираться вместе. Она не была социологом, как этот Глен Бейтман (который всегда смотрел на нее, как инспектор ипподрома смотрит на подставную лошадь), но знала, что люди через какое-то время потянутся друг к другу. Проклятие и благословение человечества заключалось в общительности людей. Если бы, к примеру, во время наводнения шесть человек плыли по Миссисипи на крыше церкви, она начали бы играть в бинго, как только крышу вынесло бы на мель.

Сначала они захотят сформировать какое-то государство, возможно, поставив ее во главе. Она, конечно же, не могла такого допустить, пусть бы и очень хотела; на то не было Божьей воли. Пусть делают все, что должно делаться на этой земле. Подведут электричество? Отлично. Тогда она собиралась первым делом опробовать «мусородавилку». Потом пусть подведут газ, чтобы они не перемерзли этой зимой, как пчелы в улье. Пусть вносят свои резолюции и строят планы, ее это устраивало. Как раз в это она совать нос не собиралась. Только хотела настоять, чтобы Ник принял участие в руководстве этим государством и, возможно, Ральф. И этот техасец тоже годился, никогда не открывал рот, если говорили о том, чего он не понимал. Она полагала, что они захотят привлечь и этого толстого парнишку, этого Гарольда, и не собиралась их останавливать, хотя он ей не нравился. Заставлял нервничать. Все время улыбался, только улыбка эта не касалась его глаз. Он не грубил, говорил все правильно, но глаза напоминали два холодных кремня.

Она чувствовала, что у Гарольда есть какая-то тайна. Вонючая и мерзкая, запрятанная в самую глубину сердца. Она понятия не имела, что это за тайна, Бог не пожелал открыть ей, следовательно, он не имел никакого значения для Его планов относительно этого сообщества. Ее тревожило, что этот толстый мальчик может войти в высший совет... но она ничего не собиралась говорить.

Ее участие в их советах и совещаниях, не без самодовольства думала она, покачиваясь в кресле-качалке, связано исключительно с темным человеком.

У него не было имени, хотя ему нравилось называть себя Флэггом... во всяком случае, сейчас. И на той стороне гор работа уже активно началась. Она не знала его планов, Господь скрыл их от ее глаз. Как и секреты, которые таились в сердце этого толстого юноши, Гарольда. Но знать что-то конкретное необходимости не было, потому что цель перед собой он ставил ясную и простую: уничтожить их всех.

Она знала о нем на удивление много. Люди, которых притягивала Свободная зона, приходили в этот дом, чтобы повидаться с ней, и она их принимала, хотя иногда они очень утомляли ее... И они все хотели сказать ей, что им снились она и он. Он их ужасал, а она кивала, и утешала, и успокаивала как могла, но для себя отмечала, что в большинстве своем они не узнают Флэгга, если встретят на улице... если, конечно, он не *захочет*, чтобы его узнали. Они могли *почувствовать* его — ощутить волну холода, дрожь, или их могло внезапно бросить в жар, или они могли испытать короткий и резкий укол боли в ушах или висках. Но эти люди ошибались, думая, что у него две головы, или шесть глаз, или большие острые рога, растущие из висков. Он, вероятно, практически не отличался от молочника или почтальона.

Она догадывалась, что за сознательным злом скрывается подсознательная чернота. Этим отличались земные дети темноты; они ничего не могли создавать — только ломали. Бог-Создатель сотворил человека по своему образу и подобию, и это означало, что каждый, мужчина или женщина, под Божьим светом нес в себе частичку созидания, ощущал желание протянуть руку и придать миру какую-то рациональную форму. Темный человек хотел — и мог — только лишить мир приданной ему формы. Антихрист? Скорее антисоздатель.

У него, разумеется, появились сторонники, в этом матушка Абагейл не видела ничего удивительного. Он умел лгать, а его отец был Отцом лжи. Им он представлялся большой неоновой вывеской, подвешенной высоко в небе, зачаровывающей переливающимися огнями. Они могли и не заметить, эти ученики-антисозидатели, что он, как и неоновая вывеска, снова и снова предлагает им одни и те же простые рисунки. Они могли и не осознать, что газ, который позволяет создавать такие симпатичные рисунки из хитросплетения труб, выпущенный из них, бесшумно улетит и

растворится в атмосфере, не оставив после себя ни вкуса, ни запаха.

Некоторые со временем сделают для себя неутешительный вывод: его королевству никогда не стать мирным. Сторожевые будки и колючая проволока на границах его владений будут служить и для того, чтобы не выпускать обращенных, и для того, чтобы не впускать захватчиков.

И победа будет за ним?

Ей никто не гарантировал обратного. Он знала, что ему известно о ее существовании, как ей — о его, и ничто не доставит ему большее удовольствие, чем увидеть ее костлявое черное тело распятым на кресте высоко в небе, чтобы вороны могли полакомиться тем, что найдут. Она знала, что распятые на кресте снились некоторым, помимо нее, но очень немногим. Они говорили об этом ей, однако, подозревала она, больше никому. И все это не давало ответа на вопрос.

Победа будет за ним?

Этого ей знать было не дано. Бог работал скрытно и как Ему нравилось. Он с радостью наблюдал, как многие поколения детей Израиля потели и выбивались из сил под египетским ярмом. Он с радостью отправил Иосифа в рабство и смотрел, как с его спины грубо сдирают роскошные многоцветные одежды. Он с радостью наслал на несчастного Иова сотню болезней. Он остался доволен, позволив повесить на дереве Сына Своего с написанной над Его головой злой шуткой.

Бог был игроком — будь Он смертным, сидел бы за шахматной доской на крыльце магазина папаши Манна в Хемингфорд-Хоуме, играл бы и за белых, и за черных. Она думала, что для Него игра не просто стоила свеч: игра была свечами. Он все равно добьется своего, в угодное Ему время. Но не обязательно в этом году, не обязательно в этом тысячелетии... и она не переоценивала хитрость темного человека и его умение дурить других. Если он был неоном, то она — крохотной частичкой пыли, из каких образуются огромные облака над иссушенной землей. Всего лишь еще одним солдатом — правда, давно достигшим отставного возраста — на службе Господа.

— Воля Твоя будет исполнена. — Она полезла в карман фартука за пакетиком с орешками «Плантерс». Ее последний врач, доктор Стаунтон, рекомендовал максимально исключить из ра-

циона соль, но что он понимал? Она пережила обоих своих врачей, которые оберегали ее здоровье после того, как ей исполнилось восемьдесят шесть, и всегда съедала несколько соленых орешков, если ей того хотелось. От них ужасно болели десны, но вкус того стоил!

Когда она жевала орешки, на дорожке, ведущей к крыльцу, появился Ральф Брентнер в надетой набекрень шляпе с пером. Постучав по двери крыльца, он снял шляпу.

— Не спишь, матушка?

— Не сплю, — ответила она с полным ртом. — Заходи, Ральф. Я не жую орешки, давлю их деснами.

Ральф рассмеялся и поднялся на крыльцо.

— У ворот люди, которые хотят поздороваться с тобой, если ты не слишком устала. Они приехали час тому назад. Хорошая компания, должен сказать. Главный у них из длинноволосых, но свое дело знает. Фамилия Андервуд.

— Можешь привести их, Ральф. Все в порядке.

— Хорошо. — Он повернулся, чтобы уйти.

— Где Ник? — спросила она. — Не видела его сегодня, да и вчера тоже. Он слишком зазнался, чтобы заглядывать к землякам?

— Он на водохранилище, — ответил Ральф. — Вместе с этим электриком, Брэдом Китчнером. Обследуют электростанцию. — Он потер крыло носа. — Утром я поехал с ними. Решил, что всем этим вождям нужен как минимум один индеец, чтобы кем-то командовать.

Матушка Абагейл захихикала. Ей очень нравился Ральф. Простая душа, но по-житейски мудрый, он интуитивно знал, как что работает. Ее не удивило, что именно стараниями Ральфа появилось «Радио Свободной зоны», как все его теперь называли. Он относился к тем людям, которые не побоялись бы залить эпоксидной смолой трещину в тракторном аккумуляторе. Нет, он просто бы снял бесформенную шляпу, почесал лысеющую голову и улыбнулся бы, как одиннадцатилетний подросток, который выполнил все поручения и уже взялся за удочку. Такой человек всегда нужен, если дела идут не слишком хорошо, потому что именно такие, как он, зачастую могут предложить выход из положения, когда всем уже кажется, что они в тупике, из которого не выбраться. Он мог поставить нужный штуцер на шланг велосипедного на-

соса, если на шине стоял вентиль большего диаметра, чем полагалось по инструкции, и он знал, как заставить духовку издать такой забавный жужжащий звук, просто посмотрев на нее, но когда ему приходилось сталкиваться с табельными часами, он почему-то всегда приходил на работу слишком поздно, а уходил слишком рано, так что дело быстро заканчивалось увольнением. Он знал, что можно удобрять кукурузу свиным навозом, если смешать его с землей и соломой в должной пропорции, и он знал, как мариновать огурцы, но не мог понять, что такое договор о ссуде на покупку автомобиля и каким образом автомобильным дилерам всякий раз удавалось его надуть. Заявление о приеме на работу, заполненное Ральфом Брентнером, выглядело так, словно его пропустили через блендер «Гамильтон-Бич»... плюс грамматические ошибки, оторванные углы, кляксы и отпечатки жирных пальцев. Если перечислить все места, где он работал, создавалось впечатление, что он объехал земной шар на грузовом пароходе. Но когда начинала рваться живая ткань этого мира, именно ральфы брентнеры не боялись сказать: «Давай зальем все эпоксидкой и посмотрим, а вдруг схватится». И в большинстве случаев действительно схватывалось.

— Ты хороший парень, Ральф, ты это знаешь? Один из лучших.

— Так ты тоже, матушка. Конечно, ты не парень, но ты понимаешь, о чем я. Кстати, когда мы работали, приехал этот Редман. Хотел поговорить с Ником о вхождении в какой-то комитет.

— И что говорит Ник?

— Он написал пару страниц. Но если до этого дойдет, меня устроит все, что устроит матушку Абагейл. Верно?

— Да что такая старая женщина, как я, может об этом сказать?

— Много чего. — Ральф разом стал серьезным. — Мы здесь благодаря тебе. Как я понимаю, мы сделаем все, что ты захочешь.

— Я хочу продолжать жить свободной, как всегда жила, как американка. Я хочу говорить, когда сочту нужным. Как американка.

— Все это у тебя будет.

— Остальные придерживаются такого же мнения, Ральф?

— Будь уверена.

— Тогда все отлично. — Она покачалась на кресле. — Пора всем браться за работу. Слишком многие болтаются без дела. Большинство просто ждет, чтобы кто-то сказал им, где можно спустить штаны и наложить.

— Так я могу приступать?

— К чему?

— Ник и Стью спросили, смогу ли я отыскать печатный станок и, возможно, запустить его, если они обеспечат меня электричеством. Я им сказал, что никакого электричества не нужно, я просто пойду в старшую школу и найду самый большой ручной мимеограф. Им нужны листовки. — Он покачал головой. — Это ж надо! Семьсот штук! Тогда как нас здесь всего четыреста.

— И девятнадцать у калитки, возможно, уже полегли от теплового удара, пока мы с тобой болтаем. Приведи их сюда.

— Уже веду. — Ральф пошел к воротам.

— Ральф!

Он посмотрел на нее.

— Отпечатай тысячу, — распорядилась она.

Они вошли в калитку, которую открыл для них Ральф, и она ощутила свой грех, тот самый, который звала матерью греха. Отцом греха она полагала воровство; каждая из Десяти заповедей в принципе сводилась к одной: не укради. Убийство — это кража жизни, прелюбодейство — кража жены, корыстолюбие — тайное, крадущееся воровство, которое свивает гнездо в пещере сердца. Богохульство — кража имени Божьего, уведенного из Дома Господнего и отправленного бродить по улицам, как подзаборная шлюха. Она никогда особенно не воровала, разве что время от времени какую-нибудь мелочь.

Матерью греха была гордыня.

Гордыня являла собой женскую сторону Сатаны в человечестве, неприметную яйцеклетку греха, всегда способную к зачатию. Гордыня не пустила Моисея в Ханаан, где виноград рос такими большими гроздями, что людям приходилось тащить их на спине. *Кто добыл воду из скалы, когда нас мучила жажда?* — спросили дети Израиля, и Моисей ответил: *Я добыл.*

Она всегда была гордой женщиной. Гордилась полом, который вымыла, стоя на руках и коленях (но Кто дал ей руки, и колени, и саму воду, которой она мыла пол?), гордилась, что все ее

дети стали хорошими людьми — никто не попал в тюрьму, не начал пить и не подсел на иглу, не спал в чужих постелях, — но матери детей были дочерьми Бога. Она гордилась своей жизнью — но не она предопределила ее. Гордость — проклятие воли, и у гордости, как у женщины, были свои маленькие хитрости. Даже в своем преклонном возрасте Абагейл не научилась распознавать все ее иллюзии, по-прежнему уступала ее чарам.

Когда вновь прибывшие входили в калитку, она подумала: *Они пришли увидеть именно меня.* И, потворствуя этому греху, в голове возникли кощунственные метафоры: люди входили один за другим, будто прихожане, их молодой предводитель не поднимал глаз, рядом с ним шла светловолосая женщина, а за ними — мальчик и темноглазая женщина, в черных волосах которой белели седые пряди. Остальные тянулись следом.

Молодой мужчина поднялся на крыльцо, но его женщина осталась у лестницы. Как и говорил Ральф, с длинными волосами, но чисто вымытыми. Он отрастил рыжевато-золотистую бороду. Абагейл отметила его волевое лицо с недавно появившимися у уголков рта и на лбу морщинами ответственности.

— Вы действительно настоящая, — мягко выдохнул он.

— Да, я всегда так думала, — ответила она. — Я Абагейл Фримантл, но здесь меня чаще зовут матушка Абагейл. Добро пожаловать к нам.

— Спасибо, — просипел он, и она увидела, что он борется со слезами. — Я... мы рады, что добрались. Меня зовут Ларри Андервуд.

Она протянула руку, он пожал ее, легонько, с благоговением, и вновь она почувствовала укол гордости, желание вскинуть голову. Он словно думал, что в ней пылает огонь, который может его обжечь.

— Я... вы мне снились, — смущенно добавил он.

Она улыбнулась и кивнула, он неуклюже повернулся, чуть не запутался в собственных ногах. Сгорбившись, спустился по лестнице. Он распрямится, подумала она. Теперь, когда он здесь и скоро выяснит, что ему нет необходимости держать на своих плечах весь мир. На человека, который не уверен в себе, нельзя возлагать ответственность на слишком долгий срок, во всяком случае, пока он не возмужает. А Ларри Андервуд еще зелен и может согнуться. Но ей он понравился.

Следом на крыльцо поднялась его женщина, миниатюрная, с фиалковыми глазами. Она посмотрела на матушку Абагейл смело, но без дерзости.

— Я Люси Суонн. Приятно с вами познакомиться. — И, хотя была в брюках, она сделала реверанс.

— Я рада, что ты смогла приехать, Люси.

— Вы не будете возражать, если я спрошу... ну... — Она опустила глаза и густо покраснела.

— Мне сто восемь лет, — доброжелательно ответила матушка Абагейл. — Но чувствую я себя в эти дни на двести шестнадцать.

— Вы мне снились. — И Люси отвернулась в некотором замешательстве.

Следом на крыльцо поднялись темноглазая женщина и мальчик. Женщина смотрела на нее строго и решительно, на лице мальчика читалось благоговение. Мальчик ей понравился, но что-то в женщине заставило похолодеть. *Он здесь,* подумала матушка Абагейл. *Он пришел в обличье этой женщины... ибо остерегайся его, приходящего во многих обличьях, помимо своего собственного... волка... ворона... змеи.*

Она даже испугалась за себя, на мгновение подумала, что эта странная женщина с белыми прядями в волосах небрежно протянет руку и переломит ей шею. И матушка Абагейл буквально увидела, как лицо женщины исчезло, превратилось в дыру во времени и пространстве, в дыру, из которой два глаза, темные и проклинающие, смотрели на нее, затерянные, загнанные, лишившиеся надежды.

Но перед ней стояла всего лишь женщина — не *он*. Темный человек никогда не рискнул бы прийти сюда, пусть даже не в своем обличье. Перед ней стояла женщина — очень красивая — с выразительным, чувственным лицом, стояла, положив руку на плечи мальчика. Матушке Абагейл все это просто пригрезилось. И ничего больше.

Надин Кросс в этот момент ощутила замешательство. Она держала себя в руках, когда они миновали калитку. Она держала себя в руках, когда Ларри заговорил с этой старой женщиной. А потом на нее вдруг накатила волна отвращения и ужаса. Старуха могла... могла что?

Могла увидеть.

Да. Надин испугалась, что старая женщина сможет заглянуть в ее нутро, где уже укоренилась и разрасталась чернота. Она испугалась, что старая женщина поднимется с кресла-качалки и разоблачит ее, прикажет оставить Джо и уйти к тем (к *нему*), с кем ее место.

Они обе, каждая со своими смутными страхами, смотрели друг на друга. Оценивали друг друга. Этот короткий момент затянулся для них надолго.

Он в ней... отродье дьявола, подумала Эбби Фримантл.

Вся их сила здесь, в свою очередь, подумала Надин. *Кроме нее, у них ничего нет, хотя, возможно, они считают иначе.*

Джо начал тревожиться, дернул ее за руку.

— Привет, — поздоровалась она тонким, лишенным эмоций голосом. — Я Надин Кросс.

— Я знаю, кто ты, — ответила старая женщина.

Слова повисли в воздухе, резко оборвав все остальные разговоры. Люди поворачивались в недоумении, чтобы посмотреть, что произошло.

— Правда? — спросила Надин. Внезапно она почувствовала, что единственная ее защита — Джо, только он.

Она медленно поставила мальчика перед собой, как заложника. Странные, цвета морской волны глаза Джо не отрывались от матушки Абагейл.

— Это Джо, — представила мальчика Надин. — Вы знаете его так же хорошо?

Матушка Абагейл по-прежнему смотрела в глаза женщины, которая называла себя Надин Кросс, тонкая пленка пота покрыла ее шею.

— Думаю, что его зовут не Джо, как меня — не Кассандра, а ты — не его мать.

Она перевела взгляд на мальчика, ощутив облегчение, не в силах подавить странное чувство, что женщина как-то выиграла, поставив мальчика между ними, использовав его, чтобы не дать ей выполнить свой долг... но все произошло так неожиданно, и ее застали врасплох!

— Как твое имя, дружок? — спросила она.

Мальчик стремился что-то сказать, напрягся, будто в горле застряла кость.

— Он вам не скажет. — Надин положила руку на плечо мальчика. — Не сможет сказать. Я думаю, он не помнит...

Джо отбросил ее руку, и, похоже, это движение разрушило психологический блок.

— Лео! — сказал он громко и четко. — Лео Рокуэй, вот кто я! Я Лео! — И, смеясь, он нырнул в объятия матушки Абагейл. В толпе засмеялись, зааплодировали. Надин как бы отступила на второй план, и вновь Эбби почувствовала, что чего-то не заметила, упустила что-то важное.

— Джо, — позвала Надин. Лицо ее стало бесстрастным, теперь она полностью контролировала себя.

Мальчик чуть оторвался от матушки Абагейл и взглянул на нее.

— Отойди. — Теперь она смотрела на Эбби, обращаясь не к мальчику, а к ней. — Она старая. Ты причинишь ей боль. Она очень старая... и не очень сильная.

— Думаю, я достаточно сильная, чтобы немного пообнимать такого славного парнишку. — Голос матушки Абагейл прозвучал как-то странно даже для ее собственных ушей. — Судя по его виду, дорога выдалась трудной.

— Да, он устал. И вы тоже, судя по вашему виду. Пойдем, Джо.

— Я ее люблю, — ответил парнишка, не двигаясь с места.

Надин дернулась от этой фразы. Ее голос стал резче:

— Пошли, Джо!

— *Это не мое имя! Лео! Лео! Вот мое имя!*

Маленькая толпа вновь прибывших путников притихла, понимая, что произошло что-то неожиданное, но не зная, в чем именно дело.

Две женщины обжигали друг друга яростными взглядами, как сцепившиеся в схватке тигры.

Я знаю, кто ты, говорили глаза Эбби.

Да. И я знаю, кто ты, отвечала Надин.

Но на этот раз Надин первой отвела взгляд.

— Хорошо. Лео, раз тебе так больше нравится. Пойдем, пока ты не утомил ее еще больше.

Он выскользнул из рук матушки Абагейл, но с неохотой.

— Возвращайся, чтобы повидаться со мной, когда захочешь. — Абагейл смотрела только на мальчика.

— Хорошо, — ответил тот и послал ей воздушный поцелуй. Лицо Надин застыло. Она не произнесла ни слова, пока они спускались по лестнице, ее рука, лежавшая на плечах мальчика, напоминала цепь. Матушка Абагейл наблюдала, как они уходят, вновь отдавая себе отчет, что упускает что-то важное. Когда лицо женщины скрылось с ее глаз, ощущение откровения начало отступать. Пропала уверенность в том, что она чувствовала. Она видела перед собой просто другую женщину, ничего больше... ведь так? Этот молодой человек, Андервуд, стоял у подножия лестницы, и лицо его напоминало грозовую тучу.

— Почему ты так себя вела? — спросил он женщину тихо, но матушка Абагейл расслышала каждое слово.

Женщина пропустила вопрос мимо ушей, молча прошла мимо него. Лео умоляюще посмотрел на Андервуда, однако власть принадлежала женщине, по крайней мере сейчас, и маленький мальчик позволил ей увести себя, увести подальше.

Наступила пауза, и матушка Абагейл внезапно поняла, что не может ее заполнить, хотя это необходимо...

...ведь так?

Разве не ее *обязанность* — заполнять паузы?

И тут в голове у нее прозвучал мягкий голос: *Правда? Это твоя обязанность? За этим Бог привел тебя сюда, женщина? Чтобы назначить официальным встречающим у ворот Нового Сиона?*

Я не могу думать, запротестовала матушка Абагейл. *Эта женщина права: я УСТАЛА.*

Он приходит не только в своем обличье, настаивал внутренний голос. *Еще и в обличье волка, ворона, змеи... женщины.*

И что это означало? Что здесь случилось? Что, во имя Господа?

Я сидела, такая самодовольная, ожидая, что ко мне придут поклониться — да, именно так я считала, — и пришла эта женщина, и что-то случилось, и я упускаю, что именно. Но что-то в этой женщине... так ли? Ты уверена? Уверена?

Вот когда возникла пауза, и они все вроде бы смотрели на нее, ожидая, что она покажет себя. А она не собиралась этого делать. Женщина и мальчик скрылись из виду, словно они были истин-

ными верующими, а она — жалким, лыбящимся Синедрионом*, и они сразу это увидели.

Ох, но я старая! Это несправедливо!

И тут же, вслед этой фразе, послышался другой голос, едва слышный, низкий и рациональный, голос, который не принадлежал ей: «Не настолько старая, чтобы не понять, что эта женщина...»

Но на крыльцо уже поднимался еще один мужчина, нерешительно и почтительно.

— Привет, матушка Абагейл. Я Зеллман. Марк Зеллман. Из Лоувилла, штат Нью-Йорк. Вы мне снились.

И она оказалась перед внезапным выбором, лишь на мгновение мысленно отметив это. Она могла ответить на приветствие мужчины, поболтать с ним, чтобы он немного расслабился (но не совсем, этого ей как раз не хотелось), а потом точно так же принять следующего, и следующего, и следующего, получая от них все новые слова и знаки уважения, будто пальмовые листья, — или проигнорировать их всех и отдохнуть. Отправиться по тропе собственных мыслей, которая уходила в глубины ее сознания, поискать, что именно пытался сказать ей Господь.

Женщина эта...

...что?

Имело ли это значение? Женщина ушла.

— Мой внучатый племянник жил в северной части штата Нью-Йорк, — ответила она Марку Зеллману. — В городе Роузес-Пойнт. На самой границе с Вермонтом у озера Шамплен. Слышали о таком?

Марк Зеллман заверил ее, что слышал, что практически все в штате Нью-Йорк знали об этом городе. Бывал ли он там? На его лице отразилась печаль. Нет, не бывал. Всегда собирался.

— Судя по тому, что писал Ронни, вы немного потеряли, — ответила она, и Зеллман ушел, сияя, как медный таз.

Другие подходили, чтобы засвидетельствовать свое почтение, как это делали путники, прибывшие ранее, и как сделают те, кто прибудет в последующие дни и недели. Подросток, которого звали Тони Донахью. Джек Джексон, автомеханик. Моло-

* Синедрион — в Древней Иудее высшее религиозное учреждение, а также высший городской судебный орган, состоявший из 23 человек.

дая медсестра Лори Констебл — вот кого им не хватало. Старик Ричард Феррис, которого все звали Судья; он пристально посмотрел на нее, и вновь ей стало как-то не по себе. Дик Воллман. Сэнди Дюшен — красивая фамилия, французская. Гарри Данбертон, который тремя месяцами ранее зарабатывал на жизнь, продавая очки. Андреа Терминельо. Смит. Реннетт. Многие другие. Матушка Абагейл говорила со всеми, кивала, улыбалась, успокаивала, но удовольствие, которое она получала от этого раньше, сегодня ушло, и она ощущала боль в запястьях, и пальцах, и коленях, а кроме того, понимала, что ей пора посетить «Порто-сэн», и если она не сделает этого по-быстрому, на платье появится пятно.

Да еще это чувство, уже тающее (к вечеру оно исчезнет полностью), что она упустила что-то очень важное и потом будет горько об этом сожалеть.

Ему думалось лучше, когда он писал, и он записывал все, что могло оказаться важным, двумя фломастерами, синим и черным. Ник Эндрос сидел в кабинете дома на Бейзлайн-роуд, который делил с Ральфом Брентнером и женщиной Ральфа, Элайзой. Уже почти стемнело. Красавец дом стоял чуть ниже громады Флагштоковой горы, но повыше Боулдера, поэтому из широкого окна гостиной открывался прекрасный вид на расходящиеся во все стороны улицы и дороги. Окно снаружи было покрыто какой-то отражающей пленкой, поэтому обитатели могли видеть все, тогда как прохожим заглянуть внутрь не удавалось. Ник предполагал, что такой дом мог стоить порядка полумиллиона долларов... владелец же и его семья таинственным образом исчезли.

За время долгого путешествия из Шойо в Боулдер, сначала в одиночку, потом с Томом Калленом и другими, Ник побывал в десятках, даже сотнях городов, больших и малых, и во всех дома превратились в склепы с разлагающимися трупами. Боулдер не мог отличаться от остальных... однако отличался. Нет, трупов в нем хватало, они видели тысячи трупов, и с ними предстояло что-то сделать, прежде чем закончатся сухие, жаркие дни и польют осенние дожди, ускоряя разложение и, возможно, приводя к болезням... но все-таки маловато для такого города. Ник задавался вопросом, заметил ли это кто-то еще, помимо него и Стью Редмана... Лаудер, наверное. Лаудер замечал практически все.

На каждый дом или общественное здание, заваленное трупами, приходился десяток других, совершенно пустых. Каким-то образом на последнем этапе эпидемии большинство жителей Боулдера, как больных, так и здоровых, ушли из города. Почему? Он полагал, что значения это не имело и, судя по всему, причину им узнать не удастся. Но факт оставался фактом: матушка Абагейл сумела привести их в единственный достаточно большой город Соединенных Штатов, очищенный от жертв эпидемии. Одного этого было достаточно, чтобы заставить даже такого агностика, как он, спросить себя: а где она взяла информацию?

Ник занял три комнаты на первом этаже дома, уютные комнаты, обставленные мебелью из сосны. Никакие уговоры Ральфа увеличить занимаемую площадь результатов не дали — он и так чувствовал себя незваным гостем, — но комнаты ему нравились... и до этого путешествия из Шойо в Хемингфорд-Хоум он не подозревал, как ему недостает других людей. Он до сих пор не мог утолить жажду общения.

Впрочем, так хорошо, как сейчас, он не жил никогда. В эти комнаты Ник попадал через черный ход и держал десятискоростной велосипед под навесом у двери, где тот стоял, утонув чуть ли не по оси в опавших осиновых листьях, которые копились там не одно десятилетие. Он начал собирать библиотеку, которую всегда хотел иметь, но не мог позволить себе, странствуя по стране. Раньше он читал много (в эти новые времена с трудом удавалось выкроить часок-другой, чтобы посидеть и душевно поболтать с книгой), и некоторые из книг на полках — по большей части еще пустых — были давними друзьями: он брал их в библиотеках, где за книгу приходилось платить по два цента в день. В последние несколько лет ему ни в одном городе не удавалось прожить достаточно долго, чтобы получить читательский билет. Другие книги он еще не прочитал, но заглядывал в них, заходя в библиотеку. И сейчас, когда он сидел за столом с бумагой и фломастерами, одна из этих книг лежала у его правой руки — роман «И поджег этот дом» Уильяма Стайрона. Нужную страницу Ник заложил десятидолларовой купюрой, подобранной с мостовой. Денег на улицах хватало — ветер тащил их вдоль ливневых канав, — но Ника удивляло и забавляло, сколько людей — и он в том числе — по-прежнему останавливалось, чтобы подобрать их.

Зачем? Книги теперь стали бесплатными. Идеи тоже не стоили ни цента. Что-то в этом его радовало. Что-то пугало.

Он писал на листе блокнота на спирали, в котором хранил свои мысли: половина заполненных страниц являла собой дневник, половина — список нужных вещей. Ему страшно нравилось составлять такие списки; он думал, что один из его предков, возможно, был бухгалтером. Он открыл для себя, что составление такого списка — лучший способ избавиться от привязчивой тревоги.

Он вернулся к чистой странице, выводя каракули на полях.

Теперь ему казалось, что все, чего они хотели и в чем больше всего нуждались, хранилось на застывшей электростанции восточного Боулдера, будто сокровище, пылящееся в темном чулане. Неприятное чувство охватывало людей, собравшихся в Боулдере, чувство, которое пока еще не выплеснулось наружу, — они напоминали себе группу испуганных школьников, бродящих в темноте по дому, населенному призраками. И в каком-то смысле весь Боулдер выглядел городом-призраком. Создавалось впечатление, что их пребывание здесь — явление сугубо временное. Один мужчина по фамилии Импенинг в свое время жил в Боулдере и работал в бригаде заключенных на одном из заводов «Ай-би-эм», расположенном между Боулдером и Лонгмонтом. Импенинг изо всех сил старался сеять панику. Ходил по городу, говоря людям, что в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году к четырнадцатому сентября снежный покров в Боулдере достигал полутора дюймов, а в ноябре от мороза могли отвалиться яйца даже у бронзовой обезьяны. Такие разговоры Нику хотелось пресечь, и быстро. Если бы Импенинг служил в армии, его бы за это тут же уволили из логических соображений. Главное состояло в том, что Импенинга никто бы не слушал, если бы в дома подавалось электричество, а нагреватели включались нажатием кнопки. Но если не удастся добиться этого к первым заморозкам, Ник опасался, что люди просто начнут уходить, и никакие собрания, представители и ратификации их не остановят.

По словам Ральфа, с электростанцией ничего страшного не произошло, во всяком случае, на вид. Какие-то машины остановили люди, обслуживавшие электростанцию, какие-то остановились сами. Две или три большие турбины сгорели, возможно, от

возникшей перегрузки. Ральф говорил, что кое-где надо заменить провода, но полагал, что он и Брэд Китчнер, располагая десятком помощников, смогут это сделать. Гораздо больше людей требовалось для того, что снять сгоревшую и почерневшую обмотку с турбогенераторов и намотать новую. Медной проволоки на складах в Денвере хватало. Ральф и Брэд убедились в этом сами, съездив туда на прошлой неделе. Имея в своем распоряжении достаточно людей, они не сомневались, что обеспечат подачу электроэнергии ко Дню труда.

— А потом мы устроим гребаную вечеринку, каких этот город еще не видывал, — заявил Брэд.

Закон и порядок. Это тоже его волновало. Мог ли Стью Редман взвалить на себя эту ношу? Он наверняка не захочет, но Ник исходил из того, что, возможно, ему удастся уговорить Стью... а если уговоры не подействуют, обратиться за помощью к его другу, Глену, и уж против них двоих Стью точно не устоит. Что его по-настоящему тревожило, так это воспоминания, совсем свежие и болезненные, о тех нескольких днях, которые ему пришлось провести в Шойо тюремщиком. Винс и Билли умирали, Майк Чайлдресс топтал свой ужин и вызывающе кричал: *Голодовка протеста! Я объявляю гребаную голодовку протеста!*

У него внутри все начинало ныть при мысли, что им потребуются и суды, и тюрьмы, и... может, даже палач. Господи, это были люди матушки Абагейл — не темного человека! Но он подозревал, что темный человек обходился без такой ерунды, как суды и тюрьмы. Он наказывал быстро и сурово. Да и зачем тюрьма, когда вдоль автострады 15 на столбах висели трупы, пища для стервятников.

Ник надеялся, что большинство правонарушений будут мелкими. Некоторые уцелевшие уже начали напиваться и вести себя агрессивно. Один подросток, еще не совершеннолетний и явно не имеющий водительского удостоверения, ездил взад-вперед по Бродвею на большом грейдере, пугая людей. В конце концов врезался в стоящий грузовик, в котором до эпидемии перевозили хлеб, и осколки лобового стекла поранили ему лоб — по мнению Ника, он легко отделался. Видевшие его люди понимали, что парень совсем юный, но никто не пытался его остановить.

Власть. Организация. Он написал эти слова на листе блокнота и обвел двумя кругами. Да, они были людьми матушки Абагейл,

но это не защищало их от слабости, глупости, дурных знакомств. Ник не знал, Божьи они дети или нет, однако помнил, как Моисей, вернувшись с горы, увидел, что те, кто не поклонялся золотому тельцу, играли в кости. И не следовало забывать о том, что кому-то могли надоесть эти забавы, после чего этот кто-то вполне мог решить занять место старой женщины.

Власть. Организация. Он вновь обвел эти слова, и теперь они напоминали узников, загнанных за тройную ограду. Как хорошо они сочетались друг с другом... и как печально звучали.

Вскоре пришел Ральф.

— Завтра подойдут новые люди, Никки, а послезавтра у нас будет целый парад. В той группе больше тридцати человек.

Хорошо, написал Ник. *Скоро у нас появится врач. Согласно теории вероятности.*

— Да, мы превращаемся в обычный город.

Ник кивнул.

— Я разговаривал с парнем, который возглавлял сегодняшнюю группу. Его зовут Ларри Андервуд. Умный парень, Ник. И такой сообразительный.

Ник вскинул брови и нарисовал в воздухе вопросительный знак.

— Что ж, постараюсь. — Ральф понимал, что означает вопросительный знак: поподробнее, если можно. — Он на шесть-семь лет старше тебя и, думаю, на восемь-девять моложе Редмана. Но Ларри из тех людей, которых, по твоим словам, мы должны искать. Задает правильные вопросы.

Снова вопросительный знак.

— Во-первых, кто тут главный? Во-вторых, что теперь будет? В-третьих, кто этим занимается?

Ник кивнул. Да, вопросы правильные. Но правильный ли человек? Возможно, Ральф прав. С тем же успехом он мог ошибаться.

Я постараюсь встретиться с ним завтра и познакомиться, написал он на чистом листе бумаги.

— Да, это надо. Он хороший парень. — Ральф переминался с ноги на ногу. — И я поговорил с матушкой Абагейл до того, как этот Андервуд и его люди пришли поздороваться. Поговорил с ней, как ты и хотел.

Вопросительный знак.

— Она говорит, что мы должны продолжать. Должны довести дело до конца. Говорит, что люди томятся бездельем, и им нужны те, кто скажет, где можно спустить штаны и наложить.

Ник откинулся на спинку стула и беззвучно рассмеялся. Потом написал: *Я практически не сомневался, что она так думает. Завтра я поговорю со Стью и Гленом. Ты напечатал листовки?*

— Ох! Эти? Черт, да! — ответил Ральф. — Всю вторую половину дня на них угробил. — Он протянул Нику листовку. Она еще пахла чернилами для мимеографа, большие буквы притягивали взгляд. Текст Ральф набрал сам.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ!!!
СОВЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ:
ВЫДВИЖЕНИЕ И ВЫБОРЫ

20.30, 18 августа 1990 г.
Место: эстрада в парке Каньон-бульвар при ХОРОШЕЙ погоде, «Чатокуа-холл» в парке Чатокуа при ПЛОХОЙ.

ПОСЛЕ СОБРАНИЯ — УГОЩЕНИЕ

Ниже были приведены две простенькие карты для вновь прибывших и тех, кто еще не успел познакомиться с Боулдером. Еще ниже, более мелким шрифтом, имена и фамилии тех, кого он, Стью и Глен одобрили после обсуждения сегодня утром:

Организационный комитет:
Ник Эндрос
Глен Бейтман
Ральф Брентнер
Ричард Эллис
Фрэн Голдсмит
Стюарт Редман
Сюзан Штерн

Ник указал на строку об угощении и вскинул брови.

— Да, приходила Фрэнни и сказала, что народа соберется больше, если им что-нибудь предложить. Она и ее подруга Пат-

ти Крогер обо всем позаботятся. Печенье и зарекс*. — Ральф скорчил гримасу. — Если бы мне предложили на выбор зарекс или бычью мочу, я бы сел и задумался. Можешь взять мою порцию, Никки.

Ник улыбнулся.

— Единственное, что мне во всем этом не нравится, — продолжил Ральф уже серьезно, — это то, что вы включили меня в комитет. Я знаю, что означает это слово. Оно означает: «Поздравляем, тебе придется делать всю тяжелую работу». Знаешь, я не то чтобы возражаю, никогда не бегал от тяжелой работы. Но в комитете должны быть люди с идеями, а у меня с ними не очень.

Ник быстро нарисовал в блокноте большой си-би-передатчик и радиобашню, вершина которой испускала электрические молнии.

— Да, но это другое, — мрачно сказал Ральф.

Ты справишься, написал Ник. *Будь уверен.*

— Если ты так считаешь, Никки, я попробую. Но по-прежнему думаю, что этот парень Андервуд принес бы больше пользы.

Ник покачал головой и хлопнул Ральфа по плечу. Ральф пожелал ему спокойной ночи и пошел наверх. После его ухода Ник долго и задумчиво смотрел на листовку. Если Стью и Глен видели ее — а он в этом не сомневался, — то знали, что Ник по собственной инициативе вычеркнул Гарольда Лаудера из их списка организационного комитета. Он понятия не имел, как они восприняли его решение, но сам факт, что пока никто гневно не стучался в его дверь, был хорошим знаком. Они, возможно, захотели бы поторговаться, и при необходимости он пошел бы с ними на сделку, только для того, чтобы обойтись без Гарольда. Если бы пришлось, он бы отдал им Ральфа. Ральф действительно не хотел входить в комитет, хотя, черт побери, обладал природной смекалкой и бесценным умением находить решения самых сложных проблем. В постоянном комитете от него было бы немало проку. Ник чувствовал, что Стью и Глен уже включили в этот комитет многих своих друзей. А если он, Ник, не хотел Лаудера, им оставалось лишь согласиться с ним по-хорошему. Чтобы захват власти прошел гладко, следовало избегать разногласий. «Мама, как этот человек достал кролика из шляпы?» — «Знаешь, сынок, я не уверена, но,

* Зарекс — напиток с фруктовым вкусом из концентрата.

возможно, он отвлек их внимание печеньем и зарексом. Это срабатывает всякий раз».

Ник вернулся к странице, на которой выводил каракули, когда пришел Ральф. Посмотрел на слова, обведенные трижды, словно для надежности. Власть. Организация. Внезапно он написал под ними еще одно — благо места хватало. И теперь надпись в тройном круге гласила: «Власть. Организация. Политика».

Но он хотел исключить Лаудера из списка не только потому, что Стью и Глен стремились укомплектовать комитет своими друзьями. Конечно, Нику было обидно. Не без этого. А как же иначе? В конце концов, он, Ральф и матушка Абагейл *основали* Свободную зону Боулдера.

Сотни людей уже здесь, а еще тысячи — на пути сюда, если Бейтман прав, думал он, постукивая фломастером по окольцованным словам. Чем дольше он на них смотрел, тем более отвратительными они ему казались. *Но когда Ральф, и я, и матушка, и Том Каллен, и остальные из нашей группы прибыли в Боулдер, тут жили только кошки и олени, которые пришли из национального парка, чтобы полакомиться тем, что растет в садах и... осталось в магазинах. Один каким-то образом попал в супермаркет «Столовая гора» и не мог оттуда выбраться. Обезумел, бегая по проходам, сшибал стеллажи, падал, поднимался, снова бежал. Мы тоже пришельцы, это так, мы живем здесь меньше месяца, но мы были первыми! Так что обида, естественно, есть, но не она причина того, что я вычеркнул Гарольда из списка. Я не хочу видеть его в составе комитета, потому что не доверяю ему. Он все время улыбается, но водонепроницаемая*

(улыбконепроницаемая?)

перегородка разделяет его рот и глаза. Между ним и Стью возникали какие-то трения из-за Фрэн, и все трое говорят, что они в прошлом; но я задаюсь вопросом: а так ли это? Иногда я замечаю, как Фрэнни смотрит на Гарольда, и смотрит она с тревогой. Смотрит, словно пытается понять, действительно ли все в прошлом. Он парень умный, но, представляется мне, неуравновешенный.

Ник покачал головой. И это еще не все. Не раз и не два у него возникал вопрос: а в своем ли уме Гарольд Лаудер?

Дело прежде всего в его улыбке. Я не хочу делиться секретами с тем, кто так улыбается и, судя по виду, плохо спит по ночам.

Никакого Лаудера. Им придется с этим согласиться.

Ник закрыл блокнот и убрал в нижний ящик стола. Потом встал и начал раздеваться. Хотелось принять душ. Он чувствовал себя вывалянным в грязи.

Этот мир, заключил он, не по Гарпу*, а по «супергриппу». Этот дивный новый мир. Но он не казался Нику ни особо дивным, ни особо новым. Создавалось впечатление, будто кто-то положил большой фейерверк в ящик для детских игрушек, в результате чего игрушки разлетелись по всей комнате. Какие-то разбились на мелкие кусочки, другие подлежали ремонту, но большинство просто валялись на полу целехонькими. Пока слишком горячие, чтобы брать их в руки, однако дайте им остыть — и они не будут представлять никакой опасности.

Сейчас задача заключалась в том, чтобы все рассортировать. Выбросить те игрушки, которые пришли в негодность. Отложить другие, подлежащие ремонту. Составить перечень тех, которые не пострадали. Найти новый ящик для игрушек, хороший новый ящик. *Крепкий* ящик. Легкость, с которой, как оказалось, все можно взорвать, пугала — и завораживала. А собрать после этого вещи вместе было тяжелой работой. Рассортировать. Отремонтировать. Переписать. И разумеется, выбросить то, что уже не принесет пользы.

Да только... легко ли это — выбросить бесполезные вещи?

Ник замер на пути к ванной, держа одежду в руках.

Ох, ночь выдалась такая тихая... но разве не все его ночи — симфонии тишины? Почему же тогда тело внезапно покрылось гусиной кожей?

Да потому что он вдруг осознал: не игрушки будет разбирать комитет Свободной зоны, совсем не игрушки. Ник почувствовал, что присоединился к какому-то невероятному кружку кройки и шитья человеческой души — он, и Редман, и Бейтман, и матушка Абагейл, да, даже Ральф с его большим радио и усилителями, которые обеспечивали прием сигнала Свободной зоны в самых дальних уголках мертвого континента. Каждый держал в руках иглу, и, возможно, они работали вместе, чтобы сшить теплое одеяло, которое укроет от зимнего холода... А может, после короткой паузы они снова примутся за шитье большого савана для человече-

* «Мир по Гарпу» (1978) — роман американского писателя Д. Ирвинга (р. 1942).

ства, начнут с той части, которая должна закрывать пальцы ног, и двинутся выше.

После любви Стью заснул. В последнее время он спал мало, а прошлой ночью вообще не ложился: пил вино с Гленом Бейтманом, обсуждая будущее. Фрэнни надела халат и вышла на балкон.

Они жили в центральной части города, в доме на углу Пирл-стрит и Бродвея. Квартира находилась на третьем этаже, и с балкона она видела перекресток: Пирл-стрит тянулась с запада на восток, Бродвей — с севера на юг. Фрэнни здесь нравилось. На перекрестке сходились четыре стороны света. Ночь выдалась теплой и безоблачной, черный камень расцветили миллионы звезд. В их слабом и холодном свете Фрэн могла разглядеть поднимающиеся на западе Утюги*.

Она провела рукой по шелковому халату, от шеи до бедер. Другой одежды на ней не было. Ладонь легко соскользнула с груди, но, вместо того чтобы продолжать двигаться вертикально вниз и отклониться только на выступе лобка, описала дугу по животу, который за последние две недели заметно увеличился.

Беременность начала давать о себе знать, пусть ее и удавалось пока скрывать от посторонних. Стью вечером завел об этом разговор. Задал вопрос вроде бы ни о чем, даже забавный: *Сколько еще мы сможем этим заниматься, чтобы я... э... не придавил его?*

Или ее, улыбнулась она. *Как насчет четырех месяцев?*

Отлично, ответил он и легко вошел в нее.

Ранее они обсуждали более серьезный вопрос. Вскоре после прибытия в Боулдер Стью сказал ей, что говорил о ребенке с Гленом, и Глен высказался очень осторожно насчет того, что вирус «супергриппа», возможно, все еще здесь. А если так, ребенок мог умереть. Тревожная мысль (впрочем, подумала она, Глен Бейтман всегда готов поделиться тревожной мыслью, а то и двумя), но, понятное дело, если у матери иммунитет, то и у ребенка?..

Однако многие потеряли детей в эту эпидемию.

Да, но это означает...

Что это означает?

---

* Утюги — пять больших скальных образований на восточном склоне Зеленой горы. Названы так за сходство с плоскими металлическими утюгами.

Ну, прежде всего это может означать, что собравшиеся здесь люди — последние на Земле, короткий эпилог человеческой истории. Она не хотела в это верить, *не могла* в это поверить. Будь это правдой...

Кто-то шел по улице. Вот он повернулся боком, чтобы протиснуться между мусоровозом, застывшим двумя колесами на тротуаре, и стеной ресторана «Кухня на Пирл-стрит». На одном плече незнакомца висела легкая куртка, а в руке он держал то ли пистолет с очень длинным стволом, то ли бутылку. В другой руке была бумажка, вероятно, с адресом, потому что он поглядывал на номера домов. Наконец он остановился перед домом, в котором жили они со Стью. Посмотрел на дверь, словно раздумывая, что делать дальше. Фрэнни подумала, что незнакомец похож на частного детектива в каком-нибудь старом телесериале. Она стояла прямо над ним и оказалась в крайне неловкой ситуации. Если бы она его окликнула, он мог испугаться. Если бы промолчала — мог начать стучать в дверь и разбудил бы Стюарта. И что он вообще здесь делал с пистолетом в руке... если это был пистолет?

Внезапно незнакомец поднял голову и посмотрел вверх, вероятно, чтобы увидеть, не горит ли в окнах свет. Их взгляды встретились.

— Святый Боже! — воскликнул мужчина на тротуаре, непроизвольно отступил на шаг, угодил ногой в ливневую канаву и тяжело сел на мостовую.

— Ох! — выдохнула Фрэнни и тоже отступила от края балкона. Позади нее на высокой подставке стоял большой глиняный горшок с паучником, и она врезалась в него задом. Горшок закачался, вроде бы решил еще пожить... но потом с грохотом разбился о плитки пола.

В спальне Стью что-то пробурчал, перевернулся на другой бок и затих.

На Фрэнни — вполне предсказуемо — напал смех. Она закрыла рот руками, яростно кусала губы, но смешинки все равно вылетали наружу серией коротких, резких выдохов. «Снова повезло, — подумала она, смеясь в прижатые ко рту руки. — А если бы он пришел с гитарой, и я сбросила бы горшок ему на голову? "*Единственная моя... ХРЯСТЬ!*"» От попыток сдержать смех у нее заболел живот.

Снизу долетел заговорщицкий шепот:

— Эй, на балконе... *тс-с*!

— *Тс-с-с*, — прошептала Фрэнни. — Пст — это круто.

Она понимала, что надо выйти из дома, прежде чем она начнет ржать как лошадь. Ей никогда не удавалось сдержать смех, если уж она начинала смеяться. Фрэн пронеслась по темной спальне. Схватила более плотный и длинный — пристойный — халат, висевший на двери в ванную, помчалась к лестнице, на ходу надевая его. Ее лицо пребывало в непрерывном движении, будто резиновое. Она сумела добраться до верхней площадки и спуститься на один пролет, прежде чем смех вырвался наружу. На улицу она вышла, хохоча как сумасшедшая.

Мужчина — молодой человек, теперь она это видела — уже поднялся и отряхивался. Стройный, хорошо сложенный, заросший то ли светлой, то ли песочно-русой бородой. Под его глазами темнели мешки. И он немного печально улыбался.

— Что вы там уронили? — спросил он. — По звуку — так пианино.

— Горшок, — ответила Фрэнни. — С... с... — Но смех опять накрыл ее, и она смогла только наставить на молодого человека палец, качая головой и держась за вновь заболевший живот. По щекам текли слезы. — Вы выглядели так забавно. Я понимаю, нехорошо говорить такое совершенно незнакомому человеку, но... ох! Но это правда!

— Случись такое в старые времена, я бы вчинил вам иск на четверть миллиона долларов. Меня обсмеяли, ваша честь. Я посмотрел вверх, и эта молодая женщина таращилась на меня. Да, я уверен, строила мне рожи. Одну состроила, это точно. Мы вынесем решение в пользу истца, этого бедного мальчика. Судебного пристава ко мне. Объявляется перерыв на десять минут.

Какое-то время они смеялись вместе. Фрэнни заметила, что на молодом человеке чистые вылинявшие джинсы и темно-синяя рубашка. Теплая летняя ночь способствовала хорошему настроению, и Фрэнни начала радоваться, что вышла из дома.

— Вы, случайно, не Фрэн Голдсмит?

— Она самая. Но я вас не знаю.

— Ларри Андервуд. Мы прибыли только сегодня. Если на то пошло, я ищу одного парня, Гарольда Лаудера. Мне сказали, что он живет в доме двести шестьдесят один по Пирл-стрит со Стью Редманом, Фрэнни Голдсмит и кем-то еще.

Смех разом угас.

— Гарольд жил здесь, когда мы только приехали в Боулдер, но достаточно давно перебрался в другое место. Он на Арапахоу, в западной части города. Я могу дать вам адрес, если хотите, и подсказать, как туда добраться.

— Премного вам благодарен. Но, пожалуй, лучше я подожду до завтра. Не хочу снова пускаться в такую авантюру.

— Вы знаете Гарольда?

— Да и нет... точно так же, как я знаю и не знаю вас. Хотя, должен честно признаться, выглядите вы совсем не так, как я себе представлял. Я видел вас блондинкой-валькирией, сошедшей с картины Фрэнка Фразетты, возможно, с револьвером сорок пятого калибра на каждом бедре. Но я все равно рад встрече с вами. — Он протянул руку, и Фрэн пожала ее с недоумевающей улыбкой.

— Боюсь, не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите.

— Присядьте на бордюр, и я вам все объясню.

Она присела. Легкий ветерок дул по улице, шуршал клочками бумаги, чуть покачивал кроны старых вязов на лужайке перед зданием суда в трех кварталах от них.

— Я кое-что прихватил для Гарольда Лаудера, — продолжил Ларри, — но я хочу, чтобы это был сюрприз, поэтому, если увидите его до меня, ничего ему не говорите.

— Хорошо, — кивнула Фрэнни, еще больше заинтригованная.

Он поднял руку, в которой держал длинноствольный пистолет или револьвер, и она поняла, что это не оружие, а винная бутылка с очень длинным горлышком. Всмотрелась в этикетку, но при слабом звездном свете сумела различить только крупный шрифт и дату под ним: «БОРДО, 1947».

— Лучшее бордо столетия. Так по крайней мере говорил один мой давний друг. Его звали Руди. Да упокоит Господь его душу.

— Но тысяча девятьсот сорок седьмой... сорок три года тому назад? Оно не могло... ну, испортиться?

— Руди говорил, что хорошее бордо никогда не портится. В любом случае я везу эту бутылку из Огайо. И если это плохое вино, то это плохое вино, отмерившее немало миль.

— Бутылка для Гарольда?

— Да, бутылка и вот это. — Он что-то достал из кармана куртки. На этот раз необходимости читать надпись на обертках не возникло. Она рассмеялась:

— Батончики «Пейдей»! Его любимые... но как вы это узнали?

— Это уже целая история.

— Так расскажите ее мне!

— Что ж, ладно. Когда-то давно один молодой парень, звали его Ларри Андервуд, приехал из Калифорнии в Нью-Йорк, чтобы повидаться с любимой мамочкой. Приехал не только по этой причине, но все остальные были далеко не столь благородными, поэтому давайте ограничимся одной, выставляющей его в самом лучшем свете, хорошо?

— Почему нет? — согласилась Фрэн.

— В то самое время злая колдунья с Запада или какие-то пентагоновские говнюки наслали на страну великую эпидемию, и, прежде чем ты успел сказать: «Вот идет Капитан Торч», — чуть ли не все население Нью-Йорка умерло. Включая и мать Ларри.

— Я очень сожалею. Мои отец и мать тоже умерли.

— Да, как и практически все остальные матери и отцы. Если бы мы все отослали друг другу открытки с соболезнованиями, их бы не осталось в продаже. Но Ларри оказался среди счастливчиков. Он покинул город с женщиной по имени Рита, которая, как выяснилось, никак не могла приспособиться к тому, что произошло. И к сожалению, Ларри оказался не слишком хорошо подготовленным и не сумел помочь ей свыкнуться со случившимся.

— Никто не знал, как тут быть.

— Но некоторые приспосабливались быстрее других. В любом случае Ларри и Рита поехали к побережью Мэна. Добрались до Вермонта, где дама умерла, приняв слишком много таблеток снотворного.

— Ох, Ларри, это ужасно!

— Ларри принял это близко к сердцу. Собственно, решил, что это — в той или иной степени божественная оценка силы его характера. Отмечу, что ранее один или два человека уже говорили ему, что главная черта его натуры — чистейшей воды эгоизм, который виден издалека, как покрытая люминесцентной краской Мадонна на приборном щитке «кадиллака» модели пятьдесят девятого года.

Фрэнни заерзала.

— Надеюсь, я не сильно вас гружу, но все это долгое время копилось внутри, а кроме того, имеет прямое отношение к Гарольду. Хорошо?

— Да.

— Спасибо. Думаю, с того момента, как мы прибыли сюда и повидались с этой старой женщиной, я искал человека с дружелюбным лицом, чтобы излить душу. Думал, что это будет Гарольд. Так или иначе, Ларри продолжил путь к Мэну, потому что представить себе не мог, куда еще можно податься. К тому времени ему уже начали сниться жуткие кошмары, а оставшись в одиночестве, он не знал, что они снятся и другим людям. Просто предположил, что это — еще один симптом его усиливающегося душевного расстройства. И в конце концов он добрался до маленького городка Уэллс, где встретил женщину, которую звали Надин Кросс, и странного маленького мальчика. Как выяснилось только сегодня, его имя было Лео Рокуэй.

— Уэллс, — зачарованно повторила Фрэнни.

— Уже втроем наши путешественники бросили монетку, чтобы понять, в какую сторону им двигаться по первому федеральному шоссе, и, раз уж выпала решка, поехали на юг и со временем прибыли в...

— Оганквит! — радостно воскликнула Фрэнни.

— Именно так. И там из надписи — большими буквами — на крыше амбара я узнал о существовании Гарольда Лаудера и Фрэнни Голдсмит.

— Надпись Гарольда! Ох, Ларри, как он будет доволен!

— Мы следовали указаниям с крыши, которые привели нас в Стовингтон, и всем указаниям, найденным в Стовингтоне, чтобы добраться до Небраски, и всем указаниям, оставленным у дома матушки Абагейл, чтобы добраться до Боулдера. По пути встречали других людей. Одна из них — Люси Суонн, теперь моя женщина. Я бы хотел, чтобы вы с ней познакомились. Думаю, она вам понравится. К тому времени произошло то, чего Ларри действительно не хотел. Его маленькая компания из четырех человек разрослась до шести. Шестеро в северной части штата Нью-Йорк встретили еще четверых. Когда мы добрались до дома матушки Абагейл в Небраске, нас стало шестнадцать, и уже при отъезде к нам присоединились еще трое. Ларри командовал этим храбрым

отрядом. Никто его не выбирал и не назначал. Просто так *получилось*. И он не хотел брать на себя эту ответственность. Она тяжелым грузом лежала на его плечах. Не давала спать по ночам. Он начал принимать тамс и ролейдс*. Но это забавно, как твой разум не дает покоя самому себе. Я не мог отказаться. Иначе перестал бы себя уважать. И я... он... всегда боялся сделать что-то не так, боялся, что утром кто-нибудь останется лежать мертвым в спальном мешке, как лежала Рита в Вермонте, и все будут стоять вокруг, указывать пальцем и говорить: «Это твоя вина». Об этом я ни с кем не мог посоветоваться, даже с Судьей...

— Кто такой Судья?

— Судья Феррис. Старик из Пеории. Полагаю, в свое время, в начале пятидесятых, он действительно был судьей округа, но вышел на пенсию задолго до того, как разразилась эпидемия. Однако он очень умен. И взгляд у него такой проницательный. Когда он смотрит на тебя, возникает ощущение, что ты под рентгеном. Короче, Гарольда я сразу зауважал. И уважение к нему только усиливалось по мере того, как разрасталась наша группа. В прямой пропорции. — С губ Ларри сорвался смешок. — Этот амбар! Ну и ну! Последняя строчка, с вашим именем, она располагалась так низко, что он, должно быть, писал ее, свесив зад с крыши.

— Да. Я спала, когда он это делал. Иначе заставила бы его прекратить.

— Я уже тогда начал присматриваться к нему, — продолжил Ларри. — Нашел обертку от «Пейдея» под куполом того амбара в Оганквите, потом надпись, вырезанную на балке...

— Какую надпись?

Она почувствовала, что Ларри пристально смотрит на нее в темноте, и поплотнее запахнула халат... не из скромности, этот человек не казался ей опасным. Просто занервничала.

— Инициалы, — небрежно ответил Ларри. — Г.Э.Л. Если бы этим все и закончилось, возможно, я бы не попал сюда. Но потом, в мотоциклетном салоне в Уэллсе...

— Мы там были!

— Я знаю. Заметил, что двух мотоциклов не хватает. А еще большее впечатление произвел на меня тот факт, что Гарольд за-

* Тамс, ролейдс — нейтрализаторы кислотности, выпускаются в таблетках.

правил их из подземного резервуара. Наверное, вы помогали ему, Фрэн. Я чуть не остался без пальцев.

— Нет, да он и не просил. Гарольд бродил вокруг, пока не нашел то, что назвал вентиляционной заглушкой.

Ларри застонал и хлопнул себя по лбу.

— Вентиляционная заглушка! Господи! Я даже искать не стал трубу, по которой они вентилировали резервуар! А он, значит, нашел, отвернул заглушку и вставил шланг?

— Ну... да.

— Ай да Гарольд! — Никогда Фрэнни не доводилось слышать такого восхищения, тем более — Гарольдом. — Что ж, этот его трюк я упустил. В общем, мы прибыли в Стовингтон. И Надин так расстроилась, что упала в обморок.

— Я плакала, — вспомнила Фрэн. — Рыдала так, что, казалось, никогда не остановлюсь. Я нисколько не сомневалась, что по прибытии туда нас кто-нибудь встретит и скажет: «Привет! Заходите, дезинсекция налево, кафетерий направо». — Она покачала головой. — Теперь я понимаю, как это было глупо.

— Меня это не обескуражило. Неустрашимый Гарольд побывал там до нас, оставил надпись и ушел. Я чувствовал себя прибывшим с востока новичком, преследующим индейца из «Следопыта».

Его представление о Гарольде зачаровывало и удивляло ее. Разве не Стью в действительности возглавлял их группу после того, как они покинули Вермонт и направились в Небраску? Если честно, она не знала. Тогда их мысли больше всего занимали сны. Ларри напомнил ей о том, что она забыла или, хуже того, принимала как должное. Гарольд рисковал жизнью, когда полез на крышу, чтобы оставить эту надпись, и ей казалось, что это глупый риск, но получается, он принес пользу. А добыть бензин из подземного хранилища... Ларри счел, что это крайне сложно, тогда как Гарольд проделал все на лету. Она почувствовала себя пристыженной, виноватой. Все они в той или иной степени считали, что Гарольд — улыбающийся пузырь. Но Гарольд очень неплохо проявил себя в последние шесть недель. Неужели она так сильно любила Стюарта, что глаза на Гарольда ей открыл полнейший незнакомец? Следовало учитывать еще один момент, и тут Фрэнни стало совсем не по себе: когда карты легли на стол, по отношению к ней и Стью Гарольд повел себя абсолютно по-взрослому.

— В Стовингтоне нас ждал еще один аккуратный указатель с перечислением всех дорог. И на траве рядом с ним лежала еще одна обертка от «Пейдея». Я чувствовал, что иду по следу Гарольда, только вместо сломанных веточек и примятых травинок у меня обертки от шоколадных батончиков. Целиком и полностью повторить ваш маршрут нам не удалось. Около Гэри, штат Индиана, мы отклонились на север, потому что там бушевал сильнейший пожар. Создавалось ощущение, что в этом городе загорелись все чертовы нефтяные резервуары. Благодаря этому крюку мы встретились с Судьей. Потом остановились в Хемингфорд-Хоуме. Мы знали, что ее там уже нет, из снов, вы понимаете, но все равно хотели увидеть место, где она жила. Кукурузу... качели из покрышки... понимаете, о чем я?

— Да, — кивнула Фрэнни. — Да, понимаю.

— И все это время я сходил с ума, думая, а вдруг что-то случится, вдруг нас атакует банда на мотоциклах или что-то в этом роде, вдруг у нас закончится вода... Да мало ли что еще может произойти в дороге? У моей мамы была книга, которую она получила от бабушки или от кого-то еще. Называлась она «На Его месте»* и состояла из историй о людях с ужасными проблемами. По большей части этическими. Человек, который написал эту книгу, утверждал, что для решения этих проблем достаточно спросить себя: «Как бы поступил Иисус?» И тогда все встанет на свои места. Но знаете, что я думаю? Это буддийский вопрос, постановкой которого проблема, конечно же, не решается, даже не вопрос, а способ прочистить мозги, такой же, как говорить: «Ом», — и смотреть на кончик носа.

Фрэн улыбнулась. Она знала, что ее мать высказалась бы примерно так же.

— Так вот, когда я начинал очень уж нервничать, Люси — это моя девушка, помните? — говорила мне: «Поторопись, Ларри, задай вопрос».

— Как бы поступил Иисус? — с улыбкой спросила Фрэн.

— Нет, как бы поступил Гарольд, — очень серьезно ответил Ларри.

---

* «На Его месте» — роман американского писателя Ч. Шелдона (1857—1946), впервые опубликованный в 1896 г.

Фрэнни его слова огорошили. Ей очень захотелось присутствовать при первой встрече Ларри и Гарольда, чтобы посмотреть, какой будет реакция Ларри.

— Однажды вечером мы разбили лагерь в фермерском доме, и у нас практически закончилась вода, — продолжил Ларри. — Колодец в доме был, но глубокий, и достать воду мы не могли, потому что без электричества не работал насос. Джо... извините, Лео, его настоящее имя Лео, то и дело подходил ко мне и говорил: «Фить, Ларри, хотю фить». Просто сводил меня с ума своим нытьем. Я чувствовал, что закипаю, что ударю его, если он еще раз подойдет ко мне. Хороший парень, да? Готов ударить душевнобольного ребенка. Но человек не может измениться сразу. У меня была куча времени, чтобы это понять.

— Вы привели всех из Мэна целыми и невредимыми, — заметила Фрэнни. — А один из наших умер. У него лопнул аппендикс. Стью пытался его оперировать, но не получилось. По-моему, Ларри, вы все сделали очень хорошо.

— Мы с Гарольдом сделали все очень хорошо, — поправил ее Ларри. — Короче, Люси сказала: «Быстро, Ларри, задай вопрос». И я задал. На участке стоял ветряк, который гнал воду в амбар. Лопасти крутились, но вода из амбарных кранов тоже не текла. Я открыл большой ящик у основания ветряка, где находился приводной механизм, и увидел, что приводной вал вышел из паза. Поставил его на место и — бинго! Потекла вода. Без ограничений. Холодная и вкусная. Благодаря Гарольду.

— Благодаря *вам*. Гарольда там не было, Ларри.

— Он был в моей голове. А теперь я здесь, принес ему вино и шоколадные батончики. — Он искоса глянул на нее. — Знаете, я почему-то думал, что он — ваш мужчина.

Она покачала головой, посмотрела на сцепленные пальцы.

— Нет. Он... не Гарольд.

Ларри долго молчал, но Фрэнни чувствовала, что он смотрит на нее.

— Ладно, как же я мог так ошибиться? Насчет Гарольда?

Она встала.

— Мне надо идти. Я рада встрече с вами, Ларри. Приходите завтра и познакомьтесь со Стью. Приводите Люси, если она не будет занята.

— Так что насчет него? — повторил он, тоже поднимаясь.

— Ох, не знаю, — глухо ответила она. К глазам подступили слезы. — Вы заставили меня почувствовать, что я... что я обошлась с Гарольдом очень некрасиво, и я не знаю... почему и как я это сделала... Но разве можно винить меня за то, что я не любила его так, как Стью? Разве это моя вина?

— Нет, разумеется, нет, — ошеломленно ответил Ларри. — Послушайте, извините меня. Я столько на вас вывалил. Я ухожу.

— *Он изменился!* — выпалила Фрэнни. — Не знаю, как и почему, и к лучшему ли... но я... я действительно не знаю. И иногда я боюсь.

— Боитесь Гарольда?

Она не ответила; только смотрела себе под ноги. Подумала, что и так сказала слишком много.

— Вы собирались объяснить мне, как туда добраться, — мягко напомнил Ларри.

— Это просто. Идите по Арапахоу, пока не увидите небольшой парк, Эбена Дж. Файна, если не ошибаюсь. По правую руку. А маленький домик Гарольда будет по левую, напротив парка.

— Хорошо, спасибо. Рад нашему знакомству, Фрэн. Разбитый горшок и все такое.

Она улыбнулась, но явно через силу. Недавняя веселость испарилась.

Ларри поднял бутылку вина, и его губы дрогнули в улыбке.

— Если увидите Гарольда раньше меня... сохраните секрет. Хорошо?

— Конечно.

— Спокойной ночи, Фрэнни.

Ларри зашагал в том направлении, откуда появился. Она провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду, потом поднялась наверх и скользнула в постель под бок Стью, который по-прежнему крепко спал.

Гарольд, думала она, натягивая одеяло до подбородка. И как она могла сказать Ларри, такому милому и по-своему потерянному (но теперь все они были такими), что Гарольд Лаудер — толстый, не уверенный в себе и несовершеннолетний? Ей следовало сказать, что не так уж давно она видела мудрого Гарольда, изобретательного Гарольда, достойного подражания — что бы сделал Иисус? — Гарольда, когда тот, плача, в одних плавках, выкашивал лужайку во дворе? Ей следовало сказать, что иногда надутый и

часто испуганный Гарольд, пришедший в Боулдер из Оганквита, превратился в громкоголосого политика, который хлопал тебя по плечу, широко улыбался, радостно здоровался, но при этом смотрел холодными, напрочь лишенными улыбки глазами ящерицы-ядозуба?

Фрэнни решила, что в эту ночь сна придется ждать долго. Гарольд без памяти влюбился в нее, а она без памяти влюбилась в Стью Редмана, и такое сплошь и рядом случалось в жестоком старом мире. А теперь всякий раз, когда она видела Гарольда, у нее по спине пробегал холодок. И пусть он похудел фунтов на десять, и прыщей у него поубавилось, она...

У Фрэнни перехватило дыхание, она приподнялась на локтях, широко раскрыв глаза в темноте.

Что-то шевельнулось внутри.

Ее ладони легли на небольшую округлость живота. Конечно же, слишком рано. Наверное, всего лишь воображение. Да только...

Нет, не воображение.

Она медленно улеглась на спину, ее сердце билось гулко. Уже собралась разбудить Стью, но в последний момент передумала. Если бы это он подарил ей ребенка, а не Джесс... Тогда она разбудила бы его и разделила с ним этот миг радости. И разделит, когда шевельнется ее следующий ребенок. Если, конечно, он будет.

Движение повторилось, легкое, будто это было сокращение кишечника. Но она-то знала. Ребенок. Живой ребенок.

— Как же хорошо, — пробормотала она себе под нос, лежа на спине. Ларри Андервуд и Гарольд Лаудер были забыты. Все, что произошло с ней после того, как заболела мать, было забыто. Она ждала нового шевеления, прислушиваясь к существу, которое находилось внутри ее, и так и заснула, прислушиваясь. Ее ребенок жил.

Гарольд сидел на стуле на лужайке перед маленьким домиком, который выбрал себе сам, глядя на небо и думая о старой рок-н-ролльной песне. Рок он ненавидел, но эту песню помнил чуть ли не слово в слово, помнил даже название группы, которая ее исполняла, — «Кэти Янг энд инносентс». Солиста, вернее, солистку, отличал высокий, страстный, пронзительный голос, сразу приковывающий внимание. «Золотое наследие», — так отозвался об

этой песне диджей. Взрыв из прошлого. Самое важное. По голосу создавалось впечатление, что солистке лет шестнадцать и она бледная, неприметная блондинка. Казалось, она поет картинке, которую большую часть времени держит в ящике туалетного столика, картинке, которую достает только поздно вечером, когда все в доме уже спят. В голосе слышалась беспомощность. Картинкой этой могла служить вырезка, позаимствованная из альбома старшей сестры, фотоснимок местного суперпарня — капитана футбольной команды или президента школьного совета учеников. Суперпарню в это время, возможно, делала минет капитанша группы поддержки, где-нибудь на пустынной дороге, куда поздним вечером заезжают парочки, а далеко-далеко, в домике на окраине, девушка, у которой еще не выросла грудь, зато в углу рта пламенел прыщ, пела: *Тысяча звезд на небе... дают они мне понять... тебя я люблю, и только тебя... скажи мне, что любишь меня... скажи мне, ты мой, только мой...*

В эту ночь в небе над ним сияла не тысяча, а гораздо больше звезд — но не звезд влюбленных. Никакого тебе мягкого сияния Млечного Пути. Здесь, в миле над уровнем моря, звезды выглядели резкими и жестокими, миллиардом дыр в черном бархате, осколками льда, наколотыми Богом. Над Боулдером сверкали звезды человеконенавистников, и раз уж они сияли, Гарольд считал себя вправе загадывать на них желание. «Загадаю я желанье, знаю я, что загадать. Чтоб вы все подохли...»

Он сидел молча, откинув голову назад, эдакий размышляющий астроном. Волосы Гарольда отросли еще сильнее, но теперь он их регулярно мыл и аккуратно расчесывал. И от него уже не шел запах гниющей в газонокосилке травы. Даже прыщей стало меньше, и они заметно поблекли, потому что он отказался от сладостей. А тяжелая работа и долгие прогулки позволили немного согнать вес. В последние недели он несколько раз проходил мимо отражающей поверхности, а потом в удивлении оглядывался, словно видел в ней полнейшего незнакомца.

Он поерзал. На коленях лежала толстая книга в синем переплете из кожзаменителя. Гарольд прятал ее под каминной плитой. Если бы кто-то нашел эту книгу, ему бы пришлось покинуть Боулдер. На золотом листке на обложке красовалось слово «ГРОССБУХ». Это был дневник, который Гарольд начал вести вскоре после того, как нашел дневник Фрэн. И уже заполнил ак-

куратным, четким почерком шестьдесят страниц, от края до края. Никаких красных строк, один монолитный абзац, ненависть, выливающаяся на страницы, будто гной из кожного нарыва. Он никогда не думал, что в нем так много ненависти. Вроде бы теперь потоку следовало иссякнуть, но, похоже, он только набирал силу. Как в старом анекдоте: «Почему земля у последнего рубежа Кастера* стала белой? Потому что индейцы все прибывали, и прибывали, и...»

И почему он ненавидел?

Он выпрямился, словно услышав этот вопрос со стороны. Трудный вопрос, справиться с ним могли немногие, избранные. Но разве Эйнштейн не говорил, что в мире только шесть человек в полной мере понимают смысл формулы $E = mc^2$? А как насчет уравнения в его черепе? Относительность Гарольда. Скорость разочарования. Он мог бы заполнить в два раза больше страниц, чем уже заполнил, становясь все более непонятным, все более заумным, пока наконец сам не заблудился бы в своем внутреннем часовом механизме, даже не приблизившись к заводной пружине. Он, возможно... насиловал себя. Так ли? Во всяком случае, близко к этому. Непотребный и беспрерывный акт содомии. Индейцы все прибывали и прибывали.

Вскорости он намеревался покинуть Боулдер. Через месяц или два, не позже. После того как найдет способ свести счеты. А потом отправится на запад. И, добравшись туда, откроет рот и выскажет все, что ему известно об этом месте. Расскажет, что происходило на публичных собраниях и, что более важно, о чем говорили на закрытых заседаниях. Он точно знал, что его выберут в комитет Свободной зоны. На западе его встретят с распростертыми объятиями, и он будет достойно вознагражден тем, кто стоит там у руля... Этот кто-то не положит конец его ненависти, нет, но предоставит для нее достойное транспортное средство, «кадиллак-ненависть», «страхдорадо», длинный и черный. Он, Гарольд, сядет в него и покатит на восток вместе со своей ненавистью. Он и Флэгг разметают это жалкое поселение, как муравейник. Но

* В 1876 г. небольшой отряд под командованием Джорджа Кастера принял неравный бой с превосходящими силами индейцев на реке Литл-Бигхорн. Сам Кастер погиб, отряд был почти уничтожен, но индейцы понесли еще бо́льшие потери.

сначала он сведет счеты с Редманом, который солгал ему и украл его женщину.

Да, Гарольд, но почему ты ненавидишь?

Нет, у него не было удовлетворительного ответа на этот вопрос, разве что дополнительная подпитка для ненависти. Это был честный вопрос? Гарольд думал, что нет. С тем же успехом можно спрашивать женщину, почему она дала жизнь дефективному ребенку.

На протяжении короткого периода времени, часа или мига, он рассматривал возможность отринуть ненависть. Произошло это после того, как он закончил читать дневник Фрэнни и понял, что она безвозвратно влюблена в Стью Редмана. Эта неожиданная информация подействовала на него, словно выплитая холодная вода на слизняка: заставила сжаться в комок, а не растекаться по листу или стеблю. В тот час или миг он осознал, что может *просто принять этот факт*, и осознание это приводило его в восторг и ужасало. В этот период времени он понимал, что может превратить себя в нового человека, в другого Гарольда Лаудера, клонированного из прежнего острым скальпелем эпидемии «супергриппа». Он чувствовал, более явственно, чем остальные, что такое Свободная зона Боулдера. Люди стали не такими, как прежде. Эта общественная структура маленького города не походила ни на одну из тех, что существовали в доэпидемической Америке. Люди этого не видели, потому что в отличие от него не могли взглянуть на происходящее со стороны. Мужчины и женщины жили вместе, не испытывая никакого желания официально узаконить свои отношения. Целые группы людей жили вместе маленькими сообществами, коммунами. Драк практически не было. Они находили способы ладить друг с другом. И что самое странное, никто из них не задумался над глубинным теологическим смыслом этих снов... и самой эпидемии. Боулдер, по существу, был клоном общества, листом настолько чистым, что никто не осознавал этой первородной чистоты.

Гарольд ее чувствовал... и ненавидел.

Далеко за горами находилось еще одно клонированное существо. Обрез черной злокачественной опухоли, одинокая бешеная клетка, взятая от умирающего трупа прежней политики, представительница карциномы, которая поедала прежнее общество живь-

ем. Одна-единственная клетка, но она уже начала делиться и производить другие бешеные клетки. Для прежнего общества это была обычная борьба, здоровые ткани отбивали набег злокачественного пришельца. Но здесь для каждой индивидуальной клетки вставал вопрос, древний, очень древний вопрос, впервые возникший еще в Эдеме: ты съешь яблоко или оставишь его в покое? Там, на западе, они уже ели яблочный пирог. Там собрались убийцы Эдема, темные фузилеры.

И он сам, полностью осознавая, что свободен в выборе, отверг эту новую возможность. Ухватившись за нее, он бы просто убил себя. Призраки всех унижений, выпавших на его долю, хором выступили против. Его убийственные мечты и честолюбивые замыслы сверхъестественным образом ожили и спросили, неужели он может так легко их забыть. В новом обществе Свободной зоны он мог быть всего лишь Гарольдом Лаудером. Там он мог стать принцем.

Злокачественная опухоль тянула его. Темный карнавал с чертовым колесом, огни которого вращались высоко над черной землей, с аттракционами, заполненными такими же выродками, как он сам, с главным павильоном, где львы жрали зрителей. Его манила эта нестройная музыка хаоса.

Он открыл дневник и твердо записал под звездным светом:

12 августа 1990 г. (раннее утро)

Сказано, что два самых больших человеческих греха — гордыня и ненависть. Так ли? Я склонен думать о них как о двух самых больших человеческих достоинствах. Отбросить гордыню и ненависть — все равно что сказать: ты изменишься на благо мира. Принять их, отталкиваться от них — более благородно, все равно что сказать: мир должен измениться на благо тебе. Меня ждет великое приключение.

ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР

Он закрыл книгу, вернулся в дом, положил «Гроссбух» в дыру на полу камина, аккуратно прикрыл плитой. Прошел в ванную, поставил лампу Коулмана на раковину, чтобы она освещала зеркало, и следующие пятнадцать минут практиковался в улыбках. У него уже неплохо получалось.

Глава 51

Листовки Ральфа, сообщающие о собрании восемнадцатого августа, появились по всему Боулдеру. Пошли разговоры, и обсуждались главным образом достоинства и недостатки семи членов организационного комитета.

Матушка Абагейл, утомленная донельзя, улеглась в кровать еще до того, как стемнело. Весь день к ее дому шли люди, всем хотелось знать, что она думает по этому поводу. Она отвечала, что, по ее мнению, в большинстве своем организационный комитет состоит из достойных людей. Ее гости хотели знать, войдет ли она в состав постоянного комитета, если такой будет сформирован на общем собрании. Она отвечала, что для нее это будет слишком утомительно, но она, конечно же, окажет комитету представителей помощь, если, конечно, к ней за таковой обратятся. Матушку снова и снова заверяли, что любой постоянный комитет, отказывающийся от ее помощи, сразу же прокатят. В тот вечер она ложилась в кровать усталая, но довольная.

Как и Ник Эндрос. За один день благодаря единственной листовке, отпечатанной на ручном мимеографе, обитатели Свободной зоны превратились из сборища беженцев в потенциальных избирателей. Им это нравилось. У них создавалось впечатление, что они наконец-то остановились после долгого периода свободного падения.

Днем Ральф отвез его на электростанцию. Он, Ральф и Стью договорились провести послезавтра предварительное совещание в доме Стью и Фрэнни. То есть у них оставалось два дня, чтобы послушать, что говорят люди.

Ник улыбнулся и закрыл руками свои бесполезные уши.

— Значит, прочитать по губам, — кивнул Стью. — Знаешь, Ник, я начинаю думать, что мы действительно сможем что-то сделать с этими сгоревшими турбогенераторами. Этот Брэд Китчнер — настоящий трудяга. Будь у нас десяток таких, как он, электростанция заработала бы к первому сентября.

Ник показал ему большой и указательный пальцы, сложенные в кольцо, и все вместе они прошли в здание.

Во второй половине того же дня Ларри Андервуд и Лео Рокуэй шагали на запад по Арапахоу-стрит. Ларри — с рюкзаком на

плече, тем самым, с которым он проехал чуть ли не всю страну, но теперь в нем лежали только бутылка вина и полдесятка батончиков «Пейдей».

Люси присоединилась к группе из нескольких человек, взявших два эвакуатора и начавших расчищать улицы и дороги Боулдера от автомобилей. Работали они по собственной инициативе — идея возникла спонтанно и объединила людей, которые почувствовали желание собраться и сделать это. Им захотелось убрать город, а не сшить лоскутное одеяло, подумал Ларри, и тут его взгляд упал на одну из листовок с заголовком «ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ», прибитую к телеграфному столбу. Может, в этом и заключался ответ. Черт, людям хотелось работать, и им требовался тот, кто будет координировать их действия и говорить, что именно нужно сделать. Но больше всего, думал Ларри, им хотелось избавиться от свидетельств того, что произошло здесь ранним летом (неужто лето уже заканчивалось?), точно так же, как при помощи тряпки избавляются от ругательств, написанных на грифельной доске. «Может, мы не в состоянии сделать это по всей Америке, — думал Ларри, — но должны привести в порядок Боулдер, прежде чем полетят первые белые мухи, если, конечно, мать-природа посодействует».

Звон стекла заставил его обернуться. Лео, взяв большой камень с чьей-то альпийской горки, разбил им заднее стекло «форда». На наклейке на заднем бампере Ларри прочитал: «НА ЗАДНИЦЕ НЕ СИДИ, НА ПЕРЕВАЛ ГОНИ — КАНЬОН ХОЛОДНОГО РУЧЬЯ».

— Больше не делай этого, Джо.

— Я Лео.

— Лео, — поправился Ларри. — Больше не делай этого.

— Почему? — самодовольно спросил Лео, и Ларри долгое время не мог найти убедительного ответа.

— Потому что звук очень неприятный, — наконец сказал он.

— А-а-а. Ладно.

Они пошли дальше. Ларри сунул руки в карманы, и Лео сделал то же самое. Ларри пнул пивную банку. Лео отошел в сторону, чтобы пнуть камень. Ларри начал насвистывать. Лео тоже что-то забубнил себе под нос. Ларри взъерошил волосы мальчика, и Лео посмотрел на него своими странными китайскими глазами и

улыбнулся. *Господи, я же в него влюбляюсь,* подумал Ларри. *Уже влюбился!*

Они подошли к парку, о котором упомянула Фрэнни, и на другой стороне улицы стоял зеленый домик с белыми ставнями. На бетонной дорожке, ведущей к парадной двери, стояла тачка с кирпичами. Рядом лежала крышка от мусорного бака, наполненная цементным строительным раствором, какой делают на месте, добавляя воду в готовую смесь. Тут же, на корточках, спиной к улице, сидел широкоплечий парень. Рубашку он снял, и его кожа шелушилась после сильного солнечного ожога. В одной руке парень держал мастерок — строил низкую оградку вокруг цветочной клумбы.

Ларри подумал о словах Фрэнни: *Он изменился! Не знаю, как и почему, и к лучшему ли... и иногда я боюсь.*

Тут он ступил на дорожку и произнес те самые слова, которые и собирался произнести, обдумывая эту встречу во время поездки по стране:

— Гарольд Лаудер, я полагаю*?

Гарольд дернулся от неожиданности, потом повернулся, с кирпичом в одной руке и мастерком, с которого падали ошметки цементного раствора, в другой. Приподнял мастерок, как оружие. Краем глаза Ларри вроде бы увидел, как отпрянул Лео. Сначала подумал: «Само собой, Гарольд выглядит не так, как я ожидал». Потом насчет мастерка: *Господи, он собирается швырнуть его в меня?* Лицо Гарольда застыло, глаза сузились и потемнели. Волосы прилипли к потному лбу. Губы сжались и побелели.

А потом с ним произошла перемена, такая внезапная и всеобъемлющая, что позже Ларри с большим трудом смог убедить себя, что видел того напрягшегося, неулыбчивого Гарольда, лицо которого больше подходило человеку, способному использовать мастерок, чтобы замуровать кого-то в подвальной нише, а не строить декоративный заборчик вокруг клумбы.

Он улыбнулся широко и добродушно, так, что возле уголков рта появились глубокие ямочки. Из глаз напрочь исчезла угроза (цвета бутылочного стекла, чистые и ясные, разве они могли выглядеть угрожающими или даже потемнеть?). Гарольд воткнул

* Известная фраза: «Доктор Ливингстон, я полагаю?» — произнесенная Генри Стэнли, возглавлявшим экспедицию по поискам исследователя Африки Д. Ливингстона, при их встрече.

мастерок в строительный раствор — *шварк!* — вытер пальцы и ладони о джинсы и направился к нему, протягивая руку. Ларри подумал: *Господи, да он же мальчишка, моложе меня. Если ему уже восемнадцать, я съем все свечи с торта, который ставили на стол в его последний день рождения.*

— Вроде бы я вас не знаю.

Гарольд улыбался, произнося эти слова, и они обменялись рукопожатием. Ларри почувствовал, как крепкая рука трижды сжала и отпустила его руку, после чего разорвала контакт. Он тут же вспомнил, как пожимал руку старому партизану Джорджу Бушу, когда тот баллотировался в президенты. Случилось это на политическом митинге, куда он пошел, следуя совету матери, который та дала ему многими годами ранее. Если у тебя нет денег на билет в кино, иди в зоопарк. Если не можешь купить билет в зоопарк, иди на встречу с политиком.

Улыбался Гарольд так заразительно, что ответная улыбка тут же растянула губы Ларри. Мальчишка или нет, с рукопожатием политика или нет, улыбался Гарольд, как показалось Ларри, абсолютно искренне, и по прошествии стольких дней, после всех этих оберток от шоколадных батончиков он наконец-то видел перед собой Гарольда Лаудера собственной персоной.

— Да, не знаете, — согласился Ларри. — Но я с вами знаком.

— Неужто? — воскликнул Гарольд, и его улыбка стала еще шире. Еще чуть-чуть, в изумлении подумал Ларри, и уголки губ Гарольда встретятся на затылке, после чего две трети его головы просто отвалятся.

— Я следовал за вами через всю страну от самого Мэна.

— Не шутите? Правда?

— Правда. — Ларри открыл рюкзак. — Я вам кое-что привез. — Он достал бутылку бордо и передал Гарольду.

— Это вы напрасно. — Гарольд смотрел на бутылку. — Девятьсот сорок седьмой?

— Хороший год. И вот это.

Ларри положил на другую руку Гарольда несколько шоколадных батончиков «Пейдей». Один проскользнул между пальцами и упал на траву. Гарольд наклонился, чтобы его поднять, и на мгновение Ларри заметил, как лицо нового знакомого вновь изменилось, стало таким же, как чуть ранее, когда Ларри его окликнул.

Но, распрямившись, Гарольд уже улыбался.

— Как вы узнали?

— Я следовал за вашими указателями... и обертками от шоколадных батончиков.

— Ух ты, будь я проклят! Пойдемте в дом. Нам есть о чем покалякать, как любил говорить мой отец. Ваш мальчик пьет колу?

— Конечно. Лео, не хочешь...

Он огляделся. Оказалось, что Лео уже не стоял рядом с ним, а вернулся на тротуар и разглядывал трещины на бетоне, словно они очень его заинтересовали.

— Эй, Лео! Хочешь колы?

Лео что-то пробормотал, но Ларри не расслышал ни слова.

— Говори громче! — раздраженно крикнул он. — Для чего Бог дал тебе голос? Я спросил, хочешь ли ты колы?

— Думаю, я пойду посмотрю, не вернулась ли мама Надин, — едва слышно ответил Лео.

— Какого черта? Мы же только что пришли.

— Я хочу вернуться! — Лео оторвал взгляд от тротуара. Солнце очень уж ярко отражалось от его глаз, и Ларри подумал: *Да что происходит? Он ведь чуть не плачет.*

— Секундочку. — Ларри повернулся к Гарольду.

— Конечно. — Гарольд по-прежнему улыбался. — Иногда дети стесняются. Я стеснялся.

Ларри направился к Лео, присел, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Что такое, малыш?

— Я просто хочу вернуться. — Лео избегал его взгляда. — Хочу к маме Надин.

— Что ж, ты... — Он замолчал, не зная, что сказать.

— Хочу вернуться. — Лео бросил быстрый взгляд на Ларри. Потом его взгляд метнулся к Гарольду, который стоял в центре лужайки. Вновь уткнулся в бетонный тротуар. — Пожалуйста.

— Тебе не нравится Гарольд?

— Не знаю... он нормальный... я просто хочу вернуться.

Ларри вздохнул.

— Ты сможешь сам найти дорогу?

— Само собой.

— Хорошо. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы ты пошел с нами и выпил колы. Я давно ждал встречи с Гарольдом. Ты ведь знаешь это?

— Д-да.

— И мы могли бы пойти домой вместе.

— Я не войду в этот дом! — прошипел Лео — и на мгновение вновь превратился в Джо, его глаза стали пустыми и дикими.

— Хорошо, — торопливо бросил Ларри и выпрямился. — Иди домой. Я проверю, сразу ли ты пришел. На улице не болтайся.

— Не буду, — пообещал Лео и вдруг перешел на свистящий шепот: — Почему бы тебе не вернуться вместе со мной? Прямо сейчас? Мы пойдем вместе. Пожалуйста, Ларри! Хорошо?

— Слушай, Лео, что...

— Не важно, — оборвал его Лео и, прежде чем Ларри успел добавить хоть слово, заторопился прочь. Ларри смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду. Потом, хмурясь, повернулся к Гарольду.

— Послушайте, все нормально, — заверил его Гарольд. — Дети такие странные.

— Да, это точно, но, полагаю, он имеет право. Ему столько пришлось пережить.

— Готов спорить, что пришлось, — кивнул Гарольд, и на мгновение Ларри вновь ощутил недоверие, понял, что сочувствие Гарольда к незнакомому мальчику — эрзац, такой же, как омлет из яичного порошка. — Заходите, — продолжил Гарольд. — Знаете, вы мой первый гость. Фрэнни и Стью несколько раз побывали у меня, но они, пожалуй, не в счет. — Его улыбка стала грустной, и Ларри внезапно пожалел этого мальчика — конечно же, он был еще мальчиком. Гарольд мучился от одиночества, а здесь стоял Ларри, все тот же старина Ларри, который никому и никогда не говорил доброго слова, и так пристрастно его судил. Несправедливо. Пора старине Ларри отбросить свою чертову недоверчивость.

— С удовольствием, — ответил он.

Они прошли в маленькую, но уютную гостиную.

— Я собираюсь поставить новую мебель, когда обживусь, — поделился Гарольд своими планами. — Современную. Хром и кожа. Как говорится в рекламном ролике: «На хрен бюджет. У меня есть "Мастеркард"».

Ларри весело рассмеялся.

— В подвале есть бокалы. Я сейчас принесу. Думаю, от шоколадных батончиков воздержусь, если вы не возражаете... Я теперь не ем сладости, пытаюсь похудеть, а вот хорошее вино мы попробуем, это особый случай. Вы пересекли всю страну от самого Мэна, следуя за моими... нашими... указателями. Это что-то! Вы должны все мне рассказать. А пока присядьте на тот зеленый стул. Он лучший из худшего.

По ходу этой тирады в голове Ларри мелькнула последняя тень сомнений: *Он даже говорит, как политик: плавно, и быстро, и гладко.*

Гарольд ушел, а Ларри опустился на зеленый стул. Открылась дверь, потом до него донеслись тяжелые шаги спускающегося по лестнице Гарольда. Он огляделся. Нет, эта гостиная не могла конкурировать с лучшими гостиными мира, однако с ворсистым ковром и современной мебелью, наверное, смотрелась бы очень даже неплохо. Конечно же, главное достоинство комнаты состояло в каменном камине и трубе. Чувствовалось, что это ручная работа, выполненная с любовью. Но одна плита на полу выступала. Как показалось Ларри, ее вынимали, а потом небрежно положили обратно. И теперь камин напоминал картинку-головоломку, в которую не вставили последний элемент.

Ларри поднялся, подошел к камину, поднял плиту. Гарольд по-прежнему возился внизу. Ларри уже собрался поставить плиту на место, когда увидел, что под ней лежит книга, чуть присыпанная известковой пылью, которая, впрочем, не скрывала единственное слово, выгравированное на золотом листочке: «ГРОСС-БУХ».

Ощущая стыд, словно случайно заглянул куда не следовало, Ларри положил плиту на место, и тут же на лестнице послышались приближающиеся шаги Гарольда. Теперь плита точно угнездилась в полу, а когда Гарольд вернулся, неся в каждой руке по округлому бокалу, Ларри вновь сидел на зеленом стуле.

— Я решил помыть их в раковине внизу, — объяснил Гарольд свою задержку. — Они немного запылились.

— Теперь они точно чистые. — Ларри насупился. — Послушайте, я не могу поклясться, что бордо не испортилось. Возможно, оно превратилось в уксус.

— Попытка не пытка, — улыбнулся Гарольд.

От его улыбок Ларри было определенно не по себе, и он вдруг подумал о «Гроссбухе»: принадлежала ли книга Гарольду или прежнему владельцу дома? А если Гарольду, что тот в нее записывал?

Они открыли бутылку бордо и выяснили, к взаимному удовольствию, что вино отличное. Полчаса спустя они уже приятно захмелели, Гарольд чуть сильнее, чем Ларри. Но улыбка Гарольда никуда не делась, более того, чуть расширилась.

— Эти листовки, — коснулся Ларри интересующей его темы. Они уже перешли на ты, вино развязало языки. — Насчет общего собрания восемнадцатого. Как вышло, что ты не вошел в состав этого комитета, Гарольд? Я думал, что ты просто обязан в нем быть.

Рот Гарольда расползся чуть ли не до ушей.

— Знаешь, я еще очень молод. Полагаю, они решили, что у меня недостаточно жизненного опыта.

— Я думаю, это форменное безобразие, — заявил Ларри. Но действительно ли он так думал? Эта улыбка. Эта темная, изредка проглядывающая подозрительность. Действительно ли он так думал? Ларри не знал.

— Что ж, кто знает, что ждет нас в будущем? — Гарольд широко улыбался. — На улице каждого бывает праздник.

Ларри ушел около пяти. Расстались они друзьями. Гарольд жал ему руку, улыбался, просил приходить почаще. Но почему-то у Ларри создалось впечатление, что Гарольд плевать хотел, придет он еще хоть раз или нет.

Он медленно прошел по бетонной дорожке к тротуару, обернулся, чтобы в последний раз махнуть рукой, но Гарольд уже вернулся в дом. И закрыл за собой дверь. В доме царила прохлада, потому что закрытые ставни и задернутые шторы отсекали солнечный свет и тепло. В гостиной это казалось уместным, однако, стоя на тротуаре, Ларри вдруг подумал, что это, наверное, единственный в Боулдере дом с закрытыми ставнями и задернутыми шторами. Нет, разумеется, домов с задернутыми шторами в Боулдере хватало, но это были дома мертвых. Заболевая, они отгораживались от всего мира. Отгораживались и умирали в уединении, как делает любое животное, не желая, чтобы его кто-либо видел

в последние мгновения жизни. А живые — может быть, подсознательно уходя от этого знака смерти, — распахивали ставни и отдергивали шторы.

От вина у него немного заболела голова, и он пытался убедить себя, что холод, в который его бросало, тоже вызван легким похмельем, справедливым наказанием для тех, кто хлещет хорошее вино, будто дешевый мускат. Но свалить все на похмелье не удавалось. Нет, не удавалось. Он посмотрел налево, направо и подумал: *Возблагодарим Господа за тоннельное зрение. Возблагодарим Господа за селективное восприятие. Без этого мы все могли бы жить в какой-нибудь истории Лавкрафта.*

Мысли его начали путаться. Вдруг появилась полная уверенность, что Гарольд наблюдает за ним сквозь щелочку между штор, его пальцы сжимаются и разжимаются, как пальцы душителя, улыбка сменилась гримасой ненависти... Всему свое время. И одновременно ему вспомнилась ночь в Беннингтоне, которую он провел на эстраде в парке. Тогда он проснулся от леденящего чувства, будто рядом кто-то есть... а потом услышал (или ему это только приснилось?) стук пыльных сапог, уходящих на запад.

Перестань. Перестань накручивать себя.

*Бут-Хилл**. Его мозг пустился в свободные ассоциации. *Бога ради, немедленно прекрати, лучше бы я не думал о мертвецах, о мертвецах за всеми этими задернутыми шторами, в темноте, как в тоннеле, тоннеле Линкольна, Господи Иисусе, что, если они начнут шевелиться, двигаться, Святый Боже, прекрати...»*

И внезапно он уже думал о походе в зоопарк в Бронксе, с матерью, в совсем юном возрасте. Они вошли в обезьянник, и тамошний запах обрел физическую составляющую: будто не просто ударил кулаком по носу, но и развоpотил все внутри. Ларри уже собрался выбежать на улицу, однако мать удержала его.

Дыши нормально, Ларри. Через пять минут ты перестанешь замечать, какая здесь вонь.

Он не поверил матери, но остался, изо всех сил подавляя рвотный рефлекс (даже в семь лет он терпеть не мог блевать), и, как выяснилось, она знала, о чем говорит. Посмотрев на часы в следующий раз, он увидел, что они провели в обезьяннике полчаса,

* Бут-Хилл — так называют кладбища на западе США, где хоронили погибших в бою.

и уже не мог понять, почему женщины, которые входили в обезьянник, внезапно закрывали рукой нос, а на их лицах отражалось отвращение. Ларри поделился этим с матерью, и Элис Андервуд рассмеялась.

Вонь здесь все равно ужасная. Но не для тебя.

Как это, мамочка?

Не знаю. Все могут блокировать этот запах. А теперь скажи себе: «Я собираюсь вновь унюхать, как в ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ пахнет в обезьяннике», — и глубоко вдохни.

Он так и поступил — и запах вернулся, вонь стала еще ядренее, чем раньше, и его хот-доги и вишневый пирог вновь начали подниматься одним большим тошнотворным пузырем, и он метнулся к двери и свежему воздуху за ней и успел — на самом пределе — удержать содержимое желудка на положенном месте.

Это селективное восприятие, думал теперь Ларри, *и она даже тогда знала, о чем речь, пусть понятия не имела, как это называется.* Не успела мысль окончательно сформироваться в его мозгу, как он услышал голос матери: *Просто скажи себе: «Я собираюсь вновь унюхать, как в ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ пахнет Боулдер».* И точно, он тут же ощутил, как пахнет город. Унюхал то, что находилось за закрытыми дверями, и задернутыми шторами, и опущенными жалюзи, унюхал запах медленного разложения, которое продолжалось даже в этом месте, которое умерло почти опустевшим.

Ларри ускорил шаг, еще не побежал, но дело к этому шло, ощущая сильный сладковатый запах, который он — и все остальные — перестал сознательно улавливать, потому что запах этот был везде, проникал всюду, пропитывал твои мысли, и ты не задергивал шторы, даже занимаясь любовью: за задернутыми шторами лежали мертвые, а живые все еще хотели смотреть на мир.

Содержимое желудка вновь попросилось наружу, на этот раз не хот-доги и вишневый пирог, а вино и шоколадный батончик «Пейдей». И поскольку Ларри находился в таком большом обезьяннике, что не мог из него выйти, разве что перебраться на остров, где никто никогда не жил, он понял, что его сейчас вырвет, пусть он по-прежнему терпеть не мог бле...

— Ларри! С тобой все в порядке?

— Ой! — вскрикнул Ларри, подпрыгнув от удивления.

На бордюрном камне сидел Лео. В трех кварталах от дома Гарольда. Он где-то раздобыл шарик для пинг-понга и теперь бросал его на мостовую и ловил при отскоке.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Ларри. Сердце начало замедлять ход, возвращаясь к нормальному ритму.

— Я хотел вернуться с тобой, — робко ответил Лео, — но не хотел заходить в дом этого парня.

— Почему? — спросил Ларри, усаживаясь рядом.

Лео пожал плечами и уставился на прыгающий шарик. Со звуком «чпок» он отскакивал от мостовой и возвращался в руку мальчика.

— Я не знаю.

— Это очень важно для меня, Лео. Потому что мне нравится Гарольд... и не нравится. У меня к нему двойственное отношение. Ты когда-нибудь относился к человеку двойственно?

— Относительно него я чувствую только одно.

Чпок! Чпок!

— Что же?

— Страх, — просто ответил Лео. — Мы можем пойти домой к моей маме Надин и маме Люси?

— Конечно.

Какое-то время они молча шли по Арапахоу, Лео бросал шарик на мостовую и подхватывал на лету.

— Извини, что заставил тебя так долго ждать, — нарушил тишину Ларри.

— Это ничего.

— Нет, если б я знал, то ушел бы раньше.

— Мне было чем заняться. Нашел вот это на чьей-то лужайке. Это шарик для понг-пинга.

— Пинг-понга, — машинально поправил его Ларри. — Почему, по-твоему, Гарольд держит ставни закрытыми?

— Думаю, чтобы никто не мог заглянуть внутрь, — ответил Лео. — Чтобы он мог делать что-то тайное. Это как мертвые люди, да?

Чпок! Чпок!

Они пошли дальше, добрались до перекрестка с Бродвеем, повернули на юг. Теперь на улицах появились и другие люди. Женщины смотрели на платья в витринах, какой-то мужчина возвращался откуда-то с киркой на плече, другой мужчина сортировал

снасти для рыбалки в разбитой витрине магазина спортивных товаров. Ларри увидел Дика Воллмана, который пришел в Боулдер в его группе. Тот катил на велосипеде на север и помахал рукой Ларри и Лео. Они ответили тем же.

— Что-то тайное, — повторил Ларри, словно размышлял вслух, безо всякого намерения вытянуть из мальчика новую информацию.

— Может, он молится темному человеку, — спокойно сказал Лео, и Ларри вздрогнул, словно его ударили током. Лео ничего не заметил. Теперь он бросал шарик так, чтобы тот ударялся сначала о тротуар, потом о кирпичную стену, вдоль которой они шли, и ловил после второго отскока.

— Ты действительно так думаешь? — спросил Ларри, стараясь не выдать волнение.

— Не знаю. Но он не такой, как мы. Он много улыбается. Но я думаю, что внутри его живут черви, которые заставляют его улыбаться. Большие белые черви, пожирающие его мозг. Как опарыши.

— Джо... то есть Лео...

Глаза Лео — темные, отстраненные, китайские — внезапно прояснились. Он улыбнулся:

— Посмотри, это Дейна. Она мне нравится. Эй, Дейна! — закричал он и замахал руками. — У тебя есть жвачка?

Дейна, смазывавшая звездочки изящного десятискоростного велосипеда, подняла голову и улыбнулась Лео. Сунула руку в нагрудный карман рубашки, вытащила пять пластинок «Джуси фрут», развернула веером, словно карты. С радостным смехом Лео побежал к ней, с длинными волосами, летящими за спиной, с шариком для пинг-понга, зажатым в руке, оставив Ларри смотреть ему вслед. Идея белых червей за улыбкой Гарольда... и где только Джо (нет, Лео, он Лео) взял такую образную идею — и жуткую? Раньше мальчик находился в полутрансе. И не только он: сколько раз за короткое время, проведенное здесь, Ларри видел людей, которые вдруг останавливались на улице, несколько секунд тупо смотрели в никуда, а потом шли дальше... Жизнь менялась. Диапазон человеческого восприятия, похоже, чуть расширился.

Это ужасно пугало.

Ларри вышел из ступора и направился к тому месту, где Дейна делилась с Лео жвачкой.

* * *

В тот день Стью застал Фрэнни за стиркой в маленьком дворике за их домом. Она наполнила низкую ванну водой, высыпала в нее почти половину пачки «Тайда» и размешивала воду рукояткой швабры, пока не поднялась пена. Фрэн сомневалась, что все делает правильно, но не собиралась идти к матушке Абагейл и демонстрировать собственное невежество. Она загрузила в воду — холодную как лед — их одежду, с мрачным видом залезла в ванну и начала топтать вещи ногами, будто сицилиец, мнущий в чане виноград. *Ваша новая модель «Мейтэг-5000»*, думала она. *Метод двуногого взбалтывания, идеальный для блузок ярких цветов, нежного нижнего белья и...*

Тут она повернулась и увидела своего мужчину, который стоял у калитки и, улыбаясь, наблюдал за ней. Фрэнни прекратила топтаться, слегка запыхавшись.

— Ха-ха, как смешно. Давно стоишь, весельчак?

— Пару минут. И как ты это называешь? Брачным танцем дикой утки?

— Снова ха-ха. — Она холодно смотрела на него. — Еще одна шуточка — и ночь ты проведешь на диване. Или на Флагштоковой горе со своим дружком Гленом Бейтманом.

— Слушай, я не хотел...

— Тут и твоя одежда, мистер Стюарт Редман. Ты можешь быть отцом-основателем и все такое, но и ты иногда оставляешь след от говна на своих трусах.

Улыбка Стью становилась все шире, пока он не рассмеялся.

— Что так грубо, дорогая?

— Сейчас я не склонна к вежливости.

— Ладно, вылези на минутку. Мне надо с тобой поговорить.

Она с радостью вылезла, хотя и понимала, что придется мыть ноги перед тем, как вновь залезть в ванну. Сердце билось учащенно, но не радостно, а как-то уныло, словно надежная машина, которую кто-то от недостатка здравого смысла использовал не по назначению. «Если так приходилось стирать белье моей прапрапрабабушке, — подумала Фрэнни, — возможно, она имела право на комнату, которая со временем стала гостиной моей матери. Может, она полагала, что это ее плата за вредность. Или что-то в таком роде».

Она посмотрела на ступни и голени. Их покрывал слой серой пены. Фрэнни стряхнула ее.

— Когда моя жена стирала вручную, — подал голос Стью, — она пользовалась... как это называется? Думаю, стиральная доска: Я помню, что у моей матери их было три.

— Это я знаю, — раздраженно ответила Фрэнни. — Мы с Джун Бринкмейер обошли полгорода в поисках стиральных досок. Не нашли ни одной. Технический прогресс наносит ответный удар.

Он вновь заулыбался.

Фрэнни подбоченилась.

— Ты собираешься вывести меня из себя, Стюарт Редман?

— Нет, мэм. Просто подумал, что знаю, где бы ты могла найти стиральную доску. И Джуни тоже, если у нее осталось такое желание.

— Где?

— Позволь мне сначала убедиться, что она там есть. — Улыбка исчезла, он обнял Фрэнни, прижался лбом к ее лбу. — Я благодарен тебе за то, что ты стираешь мою одежду, беременная женщина, и мне понятно, что ты лучше мужчины знаешь, что тебе можно делать, а чего — нет. Но, Фрэнни, зачем?

— *Зачем?* — Она в недоумении уставилась на него. — А что ты собираешься носить? Или так и будешь ходить в грязном?

— Фрэнни, в магазинах полно одежды. И размер у меня самый ходовой.

— Как, выбрасывать ношеную одежду только потому, что она *грязная*?

Стью неуверенно пожал плечами.

— Никогда, — покачала головой Фрэнни. — Так жил старый мир. Коробочки для биг-мака и одноразовые бутылки. Нечего снова ступать на тот путь.

Он легонько ее поцеловал.

— Хорошо. Только в следующий раз стирать буду я, слышишь?

— Конечно. — Она лукаво посмотрела на него. — И как долго это будет продолжаться? Пока я не рожу?

— Пока мы не восстановим подачу электроэнергии, — ответил Стью. — А потом я привезу тебе самую большую, самую сверкающую стиральную машину, какую ты когда-либо видела, и сам ее подключу.

— Предложение принято. — И она крепко поцеловала его, а он ее, его сильные руки без устали зарывались в ее волосы. В результате по телу Фрэнни разлилось тепло («жар, чего уж скромничать, меня всегда бросает в жар, когда он так делает»), от которого сначала набухли соски, а потом заполыхало в нижней части живота.

— Тебе бы лучше остановиться, — выдохнула она, — если ты пришел только для того, чтобы поговорить.

— Может, мы поговорим позже.

— Одежда...

— Замачивание помогает справиться с въевшейся грязью, — серьезно ответил он. Она начала смеяться, и он оборвал смех поцелуем. Увлек к дому. Она чувствовала на плечах теплые лучи солнца и гадала: *Оно и раньше было такое горячее? Такое сильное? Оно очистило мне спину от всех прыщей... интересно, это ультрафиолет или высота? Оно такое каждое лето? Такое жаркое?*

А потом он уже ласкал ее, ласкал даже на лестнице, раздевал, добавлял жару, и она любила его.

— Нет, ты сядь.

— Но...

— Я серьезно, Фрэнни.

— Стюарт, одежда слипнется или что-то в этом роде. Я высыпала полпачки «Тайда».

— Не волнуйся.

Она села под навесом у двери, на один из двух складных стульев, которые принес Стью, когда они вновь вышли во двор. Потом он снял туфли и носки, закатал штанины. А когда влез в ванну и начал методично топтать одежду, Фрэнни, конечно же, засмеялась.

Стью повернулся к ней и спросил:

— Хочешь провести ночь на кушетке?

— Нет, Стюарт. — Она виновато потупилась... и вновь захохотала, да так, что по щекам потекли слезы и заболел живот. Когда сумела совладать с собой, посмотрела на него. — В третий и последний раз спрашиваю: о чем ты пришел поговорить?

— Ах да. — Он ходил по ванне взад-вперед и уже взбил высокую пену. Синие джинсы выплыли на поверхность, но Стью тут же загнал их в глубину, выплеснув на лужайку кварту ошметков

пены. Фрэнни подумала: *Они напоминают... нет, хватит, хватит, а не то так ты досмеешься до выкидыша.*

— Этим вечером мы проводим первое заседание организационного комитета, — заговорил Стью.

— Я приготовила два ящика пива, крекеры с сыром, тюбики с плавленым сыром, пеперони, которая еще не...

— Я не об этом, Фрэнни. Ко мне сегодня приходил Дик Эллис. Он просит вычеркнуть его из списка.

— Просит? — удивилась она. Дик не производил впечатление человека, уклоняющегося от ответственности.

— Он сказал, что готов работать в любом качестве, как только у нас появится настоящий врач, но сейчас просто не может. Сегодня пришли еще двадцать пять человек, и у одной женщины оказалась гангрена ноги. От обычной царапины. Где-то зацепилась за ржавую проволоку.

— Это плохо.

— Дик ее спас. Дик и медсестра, которая приехала с Андервудом. Дик говорит, что женщина умерла бы у него на руках, если бы не медсестра. В любом случае они ампутировали ей ногу по колено, и оба выдохлись донельзя. Плюс у них мальчик с судорожными припадками, и Дик сводит себя с ума, пытаясь понять, эпилепсия ли это, повышенное внутричерепное давление или, может, диабет. А еще несколько случаев пищевого отравления. Люди ели продукты с истекшим сроком хранения. Дик говорит, что мы должны везде развесить листовки, объясняющие, как и что можно есть, а не то кто-нибудь может и умереть. Так о чем я? Две сломанные руки, один случай гриппа...

— Господи! Гриппа?

— Расслабься. Обычного гриппа. Аспирин справляется с температурой, ничего страшного... и никаких рецидивов и черных пятен на шее. Но Дик не уверен, нужно ли использовать антибиотики и какие, и сидит над книгами далеко за полночь, пытаясь это выяснить. Опять же он боится, что гриппом заболеют другие, и начнется паника.

— Кто заболел?

— Женщина. Ее зовут Рона Хьюитт. Она прошла пешком большую часть пути из Ларами и сильно ослабла. Дик говорит, что такие и заболевают.

Фрэнни кивнула.

— К счастью для нас, эта Лори Констебл запала на Дика, пусть он и в два раза старше ее. Думаю, это нормально.

— Как великодушно с твоей стороны, Стюарт, одобрить их отношения.

Он улыбнулся.

— Короче, Дику сорок восемь, и его немного беспокоит сердце. Сейчас он чувствует, что не может отвлекаться... он же практически учится на врача. — Стью пристально смотрел на Фрэн. — Я понимаю, почему Лори запала на него. Дик — настоящий герой. Он всего лишь сельский ветеринар и до смерти боится, что кого-нибудь убьет. И он знает, что люди приходят каждый день, некоторые совсем больные.

— То есть нам нужен еще один человек.

— Да. Ральф Брентнер горой стоит за этого Ларри Андервуда, и, судя по твоим словам, он очень нам подходит.

— Да, подходит. Думаю, он нам нужен. Сегодня я встретила в городе его женщину, Люси Суонн. Она очень милая и нахвалиться не может на Ларри.

— Думаю, так и должна вести себя каждая хорошая женщина. Но, Фрэнни, скажу тебе честно... мне не понравилось, что он так разоткровенничался с человеком, которого только что встретил.

— Думаю, причина в том, что я была с Гарольдом с самого начала. Возможно, он не осознавал, что перед ним я, а не Гарольд.

— Интересно, как он оценит Гарольда?

— Спроси его и узнаешь.

— Обязательно спрошу.

— Ты собираешься пригласить его в комитет?

— Скорее да, чем нет. — Стью вылез из ванны. — Я бы хотел включить в комитет того старика, которого все зовут Судья. Но ему семьдесят, он слишком старый.

— Ты говорил с ним насчет Ларри?

— Нет, говорил Ник. Ник Эндрос хорошо соображает, Фрэн. Он кое-что изменил в обход Глена и меня. Глен поначалу рассердился, но даже ему пришлось признать, что у Ника хорошие идеи. Короче, Судья сказал Нику, что Ларри — именно тот парень, которого мы ищем. По его словам, Ларри стремится выяснить, может ли он принести пользу, и у него получается все лучше и лучше.

— Мне представляется, что это отличная рекомендация.

— Да, — кивнул Стью. — Но я хочу узнать, что он думает о Гарольде, прежде чем приглашать его в нашу команду.

— А что насчет Гарольда? — нервно спросила Фрэнни.

— С тем же успехом можно спросить, а что насчет *тебя*, Фрэн. Ты все еще считаешь себя ответственной за него.

— Правда? Не знаю. Но когда я думаю о нем, у меня возникает чувство вины... с этим не поспоришь.

— Почему? Потому что я увел тебя у него? Фрэн, ты когда-нибудь его хотела?

— Нет, Господи, нет. — Она чуть не содрогнулась.

— Один раз я ему солгал, — признался Стью. — Ну... не совсем солгал. В тот день, когда мы встретились. Четвертого июля. Я думаю, он уже тогда почувствовал, к чему все придет. Я сказал ему, что не хочу тебя. Откуда я мог знать, как все обернется? Любовь с первого взгляда бывает в книгах, но в реальной жизни...

Он замолчал, потом его губы медленно растянулись в широкой улыбке.

— И чему ты улыбаешься, Стюарт Редман?

— Просто подумал, что в реальной жизни у меня на это ушло... — Он потер подбородок. — Да, четыре часа.

Она поцеловала его в щеку.

— Как мило.

— Это правда. В любом случае я думаю, он по-прежнему злится на меня.

— Он не сказал тебе ни одного грубого слова, Стью... или кому-то еще.

— Не сказал, — согласился Стью. — Он *улыбается*. Вот что мне не нравится.

— Ты же не думаешь, что он... планирует отомстить или что-то такое?

Стью улыбнулся:

— Нет, только не Гарольд. Глен думает, что оппозиционная партия может сплотиться вокруг Гарольда. Это нормально. Я только надеюсь, что он не попытается вставлять палки в колеса тому, что мы сейчас делаем.

— Просто помни, что он одинок и испуган.

— И ревнует.

— Ревнует? — Она подумала, потом покачала головой. — Я в этом сомневаюсь... правда. Я с ним разговаривала, и, наверр-

ное, я бы знала. Хотя он, возможно, чувствует себя отвергнутым. Я думаю, он ожидал, что его включат в организационный комитет.

— Это одно из собственных решений Ника, с которым мы все согласились. Как выяснилось, никто из нас полностью Гарольду не доверял.

— В Оганквите он был самым несносным подростком. По большей части это была реакция на ситуацию в семье... его считали гадким утенком или что-то в этом роде... но после гриппа он вроде бы изменился. По мне, так точно изменился. Пытался быть... мужчиной. Потом снова изменился. Как по мановению волшебной палочки. Начал постоянно улыбаться. С ним теперь нельзя говорить. Он весь... в себе. Так ведут себя люди, когда обращаются к религии или прочитывают... — Она резко замолчала, в ее глазах на секунду застыло удивление, очень близкое к страху.

— Прочитывают что?

— Что-то такое, что изменяет их жизнь, — ответила Фрэнни. — «Капитал». «Майн кампф». А может, перехваченные любовные письма.

— О чем ты говоришь?

— М-м-м? — Она посмотрела на него так, будто только что проснулась. Потом улыбнулась. — Не важно. Разве ты не собирался повидаться с Ларри Андервудом?

— Да, конечно... если ты в порядке.

— Я лучше, чем в порядке... мне запредельно хорошо. Иди. Быстро. Заседание в семь. Если поторопишься, я еще успею накормить тебя ужином.

— Хорошо.

Он уже подходил к калитке, отделявшей двор от лужайки перед домом, когда она крикнула вслед:

— Не забудь спросить, что он думает о Гарольде!

— Не волнуйся, — ответил Стью. — Спрошу.

— И следи за его глазами, Стюарт, когда он будет отвечать.

Когда Стью как бы мимоходом спросил, какое впечатление произвел на него Гарольд (прежде чем упомянуть о пустующем месте в организационном комитете), в глазах Ларри Андервуда мелькнули настороженность и недоумение.

— Фрэн рассказала тебе, — на ты они уже успели перейти, — о моей зацикленности на Гарольде, так?

— Да.

Ларри и Стью сидели в гостиной типового дома, какими застраивался район Столовой горы. На кухне Люси готовила обед, подогревая консервы на газовом мангале, который соорудил ей Ларри. Она пела «Кабацких женщин»* и, судя по голосу, пребывала в прекрасном расположении духа.

Стью закурил. Теперь он курил не больше пяти-шести сигарет в день, потому что не мог представить себе, как Дик Эллис оперирует его на предмет рака легких.

— Знаешь, идя по следу Гарольда, я снова и снова говорил себе, что он окажется не таким, как я его представляю. Так и вышло, но я до сих пор пытаюсь понять, что он за человек. Чертовски любезный. Гостеприимный хозяин. Открыл бутылку вина, которую я ему привез, и мы выпили за здоровье друг друга. Я отлично провел с ним время. Но...

— Но?..

— Мы подошли к нему со спины. Лео и я. Он строил кирпичный заборчик вокруг клумбы, обернулся... наверное, не слышал наших шагов, пока я не окликнул его... и я подумал: «Святой Боже, да этот парень собирается меня убить».

К двери подошла Люси.

— Стью, останешься на обед? Еды хватит.

— Спасибо, но Фрэнни ждет меня дома. Должен уйти через пятнадцать минут.

— Уверен?

— В следующий раз, Люси, большое тебе спасибо.

— Хорошо. — Она вернулась на кухню.

— Ты пришел, чтобы поговорить о Гарольде? — спросил Ларри.

— Нет. — Стью уже принял решение. — Я пришел, чтобы предложить тебе войти в наш маленький организационный комитет. Одному из парней, Дику Эллису, пришлось отказаться.

— Так просто? — Ларри встал, отошел к окну, посмотрел на тихую улицу. — Я думал, что смогу вновь стать рядовым.

---

* «Кабацкие женщины» — песня «Роллинг стоунз».

— Решать, разумеется, тебе. Нам нужен еще один человек. Тебя рекомендовали.

— Кто, если не секрет?

— Мы наводили справки. Фрэнни думает, что в комитете ты будешь на своем месте. И Ник Эндрос поговорил — он не говорит, но ты меня понимаешь — с одним из тех, кто пришел с тобой. С Судьей Феррисом.

Ларри выглядел очень довольным.

— Судья дал мне рекомендацию? Это круто. Знаете, в комитет лучше взять его. Он умен как дьявол.

— Ник так и сказал. Но ему семьдесят, а медицина у нас сильно хромает.

Ларри улыбнулся:

— Значит, комитет будет не таким уж временным, как кажется?

Стью улыбнулся в ответ и чуть расслабился. Он еще не пришел к однозначной оценке Ларри Андервуда, но уже понимал, что родился тот не вчера.

— Пожалуй, что да. Мы бы хотели, чтобы наш комитет в полном составе переизбрали на более длительный срок.

— И лучше бы без оппозиции. — Ларри смотрел на него приветливо и жестко... очень жестко. — Принести тебе пива?

— Лучше не надо. Пару дней тому назад я слишком много выпил с Гленом Бейтманом. Фрэн — женщина терпеливая, но не до такой степени. Так что скажешь, Ларри? Готов составить нам компанию?

— Полагаю... ох, черт, ну конечно. Я думал, что стану самым счастливым человеком в мире, когда приведу сюда своих людей, чтобы кто-нибудь еще заботился о них. А вместо этого, твою мать, простите мой французский, я себе места не нахожу от скуки.

— Сегодня мы собираемся у меня, чтобы поговорить об общем собрании восемнадцатого. Сможешь подойти?

— Конечно. Можно привести Люси?

Стью медленно покачал головой:

— Не говори ей об этом. Какое-то время мы хотим не предавать это огласке.

Улыбка сползла с лица Ларри.

— Шпионские игры не по мне, Стью. Наверное, лучше сразу об этом сказать, чтобы потом избежать лишней суеты. Я думаю,

июньские события имели место именно потому, что слишком много людей стремилось ничего не предавать огласке. Бог тут ни при чем. Напортачили люди, только они.

— Матушке я бы говорить этого не стал. — Стью по-прежнему безмятежно улыбался. — Если на то пошло, я полностью с тобой согласен. Но ты бы остался при своем мнении, если бы шла война?

— Не понял.

— Тот человек, который всем нам снился... Я сомневаюсь, что он просто исчез.

Ларри изумленно уставился на Стью, обдумывая его слова.

— Глен говорит, что может понять, почему о нем никто не упоминает, — продолжил Стью, — пусть мы и предупреждены. Люди все еще в шоке. Они чувствуют, что прошли через ад, чтобы добраться сюда. И хотят только одного: зализать раны и похоронить своих мертвых. Но ведь матушка Абагейл здесь, а значит, он — там. — Стью кивнул на окно, за которым под ярким солнечным светом поднимались Утюги. — Большинство собравшихся здесь, возможно, не думают о нем, но я готов поспорить на последний доллар, что он думает о нас.

Ларри бросил взгляд на кухню, однако Люси вышла во двор и говорила с Джейн Ховингтон, живущей в соседнем доме.

— Ты думаешь, он хочет добраться до нас? — сказал Ларри, понизив голос. — Не самая приятная мысль перед обедом. Аппетита не прибавляет.

— Ларри, я сам ни в чем не уверен. Но матушка Абагейл говорит, что ничего не закончится, так или иначе, пока он не разберется с нами или мы не разберемся с ним.

— Я надеюсь, она говорит это не всем. Иначе люди рванут в гребаную Австралию.

— Вроде бы секреты не по тебе.

— Да, но это... — Ларри замолчал. Стью продолжал добродушно улыбаться, и он улыбнулся в ответ, однако как-то кисло. — Ладно. Твоя правда. Мы все обговариваем и держим рты на замке.

— Отлично. Увидимся в семь.

Они вместе пошли к двери.

— Поблагодари Люси за приглашение поужинать, — сказал Стью. — Мы с Фрэнни очень скоро найдем ей дело.

— Отлично, — кивнул Ларри, а когда Стью уже взялся за ручку, вдруг воскликнул: — Эй!

Стью вопросительно посмотрел на него.

— Есть один мальчик, — медленно произнес Ларри, — он пришел с нами из Мэна. Его зовут Лео Рокуэй. У него проблемы. Люси и я в каком-то смысле делим его с женщиной, которую зовут Надин Кросс. Надин и сама со странностями, ты знаешь?

Стью кивнул. В городе говорили о той непонятной сцене, что разыгралась между матушкой Абагейл и этой Кросс, когда Ларри привел свою группу.

— Надин заботилась о Лео, пока не появился я. Лео в каком-то смысле видит людей насквозь. И не он единственный. Возможно, такие люди существовали всегда, но после гриппа их стало чуть больше. Лео... он не захотел войти в дом Гарольда. Не захотел остаться даже на лужайке. Это... немного странно, да?

— Да, — согласился Стью.

Еще несколько секунд они задумчиво смотрели друг на друга, а потом Стью отправился домой ужинать. За столом Фрэн занимали собственные мысли, поэтому они особо не разговаривали. А когда она укладывала последние тарелки в ведро с теплой водой, начали прибывать члены организационного комитета Свободной зоны Боулдера.

Когда Стью ушел к Ларри, Фрэн поспешила наверх, в спальню. Там в стенном шкафу лежал спальник, с которым она проехала всю страну. В нем, в маленьком мешочке на молнии, Фрэн держала личные вещи. Большинство из них теперь валялись по всей квартире, которую она делила со Стью, но некоторые еще не нашли своего постоянного места, а потому оставались на дне спальника. Несколько флаконов очищающего крема (после смерти отца и матери она начала вдруг покрываться прыщами, но это прошло), пачка мини-прокладок «Стейфри» на случай менструации (она слышала, что иногда с беременными такое случается), две коробки из-под дешевых сигар, одна с надписью «ЭТО МАЛЬЧИК», другая — «ЭТО ДЕВОЧКА». Во второй лежал ее дневник.

Фрэн вытащила его и задумчиво осмотрела. После приезда в Боулдер она сделала восемь или девять записей, по большей части коротких, буквально в несколько строк. Желание писать пришло и ушло вместе с дорогой. «Эти записи — как послед», — с лег-

кой грустью подумала она. За последние четыре дня она вообще ничего не записывала и подозревала, что со временем забыла бы о дневнике, хотя изначально собиралась вести его, пока жизнь немного не наладится. Для ребенка. Но теперь, однако, дневник снова не шел у Фрэнни из головы.

Так ведут себя люди, когда обращаются к религии или прочитывают что-то такое, что изменяет их жизнь... а может, перехваченные любовные письма...

Внезапно ей показалось что дневник разом потяжелел, и чтобы открыть его, придется приложить столько усилий, что на лбу выступит пот, и... и...

Она резко оглянулась, с гулко бьющимся сердцем. Что это было за шевеление?

Наверное, зашуршала мышь где-то за стеной, ничего больше. А скорее всего ей это почудилось. Не было причины — никакой причины — внезапно подумать о человеке в черном одеянии, человеке с перекрученной вешалкой-плечиками. Ее ребенок жив и в безопасности, и это всего лишь дневник, и потом нет никакой возможности установить, читал ли его кто-нибудь посторонний, и даже если такой способ есть, не найдется никаких доказательств того, что ее дневник читал именно Гарольд Лаудер.

Тем не менее она открыла дневник и начала медленно его пролистывать, вспоминая недавнее прошлое, которое вспыхивало в голове черно-белыми любительскими кадрами. Кино, снятое разумом.

Этим вечером мы восхищались ими, и Гарольд говорил и говорил о цвете, и текстуре, и тоне, а Стью мне сдержанно подмигнул. И я, злая, подмигнула ему...

Гарольд будет возражать, исходя из общих принципов. Черт побери, Гарольд, повзрослей!

...и я видела, что он готов разразиться одним из фирменных остроумных комментариев Гарольда Лаудера...

(Господи, зачем ты все это записывала? С какой целью?)

Что ж, вы знаете Гарольда... его бахвальство... его пафосные слова и заявления... не уверенный в себе маленький мальчик...

Все это из записи двенадцатого июля. Поморщившись, она перевернула эту страницу, потом следующие, торопясь дойти до конца. Глаза выхватывали фразы, которые били, как пощечины: *В любом случае на этот раз, для разнообразия, Гарольд пах чисто-*

той... Этим вечером дыхание Гарольда отпугнуло бы и дракона... И еще одна, почти пророческая: *Гарольд копит обиды точно так же, как раньше вроде бы копили сокровища пираты.* Но с какой целью? Чтобы подпитывать собственные чувства тайного превосходства и жалости к себе? Или чтобы потом за все расплатиться?

Ох, он составляет список... и дважды проверяет его... он выяснит... кто у нас плохой, кто хороший...

Потом, первого августа, всего двумя неделями ранее. Запись в самом низу страницы: *Вчера ничего не записывала. Была слишком счастлива. Испытывала ли я когда-нибудь такое счастье? Думаю, что нет. Мы со Стью вместе. Мы...*

Конец страницы. Новая начиналась словами: *...дважды занимались любовью.* Но она лишь скользнула по ним взглядом, потому что ее внимание привлекло другое место, ближе к середине, там, где шли пространные рассуждения о материнском инстинкте. На мгновение Фрэнни замерла, не в силах отвести глаза от темного, грязного отпечатка большого пальца.

Мелькнула дикая мысль: «Я ехала на мотоцикле целый день, каждый день. Конечно, всегда старалась помыться, но руки пачкаются и...»

Фрэнни вытянула руку и не удивилась, увидев, что ее сотрясает дрожь. Приложила большой палец к пятну. Отпечаток был значительно больше.

«Вполне естественно, — сказала она себе. — Когда ты что-то размазываешь, пятно увеличивается в размерах, расплывается. Обычное дело такое...»

Но этот отпечаток большого пальца не расплылся. Фрэнни четко видела все линии, и петли, и завитушки.

И след на бумаге оставили не жир и не машинное масло, не стоило себя обманывать.

Лист измазали шоколадом.

«Пейдей», подумала Фрэнни, и у нее засосало под ложечкой. *Покрытые шоколадной глазурью батончики «Пейдей».*

В тот момент она боялась обернуться, боялась увидеть нависшую над плечом ухмылку Гарольда, неотличимую от ухмылки Чеширского Кота в «Алисе». Толстые губы Гарольда двигались, он торжественно произносил: *...каждому везет, Фрэн. Каждому везет.*

Но даже если Гарольд и заглянул в ее дневник, означает ли это, что он замыслил какую-то тайную вендетту против нее, или Стью, или остальных? Разумеется, нет.

Но Гарольд изменился, прошептал ее внутренний голос.

— Черт побери, он не изменился настолько! — выкрикнула Фрэнни пустой комнате, дернулась, потом нервно рассмеялась. Пошла вниз и начала готовить ужин. Они хотели поесть пораньше из-за совещания... но теперь совещание уже не казалось ей таким важным, как раньше.

Выдержки из протокола заседания
организационного комитета
13 августа 1990 г.

Совещание проводилось на квартире Стью Редмана и Фрэнсис Голдсмит. Присутствовали все члены организационного комитета: Стюарт Редман, Фрэнсис Голдсмит, Ник Эндрос, Глен Бейтман, Ральф Брентнер, Сюзан Штерн и Ларри Андервуд...

Стью Редмана избрали председателем совещания, Фрэнсис Голдсмит — секретарем.

Все разговоры (плюс рыгание, бурчание животов и прочее) записывались на кассеты «Меморекс», с тем чтобы потом положить их в банковскую ячейку в «Первом банке Боулдера» (вдруг кто-нибудь рехнется до такой степени, что захочет их послушать).

Стью Редман представил текст листовки о проблеме пищевых отравлений, написанный Диком Эллисом и Лори Констебл (с завораживающим заголовком: «ЕСЛИ ВЫ ЕДИТЕ, ВАМ НАДО ЭТО ПРОЧИТАТЬ»). Дик хотел, чтобы эту листовку отпечатали и расклеили по всему Боулдеру до общего собрания 18 августа, потому что в городе отравились продуктами уже пятнадцать человек, и двоих едва откачали. Комитет проголосовал (7—0), что Ральф должен отпечатать тысячу экземпляров листовки и взять себе в помощь десять человек, чтобы расклеить их по городу...

Сюзан Штерн подняла еще одну тему, тоже с подачи Дика и Лори (мы все хотели бы, чтобы здесь присутствовал один из них). Они оба считали, что необходимо создать похоронную команду; Дик полагал, что этот вопрос нужно внести в повестку дня общего собрания и обосновать не опасностью для здоро-

вья людей — это могло вызвать панику, — но «соображениями приличия». Мы все знаем, что трупов в Боулдере на удивление мало по сравнению с числом горожан до эпидемии, но не знаем почему... да это и не имеет значения. Тем не менее трупов все равно тысячи, и мы должны избавиться от них, если собираемся здесь оставаться.

Стью спросил, насколько серьезна эта проблема на текущий момент, и Сью ответила, что действительно серьезной она станет только осенью, когда сухая, жаркая погода сменится дождями.

Ларри предложил внести пункт о создании похоронной команды в повестку дня собрания 18 августа. Его приняли единогласно, 7—0.

Ник Эндрос попросил слова, и Ральф Брентнер зачитал его приготовленные записи, которые приводятся ниже без изменений:

«Один из самых важных вопросов, стоящих перед нашим комитетом, заключается в следующем: должны ли мы полностью довериться матушке Абагейл и рассказывать ей обо всем, что происходит на наших собраниях, открытых и закрытых? Вопрос этот можно поставить иначе: должна ли матушка Абагейл во всем довериться нашему комитету — и постоянному комитету, который будет создан после общего собрания — и рассказывать нам обо всем, что происходит на ее встречах с Богом или Кем-то-еще... в особенности на закрытых? Все это может казаться полнейшей чепухой, но в действительности это — сугубо прагматический вопрос. Мы должны незамедлительно определить место матушки Абагейл в нашем обществе, потому что наша проблема — не просто «вновь встать на ноги». Будь дело только в этом, мы бы вообще в ней не нуждались. Как вы все знаете, другая проблема — человек, которого мы иногда называем темным человеком, а Глен предпочитает называть Противником. Мое доказательство его существования очень простое, и я думаю, что большинство людей в Боулдере согласятся с моими доводами — если сонзволят об этом подумать. Вот они: «Мне снилась матушка Абагейл, и она есть; мне снился темный человек, и, таким образом, он должен быть, хотя я никогда его не видел». Собравшиеся здесь люди любят матушку Абагейл, и я сам ее люблю. Но мы далеко не уйдем — чего там, с места не сдвинемся, — если первым делом не заручимся ее одобрением.

Поэтому сегодня я пошел к ней и задал вопрос прямо, можно сказать, в лоб: пойдет ли она с нами? Она ответила, что пойдет, но на определенных условиях. Говорила четко и откровенно. Она предоставляет нам полную свободу в решениях, которые касаются «мирской жизни» — ее фраза. Уборка улиц, распределение жилья, восстановление подачи электроэнергии.

Но она потребовала, чтобы мы консультировались с ней по всем вопросам, касающимся темного человека. Она верит, что мы — часть шахматной игры между Богом и Сатаной, и главный представитель Сатаны в этой игре — Противник, которого, по ее словам, зовут Рэндалл Флэгг («имя, которое он использует в этот раз» — так она выразилась). А по причинам, лучше всего известным только Ему, Бог выбрал ее Своим представителем в этой игре. Она верит, и на этот раз я с ней полностью согласен, что борьба продолжается, а победитель может быть только один — мы или он. Она думает, что эта борьба — самое главное, и непреклонна в том, что мы должны согласовывать с ней все наши действия, связанные с этой борьбой... и с *ним*.

Я не хочу вникать в религиозную подоплеку всего этого — и спорить, права она или нет, — но совершенно очевидно, что и без всякой подоплеки перед нами стоит *проблема*, которую мы должны разрешить. Поэтому я вношу следующие предложения».

Заявление Ника вызвало короткое обсуждение. Потом перешли к его предложениям.

Ник внес предложение: «Можем ли мы, как комитет, не обсуждать на наших совещаниях теологические, религиозные и сверхъестественные аспекты проблемы, связанной с Противником?» Единогласно, 7—0, члены комитета согласились не обсуждать все это, во всяком случае, «во время заседаний».

Ник внес предложение: «Можем ли мы согласиться в том, что самой главной, самой секретной задачей комитета является борьба с силой, известной нам как темный человек, или Противник, или Рэндалл Флэгг?» Глен Бейтман поддержал это предложение, добавив, что время от времени могут возникать другие вопросы — такие как истинная причина создания похоронной команды, — о которых тоже лучше не распространяться. Предложение приняли единогласно, 7—0.

Ник внес предложение, уже озвученное в преамбуле: «Комитет должен информировать матушку Абагейл обо всех открытых

и секретных вопросах, которые рассматривались на заседаниях комитета».

И это одобрили единогласно, 7—0.

Решив все вопросы, касающиеся матушки Абагейл, комитет, по просьбе Ника, занялся проблемой темного человека. Ник предложил отправить трех добровольцев на запад, чтобы они присоединились к людям темного человека и собрали информацию о том, что там в действительности происходит.

Сью Штерн тут же предложила в добровольцы себя. После короткой, но жаркой дискуссии Глен Бейтман получил слово от Стью и внес предложение: ни один из членов организационного комитета или членов постоянного комитета, выбранного общим собранием, не имеет права предлагать свою кандидатуру для участия в этой разведывательной миссии. Сью Штерн пожелала узнать почему.

Г л е н. Все уважают твое искреннее желание помочь, Сюзан, но дело в том, что мы просто не знаем, смогут ли люди, которых мы посылаем, вернуться, а если смогут, то когда и в каком состоянии. А тем временем перед нами стоит очень сложная задача по налаживанию жизни в Боулдере. Если ты уйдешь, нам придется искать на твое место нового человека, вводить его в курс дела. Я просто не думаю, что у нас есть на это время.

С ь ю. Полагаю, ты прав... по крайней мере в твоих словах есть логика... но я иногда задаюсь вопросом: а может, есть и другое объяснение? А может, они оба — одно и то же? Ты говоришь, что мы не можем посылать никого из комитета, потому что мы все такие незаменимые. А может, мы просто... просто... ну, не знаю...

С т ь ю. Прячемся за чужими спинами?

С ь ю. Да. Спасибо тебе. Именно это я имела в виду. Мы сидим здесь и посылаем других, может, чтобы их распяли на телеграфных столбах, может, для чего-то похуже.

Р а л ь ф. Да что, черт побери, может быть хуже?

С ь ю. Я не знаю, а если кто *знает*, так это Флэгг. Как же я это ненавижу!

Г л е н. Можешь ненавидеть, но при этом ты очень сжато выразила наше положение. Мы здесь политики. Первые политики новой эпохи. Мы можем только надеяться, что наша цель более благородна, чем некоторые цели прежних политиков, ради которых они заставляли людей рисковать жизнью.

С ь ю. Никогда не думала, что стану политиком.

Л а р р и. Не ты одна.

Предложение Глена о том, что никто из членов организационного комитета не должен отправляться в разведывательную миссию, приняли — пусть и с неохотой — единогласно, 7—0. Фрэн Голдсмит спросила Ника, какими качествами должны обладать шпионы, направленные на запад, и что они должны выяснить.

Н и к. Мы не узнаем, есть ли там что выяснять, до их возвращения. Если они вернутся. Дело в том, что мы не имеем ни малейшего понятия ни о его делах, ни о планах. Мы в определенном смысле рыбаки, использующие человеческую приманку.

Стью сказал, что комитет должен отобрать людей, которым предложит отправиться в разведку, и с этим все согласились. По решению комитета большую часть дискуссии на эту тему дословно распечатали с аудиокассет. Все пришли к выводу, что необходимо оставить вещественное свидетельство обсуждения столь щекотливого и сложного вопроса о разведчиках (или шпионах).

Л а р р и. У меня есть человек, которого я хотел бы внести в кандидаты, если возможно. Наверное, для тех, кто его не знает, мое предложение покажется странным, но мне представляется, что это хорошая идея. Я бы послал Судью Ферриса.

С ь ю. Старика? Ларри, ты, должно быть, рехнулся!

Л а р р и. Более умного старика я еще не встречал. И ему только семьдесят, для информации. Рональд Рейган занимал пост президента в более преклонном возрасте.

Ф р э н. Не уверена, что это хорошая рекомендация.

Л а р р и. Но он здоров и крепок. И я думаю, что темный человек не заподозрит, что мы послали шпионить за ним такого старика, как Феррис... вы понимаете, мы должны учитывать его подозрительность. Он должен предполагать что-то подобное, и я не удивлюсь, если у него выставлены специальные посты, где допрашиваются вновь прибывающие люди на предмет выявления потенциальных шпионов. И — хоть это прозвучит жестоко, я понимаю, особенно для Фрэн — если мы потеряем его, то спасем другого человека, у которого впереди еще пятьдесят лет жизни.

Ф р э н. Ты прав, это звучит жестоко.

Л а р р и. Я хочу добавить только одно: я знаю, что Судья наверняка согласится. Он действительно хочет помочь. И я действительно думаю, что он с этой миссией справится.

Г л е н. Твоя позиция ясна. Что думают остальные?

Р а л ь ф. Я готов проголосовать и за, и против, потому что не знаю этого господина. Но я не думаю, что мы отправляем его именно потому, что он старый. В конце концов, посмотрите, кто у нас главный — старая женщина, которой за сто.

Г л е н. Логично.

С т ь ю. Ты похож на теннисного судью, приятель.

С ь ю. Послушай, Ларри, что, если он проведет темного человека, а потом умрет от инфаркта, спеша добраться до нас?

С т ь ю. Такое может произойти с каждым. Как и несчастный случай.

С ь ю. Согласна... но у стариков вероятность выше.

Л а р р и. Это так, но ты не знаешь Судью, Сью. Если бы знала, то поняла бы, что достоинства перевешивают недостатки. Он действительно умен. Защита закончила.

С т ь ю. Я думаю, Ларри прав. Такого Флэгг может и не ожидать. Я поддерживаю предложение. Кто за?

Комитет проголосовал единогласно, 7—0.

С ь ю. Что ж, я проголосовала за твоего кандидата, Ларри, — может, ты проголосуешь за моего?

Л а р р и. Да, это политика, конечно [общий смех]. Кого ты предлагаешь?

С ь ю. Дейну.

Р а л ь ф. Какую Дейну?

С ь ю. Дейну Джергенс. Более мужественной женщины я не встречала. Разумеется, я знаю, что ей не семьдесят, но, думаю, если мы ей это предложим, она согласится.

Ф р э н. Да... если нам придется пойти на такое, думаю, она достойный кандидат. Я поддерживаю это предложение.

С т ь ю. Хорошо... внесено и поддержано предложение просить Дейну Джергенс отправиться в стан врага. Кто за?

Комитет проголосовал единогласно, 7—0.

Г л е н. Ладно... кто у нас номер три?

Н и к (зачитано Ральфом): Если Фрэн не понравилось предложение Ларри, боюсь, ей совсем не понравится мое предложение. Я предлагаю...

Р а л ь ф. Ник, ты сошел с ума! Это шутка?

С т ь ю. Давай, Ральф, зачитывай.

Р а л ь ф. Что ж... тут написано, что он хочет предложить... Тома Каллена.

Комитет загудел.

С т ь ю. Ладно. Слово предоставляется Нику. Посмотрите, как он быстро пишет, так что уж зачитывай, Ральф.

Н и к. Прежде всего я знаю Тома так же хорошо, как Ларри знает Судью, а может, и лучше. Он любит матушку Абагейл. Он сделает для нее все, в том числе согласится, чтобы его поджарили на медленном огне. Я это серьезно — никаких преувеличений. Войдет в костер ради нее, если она его попросит.

Ф р э н. Ник, никто с этим не спорит. Но Том...

С т ь ю. Подожди, Фрэн... сейчас говорит Ник.

Н и к. Мой второй довод такой же, как и у Ларри насчет Судьи. Противник не может ожидать, что мы пошлем шпионить за ним умственно отсталого. Ваша общая реакция на мое предложение — возможно, самый весомый аргумент в пользу этой идеи. Мой третий — и последний — довод следующий: Том, конечно, умственно отсталый, но он не недоумок. Однажды он спас мне жизнь. Налетел торнадо, и Том отреагировал гораздо быстрее, чем смог бы любой из моих знакомых. По уровню умственного развития Том — ребенок, но даже ребенка можно научить кое-что сделать, а потом научить чему-то еще. Я не вижу проблем в том, чтобы Том заучил очень простую легенду. В конце концов, они скорее всего сами предположат, что мы отослали его прочь, потому что...

С ь ю. Потому что не хотели, чтобы он портил наш генофонд? Это прозвучит убедительно.

Н и к. ...потому что он умственно отсталый. Он даже сможет сказать, что злится на людей, которые выгнали его, и хочет им отомстить. Единственное, что он должен будет запомнить накрепко: легенду, которую мы заставим его выучить, нельзя менять ни при каких обстоятельствах.

Ф р э н. Нет, я просто не могу поверить...

С т ь ю. Помолчи, говорит Ник. Давайте соблюдать порядок.

Ф р э н. Да... извините.

Н и к. Некоторые из вас, возможно, думают, что Тома с его легендой будет проще вывести на чистую воду, раз уж он умственно отсталый, но...

Л а р р и. Да.

Н и к. ...но на самом деле все наоборот. Если я скажу Тому, что он должен держаться за легенду, которую я ему дам, держаться при *любых обстоятельствах*, он это сделает. Так называемый нормальный человек может выдержать столько-то часов пытки водой, или столько-то разрядов электрическим током, или столько-то иголок, загнанных под ногти...

Ф р э н. До этого ведь не дойдет? Правда? Я хочу сказать, никто же всерьез не думает, что до этого может дойти?

Н и к. ...прежде чем сказать: «Ладно, я сдаюсь и расскажу все, что знаю». Том просто не сможет этого сделать. Если он пройдется по легенде достаточное число раз, то не просто заучит ее, а поверит, что так оно и есть. Никто не сможет убедить его в обратном. Я просто хочу разъяснить, что, по моему мнению, для такой миссии умственная отсталость Тома — это плюс. «Миссия» звучит напыщенно, но так оно и есть.

С т ь ю. Это все, Ральф?

Р а л ь ф. Есть кое-что еще.

С ь ю. Если он действительно начнет жить по легенде, Ник, как он узнает, когда ему надо возвращаться?

Р а л ь ф. Извините, мэм, но, похоже, здесь речь как раз об этом.

С ь ю. Ох.

Н и к (зачитано Ральфом): Тому можно дать постгипнотическую установку, прежде чем мы отправим его. Опять-таки это не просто слова. Когда у меня возникла эта идея, я спросил Стэна Ноготны, сможет ли он загипнотизировать Тома. Стэн иногда проделывал это на вечеринках, он сам рассказывал. Стэн не думал, что это сработает... но Том вошел в транс через шесть секунд.

С т ь ю. Я бы тоже вошел. Старина Стэн знает, как это делается.

Н и к. Есть причина, по которой я подумал, что Том может оказаться сверхчувствительным к гипнозу. Все началось при нашей встрече в Оклахоме. Судя по всему, за долгие годы он научился до какой-то степени гипнотизировать *себя*. Ему это помогает соображать, что к чему. В день нашей встречи он сначала не мог понять, что происходит, почему я не говорю и не отвечаю на его вопросы. Я прикладывал руку ко рту, потом к шее, показывая, что я немой, но он не мог взять в толк, о чем я. Потом на несколько

секунд он просто отключился. Вышел из этого состояния точно так же, как загипнотизированный человек, когда гипнотизер говорит ему, что пора просыпаться. И уже все понимал. Вот так. Он ушел в себя и вернулся с ответом.

Глен. Это просто удивительно.

Стью. Не то слово.

Ник. Я попросил Стэна дать постгипнотическую установку, когда мы ввели Тома в транс, пять дней назад. После слов Стэна: «Я хотел бы увидеть слона». — Том должен почувствовать неодолимое желание отойти в угол и встать на голову. Стэн произнес эти слова примерно через полчаса после того, как мы разбудили Тома, и Том поспешил в угол и встал на голову. Все игрушки и шарики вывалились у него из карманов. Потом он сел, улыбнулся нам и сказал: «Теперь я удивляюсь, зачем Том Каллен пошел и сделал это?»

Глен. Я просто слышу его.

Ник. Все эти разговоры о гипнозе — всего лишь вступление к двум важным моментам. Первое, мы можем дать Тому постгипнотическую установку, определив момент его возвращения. Самое очевидное — связать его с луной. Полной луной. И второе, введя его в глубокий гипноз после возвращения, мы получим полную информацию обо всем, что он видел.

Ральф. Это все, что написал Ник. Ну и ну.

Ларри. Похоже на старый фильм. «Маньчжурский кандидат»*.

Стью. Что?

Ларри. Не важно.

Сью. У меня вопрос, Ник. Ты также запрограммируешь Тома — полагаю, это правильное слово — не выдавать никакой информации о том, что мы здесь делаем?

Глен. Ник, позволь мне на него ответить. Если у тебя другие резоны, просто покачай головой. Я хочу сказать, что Тома вообще не нужно программировать. Пусть говорит о нас все, что хочет. Касательно Флэгга мы все держим в секрете. А в остальном мы не делаем ничего такого, о чем он сам не смог бы догадаться... даже если его хрустальный шар затуманился.

---

* «Маньчжурский кандидат» — политический триллер американского писателя Р. Кондона (1915—1996) о представителе известного политического клана, которого запрограммировали на убийство.

Н и к. Именно так.

Г л е н. Хорошо... я намерен поддержать предложение Ника. Думаю, от него мы только выигрываем и ничего не теряем. Это невероятно смелая и оригинальная идея.

С т ь ю. Предложение внесено и поддержано. Мы можем еще продолжить обсуждение, но недолго. Мы просидим здесь всю ночь, если вовремя не остановимся. Продолжаем?

Ф р э н. Будь уверен. Глен, ты сказал, что мы можем только выиграть и ничего не потеряем. А как насчет Тома? Как насчет наших чертовых душ? Может, вы и не думаете о том, что кто-то будет втыкать... что-то... под ногти Тома или пытать его электрическим током, но меня это тревожит. Как вы можете быть такими хладнокровными? И, Ник, загипнотизировать его, чтобы он вел себя как... курица с надетым на голову мешком! Тебе должно быть стыдно! Я думала, ты его друг!

С т ь ю. Фрэн...

Ф р э н. Нет, я намерена высказаться. Я не собираюсь отказываться от работы в этом комитете, не уйду, надувшись, если окажусь в меньшинстве, но я намерена высказаться. Вы действительно хотите взять этого милого умственно отсталого парня и превратить его в живой самолет-разведчик «У-2»? Никто из вас не понимает, что мы вновь начинаем прежние игры? Вы этого не видите? Что мы будем делать, если они убьют его, Ник? Что мы будем делать, если они убьют их всех? Разрабатывать новое оружие? Улучшенный штамм «Капитана Торча»?

Последовала пауза: Ник писал ответ.

Н и к (зачитано Ральфом). Все сказанное Фрэн глубоко меня тронуло, но я по-прежнему настаиваю на моем кандидате. Нет, я не радовался, видя стоящего на голове Тома, и мне не хочется посылать его туда, где его могут пытать и убить. Я только вновь указываю, что он будет это делать ради матушки Абагейл, и ее идей, и ее Бога, а не ради нас. Я также абсолютно уверен, что мы должны использовать все средства, имеющиеся в нашем распоряжении, чтобы уничтожить угрозу, которую представляет темный человек. Там он распинает людей. Я знаю об этом из своих снов. И я знаю, что некоторым тоже снились такие сны. Матушка Абагейл сама их видела. И я знаю, что Флэгг — это зло. Если кто-нибудь и разработает новый штамм «Капитана Торча», так это будет он,

чтобы использовать против нас. Я бы хотел остановить его, пока у нас есть такая возможность.

Ф р э н. Ты все говоришь правильно, Ник, я не могу с этим спорить. Я знаю, что он плохой. Насколько мне известно, он, возможно, Сын Сатаны, как говорит матушка Абагейл. Но мы встаем на тот же путь, которым идет он, пытаясь его остановить. Помните «Скотный двор»? «Они переводили взгляд со свиней на людей и не видели разницы». Думаю, я хотела услышать от тебя следующее, пусть даже это зачитает Ральф: если мы должны встать на этот путь, чтобы остановить его... если мы должны... тогда мы сможем сойти с него, как только все закончится? Ты можешь это сказать?

Н и к. Не уверен. Нет, не уверен.

Ф р э н. Тогда я проголосую против. Если уж мы должны послать людей на запад, пусть это будут люди, которые знают, на что идут.

С т ь ю. Кто-нибудь еще?

С ь ю. Я тоже против, но по более прозаическим причинам. Если мы продолжим в том же духе, то пошлем старика и кретина. Простите, что так его называю, я тоже его люблю, но такой уж он. Я против — и на этом умолкаю.

Г л е н. Проводи голосование, Стью.

С т ь ю. Хорошо. Я голосую за. Фрэнни?

Ф р э н. Против.

С т ь ю. Глен?

Г л е н. За.

С т ь ю. Сюз?

С ь ю. Против.

С т ь ю. Ник?

Н и к. За.

С т ь ю. Ральф?

Р а л ь ф. Мне это, конечно, не нравится, но раз Ник за, я с ним заодно. За.

С т ь ю. Ларри?

Л а р р и. Хотите откровенно? Я думаю, идея такая мутная, что я чувствую себя платным сортиром. Полагаю, такое приходится делать, когда ты наверху. До чего же это противно! Я голосую за.

С т ь ю. Предложение принято, 5—2.

Ф р э н. Стью!

С т ь ю. Да?

Ф р э н. Я бы хотела изменить свое решение. Если вы действительно собираетесь послать туда Тома, нам лучше сделать это вместе. Я сожалею, что подняла такой шум, Ник. Я знаю, тебе больно... я это вижу по твоему лицу. Это такое безумие! Почему все должно пойти именно так? Конечно же, это тебе не комитет по подготовке выпускного вечера. Фрэнни голосует за.

С ь ю. Тогда я тоже. Единым фронтом. Никсон стоит на своем: я не преступник. За.

С т ь ю. Скорректированные результаты голосования: 7—0. Есть дополнение, Фрэн. Хочу занести в протокол, что я тебя люблю.

Л а р р и. На этой ноте предлагаю закончить совещание.

С ь ю. Поддерживаю это предложение.

С т ь ю. Зиппи* и мамой Зиппи внесено и поддержано предложение закончить наше совещание. Кто за, прошу поднять руки. Кто против, готовьтесь получить банкой пива по голове.

Предложение о завершении совещания приняли единогласно, 7—0.

Фрэнсис Голдсмит, секретарь.

— Ложишься, Стью?

— Да. Уже поздно?

— Почти полночь. Достаточно поздно.

Стью вернулся в комнату с балкона. В одних трусах. Их белизна ярко выделялась на загорелой коже. Фрэнни, которая сидела на кровати — на столике рядом горела лампа Коулмана, — опять удивилась глубине своей любви к нему.

— Думал о заседании?

— Да. — Он налил стакан воды из графина, выпил, поморщился: никакого вкуса, кипяченая.

— Из тебя получился отличный председатель. Глен предложил тебе вести и общее собрание, так? Тебя это тревожит? Ты отказался?

— Нет, сказал, что возьму это на себя. Полагаю, у меня получится. Я думал о тех троих, которых мы решили послать че-

* Зиппи — герой комиксов. Впервые появился в 1970 г.

рез горы. Это грязное дело — посылать шпионов. В этом ты права, Фрэнни. Только и Ник тоже прав. И что делать в такой ситуации?

— Голосовать, как велит совесть, а потом, насколько я понимаю, ложиться спать. — Она протянула руку к выключателю лампы. — Я ее гашу?

— Да.

Она погасила лампу, и он вытянулся на кровати.

— Спокойной ночи, Фрэнни. Я тебя люблю.

Фрэнни лежала, глядя в потолок. Насчет Тома Каллена она больше не волновалась... но шоколадное пятно не выходило у нее из головы.

Каждому везет, Фрэн.

«Может, лучше рассказать все Стью прямо сейчас?» — подумала она. Но если это и была проблема, то принадлежала она ей. Следует подождать, понаблюдать... и посмотреть, не случится ли чего.

Прошло много времени, прежде чем Фрэнни уснула.

Глава 52

В предрассветные часы матушка Абагейл лежала без сна в постели. Наконец она попыталась молиться.

Встала, не зажигая свет, и опустилась на колени, одетая в длинную белую хлопчатобумажную ночную рубашку. Прижалась лбом к Библии, раскрытой на Деяниях апостолов. Обращение непреклонного старого Савла на дороге в Дамаск. Его ослепил свет, и на Дамасской дороге чешуя отпала от глаз его. Деяния — последняя книга Библии, в которой доктрина подкреплялась чудесами, а что есть чудеса, как не божественная рука Господа, проявляющего Себя на Земле?

И да, ее глаза залепила чешуя, но спадет ли она когда-нибудь?

Тишину в комнате нарушали только слабое шипение керосиновой лампы, тиканье механического будильника «Уэстклокс» и низкий бормочущий голос матушки Абагейл:

— Укажи мне мой грех, Господь. Я в неведении. Я знаю, что сошла с пути истинного и не увидела то, что Ты собирался мне показать. Я не могу спать, я не могу справлять нужду, и я не чувствую Тебя, Господи. У меня ощущение, будто я молюсь в отключенный телефон — и время для этого самое неудачное. Чем я оскорбила Тебя? Я слушаю, Господь. Внимаю тихому, спокойному голосу в моем сердце.

И она слушала. Закрыла глаза скрученными артритом пальцами, и еще больше наклонилась вперед, и попыталась очистить разум от всех мыслей. Но ее окружала темнота. Темная, как кожа, темная, как вспаханная земля, ожидающая доброго семени.

Пожалуйста, Господи, Господи, пожалуйста, Господи...

Но в ее сознании возник образ пустынной проселочной дороги в море кукурузы. И женщина с мешком, в котором лежали только что забитые куры. Появились ласки. Они бросались вперед и рвали мешок. Они чувствовали кровь — древнюю кровь греха и свежую кровь жертвоприношения. Она услышала, как старуха воззвала к Господу слабым и скулящим голосом, наглым голосом, не смиренно умоляя об исполнении воли Божьей, каким бы ни было в этом ее место, но требуя, чтобы Бог спас ее и она могла продолжить работу... ее работу... как будто она знала Замысел Божий и могла подчинить Его волю своей. Ласки становились все смелее; мешок начал рваться там, где они его прокусывали. Она понимала, что ее пальцы слишком старые, слишком слабые. И когда от кур ничего не останется, а ласки еще не утолят голод, они набросятся на нее. Да. Они...

И тут ласки бросились врассыпную. пища, убежали в ночь, оставив содержимое мешка наполовину непожранным, и она восторженно подумала: *Бог все-таки спас меня! Да прославится имя Его! Бог спас свою хорошую и верную служанку!*

Не Бог, старуха. Я.

В своем видении она повернулась, страх жаром запрыгнул ей в горло, оставляя привкус меди. Из кукурузы, словно серебряный призрак, выходил огромный серый волк, раздвинув челюсти в сардонической улыбке, с горящими глазами. Толстую шею охватывал красивый кованый серебряный ошейник, а с него свисал маленький кусочек черного янтаря... и по центру краснела щель, похожая на глаз. Или на ключ.

Она перекрестилась сама, потом перекрестила воздух между собой и этим жутким существом, отводя беду, но ухмылка волка стала только шире, а между челюстей показался розовый язык.

Я приду за тобой, матушка. Не сейчас, но скоро. Мы будем гнать вас, как собаки гонят оленя. Я — все, о чем ты думаешь, и даже больше. Я маг. Я человек, который говорит с будущим. Твои люди прекрасно меня знают, матушка. Они зовут меня Джоном Завоевателем.*

Уходи! Оставь меня во имя Господа Всемогущего!

Но как же она перепугалась! Не за людей, которых в ее видении представляли собой куры в мешке, а за себя! Она боялась за свою душу, так боялась *за* свою душу!

Твой Бог не имеет власти надо мной, матушка. Он ныне слаб.

Нет! Неправда! Моя сила — сила десятерых, я подниму крылья, как орлы...

Но волк только ухмылялся и подходил ближе. Она отпрянула от его дыхания, тяжелого и свирепого. То был ужас полудня и ужас, налетающий в полночь, и она боялась. Боялась до безумия. А волк, по-прежнему ухмыляясь, заговорил двумя голосами, задавая вопросы и отвечая себе.

Кто добыл воду из скалы, когда нас мучила жажда?

Я добыл, отвечал волк наглым, отчасти радостным, отчасти скулящим голосом.

Кто спас нас, когда мы пали духом? — спрашивал ухмыляющийся волк, морда которого находилась теперь в считанных дюймах от матушки Абагейл, обжигая ее дыханием.

Я спас! — взвыл волк, придвигаясь еще ближе, с острой смертью в ухмыляющейся пасти, с красными и горделивыми глазами. *Ага, так падите ниц и восславьте мое имя, я добытчик воды в пустыне, восславьте мое имя, я хороший и верный слуга, который добывает воду в пустыне, и имя мое — оно же и имя моего Господина...*

Пасть волка раскрылась еще шире, чтобы поглотить ее.

— ...имя мое, — пробормотала матушка Абагейл. — Восславьте мое имя, восславьте Бога, от которого все благодеяния, восславьте Его, вы, существа, здесь, внизу, живущие...

---

* Джон Завоеватель — народный герой в фольклоре афроамериканцев.

Она подняла голову и оглядела комнату, словно не понимая, где находится. Ее Библия упала на пол. В восточном окне разгоралась заря.

— Ох, Господь мой! — вскричала она громким, вибрирующим от эмоций голосом.

Кто добыл воду из скалы, когда нас мучила жажда?

В этом все дело? Дорогой Боже, в этом? Вот почему чешуя покрывала ее глаза и она не видела того, что ей следовало знать?

Горькие слезы потекли по ее щекам, когда она с трудом поднялась и подошла к окну. Артрит иголками впивался в коленные и бедренные суставы.

Она выглянула на улицу и поняла, что ей теперь делать.

Вернулась к стенному шкафу и сняла ночную рубашку. Бросила на пол и теперь стояла обнаженной, открыв тело, которое морщинки покрывали такой густой сетью, что казалось, будто это русло великой реки времени.

— Воля Твоя будет исполнена.

Она начала одеваться.

Часом позже матушка Абагейл медленно шагала на запад по Мэплтон-авеню, уходя из города и направляясь к заросшим густым лесом узким каньонам.

Стью и Ник находились в здании электростанции, когда примчался Глен.

— Матушка Абагейл! — выпалил он. — Она ушла!

Ник пристально посмотрел на него.

— Что ты такое говоришь? — спросил Стью, одновременно отводя Глена подальше от людей, которые наматывали медную проволоку на ротор одного из сгоревших турбогенераторов.

Глен кивнул. Он проехал пять миль на велосипеде и теперь пытался восстановить дыхание.

— Я пошел к ней, чтобы рассказать о нашем вчерашнем собрании и прокрутить запись, если бы она захотела ее прослушать. Я хотел узнать ее мнение о Томе, потому что нервничал из-за всей этой идеи... наверное, где-то под утро слова Фрэнни проняли меня. Я хотел заглянуть к ней пораньше, поскольку Ральф говорил, что сегодня прибывают еще две группы, а вы знаете, как ей нравится встречать новичков. Я пришел к ней примерно в половине девятого. Она не ответила на мой стук, поэтому я вошел. Ре-

шил, что уйду, если она спит... но я хотел убедиться, что она не... что она не умерла или что-то в этом роде... она же такая старая.

Взгляд Ника не отрывался от губ Глена.

— Но дома ее не оказалось. А на подушке я нашел это.

Он протянул им бумажное полотенце. Большими и кривыми буквами матушка Абагейл написала:

Я должна на некоторое время уйти. Я согрешила и предположила, что знаю Замысел Божий. Мой грех — ГОРДЫНЯ, и Он хочет, что я вновь нашла свое место в Его работе. Я вернусь к вам, как только будет на то воля Божья.

Эбби Фримантл.

— Будь я проклят! — воскликнул Стью. — И что нам теперь делать? Как думаешь, Ник?

Ник взял записку, перечитал ее. Вернул Глену. Теперь его лицо отражало не свирепость, а только грусть.

— Полагаю, мы должны перенести общее собрание на сегодня, — высказал свое мнение Глен.

Ник покачал головой. Достал блокнот, написал что-то, вырвал листок, протянул Глену. Стью прочитал написанное, заглядывая тому через плечо.

Человек предполагает, а Бог располагает. Матушка А. обожала эту фразу, часто повторяла ее. Глен, ты сам говорил, что ее направляет кто-то другой — Бог, или собственный разум, или заблуждения. Так чего горевать? Она ушла. Мы не можем этого изменить.

— Но шум... — начал Стью.

— Конечно же, шум будет, — кивнул Глен. — Ник, не нужно ли нам провести еще одно собрание комитета и все обсудить?

Ник написал: *С какой целью? Зачем проводить собрание, которое не даст никакого результата?*

— Мы могли бы организовать поисковую группу. Она не может далеко уйти.

Ник дважды обвел фразу: «Человек предполагает, а Бог располагает». Ниже дописал: *Если мы найдем ее, то как приведем назад? На цепи?*

— Господи, нет! — воскликнул Стью. — Но мы не можем оставить ее бродить по окрестностям, Ник! Она вбила себе в голову, что как-то оскорбила Бога. Что, если она решит, что должна уйти в злогребучую пустошь, как какой-то парень из Ветхого Завета?

Ник написал: *Я практически уверен, что так она и поступила.*

— Ну так пойдем за ней!

Глен положил руку на плечо Стью.

— Притормози, Восточный Техас. Давай рассмотрим последствия случившегося.

— К черту последствия! Нет ничего хорошего в том, чтобы оставить старую женщину бродить день и ночь, пока она не умрет от усталости!

— Она не обычная старая женщина. Она — матушка Абагейл, и здесь она папа римский. Если папа решит, что должен пешком идти в Иерусалим, ты будешь с ним спорить, при условии, что ты добропорядочный католик?

— Черт побери, это не одно и то же, и ты это знаешь!

— Нет, это одно и то же. Будь уверен. По крайней мере именно так воспримут случившееся люди в Свободной зоне. Стью, ты готов утверждать, что не Бог повелел ей идти в пустошь?

— Не-е-ет... но...

Все это время Ник что-то писал и теперь протянул листок Стью, который не сразу смог разобрать некоторые слова. Обычно Ник писал чуть ли не каллиграфическим почерком, но сейчас либо торопился, либо проявлял нетерпение:

Стью, это ничего не меняет, разве что моральный климат Свободной зоны. Люди не разбегутся только потому, что она ушла. Это лишь означает, что на текущий момент мы не сможем согласовывать с ней наши планы. Может, оно и к лучшему.

— Я сойду с ума, — покачал головой Стью. — Иногда мы говорим о ней так, будто она — препятствие, которое надо обойти, вроде блокпоста на дороге. Иногда мы говорим о ней, будто она — папа римский, и если она что-то хочет сделать, значит, это правильно. И потом, так уж вышло, я просто ее *люблю*. Чего ты хочешь, Ник? Чтобы кто-то наткнулся на ее тело в одном из этих тупиковых каньонов к западу от города? Ты хочешь

оставить ее там, пока она не превратится в... святую трапезу для ворон?

— Стью, решение уйти приняла она, — мягко напомнил Глен.

— Ох, черт побери, ну мы и влипли, — выдохнул Стью.

К полудню весть об исчезновении матушки Абагейл облетела город. Как и предсказал Ник, большинство восприняло ее со скорбным смирением, а не с тревогой. Возобладало мнение, что она ушла помолиться и получить «Божье наставление», чтобы потом помочь выбрать путь истинный на собрании восемнадцатого августа.

— Я не хочу богохульствовать, называя ее Богом, — сказал Глен за ленчем в парке, — но она — в каком-то смысле доверенное лицо Бога. И сила веры любого сообщества определяется тем, насколько ослабевает вера при исчезновении объекта поклонения.

— Растолкуй это мне.

— Когда Моисей разбил золотого тельца, израильтяне перестали поклоняться ему. Когда потоп затопил храм Ваала, в Месопотамии решили, что он не такой уж крутой бог. Однако Иисуса нет уже две тысячи лет, а люди не только следуют его учению, но и живут и умирают, веря, что со временем он непременно вернется и все будет ничуть не хуже, чем теперь. Именно так относятся в Свободной зоне к матушке Абагейл. Люди абсолютно уверены, что она вернется. Ты с ними говорил?

— Да, — кивнул Стью. — Я не могу в это поверить. Старая женщина где-то бродит одна, а все лишь интересуются, успеет ли она принести Десять заповедей, начертанных на каменных скрижалях, до собрания.

— Может, она и принесет, — очень серьезно ответил Глен. — И потом, некоторые очень волнуются. Ральф Брентнер, например, просто рвет на себе волосы.

— Ральф молодец. — Стью пристально посмотрел на Глена. — А ты, лысый? Как ты к этому относишься?

— Тебе бы перестать так меня называть. Это унижает. Но я отвечу. Это в каком-то смысле забавно: старина Восточный Техас оказался более устойчивым к Божьим чарам, чем матерый социо-

лог-агностик. Я думаю, она вернется. Каким-то образом. А что думает Фрэнни?

— Не знаю. Не видел ее с утра. Насколько мне известно, она вполне может есть саранчу и дикий мед на пару с матушкой Абагейл. — Он бросил взгляд на Утюги, поднимающиеся из синеватой дымки жаркого дня. — Господи, Глен, я надеюсь, что со старухой все в порядке.

Фрэн даже не знала об уходе матушки Абагейл. Утро она провела в библиотеке, читая книги по огородничеству. Там оказалось людно. Еще двое или трое интересовались сельским хозяйством, один молодой человек в очках штудировал книгу «Семь независимых источников энергии для вашего дома», а симпатичная блондинка лет четырнадцати не отрывалась от потрепанного томика «600 простых рецептов» в мягкой обложке.

Фрэнни вышла из библиотеки примерно в полдень и зашагала по Ореховой улице. На полпути домой встретила Ширли Хэммет, женщину средних лет, которая приехала в Боулдер с Дейной, Сюзан и Патти Крогер. С тех пор она заметно изменилась в лучшую сторону, превратившись в энергичную и миловидную городскую матрону.

Ширли поздоровалась с Фрэн.

— Как думаешь, она вернется? Я спрашиваю всех. Если бы в этом городе была газета, я бы предложила редактору провести народный опрос. Вроде: «Что вы думаете о позиции сенатора Трепло по поводу истощения нефтяных запасов?» Что-нибудь этакое.

— Кто вернется?

— Матушка Абагейл, разумеется. Где ты была все это время, девочка? Сидела под замком?

— В чем дело? — разом встревожилась Фрэнни. — Что случилось?

— Дело в том, что никто ничего не знает. — И Ширли рассказала Фрэн, что происходило в городе, пока та сидела в библиотеке.

— Она просто... ушла? — хмурясь, спросила Фрэнни.

— Да. Разумеется, она вернется, — уверенно добавила Ширли. — В записке так и сказано.

— Если будет на то Божья воля?

— Это образное выражение, я уверена. — В глазах Ширли появился холодок.

— Что ж... я на это надеюсь. Спасибо, что сказали мне, Ширли. Вас по-прежнему донимают головные боли?

— Нет. Уже прошли. Я буду голосовать за тебя, Фрэн.

— Г-м-м-м? — Мыслями Фрэнни уже была далеко, анализируя поступившую информацию, и даже не поняла, о чем говорит Ширли.

— В постоянный *комитет*!

— Ах! Что ж, спасибо. Я еще не уверена, нужна ли мне эта работа.

— У тебя все отлично получится. У тебя и у Сюзи. Мне пора, Фрэн. Еще увидимся.

Они расстались. Фрэнни поспешила домой в надежде, что Стью знает побольше, чем Ширли. Исчезновение старой женщины практически сразу после их совещания прошлым вечером вызвало у нее суеверный ужас. Теперь они не могли представить самые важные решения — вроде отправки людей на запад — на суд матушки Абагейл, и Фрэнни это не нравилось. Она буквально ощущала, как с уходом матушки на ее плечи легла слишком большая ответственность.

Дома было пусто. Со Стью она разминулась на какие-то пятнадцать минут. Под сахарницей лежала записка: «Вернусь к 21.30. Я с Ральфом и Гарольдом. Не волнуйся. Стью».

Ральфом и Гарольдом? На Фрэн вновь накатила волна ужаса, уже не имевшая ничего общего с исчезновением матушки Абагейл. Но с чего ей бояться за Стью? Господи, если Гарольд попытается что-то сделать... ну, что-то странное... Стью порвет его на куски. Если только... если только Гарольд не подкрадется сзади и...

Она обхватила локти ладонями — внезапно ей стало очень холодно, — гадая, что Стью мог делать с Ральфом и Гарольдом.

Вернусь к 21.30.

Господи, как долго ждать!..

Она постояла на кухне, хмуро глядя на свой рюкзак на столе.

Я с Ральфом и Гарольдом.

Значит, маленький домик Гарольда на Арапахоу будет пустовать до половины десятого. Если, конечно, они не сидят там, а если сидят, она сможет к ним присоединиться и утолить свое лю-

бопытство. На велосипеде туда добираться считанные минуты. А если там никого не окажется, она сможет найти нечто такое, что развеет ее тревоги... или... но об этом она себе думать не позволила.

Развеет тревоги? — хмыкнул внутренний голос. *Или поможет окончательно свихнуться? Предположим, ты НАЙДЕШЬ что-то странное. Что тогда? Что ты с этим сделаешь?*

Она не знала. Если на то пошло, не имела ни малейшего понятия.

Не волнуйся. Стью.

Но волноваться как раз следовало. Отпечаток пальца в ее дневнике давал повод для волнений. Потому что у человека, способного украсть твой дневник и ознакомиться с твоими сокровенными мыслями, нет ни моральных принципов, ни совести. Такой человек мог подкрасться сзади к тому, кого ненавидел, и столкнуть с высокого обрыва. Или ударить камнем. Или пырнуть ножом. Или застрелить.

Не волнуйся. Стью.

Но если Гарольд сделает нечто подобное, в Боулдере ему не жить. И куда он пойдет?

Вот только Фрэн прекрасно понимала куда. Она еще не была уверена (еще не знала наверняка), что Гарольд и есть тот гипотетический человек, которого она нафантазировала, но сердцем чувствовала, что есть место, где собирались такие люди. Есть, будьте уверены.

Быстрыми, резкими движениями она надела рюкзак и направилась к двери. Через три минуты Фрэнни уже катила по Бродвею в сторону Арапахоу под ярким послеполуденным солнцем и думала: *Мы будем сидеть в гостиной Гарольда, пить кофе, говорить о матушке Абагейл, и все будет хорошо. Просто хорошо.*

Но маленький домик Гарольда оказался темным, пустым и запертым.

Уже это выглядело для Боулдера из ряда вон выходящим. В прежние дни ты запирал дверь, чтобы никто не смог украсть твой телевизор, стереосистему, драгоценности жены. Но теперь телевизоры и стереосистемы никакой ценности не представляли — бери не хочу, без электричества они превратились в бесполезные

железки; что же до драгоценностей, любой мог поехать в Денвер и набить ими рюкзак.

Почему ты запираешь дверь, Гарольд, когда все бесплатно? Потому что никто не боится ограбления больше вора? В этом все дело?

Вскрывать замки она не умела. Уже собралась уезжать, когда ей пришло в голову проверить подвальные окна. Находились они чуть выше уровня земли, темные от пыли. Первое же окно, которое толкнула Фрэнни, сдвинулось на направляющих, пыль посыпалась на пол подвала.

Фрэн осмотрелась: ни души. Никто, кроме Гарольда, еще не поселился на Арапахоу. И это тоже вызывало вопросы. Гарольд мог улыбаться, пока не треснет лицо, похлопывать людей по спине и проводить время в компании, с радостью предлагал свою помощь тем, кто о ней просил, а иногда и безо всякой просьбы, легко вызывал симпатию к себе — и действительно, в Боулдере о нем были самого высокого мнения. Но если говорить о выборе места жительства, как-то это не вписывалось в общую благостную картину. Указывало на существование иного аспекта во взглядах Гарольда на общество и свою позицию в нем... возможно. Или объяснялось его склонностью к уединению.

Фрэнни протиснулась в окно, перепачкав блузку, спрыгнула на пол. Окно находилось на уровне глаз. Гимнастикой она не занималась, как и вскрытием замков, поэтому выбраться наружу могла, лишь встав на какой-нибудь ящик или стул.

Фрэн огляделась. Подвал был переоборудован в игровую комнату. «Отец часто говорил об этом, но руки так и не дошли», — подумала она, ощутив укол грусти. Стены, обитые сосновыми досками, встроенные в них квадрафонические динамики, подвесной потолок, большой шкаф, наполненный пазлами и книгами, электрическая железная дорога, игрушечный автодром, стол для аэрохоккея, на который Гарольд небрежно поставил ящик с колой. Эта комната принадлежала детям, и на стенах висело много постеров. На самом большом, теперь старом и потрескавшемся, Джордж Буш выходил из церкви в Гарлеме со вскинутыми руками, широко улыбаясь. Надпись большими красными буквами гласила: «НИКАКОГО БУГИ-ВУГИ ДЛЯ КОРОЛЯ РОК-Н-РОЛЛА».

И такой грусти, внезапно навалившейся на нее, Фрэнни не испытывала с тех пор... по правде говоря, никогда не испытывала. Она прошла через потрясения, и страх, и жуткий ужас, и дикое горе, от которого немели и разум, и тело, но столь глубокую и терзающую душу грусть ощутила впервые. А с ней неожиданно пришла и тоска по Оганквиту, по океану, по дорогим сердцу холмам и соснам Мэна. Безо всякой на то причины она вдруг вспомнила о Гасе, стороже автомобильной стоянки у общественного пляжа Оганквита, и на мгновение подумала, что сердце у нее разорвется от постигших ее утрат и печали. Что она делала здесь, балансируя между равнинами и горами, которые делили страну надвое? Это не ее место. Она тут чужая.

Единственный всхлип сорвался с ее губ и прозвучал так пугающе и уныло, что она второй раз за день зажала рот обеими руками. *Хватит, Фрэнни, давай без этого. Так быстро пережить это невозможно. Понемногу все уляжется. Если тебе так уж необходимо поплакать, сделай это позже, не в подвале Гарольда Лаудера. Дело прежде всего.*

Она направилась мимо большого постера к лестнице, проходя мимо улыбающегося, вечно радостного лица Джорджа Буша, горько улыбнулась. Он-то точно станцевал буги-вуги. Наверняка.

Поднимаясь по ступеням, Фрэнни подумала, что дверь на кухню, конечно же, будет заперта, но та открылась легко, даже не скрипнув. Кухня оказалась чистой и опрятной: вымытые тарелки на сушке, сверкающая газовая плита... но запах жареного жира висел в воздухе, будто призрак прежнего Гарольда, того самого Гарольда, который появился в ее жизни, приехав к их дому за рулем «кадиллака» Роя Брэннигана, когда она хоронила отца.

Конечно же, если Гарольд придет прямо сейчас, будет скандал, подумала Фрэнни. Мысль эта заставила ее обернуться. Она буквально ожидала увидеть Гарольда, стоящего у двери в гостиную и ухмыляющегося ей в лицо. Само собой, там никого не было, но сердце забилось сильнее.

На кухне она не заметила ничего особенного, поэтому прошла в гостиную.

Там царила темнота, такой мрак, что ей стало не по себе. Гарольд не только запирал двери, но и задергивал шторы. Вновь она почувствовала, что столкнулась с подсознательным выражением

внутреннего мира Гарольда. Почему человек задергивал шторы в своем доме, живя в маленьком городе, где все живые знали, что задернутыми шторами отмечены дома мертвых?

В гостиной, как и на кухне, царил идеальный порядок, хотя мебель выглядела тяжеловесной и далеко не новой. Единственным украшением служил камин с каменной площадкой, такой большой, что на ней мог уместиться человек. Туда Фрэнни и присела, задумчиво оглядываясь. А когда чуть сместилась, почувствовала, как шевельнулась расшатавшаяся плита. Она уже было собралась встать и посмотреть повнимательнее, но тут кто-то постучал в дверь.

Страх обрушился на Фрэнни, будто тонна перьев. Ее просто парализовало. Горло перехватило, и только потом она поняла, что подпустила в трусы.

Стук повторился: несколько быстрых, резких ударов.

Господи, подумала Фрэнни. *Шторы задернуты и ставни закрыты, спасибо небесам.*

За этой мыслью пришла другая: а что, если она оставила велосипед там, где его мог увидеть любой прохожий? Неужели оставила? Фрэнни отчаянно пыталась вспомнить, но долгое время в голове у нее крутилась только одна идиотская фраза, вроде бы очень знакомая: *Прежде чем вынуть сучок из глаза соседа твоего, убери бревно из своего собственного...*

В дверь постучали в третий раз, после чего раздался женский голос:

— Есть кто дома?

Фрэн замерла. Она внезапно вспомнила, что оставила велосипед во дворе, под веревкой, на которой Гарольд сушил белье. Поэтому с фасада увидеть его не представлялось возможным. Но если бы гостья Гарольда решила подойти к двери черного хода...

Ручка парадной двери — Фрэнни могла ее разглядеть — начала чуть поворачиваться вправо-влево.

Кто бы это ни был, надеюсь, с замками она управляется не лучше моего, подумала Фрэнни, а потом обе ее руки метнулись ко рту, чтобы заглушить рванувшийся наружу смех. Вот тут она посмотрела на свои брючки из хлопчатобумажной ткани и увидела, как сильно испугалась. *Слава Богу, не обделалась. Во всяком случае, пока.*

Смех, истерический и испуганный, вновь попытался вырваться на свободу.

И тут, с неописуемым облегчением, Фрэнни услышала удаляющиеся от двери шаги: гостья уходила по бетонной дорожке, которая вела к тротуару.

В следующие мгновения Фрэнни руководствовалась не осознанным решением, а инстинктами. Она метнулась через гостиную и прихожую к парадной двери, приникла к крошечной щелке между шторой и рамой. Увидела женщину с длинными темными волосами, в которых белели седые пряди. Та усаживалась на маленький скутер «веспа», припаркованный у тротуара. Как только завелся двигатель, женщина забрала волосы назад и сцепила заколкой.

Это же Надин Кросс... она пришла с Ларри Андервудом! Откуда она знает Гарольда?

Потом Надин включила передачу, скутер дернулся, покатил по улице и скоро исчез из виду. Фрэн шумно выдохнула, почувствовала, как ноги становятся ватными. Отрыла рот, чтобы выпустить смех, бурлящий в горле, уже зная, как он будет звучать: дребезжаще и облегченно. Вместо этого разрыдалась.

Пятью минутами позже, слишком разнервничавшись, чтобы продолжить обыск, она вылезла через подвальное окно при помощи плетеного кресла, которое пододвинула к стене. Потом, лежа животом на раме, чуть оттолкнула кресло, чтобы никто не заподозрил, для чего его использовали. Кресло, конечно, не удалось вернуть на прежнее место, но люди редко замечали, где что стоит, да и Гарольд, похоже, спускался в подвал только за колой.

Фрэнни закрыла окно и взяла велосипед. Она еще не успела прийти в себя от страха, и ее подташнивало. «Зато штаны подсыхают, — решила она. — Когда надумаешь залезть в чужой дом в следующий раз, Фрэнсис Ребекка*, не забудь надеть резиновые трусы».

Она выехала из двора Гарольда, на полной скорости проскочила Арапахоу, держа курс на центр города, к бульвару Каньона, и уже через пятнадцать минут добралась до дома.

Квартира встретила ее тишиной и пустотой.

---

* Аллюзия на роман Дафны Дюморье «Ребекка»: героиня тоже столкнулась с тайнами дома, в котором оказалась.

Фрэнни открыла дневник и посмотрела на шоколадный отпечаток пальца, гадая, где сейчас Стью.

И с ним ли Гарольд?

Ох, Стью, пожалуйста, возвращайся. Ты мне нужен.

После ленча Стью расстался с Гленом и вернулся домой. Сидел в гостиной, пытаясь догадаться, куда могла пойти матушка Абагейл, раздумывая, а вдруг Ник и Глен правы и лучше оставить все, как есть, когда раздался стук в дверь.

— Стью! — позвал Ральф. — Эй, Стью, ты дома?

С Ральфом пришел Гарольд Лаудер. Улыбка Гарольда сегодня поблекла, но не исчезла полностью. Он напоминал прирожденного весельчака на похоронах, где необходимо сохранять серьезность.

Ральф, который не находил себе места из-за исчезновения матушки Абагейл, встретил Гарольда полчаса тому назад. Гарольд возвращался из поездки к Боулдер-Крик, помогал привезти в город чистую воду. Ральфу нравился Гарольд, у которого всегда находилось время, чтобы выслушать чью-то печальную историю и посочувствовать человеку... и при этом Гарольд ничего не требовал взамен. Ральф рассказал ему все об исчезновении матушки Абагейл, поделился своими страхами: у нее мог случиться инфаркт, она могла сломать одну из хрупких костей или умереть от ночного холода или дневного зноя, оставаясь круглые сутки под открытым небом.

— И, как ты знаешь, здесь чуть ли каждый день идет дождь, — закончил Ральф, когда Стью разлил всем кофе. — Если она вымокнет, то обязательно простудится. А что потом? Я думаю, воспаление легких.

— И что мы можем сделать? — спросил Стью. — Мы не сможем заставить ее вернуться, если она этого не захочет.

— Не сможем, — согласился Ральф. — Но у Гарольда есть действительно хорошая идея.

Стью перевел взгляд на Гарольда.

— Как поживаешь, Гарольд?

— Неплохо. А ты?

— Отлично.

— А Фрэн? Ты заботишься о ней? — Гарольд не отводил глаз, и они вроде бы лучились добродушием, но у Стью вдруг возник-

ло ощущение, что чуть улыбающиеся глаза Гарольда напоминают блики солнечных лучей на поверхности Брейкманс-Куэрри в восточном Техасе: вода, выглядевшая такой манящей, уходила в глубины, куда никогда не заглядывало солнце, и за годы четверо молодых парней нашли свою смерть в этом симпатичном озере.

— Делаю все, что в моих силах. Так что ты предлагаешь, Гарольд?

— Итак. Мне понятна позиция Ника. И Глена тоже. Они признают, что Свободная зона воспринимает матушку Абагейл как теократический символ... и сейчас, по существу, выражают мнение всей Зоны. Верно?

Стью отпил кофе.

— Что такое «теократический символ»?

— Я бы сказал, что это земной символ договора, заключенного с Богом, — ответил Гарольд, и его глаза чуть затуманились. — Как святое причастие или священные коровы в Индии.

Стью при этом чуть оживился.

— Да, похоже. Эти коровы... им позволяют бродить по улицам и вызывать автомобильные пробки, верно? Они могут заходить в магазины и покинуть город.

— Да, — согласился Гарольд. — Но большинство этих коров больны, Стью. Они всегда на грани истощения. У некоторых туберкулез. И все потому, что они — символ. Люди убеждены, что Бог позаботится о них, точно так же, как наши люди убеждены, что Бог позаботится о матушке Абагейл. Но я сомневаюсь, что Бог считает правильным положение, когда люди позволяют бедной бессловесной корове бродить по округе, мучаясь от боли.

Лицо Ральфа на мгновение потемнело, и Стью знал, что тот сейчас чувствует. Он и сам ощущал то же самое, а потому мог оценить, сколь многое значит для него матушка Абагейл. Ему казалось, что Гарольд балансирует на грани святотатства.

— В любом случае мы не можем изменить отношения к ней наших людей... — Гарольд резко ушел от темы индийских священных коров.

— И не хотим, — быстро вставил Ральф.

— Точно! — воскликнул Гарольд. — В конце концов, она собрала нас воедино, и не только с помощью радио. Моя идея такова: мы оседлаем наши верные мотоциклы и проведем вторую половину дня, обследуя западную часть Боулдера. Если будем дер-

жаться достаточно близко, то сможем поддерживать связь с помощью портативных раций.

Стью кивнул. Именно этого ему, собственно, и хотелось. Священные коровы или нет, Бог или нет, он считал, что это неправильно — оставлять ее бродить в одиночестве по окрестностям Боулдера. Это не имело никакого отношения к религии. Это было просто черствое безразличие.

— И если мы ее найдем, то сможем спросить, не нужно ли ей чего, — закончил Гарольд.

— К примеру, не подвезти ли ее до города, — добавил Ральф.

— Мы хотя бы будем знать, где она.

— Хорошо, — кивнул Стью. — Я думаю, это чертовски хорошая идея, Гарольд. Позволь мне только оставить записку Фрэн.

Но пока он писал записку, его не оставляло желание обернуться на Гарольда — посмотреть, что делает Гарольд и каково выражение его глаз.

Гарольд попросил и получил добро на разведку извилистой дороги между Боулдером и Нидерландом, поскольку практически не сомневался, что матушка Абагейл этим путем не пойдет. Он сам едва ли сумел бы добраться пешком от Боулдера до Нидерланда за один световой день, а уж этой безумной старой манде такое точно было не под силу. Но он получил возможность проехаться на мотоцикле не торопясь и многое обдумать.

Теперь, без четверти семь, он уже возвращался назад. Его «хонда» стояла на площадке для отдыха, а сам он сидел за столиком для пикников, ел копченые колбаски «Слим джимс» и запивал их колой. На руле «хонды» висела рация с полностью выдвинутой антенной, и из нее доносился чуть искажаемый помехами голос Ральфа Брентнера. Связь была только на небольшом расстоянии, а Ральф находился на склоне Флагштоковой горы.

— ...Рассветный амфитеатр... ее тут нет... здесь льет дождь.

Потом раздался голос Стью, более громкий и близкий. Он был в парке Чатокуа, расположенном в четырех милях от площадки отдыха, где перекусывал Гарольд.

— Повтори снова, Ральф.

Вновь голос Ральфа, настоящий рев. «Может, он докричится до инсульта, — подумал Гарольд. — Тогда бы день точно не пропал зря».

— Ее здесь нет! Я еду вниз, пока не стемнело! Прием!

— Понял. — В голосе Стью слышалось разочарование. — Гарольд, ты где? — Гарольд поднялся, вытирая жирные от колбасок руки о джинсы. — Гарольд! Вызываю Гарольда Лаудера! Ты меня слышишь, Гарольд?

Гарольд показал рации средний палец — трахальный палец, как называли его неандертальцы старшей школы Оганквита. Потом нажал кнопку передачи и ответил приятным голосом с легкой ноткой разочарования:

— Я здесь. Отходил чуть в сторону... вроде бы что-то увидел в кювете. Чью-то старую куртку. Прием.

— Да, хорошо. Почему бы тебе не приехать в Чатокуа, Гарольд? Здесь и подождем Ральфа.

Нравится отдавать приказы, да, говнюк? У меня, возможно, кое-что припасено для тебя. Да, возможно, припасено.

— Гарольд, слышишь меня?

— Да. Извини, Стью. Задумался. Я подъеду через пятнадцать минут.

— Ты слышишь, Ральф? — проревел Стью, заставив Гарольда поморщиться. Теперь он показал палец голосу Стью, хмуро улыбаясь. *А этого не хочешь, ублюдок с Дикого Запада?*

— Понял, ты будешь в парке Чатокуа, — прорвался сквозь статические помехи голос Ральфа. — Уже еду. Конец связи.

— И я еду, — откликнулся Гарольд. — Конец связи.

Он выключил рацию, сложил антенну, вновь повесил рацию на руль, посидел на «хонде», поставив ноги на землю по обеим сторонам мотоцикла, не касаясь ножного стартера. На нем была армейская куртка с толстой подкладкой, незаменимая вещь для мотоциклиста на высоте шести тысяч футов, даже в августе. Но куртка служила и другой цели. В одном из многочисленных карманов с молниями лежал «смит-вессон» тридцать восьмого калибра. Гарольд достал пистолет, повертел в руках. Полностью заряженный и тяжелый, словно понимающий свое предназначение: смерть, уничтожение, убийство.

Сегодня вечером?

Почему нет?

Он предложил эту экспедицию в расчете на то, что ему удастся остаться наедине со Стью на достаточно долгое время, чтобы убить его. И теперь выходило, что такой шанс у него появится ме-

нее чем через пятнадцать минут. В парке Чатокуа. Однако поездка принесла и иные плоды.

Он не собирался доезжать до Нидерланда, жалкого городка, расположенного высоко над Боулдером, известного только тем, что там однажды останавливалась нелегалка Патти Херст. Но пока он поднимался все выше и выше, сидя на мягко урчащей «хонде», режущей холодный, пронзительный воздух, что-то случилось.

Если положить на один конец стола магнит, а на другой — кусок железа, ничего не произойдет. Но если медленно продвигать железо к магниту, сокращая расстояние короткими отрезками (Гарольд на мгновение задержал в голове этот образ, наслаждаясь им, напоминая себе вечером внести в дневник соответствующую запись), наступит момент, когда кусок железа начнет двигаться быстрее, чем при предыдущем толчке. Он остановится, но как бы с неохотой, словно живое существо, какая-то часть которого возмущается тем законом природы, который определяет инерцию. Еще толчок или два — и ты увидишь (в буквальном смысле слова), как кусок железа подрагивает на столе, трясется и чуть вибрирует, будто одна из мексиканских прыгающих фасолин, какие можно купить в магазине необычных товаров. Они напоминают кусочки дерева, но на самом деле в них сидит живой червь. Еще толчок — и равновесие между трением и инерцией нарушится. Магнит начнет тащить к себе кусок железа. Последний, теперь полностью оживший, будет двигаться сам, быстрее и быстрее, пока не ударится в магнит и не прилипнет к нему.

Ужасный, завораживающий процесс.

Привычный мир умер в июне этого года, и природа магнетизма так и осталась неразгаданной. Хотя Гарольд думал (рационально-научное мышление его никогда не увлекало), что физики склонялись к тому, что магнетизм неразрывно связан с феноменом гравитации, а гравитацию полагали краеугольным камнем Вселенной.

На пути в Нидерланд, продвигаясь на запад, поднимаясь все выше, чувствуя, что воздух становится холоднее, видя грозовые облака, собирающиеся над более высокими вершинами далеко за Нидерландом, Гарольд почувствовал, как аналогичный процесс начался в нем самом. Он приближался к точке равновесия... а миновав ее, достиг бы точки невозврата. Он являл собой кусок железа, находящийся на таком расстоянии от магнита, когда легкий

толчок позволяет ему преодолеть чуть большее расстояние, чем в начале пути. Он ощущал в себе ту самую дрожь.

Никогда в жизни он так близко не сталкивался с божественным откровением. Молодежь отвергает божественное, потому что его принятие означает признание неизбежной смерти всего живого, а Гарольд в нее не верил. Старуха обладала сверхъестественными способностями, думал он, так же как и Флэгг, темный человек. Они являлись радиостанциями, только и всего. Их реальная сила заключалась в людях, которые стекались на их сигналы. И в этом они не отличались друг от друга. Так думал Гарольд. Во всяком случае, прежде.

Но, остановив свою «хонду» — на приборном щитке индикатор нейтральной скорости светился, словно кошачий глаз, — в конце невзрачной главной улицы Нидерланда, слушая, как холодный ветер завывает в кронах сосен и осин, Гарольд почувствовал нечто большее, чем притяжение магнита. Почувствовал колоссальную, иррациональную силу, идущую с запада, влечение такое сильное, что, задумавшись о нем, можно было лишиться разума. Он понял, что, продвинувшись чуть дальше, начисто лишится воли. И поедет туда прямо сейчас, с пустыми руками.

А за это, пусть и незаслуженно, Флэгг убил бы его.

И он повернул назад, ощутив холодное облегчение уже собравшегося покончить с собой человека, уходящего от высокого обрыва, на котором простоял долгое время. Но он мог уехать и сегодня, если бы захотел. Да, он мог убить Редмана одной-единственной пулей, выпущенной в упор. Потом подождать, пока подъедет этот оклахомский фермер. Еще один выстрел в висок. Выстрелы никого бы не встревожили: в лесах хватало дичи, и многие охотились на оленей, а потом отвозили добычу в город.

Гарольд взглянул на часы. Без десяти семь. К половине восьмого он мог убить их обоих. Фрэн подняла бы тревогу только в половине одиннадцатого или позже, а к тому времени он бы уже уехал далеко на запад, на верной «хонде», с дневником в рюкзаке. Но этому не бывать, если он и дальше будет стоять на месте, упуская время.

«Хонда» завелась после второго удара по ножному стартеру. Хороший мотоцикл. Гарольд улыбнулся. Гарольд широко улыбнулся. Гарольд лучился отличным настроением. Он покатил к парку Чатокуа.

* * *

Уже начали сгущаться сумерки, когда Стью услышал шум мотоцикла Гарольда, подъезжающего к парку. А вскоре увидел свет фары «хонды» на дороге, петляющей между деревьями. Потом увидел и Гарольда в шлеме, вертевшего головой из стороны в сторону, высматривая его.

Стью — он сидел на каменной стенке, ограждающей жаровню для мяса, — помахал рукой и крикнул. Гарольд тут же заметил его, тоже махнул рукой и направил мотоцикл к площадке с жаровней.

После их дневной встречи отношение Стью к Гарольду изменилось к лучшему... собственно, никогда раньше он так хорошо к нему не относился. Гарольд предложил чертовски хорошую идею, пусть она и не принесла плодов. И Гарольд настоял, что поедет по дороге в Нидерланд... где было очень холодно, даже в толстой куртке. Когда Гарольд приблизился, Стью обратил внимание, что его вечная улыбка больше похожа на гримасу: лицо было напряженным и очень бледным. Парень разочарован тем, что ничего не получилось, догадался Стью. И ощутил внезапный укол вины из-за того, как они с Фрэн относились к Гарольду, из-за их убежденности в том, что его постоянная улыбка и сверхдружелюбное отношение к людям служили каким-то камуфляжем. Разве их хоть раз посетила мысль, что этот парень хотел начать жизнь с чистого листа, но сначала получилось не очень, потому что он никогда раньше таких попыток не предпринимал? Стью решил, что нет, не посетила.

— Совсем ничего, да? — спросил он, спрыгивая с каменной стенки.

— *Nada**, — ответил Гарольд. Улыбка вернулась, но механическая, без души, похожая на оскал. Лицо по-прежнему выглядело странным и мертвенно-бледным. Руки он засунул в карманы куртки.

— Ничего страшного. Идея-то хорошая. Может, сейчас она уже дома. Если нет, поищем ее завтра.

— Возможно, искать будем уже тело.

Стью вздохнул:

---

* Ничегошеньки (*исп.*).

— Возможно... да, возможно. Почему бы тебе не поехать поужинать к нам, Гарольд?

— Что? — Гарольд аж отпрянул в тень под деревьями. Его улыбка стала еще более жуткой.

— Поужинать, — терпеливо повторил Стью. — Послушай, Фрэнни тоже будет рада повидаться с тобой. Правда. Честное слово.

— Что ж, возможно. — Гарольд явно чувствовал себя неловко. — Но я... мне же она нравилась, ты знаешь. Может, будет лучше, если мы... будем держаться подальше друг от друга. Ничего личного. У вас двоих все хорошо. Я это знаю.

Его улыбка стала чуть более искренней. И заразительной — Стью улыбнулся в ответ.

— Как скажешь, Гарольд. Но дверь открыта в любое время.

— Спасибо.

— Нет, это я должен поблагодарить тебя, — серьезно возразил Стью.

Гарольд моргнул.

— Меня?

— За то, что помог нам искать матушку Абагейл, тогда как остальные решили, что не нужно ничего делать. Пусть даже наши поиски не принесли результата. Пожмешь мне руку?

Он протянул Гарольду руку. Тот несколько секунд тупо смотрел на нее, и Стью уже подумал, что ничего не дождется. Потом Гарольд вытащил правую руку из кармана куртки — она вроде бы за что-то зацепилась, наверное, за молнию — и пожал руку Стью. Теплой и чуть потной ладонью.

Стью шагнул вперед, посмотрел на дорогу.

— Ральф уже должен подъехать. Надеюсь, он не расшибся, спускаясь с этой злогребучей горы. Он... а вот и он.

Стью подошел к обочине. Теперь появилась еще одна фара, луч которой то высвечивал деревья, растущие вдоль извилистой дороги, то исчезал за ними.

— Да, это он, — откликнулся Гарольд за спиной Стью, странным, лишенным эмоций голосом.

— С ним кто-то еще.

— Ч-что?

— Вон там. — Стью указал на вторую фару, следовавшую за первой.

— Ох!..

Все тот же странный голос. Стью обернулся:

— Ты как, Гарольд?

— Просто устал.

Вторым ехал Глен Бейтман на маломощном мопеде, в сравнении с которым «веспа» Надин смотрелась «харлеем». За спиной Ральфа сидел Ник. Он пригласил всех в дом, который они делили с Ральфом, на кофе и бренди. Стью согласился, Гарольд отказался. Он по-прежнему выглядел напряженным и усталым.

Чертовски разочарован, подумал Стью и отметил, что симпатию к Гарольду, которую он ощутил только сегодня, по-хорошему следовало почувствовать гораздо раньше. Он повторил предложение Ника, но Гарольд только покачал головой. Ответил Стью, что этот день для него закончился и ему лучше поехать домой и лечь спать.

К тому времени, когда Гарольд добрался до дома, его так трясло, что он едва смог вставить ключ в замочную скважину и отпереть входную дверь. Когда же дверь открылась, он буквально влетел в дом, словно боялся, что следом может ворваться кравшийся за ним маньяк. Захлопнул дверь, запер на замок, задвинул засов. Привалился к ней, постоял, откинув голову и закрыв глаза, чувствуя, что вот-вот зальется истерическими слезами. Взяв себя в руки, на ощупь добрался до гостиной и включил три газовых лампы. В комнате сразу стало светло. Сейчас свет его только радовал.

Он сел в свое любимое кресло и закрыл глаза. Когда сердцебиение замедлилось, подошел к камину, поднял плиту, достал «ГРОССБУХ». Это его успокоило. Сюда он записывал все свои долги, неоплаченные счета, набежавшие проценты. Здесь он, в конце концов, расплачивался со всеми.

Он снова сел, пролистал дневник до чистой страницы, после короткой паузы написал: *14 августа 1990 г.* Строчил полтора часа, ручка летала взад-вперед, заполняя строку за строкой, страницу за страницей. И пока Гарольд писал, на его лице отражались то жестокая веселость, то праведный гнев, ужас и радость, обида и восторг. Закончив, он прочитал написанное (*Это мои письма миру, который никогда не писал мне...*), рассеянно массируя ноющую правую руку.

Положил дневник в выемку. Накрыл плитой. Он успокоился. Выплеснул все, что в нем накопилось. Перенес на бумагу ужас, и ярость, и стремление оставаться сильным. Это радовало. Иногда, отписавшись, он нервничал еще сильнее и понимал, что написал лживо или не приложил достаточно усилий, чтобы заточить лезвие правды там, где требовалось резать, требовалось пустить кровь. Но сегодня он убирал книгу умиротворенный и с чистой совестью. Ярость, и страх, и раздражение целиком и полностью перенеслись на бумажные страницы, а каменная плита надежно укроет их на все то время, пока он будет спать.

Гарольд отодвинул одну из штор и выглянул на улицу. Смотрел на Утюги и думал, как близко подошел к тому, чтобы все равно реализовать свой план, вытащить из кармана пистолет и попытаться уложить всех четверых. Прикончив заодно их вонючий, самодовольный организационный комитет. Им в жизни не удалось бы собрать гребаный кворум.

Но в последний момент истершийся шнур здравомыслия выдержал, не порвался. Он смог разжать пальцы, вцепившиеся в рукоятку револьвера, и пожать руку этому предателю. Ценой каких усилий, он, наверное, никогда не узнает, но, слава Богу, он это сделал. Умение выжидать — признак гениальности, вот он и будет выжидать.

Теперь ему хотелось спать. День выдался долгим и насыщенным.

Расстегивая рубашку, Гарольд выключил две из трех газовых ламп и взял последнюю, чтобы пойти в спальню. Пересек кухню — и остановился как вкопанный, увидев распахнутую дверь в подвал.

Подошел к ней, держа лампу перед собой, спустился на три ступеньки. Страх проник в сердце, изгоняя спокойствие.

— Кто здесь? — позвал Гарольд.

Тишина. Он видел стол для аэрохоккея. Постеры. Стойку с ярко раскрашенными деревянными молотками для крокета в дальнем углу.

Он спустился еще на три ступеньки.

— Есть тут кто-нибудь?

Нет. Гарольд чувствовал, что в подвале пусто. Но страх все равно не отпускал.

Он спустился вниз и поднял лампу над головой. На одной из стен чудовищная тень Гарольда, огромная и черная, как обезьяна в «Убийстве на улице Морг», проделала то же самое.

Что-то не так с полом? Да. Точно.

Он прошел мимо детской железной дороги к окну, через которое Фрэнни влезла в подвал. Увидел светло-коричневую пыль на полу. Поставил рядом лампу. В пыли, четкий, как отпечаток пальца, виднелся след подошвы кроссовки или теннисной туфли... не елочка и не зигзаги, а круги и линии. Гарольд пристально всмотрелся в этот след, стремясь раз и навсегда запечатлеть его в памяти, затем растер пыль ногой. Лицо его в свете лампы Коулмана казалось восковым.

— Ты заплатишь! — негромко выдохнул он. — Кто бы ты ни был, ты заплатишь! Да, будь уверен! Да, ты заплатишь!

Он поднялся по лестнице и обошел весь дом в поисках других следов незваного гостя. Ничего не нашел. Закончил обход в гостиной, сон как рукой сняло. Уже пришел к выводу, что кто-то — возможно, какой-то пацан — залез в дом из любопытства, когда мысль о «ГРОССБУХЕ» вспыхнула у него в голове, как сигнальная ракета в полуночном небе. Мотив преступления лежал на самой поверхности, такой понятный, такой ужасный, а он чуть не упустил его.

Гарольд подскочил к камину, поднял плиту, выхватил «ГРОССБУХ» из тайника. Впервые по-настоящему понял, сколь опасны исписанные им страницы. Если кто-то найдет «ГРОССБУХ», игра закончится. Он это знал по собственному опыту, ведь все началось из-за дневника Фрэн.

«ГРОССБУХ». След кроссовки или теннисной туфли. Означает ли второе, что обнаружено первое? Разумеется, нет. Но откуда такая уверенность? Наверняка знать этого нельзя, и это чистая и жуткая правда.

Он вернул плиту на место и унес «ГРОССБУХ» в спальню. Положил под подушку рядом с пистолетом «смит-вессон», думая, что должен его сжечь, зная, что никогда этого не сделает. Между корочками переплета сосредоточилось все лучшее, что он написал за свою жизнь, единственный текст, рожденный верой и устремлениями души.

Он лег, смирившись с бессонной ночью, которая ожидала его. Мозг лихорадочно перебирал возможные тайники. Под полови-

цей? У дальней стенки буфета? Или воспользоваться старым трюком — поставить на книжную полку, на самом виду, между сборником укороченных романов «Ридерз дайджест» с одной стороны и «Женщиной от А до Я» Марабел Морган — с другой? Нет, слишком смело. Так он не сможет спокойно покинуть дом. Как насчет сейфовой ячейки в банке? Нет, не пойдет. Ему хотелось, чтобы дневник всегда был под рукой.

Наконец он начал погружаться в дрему, и его мозг, освобожденный близостью сна от жестких рамок сознания, поплыл без руля и ветрил, словно подгоняемый ветром пинг-понговый шарик по воде. Гарольд думал: *Его надо спрятать, это точно... если бы Фрэнни лучше прятала свой... если бы я не прочитал о том, что она в действительности думала обо мне... ее лицемерие... если бы она...*

Гарольд сел, с его губ сорвался короткий крик, глаза широко раскрылись.

Он сидел долго, и через какое-то время его начала бить дрожь. Она узнала? Это был отпечаток обуви Фрэн? Дневники... журналы... гроссбухи...

Наконец Гарольд снова лег, но уснул еще не скоро. Он пытался вспомнить, носила ли Фрэн Голдсмит кроссовки или теннисные туфли. И если носила, как выглядели оставленные ими следы.

Рисунки подошвы, рисунки души. Когда Гарольд наконец заснул, ему привиделось что-то тревожное, и он жалким голосом вскрикнул в темноте, словно пытаясь отогнать все то, что уже пустил внутрь навсегда.

Стью пришел домой в четверть десятого. Фрэн свернулась калачиком на их двуспальной кровати, одетая в одну из его рубашек, доходившую ей почти до колен, и читала книгу «Пятьдесят полезных растений». Она вскочила, как только он вошел.

— Где ты был? Я беспокоилась!

Стью пересказал ей идею Гарольда найти матушку Абагейл, чтобы потом они могли хотя бы приглядывать за ней. Про священных коров он не упомянул. Расстегивая рубашку, закончил:

— Мы бы взяли тебя с собой, детка, но я не знал, где тебя искать.

— Я ходила в библиотеку.

Она наблюдала, как он снимает рубашку и кладет в сетчатый мешок для грязного белья, который висел на двери. У него хватало волос и на груди, и на спине, и она вдруг подумала, что всегда считала волосатых мужчин отталкивающими, пока не встретила Стью. Наверное, поглупела от радости, вызванной его возвращением, и теперь в голову лезла всякая чушь.

Гарольд прочитал ее дневник, она это знала. И ужасно боялась, что он может хитростью остаться со Стью наедине и... ну, что-то с ним сделать. Но почему теперь, сегодня, буквально сразу после того, как она узнала про дневник? Если Гарольд так долго не будил спящую собаку, возможно, он вообще не собирается ее будить? И не следовало ли предположить, что Гарольд, прочитав ее дневник, понял, что с ней ему ничего не светит? Да, после того как стало известно об исчезновении матушки Абагейл, она была готова определять грядущие беды по куриным потрохам, но ведь Гарольд прочитал ее дневник, а не признания в совершении преступлений. И расскажи она Стью о том, что выяснила, выставила бы себя полной идиоткой, а Стью разозлился бы на Гарольда... и, возможно, на нее, за то, что она так глупо себя повела.

— Никаких следов, Стью?

— Никаких.

— А что Гарольд?

Стью снимал штаны.

— Потрясен. Огорчился, что его идея не сработала. Я пригласил его на ужин, когда он захочет. Надеюсь, ты не возражаешь. Знаешь, я действительно думаю, что он может мне понравиться. Ты бы никогда не убедила меня в этом в тот день, когда я встретил вас двоих в Нью-Хэмпшире. Или я погорячился, пригласив его?

— Нет, — ответила она, а после долгой паузы добавила: — Нет, я бы хотела, чтобы у нас с Гарольдом наладились отношения. — И подумала: *Я сидела дома, воображая, будто Гарольд планирует выбить Стью мозги, а Стью приглашает его на ужин. Необоснованные страхи беременной женщины — это вам не пустые разговоры.*

— Если матушка Абагейл не объявится до завтрашнего дня, думаю, я предложу Гарольду вновь поехать со мной на ее поиски.

— Я бы тоже хотела поехать, — быстро сказала Фрэн. — Есть и другие, кто убежден, что вороны ее кормить не будут. Дик Воллман. Ларри Андервуд.

— Отлично. — Он улегся рядом на кровать. — Слушай, а что у тебя под этой рубашкой?

— Такой большой и сильный мужчина, как ты, мог бы это выяснить без моей помощи.

Он и выяснил. Под рубашкой у нее ничего не было.

На следующий день в восемь утра поисковая группа выехала из города в составе шести человек: Стью, Фрэн, Гарольд, Дик Воллман, Ларри Андервуд и Люси Суонн. К полудню число людей увеличилось до двадцати, а к сумеркам (до этого успел пролиться дождь, и над предгорьями сверкали молнии) уже человек пятьдесят прочесывали кусты к западу от Боулдера, переходили вброд речушки, спускались в каньоны и осматривали их от начала до конца, поддерживая связь по рации.

Вчерашнее принятие неизбежного постепенно сменилось смирением с худшим. Несмотря на могучую силу снов, благодаря которым матушка Абагейл приобрела в Зоне полубожественный статус, в вопросах выживания люди оставались реалистами: старой женщине далеко за сто, и она, вероятно, провела ночь под открытым небом. А теперь надвигалась вторая ночь.

Мужчина, который пришел в Боулдер из Луизианы и привел с собой двенадцать человек, сформулировал эту мысль наилучшим образом. Он прибыл со своими людьми накануне в полдень. Когда ему сказали, что матушки Абагейл нет, этот мужчина, Норман Келлог, бросил бейсболку с эмблемой «Астр»* на землю и воскликнул: «Это все моя гребаная удача... кого вы послали на ее розыски?»

Чарли Импенинг, ставший, по существу, штатным предрекателем бед Свободной зоны (именно он распространял радостные новости о первом снеге в сентябре), начал говорить, что уход матушки Абагейл — сигнал к всеобщему уходу. В конце концов, Боулдер расположен чертовски близко. Близко к чему? Не важно, все знают к чему, и Нью-Йорк или Бостон представляются Чар-

* Имеются в виду «Луизианские астры» — профессиональная бейсбольная команда.

ли, сыночку Мавис Импенинг, гораздо более безопасным местом. Поддержки он не нашел. Люди устали и предпочитали оседлую жизнь. Если бы до наступления холодов не удалось восстановить подачу электроэнергии, тогда бы они согласились покинуть Боулдер — но не раньше. Пока они зализывали раны. Импенинга вежливо спрашивали, не собирается ли он уйти один. Импенинг отвечал, что лучше подождет, пока прозреет еще несколько человек. Глен Бейтман прилюдно заявил, что Моисей из Чарли Импенинга получился бы никудышный.

Глен Бейтман искренне верил, что «смирение с худшим» — это все, на что могли пойти жители Боулдера, потому что, несмотря на сны, они оставались рационально мыслящими людьми, как бы глубоко ни засел в них ужас перед тем, что могло происходить к западу от Скалистых гор. Суеверию, как и истинной любви, требуется время, чтобы вырасти и взглянуть на себя. Построив амбар, сказал он Нику, Стью и Фрэн после того, как наступление темноты оборвало их поиски, ты прибиваешь подкову над дверью, чтобы удача никуда не делась. Но если один из гвоздей вывалится и подкова перевернется, ты же не бросишь амбар.

— Возможно, придет день, когда наши дети будут в такой ситуации оставлять амбары и строить новые, но до него еще много лет. А сейчас мы все чувствуем себя испуганными и потерянными. Думаю, это пройдет. Если матушка Абагейл мертва, — и, видит Бог, я надеюсь, что она жива, — наверное, она не могла выбрать лучшего времени для душевного здоровья нашего сообщества.

Ник написал: *А если она выбрана противовесом нашему Противнику, кто-то должен появиться здесь, чтобы сохранить чаши весов в равновесии...*

— Да, я знаю, — мрачно ответил Глен. — Я знаю. Дни, когда криво висящая подкова не имела значения, возможно, уходят в прошлое... или уже ушли. Поверь мне, я знаю.

— Глен, ты действительно думаешь, что наши внуки превратятся в суеверных дикарей? Будут сжигать ведьм и плевать сквозь пальцы, чтобы подманить удачу?

— Я не умею предсказывать будущее, Фрэн, — ответил Глен, и в свете лампы лицо его выглядело старым и изможденным, напоминая лицо потерпевшего неудачу мага. — Я даже не мог оценить влияния матушки Абагейл на наше сообщество, пока Стью на пальцах не разъяснил мне, что к чему, на Флагштоковой горе.

Но я знаю следующее: мы здесь благодаря двум событиям. Первое — «супергрипп», за который мы можем винить человеческую глупость. Не важно, кто создал этот вирус, мы, или русские, или латыши. Источник заражения — сущий пустяк в сравнении с главной истиной: *рационализм закончился массовым захоронением*. Законы физики, законы биологии, математические аксиомы, все они — составляющие смертельной западни, потому что мы такие, какие есть. Если бы не «Капитан Торч», было бы что-нибудь еще. Можно списать все на «технический прогресс», но «технический прогресс» — ствол дерева, а не корни. Корни — рационализм, и я даю такое определение этому слову: «Рационализм — это идея, подразумевающая, что мы когда-нибудь сможем понять свое существование». Это смертельная западня. И всегда ею была. Поэтому вы можете, если хотите, винить в «супергриппе» рационализм. Но другая причина, по которой мы здесь, — это сны, а сны иррациональны. Мы согласились не говорить об этом простом факте, проводя заседания комитета, но сейчас мы не на заседании. Поэтому я озвучу то, что мы и так знаем: мы здесь по решению сил, которых не понимаем. Для меня это означает, что мы, возможно, начинаем принимать — пока только подсознательно, постоянно оступаясь благодаря культурному лагу, — другое определение существования. Идею, что мы никогда и ничего не сможем понять о том, кто мы и откуда. И если рационализм — смертельная западня, тогда, возможно, иррационализм окажется уходом от жизненных реалий... по крайней мере пока не будет доказано обратное.

— Что ж, у меня были суеверия, — очень медленно заговорил Стью. — Я смеялся над ними, но они были. Я знаю, это не важно, прикурят ли от одной спички двое или трое, однако если прикуривают двое, я спокоен, а если трое — начинаю нервничать. Я не хожу под лестницами и делаю крюк, если черная кошка перебегает мне дорогу. Но жить без науки... поклоняться солнцу... думать, что монстры перекатывают по небу шары для боулинга, когда гремит гром... не могу сказать, что мне это очень нравится, лысый. Знаешь, это прямо какое-то рабство.

— Но допустим, все это правда? — мягко спросил Глен.

— Что?

— Предположим, что эра рационализма прошла. Лично я абсолютно уверен, что это так. Раньше она уже приходила и уходи-

ла, знаете ли. Она почти оставила нас в шестидесятых, в так называемую эру Водолея, и едва не отправилась на бессрочный отдых в Средние века. И предположим... предположим, что с уходом рационализма на какое-то время погаснет ослепляющий свет и мы сможем увидеть... — Он замолчал, уйдя в свои мысли.

— Увидеть что? — спросила Фрэн.

Глен вскинул на нее глаза, серые и странные, которые, казалось, светились внутренним светом.

— Черную магию, — ответил он. — Мир чудес, где вода течет вверх по холму, и тролли обитают в лесной чаще, и драконы живут под горами. Где есть и чудеса света, белая магия. «Лазарь, восстань». Превращение воды в вино. И... только возможно... изгнание бесов.

Он помолчал, потом улыбнулся:

— Такое вот путешествие по жизни.

— А темный человек? — ровным голосом спросила Фрэн.

Глен пожал плечами:

— Матушка Абагейл называет его сыном Сатаны. Возможно, он последний маг рациональной мысли, собирающий орудия технического прогресса, чтобы обратить их против нас. А может, есть что-то еще, куда более черное. Я только знаю, что он *есть*, и ни социология, ни психология, ни какая-то другая логия не остановят его. Я думаю, это под силу белой магии... а наш белый маг сейчас неизвестно где, бродит в одиночестве. — Голос Глена пресекся, и он быстро опустил глаза.

Но за окнами царила всего лишь ночная тьма, и ветерок, дувший с гор, кидался дождем в стекло гостиной Стью и Фрэн. Глен раскуривал трубку. Стью достал из кармана пригоршню мелочи, тряс между ладонями, а потом раскрывал их и смотрел, сколько выпало орлов и сколько решек. Ник рисовал завитушки на верхней страничке блокнота, мысленным взором видя пустынные улицы Шойо и слыша голос: *Он идет за тобой, немой. Теперь он уже ближе.*

Через какое-то время Глен и Стью разожгли камин, и они все наблюдали за языками пламени, лишь изредка перекидываясь словом-двумя.

После того как гости ушли, Фрэн чувствовала себя печальной и несчастной. Да и Стью пребывал не в лучшем расположении духа. «Он выглядит уставшим, — подумала она. — Завтра мы долж-

ны остаться дома, просто остаться, поболтать, вздремнуть после полудня. Мы должны чуть сбавить темп». Она посмотрела на лампу Коулмана и пожалела, что у них нет электрического света, яркого электрического света, который появлялся после щелчка выключателя.

Слезы начали жечь глаза. Она сердито велела себе не плакать, не добавлять лишних проблем, но та ее часть, которая контролировала слезные железы, слушать, похоже, не собиралась.

Внезапно Стью просиял:

— Клянусь Богом! Я чуть не забыл!

— Забыл что?

— Сейчас покажу! Оставайся здесь! — Он направился к двери, спустился по лестнице вниз. Она подошла к дверному проему, подождала, пока он вернется. Он что-то держал в руке, не что-то, а...

— Стюарт Редман, где ты это раздобыл? — спросила Фрэнни, и ее лицо осветила радостная улыбка.

— В магазине народных музыкальных инструментов.

Она взяла стиральную доску. Покрутила так и этак. Свет отражался от металлической гофрированной поверхности.

— Народных?..

— На Ореховой улице.

— Стиральная доска в музыкальном магазине?

— Да. Там стояла и чертовски хорошая ванна, но кто-то успел пробить в ней дыру, превратив в контрабас.

Фрэнни начала смеяться. Положила стиральную доску на диван, подошла к Стью, крепко обняла. Его руки поднялись к ее грудям, и она обняла его еще крепче.

— Доктор сказал, что ему нужно послушать шумовой оркестр*, — прошептала она.

— Что?

Она прижалась лицом к шее Стью.

— Ему это поднимет настроение. Так, во всяком случае, поется в песне. Ты можешь поднять настроение мне, Стью?

Улыбаясь, он подхватил ее на руки.

— Во всяком случае, могу попытаться.

---

* Здесь и далее Фрэнни почти точно цитирует строки песни «Музыка шумового оркестра» американской группы «Лавин спунфул».

* * *

На следующий день, в четверть третьего, Глен Бейтман ворвался в квартиру, даже не постучавшись. Фрэн ушла к Люси Суонн, где обе пытались приготовить дрожжевое тесто. Стью читал вестерн Макса Брэнда. Он оторвался от страницы, увидел Глена, бледного, потрясенного, с широко раскрытыми глазами, и бросил книгу на пол.

— Стью! Ох, Стью, как я рад, что ты дома!

— Что случилось? — резко спросил Стью. — Кто-то... ее нашел?

— Нет. — Глен плюхнулся на стул, словно его ноги подкосились. — У меня хорошие новости — не плохие. Но очень странные.

— Что? Какие новости?

— Коджак. После ленча я прилег вздремнуть, а когда поднялся, Коджак лежал на крыльце и крепко спал. Едва живой, Стью, и выглядит так, словно его пропустили через миксер с тупыми лезвиями, но это он.

— Ты про *собаку*? *Тот* Коджак?

— Совершенно верно.

— Ты уверен?

— На бирке та же надпись: «Вудсвилл, Н.Х.». Тот же красный ошейник. Тот же пес. Он исхудал, и ему пришлось драться. Дик Эллис — Дик чуть не прыгал от радости, получив возможность подлечить животное, а не человека, — говорит, что он навсегда лишился одного глаза. Глубокие раны на боках и животе, некоторые воспалились, но Дик о них позаботился. Сделал Коджаку укол и заклеил пластырем живот. Дик сказал, что Коджак, вероятно, схватился с волком, может, с несколькими. Но никакого бешенства. В этом смысле он здоров. — Глен медленно покачал головой, две слезы скатились по его щекам. — Этот чертов пес пришел по моему следу. Лучше бы я не оставлял его, Стью. Теперь меня мучает совесть.

— Мы не могли взять его с собой, Глен. Мы же ехали на мотоциклах.

— Да, но... он *пошел по моему следу*, Стью. О таком пишут разве что в «Стар уикли»... «Верный пес прошел по следу хозяина две тысячи миль». Как ему это удалось? Как?

— Может, так же, как и нам. Собакам снятся сны, знаешь ли... точно снятся. Ты никогда не видел собаку, крепко спящую на полу и подергивающую лапами? В Арнетте жил один старик, Вик Полфри, так он говорил, что собаки видят два сна, хороший и плохой. При хорошем у них дергаются лапы. При плохом они рычат. Если разбудить собаку, которая видит плохой сон и рычит, она даже может тебя укусить.

Глен в изумлении качал головой.

— Ты говоришь, ему *снилась*...

— Я не говорю ничего более странного в сравнении с тем, что ты наговорил здесь вчера, — заметил Стью.

Глен улыбнулся и кивнул:

— Ох, я могу делать это часами. Умею нести чушь, как никто другой. Но если чудо случается наяву...

— Ты сразу замолкаешь?

— Да пошел ты, Восточный Техас! Хочешь взглянуть на мою собаку?

— Будь уверен.

Дом Глена находился на Еловой улице, примерно в двух кварталах от отеля «Боулдерадо». Плющ на декоративной решетке крыльца почти засох, как и все лужайки и цветы в Боулдере: без ежедневного полива сухой и жаркий климат одержал триумфальную победу.

На крыльце стоял маленький круглый столик с бутылками джина и тоника («Это же невозможно пить без льда», — поморщился Стью, на что Глен ответил: «Знаешь, после третьего стакана разницы уже не замечаешь»). Компанию бутылкам составляла пепельница, в которой красовались пять курительных трубок, и раскрытые книги «Дзэн и искусство технического обслуживания мотоцикла», «Четвертый мяч» и «Мой револьвер быстр». Здесь же лежал и початый пакет с конфетами «Крафт чиз кисес».

Коджак спал на полу, потрепанная морда мирно лежала на передних лапах. От собаки остались только шкура да кости, причем шкуре изрядно досталось от чьих-то зубов и когтей, но Стью пса узнал, пусть их знакомство длилось недолго. Он наклонился и погладил Коджака по голове. Пес проснулся, радостно глянул на Стью. И, как это умеют делать собаки, улыбнулся ему.

— Слушай, какой хороший пес, — проговорил Стью, внезапно ощутив комок в горле. Перед глазами у него вдруг прошли все собаки, которых дарила ему мать, начиная с Шустрика, появившегося, когда Стью исполнилось пять лет. Много собак. Может, меньше, чем карт в колоде, но все равно много. Это приятно — иметь собаку, а насколько он знал, других собак, помимо Коджака, в Боулдере не было. Стью посмотрел на Глена и быстро отвел глаза. Догадался, что даже старые, лысые социологи не любят, когда их застают плачущими. — Хороший пес, — повторил он, и Коджак постучал хвостом по половицам крыльца, вероятно, соглашаясь, что да, он действительно хороший пес.

— Зайду на минутку в дом, — просипел Глен. — Мне надо в туалет.

— Конечно. — Стью по-прежнему смотрел в пол. — Хороший мальчик, Коджак, разве ты не хороший мальчик? Точно, хороший!

Коджак, соглашаясь, стучал хвостом по половицам.

— Можешь перевернуться? Изобрази мертвого, мальчик! Перевернись!

Коджак послушно перекатился на спину, распластал задние лапы, поднял вверх передние. На лице Стью отразилась тревога, когда он мягко провел рукой по нашлепке из пластыря, приклеенной Диком Эллисом. Под пластырем виднелись красные воспаленные порезы. Кто-то напал на Коджака, и это точно была не другая бродячая собака. Собака попыталась бы вцепиться в морду или в шею. Коджак схватился с кем-то еще. С кем-то более подлым. Может, с волчьей стаей. Но Стью сомневался, что Коджаку удалось бы уйти от волчьей стаи. В любом случае ему повезло, что его не выпотрошили.

Хлопнула сетчатая дверь, Глен вернулся на крыльцо.

— Тот, кто на него напал, едва не вспорол ему брюхо, — сказал Стью.

— Раны глубокие, и он потерял много крови, — согласился Глен. — И я не могу не думать, что произошло все это исключительно по моей вине.

— Дик предположил, что раны нанесены волками?

— Волками или, возможно, койотами... но он думает, что едва ли это работа койотов, и я склонен с ним согласиться.

Стью похлопал Коджака, и тот перекатился на живот.

— Как вышло, что все собаки передохли, а волков осталось достаточное количество — и это к востоку от Скалистых гор, — чтобы искалечить хорошего пса?

— Наверное, мы этого никогда не узнаем, — ответил Глен. — Как не узнаем, почему эпидемия уничтожила лошадей, но не коров, и большинство людей, но не нас. Я не собираюсь даже думать об этом. Просто запасусь большим количеством «гейнсбургеров» и буду их ему скармливать.

— Да. — Стью смотрел на Коджака, глаза которого практически закрылись. — Ему досталось, но детородные органы в полном порядке... я посмотрел, когда он переворачивался на спину. Так что надо подыскивать ему подружку, знаешь ли.

— Это точно, — задумчиво ответил Глен. — Хочешь джина с тоником, Восточный Техас?

— Черт, нет. Возможно, я только год проучился в профессионально-техническом училище, но я не гребаный варвар. Пиво есть?

— Думаю, смогу выделить тебе банку «Куэрса». Теплого, однако.

— Заметано.

Стью двинулся следом за Гленом, открыл сетчатую дверь и остановился, чтобы вновь посмотреть на Коджака.

— Спи сладко, мальчик, — сказал он псу. — Хорошо, что ты с нами.

И прошел в дом.

Но Коджак не спал.

Он пребывал где-то между сном и бодрствованием: в таком состоянии проводят немало времени живые существа, получившие тяжелые ранения, которые все-таки недостаточно тяжелы, чтобы расстаться с жизнью. Глену предстояло провести много часов, не давая Коджаку чесаться, чтобы тот не сорвал пластырь, вновь не разодрал раны и не занес в них инфекцию. Однако это будет позже. А сейчас Коджака (который иногда все еще думал о себе как о Большом Стиве, так его звал прежний хозяин) вполне устраивало это промежуточное, сумеречное состояние. Волки напали на него в Небраске, когда он обнюхивал землю вокруг того дома на домкратах в маленьком городке Хемингфорд-Хоум. Запах ЧЕЛОВЕКА — ощущение ЧЕЛОВЕКА — привел его к этому

дому, а потом исчез. Куда он подевался? Коджак не знал. Волки, четыре волка, вышли из кукурузы, словно косматые души мертвых. Их глаза сверкали, губы оттягивались назад, обнажая зубы, низкое рычание, доносящееся из горла, выдавало намерения. Коджак отступал, тоже рыча, его когти взрывали землю во дворе матушки Абагейл. Слева качели из покрышки отбрасывали бездонную круглую тень. Вожак атаковал, когда задние лапы Коджака оказались в тени крыльца. Атаковал, прижимаясь к земле, стремясь добраться до брюха, и остальные последовали за ним. Коджак прыгнул вперед и вверх над мордой вожака, открывая ему свой живот, а когда вожак начал кусать и царапать, вогнал зубы в шею волка, вогнал глубоко, пустив кровь, и тот завыл, попытался выбраться из-под Коджака, от его храбрости не осталось и следа. А когда он выбирался, зубы Коджака разомкнулись и со скоростью света сомкнулись на нежной волчьей морде, и вожак дико завопил, чуть ли не зарыдал, потому что нос оказался изорван в клочья. Он развернулся и, воя от боли, убежал, мотая головой из стороны в сторону, разбрызгивая кровь, а зачатки телепатии, свойственные зверям одного семейства, позволили Коджаку достаточно ясно прочитать его мысли.

(*осы во мне осы осы в моей голове осы в моей голове о...*)

И тут остальные набросились на него, один слева, другой справа, как гигантские тупые пули, а последний из трех припал к самой земле, ухмыляясь, рыча, нацелившись на его брюхо. Коджак развернулся к правому, хрипло лая, решив разобраться с ним первым, чтобы открыть себе путь под крыльцо. Оказавшись там, он мог бы противостоять им сколько угодно времени, может, целую вечность. И сейчас, лежа на другом крыльце, он переживал ту схватку словно в замедленном действии: рычание и завывания, наскоки и отходы, запах крови, ударивший в голову и превративший его в боевую машину, до поры до времени не чувствующую собственных ран. Он разобрался с волком, который атаковал справа, оставил его без глаза и нанес жуткую, возможно, смертельную рану в шею, но и ему досталось. Большинство ран мало чем отличались от царапин, однако два укуса — очень глубокие — заживали долго и плохо. Даже когда он совсем состарился (а прожил Коджак еще шестнадцать лет и умер гораздо позже Глена Бейтмана), эти шрамы в дождливые дни пульсировали болью. Он вырвался и сумел укрыться под крыльцом, а когда один из оставшихся волков, опья-

ненный запахом крови, попытался залезть следом, Коджак атаковал. И вырвал ему горло. Последний волк отступил почти до границы кукурузы, нерешительно подвывая. Если бы Коджак вылез из-под крыльца, чтобы вступить с ним в бой, он бы тут же убежал, поджав хвост. Но Коджак не вышел, во всяком случае, тогда. Он навоевался. Мог только лежать на боку, дыша быстро и неглубоко, зализывая раны и рыча на приближающуюся тень оставшегося волка. Потом стемнело, и по небу над Небраской поплыла половинная луна. И всякий раз, когда последний волк слышал, что Коджак жив и, вероятно, все еще готов к бою, он, подвывая, отступал. А вскоре после полуночи ушел совсем, оставив Коджака в одиночестве то ли жить, то ли умирать. В предрассветные часы Коджак почувствовал присутствие какого-то другого существа, ужаснувшего его до такой степени, что он заскулил. Эта тварь находилась в кукурузе, ходила среди кукурузы, возможно, охотилась на него. Коджак лежал, дрожа всем телом, ожидая, что эта тварь найдет его, эта ужасная тварь, которую он воспринимал и как человека, и как волка, и как глаз, какое-то темное существо, этакий древний крокодил в кукурузе. И лишь по прошествии некоторого времени, уже после того как луна опустилась за горизонт, Коджак почувствовал, что тварь ушла. Он заснул. Под крыльцом он провел три дня, выползая лишь для того, чтобы утолить голод и жажду. К счастью, у ручной колонки во дворе не пересыхала лужица, а в доме хватало еды, прежде всего остатков угощения, которое матушка Абагейл приготовила для Ника и его команды. А когда Коджак понял, что способен двигаться дальше, он уже знал, куда идти. Путь ему указал не запах, а чувство тепла, идущего из самых глубин сердца, и жар раскаленного очага, который находился к западу от него. И он пошел, большую часть этих пятисот миль прохромал на трех лапах, а боль постоянно жгла живот. Время от времени ему удавалось унюхать ЧЕЛОВЕКА, и он знал, что находится на правильном пути. Наконец он пришел сюда. Где жил ЧЕЛОВЕК. Где не было никаких волков. Где хватало еды. Где он не чувствовал той темной твари... человека с запахом волка, похожего на глаз, который мог увидеть тебя за сотни миль, если смотрел в твою сторону. И пока все обернулось к лучшему. Думая так (насколько могли думать собаки, воспринимающие мир почти что исключительно через органы чувств), Коджак засыпал, засыпал все крепче, и теперь он видел сон, хороший сон: он бегал

за кроликами по клеверу и тимофеевке, которые доставали ему до живота, приятно влажные от росы, где-то на севере. Его звали Большой Стив. И в это серое и бесконечное утро кролики были повсюду.

Он спал, и его лапы подергивались.

Глава 53

Выдержки из протокола заседания организационного комитета 17 августа 1990 г.

Заседание проводилось в доме Ларри Андервуда на Южной Сорок второй улице в районе Столовой горы. Присутствовали все члены комитета.

Первым вопросом повестки дня стали выборы членов организационного комитета в постоянный комитет. Первой слова попросила Фрэн Голдсмит.

Ф р э н. Мы со Стью согласились, что самый лучший, самый простой способ избрания всех нас в постоянный комитет — одобрение матушкой Абагейл всего списка кандидатов. Это избавило бы нас от проблемы иметь дело с еще двадцатью людьми, выдвинутыми своими друзьями, что только раскачало бы лодку. Но теперь нам придется идти другим путем. Я не собираюсь предлагать что-то недемократическое, и вы все знаете наши планы, но я лишь хочу подчеркнуть: каждый должен позаботиться о том, чтобы кто-то выдвинул его или ее кандидатуру, а кто-то другой поддержал выдвижение. Очевидно, мы не можем выдвигать сами себя — это уже будет смахивать на мафию. И если кому-то не удастся найти одного человека для выдвижения и второго для поддержки, тогда лучше не баллотироваться вовсе.

С ь ю. Ух ты! Какое коварство, Фрэн.

Ф р э н. Да... есть немного.

Г л е н. Мы опять скатываемся к обсуждению комитетской морали, и хотя я уверен, что тема эта обладает неиссякаемой притягательностью, мне бы хотелось, чтобы мы положили ее под сукно на несколько ближайших месяцев. Я думаю, мы просто должны

сойтись на том, что работаем на благо Свободной зоны, и больше к этому не возвращаться.

Р а л ь ф. Судя по голосу, ты немного злишься, Глен.

Г л е н. Я немного злюсь. Признаю. Сам факт, что мы провели столько времени в беспрестанных тревогах по этому поводу, с большой степенью достоверности дает понять, что творится в наших сердцах.

С т ь ю. Дорога в ад вымощена...

Г л е н. Благими намерениями, да, и поскольку мы все так волнуемся из-за наших намерений, мы, конечно же, уже на автостраде, ведущей к небесам.

Потом Глен добавил, что хотел обратиться к комитету на предмет разведчиков или шпионов, как ни назови, но вместо этого вносит предложение перенести обсуждение этого вопроса на девятнадцатое. Стью спросил его — почему?

Г л е н. Потому что девятнадцатого здесь могут оказаться не все. Кого-то могут не выбрать. Это маловероятно, но в действительности никто не знает, как поведет себя большая группа людей, собравшись в одном месте. И мы должны быть предельно осторожны.

Последовала долгая пауза. После чего комитет проголосовал, 7—0, провести следующее заседание девятнадцатого — уже в качестве постоянного комитета — и обсудить вопрос о разведчиках... или шпионах... как ни назови.

Стью попросил слова, чтобы коснуться еще одного вопроса, связанного с матушкой Абагейл.

С т ь ю. Как вы знаете, она ушла по каким-то своим причинам. В записке говорится, что она «должна на некоторое время уйти», и это достаточно неопределенно, а вернется, «как только будет на то воля Божья», что тоже не ободряет. Мы ищем ее три дня, но пока не обнаружили никаких следов. Мы не собираемся тащить ее назад насильно, но если она лежит где-нибудь со сломанной ногой или без сознания, это совсем другое дело. Отчасти проблема в том, что у нас недостаточно людей, чтобы обыскать всю территорию. Из-за этого же медленно идет работа на электростанции. Нет никакой организации. И я прошу разрешения внести вопрос о постоянной поисковой группе в повестку общего собрания, которое намечено на завтра, а также вопрос о создании группы ремонтников на электростанции и похоронной

команды. И я бы хотел поставить руководителем поисковиков Гарольда Лаудера, потому что это изначально его идея.

Глен отметил, что, по его мнению, по прошествии недели ждать каких-то хороших новостей от поисковиков не придется. В конце концов, разыскиваемой даме сто восемь лет. Комитет с этим согласился, а потом проголосовал, 7—0, за предложение Стью. Для очистки совести должна отметить, что несколько человек выразили сомнение в необходимости ставить Гарольда Лаудера во главе поисковой группы... но, как отметил Стью, идею первым высказал он, а потому, откажи мы ему в ее реализации, это напоминало бы оскорбление.

Н и к. Я снимаю возражения насчет Гарольда, но мое отношение к нему не меняется. Мне он просто не нравится.

Ральф Брентнер попросил Стью или Глена написать ему пункт о поисковой группе, чтобы он смог добавить его к повестке дня, которую собирался напечатать этим вечером на мимеографе. Стью ответил, что все сделает.

Ларри Андервуд предложил на этом закрыть заседание. Ральф его поддержал, а комитет проголосовал, 7—0.

Фрэнсис Голдсмит, секретарь.

Следующим вечером на собрание пришли едва ли не все, кто успел добраться до Боулдера, и Ларри Андервуд впервые — а он пробыл в Зоне только неделю — осознал, каким большим становится их сообщество. Одно дело видеть людей на улицах, обычно в одиночку или парами, и совсем другое — лицезреть их собравшимися в одном месте, в конференц-зале «Чатокуа-холл». Не осталось ни одного свободного кресла, люди сидели в проходах или стояли в конце зала. Вели себя на удивление тихо, шептались, не повышая голоса. И впервые с приезда Ларри в Боулдер дождь лил весь день, мелкий и теплый, скорее обволакивавший туманом, чем мочивший. Даже когда общее число собравшихся приблизилось к шести сотням, до ушей долетал мягкий стук дождя по крыше. А в зале самым громким звуком было шуршание бумаги: люди брали с поставленных по обе стороны входной двери карточных столиков распечатанные на мимеографе программки собрания с намеченной повесткой дня.

Повестка предлагалась следующая:

СВОБОДНАЯ ЗОНА БОУЛДЕРА
Повестка дня общего собрания 18 августа 1990 г.

1. Выяснить, согласится ли Свободная зона огласить и ратифицировать Конституцию Соединенных Штатов Америки.

2. Выяснить, согласится ли Свободная зона огласить и ратифицировать Билль о правах, прилагаемый к Конституции Соединенных Штатов Америки.

3. Выяснить, согласится ли Свободная зона выдвинуть и избрать управляющий комитет в составе семи представителей Свободной зоны.

4. Выяснить, согласится ли Свободная зона наделить матушку Абагейл правом вето по всем вопросам, согласованным представителями Свободной зоны.

5. Выяснить, одобрит ли Свободная зона создание похоронной команды как минимум из двадцати человек для достойного предания земле жертв эпидемии «супергриппа» в Боулдере.

6. Выяснить, одобрит ли Свободная зона создание энергетической команды как минимум из шестидесяти человек для восстановления подачи электричества до наступления холодов.

7. Выяснить, одобрит ли Свободная зона создание поисковой команды как минимум из пятнадцати человек для возможного установления местонахождения матушки Абагейл.

Ларри обнаружил, что нервно складывает листок с повесткой дня, которую он выучил чуть ли не наизусть, в бумажный самолетик. Участие в работе организационного комитета казалось этаким развлечением, игрой: дети, изображающие парламентские процедуры в чьей-нибудь гостиной, сидящие кружком, пьющие колу, угощающиеся пирогом, испеченным Фрэнни, разговаривающие о всяком и разном. Даже обсуждение засылки шпионов на ту сторону гор, прямо в логово темного человека, казалось игрой, поскольку он сам представить себе не мог, что отправится на выполнение подобной миссии. Надо окончательно свихнуться, чтобы решиться встретиться лицом к лицу с этим живым кошмаром. Но на закрытых совещаниях, в комнате, мягко освещенной лампами Коулмана, эти планы казались вполне уместными. А если Судью, или Дейну Джергенс, или Тома Каллена и поймают, на за-

крытых совещаниях создавалось ощущение, что это не так уж важно, будто потерять ладью или королеву в шахматной партии.

Но теперь, сидя в большущем зале, с Люси по одну руку и Лео по другую (он целый день не видел Надин, и Лео вроде бы не знал, где она находится: «Ушла...» — такой безразличный ответ получил Ларри на свой вопрос), Ларри наконец-то осознал, что происходит, и почувствовал, как внутри все затрепыхалось. Никакая это не игра. Здесь собралось пятьсот восемьдесят человек, и большинство из них даже не подозревали, что Ларри Андервуд — никакой не хороший парень, не знали о том, что первый человек, о котором Ларри попытался позаботиться после эпидемии «супергриппа», умер от передозировки лекарств.

На ладонях выступил холодный пот. Руки все пытались сложить самолетик из листка с повесткой дня, но Ларри их остановил. Люси взяла одну его руку, сжала, улыбнулась ему. Он смог ответить только подобием гримасы — и услышал голос матери: *Бог оставил у себя часть твоей души, Ларри.*

От этой мысли его охватила паника. Можно ли дать задний ход — или все зашло слишком далеко? Он не хотел взваливать на себя эту ношу. На закрытом заседании он уже внес предложение отправить Судью Ферриса на верную смерть. Если его не выберут и в постоянный комитет войдет кто-то еще, им придется проводить новое голосование по Судье, так? Разумеется, придется. И они могут проголосовать за кого-то еще. «Когда Лори Констебл выдвинет мою кандидатуру, я встану и скажу, что отказываюсь, — решил Ларри. — Конечно же, никто не сможет заставить меня, так? Нет, если я скажу, что не хочу. И кому, вашу мать, нужно взваливать на себя такое?»

Уэйн Стьюки давным-давно сказал ему на берегу: ...*У тебя есть характер. И есть что-то еще... вроде способности грызть жесть.*

— У тебя все получится, — шепнула ему на ухо Люси.

Он подпрыгнул.

— Что?

— Я сказала, у тебя все получится. Правда, Лео?

— Да, да, — покивал Лео. Глаза мальчика не отрывались от заполненного зала, словно никак не могли поверить в его огромность. — Отлично.

«Ты не понимаешь, тупоголовая баба, — думал Ларри. — Ты держишь меня за руку и не понимаешь, что я могу принять плохое решение, которое приведет к смерти вас обоих. Я уже проголосовал за убийство Судьи Ферриса, а именно он поддержит мое гребаное выдвижение. Какую же я заварил кашу!..» Бессвязный звук сорвался с его губ.

— Ты что-то сказал? — спросила Люси.

— Нет.

А Стью уже шел по сцене к трибуне, в красном свитере и синих джинсах, таких ярких в режущем глаза свете аварийных ламп, подключенных к автономному генератору «Хонда», который Брэд Китчнер с помощниками привезли с электростанции. Где-то в середине зала раздались аплодисменты, Ларри не мог сказать, где именно, но циничная его часть нисколько не сомневалась, что инициировал их Глен Бейтман, местный эксперт по искусству управления толпой. В любом случае кто и где захлопал первым, значения не имело. Отдельные хлопки тут же переросли в громовую овацию. На сцене Стью остановился у кафедры, на его лице было написано полнейшее изумление. К аплодисментам присоединились крики и пронзительный свист.

Потом люди вскочили на ноги, а аплодисменты теперь напоминали грохот сильнейшего ливня по крыше. Звучали крики:

— Браво! Браво!

Стью поднял руки, но это не помогло. Пожалуй, все принялись бить в ладоши еще сильнее. Ларри искоса глянул на Люси и увидел, что она яростно аплодирует, не отрывая глаз от Стью, а ее губы, пусть и дрожащие, разошлись в торжествующей улыбке. И она плакала. По другую сторону от Ларри Лео тоже аплодировал, снова и снова сводя ладони с такой силой, что Ларри испугался, как бы они не отвалились при очередном ударе друг о друга. Вне себя от радости, Лео, похоже, забыл все те слова, которые сумел вернуть с невероятным трудом. Так иной раз бывает с людьми, которые учат английский как второй язык. Мальчик мог только громко, с восторгом ухать.

Брэд и Ральф подключили к генератору систему громкой связи, поэтому Стью дунул в микрофон и заговорил:

— Дамы и господа...

Но аплодисменты продолжались.

— Дамы и господа, если вы займете свои места...

Но они еще не хотели занять свои места. Аплодисменты не утихали. Ларри посмотрел вниз, потому что заболели руки, и увидел, что хлопает так же неистово, как и остальные.

— Дамы и господа...

Аплодисменты грохотали и эхом отражались от потолка и стен. Над головами металось семейство ласточек, которое устроилось в этом тихом и просторном зале после того, как разразилась эпидемия, а теперь изо всех сил пыталось найти безлюдное место.

«Мы аплодируем сами себе, — подумал Ларри. — Мы аплодируем тому, что мы здесь, живые, все вместе. Может, так мы говорим «привет» нашему групповому «я». Привет, Боулдер. Наконец-то. Как хорошо быть здесь, как хорошо быть живым».

— Дамы и господа, я буду вам очень признателен, если вы займете свои места.

Мало-помалу аплодисменты начали стихать. Теперь не составляло труда услышать, как всхлипывают женщины — и многие мужчины. Люди громко сморкались. Шепотом переговаривались друг с другом. Шуршание прокатилось по аудитории: все усаживались.

— Я рад, что вы здесь, — продолжил Стью. — Я рад, что я здесь. — Из динамиков донесся вой, и Стью пробормотал: — Чертова хреновина!

Слова эти тоже разнеслись по конференц-залу. Послышался смех, Стью покраснел.

— Наверное, нам придется вновь привыкать ко всему этому.

Новый шквал аплодисментов. Стью заговорил, лишь дождавшись тишины:

— Для тех, кто меня не знает, скажу, что я Стюарт Редман, родом из Арнетта, штат Техас, хотя, позвольте сказать, мне уже и не верится, что я там когда-то жил. — Он откашлялся, микрофон снова взвыл, и Стью отступил на шаг. — Я очень нервничаю, стоя перед вами, поэтому уж извините меня...

— Извиняем, Стью! — радостно закричал Гарри Данбартон, и зал одобрительно засмеялся.

«Прямо-таки групповой выезд на природу, — подумал Ларри. — Не хватает только пения псалмов. Будь здесь матушка Абагейл, готов спорить, мы бы уже вовсю пели».

— В последний раз так много людей смотрели на меня, когда наша школьная футбольная команда вышла в плей-офф, но тогда они таращились еще на двадцать одного парня, не говоря уже про девушек в коротких юбках.

Искренний смех.

Люси обняла Ларри за шею, подтянула к себе и прошептала в ухо:

— Чего он волновался? Он прирожденный политик!

Ларри кивнул.

— Но если вы мне поможете, я как-нибудь продержусь.

Аплодисменты.

«Эта толпа аплодировала бы речи Никсона об отставке, а потом еще и попросила бы его сыграть на пианино», — подумал Ларри.

— Прежде всего я хочу объяснить вам, откуда взялся организационный комитет и как вышло, что я оказался перед вами. Мы всемером собрались вместе и решили провести это собрание, чтобы как-то упорядочить нашу жизнь. Предстоит многое сделать, и я бы хотел представить вам всех членов нашего комитета. Надеюсь, вы сэкономили немного аплодисментов для каждого из них, потому что они все работали над повесткой дня, которую вы сейчас держите в руках. Итак, первая — мисс Фрэнсис Голдсмит. Встань, Фрэнни, и покажись нам в платье.

Фрэн поднялась. На собрание она пришла в красивом ярко-зеленом платье с желтоватым отливом и скромной ниткой жемчуга, которая в прежние дни стоила две тысячи долларов. Она получила свою порцию аплодисментов, разбавленную добродушным свистом.

Фрэн села, густо покраснев, и еще до того, как аплодисменты окончательно смолкли, Стью продолжил:

— Мистер Глен Бейтман из Вудсвилла, штат Нью-Хэмпшир.

Глен встал, и толпа зааплодировала ему. Он вскинул руки с оттопыренными средним и указательным пальцами, и раздался восторженный рев.

Ларри Стью представил предпоследним, и он встал, отдавая себе отчет, что Люси улыбается, глядя на него снизу вверх, а потом его накрыла теплая волна аплодисментов. «Когда-то, — подумал он, — в другом мире такие аплодисменты припасали для заключительной песни концерта, в моем случае — для пустячка,

именуемого "Поймешь ли ты своего парня, детка?"». Но сегодняшний вариант ему нравился больше. Он простоял перед ними всего секунду, а показалось, что гораздо дольше. И он уже знал, что не будет отказываться от своего выдвижения.

Ника Стью представил последним, и ему хлопали продолжительнее и громче, чем остальным.

— Этого нет в повестке дня, — вновь заговорил Стью, когда аплодисменты смолкли, — но у меня есть предложение начать собрание с исполнения национального гимна. Я полагаю, все помнят и слова, и мелодию.

Шуршание, шарканье — люди поднимались. Еще пауза — все ждали, что начнет кто-то другой. И наконец нежный женский голос в одиночестве исполнил первые три слова.

— Смотри, видишь ли... — запела Фрэнни, но на мгновение Ларри почудилось, что на ее голос наложился другой, его собственный, и он сам был не в Боулдере, а в Вермонте, четвертого июля, когда республике стукнуло двести четырнадцать лет, а Рита лежала мертвой в палатке у него за спиной, ее рот наполняла зеленая блевота, и в руке она сжимала пустой пузырек из-под таблеток.

Он вдруг покрылся гусиной кожей и почувствовал, что все они под наблюдением, за ними наблюдает нечто такое, что может, выражаясь словами старой песни рок-группы «Ху», видеть на мили, и мили, и мили. Нечто ужасное, и темное, и чужеродное. На мгновение ему захотелось бежать отсюда куда глаза глядят, бежать и не останавливаться. Здесь не играли в игры. Здесь занимались серьезным делом. Решали вопросы жизни и смерти. А может, и еще более серьезные.

К голосу Фрэнни присоединились другие голоса.

— ...ты в солнца первых лучах... — пела Люси, держа его за руку. Она снова плакала, и другие плакали, большинство плакало, оплакивали то, что ушло, но не забылось, сбежавшую американскую мечту с хромированными колесами и инжектором, и внезапно он вспомнил не Риту, а себя с матерью на стадионе «Янкиз» двадцать девятого сентября, когда «Янкиз» совсем немного отставали от «Ред сокс» и всякое могло случиться. На стадионе собралось пятьдесят пять тысяч человек, все стояли, игроки на поле прижимали бейсболки к сердцу, Гуирди — на питчерской горке, Рики Хендерсон — в левом углу поля («...с чем в заката часы...»),

и прожектора светили в лиловых сумерках, и мотыльки и другие ночные насекомые мягко бились о них, и вокруг гудел Нью-Йорк, город контрастов.

Ларри тоже запел, а когда они пропели гимн до конца и вновь загремели аплодисменты, он и сам немного прослезился. Рита ушла. Элис Андервуд ушла. Нью-Йорк ушел. *Америка* ушла. Даже если бы они смогли победить Рэндалла Флэгга, построенное ими уже никогда не станет прежним миром темных улиц и ярких грез.

Обильно потея под яркими лампами, Стью зачитал первые пункты повестки дня: оглашение и ратификация Конституции и Билля о правах. Пение национального гимна глубоко тронуло его, и не только. Половина присутствующих не скрывала слез.

Никто не попросил зачитать документы — хотя парламентский процесс предоставлял им такое право, — и Стью мог только поблагодарить их за это. Чтец из него был никакой. После того как граждане Свободной зоны одобрили «чтение» обоих документов, поднялся Глен Бейтман и внес предложение утвердить оба документа законами Свободной зоны.

— Поддерживаю предложение! — крикнул кто-то из задних рядов.

— Предложение внесено и поддержано. Кто за это предложение, скажите «да».

Всеобщее «*ДА!*» едва не снесло крышу. Коджак, который спал у стула Бейтмана, поднял голову, моргнул, потом вновь положил морду на лапы. Мгновением позже опять поднял голову, когда толпа устроила себе громовую овацию.

«Им нравится голосовать, — подумал Стью. — Голосование позволяет им почувствовать, что они снова хоть что-то контролируют. Видит Бог, им это чувство необходимо. Оно необходимо нам всем».

Покончив с первыми вопросами повестки дня, Стью ощутил, как напряглись мышцы. «А теперь, — вздохнул про себя он, — мы переходим к той части, где нас могут ждать любые неприятные сюрпризы».

— Третий пункт нашей повестки дня гласит... — Тут ему пришлось откашляться. Микрофон вновь взвыл, и Стью почувствовал, что потеет еще сильнее. Фрэн, которая смотрела на него, кив-

нула, давая понять, что надо продолжать. — Он гласит: «Выяснить, согласится ли Свободная зона выдвинуть и избрать управляющий комитет в составе семи представителей Свободной зоны». Это означает...

— Мистер председатель!.. Мистер председатель!

Стью оторвался от своих записей и почувствовал укол страха, сопровождаемый дурным предчувствием. К нему обращался Гарольд Лаудер. Гарольд Лаудер в костюме и при галстуке. С аккуратно причесанными волосами. Он стоял в середине центрального прохода. Однажды Глен сказал, что оппозиция может объединиться вокруг Гарольда. Но так быстро? Стью надеялся, что нет. На мгновение подумал, а может, продолжить, сделав вид, что не услышал Гарольда, но и Глен, и Ник предупреждали его об опасностях, которыми чревато такое пренебрежение. Неужели он ошибся, предположив, что Гарольд начал жизнь с чистого листа? Что ж, ему предстояло получить ответ в самом ближайшем будущем.

— Слово предоставляется Гарольду Лаудеру.

Головы поворачивались, шеи вытягивались: всем хотелось получше разглядеть Гарольда Лаудера.

— Я вношу предложение избрать членов организационного комитета в постоянный комитет *in toto**. Если они согласятся...

В конференц-зале на мгновение повисла полная тишина. В голове Стью закружились безумные мысли: *Тото? Тото? Разве это не собачка из «Волшебника страны Оз»?*

Потом вновь раздались аплодисменты, десятки людей закричали:

— Я поддерживаю!

Гарольд уже вновь сидел на своем месте, улыбаясь и разговаривая с соседями, которые хлопали его по спине.

Стью раз пять стукнул молоточком, призывая к тишине.

Он это планировал, подумал Стью. *Эти люди собираются избрать нас, но запомнят они Гарольда. Тем не менее он сделал то, о чем не додумался ни один из нас, даже Глен. Это же гениальный ход.* Тогда почему же он, Стью, так расстроен? Может, завидует? И добрые чувства к Гарольду, которые возникли только позавчера, уже забыты?

---

* Целиком (*лат.*).

— Внесено предложение, — сказал Стью в микрофон, игнорируя вой. — Друзья мои, внесено предложение. — Он стучал молотком, пока шум не стих. — Внесено и поддержано предложение преобразовать организационный комитет в его нынешнем составе в постоянный комитет Свободной зоны. Прежде чем мы начнем обсуждение или перейдем к голосованию, я должен спросить у членов организационного комитета, не хочет ли кто отказаться от избрания в постоянный комитет.

Никто не захотел.

— Очень хорошо, — кивнул Стью. — Открываем обсуждение?

— Я думаю, в этом нет необходимости, — ответил ему Дик Эллис. — Идея общая. Давай голосовать.

Аплодисменты подтвердили правоту Эллиса, и Стью не стал спорить. Чарли Импенинг махал рукой, требуя дать ему слово, но Стью его проигнорировал — наглядный пример селективного восприятия — и приступил к голосованию.

— Кто поддерживает предложение Гарольда Лаудера, пожалуйста, скажите «да».

— *ДА!* — вновь прогремело в зале, в очередной раз сорвав с места ласточек.

— Против?

Никто не возражал, даже Чарли Импенинг, во всяком случае, вслух. Ни одного «нет» не прозвучало. И Стью перешел к следующему вопросу повестки дня, все еще несколько ошарашенный, словно кто-то — если на то пошло, Гарольд Лаудер — подкрался к нему сзади и стукнул по голове здоровенной кувалдой, сделанной из «ручной жвачки»*.

— Давай слезем с них и немного покатим, не возражаешь? — спросила Фрэн. Ее голос звучал устало.

— Конечно. — Он слез с велосипеда и зашагал рядом с ней. — Ты в порядке, Фрэн? Ребенок не беспокоит?

— Нет, просто устала. Уже без четверти час, или ты не заметил?

— Да, поздно, — согласился Стью.

---

* «Ручная жвачка» — пластичная игрушка на основе кремнийорганического полимера.

Какое-то время они шли бок о бок, катя велосипеды в уютной тишине. Собрание закончилось часом раньше, много времени заняла дискуссия, связанная с поисками матушки Абагейл. Остальные пункты повестки дня обсуждения не потребовали, разве что Судья Феррис объяснил, почему в Боулдере относительно мало трупов. Согласно информации, почерпнутой из последних четырех номеров «Камеры», местной ежедневной газеты, в городе распространился слух, что источником "супергриппа" является расположенный на Бродвее Центр контроля воздуха Метеорологической службы США. Напрасно его представители — те, кто еще оставался на ногах, — заявляли, что это полная чушь, и приглашали любого на экскурсию по центру, где никто не сумел бы найти ничего более опасного, чем приборы, определяющие загрязнение воздуха и скорость и направление ветра. Слух распространялся. Вероятно, его подкармливали панические настроения тех ужасных дней в конце июня. В итоге Центр контроля воздуха взорвали или сожгли, а большая часть населения ушла из Боулдера.

Пункты по созданию похоронной и энергетической команд прошли с поправкой от Гарольда Лаудера, который, похоже, основательно подготовился к собранию. Он предложил добавлять в команды по два человека при увеличении населения Боулдера на сто человек.

За поисковую команду проголосовали сразу, но дискуссия об исчезновении матушки Абагейл затянулась. Перед собранием Глен посоветовал Стью не ограничивать это обсуждение без крайней на то необходимости. Данная тема волновала всех, особенно мысль, что их духовный лидер упрекает себя в каком-то грехе. Глен полагал, что они все должны выговориться.

На обратной стороне своей записки старая женщина указала две библейские сноски из Книги притчей Соломоновых: из главы одиннадцатой, стихи с первого по третий, и главы двадцать первой, с двадцать восьмого по тридцать первый. Судья Феррис проштудировал эти сноски с дотошностью адвоката, готовящего документы для представления в суд, и в начале дискуссии зачитал их хрипловатым и пессимистическим старческим голосом. В главе одиннадцатой говорилось: «Неверные весы — мерзость перед Господом, но правильный вес угоден Ему. Придет гордость, придет и посрамление; но со смиренными — мудрость. Непорочность

прямодушных будет руководить их, а лукавство коварных погубит их». В строках из двадцать первой главы речь шла примерно о том же: «Лжесвидетель погибнет; а человек, который говорит, что знает, будет говорить всегда. Человек нечестный дерзок лицом своим, а праведный держит прямо путь свой. Нет мудрости, и нет разума, и нет совета вопреки Господу. Коня приготовляют на день битвы, но победа — от Господа».

После того как Судья зачитал эти отрывки, разговор зачастую уходил далеко в сторону, а случалось, вызывал смех. Один мужчина зловеще заявил, что при сложении номеров глав получается тридцать один, а это число глав в Откровении Иоанна Богослова. Судья Феррис снова поднялся, чтобы сказать, что в книге Откровений только двадцать две главы, по крайней мере в *его* Библии, да и в любом случае одиннадцать и двадцать один в сумме дают тридцать два, не тридцать один. Честолюбивый нумеролог что-то пробормотал себе под нос, но вслух уже ничего не сказал.

Еще один мужчина заявил, что ночью, перед днем ухода матушки Абагейл, видел в небе огни, а пророк Исайя подтвердил существование летающих тарелок... и потому им лучше набить все это в коллективную трубку и выкурить, пустив по кругу. Опять поднялся Судья Феррис, чтобы указать, что выступавший последним господин перепутал Исайю с Иезекиилем и в точной цитате речь идет не о летающих тарелках, а о колесе, находящемся в колесе*. По мнению самого Судьи, доказано существование только тех летающих тарелок, которые иногда летают во время семейных ссор.

Немало времени ушло на обсуждение снов, которые, насколько все знали, прекратились полностью и становились все призрачнее. Человек за человеком вставали, чтобы опротестовать обвинение в гордыне, которое матушка Абагейл выдвинула против себя. Все говорили о ее вежливости и умении подбодрить человека буквально одним словом или фразой. Ральф Брентнер, который казался потрясенным таким количеством собравшихся и едва не лишился дара речи, — но был полон решимости сказать все, что хотел, — говорил в том же духе чуть ли не пять минут, добавив в конце, что не встречал лучшей женщины с тех пор, как умерла его мать. А когда сел, едва не расплакался.

---

* Иезекииль, 1:16: «...будто колесо находилось в колесе».

Но в общем и целом дискуссия Стью не понравилась. Она показывала, что в своих сердцах они уже наполовину похоронили матушку Абагейл. И, вернувшись, Эбби Абагейл обнаружила бы, что ее принимают с распростертыми объятиями, ее общества добиваются, ее слушают, но при этом, по мнению Стью, она бы также обнаружила, что положение ее чуть изменилось. И если бы дело дошло до столкновения между ней и постоянным комитетом Свободной зоны, заранее уже не представлялось возможным ставить на то, что она выиграет, с правом вето или без оного. Она ушла, а общество продолжало существовать. И общество никогда этого не забудет, тогда как люди уже наполовину забыли могущество снов, какое-то время определявших их жизнь.

После собрания более двух десятков человек еще какое-то время посидели на лужайке у «Чатокуа-холла». Дождь прекратился, облака разошлись, в ночи разлилась приятная прохлада. Стью и Фрэнни сидели с Ларри, Люси, Лео и Гарольдом.

— Ты чуть не выбил нас из игры этим вечером, — сказал Ларри Гарольду. Ткнул в бок Фрэнни. — Я говорил тебе, что он молодец, так?

Гарольд улыбнулся и скромно пожал плечами:

— Пара идей, ничего больше. Вы всемером привели все в движение. И должны иметь право довести дело до конца.

Теперь, через пятнадцать минут после того, как они покинули эти импровизированные посиделки, когда до дома оставалось еще десять минут ходьбы, Стью повторил свой вопрос:

— Ты действительно хорошо себя чувствуешь?

— Да. Ноги немного устали, ничего больше.

— Хочешь немного отдохнуть, Фрэнсис?

— Не называй меня так, ты знаешь, я это ненавижу.

— Извини. Больше не буду, Фрэнсис.

— Все мужчины такие ублюдки!..

— Я постараюсь исправиться, Фрэнсис... честное слово.

Она показала ему язык, но Стью почувствовал, что Фрэнни не увлекает эта словесная перепалка, и прекратил ее подначивать. Она выглядела бледной и апатичной, являя разительный контраст с той Фрэнни, которая несколькими часами ранее вкладывала всю душу в пение национального гимна.

— Что-то тебя гнетет, дорогая?

Она покачала головой, но ему показалось, что в ее глазах стоят слезы.

— Что это? Скажи мне.

— Ничего. В этом-то все дело. Именно ничего меня и волнует. Все кончилось, и я наконец-то это осознала, вот так. Почти шестьсот человек пели «Звездно-полосатый флаг», и вот тут до меня дошло. Никаких лотков с хот-догами. На Кони-Айленде этим вечером не будет крутиться чертово колесо. Никто не пропустит стаканчик на посошок в ресторане на вершине «Космической иглы» в Сиэтле. Кто-то наконец нашел способ очистить от наркотиков «Боевую зону» в Бостоне, а Таймс-сквер — от проституток. И то и другое было ужасно, но я думаю, что лечение принесло куда больше вреда, чем сама болезнь. Понимаешь, о чем я?

— Да, конечно.

— В моем дневнике я завела маленький раздел «Запомнить». Чтобы ребенок узнал... о том, чего ему никогда не увидеть. И это меня гнетет, мысли об этом. Мне следовало назвать этот раздел по-другому: «То, что ушло». — Она всхлипнула, остановилась, поднесла ко рту тыльную сторону ладони, чтобы сдержать рыдания.

— Все чувствуют то же самое. — Стью обнял ее. — Очень многие будут сегодня плакать, пока не заснут. Можешь мне поверить.

— Я не знаю, как можно скорбеть об ушедшей стране, — слезы полились сильнее, — но получается, что можно. Эти... эти мелочи то и дело всплывают в памяти. Продавцы в автомобильных салонах. Фрэнк Синатра. Олд-Орчард-Бич в июле, забитый людьми, по большей части из Квебека. Этот глупый парень на Эм-тиви... Рэнди. Так, кажется, его звали. Времена... Ох, Господи, все это напоминает стихотворение этого тре-тре-трехнутого Рода Мак-Маккуэна.

Он обнимал ее, похлопывал по спине, вспомнив, как разрыдалась его тетя Бетти из-за того, что не поднялось тесто. Она носила под сердцем его маленького кузена Лэдди, была на седьмом или восьмом месяце, и Стью помнил, как она, вытирая глаза кончиком посудного полотенца, говорила ему, что ничего страшного не произошло, а любая беременная женщина — достойный кан-

дидат в психиатрическую палату, потому что вещества, которые выделяют железы, лишают ее разума.

— Ладно, ладно, — сказала Фрэнни через какое-то время. — Мне уже лучше. Пошли.

— Фрэнни, я тебя люблю, — ответил Стью, и они покатили свои велосипеды дальше.

— А что ты помнишь лучше всего? — спросила она. — Самое-самое?

— Что ж, знаешь... — Он замолчал, рассмеялся.

— Нет, не знаю, Стюарт.

— Это безумие.

— Расскажи мне.

— Не знаю, хочется ли. Ты начнешь искать парней со смирительными рубашками.

— *Расскажи!* — Она видела Стью в самом разном настроении, но в таком нерешительном смущении — никогда.

— Я никому этого не рассказывал, но последние две недели часто об этом думал. Нечто странное случилось со мной в тысяча девятьсот восемьдесят втором году, я тогда подрабатывал на заправочной станции Билла Хэпскомба. Он нанимал меня, если мог, когда останавливался завод калькуляторов, расположенный в нашем городе. Я работал у него неполную смену, с одиннадцати вечера до закрытия — в те дни заправка закрывалась в три утра. Обычно ко мне заезжали те, кто работал во вторую смену — с трех до одиннадцати — на бумажной фабрике в Дикси... а с полуночи и до трех ночи я частенько не видел ни души. Сидел, читал книгу или журнал, а то и просто дремал. Ты понимаешь?

— Да.

Она понимала. Мысленным взором видела его, мужчину, который стал ее мужчиной в это особенное время в этой круговерти событий, широкоплечего мужчину, спящего на пластиковом стуле «Вулко» с раскрытой книгой, лежащей у него на коленях обложкой вверх. Она видела его спящим в островке белого света, окруженном громадным морем техасской ночи. Она любила его в этой «картинке», как любила во всех «картинках», которые рисовало ее воображение.

— Итак, той ночью, примерно в четверть третьего, я сидел за столом Хэпа, положив на него ноги, и читал какой-то вестерн, то ли Луиса Ламура, то ли Элмора Леонарда, может, кого-то еще, и

тут на заправку прикатывает большой старый «понтиак». Все стекла опущены, и магнитола орет как резаная. Хэнк Уильямс*. Я даже помню песню — «Уходя дальше». За рулем сидит этот парень, не молодой и не старый, больше в машине никого нет. Симпатичный парень, но внешность у него немного пугающая... я хочу сказать, выглядел он так, словно мог сделать что-то страшное, особенно над этим не задумываясь. Я еще обратил внимание на его густые, вьющиеся темные волосы. Между ног он держал бутылку вина, а на зеркале заднего обзора висели две пенопластовые игральные кости. Он говорит: «Высший сорт», — и я отвечаю: «Хорошо», — но с минуту стою и смотрю на него. Потому что мне показалось, что я его знаю. Вот и пытался понять — откуда?

Они уже подошли к углу; их дом находился на другой стороне улицы. Остановились. Фрэнни не отрывала глаз от Стью.

— Вот я и говорю: «По-моему, я вас знаю. Вы из Корберта или Максина?» Но уже понимаю, что встречал его где-то еще, не в этих двух городах. И он говорит: «Нет, но однажды я проезжал через Корберт со всей семьей, еще ребенком. Похоже, ребенком я побывал в каждом американском городе. Мой отец служил в ВВС». Я открыл бензобак, залил бензин, все время думая о том, где я мог видеть это лицо, и в конце концов меня осенило. Я вспомнил где. И ужасно разозлился на себя, потому что человек, который сидел за рулем «понтиака», вроде бы уже покинул этот мир.

— Кто сидел за рулем, Стюарт? *Кто?*

— Позволь, я расскажу все по прядку, Фрэнни. Правда, как эту историю ни рассказывай, она все равно безумная. Я вернулся к окну и говорю: «С вас шесть долларов и тридцать центов». Он дал мне две пятерки и сказал, что сдачу я могу оставить себе. И я говорю: «Думаю, теперь я знаю, кто вы». И он говорит: «Что ж, может, и знаешь», — и награждает меня жуткой, ледяной улыбкой, и все это время Хэнк Уильямс поет о приезде в город. Я говорю: «Если вы тот, за кого я вас принимаю, вы уже умерли». Он отвечает: «Нельзя верить всему, о чем пишут в газетах, парень». Я спрашиваю: «Так вам нравится Хэнк Уильямс?» Это все, о чем у меня хватило ума спросить в тот момент. Потому что если бы я не

* Уильямс, Хэнк (1923—1953) — американский автор-исполнитель, «отец» современной музыки кантри.

спросил, он бы поднял стекло и укатил в ночь... и я хотел, чтобы он укатил, но при этом и *не* хотел. Пока не хотел. Сначала надеялся убедиться в своей правоте. Тогда я не догадывался, что человек очень многое не может знать наверняка, независимо от своих желаний. Он говорит: «Хэнк Уильямс — один из лучших. Я люблю музыку придорожных ресторанов». А потом говорит: «Я еду в Новый Орлеан, буду гнать всю ночь, отсыпаться весь завтрашний день, потом всю ночь буду играть. Он остался прежним? Новый Орлеан?» Я говорю: «В каком смысле — прежним?» Он мне отвечает: «Ты знаешь». И я говорю: «Да, конечно, это юг. Хотя там, у моря, гораздо больше деревьев». Это его рассмешило. И он говорит: «Может, еще увидимся». Но мне не хотелось видеться с ним вновь, Фрэнни. Потому что его глаза говорили: он слишком долго смотрел в темноту и, возможно, даже начал что-то там различать. Думаю, если я когда-нибудь увижу этого Флэгга, его глаза будут такими же.

Стью покачал головой, они перевели велосипеды через дорогу и прислонили к стене дома.

— Я думал об этом, собирался купить несколько его пластинок, но не стал. Его голос... это хороший голос, но от него у меня по коже бегут мурашки.

— Стюарт, о *ком* ты говоришь?

— Помнишь рок-группу «Дорз»? В ту ночь на заправочную станцию в Арнетте заезжал Джим Моррисон. Я в этом уверен.

У нее от удивления вытянулось лицо.

— Но он умер! Умер во Франции! Он... — И тут она замолчала. Потому что о смерти Моррисона много чего писали. Словно с ней были связаны какие-то секреты. — Ты действительно так думаешь?

Они уже сидели на ступеньках у двери своего дома, плечом к плечу, как маленькие дети, ожидающие команды матери идти ужинать.

— Да, — ответил он. — Да, думаю. И до этого лета я всегда думал, что моя встреча с ним — самое необычное событие моей жизни. Ох, как же я ошибался!..

— И ты никому не говорил? — В голосе Фрэнни слышалось изумление. — Ты видел Моррисона через годы после его смерти — и никому не сказал?! Стюарт Редман, Богу следовало дать

тебе вместо рта кодовый замок перед тем, как посылать тебя в этот мир.

Стью улыбнулся:

— Видишь ли, годы катились, как пишут в книгах, и если я думал о той ночи — а я время от времени думал, — у меня крепла уверенность, что я все-таки ошибся. Просто видел человека, похожего на него. И перестал к этому возвращаться. Но в последние недели меня вновь стал мучить этот вопрос. И теперь я склоняюсь к тому, что это был Моррисон. Черт, да он, возможно, все еще жив. Отменная получилась бы шутка, правда?

— Если он жив, то здесь его нет, — отметила Фрэнни.

— Нет, — согласился Стью. — Я бы и не ожидал его появления здесь. Я видел его глаза.

Она положила руку ему на плечо.

— Та еще история.

— Да, и, вероятно, двадцать миллионов людей в этой стране могли бы рассказать такую же... только об Элвисе Пресли и Говарде Хьюзе.

— Уже нет.

— Да... уже нет. Гарольд сегодня дал прикурить, верно?

— Как я понимаю, это называется сменой темы.

— Я уверен, что ты права.

— Да, это точно.

Он улыбнулся озабоченности в ее голосе и морщинке, которая появилась на лбу.

— Тебя это тревожит, да?

— Да, но я не собираюсь об этом говорить. Теперь ты на стороне Гарольда.

— Ты несправедлива, Фрэн. Меня это тоже тревожит. Мы провели два предварительных заседания... вроде бы все обмусолили... во всяком случае, мы так думали... и тут приходит Гарольд. Пара слов здесь, пара слов там, и говорит: «Разве вы не это имели в виду?» А мы отвечаем: «Да, спасибо, Гарольд, разумеется, это». — Стью покачал головой. — Предложение проголосовать общим списком... Как вышло, что мы даже не подумали об этом, Фрэн? Идеальное же решение, а мы его *даже* не обсуждали.

— Никто из нас не знал наверняка, в каком они придут настроении. Я думала — особенно после ухода матушки Абагейл, —

что они будут мрачные, даже злые. Да еще этот Импенинг, каркающий, как какой-то ворон смерти...

— Любопытно, нельзя ли ему как-нибудь заткнуть рот? — задумчиво сказал Стью.

— Но ничего такого не было и в помине. Они так... ликовали только потому, что собрались вместе. Ты это почувствовал?

— Да, конечно.

— Все это напоминало проповедь... почти что. Я не думаю, что Гарольд это спланировал. Просто воспользовался моментом.

— Я просто не знаю, как к нему относиться, — признался Стью. — В тот вечер, после поисков матушки Абагейл, я действительно его жалел. Когда появились Ральф и Глен, он выглядел таким подавленным, казалось, может упасть в обморок или что-то такое. Но сейчас, когда мы уходили с лужайки и все его поздравляли, он раздулся, как жаба. Словно улыбался нам, а про себя думал: «Видите, чего стоит ваш комитет? Жалкая кучка идиотов!» Он напоминает те головоломки, с которыми ничего не получается. Вроде китайских ловушек для пальцев или трех металлических колец, которые можно разъединить, только разместив их определенным образом.

Фрэн вытянула ноги и посмотрела на них.

— Если уж речь зашла о Гарольде, ты не замечаешь чего-то необычного в моих ногах, Стюарт?

Стью задумчиво оглядел их.

— Нет. Разве что ты носишь эти забавные «земные» туфли* из магазина на нашей улице. А они, разумеется, такие большие...

Фрэн стукнула его.

— «Земные» туфли очень хороши для ног. Так говорят все популярные журналы. И у меня, чтоб ты знал, седьмой размер. Один из самых маленьких.

— А при чем тут твои ноги? Уже поздно, дорогая. — Стью встал, взялся за руль велосипеда. Она пристроилась рядом.

— Наверное, ни при чем. Просто Гарольд все время смотрел на них, когда после собрания мы сидели на траве и болтали. — Фрэнни покачала головой. Чуть нахмурилась. — И почему Гарольда Лаудера так заинтересовали мои ноги?

---

* «Земные» туфли — обувь необычной формы, изобретенная в 1970 г. датским дизайнером Анной Калсо. У такой обуви толстая подметка и низкий каблук.

* * *

Домой Ларри и Люси шли вдвоем, держась за руки. Лео свернул в тот дом, где жил с мамой Надин.

Когда они подходили к двери, Люси начала:

— Какое получилось собрание. Я никогда не думала... — Она не договорила, потому что темная фигура выступила из тени на их крыльце.

Ларри почувствовал, как внутри жарким огнем полыхнул страх. *Это он,* прострелила голову дикая мысль. *Он пришел, чтобы забрать меня... сейчас я увижу его лицо.*

И тут же удивился, как он только мог такое подумать, потому что с крыльца спустилась Надин Кросс в длинном платье из какого-то синевато-серого материала, с распущенными волосами, падающими на плечи и рассыпанными по спине, черными волосами с белоснежными прядями.

Рядом с ней Люси напоминает подержанную машину на автостоянке скупщика, подумал он, прежде чем успел глазом моргнуть, и возненавидел себя за это. Так всегда говорил прежний Ларри... прежний Ларри? С тем же успехом можно сказать, что так говорил старина Адам...

— Надин?.. — Голос Люси дрожал, она приложила руку к груди. — Как же ты меня напугала. Я подумала... ох, я даже не знаю, что подумала...

Надин на Люси и не посмотрела.

— Могу я поговорить с тобой? — спросила она Ларри.

— Что? Сейчас? — Он искоса глянул на Люси — или подумал, что глянул... потому что потом не мог вспомнить, как выглядела Люси в тот момент. Словно ее полностью накрыла тень, как при затмении.

— Сейчас. Именно сейчас.

— Слушай, утром...

— Сейчас, Ларри. Или никогда.

Он вновь посмотрел на Люси и теперь увидел ее, увидел смирение, написанное на ее лице, когда она переводила взгляд с Ларри на Надин и обратно. Увидел обиду.

— Я сейчас приду, Люси.

— Нет, ты не придешь, — мертвым голосом возразила она. Ее глаза заблестели от слез. — Нет, я в этом сомневаюсь.

— Десять минут.

— Десять минут, десять лет. Она пришла, чтобы забрать тебя. Ты принесла ошейник и намордник, Надин?

Для Надин Люси Суонн не существовало. Ее глаза не отрывались от Ларри, темные, широко расставленные глаза. Для Ларри они навсегда останутся самыми странными, самыми прекрасными глазами, которые он когда-либо видел, глазами, которые возвращаются к тебе, когда тебе больно, или у тебя большая беда, или ты, возможно, вот-вот сойдешь с ума от горя.

— Я приду, Люси, — машинально сказал он.

— Она...

— Иди.

— Да, пожалуй, пойду. Она пришла. Я свободна.

Люси взбежала по ступенькам, споткнулась на последней, устояла на ногах, распахнула дверь, с силой захлопнула ее за собой, заглушив звук рыданий в тот самый момент, когда они вырвались из груди.

Надин и Ларри долго смотрели друг на друга как зачарованные. «Именно так это бывает, — подумал он, — когда ты ловишь чей-то взгляд — и навсегда запоминаешь эти глаза, или когда на дальнем конце перрона подземки замечаешь человека, который выглядит твоим двойником, или когда слышишь на другой стороне улицы смех, неотличимый от смеха девушки, которая была у тебя первой...»

Но во рту вдруг появился горький привкус.

— Пройдемся до угла и обратно, — тихим голосом предложила Надин. — На это ты согласишься?

— Я лучше пойду к ней. Ты выбрала чертовски неудачное время, чтобы прийти сюда.

— Пожалуйста! Только до угла и обратно! Я встану на колени и буду умолять тебя, если хочешь. Вот! Видишь?

И, к его ужасу, она действительно опустилась на колени, приподняв юбку, чтобы это сделать, показав ему свои голые ноги, и он вдруг осознал, что под юбкой ничего нет. Почему он так решил? Ларри не знал. Она не сводила с него глаз, отчего голова у него пошла кругом и появилось тошнотворное осознание вовлеченности в происходящее какой-то неведомой силы, которая заставила ее встать перед ним на колени, чтобы ее рот оказался на одном уровне с...

— Встань! — хрипло рявкнул он. Схватил Надин за плечи и рывком поднял на ноги, стараясь не смотреть, как юбка вздернулась еще выше, прежде чем опуститься, однако заметив, что бедра у нее цвета сливок, белые, но не мертвенно-бледные, а крепкие, здоровые, притягательные. — Пошли, — добавил он, едва владея собой.

Они пошли на запад, в направлении гор, которые смутно угадывались в ночи — черные треугольники, закрывающие звезды, высыпавшие после дождя. Когда он шагал в темноте к этим горам, ему всегда становилось как-то не по себе, но возникало ощущение, что впереди его ждут какие-то приключения, а теперь, когда Надин шла рядом, чуть касаясь его локтя, эти чувства только обострились. Ему часто снились яркие сны, и три или четыре ночи назад приснились эти горы и живущие в них тролли, отвратительные существа с ярко-зелеными глазами, огромными головами гидроцефалов и могучими руками с короткими пальцами. Руками душителей. Идиотские тролли, охраняющие проходы в горах. Ожидающие, пока придет *его* время — время темного человека.

Легкий ветерок дул вдоль улицы, шелестя валяющейся на тротуарах и мостовой бумагой. Они миновали универсам. Несколько тележек, застывших на парковке, словно мертвые часовые, напомнили ему о тоннеле Линкольна. В тоннеле Линкольна его тоже поджидали тролли. Они умерли, но это вовсе не означало, что умерли все тролли в этом новом мире.

— Это сложно, — по-прежнему тихо сказала Надин. — Она все усложнила, потому что она права. Я хочу тебя сейчас. И я боюсь, что опоздала. Я хочу остаться здесь.

— Надин...

— *Нет!* — яростно оборвала она его. — Дай мне закончить. *Я хочу остаться здесь*, разве ты не можешь этого понять? И если мы будем вместе, я смогу это сделать. Ты — мой последний шанс. — У нее перехватило дыхание. — Джо уже ушел.

— Нет, не ушел. — Ларри чувствовал себя тупым, оцепенелым, ничего не понимающим. — Мы оставили его у твоего дома по пути к себе. Разве его там нет?

— Нет. Там есть мальчик по имени Лео Рокуэй, и он спит в своей кровати.

— Что ты...

— Послушай, — вновь оборвала его Надин. — Послушай меня, разве ты не умеешь слушать? Пока у меня был Джо, все было хорошо. Я могла... оставаться сильной, если возникала такая необходимость. Но теперь я ему больше не нужна. А мне необходимо, чтобы я была кому-то нужна.

— Ты нужна ему!

— Разумеется, — ответила она, и Ларри вновь ощутил испуг. Надин говорила не о Лео; он не знал, *о ком* она говорила. — Он нуждается во мне. Этого я и боюсь. Потому-то я и пришла к тебе. — Она заступила ему дорогу и подняла голову, вскинув подбородок. Он ощущал ее тайный чистый запах — и он хотел Надин. Но часть его рвалась к Люси. Та самая часть, без которой он никак не мог обойтись, если собирался жить в Боулдере. Если бы он позволил этой части уйти, а сам пошел с Надин, они могли с тем же успехом покинуть Боулдер. Жизнь в Боулдере для него бы закончилась. Восторжествовал бы прежний Ларри.

— Я должен идти домой, — ответил он. — Извини. Тебе придется справляться с этим самой, Надин.

Справляться с этим самой. Разве не эти слова в той или иной форме он говорил разным людям всю свою жизнь? Почему они прилипали к нему, когда он знал, что прав, почему не уходили, цеплялись за него, заставляя усомниться в собственной правоте?

— Давай займемся любовью. — Ее руки обвили его шею. Она прижалась к нему всем телом, и по его мягкости, теплоте и упругости Ларри понял, что не ошибся и под платьем у Надин действительно ничего нет.

«Под платьем она в чем мать родила», — подумал он, и эта мысль разом возбудила его.

— Все правильно, я тебя чувствую, — прошептала она и начала тереться об него, из стороны в сторону, вверх-вниз, вызывая сладостные ощущения. — Займись со мной любовью, и все закончится. Я спасусь. *Спасусь.* Я спасусь.

Ларри поднял руки — и потом так и не смог объяснить себе, как сумел устоять, когда имел возможность оказаться в ее теплоте тремя быстрыми движениями и одним толчком, чего она, собственно, от него и хотела, — но каким-то образом он поднял руки, высвободился из объятий Надин и оттолкнул ее с такой

силой, что она споткнулась и едва не упала. Долгий стон сорвался с ее губ.

— Ларри, если бы ты знал...

— Что ж, я не знаю. Почему бы тебе не попытаться объяснить мне, вместо того чтобы меня насиловать?

— Насиловать! — повторила она и пронзительно рассмеялась. — Это забавно! Ох, что ты сказал! Я! Насилую *тебя*! Ох, Ларри!

— Чего бы ты ни хотела от меня, ты могла это получить. На прошлой неделе или неделей раньше. Неделей раньше я бы упрашивал тебя взять это. Я хотел, чтобы ты это получила.

— Тогда было слишком рано, — прошептала она.

— А теперь слишком поздно. — Ему не нравился такой грубый тон, но он ничего не мог с собой поделать. Его все еще трясло от желания овладеть ею. — И что ты собираешься делать, а?

— Хорошо. Прощай, Ларри.

Она отворачивалась. Это была уже не просто Надин, отворачивающаяся от него навсегда. Это была и специалистка по гигиене рта. И Ивонн, с которой он снимал квартиру в Лос-Анджелесе, — она так разозлила его, что он просто надел туфли и ушел, оставив ее расплачиваться за аренду. И Рита Блейкмур.

И, хуже всего, его мать.

— Надин!..

Она не обернулась. Превратилась в черный силуэт, едва различимый среди других черных силуэтов. А потом и вовсе исчезла на темном фоне гор. Он позвал ее еще раз, но она не ответила. И что-то ужасное чувствовалось в том, как она оставила его, как слилась с этим черным фоном.

Он постоял перед универсамом, сжимая кулаки, с каплями пота, выступившими на лбу, несмотря на прохладный вечер. Все его призраки вернулись, и наконец-то он понял, как приходится расплачиваться за то, что ты никакой не хороший парень: у тебя никогда не будет уверенности в мотивах своих поступков, тебе никогда не определить, чего больше ты приносишь человеку, вреда или пользы, тебе никогда не избавиться от кислого привкуса сомнения во рту, и...

Он резко поднял голову. Его глаза широко раскрылись, а потом чуть не вылезли из орбит. Ветер набрал силу и жутковато завыл в каком-то пустом дверном проеме. А издалека, как показались Ларри, донесся стук каблуков, уходящих в ночь, стук стоп-

танных каблуков, раздающийся где-то в предгорьях, летящий на крыльях ледяного ночного ветра.

Запыленные каблуки отмеряли свой путь к могиле Запада.

Люси услышала, как он вошел, и ее сердце яростно забилось. Она велела ему умерить пыл, потому что Ларри мог вернуться за вещами, но сердце не сбавляло скорости. *Он выбрал меня!* Эта мысль стучала в мозгу, подгоняемая быстрыми ударами сердца. *Он выбрал меня...*

Несмотря на волнение и надежду, переполнявшие Люси, она неподвижно лежала на спине, ждала и смотрела в потолок. Она ведь сказала Ларри чистую правду, когда призналась, что у нее и таких девушек, как Джолин, был только один недостаток: каждой хотелось, чтобы ее любили. Но она всегда хранила верность своему мужчине. Ни с кем ему не изменяла. Никогда не изменяла мужу, никогда не изменяла Ларри, а если до того, как встретила их, не была монахиней... так прошлое — оно и есть прошлое. Нельзя вернуться назад и сделать все иначе. Такая привилегия, возможно, дается богам, но не мужчинам и женщинам, и скорее всего оно и к лучшему. Будь все наоборот, люди умирали бы от старости, все еще пытаясь переписать молодость.

Зная, что прошлое недоступно, ты, кажется, мог прощать.

Слезы струились по ее щекам.

Дверь открылась, и она увидела его — только силуэт.

— Люси! Ты не спишь?

— Нет.

— Могу я зажечь лампу?

— Если хочешь.

Она услышала шипение газа. А потом вспыхнул свет, и она увидела Ларри. Бледного и потрясенного.

— Я должен тебе кое-что сказать.

— Нет, не должен. Просто ложись в постель.

— Я должен это сказать. Я... — Он приложил руку ко лбу. Потом пробежался пальцами по волосам.

— Ларри! — Она села. — Ты в порядке?

Он заговорил, словно и не слышал ее, не глядя на нее:

— Я тебя люблю. Если ты меня хочешь, я твой. Но я не уверен, что тебе достанется много. Я — далеко не лучший выбор, Люси.

— Я готова рискнуть. Иди в постель.

Он пришел. И они слились друг с другом. А когда все закончилось, она сказала, что любит его, чистая правда, Господь свидетель. И похоже, именно это Ларри и хотел услышать, но Люси думала, что надолго он не заснул. В ту ночь она проснулась (или ей приснилось, что проснулась) и увидела Ларри, стоящего у окна, склонив голову, словно прислушиваясь, и свет и тень превратили его лицо в изможденную маску. Но при свете дня она все больше склонялась к мысли, что ей это приснилось; при свете дня он выглядел таким же, как и всегда.

А три дня спустя они узнали от Ральфа Брентнера, что Надин переехала к Гарольду Лаудеру. Лицо Ларри закаменело, но только на мгновение. И хотя Люси ругала себя за это, новости Ральфа позволили ей вздохнуть свободнее. Одной угрозой ее счастью стало меньше.

После встречи с Ларри она провела дома совсем немного времени. Вошла, направилась в гостиную, зажгла лампу. Высоко подняв ее, двинулась дальше, остановившись только на мгновение, чтобы заглянуть в комнату мальчика. Ей хотелось убедиться, что она сказала Ларри правду. Так и вышло.

Лео лежал среди смятых простыней в одних трусах... но царапины и порезы зажили, а во многих местах исчезли вовсе. И загар, который он приобрел, когда ходил практически голый, заметно сошел. «Но это еще не все», — подумала Надин. Изменилось и его лицо — она видела эти изменения, даже когда мальчик спал. Ушла свирепость нуждавшейся в опеке немоты. Он перестал быть Джо. На кровати лежал обычный мальчик, уставший после долгого дня.

Надин подумала о ночи, когда она заснула, а проснувшись, обнаружила, что Джо рядом нет. В Норт-Беруике, штат Мэн, на другом конце континента. Она последовала за ним к дому, на крыльце которого спал Ларри. Ларри спал на застекленном крыльце, Джо стоял рядом, яростно размахивая ножом, и разделяла их лишь тонкая сдвигаемая стеклянная перегородка. И она заставила Джо уйти.

Ненависть яркой вспышкой полыхнула в Надин, вышибая яркие искры, как при ударе кресала о кремень. Лампа Коулмана задрожала в ее руке, заставив тени пуститься в дикий пляс. Ей сле-

довало позволить ему довести дело до конца. Ей следовало самой открыть дверь на крыльцо, пустить его туда, чтобы он колол, и бил, и рвал, и выдирал, и уничтожал. Ей следовало...

Внезапно мальчик повернулся и застонал, словно просыпаясь. Его руки поднялись и принялись лупить воздух: он сражался во сне с чем-то темным. И Надин ушла, кровь стучала в ее висках. В мальчике оставалось что-то странное, и ей не понравилось то, что он сейчас сделал, будто прочитав ее мысли.

Она знала, что надо действовать. И действовать быстро.

Надин прошла в свою комнату. На полу лежал ковер. У стены стояла узкая кровать — кровать старой девы. И все. Только стены без единой картины. Комната, полностью лишенная личностных особенностей человека, который в ней жил. Она открыла дверь стенного шкафа и порылась в глубине, за висящей на плечиках одеждой. Теперь она стояла на коленях, вся в поту. Вытащила ярко раскрашенную коробку с фотоснимком смеющихся взрослых на лицевой стороне. Взрослых, играющих в настольную игру. И возраст этой игры составлял не менее трех тысяч лет.

Она нашла планшетку в магазине необычных товаров в центре города, но не решалась воспользоваться ею в доме, в присутствии мальчика. Собственно, вообще не решалась воспользоваться ею... до этого момента. Что-то потянуло ее в магазин, но когда она увидела планшетку в ярко раскрашенной коробке, в ней началась чудовищная борьба... та самая борьба, которую психологи называют «влечение/отвращение». Она тогда вспотела, как и сейчас, ее одновременно раздирали два желания: убежать из магазина, не оглядываясь, и схватить коробку, эту ужасающую веселенькую коробку, и унести домой. Последнее желание пугало ее больше всего, потому что она знала: это не ее желание.

И в конце концов она взяла коробку.

Произошло это четыре дня назад. Каждый вечер отвращение становилось все сильнее, и сегодня, наполовину обезумев от страхов, природы которых она не понимала, Надин пошла к Ларри, надев синевато-серое платье на голое тело. Пошла, чтобы положить конец этим страхам раз и навсегда. Сидя на крыльце, дожидаясь их возвращения после собрания, она точно знала, что наконец-то поступила правильно. Ее не оставляло ощущение, это слегка пьянящее, кружащее голову ощущение, что она вела себя не так, как следовало, с той самой ночи, когда убегала от парня по

отяжелевшей от росы траве. Только на этот раз парню предстояло поймать ее. Она намеревалась позволить ему поймать ее, чтобы поставить точку.

Но, поймав, он ее не захотел.

Надин встала, прижимая коробку к груди, и погасила лампу. Он презрел ее, и разве не говорят, что вся ярость ада — не чета женской ярости?.. Отвергнутая женщина сравнима с дьяволом... или его ставленником.

Она остановилась еще раз, чтобы взять большой фонарь со стола в прихожей. В глубине дома мальчик вскрикнул во сне, отчего она на мгновение застыла, а волосы на ее затылке встали дыбом.

Потом она вышла из дома.

Ее «веспа» стояла у тротуара, та самая «веспа», на которой несколько дней назад она ездила к дому Гарольда Лаудера. Почему она туда ездила? После приезда в Боулдер она не обменялась с ним и десятком слов. Но в этой неразберихе с планшеткой и ужасе перед снами, которые она продолжала видеть, тогда как остальные — нет, ей вдруг пришла в голову мысль, что она должна поговорить об этом с Гарольдом. И она помнила, что боялась этого внезапного желания, когда вставляла ключ в замок зажигания «веспы». Как и при стремлении взять планшетку («Удиви друзей! Разнообразь вечеринку!» — гласила надпись на коробке), у нее возникло ощущение, что эту идею ей подкинули со стороны. Возможно, идея принадлежала *ему*. Но когда она сдалась и приехала к Гарольду, того не оказалось дома. Она обнаружила, что дверь на замке — это была первая запертая дверь в Боулдере, — а окна занавешены и закрыты ставнями. Ей это понравилось, и она огорчилась из-за того, что Гарольда нет дома. Иначе он впустил бы ее в дом, а потом запер за ней дверь. Они могли бы пройти в гостиную и поговорить, или заняться любовью, или вдвоем сделать что-то неописуемое, и никто бы об этом не узнал.

Гарольд укрыл свой дом от посторонних глаз.

— Что со мной происходит? — прошептала она темноте, но темнота ей не ответила. Она завела «веспу», и устойчивый треск двигателя, казалось, осквернил ночь. Надин села на мотороллер и поехала. На запад.

Теперь, когда холодный ветер бил в лицо, она наконец-то почувствовала себя лучше. Ночной ветер сдувал паутину. Вы по-

нимаете, да? Когда тебя лишают всех вариантов, что ты делаешь? Выбираешь из оставшихся. Выбираешь темное приключение, что бы это для тебя ни значило. Ты позволяешь Ларри поиметь эту глупышку в обтягивающих зад джинсах, с убогим словарным запасом и знаниями, почерпнутыми исключительно из киножурналов. Ты выходишь за рамки. Ты рискуешь... тем, чем можешь.

По большей части рискуешь собой.

Шоссе разматывалось перед Надин в узком луче фонаря «вespы». Она переключилась на вторую передачу, когда дорога, Бейзлайн-роуд, пошла в темную гору. Пусть они проводят свои собрания. Их занимает восстановление подачи электроэнергии; ее любовника занимают мировые проблемы.

Двигатель «вespы» кряхтел и клокотал, но тем не менее работал. Жуткий и сексуальный страх начал захватывать ее, вибрация сиденья привела к пожару в нижней части живота (*Ох, да ты возбудилась, Надин*, добродушно подумала она. *Дрянная, дрянная, ДРЯННАЯ девчонка*). Справа тянулся отвесный склон. Там ее могла ждать только смерть. А наверху? Что ж, она это увидит. Слишком поздно поворачивать назад, и с этой мыслью она ощутила полную и сладостную свободу.

Часом позже она уже прибыла в Рассветный амфитеатр, хотя до восхода солнца оставалось еще три часа, если не больше. Амфитеатр располагался у самой вершины Флагштоковой горы, и чуть ли не все жители Свободной зоны побывали на здешней обзорной площадке вскоре после прибытия в Боулдер. В ясный день — а их в Боулдере было большинство, во всяком случае, летом — с площадки открывался вид и на сам Боулдер, и на автостраду 25, уходящую на юг к Денверу и в Нью-Мехико, граница которого находилась в двухстах милях. На востоке равнина тянулась к Небраске, но сначала Боулдер-Каньон, словно ножевая рана, рассекал предгорья, заросшие соснами и елями. Летом планеры, словно птицы, летали над Рассветным амфитеатром, парили в теплых восходящих потоках воздуха.

Теперь же Надин видела только то, что открывал свет ручного фонаря с шестью батарейками, который она положила на столик для пикника рядом с краем обзорной площадки. Тут же лежал и большой альбом для рисования, на чистой странице стояла

планшетка, напоминавшая треугольного паука. Из ее брюха, как паучье жало, торчал карандаш, едва касающийся листа бумаги.

Возбуждение Надин в равной степени было вызвано и эйфорией, и ужасом. Поднявшись сюда на кашляющей «веспе», определенно не предназначенной для поездок на такой высоте, она испытала то же самое, что Гарольд — в Нидерланде. Она почувствовала *его*. Но если Гарольд воспринимал все это с материалистической точки зрения, представлял себя куском железа, который *притягивается* магнитом, то Надин происходящее казалось мистическим событием, переходом границы. Словно эти горы и даже предгорья являлись ничейной землей между двумя сферами влияния: Флэгга на западе и старухи на востоке. Здесь сталкивались две магии, перемешивались, и смесь эта не принадлежала ни Богу, ни Сатане, будучи чистым язычеством. Надин чувствовала, что попала туда, где живут призраки.

И планшетка...

Она небрежно отбросила ярко раскрашенную коробку с надписью «СДЕЛАНО НА ТАЙВАНЕ», отдав ее на растерзание ветру. Сама планшетка представляла собой дешевую штамповку из оргалита или гипсокартона, но значения это не имело. Этим инструментом Надин намеревалась воспользоваться только один раз — *решилась* бы воспользоваться только один раз, — а даже плохой инструмент мог сделать то, для чего предназначался: взломать дверь, открыть окно, написать Имя.

Она вспомнила надпись на лицевой стороне коробки: *Удиви друзей! Разнообразь вечеринку!*

Какую песню иногда пел Ларри, сидя за рулем мчащейся по шоссе «хонды»? *Привет, Центральная, что там у вас со связью, поговорить хочу я с...**

Поговорить с кем? Но в этом-то и состоит вопрос, верно?

Она помнила, как пользовалась планшеткой в колледже. Прошло больше десяти лет... а кажется, что это было вчера. Она пошла на третий этаж общежития, чтобы спросить у одной девушки, Рейчел Тиммс, когда начинаются дополнительные занятия по чтению, на которые они вместе ходили. В комнату набились девицы, штук шесть — восемь. Все смеялись и хихикали. Надин

* Строки из песни «Безумно влюбленный» американской группы «Лавин спунфул».

помнила, что у нее сложилось впечатление, будто они обкурились или даже чем-то закинулись.

— Перестаньте! — воскликнула Рейчел, сама не в силах сдержать смех. — Разве можно надеяться, что дух выйдет на связь, если вы ведете себя, как стадо ослов?

Сравнение со смеющимися ослами привело к тому, что стены задрожали от звонкого девичьего смеха. Планшетка уже стояла на столе, как и сейчас, треугольный паук на трех коротких лапках, с нацеленным вниз карандашом. Пока они смеялись, Надин взяла несколько вырванных из альбома для рисования листов и просмотрела «послания из астральной плоскости», полученные ранее.

Томми говорит ты вновь стала пользоваться клубничной спринцовкой.

Мама говорит у нее все хорошо.

Чанга! Чанга!

Джон говорит ты не будешь так сильно пердеть если перестанешь есть эти БОБЫ В КАФЕТЕРИИ.

И прочие, такие же глупые.

Теперь смешки поутихли, и они продолжили прежнее занятие. Три девушки сидели на кровати, каждая держалась пальцами за одну сторону планшетки. Сначала ничего не происходило. Потом планшетка затряслась.

— Это твоя работа, Сэнди! — обвинила Рейчел одну из девушек.

— Я ничего не делала!

— *Ш-ш-ш!*

Планшетка снова затряслась, и девушки притихли. Она двинулась, остановилась. Снова двинулась.

Нарисовала букву «О».

— Ох, — выдохнула девушка, которую звали Сэнди.

— И ах, — откликнулся кто-то еще, и все вновь захихикали.

Планшетка ускорила ход, быстро вывела «Т», «Е» и «Ц».

— Папуля, дорогой, твоя крошка здесь! — проворковала Патти — фамилию Надин вспомнить не могла — и засмеялась. — Должно быть, мой отец. Он умер от инфаркта, когда мне было три года.

— Она вновь пишет, — сказала Сэнди.

Планшетка вывела: «Г», «О», «В», «О», «Р», «И», «Т».

— Что происходит? — спросила Надин у высокой девушки с лошадиным лицом, которую не знала. Та сидела, сунув руки в карманы, с написанным на лице отвращением.

— Девчонки затеяли игру с тем, чего не понимают, — ответила девушка с лошадиным лицом едва слышным шепотом. — *Вот что* происходит.

— «ОТЕЦ ГОВОРИТ ПАТТИ», — прочитала Сэнди. — Пэт, это действительно твой дорогой папуля.

Опять взрыв смеха.

Девушка с лошадиным лицом носила очки. Теперь она вытащила руку из кармана комбинезона и сняла их. Начала протирать стекла и продолжила объяснение по-прежнему шепотом:

— Планшетка — это инструмент, который используется экстрасенсами и медиумами. Биомеханики...

— Какие механики?

— Ученые, которые изучают движение и взаимодействие мышц и нервов.

— Понятно.

— Они утверждают, что планшетка на самом деле реагирует на микроскопические сокращения мышц, вызываемые скорее подсознанием, чем сознанием. Разумеется, медиумы и экстрасенсы заявляют, что планшетка управляется существами из мира духов...

Раздался еще один взрыв истерического хохота: сгрудившиеся у планшетки девицы веселились от души. Надин заглянула через плечо девушки с лошадиным лицом и прочитала новое послание: «ОТЕЦ ГОВОРИТ ПАТТИ ДОЛЖНА ПЕРЕСТАТЬ ХОДИТЬ».

— ...так часто в ванную, — добавила одна из девушек, понятное дело, вызвав смех.

— В любом случае они просто дурачатся. — Девушка с лошадиным лицом пренебрежительно фыркнула. — Это опрометчиво. И медиумы, и ученые сходятся в том, что такая автоматическая писанина может быть опасной.

— Ты думаешь, сегодня духи враждебны?

— Возможно, духи *всегда* враждебны, — ответила девушка с лошадиным лицом, пристально глянув на Надин. — Или ты можешь получить от подсознания послание, которое не готова принять. Известны документально подтвержденные случаи, когда ав-

томатическое письмо полностью выходило из-под контроля, знаешь ли. Люди сходили с ума.

— Мне кажется, тут многое притянуто за уши. Это всего лишь игра.

— У игр есть свойство иногда становиться серьезными.

Самый громкий взрыв смеха совпал с последним словом девушки с лошадиным лицом, так что Надин не успела ответить. Патти как-ее-там свалилась с кровати на пол, держась за живот и подергивая ногами. Надин прочитала все послание: «ОТЕЦ ГОВОРИТ ПАТТИ ДОЛЖНА ПЕРЕСТАТЬ ХОДИТЬ НА ГОНКИ СУБМАРИН С ЛЕОНАРДОМ КАЦЕМ».

— Это сделала ты! — обвинила Патти Сэнди, когда сумела подняться.

— Нет, Патти! Честное слово!

— Это был твой отец! Из Великого Запределья! Оттуда! — сказала Патти другая девушка голосом Бориса Карлоффа, по мнению Надин, сымитировав его очень даже неплохо. — Помни, что он наблюдает за тобой, когда в следующий раз будешь снимать трусы на заднем сиденье «доджа» Леонарда.

Конечно же, за этой тирадой последовал общий гогот. Пока он стихал, Надин протолкнулась вперед и дернула Рейчел за руку. Хотела спросить про время дополнительных занятий и сразу уйти.

— Надин! — воскликнула Рейчел. Ее глаза весело блестели, а на щеках расцвели пунцовые розы. — Присядь, давай посмотрим, может, духи и тебе что-нибудь напишут!

— Нет, я пришла только для того, чтобы узнать, когда завтра начнутся дополнительные занятия...

— Да наплюй ты на дополнительное чтение! *Это* важно, Надин! Это круто! Ты должна попробовать. Давай присаживайся рядом со мной. Джейни, ты берись с другой стороны.

Джейни села напротив Надин, и после повторных уговоров Рейчел Надин обнаружила, что восемь ее пальцев легонько касаются планшетки. По какой-то причине она оглянулась, чтобы посмотреть на девушку с лошадиным лицом. Та качнула головой, показывая, что этого не нужно делать, и линзы ее очков блеснули под светом потолочных флуоресцентных ламп.

Тогда Надин охватил страх, она помнила об этом и теперь, в свете ручного фонарика на шести батарейках глядя сверху вниз на другую планшетку, но на ум пришла фраза, которую она уже

произносила в разговоре с девушкой с лошадиным лицом: «Это всего лишь игра», — да и что ужасного могло случиться в компании смеющихся девушек? Надин просто не могла представить более неподходящей атмосферы для вызова духов, враждебных или нет.

— Всем успокоиться, — скомандовала Рейчел. — Духи, хотите ли вы что-то сказать нашей сестре и сокурснице Надин Кросс?

Планшетка не двинулась с места. Надин ощутила легкое разочарование.

Последовали смешки.

— Ш-ш-ш-ш! — оборвала их Рейчел.

Надин решила, что если ни одна из двух других девушек не начнет двигать планшетку, чтобы та написала для нее какое-нибудь глупое послание, она сделает это сама, но ограничится чем-то коротким, вроде «КЫШ», чтобы получить от Рейчел нужную ей информацию и сразу уйти.

И в тот самый момент, когда она собиралась это сделать, планшетка резко дернулась под ее пальцами. Карандаш оставил черную диагональную полосу на чистом листе бумаги.

— Эй! Нельзя так дергаться, духи! — В голосе Рейчел послышалась легкая тревога. — Твоя работа, Надин?

— Нет.

— Джейни?

— Нет. Честное слово.

Планшетка дернулась снова, чуть не вырвавшись из их пальцев, и заскользила к верхнему левому углу листа бумаги.

— Ух ты! — воскликнула Надин. — Вы почувствовали?..

Они почувствовали, почувствовали все, хотя ни Рейчел, ни Джейн Фаргуд потом с ней об этом не говорили. И после того вечера она перестала быть желанной гостьей в комнатах обеих девушек. Словно они боялись сближаться с ней.

Внезапно планшетка начала вибрировать под их пальцами, будто превратилась в крыло автомобиля с работающим на холостых оборотах двигателем. Эта устойчивая вибрация вызывала тревогу. Если бы ее вызывала одна из девушек, остальные обязательно заметили бы.

Все притихли. На лицах появилось особенное выражение, свойственное людям, участвующим в спиритическом сеансе, ког-

да происходит что-то из ряда вон выходящее: начинает трястись стол, или костяшки невидимых пальцев стучат по стене, или из ноздрей медиума начинает идти дымно-серая телеплазма. Это мертвенно-бледное выражение ожидания, когда одновременно хочется, чтобы начавшееся и прекратилось, и продолжалось. Это выражение вызывающего ужас, тревожного волнения... и когда оно появляется, человеческое лицо напоминает череп, который всегда прячется недалеко под нашей кожей.

— Прекратите! — внезапно выкрикнула девушка с лошадиным лицом. — Немедленно прекратите, а не то пожалеете!

И Джейн Фаргуд в страхе взвизгнула:

— *Я не могу оторвать пальцы!*

Еще кто-то вскрикнул. И в тот самый момент Надин осознала, что и ее пальцы словно приклеились к планшетке. Мышцы рук напряглись, чтобы поднять подушечки пальцев, но они оставались на прежнем месте.

— Ладно, шутки кончились! — В напряженном голосе Рейчел звучал испуг. — Кто...

Внезапно планшетка начала писать.

Задвигалась с огромной скоростью, таская за собой их пальцы, заставляя сгибаться и разгибаться руки, и, наверное, это выглядело бы смешно, если бы не беспомощность, написанная на лицах всех трех девушек, ставших добычей неведомой силы. Потом Надин думала, что ее руки словно привязали к какому-то тренажеру. Если раньше кривые и неровные буквы напоминали почерк семилетнего ребенка, то теперь они ровными рядами выстраивались на бумаге: большие, чуть наклоненные заглавные буквы строчка за строчкой появлялись на белом листе, и в этом процессе ощущалось что-то безжалостное и злобное.

«НАДИН НАДИН НАДИН, — писала планшетка, — КАК Я ЛЮБЛЮ НАДИН БУДЬ МОЕЙ НАДИН БУДЬ МОЕЙ ЛЮБОВЬЮ БУДЬ МОЕЙ КОРОЛЕВОЙ ЕСЛИ ТЫ ЕСЛИ ТЫ ЕСЛИ ТЫ НЕВИННА ДЛЯ МЕНЯ ЕСЛИ ТЫ ЧИСТА ДЛЯ МЕНЯ ЕСЛИ ТЫ ЕСЛИ ТЫ МЕРТВА ДЛЯ МЕНЯ МЕРТВА ДЛЯ МЕНЯ ТЫ...»

Планшетка поворачивалась, спешила к началу следующей строки, заполняла ее:

«ТЫ МЕРТВА КАК И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ТЫ В КНИГЕ МЕРТВЫХ ВМЕСТЕ С ОСТАЛЬНЫМИ НАДИН УМРЕТ

ВМЕСТЕ С НИМИ НАДИН СГНИЕТ ВМЕСТЕ С НИМИ ЕСЛИ ТОЛЬКО ЕСЛИ ТОЛЬКО...»

Планшетка остановилась, вибрируя. Надин думала, надеялась — и как же она надеялась, — что все закончено, но тут планшетка поспешила к краю листа и вновь начала писать. Джейн жалобно кричала. Рты остальных девушек превратились в бледные «О» изумления и ужаса.

«МИР МИР СКОРО МИР УМРЕТ И МЫ МЫ МЫ НАДИН НАДИН Я Я Я МЫ МЫ МЫ МЫ...»

Теперь буквы, казалось, вопили с бумажного листа:

«МЫ В ДОМЕ МЕРТВЫХ НАДИН».

Последнее слово планшетка выписала буквами в дюйм высотой, затем сорвалась с доски, оставив за собой резкую черную полосу. Упала на пол и раскололась надвое.

На мгновение в комнате повисла тишина — от шока никто не мог ни шевельнуться, ни вдохнуть, — а потом Джейн Фаргуд разразилась истерическими рыданиями. Закончилось все тем, что в комнату заглянула старшая по общежитию, чтобы узнать, в чем дело, и, насколько помнила Надин, уже собралась вызвать «скорую», но Джейн удалось взять себя в руки.

Все это время Рейчел Тиммс сидела на кровати, тихая и бледная. Когда старшая по общежитию и большинство девушек (включая девушку с лошадиным лицом, которая, несомненно, прочувствовала, что в своем отечестве пророки не в почете) ушли, она спросила Надин бесстрастным, чужим голосом:

— Кто это был, Надин?

— Я не знаю, — ответила Надин. Она не имела ни малейшего представления. Тогда не имела.

— Ты не узнала почерк?

— Нет.

— Что ж, тогда, возможно, будет лучше, если ты заберешь это... это послание из Запределья или откуда там оно явилось... и уйдешь к себе.

— Ты сама просила меня взяться за планшетку! — напомнила Надин. — Откуда я могла знать, что... что такое может случиться? Я сделала это лишь потому, что ты попросила меня!

Рейчел покраснела; она даже извинилась. Но потом Надин практически не виделась с этой девушкой, хотя первые три семестра ей казалось, что более близкой подруги у нее нет.

С тех пор — за исключением сегодняшнего вечера — она никогда не прикасалась к этим треугольным паукам, изготовленным из прессованного гипсокартона.

Но пришла пора... вновь склониться над ней, верно?

С гулко бьющимся сердцем Надин села на скамью у столика для пикника и прижала пальцы к двум из трех сторон планшетки. Почувствовала, как та почти сразу завибрировала под подушечками пальцев, и вновь подумала об автомобиле с работающим на холостых оборотах двигателем. Но кто сидел за рулем? Кем он был *на самом деле*? Кто влез в кабину, захлопнул дверь и положил на руль почерневшие от солнца руки? Чья нога, грубая и тяжелая, в старом и пыльном ковбойском сапоге, нажмет на педаль газа и увезет ее... куда?

Водитель, куда вы нас везете?

Не надеясь на помощь, Надин глубокой ночью сидела на скамье на склоне Флагштоковой горы, как никогда остро чувствуя, что находится на перепутье. Она смотрела на восток, но чувствовала *его* присутствие позади себя, наваливающееся ей на спину, утаскивающее вниз, как гири, привязанные к ногам мертвой женщины: темное присутствие Флэгга, накатывающее мерными, неотвратимыми волнами.

Где-то темный человек ждал в ночи, и она произнесла два слова, как заклинание всем черным духам — заклинание и приглашение:

— Скажи мне.

И под ее пальцами планшетка начала писать.

Глава 54

Выдержки из протокола заседания
комитета Свободной зоны
19 августа 1990 г.

Это совещание проводилось в квартире Стью Редмана и Фрэн Голдсмит. Присутствовали все члены комитета Свободной зоны.

Стью Редман поздравил всех, включая и себя, с избранием в постоянный комитет. Внес предложение составить и направить

благодарственное письмо Гарольду Лаудеру за подписью всех членов комитета. Его приняли единогласно.

С т ь ю. Прежде чем мы начнем работу, Глен Бейтман хочет высказаться по двум вопросам. О чем именно пойдет речь, я знаю не больше вашего, но подозреваю, что один из них затронет следующее общее собрание. Правильно, Глен?

Г л е н. Я дождусь своей очереди.

С т ь ю. В этом ты весь. Главное отличие между старым пьяницей и старым лысым профессором колледжа состоит в том, что профессор дожидается своей очереди, прежде чем начинает заговаривать уши.

Г л е н. Премного благодарен тебе за эти жемчужины мудрости, Восточный Техас.

Фрэн не замедлила отметить, что, очевидно, Стью и Глену эта пикировка очень даже нравится, но ей хочется знать, когда они перейдут к делу, потому что все ее любимые телепередачи начинаются в девять. Последняя фраза удостоилась более громкого смеха, чем, возможно, заслуживала.

Первым действительно серьезным вопросом обсуждения стали разведчики, которых предполагалось отправить на запад. Ранее комитет решил просить об этом Судью Ферриса, Тома Каллена и Дейну Джергенс. Стью предположил, что выдвинувшие их люди должны ввести их в курс дела: Ларри Андервуд должен поговорить с Судьей Феррисом, Ник (с помощью Ральфа Брентнера) — с Томом, а Сью — с Дейной.

Ник отметил, что работа с Томом может занять несколько дней, и Стью сказал, что самое время обсудить, когда их посылать. Ларри заметил, что не стоит посылать их всех вместе, потому что так их могут вместе и поймать. Он добавил, что, по его мнению, Судья и Дейна заподозрят, что мы посылаем не одного шпиона, но если не называть имен, они ни о ком не смогут проболтаться. Фрэнни отметила, что «проболтаться» — неудачное слово, учитывая, что человек с запада может с ними сделать... при условии, что он человек.

Г л е н. На твоем месте я бы не смотрел на вещи так мрачно, Фрэн. Если мы исходим из того, что наш Противник обладает хоть толикой ума, он сообразит, что мы не сообщим нашим... агентам, пожалуй, их можно так называть... никакой информации, жиз-

ненно важной для его интересов. Он поймет, что пытки не принесут желаемого результата.

Ф р э н. Ты хочешь сказать, что он погладит их по головке и скажет, что этого делать нельзя? Мне представляется, он может пытать их хотя бы потому, что ему *нравится* пытать людей. Что ты на это скажешь?

Г л е н. Боюсь, сказать мне на это нечего.

С т ь ю. Решение принято, Фрэн. Мы все понимаем, что даем людям очень опасное поручение, и мы все знаем, как непросто было его принять.

Глен предложил следующие предварительные сроки: Судья уходит двадцать шестого, Дейна — двадцать седьмого, Том — двадцать восьмого; никто не знает об остальных, и уходят они по разным дорогам. Тем самым, добавил он, выкраивается время для работы с Томом.

Ник добавил, что за исключением Тома, который получит постгипнотическую установку на время возвращения, другим надо сказать, что они вольны в выборе и должны действовать по обстановке, но решающим фактором может оказаться погода: в первую неделю октября в горах возможны сильные снегопады. Ник предложил рекомендовать им ограничить пребывание на западе тремя неделями.

Фрэн сказала, что они могут взять южнее, если снег выпадет рано, но Ларри не согласился, заметив, что тогда у них на пути окажется Сангре-де-Кристо, и обходить этот хребет придется уже по территории Мексики.

Ларри также сказал, что с учетом погодных условий и возраста они должны отправить Судью пораньше. Скажем, 21 августа, то есть послезавтра.

На том и закрыли тему разведчиков... или шпионов.

Глен попросил слова, и далее идет распечатка магнитофонной записи.

Г л е н. Я хочу внести предложение о созыве еще одного общего собрания двадцать пятого августа и обозначу несколько вопросов, которые мы могли бы на него вынести. Прежде всего хочу указать на то, что вас, возможно, удивит. Мы предполагали, что в Зоне примерно шестьсот человек. Ральф абсолютно точно подсчитывал численность больших групп, которые приходили сюда, и мы основывали наши представления о населении Зоны на этих

цифрах. Но люди приходили и по одному, и мелкими группами, до десяти человек в день. Поэтому сегодня мы с Лео Рокуэем заглянули в конференц-зал в парке Чатокуа и подсчитали число сидений. Шестьсот семь. Вам это что-нибудь говорит?

Сью Штерн ответила, что быть такого не может, потому что люди, которым не хватило места, стояли в конце зала и сидели в проходах. Тут все поняли, к чему клонит Глен, и, надо отметить, на членов комитета это произвело должное впечатление.

Глен. Мы не можем точно подсчитать, сколько людей сидело в проходах и стояло за креслами, но если меня не подводит память, я бы сказал, что человек сто как самый-самый минимум. То есть в Зоне сейчас более семисот человек. Исходя из наших с Лео находок я вношу предложение о создании переписной комиссии.

Ральф. Будь я проклят! Это моя ошибка.

Глен. Нет, твоей вины в этом нет. У тебя полно обязанностей, Ральф, и ты со всеми блестяще справляешься...

Ларри. Не то слово.

Глен. Но даже если каждый день будут приходить четверо одиночек, за неделю прибавка составит почти тридцать человек. Я предполагаю, что еженедельно таких набирается двенадцать — четырнадцать. Они не бегут к нам, чтобы объявить о своем прибытии, знаете ли, а с уходом матушки Абагейл мы не можем должным образом пересчитывать и большие группы, когда они прибывают в город.

Фрэн Голдсмит поддержала предложение Глена о включении вопроса о создании переписной комиссии в повестку дня следующего собрания, намеченного на 25 августа, с тем чтобы означенная комиссия вела учет всех жителей Свободной зоны.

Ларри. Я целиком за, если создание комиссии принесет какую-то практическую пользу. Но...

Ник. Что, Ларри?

Ларри. Ну... разве у нас мало дел, чтобы сажать себе на голову еще и кучку гребаных бюрократов?

Фрэн. Ларри, одну причину для создания такой комиссии я могу назвать прямо сейчас.

Ларри. И какую же?

Фрэн. Если Глен прав, нам придется подыскивать для следующего собрания более просторное помещение. Это одно. Если

к двадцать пятому нас будет восемьсот человек, нам никогда не втиснуть их в «Чатокуа-холл».

Р а л ь ф. Господи, я об этом даже не подумал. Я же говорил вам, что не подхожу для этой работы.

С т ь ю. Расслабься, Ральф, ты справляешься.

С ь ю. Так где нам проводить это гребаное собрание?

Г л е н. Минутку, минутку. Всему свое время. На гребаное голосование поставлено гребаное предложение.

Комитет единогласно проголосовал за внесение вопроса о создании переписной комиссии в повестку дня следующего общего собрания.

Потом Стью предложил провести собрание 25 августа в аудитории Мунцингера в Колорадском университете, которая вмещает более тысячи человек.

Глен попросил и вновь получил слово.

Г л е н. Прежде чем мы двинемся дальше, я хочу назвать еще одну причину создания переписной комиссии, более серьезную, чем определение количества бутылок пива и пакетов чипсов, которые нужно принести на вечеринку. Нам нужно знать, кто приходит... но мы должны также знать, кто уходит. Я думаю, люди уходят, знаете ли. Можете считать, что это паранойя, но есть лица, которые я привык видеть на улицах Боулдера, а теперь не вижу. К примеру, после посещения «Чатокуа-холла» мы с Лео отправились в дом Чарли Импенинга. И знаете что? Дом пуст. Вещей Чарли нет, как и его мотоцикла.

Возмущенным крикам членов комитета, в том числе и ругательствам, пусть очень колоритным, в этой выписке места нет.

Ральф спросил: а какой для нас прок в том, что мы будем знать, кто уезжает? Он отметил, что для нас это только плюс, если такие люди, как Импенинг, уедут к темному человеку. Несколько членов комитета поаплодировали Ральфу, и он покраснел, как школьник.

С ь ю. Кажется, я понимаю, о чем говорит Глен. Будет идти постоянная утечка информации.

Р а л ь ф. А что мы можем сделать? Посадить их в тюрьму?

Г л е н. Как ни отвратительно это звучит, я думаю, мы должны очень серьезно рассмотреть этот вопрос.

Ф р э н. Нет, сэр. Посылать шпионов... это я могу пережить. Но отправлять за решетку пришедших сюда людей только пото-

му, что им не нравится, как мы здесь живем? Господи, Глен! Это уже тянет на работу тайной полиции!

Г л е н. Да, речь в принципе об этом. Но наше положение очень шаткое. Твоими стараниями мне приходится отстаивать репрессии, и я думаю, это несправедливо. Ты хочешь допустить, чтобы утечка мозгов продолжалась, несмотря на Противника?

Ф р э н. Все равно мне это противно. В пятидесятых у Джо Маккарти были коммунисты. А у нас есть темный человек. Вот невезуха.

Г л е н. Фрэн, ты готова рискнуть тем, что кто-то уйдет отсюда с ключевой информацией в кармане? К примеру, о том, что матушка Абагейл покинула нас?

Ф р э н. Чарли Импенинг может ему это сказать. Какая еще ключевая информация у нас есть, Глен? По большей части мы сами не знаем, что нам делать.

Г л е н. Ты хочешь, чтобы он знал, сколько нас? Какие у нас инженеры? Что у нас до сих пор нет ни одного врача?

Фрэн ответила, что лучше уж так, чем начинать сажать в тюрьму людей, которым не нравятся наши порядки. Стью внес предложение прекратить обсуждение самой возможности сажать в тюрьму людей, которые придерживаются иных взглядов. Предложение прошло, хотя Глен проголосовал против.

Г л е н. Вам лучше свыкнуться с мыслью, что рано или поздно нам придется с этим столкнуться, и скорее рано, чем поздно. Чарли Импенинг сейчас выбалтывает Флэггу все, что знает, и это плохо. Просто задайте себе вопрос, хотите ли вы умножить то, что известно Импенингу, на некий икс-фактор. Ладно, не важно, вы проголосовали за то, чтобы не обсуждать это. Но есть и еще один момент... нас выбрали на неопределенный срок, кто-нибудь из вас об этом подумал? Мы не знаем, сколько нам придется работать в этом комитете, шесть недель, или шесть месяцев, или шесть лет. Мое предположение — один год... за это время мы должны подойти к концу начала, пользуясь фразой Гарольда. Я бы хотел, чтобы вопрос о годичном сроке вошел в повестку дня следующего собрания. Еще один момент, и я закончу. Правительство в форме городского собрания, а у нас именно такое, с выборными членами городского совета, какое-то время может нормально функционировать, но лишь до тех пор, пока нас не станет больше трех ты-

сяч, после чего процесс станет неуправляемым. Большинство людей, приходящих на городские собрания, будут принадлежать к разным группам: кто-то начнет с пеной у рта отстаивать свою точку зрения, готовый довести дело до драки... кто-то будет утверждать, что фторирование воды делает нас бесплодными, кто-то захочет другой флаг, и тому подобное. Мое предложение: мы все должны крепко подумать о том, чтобы следующей зимой или ранней весной превратить Боулдер в республику.

Последнее предложение вызвало неформальную дискуссию, но никаких конкретных действий решили не предпринимать. Ник попросил и получил слово и отдал Ральфу листок.

Н и к. Я пишу это утром девятнадцатого, готовясь к вечернему заседанию, и попрошу все зачитать в самом конце. Быть глухонемым иногда очень трудно, но я постарался продумать все последствия того, что собираюсь предложить. Я бы хотел, чтобы в повестку дня следующего общего собрания внесли пункт: «Выяснить, согласится ли Свободная зона на создание Департамента закона и порядка во главе со Стью Редманом».

С т ь ю. Хорошенькую ты взваливаешь на меня ношу, Ник.

Г л е н. Интересно. Особенно в свете того, о чем мы недавно говорили. Пусть он закончит, Стюарт, у тебя еще будет возможность высказаться.

Н и к. Штаб-квартира Департамента закона и порядка расположится в здании окружного суда Боулдера. Стью получит право своей властью набрать тридцать человек, увеличивать численность Департамента свыше тридцати человек по решению большинства Совета Свободной зоны и свыше семидесяти по решению большинства общего собрания Свободной зоны. Этот вопрос я хочу видеть в повестке дня следующего собрания. Разумеется, мы можем все это одобрять, пока не посинеем, но толку не будет, если Стью не согласится возглавить департамент.

С т ь ю. Чертовски верно подмечено!

Н и к. Нас становится слишком много, и нам действительно требуется какое-то подобие закона. Иначе расцветет безответственность. Взять хотя бы этого Джеринджера, который носился по Жемчужной улице на спортивном автомобиле. В конце концов он во что-то врезался, и ему еще повезло, что он отделался только рваной раной на лбу. Мог бы погибнуть сам или убить ко-

го-то еще. А ведь все, кто видел, что он делает, понимали, что ни к чему хорошему это не приведет. Беда, как сказал бы Том. Но никто не посчитал возможным его остановить, потому что просто не имел на это права. Это первое. А еще есть Рич Моффэт. Возможно, кто-то из вас знает, кто такой Рич, а для тех, кто не знает, скажу, что он, вероятно, единственный действующий алкоголик Свободной зоны. Он более-менее нормальный парень, когда трезв, но когда пьян, не соображает, что делает, а пьян он большую часть времени. Три или четыре дня тому назад он набрался и решил, что выбьет все стекла на Арапахоу. Я поговорил с ним, когда он протрезвел — моим способом говорить, с помощью записок, — и ему стало стыдно. Он указывал на разбитые окна и говорил: «Посмотрите на это. Посмотрите, что я наделал. Весь тротуар в битом стекле! А если какой-нибудь ребенок упадет и порежется? Это будет моя вина».

Р а л ь ф. Нет у меня к нему жалости. Нет.

Ф р э н. Перестань, Ральф. Все знают, что алкоголизм — болезнь.

Р а л ь ф. Болезнь, как же! Безобразие, вот что это такое.

С т ь ю. А вы двое нарушаете ход собрания. Попрошу обоих замолчать.

Р а л ь ф. Извини, Стью, но я должен дочитать послание Ника.

Ф р э н. А я буду молчать целых две минуты. Даю слово.

Н и к. Короче, я нашел Ричу щетку, и он смел большую часть осколков. Очень даже хорошо потрудился. Но сначала задал правильный вопрос: а почему его никто не остановил? В прежние дни такого, как Рич, и близко бы не подпустили к крепким напиткам. Он мог рассчитывать только на вино. Но здесь огромное количество спиртного, и его так легко взять с полок. Я действительно верю, что Рича могли бы остановить после того, как он разбил второе окно, но он разбил все окна в трех кварталах на южной стороне. И остановился только потому, что устал. Еще один пример: у нас есть мужчина, его фамилии я называть не стану, который узнал, что его женщина, ее я тоже не назову, провела вторую половину дня, кувыркаясь под одеялом с другим мужчиной. Полагаю, все понимают, о ком речь.

С ь ю. Да, думаю, понимают. О здоровяке с крепкими кулаками.

Н и к. В общем, мужчина, о котором мы говорим, избил сначала второго парня, а потом и свою женщину. Я думаю, для нас не важно, кто прав, а кто виноват...

Г л е н. Тут ты ошибаешься, Ник.

С т ь ю. Дай человеку закончить, Глен.

Г л е н. Дам, конечно, но к этому моменту я хочу вернуться.

С т ь ю. Хорошо. Продолжай, Ральф.

Р а л ь ф. Да... осталось немного.

Н и к. ...потому что важно другое: мужчина, о котором идет речь, совершил уголовно наказуемое преступление, нападение и нанесение побоев, но по-прежнему находится на свободе. Из трех случаев последний волнует граждан сильнее всего. Наше общество только формируется, оно очень пестрое, с бору по сосенке, поэтому возможны самые разные трения и конфликты. Не думаю, что мы хотим превратить Боулдер в город времен Дикого Запада. Представьте себе, что вышеупомянутый мужчина мог пойти в ломбард, взять там револьвер сорок пятого калибра и не избить их обоих, а пристрелить. И тогда среди нас гулял бы убийца.

С ь ю. Господи, Никки, что это значит? Мысль дня?

Л а р р и. Да, это отвратительно, но он прав. Есть такая старая поговорка, кажется, морская... Если что-то может пойти не так, то обязательно пойдет.

Н и к. Стью уже наш председатель, и в Совете, и на собрании, а это означает, что люди признают его власть. И лично я думаю, что Стью — хороший человек.

С т ь ю. Спасибо за добрые слова, Ник. Наверное, ты и не заметил, что я ношу туфли на высоком каблуке. А если серьезно, я соглашусь на это назначение, раз ты этого хочешь. Мне не нужна эта чертова работа. Судя по тому, что я видел в Техасе, полиция большую часть времени тратит на чистку своих рубашек от блевоты, когда такие, как Рич Моффэт, вываливают харчишки прямо на тебя, или оттирает асфальт от мозгов таких, как Джеринджер. Я прошу только об одном. Когда мы вставим этот пункт в повестку дня, там должен быть указан срок: один год, как и для членов нашего комитета. И я твердо заявляю, что через год я с этой должности уйду. Если мои условия принимаются, тогда полный вперед.

Г л е н. Думаю, я выражу общее мнение, если скажу, что принимаются. Я также хочу поблагодарить Ника за его предложение

и прошу внести в протокол, что, по моему мнению, это гениальная идея. Разумеется, я поддерживаю предложение.

С т ь ю. Хорошо, предложение ставится на голосование. Будем обсуждать?

Ф р э н. Да, будем. У меня вопрос. А если кто-то вышибет тебе мозги?

С т ь ю. Я не думаю...

Ф р э н. Да, ты *не думаешь*. Ты так *не думаешь*. И что Ник мне скажет, если выяснится, что ты думаешь неправильно? «Ох, я очень сожалею, Фрэн...» Это он мне скажет? «Твой мужчина лежит в здании окружного суда с пулей в голове, и, боюсь, мы допустили ошибку...» Иисус, Мария и Иосиф, мне скоро рожать, а вы хотите, чтобы он стал Пэтом Гарретом*!

Дискуссия затянулась еще минут на десять. Подробности здесь неуместны, и Фрэн, ваш верный секретарь, расплакалась, но потом взяла себя в руки. За выдвижение Стью начальником полиции Свободной зоны проголосовали 6—1, и на этот раз Фрэн не стала менять свое решение. Глен еще раз попросил слова перед тем, как завершить совещание.

Г л е н. Это всего лишь размышления вслух, не предложение, не для голосования, а как повод для раздумий. Возвращаюсь к третьему примеру Ника для иллюстрации необходимости поддержания порядка. Он описал случай и закончил словами о том, что мы не должны озадачиваться, кто прав, а кто виноват. Я думаю, тут он ошибается. Я уверен, что Стью — один из *самых* справедливых людей, что я встречал за свою жизнь. Но силовая структура без суда — это не правосудие. Это всего лишь самосуд, правило кулака. Предположим теперь, что мужчина, которого мы все знаем, взял пистолет или револьвер сорок пятого калибра и убил свою женщину и ее любовника. Далее предположим, что Стью, утвержденный в должности начальника полиции, арестовал его и посадил в кутузку. Что дальше? Сколько его там будут держать? Юридически мы вообще не имеем права держать его там, согласно Конституции, которую мы приняли на прошлом собрании. В этом документе записано, что человек невиновен, пока его вина не доказана судом. Но теперь, исходя из фактической ситуации, мы понимаем, что должны держать его под замком. Не можем

* Пэт Гаррет (1850—1908) — герой Дикого Запада.

чувствовать себя в безопасности, если он будет расхаживать по улицам! Вот мы и держим его под замком, пусть это и антиконституционно. Когда лоб в лоб сталкиваются безопасность и конституционность, безопасность должна преобладать. Но это обязывает нас как можно быстрее сделать так, чтобы безопасность и конституционность стали синонимами. Нам необходимо подумать о судебной системе.

Фрэн. Это очень интересно, и я согласна, что мы должны об этом подумать, но прямо сейчас я вношу предложение закончить заседание. Уже поздно, и я очень устала.

Ральф. Я поддерживаю это предложение. Давайте поговорим о судах в следующий раз. У меня и так голова идет кругом. Заново создавать страну, похоже, труднее, чем казалось с первого взгляда.

Ларри. Аминь.

Стью. Внесено и поддержано предложение закончить совещание. Оно вам нравится?

За предложение проголосовали единогласно, 7—0.

Фрэнсис Голдсмит, секретарь.

— Почему ты остановился? — спросила Фрэн, когда Стью, сбрасывая скорость, подкатил на велосипеде к бордюрному камню и поставил на него ногу. — Нам еще ехать квартал. — Ее глаза оставались красными после пролитых на совещании слез, и Стью подумал, что никогда не видел ее такой уставшей.

— Эта ситуация с начальником полиции...

— Стью, я не хочу об этом говорить.

— Кто-то должен это делать, дорогая. И Ник прав. Я — логичный выбор.

— На хрен логику! А как же я и ребенок, Стью? В нас ты логики не видишь?

— Я вроде бы знаю, чего ты хочешь для ребенка, — мягко ответил он. — Ты много раз говорила мне об этом. Ты хочешь, чтобы он появился не в совершенно обезумевшем мире. Ты хочешь, чтобы он... или она... чувствовал себя защищенным. Я тоже этого хочу. Но я не собирался говорить это перед остальными. Это должно остаться между нами. Ты и ребенок — главные причины, по которым я согласился.

— Я это знаю, — тихо, сдавленным голосом ответила Фрэн.

Его пальцы скользнули ей под подбородок, подняли голову. Он улыбнулся, и она попыталась ответить тем же. Улыбка получилась вымученная, по щекам текли слезы, но все лучше, чем никакой.

— Все будет хорошо, — заверил ее Стью.

Она медленно качала головой из стороны в сторону, и слезинки улетали в теплую летнюю ночь.

— Я так не думаю. На самом деле я так не думаю.

Она долго лежала в ту ночь без сна, думая, что тепло может идти только от огня — за это Прометею выклевали глаза, — а любовь всегда приходит в крови.

Странная определенность охватила ее, отупляющая, как анестезия, уверенность в том, что в результате все они захлебнутся кровью. Мысль эта заставила ее прикрыть руками живот, и впервые за долгие недели она вспомнила тот сон: темный человек с его улыбкой... и перекрученной вешалкой-плечиками для одежды.

Участвуя в поисках матушки Абагейл вместе с группой добровольцев в свободное от работы время, Гарольд Лаудер также входил в похоронную команду и двадцать первого августа весь день провел в кузове большого самосвала для вывоза мусора вместе с пятью другими мужчинами: все в сапогах, защитной одежде и с толстыми резиновыми перчатками на руках. Начальник похоронной команды, Чэд Норрис, с автобусного вокзала отправился на — как он это называл с ужасающим спокойствием — место захоронения номер 1. Располагалось оно в десяти милях к юго-западу от Боулдера, в карьере, где когда-то добывали уголь. Под жарким августовским солнцем место выглядело таким же унылым и безжизненным, как и лунные горы. Чэд с неохотой согласился на эту работу, предложенную ему потому, что в прошлой жизни он работал в похоронном бюро Морристауна, штат Нью-Джерси.

— От похоронного бюро здесь ничего нет, — сказал он этим утром на расположенном между Арапахоу и Ореховой улицей боулдерском автобусном вокзале компании «Грейхаунд», который стал основной базой похоронной команды. Прикурил «уинстон» от деревянной спички и оглядел двадцать мужчин, сидевших пе-

ред ним. — Это похороны, но не те, к которым все привыкли, если вы понимаете, о чем я.

Ему ответили несколько напряженных улыбок, шире всех улыбнулся Гарольд. Его желудок постоянно урчал, потому что позавтракать он не решился. Не был уверен, что сумеет удержать завтрак в желудке, учитывая специфику работы. Он мог бы продолжить поиски матушки Абагейл, и никто бы его ни в чем не упрекнул, пусть любой мыслящий человек в Зоне (впрочем, он задавался вопросом, а есть ли в Зоне — помимо него — хоть один мыслящий человек) прекрасно понимал, что участие пятнадцати человек в поисках — курам на смех, учитывая тысячи квадратных миль пустынных лесов и гор в окрестностях Боулдера. И разумеется, она могла никуда *не уходить*. Никто, судя по всему, об этом не подумал (что Гарольда нисколько не удивляло). Она могла поселиться в домике на окраине, и они никогда бы не нашли ее, не обыскав все дома, один за другим. Редман и Эндрос не высказали ни единого слова протеста, когда Гарольд предложил, чтобы поисковая команда работала по выходным и вечерам, тем самым продемонстрировав, что не надеются на успех.

Он мог бы остаться в поисковиках, но кого больше всего любят в любом сообществе? Кто пользуется наибольшим доверием? Естественно, человек, который берется за самую грязную работу и выполняет ее с улыбкой. Человек, который делает то, чем другой заставить себя заняться не сможет.

— Это будет похоже на сжигание длинных поленьев, — объяснял им Чэд. — Если так это воспринимать, никаких проблем не возникнет. Некоторые из вас поначалу, возможно, будут блевать. Стыдиться тут нечего. Только постарайтесь отойти в сторону, чтобы никто не видел, как вы это делаете. А проблевавшись, обнаружите, что гораздо легче думать об этом как о сжигании длинных поленьев. Поленья — ничего больше.

Мужчины нервно переглянулись.

Чэд разделил всех на группы из шести человек. Он и еще двое мужчин отправились на место захоронения, чтобы приготовить его к прибытию трупов. Каждой из трех групп Чэд определил один из районов города. В тот день самосвал Гарольда взял курс на Столовую гору, медленно продвигаясь на запад от выезда на автостраду Боулдер — Денвер. По Мартин-драйв до пересечения с Бродвеем. Потом по Тридцать девятой улице до пересечения с Четвертой

авеню. Обратно по Сороковой улице, где дома были построены тридцать лет назад, когда в Боулдере только начался строительный бум: двухуровневые дома, с одним надземным и одним подземным этажами.

Чэд раздал всем противогазы, которые позаимствовал в арсенале местного отделения Национальной гвардии, но ими пришлось воспользоваться лишь после ленча (ленча? какого ленча? ленч Гарольда состоял из банки начинки для яблочного пирога — ничего больше в горло не полезло), когда они вошли в церковь Иисуса Христа Святых последних дней в нижней части Тейбл-Меса-драйв. Заболев, люди приходили в церковь и там умирали, так что вонь стояла невыносимая.

— Поленья! — пронзительно-смеющимся голосом выкрикнул один из мужчин. Гарольд развернулся и, волоча ноги, вышел из церкви. Обогнул угол этого красивого кирпичного здания, в котором в годы выборов проводилось голосование, и расстался с начинкой для яблочного пирога, чтобы обнаружить, что Норрис говорил правду: проблевавшись, он действительно почувствовал себя лучше.

Чтобы освободить церковь от тел, им потребовались две ездки и большая часть второй половины дня. «Двадцать человек, — думал Гарольд, — чтобы очистить Боулдер от трупов. Смех, да и только». Немалая часть жителей Боулдера разбежалась, как кролики, испугавшись, что зараза идет из Центра контроля воздуха, но *все же*... Гарольд предполагал, что даже при условии увеличения численности похоронной команды с ростом населения Боулдера едва ли им удастся избавиться от большинства трупов до первого сильного снегопада (правда, он также полагал, что его к этому времени здесь уже не будет), и большинство людей понятия не имело, насколько реальной была опасность распространения какой-нибудь новой болезни.

Комитет Свободной зоны фонтанировал блестящими идеями, с презрением думал он. Комитет будет прекрасно себя чувствовать... пока у них под рукой старина Гарольд, который завязывает им шнурки. Старина Гарольд — парень хороший, но недостаточно хороший, чтобы служить постоянному комитету. Господи, нет! Если на то пошло, хорошим его никогда и не считали, он не годился даже на то, чтобы найти себе пару для танцевального класса в старшей школе Оганквита: танцевать с ним не соглаша-

лась даже последняя дура. Святой Боже, нет, только не Гарольд. Давайте помнить, друзья: когда речь заходит о пресловутом медведе, справляющем большую нужду в гречихе, нет нужды что-либо анализировать или о чем-то логично рассуждать, не приносит пользы даже здравый смысл. Если докапываться до сути проблемы, то все сведется к блинскому конкурсу красоты.

Что ж, кто-то помнит. Кто-то ведет счет, детки. И этот кто-то — пожалуйста, барабанный туш, маэстро, — Гарольд Эмери Лаудер.

Поэтому он пошел обратно в церковь, вытирая рот, улыбаясь через силу и кивая, показывая тем самым, что готов продолжить. Кто-то хлопнул его по спине, улыбка Гарольда стала шире, и Гарольд подумал: *Придет день, когда за это тебе отрубят руку, говнюк.*

Последнюю ездку они сделали в пятнадцать минут пятого, все в том же самосвале, с последними трупами из Церкви последнего дня. В городе самосвалу приходилось выписывать кренделя, объезжая застывшие на мостовой автомобили, но на шоссе 119 целый день работали три эвакуатора, которые скидывали машины с проезжей части в кюветы по обе стороны дороги. Там они и оставались, напоминая перевернутые игрушки сынишки великана.

Два других оранжевых самосвала прибыли на место захоронения раньше. Мужчины стояли вокруг, сняв резиновые перчатки; их пальцы побелели и чуть опрели на подушечках, целый день потея в резине. Они курили и перекидывались отрывочными фразами. Лица большинства белизной соперничали с мелом.

Норрис и два его помощника подготовились к их приезду. Расстелили на скалистой земле большущий кусок пластика. Норман Келлог, луизианец, сидевший за рулем самосвала Гарольда, задним ходом подъехал к самому краю пластиковой простыни. Открыл задний борт, и первые трупы упали на пластик, как местами затвердевшие матерчатые куклы. Гарольд хотел отвернуться, но подумал, что другие расценят это как слабость. Он мог смотреть, как они падают, никаких проблем это не вызывало, но вот звук его доставал. Звук падения на пластик, которому предстояло стать их саваном.

Гудение самосвала усилилось, к нему присоединился вой гидравлики, и кузов начал подниматься. Теперь трупы посыпались

гротескным человеческим дождем. На мгновение Гарольд ощутил жалость. У него даже защемило сердце. *Поленья,* подумал он. *Правильно говорил Чэд. Это то, что осталось. Всего лишь... поленья.*

— Готово! — крикнул Чэд Норрис, и Келлог чуть отъехал и опустил кузов. Чэд и его помощники ступили на пластик с граблями в руках, и теперь Гарольд все-таки отвернулся, прикидываясь, что оглядывает небо на предмет возможного дождя, и многие последовали его примеру... но он слышал звук, который потом будет преследовать его во снах, звук мелочи, выпадающей из карманов мертвых мужчин и женщин, которых Чэд и его помощники растаскивали граблями, чтобы уложить рядом друг с другом. Монеты, падающие на пластик, издавали звук, напомнивший Гарольду — что за абсурд! — игру в блошки. Приторно-тошнотворный запах разложения поплыл в теплом воздухе.

Когда Гарольд вновь посмотрел на Чэда и его помощников, те стягивали концы пластикового савана вместе, кряхтя от напряжения, с бугрящимися бицепсами. Несколько человек, включая Гарольда, поспешили на помощь. Чэд Норрис взял большущий промышленный степлер. Двадцать минут спустя они закончили эту часть работы, и теперь на земле лежало что-то вроде огромной желатиновой капсулы. Норрис залез в кабину желтого бульдозера и завел двигатель. Опустил ковш. Бульдозер тронулся с места.

Мужчина по фамилии Уайзак, работавший с Гарольдом в одной группе, двинулся прочь дергающейся походкой куклы-марионетки. Сигарета подрагивала в его пальцах.

— Не могу на это смотреть, парень, — признался он Гарольду, проходя мимо него. — Даже смешно. До этого дня я и не подозревал, что я еврей.

Бульдозер сбросил капсулу в длинную прямоугольную канаву. Чэд отогнал бульдозер назад, заглушил двигатель. Выпрыгнул из кабины. Взмахом руки предложил мужчинам собраться вместе, сам подошел к одному из грузовиков, поставил ногу на порог у водительской двери.

— Овации не будет, но вы показали себя чертовски хорошо. Полагаю, сегодня мы похоронили около тысячи единиц.

Единиц, подумал Гарольд.

— Я знаю, такая работа что-то отнимает у человека. Комитет обещал нам еще двух человек в конце недели, но это не изменит того, что вы чувствуете, да и я тоже, если на то пошло. Я хочу ска-

зать только одно: если вы наелись, если понимаете, что больше не выдержите, вам совсем не обязательно, завидев меня, переходить на другую сторону улицы. Но если вы точно знаете, что завтра уже не придете, чертовски важно, чтобы вы нашли человека, который вас заменит. По мне, это самая важная работа в Зоне. Сейчас все не так уж плохо, но если в следующем месяце, когда пойдут дожди, в Боулдере по-прежнему будет двадцать тысяч трупов, люди начнут болеть. Если вы чувствуете, что сможете прийти, жду вас завтра утром на автовокзале.

— Я приду, — откликнулся один.

— И я тоже, — кивнул Норман Келлог. — После того как сегодня приму шестичасовую ванну.

Раздался смех.

— И я приду, — подал голос Уайзак.

— И я, — спокойно сказал Гарольд.

— Это грязная работа! — Голос Норриса дрожал от эмоций. — Вы хорошие парни. Я сомневаюсь, что остальные поймут, какие вы хорошие парни.

Гарольд ощутил чувство принадлежности к команде, сплоченности — и постарался стряхнуть его, внезапно испугавшись. Это в планы не входило.

— Завтра увидимся, Ястреб. — И Уайзак сжал ему плечо.

В улыбке Гарольда читались удивление и недоверие. *Ястреб?* Что за шутка? Плохая, разумеется. Дешевый сарказм. Назвать толстого, прыщавого Гарольда Лаудера Ястребом?.. Он почувствовал, как поднимается столь хорошо знакомая ему черная ненависть, теперь направленная на Уайзака... но тут же ненависть эта ушла, внезапно сменившись замешательством. По-хорошему, на толстого он больше не тянул. И прыщи за последние семь недель исчезли. Уайзак не знал, что совсем недавно в школе все насмехались над Гарольдом. Уайзак не знал, что однажды отец спросил Гарольда, не гомосексуалист ли он. Уайзак не знал, что пользующаяся успехом у мужчин сестра Гарольда видела в нем крест, который ей приходилось нести. А если бы Уайзак все это и узнал, то скорее всего не придал бы этому никакого значения.

Гарольд забрался в кузов одного из самосвалов, в голове у него царило смятение. Внезапно он осознал, что всем старым обидам, всем незаживающим душевным ранам, всем неоплаченным дол-

гам грош цена, как и бумажным деньгам, оставшимся во всех кассовых аппаратах Америки.

Неужто это правда? Могло такое быть правдой? Он запаниковал, одинокий, испуганный. Нет, наконец решил он, правдой такое быть не могло. По следующей причине. Если у тебя достаточно сильная воля, чтобы противостоять жалкому мнению остальных, когда они считают тебя гомиком, или позором семьи, или просто говнюком, тогда тебе должно хватить воли, чтобы устоять...

Устоять перед чем?

Перед их *хорошим* отношением к тебе?

Не тянет ли такая логика... на чистое безумие?

Давняя цитата всплыла в его мятущемся разуме, высказывание какого-то генерала, оправдывавшего интернирование проживавших в США японцев во время Второй мировой войны. Этому генералу указали на отсутствие актов вредительства на западном побережье, где преимущественно и проживали натурализованные японцы. На что генерал ответил: «Сам факт отсутствия актов вредительства — обстоятельство, не предвещающее ничего хорошего»*.

Это *о нем*?

Да?

Их самосвал свернул на стоянку у автовокзала. Гарольд перепрыгнул через борт, отметив, что даже координация движений улучшилась на тысячу процентов, то ли потому, что он похудел, то ли из-за постоянной физической нагрузки. А может, благодаря и тому и другому.

Вновь в голову пришла мысль, упрямая, не желающая оставаться в глубинах сознания: *Для этого сообщества я могу быть важным ресурсом.*

Но они закрыли перед ним дверь.

Это не имеет значения. У меня достаточно ума, чтобы вскрыть замок на двери, которую они захлопнули мне в лицо. И я уверен, мне достанет духа, чтобы распахнуть уже незапертую дверь.

Но...

---

* Точно фраза звучала иначе: «Сам факт отсутствия на текущий момент актов вредительства — тревожное и убедительное свидетельство того, что такие деяния будут совершены». Из докладной записки генерала Д. Девитта (1880—1962) министру обороны США.

Прекрати! Прекрати! С тем же успехом ты можешь ходить в наручниках и ножных кандалах с выбитым на них словом «Но»! Может, хватит, Гарольд? Не пора ли тебе, скажи на милость, спуститься с гребаных небес на землю?

— Эй, парень, ты в порядке?

Гарольд вздрогнул. Норрис вышел из диспетчерской, которую приспособил для своих нужд. Он выглядел уставшим.

— Я? Все нормально. Просто задумался.

— Что ж, продолжай в том же духе. Похоже, всякий раз, когда ты это делаешь, жизнь здесь становится лучше.

Гарольд покачал головой:

— Да нет же.

— Нет? — Чэд не стал развивать тему. — Тебя подвезти?

— Гм-м. У меня мотоцикл.

— Знаешь, что я тебе скажу, Ястреб? Я думаю, большинство этих парней действительно придут сюда завтра.

— Да, я тоже приду. — Гарольд пошел к своему мотоциклу, оседлал его. Обнаружил, что невольно наслаждается новым прозвищем.

Норрис покачал головой:

— Я бы никогда в это не поверил. Я думал, они найдут себе сотню других занятий, едва почувствуют на своей шкуре, что это за работа.

— А я думаю вот что. — Гарольд, по обыкновению, улыбнулся. — Я думаю, легче делать грязную работу для себя, чем для кого-то еще. Некоторые из этих парней впервые за всю жизнь работали на себя.

— Да, пожалуй, в этом что-то есть. Увидимся завтра, Ястреб.

— В восемь, — подтвердил Гарольд и поехал по Арапахоу к Бродвею. Справа от него бригада, состоящая в большинстве своем из женщин, используя эвакуатор и кран, пыталась поставить на колеса перевернувшийся тягач с прицепом, перегородивший чуть ли не всю улицу. За их работой наблюдала небольшая толпа. «Народу прибавляется, — подумал Гарольд. — Я не знаю половины этих людей».

Он поехал дальше, к своему дому, тревожась из-за проблемы, которую, казалось бы, решил для себя уже давно. Приехав, увидел маленький белый мотороллер «веспа», припаркованный у бордюрного камня. На ступеньках, ведущих к парадной двери, сидела женщина.

* * *

Она встала, когда Гарольд подошел к дому, и протянула ему руку. Одна из самых потрясающих женщин, которых он встречал в своей жизни. Он видел ее и раньше, но не так близко.

— Я — Надин Кросс. — Голос был низкий, почти хриплый. А рука — твердая и холодная. Взгляд Гарольда непроизвольно прошелся по ее телу. Он знал, что девушки этого терпеть не могут, но по-другому у него не получалось. Надин, похоже, не возражала. Она приехала в тонких брючках из твила, обтягивавших длинные ноги, и светло-синей шелковой блузке без рукавов. Никакого бюстгальтера. И сколько ей? Тридцать? Тридцать пять? Может, и меньше. Преждевременная седина, только и всего.

Повсюду? — осведомилась вечно похотливая (и вечно девственная) часть его разума, и сердце забилось чуть быстрее.

— Гарольд Лаудер. — Он улыбнулся. — Вы пришли с группой Ларри Андервуда, так?

— Да, совершенно верно.

— Следовали за Стью, и Фрэнни, и мной через Великую пустошь, как я понимаю. Ларри приходил ко мне на прошлой неделе, принес бутылку вина и шоколадные батончики. — Слова звучали фальшиво даже для него самого, и внезапно Гарольд точно понял: ей доподлинно известно, что он оценивает ее, мысленно раздевает. Он вступил в борьбу со стремлением облизать губы и победил... временно. — Он чертовски хороший парень.

— Ларри? — Она рассмеялась невесело и даже резко. — Да, Ларри — прелесть.

Их взгляды на секунду встретились. Гарольд никогда не видел у женщины таких чистых и испытывающих глаз. Вновь он ощутил волнение, теплое трепыхание в животе.

— Так чем я могу вам помочь, мисс Кросс?

— Для начала ты можешь называть меня Надин. А еще можешь пригласить на ужин. Так нам удастся познакомиться чуть ближе.

Волнение начало перерастать в возбуждение.

— Надин, хочешь остаться на ужин?

— Очень хочу. — Она улыбнулась. А когда коснулась его руки, он ощутил легкий электрический разряд. Ее глаза не отрывались от его глаз. — Спасибо.

Он достал ключ и вставил в замочную скважину, думая: *Сейчас она спросит, почему я запираю дверь, а я буду что-то лепетать, пытаясь найти убедительный ответ, и покажу себя дураком.*

Но Надин не спросила.

Обед приготовила она — не он.

Гарольд уже успел прийти к выводу, что из консервов пристойного блюда не получится, но Надин вроде бы придерживалась иного мнения. Внезапно вспомнив, чем он занимался весь день, и придя в ужас, он спросил, не будет ли она возражать, если побудет одна двадцать минут (ведь она, возможно, пришла по какому-нибудь рутинному делу, предупредил он себя, чтобы не лелеять излишних надежд), пока он помоется.

Когда Гарольд вернулся — не поскупившись и вылив на себя два ведра воды, — она возилась на кухне. На одной конфорке газовой плитки весело булькала кастрюля. В тот момент, когда он входил на кухню, Надин высыпала в нее чашку рожков. На второй конфорке что-то шкварчало на сковороде. Пахло французским луковым супом, красным вином и грибами. Желудок Гарольда заурчал. День тошнотворной работы как-то разом потерял власть над его аппетитом.

— Пахнет фантастически, — признался он. — Ты могла бы и не готовить, но я не жалуюсь.

— Это бефстроганов. — Надин с улыбкой повернулась к нему. — Разумеется, чистая импровизация. Тушенка не входит в рекомендованные ингредиенты, когда это блюдо готовят в ресторане, но... — Она пожала плечами, как бы говоря о том, с какими ограничениями им всем приходится сталкиваться.

— Спасибо, что ты за это взялась.

— Пустяки. — Она вновь одарила его испытывающим взглядом и чуть повернулась так, чтобы блузка плотно облегала грудь. Гарольд почувствовал, как густо краснеет, и попытался справиться с эрекцией, но заподозрил, что никакие волевые усилия тут не помогут. Заподозрил, что эрекция и не заметит его волевых усилий. — Мы с тобой станем очень хорошими друзьями.

— Мы?..

— Да. — Она вновь повернулась к плите, вроде бы закрыв тему, оставив Гарольда размышлять, что подразумевалось под ее словами.

После этого говорили они исключительно о пустяках... в основном обменивались сплетнями Свободной зоны. Их, надо отметить, уже хватало. По ходу обеда Гарольд вновь попытался спросить Надин, что привело ее сюда, но она лишь улыбнулась и покачала головой.

— Мне нравится смотреть, как мужчина ест.

На мгновение Гарольд подумал, что она наверняка говорит о ком-то еще, и только потом осознал, что речь идет *о нем*. И он ел. Трижды попросил добавку. По мнению Гарольда, такое блюдо вполне могли подавать и в ресторанах, не убирая из рецепта тушенку. Разговор тек сам по себе, не мешая ему утолять аппетит и смотреть на нее.

Потрясающая женщина, так он подумал... Прекрасная. Зрелая и прекрасная. В ее волосы, которые она собрала в конский хвост, чтобы не мешали при готовке, вплелись белоснежные — не седые, как он поначалу подумал, — пряди. А когда все понимающий взгляд ее серьезных темных глаз встречался с его взглядом, Гарольд чувствовал, что плывет. От ее низкого и доверительного голоса Гарольду становилось не по себе, но голос этот доставлял ему безмерное удовольствие.

Когда они поели, он уже начал подниматься, но она опередила его.

— Кофе или чай?

— Слушай, я бы мог...

— Ты бы мог, но не будешь. Хочешь кофе, чаю... или меня? — Тут она улыбнулась, но не улыбкой человека, только что произнесшего чуть непристойную фразу («неподобающая речь» — так называла это его дорогая матушка, неодобрительно поджимая губы), а медленной, обаятельной улыбкой, которая напоминала толстый слой крема на сладком пирожном. И снова все тот же испытывающий взгляд.

И пусть в голове у него бушевала буря, Гарольд сумел ответить со сводящей с ума небрежностью:

— Два последних. — Ему потребовалось приложить немало усилий, чтобы сдержать свойственное подросткам хихиканье.

— Мы можем начать с чая на двоих, — ответила Надин и пошла к плите.

Горячая кровь ударила Гарольду в голову, едва Надин повернулась к нему спиной, безусловно, придав лицу свекольный от-

тенок. *Тоже мне, нашелся мистер Изощренность!* — яростно отругал он себя. *Неправильно истолковал совершенно невинную фразу, на такое способен только чертов дурак вроде тебя, и, вероятно, упустил прекрасную возможность. И поделом тебе! Послужит хорошим уроком!*

К тому времени, когда Надин принесла дымящиеся кружки, краснота на лице Гарольда поубавилось и он взял себя в руки. Головокружение уступило место отчаянию, и он чувствовал (не в первый раз), что его тело и разум волей-неволей втиснуты в вагончик гигантской американской горки, построенной из чистых эмоций. Его мутило, но вылезти из вагончика он не мог.

«Если я ее и заинтересовал, — подумал Гарольд, — и одному Богу известна причина, по которой я мог бы ее заинтересовать, мне отплатят по полной программе за проявление ребяческого остроумия».

Что ж, такое в его жизни уже случалось, и он полагал, что не умрет, вновь наступив на те же грабли.

Надин посмотрела на него поверх кружки своими тревожаще-искренними глазами и вновь улыбнулась, после чего толика хладнокровия, которую он сумел вернуть, мгновенно испарилась.

— Могу я тебе чем-нибудь помочь? — Прозвучало это крайне двусмысленно, но он не мог не задать этот вопрос, потому что она наверняка пришла сюда с определенной целью. Гарольд почувствовал, как защитная улыбка неуверенно кривит его губы.

— Да. — Она решительно поставила чашку. — Да, можешь. Возможно, мы сумеем помочь друг другу. Не будешь возражать, если мы перейдем в гостиную?

— Нет, конечно. — Его рука дрожала, когда он ставил кружку (из нее даже выплеснулся чай) и поднимался из-за стола. А последовав за Надин в гостиную, он заметил, как плотно слаксы (*весьма узкие*, пробормотал его разум) облегают ее ягодицы. Гладкость женских слаксов в большинстве случаев портят очертания трусиков, он об этом где-то читал, возможно, в одном из журналов, которые хранил в глубине стенного шкафа за коробками с обувью, и в этом же журнале говорилось, что если женщина хочет добиться идеальной гладкости слаксов, она должна носить стринги или вообще обходиться без трусиков.

Он сглотнул слюну, во всяком случае, попытался. Казалось, что в горле застряла огромная пробка.

В гостиной царил густой сумрак, свет проникал лишь сквозь занавешенные окна. А поскольку время близилось к семи вечера, снаружи день уже начал плавно перетекать в ночь. Гарольд подошел к одному из окон, чтобы раздвинуть шторы и добавить света, но она коснулась его руки. Он повернулся к ней, во рту пересохло.

— Нет. Мне так нравится. Укрывает от посторонних глаз.

— Укрывает, — просипел Гарольд голосом старого, давно молчавшего попугая.

— Чтобы я могла сделать это. — И она пришла в его объятия.

Ее тело плотно и полностью прижалось к нему, такое происходило с ним впервые в жизни и потрясло его до глубины души. Он чувствовал мягкое давление каждой из грудей сквозь его белую рубашку из хлопчатобумажной ткани и ее шелковую блузку. Ее живот, твердый, но ранимый, прижимался к его животу и не подался назад, ощутив эрекцию. Сладкий аромат, возможно, духов, а может, ее собственный, обрушился на него, как удивительный секрет, которым с тобой делится собеседник. Руки Гарольда нашли ее волосы и зарылись в них.

Наконец поцелуй прервался, но Надин не отодвинулась. Ее тело по-прежнему прижималось к нему, словно мягкий огонь. Из-за разницы в росте — порядка трех дюймов — она стояла, откинув назад голову. И он вдруг подумал, что это один из самых удивительных парадоксов в его жизни: когда любовь — или ее убедительное подобие — настигла его, вышло так, будто он бочком проскользнул на страницы любовной истории из глянцевого женского журнала. Авторы таких историй — как он однажды заявил в оставшемся без ответа письме в «Редбук» — являли собой один из немногих убедительных аргументов в пользу принудительной евгеники.

Но теперь она смотрела на него, запрокинув голову, ее полуоткрытые губы влажно блестели, а глаза сверкали, почти... почти... да, почти как звезды. Единственной деталью, не укладывающейся в редбуковское видение жизни, оказался его торчащий член, крепкий, как железо.

— А теперь — на диван, — предложила Надин.

Каким-то образом они добрались туда, а потом их тела переплелись, ее волосы рассыпались по плечам, ее аромат окутал Гарольда. Его руки ухватили груди Надин, и она *не возражала*, на-

против, поворачивалась так, чтобы обеспечить ему более свободный доступ. Он не ласкал ее, а жал и давил в неистовстве.

— Ты девственник, — прокомментировала Надин.

Вопросительные нотки в ее голосе отсутствовали... и ложь потребовала бы больших усилий. Гарольд кивнул.

— Тогда вот что мы сделаем сначала. В следующий раз будет медленнее. Лучше.

Она расстегнула пуговицу на его джинсах, открыла застежку молнии. Указательным пальцем легонько прошлась по голому животу пониже пупка. Гарольд задрожал и подпрыгнул.

— Надин...

— Ш-ш-ш. — Занавес волос надежно укрыл ее лицо, прочитать его выражение не представлялось возможным.

Тем временем пальцы Надин расстегнули молнию, и Нелепая штучка, нелепость которой только подчеркивалась белизной трусов (слава Богу, он переодел белье после душа), выскочила, как черт из табакерки. Нелепая штучка знать не знала о собственной комичной внешности, потому что намеревалась заняться крайне серьезным делом. Все, что связано с девственниками, всегда крайне серьезно — речь не об удовольствии, а об опыте.

— Моя блузка...

— Могу я?..

— Да, этого я и хочу. А потом я позабочусь о тебе.

Позабочусь о тебе. Эти слова эхом отражались в его сознании, словно камни, брошенные в колодец, и тут же он жадно присосался к ее груди, ощущая соль и сладость.

Она шумно втянула в себя воздух.

— Гарольд, это чудесно!..

Позабочусь о тебе, гремело и шваркало в голове.

Ее руки нырнули под эластичную ленту трусов, и джинсы заскользили вниз, к лодыжкам, в бессмысленном звяканье ключей.

— Встань, — прошептала она, и он встал.

Все заняло меньше минуты. Он громко вскрикнул от силы оргазма, не в состоянии сдержаться. Словно кто-то поднес горящую спичку к сетке нервов, расположенных под самой кожей, и все эти нервы стянулись вниз, чтобы образовать живую паутину в паху. Теперь он понимал, почему многие писатели связывали оргазм и смерть.

Потом он лежал в сумраке, привалившись головой к дивану, с поднимающейся и опускающейся грудью, с открытым ртом. Боялся посмотреть вниз. Чувствовал, что все вокруг залито спермой.

Юный друг, мы нашли нефть.

Он стыдливо посмотрел на Надин, стесняясь, что так быстро кончил. Но она лишь улыбалась, и эти спокойные темные глаза, казалось, знали все, глаза очень молодой девушки с картины викторианского периода. Девушки, которой известно слишком многое, возможно, о своем отце.

— Я извиняюсь, — пробормотал он.

— Почему? За что? — Ее глаза не покидали лица Гарольда.

— Ты ничего не получила.

— Au contraire*, я всем удовлетворена. — Но он имел в виду не это. Однако прежде чем открыл рот, она продолжила: — Ты молод. Мы можем делать это так часто, как тебе захочется.

Он молча смотрел на нее, не в силах что-либо сказать.

— Но одно ты должен знать. — Она коснулась его рукой. — Помнишь, ты сказал мне, что ты девственник? Что ж, я тоже.

— Ты... — Вероятно, от изумления его лицо стало очень комичным, потому что она откинула голову назад и рассмеялась:

— В твоей философии нет места для девственности, Горацио?

— Нет... да... но...

— Я девственница. И намерена ею оставаться. Потому что кое-кто другой должен... должен лишить меня ее.

— Кто?

— Ты знаешь кто.

Гарольд смотрел на нее, внезапно похолодев. Ее взгляд оставался спокойным.

— *Он?*

Она чуть отвернулась от него, кивнула.

— Но я многое могу тебе показать. — Надин по-прежнему не смотрела на Гарольда. — Мы многое можем делать. Многое такое, чего ты никогда... нет, беру эти слова назад. Возможно, ты этим грезил, но и мечтать не мог, что подобное случится в реальной жизни. Мы можем этим упиваться. Мы можем уйти в это с головой. Мы можем... — Она замолчала, а потом посмотрела на него,

---

* Напротив (*фр.*).

посмотрела так озорно и сексуально, что Гарольд почувствовал шевеление между ногами. — Мы можем делать все, что угодно... можем делать все... за исключением одной мелочи. И эта мелочь в действительности не так уж и важна, правда?

Образы закружились перед его мысленным взором. Шелковые шарфы... сапоги... кожа... хлыст. О Господи. *Фантазии школьника*. Странная разновидность сексуального пасьянса. Но ведь это был сон, так? Фантазия, рожденная из фантазии, дитя темного сна. Он хотел всего этого, хотел *ее*, но он также хотел и большего.

Вопрос заключался в следующем: чем он сможет удовлетвориться?

— Ты можешь говорить мне все, Гарольд, — продолжила она. — Я буду твоей матерью, или сестрой, или шлюхой, или рабыней. От тебя требуется только одно, Гарольд: сказать, чего ты хочешь.

Как это грело его! Как возбуждало!

Он открыл рот, и его голос прозвучал хрипло, как звон треснувшего колокола.

— Но придется заплатить, так? Придется заплатить. Потому что бесплатно ничего не бывает. Даже теперь, когда все лежит вокруг, ожидая, чтобы его подобрали.

— Я хочу того же, что и ты, — ответила Надин. — Я знаю, что в твоем сердце.

— Этого никто не знает.

— Что в твоем сердце — то и в твоем гроссбухе. Я могла бы все прочитать, я знаю, где он, но в этом нет необходимости.

Он не сводил с нее глаз, в которых стояла вина.

— Раньше ты хранил его под плитой, — она указала на камин, — но теперь прячешь в другом месте. Теперь он за теплоизоляцией на чердаке.

— Откуда ты это знаешь? *Как ты можешь это знать?*

— Я знаю, потому что мне сообщил он. Он... можно сказать, он написал мне письмо. И что более важно, он рассказал мне про *тебя*, Гарольд. О том, как ковбой увел у тебя женщину, а потом не пустил в комитет Свободной зоны. Он *хочет*, чтобы мы были вместе, Гарольд. И он щедр. С этого дня и до самого ухода отсюда у нас каникулы. — Она вновь прикоснулась к нему, улыбнулась: — Время игр и развлечений. Ты понимаешь?

— Я...

— Нет, — ответила она за него. — Не понимаешь. Пока. Но ты поймешь, Гарольд. Ты поймешь.

Безумие, но ему захотелось попросить Надин, чтобы она называла его Ястребом.

— А позже, Надин? Чего он захочет позже?

— Того же, что и ты. Того же, что и я. Того, что ты практически сделал с Редманом в тот первый вечер, когда вы отправились на поиски старухи... но только на другом уровне, по-крупному. И когда это будет сделано, Гарольд, мы сможем уйти к нему. Мы сможем быть с ним. Мы сможем остаться у него. — Ее глаза наполовину закрылись, как в религиозном экстазе. И Гарольда вновь охватило желание, жаркое и требующее немедленного удовлетворения, при мысли о том, что она любила другого, но отдаваться собиралась ему, да еще и получая при этом наслаждение.

— А если я скажу «нет»? — Он почувствовал, как похолодели посеревшие губы.

Она пожала плечами, и от этого движения ее груди волнующе качнулись.

— Жизнь продолжится, Гарольд, ведь так? Я постараюсь найти другой способ сделать то, что должна. И твоя жизнь не остановится. Рано или поздно ты найдешь девушку, которая сделает для тебя... эту малость. Но одна и та же малость через какое-то время приедается. Очень приедается.

— Откуда ты знаешь? — Он криво улыбнулся.

— Я знаю, потому что секс — это жизнь в миниатюре, а жизнь приедается, жизнь — это время, проведенное в различных приемных. Ты можешь стать здешней знаменитостью, Гарольд, но к чему это приведет? В целом это будет скучная жизнь, которая со временем будет становиться только скучнее, и ты всегда будешь помнить меня без блузки и гадать, как бы я выглядела без всего остального. Будешь гадать, каково это — слышать грязные слова, которые я буду говорить тебе, или чувствовать, как я обмазываю медом твое... тело... а потом слизываю его... и ты будешь гадать...

— Хватит, — прервал ее Гарольд. Его трясло.

Но она и не думала замолкать.

— Я думаю, ты также будешь гадать, а какова жизнь на его стороне мира. И это будет донимать тебя больше всего остального.

— Я...

— Решай, Гарольд. Надевать мне блузку или снимать все?

И как долго он думал? Гарольд не знал. Позднее даже не мог сказать, обдумывал ли вообще этот вопрос. Но когда заговорил, голос оставлял во рту привкус смерти:

— В спальню. Пойдем в спальню.

Она улыбнулась ему торжествующе, обещая внеземные наслаждения. От этой улыбки он содрогнулся, но одна часть тела отреагировала с нетерпением.

Она взяла его за руку.

И Гарольд Лаудер подчинился судьбе.

Глава 55

Окна дома Судьи Ферриса выходили на кладбище.

После обеда он и Ларри сидели на заднем крыльце, курили сигары «рои-тан» и наблюдали, как над горами закат выцветает до светло-оранжевого.

— Когда я был мальчиком, — рассказывал Судья, — мы жили неподалеку от лучшего кладбища Иллинойса. Оно называлось «Гора надежды». Каждый вечер после ужина мой отец — ему тогда только пошел седьмой десяток — отправлялся на прогулку. Иногда брал меня с собой. И если наш путь лежал мимо этого идеально ухоженного некрополя, он спрашивал: «Как думаешь, Тедди? Есть хоть какая-нибудь надежда?» И я отвечал: «Вот целая гора надежды». Всякий раз он покатывался от хохота, словно слышал это впервые. Я иногда думаю, что мы специально проходили мимо кладбища, чтобы он мог разделить со мной эту шутку. Он был образованным, начитанным человеком, но, похоже, в жизни не слышал ничего смешнее.

Судья курил, опустив голову, подняв плечи.

— Он умер в тридцать седьмом году, когда я был еще подростком. С тех пор мне его недостает. Мальчику не нужен отец, если это плохой отец, но хороший просто необходим. Никакой надежды, кроме «Горы надежды». Как же ему это нравилось! Он умер в семьдесят четыре года. Умер как король, Ларри. Восседая

на троне в самой маленькой комнатке нашего дома, с газетой на коленях.

Ларри, не зная, как реагировать на эти довольно-таки странные воспоминания, молчал.

Судья вздохнул.

— Здесь скоро соберется много народа. Если вы сможете восстановить подачу электричества. Если не сможете, люди начнут нервничать и уходить на юг до того, как погода испортится и запрет их в горах.

— Ральф и Брэд говорят, что электричество будет, и я им верю.

— Тогда будем надеяться, что твоя вера имеет под собой прочное основание. Может, это и хорошо, что старая женщина ушла. Может, она знала, что так будет лучше. Может, лучше предоставить людям возможность самим судить, что означают огни в небе, а если у дерева вдруг появляется лицо, решать, лицо ли это или всего лишь игра света и тени. Ты понимаешь меня, Ларри?

— Нет, сэр, — честно ответил Ларри. — Не уверен, что понимаю.

— Я задаюсь вопросом, нужно ли нам изобретать заново весь этот институт богов, и спасителей, и загробной жизни до того, как мы вновь изобретем ватерклозет. Вот о чем я толкую. Хочу понять, подходящее ли это время для богов.

— Вы думаете, она мертва?

— Она ушла шесть дней тому назад. Поисковая команда не нашла никаких ее следов. Да, я думаю, что она мертва, но даже теперь полной уверенности у меня нет. Она была удивительной женщиной, не укладывающейся ни в какие логические рамки. Возможно, одна из причин, по которым я чуть ли не радуюсь ее уходу, состоит в том, что я — старый брюзгливый рационалист. Я люблю проводить день по заведенному распорядку, поливать цветы... видишь, как я отпоил бегонии? Я этим очень горжусь... читать книги, подбирать материалы для своей книги об эпидемии. Мне нравится проделывать все это, а потом выпивать стакан вина перед сном и ложиться в кровать, ни о чем не тревожась. Да, никто из нас не хочет видеть знамения и знаки, независимо от того, нравятся ли нам истории с привидениями и фильмы ужасов или нет. Никто из нас в действительности не хочет лицезреть звезду на востоке или столб огненный в ночи. Нам нужны покой, рацио-

нализм и порядок. И если уж приходится видеть Бога в черном лице старой женщины, оно неизбежно напомнит нам, что на каждого бога есть дьявол... и наш дьявол, возможно, ближе, чем нам того хочется.

— Поэтому, собственно, я здесь. — Ларри чувствовал себя неловко. Как бы ему хотелось, чтобы Судья не упоминал про сад, книги, подбор материалов, стакан вина перед сном. Его будто осенило на встрече друзей, и он выступил с этим беспечным предложением. А теперь гадал, есть ли способ озвучить его, не выставив себя жестоким и недалеким предателем.

— Я знаю, почему ты здесь. Я согласен.

Ларри подпрыгнул, отчего его плетеный стул возмущенно заскрипел.

— Кто вам сказал? Мы собирались хранить все в секрете, Судья. Если кто-то из комитета проболтался, тогда у нас большие проблемы.

Судья поднял руку, испещренную старческими пятнами, предлагая ему замолчать. Его глаза на много повидавшем лице блеснули.

— Успокойся, мой мальчик, успокойся. Никто из вашего комитета не проболтался, насколько мне известно. Просто я стараюсь держать руку на пульсе. Я сам нашептал себе этот секрет. Почему ты сегодня пришел сюда? Твое лицо — открытая книга, Ларри. Надеюсь, ты не играешь в покер. И когда я говорил о простых удовольствиях, которые еще мне доступны, я видел, как оно вытягивалось... становилось довольно комичным...

— Неужели это так смешно? И как мне следовало выглядеть? Радоваться насчет...

— Отправки меня на запад, — ровно и спокойно закончил Судья. — Чтобы узнать, что там происходит. Речь об этом?

— Совершенно верно.

— Я задавался вопросом, сколько пройдет времени, прежде чем эта идея всплывет на поверхность. Это невероятно важно, даже жизненно необходимо для Свободной зоны — знать, каковы ее шансы на выживание. Мы понятия не имеем, чем он там занимается. С тем же успехом он может быть и на темной стороне Луны.

— Если он вообще есть.

— Есть, будь уверен. В той или иной форме, но есть. Никогда в этом не сомневайся. — Судья достал из кармана брюк маникюрные щипцы и занялся своими ногтями, тихие щелчки накладывались на его голос. — Скажи мне, комитет обсуждал, что может случиться, если мы решим, что там нам нравится больше? Если мы решим остаться?

Идея потрясла Ларри. Он признался Судье, что такая мысль никому не приходила в голову.

— Я предполагаю, что у него электричество работает, — с нарочитым безразличием продолжил Судья. — Это приманка, знаешь ли. Очевидно, этот Импенинг на нее клюнул.

— Баба с возу — кобыле легче, — мрачно пробурчал Ларри, и Судья долго и добродушно смеялся.

Потом стал серьезным.

— Я уеду завтра. Думаю, на «лендровере». На север до Вайоминга, потом на запад. Слава Богу, машину я еще вожу прилично! Поеду через Айдахо к северной Калифорнии. Дорога туда может занять две недели, обратно — еще дольше. Когда я поеду назад, возможно, уже выпадет снег.

— Да. Мы об этом говорили.

— И я старый. Старые люди подвержены инфарктам и приступам глупости. Я полагаю, вы посылаете не только меня?

— Ну...

— Нет, ты не должен об этом говорить. Я снимаю вопрос.

— Послушайте, вы можете отказаться, — пробормотал Ларри. — Никто не приставляет пистолет к...

— Ты пытаешься снять с себя ответственность на случай, если со мной что-то произойдет? — резко спросил Судья.

— Возможно. Возможно, и пытаюсь. Возможно, я думаю, что ваши шансы вернуться — один к десяти, а ваши шансы вернуться с информацией, отталкиваясь от которой мы будем принимать решения, — один к двадцати. А может, я всего лишь пытаюсь сказать, что допустил ошибку. Вы слишком стары.

— Я слишком стар для приключений, — Судья убрал щипцы, — но, надеюсь, не слишком стар, чтобы сделать то, что считаю правильным. Эта старая женщина, которая сейчас неизвестно где, ушла навстречу жуткой смерти, чувствуя, что это правильно, сподвигнутая на это, я не сомневаюсь, религиозной манией. Но люди, которые очень стараются поступить правильно, всегда

кажутся безумцами. Я поеду. Я буду мерзнуть. Мой кишечник откажется работать как должно. Мне будет одиноко. Я буду скучать по моим бегониям. Но... — Он посмотрел на Ларри, и его глаза блеснули в густых сумерках. — Я буду вести себя по-умному.

— Полагаю, что будете. — И Ларри почувствовал жжение в уголках глаз.

— Как Люси? — спросил Судья, вероятно, закрывая тему отъезда.

— Отлично, — ответил Ларри. — У нас обоих все отлично.

— Никаких проблем?

— Нет, — сказал он и подумал про Надин. Что-то в ее отчаянии при их последней встрече до сих пор тревожило его. *Ты мой последний шанс.* Странная фраза, чуть ли не суицидальная. И как ей помочь? Психиатрия? Не смешите, самое лучшее, что могла предложить Свободная зона, — услуги лошадиного доктора. Даже «Обратись за молитвой»* приказала долго жить.

— Это хорошо, что ты с Люси, — продолжил Судья, — но, подозреваю, ты волнуешься и из-за другой женщины.

— Да. — Следующие слова дались Ларри очень тяжело, но потом ему полегчало только от того, что он смог поговорить об этом с другим человеком. — Мне кажется, она, возможно, подумывает о самоубийстве. — Тут его прорвало: — Дело не во мне, я не думаю, будьте уверены, что какая-то девушка может покончить с собой только потому, что ей не достался сексапильный Ларри Андервуд. Но мальчик, о котором она заботилась, выскользнул из-под ее крыла, и мне кажется, она чувствует себя одинокой, потому что никому не требуется ее забота.

— Если ее депрессия станет хронической и будет усиливаться, она действительно может покончить с собой, — ответил Судья с леденящим безразличием.

Ларри в изумлении вскинул на него глаза.

— Но ты можешь быть только с одной женщиной. Это так?

— Да.

— И сделал выбор?

— Да.

— Навсегда?

---

* «Обратись за молитвой» — круглосуточная горячая линия психической поддержки, организованная в 1955 г. пастором Р.Р. Швамбахом.

— Да.

— Тогда живи согласно ему! — В голосе Судьи слышалось облегчение. — Ради Бога, Ларри, повзрослей. Выработай в себе уверенность в собственной правоте. Когда такая уверенность бьет через край — это ужасно, Господь тому свидетель, но малая толика, наложенная на все сомнения и колебания, просто необходима. Для души это так же хорошо, как тень для кожи в жаркий летний день. Ты можешь управлять только собственной душой, и время от времени какой-нибудь умник-психиатр ставит под вопрос даже это. Повзрослей! Люси — прекрасная женщина. Брать ответственность за нее и за собственную душу — это уже слишком тяжелая ноша, а взваливать на себя слишком тяжелую ношу — один из самых популярных способов накликать беду.

— Мне нравится беседовать с вами, — признался Ларри, сам удивленный непосредственностью собственных слов.

— Вероятно, по одной причине: я говорю тебе то, что ты хочешь услышать, — строго ответил Судья. Потом добавил: — Есть разные способы совершить самоубийство, знаешь ли.

Прошло не так уж много времени, прежде чем Ларри предоставилась возможность вспомнить последнюю фразу Судьи — при трагических обстоятельствах.

Следующим утром, в четверть девятого, самосвал Гарольда выезжал с территории автовокзала «Грейхаунда», чтобы вновь отправиться в район Столовой горы. Гарольд, Уайзак и еще двое мужчин сидели в кузове, Норман Келлог и один мужчина — в кабине. Они находились на пересечении Арапахоу и Бродвея, когда увидели медленно катящийся к ним новенький «лендровер».

Уайзак помахал рукой и крикнул:

— Куда направляетесь, Судья?

Судья, который выглядел довольно комично в шерстяной рубашке и жилетке, подъехал к самосвалу.

— Собрался провести денек в Денвере, — вежливо ответил он.

— Думаете, доберетесь туда? — спросил Уайзак.

— Полагаю, что да, если буду держаться подальше от основных магистралей.

— Что ж, если по пути вам встретится один из этих книжных магазинов для взрослых, вас не затруднит загрузить полный багажник?

Этот вопрос вызвал общий смех, в том числе и у Судьи. Не смеялся только Гарольд. Он в это утро выглядел неважно: изможденное лицо, землистая кожа. Словно плохо спал ночью. На самом деле он практически не спал. Надин оказалась верна своему слову: не одна греза в эту ночь стала реальностью. Из тех, что заканчивались выбросом спермы. Он уже с нетерпением ждал грядущего вечера, и шутка Уайзака на предмет порнографии вызвала у него лишь легкое подобие улыбки. Теперь он все получал наяву, необходимость что-либо воображать отпала. Надин спала, когда он уходил. Перед тем как они угомонились, где-то около двух часов ночи, она сказала, что хотела бы прочитать его дневник. Он ответил: «Читай, если хочется». С одной стороны, так открывал ей все свои секреты, с другой — не мог сказать, хорошо это или плохо. Но за всю жизнь ничего лучшего он не написал, и решающим фактором оказалось желание — нет, *потребность*. Потребность показать кому-то плоды своих трудов.

Теперь Келлог высунулся из кабины:

— Будьте осторожны, отец, хорошо? В эти дни на дорогах бродят странные люди.

— Действительно, бродят, — ответил Судья, как-то загадочно улыбнувшись. — И я буду осторожен. Хорошего вам дня, господа. И вам тоже, мистер Уайзак.

Раздался взрыв хохота, и они разъехались.

В Денвер Судья не поехал. Добравшись до шоссе 36, пересек его, продолжив путь по шоссе 7. Утро выдалось ясным и теплым, и на этой второстепенной дороге застывшие автомобили встречались редко, во всяком случае, нигде не перегораживали проезжую часть. В Брайтоне ситуация заметно ухудшилась. В какой-то момент ему пришлось свернуть с шоссе и объехать колоссальную пробку по футбольному полю местной школы. На восток он ехал, пока не добрался до автострады 25. Правый поворот привел бы его в Денвер, но он повернул налево, на север. Миновав половину выездного пандуса, остановил «лендровер», выключил передачу и посмотрел налево, на запад, где к небу поднимались Скалистые горы, у подножия которых раскинулся Боулдер.

Он сказал Ларри, что слишком стар для приключений, но, да простит его Господь, солгал. Его сердце не билось так быстро уже лет двадцать, воздух давно уже не казался таким сладким, а цве-

та — такими яркими. Он собирался ехать по автостраде 25 до Шайенна, а там повернуть на запад. К тому, что ждало его за горами. По коже Судьи, сухой от возраста, при этой мысли побежали мурашки. На запад по автостраде 80 в Солт-Лейк-Сити, а потом, через Неваду, в Рино. Затем он вновь мог повернуть на север, но едва ли это имело значение. Судья предполагал, что где-то между Солт-Лейк-Сити и Рино, если не раньше, его остановят, допросят и, возможно, отправят в какое-то другое место, где допросят вновь. И выпишут пропуск для дальнейшего продвижения.

Возможно, ему даже удастся лично встретиться с темным человеком.

— Шевелись, старик, — мягко сказал он себе.

Включил передачу и медленно выехал на автостраду. На север уходили три полосы, все относительно свободные. Как он и предполагал, пробки и многочисленные аварии существенно уменьшили количество автомобилей, которые смогли покинуть Денвер. По другую сторону разделительной полосы автомобили перегородили всю проезжую часть. Очень и очень многие хотели уехать на юг, почему-то надеясь, что на юге будет лучше, а вот с продвижением на север у Судьи проблем не возникало. Во всяком случае, пока.

Судья Феррис ехал и ехал, радуясь тому, что отправился в путь. Прошлой ночью он спал плохо, но предполагал, что следующей выспится. Под звездами, завернувшись в два спальника. Он задумался, увидит ли снова Боулдер когда-нибудь, и решил, что шансов на это мало. Тем не менее охватившее его волнение радовало.

Этот день он без тени сомнения зачислил в лучшие дни своей жизни.

Вскоре после полудня Ник, Ральф и Стью на велосипедах приехали в северный Боулдер к маленькому оштукатуренному дому, в котором жил Том Каллен. Дом Тома уже получил известность среди боулдеровских «старожилов». Как метко сказал Стэн Ноготны, такой дом мог появиться, если бы католики, баптисты и адвентисты Седьмого дня собрались вместе с демократами и мунитами, чтобы создать религиозно-политический «Диснейленд».

Лужайка перед домом превратилась в парк скульптур. На траве стояло не меньше десяти статуй Девы Марии, причем некоторые из них, очевидно, кормили стаи пластиковых розовых фламинго. Самый большой фламинго ростом превосходил Тома и стоял на одной ноге, которая заканчивалась уходящим в землю четырехфутовым штырем. Компанию им составлял огромный колодец желаний с большим пластиковым Иисусом, светящимся в темноте, который расположился в декоративном ведре, вытянув руки... вероятно, благословляя фламинго. Рядом с колодцем желаний большая пластмассовая корова, похоже, пила воду из купальни для птиц.

Передняя сетчатая дверь распахнулась, и Том вышел к ним навстречу, голый по пояс. Издалека, подумал Ник, он выглядел писателем или художником в расцвете сил, с его ярко-синими глазами и большой рыжеватой бородой. Но по мере того как Том подходил ближе, ты начинал понимать, что первое впечатление обманчиво и он не такой уж интеллектуал... может, контркультурный народный умелец, выдающий китч за оригинальность. А уж на совсем близком расстоянии, глядя на улыбку и слушая невероятно быструю речь Тома Каллена, осознавал, что его верхний этаж страдает серьезными изъянами.

Ник знал, что сочувствует Тому отчасти потому, что и его самого зачастую считали умственно отсталым: сначала из-за врожденного недостатка он долгое время не мог научиться читать и писать, а потом люди просто исходили из того, что глухонемой должен быть умственно отсталым по определению. В свое время он наслушался всякого. Дефективный. Инвалид мозга. Стебанутый. Не все дома. Ник помнил вечер, когда зашел в придорожную забегаловку «У Зака» на окраине Шойо — тот самый вечер, когда его избили Рэй Бут с дружками. Бармен стоял у другого конца стойки, перегнувшись через нее, чтобы пошептаться с клиентом. Рукой частично прикрывал губы, поэтому Ник мог уловить только фрагменты разговора. Впрочем, и этого хватало с лихвой. *Глухонемой... вероятно, умственно отсталый... практически все эти парни — умственно отсталые...*

Но среди отвратительных синонимов умственной отсталости один очень даже соответствовал Тому. Именно так часто называл его Ник, с искренним сочувствием, в глубине молчаливого разума. *Парень с неполной колодой.* В этом и заключалась беда Тома.

Больше ни в чем. А особенно жалко Тома было потому, что в его колоде отсутствовали мелкие карты: двойка бубен, тройка треф, что-то вроде этого. Но даже без этих карт о хорошей игре речь не шла. Без этих карт не раскладывался даже пасьянс.

— Никки! — закричал Том. — Как я рад тебя видеть! Родные мои, да! Том Каллен так рад! — Он обнял Ника за шею, прижал к себе. Ник почувствовал, как слезы начали жечь его больной глаз под черной повязкой, которую он носил в такие солнечные дни, как этот. — И Ральф тоже! И еще один. Ты... дай-ка...

— Я... — начал Стью, но Ник заставил его замолчать резким взмахом левой руки. Он практиковал с Томом мнемонику — и, кажется, успешно. Если тебе удавалось проассоциировать что-то знакомое с именем, которое ты хотел вспомнить, оно частенько всплывало из глубин памяти. Руди научил его этому много лет назад.

Теперь он достал из кармана блокнот и написал несколько слов. Протянул Ральфу, чтобы тот прочитал.

Чуть нахмурившись, Ральф так и сделал:

— Твоя любимая еда из мяса, овощей и подливы.

Том замер. Его лицо утратило радостное выражение. Рот глупо приоткрылся.

Стью переступил с ноги на ногу.

— Ник, тебе не кажется, что нам...

Ник приложил палец к губам, и в то же мгновение Том ожил.

— Стью*! — воскликнул он, подпрыгивая и смеясь. — Ты Стью! — И посмотрел на Ника в ожидании подтверждения.

Ник вскинул руку, раздвинув два пальца буквой «V».

— Родные мои, это Стью! Том Каллен это знает, *все* это знают!

Ник указал на дверь дома:

— Хотите зайти? Родные мои, да! Все мы сейчас зайдем внутрь. Том украшал дом!

Ральф и Стью удивленно переглянулись и последовали за Ником и Томом по ступенькам крыльца. Том всегда «украшал». Он не «обставлял», потому что дом ему достался, само собой, со всей обстановкой. Входя внутрь, человек попадал в безумно перемешанный мир Матушки Гусыни.

---

* Игра слов: stew — тушеное мясо с овощами (*англ.*).

Огромная клетка с чучелом зеленого попугая, аккуратно закрепленным проволокой на жердочке, висела сразу за порогом, и Нику пришлось поднырнуть под нее. Том, отметил для себя Ник, украшая дом, не ташил в него все, что попадало под руку. Иначе он превратился бы в сарай, куда свозится для распродажи всякий хлам. В «украшениях» чувствовалась некая идея, которую, возможно, не мог понять обычный человек. Скажем, над камином висела большая квадратная доска, к которой ровно и аккуратно крепились таблички с извещениями о приеме кредитных карточек. «ЗДЕСЬ С РАДОСТЬЮ ПРИМУТ ВАШУ КАРТОЧКУ "ВИЗА"», «ПРОСТО СКАЖИ "МАСТЕРКАРД"», «МЫ УВАЖАЕМ "АМЕРИКАН ЭКСПРЕСС"», «ДАЙНЕРС КЛАБ». Возникал вопрос: откуда Том знал, что все эти таблички взаимосвязаны? Читать он не умел, но каким-то образом понял, что они должны быть вместе.

Большой пожарный гидрант из пенопласта стоял на кофейном столике. Мигалка с патрульного автомобиля — на подоконнике, где она могла улавливать солнечный свет и отбрасывать синие блики на стену.

Том провел их по всему дому. Игровую комнату в подвале заполняли чучела птиц и животных, найденные Томом в магазине таксидермиста. Подвешенные на практически невидимой струнной проволоке птицы парили в воздухе: совы, и ястребы, и даже лысый орел с поеденными молью перьями и без одного желтого стеклянного глаза. Сурок стоял на задних лапках в одном углу, суслик — в другом, ласка — в третьем. А середину комнаты занимал койот, на которого, похоже, смотрели все животные поменьше.

Поручень лестницы, ведущей наверх, был обернут полосами белой и красной самоклеящейся бумаги и напоминал парикмахерский столб. В верхнем коридоре на струнной проволоке висели истребители: «фоккеры», «спэды», «юнкерсы», «зеро», «спитфайеры», «мессершмитты». Пол в ванной Том выкрасил в ярко-синий цвет, и по нему «плавала» коллекция игрушечных яхт и катеров, огибая четыре белых фаянсовых острова и один белый фаянсовый континент: ножки ванны и основание унитаза.

Наконец Том отвел их вниз, и они сели под коллажем из табличек с объявлениями о приеме кредитных карточек, напротив трехмерной картины с Джоном и Робертом Кеннеди, стоящими

на фоне окрашенных золотом облаков. Называлась она «БРАТЬЯ ВМЕСТЕ НА НЕБЕСАХ».

— Вам понравилось украшательство Тома? Что вы думаете? Красиво?

— Очень красиво, — ответил Стью. — Скажи мне, эти птицы внизу... они никогда не достают тебя?

— Родные мои, никогда! — удивленно сказал Том. — Они же набиты опилками!

Ник протянул Ральфу записку.

— Том, Ник хочет знать, не будешь ли ты возражать, если тебя снова загипнотизируют. Как это делал Стэн. На этот раз по важному делу — не для игры. Ник говорит, что потом он тебе все объяснит.

— Валяйте, — ответил Том. — Тебе-е-е о-о-о-очень хо-о-о-очется спа-а-ать... да?

— Да, именно, — ответил Ральф.

— Вы хотите, чтобы я снова смотрел на часы? Я не возражаю. А вы будете раскачивать их взад-вперед? О-о-о-очень... хо-о-о-очется... — Том с сомнением посмотрел на них. — Только я не чувствую себя очень сонным. Родные мои, нет. Вчера вечером я рано лег спать. Том Каллен всегда ложится спать рано, потому что нет телевизора и смотреть нечего.

— Том, ты хотел бы увидеть слона? — мягко спросил Стью.

Глаза Тома мгновенно закрылись. Голова упала на грудь. Дыхание стало глубоким и медленным. Стью в изумлении смотрел на него. Ник дал ему ключевую фразу, но он не знал, сработает ли она. И уж совсем не ожидал, что сработает настолько быстро.

— Все равно что сунуть голову курицы под крыло, — восхитился Ральф.

Ник протянул Стью подготовленный «сценарий» для установки. Стью ответил долгим взглядом. Ник глаз не отвел, а потом кивнул, предлагая Стью продолжать.

— Том, ты меня слышишь? — спросил Стью.

— Да, я тебя слышу, — ответил Том, и его голос заставил Стью вскинуть голову.

Этот голос отличался от обычного голоса Тома, но Стью никак не мог понять, чем именно. Голос Тома напомнил ему о событии, случившемся с ним в восемнадцать лет, когда он заканчивал старшую школу. Перед церемонией они сидели в раздевалке для

мальчиков, все парни, с которыми он ходил в школу с... с четырьмя — с первого дня в первом классе, со многими другими — чуть меньше. На мгновение он вдруг увидел, как сильно изменились их лица с тех давних дней, с тех первых дней, и этот миг озарения настиг его, когда он стоял на полу раздевалки с черной мантией в руках. От того видения по телу пробежала дрожь, так же как и сейчас. Лица, на которые он смотрел, уже не были лицами детей... но еще не стали лицами мужчин. Эти лица принадлежали тем, кто оказался между этими двумя четко определенными состояниями. И голос, идущий из темных глубин подсознания Тома, оказался сродни этим лицам, только грусти в нем было неизмеримо больше. Стью подумал, что это голос человека, которому не суждено стать мужчиной.

Но они ждали продолжения, и он продолжил:

— Я Стью Редман, Том.

— Да, Стью Редман.

— Здесь Ник.

— Да, Ник здесь.

— Ральф Брентнер тоже здесь.

— Да, Ральф тоже.

— Мы твои друзья.

— Я знаю.

— Мы хотим, чтобы ты кое-что сделал, Том. Для Зоны. Это опасно.

— Опасно...

Тревога прошла по лицу Тома, медленно, как тень облака по кукурузному полю.

— Мне придется бояться? Мне придется... — Он замолчал, вздохнул.

Стью обеспокоенно глянул на Ника.

Тот беззвучно, одними губами произнес: *Да.*

— Это *он*. — Том вновь вздохнул, очень тоскливо. С таким звуком ноябрьский ветер проносится сквозь кроны лишенных листвы дубов. Стью почувствовал, как у него внутри все дрожит. Ральф побледнел.

— Кто, Том? — мягко спросил Стью.

— Флэгг. Его зовут Рэнди Флэгг. Темный человек. Вы хотите, чтобы я... — Опять вздох, тоскливый и долгий.

— Откуда ты его знаешь, Том?

Этого в сценарии не было.

— Сны... во снах я видел его лицо.

Во снах я видел его лицо. Но никто из них не видел его лица. Оно всегда оставалось сокрытым.

— Ты его видел?

— Да...

— И как он выглядит, Том?

Том долго молчал. Стью уже решил, что ответа не будет, и собрался вернуться к сценарию, когда Том заговорил:

— Внешне он ничем не отличается от любого прохожего на улице. Но когда он улыбается, птицы падают замертво с телефонных проводов. Когда он смотрит на тебя определенным образом, твоя простата раздувается, а моча жжет. Трава желтеет и высыхает там, куда он плюет. Он всегда снаружи. Он пришел из вневременья. Он сам этого не знает. У него имя тысячи демонов. Иисус однажды заставил его вселиться в стадо свиней. Имя ему — Легион. Он боится нас. Мы внутри. Он владеет магией. Он может призвать волков и жить в воронах. Он — король пустоты. Но он нас боится. Он боится... того, что внутри.

Том замолчал.

Все трое переглядывались, бледные, как могильные камни. Ральф сдернул шляпу с головы и нервно мял в руках. Ник прикрыл глаза рукой. Стью в горло словно насыпали сухой соломы.

Имя ему — Легион. Он — король пустоты.

— Можешь рассказать нам о нем что-нибудь еще? — тихим голосом спросил Стью.

— Только что я тоже боюсь его. Но я сделаю то, что вы хотите. Но Том... так боится. — Снова этот ужасный вздох.

— Том, — внезапно обратился к нему Ральф. — Ты знаешь что-нибудь о матушке Абагейл?.. Она жива?

— Она жива. — И Ральф откинулся на спинку стула, облегченно выдохнув. — Но она еще не помирилась с Богом, — добавил Том.

— Не помирилась с Богом? Почему, Томми?

— Она в пустоши, и Он поддержал ее в пустоши. Она не боится ни ужаса, который прилетает в полдень, ни ужаса, который крадется в полночь... ни змея не ужалит ее, ни пчела... но она еще не помирилась с Богом. Это не рука Моисея добыла воду из камня. Это не рука Абагейл отогнала ласок, оставив их голодными. Ее

надо жалеть. Она прозреет, но прозреет слишком поздно. Будет смерть. *Его* смерть. Она умрет не на той стороне реки. Она...

— Останови его, — простонал Ральф. — Ты можешь его остановить?

— Том, — подал голос Стью.

— Да?

— Ты тот самый Том, которого Ник встретил в Оклахоме? Ты тот самый Том, которого мы знаем, когда ты бодрствуешь?

— Да, но я больше, чем тот Том.

— Я не понимаю.

Том чуть поерзал, его спящее лицо оставалось спокойным.

— Я Божий Том.

Разнервничавшись, Стью едва не выронил записи Ника.

— По твоим словам, ты сделаешь то, что мы хотим.

— Да.

— Но ты... ты думаешь, что сможешь вернуться?

— Мне не дано увидеть это или сказать. Куда я пойду?

— На запад, Том.

Том застонал. От этого звука волосы на загривке Стью встали дыбом. *Куда мы его посылаем?* И возможно, он знал. Возможно, он побывал там сам, только в Вермонте, в лабиринте коридоров, где эхо казалось шагами, которые преследовали тебя, все приближаясь.

— На запад, — повторил Том. — На запад, да.

— Мы посылаем тебя посмотреть, Том. Посмотреть и увидеть. А потом вернуться.

— Вернуться и рассказать.

— Сможешь ли ты это сделать?

— Да. Если только они не поймают и не убьют меня.

Стью дернулся; они все дернулись.

— Ты пойдешь один, Том. Всегда на запад. Ты сможешь найти запад?

— Где заходит солнце.

— Да. И если кто-нибудь спросит, почему ты здесь, ты на это ответишь: «Они вывезли меня из Свободной зоны...»

— Вывезли меня. Вывезли Тома. Оставили на дороге.

— ...потому что ты слабоумный...

— Они вывезли Тома, потому что Том слабоумный.

— ...и потому что ты мог поиметь женщину, и у этой женщины могли родиться дети-идиоты.

— Дети-идиоты, как Том.

К горлу Стью подкатывала тошнота. Голова напоминала утюг, который научился потеть. Казалось, он мучился сильнейшим похмельем.

— Теперь повтори, что ты скажешь, если кто-нибудь спросит, почему ты оказался на западе.

— Они вывезли Тома, потому что он слабоумный. Родные мои, да. Они боялись, что я могу поиметь женщину, как их имеют членом в постели. Обрюхатить ее идиотами.

— Это правильно, Том. Это...

— Вывезли меня, — повторил Том тихим, печальным голосом. — Вывезли Тома из его уютного дома и оставили на дороге.

Стью провел по лбу трясущейся рукой. Посмотрел на Ника. Ник двоился, нет, троился у него перед глазами.

— Ник, я не знаю, сумею ли закончить.

Ник посмотрел на Ральфа. Ральф, белый как полотно, смог только покачать головой.

— Заканчивайте, — неожиданно произнес Том. — Не оставляйте меня здесь, в темноте.

Собрав волю в кулак, Стью продолжил:

— Том, ты знаешь, как выглядит полная луна?

— Да... большая и круглая.

— Не половинка луны, даже не большая часть луны.

— Да.

— Когда ты увидишь эту большую круглую луну, ты пойдешь на восток. Обратно к нам. Обратно к своему дому, Том.

— Да, когда я увижу ее, я вернусь, — согласился Том. — Я вернусь домой.

— И на обратном пути ты будешь идти ночью и спать днем.

— Идти ночью, спать днем.

— Точно. И, если удастся, ты никому не позволишь увидеть тебя.

— Да.

— Но, Том, кто-то может увидеть тебя.

— Да, кто-то может.

— Если тебя увидит один человек, Том, убей его.

— Убей его! — В голосе Тома слышалось сомнение.

— Если больше одного, беги.

— Беги, — более уверенно повторил Том.

— Но постарайся, чтобы тебя вообще не увидели. Сможешь все это повторить?

— Да. Возвращаться назад, когда будет полная луна. Не половинка, не месяц. Идти ночью, спать днем. Никому не позволять увидеть меня. Если меня увидит один человек, убить его. Если больше, бежать от них. Но постараться, чтобы никто меня не увидел.

— Очень хорошо. Я разбужу тебя через несколько секунд. Хорошо?

— Хорошо.

— Когда я спрошу тебя о слоне, ты проснешься, хорошо?

— Хорошо.

Стью откинулся на спинку стула и глубоко, со всхлипом вдохнул.

— Слава Богу, все.

Ник согласно кивнул.

— Ник, ты знал, что такое может случиться?

Ник покачал головой.

— Откуда ему все это известно? — пробормотал Стью.

Ник указал на свой блокнот. Стью отдал его, радуясь, что наконец-то от него избавился. От пота страница, исписанная Ником, стала почти прозрачной. Ник что-то написал и отдал блокнот Ральфу. Тот прочитал, шевеля губами, и протянул блокнот Стью.

История человечества знает людей, которые считались безумными или умственно отсталыми, но на самом деле обладали пророческим даром. Я не думаю, что он сказал нам что-то практически полезное для нас, но знаю, что напугал меня до полусмерти. Магия, сказал он. Как воевать с магией?

— Это выше моего понимания, вот и все, — пробормотал Ральф. — То, что он говорил о матушке Абагейл, я не хочу даже думать об этом. Разбуди его, Стью, и давай уберемся отсюда как можно быстрее. — Ральф чуть не плакал.

Стью вновь наклонился вперед.

— Том?

— Да.

— Ты хотел бы увидеть слона?

Глаза Тома тут же открылись, он оглядел всех троих.

— Я говорил вам, что не сработает. Родные мои, нет. Тому не хочется спать ясным днем.

Ник протянул листок Стью, который взглянул на него, а потом обратился к Тому:

— Ник говорит, что ты все сделал очень даже хорошо.

— Правда? Я стоял на голове, как и раньше?

«Нет, — со стыдом подумал Ник, — на этот раз ты показал трюки получше».

— Нет, — ответил Стью. — Том, мы пришли, чтобы спросить — не сможешь ли ты нам помочь?

— Я? Помочь? Конечно. Я люблю помогать!

— Это опасно, Том. Мы хотим, чтобы ты пошел на запад, а потом вернулся и рассказал нам, что ты там увидел.

— Хорошо, конечно, — без малейшего колебания ответил Том, но Стью показалось, что он заметил тень, промелькнувшую по лицу Тома и спрятавшуюся за его бесхитростными синими глазами. — Когда?

Стью положил руку Тому на плечо и спросил себя, а что он вообще здесь делает. Как можно идти на такое, если ты — не матушка Абагейл и у тебя нет прямого контакта с небесами?

— Скоро, — мягко ответил он. — Очень скоро.

Когда Стью вернулся домой, Фрэнни готовила ужин.

— Заходил Гарольд, — сообщила она. — Я предложила ему остаться и поесть с нами, но он отказался.

— Угу.

Она пристально всмотрелась в него.

— Стюарт Редман, какая собака тебя укусила?

— Наверное, по имени Том Каллен. — И он рассказал ей все.

Они сели за стол.

— И что это значит? — спросила Фрэн. Она побледнела и почти не ела, а просто возила еду по тарелке.

— Если бы я знал, — вздохнул Стью. — Это... наверное, откровение. Я не понимаю, почему мы должны отвергать идею, что Том Каллен, находясь в трансе, может видеть недоступное другим. Мы

сами многого навидались по пути в Боулдер. Если это были не откровения, то не знаю, как их еще называть.

— Но все осталось в прошлом... по крайней мере для меня.

— Да, для меня тоже, — согласился Стью и заметил, что тоже возит еду по тарелке.

— Послушай, Стью... я знаю, мы договорились не обсуждать комитетские дела вне совещаний без крайней на то необходимости. Ты говорил, мы будем все время ссориться, и, вероятно, был прав. И я не сказала ни слова насчет твоего превращения в маршала Диллона* после двадцать пятого, так?

Он чуть улыбнулся:

— Так, Фрэнни.

— Но я должна тебя спросить: ты по-прежнему думаешь, что посылать Тома Каллена на запад — хорошая идея? После того, что произошло сегодня?

— Не знаю. — Стью отодвинул тарелку. Большая часть еды осталась нетронутой. Он встал, подошел к комоду, взял пачку сигарет. Теперь он выкуривал за день три-четыре. Закурил, глубоко затянулся, заполнив легкие табачным дымом, выдохнул. — Если говорить о плюсах, его история достаточно проста и убедительна. Мы вывезли его, потому что он недоумок. Никто не сможет заставить его от нее отказаться. А если он вернется, мы сможем снова загипнотизировать его — он входит в транс в мгновение ока, сам бы не поверил, если б не увидел собственными глазами, — и он расскажет нам все, что видел, важное и неважное. Вполне возможно, он окажется самым лучшим очевидцем. Я в этом не сомневаюсь.

— Если он вернется.

— Да, *если*. Он получил от нас установку идти на восток только по ночам, а днем прятаться. Увидев больше одного человека, бежать. Увидев одного, убить его.

— Стью, нет!

— Разумеется, да! — сердито ответил он, развернувшись к ней. — Мы здесь не в ладушки играем, Фрэнни! Ты должна понимать, что случится с ним... или с Судьей... или с Дейной... если их там поймают! Почему ты поначалу возражала против этой идеи?

---

* Маршал Диллон — персонаж популярного телевизионного сериала «Дым из ствола».

— Хорошо, — тихо ответила она. — Хорошо, Стью.

— Нет, *не хорошо*! — Он вогнал только что раскуренную сигарету в керамическую пепельницу. Взлетел фонтан искр. Несколько приземлились на тыльную сторону ладони, и Стью резко их сбросил. — Нехорошо посылать слабоумного парня сражаться за нас, и нехорошо передвигать людей, будто пешки на гребаной шахматной доске, и нехорошо отдавать приказы убивать, как боссы-мафиози. Но я не знаю, что еще мы можем сделать. Просто не знаю. Если мы не выясним, что он там замышляет, существует чертовски большая вероятность того, что следующей весной вся Свободная зона превратится в одно грибовидное облако.

— Хорошо. Понимаю. Хорошо.

Он медленно сжал кулаки.

— Я кричал на тебя. Извини. У меня нет такого права, Фрэнни.

— Все нормально. Не ты открыл ящик Пандоры.

— Полагаю, мы все в нем покопались, — мрачно ответил он, взял другую сигарету из пачки на комоде. — В любом случае, когда я дал ему эту... как она там называется? Когда я сказал ему, что он должен убить любого человека, если тот в одиночку окажется у него на пути, Том вроде бы нахмурился. На короткий миг, а потом лицо его стало прежним. Я даже не знаю, заметили ли это Ник и Ральф, но я заметил. Том словно подумал: «Ладно, я понимаю, о чем вы, но решать буду сам, когда придет время».

— Я читала, что загипнотизированного человека нельзя заставить сделать нечто такое, чего он никогда бы не сделал в реальной жизни. Загипнотизированный человек не пойдет против своих моральных принципов, какую бы ему ни дали установку.

Стью кивнул:

— Да, я думал об этом. Но если этот Флэгг выставил пикеты по восточной границе своей территории? Я бы на его месте так и поступил. Если Том наткнется на такой пикет, когда будет идти на запад, у него есть история, которая все объяснит. А если он наткнется на них по пути на восток, тогда или он убьет их, или они его. И если Том не сможет убить, считай, что для него все кончено.

— Может, ты зря волнуешься об охране границы? Я хочу сказать, если пикеты и выставлены, их легко обойти.

— Да, один человек на пятьдесят миль. Что-то в этом роде. Если только у него не в пять раз больше людей, чем у нас.

— И если они не установили специальное оборудование, причем работающее — радары, тепловизоры и прочую фигню из шпионских фильмов, — велика вероятность, что Тому удастся пройти незамеченным.

— На это мы и надеемся. Но...

— Но тебя сильно мучает совесть.

— Что ж... есть такое. А чего хотел Гарольд, милая?

— Он оставил кипу карт. Территории, уже осмотренные поисковой командой, где не удалось обнаружить никаких следов матушки Абагейл. Помимо участия в поисках, Гарольд еще работает в похоронной команде. Он выглядел очень уставшим, но его работа на благо Свободной зоны — не единственная тому причина. Похоже, он тратит силы и дома.

— В смысле?

— У Гарольда появилась женщина.

Стью вскинул брови.

— Во всяком случае, этим он аргументировал отказ поесть с нами. Можешь догадаться — кто?

Стью прищурился, глядя в потолок.

— И с кем бы мог сожительствовать Гарольд? Дай подумать...

— Какое ты нашел безобразное слово! А чем, по-твоему, занимаемся мы? — Она шлепнула его по руке, и он, улыбаясь, подался назад.

— Смешно, да? Сдаюсь. Кто это?

— Надин Кросс.

— Женщина с белыми прядями в волосах?

— Она самая.

— Слушай, она же в два раза старше его.

— Я сомневаюсь, что на текущий момент это волнует Гарольда.

— Ларри знает?

— Я не в курсе, да и мне как-то все равно. Эта Кросс — уже не девушка Ларри. Если когда-то ею была.

— Да, — кивнул Стью. Его радовало, что Гарольд наконец-то нашел себе женщину, но, с другой стороны, это не имело значения. — А что думает Гарольд насчет работы поисковой команды? Поделился с тобой какими-нибудь идеями?

— Ты же знаешь Гарольда. Он много улыбается, но... надежды у него, похоже, нет. Поэтому он большую часть времени уде-

ляет похоронной команде. Теперь они называют его Ястребом, знаешь ли.

— Правда?

— Я услышала это сегодня. Не понимала, о ком речь. Пока не спросила. — Она помолчала, потом рассмеялась.

— Что тут такого веселого? — спросил Стью.

Фрэнни вытянула ноги, обутые в кроссовки. С кругами и линиями на подошвах.

— Он похвалил мои кроссовки. Наверное, рехнулся, да?

— Кто у нас рехнулся, так это ты, — улыбаясь, ответил Стью.

Гарольд проснулся перед рассветом, испытывая тупую, но не слишком неприятную боль в паху. Когда он поднимался, по телу пробежала дрожь. По утрам стало заметно холоднее, хотя наступило только двадцать второе августа и до осени оставался целый календарный месяц.

Зато ниже пояса полыхал пожар, это точно. Одного взгляда на аппетитные ягодицы Надин в крошечных прозрачных трусиках хватало, чтобы существенно его согреть. Она бы не возражала, если бы он ее разбудил... может, и возражала бы, но *протестовать* бы не стала. Он все еще не понимал, какие замыслы зрели за этими темными глазами, и немного ее побаивался.

Вместо того чтобы будить Надин, он тихонько оделся. Не хотел, чтобы она проснулась, хотя они бы нашли чем заняться.

Что ему требовалось, так это побыть где-нибудь одному и подумать.

Он остановился у двери, полностью одетый, с сапогами в левой руке. Прохлада комнаты на пару с прозаичностью процесса одевания охладили его страсть. Теперь он мог ощутить запах спальни, и запах этот положительных эмоций не вызывал.

Всего лишь одна мелочь, сказала она, мелочь, без которой они могли обойтись. Возможно, это была правда. Ртом и руками она умела вытворять что-то совершенно невероятное. Но если речь шла о мелочи, тогда почему в этой комнате стоял затхлый, кисловатый запашок, который он в плохие годы ассоциировал с удовольствием одиночек?

Может, ты хочешь, чтобы это выглядело плохим.

Тревожная мысль. Он вышел, мягко закрыв за собой дверь.

Глаза Надин распахнулись в тот самый момент, когда затворилась дверь. Она села, задумчиво посмотрела на дверь, снова легла. Тело ныло от тупой, но неослабевающей боли желания. Будь это такая мелочь, думала она (не имея ни малейшего понятия, сколь созвучны ее мысли с мыслями Гарольда), откуда тогда столь скверное самочувствие? Прошлой ночью в какой-то момент ей пришлось прикусить губу, чтобы подавить крики: *Перестань дурачиться и ВОТКНИ в меня эту штуку! Ты меня слышишь? ВОТКНИ ее в меня, НАПОЛНИ меня ею! Ты думаешь, от того, что ты делаешь, мне есть какой-то прок? Воткни ее в меня и, ради Бога, — или ради меня? — закончи эту безумную игру!*

Он как раз лежал, устроившись головой между ее ног, издавал странные похотливые звуки, которые могли бы показаться смешными, если б не выражали сжигающую его дикую страсть. Она подняла голову, эти слова уже дрожали у нее на губах, и увидела (или только подумала, что увидела?) лицо в окне. В то самое мгновение жаркий огонь ее похоти превратился в холодную золу.

Из окна ей яростно улыбалось *его* лицо.

Крик поднялся из ее груди... и тут же лицо исчезло, а его место заняли тени, пляшущие на темном стекле, кое-где замаранном пылью. Всего лишь бука, которого ребенок видит в шкафу или в углу за горкой игрушек.

Не более того.

Да только детскими страхами тут и не пахло, и даже теперь, в холодном свете зари, она не могла убедить себя в обратном. Это было *опасно* — убеждать себя в обратном. Она видела его, и он ее предупреждал. Будущий муж приглядывал за своей суженой. Лишенная девственности невеста никуда не годилась.

Глядя в потолок, Надин думала: *Я сосу его член, но это не лишение девственности. Я даю ему в зад, но это тоже не лишение девственности. Я одеваюсь для него как дешевая уличная шлюха, но это совершенно нормально.*

Поневоле приходилось задуматься: а каким человеком был ее жених?

И Надин долго, очень долго смотрела в потолок.

Гарольд приготовил себе чашку растворимого кофе, выпил, скривившись, вынес на крыльцо пару печений «Поп-тартс».

В ретроспективе последние два дня превратились для него в какую-то безумную карусельную гонку. Оранжевые самосвалы, Уайзак, хлопающий его по плечу и называющий Ястребом (теперь все его так звали), мертвецы, их бесконечный поток, а потом возвращение домой и переход от общения со смертью к бесконечному потоку извращенного секса. Более чем достаточно, чтобы голова пошла кругом.

Но теперь, сидя на ступеньке, холодной, как мраморный надгробный камень, с чашкой отвратительного кофе, плещущегося в желудке, он мог жевать пахнущие опилками «Поп-тартс» и думать. Он чувствовал, что мозги у него прочистились. Встали на место после сезона безумия. Ему вдруг пришло в голову, что для человека, который всегда полагал себя кроманьонцем в стаде ревущих неандертальцев, он в последнее время на удивление мало думал. Его вели, пусть не за нос, а за пенис.

Гарольд перевел глаза на Утюги, и перед его мысленным взором возникла Фрэнни Голдсмит. Именно Фрэнни побывала в тот день в его доме, теперь он знал это наверняка. Он нашел предлог, чтобы прийти в квартиру, где она жила с Редманом, с одной только целью: взглянуть на ее обувь. И так уж вышло, что кроссовки, которые были на ней, соответствовали отпечатку, найденному им на полу подвала. Круги и линии вместо обычных квадратов и зигзагов. Без вопросов, крошка.

Он полагал, что теперь может без проблем сложить два и два. Каким-то образом Фрэнни выяснила, что он прочитал ее дневник. Возможно, он оставил пятно или какой-то след на одной странице... может, и не на одной. Вот она и проникла в дом в поисках его реакции на прочитанное. В гроссбухе однозначно говорилось, что он планировал убить Стюарта Редмана. Если бы Фрэнни нашла такие записи, то обязательно сказала бы Стью. И даже если бы не сказала, вчера не вела бы себя с ним так непринужденно и естественно.

Гарольд добил последнее печенье, поморщившись от холодной корочки и еще более холодной желеобразной начинки. Решил, что прогуляется к автовокзалу, вместо того чтобы ехать на мотоцикле: Тедди Уайзак или Норрис подбросят его по пути домой после завершения рабочего дня. Зашагал по тротуару, на ходу застегивая молнию ветровки до самого подбородка, спасаясь от утреннего холода, которому предстояло рассеяться лишь через

час-другой. Он шел мимо домов с задернутыми шторами, и где-то через шесть кварталов ему начали встречаться начерченные на дверях белые буквы «Х». Вновь его идея. Похоронная команда теперь так помечала все очищенные от трупов дома. Буква «Х» на двери означала, что список потенциальных склепов уменьшился на одну позицию. Люди, которые жили здесь, упокоились навсегда. Еще через месяц белые «Х» заполонят весь Боулдер, свидетельствуя о конце эпохи.

Да, пришло время подумать, и крепко подумать. Создавалось ощущение, что после встречи с Надин думать он перестал... но, возможно, на самом деле это произошло еще раньше.

«Я прочитал ее дневник, потому что обиделся и ревновал, — думал Гарольд. — Потом она проникла в мой дом в поисках моего дневника, но не нашла его». Однако шок, вызванный тем, что кто-то побывал в его доме, возможно, вполне мог сойти за месть. Это происшествие точно выбило его из колеи. Может, посчитать, что они квиты, и на том закончить?

Ведь он больше не хотел Фрэнни... Верно?

Он ощутил, как в груди начал раскаляться уголек негодования. Может, и нет. Но они исключили его из своего круга, в этом сомнений быть не могло. И хотя Надин не объясняла, по какой причине пришла к нему, Гарольд предполагал, что и ее точно так же исключили, отвергли, отринули. Они оказались изгоями, а изгои всегда строят планы. Только это, возможно, и позволяет им не сойти с ума. (*Не забудь записать в гроссбух,* подумал Гарольд. Он почти добрался до центра города.)

Большая компания изгоев собралась и по ту сторону гор. А когда в одном месте оказывается достаточное количество изгоев, происходит какая-то магическая диффузия, и ты переносишься внутрь. Внутрь, где тепло. Всего лишь мелочь — быть внутри, где тепло, но в действительности это что-то очень большое. Может, самое важное во всем мире.

Может, он не хотел считать, что они квиты. Может, его не устраивала ничья, может, ему не хотелось получать бессмысленные благодарственные письма за использование его идей и ждать пять лет, пока Бейтман уйдет в отставку из их драгоценного комитета, чтобы он смог в него войти... а если они решат вновь прокатить его? Они могли, потому что речь шла не только о возрасте. Они

взяли этого проклятого глухонемого, который лишь на несколько лет старше, чем он, Гарольд.

Уголь негодования ярко полыхал. Думай, конечно, думай... легко сказать, а иногда даже и сделать... но какой смысл думать, если неандертальцы, которые правят этим миром, могут разве что оборжать тебя или, хуже того, прислать благодарственное письмо?

Он добрался до автовокзала. Пришел рано, самый первый. Нашел на двери листовку, сообщающую о том, что двадцать пятого состоится еще одно общее собрание. Общее собрание? Общая круговая дрочка.

В зале ожидания висели туристические плакаты и рекламные постеры «Грейхаунд америпасс». На них улыбающиеся семейства американцев катили через Атланту, Новый Орлеан, Нашвилл, другие города и веси. Гарольд сел и прошелся холодным утренним взглядом по автоматам для игры в пинбол, продажи колы и кофе. Последний мог выдать и липтоновскую «Чашку супа», от которой пахло дохлой рыбой. Он закурил сигарсту и бросил спичку на пол.

Они вновь приняли Конституцию. Гип-гип-ура! Как классно и клево! Господи, они даже спели «Звездно-полосатый банан». Но допустим, Гарольд Лаудер встал бы не для того, чтобы сделать несколько конструктивных предложений, а познакомил бы их с некоторыми жизненными фактами, касающимися этого первого после эпидемии года...

Дамы и господа, меня зовут Гарольд Эмери Лаудер, и я здесь для того, чтобы сказать вам, что, как поется в старой песне, «важнейшее меняется, когда проходит время». Как Дарвин. В следующий раз, когда вы встанете и пропоете национальный гимн, друзья и соседи, подумайте о следующем: Америка мертва, мертва, как дверной гвоздь, мертва, как Джейкоб Марли, и Бадди Холли, и Биг Боппер, и Гарри С. Трумен, но принципы, провозглашенные мистером Дарвином, очень даже живы — живы, как призрак Джейкоба Марли для Эбенезера Скруджа. И пока вы размышляете о прелестях конституционного устройства государства, выкройте чуточку времени, чтобы подумать о Рэндалле Флэгге, человеке с запада. Я сомневаюсь, что у него нашлось время для такой ерунды, как общие собрания, и ратификации, и дискуссии об истинном значении слова

«болтовня» в свете либеральной традиции. Вместо этого он концентрируется на главном, как и Дарвин, готовясь к тому, чтобы смести с пластиковой столешницы Вселенной ваши мертвые тела. Дамы и господа! Позвольте мне скромно предположить следующее: пока мы пытаемся восстановить подачу электроэнергии и ждем появления в нашем улье настоящего врача, он ищет человека с удостоверением пилота, чтобы тот полетал над Боулдером в лучших традициях Фрэнсиса Гэри Пауэрса. Пока мы обсуждаем злободневный вопрос о создании команды по чистке улиц, он, вероятно, уже создал команду по чистке оружия. А также по поиску минометов, орудий, ракетных шахт и центров разработки бактериологического оружия. Разумеется, нам известно, что наша страна не занимается разработкой биологического оружия, именно это, среди прочего, и делает нашу страну великой — какую страну, ха-ха? — но вы должны понимать: пока мы заняты тем, что ставим фургоны в круг, он...*

— Эй, Ястреб, перерабатываешь?

Гарольд поднял голову, уже улыбаясь.

— Да, похоже на то, — ответил он Уайзаку. — Я отметил тебя, когда пришел. Ты уже заработал шесть баксов.

Уайзак рассмеялся:

— Ты такой выдумщик, Ястреб, тебе об этом известно?

— Да, — согласился Гарольд, по-прежнему улыбаясь. И начал завязывать шнурки. — В этом деле я мастер.

Глава 56

Стью провел следующий день на электростанции, наматывая проволоку, и по окончании работы катил на велосипеде домой. Уже поравнялся с маленьким парком напротив здания Первого национального банка, когда увидел Ральфа, машущего ему рукой. Стью припарковал велосипед и направился к эстраде, где сидел Ральф.

— Я искал тебя, Стью. Есть минутка?

---

* Фрэнсис Гэри Пауэрс (1929—1977) — американский пилот, сбитый в ходе разведывательного полета над СССР 1 мая 1960 г.

— Только одна. Опаздываю на ужин. Фрэнни будет волноваться.

— Да, судя по виду твоих рук, ты мотал проволоку на электростанции. — Ральф выглядел расстроенным.

— Точно. Даже рабочие рукавицы не особо помогают. Руки болят.

Ральф кивнул. В парке компанию им составляли еще человек пять-шесть. Кто-то разглядывал поезд, который в свое время курсировал по одноколейке между Боулдером и Денвером. Три молодые женщины решили поужинать на травке. Стью нашел, что это очень даже приятно, сидеть в парке, положив на колени натруженные руки. «Может, у начальника полиции не такая уж плохая работа, — подумал он. — По крайней мере мне не придется и дальше мотать проволоку в восточном Боулдере».

— Как там дела? — спросил Ральф.

— Честно говоря, не знаю... я всего лишь наемная рабочая сила, как и остальные. Брэд Китчнер говорит, что все идет очень хорошо. Говорит, что к концу первой недели сентября, может, раньше, везде будет свет, а к середине сентября и тепло. Разумеется, он слишком молод для таких предсказаний...

— Я бы поставил свои деньги на Брэда, — заметил Ральф. — Я ему доверяю. Он многое схватывает в процессе. Раньше это называлось обучением на рабочем месте. — Ральф попытался рассмеяться, но смех обернулся тяжелым вздохом.

— Что тебя гложет, Ральф?

— Я получил новости по радио, — ответил Ральф. — Некоторые хорошие, другие... другие не столь хороши, Стью. Я хочу, чтобы ты знал, потому что в секрете это все равно сохранить не удастся. У многих в Зоне есть си-би. И я уверен, что некоторые слушают, как я говорю с людьми, едущими в Боулдер.

— Сколько их?

— Более сорока. Один из них врач, Джордж Ричардсон. Судя по разговорам, очень хороший человек, здравомыслящий.

— Что ж, это отлично!

— Он из Дербишира, штат Теннесси. Большинство из его группы тоже южане, из тех краев. Среди них была беременная женщина, и она родила десять дней тому назад, тринадцатого. Врач принял роды, она родила близнецов, и поначалу они чув-

ствовали себя прекрасно... — Ральф замолчал, его губы продолжали беззвучно шевелиться.

Стью схватил его за грудки.

— Они умерли? Младенцы *умерли*? Это ты пытаешься мне сказать? Что они *умерли*? Говори же, черт побери!

— Они умерли, — тихо ответил Ральф. — Первый через двенадцать часов. Поначалу казалось, что он просто задохнулся. Второй — еще через два дня. Ричардсон не смог их спасти. Женщина обезумела. Кричала о смерти, уничтожении, клялась, что больше детей ни у кого не будет. Проследи, чтобы Фрэн их не встречала. Вот что я хотел тебе сказать. И лучше сразу сообщи ей об этом. Если не скажешь ты, скажет кто-то еще.

Стью медленно отпустил рубашку Ральфа.

— Этот Ричардсон, он хотел знать, сколько у нас беременных женщин, и я ответил, что только одна, в ком мы уверены. Он спросил, какой срок, и я сказал, что четыре месяца. Правильно?

— Уже пять. Но, Ральф, он уверен, что эти младенцы умерли от «супергриппа»? Он уверен?

— Нет, не уверен, и об этом тебе тоже надо сказать Фрэнни, чтобы она поняла. Он сказал, что могли быть другие причины... питание матери... что-то наследственное... респираторная инфекция... а может, они родились, ты понимаешь, нежизнеспособными. Причиной мог быть и резус-фактор. Он ни в чем не уверен, потому что принимал роды в поле рядом с автострадой 70. Сказал, что он и еще трое руководителей группы в тот вечер засиделись допоздна, обсуждая сложившуюся ситуацию. Ричардсон объяснил им, что причиной смерти младенцев мог быть «Капитан Торч», а потому очень важно найти способ это выяснить.

— Мы с Гленом говорили об этом, — пробормотал Стью. — В день нашей встречи. Четвертого июля. А кажется, прошло столько времени... в общем, если этих младенцев убил «супергрипп», то, возможно, через сорок или пятьдесят лет этот мир достанется крысам, мухам и воробьям.

— Как я понимаю, именно это и сказал им Ричардсон. В любом случае они находились в сорока милях от Чикаго, и он убедил их на следующий день заехать туда, чтобы он смог провести вскрытие в большой больнице. Заверил, что наверняка сможет выяснить, стал ли «супергрипп» причиной смерти, потому что в конце

июня навидался жертв этой болезни. Я понимаю, это относится ко всем врачам.

— Да.

— Но утром младенцы исчезли. Женщина похоронила их и отказалась сказать где. Они два дня рыли землю, полагая, что она не могла похоронить их далеко или глубоко, учитывая слабость после родов и все такое. Но тел не нашли, а она молчала, хоть они и убеждали ее, как важно провести эти исследования. У бедняжки совсем съехала крыша.

— Это я могу понять. — Стью думал о том, как сильно Фрэн хотелось иметь ребенка.

— Доктор говорит, что двое обладающих иммунитетом людей могут родить здорового ребенка, пусть даже вирус «супергриппа» никуда не делся.

— Шанс, что биологический отец ребенка Фрэнни обладает таким иммунитетом, — один на миллион, — заметил Стью. — Здесь его точно нет.

— Да и откуда ему тут быть? Извини, что вешаю это на тебя, Стью. Но я подумал, что ты должен об этом знать, чтобы потом сказать ей.

— Что-то не хочется, — признался Стью.

Но когда он добрался до дома, выяснилось, что его опередили.

— Фрэнни?

Тишина. Ужин стоял на плите — сильно подгоревший, — но в квартире царили темнота и покой.

Стью вошел в гостиную и огляделся. Заметил на кофейном столике пепельницу с двумя окурками, но Фрэн не курила. А он отдавал предпочтение другой марке.

— Милая!..

Он нашел ее в спальне, она лежала на кровати в густом сумраке, уставившись в потолок. Лицо опухло и блестело от слез.

— Привет, Стью, — поздоровалась она.

— Кто тебе сказал? — сердито спросил он. — Кому не терпелось поделиться хорошей новостью? Кто бы это ни был, я сломаю ему чертову руку.

— Сью Штерн. Она узнала от Джека Джексона. У него си-би-радио, и он слышал, как этот врач говорил с Ральфом. Она поду-

мала, что лучше скажет мне до того, как кто-нибудь еще сделает это не столь тактично. Бедная маленькая Фрэнни. Обращаться с осторожностью. Не вскрывать до Рождества. — С ее губ сорвался смешок, такой печальный, что Стью едва не заплакал.

Он пересек комнату, лег рядом с ней на кровать, отбросил волосы с ее лба.

— Дорогая, полной уверенности нет. И быть не может.

— Я знаю, что нет. И возможно, у нас смогут появиться свои дети. — Она посмотрела на него, ее глаза покраснели и стали такими несчастными. — Но я хочу этого ребенка. Разве это плохо?

— Нет. Разумеется, нет.

— Я лежала и ждала, что он шевельнется, что-то сделает. Я не чувствовала его шевеления с той ночи, когда Ларри приходил в поисках Гарольда. Помнишь?

— Да.

— Я почувствовала, как ребенок шевельнулся, но не разбудила тебя. Теперь жалею, что не разбудила. Очень жалею. — Она вновь начала плакать и закрыла лицо рукой, чтобы он этого не видел.

Стью убрал руку, вытянулся рядом с Фрэнни, поцеловал ее. Она яростно прижалась к нему и замерла. Когда заговорила, ее голос приглушала его шея.

— От незнания только хуже. Теперь я могу лишь ждать, что из этого выйдет. Так долго предстоит ждать, чтобы увидеть, как твой ребенок умирает, не прожив и дня вне твоего тела.

— Ждать ты будешь не одна.

Она еще сильнее прижалась к нему, и они долго лежали, обнявшись.

Надин Кросс провела в гостиной своего старого дома почти пять минут, собирая вещи. Прежде чем заметила, что он сидит на стуле в углу, в одних трусах, с большим пальцем во рту, а его странные серо-зеленые раскосые глаза смотрят на нее. Это так ее потрясло — и осознание того, что он все это время сидел здесь, и его странный вид, — что сердце чуть не выпрыгнуло из груди, и она вскрикнула. Книжки карманного формата, которые она собиралась сунуть в рюкзак, разлетелись по полу.

— Джо... я хочу сказать — Лео...

Она приложила руку к груди под левой ключицей, чтобы утихомирить безумно бьющееся сердце, но оно не желало успокаиваться. Само его внезапное появление стало неприятным сюрпризом; еще сильнее подействовали на Надин его внешний вид и поведение: точно так же он выглядел и вел себя при их первой встрече в Нью-Хэмпшире. Создавалось ощущение, будто какой-то иррациональный бог безжалостно забросил ее в прошлое, чтобы она вновь пережила последние шесть недель.

— Ты до смерти напугал меня, — закончила Надин.

Джо молчал.

Она подошла к нему, подсознательно ожидая увидеть в одной руке длинный кухонный нож, как в те давние времена, но ладонь мальчика просто лежала на коленях. Она отметила, что с его тела практически сошел загар. Исчезли многие ссадины и царапины. А вот глаза остались прежними... глаза, которые могли преследовать тебя. То, что появилось в них, когда он подошел к костру, чтобы послушать играющего на гитаре Ларри, то, что росло с каждым днем, теперь полностью исчезло. Глаза стали такими же, как при их первой встрече, и его взгляд наполнял ее ползущим ужасом.

— Что ты здесь делаешь?

Джо не ответил.

— Почему ты не с Ларри и с мамой Люси?

Нет ответа.

— Ты не можешь здесь оставаться. — Она попыталась достучаться до его здравого смысла, но тут задалась вопросом: а как давно он здесь сидит?

Она пришла в дом утром двадцать четвертого августа. Две предыдущие ночи провела у Гарольда. В голове мелькнула мысль, что он мог просидеть на этом стуле последние сорок часов, не вынимая пальца изо рта. Нелепая идея, сюда ему никто бы не принес ни еды, ни питья (а вдруг он не ел и не пил?), но эта мысль (этот образ), появившись в голове, прочно обосновалась там. Вновь ее охватил ужас, и с нарастающим отчаянием она поняла, как сильно изменилась сама: когда-то она бесстрашно спала с этим маленьким дикарем, в то время вооруженным и опасным. А теперь он сидел безоружный, но нагонял на нее жуткий страх. Она думала, что

(Джо? Лео?)

полностью и окончательно избавился от прежнего «я». Но теперь та сущность вернулась. И она видела перед собой Джо.

— Ты не можешь здесь оставаться, — продолжила она. — Я пришла, чтобы забрать кое-какие вещи. Я переезжаю. Я переезжаю в другое место, чтобы жить с... с мужчиной.

«Так *вот* кто у нас, оказывается, Гарольд? — насмешливо произнес внутренний голос. — Казалось, что он всего лишь инструмент, средство достижения цели».

— Лео, послушай...

Он мотнул головой, едва заметно, но она это увидела. Его глаза, суровые и блестящие, не отрывались от ее лица.

— Ты не Лео?

Вновь голова едва заметно мотнулась.

— Ты Джо?

Такой же едва заметный кивок.

— Что ж, хорошо. Но ты должен понимать, что не так уж важно, кто ты такой. — Надин пыталась терпеливо все объяснить, однако безумное ощущение, будто она попала в петлю времени и перенеслась назад, к исходной точке, не отпускало. Лишало связи с реальностью. Пугало. — Та часть нашей жизни — часть, когда мы были вдвоем, сами по себе, — та часть нашей жизни ушла в прошлое. Ты изменился, я изменилась, и стать прежними мы уже не можем.

Но его странные глаза, которые так пристально всматривались в нее, похоже, отрицали эти слова.

— И перестань так смотреть на меня! — рявкнула Надин. — Это очень невежливо — таращиться на людей!

Теперь во взгляде читалось обвинение. Его глаза словно говорили, что не менее невежливо оставлять человека в одиночестве, а еще более невежливо — лишать его своей любви, когда он в ней нуждался и надеялся на нее.

— Ты не одинок. — Она повернулась и начала собирать с пола оброненные книги. Присела неуклюже, неловко, колени громко хрустнули, будто петарды. Книги полетели в рюкзак, поверх прокладок, и аспирина, и нижнего белья — простых белых хлопчатобумажных трусиков, так непохожих на те, что она надевала, ублажая Гарольда. — У тебя есть Ларри и Люси. Они нужны тебе, а ты нужен им. Ты нужен Ларри, а это главное, поскольку ей нужно то же, что и ему. Она — что лист копирки. У меня теперь другая

жизнь, и я в этом не виновата. Нисколько. Поэтому тебе лучше перестать в чем-либо меня винить.

Надин начала застегивать пряжки рюкзака, но пальцы тряслись, не желая слушаться, и оказалось, что это трудная работа. Повисшая в комнате тишина давила все сильнее.

Наконец Надин поднялась, закинула рюкзак за спину.

— Лео... — Она пыталась говорить спокойно и рассудительно, как говорила с трудными учениками в классе, когда они плохо себя вели. Но не вышло. Голос дрожал и звенел, а едва заметные покачивания его головы при каждом «Лео» еще сильнее взвинчивали ее. — Дело не в Ларри и Люси! — со злобой продолжила Надин. — Это я смогла бы понять, будь дело только в этом. Но ведь ты бросил меня ради той старухи, верно? Той глупой старухи в качалке, улыбающейся миру вставными зубами. А теперь она ушла, и ты прибежал ко мне. Вот только у тебя ничего не выйдет, слышишь меня? *Ничего не выйдет!*

Джо молчал.

— И когда я молила Ларри... опустилась на колени и *молила* его... он и бровью не повел. Был слишком занят, изображая большую шишку. Так что, сам видишь, моей вины тут нет. *Совершенно нет!*

Мальчик бесстрастно смотрел на нее.

Ужас начал возвращаться, сжигая охватившую ее ярость. Надин попятилась к двери, поискала ручку за спиной. Нащупала, повернула, распахнула дверь. С радостью ощутила плечами волну прохладного воздуха.

— Иди к Ларри, — пробормотала она. — Прощай, малыш.

Она развернулась, несколько секунд постояла на верхней ступеньке крыльца, пытаясь взять себя в руки. Внезапно подумала, что произошедшее в комнате — галлюцинация, вызванная накопившимся чувством вины... вины за то, что она бросила мальчика, что заставила Ларри ждать слишком долго, за то, что они с Гарольдом уже сделали, и за более ужасное, что только собирались сделать. Возможно, никакого настоящего мальчика в доме и не было. И Лео, которого она вроде бы видела, в действительности был сродни фантомам По, словно биение сердца старика, напоминающее стук часов, положенных в вату, или шепоток ворона, усевшегося на бюст Паллады.

— Стук неясный, стук неясный, — продекламировала она, слова эти заставили ее хрипло рассмеяться, и смех этот скорее всего не слишком отличался от звуков, которые издают вороны.

И все-таки ей хотелось знать.

Она подошла к окну, которое находилось рядом со ступеньками, ведущими к парадной двери, и заглянула в гостиную прежде своего дома. Но этот дом она не могла считать своим, конечно же, нет. Если ты живешь в доме, а все, что ты хочешь из него забрать, умещается в рюкзаке, значит, такой дом никак нельзя считать своим. Заглянув в окно, она увидела ковер, занавески и обои, которые выбирала покойная хозяйка, стойку для курительных трубок и несколько номеров «Спорт иллюстрейтед» на кофейном столике покойного хозяина. На каминной полке стояли фотографии их покойных детей. И на стуле в углу сидел сын какой-то покойной женщины, в одних трусах, сидел, по-прежнему сидел, сидел, как и прежде, когда...

Надин побежала, споткнулась, почти упала, зацепившись ногой за проволочную загородку клумбы, разбитой слева от окна, в которое она заглядывала. Уселась на «веспу», завела двигатель. Несколько кварталов промчалась слишком быстро, лавируя между застывшими автомобилями, которые еще оставались на боковых улочках, но постепенно начала успокаиваться.

К тому времени, когда Надин добралась до дома Гарольда, ей удалось справиться с нервами. Но она знала, что расставание с Зоной затягивать нельзя. Если она хотела остаться в здравом уме, уходить отсюда следовало как можно быстрее.

Собрание в аудитории Мунцингера прошло хорошо. Они вновь начали с исполнения национального гимна, но на этот раз глаза у большинства остались сухими — пение становилось ритуалом. Собравшиеся проголосовали за создание переписной комиссии во главе с Сэнди Дюшен. Она и четыре ее помощницы тут же принялись курсировать по проходам, пересчитывая головы, записывая имена и фамилии. В конце собрания, под громовую овацию, Сэнди объявила, что на текущий момент население Свободной зоны составляет восемьсот четырнадцать человек, и пообещала (как выяснилось, поспешно) к следующему общему собранию составить полный «справочник», который она намеревалась пополнять, с указанием фамилий (в алфавитном порядке),

возраста, адреса в Боулдере, предыдущего адреса и предыдущего рода занятий. Впоследствии выяснилось, что в Зону прибывало так много людей, что с внесением изменений Сэнди постоянно отставала на две, а то и на три недели.

Следующим обсуждали вопрос о сроке деятельности выбранного постоянного комитета Свободной зоны, и после нескольких экстравагантных предложений (одного — десять лет, второго — пожизненно, и тут Ларри покорил всех, заметив, что такие сроки больше похожи на приговор суда, а не на период работы выборного органа) на всеобщее голосование поставили один год. Гарри Данбартон замахал рукой чуть ли не из последнего ряда, и Стью дал ему слово.

Гарри пришлось кричать, чтобы его услышали.

— Даже год — это, возможно, слишком много. Я ничего не имею против дам и господ, входящих в комитет... — радостные крики и свист, — ...но ситуация может выйти из-под контроля гораздо раньше, если наше число будет расти.

Глен вскинул руку, и Стью дал ему слово.

— Мистер председатель, этого вопроса нет в повестке дня, но я думаю, что мистер Данбартон затронул очень важный момент.

Готов спорить, лысый, ты в этом не сомневаешься, подумал Стью, *поскольку сам заводил об этом речь неделей раньше.*

— Я бы хотел внести предложение о создании комиссии по разработке структуры государственного управления, чтобы мы действительно могли следовать Конституции. Я думаю, Гарри Данбартон должен возглавить эту комиссию, да и сам готов в ней работать, если кто-то не сочтет, что тут может возникнуть конфликт интересов.

Вновь аплодисменты и свист.

На заднем ряду Гарольд повернулся к Надин и прошептал ей на ухо:

— Дамы и господа, праздник народной любви объявляется открытым.

Она одарила его томной, порочной улыбкой, от которой голова у Гарольда пошла кругом.

Стью избрали начальником полиции Свободной зоны под оглушительную овацию.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал он. — Некоторые из тех, кто сейчас так радуется, скоро, возможно, изменят отношение ко

мне, если я поймаю их за чем-то недозволенным. Ты слышишь меня, Рич Моффэт?

Зал грохнул хохотом. Рич, изрядно набравшийся, смеялся вместе со всеми.

— Но я не вижу причин, по которым у нас могут возникнуть проблемы. Главная задача начальника полиции, как я ее понимаю, — не позволять людям причинять вред друг другу. И у нас не очень-то много таких, кто хочет это сделать. Достаточному числу людей вред уже причинен. Полагаю, это все, что я хотел сказать.

Ему долго аплодировали.

— Теперь следующий вопрос, — продолжил Стью, — который напрямую связан с выборами начальника полиции. Нам нужны пять человек для работы в законодательной комиссии, или я не буду чувствовать себя вправе сажать кого-то под замок, если возникнет такая необходимость. Какие будет предложения?

— Как насчет Судьи? — прокричал кто-то.

— Да, Судья, именно так! — раздался другой голос.

Люди начали вертеть головами в поисках Судьи. Всем хотелось увидеть, как он поднимается и берет на себя ответственность в присущей ему чуть вычурной манере. Шепот побежал по рядам: люди вспоминали историю о том, как Судья осадил мужчину, утверждавшего, что про летающие тарелки написано в Библии. Впрочем, все скоро замолчали, приготовившись хлопать. Стью встретился взглядом с Гленом. Оба, похоже, упрекали друг друга: кому-то из членов комитета следовало предусмотреть такой вариант.

— Его нет, — озвучил кто-то очевидное.

— Кто-нибудь его видел? — огорченно спросила Люси Суонн. Ларри встревоженно посмотрел на нее, но она оглядывала аудиторию в поисках Судьи.

— Я видел.

Все с интересом повернулись к Тедди Уайзаку, который поднялся в глубине аудитории. Он нервничал и протирал очки в металлической оправе шейным платком.

— Где?

— Где ты его видел, Тедди?

— В городе?

— Что он делал?

Тедди Уайзак сжался под этой лавиной вопросов.

Стью постучал молотком.

— Тише, пожалуйста.

— Я видел его двумя днями раньше, — объяснил Тедди. — Он ехал на «лендровере». Сказал, что собирается провести день в Денвере. Не сказал почему. Мы перекинулись насчет этой поездки парой шуток. Он пребывал в прекрасном настроении. Это все, что я знаю. — Он сел, продолжая протирать очки, красный как рак.

Стью вновь постучал молотком.

— Я сожалею, что Судьи здесь нет. Я думаю, он идеально подходит для этой работы, но раз уж его нет, я полагаю, у нас есть другие кандидатуры?..

— Нет, нельзя этого так оставлять! — поднявшись, запротестовала Люси. На собрание она пришла в обтягивающем джинсовом комбинезоне, так что теперь мужчины с интересом разглядывали ее. — Судья Феррис — пожилой человек. Вдруг в Денвере ему стало плохо и он не смог вернуться?

— Люси, Денвер — большой город, — напомнил ей Стью.

В аудитории повисла тяжелая тишина: люди обдумывали последнюю фразу председателя собрания. Люси — очень бледная — села, и Ларри обнял ее. Встретился взглядом со Стью, и тот отвел глаза.

Предложение отложить выборы законодательной комиссии до возвращения Судьи отклонили после двадцатиминутной дискуссии. Среди них оказался еще один адвокат, двадцатишестилетний молодой человек по имени Эл Банделл. Он прибыл в день собрания в группе доктора Ричардсона. Банделл принял предложение возглавить комиссию, но выразил надежду, что в течение следующего месяца не произойдет ничего чрезвычайного, поскольку на создание ротационной судебной системы потребуется некоторое время. Судью Ферриса выбрали в комиссию заочно.

Брэд Китчнер, бледный, нервничающий и нелепый в костюме и при галстуке, подошел к трибуне, выронил листки с заготовленной речью, поднял их, сложив не в том порядке, и ограничился лишь несколькими словами о том, что они надеются и будут стараться восстановить подачу электроэнергии ко второму или третьему сентября.

Это известие встретили громом аплодисментов, которые придали Брэду достаточно уверенности, чтобы сойти с трибуны, расправив плечи.

Следующим выступил Чэд Норрис, и позже Стью сказал Фрэнни, что Чэд подошел к проблеме правильно: они хоронили мертвых ради соблюдения приличий, и никто не мог считать, что все хорошо, пока последний труп не будет предан земле, а уж тогда жизнь может продолжаться, и, наверное, будет еще лучше, если они сумеют завершить эту работу до начала сезона дождей. Он попросил еще пару добровольцев — и получил бы три десятка, если бы захотел. Закончил Чэд тем, что попросил каждого члена Лопаточной бригады (так он их назвал) встать и поклониться.

Гарольд Лаудер встал и тут же сел, и многие участники собрания, когда расходились, отметили в разговорах, что он не только умный, но и скромный. Но на самом деле Надин как раз шептала ему на ухо разные скабрезности, и он боялся, что сможет только кивнуть. Да еще, по понятной причине, ему приходилось прикрывать промежность рукой: очень уж выпирал вставший член.

Когда Норрис покинул трибуну, ее занял Ральф Брентнер. Он сообщил, что у них наконец-то появился врач. Джордж Ричардсон поднялся, и его приветствовали громкими аплодисментами, а когда он победно вскинул руки, аплодисменты перешли в радостные крики. Потом Ральф сообщил собравшимся, что, насколько ему известно, в ближайшие пару дней к ним должны присоединиться еще шестьдесят человек.

— Что ж, на этом повестка дня исчерпана. — Стью оглядел собравшихся. — Я хочу, чтобы Сэнди Дюшен вновь поднялась на трибуну и сообщила, сколько же нас, но прежде чем я это сделаю, нет ли у кого вопросов, которые мы могли бы сегодня обсудить?

Он ждал. Видел среди зрителей и Глена, и Сью Штерн, и Ларри, и Ника, и, разумеется, Фрэнни. На их лицах читалось напряжение. Если бы кто-то захотел упомянуть Флэгга, спросить, что делает и думает комитет по этому поводу, то время пришло. Но стояла тишина. И, выждав пятнадцать секунд, Стью предоставил слово Сэнди, которая торжественно огласила число собравшихся. А когда люди начали расходиться, Стью подумал: «Что ж, и на этот раз пронесло».

После собрания несколько человек подошли, чтобы поздравить его, в том числе и новый врач.

— У вас все отлично получилось, шериф, — сказал Ричардсон, и Стью едва не оглянулся, чтобы посмотреть, к кому тот обраща-

ется. Потом вспомнил и перепугался. Представитель закона? Он чувствовал себя мошенником.

Год, сказал себе Стью. *Год, не больше.* Но страх не уходил.

Стью, Фрэн, Сью Штерн и Ник неторопливо шагали в центр города, их шаги гулко отдавались от бетонного тротуара, когда они пересекали кампус Колорадского университета, направляясь к Бродвею. Другие люди, негромко разговаривая, тоже расходились по домам. До полуночи оставалось чуть больше тридцати минут.

— Холодно, — пожаловалась Фрэн. — Жалко, что я не надела куртку, помимо свитера.

Ник кивнул. Он тоже чувствовал холод. Вечера в Боулдере всегда были прохладными, но сегодня температура опустилась градусов до пятидесяти*. Холод напоминал, что это ужасное жаркое лето близилось к концу. Не в первый раз он подумал о том, что матушка Абагейл, или Бог, или Муза, или Кто-бы-то-ни-был мог бы отдать предпочтение Майами или Новому Орлеану. Но возможно, и те варианты обладали определенными минусами. Высокая влажность, частые дожди... и множество трупов. В Боулдере хотя бы преобладала сухая погода.

— Они застали меня врасплох, потребовав включить Судью в законодательную комиссию. — Стью покачал головой. — Нам следовало это предусмотреть.

Фрэнни кивнула, а Ник быстро написал в блокноте: *Конечно. Людям будет недоставать и Тома, и Дейны. Факты жизни.*

— Ник, у людей могут возникнуть подозрения? — спросил Стью.

Ник кивнул и снова написал: *Они зададутся вопросом: а не подались ли эти трое на запад? По собственной инициативе.*

Они все обдумывали эти слова, когда Ник достал бутановую зажигалку и сжег листок.

— Тяжелое дело, — вздохнул Стью. — Ты действительно так думаешь?

— Конечно, он прав, — мрачно ответила Сью. — А что еще они могут подумать? Судья Феррис поехал в Фа-Рокуэй, чтобы покататься на «Гигантской русской горке»?

---

* По Фаренгейту; 10°С.

— Нам еще повезло, что удалось избежать долгой дискуссии о происходящем сейчас на западе.

Ник написал: *Безусловно, повезло. Думаю, в следующий раз разговор пойдет именно об этом. Вот почему я хочу как можно дольше не проводить следующее большое собрание. Скажем, три недели. 15 сентября?*

— Мы сможем продержаться так долго, если Брэд восстановит подачу электроэнергии, — предположила Сью.

— Думаю, восстановит, — уверенно заявил Стью.

— Я иду домой. — Сью посмотрела на остальных. — Завтра большой день. Отъезд Дейны. Я провожу ее до Колорадо-Спрингс.

— Ты думаешь, это безопасно, Сью? — спросила Фрэн.

Та пожала плечами:

— Безопаснее для нее, чем для меня.

— Как она это восприняла? — задала Фрэн новый вопрос.

— Что ж, девушка она необычная. В колледже много занималась спортом, знаете ли. Делала упор на теннис и плавание, хотя участвовала во всех соревнованиях. Училась в небольшом муниципальном колледже в Джорджии и первые два года продолжала встречаться со своим школьным бойфрендом. Из детин, что ходят в кожаных куртках. Я Тарзан, ты Джейн, так что вали на кухню и греми всеми этими кастрюлями и сковородками. Потом соседка по комнате в общежитии, из ярых феминисток, затащила ее на пару женских собраний.

— И в результате она стала еще большей феминисткой, чем соседка по комнате, — догадалась Фрэн.

— Сначала феминисткой, потом лесбиянкой.

Стью остановился как вкопанный. Фрэн не без удивления взглянула на него.

— Пошли, великолепие в траве*, — сказала она. — И давай поглядим, сможешь ли ты починить шарнир, на котором крепится твоя челюсть.

Стью закрыл рот, да так, что лязгнули зубы.

— Эти две новости она сообщила своему пещерному бойфренду одновременно. Он, конечно же, озверел и попытался ее при-

---

* «Великолепие в траве» — цитата из стихотворения английского поэта Уильяма Вордсворта (1770—1850).

стрелить. Она его обезоружила. Говорит, что именно это событие стало поворотным пунктом ее жизни. По словам Дейны, она всегда знала, что сильнее его и проворнее, — но знала *умом*, а чтобы это доказать, пришлось проявить характер.

— Ты говоришь, что она ненавидит мужчин? — Стью пристально вглядывался в Сью.

Сюзан покачала головой:

— Теперь она би.

— Би? — переспросил Стью.

— Она счастлива и с мужчинами, и с женщинами, Стюарт. И я надеюсь, что ты не начнешь убеждать комитет ввести запрет на однополые отношения наряду с заповедью «не убий».

— Мне хватает проблем и без того, чтобы вникать, кто с кем спит, — пробормотал Стью, и все рассмеялись. — Я спросил только потому, что не хочу, чтобы кто-то рассматривал это задание как крестовый поход. Там нам нужны глаза и уши, а не партизаны. Это работа для ласки — не для льва.

— Она это знает, — кивнула Сюзан. — Фрэн поинтересовалась, как отреагировала Дейна, когда я спросила, отправится ли она ради нас на запад. Она отреагировала очень хорошо. Во-первых, напомнила мне, что, останься мы с теми мужчинами... Стью, ты помнишь, как вы нас нашли?

Стью кивнул.

— Если бы мы остались с ними, нас бы либо убили, либо мы оказались бы на западе, потому что путь они держали туда... по крайней мере когда были достаточно трезвы, чтобы читать дорожные указатели. Дейна сказала, что задумывалась о том, каково ее место в Зоне, и пришла к выводу, что ее место — вне Зоны. И еще она сказала...

— Что? — спросила Фрэн.

— Что она попытается вернуться, — излишне резко ответила Сью и замолчала. Эта часть сказанного Дейной Джергенс предназначалась только ей, и знать об этом не следовало даже другим членам комитета. Дейна собиралась на запад, захватив нож с выкидным десятидюймовым лезвием, который крепился к ее руке подпружиненной скобой. Если она резко сгибала запястье, пружина срабатывала, и — гопля! — Дейна внезапно отращивала шестой палец, обоюдоострый и длиной в десять дюймов. Сью чув-

ствовала, что большинство членов комитета — мужчины — этого не поймут.

Если он действительно диктатор, тогда, возможно, они держатся вместе только благодаря ему. Если он уйдет, возможно, они начнут цапаться друг с другом. Возможно, с его смертью для них все и закончится. И если я подберусь к нему вплотную, Сюзи, пусть его дьявол-хранитель смотрит в оба.

Они тебя убьют, Дейна.

Может быть. А может, и нет. Но попробовать стоит, ради того, чтобы увидеть, как его кишки вываливаются на пол.

Сюзан, наверное, смогла бы остановить ее, но пытаться не стала. Ограничилась тем, что получила обещание придерживаться исходного плана, если только не представится стопроцентная возможность покончить с Флэггом. На это Дейна согласилась, но Сью сомневалась, что ей удастся получить свой шанс. Флэгга наверняка хорошо охраняли. Тем не менее, после того как она предложила своей подруге пойти на запад, чтобы собрать столь необходимую им информацию, у нее возникли проблемы со сном.

— Ладно. — Она оглядела остальных. — Я домой. Спокойной ночи, друзья.

И ушла, сунув руки в карманы куртки.

— Она выглядит старше, — заметил Стью.

Ник что-то написал и показал блокнот ему и Фрэнни.

«*Мы все* выглядим старше», — прочитали они.

Следующим утром Стью направлялся на электростанцию, когда заметил Сюзан и Дейну на мотоциклах на бульваре Каньона. Он взмахнул рукой, и они подъехали к нему. Стью подумал, что никогда не видел Дейну такой красивой. Волосы она завязала на затылке зеленым шарфом, на ней красовались кожаная куртка, джинсы и рубашка из шамбре. К багажнику мотоцикла крепился спальник.

— Стюарт! — крикнула она, широко улыбаясь.

Лесбиянка? — с сомнением подумал он.

— Как я понимаю, ты отправляешься в небольшое путешествие.

— Именно. И ты меня не видел.

— Понятное дело. Никогда. Покурим?

Дейна взяла «Мальборо», руками прикрыла от ветра огонек спички, которую он зажег.

— Будь осторожна, девочка.

— Обязательно.

— И возвращайся.

— Я на это надеюсь.

Они смотрели друг на друга под ярким утренним солнцем позднего лета.

— А ты заботься о Фрэнни, здоровяк.

— Будь уверена.

— И не очень усердствуй в новой должности.

— Это мне точно по силам.

Она отбросила сигарету.

— Что скажешь, Сюзи?

Сюзан кивнула, включила передачу, натужно улыбнулась.

— Дейна...

Она вновь повернулась к нему, и Стью мягко поцеловал ее в губы.

— Удачи тебе.

Она улыбнулась:

— Ты должен сделать это дважды, если хочешь, чтобы меня действительно сопровождала удача. Или ты не знал?

Он поцеловал ее второй раз, более медленно и обстоятельно. Вновь подумал: «Лесбиянка?»

— Фрэнни — счастливая женщина, — заметила Дейна. — Можешь меня процитировать.

Улыбаясь, не зная, что и сказать, Стью отступил на шаг и промолчал. В двух кварталах от них один из оранжевых самосвалов похоронной команды прогрохотал по перекрестку, как зловещее знамение, и нарушил магию момента.

— Поехали, детка. — Дейна посмотрела на Сью. — Нам пора.

Они укатили, а Стью, стоя на тротуаре, проводил их взглядом.

Сью Штерн вернулась через два дня. По ее словам, она смотрела Дейне вслед, когда та уезжала из Колорадо-Спрингс, смотрела, пока Дейна не превратилась в точку, слившуюся с ландшафтом. Потом немного поплакала и двинулась в обратный путь. На

ночлег остановилась неподалеку от маленького городка Монумент, и глубокой ночью ее разбудил тихий скулеж, от которого по коже побежали мурашки. Казалось, он доносился из дренажной трубы под дорогой, рядом с которой Сью устроилась на ночлег.

Собравшись с духом, она все-таки направила луч фонаря в ржавую трубу и увидела там худого и дрожащего щенка, месяцев шести от роду. Щенок пятился от ее руки, а в трубу она пролезть не могла. Наконец Сью отправилась в Монумент, разбила витрину в местном продуктовом магазине и вернулась при первом свете зари с рюкзаком, набитым банками «Алпо» и «Сайкл-уан». Едой щенка удалось выманить из трубы. В Свободную зону он приехал с комфортом, в подседельной сумке.

Дик Эллис пришел в восторг, увидев щенка. Выяснилось, что это девочка, ирландский сеттер, судя по всему, чистых кровей, но значения это не имело. Он не сомневался, что Коджак с удовольствием с ней познакомится, когда она немножко подрастет. Новость облетела Свободную зону, и на день о матушке Абагейл забыли: все говорили исключительно о собачьих Адаме и Еве. Сюзан Штерн в одночасье превратилась в героиню, но, насколько могли судить члены постоянного комитета, никто из жителей Зоны не задался вопросом, а что она делала в ту ночь в Монументе, так далеко к югу от Боулдера.

Однако Стью запомнил утро их отъезда из Боулдера, запомнил, как они ехали к автостраде Денвер — Боулдер, потому что Дейну Джергенс в Зоне больше никто не видел.

Двадцать седьмое августа, почти сумерки; в небе уже засияла Венера.

Ник, Ральф, Ларри и Стью сидели на ступеньках, ведущих к входной двери дома Тома Каллена. Том на лужайке загонял мячи для крокета в воротца.

Пора, написал Ник.

Полушепотом Стью спросил, нужно ли им вновь гипнотизировать Тома, и Ник покачал головой.

— Хорошо, — кивнул Ральф. — Не думаю, что вновь смогу на это смотреть. — И позвал, возвысив голос: — Том! Эй, Томми! Подойди сюда!

Том подбежал, широко улыбаясь.

— Томми, пора идти, — сказал Ральф.

Улыбка сползла с лица Тома. Казалось, он только сейчас заметил, что почти стемнело.

— Идти? Сейчас? Родные мои, нет! Когда становится темно, Том идет в кровать. Конечно, в кровать. Том не любит оставаться на улице, когда темно. Из-за бук. Том... Том...

Он замолчал, остальные смущенно смотрели на него. Том впал в тупое оцепенение. Затем вернулся... но не так, как обычно. Сознание вернулось не резко, бурным потоком, а медленным ручейком, неохотно, даже печально.

— Идти *на запад*? — спросил он. — *Пора?*

Стью положил руку ему на плечо.

— Да, Том. Если ты сможешь.

— Тогда в путь.

В горле у Ральфа что-то булькнуло, и он исчез за домом. Том, похоже, этого не заметил. Переводил взгляд со Стью на Ника и обратно.

— Идти ночью. Спать днем. — И очень медленно, в сгущающихся сумерках, Том добавил: — И увидеть слона.

Ник кивнул.

Ларри поднял рюкзак, который лежал рядом со ступеньками. Том надел его — медленно, сонно.

— Ты должен быть осторожен, Том... — У Ларри внезапно сел голос.

— Осторожен? Родные мои, да.

Стью подумал, а не следовало ли им снабдить Тома одноместной палаткой, но отверг эту идею. Тому никогда бы не удалось поставить ее.

— Ник, — прошептал Том. — Я действительно должен это сделать?

Ник обнял Тома и медленно кивнул.

— Хорошо.

— Главное, оставайся на широкой четырехполосной дороге, Том, — дал последний наказ Ларри. — На шоссе семьдесят. Ральф отвезет тебя туда на мотоцикле.

— Да, Ральф. — Том помолчал.

Ральф вышел из-за угла. Он протирал глаза шейным платком.

— Ты готов, Том? — хрипло спросил он.

— Ник! Когда я вернусь, это будет мой дом?

Ник энергично кивнул.

— Том любит свой дом. Родные мои, да.

— Мы знаем, что любишь, Томми. — Стью почувствовал, как к глазам подступают жгучие слезы.

— Хорошо. Я готов. С кем я поеду?

— Со мной, Том, — ответил Ральф. — На шоссе семьдесят, помнишь?

Том кивнул и направился к мотоциклу Ральфа. Через мгновение Ральф последовал за ним, его широкие плечи поникли. Казалось, обвисло даже перышко на шляпе. Он сел на мотоцикл, завел двигатель. Еще через несколько секунд выехал на Бродвей и повернул на восток. Оставшиеся мужчины постояли, наблюдая, как в лиловых сумерках мотоцикл превращается в движущуюся тень, которая следовала за лучом фары. Потом луч исчез за громадой автокинотеатра «Холидей-твин».

Ник пошел прочь, опустив голову, сунув руки в карманы. Стью хотел составить ему компанию, но Ник чуть ли не зло покачал головой, отгоняя его взмахом руки. Стью вернулся к Ларри.

— Такие дела, — выдохнул Ларри, и Стью мрачно кивнул.

— Думаешь, мы еще увидим его, Ларри?

— Если не увидим, нам семерым — ну, может, исключая Фрэн, она его туда не посылала — до конца жизни придется есть и спать, помня о решении отправить его туда.

— Нику в первую очередь, — вставил Стью.

— Да, Нику в первую очередь.

Они наблюдали, как Ник медленно идет по Бродвею, растворяясь в окружающих тенях. Потом с минуту смотрели на темный дом Тома.

— Пошли отсюда, — разорвал тишину Ларри. — Все эти чучела... у меня вдруг мурашки по коже побежали.

Джордж Ричардсон, новый врач, обосновался в медицинском центре «Дакота-Ридж» по причине его близости к городской больнице Боулдера, где находилось необходимое медицинское оборудование, большие запасы лекарств и операционные.

К двадцать восьмому августа он уже с головой ушел в работу, в которой посильную помощь ему оказывали Лори Констебл и Дик Эллис. Дик попросил отпустить его из мира медицины, но

получил отказ. «У тебя все отлично, — сказал ему Ричардсон. — Ты многому научился и научишься еще большему. Кроме того, здесь столько работы, что одному мне не справиться. Мы просто рехнемся, если через месяц-другой у нас не появится еще один врач. Поэтому прими мои поздравления, Дик, ты — первый фельдшер Зоны. Поцелуй его, Лори».

Лори поцеловала.

Около одиннадцати утра Фрэн вошла в приемную и с любопытством, хоть и немного нервно, огляделась. Лори сидела за стойкой, читала старый номер «Женского домашнего журнала».

— Привет, Фрэн. — Она вскочила. — Я так и думала, что рано или поздно мы тебя здесь увидим. Джордж сейчас с Кэнди Джонс, но он сразу займется тобой. Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо, благодарю, — ответила Фрэн. — Я думаю...

Открылась дверь одной из смотровых, в приемную вышла Кэнди Джонс, а следом за ней появился высокий сутуловатый мужчина в вельветовых брюках и рубашке с короткими рукавами и вышитым крокодильчиком на груди. Кэнди с сомнением смотрела на бутылочку с розовой жидкостью, которую держала в руке.

— Вы уверены, что именно это мне и нужно? — спросила она доктора Ричардсона. — Ничего такого раньше не было. Я думала, у меня иммунитет.

— Что ж, раньше не было, а теперь есть, — улыбнулся Джордж. — Не забывайте про крахмальные ванны и держитесь подальше от высокой травы.

Она печально улыбнулась:

— То же самое и у Джека. Ему зайти к вам?

— Нет, но вы можете принимать крахмальные ванны вместе. По-семейному.

Кэнди меланхолично кивнула и тут заметила Фрэн.

— Привет, Фрэнни, как ты?

— Все хорошо. А ты?

— Ужасно. — Кэнди подняла бутылочку, чтобы Фрэн смогла прочитать на этикетке название лекарства: каладрил. — Ядовитый плющ. И ты не догадаешься, в каком месте я обожглась. — Она просияла. — Но, готова спорить, сможешь догадаться, где обжегся Джек.

Они проводили ее взглядами, улыбаясь. Потом Джордж повернулся к Фрэнни:

— Мисс Голдсмит? Комитет Свободной зоны? Рад познакомиться.

Она протянула руку.

— Просто Фрэн. Или Фрэнни.

— Хорошо, Фрэнни. В чем проблема?

— Я беременна, — ответила она. — И чертовски напугана. — И тут же из глаз покатились слезы.

Джордж обнял ее.

— Лори, я хочу, чтобы ты пришла через пять минут.

— Хорошо, доктор.

Он увел Фрэн в смотровую и посадил на стол с черной обивкой.

— Что такое? Почему слезы? Из-за близнецов миссис Уэнтуорт?

Фрэнни кивнула.

— Это были тяжелые роды, Фрэн. Мать много курила. Дети родились маленькими, даже для близнецов. Появились на свет поздно вечером, совершенно неожиданно. Вскрытие мне сделать не удалось. Реджину Уэнтуорт сейчас опекают несколько женщин из нашей группы. Я уверен... я *надеюсь*... что она сможет выйти из того психического состояния, в котором сейчас находится. Пока же я могу только сказать, что эти младенцы с самого рождения были на грани смерти. И причиной могло послужить *что угодно*.

— В том числе и «супергрипп».

— Да, в том числе и это.

— Так что мы можем только сидеть и ждать...

— Черт, нет! Я собираюсь провести все необходимые дородовые обследования. Я буду контролировать вас и любую женщину, которая уже беременна или только забеременеет, на всех стадиях процесса. У «Дженерал электрик» был слоган: «Прогресс — наша самая важная продукция». В Зоне дети — наша самая важная продукция, и отсюда соответствующее отношение.

— Но в действительности мы ничего не знаем.

— Да, не знаем. Но лучше быть оптимистом, Фрэн.

— Да, конечно. Я постараюсь.

В дверь постучали, и вошла Лори. Она протянула Джорджу планшет с пустым бланком, и Джордж начал задавать Фрэн вопросы, заполняя индивидуальную карту.

* * *

После завершения обследования Джордж вышел из смотровой по своим делам, а Лори осталась с Фрэн, пока та одевалась.

— Я тебе завидую, знаешь ли, — очень тихо сказала Лори, когда Фрэн застегивала блузку. — Несмотря на неопределенность и все такое. Мы с Диком изо всех сил пытались сделать ребенка. Это действительно смешно — ведь прежде я ходила на работу со значком «НУЛЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ». Речь, разумеется, шла о нулевом приросте населения, но теперь, когда я вспоминаю этот значок, мне становится дурно. Ох, Фрэнни, твой ребенок будет *первым*. И я знаю, что все будет хорошо. Так должно быть!

Фрэн улыбалась и кивала, и у нее не возникло желания напомнить Лори, что ее ребенок уже не первый.

Первыми родились близнецы миссис Уэнтуорт.

И близнецы миссис Уэнтуорт умерли.

— Отлично, — изрек Джордж полчаса спустя.

Фрэн, занятая своими мыслями, удивленно вскинула брови, не понимая, о чем речь.

— Я про ребенка. Все отлично.

Фрэн нашла бумажную салфетку. Крепко ее сжала.

— Я чувствовала, как он шевелился... но довольно давно. Потом — ничего. Я боялась...

— Он живой, это точно, но я сомневаюсь, что вы чувствовали его шевеление, знаете ли. Скорее, газы в кишечнике.

— Это был ребенок, — ровным голосом возразила Фрэн.

— Как бы то ни было, в ближайшем будущем шевелиться он будет много. Думаю, срок ваших родов — начало или середина января. Что скажете?

— Здóрово.

— Вы правильно питаетесь?

— Да, я так думаю... во всяком случае, стараюсь.

— Хорошо. Сейчас не тошнит?

— Поначалу тошнило, но это давно прошло.

— Прекрасно. Даете себе физическую нагрузку?

На одно кошмарное мгновение она увидела себя роющей могилу отцу. Моргнула, чтобы отогнать видение. Это случилось в прошлой жизни.

— Да, достаточную.

— Прибавили в весе?

— Примерно пять фунтов.

— Это хорошо. Можете прибавить еще двенадцать, я сегодня добрый.

Фрэн улыбнулась:

— Вы врач, вам виднее.

— Да, и я работал акушером-гинекологом, так что вы в хороших руках. Следуйте советам вашего доктора — и вы далеко пойдете. Теперь о велосипедах, мотоциклах, мопедах. Скажем так, после пятнадцатого ноября забываем об их существовании. Впрочем, к тому времени на них уже никто ездить не будет. Из-за холода. Сигаретами и спиртным не злоупотребляете, так?

— Нет.

— Если изредка вам захочется чего-нибудь выпить перед сном, думаю, это совершенно нормально. Я пропишу вам витамины. Вы сможете взять их в любой городской аптеке.

Фрэнни расхохоталась, и Джордж неуверенно улыбнулся:

— Я сказал что-то смешное?

— Нет. Получилось смешно — с учетом обстоятельств.

— Ох! Да, понимаю. Что ж, зато не будет больше жалоб на высокую цену витаминов, правда? И еще, Фрэн. Вы никогда не пользовались внутриматочными противозачаточными средствами... спиралью?

— Нет, а что? — спросила Фрэн и внезапно подумала о том кошмарном сне: темный человек с вешалкой-плечиками. — Нет, — повторила она.

— Хорошо. Тогда все. — Он встал. — Я не буду говорить, что вам лучше не волноваться...

— Да, — согласилась она, веселье ушло. — Лучше не надо.

— Но я попрошу вас свести волнения к минимуму. Избыток озабоченности ведет к нарушению гормонального баланса. Ребенку это во вред. Я не люблю прописывать успокоительные беременным женщинам, но если вы думаете...

— Нет, в этом нет необходимости, — ответила Фрэн, однако, выходя под жаркие солнечные лучи, она уже знала, что всю вторую половину беременности ее не будут отпускать мысли об исчезнувших близнецах миссис Уэнтуорт.

* * *

Двадцать девятого августа в Боулдер пришли три группы численностью двадцать два, шестнадцать и двадцать пять человек. Сэнди Дюшен обошла всех семерых членов постоянного комитета, чтобы сообщить им, что население Зоны превысило тысячу человек.

Боулдер перестал быть городом-призраком.

Вечером тридцатого Надин Кросс стояла в подвале дома Гарольда, наблюдая за ним и ощущая тревогу.

Когда Гарольд не занимался с ней извращенным сексом, а делал что-то еще, он будто ретировался в какое-то потаенное место, где она совершенно его не контролировала, и по прибытии туда, казалось, превращался в глыбу льда, более того — презирал не только ее, но и себя. Что оставалось неизменным — так это его ненависть к Стюарту Редману и остальным членам постоянного комитета.

В подвале стоял стол для аэрохоккея, и его гладкую, хоть и дырявую поверхность Гарольд использовал в качестве верстака. Под левой рукой у него лежала раскрытая книга с какой-то схемой. Он смотрел на схему, потом на устройство, с которым работал, потом что-то с ним делал. Под правой рукой лежали инструменты из комплекта, прилагавшегося к его мотоциклу «триумф». Вокруг валялись обрезки проводков.

— Знаешь, — рассеянно сказал Гарольд, — тебе бы лучше прогуляться.

— Почему? — В ее голосе звучала обида. Глядя на напряженное, без тени улыбки лицо Гарольда, Надин могла понять, почему он так много улыбался: чтобы не выглядеть безумцем. Она подозревала, что он безумен или находится на самой грани.

— Потому что я не знаю возраст этого динамита, — ответил Гарольд.

— О чем ты?

— Старый динамит потеет, дорогая моя. — Тут он посмотрел на нее. Она увидела, что все его лицо покрыто потом, словно в доказательство последней фразы. — Точнее говоря, покрывается испариной, и испарина эта — чистый нитроглицерин, одна из самых нестабильных субстанций в мире. Так вот, если динамит старый, велика вероятность того, что этот маленький научный проект

перебросит нас через вершину Флагштоковой горы, и лететь мы будет до самой страны Оз.

— Знаешь, тебе не обязательно говорить об этом с такой злобой.

— Надин! *Милочка!*

— Что?

Гарольд смотрел на нее спокойно и без улыбки.

— Заткни свою гребаную пасть.

Она так и поступила, но на прогулку не пошла, хотя ей и хотелось. Конечно же, если выполнялась воля Флэгга (а планшетка написала ей, что Гарольд — инструмент Флэгга для уничтожения постоянного комитета), динамит не мог быть старым. А если и был таким, то все равно не взорвался бы до положенного срока... или нет? Насколько Флэгг контролирует события?

Достаточно, подумала она. *Более чем достаточно.* Но полной уверенности у нее не было, и она тревожилась. Она успела еще раз побывать дома и обнаружила, что Джо ушел, на этот раз, вероятно, навсегда. Она заглянула к Люси и, натолкнувшись на холодный прием, провела там ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы выяснить, что после ее переезда к Гарольду Джо (Люси, разумеется, называла его Лео) «немного изменился к худшему». Люси, несомненно, винила в этом ее, но... если бы лавина сошла с Флагштоковой горы или землетрясение уничтожило Жемчужную улицу, Люси скорее всего возложила бы на нее вину и за это. Впрочем, она и Гарольд в самое ближайшее время собирались дать всем новый повод для обвинений, и очень даже весомый. И все-таки Надин ощутила горькое разочарование из-за того, что не смогла еще раз увидеть Джо... чтобы поцеловать его на прощание. Их с Гарольдом пребывание в Свободной зоне Боулдера подходило к концу.

Не важно, лучше всего порвать с ним прямо сейчас, пока ты занята этим грязным делом. Ты только причинишь ему вред... а возможно, причинишь вред и себе, потому что Джо... видит и знает сокрытое от других. Пусть он перестанет быть Джо, пусть я перестану быть мамой Надин. Пусть вновь превратится в Лео, раз и навсегда.

Но парадокс оставался неразрешимым. Она не могла поверить, что всем, кто сейчас находился в Зоне, включая мальчика, осталось жить меньше года. Он не хотел оставлять их в живых...

...и, по правде говоря, его инструмент — не только Гарольд, но и ты. Ты, которая еще недавно говорила, что в этом постэпидемическом мире есть только один непростительный грех — забрать другую жизнь...

Внезапно ей захотелось, чтобы динамит был старым, чтобы он взорвался и убил их обоих. Милосердная смерть. А потом она подумала о том, что их ждет после того, как они окажутся по ту сторону гор, и знакомое влажное тепло растеклось по низу живота.

— Вот, — мягко выдохнул Гарольд. Опустил собранное устройство в обувную коробку «Хаш паппис» и отодвинул в сторону.

— Готово?

— Да. Готово.

— Сработает?

— Хочешь опробовать? — Слова сочились злобным сарказмом, но Надин не возражала. Гарольд оглядывал ее жадным, ползущим взглядом маленького мальчика, уже хорошо ей знакомым. Гарольд вернулся из того потаенного места, куда уходил, чтобы написать все то, что она прочитала в его гроссбухе, который затем небрежно положила под плиту у камина, где он первоначально и лежал. Теперь она могла управлять Гарольдом. Теперь его разговор стал всего лишь словами.

— Ты хотел бы посмотреть, как я буду ласкать себя? — спросила она. — Как прошлой ночью?

— Да, — кивнул он. — Ладно. Хорошо.

— Тогда пойдем наверх. — Она похлопала ресницами. — Я пойду первой.

— Да, — хрипло ответил он. На его лбу вновь выступили капельки пота, но на этот раз не от страха. — Иди первой.

И она поднялась по лестнице первой, зная, что он смотрит под короткую юбочку ее матросского платья. Трусики она в этот вечер не надевала.

Дверь закрылась, и устройство, которое Гарольд собрал и поставил в коробку, растворилось в темноте подвала. «Реалистик», «уоки-токи» на батарейках из магазина «Радио шэк». Заднюю панель Гарольд снял. Проводки тянулись к восьми динамитным шашкам. Рядом с обувной коробкой на столе для аэрохоккея осталась лежать раскрытая книга. Гарольд взял ее в публичной биб-

лиотеке Боулдера, и называлась она «Победители 65-й национальной научной ярмарки». На раскрытой странице «уоки-токи», аналогичная той, что сейчас находилась в обувной коробке, подсоединялась к дверному звонку. Подпись гласила: *Третье место, Национальная научная ярмарка 1977 г., разработано Брайаном Боллом, Ратленд, штат Вермонт. Скажи слово и позвони в дверь, до которой двенадцать миль.*

Тем же вечером, несколькими часами позже, Гарольд спустился в подвал, закрыл коробку крышкой и осторожно отнес наверх. Поставил на верхнюю полку буфета на кухне. Днем Ральф Брентнер сказал ему, что постоянный комитет Свободной зоны приглашает Чэда Норриса на свое очередное заседание. И когда оно состоится? — мимоходом поинтересовался Гарольд. Второго сентября, ответил Ральф.

Второго сентября.

Глава 57

Ларри и Лео сидели на бордюрном камне перед домом. Ларри пил теплое пиво «Хэммс», Лео — теплую газировку «оранж спот». В те дни в Боулдере можно было пить что угодно, при условии, что напиток хранился в банках или бутылках, а ты не возражал против того, чтобы пить его теплым. Сзади доносился мерный рев «лаунбоя» — Люси косила траву на лужайке. Ларри хотел взять это на себя, но Люси покачала головой: «Лучше выясни, что не так с Лео, если получится».

Шел последний день лета.

На следующий день после переезда Надин к Гарольду Лео не явился завтракать. Ларри нашел мальчика в его комнате. Тот сидел в одних трусах, сунув большой палец в рот, не желая общаться, враждебный. Ларри испугался куда больше, чем Люси, потому что та не знала, каким был Лео, когда Ларри впервые встретился с ним. В те дни его звали Джо, и он повсюду носил с собой мясницкий нож.

С тех пор прошла бóльшая часть недели. И Лео немного отошел, но не до конца, и по-прежнему не говорил, что с ним случилось.

— Эта женщина как-то с этим связана, — заявила Люси, навинчивая крышку на горловину бака газонокосилки.

— Надин? Почему ты так думаешь?

— Знаешь, я не собиралась об этом говорить. Но она приходила, когда ты и Лео отправились рыбачить на Колд-Крик. Хотела повидаться с мальчиком. Я только порадовалась, что вы ушли.

— Люси...

Она быстро поцеловала его, а он сунул руку под легкую блузку на бретельках, дружелюбно сжал грудь.

— Раньше я ошибалась насчет тебя, — призналась Люси. — Наверное, всегда буду сожалеть об этом. Но к Надин Кросс я никогда не проникнусь теплыми чувствами. Что-то с ней не так.

Ларри не ответил, однако мысленно согласился с Люси. В тот вечер у магазина она вела себя как безумная.

— И вот еще что... придя сюда, она называла его не Лео. Она называла его другим именем. Джо.

Он тупо смотрел на Люси, которая крутанула стартер, и «лаунбой» заревел.

И теперь, через полчаса после того разговора, Ларри пил «Хэммс» и наблюдал, как Лео постукивает о мостовую шариком для пинг-понга, найденным в тот день, когда они вдвоем пришли к дому Гарольда, где теперь жила Надин. Маленький шарик уже сильно запачкался, но нигде не промялся. Тук-тук-тук о мостовую. Шарик прыг, шарик скок, посмотри на потолок.

Лео (ведь он Лео, верно?) в тот день не захотел войти в дом Гарольда.

В дом, где теперь жила мама Надин.

— Хочешь пойти на рыбалку, малыш? — неожиданно предложил Ларри.

— Нет рыбы, — ответил Лео. Посмотрел на Ларри своими странными глазами цвета морской волны. — Ты знаешь мистера Эллиса?

— Конечно.

— Он говорит, что мы сможем пить воду, когда рыба вернется. Пить без... — Он издал шипящий звук и замахал руками. — Ты понимаешь.

— Без кипячения?

— Да.

Тук-тук-тук.

— Мне нравится Дик. Он и Лори. Всегда дают мне что-нибудь поесть. Он боится, что они не смогут, но я думаю, что смогут.

— Смогут что?

— Сделать ребенка. Дик думает, что он слишком старый. Но я чувствую, что нет.

Ларри уже собрался спросить, каким образом Лео и Дик вышли на обсуждение этой темы, но не стал. Ответ лежал на поверхности: этого они не обсуждали. Дик не стал бы говорить с маленьким мальчиком о таком личном вопросе, как зачатие ребенка. Лео просто... просто знал.

Тук-тук-тук.

Да, Лео знал многое... или интуитивно чувствовал. Он не захотел входить в дом Гарольда и сказал что-то о Надин... Ларри не мог вспомнить, что именно... но помнил тот разговор и тревогу, которую ощутил, узнав, что Надин сошлась с Гарольдом. Мальчик словно впал в транс, словно...

(*...тук-тук-тук...*)

Ларри наблюдал, как шарик для пинг-понга подлетает вверх и опускается вниз, а потом резко повернулся к Лео. Глаза мальчика потемнели и смотрели в никуда. Рев газонокосилки стал заметно тише, превратившись в мерное гудение. Солнечный свет приятно согревал, а не жег. И Лео снова впал в транс, словно прочитал мысли Ларри и отреагировал соответственно.

Лео ушел, чтобы увидеть слона.

— Да, я думаю, они смогут сделать ребенка, — нейтральным голосом согласился Ларри. — Дику никак не может быть больше пятидесяти пяти. Кэри Грант, если не ошибаюсь, зачал ребенка, когда ему было больше семидесяти.

— Кто такой Кэри Грант?

Шарик подпрыгивал и опускался, подпрыгивал и опускался.

(«Дурная слава». «К северу через северо-запад»).

— Ты не знаешь? — спросил Ларри.

— Он был актером, — ответил мальчик. — Снимался в «Дурной славе». И в «Северо-западе».

(«К северу *через северо-запад*».)

— Я хотел сказать, в фильме «К северу *через северо-запад*», — поправился Лео. Его глаза не отрывались от прыгающего шарика для пинг-понга.

— Совершенно верно, — кивнул Ларри. — Как поживает мама Надин, Лео?

— Она называет меня Джо. Я для нее Джо.

— Ох!.. — По спине Ларри пробежал холодок.

— Теперь плохо.

— Плохо?

— Плохо для них обоих.

— Надин и...

(Гарольда?)

— Да, и для него.

— Они несчастливы?

— Он одурачил их обоих. Они думают, что нужны ему.

— Он?

— *Он.*

Слово повисло в теплом летнем воздухе.

Тук-тук-тук.

— Они собираются уйти на запад, — добавил Лео.

— Господи!.. — пробормотал Ларри. Ему вдруг стало очень холодно. Накатили прежние страхи. Он действительно хотел слышать продолжение? Это было все равно что наблюдать, как на безмолвном кладбище открывается дверь склепа, видеть, как появляется рука...

Что бы это ни было, я не хочу слышать, не хочу знать.

— Маме Надин хочется думать, что это твоя вина. Ей хочется думать, что это ты погнал ее к Гарольду. Но она ждала специально. Она ждала, пока ты не полюбишь маму Люси слишком сильно. Ждала, пока не убедилась в этом. *Он* словно стирал ту часть ее мозга, которая отличает правильное от неправильного. Мало-помалу стирал эту часть. И когда от нее ничего не осталось, Надин стала такой же безумной, как и все на западе. Может, даже безумнее.

— Лео... — прошептал Ларри, и Лео без запинки ответил:

— Она называет меня Джо. Для нее я — Джо.

— Мне тоже называть тебя Джо? — В голосе Ларри звучало сомнение.

— Нет, — с ноткой мольбы возразил мальчик. — Нет, пожалуйста, не надо.

— Тебе недостает мамы Надин, так, Лео?

— Она мертва, — ответил Лео с леденящей кровь определенностью.

— Вот почему ты так долго не приходил в ту ночь?

— Да.

— И не разговаривал по той же причине?

— Да.

— Но теперь ты говоришь.

— Чтобы поговорить, у меня есть ты и мама Люси.

— Да, конечно...

— Но не навсегда! — яростно воскликнул мальчик. — Не навсегда, если ты не поговоришь с Фрэнни! Поговори с Фрэнни! *Поговори с Фрэнни!*

— О Надин?

— Нет.

— Тогда о чем? О тебе?

Голос Лео стал еще громче, еще пронзительнее:

— Это все записано. Ты знаешь! Фрэнни знает! *Поговори с Фрэнни!*

— Комитет...

— Не комитет. Комитет тебе не поможет, он никому не поможет, комитет — это прошлое, *он* смеется над вашим комитетом, потому что это прошлое. А прошлое принадлежит ему, ты знаешь, Фрэнни знает, если вы поговорите, то сможете...

Лео с силой бросил шарик вниз — ТУК! — он подпрыгнул выше головы мальчика, вновь ударился о мостовую и укатился. Ларри провожал его взглядом, с пересохшим ртом, с гулко бьющимся в груди сердцем.

— Я уронил шарик. — И Лео побежал за ним.

Ларри смотрел мальчику вслед.

Фрэнни, думал он.

Они сидели вдвоем на краю эстрады, болтая ногами в воздухе. До темноты оставался еще час, по парку гуляли люди, некоторые держались за руки. Детский час и час влюбленных, вдруг подумала Фрэнни. Ларри только что закончил рассказывать о впавшем в транс Лео, и голова у нее шла кругом.

— Так что ты об этом думаешь? — спросил Ларри.

— Я не знаю, что и думать, — ответила она, — за исключением того, что мне все это не нравится. Сны-видения. Сначала ста-

рая женщина, которая на какое-то время становится голосом Бога, а потом уходит в пустошь. Теперь маленький мальчик, который вроде бы еще и телепат. Это как жизнь в сказке. Иногда я думаю, что «супергрипп» оставил нас в живых, но свел с ума.

— Он сказал, что я должен поговорить с тобой. Вот я и говорю.

Фрэнни не ответила.

— Что ж, если возникнут какие-то мысли... — продолжил Ларри.

— Все записано, — выдохнула Фрэнни. — Он прав, этот мальчик. В этом, думаю, все дело. Если бы не моя глупость, не мое самодовольство, я бы не стала все это записывать... Черт меня побери!

Ларри изумленно уставился на нее.

— О чем ты говоришь?

— О Гарольде, и я боюсь. Я ничего не сказала Стью. Стыдилась. Вести дневник — это такая дурь... и теперь Стью... ему нравится Гарольд... всем в Свободной зоне нравится Гарольд, включая тебя. — Она попыталась рассмеяться, но смешок заглушили слезы. — В конце концов, он был твоим духом-наставником по пути сюда, верно?

— Я не очень-то тебя понимаю, — медленно ответил Ларри. — Ты можешь сказать мне, чего ты боишься?

— В этом все и дело... я не знаю, чего именно. — Она посмотрела на него, в ее глазах стояли слезы. — Лучше я расскажу тебе то, что могу, Ларри. Я должна с кем-то поговорить. Бог свидетель, не могу больше держать это в себе, а Стью... возможно, Стью — не тот человек, которому следует все это услышать. Во всяком случае, первым.

— Хорошо, Фрэнни. Выкладывай.

И она рассказала ему все, начав с того июньского дня, когда Гарольд заехал на подъездную дорожку ее дома в Оганквите на «кадиллаке» Роя Брэннигана. Пока она говорила, остатки яркого дня сменились синеватыми тенями. Влюбленные потянулись из парка. В небе появился тонкий серпик луны. В кондоминиуме на другой стороне бульвара зажглись несколько ламп Коулмана. Она рассказала ему о надписи на крыше амбара, о том, как спала, когда Гарольд рисковал жизнью, чтобы написать ее имя на самой нижней строке. О встрече со Стью в Фабиане, о резкой — отвали-

от-моей-косточки — реакции Гарольда на Стью. Она рассказала ему о своем дневнике, об отпечатке пальца на одной из страниц. Закончила в десятом часу вечера, когда уже стрекотали цикады. А потом, мучаясь нехорошим предчувствием, ждала, пока Ларри нарушит затянувшуюся паузу. Но он сидел, с головой уйдя в свои мысли.

Наконец посмотрел на нее:

— Ты уверена насчет отпечатка пальца? Ты уверена, что его оставил Гарольд?

Если она и запнулась, то лишь на мгновение.

— Да. Я знала, что это отпечаток пальца Гарольда, как только увидела его.

— Этот амбар с надписью на крыше... Помнишь вечер, когда мы впервые встретились и я сказал тебе, что Гарольд вырезал свои инициалы на опорной балке?

— Да.

— Он вырезал не только свои инициалы. Твои тоже. В сердце. Будто влюбленный маленький мальчик на школьной парте.

Она вытерла руками глаза.

— Какой кошмар!.. — У нее сел голос.

— Ты не несешь ответственности за действия Гарольда Лаудера, девочка. — Он взял ее руку в свои и сжал. — Это говорю тебе я, в прошлом пофигист и раздолбай. Ты не должна винить в этом себя. Потому что если будешь винить, — он так сильно сжал Фрэнни руку, что она почувствовала боль, но его лицо оставалось добрым, — если будешь винить, действительно сойдешь с ума. Со своими-то проблемами трудно справиться, не говоря уже о чужих.

Он отпустил ее руку, и какое-то время они молчали.

— Ты думаешь, Гарольд затаил на Стью смертельную обиду? — наконец спросил Ларри. — Ты действительно думаешь, что все так далеко зашло?

— Да, — кивнула Фрэн. — Я действительно думаю, что такое возможно. Может, не только на Стью, но и на весь комитет. Только я не знаю, что...

Его рука легла на ее плечо и крепко сжала, заставив замолчать. В темноте он напрягся, его глаза широко раскрылись, губы беззвучно двигались.

— Ларри! Что?..

— Когда он пошел вниз, — пробормотал Ларри. — Пошел вниз за штопором или за чем-то еще.

— *Чем?*

Ларри медленно повернулся к ней, словно его голова вращалась на заржавевшем шарнире.

— Знаешь, есть шанс найти ответ. Я ничего не могу гарантировать, потому что не заглядывал в эту книгу, но... все так красиво сходится... Гарольд читает твой дневник и черпает оттуда не только информацию, но и идею. Черт, он, возможно, заревновал, потому что она пришла к тебе первой. Разве все лучшие писатели не вели дневники?

— Ты говоришь, что у *Гарольда* есть дневник?

— Он спустился в подвал, в тот самый день, когда я пришел к нему с бутылкой вина, а я остался в гостиной один и оглядывался. Он сказал, что собирается обставить гостиную мебелью из хрома и кожи, и я пытался представить себе, как она будет выглядеть. И тут я заметил у камина шатающуюся плиту...

— *ДА!* — воскликнула Фрэнни так громко, что он подпрыгнул. — В тот день, когда я проникла в дом... и пришла Надин Кросс... я *сидела* у камина... я помню шатающуюся плиту. — Она вновь посмотрела на Ларри. — Опять то же самое. Словно кто-то вел нас за нос, направлял к...

— Совпадение... — Но голос Ларри звучал очень уж неуверенно.

— Неужели? Мы оба побывали в доме Гарольда. Мы оба заметили шатающуюся плиту. И теперь мы оба сидим здесь. Это совпадение?

— Не знаю.

— И что лежало под плитой?

— Гроссбух, — медленно ответил он. — По крайней мере это слово было на обложке. Внутрь я не заглядывал. В тот момент я подумал, что этот гроссбух вполне мог принадлежать как Гарольду, так и прежнему хозяину дома. Но если бы он принадлежал прежнему хозяину, разве Гарольд не нашел бы его? Мы оба заметили шатающуюся плиту. Так что давай предположим, что он находит этот гроссбух. Даже если бы парень, который жил в этом доме до эпидемии гриппа и заполнял гроссбух своими секретами — заносил в него суммы, укрытые от налогообложения, расписывал

свои педофилические сексуальные фантазии, — эти секреты не могли быть секретами Гарольда. Ты это понимаешь?

— Да, но...

— Не прерывай инспектора Андервуда, когда он разъясняет, что к чему, смешливая девчонка. Поэтому, если эти секреты не были секретами Гарольда, с чего ему хранить гроссбух под плитой? Да с того, что это его собственные секреты. Под плитой лежал дневник *Гарольда*.

— Ты думаешь, он по-прежнему там?

— Возможно. Я думаю, нам лучше пойти и посмотреть.

— Сейчас?

— Завтра. Он будет с похоронной командой, а Надин во второй половине дня помогает на электростанции.

— Хорошо. Думаешь, мне сказать об этом Стью?

— Почему бы нам не подождать? Какой смысл поднимать шум, если нет уверенности, что дело важное? Мы можем и не найти гроссбух. Или окажется, что Гарольд записывал в него намеченные дела. А может, мы найдем в нем невинные байки. Или блестящий политический план, который вознесет Гарольда на вершину Зоны. Или выяснится, что записи зашифрованы.

— Я об этом не подумала. А что мы будем делать, если окажется, что в дневнике... что-то важное?

— Тогда, полагаю, нам придется поставить в известность постоянный комитет. Еще одна причина действовать быстро. Мы встречаемся второго числа. Пусть этот вопрос решит комитет.

— А он решит?

— Да, думаю, да, — ответил Ларри, но при этом он помнил, что сказал о комитете Лео.

Фрэнни соскользнула с края эстрады на землю.

— Мне как-то полегчало. Спасибо, что пришел, Ларри.

— Где мы встретимся?

— В маленьком парке напротив дома Гарольда. Скажем, завтра, в час дня?

— Отлично, — кивнул Ларри. — Там и увидимся.

Фрэнни пошла домой с легким сердцем. Ларри свел возможные варианты к минимуму. Гроссбух мог доказать беспочвенность всех их опасений. Но если бы он доказал обратное...

Что ж, в этом случае решение примет комитет. Как напомнил ей Ларри, следующее заседание намечалось вечером второго сен-

тября, в доме Ника и Ральфа, который находился в самом конце Бейзлайн-роуд.

Когда она пришла домой, Стью сидел в спальне с фломастером в одной руке и увесистым томом в кожаном переплете в другой. Она прочитала название книги, вытисненное золотом на обложке: «Введение в Уголовный кодекс штата Колорадо».

— Тяжелая работа. — Фрэнни поцеловала Стью в губы.

— Это точно. — Он швырнул книгу через комнату, и она с грохотом приземлилась на комод. — Эл Банделл притащил. Он и его законодательная комиссия развили бурную деятельность. Послезавтра он хочет выступить на заседании постоянного комитета Свободной зоны. А чем занималась ты, прекрасная дама?

— Говорила с Ларри Андервудом.

Он долго и пристально смотрел на нее.

— Фрэн... ты плакала?

— Да, — она встретилась с ним взглядом, — но теперь мне лучше. Гораздо лучше.

— Это связано с ребенком?

— Нет.

— Тогда с чем?

— Я скажу тебе завтра вечером. Поделюсь с тобой всеми своими мыслями. А до этого — никаких вопросов. Идет?

— Дело серьезное?

— Стью, я не знаю.

Он долго, долго смотрел на нее.

— Хорошо, Фрэнни. Я тебя люблю.

— Знаю. И я тоже люблю тебя.

— В кровать?

Она улыбнулась:

— Кто быстрее разденется?

Первый день сентября выдался серым и дождливым, скучным и незапоминающимся, но он навсегда остался в памяти всех жителей Свободной зоны. Именно в этот день в домах Северного Боулдера вновь появилось электричество... пусть и на короткое время.

Без десяти двенадцать в пультовой электростанции Брэд Китчнер посмотрел на Стью, Ника, Ральфа и Джека Джексона, которые стояли у него за спиной. Нервно улыбнулся и сказал:

— Святая Мария, прояви милосердие. Помоги мне выиграть эту гонку.

После чего резко опустил вниз два больших рубильника. В гигантском, похожем на пещеру зале под ними завыли два пробных генератора. Пятеро мужчин подошли к окну во всю стену и посмотрели вниз, туда, где собралось около сотни мужчин и женщин, все — по приказу Брэда — в защитных очках.

— Если мы сделали что-то не так, я предпочитаю сжечь два генератора, а не пятьдесят два, — чуть раньше объяснил своим гостям Брэд.

Вой генераторов усилился.

Ник ткнул локтем Стью и указал на потолок. Стью поднял голову и заулыбался. Под полупрозрачными панелями начали светиться флуоресцентные лампы. Генераторы набирали мощь, вышли на устойчивое высокое гудение, и звук этот уже не менялся. Внизу толпа ремонтников зааплодировала, некоторые при этом морщились: ладони болели от многочасового натягивания и накручивания медной проволоки.

Флуоресцентные лампы теперь ярко светились, совсем как и прежде.

Ник испытал чувство, прямо противоположное тому, что накрыло его в Шойо, когда погас свет: там он внезапно оказался в могиле, здесь — воскрес.

Два генератора поставляли энергию в небольшую часть северного Боулдера — на Северную улицу. Люди, которые там жили, ничего не знали о пробном пуске, намеченном на это утро, и многие из них в страхе выбежали из домов.

Треща помехами, включались телевизоры. В доме на Еловой улице ожил блендер, пытаясь размешать смесь яиц и сыра, давно уже засохшую. Мотор блендера вскоре перегрелся и взорвался. В пустом гараже завыла дисковая пила. Засветились конфорки электрических плит. Марвин Гэй запел из громкоговорителей музыкального магазина «Музей восковых фигур», специализировавшегося на старых песнях. Быстрые слова и ритм казались ожившей грезой о прошлом: «Давай потанцуем... давай покричим... давай разберемся, что здесь такое... давай потанцуем... давай покричим»*.

---

* Слова из известной песни Марвина Гэя (1939—1984) «Давай сделаем это».

Силовой трансформатор взорвался на Кленовой улице, и спираль пурпурных искр зажгла мокрую траву, которая тут же потухла.

На электростанции один генератор завыл более пронзительно и отчаянно. Начал дымиться. Люди попятились, едва сдерживаясь, чтобы не броситься врассыпную. Помещение начал заполнять тошнотворно-сладковатый запах озона. Завыла сирена сигнализации.

— Слишком высокое напряжение! — проревел Брэд. — Мерзавец может сгореть! Перегрузка!

Он метнулся через пультовую к рубильникам и резко поднял их, отключая подачу электроэнергии.

Вой генераторов начал затихать, но лишь после того, как снизу донесся громкий хлопок, за которым последовали крики, приглушенные бронированным стеклом.

— Твою мать! — воскликнул Ральф. — Один загорелся!

Над ними флуоресцентные лампы сначала потускнели, потом полностью погасли. Брэд распахнул дверь пультовой и вышел на площадку. Его голос далеко разнесся по громадному залу:

— Залейте их пеной! Быстро!

Генераторы окатили пеной из нескольких огнетушителей, огонь потушили. Запах озона еще висел в воздухе. Остальные мужчины вышли на площадку следом за Брэдом.

Стью положил руку ему на плечо.

— Сожалею, что так вышло.

Брэд повернулся к нему улыбаясь:

— Сожалеешь? О чем?

— Генератор-то загорелся, верно? — спросил Джек..

— Черт, да! Конечно! И где-то на Северной улице взорвался трансформатор. Мы забыли, черт побери, забыли! Они болели, они умирали, они не выключали бытовые приборы перед смертью. По всему Боулдеру остались включенными телевизоры, и духовки, и электрические одеяла. И им понадобилась прорва электроэнергии. Эти генераторы сконструированы так, что могут подключиться к другим генераторам, когда нагрузка очень большая в одном месте и маленькая в другом. Этот пытался подключиться, но остальные-то отключены. Понимаете? — От волнения Брэд подергивался. — Гэри! Помните, как Гэри, штат Индиана, сгорел дотла?

Они кивнули.

— Не могу сказать наверняка, точно мы никогда не узнаем, но произошедшее здесь могло случиться и там. Возможно, питание отключилось не сразу. Одного короткого замыкания в электрическом одеяле при соответствующих условиях могло оказаться достаточно, совсем как в Чикаго, когда корова миссис О'Лири перевернула керосиновую лампу*. Эти генераторы пытались подключиться к другим, но подключаться-то было не к чему. И они сгорели. Нам повезло. Я в этом уверен, уж поверьте мне на слово.

— Раз ты так говоришь... — В голосе Ральфа звучало сомнение.

— Нам придется все сделать заново, но только с одним генератором. А электричество мы подадим. Но... — Брэд начал щелкать пальцами от переполнявшего его волнения. — Мы не сможем его подать, пока не будем уверены, что на этот раз все получится. Удастся ли нам собрать еще одну рабочую команду? Человек двенадцать?

— Конечно, думаю, да, — ответил Стью. — А зачем?

— Отключающую команду. Людей, которые пройдут по всему Боулдеру и отключат все, что включено. У нас же нет пожарной команды. — И Брэд разразился пронзительным, полубезумным смехом.

— Завтра вечером мы проводим заседание постоянного комитета Свободной зоны, — сказал Стью. — Приходи и объясни, зачем они тебе нужны, и ты их получишь. Но ты уверен, что перегрузки больше не будет?

— Более чем уверен, да. Этого не случилось бы и сегодня, если бы не избыток включенных электроприборов. Раз уж об этом зашла речь, кто-нибудь должен пойти на Северную улицу и посмотреть, не горит ли там чего.

Никто не знал, шутит Брэд или нет. Как выяснилось, кое-где что-то действительно загорелось, в основном от раскалившихся электроприборов. Но, спасибо мелкому дождю, до большого пожара дело не дошло. Так что первое сентября тысяча девятьсот де-

---

* Намек на пожар в Чикаго, который продолжался с 8 по 10 октября 1871 г. и уничтожил бо́льшую часть города.

вяностого года жителям Зоны запомнилось другим: подача электроэнергии возобновилась, пусть и всего на тридцать секунд.

Часом позже Фрэн приехала на велосипеде в парк Эбена Дж. Файна, который располагался напротив дома Гарольда. В северном конце парка, за столами для пикников, журчала река Боулдер-Стрим. Утренний дождь туманом висел в воздухе.

Она огляделась в поисках Ларри, никого не обнаружила, припарковала велосипед. Пошла по влажной траве к качелям — и услышала голос:

— Сюда, Фрэнни.

Вздрогнув, она повернулась к постройке, в которой находились туалеты, и на мгновение ощутила страх. Высокая фигура стояла в тенях, сгустившихся в центральном проходе между туалетами, и на мгновение она подумала...

Потом фигура вышла из тени, и Фрэн увидела, что это Ларри, в линялых джинсах и рубашке цвета хаки. Она сразу расслабилась.

— Я тебя напугал? — спросил он.

— Да, немножко. — Она села на качели, биение сердца начало затихать. — Я увидела только силуэт, стоящий в темноте...

— Извини. Я думал, так будет безопаснее, хотя этого места из дома Гарольда и не видно. Я видел, ты тоже приехала на велосипеде.

Она кивнула:

— Меньше шума.

— Я спрятал свой там. — Ларри указал на сторожку с низкой крышей рядом с игровой площадкой.

Фрэнни, пройдя с велосипедом между качелями и детской горкой, закатила его в сторожку. На нее дохнуло затхлостью и сероводородом. Она догадалась, что здесь собирались подростки, слишком юные или слишком обдолбанные, чтобы садиться за руль. Везде валялись бутылки из-под пива и окурки. В дальнем углу она заметила смятые трусики, в ближнем — остатки маленького костра. Поставила свой велосипед рядом с велосипедом Ларри и быстро вышла. В этих тенях, пропахших давнишним сексом, не составляло труда представить себе темного человека, стоящего за спиной с перекрученной вешалкой-плечиками в руке.

— Прямо «Холидей инн», да? — сухо спросил Ларри.

— По мне, уютная гостиница выглядит иначе. — Фрэн передернуло. — Независимо от того, что у нас получится сегодня, Ларри, вечером я хочу все рассказать Стью.

Ларри кивнул:

— Не только потому, что он в комитете. Он еще и начальник полиции.

Фрэн с тревогой посмотрела на Ларри. Пожалуй, только сейчас она осознала, что их экспедиция может закончиться для Гарольда тюрьмой. Они собирались проникнуть в его дом без ордера на обыск или чего-то такого и все разнюхать.

— Это плохо.

— Не слишком хорошо, — согласился Ларри. — Хочешь дать задний ход?

Фрэн крепко задумалась, потом покачала головой.

— И правильно. Я считаю, мы должны выяснить все, что получится, так или иначе.

— Ты уверен, что они оба ушли?

— Да. Утром я видел Гарольда за рулем одного из самосвалов похоронной команды. А все, кто работал на электростанции, приглашены на пробный запуск.

— Ты думаешь, она пошла туда?

— Будет выглядеть странным, если она не появится там, правда?

Фрэн обдумала его слова, кивнула:

— Пожалуй, да. Между прочим, Стью говорил, что к шестому сентября электричество подадут в большую часть города.

— Это будет великий день. — Ларри подумал, как это будет приятно — сидеть в каком-нибудь ночном клубе, скажем, в «Шеннонсе» или «Прорванном барабане», с большой гитарой «Фендер» и еще большим усилителем и что-нибудь играть, все равно что, лишь бы простое и тяжелое, на максимальной громкости: может, «Глорию» или «Выгуливая собаку». Собственно, что угодно, только не «Поймешь ли ты своего парня, детка?».

— Может, нам придумать какое-то объяснение? — спросила Фрэн. — На всякий случай.

Ларри криво улыбнулся:

— Хочешь сказать, что мы продаем подписку на журналы, если кто-то из них вернется?

— Очень остроумно, Ларри.

— Тогда мы можем сказать ей то же самое, что ты сказала мне — о пробном запуске электростанции. Если она будет дома.

Фрэн кивнула:

— Это подойдет.

— Не обманывай себя, Фрэн. У нее возникли бы подозрения, даже если бы ей принесли известие о том, что в городе появился Иисус Христос и сейчас ходит взад-вперед по городскому резервуару.

— Если она в чем-то виновна.

— Да, если она в чем-то виновна.

— Ладно, — сказала Фрэн после короткого раздумья. — Пошли.

Легенды не потребовалось. Постучав сначала в парадную дверь, а потом и в дверь черного хода, они убедились, что в доме Гарольда никого нет. «И хорошо», — подумала Фрэн: чем больше она размышляла об истории, которую они собирались рассказать Надин, тем менее правдоподобной та казалась.

— Как ты туда залезла? — спросил Ларри.

— Через подвальное окно.

Они подошли к боковой стороне дома, и Ларри, пока Фрэн караулила, попытался открыть окно, но из этого ничего не вышло.

— Может, тогда ты и залезла, но теперь оно заперто.

— Или просто залипло. Дай я попробую.

Однако у нее получилось не лучше. Значит, после ее первого похода сюда Гарольд запер окно на шпингалет.

— Что будем делать? — спросила она.

— Давай разобьем.

— Ларри, он *увидит*.

— И пусть. Если ему нечего скрывать, он подумает, что это дело рук пары мальчишек, которые бьют окна в пустых домах. И этот дом *выглядит* пустым, с занавешенными окнами и закрытыми ставнями. А если ему есть что скрывать, он сильно разволнуется, чего и заслуживает. Правильно?

На лице Фрэн читалось сомнение, но она не стала останавливать Ларри, когда он снял рубашку, обмотал вокруг кулака и предплечья и разбил подвальное окно. Осколки полетели внутрь, и он сунул руку в дыру в поисках шпингалета.

— Вот он где. — Нашел, открыл и сдвинул окно. Спустился в подвал и повернулся, чтобы помочь ей. — Осторожно, детка. Пожалуйста, никаких выкидышей в подвале Гарольда Лаудера.

Он поймал ее и осторожно опустил на пол. Вместе они осмотрели игровую комнату. Набор для крокета нес службу, как часовой. На столе для аэрохоккея лежали маленькие обрезки разноцветных проводов.

— Что это? — спросила Фрэн, поднимая один из них. — Раньше этого здесь не было.

Ларри пожал плечами:

— Может, Гарольд собирал идеальную мышеловку.

Под столом лежала коробка, и Ларри вытащил ее оттуда. На крышке была надпись: «РЕАЛИСТИК» — НАБОР «УОКИ-ТОКИ» КЛАССА ЛЮКС, БАТАРЕЙКИ В КОМПЛЕКТ НЕ ВХОДЯТ». Ларри открыл ее, но вес коробки подсказал ему, что она пуста.

— Получается, он собирал радиостанции, а не мышеловки, — заметила Фрэн.

— Нет, это не набор для сборки. Эти «уоки-токи» готовы к использованию. Может, он в них что-то усовершенствовал. Похоже на Гарольда. Помнишь, как Стью жаловался насчет приема «уоки-токи», когда они с Гарольдом и Ральфом искали матушку Абагейл?

Фрэнни кивнула, но эти обрезки проводов по-прежнему ее тревожили.

Ларри бросил коробку на пол и озвучил, как он потом думал, самое ошибочное суждение в своей жизни:

— Это не важно. Пошли.

Они поднялись по ступенькам, но на этот раз дверь на кухню оказалась заперта. Фрэн посмотрела на Ларри, а тот пожал плечами:

— Мы прошли долгий путь, верно?

Фрэн кивнула.

Ларри несколько раз легонько ткнул дверь плечом, чтобы понять крепость засова, а потом ударил со всей силы. Заскрипел металл, что-то звякнуло, и дверь распахнулась. Ларри наклонился и поднял с пола засов со скобой.

— Я могу все поставить на место, и он ничего не заметит. Если, конечно, найдется отвертка.

— А надо? Он все равно увидит разбитое окно.

— Это правда. Но если засов поставить на место, он... чего ты улыбаешься?

— Поставь, если тебе этого хочется. Но как ты собираешься задвинуть его со стороны подвала?

Ларри задумался.

— По мне, нет ничего хуже умничающей женщины. — Он бросил засов на столешницу. — Давай заглянем под плиту у камина.

Они вошли в темную гостиную, и Фрэн почувствовала нарастающую тревогу. В тот раз Надин появилась у дома Гарольда без ключа. На этот раз, вернувшись, она могла открыть дверь. Та еще получилась бы шутка, если бы первой работой Стью в должности начальника полиции стал бы арест его женщины за взлом и проникновение в чужое жилище.

— Это она? — спросил Ларри.

— Да. И давай побыстрее.

— Велика вероятность, что он его перепрятал.

И Гарольд действительно перепрятал дневник, а под плиту у камина его положила Надин. Ларри и Фрэн ничего об этом не знали, но когда Ларри поднял плиту, книга лежала под ней, и надпись «ГРОССБУХ» поблескивала золотом. Они оба смотрели на дневник. В комнате внезапно стало жарче, теснее, темнее.

— Так что, будем восхищаться или читать? — спросил Ларри.

— Давай ты, — сказала Фрэн. — Я не хочу даже прикасаться к нему.

Ларри вытащил гроссбух из выемки и машинально смахнул с обложки белую каменную пыль. Начал просматривать, открывая случайные страницы. Записи были сделаны фломастером, из тех, что продавались под жизнеутверждающим брэндом «Хардхед». Эти фломастеры позволяли Гарольду писать крошечными четкими буковками — почерком человека, который добросовестно относится к делу, даже одержим им. На абзацы текст не делился. И занимал практически всю площадь листа, оставляя узенькие поля справа и слева, причем в каждой строчке буквы заканчивались на одинаковом расстоянии от края, создавая ощущение, что эти поля отчеркнуты линейкой.

— Нам потребуется три дня, чтобы прочитать все. — Ларри продолжал пролистывать гроссбух.

— Подожди. — Фрэн перегнулась через его руку и вернулась на пару страниц назад. Здесь ровный поток слов прерывался твердо очерченным прямоугольником. В нем Гарольд записал нечто вроде девиза:

> Следовать за своей звездой — значит, подчиняться воле более великой Силы, воле Провидения; но вполне возможно, что сам акт следования этой воле — стержневой корень еще более могущественной Силы. Твой БОГ, твой ДЬЯВОЛ владеет ключами от маяка; я так долго бился над этим в последние два месяца; но на каждого из нас он возложил ответственность за ПЛАВАНИЕ.
>
> ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР.

— Извини, но это выше моего понимания, — признался Ларри. — Тебе это о чем-нибудь говорит?

Фрэн медленно покачала головой.

— Наверное, этим Гарольд пытается сказать, что следовать — не менее почетно, чем вести за собой. Но не думаю, что этот шедевр Гарольда по популярности превзойдет «Не проматывай — и не будешь нуждаться».

Ларри продолжил листать страницы к началу дневника и наткнулся еще на несколько рамок со строками, все за подписью Гарольда заглавными буквами.

— Ух ты! — воскликнул он. — Посмотри сюда, Фрэнни!

> Сказано, что два самых больших человеческих греха — гордыня и ненависть. Так ли? Я склонен думать о них как о двух самых больших человеческих достоинствах. Отбросить гордыню и ненависть — все равно что сказать: ты изменишься на благо мира. Принять их, отталкиваться от них — более благородно, все равно что сказать: мир должен измениться на благо тебе. Меня ждет великое приключение.
>
> ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР.

— Такое мог написать только психически неуравновешенный человек, — выдохнула Фрэн. Ей вдруг стало очень холодно.

— Подобный образ мышления и вверг нас в этот кошмар, — согласился Ларри. Он быстро пролистал оставшиеся до начала страницы. — Время идет. Давай поглядим, с чего все началось.

Никто из них не знал, чего ожидать. Пока они прочитали лишь куски, взятые в рамку, да еще несколько случайных фраз, которые, по большей части благодаря витиеватому стилю (сложносочиненные предложения с придаточными, похоже, придумали специально для Гарольда Лаудера), несли в себе мало смысла. А иной раз и никакого.

Первая страница также была заполнена сверху донизу. В углу стояла обведенная кружком цифра «1». Начинался дневник с красной строки, единственной, насколько могла судить Фрэнни, во всем гроссбухе (за исключением абзацев в рамке). Они прочитали первое предложение, держа книгу перед собой, как дети на хоровой практике, а потом с губ Фрэн сорвалось сдавленное:

— Ох!

Она отступила на шаг, поднеся руку ко рту.

— Фрэн! — Ларри повернулся к ней. — Мы должны взять эту книгу.

— Да...

— И показать Стью. Я не знаю, прав ли Лео в том, что Гарольд на стороне темного человека, но он как минимум не в своем уме. Ты сама это видишь.

— Да, — повторила она, вдруг испытав такую слабость, что едва удерживалась на ногах. Вот, значит, как закончилась история с дневниками. А ведь она это знала, знала с того момента, как увидела отпечаток его пальца, и теперь говорила себе: *не падай в обморок, не падай в обморок.*

— Фрэн! Фрэнни! Что с тобой?

Голос Ларри. Доносящийся из далекого далека.

Первое предложение из дневника Гарольда: *Я испытаю величайшее удовольствие в это прелестное постапокалиптическое лето, когда убью мистера Стюарта Редмана по прозвищу Собачий Член; и вполне вероятно, что я убью и ее.*

— Ральф? Ральф Брентнер, вы дома? *Тук-тук, есть кто дома?*

Она стояла на ступеньках, глядя на дом. Никаких мотоциклов, только пара велосипедов, прислоненных к стене. Ральф бы ее услышал, однако гораздо больше Надин тревожил глухой. Глухонемой. Она могла кричать до посинения, и он бы не ответил, но все равно мог поджидать ее в доме.

Переложив большой пакет для продуктов в другую руку, Надин толкнула дверь и обнаружила, что она не заперта. Переступила порог, выйдя из-под тумана-дождя. Очутилась в маленькой прихожей. Четыре ступеньки вверх вели на кухню. Лестничный пролет уходил вниз, где, по словам Гарольда, жил Эндрос. Придав лицу самое приятное выражение, Надин спустилась по лестнице, повторяя фразу, приготовленную на случай, если он окажется дома.

Я сразу вошла, потому что понимала, что стука вы не услышите. Некоторые из нас хотят знать, будет ли сегодня вечерняя смена, чтобы перемотать те генераторы, которые сгорели. Брэд вам ничего не говорил?

Нижняя квартира состояла из двух комнат: спальни, напоминавшей монашескую келью, и кабинета, обстановку которого составляли стол, большой стул, мусорная корзинка и шкаф. На столе лежали листки и полоски бумаги, которые она мимоходом пролистала. Особого смысла не уловила — догадалась, что это фразы Ника в каких-то разговорах (*Полагаю, что да, но мы должны спросить его, нельзя ли все это сделать проще,* написал Ник на одной из полосок). Другие казались записками для себя, наблюдениями, мыслями. Третьи напоминали обведенные абзацы в гроссбухе Гарольда, которые он с саркастической улыбкой называл «вехами к лучшей жизни».

Одну Надин прочитала: *Поговорить с Гленом о торговле. Знает ли кто-нибудь из нас, с чего начинается торговля? С нехватки товаров? Или с лотка в углу супермаркета? Навыки. Вот ключевое слово. Что, если Брэд Китчнер решит продавать, а не отдавать даром? Или док? Чем мы будем платить? Гм-м-м.*

Надин отвернулась от листков и полосок — с неохотой. Это зачаровывало — просматривать бумаги, оставленные человеком, который мог думать, лишь записывая свои мысли (один ее профессор в колледже любил говорить, что процесс мышления никогда не будет полным без использования органов речи), но дальнейшее пребывание в нижней квартире не имело смысла. Ника здесь не было, никого не было. Так чего искушать доселе сопровождавшую ее удачу излишне долгим пребыванием в доме?

Надин поднялась наверх. Гарольд сказал ей, что они, вероятно, соберутся в гостиной. Пол огромной комнаты застилал толстый ворсистый ковер цвета красного вина. Труба отдельно стоя-

щего камина уходила в потолок, словно каменная колонна. Из окна, занимавшего всю западную стену, открывался прекрасный вид на Утюги. Надин почувствовала себя жучком, приколотым иголкой к стене. Она знала, что наружная поверхность «термоплекса» йодирована, поэтому тот, кто смотрит на окно, увидит лишь свое зеркальное отражение, но психологическое ощущение, что она у всех на виду, оставалось. Так что ей хотелось как можно быстрее довести дело до конца. В южной стене гостиной Надин нашла то, что искала: глубокий стенной шкаф, который Ральф еще не успел разобрать. В глубине висели пальто, а в дальнем углу на полу лежала высокая груда сапог, рукавиц и зимних шерстяных вещей.

Не теряя времени, Надин достала из пакета продукты. Они служили только прикрытием, поэтому банки с томатной пастой и сардинами одним слоем лежали на коробке «Хаш паппис» с шашками динамита и «уоки-токи».

«Если я положу бомбу в стенной шкаф, она сработает? — спросила Надин у Гарольда. — Дополнительная стена не уменьшит силу взрыва?»

«Надин, — ответил Гарольд, — если это устройство сработает, а я не вижу причин, почему бы ему не сработать, оно разнесет дом и склон холма вместе с ним. Положи коробку в любое место, где, по-твоему, она останется незамеченной до их совещания. Стенной шкаф вполне подойдет. Дополнительная стена разлетится, и ее куски станут шрапнелью. Все как в старой сказке о портняжке и мухах. Одним махом семерых побивахом. Только в нашем случае мы имеем дело с горсткой политических тараканов».

Надин раздвинула сапоги и шарфы, проделала в груде дыру, сунула в нее коробку. Завалила шарфами и вылезла из стенного шкафа. Все. Сделано. К лучшему или худшему.

Она быстро покинула дом, не оглядываясь, стараясь не обращать внимания на голос, не желавший умолкать, голос, призывающий ее вернуться и оборвать провода, которые соединяли динамит и «уоки-токи», призывающий прекратить все это, прежде чем оно сведет ее с ума. Потому что разве не сумасшествие ждало ее в недалеком будущем, всего через пару недель? Разве не безумие являлось логическим завершением того, что с ней происходило?

Она сунула пакет с консервами в сумку «веспы», завела двигатель. И все время, пока ехала вниз, голос бубнил и бубнил: *Ты*

же не собираешься оставить ее там, правда? Ты же не собираешься оставить там бомбу?

В мире, где уже умерли столь многие...

Она вписалась в поворот, едва различая, куда едет. Слезы начали застилать глаза.

...величайший грех — пособничество новым смертям.

Речь шла о семи жизнях. Нет, больше. Комитет собирался заслушать доклады глав нескольких подкомитетов.

Она остановилась на углу Бейзлайн и Бродвея, думая о том, что должна вернуться. Ее трясло.

Потом она так и не смогла объяснить Гарольду, что именно произошло, — по правде говоря, даже и не пыталась. Потому что получила представление об ужасах, которые ждали ее впереди.

Она почувствовала, как глаза застилает чернота.

Чернота эта напоминала темный занавес, слегка колышущийся на ветру. Время от времени ветер вдруг набирал силу, занавес качался более энергично, и тогда Надин видела дневной свет под нижним краем, часть пустынного перекрестка.

Но потом занавес приблизился вплотную, целиком и полностью заполнил поле зрения, и она растворилась в нем. Ослепла, оглохла, лишилась осязания. Ее мыслящее «я», Надин-эго, плавало в теплом черном коконе, напоминающем то ли морскую воду, то ли околоплодную жидкость.

И она ощутила, как *он* вползает в нее.

Крик начал расти в ней, вот только у нее не было рта, чтобы кричать.

Проникновение: энтропия.

Она не знала, что означают эти слова, поставленные рядом, но понимала: они верны.

Ничего подобного она никогда не испытывала. Впоследствии ей на ум пришли несколько сравнений, и она отвергла их все, одно за другим:

Ты плаваешь в теплой воде — и внезапно попадаешь в ледяную струю, от которой немеет все тело.

Тебе сделали укол новокаина, и дантист выдергивает зуб. Он выходит без всякой боли. Ты сплевываешь кровь в белый эмалированный тазик. В тебе дыра, в тебе выемка. Ты можешь сунуть язык в эту дыру, где секундой раньше жила часть тебя.

Ты смотришь на отражение своего лица в зеркале. Смотришь долго. Пять минут, десять, пятнадцать. Не моргая. С нарастающим в сознании ужасом наблюдаешь, как меняется твое лицо, совсем как лицо Лона Чейни-младшего* в эпосе об оборотнях. Ты становишься незнакомцем для самого себя, смуглокожим духом-двойником, вампиром с бледной кожей и рыбьими глазами.

Это было совсем не то, что она чувствовала, но каждое из сравнений несло крупицу истины.

Темный человек вошел в нее, *и от него исходил холод.*

Открыв глаза, Надин решила, что оказалась в аду.

Ад был белым — тезисом к антитезису темного человека. Она видела белое, костяное, лишенное цвета ничто. Белое-белое-белое. Белый ад окружал ее со всех сторон.

Надин смотрела на белизну (всматриваться в нее было невозможно), зачарованная, агонизирующая, и прошло несколько минут, прежде чем она почувствовала между бедер сиденье «веспы» и краем глаза увидела другой цвет, зеленый.

Рывком она оторвала взгляд от этой пустой белизны. Огляделась. Ее рот раскрылся, губы тряслись, глаза заполнял ужас. Темный человек находился в ней. Флэгг находился в ней, и, войдя, он лишил ее всех пяти чувств, тех самых, что связывали ее с реальностью. Он ехал в ней, как человек мог ехать в легковушке или грузовике. И приехал... куда?

Она вновь посмотрела в сторону белизны и увидела, что это огромный экран автокинотеатра, белеющий на фоне сероватого дождливого неба. Повернула голову — и заметила бар, выкрашенный в веселенький розовый цвет. Над ним висел рекламный щит с надписью: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В «ХОЛИДЕЙ-ТВИН»! НАСЛАДИТЕСЬ РАЗВЛЕЧЕНИЯМИ ПОД ЗВЕЗДНЫМ НЕБОМ!»

Темнота окутала ее на перекрестке Бейзлайн и Бродвея. Теперь она очутилась на Двадцать восьмой улице, чуть ли не на административной границе между Боулдером и... Лонгмонтом, так?

---

* Лон Чейни (1881—1930) — американский актер немого кино, прославившийся способностью до неузнаваемости изменять свою внешность.

В застывшей, далекой глубине ее сознания оставался *его* привкус, как холодная слизь на полу.

Ее окружали стойки, металлические стойки, напоминающие часовых, каждая высотой пять футов, каждая с динамиками. Сквозь гравий пробились трава и одуванчики. Надин предположила, что с середины июня большим количеством зрителей «Холидей-твин» похвастаться не мог. Да, в это лето дела развлекательной индустрии шли из рук вон плохо.

— Почему я здесь? — прошептала она.

Надин всего лишь озвучивала свои мысли, разговаривала сама с собой, не ожидая ответа. А получив его, вскрикнула от ужаса.

Все динамики разом упали на гравий, траву и одуванчики. Раздалось громкое, оглушительное «БАХ», словно сверху сбросили труп.

— *НАДИН!* — проорали динамики *его* голосом, и как же она завизжала. Ее руки метнулись к голове, ладони закрыли уши, но все динамики орали одновременно, и она никак не могла заглушить этот громовой голос, полный пугающего веселья и жуткой комичной похоти. — *НАДИН, НАДИН, ОХ КАК Я ЛЮБЛЮ ЛЮБИТЬ НАДИН, МОЮ ЛАПОЧКУ, МОЮ КРАСОТКУ...*

— *Прекрати!* — выкрикнула она, до предела напрягая голосовые связки, но ее голос звучал слишком тихо в сравнении с этим ревом. Тем не менее через секунду рев *умолк*. Наступила тишина. Динамики смотрели на нее с гравия, будто фасетчатые глаза гигантских насекомых.

Надин медленно оторвала руки от ушей, опустила их.

Ты рехнулась, сказала она себе. *Ничего больше. Напряжение ожидания... и игры Гарольда... наконец, бомба, спрятанная в доме Ника и Ральфа... все это довело тебя до ручки, дорогая, и ты рехнулась. Возможно, оно и к лучшему.*

Но она не рехнулась и знала это.

Если б рехнулась, это было бы счастье.

И словно в доказательство ее последней мысли, динамики заговорили вновь, строгим, но при этом ханжеским голосом директора, по системе громкой связи упрекающего всех учеников старшей школы за какую-то общую проказу.

— *НАДИН, ОНИ ЗНАЮТ.*

— Они знают, — как попугай повторила Надин. Она понятия не имела, кто и что знает, но не сомневалась, что это неизбежно.

— ВЫ ПОСТУПИЛИ ГЛУПО. БОГ, ВОЗМОЖНО, ЛЮБИТ ГЛУПОСТЬ. Я НЕ ЛЮБЛЮ.

Слова гремели и перекатывались под предвечерним солнцем. Ее одежда внезапно прилипла к коже, волосы патлами повисли вдоль бледных щек. Надин начало трясти.

«Сглупили, — подумала она. — Сглупили, сглупили. Я знаю, что означает это слово. Я думаю, оно означает смерть».

— ОНИ ЗНАЮТ ОБО ВСЕМ... ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ОБУВНОЙ КОРОБКИ. ДИНАМИТА.

Динамики. Везде динамики, уставившиеся на нее с белого гравия, выглядывающие из-под зеленых листьев одуванчиков, закрывшихся от дождя.

— ПОЕЗЖАЙТЕ В РАССВЕТНЫЙ АМФИТЕАТР И ОСТАВАЙТЕСЬ ТАМ ДО ЗАВТРАШНЕГО ВЕЧЕРА. ДО ИХ ВСТРЕЧИ. ПОТОМ ТЫ И ГАРОЛЬД МОЖЕТЕ ПРИЙТИ. ПРИЙТИ КО МНЕ.

Теперь Надин испытывала безмерную, искреннюю благодарность. Они сглупили... но получили второй шанс. Они достаточно важны для *него*, чтобы *он* непосредственно вмешался в их судьбу. И скоро, очень скоро она будет с ним... а потом она сойдет с ума, в этом она не сомневалась, и все нынешнее больше не будет иметь никакого значения.

— Рассветный амфитеатр слишком далеко. — Ее голосовые связки болели, и она могла только сипеть. — Слишком далеко для... — Для чего? Она никак не могла найти нужных слов. Ох да! Ну конечно! — Для «уоки-токи». Для сигнала.

Нет ответа.

Динамики лежали на гравии и смотрели на нее, сотни динамиков.

Она двинула ногой по стартеру «веспы», и двигатель ожил. Эхо заставило ее поморщиться, напомнив стрельбу из винтовки. Она хотела выбраться из этого ужасного места, оказаться подальше от таращащихся на нее динамиков.

Она должна выбраться.

Она слишком наклонила скутер, объезжая торговую палатку. На асфальте смогла бы его выровнять, но на гравии заднее колесо «веспы» провернулось, и она с грохотом упала, до крови прикусив губу и поранив щеку. Поднялась — глаза стали круглыми и дикими — и поехала дальше. Ее по-прежнему трясло.

Добралась до подъездной дорожки. По ней автомобили въезжали в автокинотеатр, по пути останавливаясь у будки кассира, расстояние до которой сокращалось. Она почти выбралась отсюда. Больше ей не придется смотреть на эти жуткие динамики. Благодарность переполняла ее.

Но тут все динамики разом ожили у нее за спиной, и теперь голос пел безо всякой мелодии:

*— Я УВИЖУ ТЕБЯ... УВИЖУ ТЕБЯ ВО ВСЕХ ЗНАКОМЫХ МЕСТАХ... ЭТОГО МОЕ СЕРДЦЕ ЖДЕТ... ВЕСЬ ДЕНЬ НАПРОЛЕ-Е-Е-Е-Т...**

Надин закричала севшим голосом.

Громкий, чудовищный смех накрыл ее, тут же перейдя в жуткое квохтанье.

— *УСПЕХА ТЕБЕ, НАДИН,* — прогремел голос. — *УСПЕХА. МОЯ НЕСРАВНЕННАЯ, МОЯ МИЛАЯ.*

Наконец она выбралась на дорогу и на полной скорости помчалась к центру Боулдера, оставляя позади бестелесный голос и таращащиеся динамики... но храня их в своем сердце навсегда.

Гарольда она дожидалась в квартале от автобусного вокзала. Когда он увидел Надин, его лицо застыло, кровь отлила от щек.

— Надин... — прошептал он. Контейнер для ленча выпал из его руки и стукнулся о мостовую.

— Гарольд, они знают. Мы должны...

— Твои волосы, Надин. Господи, твои *волосы*... — Глаза Гарольда широко раскрылись, заняв чуть ли не все лицо.

— *Слушай меня!*

Казалось, он немного пришел в себя.

— Хо-хорошо. Что такое?

— Они пришли в твой дом и нашли твой дневник. Они забрали его.

Разные эмоции схлестнулись на лице Гарольда: злость, ужас, стыд. Мало-помалу они исчезли, а потом, словно всплывающий на поверхность жуткий утопленник, вернулась застывшая ухмылка.

— Кто? Кто это сделал?

— Я не знаю, да это и не важно. Одной из них была Фрэн Голдсмит, я в этом уверена. Может, Бейтман или Андервуд. Я не знаю. Но они придут за тобой, Гарольд.

---

* «Я увижу тебя» — популярная песня, написанная в 1938 г. композитором Сэмми Файном (1902—1989) на стихи Ирвинга Кахала (1903—1942).

— Откуда ты знаешь? — Он грубо схватил ее за плечи, помня, что это она положила гроссбух под плиту. Тряхнул, как тряпичную куклу, но Надин смотрела на него, не выказывая ни малейшего страха. В этот долгий, долгий день ей пришлось столкнуться лицом к лицу с кем-то более страшным, чем Гарольд Лаудер. — *Говори, сука, откуда ты знаешь?*

— *Он* сказал мне.

Руки Гарольда упали.

— Флэгг? — прошептал он. — Он сказал тебе? Он говорил с тобой? Вот в чем причина *этого*? — По жуткости ухмылка Гарольда ничем не уступала ухмылке смерти.

— О чем ты говоришь?

Они стояли рядом с магазином бытовой техники. Вновь взяв Надин за плечи, Гарольд развернул ее лицом к витрине. Надин долго смотрела на свое отражение.

Ее волосы стали белыми. Совершенно белыми. Не осталось ни единого темного волоска.

Ох, как я люблю любить Надин.

— Пошли. — Она посмотрела на него. — Мы должны уехать из города.

— Сейчас?

— После наступления темноты. Пока мы спрячемся и подберем походное снаряжение, которое нам может понадобиться в дороге.

— Едем на запад?

— Не сейчас. Завтра вечером.

— Может, я этого уже и не хочу, — прошептал Гарольд. Он все смотрел на волосы Надин.

Она взяла его руку, подняла к своим волосам.

— Слишком поздно, Гарольд.

Глава 58

Фрэн и Ларри сидели за кухонным столом в квартире Стью и Фрэн, пили кофе. Внизу Лео играл на гитаре, той самой, которую Ларри помог ему выбрать в магазине «Земные звуки», «Гибсоне» стоимостью шестьсот долларов, с ручной лакировкой под цвет

вишни. Вместе с гитарой он взял парню проигрыватель на батарейках и десяток фолк-блюзовых альбомов. Компанию Лео составляла Люси, и до Ларри и Фрэн доносилась на удивление хорошая имитация песни «Запрудный блюз» Дейва ван Ронка:

Дождь хлестал пять дней,
И пришла беда.
В небе — сонм теней,
Поднялась вода...

Через арку, ведущую в гостиную, им был виден Стью, который сидел в своем любимом кресле с раскрытым дневником Гарольда на коленях. Сидел с четырех часов дня. Отказался от ужина. Когда Фрэнни посмотрела на него, он как раз переворачивал страницу.

Внизу Лео закончил «Запрудный блюз», и на какое-то время воцарилась тишина.

— Он хорошо играет, правда? — спросила Фрэн.

— Лучше, чем я. Мне такое и не светит, — ответил Ларри.

Снизу вдруг донесся знакомый перебор, быстрое движение вниз по ладам в не совсем стандартной блюзовой последовательности. Ларри замер с чашкой в руке. Потом на мелодию наложился низкий и вкрадчивый голос Лео:

Я не скажу тебе: останься на ночь, детка,
Я не спрошу, разобралась ли ты в себе.
И ссориться мне ни к чему с тобою, детка,
Один лишь я вопрос хочу задать тебе.
Поймешь ли ты своего парня, детка?
Пойми его, детка...
Поймешь ли ты своего парня, детка?

Ларри расплескал кофе.

— Ой! — Фрэн встала, чтобы взять тряпку.

— Я сам. — Ларри тоже вскочил. — Не рассчитал усилие.

— Нет, сиди. — Фрэнни вытерла лужицу на столе. — Я помню эту песню. Она стала популярной незадолго до эпидемии. Наверное, Лео отыскал сингл в каком-нибудь магазине в центре города.

— Пожалуй.

— Как звали того парня? Который ее написал?

— Не помню, — ответил Ларри. — Поп-музыка так быстро меняется.

— Да, но тут такая знакомая фамилия. — Фрэнни выжала тряпку над раковиной. — Это забавно, когда имя вертится на кончике языка, а вспомнить его не можешь.

— Да, — кивнул Ларри.

Стью с негромким стуком закрыл гроссбух, и Ларри с облегчением увидел, как Фрэн поворачивается к арке в гостиную. Стью уже входил на кухню. Первым делом ее взгляд упал на пистолет. С оружием он ходил с того самого дня, как его избрали начальником полиции, и частенько шутил, что боится, как бы ему не прострелить себе ногу. Фрэн над этими шутками не смеялась.

— Ну что? — спросил Ларри.

На лице Стью отражалась тревога. Он положил дневник Гарольда на стол, сел. Фрэн собралась налить ему кофе, но он покачал головой и коснулся ее руки.

— Нет, благодарю, милая. — Стью рассеянно посмотрел на Ларри. — Я прочитал все, и теперь у меня чертовски болит голова. Не привык так много читать. Последней книгой, которую я прочитал от корки до корки, была история про кроликов. «Обитатели холмов». Я купил ее для племянника, начал читать и...

Он замолчал, задумавшись.

— Я ее читал, — кивнул Ларри. — Отличная книга.

— Часть этих кроликов... они стали совсем изнеженными. Большие, откормленные, прожили всю жизнь в одном месте. Что-то с этим местом стало не так, но никто из кроликов не знал, что именно. Да они и не хотели знать. Только... только, ага, один фермер...

— Он не трогал тот участок, где жили кролики, чтобы всегда иметь возможность поставить на стол жаркое. А может, он их продавал. В любом случае он владел маленькой кроличьей фермой, — сказал Ларри.

— Да. И тот кролик, Дубравка, он сочинял стихи о сверкающей струне — как я понимаю, силке, в который фермер ловил кроликов. Силке, который использовал фермер, чтобы поймать их и задушить. Дубравка сочинял об этом стихи. — Стью медленно покачал головой с усталой недоверчивостью. — Вот кого напоминает мне Гарольд. Кролика Дубравку.

— Гарольд болен, — вставила Фрэн.

— Да. — Стью закурил. — И опасен.

— И что нам делать? Арестовать его?

Стью постучал пальцем по гроссбуху.

— Он и эта Кросс планируют что-то сделать, чтобы на западе их приняли с распростертыми объятиями. Но здесь не написано, что именно.

— Зато упомянуты люди, к которым он не благоволит, — заметил Ларри.

— Ты собираешься его арестовать? — вновь спросила Фрэн.

— Не знаю. Сначала я хочу поговорить об этом с остальными членами комитета. Что у нас намечено на завтра, Ларри?

— Заседание будет состоять из двух частей, публичной и закрытой. Брэд хочет поговорить об отключающей команде. Эл Банделл хочет представить предварительный отчет законодательной комиссии. Далее идут Джордж Ричардсон с часами приема в «Дакота-Ридж» и Чэд Норрис. Потом мы останемся одни.

— Если мы попросим Эла Банделла задержаться и расскажем ему об этой истории с Гарольдом, он будет держать язык за зубами?

— Я уверена, что его можно ввести в курс дела, — вставила Фрэн.

— Как жаль, что Судьи нет с нами! — раздраженно бросил Стью. — Я привязался к этому человеку.

Они помолчали, думая о Судье, гадая, где он может быть этим вечером. Внизу Лео играл «Сестру Кейт» в стиле Тома Раша.

— Пусть будет Эл. Я все равно вижу только два варианта. Мы должны изолировать эту парочку. Но я не хочу сажать их в тюрьму, черт побери!

— А что остается? — спросил Ларри.

Ему ответила Фрэнни:

— Высылка.

Ларри повернулся к ней. Стью медленно кивнул, глядя на свою сигарету.

— Просто выслать его? — спросил Ларри.

— Его и ее, — уточнил Стью.

— А Флэгг примет их в этом случае? — спросила Фрэнни.

Стью поднял голову, посмотрел на нее.

— Дорогая, это уже не наша проблема.

Она кивнула и подумала: «Ох, Гарольд, я не хотела, чтобы все так закончилось. Совершенно этого не хотела».

— Есть идеи насчет их планов? — спросил Стью.

Ларри пожал плечами:

— Тебе придется задать этот вопрос всему комитету, Стью. Но кое-какие мысли у меня есть.

— К примеру?

— Электростанция. Диверсия. Попытка убить тебя и Фрэнни. Это первое, что приходит в голову.

На бледном лице Фрэнни читался страх.

— Хотя он об этом прямо не говорит, — продолжил Ларри, — я думаю, он отправился на поиски матушки Абагейл для того, чтобы остаться с тобой наедине и убить тебя.

— У него был такой шанс, — ответил Стью.

— Может, он струсил.

— Хватит, — сдавленным голосом попросила Фрэн. — Пожалуйста.

Стью встал и вернулся в гостиную. Там стояло си-би-радио, подключенное к аккумулятору. Повозившись, он связался с Брэдом Китчнером.

— Брэд, дружище, это Стью Редман. Можешь организовать ночное дежурство на электростанции?

— Конечно, — раздался в гостиной голос Брэда. — А на хрена?

— Понимаешь, вопрос деликатный, Брэдли. До меня дошли слухи, что у кого-то есть сильное желание нам напакостить.

Ответ Брэда состоял преимущественно из ругательств.

Стью кивал, глядя на микрофон, чуть улыбаясь.

— Разделяю твои чувства. Насколько я понимаю, речь идет об этой ночи и, возможно, о следующей. Потом, думаю, все образуется.

Брэд сказал, что человек десять из его команды живут в соседних кварталах и будут счастливы намять бока этому вредителю.

— Ты думаешь, это Рич Моффэт?

— Нет, это не Рич. Мы еще с тобой поговорим, хорошо?

— Конечно, Стью. Ночное дежурство я организую.

Стью выключил радио и вернулся на кухню.

— Люди позволяют нам секретничать сколько вздумается. Меня это пугает. Старый лысый социолог прав: мы бы могли стать королями, если бы захотели.

Фрэн накрыла его руку своей.

— Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал. Вы оба. Пообещайте мне, что на завтрашнем совещании этот вопрос будет решен окончательно и бесповоротно. Я хочу поставить точку.

Ларри покивал:

— Высылка. Да. Мне подобное и в голову не приходило, но, наверное, это наилучший вариант. Что ж, я собираюсь забрать Люси и Лео и пойти домой.

— Завтра увидимся, — сказал Стью.

— Да. — И Ларри вышел.

Второго сентября, за час до зари, Гарольд стоял у самого края Рассветного амфитеатра и смотрел вниз. Боулдер скрывала тьма. Надин спала позади него в маленькой двухместной палатке, которую они захватили вместе с другим походным снаряжением, когда тайком покидали город.

Мы еще вернемся. На колесницах.

Но в глубине сердца Гарольд в этом сомневался. Его окутывала не только ночная тьма. Подлые мерзавцы лишили его всего: сначала Фрэнни и самоуважения, потом дневника, теперь надежды. Он чувствовал, что идет ко дну.

Сильный ветер трепал его волосы, хлопал полотнищем палатки. Этот звук напоминал стрельбу из автомата. За спиной Гарольда Надин стонала во сне. Стоны эти пугали. Гарольд думал, что она запуталась так же, как и он, может, еще сильнее. Человек, издающий такие стоны, не мог видеть счастливых снов.

Но я сохраню здравомыслие. Я смогу это сделать. Если мне удастся прийти к тому, что меня ждет, не рехнувшись, это будет уже что-то. Да, что-то.

Он задавался вопросом, где они сейчас, Стью с дружками, окружили ли его маленький дом, ждут ли его возвращения, чтобы арестовать и бросить в кутузку. Он мог бы войти во все книги по истории — если кто-нибудь из этих жалких слизняков останется в живых, чтобы написать их, — как первый заключенный Свободной зоны. «Добро пожаловать в тяжелые времена. «ЯСТРЕБ В КЛЕТКЕ», экстренный выпуск, экстренный выпуск, все читайте

об этом!» Что ж, ждать им придется долго. Он уже отправился в свое приключение и слишком хорошо помнил, как Надин клала его руку на свои белые волосы и говорила: *Слишком поздно, Гарольд.* И глаза у нее были, как у трупа.

— Хорошо, — прошептал Гарольд. — Мы через это пройдем.

Над ним темный сентябрьский ветер шумел в кронах деревьев.

Четырнадцать часов спустя Стью призвал к тишине членов постоянного комитета, собравшихся в гостиной дома Ральфа Брентнера и Ника Эндроса, постукивая пивной банкой по угловому столику.

— Что ж, друзья, пожалуй, начнем.

Глен и Ларри расположились на полукруглой ограде камина, спиной к огню, который развел Ральф. Ник, Сюзан Штерн и сам Ральф устроились на диване. Ник держал в руках неизменный блокнот и ручку. Брэд Китчнер стоял в дверном проеме с банкой пива «Куэрс» и разговаривал с Элом Банделлом, который отдал предпочтение виски с содовой. Джордж Ричардсон и Чэд Норрис сидели у панорамного окна и наблюдали за повисшим над Утюгами закатом.

Фрэнни привалилась спиной к двери стенного шкафа, в котором Надин спрятала бомбу. У ее ног лежал рюкзак с дневником Гарольда.

— Тишина, я прошу, тишина! — Стью постучал сильнее. — Магнитофон работает, лысый?

— Само собой, — ответил Глен. — И я вижу, что язык у тебя тоже работает, Восточный Техас.

— Я его смазал, и теперь претензий нет, — улыбнулся Стью. Оглядел одиннадцать человек, которые собрались в большой комнате, служившей одновременно и гостиной, и столовой. — Ладно... сразу перейдем к делу, но сначала я хочу поблагодарить Ральфа, предоставившего нам крышу над головой, выпивку и крекеры...

«У него действительно хорошо получается», — подумала Фрэнни. Попыталась оценить, насколько изменился Стью с того дня, когда она и Гарольд впервые встретились с ним, и не смогла. Решила, что невозможно объективно судить о поведении людей, которые тебе очень близки, но знала, что Стью, которого она тог-

да встретила, и представить себе не мог, что будет председательствовать на совещании одиннадцати человек, и, наверное, подпрыгнул бы до небес при мысли о том, что именно ему доведется вести собрание чуть ли не тысячи жителей Свободной зоны. Перед ней был Стью, появившийся на свет благодаря эпидемии.

Она выявила все твои достоинства, дорогой мой, подумала Фрэн. *Я скорблю по остальным, но при этом горжусь тобой и так сильно люблю тебя...*

Она чуть шевельнулась, крепче оперлась спиной о дверь стенного шкафа.

— Мы предоставим нашим гостям возможность выступить первыми, — продолжал Стью, — а потом проведем короткое закрытое заседание. Есть возражения?

Возражений не последовало.

— Хорошо. Передаю слово Брэду Китчнеру, а всех остальных прошу слушать внимательно, потому что он — тот самый парень, благодаря которому через три дня вы будете пить бурбон со льдом.

Его слова вызвали бурную спонтанную овацию. Красный как рак, дергая себя за галстук, Брэд вышел на середину гостиной. Едва не упал, зацепившись за пуфик, оказавшийся у него на пути.

— Я. Очень. Счастлив. Быть. Здесь, — дрожащим голосом начал Брэд. Судя по всему, он чувствовал бы себя куда более счастливым, оказавшись в другом месте, скажем, на Южном полюсе, и обращаясь к пингвиньему конгрессу. — Э... э... — Он замолчал, сверился со своими записями, просиял. — Электроэнергия! — воскликнул он с видом человека, только что сделавшего великое открытие. — Подача электроэнергии почти восстановлена! Да!

Вновь покопался в записях.

— Вчера мы запустили два генератора, и, как вы знаете, один не выдержал перегрузки и крякнулся. Образно говоря. Я хочу сказать, на него легла слишком большая нагрузка. Отсюда и перегрузка. Ну... вы понимаете, о чем я.

Все улыбались. Кто-то даже рассмеялся, и Брэду от этого определенно полегчало.

— Это произошло потому, что многие электроприборы оставались включенными, когда разразилась эпидемия, и мы не под-

соединили другие генераторы, чтобы они взяли часть нагрузки на себя. Хватило бы даже трех или четырех, но это не исключает опасности пожаров. Поэтому мы должны отключить все, что только возможно. Электрические плиты и одеяла, все такое. Собственно, я вот о чем подумал: каждый из нас должен обойти все соседние дома и вывернуть в них пробки или повернуть рубильник, чтобы обесточить весь дом. Понимаете? То есть к тому моменту, когда мы подадим электричество, я думаю, мы должны принять все элементарные меры пожарной безопасности. Я позволил себе проверить, как обстоят дела с пожарной станцией в восточном Боулдере, и...

В камине потрескивал огонь.

«Все будет хорошо, — думала Фрэнни. — Гарольд и Надин покинули Зону сами, и это, возможно, наилучший вариант. И проблема разрешилась, и Стью они больше не угрожают. Бедный Гарольд, мне так жаль, но в конце я больше боялась тебя, чем жалела. Жалость никуда не делась, и я боюсь того, что может случиться с тобой, но я рада, что твой дом пуст и вы с Надин ушли. Я рада, что вы оставили нас в покое».

Гарольд сидел, скрестив ноги, на исписанном граффити столе для пикника, словно лунатик из безумной буддийской книги. Уставившись в никуда, с затуманенными, ничего не выражающими глазами. Он перенесся в то холодное, далекое место, куда не могла последовать за ним Надин, и она боялась. В руках Гарольд держал портативную рацию, двойник которой лежал в обувной коробке.

Перед ними уходили вдаль скальные уступы и заросшие соснами ущелья. На востоке — может, в десяти, может, в сорока милях — земля выравнивалась, становясь Средним Западом и расстилаясь до дымчато-синего горизонта. Ночь уже захватила ту часть мира. За спиной солнце только что скрылось за горами, подсветив их золотом. Но блестеть им осталось недолго.

— Когда? — спросила Надин. Она не находила себе места от волнения, ей не терпелось справить малую нужду.

— Очень скоро, — ответил Гарольд. Ухмылка сменилась сладкой улыбкой. Надин не сразу поняла, что она означает: Гарольд впервые так улыбался. Лишь через несколько минут она сообразила, что к чему. Гарольд выглядел счастливым.

* * *

Постоянный комитет единогласно принял предложение Брэда создать отключающую команду в составе двадцати человек. Ральф Брентнер согласился заполнить баки двух пожарных машин из резервуара Боулдера и держать их на электростанции, когда Брэд повернет рубильник.

Следующим выступал Чэд Норрис. Он говорил спокойно, сунув руки в карманы твиловых брюк, рассказывая о работе, проделанной похоронной командой за последние три недели. Он сообщил, что им удалось похоронить — невероятно! — двадцать пять тысяч трупов, более восьми тысяч в неделю, и, по его мнению, они перевалили за середину.

— То ли нам повезло, то ли в дело вмешались высшие силы, — заключил он. — Этот массовый исход — не знаю, как еще такое назвать, — сделал за нас большую часть работы. В другом городе такой же величины, как Боулдер, на захоронение всех трупов ушло бы не меньше года. Мы рассчитываем до первого октября захоронить еще двадцать тысяч жертв эпидемии. Отдельные трупы, наверное, будут попадаться и позже, но я хочу, чтобы вы знали: основная работа сделана, и можно перестать тревожиться из-за болезней, источником которых послужат оставленные без захоронения тела.

Фрэн чуть повернулась, чтобы посмотреть на догорающий закат. Золотая подсветка горных пиков уже начала тускнеть, переходя в не столь яркий лимонный цвет. Внезапно на нее накатила волна тоски по дому, совершенно неожиданная и такая сильная, что Фрэн замутило.

До восьми часов оставалось пять минут.

Надин почувствовала, что больше не может терпеть и сейчас надует в штаны. Отошла за кусты, присела, пустила струю. Когда вернулась, Гарольд по-прежнему сидел на столе для пикника, небрежно держа в руке «уоки-токи» с выставленной антенной.

— Гарольд, уже поздно, — заметила Надин. — Девятый час.

Он безразлично глянул на нее.

— Они будут сидеть там полночи, хлопая друг друга по спине. Когда придет время, я выдерну чеку. Не волнуйся.

— *Когда?*

Улыбка Гарольда стала заметно шире.

— Как только окончательно стемнеет.

* * *

Когда Эл Банделл уверенно подошел к Стью и встал рядом с ним, Фрэн подавила зевок. Сегодня, похоже, им предстояло засидеться допоздна, а ей вдруг захотелось вернуться в свою квартиру, остаться там наедине со Стью. Туда ее тянули не только усталость и ностальгия. Просто — и совершенно неожиданно — Фрэн захотелось уйти из этого дома. Причины она найти не могла, но желание это было слишком сильным. Ей хотелось выйти отсюда. Более того, ей хотелось, чтобы все они вышли отсюда. «Мне вдруг перестал нравиться этот вечер, — сказала она себе. — Колебания настроения, свойственные беременной женщине, ничего больше».

— На прошлой неделе законодательная комиссия провела четыре заседания, — говорил Эл, — и я постараюсь не отнимать у вас время и доложить главное. Система, на которой мы остановились, напоминает трибунал. Его члены будут выбираться с помощью лотереи, примерно так же, как когда-то выбирались молодые люди для службы в армии.

— Кошмар! Ужас! — воскликнула Сюзан, и раздался добродушный смех.

Эл улыбнулся:

— Но должен добавить, что служить в нашем трибунале будет гораздо легче, чем в армии. Он будет состоять из трех совершеннолетних граждан — от восемнадцати и старше — и меняться каждые шесть месяцев. Фамилии будут выбираться с помощью большого барабана, куда бросят бумажки с именами всех взрослых, проживающих в Боулдере.

Ларри поднял руку.

— Могут ли они по какой-нибудь причине отказаться?

Эл нахмурился, недовольный тем, что его прервали.

— Я как раз к этому подхожу. В случае отказа...

Фрэн шевельнулась, пытаясь устроиться поудобнее, и Сью Штерн подмигнула ей. Фрэн не подмигнула в ответ. Она боялась... в том числе и своего безотчетного страха, если только такое было возможно. Она знала, что безотчетные чувства следовало игнорировать... по крайней мере в прежнем мире. Но трансы Тома Каллена? Ясновидение Лео Рокуэла?

Выметайся отсюда! — внезапно закричал внутренний голос. *Все выметайтесь отсюда!*

Какое-то безумие. Она вновь поерзала на месте и решила ничего не говорить.

— Мы должны получить короткое заявление от этого человека, но я не думаю...

— Кто-то едет, — прервала его Фрэн, поднимаясь.

Последовала пауза. Теперь все слышали рев мотоциклетных двигателей, быстро приближающихся по Бейзлайн. Гудели клаксоны. И внезапно Фрэнни охватила паника.

— Слушайте! Все!

Лица повернулись к ней, удивленные, встревоженные.

— Фрэнни, ты... — Стью шагнул вперед.

Она сглотнула слюну. Почувствовала, будто на груди лежит тяжелый камень, не давая дышать.

— Мы все должны выйти отсюда. *Сейчас... немедленно.*

Часы показывали восемь двадцать пять. Последние отблески покинули небо. Пора. Гарольд расправил плечи и поднес «уокитоки» ко рту. Его большой палец лежал на кнопке вызова. Он мог нажать на нее и взорвать их к чертовой матери, сказав...

— Что это?

Рука Надин легла на его плечо, отвлекая. Другая ее рука указывала вниз. Там по Бейзлайн двигалась цепочка огней. В царящей вокруг тишине они могли расслышать слабый треск мотоциклетных двигателей. Гарольд ощутил легкую тревогу и тут же отогнал ее.

— Не мешай мне. Уже пора.

Ладонь Надин упала с его плеча. Ее лицо неровным пятном белело в темноте. Гарольд нажал на кнопку вызова.

Фрэн так и не узнала, что заставило их сдвинуться с места, ее слова или мотоциклы. Но двигались они недостаточно быстро. Сердце Фрэн чувствовало: двигались они недостаточно быстро.

Стью первым вышел за дверь, навстречу оглушающему реву мотоциклетных двигателей. Те миновали мост, перекинутый через русло пересохшей речки перед домом Ральфа. Сверкали фары. Рука Стью инстинктивно легла на рукоятку пистолета.

Сетчатая дверь открылась, и Стью повернулся, ожидая увидеть Фрэнни. Но на крыльцо вышел Ларри.

— Что такое, Стью?

— Не знаю. Но нам лучше вывести всех из дома.

Потом мотоциклы повернули на подъездную дорожку, и Стью чуть расслабился. Он разглядел Дика Воллмана, молодого Джеринджера, Тедди Уайзака, других знакомых ему людей. Теперь он мог позволить себе признать, что опасался, будто в сиянии фар и реве двигателей в Боулдер прибыл авангард армии Флэгга. Будто война началась.

— Дик? — спросил Стью. — Что случилось?

— *Матушка Абагейл!* — прокричал Дик, перекрывая рев моторов. Все новые мотоциклы въезжали во двор, пока члены постоянного комитета выходили из дому. В свете движущихся фар кружили черные тени.

— *Что?* — крикнул Ларри. На крыльце появились Глен, Ральф и Чэд Норрис, заставив Ларри и Стью спуститься со ступенек.

— *Она вернулась!* — Дику приходилось орать во всю глотку, чтобы его расслышали. — *Но она в жутком состоянии! Нам нужен врач... Господи, нам нужно чудо!*

Джордж Ричардсон протолкался к мотоциклистам.

— Старая женщина? Где она?

— Садитесь, док! — крикнул ему Дик. — Не задавайте вопросов! Ради Христа, быстрее!

Ричардсон уселся на заднее сиденье мотоцикла Воллмана. Дик развернулся и начал лавировать между другими мотоциклами, чтобы выехать со двора.

Стью встретился взглядом с Ларри. Ларри, похоже, пребывал в таком же недоумении, как и он сам... но темное облако сгустилось в голове Стью... и внезапно его захлестнуло чувство надвигающейся, неотвратимой опасности.

— Ник! Пошли! *Пошли!* — крикнула Фрэн, схватив его за плечо. Ник с каменным лицом застыл посреди гостиной.

Он не мог говорить, но внезапно узнал. *Узнал*. Знание пришло ниоткуда, отовсюду.

«Что-то в стенном шкафу».

Он сильно толкнул Фрэнни.

— Ник!

Яростно взмахнул рукой: «УХОДИ!!!»

Она подчинилась. Он же повернулся к стенному шкафу, распахнул дверь и начал торопливо рыться в валяющихся на полу вещах, моля Господа о том, чтобы не опоздать.

Внезапно Фрэнни — бледное лицо, огромные глаза — оказалась рядом со Стью и ухватилась за него обеими руками.

— Стью... Ник все еще там... что-то... что-то...

— Фрэнни, о чем ты говоришь?

— *О смерти!* — крикнула она. — *Я говорю о смерти, и НИК ВСЕ ЕЩЕ ТАМ!*

Ник отбросил в сторону какие-то шарфы и рукавицы — и что-то нащупал. Обувную коробку. Схватил ее, и в этот момент, словно по команде злобного черного мага, из коробки раздался голос Гарольда Лаудера.

— *Что там с Ником?* — прокричал Стью, схватив Фрэн за плечи.

— Мы должны вывести его оттуда... Стью... что-то сейчас случится... что-то ужасное...

— Что, черт возьми, происходит, Стюарт? — крикнул Эл Банделл.

— Я не знаю, — честно ответил Стью.

— *Стью, пожалуйста, мы должны вывести Ника оттуда!* — воскликнула Фрэн.

И в этот момент дом позади них взорвался.

С нажатием кнопки вызова статические помехи исчезли и воцарилась ровная темная тишина. Пустота, требующая, чтобы ее заполнили. Гарольд, скрестив ноги, сидел на столе для пикника, собираясь с духом.

Потом поднял руку, на конце которой из сжатого кулака торчал один палец, в этот момент очень напоминая Малыша Рута*, старого и почти уже выдохшегося, указывающего на ту точку, где он намеревался нанести удар, который принесет ему круговую

* Малыш Рут — прозвище легендарного американского бейсболиста Джорджа Германа Рута (1895—1948).

пробежку, предлагающего всем крикунам и очернителям на «Ригли-филд» заткнуться раз и навсегда.

Твердым, но негромким голосом Гарольд произнес в «уоки-токи»:

— Говорит Гарольд Эмери Лаудер. Я делаю это по своей свободной воле.

Сине-белая искра приветствовала «говорит». Язычок пламени сопроводил «Гарольд Эмери Лаудер». Слабый, приглушенный грохот, словно в жестянке взорвалась петарда, достиг их ушей на «я делаю это». А когда он произнес: *«По своей свободной воле»* — и отбросил уже ненужную «уоки-токи», огненная роза расцвела у подножия Флагштоковой горы.

— Сообщение передано, подтверждение получено, конец связи, — прокомментировал Гарольд.

Надин схватилась за него точно так же, как несколькими секундами раньше Фрэнни схватилась за Стью.

— Мы должны убедиться. Мы должны убедиться, что с ними покончено.

Гарольд посмотрел на нее, потом указал на расцветшую розу уничтожения далеко внизу:

— Ты думаешь, там мог кто-нибудь выжить?

— Я... я не з-з-наю, Гарольд, я... — Надин отвернулась, схватилась за живот, ее начало рвать. Рвало долго, с утробными звуками. Гарольд с легким презрением наблюдал за ней.

Наконец она повернулась к нему, тяжело дыша, бледная, вытирая, нет, оттирая рот бумажной салфеткой.

— Теперь что?

— Теперь, полагаю, мы едем на запад, — ответил Гарольд. — Если ты, конечно, не собираешься спуститься вниз, чтобы узнать настроение общества.

Надин содрогнулась.

Гарольд соскользнул со стола для пикника и поморщился: едва он коснулся земли, в затекшие ноги впились тысячи иголок.

— Гарольд...

Она попыталась коснуться его, но он отпрянул. Не глядя на нее, начал складывать палатку.

— Я думала, мы сможем подождать до завтра... — робко начала она.

— Конечно. — Он зыркнул на нее. — Учитывая, что несколько десятков человек могут оседлать мотоциклы и попытаться нас поймать. Или ты не знаешь, что они сделали с Муссолини?

Она поморщилась. Гарольд скатал палатку и стянул ремнями.

— И мы больше не трогаем друг друга. С этим покончено. Флэгг получил что хотел. Мы уничтожили постоянный комитет Свободной зоны. Им конец. Они могут восстановить подачу электричества, но единым целым им уже не бывать. Он даст мне женщину, в сравнении с которой ты, Надин, будешь выглядеть мешком с картошкой. А ты... ты получишь *его*. Тебя ждут счастливые деньки, верно? Только будь я в твоих «Хаш паппис», дрожал бы как осиновый лист.

— Гарольд... пожалуйста... — Надин мутило, она заплакала. Он разглядел ее лицо в отсвете пожарища и почувствовал жалость. Но вышвырнул эту жалость из сердца, как вышвыривают пьяницу, пытающегося зайти в уютную таверну, где все знают друг друга. Неоспоримый факт убийства навечно останется в ее сердце, болезненный блеск глаз выдавал, что она убийца. И что с того? Его глаза блестели точно так же. И на сердце лежал тот же камень.

— Придется к этому привыкать! — отрезал Гарольд. Бросил свернутую палатку на заднее сиденье мотоцикла, начал привязывать. — Для тех, кто внизу, все кончено, для нас все кончено, для всех умерших в эпидемию все кончено. Бог отправился на небесную рыбалку и не собирается торопиться с возвращением. Везде темнота. Пришло время темного человека. *Его* время. Так что придется к этому привыкать.

То ли писк, то ли стон вырвался из груди Надин.

— Поехали, Надин. Конкурс красоты закончился две минуты назад. Помоги мне собрать остальное дерьмо. К восходу солнца я хочу быть в сотне миль отсюда.

Через мгновение она повернулась спиной к развороченному взрывом дому внизу — с такой высоты развороченный дом казался сущим пустяком — и помогла уложить остальное снаряжение в подседельные сумки и на багажник скутера. Пятнадцать минут спустя они оставили позади огненную розу и поехали на запад, сквозь холодную и ветреную тьму.

* * *

Для Фрэн Голдсмит день закончился легко и безболезненно. Она почувствовала, как теплый воздух мягко толкнул ее в спину, а в следующее мгновение уже летела сквозь ночь. Ее вышибло из сандалий.

Чтоза?.. — подумала она.

Фрэнни приземлилась на плечо, сильно ударившись, но не почувствовав боли. Она оказалась в ложбине, которая тянулась с севера на юг позади дома Ральфа.

Перед ней опустился стул, аккуратно, на ножки. Обивка сиденья почернела и дымилась.

ЧтозаХРЕНЬ?

Что-то шмякнулось на стул и скатилось с него. Что-то, сочащееся кровью. С нарастающим ужасом Фрэн поняла, что это рука.

Стью? Стью? Что происходит?

Но тут ее накрыл устойчивый скрежещущий рев, и бомбардировка продолжилась: вокруг падали камни, куски дерева, кирпичи. Потрескавшаяся стеклянная секция (кажется, книжный шкаф в гостиной Ральфа состоял из таких секций). Мотоциклетный шлем с ужасной, смертельной дырой в затылочной части. Она все ясно видела... *слишком* ясно. А ведь несколько секунд назад во дворе царила тьма.

Ох, Стью, Господи, где ты? Что происходит? Ник? Ларри?

Кричали люди. Скрежещущий рев не стихал. Во дворе было светлее, чем в полдень. Каждый камешек отбрасывал тень. Бомбардировка продолжалась. Доска с торчащим из нее шестидюймовым гвоздем упала у самого носа Фрэн.

...ребенок!..

И, наступая на пятки этой мысли, пришла другая, повторение предчувствия дурного: «Это сделал Гарольд, это сделал Гарольд, это...»

Фрэнни ударило по голове, шее, спине, что-то огромное приземлилось на нее, словно гроб с мягкой обивкой.

ОХ ГОСПОДИ ОХ МОЙ РЕБЕНОК...

А потом чернота засосала Фрэн в неизведанную пустоту, куда за ней не мог последовать даже темный человек.

Глава 59

Птицы.

Она услышала пение птиц.

Фрэн долго лежала в темноте, слушая птиц, прежде чем поняла, что темнота эта — ненастоящая. Красноватая, движущаяся, мирная. Она вызвала у Фрэн мысли о детстве. Субботнее утро. Не надо идти в школу, не надо идти в церковь, можно спать сколько хочешь. В этот день просыпаешься мало-помалу, постепенно, в свое удовольствие. Лежишь с закрытыми глазами и не видишь ничего, кроме красноватой темноты, в которую превращается субботний солнечный свет, пройдя через тонкую сетку капилляров в веках. Слушаешь птиц, поющих на старых дубах, которые растут возле дома, и до ноздрей долетает запах соли, потому что зовут тебя Фрэнсис Голдсмит и тебе одиннадцать лет в это субботнее утро в Оганквите...

Птицы. Она слышала птиц.

Но это не Оганквит, это

(*Боулдер*)

Она долго билась над этим в красноватой темноте, а потом внезапно вспомнила взрыв.

(*?Взрыв?*)

(*Стью!*)

Ее глаза широко раскрылись. В них стоял ужас.

— Стью!

И Стью сидел рядом с ее кроватью, Стью с чистой белой повязкой на предплечье и отвратительной ссадиной на щеке, с частично обгоревшими волосами, но *живой,* рядом с ней, и когда она открыла глаза, невероятное облегчение отразилось на его лице, и он выдохнул:

— Фрэнни! Слава Богу!

— Ребенок. — В горле у нее пересохло. Слово получилось едва слышным.

Стью озадаченно посмотрел на нее, и ослепляющий страх начал расползаться по телу Фрэнни.

— Ребенок, — повторила она, протолкнув это слово сквозь наждачную бумагу, выстилавшую горло. — Я потеряла ребенка?

Он понял. Обнял ее здоровой рукой.

— Нет, Фрэнни, нет. Ребенка ты не потеряла.

Тут она заплакала, раскаленные слезы потекли по ее щекам, и яростно прижала его к себе, пусть все ее мышцы, казалось, завопили от боли. Она прижала его к себе. О будущем можно поволноваться позже. Все, что ей требовалось сейчас, находилось в этой залитой солнцем комнате.

А через открытое окно долетало пение птиц.

— Расскажи мне, — чуть позже попросила она. — Насколько все ужасно?

Он помрачнел, на его лице читалась печаль. Рассказывать ему определенно не хотелось.

— Фрэн...

— Ник? — прошептала она. Сглотнула и почувствовала, как в горле что-то щелкнуло. — Я видела руку. Оторванную руку.

— Может, лучше подождать...

— Нет. Я должна знать? Все плохо?

— Семеро погибших. — Стью осип. — Полагаю, нам еще повезло. Могло быть гораздо хуже.

— Кто, Стюарт?

Он неловко взял ее за руки.

— Один из них Ник, милая. Там была стеклянная панель... ты понимаешь, стекло с йодированным покрытием... и оно... — Он помолчал, глядя на свои руки, потом вновь посмотрел на нее. — Он... мы смогли опознать... по некоторым шрамам... — На мгновение Стью отвернулся. Фрэн со всхлипом вдохнула.

Потом Стью снова повернулся к ней и продолжил:

— И Сью. Сью Штерн. В момент взрыва она еще находилась в доме.

— Это... такое просто невозможно, да? — спросила Фрэн. Ошеломленная, потрясенная, сбитая с толку.

— Это правда.

— Кто еще?

— Чэд Норрис.

Фрэнни вновь со всхлипом засосала воздух. Из уголка глаза скатилась слезинка. Она рассеянно смахнула ее.

— Из участников совещания погибли только трое. Это прямотаки чудо. Брэд говорит, что в стенном шкафу взорвались восемь, а то и девять динамитных шашек. И Ник, он почти... я думаю, в

момент взрыва он, возможно, уже держал эту обувную коробку в руках...

— Не надо, — попросила она. — Точно нам все равно не узнать.

— Да и толку от этого не будет, — согласился он.

Среди тех, кто приехал к дому Ральфа и Ника на мотоциклах, погибли четверо. Андреа Терминельо, Дин Викофф, Дейл Педерсен и юная девушка Пэтси Стоун. Стью не сказал Фрэн, что Пэтси, которая учила Лео играть на флейте, убил магнитофон «Волленсак» Глена Бейтмана. Практически снес ей голову.

Фрэн кивнула, и ее шею пронзила боль. Когда она пыталась сдвинуться, даже на чуть-чуть, от боли начинала вопить вся спина.

Двадцать человек получили ранения, и один, Тедди Уайзак из похоронной команды, уже скончался. Еще двое находились в критическом состоянии. Льюис Дешам лишился глаза. Ральф Брентнер — третьего и четвертого пальцев на левой руке.

— Что со мной? — спросила Фрэн.

— У тебя хлыстовая травма*, растяжение спинных мышц и сломанная нога. Так мне сказал Джордж Ричардсон. Взрывной волной тебя перебросило через весь двор. Потом на тебя упал диван. Отсюда перелом ноги и растяжение мышц спины.

— *Диван?*

— Ты не помнишь?

— Я помню что-то похожее на гроб... гроб с обивкой...

— Это и был диван. Я сам отбросил его с тебя. Потерял голову, чуть ли не бился в истерике. Ларри подошел, чтобы помочь мне, так я двинул ему в зубы. Представляешь? — Она коснулась его щеки, и он накрыл ее руку своей. — Я думал, ты умерла. Помню, как подумал, что не вынесу твоей смерти. Сойду с ума.

— Я тебя люблю, — сказала Фрэн.

Он обнял ее, осторожно, помня о спине, и на какое-то время они застыли, прильнув друг к другу.

— Гарольд? — наконец спросила она.

— И Надин Кросс, — кивнул он. — Они нанесли нам удар. Сильный удар. Но не смогли причинить тот урон, какой хотели. И если бы мы поймали его, прежде чем они уехали на запад... —

---

* Хлыстовая травма — поражение шейного отдела позвоночника.

Стью вытянул перед собой руки, все в царапинах и ссадинах, и так резко сжал кулаки, что хрустнули суставы. Внезапная холодная усмешка скривила его губы. По телу Фрэнни пробежала дрожь. Слишком знакомой показалась ей эта усмешка.

— Не улыбайся так, — попросила она. — Никогда.

Усмешка увяла.

— Люди с рассвета обследуют окрестности, — продолжил он без улыбки. — Не думаю, что их найдут. Я запретил удаляться на запад от Боулдера больше чем на пятьдесят миль, а я думаю, что Гарольд достаточно умен, чтобы уже в первую ночь уехать подальше. Но мы знаем, как они это сделали. Подсоединили взрывчатку к портативной рации...

Фрэн ахнула, и Стью озабоченно посмотрел на нее:

— Что такое, милая? Спина?

— Нет. — Внезапно она поняла смысл слов Стью о том, что Ник, возможно, держал в руках обувную коробку, когда прогремел взрыв. Внезапно она поняла все. Медленно выговаривая слова, Фрэн рассказала об обрезках проводов и коробке от двух «уоки-токи» под столом для аэрохоккея. — Если бы мы обыскали весь дом, а не просто взяли эту чертову к-книгу, то могли бы найти бомбу. — У нее перехватило дыхание. — Н-ник и Сью могли бы о-остаться в живых и...

Стью обнял ее.

— Вот почему Ларри этим утром выглядел таким подавленным? Я-то думал, причина в том, что я его ударил. Фрэнни, как ты могла знать? Как ты могла такое знать?

— Нам *следовало* знать! *Следовало!* — Она уткнулась лицом в его плечо в поисках настоящей темноты. Из глаз вновь потекли раскаленные, обжигающие слезы. Он держал ее, наклонившись над кроватью, потому что электромотор, поднимающий изголовье, не работал.

— Я не хочу, чтобы ты винила себя. Что случилось, то случилось. Говорю тебе, никто, за исключением, возможно, детективов из группы по обнаружению и обезвреживанию взрывчатых устройств, не смог бы сделать какие-то выводы по обрезкам проводов и пустой коробке. Если бы они оставили на виду пару шашек динамита или детонатор, вы бы, наверное, смогли сообразить, что к чему. Но они ничего не оставили. Я не виню тебя, и никто в Зоне не винит.

И пока он говорил, в памяти Фрэнни медленно всплыли слова, произнесенные в разное время двумя людьми, слились воедино.

Из участников совещания погибли только трое. Это прямо-таки чудо.

Матушка Абагейл... она вернулась... но она в жутком состоянии... нам нужно чудо!

Шипя от боли, Фрэнни чуть приподнялась, чтобы заглянуть в глаза Стью.

— Матушка Абагейл. Мы все сидели бы в гостиной, когда взорвалась бомба, если бы они не приехали, чтобы сказать нам...

— Это прямо-таки чудо, — произнес Стью. — Она спасла нам жизнь. Даже если... — Он замолчал.

— Стью?

— Она спасла нам жизнь, вернувшись сюда, Фрэнни. Она спасла нам *жизнь*.

— Она умерла? — спросила Фрэн. Схватила руку Стью, сжала. — Стью, она тоже умерла?

— Она вернулась в город без четверти восемь. Мальчик Ларри Андервуда вел ее за руку. Он лишился дара речи, ты знаешь, с ним это бывает, когда он волнуется, но он привел матушку Абагейл к Люси. Там она просто потеряла сознание. — Стью покачал головой. — Господи, как ей вообще удалось пройти такое расстояние... И что она ела или делала... Вот что я скажу тебе, Фрэн. В этом мире — и за его пределами — есть много такого, чего я и представить себе не мог, когда жил в Арнетте. Я думаю, это Божья женщина. Была.

Фрэнни закрыла глаза.

— Так она умерла? Она вернулась, чтобы умереть?

— Она еще не умерла. Должна была умереть. Джордж Ричардсон говорит, что она скоро умрет, но пока она жива. — Стью посмотрел на Фрэн открыто и искренне. — И я боюсь ее, боюсь причины, по которой она вернулась.

— Что ты хочешь этим сказать, Стью? Матушка Абагейл никому не причиняла...

— Матушка Абагейл делает то, что говорит ей Бог, — хрипло ответил он. — Тот самый Бог, который убил своего сына, по крайней мере я так слышал.

— Стью!

Огонь ушел из его глаз.

— Я не знаю, почему она вернулась и собирается ли что-то нам сказать. Возможно, она умрет, не приходя в сознание. Джордж говорит, что это наиболее вероятный исход. Но я точно знаю, что взрыв... смерть Ника... и ее возвращение... сорвали с города шоры. Они говорят о *нем*. Они знают, что взрыв устроил Гарольд, но уверены, что Гарольд подчинялся *ему*. Черт, я и сам так думаю. Многие говорят, что на Флэгге лежит ответственность и за возвращение матушки Абагейл в таком состоянии. Я этого не знаю. Я вообще, похоже, ничего не знаю — и я боюсь. Все это может закончиться плохо. Никогда раньше у меня не было такого ощущения, а теперь оно появилось.

— Но есть мы! — В голосе Фрэнни слышалась мольба. — Есть мы и ребенок, верно? *Верно?*

Он долго не отвечал. Она уже думала, что не дождется ответа. А потом услышала:

— Да. Но надолго ли?

В тот же день, ближе к сумеркам, люди начали стекаться — сами по себе, словно и не специально — к Тейбл-Меса-драйв, где находился дом Ларри и Люси. По одному, парами, по трое. Они усаживались на ступенях домов, на дверях которых белел придуманный Гарольдом знак «Х». Они сидели на бордюрных камнях и на лужайках, высохших и бурых после долгого лета. Разговаривали мало и тихими голосами. Пришел Брэд Китчнер с рукой на перевязи. Пришла Кэнди Джонс. И Рич Моффэт с двумя бутылками «Блэк велвет» в сумке разносчика газет. Норман Келлог, закатавший рукава рубашки, демонстрируя веснушчатые, загорелые под солнцем бицепсы, сидел рядом с Томми Джеринджером. Точно так же закатал рукава и Томми. Гарри Данбартон и Сэнди Дюшен сидели вместе на одеяле, держась за руки. Дик Воллман, Чип Хобарт и шестнадцатилетний Тони Донахью устроились в крытом проходе между домом и флигелем недалеко от дома Ларри, передавали друг другу бутылку «Канадиан клаб» и запивали виски теплым севен-ап. Патти Крогер сидела с Ширли Хэммет. Между ними стояла корзинка для пикника. Еды в ней хватало, но они почти не ели. К восьми вечера улица заполнилась людьми, и все они смотрели на дом. Перед домом стояли мотоцикл Ларри и большой «Кавасаки-650» Джорджа Ричардсона.

Ларри наблюдал за ними из окна спальни. За его спиной, на кровати, которую он делил с Люси, лежала без сознания матушка Абагейл. Исходящий от нее сухой запах болезни бил ему в ноздри и вызывал рвотный рефлекс — а рвоту он ненавидел, — но Ларри не уходил из спальни. Он воспринимал происходящее как наказание за то, что избежал смерти, настигшей Ника и Сюзан. Он слышал тихие голоса за спиной: у кровати несли вахту смерти. Джордж в самое ближайшее время собирался уехать в больницу, чтобы осмотреть других пациентов. Всего шестнадцать человек. Троих выписали. А Тедди Уайзак умер.

Ларри остался цел и невредим.

Все тот же старина Ларри — держит голову на плечах, в то время как другие теряют свои. Взрывом его зашвырнуло через подъездную дорожку на цветочную клумбу — и ни единой царапины. Вокруг падали обломки, но ни один не задел его. Ник умер, Сюзан умерла, а он остался жив и здоров. Да, все тот же старина Ларри Андервуд.

Вахта смерти здесь, вахта смерти там. По всему кварталу. Человек шестьсот, не меньше. «Гарольд, тебе следует явиться с десятком ручных гранат и завершить начатое...» *Гарольд*. Он следовал за Гарольдом через всю страну, шел по следу из оберток от «Пейдея» и удачных импровизаций. Ларри едва не остался без пальцев, пытаясь добыть бензин в Уэллсе. Гарольд просто нашел дренажную трубу и воспользовался шлангом. Гарольд, предложивший расширять состав различных команд пропорционально росту населения Зоны, Гарольд, предложивший преобразовать организационный комитет в постоянный, проголосовав единым списком. Умный Гарольд. Гарольд и его гроссбух. Гарольд и его улыбка.

Это Стью легко говорить, что никто не смог бы догадаться о замысле Гарольда и Надин, отталкиваясь от нескольких обрезков проводов на столе для аэрохоккея. С Ларри эта логика не прокатит. Он-то видел прежние блестящие импровизации Гарольда. В том числе надпись на крыше сарая на высоте двадцати футов. Ему следовало догадаться. Инспектор Андервуд отлично научился разыскивать обертки от шоколадных батончиков, но с динамитом проявил себя не с лучшей стороны. Если на то пошло, инспектор Андервуд показал себя чертовым говнюком.

Ларри, если бы ты знал...

Голос Надин.

Я встану на колени и буду умолять тебя, если хочешь.

Еще один шанс предотвратить убийства и уничтожение... и ему ни за что не заставить себя рассказать об этом. Неужели все закрутилось уже тогда? Вероятно. Может, речь о динамитных шашках и «уоки-токи» еще не шла, но какой-то общий план уже реализовывался.

План Флэгга.

Да... на заднем плане постоянно маячил Флэгг, этот темный кукловод, дергающий за ниточки Гарольда, Надин, Чарли Импенинга, бог знает скольких других. Жители Зоны с радостью линчевали бы Гарольда, но взрыв — дело рук Флэгга... и Надин. А кто послал ее к Гарольду, как не Флэгг? Но прежде чем пойти к Гарольду, она пришла к Ларри. И он ее прогнал.

А что ему оставалось? Он помнил о своей ответственности перед Люси. Ответственность эта имела первостепенное значение, потому что касалась не только Люси, но и — в первую очередь — его самого. Он чувствовал: если оступится еще раз или два, навсегда перестанет уважать себя. Поэтому он прогнал ее, а теперь полагал, что Флэгг очень доволен случившимся прошлой ночью... если его действительно звали Флэгг. Да, Стью остался жив, Стью выступал от лица комитета... но он лишь выполнял функцию рта, которым не мог пользоваться Ник. И Глен остался в живых, Глен, которого Ларри считал мозговым центром комитета... Вот только Ник был его сердцем, а Сью, на пару с Фрэнни, — его совестью. Да, с горечью думал Ларри, для этого мерзавца все сложилось очень неплохо. Он должен щедро наградить Гарольда и Надин, когда они приедут к нему.

Он отвернулся от окна, ощущая тупую боль, которая билась в голове. Ричардсон считал пульс матушки Абагейл. Лори возилась с бутылками с раствором для внутривенного вливания на стойке. Дик Эллис стоял рядом. Люси сидела у двери, глядя на Ларри.

— Как она? — спросил Ларри Джорджа.

— Без изменений, — ответил Ричардсон.

— Ночь переживет?

— Не могу сказать, Ларри.

Женщина на кровати напоминала скелет, обтянутый тонкой пепельно-серой кожей. Она выглядела бесполой. Волосы вылезли. Груди исчезли. Челюсть отвисла, из горла вырывалось хрип-

лое дыхание. Ларри она напоминала изображения юкатанских мумий, которые он видел в каком-то журнале, не разложившихся, но съеженных, высохших, лишенных возраста.

Да, такой она теперь стала — не матушкой, а мумией. Слышались только ее хрипы, словно ветерок дул по стерне. «Как она смогла выжить? — гадал Ларри. — Через какие испытания Господь заставил ее пройти? И с какой целью?» Должно быть, это какая-то шутка, просто обхохочешься. Джордж говорил, что слышал о подобных случаях, но не таких экстремальных, и представить себе не мог, что столкнется с одним из них. Она каким-то образом... *поедала себя*. Ее тело продолжало функционировать и после того, как ему, казалось бы, следовало умереть от истощения. Она расщепляла внутренние органы, питаясь ими, органы, которые не могли расщепляться. Люси, укладывавшая матушку Абагейл на кровать, сказала Ларри тихим, полным благоговения голосом, что весила та не больше, чем детский воздушный змей, который, как известно, может подняться в небо от легкого порыва ветра.

И теперь Люси заговорила из угла у двери, заставив всех вздрогнуть:

— Она собирается что-то сказать.

Лори недоуменно посмотрела на нее:

— Она в глубокой коме, Люси... Шансы на то, что она придет в себя...

— Она вернулась, чтобы что-то нам сказать. И Бог не позволит ей уйти, пока она не скажет.

— Но что она должна нам сказать, Люси? — спросил Дик.

— Я не знаю, — ответила Люси, — но боюсь этого. Боюсь ее слов. Со смертями не покончено. Все только начинается. И я боюсь...

Повисшую тишину нарушил Джордж Ричардсон:

— Я должен ехать в больницу. Лори, Дик. Вы оба мне понадобитесь.

Вы же не собираетесь оставить нас наедине с этой мумией? — едва не спросил Ларри, и ему пришлось крепко сжать губы, чтобы сдержаться.

Все трое направились к двери, и Люси подала им куртки. Температура воздуха упала до шестидесяти градусов*, и поездка на

* По Фаренгейту; примерно 15,7°С.

мотоцикле в рубашке с коротким рукавом удовольствия не доставляла.

— Можем ли мы что-нибудь сделать для нее? — спросил Ларри Джорджа.

— Насчет капельницы Люси все знает, — ответил Джордж. — Больше ничего. Сам видишь... — Он замолчал. Разумеется, они все видели. Оно лежало прямо перед ними, верно?

— Спокойной ночи, Ларри, Люси, — попрощался Дик.

Они вышли. Ларри вернулся к окну. Снаружи все поднялись на ноги, наблюдая. Она жива? Умерла? Умирает? Может, поправляется с Божьей помощью? *Она что-нибудь сказала?*

Люси обняла Ларри за талию, и от неожиданности он вздрогнул.

— Я тебя люблю, — сказала она.

Он обнял ее, прижал к себе. Опустил голову, и его начало трясти.

— Я тебя люблю, — спокойно повторила она. — Все хорошо. Не сдерживайся, Ларри. Не сдерживайся.

Он заплакал. Слезы обжигали и жалили, как пули.

— Люси...

— Ш-ш-ш-ш. — Она обнимала его за шею. Ее руки успокаивали.

— *Ох, Люси, Господи, что все это значит?* — Он плакал, уткнувшись лицом в ее шею, и она крепко, как могла, прижимала его к себе, не зная, еще ничего не зная, а на кровати, в глубинах комы, тяжело дышала матушка Абагейл.

Джордж ехал по улице со скоростью пешехода, снова и снова повторяя одно и то же: «Да, еще жива. Прогноз неблагоприятный. Нет, она ничего не говорит и вряд ли скажет. Вы можете идти домой. Если что-нибудь случится, вы узнаете».

Добравшись до угла, они прибавили скорость, направляясь к больнице. Треск мотоциклетных двигателей разносился далеко и эхом отражался от домов, прежде чем смолкнуть.

Но люди не разошлись. Какое-то время постояли, поговорили, обсасывая каждое слово Джорджа. Прогноз — что бы это значило? Кома. Смерть мозга. Если ее мозг умер, тогда все. У человека с мертвым мозгом шансов заговорить не больше, чем у банки с консервированным горошком. Что ж, может, такое сравнение

справедливо при нормальных обстоятельствах, но нынешние трудно назвать нормальными, верно?

Они снова сели. Окончательно стемнело. В доме, где находилась старая женщина, зажглись лампы Коулмана. Позже они разойдутся по своим домам и будут лежать без сна.

Разговор постепенно перешел на темного человека. Если матушка Абагейл умрет, не будет ли это означать, что *он* сильнее?

Что значит — не обязательно?

Что ж, у меня нет ни малейших сомнений в том, что он Сатана.

Антихрист, вот что я думаю. Мы живем в те времена, которые описаны в Откровении... как ты можешь в этом сомневаться? И семь чаш гнева Божьего излились... Конечно же, это и есть «супергрипп».

Да бросьте, люди говорили, что Антихристом был Гитлер.

Если эти сны вернутся, я покончу с собой.

В моем сне я входил на станцию подземки, и он проверял билеты, только я не мог увидеть его лицо. Я испугался. Побежал в тоннель подземки. Потом услышал, как он бежит следом. И расстояние сокращалось.

В моем я спускался в подвал, чтобы взять банку с ломтиками маринованного арбуза, и видел, что кто-то стоит у котла... просто фигура. И я знал, что это он.

Застрекотали цикады. По небу рассыпались звезды. Прохлада вечера не осталась незамеченной. Бутылки пустели. В темноте светились огоньки сигарет.

Я слышал, по всему городу отключают электроприборы.

Это хорошо. Если они не восстановят подачу электричества и тепла в ближайшее время, нас ждут тяжелые времена.

Низкий рокот голосов, обезличенных темнотой.

Я думаю, этой зимой нам ничего не грозит. Я в этом уверен. Ему не прорваться через перевалы. Слишком много машин и снега. Но весной...

Допустим, у него есть парочка атомных бомб?

На хрен атомные бомбы, вдруг у него эти грязные нейтронные бомбы? Или другие шесть чаш?*

---

* Аллюзия на главу 16 Откровения Иоанна Богослова, которая начинается словами: «И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи Ангелам: идите и вылейте семь чаш гнева Божия на землю».

Или самолеты?
Что же делать?
Я не знаю.
Если бы я знал.
Не имею ни малейшего понятия.
Вырой яму, прыгни в нее и засыпь себя землей.

Около десяти вечера на улице появились Стью Редман, Глен Бейтман и Ральф Брентнер. Разговаривая тихими голосами, они раздавали листовки и просили поставить в известность отсутствующих. Глен чуть прихрамывал — летящий вентиль плиты вырвал кусок мяса из его правого бедра. Листовки гласили: «ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ СВОБОДНОЙ ЗОНЫ. АУДИТОРИЯ МУНЦИНГЕРА. 4 СЕНТЯБРЯ. 20.00».

Они послужили сигналом расходиться. Люди молча растворялись в темноте. Большинство унесло листовки с собой, но некоторые смяли в шарики и выбросили. Все отправились по домам в надежде уснуть.

И возможно, увидеть сны.

Следующим вечером, когда Стью открыл собрание, люди, набившиеся в аудиторию, вели себя на удивление тихо. За его спиной сидели Ларри, Ральф и Глен. Фрэн попыталась встать, но спина еще слишком болела. Не обращая внимания на мрачную ассоциацию, Ральф соединил ее с залом, где проводилось собрание, с помощью «уоки-токи».

— Вот о чем нам нужно сегодня поговорить, — начал Стью ровно и сдержанно, и его голос, лишь немного усиленный, разнесся по притихшему залу. — Как я понимаю, здесь нет никого, кто не знает о взрыве, унесшем жизни Ника, Сью и других, и всем присутствующим известно о возвращении матушки Абагейл. Нам необходимо поговорить об этом, но сначала я хочу, чтобы вы услышали хорошие новости. Их вам сообщит Брэд Китчнер. Брэд?

Брэд направился к трибуне, почти такой же нервный, как и позапрошлым вечером, на собрании постоянного комитета. Его приветствовали жидкими аплодисментами. Дойдя до трибуны, он повернулся лицом к аудитории и безо всяких предисловий объявил:

— Электричество мы собираемся подать завтра.

На этот раз аплодисменты прозвучали куда искреннее. Брэд поднял руки, призывая к тишине, но аплодисменты продолжались. Секунд тридцать, а то и дольше. И если бы не события двух последних дней, как потом сказал Стью Фрэнни, толпа, вероятно, стащила бы Брэда с трибуны и на руках носила бы по аудитории, совсем как футболиста, принесшего команде победные очки в последние тридцать секунд финальной игры. Лето заканчивалось.

Но наконец аплодисменты стихли.

— Мы собираемся повернуть рубильник ровно в полдень, поэтому я бы хотел, чтобы все находились дома и были наготове. Наготове к чему? Слушайте внимательно, это важно. Первое: выключите в своем доме все лампы и электрические приборы, которыми вы не пользуетесь. Второе: сделайте то же самое в соседних с вами домах, в которых никто не живет. Третье: если почувствуете запах газа, найдите источник и заверните кран. Четвертое: если услышите пожарную сирену, поезжайте на звук... но не неситесь сломя голову. Давайте обойдемся без сломанных шей. А теперь... есть вопросы?

Несколько заданных вопросов касались четырех основных моментов, перечисленных Брэдом. На каждый он терпеливо ответил. Его нервозность выдавали только руки, теребившие блокнотик в черной обложке.

Когда вопросы иссякли, Брэд продолжил:

— Я хочу поблагодарить всех, кто гнул спины, помогая на электростанции. И напомнить, что энергетическая команда не распускается. Нам надо восстанавливать линии электропередач, проводить ремонт, доставлять мазут из Денвера. Я надеюсь, вы все продолжите работу. Мистер Глен Бейтман говорит, что к тому времени, когда выпадет снег, нас, возможно, станет десять тысяч, а к следующей весне — еще больше. Поэтому мы должны запустить электростанции в Лонгмонте и Денвере до конца следующего года...

— Не должны, если сюда придет этот крутой парень! — донесся из глубины зала чей-то грубый голос.

На мгновение повисла мертвая тишина. Брэд стоял, схватившись обеими руками за трибуну, с мертвенно-бледным лицом. «Он не сможет закончить», — подумал Стью, но тут Брэд продолжил, на удивление ровным голосом:

— Мое дело — электричество, но вот что я отвечу тому, кто это сказал. Я думаю, мы переживем того парня. Иначе я бы ремонтировал генераторы на его стороне. Да и кому до него есть дело?

Брэд уже сошел с трибуны, когда кто-то еще проорал:

— Ты чертовски прав!

Громыхнули аплодисменты, продолжительные, даже свирепые, и что-то в них не понравилось Стью. Ему пришлось долго стучать молотком, чтобы восстановить порядок и продолжить собрание.

— Следующий вопрос повестки дня...

— На хрен твою повестку дня! — пронзительно прокричала какая-то молодая женщина. — Давайте поговорим о темном человеке! Давайте поговорим о *Флэгге*! Я считаю, нам давно следовало об этом поговорить!

Рев одобрения. Отдельные крики: «Так нельзя!» Осуждение грубых слов. Посторонние разговоры.

Стью так сильно застучал молотком, что головка отлетела от ручки.

— У нас собрание! — проорал он. — У всех будет возможность поговорить обо всем, что вас тревожит, но пока я веду это собрание, я требую... соблюдения... хоть какого-то ПОРЯДКА! — Последнее слово он проревел так громко, что микрофон взвыл, зато присутствующие все-таки успокоились. — А теперь, — Стью говорил нарочито тихо и спокойно, — следующий вопрос повестки дня — информация о том, что произошло в доме Ральфа вечером второго сентября, и я полагаю, что докладывать следует мне, избранному вами начальнику полиции.

Он помолчал, и тишина в зале не понравилась ему точно так же, как не понравились громовые аплодисменты после заключительных слов Брэда. Они наклонились вперед, пристально смотрели на него, алчно ожидая подробностей. Он ощутил тревогу и недоумение, словно за последние сорок восемь часов Свободная зона изменилась до неузнаваемости, превратилась во что-то незнакомое. У него возникло такое же чувство, как и в Стовингтонском противоэпидемическом центре, когда он пытался выбраться наружу: Стью казался себе мухой, бьющейся в невидимой паутине. Слишком многие лица он видел впервые, здесь собралось слишком много незнакомцев...

Но сейчас думать об этом времени не было.

Он описал события, предшествовавшие взрыву, опустив предчувствие Фрэн, возникшее у нее в последние минуты перед катастрофой. Они находились в таком настроении, что вполне могли без этого обойтись.

— Вчера утром Брэд, Ральф и я копались в руинах более трех часов. Нашли остатки бомбы из динамитных шашек, подсоединенных к «уоки-токи». Эту бомбу спрятали в стенном шкафу в гостиной. Билл Скэнлон и Тед Фрэмптон нашли точно такую же рацию в Рассветном амфитеатре, и мы предполагаем, что бомбу подорвали оттуда. Это...

— Предполагаем, чтоб я сдох! — прокричал Тед Фрэмптон из третьего ряда. — Это сделал мерзавец Лаудер и его маленькая шлюха!

По залу пробежал глухой ропот.

И это — хорошие люди? Им плевать на Ника, и Сью, и Чэда, и остальных. Они — толпа, жаждущая самосуда, они хотят только одного: поймать Гарольда и Надин и повесить их... как амулет против темного человека.

Он поймал взгляд Глена, и Глен лишь цинично пожал плечами.

— Если кто-нибудь еще выкрикнет с места, не получив слова, я объявлю собрание закрытым, и вы сможете поговорить друг с другом, — отчеканил Стью. — У нас не посиделки. Если мы не будем придерживаться правил, то к чему придем?

Тед Фрэмптон, не садясь, зло смотрел на него. Стью встретился с ним взглядом. Через несколько мгновений Тед опустил глаза.

— Мы подозреваем Гарольда Лаудера и Надин Кросс. У нас есть веские основания и убедительные косвенные улики. Но прямых доказательств нет, и я прошу всех иметь это в виду.

Шепот вспыхнул в нескольких местах зала и смолк.

— И я хочу сказать следующее, — продолжил Стью. — Если они вернутся в Зону, я хочу, чтобы их привели ко мне. Я посажу их под замок, и Эл Банделл проследит за тем, чтобы их судили... а суд предполагает, что они смогут высказаться в свою защиту, если им будет что сказать. Мы... здесь мы должны быть хорошими парнями. Полагаю, вы все знаете, где находятся плохие парни. А хорошие парни по определению должны подходить к таким проблемам цивилизованно.

Он в надежде оглядел зал и увидел только недоумение, смешанное с негодованием: двух лучших друзей Стюарта Редмана разорвало в клочья, говорили эти глаза, а он заботится о людях, которые это сделали.

— Если вы хотите знать мое мнение, я думаю, это они. Но все надо сделать правильно. И я здесь для того, чтобы сказать вам, что так и будет.

Глаза сидящих в зале не отрывались от него. Более тысячи пар глаз, и он чувствовал мысли, которые роились за этими глазами: *Что за чушь ты несешь? Они ушли. Ушли на запад. А ты ведешь себя так, будто они отъехали на пару дней, чтобы полюбоваться птичками.*

Стью налил в стакан воды, отпил, надеясь избавиться от сухости в горле. Но вкус, точнее, полное его отсутствие, вызывал омерзение.

— В любом случае из этого мы будем исходить. — Он оглядел зал. — Далее, полагаю, мы должны провести довыборы в комитет. Мы не будем заниматься этим сегодня, но вы должны подумать о том, кого бы хотели видеть... — Вверх взметнулась рука, и Стью указал на нее. — Говорите. Только сначала представьтесь, чтобы все знали, кто вы.

— Я Шелдон Джонс, — произнес крупный мужчина в шерстяной клетчатой рубашке. — А почему бы не выбрать новых членов прямо сейчас? Я предлагаю кандидатуру Теда Фрэмптона.

— Эй, я поддерживаю! — закричал Билл Скэнлон. — Прекрасно!

Тед Фрэмптон сцепил руки над головой и потряс ими, вызвав жидкие аплодисменты, и Стью вновь почувствовал, как его охватывают отчаяние и беспомощность. Они собираются заменить Ника Эндроса Тедом Фрэмптоном? Прямо-таки дурная шутка. Тед вступил в энергетическую команду, но обнаружил, что работать там слишком тяжело. Затем перебрался в похоронную и вроде бы прижился, хотя Чэд говорил Стью, что Тед из тех людей, что могут растянуть пятнадцатиминутный перекур на целый час, а ленч — до конца рабочего дня. Тед мгновенно присоединился к поискам Гарольда и Надин, вероятно, ради новых ощущений. Они с Биллом Скэнлоном наткнулись на «уоки-токи» в Рассветном амфитеатре исключительно благодаря слепой удаче (надо отдать Теду должное, он это признавал), но с тех пор он так заважничал, что Стью это совершенно не нравилось.

Стью вновь посмотрел на Глена и буквально смог прочитать его мысль по циничному взгляду и легкому подергиванию уголка рта: *Может, мы смогли бы использовать Гарольда, чтобы подорвать и этого говнюка.*

Внезапно в голове Стью возникло слово, которое так часто использовал Никсон, внезапно он понял причину отчаяния и беспомощности. Мандат. Они лишились мандата. Он исчез двумя днями ранее, в пламени и грохоте.

— Вы, возможно, знаете, чего хотите, Шелдон, но мне представляется, что другие люди хотели бы получить время на раздумья. Давайте зададим такой вопрос. Те, кто хочет проголосовать за новых членов постоянного комитета, скажите «да».

Из зала донеслось лишь несколько «да».

— Те, кто хочет неделю подумать, скажите «нет».

«Нет» прозвучало громче, но в голосовании приняли участие далеко не все. Большинство предпочло промолчать, словно эта тема в данный момент их не интересовала.

— Хорошо. Мы планируем провести следующее собрание в аудитории Мунцингера через неделю, одиннадцатого сентября, чтобы выдвинуть кандидатов на два места в постоянном комитете и проголосовать за них.

Довольно дерьмовая эпитафия, Ник. Извини.

— Доктор Ричардсон находится здесь, чтобы рассказать о матушке Абагейл и тех, кого ранило взрывом. Док?

Ричардсона встретили аплодисментами. Он подошел к краю сцены, протирая стекла очков. Сообщил, что при взрыве погибли восемь человек, еще двое до сих пор находятся в критическом состоянии, восемь — в удовлетворительном.

— Учитывая силу взрыва, я думаю, что нам еще очень повезло. Теперь о матушке Абагейл.

Все подались вперед.

— Я хочу ограничиться очень коротким заявлением и минимумом пояснений. Заявление следующее: я ничего не могу для нее сделать.

Негромкий шепот прокатился по залу и стих. Стью видел на лицах горе, но не удивление.

— Жители Зоны, которые прибыли сюда до меня, сказали, что ей было сто восемь лет. Я не могу этого утверждать, но ответственно заявляю, что никогда раньше не видел и не лечил такого ста-

рого человека. Мне сказали, что она отсутствовала две недели, и по моей оценке — нет, моей *догадке* — все это время она не видела приготовленной пищи. Она, похоже, жила на корешках, орехах, травах и других аналогичных продуктах. — Он помолчал. — После возвращения она только раз справила большую нужду. Экскременты содержали веточки и сучки.

— Господи! — вырвалось у кого-то, то ли у мужчины, то ли у женщины.

— Одна рука обожжена ядовитым плющом. Ноги покрыты язвами, которые сочились бы гноем, если бы ее состояние...

— Эй, может, хватит? — крикнул, поднимаясь, Джек Джексон. На его побледневшем лице читались ярость и горе. — Неужели ты начисто лишен чувства такта?

— Такт тут ни при чем, Джек. Я всего лишь докладываю о ее состоянии. Она в коме, истощена и прежде всего очень, очень стара. Я думаю, она умрет. Если бы я имел дело с кем-то еще, то говорил бы с большей определенностью. Но... как и всем вам, она мне снилась. Она и тот, другой.

Опять тихий шепот, словно пролетевший ветерок, и Стью почувствовал, как встают и застывают по стойке «смирно» волосы на затылке.

— Мне сны такой противоположной направленности казались мистическими, — продолжил Джордж, — и сам факт, что мы все видели эти сны, указывает как минимум на телепатию. Но я не стану касаться ни парапсихологии, ни теологии, как не коснулся и чувства такта, и по той же причине: у меня другая профессия. Если эта женщина от Бога, Он, возможно, вылечит ее. Я не могу. Я даже скажу вам больше. То, что она до сих пор жива, для меня — чудо. Это все. Есть вопросы?

Вопросов не последовало. Они смотрели на него словно громом пораженные, некоторые открыто плакали.

— Спасибо. — Джордж кивнул и в мертвой тишине вернулся на свое место.

— Давай, — шепнул Стью Глену. — Тебе слово.

Глен занял трибуну без представления и привычно сжал ее края руками.

— Мы обсудили все, кроме темного человека, — начал он.

Вновь тот же шепот. Несколько человек инстинктивно перекрестились. Пожилая женщина в проходе слева быстро под-

несла руки к глазам, рту и ушам, странным образом имитируя Ника Эндроса, после чего вновь сложила их на большой черной сумке.

— Мы в какой-то степени обсуждали его на закрытых заседаниях комитета, — продолжил Глен спокойным и доверительным тоном. — И разумеется, возникал вопрос, выносить ли это на публичное обсуждение. Отмечалось, что никто в Зоне скорее всего не захочет об этом говорить после кошмарных снов, которые мы все видели по пути сюда. То есть, вероятно, требовался период восстановления душевного равновесия. Теперь, думаю, самое время поговорить о нем. Вывести темного человека на свет Божий. У полиции есть замечательная штука под названием «Идент-и-кит», которая используется для создания фоторобота преступника по показаниям различных свидетелей. В нашем случае отсутствует лицо, зато хватает воспоминаний, с помощью которых мы можем в общих чертах обрисовать Противника. Я разговаривал со многими людьми и теперь хочу представить вам его образ, нарисованный с помощью встроенного в меня «Идент-и-кита». Его зовут Рэндалл Флэгг, хотя у некоторых он ассоциируется с такими именами и фамилиями, как Ричард Фрай, Роберт Фримонт и Ричард Фримантл. Инициалы Эр-Эф, вероятно, имеют какое-то значение, но, насколько мне удалось выяснить, в Свободной зоне об этом никто ничего не знает. Его присутствие — во снах — вызывает тревогу, беспокойство, страх, ужас. И практически всегда люди ассоциировали его присутствие с холодом.

Сидящие в аудитории кивали, зал вновь загудел разговорами. Стью подумал, что видит перед собой мальчишек, которые только что познали секс, а теперь сравнивают впечатления и крайне удивлены тем, что все ощутили примерно одно и то же. Он прикрыл рот рукой, чтобы спрятать улыбку, и приказал себе этим же вечером поделиться своим открытием с Фрэн.

— Флэгг на западе. Равное число людей видели его в Лас-Вегасе, в Лос-Анджелесе, в Сан-Франциско и в Портленде. Некоторые — и матушка Абагейл в их числе — утверждают, что Флэгг распинает непослушных. Все, похоже, уверены, что при возникновении конфронтации между этим человеком и нами Флэгг не остановится ни перед чем, чтобы раздавить нас. И «не останавливаться ни перед чем» включает в себя многое. Использование обычного оружия. Атомной бомбы. Даже... эпидемии.

— Я бы с радостью добрался до этого мерзавца! — раздался пронзительный голос Рича Моффэта. — Я бы на веки вечные заразил его долбаной чумой!

Взрыв смеха снял напряженность, и Ричу зааплодировали. Глен довольно улыбнулся. За полтора часа до собрания он проинструктировал Рича, и тот сработал блестяще. Стью все более убеждался, что в одном старина лысый абсолютно прав: на больших собраниях социология частенько приходилась очень кстати.

— Ладно, я изложил все, что мне о нем известно, — продолжил Глен. — Перед тем как открыть обсуждение, я хочу добавить только одно: думаю, Стью прав, говоря, что мы должны обойтись с Гарольдом и Надин цивилизованно, если поймаем их, но, как и Стью, я считаю это маловероятным. Как и он, я исхожу из того, что они сделали это по приказу Флэгга.

Его слова вызвали возмущенный гул зала.

— Вот с таким человеком нам предстоит иметь дело. Джордж Ричардсон упомянул, что мистика не по его части. Хочу отметить, что и не по моей. Но вот что я вам скажу: по моему мнению, умирающая старая женщина каким-то образом олицетворяет добро, точно так же, как этот Флэгг олицетворяет зло. Я думаю, сила, которая действует через матушку Абагейл, использовала ее, чтобы свести нас вместе. И вряд ли теперь эта сила собирается нас бросить. Может, нам стоит все обговорить и пролить свет на эти кошмары. Может, нам пора начать думать, а что мы в состоянии с ним сделать. Но ему не удастся следующей весной просто явиться и установить контроль над Зоной. Не удастся, если мы будем настороже. Теперь я передаю слово Стью, который и будет вести обсуждение.

Его последнее предложение заглушили громовые аплодисменты, и Глен с довольным видом вернулся на свое место. Он расшевелил их большой дубиной... или настроил на нужный лад? Значения это не имело. Теперь в их настроении злость преобладала над страхом, они принимали вызов (хотя к следующему апрелю, после холодной, долгой зимы, решимости могло поубавиться)... а главное, им хотелось поговорить.

И они говорили три следующих часа. Несколько человек ушли в полночь, но большинство осталось. Как и подозревал Ларри, ничего путного эти разговоры не принесли. Было высказано мно-

жество нереальных предложений: самим обзавестись бомбардировщиком и/или атомным оружием, провести переговоры, подготовить группу убийц... Осуществимых идей оказалось крайне мало.

Последний час люди по очереди вставали, чтобы пересказать свои сны, а остальные зачарованно слушали. Стью это вновь напомнило бесконечные посиделки с разговорами о сексе, в которых он участвовал подростком (главным образом в качестве слушателя).

Глена удивляло и радовало их нарастающее желание говорить, он подмечал, как оживление вытесняло тупую пустоту, которая ощущалась в них в начале собрания. Происходило давно назревшее очищение, и Глену это тоже напоминало разговор о сексе, но в другом смысле. По его мнению, они напоминали людей, долго хранивших в себе секреты, которые касались каких-то провинностей и несостоятельностей, и вдруг обнаруживших, что если облечь тайну в слова, она перестанет быть такой пугающей. Когда внутренний ужас, посеянный во сне, наконец-то пожинается в многочасовой дискуссии, он становится более управляемым... возможно, даже появляется шанс его обуздать.

Собрание закончилось в половине второго ночи, и Глен покидал его вместе со Стью, впервые после смерти Ника в хорошем настроении. Он чувствовал, что они начали выползать из своих панцирей и сделали первые трудные шаги к битве — какой бы она ни была, — в которой им предстояло принять участие.

У него появилась надежда.

Электричество подали в полдень пятого сентября, как и обещал Брэд.

Сирена воздушной тревоги громко и жутко завыла на крыше здания окружного суда, перепугав сотни людей. Они выскочили на улицу и оглядывали синее, без единого облачка, небо в поисках самолетов темного человека. Некоторые бросились в подвалы и сидели там, пока Брэд не нашел выключатель и не вырубил сирену. Только тогда они поднялись на поверхность, стыдливо пряча глаза.

От короткого замыкания возник пожар на Ивовой улице, но десяток добровольцев-пожарных быстро прибыл туда и потушил огонь. Крышку канализационного люка на пересечении Бродвея

и Ореховой улицы подбросило в воздух, она пролетела около пятидесяти футов и приземлилась на крышу магазина игрушек «Оз», как большая ржавая блошка.

В этот день, названный Днем электричества, в Зоне погиб один человек. По неизвестной причине взорвался магазин автомобильных запчастей на Жемчужной улице. Рич Моффэт сидел на ступеньках дома на другой стороне улицы, с сумкой разносчика газет, в которой лежала бутылка виски «Джек Дэниелс». Металлический лист обшивки ударил его и убил на месте. Больше Рич не разбил ни одного окна.

Стью находился в палате Фрэн, когда ожили флуоресцентные лампы на потолке. Он наблюдал, как они мерцали, мерцали, мерцали — и наконец вспыхнули привычным светом. Ему удалось оторвать от них взгляд лишь после того, как прошло почти три минуты. Когда он посмотрел на Фрэн, ее глаза блестели от слез.

— Фрэн! Что не так? Тебе больно?

— Ник, — ответила она. — Ник этого не увидит, и это неправильно. Я хочу помолиться за него, если смогу. Я хочу попытаться.

Он обнимал ее, но не знал, молилась она или нет. Внезапно осознал, как же ему недостает Ника, и возненавидел Гарольда сильнее, чем когда-либо. Фрэн говорила правду. Гарольд не только убил Ника и Сью; он украл у них свет.

— Ш-ш-ш, — прошептал он. — Фрэнни, ш-ш-ш.

Но плакала она долго. А когда слезы наконец иссякли, Стью нажатием кнопки включил электромотор, поднимающий изголовье кровати, и зажег лампу на прикроватном столике, чтобы Фрэнни могла почитать.

Стью будили, тряся за плечо, и ему потребовалось много времени, чтобы окончательно проснуться. Его разум медленно просматривал казавшийся бесконечным список людей, которые могли попытаться украсть у него сон. Начинался он с матери, говорившей ему, что пора вставать, и растапливать печь, и собираться в школу. За ней следовал Мануэль, вышибала в маленьком паршивом борделе в Нуэво-Ларедо, заявляющий, что он уже получил положенное на двадцатку и надо заплатить еще двадцать, если он хочет остаться на всю ночь. Потом медсестра в белом защитном костюме, которая хотела измерить давление крови и взять мазок из горла. Фрэнни.

Рэндалл Флэгг.

Последняя мысль разбудила Стью, будто ушат холодной воды, выплеснутый в лицо. Но никого из перечисленных выше он не увидел. За плечо его тряс Глен Бейтман, компанию которому составлял Коджак.

— Как же трудно тебя будить, Восточный Техас, — покачал головой Глен. — Лежишь, как бетонный столб. — В почти полной темноте едва проступал его силуэт.

— Для начала ты мог бы зажечь свет.

— Знаешь, я совершенно об этом забыл.

Стью включил лампу, сощурился от яркого света, подслеповато уставился на механический будильник. Без четверти три.

— Что ты тут делаешь, Глен? Я, между прочим, спал. Говорю на случай, если ты этого не заметил.

Ставя будильник на прикроватный столик, он впервые взглянул на Глена. Бледного, испуганного... и старого. Изможденное лицо прорезали глубокие морщины.

— Что случилось?

— Матушка Абагейл, — тихо ответил Глен.

— Умерла?

— Да поможет мне Бог, но я бы этого хотел. Она очнулась. И ждет нас.

— Нас двоих?

— Нас пятерых. Она... — Его голос вдруг стал хриплым. — Она знала, что Ник и Сюзан мертвы, и знала, что Фрэн в больнице. Понятия не имею, как ей это удалось, но она знала.

— То есть она хочет видеть комитет?

— То, что от него осталось. Она умирает и говорит, что должна нам что-то сказать. И я не знаю, хочу ли я это слышать.

Ночь выдалась холодной — еще не морозной, но холодной. Куртка, которую Стью взял в стенном шкафу, пришлась очень кстати, и он застегнул молнию до подбородка. Ледяная луна, висящая над головой, заставила его подумать о Томе, который получил установку возвратиться в полнолуние. Сейчас луна только вошла во вторую четверть. И один Бог знал, где она светит на Тома, на Дейну Джергенс, на Судью Ферриса. Бог также знал, что она смотрит на те странности, что происходили здесь.

— Сначала я разбудил Ральфа, — сообщил Глен. — Послал его в больницу за Фрэн.

— Если бы доктор считал, что она может встать, он бы отправил ее домой! — сердито бросил Стью.

— Это особый случай, Стью.

— Для человека, который не хочет услышать, что скажет эта старая женщина, ты очень уж торопишься пригнать туда Фрэн.

— Я боюсь этого не сделать, — ответил Глэн.

Джип остановился перед домом Ларри в десять минут четвертого. Все окна сияли — не лампами Коулмана, а нормальным электрическим светом. Горел и каждый второй уличный фонарь — не только здесь, но и по всему городу, и Стью, сидя в джипе Глена, как зачарованный смотрел на них всю дорогу. Последние из летних мотыльков, медлительные из-за холода, лениво бились в натриевые сферы.

Они вылезли из джипа как раз в тот момент, когда из-за угла показались лучи фар. К дому подкатил старый, громыхающий пикап Ральфа и остановился нос к носу с джипом. Ральф вылез из кабины, а Стью быстро подошел к двери пассажирского сиденья, на котором сидела Фрэн, привалившись спиной к диванной подушке.

— Привет, крошка, — мягко поздоровался он.

Она взяла его за руку. В темноте ее лицо напоминало бледный диск.

— Сильно болит? — спросил Стью.

— Не очень. Я приняла эдвил. Только не торопи меня.

Он помог ей вылезти из кабины, и Ральф взял ее за другую руку. Оба заметили, как она морщится.

— Хочешь, чтобы я тебя донес? — спросил Стью.

— Сама дойду. Просто поддерживай меня, хорошо?

— Конечно.

— И иди медленно. Мы, бабульки, быстро не можем.

Они обошли пикап Ральфа сзади, скорее волоча ноги, чем шагая. Когда добрались до тротуара, увидели, что Глен и Ларри стоят в дверях, наблюдая за ними. Освещенные сзади, они напоминали фигурки, вырезанные из черной бумаги.

— И что ты об этом думаешь? — прошептала Фрэнни.

Стью покачал головой:

— Я не знаю.

Они подошли к ступеням, ведущим к двери. Чувствовалось, что у Фрэнни сильно болит спина, и Ральф на пару со Стью помогли ей подняться. Ларри, как и Глен, казался бледным и встревоженным. На нем были линялые джинсы, рубашка навыпуск, застегнутая не на те пуговицы, и дорогие мокасины на босу ногу.

— Я очень сожалею, что пришлось тащить вас сюда, — сказал он. — Я сидел с ней, дремал, время от времени просыпался. Мы дежурили у кровати. Вы понимаете?

— Да, я понимаю, — кивнула Фрэн. По каким-то причинам слово «дежурили» заставило ее подумать о материнской гостиной... и увидеть ее в более мягком, более прощающем свете, чем прежде.

— Люси уже час как спала. Я проснулся, будто от толчка, и... Фрэн, могу я тебе помочь?

Фрэн покачала головой и натужно улыбнулась:

— Все хорошо. Продолжай.

— ...и она смотрела на меня. Говорить она могла только шепотом, но я разобрал каждое ее слово. — Ларри сглотнул слюну. Они впятером стояли в прихожей. — Она сказала, что на рассвете Господь собирается забрать ее домой, но она должна поговорить с теми из нас, кого Господь не забрал раньше. Я спросил, что она имела в виду, и она ответила, что Господь забрал Ника и Сюзан. Она *знала*. — Ларри со всхлипом вдохнул и провел руками по длинным волосам.

В конце коридора появилась Люси.

— Я сварила кофе. Если хотите...

— Спасибо, любимая, — ответил Ларри.

На лице Люси читалась неуверенность.

— Мне зайти с вами? Или разговор будет не для посторонних ушей, как заседание комитета?

Ларри взглянул на Стью, который спокойно ответил:

— Заходи. Я думаю, что с тайнами покончено.

По коридору они направились в гостиную, медленно, чтобы не доставлять Фрэнни излишней боли.

— Она нам скажет, — внезапно нарушил общее молчание Ральф. — Матушка все нам скажет. Волноваться не о чем.

Они вошли вместе, и сверкающий взгляд умирающей матушки Абагейл ошеломил их.

* * *

Фрэн знала о физическом состоянии старой женщины, но увиденное все равно потрясло ее. От матушки Абагейл не осталось ничего, кроме жесткой кожи и сухожилий, связывающих кости. В комнате даже не пахло гниением и надвигающейся смертью — ощущался только сухой чердачный запах... нет, запах гостиной. Половина иглы для внутривенных инъекций торчала снаружи, потому что втыкаться было некуда.

Однако ее глаза не изменились. Остались добрыми и человечными. От этого на душе стало чуть легче, но Фрэн все равно не отпускало что-то вроде ужаса... не совсем страх, что-то, возможно, более священное... благоговейный трепет. *Трепет?* Чувство чего-то, нависшего над ними. Не рока, но какой-то жуткой ответственности, подвешенной над их головами, как камень.

Человек предполагает, а Бог располагает.

— Маленькая девочка, присядь, — прошептала матушка Абагейл. — Тебе больно.

Ларри подвел Фрэнни к креслу, и она села, с облегчением выдохнув, хотя знала, что и в сидячем положении боль через какое-то время вернется.

Матушка Абагейл по-прежнему не спускала с нее этих ярких глаз.

— Ты беременна, — прошептала она.

— Да... как...

— Ш-ш-ш...

В комнате установилась полная тишина. Зачарованная, загипнотизированная, Фрэн смотрела на умирающую старую женщину, которая сначала вошла в их сны, а потом — в их жизни.

— Посмотри в окно, маленькая девочка.

Фрэн повернулась лицом к окну, у которого два дня назад стоял Ларри и смотрел на собравшихся на улице людей. И увидела не подступившую тьму, а ровный свет. Не отражение гостиной — по ту сторону стекла было утро. Фрэн смотрела на едва различимое, чуть искаженное отражение веселой детской с клетчатыми занавесками в оборочках. Она видела кроватку — *но пустую.* Манеж — *но пустой.* Мобиль из ярких пластмассовых бабочек — *но в движение его приводил только ветер.* Ужас холодными руками сдавил ее шею. Другие заметили этот ужас на лице Фрэн, но не

понимали, в чем дело. За окном они видели только часть лужайки, освещенную уличным фонарем.

— Где ребенок? — хрипло спросила Фрэн.

— Стюарт — не отец твоего ребенка, маленькая девочка. Но его жизнь в руках Стюарта и Господа. У этого парня будет четыре отца. Если Господь позволит ему сделать хоть один вдох.

— Если позволит...

— Господь скрыл это от моих глаз, — прошептала матушка Абагейл.

Пустая детская исчезла. Теперь Фрэн видела только темноту. Ужас заставил ее руки сжаться в кулаки, между которыми колотилось ее сердце.

— Сын Сатаны призвал свою невесту и собирается обрюхатить ее. Позволит ли он твоему сыну жить?

— Перестаньте!.. — простонала Фрэн. Закрыла лицо руками.

Тишина, глубокая тишина накрыла комнату, как снег. Лицо Глена Бейтмана застыло. Правая рука Люси то медленно поднималась к воротнику халата, то медленно опускалась. Ральф держал в руках шляпу, рассеянно дергая за перышко, заткнутое под ленту. Стью смотрел на Фрэнни, но не мог подойти к ней. Сейчас не мог. Он подумал о женщине на собрании, той, что быстро провела руками по глазам, ушам и рту при упоминании темного человека.

— Мать, отец, жена, муж, — прошептала матушка Абагейл. — Им противостоит князь горных вершин, владыка утренних сумерек. Мой грех — гордыня. И ваш тоже, и ваш грех — гордыня. Разве вы не слышали, что сказано: не надейтесь на владык и князей этого мира?

Они все смотрели на нее.

— Электрический свет — это не решение, Стью Редман. Си-би-радио — тоже не решение, Ральф Брентнер. Социологией с этим не покончишь, Глен Бейтман. Твое раскаяние за содеянное в прошлой жизни этого не остановит, Ларри Андервуд. И твой мальчик тоже не остановит, Фрэн Голдсмит. Плохая луна поднялась. Вам нечего предложить Господу.

По очереди она оглядела их всех.

— Бог поступает, как считает нужным. Вы не гончары, а гончарная глина. Возможно, этот человек на западе — колесо, которое вас раздавит. Мне не дозволено знать.

Слеза, удивительная для этой умирающей пустыни, выскользнула из уголка ее левого глаза и покатилась по щеке.

— Матушка, что же нам делать? — спросил Ральф.

— Придвиньтесь ближе, вы все. Мое время истекает. Я ухожу домой к блаженству, и не было на земле человека, более готовому к этому, чем я сейчас. Придвиньтесь ко мне.

Ральф опустился на край кровати. Ларри и Глен встали в ногах. Фрэн с гримасой боли поднялась, и Стью поставил ее кресло рядом с Ральфом. Она вновь села и взяла Стью за руку своими холодными пальцами.

— Бог свел вас вместе не для того, чтобы создать комитет или сообщество, — продолжила матушка Абагейл. — Он свел вас вместе, чтобы послать дальше, в поход. Он хочет, чтобы вы попытались уничтожить этого Князя Тьмы, этого человека дальних дорог.

Тишина, нарушаемая биением сердец. И наложившийся на нее вздох матушки Абагейл.

— Я думала, вас поведет Ник, но Он забрал Ника к себе — хотя, как мне кажется, Ник еще не совсем покинул нас. Нет, не совсем. Но теперь вести должен ты, Стюарт. И если Бог решит забрать Стью, дальше поведешь ты, Ларри. Если он заберет и тебя, тогда ты, Ральф.

— Похоже, что я — всего лишь балласт, — начал Глен. — Что...

— Вести? — холодно спросила Фрэн. — *Вести?* Вести куда?

— Естественно, на запад, маленькая девочка, — ответила матушка Абагейл. — На запад. Ты не пойдешь. Только эти четверо.

— Нет! — Она поднялась, несмотря на боль. — Что вы такое говорите? Эти четверо должны отдать себя в его руки? Сердце, душу и волю Свободной зоны? — Глаза Фрэн полыхнули. — Чтобы он смог повесить их на крестах, а следующим летом просто прийти сюда и всех убить? Я не допущу, чтобы моего мужчину принесли в жертву вашему Богу-убийце. Да пошел Он на хер!

— Фрэнни! — ахнул Стью.

— Бог-убийца! Бог-убийца! — выплюнула она. — Миллионы — может, *миллиарды* — погибли в эпидемию. Еще миллионы — после. Мы даже не знаем, будут ли теперь рождаться здо-

ровые дети. Этого Ему мало? Все так и будет продолжаться, пока земля не достанется крысам и тараканам? Он — не Бог. Он — демон, а вы — Его ведьма!

— Прекрати, Фрэнни.

— Нет проблем. Я закончила. Я хочу уйти. Отвези меня домой, Стью. Не в больницу, а домой.

— Мы должны послушать, что она скажет.

— Прекрасно. Ты послушаешь за нас обоих. Я ухожу.

— Маленькая девочка.

— *Не зовите меня так!*

Рука матушки Абагейл вытянулась, пальцы сжали запястье Фрэнни. Та застыла. Ее глаза закрылись. Голова откинулась назад.

— Не-е-ет... О ГОСПОДИ... СТЬЮ...

— Эй! Эй! — проревел Стью. — Что вы с ней делаете?

Матушка Абагейл не ответила. Мгновение, казалось, растянулось на века, а потом старуха отпустила руку девушки.

Медленно, ошеломленно Фрэн начала массировать запястье, которое сжимали пальцы матушки Абагейл, хотя на нем не осталось ни следа. А потом глаза Фрэнни широко раскрылись.

— Милая? — озабоченно спросил Стью.

— Ушло, — пробормотала Фрэн.

— Что?.. О чем ты говоришь? — Стью, недоумевая, оглядел остальных. Глен только покачал головой. Он побледнел еще сильнее, но на его напряженном лице не было недоверия.

— Боль... хлыстовая травма... растяжение мышц спины. Ушло. — Фрэн посмотрела на Стью, в ее глазах застыло изумление. — *Все ушло.* Смотри. — Она наклонилась и легко коснулась руками пальцев ног, раз, другой. А наклонившись в третий раз, прижала к полу ладони, не согнув колен.

Вновь выпрямилась и встретилась взглядом с матушкой Абагейл.

— Это взятка от вашего Бога? Если да, то Он может взять Его излечение назад. Я предпочту боль, лишь бы Стью остался со мной.

— Бог не раздает взяток, дитя, — прошептала матушка Абагейл. — Он посылает людям знак и позволяет толковать его, как им того хочется.

— Стью не идет на запад! — отрезала Фрэн, но теперь на ее лице недоумение смешалось с испугом.

— Сядь, — предложил ей Стью. — Мы выслушаем все, что она должна сказать.

Фрэн села, потрясенная, не верящая случившемуся, потерянная. Ее руки продолжали ощупывать поясницу.

— Вы пойдете на запад, — прошептала матушка Абагейл. — Не возьмете с собой ни еды, ни воды. Вы должны уйти в этот самый день, в одежде, которая на вас. Вы должны идти пешком. Мне дано знать, что один из вас не дойдет до цели, но я не знаю, кто именно падет. Мне дано знать, что остальные предстанут перед этим Флэггом, который не человек, а сверхъестественное существо. Я не знаю, будет ли Божья воля на то, чтобы вы победили его. Я не знаю, будет ли Божья воля на то, чтобы вы вновь увидели Боулдер. Но он в Лас-Вегасе, и вы должны идти туда, и там вы схватитесь с ним. Вы пойдете туда, и вы не испугаетесь, потому что всегда сможете опереться на вечную руку Господа Всемогущего. И с Божьей помощью вы выстоите. — Она кивнула: — Это все. Я сказала.

— Нет, — прошептала Фрэн. — Быть такого не может.

— Матушка, — с трудом прохрипел Глен. Откашлялся. — Матушка, нам «не дано понять», если вы знаете, о чем я. Мы... мы не облагодетельствованы вашей близостью к тому, кто всем этим заправляет. Это не наш путь. Фрэн права. Если мы пойдем туда, нас убьют, возможно, это сделает первый же патруль.

— У тебя нет глаз? Ты не видел, как через меня Бог излечил Фрэн от ее недуга? Ты думаешь, Он позволит вам пасть от пули мелкого приспешника Князя Тьмы?

— Но, матушка...

— Нет. — Она подняла руку, отсекая его слова. — Мое дело — не спорить с вами или убеждать, а донести до вас план Господа. Послушай, Глен.

И внезапно изо рта матушки Абагейл послышался голос Глена Бейтмана, испугавший их и заставивший Фрэн с тихим вскриком прижаться к Стью.

— Матушка Абагейл называет его сыном Сатаны, — вещал сильный мужской голос, каким-то образом возникающий во впалой старушечьей груди и исторгающийся из беззубого рта. — Возможно, он последний маг рациональной мысли, собирающий

орудия технического прогресса, чтобы обратить их против нас. А может, есть что-то еще, куда более черное. Я только знаю, что он *есть*, и ни социология, ни психология, ни какая-то другая логия не остановят его. Я думаю, это под силу белой магии.

У Глена отвисла челюсть.

— Это правда или слова лжеца? — спросила матушка Абагейл.

— Я не знаю, правда это или нет, но слова мои. — Голос Глена дрожал.

— Веруйте. Все вы, *веруйте*. Ларри... Ральф... Стью... Глен... Фрэнни. Ты особенно, Фрэнни. Веруйте... и повинуйтесь слову Божьему.

— Разве у нас есть выбор? — с горечью спросил Ларри.

Матушка Абагейл повернулась, чтобы в изумлении посмотреть на него.

— Выбор? Выбор есть всегда. Таков путь Господа. У вас по-прежнему свободная воля. Поступайте, как вы того пожелаете. Никто не заковывает вас в кандалы. Но... *Бог хочет от вас этого*.

Вновь наступила тишина, опять комнату словно засыпало глубоким снегом. Наконец заговорил Ральф:

— В Библии сказано, что Давид справился с Голиафом. Я пойду, если ты говоришь, что так надо, матушка.

Она взяла его руку.

— И я, — поддержал его Ларри. — Я тоже. Хорошо. — Он вздохнул и прижал руки ко лбу, словно у него разболелась голова. Глен открыл рот, чтобы что-то сказать, но, прежде чем успел произнести хоть слово, из угла донесся тяжелый, усталый вздох и глухой удар.

Люси, о присутствии которой все забыли, лишилась чувств.

Заря коснулась края мира.

Они сидели за столом на кухне Ларри, пили кофе. Часы показывали без десяти пять, когда в дверном проеме, за которым начинался коридор, появилась Фрэн. Ее лицо опухло от слез, но при ходьбе она больше не хромала. Полностью исцелилась.

— Думаю, она уходит.

Они все пошли к старой женщине, рука Ларри обнимала Люси.

Матушка Абагейл дышала хрипло и тяжело, совсем как жертва «супергриппа». Они молча сгрудились вокруг кровати, в благоговейном трепете и страхе. Ральф не сомневался, что в самом конце что-то должно случиться и Господь явит пред ними чудо. То ли тело матушки Абагейл исчезнет во вспышке света, то ли ее душа, обратившись в сияние, покинет дом через окно и вознесется на небо.

Но матушка Абагейл просто умерла.

Сделала окончательный вдох, последний из миллионов. Втянула в себя воздух, задержала в груди, наконец выпустила. И ее грудь застыла.

— Она ушла, — пробормотал Стью.

— Да благословит Господь ее душу. — Ральф больше не боялся. Он скрестил руки матушки Абагейл на ее впалой груди, и его слезы падали на них.

— Я пойду! — внезапно вырвалось у Глена. — Она права. Белая магия. Это все, что осталось.

— Стью, — прошептала Фрэнни. — Пожалуйста, Стью, скажи «нет».

Они посмотрели на него — они все.

Теперь вести должен ты, Стюарт.

Он думал об Арнетте, о старом автомобиле с Чарльзом Д. Кэмпионом и грузом смерти, сшибающем заправочные колонки Билла Хэпскомба, как ящик Пандоры на колесах. Он думал о Деннинджере и Дитце, о том, как начал ассоциировать их с врачами, которые лгали, и лгали, и лгали ему и его жене о ее состоянии. Возможно, они лгали и самим себе. Но больше всего он думал о Фрэнни. И о словах матушки Абагейл: *Бог хочет от вас этого.*

— Фрэнни, — ответил он, — я должен идти.

— И умереть. — Она с горечью, даже с ненавистью посмотрела на него, потом на Люси, словно рассчитывая на поддержку. Но ошарашенная Люси полностью ушла в себя.

— Если мы не пойдем, то умрут все, — медленно, словно нащупывая нужные слова, произнес Стью. — Она права. Если мы будем выжидать, наступит весна. И что тогда? Как мы собираемся его останавливать? Мы этого не знаем. Не имеем ни малейшего представления. И никогда не имели. Мы прятали головы в песок, вот и все. Мы можем остановить его только од-

ним способом, как и говорит Глен. Белой магией. Или силой Божьей.

Она расплакалась.

— Фрэнни, не делай этого. — Он попытался взять ее за руку.

— Не прикасайся ко мне! — крикнула она. — Ты мертвец, ты труп, так что *не прикасайся ко мне*!

Они стояли вокруг кровати, когда взошло солнце.

Стью и Фрэнни отправились на Флагштоковую гору около одиннадцати утра. На середине склона остановились. Стью нес корзинку с едой, Фрэн — скатерть и бутылку «Синей монахини». Идея пикника принадлежала Фрэн, но почти всю дорогу оба молчали.

— Помоги мне расстелить скатерть, — попросила она. — И смотри, чтобы под нее не попали шишки.

Они расположились на небольшой наклонной лужайке на тысячу футов ниже Рассветного амфитеатра. Боулдер лежал под ними в голубой дымке. День выдался абсолютно летним. С неба ярко светило жаркое солнце. В траве стрекотали цикады. Подпрыгнул кузнечик, и Стью поймал его ловким движением правой руки. Почувствовал, как он возится в кулаке, щекоча кожу, испуганный.

— Сплюнь, и я его отпущу, — произнес он детское заклинание, поднял голову и увидел, что Фрэн грустно улыбается. Она отвернулась и быстро, как истинная леди, сплюнула. У него сжалось сердце. — Фрэн...

— Нет, Стью. Не будем говорить об этом. Не сейчас.

Они расстелили белую скатерть, которую Фрэн взяла в отеле «Боулдерадо», и она быстро, без лишних движений (его не переставали удивлять легкость и изящество, с которыми она двигалась, словно и не было ни хлыстовой травмы, ни растяжения мышц спины) поставила на нее легкий ленч: салат с огурцами, заправленный уксусом, сандвичи с ветчиной, вино и яблочный пирог на десерт.

— Хорошая еда, хорошее мясо, хороший Бог, давай поедим, — произнесла она короткую молитву. Он уселся рядом. Взял немного салата и сандвич. Есть не хотелось. Внутри все ныло. Тем не менее он ел.

Когда они съели по сандвичу и почти весь салат — свежие огурцы были восхитительны, — а потом и по куску яблочного пирога, Фрэнни спросила:

— Когда вы уходите?

— Днем. — Он закурил, прикрывая огонек руками.

— Сколько времени потребуется, чтобы добраться туда?

Он пожал плечами:

— Пешком? Не знаю. Глен немолод. Ральф, кстати, тоже. Если мы будем проходить по тридцать миль в день, наверное, окажемся в Лас-Вегасе к первому октября.

— А если в горах рано выпадет снег? Или в Юте?

Он вновь пожал плечами, не отрывая от нее глаз.

— Еще вина?

— Нет. У меня от него изжога. Всегда была.

Фрэн налила себе еще стакан, отпила.

— Она была голосом Бога, Стью? Да?

— Фрэнни, я не знаю.

— Она нам снилась, и мы ее нашли. Все это — часть какой-то глупой игры, ты это знаешь, Стюарт? Ты когда-нибудь читал Книгу Иова?

— Честно тебе скажу, я не знаток Библии.

— Моя мама хорошо ее знала, думала, что это очень важно — дать моему брату Фреду и мне основательную религиозную подготовку. Насколько я могу судить, пользу это принесло только в одном: я всегда могла ответить на религиозные вопросы в «Своей игре». Ты помнишь «Свою игру», Стью?

Он улыбнулся:

— «И я, ваш ведущий Алекс Трибек».

— Он самый. Там играли наоборот. Они давали тебе ответ, а ты задавал вопрос. Когда дело касалось Библии, я знала все вопросы. Бог и дьявол поспорили насчет Иова. Дьявол сказал: «Конечно, он поклоняется Тебе, потому что ему легко живется. Но если долго ссать ему на лицо, он отречется от Тебя». И Бог принял этот вызов. И победил. — Фрэн сухо улыбнулась. — Бог всегда побеждает. Готова спорить, Бог болеет за «Бостон селтикс».

— Может, это и спор, — ответил Стью, — но речь идет о жизнях людей там, внизу. И малыша, который в тебе. Как она его назвала? Парень?

— Она даже ничего не пообещала насчет него, — отозвалась Фрэн. — Если бы она это сделала... только это... было бы чуть легче отпускать тебя.

С ответом Стью не нашелся.

— Что ж, дело идет к полудню, — вздохнула Фрэн. — Помоги мне собраться, Стюарт.

Недоеденный ленч они убрали в корзину вместе со скатертью и початой бутылкой вина. Стью посмотрел на место их пикника и подумал, что определить его можно лишь по нескольким крошкам... с которыми скоро разберутся птицы. Когда он поднял глаза, Фрэнни смотрела на него и плакала. Он подошел к ней.

— Все нормально. Это беременность. Я все время плачу. С этим ничего не поделаешь.

— Все хорошо.

— Стью, займись со мной любовью.

— Здесь? Сейчас?

Она кивнула, чуть улыбнулась:

— Все получится. Если уберем шишки.

Они вновь расстелили скатерть.

У начала Бейзлайн-роуд она заставила его остановиться рядом с домом, в котором четыре дня назад еще жили Ральф и Ник. Задняя часть дома была разрушена. Двор завалило обломками. На изломанной зеленой изгороди лежали расплющенные портативные часы-радиоприемник. Тут же валялся и придавивший Фрэнни диван. На ступенях, прежде ведших к двери, осталось пятно засохшей крови. Фрэн пристально всмотрелась в него.

— Это кровь Ника? — спросила она Стью. — Может такое быть?

— Фрэнни, зачем это тебе?

— *Это кровь Ника?*

— Господи, я не знаю. Может, и Ника.

— Приложи к ней руку, Стью.

— Фрэнни, ты рехнулась?

На ее лбу между бровей появилась вертикальная морщинка, морщинка «я-хочу», которую он впервые заметил еще в Нью-Хэмпшире.

— Приложи к ней руку!

С неохотой Стью приложил руку к пятну. Он не знал, принадлежала эта кровь Нику или нет (пожалуй, даже не сомневался, что нет), но по спине пробежал неприятный холодок.

— Теперь поклянись, что ты вернешься.

Ступенька казалась слишком теплой, и ему хотелось поскорее убрать ладонь.

— Фрэн, как я могу...

— Не может все зависеть от Бога! — прошипела она. — *Все* — не может. Клянись, Стью, клянись.

— Фрэнни, я клянусь, что попытаюсь.

— Наверное, этого достаточно, да?

— Мы должны идти к дому Ларри.

— Я знаю. — Она еще крепче прижала его к себе. — Скажи, что любишь меня.

— Ты знаешь, что люблю.

— Я знаю, но скажи. Я хочу это услышать.

Стью обнял ее.

— Фрэн, я тебя люблю.

— Спасибо. — Она прижалась щекой к его плечу. — Теперь, думаю, я смогу попрощаться с тобой. Думаю, смогу тебя отпустить.

Они стояли, обнявшись, в заваленном обломками дворе.

Глава 60

Фрэн и Люси наблюдали за будничным началом похода со ступенек дома Ларри. Четверо мужчин несколько секунд постояли на тротуаре, без рюкзаков, без спальников, без специального снаряжения... в соответствии с инструкцией. Они надели только крепкие туристские ботинки.

— До встречи, Ларри. — Лицо Люси светилось белизной.

— Помни, Стюарт. Помни, что ты поклялся.

— Да. Буду помнить.

Глен сунул пальцы в рот и свистнул. Коджак, исследовавший канализационную решетку, подбежал к нему.

— Пошли. — Бледностью лица Ларри не уступал Люси, его глаза неестественно блестели, прямо-таки сверкали. — А не то я струшу.

Стью послал воздушный поцелуй сквозь сжатый кулак — насколько мог вспомнить, в последний раз он это проделывал, когда мать провожала его к школьному автобусу. Фрэн помахала ему рукой. Вновь подступили слезы, горячие и обжигающие, но она не позволила им политься из глаз. Мужчины двинулись. Просто пошли. Миновали полквартала, и где-то запела птица. Светило солнце, теплое и привычное. Они добрались до конца квартала. Стью обернулся и помахал рукой. Ларри тоже помахал. Фрэн и Люси помахали в ответ. Мужчины пересекли улицу. Исчезли из виду. Люси выглядела так, будто ее сейчас стошнит от чувства утраты и страха.

— Святый Боже! — выдохнула она.

— Пошли в дом. — Фрэн повернулась к двери. — Я хочу чая.

Они вошли внутрь. Фрэнни поставила чайник. Ожидание началось.

Вторую половину дня все четверо медленно шли на юго-запад, особо не разговаривая. Они направлялись к Голдену, где собирались провести первую ночь. Миновали кладбище с новыми могилами и около четырех часов дня, когда тени позади них заметно удлинились, а жара начала спадать, поравнялись с придорожным столбом, отмечающим административную границу Боулдера. На миг у Стью возникло ощущение, что все они готовы развернуться и пойти обратно. Впереди лежали смерть и чернота. Позади — толика тепла и любви.

Глен вытащил из заднего кармана бандану, свернул в цветастый шнур и повязал им голову.

— Глава сорок третья. Лысоголовый социолог спасается от пота. — Его голос звучал глухо.

Коджак убежал вперед, на территорию Голдена, и радостно обнюхивал дикие цветы.

— Вот черт! — вырвалось у Ларри, словно рыдание. — Такое ощущение, будто это конец всего.

— Да, — кивнул Ральф. — Именно такое.

— Кто-нибудь хочет отдохнуть? — без особой надежды спросил Глен.

— Пошли, — слабо улыбнулся Стью. — Или вы, пехотинцы, хотите жить вечно?

И они пошли, оставив Боулдер за спиной. К девяти вечера встали лагерем в Голдене, в полумиле от того места, где шоссе 6 начинает виться параллельно реке Клиэр-Крик, уходя в каменное сердце Скалистых гор.

В ту ночь все они спали плохо, чувствуя, что покинули дом и уже вступили под крыло смерти.

Книга III
ПРОТИВОСТОЯНИЕ
7 сентября 1990 года — 10 января 1991 года

Наш край, он мой и твой,
Пролег широко —
От Калифорнии
До Нью-Йорка,
Леса до неба,
Гольфстрима пена,
Весь этот край для нас с тобой.
Вуди Гатри

Эй, Мусорник! Что сказала старуха
Семпл, когда ты сжег ее пенсионный чек?
Карли Ейтс

Вот и ночь пришла,
И сгустился мрак,
Мы с тобой во тьме под луной.
Не боюсь я зла
И скажу я так:
Я прошу, останься со мной.
Бен Э. Кинг

Глава 61

Темный человек расставил посты вдоль восточной границы Орегона. Самый крупный расположился в Онтарио, там, где автострада 80 пересекала границу между Орегоном и Айдахо. Шесть человек жили в большом трейлере «питербилт». Они провели здесь больше недели, постоянно играя в покер на двадцатки и полтинники, столь же бесполезные, как и деньги «Монополии». Один

выиграл почти шестьдесят тысяч, а другой, до эпидемии зарабатывавший примерно десять тысяч в год, проиграл более сорока.

Почти всю неделю лил дождь, так что обитатели трейлера пребывали в прескверном настроении. Они приехали из Портленда и хотели вернуться туда: в Портленде были женщины. На штыре висел мощный радиопередатчик, который транслировал только статические помехи. Они надеялись на два простых слова: «Возвращайтесь домой». Это означало бы, что человек, которого они поджидали, схвачен где-то еще.

А поджидали они мужчину примерно семидесяти лет, крупного, лысеющего. В очках и за рулем бело-синего полноприводного автомобиля, то ли джипа, то ли «интернэшнл-харвестера». Вышеозначенного мужика следовало убить.

Они злились и скучали — новизна игры в покер на большие деньги выветрилась пару дней назад даже для самого тупого, — но скука еще не настолько достала их, чтобы вернуться в Портленд по собственной инициативе. Они получили приказ от самого Странника, и пусть крайняя раздражительность давала о себе знать, ужас, который он у них вызывал, никуда не делся. Они понимали: если напортачат и он узнает, не миновать беды.

Так они и сидели, играли в карты и по очереди несли вахту у амбразуры, прорезанной в боковой стенке трейлера. Пустынную автостраду 80 поливал унылый, непрерывный дождь, но если бы на дороге появился «скаут», его бы увидели... и остановили.

— Он шпион с другой стороны, — предупредил их Странник с жуткой, растягивающей губы улыбкой. Почему эта улыбка всем казалась такой жуткой, никто сказать не мог, но когда он смотрел на любого из них, кровь в венах превращалась в горячий томатный суп. — Он шпион, и мы можем принять его с распростертыми объятиями, показать ему все и отправить назад целехоньким. Но он мне нужен. Мне нужны они оба. И мы можем отправить их головы на ту сторону гор до того, как полетят белые мухи. Пусть думают об этом всю зиму! — И Странник расхохотался в лицо людям, собравшимся в одном из конференц-залов Портлендского общественного центра. Они улыбнулись в ответ, но холодно и тревожно. Вслух они поздравляли друг друга с тем, что им выпало столь важное поручение, а в душе страстно желали, чтобы эти счастливые, ужасные, настороженные глаза смотрели на кого угодно, только не на *них*.

Еще один многолюдный блокпост располагался на дальнем юге Онтарио, в Шевилле. Там четверо мужчин обосновались в маленьком доме, построенном прямо у обочины автострады 95, которая уходила в пустыню Алворда с ее необычными скальными выступами и темными, медленно текущими речушками.

Все остальные блокпосты, числом двенадцать, по два человека на каждом, рассредоточились на участке от крохотного городка Флора, притулившегося у шоссе 3 менее чем в шестидесяти милях от границы с Вашингтоном, до Макдермитта, расположенного на границе Орегона с Невадой.

Старик в сине-белом полноприводном автомобиле. Все часовые получили четкие инструкции: *Убить его, но не стрелять в голову.* Ни крови, ни синяков выше кадыка.

— Я не собираюсь посылать им подпорченный товар! — сообщил Рэнди Флэгг и вновь разразился ужасным хохотом.

Северная часть границы Орегона и Айдахо проходит по реке Снейк. И если следовать по берегу на север от Онтарио, где шестеро мужчин сидели в трейлере и играли в карты на потерявшие ценность деньги, река приводит к Копперфилду. Там она делает петлю, какие гидрографы называют слепыми рукавами, а около Копперфилда ее преграждает плотина Оксбоу. И седьмого сентября, когда Стью Редман и его команда шагали по шоссе 6 в Колорадо, более чем в тысяче миль к юго-востоку, Бобби Терри сидел в «Центовке» Копперфилда со стопкой комиксов под рукой и гадал, в каком состоянии сейчас Оксбоу и что со шлюзовыми воротами, открыты они или закрыты. Витрины «Центовки» выходили на пустынное шоссе 86.

Он и его напарник Дейв Робертс (спавший в квартире над магазином) много говорили о плотине. Дожди шли уже неделю. Уровень реки Снейк поднялся. А если одряхлевшая Оксбоу не выдержит? Плохие новости. Стена воды сметет с лица земли Копперфилд, а старину Бобби Терри вместе со стариной Дейвом Робертсом унесет в Тихий океан. Они говорили о том, что надо бы проехаться к плотине и посмотреть, нет ли в ней трещин, но так и не решились. Приказ Флэгга трактовался однозначно: не высовываться.

Дейв отметил, что Флэгг мог быть *где угодно*. Путешествовал он много, и ходило множество слухов о том, как он внезапно появлялся в каком-нибудь маленьком городке, где десяток человек

ремонтировали линию электропередачи или забирали оружие из армейского арсенала. Он *материализовался*, как призрак. Улыбающийся черный призрак в пыльных сапогах со стоптанными каблуками. Иногда один, иногда его сопровождал Ллойд Хенрид, сидящий за рулем большого «даймлера», черного, как катафалк, и такого же длинного. Иногда он приходил пешком. Только что его не было, а мгновение спустя он уже стоял рядом. Сегодня мог быть в Лос-Анджелесе (так, во всяком случае, говорили), а на следующий день объявлялся в Бойсе... на своих двоих.

Но, по словам Дейва, даже Флэгг не мог оказаться в шести разных местах одновременно. Пусть один из них смотается к этой плотине, взглянет на нее и быстро вернется. Дейв полагал, что шанс попасться не превышал один на тысячу.

«Хорошо, поезжай, — сказал ему Бобби Терри. — Я тебе разрешаю». Однако Дейв отклонил его предложение с кислой улыбкой. Потому что Флэгг каким-то образом все *узнавал*, даже не появляясь на месте событий. Говорили, что он обладал сверхъестественной властью над животными. Одна женщина по имени Роуз Кингман рассказывала, что видела, как он щелкнул пальцами, глядя на ворон, сидевших на телефонном проводе, и вороны опустились ему на плечи, а потом, по свидетельству той же Роуз Кингман, закаркали: «Флэгг... Флэгг... Флэгг...»

Нелепо, конечно, и он это знал. Дебилы могли в это поверить, но Долорес, мать Бобби Терри, дебилов не рожала. Он знал, как появляются такие истории, обрастая все новыми подробностями по пути ото рта, который говорил, до уха, которое слушало. А темный человек, конечно же, с радостью поощрял распространение подобных слухов.

И все-таки истории эти вызывали у него дрожь, словно каждая из них несла в себе крупинку правды. Согласно некоторым, темный человек умел призывать волков, согласно другим, его душа могла вселиться в кошку. Один мужчина в Портленде говорил, что в старом бойскаутском рюкзаке, который сопровождал Флэгга в его пеших походах, он носит то ли ласку, то ли пекана, то ли еще какого-то зверя. Глупости, само собой. Но... допустим, темный человек мог *разговаривать* с животными, как сатанинский доктор Дулиттл. И допустим, он или Дейв поедет взглянуть на эту чертову плотину вопреки *его* приказам, и их увидят.

Наказание за неповиновение — распятие на кресте.

К тому же Бобби практически не сомневался, что эта старая плотина не разрушится.

Он достал сигарету из лежащей на столе пачки «Кента», закурил, поморщился от горячего, сухого вкуса. Еще полгода, и курить эти чертовы сигареты станет невозможно. Вероятно, оно и к лучшему. Раковые палочки несли смерть.

Бобби вздохнул и взял из стопки очередной комикс. С нелепым, глупым названием «Юные мутантные черепашки-ниндзя». Черепашки-ниндзя — герои в панцирях. Он швырнул Рафаэля, Донателло и их тупорылых дружков через магазин, и журнал, в котором они обитали, палаткой накрыл кассовый аппарат. «Именно такие мелочи жизни, как юные мутантные черепашки-ниндзя, — подумал Бобби, — заставляют поверить, что мир, возможно, уничтожен не зря».

Он взял следующий комикс, «Бэтмена», чей герой выглядел более правдоподобно, и только открыл первую страницу, как увидел синий «скаут», проехавший мимо «Центовки», держа курс на запад. Большие колеса расплескивали лужи грязной дождевой воды.

Бобби Терри, разинув рот, уставился на то место, где только что видел «скаут». Он не мог поверить, что автомобиль, который они искали, взял и проехал мимо его блокпоста. По правде говоря, глубоко в душе он подозревал, что все эти поиски — выдумка чистой воды.

Он подбежал к входной двери и распахнул ее. Выбежал на тротуар, все еще держа в руке комикс с Бэтменом. Может, «скаут» — всего лишь галлюцинация? От мыслей о Флэгге любой свихнется.

Но нет. Бобби успел увидеть крышу «скаута», когда тот уже спускался с вершины следующего холма и выезжал из города. Потом он помчался обратно в «Центовку», во всю глотку зовя Дейва.

Судья мрачно вцепился в руль, делая вид, будто не существует никакого артрита, а если и существует, то не у него, а если и у него, то только не в сырую погоду. Дальше он в своих рассуждениях не шел, потому что лил дождь — абсолютный факт, как сказал бы его отец, и не было никакой надежды, кроме «Горы надежды».

Впрочем, фантазии не помогали.

Он ехал сквозь дождь последние три дня. Иногда тот едва сыпал мелкими каплями, но чаще лил и лил, почти как из ведра. И это тоже являлось абсолютным фактом. В некоторых местах дороги размыло, и он подозревал, что к следующей весне они станут непригодными для проезда. По ходу этой маленькой экспедиции он не раз и не два благодарил Господа за «скаут».

В первые три дня, продираясь по автостраде 80, Судья понял, что ему не добраться до западного побережья раньше двухтысячного года, если он не свернет на второстепенные дороги. На автостраде встречались достаточно длинные пустые участки, в некоторых местах удалось лавировать между брошенными машинами на второй передаче, но очень часто приходилось цеплять трос лебедки «скаута» за задний бампер застывшего автомобиля и стаскивать его с дороги, чтобы проползти через образовавшийся зазор.

В Роулинсе он решил, что с него хватит. Повернул на северо-запад по автостраде 287, обогнул Большой бассейн и двумя днями позже разбил лагерь на северо-западной оконечности Вайоминга, к востоку от Йеллоустона. На такой большой высоте над уровнем моря дороги практически пустовали. Где он натерпелся страха, так это в Вайоминге и восточной части Айдахо. Он и представить себе не мог, что присутствие смерти будет так сильно ощущаться в этой пустоте. Но оно ощущалось — зловещая неподвижность под огромным западным небом, там, где прежде обитали олени и виннебаго. Здесь валялись телеграфные столбы, которые никто не поднимал, здесь в холодной, ждущей тишине застыли маленькие городки: Ламонт, Мадди-Гэп, Джеффри-Сити, Лэндер, Кроухарт.

Чувство одиночества нарастало вместе с осознанием того, что огромная страна превратилась в пустыню, и ощущение близкой смерти уже не покидало Судью. У него крепла уверенность, что ему никогда больше не увидеть Свободной зоны Боулдера и людей, которые там жили: Фрэнни, Люси, этого парнишки Лаудера, Ника Эндроса. Он начал думать, что понимает, каково пришлось Каину, когда Бог изгнал его в землю Нод.

Только та земля находилась к востоку от Эдема.

Судья же был на западе.

Все это он почувствовал особенно остро, пересекая границу Вайоминга и Айдахо. В Айдахо Судья попал через перевал Таргхи, где и остановился у дороги, чтобы перекусить. В полной тишине слышалось журчание какой-то высокогорной речки и странный скрежещущий звук, вызывавший мысли о дверной петле, в которую попала земля. Над головой синее небо начало покрываться перистыми облаками. Артрит уже предсказывал Судье, что скоро польет дождь. Пока болезнь вела себя очень тихо, несмотря на немалую физическую нагрузку и долгие часы за рулем, и...

...и что это за скрип?

Поев, Судья достал из кабины «гэранд»* и спустился к площадке для пикника у реки, отметив, что это отличное место для отдыха, но в более теплую погоду. Несколько столов стояли прямо в роще. А на одном дереве висел мужчина. Его ботинки почти касались земли, голова повернулась под неестественным углом, плоть почти склевали птицы. Скрип издавала веревка, трущаяся о ветвь, на которой висел мужчина. Она почти перетерлась.

Вот где он окончательно понял, что находится на западе.

В тот же день, около четырех часов дня, первые, еще редкие капли упали на ветровое стекло «скаута». И с того момента дождь уже не переставал.

Двумя днями позже Судья добрался до Бьютт-Сити, и боль в пальцах и коленях стала такой сильной, что он задержался в городе на целый день, который провел в номере мотеля. Вытянувшись на кровати в полнейшей тишине, обмотав руки и колени полотенцами, читая «Закон и классы общества» Лепэма, Судья Феррис выглядел как нечто среднее между Старым Мореходом** и выжившим в Вэлли-Фордже***.

Обеспечив себя аспирином и бренди, Судья поехал дальше, неизменно придерживаясь второстепенных дорог, переводя «скаут» на полный привод, чтобы объехать разбитые автомобили по раскисшей земле и не пускать в ход лебедку, для работы с которой

---

* «Гэранд» — американская самозарядная винтовка времен Второй мировой войны.

** Имеется в виду главный герой поэмы английского поэта Сэмюэля Кольриджа (1772—1834) «Сказание о Старом Мореходе».

*** Зимовка в Вэлли-Фордже (1777—1778) стала символом героизма и стойкости борцов за независимость США. Из 11 тыс. человек около 2,5 тыс. умерли от голода, холода, тифа и оспы.

приходилось и приседать, и сгибать пальцы. Двумя днями ранее, пятого сентября, на подъезде к горам Салмон-ривер, ему пришлось подцепить большой фургон телефонной компании «Кон-Тел» и тащить его задним ходом полторы мили, пока с одной стороны обочина не стала отвесной. Там Судья и столкнул фургон в безымянную для него реку.

Вечером четвертого сентября, за день до инцидента с фургоном «Кон-Тел» и за три дня до того, как Бобби Терри увидел проехавший через Копперфилд «скаут», Судья остановился на ночлег в Нью-Мидоусе, и там произошло событие, нарушившее его душевное равновесие. Он подъехал к мотелю «Рэнчхенд», взял на стойке ключ от одного из номеров и нашел в нем бонус: обогреватель, работающий от аккумулятора. Поставил его в ногах кровати. К сумеркам уже наслаждался теплом и уютом — впервые за неделю. Обогреватель мягко светился красным. Судья разделся до трусов, подложил под спину подушки и читал о судебном процессе над необразованной чернокожей женщиной из Брикстона, штат Миссисипи, приговоренной к десяти годам тюрьмы за обыкновенную мелкую кражу в магазине. Обвинение представлял заместитель прокурора, трое присяжных были чернокожими, и Лепэм, похоже, отмечал, что...

Тук-тук-тук, донеслось от окна.

Старое сердце Судьи затрепыхалось. Лепэм отлетел в сторону. Судья схватил прислоненный к стулу «гэранд» и повернулся к окну, готовый ко всему. Обрывки его легенды заметались в голове, как соломинки, подхваченные ветром. Они здесь, они захотят узнать, кто он, откуда пришел...

За окном сидела ворона.

У Судьи отлегло от сердца — не сразу, по чуть-чуть, и наконец он выдавил из себя дрожащую улыбку.

Просто ворона.

Она сидела на наружном подоконнике, под дождем, блестящие перья смешно слиплись, маленькие глазки смотрели через залитое водой стекло на очень старого адвоката и самого старого в мире шпиона-дилетанта, лежащего на кровати в номере мотеля в западном Айдахо и одетого в одни трусы, испещренные пурпурно-золотыми надписями «ЛОС-АНДЖЕЛЕС ЛЕЙКЕРС», с тяжелым томом поперек живота. Вид этот, похоже, вызвал у вороны улыбку. Судья уже совершенно расслабился и широко улыб-

нулся в ответ. Это точно, тут есть над чем посмеяться. Но после двух недель путешествия в одиночку по пустынной стране он имел право вздрагивать от каждого шороха.

Тук-тук-тук.

Ворона постучала по стеклу клювом. Как и в прошлый раз.

Улыбка Судьи съежилась. Что-то не нравилось ему в том, как эта ворона смотрела на него. Она, казалось, по-прежнему улыбалась, но, он мог поклясться, улыбалась с пренебрежением. Почти ухмылялась.

Словно ворон, усевшийся на бюст Паллады. Когда удастся выяснить все то, что им нужно знать там, в Свободной зоне, которая уже так далеко? *Никогда.* Когда удастся определить слабые места в броне темного человека? *Никогда.*

Вернется ли он сам целым и невредимым?

Никогда.

Тук-тук-тук.

Ворона смотрела на него ухмыляясь.

И внезапно со всей очевидностью, вырастающей из страха, от которого съеживаются яйца, ему стало ясно, что это темный человек — его душа, его *ка* каким-то образом вселилась в эту вымоченную дождем, ухмыляющуюся ворону — смотрит на него, проверяет, он ли тот самый шпион, которого они разыскивают.

И, зачарованный, Судья уже не мог оторвать глаз от вороны.

А ее глаза словно начали расти. Судья заметил вокруг них красный ободок насыщенного рубинового цвета. Дождевая вода била в стекло и стекала по нему, била в стекло и стекала по нему. Ворона наклонилась вперед и весьма решительно постучала.

Судья подумал: *Она уверена, что гипнотизирует меня. И возможно, это действительно так. Но наверное, я слишком стар для таких игр. И допустим... это, разумеется, глупо, но допустим, это он. И допустим, я смогу вскинуть винтовку к плечу одним быстрым движением... Прошло четыре года с тех пор, как я последний раз стрелял по тарелочкам, но я стал чемпионом клуба в семьдесят шестом, а потом в семьдесят девятом, да и в восемьдесят шестом выступил неплохо. Не на высшем уровне, призового места не занял, потому и перестал участвовать в соревнованиях, гордость-то была куда в лучшей форме, чем зрение, но все равно получилось неплохо. А это окно гораздо ближе, чем те тарелочки. Если это он, могу ли я его убить? Навсегда оставить его* ка *— если оно существует — в*

умирающем вороньем трупике? Не удастся ли старому пердуну положить конец всей этой истории лишенным драматизма убийством черной птицы в западном Айдахо?

Ворона ухмылялась, глядя на него. Судья уже мог поклясться, что ухмылялась.

Внезапным рывком Судья сел, одновременно быстро и уверенно поднимая «гэранд» к плечу, проделав это даже лучше, чем ожидал. Ворону, похоже, охватил ужас. Вымоченные дождем крылья дернулись, разбрызгивая капли воды. Глаза в страхе расширились. Судья услышал сдавленное «кар!» и торжествующе подумал: «Это темный человек, он недооценил Судью, и этот просчет будет стоить ему его жалкой жизни...»

— *ПОЛУЧАЙ!* — проревел он и нажал на спусковой крючок.

Но спусковой крючок не сдвинулся с места, потому что Судья забыл про предохранитель. Мгновением позже за окном остался только дождь.

Судья опустил винтовку на колени, чувствуя себя круглым дураком. Сказал себе, что за окном сидела всего лишь обычная ворона, которая скрасила ему скучный вечер. И если бы он разбил стекло и открыл доступ дождю, пришлось бы перебираться в другой номер. Повезло, однако.

Но в ту ночь он спал плохо, несколько раз просыпался, как от толчка, и смотрел на окно, убежденный, что вновь слышал постукивание. И если бы ворона вновь села на подоконник, она бы с него уже не взлетела. Он снял винтовку с предохранителя.

Однако ворона больше не появилась.

Наутро Судья вновь поехал на запад, артрит донимал его не больше, чем прежде, но и не меньше, и в начале двенадцатого он остановился на ленч в маленьком кафе. Доев сандвич и запивая его кофе, Судья увидел большую черную ворону, которая, лениво махая крыльями, уселась на телефонный провод чуть дальше по улице. Судья уставился на нее как зачарованный, крышка термоса с кофе застыла на полпути от стола ко рту. Это была не та ворона, естественно, не та. В мире множество ворон, разъевшихся и наглых. Да, теперь этот мир стал вороньим. Однако Судья чувствовал, что ворона та самая, и ощутил обреченность, смирение с тем, что все кончено.

И есть ему больше не хотелось.

Он поехал дальше. И через несколько дней, в четверть первого, уже в Орегоне, продвигаясь на запад по шоссе 86, проскочил город Копперфилд, даже не глянув на «Центовку», из которой Бобби Терри с отвисшей от изумления челюстью наблюдал, как он проехал мимо. «Гэранд», по-прежнему снятый с предохранителя, лежал на пассажирском сиденье, рядом с коробкой патронов. Судья решил отстреливать каждую ворону, что окажется в непосредственной близости.

На всякий случай.

— Быстрее! Ты не можешь гнать эту хреновину быстрее?!

— Отвали, Бобби Терри! Если ты ловил ворон на посту, это не повод доставать меня.

Дейв Роберте сидел за рулем «виллис-интернэшнл», ранее припаркованного в проулке у «Центовки». Пока Бобби Терри разбудил Дейва, пока тот встал и оделся, старик на «скауте» получил десятиминутную фору. По-прежнему лил сильный дождь, так что видимость оставляла желать лучшего. На коленях Бобби Терри лежал «винчестер». Из-за ремня торчал «кольт» сорок пятого калибра.

Дейв, в ковбойских сапогах, джинсах и блестящем желтом дождевике, искоса глянул на него.

— Если будешь и дальше жать на спусковой крючок, Бобби Терри, проделаешь дыру в двери со своей стороны.

— Ты просто догони его, — ответил Бобби Терри и забормотал: — В живот. Стрелять в живот. Не портить голову, так?

— Перестань разговаривать сам с собой. Люди, которые разговаривают сами с собой, обычно мастурбируют. Вот что я думаю.

— Где он? — спросил Бобби Терри.

— Мы его догоним. Если тебе все это не почудилось. Не хотел бы я оказаться на твоем месте, если это так, брат.

— Не причудилось. Он ехал на «скауте». А если он свернет?

— Свернет куда? — спросил Дейв. — Здесь до самой автострады только дороги к фермам. Он не проедет и пятидесяти футов, не увязнув по бампер, никакой полный привод не поможет. Расслабься, Бобби Терри.

— Я не могу, — промямлил тот. — Постоянно думаю о том, каково это — висеть на телеграфном столбе и сохнуть под ярким солнцем где-то в пустыне.

— Не будешь ты там висеть! Посмотри туда! Мы его догоняем, клянусь Богом!

Впереди на дороге застыли «шеви» и тяжелый «бьюик», столкнувшиеся давным-давно. Они лежали под дождем, перегородив почти всю проезжую часть, напоминая ржавые кости незахороненных мастодонтов. А справа на обочине отпечатались свеженькие следы автомобильных покрышек.

— Это он! — В голосе Дейва слышалась уверенность. — Этим следам нет и пяти минут.

Он свернул с дороги, и их затрясло на обочине. Дейв вырулил на асфальт там же, где и Судья, и они увидели грязные отпечатки покрышек «скаута». Тут же разглядели и сам «скаут», поднявшийся на вершину холма и исчезнувший за ней в каких-то двух милях впереди.

— Привет, привет! — воскликнул Дейв Робертс. — Сейчас мы тебя догоним!

Он вдавил в пол педаль газа и разогнал «виллис» до шестидесяти миль в час. Вода сплошным потоком лилась по ветровому стеклу, дворники с ней не справлялись. С вершины холма они вновь увидели «скаут», расстояние до него заметно сократилось. Дейв включил фары и принялся ими мигать. Через несколько мгновений они увидели вспыхнувшие тормозные огни «скаута».

— Отлично! Держимся дружелюбно, — распорядился Дейв. — Надо, чтобы он вышел из кабины. Не спугни его, Бобби Терри. Если мы все сделаем правильно, получим по «люксу» в отеле «МГМ-Гранд» в Лас-Вегасе. Если напортачим, горько об этом пожалеем. Так что не напортачь. Главное — выманить его из кабины.

— О Господи, ну почему он не мог проехать через Робинетт? — простонал Бобби Терри. И обеими руками вцепился в «винчестер».

Дейв стукнул его по одной.

— Винтовку оставь здесь.

— Но...

— Заткнись! И улыбайся, черт бы тебя побрал!

Бобби Терри начал улыбаться. Словно механический клоун в ярмарочном доме ужасов.

— Толку от тебя никакого, — фыркнул Дейв. — Я сам все сделаю. Оставайся в чертовом автомобиле.

Они приблизились к «скауту», урчащему на холостых оборотах. Два колеса стояли на асфальте, два на мягкой обочине. Улыбаясь, Дейв вылез из кабины. Держа руки в карманах. В левом лежал полицейский револьвер тридцать восьмого калибра.

Судья осторожно вышел из «скаута». Тоже в желтом дождевике. Двигался он медленно, словно человек, несущий хрупкую вазу. Артрит рвал его, как пара голодных тигров. «Гэранд» он держал в левой руке.

— Эй, вы не собираетесь меня застрелить? — с дружелюбной улыбкой спросил мужчина, появившийся из «виллиса».

— Наверное, нет! — громко, чтобы перекрыть шум дождя, ответил Судья. — Вы, должно быть, из Копперфилда?

— Да, оттуда. Я Дейв Робертс. — Он протянул правую руку.

— Моя фамилия Феррис, — ответил Судья и пожал руку, затем посмотрел на пассажирскую дверь «виллиса» и увидел Бобби Терри, который высунулся из окна с пистолетом сорок пятого калибра. Со ствола капала вода. Его лицо, мертвенно-бледное, застыло в маниакальной улыбке. — Ох, черт, — пробормотал Судья и выдернул правую руку из скользкой от дождя руки Робертса в тот самый момент, когда Робертс выстрелил сквозь дождевик. Пуля пронзила тело Судьи чуть пониже желудка, искромсав внутренности, и вышла справа от позвоночника, оставив дыру размером с чайное блюдце. «Гэранд» упал на асфальт, а самого Судью отбросило на открытую водительскую дверь «скаута».

Никто из них не заметил ворону, опустившуюся на телефонный провод с другой стороны дороги.

Дейв Робертс шагнул вперед, чтобы довершить начатое. В этот самый момент Бобби Терри выстрелил с пассажирского сиденья «виллиса». Пуля попала Робертсу в шею, едва не оторвав голову. Кровь потоком хлынула на дождевик и смешалась с водой. Он повернулся к Бобби Терри, его губы двигались в беззвучном изумлении, глаза чуть не вылезли из орбит. Волоча ноги, сделал два шага, потом изумление ушло с его лица. Все ушло. Он упал мертвым. Дождь забарабанил по обтянутой дождевиком спине Робертса.

— *Ох, дерьмо, да что же это?!* — в запредельном ужасе крикнул Бобби Терри.

Судья подумал: *Артрит как рукой сняло. Если бы я остался жив, то потряс бы всех врачей. Артрит лечится пулей в живот. Ох, дорогой Господь, они поджидали меня. Им сказал Флэгг? Должно быть. Господи Иисусе. Помоги тем, кого комитет отправил сюда помимо меня...*

«Гэранд» лежал на асфальте. Судья наклонился к нему, чувствуя, как внутренности пытаются вывалиться из тела. Странное ощущение. Не очень приятное. Он дотянулся до винтовки. Предохранитель? Снят. Судья начал поднимать винтовку. Весила она с тысячу фунтов.

Бобби оторвал ошеломленный взгляд от Дейва, чтобы увидеть, что Судья готовится застрелить его. Судья сидел на дороге. Его дождевик от груди до подола заливала кровь. Ствол «гэранда» лежал на колене.

Бобби выстрелил и промахнулся. Грохнул «гэранд», словно мощный раскат грома, и осколки стекла посекли Бобби Терри лицо. Он закричал, в полной уверенности, что умер. Потом увидел, что половина ветрового стекла разлетелась вдребезги, и понял, что еще пребывает в этом мире.

Судья из последних сил прицеливался, поворачивая «гэранд» на колене. Бобби Терри, теперь уже ничего не соображая, выстрелил трижды. Первая пуля пробила дыру в борту «скаута». Вторая угодила Судье в лоб повыше правого глаза. Сорок пятый — крупный калибр, и с близкого расстояния пули наносят жуткие раны. Верхнюю часть черепа Судьи оторвало, и она отлетела в кабину «скаута». Оставшаяся часть головы откинулась назад, и третья пуля, угодившая Судье под нижнюю губу, вышибла зубы, полетевшие в горло, и Судья втянул их в себя последним вдохом. Нижняя челюсть превратилась в кровавую пульпу. Палец Судьи судорожно нажал на спусковой крючок, и пуля улетела в серое, дождливое небо.

Наступила тишина.

Дождь барабанил по крышам «скаута» и «виллиса». Наконец ворона, хрипло закаркав, снялась с телефонного провода. Карканье вывело Бобби Терри из ступора. Он медленно сел на пассажирское сиденье «виллиса», все еще сжимая в руке дымящийся пистолет сорок пятого калибра.

— Я это сделал, — доверительно сообщил он дождю. — Всыпал ему по заду. Тебе в это лучше поверить. Застрелил. Без вопросов. Старина Бобби Терри просто убил его. Теперь он мертвый.

И тут, с нарастающим ужасом, Бобби Терри осознал, что всыпал Судье вовсе не по заду.

Судья умер, привалившись спиной к «скауту». Бобби Терри схватился за его дождевик и дернул на себя, уставившись на то, что осталось от лица Судьи. А если честно, не осталось ничего, кроме носа. Да и состояние носа, по правде говоря, оставляло желать лучшего.

Это мог быть кто угодно.

Сквозь застилающую разум пелену ужаса до Бобби Терри вновь донеслись слова Флэгга: *Я хочу отправить его назад целехоньким.*

Святый Боже, это мог быть *кто угодно*. И выглядело все так, будто он намеренно выполнил приказ Странника с точностью до наоборот. Два попадания в лицо. Не осталось даже зубов.

Дождь, барабанящий, барабанящий.

Здесь для него все кончено. Это точно. Он не решился бы отправиться на восток, но и не смел остаться на западе. Потому что его ждало распятие на телеграфном столбе... а может, кое-что похуже.

Могло ли быть что-то хуже?

Поскольку всем рулил этот лыбящийся выродок, Бобби Терри не сомневался, что могло. И что ему оставалось?.

Вцепившись руками в волосы, все еще глядя на изуродованное лицо Судьи, Бобби Терри пытался думать.

Юг. Вот ответ. Юг. На границе никого. Юг Мексики, а если это недостаточно далеко, Гватемала, Панама, может, даже гребаная Бразилия. Хватит с него этой передряги. Никакого востока, никакого запада, один только Бобби Терри, в безопасности и как можно дальше от Странника, насколько смогут унести е...

Новый звук появился в дождливом дне.

Бобби Терри вскинул голову.

Дождь продолжал барабанить по двум автомобилям, лениво урчали на холостых оборотах два двигателя, и...

Странный стук, словно сбитые каблуки ударяли по твердому покрытию шоссе.

— Нет, — прошептал Бобби Терри.

Начал поворачиваться.

Постукивание ускорилось. Быстрая ходьба, полубег, бег трусцой, просто бег, спринт, и когда Бобби Терри обернулся, Флэгг летел на него, как страшный монстр из самого жуткого фильма ужасов. Щеки темного человека горели веселым румянцем, глаза радостно поблескивали добродушием, и широченная голодная улыбка растягивала рот, открывая огромные, будто надгробные камни, зубы, акульи зубы, и он вытянул руки перед собой, и блестящие черные вороньи перья колыхались в его волосах.

Нет, хотел сказать Бобби Терри, но не смог издать ни звука.

— *ЭЙ, БОББИ ТЕРРИ, ТЫ НАПОРТАЧИЛ!* — проревел темный человек и набросился на несчастного Бобби Терри.

Тут-то и выяснилось, что распятие — не самое страшное.

Куда страшнее зубы...

Глава 62

Обнаженная Дейна Джергенс лежала на огромной двуспальной кровати, прислушиваясь к ровному шуму воды, доносящемуся из душевой, и смотрела на свое отражение в большом круглом потолочном зеркале, формой и размером в точности соответствовавшем кровати. Думала о том, что женское тело всегда смотрится лучше всего, когда лежит на спине, вытянувшись, с втянутым животом, а груди естественным образом торчат вверх, не обвисая под действием силы тяжести. Часы показывали половину десятого утра, восьмого сентября. Судья уже восемнадцать часов как умер. Бобби Терри отошел в мир иной значительно позже, к несчастью для него.

Вода в душевой лилась и лилась.

У этого человека мания чистоты, думала Дейна. *Даже интересно, что с ним такого случилось, если из-за этого происшествия теперь он проводит в душе по полчаса?*

Мыслями она вернулась к Судье. Кто мог такое предположить? Идея действительно выглядела блестящей. Кто бы заподозрил старика? Что ж, Флэгг, судя по всему, заподозрил. Каким-то образом узнал, когда ждать Судью и — приблизительно — где.

Вдоль границы между Орегоном и Айдахо выставили цепочку блокпостов с приказом убить его.

Но задание, похоже, выполнили плохо. Здесь, в Лас-Вегасе, люди, приближенные к Флэггу, со вчерашнего ужина ходили с бледными лицами и не поднимая глаз. Уитни Хоргэн по прозвищу Белый, чертовски хороший повар, на этот раз приготовил какую-то собачью еду, да еще и сжег ее, так что о вкусе речь не шла. Судью убили, но что-то сделали не так.

Дейна встала, шагнула к окну с видом на пустыню. Увидела два больших автобуса департамента образования Лас-Вегаса, которые катили на запад по автостраде 95 под жарким солнцем. Она знала, что едут они на авиационную базу в Индиан-Спрингсе, где ежедневно проводились занятия по управлению реактивным штурмовиком. Среди собравшихся на западе более десятка человек в свое время водили самолеты, но, к счастью для Свободной зоны, никто из них раньше не летал на реактивных штурмовиках Национальной гвардии, базировавшихся в Индиан-Спрингсе.

Но они этому учились. Да-да, учились.

В связи со смертью Судьи больше всего на текущий момент ее занимало следующее: как они узнали то, чего им знать не полагалось? Заслали в Свободную зону своего шпиона? Вполне возможно, думала она, шпионаж — игра, в которую могут играть двое. Но Сью Штерн сказала ей, что о решении отправить шпионов на запад знали только члены комитета, а Дейна сомневалась, что кто-то из них мог работать на Флэгга. Матушка Абагейл узнала бы, что один из членов комитета — предатель. В это Дейна свято верила.

И тогда оставался крайне неприятный вариант: Флэгг просто это *знал*.

Дейна находилась в Лас-Вегасе уже восьмой день, и пока ее принимали за полноправного члена общества. Она уже накопила достаточно информации, чтобы до смерти испугать всех, кто жил в Боулдере. Для этого хватило бы новостей о подготовке летчиков для реактивных штурмовиков. Но лично ее больше всего пугала реакция людей на упоминание Флэгга: от тебя просто отворачивались. Или делали вид, что не расслышали. Некоторые скрещивали пальцы, или преклоняли колени, или делали жест, оберегающий от дурного глаза, складывая за спиной ла-

донь лодочкой. Флэгг и отсутствовал, и при этом незримо присутствовал.

Но это днем. Зато вечером, если тихонько сидеть в баре в «Гранде» или в «Силвер-слиппер-рум» в «Кэшбоксе», можно услышать истории о *нем*, которым со временем предстоит превратиться в мифы. Они говорили медленно, отрывочно, не глядя друг на друга, посасывая пиво. Спиртное большей крепости могло привести к утрате контроля над языком, а это грозило опасностью. Дейна понимала, что не все сказанное — правда, но уже не представлялось возможным отделить золотистую вышивку от самой материи. Она услышала, что он трансформер, оборотень, что он положил начало эпидемии, что он Антихрист, приход которого предсказан в Откровении. Она услышала о распятии Гектора Дроугэна, о том, как *он* узнал, что Гек балуется кокаином... вероятно, точно так же, как узнал о приезде Судьи.

И в этих ночных разговорах его никогда не называли Флэггом; похоже, боялись, что одного упоминания этой фамилии хватит, чтобы он появился перед ними, как джинн из бутылки. Его называли темным человеком, высоким человеком, Странником. А Рэтти Эрвинс назвал его Крадущимся Иудой.

Если он знал про Судью, выходит, знает и про нее?

Шум воды стих.

Не теряй головы, сладенькая. Он поощряет эти слухи. Они придают ему вес. Возможно, у него есть шпион в Свободной зоне, не обязательно член комитета. Просто человек, который сообщил Флэггу, что Судья Феррис — не перебежчик.

— Не следует тебе ходить без одежды, крошка. У меня опять встанет.

Дейна повернулась к нему, широко и приглашающе улыбаясь, думая о том, с какой радостью отвела бы его вниз, на кухню, и засунула бы штуковину, которой он так гордится, в электрическую мясорубку Уитни Хоргэна.

— И почему, ты думаешь, я хожу голая?

Он посмотрел на часы.

— Что ж, у нас сорок минут. — Его пенис уже начал подергиваться... «Как "волшебная лоза"», — кисло подумала Дейна.

— Ладно, тогда давай.

Ллойд подошел к ней, а она указала на его грудь:

— Только это сними, не то у меня мурашки бегут по коже.

Ллойд Хенрид посмотрел на амулет, черную слезу с красной трещиной, и снял его. Положил на прикроватный столик, и тонкая цепочка легонько звякнула.

— Так лучше?

— Гораздо.

Она протянула к нему руки. Через секунду он уже лежал на ней. Еще через секунду — ритмично ее долбил.

— Нравится? — выдохнул он. — Тебе нравится, как он ходит в тебе, сладенькая?

— Господи, до чего хорошо!.. — простонала она, думая о мясорубке, белой эмали, поблескивающей нержавейке.

— Что?

— Я сказала, до чего *хорошо*! — выкрикнула Дейна.

Вскоре после этого она имитировала оргазм, неистово завиляла бедрами, закричала. Через несколько секунд кончил и Ллойд (она делила с ним постель уже четыре дня, поэтому всегда знала, когда он кончит), а Дейна, чувствуя, как его сперма начинает течь по бедру, случайно глянула на прикроватный столик.

Черный камень.

Красная щель.

Казалось, она смотрела на нее.

И у Дейны внезапно возникло ужасное чувство, что щель действительно смотрит, что это — *его* глаз, с которого снята контактная линза человечности, и он смотрит на нее, как око Саурона смотрело на Фродо из черной твердыни Барад-Дур, в Мордоре, где бесконечная тьма.

Он видит меня, в беспомощном ужасе думала Дейна, в те короткие мгновения совершенно беззащитная. *Больше того: он видит меня НАСКВОЗЬ.*

Потом, как она и надеялась, Ллойд заговорил. Это тоже входило в ритуал: оргазм развязывал ему язык. Он обнимал Дейну за голые плечи, закуривал, глядя на их отражения в потолочном зеркале, и начинал рассказывать ей, что происходит.

— Как хорошо, что я не Бобби Терри. Нет, сэр, только не это. Большой парень хотел получить голову старого пердуна без единого синяка. Хотел послать ее тем, кто сейчас по другую сторону Скалистых гор. И посмотри, что случилось. Этот козел всадил в лицо старика две пули сорок пятого калибра. С близкого рассто-

яния. Я думаю, он заслужил то, что получил, но я рад, что при этом не присутствовал.

— А что с ним случилось?

— Радость моя, не спрашивай.

— Как он узнал? Большой парень?

— Он там был.

Ей вдруг стало холодно.

— Оказался в том самом месте?

— Да. Он постоянно оказывается там, где что-то происходит. Господи Иисусе, когда я думаю, что он сделал с Эриком Стрелертоном, острым на язык адвокатом, с которым я и Мусорник поехали в Лос-Анджелес...

— И что он сделал?

Ей показалось, что он не ответит. Обычно она могла легонько подтолкнуть его в нужном направлении серией ненавязчивых, уважительных вопросов, позволяя ему почувствовать себя — выражаясь словами ее незабвенной младшей сестренки — Говнокоролем Жабьей горы. Но на этот раз ощущение, что она зашла слишком далеко, не оставляло Дейну, пока Ллойд не заговорил странным, сдавленным голосом:

— Он просто *посмотрел* на него. Эрик разливался соловьем насчет того, какой он видит жизнь в Вегасе... мы должны сделать то, мы должны сделать это. Бедный старина Мусорник — ты знаешь, он не в себе — таращился на него, словно на актера с экрана телевизора или что-то в этом роде. Эрик расхаживал взад-вперед, будто обращался к присяжным, уже не сомневаясь, что окончательно убедил их и все будет, как ему того хочется. И *он* сказал очень мягко: «Эрик». Именно так. И Эрик повернулся к нему. Я ничего не видел. Но Эрик просто долго смотрел на него. Может, минут пять. Его глаза становились все больше и больше... потом он начал пускать слюни... потом смеяться... и *он* смеялся вместе с Эриком. Меня это испугало. Когда Флэгг смеется, это страшно. Но Эрик продолжал смеяться, а *он* сказал: «На обратном пути высадите его в Мохаве». Так мы и поступили. И насколько мне известно, Эрик, возможно, до сих пор бродит по пустыне. *Он* смотрел на Эрика пять минут и свел его с ума.

Ллойд глубоко затянулся и затушил сигарету. Потом обнял Дейну.

— Почему мы говорим о таком дерьме?

— Не знаю... как дела в Индиан-Спрингсе?

Ллойд просиял. Тот проект он курировал лично.

— Хорошо. Действительно хорошо. У нас будет трое парней, способных поднять эти «скайхоки»* в воздух, к первому октября, может, и раньше. У Хэнка Росона прогресс фантастический. И Мусорный Бак, он же гребаный гений. В чем-то он, может, и не сечет, но если дело касается оружия, равных ему нет.

Дейна дважды встречала Мусорного Бака. Оба раза по ее спине пробегал холодок, когда взгляд этих странных, мутных глаз задерживался на ней. Не вызывало сомнений, что другие — Ллойд, Хэнк Росон, Ронни Сайкс, Крысолов — считали Мусорника талисманом, приносящим удачу. Одна его рука жутко обгорела и теперь представляла собой сплошной шрам. И она помнила нечто особенное, случившееся двумя днями ранее. Хэнк Росон что-то рассказывал. Сунул в рот сигарету, зажег спичку, закончил фразу и только после этого прикурил. Дейна увидела, что огонек буквально приковал к себе взгляд Мусорного Бака, он, похоже, даже перестал дышать. Целиком и полностью сосредоточился на крохотном язычке пламени. Смотрел на него, как изголодавшийся человек смотрит на обед из девяти блюд. Потом Хэнк затушил спичку и бросил короткий огарок в пепельницу. На том все и закончилось.

— Он разбирается в оружии? — спросила она Ллойда.

— Не то слово. К крыльям «скайхоков» подвешиваются ракеты «воздух-земля» типа «Шрайк». Всему этому дерьму давали такие странные названия, верно**? Никто представить себе не мог, как эти хреновины крепятся к самолету. Господи, нам понадобился целый день, чтобы понять, как достать их из хранилища. Вот Хэнк и говорит: «Лучше привезем сюда Мусорище, когда он вернется, и поглядим, сможет ли он сообразить, что к чему».

— Когда он вернется?

— Да, он такой странный чувак. Сейчас пробыл в Вегасе почти неделю, но скоро снова уедет.

— И куда?

— В пустыню. Он берет «лендровер» и просто уезжает. Странный он, говорю тебе. Они с большим парнем друг друга стоят. К

---

* «Скайхок» — легкий штурмовик, разработанный в первой половине 1950-х гг.

** Skyhawk — небесный ястреб, shrike — сорокопут (*англ.*).

западу от Лас-Вегаса нет ничего, кроме пустыни. Уж я-то знаю. Отбывал срок на западе, в адской дыре, именуемой Браунсвилл. Я не знаю, как он выживает там, но выживает. Он ищет новые игрушки и всегда привозит несколько штук. Через неделю после того, как мы с ним вернулись из Лос-Анджелеса, он привез армейские пулеметы с лазерными прицелами. Хэнк прозвал их пулеметами-без-промаха. В последний раз притащил противопехотные мины, контактные мины, осколочные мины и канистру «Паратиона»*. Сказал, что нашел целое море «Паратиона». А также склад дефолиантов, которых хватит, чтобы не оставить во всем Колорадо ни одного листочка.

— И где он все это находит?

— Везде, — просто ответил Ллойд. — По запаху, наверное. Это так странно. Большая часть западной Невады и восточной Калифорнии принадлежала правительству. Здесь они испытывали свои игрушки, вплоть до атомных бомб. Как-нибудь он наверняка притащит сюда одну.

Он рассмеялся. У Дейны внутри все заледенело.

— «Супергрипп» тоже начался где-то здесь. Я готов поспорить на что угодно. Возможно, Мусорник сможет найти это место. Говорю тебе, он все это чует. Большой парень говорит, что ему не надо мешать, он сам все сделает, и так и происходит. Знаешь, какая у него теперь самая любимая игрушка?

— Нет, — ответила Дейна, сомневаясь, что хочет знать... но разве не за этим она сюда пришла?

— Огнеходки.

— А что такое огнеходки?

— Самоходные огнеметные установки на гусеничном ходу. В Индиан-Спрингсе их пять, стоят рядком, как гоночные автомобили «Формулы-1». — Ллойд рассмеялся. — Их использовали во Вьетнаме. Пехотинцы называли их «Зиппо». Они под завязку залиты напалпом. Мусорник их обожает.

— Круто, — пробормотала Дейна.

— Короче, когда Мусорник вернулся, мы привезли его в Спрингс. Он побродил вокруг этих «шрайков», что-то бубня себе под нос, и за шесть часов привел их в боеготовность и подвесил под крылья. Можешь ты в это поверить? Чтобы проделывать та-

* «Паратион» — средство для уничтожения вредных насекомых.

кое, технический состав военно-воздушных сил учили девяносто лет. Но куда их техникам до Мусорника! Он гребаный гений.

Ты хочешь сказать, гениальный псих. Готова спорить, я знаю, откуда взялись эти ожоги.

Ллойд взглянул на часы и сел.

— К слову об Индиан-Спрингсе, мне надо ехать туда. Хочешь составить компанию?

— Не сегодня.

Она быстро оделась, как только в душевой вновь полилась вода. Пока Дейне удавалось одеваться и раздеваться, когда его не было в комнате, что ей, собственно, и требовалось.

Она закрепила скобу и вставила нож с выкидным лезвием в подпружиненный зажим. Легкий изгиб запястья — и десять дюймов стали оказывались у нее в руке.

Что ж, думала она, надевая блузку, у девушки должны быть свои секреты.

Во второй половине дня она работала в команде, обслуживавшей уличные фонари. Работа состояла в том, чтобы проверять лампочки простеньким прибором и заменять перегоревшие или разбитые вандалами во время эпидемии «супергриппа». Работали они вчетвером, и автоподъемник с люлькой перевозил их от столба к столбу, с улицы на улицу.

Ближе к вечеру того же дня Дейна, стоя в люльке, снимала плексигласовый колпак с одного из фонарей и думала о том, как ей нравятся люди, с которыми она работает, особенно Дженни Энгстрем, сильная и красивая, бывшая танцовщица ночного клуба, сейчас управлявшая люлькой. Именно такой Дейна всегда представляла себе лучшую подругу и не могла понять, каким образом Дженни оказалась здесь, на стороне темного человека. Ее это настолько ставило в тупик, что она не решалась спросить у Дженни, как так вышло.

И другие люди ей нравились. Она думала, что глупцов в Вегасе, пожалуй, побольше, чем в Зоне, но ни у кого изо рта не торчали клыки и никто не превращался при восходе луны в летучих мышей. Опять же здесь людей отличало куда большее трудолюбие, чем в Боулдере. В Свободной зоне хватало таких, кто целые дни проводил в парках, а для многих полуденный перерыв на ленч растягивался до двух часов дня. В Лас-Вегасе ничего подобного не

было и в помине. С восьми утра и до пяти дня все работали, кто в Индиан-Спрингсе, кто в городе. Даже начались занятия в школе. В Вегасе оказалось порядка двадцати детей, от четырех (Дэниел Маккарти, всеобщий любимец, которого все звали Динни) до пятнадцати лет. Среди взрослых нашлось два человека с учительскими сертификатами, и занятия проводились пять дней в неделю. Ллойд, который бросил школу, оставшись на третий год в младшем классе, очень гордился тем, что дети имели возможность получить образование. Аптеки с распахнутыми дверями никто не охранял. Люди постоянно заходили и выходили... но не брали ничего более сильнодействующего, чем аспирин или джелусил. На западе проблемы наркотиков не существовало. Все, кто видел, что случилось с Гектором Дроугэном, знали, какое наказание полагается за эту вредную привычку. И ричей моффэтов здесь Дейна тоже не встречала. Все держались дружелюбно, окон никто не бил. Люди понимали, что пить что-то более крепкое, чем пиво, себе дороже.

Германия в тридцать восьмом году, думала Дейна. *Нацисты? Ох, очаровательные люди. Такие спортивные. Не ходят в ночные клубы, ночные клубы для туристов. А чем они занимаются? Собирают часы.*

«А права ли я?» — спрашивала себя Дейна, вспоминая Дженни Энгстрем. Она не знала... но предполагала, что очень даже может быть.

Она проверила лампочку на фонарном столбе. Перегорела. Дейна сняла ее, зажала между ног, достала последнюю новую. Хорошо. Все равно конец рабочего дня. Часы показывали...

Она посмотрела вниз и замерла.

От автобусной остановки шли люди, вернувшиеся в город из Индиан-Спрингса. Все они мимоходом посмотрели вверх, как обычно группа людей смотрит на человека, находящегося высоко над землей. Синдром бесплатного цирка.

Одно лицо бросилось ей в глаза.

Широкое, улыбающееся, удивительное лицо.

Дорогой и любимый Иисус на небесах, неужто это Том Каллен?

Капелька жгуче-соленого пота упала Дейне в глаз, все тут же начало двоиться. Когда она вытерла пот, лицо исчезло. Люди с автобусной остановки прошли дальше, размахивая корзинками для

ленча, разговаривая, смеясь. Дейна увидела одного, который мог быть Томом, но со спины точно сказать не могла...

Том? Они послали Тома?!

Конечно же, нет. Это настолько безумная идея, что...

Кажется почти здравой.

Но она все равно не могла в это поверить.

— Эй, Джергенс! — сердито крикнула снизу Дженни. — Ты там заснула или просто ублажаешь себя?

Дейна перегнулась через ограждающий поручень люльки, посмотрела на запрокинутое лицо Дженни. Показала ей средний палец. Дженни рассмеялась. Дейна занялась установкой новой лампы, а к тому времени, когда сделала все, как положено, рабочий день практически закончился. По пути в гараж она молчала, уйдя в себя. Настолько глубоко, что Дженни полюбопытствовала, что с ней.

— Наверное, мне просто нечего сказать, — с полуулыбкой ответила Дейна.

Это не мог быть Том.

Или мог?

— Просыпайся! Просыпайся, черт тебя побери! Просыпайся, сука!

Она уже выбиралась из вязкого сна, когда пинок в поясницу сбросил ее с большой круглой кровати на пол. Тут она разом проснулась, моргая и в полном замешательстве.

Ллойд стоял над ней, в его глазах читалась холодная злоба. Уитни Хоргэн. Кен Демотт. Одинокий Туз. Дженни. Обычно открытое лицо Дженни стало отстраненным, начисто лишенным эмоций.

— Джен?..

Ответа не последовало. Дейна поднялась на колени, смутно осознавая, что она голая, отдавая себе отчет, что ее здесь, мягко говоря, больше не любят. Ллойд выражением лица больше всего напоминал мужчину, которого предали.

Мне это снится?

— Быстро одевайся, лживая, шпионящая *сука*!

Ладно, значит, не сон. Она почувствовала, как живот скрутило от ужаса, хотя, само собой, этого следовало ожидать. Они знали насчет Судьи, а теперь узнали о ней. *Он* сказал им. Она взгля-

нула на часы, которые стояли на прикроватном столике. Без четверти четыре утра. «Час тайной полиции», — подумала Дейна.

— Где он? — спросила она.

— Здесь, — мрачно ответил Ллойд. Его побледневшее лицо блестело от пота. Амулет висел в раскрытом вырезе рубашки. — Ты скоро пожалеешь о том, что он здесь.

— Ллойд!

— Что?

— Я заразила тебя венерической болезнью. Надеюсь, твоя штучка сгниет.

Он пнул ее пониже ключицы, свалив на спину.

— Я надеюсь, что сгниет, Ллойд.

— Заткнись и одевайся!

— Выметайтесь отсюда. Я не собираюсь одеваться при мужчинах.

Ллойд пнул ее еще раз, в правый бицепс. Руку пронзила дикая боль, рот Дейны изогнулся дугой, но она не закричала.

— Попал в передрягу, Ллойд? Спал с Матой Хари? — Она улыбнулась ему, хотя в глазах стояли слезы боли.

— Пошли, Ллойд. — Увидев по выражению лица Ллойда, что тот сейчас прыгнет на Дейну, Уитни Хоргэн выступил вперед и положил руку на его плечо. — Мы подождем в гостиной. Дженни присмотрит за ней, пока она будет одеваться.

— А если она решит выброситься из окна?

— Не получится. — Широкое лицо Дженни оставалось бесстрастным, и Дейна впервые обратила внимание, что на бедре у нее пистолет.

— Она и не сможет, — добавил Одинокий Туз. — Окна на верхних этажах предназначены только для того, чтобы через них смотреть, или вы не знаете? Иногда у проигравшихся возникало желание отправиться в последний полет, а это подмачивало репутацию казино. Так что они не открываются. — Его взгляд упал на Дейну, и в нем читался намек на сочувствие. — А ты, крошка, проигралась по полной.

— Пошли, Ллойд, — повторил Уитни. — Или ты сделаешь что-то такое, о чем потом крепко пожалеешь, скажем, ударишь ее в голову. Лучше тебе отсюда уйти.

— Хорошо. — Они вместе двинулись к двери, Ллойд обернулся. — Он задаст тебе жару, сука!

— Ты самый паршивый любовник из всех мужиков, которых я знала, — сладким голосом поведала ему Дейна.

Он рванулся к ней, но Уитни и Кен Демотт удержали его и вытолкали за порог. Двухстворчатая дверь захлопнулась с тихим щелчком.

— Одевайся, Дейна, — приказала Дженни.

Дейна поднялась, все еще потирая пурпурный синяк на руке.

— Здесь все такие? — спросила она. — И ты с ними заодно? С такими, как Ллойд Хенрид?

— Ты с ним спала, не я. — Впервые на лице Дженни отразились эмоции: сердитый упрек. — Ты думаешь, это хорошо — прийти сюда и шпионить за людьми? Ты заслуживаешь всего, что тебе достанется. И, сестричка, достанется тебе по полной программе.

— Я спала с ним не просто так. — Дейна надела трусы. — И шпионила не ради себя.

— Почему бы тебе не заткнуться?

Дейна повернулась и посмотрела на Дженни:

— А чем, по-твоему, они тут занимаются, подруга? Зачем учатся летать на этих самолетах в Индиан-Спрингсе? Эти ракеты «шрайк», ты думаешь, они нужны для того, чтобы Флэгг выиграл своей девушке куколку на сельской ярмарке?

Дженни плотно сжала губы.

— Это не мое дело.

— А если они используют эти самолеты следующей весной, чтобы, перелетев через Скалистые горы, уничтожить всех, кто живет на другой стороне?

— Я на это надеюсь. Или мы, или вы, так *он* говорит. И я ему верю.

— Они верили и Гитлеру. Но вы ему не верите: вы просто до смерти им запуганы.

— Одевайся, Дейна.

Дейна надела слаксы, застегнула пуговицу. Потом молнию. Потом вскинула руку ко рту.

— Я... думаю, меня сейчас вырвет... Господи!.. — Схватив блузку с длинным рукавом, она повернулась, промчалась в туалет и заперла дверь. Принялась издавать рвотные звуки.

— Открой дверь, Дейна! Открой дверь, а не то я выбью замок!

— Мне плохо... — Издав очередной рвотный звук, Дейна поднялась на цыпочки, ощупала верх аптечного шкафчика, где, сла-

ва Богу, оставила нож, зажим и скобу, молясь о необходимых ей двадцати секундах...

Схватила скобу. Закрепила на руке. Теперь в спальне слышались и другие голоса.

Левой рукой Дейна включила воду в раковине.

— Минутку. Меня рвет, черт бы вас побрал!

Но они не собирались ждать. Кто-то пнул дверь ванной, и она затрещала. Дейна вставила нож в подпружиненный зажим. Теперь он лежал вдоль предплечья, как смертоносная стрела. Со скоростью молнии надела блузку и застегнула рукава. Набрала в рот воды, выплюнула. Спустила воду в туалете. Еще пинок в дверь. Дейна повернула ручку, и они ворвались в ванную. У Ллойда глаза едва не вылезали из орбит. Дженни стояла позади Кена Демотта и Одинокого Туза с пистолетом в руке.

— Меня вырвало, — холодно объяснила Дейна. — Жалеете, что не удалось посмотреть?

Ллойд схватил ее за плечо и вышвырнул в спальню.

— Мне следовало сломать тебе шею, паршивая манда!

— Помните голос своего хозяина. — Она застегнула блузку, оглядывая их сверкающими глазами. — Он же для вас царь и Бог, верно? Один поцелуй в его зад, и вы принадлежите ему.

— Тебе бы лучше замолчать, — пробурчал Уитни. — Ты только усложняешь себе жизнь.

Дейна посмотрела на Дженни, не в силах понять, как эта вульгарная девчонка с открытой улыбкой превратилась в безжалостную, лишенную эмоций тварь.

— Разве вы не видите, что он готов пойти на второй круг? — в отчаянии спросила она. — Убийства, стрельба... эпидемия?

— Он самый крутой и сильный, — с необъяснимой мягкостью ответил Уитни. — Он собирается смести вас с лица земли.

— Довольно разговоров! — бросил Ллойд. — Пошли!

Они шагнули к ней, чтобы взять ее, но она отступила, скрестив руки на груди, и покачала головой:

— Я пойду сама.

Казино пустовало, если не считать нескольких мужчин, которые с винтовками в руках стояли и сидели у дверей. Все они, казалось, нашли что-то очень интересное на стенах, потолке или

пустых игральных столах, когда двери лифта открылись и появилась компания Ллойда, взявшая Дейну в плотное кольцо.

Ее подвели к двери, которая находилась за длинным рядом кассовых окошечек. Ллойд открыл дверь маленьким ключом и переступил порог. Дейна последовала за ним в помещение, которое напоминало банк: машинки для счета купюр, корзины с бумажной лентой, банки с резинками и скрепками. Дверцы денежных ящиков закрыть никто не удосужился. Из некоторых деньги вывалились на пол. Преимущественно купюры по пятьдесят и сто долларов.

Уитни открыл другую дверь в дальней стене банковского зала, и Дейну по устланному ковром коридору провели в пустую приемную. Обставленную со вкусом. С белым столом для ослепительно красивой секретарши, которая умерла несколько месяцев назад, кашляя и отхаркивая комья зеленой мокроты. Картина на стене казалась репродукцией Пауля Клее. Пол устилал мягкий светло-коричневый ворсистый ковер. Чувствовалось, что это приемная кабинета человека, наделенного властью.

Страх плескался в лагунах ее тела, как холодная вода, сковывая ее, мешая свободе движений. Ллойд наклонился над столом и щелкнул тумблером-переключателем. Дейна заметила, что он весь в поту.

— Мы ее привели, Эр-Эф.

Дейна почувствовала, как внутри забурлил истерический смех, и не смогла его сдержать... да и не очень пыталась.

— Эр-Эф! Эр-Эф! Ох, это круто! К съемке готов, Си-Би*! — Она расхохоталась, и внезапно Дженни отвесила ей оплеуху.

— Заткнись! — прошипела она. — Ты не знаешь, что тебя ждет.

— Я-то знаю. — Дейна смотрела ей в глаза. — А ты и остальные... Вы вообще не в курсе.

Из аппарата внутренней связи донесся голос, теплый, довольный, веселый:

— Очень хорошо, Ллойд, благодарю. Пошли ее ко мне, пожалуйста.

— Одну?

---

* «К съемке готов, Си-Би» — фраза оператора, обращенная к известному американскому режиссеру Сесилу Блаунту Демиллю (1881—1959).

— Естественно. — Добродушный смешок, и аппарат внутренней связи отключился. Дейна почувствовала, как во рту у нее пересохло.

Ллойд повернулся к ней. Большие капли пота подрагивали у него на лбу и скатывались по щекам, как слезы.

— Ты его слышала. Иди.

Она сложила руки на груди, прижимая нож к телу.

— А если я откажусь?

— Я тебя затащу.

— Посмотри на себя, Ллойд. Ты так напуган, что не затащишь и щенка. — Она оглядела остальных. — Вы все напуганы. Дженни, ты же сейчас наложишь в штаны. Это вредно для цвета лица, дорогая. Да и штанам не пойдет на пользу.

— Заткнись, мерзкая шпионка, — прошептала Дженни.

— Я никогда так не боялась в Свободной зоне, — продолжила Дейна. — Там я чувствовала себя уютно. И сюда пришла только потому, что хотела, чтобы все оставалось по-прежнему. Это политика — ничего больше. Вам пора задуматься об этом. Может, он продает страх, потому что больше ему нечего предложить.

— Мэм, — в голосе Уитни слышались извиняющиеся нотки, — я бы с удовольствием дослушал твою проповедь до конца, но тебя ждут. Я сожалею, но сейчас ты или скажешь «аминь» и войдешь в эту дверь, или я тебя туда затащу. Ты сможешь ему все рассказать, как только попадешь туда... если у тебя найдется достаточно слюны, чтобы говорить. А до тех пор мы несем за тебя ответственность. — И странное дело, голос его звучал искренне. К сожалению, страх тоже был неподдельным.

— Обойдемся без этого.

Дейна заставила ноги сдвинуться с места, но уже второй шаг дался ей легче, чем первый. Она шла навстречу своей смерти, сомнений в этом не было. Раз так, будь что будет. Нож при ней. Первый удар — ему, если удастся, второй — себе, если возникнет необходимость.

Она подумала: *Меня зовут Дейна Роберта Джергенс, и я боюсь, но я боялась и раньше. Он может забрать у меня лишь то, с чем мне и так придется рано или поздно расстаться, — мою жизнь. Я не позволю ему сломать меня. Я не позволю ему раздавить меня. Я хочу*

умереть с гордо поднятой головой — и собираюсь добиться чего хочу.

Она повернула ручку и вошла в кабинет... оказавшись один на один с Рэндаллом Флэггом.

Просторная комната оказалась практически пуста. Стол был отодвинут к дальней стене, за ним стоял вращающийся стул. Картины прятались в чехлах, свет не горел.

Портьеры были раздвинуты, открывая панорамное окно с видом на пустыню. Дейна подумала, что никогда раньше не видела ничего более бесплодного и отталкивающего. В небе висела луна, напоминающая маленькую, до блеска отполированную серебряную монетку. Почти полная.

У окна, на фоне пустыни, темнел человеческий силуэт.

Он еще долго продолжал смотреть на пустыню и после того, как Дейна вошла, потом все-таки повернулся. Сколько времени занимает такой поворот? Две, максимум три секунды. Но Дейне показалось, что темный человек поворачивался целую вечность, мало-помалу открывая все большую часть себя, будто та самая луна, на которую он смотрел. Дейна вновь ощутила себя маленькой девочкой, окаменевшей от любопытства, сопровождавшего любой страх. В эти мгновения она влипла в паутину его привлекательности, его обаяния и уже не сомневалась, что когда поворот закончится, через многие и многие столетия, увидит образ из своих снов: средневекового монаха в рясе с капюшоном, а под капюшоном — полнейшую черноту. Человека без лица. Она увидит эту черноту и сойдет с ума.

А потом он уже смотрел на нее, шел к ней, тепло улыбаясь, и первой мелькнула шокирующая мысль: *Это ж надо, он мой ровесник!*

Спутанные темные волосы Рэнди Флэгга обрамляли симпатичное, пышущее здоровьем лицо, свидетельствовавшее о том, что он много времени проводит на открытом воздухе. Лицо подвижное, выразительное, а глаза сверкали весельем, словно глаза ребенка, приготовившего маленький, но удивительный тайный сюрприз.

— Дейна! — воскликнул он. — Привет!

— П-п-привет, — вот и все, что ей удалось выдавить из себя. Она думала, что готова ко всему, а вот к такому приему не подго-

товилась. В голове у нее все смешалось. Он раскинул руки, как бы извиняясь, одетый в вылинявшую узорчатую рубашку с обтрепанным воротником, подвернутые джинсы и очень старые ковбойские сапоги со стоптанными каблуками.

— А кого ты ожидала увидеть? Вампира? — Улыбка стала шире, практически требуя ответной. — Оборотня? *Что* они наговорили про меня?

— Они боятся, — ответила она. — Ллойд... потеет как свинья. — Он по-прежнему улыбался, и ей пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не улыбнуться в ответ. Ее пинком сбросили с кровати по его приказу. Привели сюда для... чего? Чтобы сознаться? Рассказать все, что она знала о Свободной зоне? Дейна не могла поверить, что он еще чего-то не знал.

— Ллойд? — Флэгг печально рассмеялся. — Ллойду пришлось многое пережить в Финиксе, во время эпидемии. Он не любит об этом говорить. Я спас его от смерти и... — кажется, улыбка стала еще более обезоруживающей, — ...и от того, что, пожалуй, похуже смерти. Он связывает меня с тем испытанием, выпавшим на его долю, хотя к тому, что с ним произошло, я не имел никакого отношения. Ты мне веришь?

Дейна медленно кивнула. Она ему поверила и задалась вопросом: а не вызваны ли частые визиты Ллойда в душевую пережитым в Финиксе? Даже почувствовала по отношению к Ллойду то, что никак не ожидала ощутить: жалость.

— Ладно. Присаживайся, дорогая.

Она в недоумении огляделась.

— На пол. Пол очень даже подойдет. Нам надо поговорить, и поговорить правдиво. Лжецы сидят на стульях, поэтому мы без них обойдемся. Посидим, беседуя, как друзья напротив друг друга у костра. Присаживайся, девочка. — Его глаза весело блеснули, он словно едва сдерживал рвущийся наружу смех. Сел, скрестив ноги перед собой, потом призывно посмотрел на Дейну, как бы говоря: *Ты что, намерена позволить мне в одиночку сидеть на полу в этом нелепом кабинете?*

После короткого колебания она тоже села, скрестила ноги и положила руки на колени. Почувствовала вселяющую уверенность тяжесть ножа в пружинном зажиме.

— Тебя послали сюда, чтобы шпионить, дорогая. Я правильно излагаю?

— Да. — Отрицать не имело смысла.

— И ты знаешь, как обычно поступают со шпионами в военное время?

— Да.

Его улыбка могла бы затмить солнечный свет.

— Как хорошо, что мы не воюем, твои люди и мои.

Дейна изумленно вытаращилась на него.

— Но мы же не воюем, ты знаешь. — Его голос звучал совершенно искренне.

— Но... вы... — В ее голосе вихрем закружились мысли. Индиан-Спрингс. «Шрайки». Мусорный Бак с его дефолиантом и «Зиппо». Смена темы разговора при упоминании имени темного человека — или его возможного присутствия. И этот адвокат, Эрик Стреллертон, бродящий по пустыне Мохаве с выжженными мозгами.

Он просто посмотрел на него.

— Мы что, напали на вашу так называемую Свободную зону? Повели себя враждебно по отношению к вам?

— Нет... но...

— Или вы атаковали нас?

— Разумеется, нет!

— Нет. И мы ничего такого не планируем. Посмотри! — Он внезапно поднял правую руку, сложил пальцы трубочкой. Сквозь нее Дейна видела пустыню за окном. — Великая западная пустыня! — воскликнул Флэгг. — Большой облом! Невада! Аризона! Нью-Мексико! Калифорния! Группы моих людей сейчас находятся в Вашингтоне, Сиэтле и Портленде, штат Орегон. По нескольку человек отправлены в Айдахо и в Нью-Мексико. Мы так разбросаны, что даже переписью населения сможем заняться не раньше чем через год. И мы гораздо более уязвимы, чем твоя Зона. Свободная зона — высокоорганизованный улей, или коммуна. Мы — всего лишь конфедерация, а я — ее номинальный глава. Места хватит и нам, и вам. Места будет хватать и в две тысячи сто девяностом году. При условии, что дети выживут, о чем мы узнаем только через пять месяцев. Если выживут и человечество останется на Земле, пусть наши внуки решают территориальные проблемы. Или внуки наших внуков. *Но нам-то что делить?*

— Нечего, — пробормотала Дейна. В горле у нее пересохло. Он потряс ее до глубины души. И она ощутила что-то еще... *на-*

дежду? Посмотрела ему в глаза — и уже не могла отвести взгляд, да и не хотела. Она не собиралась сходить с ума. Он вовсе не сводил ее с ума. Она видела перед собой... более чем здравомыслящего человека.

— Для борьбы у нас нет ни экономических, ни технологических причин. Политическое устройство у нас несколько отличается, но это мелочь, а с учетом Скалистых гор, которые нас разделяют...

Он меня гипнотизирует.

Невероятным усилием воли она оторвала взгляд от глаз Флэгга и посмотрела поверх его плеча на луну. Улыбка темного человека чуть поблекла, тень раздражения проскользнула по его лицу. Или ей это только почудилось? Когда она вновь посмотрела на него (на этот раз более настороженно), он улыбался по-прежнему доброжелательно.

— Ты убил Судью! — резко бросила она. — Ты чего-то от меня хочешь, а когда получишь, убьешь и меня.

Он спокойно смотрел на нее.

— Вдоль границы Айдахо с Орегоном стояли блокпосты, и они ждали Судью Ферриса, это правда. Но не для того, чтобы убить! Они получили приказ привезти его ко мне. До вчерашнего дня я находился в Портленде. Я хотел поговорить с ним, как сегодня говорю с тобой, дорогая, спокойно, здраво, благоразумно. Два человека, находившиеся на блокпосту в Копперфилде, штат Орегон, заметили его и попытались остановить. Он открыл стрельбу, смертельно ранил одного из моих людей и убил второго. Раненый убил Судью перед тем, как умер сам. Я сожалею, что все так вышло. Ты даже не можешь себе представить, как сожалею. — Его глаза потемнели, и в этом она ему поверила... но, вероятно, он хотел, чтобы она поверила ему и в остальном. Внутри у нее снова похолодело.

— Они рассказывают иначе.

— Дорогая, верь кому хочешь. Но помни, что приказы здесь отдаю я.

Он умел убеждать... чертовски хорошо умел убеждать. И казался совершенно безобидным... но соответствовало ли это действительности? Или такое впечатление возникало потому, что он был человеком... хотя бы *внешне*? Только от этого она испытала столь огромное облегчение, что едва не превратилась в пласти-

лин. Он умел подать себя, с мастерством прирожденного политика разбивал все твои аргументы... причем проделывал это весьма ловко, что не могло не тревожить.

— Если вы не собираетесь воевать, зачем все эти реактивные штурмовики и прочая боевая техника, которая находится в Индиан-Спрингсе?

— Меры предосторожности, — без запинки ответил Флэгг. — Та же работа ведется в Сирлс-Лейк, Калифорния, и на Военно-воздушной базе Эдвардса. Еще одна группа работает на атомном реакторе в Якима-Ридж, штат Вашингтон. Твои люди займутся тем же... если уже не занялись.

Дейна покачала головой, очень медленно.

— Когда я уезжала из Зоны, они все еще пытались восстановить подачу электричества.

— Я бы с радостью отправил к ним двух или трех инженеров, но мне известно, что ваш Брэд Китчнер и сам справился. Вчера у них случилось небольшое отключение, но он быстро решил эту проблему. Перегрузка на Арапахоу.

— Откуда ты все это знаешь?

— У меня есть источники информации, — искренне ответил Флэгг. — Старая женщина вернулась, между прочим. Милая старая женщина.

— Матушка Абагейл?

— Да. — Его глаза потемнели и затуманились, возможно, от грусти. — Она умерла. Жаль. Я очень надеялся встретиться с ней лично.

— Умерла? Матушка Абагейл умерла?

Глаза Флэгга очистились, он улыбнулся Дейне:

— Для тебя это такой большой сюрприз?

— Нет. Но меня удивляет, что она вернулась. А еще больше меня удивляет, что ты об этом знаешь.

— Она вернулась, чтобы умереть.

— Она что-нибудь сказала?

На мгновение маска добродушия слетела с лица Флэгга, обнажив злобное недоумение.

— Нет, — ответил он. — Я думал, что она сможет... сможет заговорить. Но она умерла, не выходя из комы.

— Ты уверен?

Его улыбка вернулась, яркая, как летнее солнце, рассеивающее утренний туман.

— Хватит о ней, Дейна. Давай поговорим о более приятном, скажем, о твоем возвращении в Зону. Я уверен, там тебе нравится больше, чем здесь. Я хочу, чтобы ты кое-что взяла с собой. — Он сунул руку в нагрудный карман, достал замшевый мешочек и извлек из него три дорожные карты. Протянул карты Дейне, которая с растущим недоумением принялась их разглядывать. Семь западных штатов, некоторые территории закрашены красным. Надписи внизу поясняли, что это районы, где население вновь начало расти.

— Ты хочешь, чтобы я взяла *это* с собой?

— Да. Я знаю, где находятся ваши люди. Я хочу, чтобы вы знали, где находятся мои. Это жест доброй воли и дружбы. Я хочу, чтобы ты сказала всем: «У Флэгга нет намерений причинять вам вред, и люди Флэгга вам не враги». Скажи им, что не надо отправлять сюда новых шпионов. Если они хотят кого-то прислать, пусть это будет дипломатическая миссия... или обмен студентами... да как угодно. Но прийти они должны открыто. Ты им это передашь?

Дейна пребывала в шоке.

— Конечно. Я скажу. Но...

— Это все! — Он вскинул руки, открытыми ладонями к ней. Она увидела кое-что необычное и наклонилась вперед, охваченная тревогой. — На что ты смотришь? — резко спросил он.

— Ни на что.

Но она уже все разглядела — и по выражению лица Флэгга поняла, что он это знает. На его ладонях не было линий. Ровные и гладкие, они напоминали живот младенца. Ни тебе линии жизни, ни линии любви, ни кругов, колец или петель. Просто... ничего.

Они — как показалось Дейне, очень долго — смотрели друг на друга.

Потом Флэгг легко поднялся и направился к столу. Встала и Дейна. Она уже начала верить, что он может ее отпустить. Он присел на краешек стола и пододвинул к себе аппарат внутренней связи.

— Я скажу Ллойду, чтобы он заменил в твоем мотоцикле масло, свечи и контакты трамблера. Я также скажу ему, чтобы он полностью залил бак. Теперь можно не беспокоиться о нехватке бен-

зина или нефти, верно? Этого добра хватает. А ведь было время... я помню, да и ты, наверное, тоже... когда весь мир мог погибнуть от взрывов атомных бомб из-за недостатка высокооктанового неэтилированного бензина. — Флэгг покачал головой. — Люди были очень, очень глупы. — Он нажал кнопку на аппарате внутренней связи. — Ллойд?

— Да, слушаю.

— Ты сможешь заправить мотоцикл Дейны, подготовить к долгой поездке и оставить у отеля? Она собирается нас покинуть.

— Да.

Флэгг отключил связь.

— Вот и все, дорогая.

— Я могу... просто уйти?

— Да, мэм. Рад нашему знакомству. — Он протянул руку к двери... ладонью вниз.

Она направилась к выходу. Уже коснулась дверной ручки, когда услышала его голос:

— Еще один момент. Один... сущий пустяк.

Дейна повернулась к нему. Флэгг улыбался, и вроде бы дружелюбно, но на долю мгновения она вдруг увидела в нем огромного черного мастиффа, вывалившего язык меж острых зубов, способного оторвать ей руку так же легко, как если бы это была ветхая тряпка.

— Какой?

— Здесь еще один из ваших людей. — Улыбка Флэгга стала шире. — Кто бы это мог быть?

— Да откуда мне знать? — спросила Дейна, а в голове у нее мелькнуло: *Том Каллен... Неужели все-таки он?*

— Да перестань, дорогая. Я думал, мы поладили.

— Но это так. Попытайся взглянуть на ситуацию объективно, и ты поймешь, что я говорю правду. Комитет послал меня... и Судью... и одному Богу известно, кого еще... и они попытались свести риск к минимуму, чтобы мы не выдали друг друга, если бы что-то... ты понимаешь, случилось.

— Если бы мы решили выдернуть пару ногтей?

— Да, именно. Ко мне обратилась Сью Штерн. Я полагаю, Ларри Андервуд... он тоже в комитете...

— Я знаю, кто такой мистер Андервуд.

— Да, конечно, я думаю, что к Судье обратился он. А что касается кого-то еще... — Она покачала головой. — Это мог быть кто угодно. Даже не один, а несколько человек. Если исходить из того, что мне известно, каждый член комитета мог предложить кого-то в шпионы.

— Да, мог, но не предложил. Остался только один, и ты знаешь, кто это. — Его улыбка стала шире и начала пугать Дейну. Неестественная улыбка. Она напоминала о дохлой рыбе, загрязненной воде, поверхности Луны, какой ее видно в телескоп. Мочевой пузырь Дейны завибрировал, заполненный горячей жидкостью.

— Ты *знаешь*, — повторил Флэгг.

— Нет, я...

Флэгг вновь склонился над аппаратом внутренней связи.

— Ллойд еще не ушел?

— Нет, я здесь. — Дорогой аппарат, прекрасное качество воспроизведения звука.

— Повремени с мотоциклом Дейны, — продолжил Флэгг. — У нас тут образовалось одно дельце... — он посмотрел на нее, его глаза задумчиво поблескивали, — ...которое надо довести до конца.

— Хорошо.

Аппарат щелкнул. Флэгг смотрел на нее, улыбаясь, сложив руки на груди. Смотрел долго. Дейна начала потеть. Его глаза, казалось, становились все больше и темнее. Глядя в них, она словно смотрела в колодцы, очень старые и очень глубокие. И когда она захотела отвести взгляд, ей это не удалось.

— Скажи мне... — Мягко, очень мягко. — Зачем нам лишние неприятности, дорогая?

Она услышала свой голос, доносящийся из далекого далека:

— Это все сценарий, верно? Маленькая одноактная пьеска.

— Дорогая, я не понимаю, о чем ты.

— Ты все понимаешь. Ошибка в том, что Ллойд ответил слишком быстро. Когда ты здесь, они все исполняют мгновенно. Ему полагалось уже возиться с моим мотоциклом. Да только ты велел ему никуда не уходить, потому что и не собирался отпускать меня.

— Дорогая, это ужасный случай ни на чем не основанной паранойи. Подозреваю, причины кроются в происшествии с теми мужчинами, которые создали передвижной зоопарк. Должно

быть, это было ужасно. Теперь может стать даже хуже, но ведь мы этого не хотим, верно?

Ее сила убывала, казалось, стекала по ногам в пятки. Последним усилием воли ей удалось сжать онемевшие пальцы правой руки в кулак и ударить себя повыше правого глаза. Голову отбросило назад, затылок с глухим стуком ударился о дверь. Ее взгляд оторвался от его глаз, и она почувствовала, как вновь обретает контроль над разумом и телом. Возвращалась и сила, сила к сопротивлению.

— Здорово у тебя получается, — прохрипела Дейна.

— Ты знаешь, кто это. — Он соскользнул со стола и направился к ней. — Ты знаешь — и ты мне скажешь. Удары по голове тебе не помогут, дорогая.

— Как вышло, что ты не знаешь? — выкрикнула она. — Ты знал о Судье и знал обо мне! Как вышло, что ты не знаешь...

Его руки с ужасающей силой сжали ее плечи, холодные руки, холодные как мрамор.

— Кто?

— Я не знаю.

Он тряхнул ее, как тряпичную куклу, с яростной и жуткой улыбкой. Стиснул ее плечи ледяными руками, а от его лица шел жар пустыни.

— Ты знаешь! Скажи мне! Кто?

— *Почему ты не знаешь?*

— *Потому что я не могу этого видеть!* — проревел он и швырнул ее через комнату.

Она покатилась, потом застыла на полу бесформенной грудой, а когда увидела над собой светящееся в сумраке лицо, мочевой пузырь подвел ее и теплая жидкость потекла по ногам. Мягкое и понятливое благоразумие исчезло. Рэнди Флэгг исчез. Теперь она имела дело со Странником, высоким человеком, большим парнем, и оставалось уповать только на помощь Божью.

— Ты скажешь. Ты скажешь мне все, что я хочу знать.

Она смотрела на него, потом медленно поднялась. Ощутила тяжесть ножа, прижатого к предплечью.

— Да, я тебе скажу, только подойди ближе.

Он шагнул к ней улыбаясь.

— Нет, гораздо ближе. Я хочу прошептать имя тебе на ухо.

Он подошел ближе. Она почувствовала обжигающую жару, леденящий холод. В ушах пронзительно гудело. В ноздри бил запах безумия, словно вонь гниющих овощей из темного погреба.

— Ближе, — хрипло прошептала Дейна.

Он сделал еще шаг, и она резко изогнула правое запястье. Услышала щелчок пружины. Нож прыгнул в ладонь.

— *Получай!* — истерически взвизгнула Дейна и взмахнула рукой, чтобы вспороть ему живот, оставив метаться по кабинету с вываливающимися внутренностями. Вместо этого он загоготал, упершись руками в бедра, откинув назад пылающее лицо, трясясь от хохота.

— Ох, *дорогая моя!* — воскликнул он и вновь зашелся смехом.

Дейна тупо уставилась на свою руку. Она сжимала твердый желтый банан с сине-белой наклейкой «Чикита». В ужасе выронила его на ковер, где он и застыл болезненной желтой ухмылкой, имитирующей ухмылку Флэгга.

— Ты скажешь, — прошептал он. — Да, ты обязательно скажешь.

И Дейна знала, что он прав.

Она резко развернулась, так быстро, что застала врасплох даже темного человека. Одна из этих черных рук метнулась к ней, но ухватила только блузку, вырвав шелковый лоскут.

Дейна бросилась к панорамному окну.

— *Нет!* — прокричал он, и она почувствовала, что он нагоняет ее, словно черный ветер.

Она оттолкнулась ногами и ударила в стекло макушкой. Раздался глухой треск, и Дейна увидела, как на удивление толстые куски стекла летят на стоянку для автомобилей сотрудников отеля-казино. Извилистые трещины, будто ручейки ртути, побежали от места удара. Толчка хватило, чтобы передняя половина ее тела проскочила в дыру, где она и застряла, обливаясь кровью.

Дейна почувствовала его руки на плечах, задалась вопросом, сколько ему потребуется времени, чтобы заставить ее заговорить. Час? Два? Она подозревала, что уже умирает, но смерть могла и повременить.

Я видела Тома, а ты не можешь его учуять... или как там ты нас находишь, потому что он другой, он...

Флэгг уже втаскивал ее обратно.

Она покончила с собой, резко дернув головой вправо. Острое как бритва стеклянное острие вонзилось ей в шею. Другое проткнуло правый глаз. Ее тело на мгновение застыло, только руки колотили по стеклу. Потом Дейна обмякла. И темный человек втащил в кабинет кровоточащий мешок.

Она ушла, возможно, торжествуя.

Взревев от ярости, Флэгг пнул ее. Податливое безразличие тела разъярило его еще сильнее. Он принялся пинками гонять труп по кабинету, ревя и рыча. Искры полетели из его волос, будто где-то внутри заработал циклотрон, создавая электрическое поле и превращая Флэгга в аккумулятор. Глаза сверкали черным огнем. Он ревел и пинал тело, пинал тело и ревел.

В приемной Ллойд и остальные побледнели как полотно. Переглядывались. Наконец не выдержали. Дженни, Кен, Уитни — все они ушли, и их перекошенные, застывшие лица говорили о том, что они ничего не слышали и надеются ничего не слышать и впредь.

Остался только Ллойд — и не по своей воле. Просто он знал, что от него этого ждут. Наконец Флэгг позвал его в кабинет.

Он сидел на широком столе, скрестив ноги, положив руки на обтянутые джинсами колени. Смотрел поверх головы Ллойда, в никуда. Ощутив легкий ветерок, Ллойд повернул голову к окну и увидел дыру в центре. Зазубренные края стекла были испачканы в крови.

Что-то отдаленно напоминающее человеческое тело лежало на полу, завернутое в портьеру.

— Избавься от этого, — приказал Флэгг.

— Хорошо... — Говорить Ллойд мог только хриплым шепотом. — Мне оставить голову?

— Вывези все к востоку от города, облей бензином и сожги. Ты меня слышишь? *Сожги! Сожги всю эту хрень!*

— Хорошо.

— Да! — Флэгг добродушно улыбнулся.

Дрожа, с пересохшим ртом, чуть ли не постанывая от ужаса, Ллойд попытался поднять лежащий на полу объект, завернутый в штору. Липкий снизу. Объект изогнулся буквой «U», проскальзывая между рук, вновь упал на пол. Ллойд бросил испуганный

взгляд на Флэгга, но тот сидел в прежней позе, уставившись в никуда. Ллойд предпринял вторую попытку, прижал сверток к груди и, пошатываясь, направился к двери.

— Ллойд!

Тот остановился, оглянулся. С его губ сорвался стон. Поза Флэгга не изменилась, только он поднялся на десять дюймов над столом, продолжая смотреть вдаль.

— Ч-ч-что?

— Ключ, который я дал тебе в Финиксе, все еще у тебя?

— Да.

— Держи его под рукой. Время подходит.

— Хо-хорошо.

Он ждал, но Флэгг больше не произнес ни слова. Висел в темноте, исполняя потрясающий воображение трюк индийских факиров, глядя в никуда, кротко улыбаясь.

Ллойд быстро выскользнул за дверь, как всегда, радуясь, что уходит живой и в здравом уме.

Тот день в Лас-Вегасе выдался тихим. Ллойд вернулся в два часа пополудни, воняя бензином. Поднявшийся вскоре ветер к пяти часам уже завывал на улицах и между отелями. Пальмы, начавшие засыхать без полива, гнуло из стороны в сторону. Их кроны напоминали порванные боевые знамена. Облака странной формы проносились по небу.

В баре «Каб» Уитни Хоргэн и Кен Демотт пили бутылочное пиво и ели сандвичи с яйцом и салатом. Три старушки — сестры-ведьмы, так их называли, — держали кур на окраине города, и все вдруг полюбили яйца. В казино, расположенном ниже уровня бара, в котором сидели Уитни и Кен, маленький Динни Маккарти радостно ползал по столу для игры в кости, окруженный армией пластмассовых солдатиков.

— Посмотри на этого засранца! — Голос Кена переполняла нежность. — Кто-то спросил меня, пригляжу ли я за ним часок. Я готов приглядывать за ним всю неделю. Как бы мне хотелось, чтобы он был моим. Моя жена родила только одного, семимесячного. Умер в инкубаторе для недоношенных на третий день. — Он поднял голову, посмотрел на вошедшего Ллойда.

— Привет, Динни! — поздоровался Ллойд.

— Йойд! Йойд! — закричал Динни. Быстро перебрался к краю стола для игры в кости, спрыгнул вниз и побежал к нему. Ллойд подхватил его на руки, закружил, прижал к груди.

— Приберег поцелуй для Ллойда? — спросил он.

Динни громко чмокнул его в обе щеки.

— У меня для тебя кое-что есть. — Ллойд достал из кармана пригоршню завернутых в фольгу «Хершис кисес».

Динни заверещал от радости и схватил конфеты.

— Йойд!

— Что, Динни?

— Почему от тебя пахнет, как от ведра с бензином?

Ллойд улыбнулся:

— Сжигал мусор, милый. Иди поиграй. Кто сегодня твоя мамуля?

— Анджелина. — В устах Динни это прозвучало как «Анджейина». — Потом опять Бонни. Я люблю Бонни. Но я люблю и Анджелину.

— Не говори ей, что Ллойд дал тебе конфеты. Анджелина отшлепает Ллойда.

Динни пообещал не говорить и убежал, смеясь, представляя себе, как Анджелина шлепает Ллойда по попке. Минуту-другую спустя, с набитым шоколадом ртом, он вновь командовал армией пластмассовых солдатиков на столе для игры в кости. Подошел Уитни в белом фартуке. Принес Ллойду два сандвича и бутылку «Хэммса».

— Спасибо, — поблагодарил Ллойд. — Выглядит отлично.

— Это домашний сирийский хлеб! — В голосе Уитни слышалась гордость.

Какое-то время Ллойд жевал.

— Кто-нибудь его видел? — наконец спросил он.

Кен покачал головой:

— Думаю, он отбыл.

Ллойд задумался. Снаружи донеслось громкое завывание сильного порыва ветра. Тот словно жаловался, что ему одиноко, что он потерялся в пустыне. Динни в тревоге поднял голову, но тут же вернулся к солдатикам.

— Я думаю, он где-то здесь, — озвучил свои мысли Ллойд. — Не знаю почему, но мне так кажется. Я думаю, он здесь, ждет, когда что-то случится. Я только не знаю, что именно.

— Ты думаешь, он узнал от нее что хотел? — тихим голосом спросил Уитни.

— Нет. — Ллойд смотрел на Динни. — Не думаю. Что-то пошло не так. Она... ей повезло, или она его перехитрила. Такое случается нечасто.

— По большому счету это не имеет значения, — сказал Кен, но выглядел он встревоженным.

— Не имеет. — Ллойд прислушался к ветру. — Может, он вернулся в Лос-Анджелес. — Но сам Ллойд так не думал, и это читалось на его лице.

Уитни прогулялся на кухню и принес всем еще по бутылке пива. Они пили молча, и мысли, которые их одолевали, были безрадостными. Сначала Судья, теперь эта женщина. Оба умерли. Ни один не сказал ни слова. И не остался целехоньким, как *он* приказывал. Словно «Янкиз» времен Мэнтла, Мейриса и Форда проиграли две первые игры Мировых серий. В такое верилось с трудом, и это пугало.

Ветер не утихал всю ночь.

Глава 63

Ближе к вечеру десятого сентября Динни играл в маленьком городском парке, примыкавшем с севера к району отелей и казино. Его «мама» на этой неделе, Анджелина Хиршфилд, сидела на скамье и болтала с юной девушкой, которая появилась в Лас-Вегасе пятью неделями раньше, примерно через десять дней после прихода самой Энджи.

Энджи Хиршфилд исполнилось двадцать семь. Ее собеседница, лет на десять моложе, была в обтягивающих джинсовых шортах и короткой матроске, не оставлявшей абсолютно никакого простора воображению. И чувствовалось что-то непристойное в контрасте между соблазнительностью молодого тела и детским, капризным и довольно-таки тупым лицом. Говорила она монотонно и без умолку: рок-звезды, секс, отвратительная работа (очистка оружия от космолайна в Индиан-Спрингсе), секс, ее бриллиантовое кольцо, секс, телевизионные программы, которых ей так не хватает, секс...

Энджи очень хотелось, чтобы она ушла куда-нибудь, чтобы занялась с кем-нибудь сексом и оставила ее в покое. Еще Энджи надеялась, что Динни исполнится хотя бы тридцать, прежде чем эту девушку определят ему в «матери».

В этот момент Динни поднял голову, улыбнулся и закричал:

— Том! Эй, Том!

По другой стороне парка, пошатываясь, шел крупный мужчина с соломенными волосами, постукивая по ноге корзинкой для ленча.

— Слушай, он же пьяный. — На лице девушки отразилось удивление.

Энджи улыбнулась:

— Нет, это Том. Он просто...

Но Динни уже бежал к нему, крича во весь голос:

— Том! Подожди, Том!

Том повернулся, его лицо расплылось в улыбке.

— Динни! Привет-привет!

Динни прыгнул на Тома. Тот бросил корзинку и подхватил мальчика. Закружил.

— Хочу полетать, Том! Хочу полетать!

Том ухватил Динни за запястья и закружил вновь, все быстрее и быстрее. Центробежная сила поднимала ребенка, пока его ноги не оказались параллельно земле. Он визжал и смеялся. Сделав несколько кругов, Том осторожно опустил его на землю.

Динни покачивался, смеялся и старался удержаться на ногах.

— Сдейай это еще раз, Том! Сдейай это еще раз!

— Нет, если я сделаю, тебя вырвет. И Тому пора домой. Родные мои, да!

— Ладно, Том. Пока!

— Я думаю, Динни любит Ллойда Хенрида и Тома Каллена больше всех, — продолжила Энджи. — Том Каллен простак, но... — Она посмотрела на девушку и замолчала. Та не отрывала от Тома превратившихся в щелочки глаз.

— Он пришел с другим мужчиной? — спросила она.

— Кто? Том? Насколько мне известно, он пришел один, недели полторы тому назад. Какое-то время провел с другими людьми, в Зоне, но его оттуда выгнали. Их потеря — наш прибыток, вот что я тебе скажу.

— Так он не с болваном? Глухонемым болваном?

— Глухонемым? Нет. Я уверена, что он пришел один. Динни просто влюбился в него.

Девушка наблюдала за Томом, пока тот не скрылся из виду. Подумала о пепто-бисмоле в бутылке. Подумала о словах, нацарапанных на листке: *Ты нам не нужна*. Это случилось в Канзасе, тысячу лет тому назад. Она стреляла в них. Очень хотела убить, особенно болвана.

— Джули! Тебе нездоровится?

Джули Лори не ответила. Она по-прежнему смотрела вслед Тому Каллену. И через какое-то время заулыбалась.

Глава 64

Умирающий открыл блокнот «Пермакавер», снял колпачок с ручки, на секунду замер и начал писать.

Странное дело, совсем недавно ручка летала по бумаге, исписывая каждый лист от края до края, сверху донизу, словно по велению магической силы; теперь же слова возникали с трудом, корявыми и большими буквами. Будто машина времени перенесла его в начальную школу, где он только учился писать.

В те дни у отца и матери еще оставалась капелька любви к нему. Эми не успела расцвести, и его будущее — знаменитый оганквитский толстяк и потенциальный гомосексуалист — еще не определилось. Он помнил, как сидел на залитой солнечным светом кухне, медленно, слово в слово, копируя одну из книг о Томе Свифте* в блокнот «Синяя лошадь» — грубая бумага, синяя линовка. Рядом стоял стакан с колой. И он слышал слова матери, долетавшие из открытой двери в гостиную. Иногда она говорила по телефону, иногда — с соседкой.

Доктор говорит, он просто толстый мальчик. С железами у него, слава Богу, все в порядке. И он такой умный.

Наблюдая, как слова множатся, буква за буквой. Наблюдая, как предложения множатся, слово за словом. Наблюдая, как аб-

* Том Свифт — главный герой одноименных научно-фантастических и приключенческих книг для подростков, издаваемых в США с 1910 г.

зацы множатся, и каждый являл собой кирпич в громадном бастионе, имя которому — язык.

Это будет мое величайшее изобретение, уверенно заявил Том. *Посмотри, что произойдет, когда я вытащу эту плиту, но, ради Бога, не забудь прикрыть глаза!*

Кирпичи языка. Камень, лист, ненайденная дверь*. Слова. *Миры*. Магия. Жизнь и бессмертие. *Власть*.

Я не знаю, откуда это у него, Рита. Может, от дедушки. Он был рукоположенным священником и, говорят, читал удивительные проповеди...

Наблюдая, как по прошествии времени буквы становятся красивее. Наблюдая, как они соединяются друг с другом, как печатание уходит в прошлое, уступая место *письму*. Собирая мысли и сюжеты. Весь мир, в конце концов, состоит из мыслей и сюжетов. В итоге он заполучил пишущую машинку (к тому времени для него не осталось практически ничего другого; Эми училась в старшей школе: Национальное общество почета**, группа поддержки спортивных команд, драматический кружок, дискуссионный клуб, прощайте, брекеты, лучшая подруга — Фрэнни Голдсмит... и ее младший брат, который так и остался толстяком, — и начал пользоваться громкими словами для самозащиты, осознавая, какова на самом деле жизнь: один большой котел с варварами, в котором он — единственный миссионер, медленно варящийся вместе с остальными). Пишущая машинка открыла ему новую жизнь. Первое время он печатал медленно, совсем медленно, и постоянные ошибки безмерно его раздражали. Словно машинка активно — из озорства — сопротивлялась ему. Но постепенно он начал понимать, *что* представляла собой пишущая машинка на самом деле: магический канал связи между его разумом и чистым листом, который следовало покорить. Когда разразилась эпидемия, он уже мог печатать больше ста слов в минуту и наконец-то поспевал за мчащимися мыслями, укладывал их на бумагу. Но он никогда не прекращал писать от руки, помня, что «Моби Дик» был написан от руки, как и «Алая буква», как и «Потерянный рай».

---

* «Камень, лист, ненайденная дверь» — цитата из романа «Взгляни на дом свой, ангел» американского писателя Томаса Вулфа (1900—1938).

** Национальное общество почета — общественная организация, в которую принимаются лучшие ученики старшей школы.

За долгие годы практики он пришел к методу, образчик которого Фрэнни нашла в его дневнике: никаких абзацев, никаких пробелов, никаких пауз для глаза. Это была работа — тяжелая, до судорог, — но работа в радость. Он с удовольствием и часто пользовался пишущей машинкой, однако всегда думал, что главные мысли лучше всего записывать от руки.

Гарольд поднял голову и увидел медленно кружащих в небе стервятников, словно возникших из фильма с Рэндолфом Скоттом, какие показывали на дневных субботних сеансах, или из романа Макса Брэнда. В голову пришли строчки, которые могли бы войти в его роман: «Гарольд увидел стервятников, кружащих в небе, ждущих. Какое-то время спокойно смотрел на них, потом вновь склонился над своим дневником».

Он вновь склонился над своим дневником.

В конце жизни ему вновь пришлось вернуться к корявым буквам, какими он писал в самом ее начале. Они так остро напомнили ему о залитой солнечным светом кухне, стакане холодной колы, старых, пахнущих плесенью книгах о Томе Свифте. И теперь — наконец-то — он подумал (и записал), что сумел исполнить мечту родителей и осчастливить их. Во-первых, похудел. А во-вторых, пусть формально и остался девственником, на практике доказал, что никакой он не гомосексуалист.

Гарольд открыл рот и прохрипел:

— Вершина мира, мама*.

Он исписал полстраницы. Взглянул на написанное, потом на свою ногу, вывернутую и сломанную. Сломанную? Слишком мягко сказано. Раздробленную. Он уже пять дней сидел в тени этой скалы. Еда закончилась. Он бы еще вчера или позавчера умер от жажды, если бы не два сильных ливня. Нога гнила. Позеленела, дурно пахла и раздулась, натянув джинсовую ткань, которая теперь напоминала оболочку сосиски.

Надин давно уехала.

Гарольд взял пистолет, который лежал рядом с ним, пересчитал патроны. Только в этот день он пересчитывал их больше ста раз. Во время ливня укрывал пистолет своим телом, чтобы он оставался сухим. Патронов осталось три. Двумя он выстрелил в На-

* Почти дословное цитирование фразы главного героя детективного фильма «Бедая жара» (1949), произнесенной им перед тем, как взорвать хранилище с бензином, на крышу которого он взобрался.

дин, когда та смотрела на него сверху вниз, сказав, что собирается уехать одна.

Они проходили поворот серпантина: Надин — по внутреннему радиусу, Гарольд на своем «триумфе» — по внешнему. На западной стороне Скалистых гор, по-прежнему в Колорадо, но уже в семидесяти милях от границы Юты. По внешнему радиусу поворота было разлито машинное масло, и все последующие дни Гарольд много размышлял об этом масляном пятне. *Откуда* вылилось масло? Конечно же, в последние месяцы здесь никто не проезжал. За это время любое масло давно бы высохло. Получалось, что *его* красный глаз постоянно следил за ними, выбирая наиболее удачный момент, чтобы разлить масло и вывести Гарольда из игры. Оставил его с ней в горах, на случай возникновения каких-то проблем, а потом избавился от него. Гарольд, как говорится, сделал свое дело.

Заскользивший на масле «триумф» ударился о рельс ограждения, и Гарольд перелетел через него, как букашка. Почувствовал жуткую боль в правой ноге, услышал влажный хруст ломающейся кости. Закричал. Потом каменистый склон поднялся ему навстречу. Каменистый склон, который под крутым, вызывающим тошноту углом уходил в ущелье. Со дна доносился плеск быстро бегущей воды.

Он ударился о склон, его высоко подбросило, он опять закричал, снова приземлился на правую ногу, услышал, как сломалось что-то еще, затем его опять подбросило, потащило вниз, он покатился — и внезапно уперся в засохшее дерево, сломанное давнишним ураганом. Если бы не это дерево, летел бы до самого дна пропасти и достался бы на закуску горной форели, а не стервятникам.

Он написал в блокноте корявыми, детскими буквами: *Я не виню Надин*. Написал правду. Но тогда он ее винил.

Шокированный, потрясенный, ободранный, с вопящей от боли правой ногой, он собрался с силами и пополз вверх по склону. Высоко над собой увидел Надин, перегнувшуюся через рельс ограждения. Ее лицо, бледное и маленькое, лицо куклы.

— Надин! — крикнул он. Голос больше напоминал хрип. — Веревка! В левой седельной сумке!

Она продолжала смотреть на него. Он решил, что она его не услышала, и уже собрался повторить просьбу, когда увидел, как

ее голова двинулась налево, направо и снова налево. Очень медленно. Она качала головой.

— Надин! Мне не подняться наверх без веревки! У меня сломана нога!

Она не ответила. Только смотрела на него сверху вниз, теперь даже не качая головой. И у него вдруг создалось ощущение, что он на дне глубокого колодца, а она смотрит на него через край.

— *Надин, брось мне веревку!*

Снова медленное покачивание головой, столь же ужасное, как медленное движение двери склепа, закрывающейся и отсекающей от мира живых человека, который еще не умер, а находится в состоянии каталепсии.

— *НАДИН! РАДИ БОГА!*

Тут ее голос донесся до него, тихий, но отчетливо различимый в горной тишине:

— Все подстроено, Гарольд. Я должна ехать. Мне очень жаль.

Но она не сдвинулась с места, осталась у оградительного рельса, наблюдая за ним, лежащим в двухстах футах ниже. Уже появились мухи, деловито снимающие пробу его крови с камней, о которые он ударялся и сдирал кожу.

Гарольд пополз вверх, волоча раздробленную ногу. Поначалу он не испытывал ни ненависти к Надин, ни желания всадить в нее пулю. Хотелось только подобраться достаточно близко, чтобы разглядеть выражение ее лица.

Едва миновал полдень. День выдался жарким. Пот капал с лица на острые камушки и булыжники, по которым он полз. Гарольд продвигался вверх, отталкиваясь локтями и левой ногой, словно искалеченное насекомое. Воздух, как горячий напильник, рвал горло. Он понятия не имел, как долго полз, но раз или два ударялся израненной ногой о каменные выступы и кричал от дикой боли, едва не теряя сознание. Случалось, что соскальзывал вниз с беспомощным стоном.

Наконец ему стало совершенно ясно, что выше хода нет. Тени сместились. Прошло три часа. Он не мог вспомнить, когда последний раз смотрел вверх, на рельс ограждения и дорогу. Наверное, часом раньше. Изнывая от боли, он сосредоточился только на своем продвижении вверх. Надин, должно быть, давно уехала.

Но она осталась на прежнем месте, и хотя ему удалось продвинуться всего футов на двадцать пять, выражение ее лица он теперь видел четко и ясно. На нем читалась печаль, но глаза не выражали никаких эмоций и, похоже, смотрели совсем не на него.

Глазами она видела *его*.

Именно в тот момент Гарольд начал ненавидеть ее и нащупал плечевую кобуру. «Кольт» никуда не делся, ремешок удержал его на месте. Он расстегнул ремешок, чуть повернулся, чтобы она этого не заметила.

— Надин...

— Так будет лучше, Гарольд. Лучше для тебя, потому что *он* разобрался бы с тобой более жестоко. Ты это понимаешь, верно? Тебе не захотелось бы встретиться с ним лицом к лицу, Гарольд. Он чувствует, что тот, кто может предать одну сторону, возможно, предаст и другую. Он бы убил тебя, но сначала свел бы с ума. Он это может. Право выбора он предоставил мне. Этот вариант... или *его*. Я выбрала этот. Если ты смелый, то сможешь быстро поставить точку. Ты знаешь, о чем я.

Он проверил, заряжен ли пистолет, в первый из сотен (может и тысяч) раз, прикрывая его ободранным и поцарапанным локтем.

— Как насчет тебя? — крикнул он. — Разве ты не предательница?

Ее голос переполняла грусть:

— В сердце я никогда его не предавала.

— А по мне, именно там ты его и предала! — крикнул ей Гарольд. Постарался изобразить на лице искренность, но на самом деле просчитывал расстояние. Он понимал, что сможет выстрелить в Надин максимум дважды, а точность стрельбы из пистолета оставляла желать лучшего. — Я уверен, что и он это знает.

— Я нужна ему, а он нужен мне, — ответила Надин. — Тебе в этом раскладе места нет, Гарольд. И если бы мы и дальше поехали вместе, я могла... могла бы позволить тебе кое-что со мной сделать. Тот пустячок. И это уничтожило бы все. Я не могу пойти даже на малейший риск после стольких жертв и крови. Мы продали наши души вместе, Гарольд, но я хочу получить за мою по максимуму.

— Сейчас получишь. — Гарольду удалось встать на колени. Солнце слепило. Закружилась голова, сбивая прицел. Он вроде

бы услышал голоса — *один голос*, изумленно взревевший, протестующий против его намерения. Прогремел выстрел, эхо отдавалось от одного горного склона, отлетало к другому, постепенно затихая. Комичное изумление отразилось на лице Надин.

В голове Гарольда мелькнула торжествующая мысль: *Она не думала, что я на такое способен!* Нижняя челюсть Надин отвисла, рот превратился в большую букву «О». Глаза широко раскрылись. Пальцы рук напряглись и взлетели вверх, словно она решила что-то сыграть на пианино. Это зрелище таким бальзамом пролилось на сердце Гарольда, что он потерял секунду или две, наслаждаясь моментом, не понимая, что промахнулся. Когда же до него дошло, он опустил взлетевший вверх пистолет, вновь попытался прицелиться, для устойчивости сжав правое запястье левой рукой.

— Гарольд! Нет! Ты не можешь!

Не могу? Это такой пустяк — нажать на спусковой крючок. Конечно же, могу!

Он шока Надин, похоже, потеряла способность двигаться, и когда прицел замер на впадине между ее грудей, Гарольд почувствовал абсолютную уверенность, что так это и должно закончиться, в коротком и бессмысленном взрыве насилия.

Он держал ее на прицеле и промахнуться не мог.

Но когда стал нажимать на спусковой крючок, случилось невероятное. Пот полился в глаза, отчего все начало двоиться. А сам Гарольд начал соскальзывать вниз. Потом он говорил себе, что камешки на склоне не удержали его веса, или подвела изломанная нога, или произошло и то и другое. Возможно, этим все и объяснялось. Но он почувствовал... *он вроде бы почувствовал толчок*, и в долгие ночи, последовавшие за тем днем, так и не сумел убедить себя в обратном. Днем Гарольд пытался сохранить рациональность мышления, но ночью приходило осознание, что в самом конце именно темный человек вмешался, чтобы сбить ему прицел. И пуля, которую он намеревался послать во впадину между грудей Надин, ушла в синее безразличное небо. Сам же Гарольд покатился обратно к сухому дереву, ударяясь и ударяясь правой ногой, в агонии боли.

Вновь врезавшись в засохшее дерево, он потерял сознание. Пришел в себя уже ночью, когда луна, на три четверти полная, торжественно плыла над ущельем. Надин уехала.

Он провел ночь в тисках ужаса, уверенный, что не сможет выбраться на дорогу, уверенный, что ему придется умереть в ущелье. Но с наступлением утра начал тем не менее карабкаться вверх, потея и крича от боли.

Он сделал первое движение около семи, примерно в то время, когда большие оранжевые самосвалы похоронной команды покидали территорию автовокзала в Боулдере. А в пять вечера схватился ободранной, покрытой волдырями рукой за рельс ограждения. Его мотоцикл стоял, уткнувшись в рельс, и Гарольд чуть не заплакал от облегчения. Он торопливо вытащил из седельной сумки консервные банки, вскрыл одну. Принялся огромными кусками запихивать в рот тушенку. Но та оказалась столь отвратительной на вкус, что после долгой борьбы его вырвало.

Тут он начал осознавать неизбежность грядущей смерти, лег рядом с «триумфом» и заплакал. Через какое-то время смог заснуть.

На следующий день на него обрушился ливень, и Гарольд промок до ниточки. От ноги пошел запах гангрены, а «культ-вудсмен» он прикрывал от дождя телом. Тем же вечером он сделал первую запись в блокноте «Пермакавер» и обнаружил, что почерк его ухудшился. Ему вспомнился рассказ Дэниела Киза «Цветы для Элджернона». Про группу ученых, превративших психически неполноценного уборщика в гения... на какое-то время. А потом бедняга вновь начал терять разум. Как звали того парня? Какой-то там Чарли? Конечно, потому что фильм по рассказу так и назывался — «Чарли». Хороший фильм. Не такой хороший, как рассказ, наполненный, если ему не изменяет память, психоделическим дерьмом шестидесятых, но все равно хороший. В прежние времена Гарольд часто ходил в кино, а еще больше фильмов пересмотрел на семейном видеомагнитофоне. В прежние времена, которые Пентагон мог бы назвать, цитата, «жизнеспособной альтернативой», конец цитаты.

Он записал это в блокнот, слова медленно складывались из корявых букв:

Интересно, они все мертвы? Комитет? Если так, я сожалею. Меня одурачили. Жалкое оправдание за содеянное, но, клянусь, единственное, которое имеет значение. Темный человек так же реален, как «супергрипп», так же реален, как атомные бомбы, которые по-прежнему ждут где-то в хранилищах со свинцовыми стенами. И когда насту-

пит конец, и когда он будет таким же ужасным, каким его представляли себе все хорошие люди, я смогу сказать только одно, как и все хорошие люди, приближающиеся к Судному трону: «Меня одурачили».

Гарольд прочитал написанное и провел исхудалой, трясущейся рукой по лбу. Нет, это было плохое оправдание. И как бы он за него ни прятался, оно дурно пахло. Человек, прочитавший сначала его дневник, а потом этот абзац, понял бы, что имеет дело с законченным лицемером. Он видел себя королем анархии, но темный человек докопался до его сущности и без особых усилий превратил в дрожащий мешок костей, тяжелой смертью умирающий на шоссе. Нога раздулась, как автомобильная камера, от нее пахло почерневшими, перезрелыми бананами, и он сидел здесь, под кружащими над ним стервятниками, парящими в восходящих потоках воздуха, пытаясь выразить словами неописуемое. Он стал жертвой собственного затянувшегося отрочества, ничего больше. Его отравили собственные смертельные видения.

Умирая, он чувствовал, что приобрел чуточку здравомыслия и, возможно, даже чуточку собственного достоинства. Он не хотел укрываться за жалкими оправданиями, которые сходили со страницы хромыми, на костылях.

— Я мог бы стать кем-то в Боулдере, — тихо произнес он, и эта простая, ужасная правда могла бы выбить из него слезу, не будь он таким усталым и обезвоженным. Он посмотрел на корявые буквы на странице блокнота, на «культ». Внезапно ему захотелось все закончить, и он попытался придумать завершение своей жизни, наиболее правдивое и простое. Возникла насущная необходимость записать это и оставить здесь для того, кто его найдет, через год или десять лет.

Он сжал ручку. Задумался. Написал:

Я приношу извинения за разрушения и смерть, которые я принес, но не отрицаю, что сделал это по своей свободной воле. Я всегда подписывал свои школьные работы как Гарольд Эмери Лаудер. Я подписывал свои произведения — пусть и слабенькие — точно так же. Да поможет мне Бог, однажды я написал это на крыше амбара трехфутовыми буквами. А здесь я хочу подписаться прозвищем, которое мне дали в Боулдере. Тогда я не смог его принять, но теперь принимаю всей душой. Я собираюсь умереть в здравом уме.

Внизу, аккуратно, он поставил свою подпись: *Ястреб.*

Положил «Пермакавер» в седельную сумку «триумфа». Надел на ручку колпачок и убрал ее в карман. Сунул в рот дуло «кольта» и посмотрел на синее небо. Подумал об игре, в которую они играли детьми, а другие участники подшучивали над ним, потому что он не решался участвовать в ней. Одна из проселочных дорог возле Оганквита вела к карьеру, и игра состояла в том, чтобы прыгнуть вниз и с замиранием сердца пролететь немалое расстояние, прежде чем упасть на песок и скатиться по нему, после чего забраться наверх и все повторить.

В игре участвовали все, кроме Гарольда. Гарольд мог встать на краю и сосчитать: «Один... Два... *Три!*» — как и остальные, но магическая считалка для него никогда не срабатывала. Ноги не желали сдвинуться с места. Он не мог заставить себя прыгнуть. И другие иногда прогоняли его, кричали на него, называли Гарольдом-слабаком.

Он подумал: *Если бы я смог заставить себя прыгнуть один раз... только один... я, возможно, и не лежал бы здесь. Что ж, в конце концов за все приходится платить.*

Подумал: «Один... два... *ТРИ!*»

Нажал на спусковой крючок.

Прогремел выстрел.

Гарольд прыгнул.

Глава 65

Эмигрантская долина находится к северу от Лас-Вегаса, и в ту ночь маленький костер горел посреди заросшей кустами пустоши. Рэндалл Флэгг сидел у костра и угрюмо жарил освежеванного кролика. Поворачивал тушку на неком подобии вертела, который сам и сделал, наблюдал, как жир шипит и падает в огонь. Дул легкий ветерок, разнося по пустыне дразнящий запах, и пришли волки. Они сидели выше по склону и выли на практически полную луну и аромат жарящегося мяса. Время от времени он поглядывал на них, и два или три тут же начинали драться, кусаясь, рыча, ударяя сильными задними лапами, пока слабейший не убе-

гал. Тогда другие вновь принимались выть, вскинув морды к раздувшейся красноватой луне.

Но волки ему уже наскучили.

Он сидел в джинсах, и потрепанных сапогах, и куртке с двумя значками-пуговицами на наружных карманах: лицом-смайликом и «КАК ВАМ ТАКАЯ СВИНИНА?». Ночной ветер трепал воротник куртки.

Флэгу не нравилось, как все шло.

Ветер нес с собой знамения, знаки зла, напоминающие летучих мышей на темном сеновале заброшенной фермы. Старуха умерла, и поначалу он подумал, что это хорошо. Несмотря ни на что, старуху он боялся. Она умерла, и он сказал Дейне Джергенс, что умерла, не выйдя из комы... но так ли? Точно он не знал.

— Заговорила ли она перед смертью? И если да, то что сказала?

Что они планировали? Он развил в себе некое подобие третьего глаза. Как и способность левитировать. Он обладал этой способностью, принимал ее как должное, пусть и не понимал, что это такое. Он мог посылать его далеко-далеко, чтобы видеть... почти всегда. Но иной раз глаз таинственным образом оставался слепым. Флэгг смог заглянуть в комнату, где умирала старуха, увидеть их, собравшихся вокруг нее, с опаленными перышками, спасибо маленькому сюрпризу Гарольда и Надин... а потом «картинка» начала гаснуть, и он вернулся в пустыню, где, завернутый в спальник, мог видеть только Кассиопею в ее звездном кресле-качалке. А потом в его голове прозвучал голос: *Она ушла. Они ждали, что она заговорит, но она ушла молча.*

Но он больше не доверял этому голосу.

Плюс проблемы со шпионами.

Судья с отстреленной головой.

Девушка, которая в последнюю секунду сумела ускользнуть от него. И она знала, черт побери. *Она знала!*

Внезапно он бросил на волков яростный взгляд, и с полдюжины разом принялись грызться друг с другом, в тишине издавая звуки рвущейся материи.

Он знал их секреты... за исключением третьего. Кто этот третий? Флэгг вновь и вновь посылал глаз, но он возвращался, принося лишь изображение полной луны. Родные мои, луны.

Кто этот третий?

Как девке удалось ускользнуть от него? Застигла его врасплох, оставила только клок своей блузки. Он знал про нож, эту детскую забаву, но не про бросок в окно. И как хладнокровно она покончила с собой, безо всякого колебания. Секунда — и ее нет.

Мысли Флэгга гонялись друг за другом, словно ласки в темноте.

Кое в чем ситуация становилась непредсказуемой. Ему это не нравилось.

Лаудер, к примеру. Этот Лаудер.

Как прекрасно он все выполнял, словно одна из заводных игрушек с ключом в спине. Пойди туда. Пойди сюда. Сделай то. Сделай это. Но динамитная бомба уничтожила только двоих — всю подготовку, все *усилия* испортило возвращение этой умирающей старухи негритянки. А потом... после того как Гарольда вывели из игры... он чуть не убил Надин! Его все еще разбирала злость, стоило ему об этом подумать. И эта тупая манда стояла там, разинув рот, ждала, что он проделает это снова, будто *хотела*, чтобы ее убили. И кому бы все досталось, если бы Надин погибла?

Кому, если не его сыну?

Кролик поджарился. Флэгг сдвинул его с вертела на жестяную тарелку.

— Кушать подано, говнюки-морпехи. Садитесь жрать, пожалуйста.

Эти слова заставили его улыбнуться. Он когда-то служил в морской пехоте? Флэгг думал, что да. Только в тылу, разумеется. Скажем, в Пэррис-Айленд. Там еще был тот парень, дефективный, Бу Динкуэй. Они...

Что?

Флэгг нахмурился, глядя на тарелку. Они забили старину Бу палками? Задушили? Вроде бы ему вспоминался бензин. Но что они с ним сделали?

Охваченный внезапным приступом ярости, он чуть не швырнул только что приготовленного кролика в костер. *Он должен это помнить, черт побери!*

— Берись за еду, морпех, — прошептал он, но на этот раз вообще ничего не почувствовал.

С ним творилось что-то неладное. Когда-то он мог заглянуть в шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые, как человек, смотрящий вниз по двойному лестничному пролету в затемненную

комнату. Теперь он ясно помнил только события после эпидемии. За ними все застилал туман, который лишь иногда чуть рассеивался, открывая какой-то загадочный предмет или воспоминание (Бу Динкуэя, к примеру... если такой человек вообще существовал), чтобы потом вновь сгуститься.

Самое раннее из воспоминаний, в которых он не сомневался, касалось федерального шоссе 51. Он шел по нему на юг, к городу Маунтин-Сити и дому Кита Брейдентона.

Только что родившись. Родившись заново.

Он уже не был человеком, если когда-то и являлся таковым. Больше напоминал луковицу, с которой всякий раз снимали один слой... атрибуты человечности: логическое мышление, воспоминания, возможно, даже свободную волю... если таковая вообще существовала.

Он начал есть кролика.

Однажды, он это помнил точно, он просто исчез. Когда все пошло не так. Но не в этот раз. Это его место, его время, и он будет за них держаться. И не имели значения его неспособность найти третьего шпиона или вышедший из-под контроля Гарольд, попытавшийся совершить чудовищное преступление — убить обещанную ему невесту, мать его ребенка.

Где-то в пустыне находился этот странный Мусорный Бак, ищущий оружие, которое навечно сотрет с лица земли Свободную зону, доставляющую столько хлопот. Его глаз не мог следовать за Мусорным Баком, и Флэгг думал, что по странности Мусорник не уступит ему самому, человеческая ищейка, с точностью радара вынюхивающая порох, и напалм, и гелигнит.

Через месяц или даже раньше реактивные самолеты Национальной гвардии поднимутся в воздух с полным комплектом ракет «шрайк» под крыльями. А когда он убедится, что его новобрачная зачала, они полетят на восток.

Он мечтательно посмотрел на огромную луну и улыбнулся.

Существовала и другая возможность. Он рассчитывал, что глаз ему это покажет со временем. Он мог отправиться туда, возможно, вороной, возможно, волком, возможно, насекомым... скажем, обратившись в богомола, что-то достаточно маленькое, чтобы пролезть через тщательно скрытый в жесткой пустынной траве вентиляционный люк. Он пропрыгает или проскачет по темным коробам и, наконец, проберется внутрь через щели в решетке воз-

душного кондиционера или между застывшими лопастями вентилятора.

Место это находилось под землей. На самой границе между штатами, в Калифорнии.

Там хранились пробирки. Многие ряды пробирок, каждая с аккуратной наклейкой: первосортная холера, первосортная сибирская язва, новый улучшенный штамм бубонной чумы — все вирусы и микробы, обладающие способностью мутировать, не позволяя человеческому организму выработать противостоящие им антитела. Именно благодаря этой особенности вирус «супергриппа» оказался столь эффективным. В этом месте хранились сотни таких возбудителей — на любой вкус, как говорилось в рекламе «Лайф сейверс».

Как насчет того, чтобы получить вкусовую добавку в воду, Свободная зона?

Как насчет славного взрыва в атмосфере?

«Болезнь легионеров» на Рождество — или вы предпочитаете новый улучшенный свиной грипп?

Рэнди Флэгг, темный Санта, в санях Национальной гвардии, с маленьким набором вирусов для каждой печной трубы?

Он подождет, выберет точное время для своего прихода.

Что-то ему подскажет.

Все будет хорошо. На этот раз быстро сматываться не придется. Он на самом верху и собирается там оставаться.

От кролика ничего не осталось. Насытившись, Флэгг вновь стал самим собой. Поднялся с жестяной тарелкой в руке, швырнул кости в ночь. Волки бросились на них, принялись драться, рыча и кусаясь, их глаза перекатывались в лунном свете.

Флэгг стоял, уперев руки в бока, и хохотал, вскинув лицо к луне.

Ранним утром следующего дня Надин покинула городок Глендейл и поехала на своей «веспе» по автостраде 15. Ее снежно-белые волосы, ничем не схваченные, летели позади, очень напоминая фату.

Она жалела «веспу», которая так долго и верно служила ей, а теперь умирала. Пройденные мили и жара пустыни, трудный переход через Скалистые горы и пренебрежение техническим обслуживанием сделали свое дело. Двигатель надрывно хрипел.

Стрелка тахометра металась, вместо того чтобы смирно стоять около цифры «5». Но если бы мотороллер и сломался до прибытия к месту назначения, она могла пройтись пешком. Никто ее теперь не преследовал. Гарольд умер. А если бы ей пришлось идти пешком, *он* узнал бы об этом и прислал кого-нибудь, чтобы ее подвезли.

Гарольд стрелял в нее! Гарольд пытался ее *убить*!

Ее разум продолжал возвращаться к этому, несмотря на все попытки уйти от этих мыслей. Ее разум глодал эти воспоминания, как собака гложет кость. Такого просто не могло быть. Флэгг пришел к ней во сне в первую ночь после взрыва, когда Гарольд наконец-то разрешил им разбить лагерь. Сказал, что собирается оставить Гарольда с ней, пока они двое не доберутся до западного склона Скалистых гор, то есть практически до Юты. Потом он уберет Гарольда быстро и безболезненно, подстроив несчастный случай. Масляное пятно. Перелет через рельс ограждения. Никакого шума, никакой суеты, никаких хлопот.

Но быстро и безболезненно не получилось, и Гарольд едва не *убил* ее. Пуля просвистела в дюйме от ее щеки, а она не могла сдвинуться с места. Застыла, потрясенная, гадая, как он мог такое сделать, как ему позволили *попытаться* такое сделать.

Она искала рациональное объяснение, говорила себе, что Флэгг таким способом хотел напугать ее, напомнить ей, что она принадлежит ему. Но ведь это не имело смысла! Отдавало безумием! И даже если в этом и был какой-то смысл, внутренний голос, твердый и знающий, говорил ей, что стрельба Гарольда стала для Флэгга полной неожиданностью, такого он совершенно не ожидал.

Она старалась заглушить этот голос, захлопнуть перед ним дверь, как здравомыслящий человек захлопывает дверь перед нежеланным гостем, в глазах которого читается жажда убийства. Но не вышло. Голос сказал ей, что она жива лишь благодаря слепому случаю, что пуля Гарольда с тем же успехом могла угодить ей между глаз, и Флэгг ничего бы не смог с этим поделать.

Она назвала голос лжецом. Флэгг знал все, знал, где падает самый маленький воробышек...

Нет, это Господь, неумолимо возразил голос. *Господь, не он. Ты жива благодаря слепому случаю, а это означает, что вы квиты.*

Ты ему больше ничего не должна. Можешь развернуться и пойти назад, если хочется.

Пойти назад — это даже не смешно. Назад *куда*?

С ответом на этот вопрос голос не нашелся, да Надин и удивилась бы, если б нашелся. Даже если ноги темного человека сделаны из глины, она узнала об этом слишком поздно.

Она попыталась сосредоточиться на холодной красоте утренней пустыни, чтобы отвлечься от голоса. Но голос не хотел уходить, продолжал настойчиво бубнить, только стал таким тихим, что она едва его слышала:

Если он не знал, что Гарольд способен выступить против него и нанести удар по тебе, чего еще он не знает? И пролетит ли пуля мимо в следующий раз?

Но, дорогой Господь, уже слишком поздно. Она опоздала на дни, недели, может, даже годы. Почему этот голос ждал до тех пор, пока его слова не лишатся смысла?

И, словно соглашаясь с ней, голос наконец-то замолчал, и все утро она оставалась наедине с собой. Ехала, не думая, глядя на дорогу, убегавшую под колеса ее мопеда. Дорогу, которая вела в Лас-Вегас. Дорогу, которая вела к *нему*.

«Веспа» приказала долго жить во второй половине дня. Что-то громко заскрежетало в ее внутренностях, и двигатель заглох. Надин почувствовала запах чего-то горячего и неисправного, вроде бы жженой резины, идущий из двигателя. Скорость мотороллера принялась падать, а когда снизилась до пешеходной, она свернула на аварийную полосу, остановилась, несколько раз ударила ногой по стартеру, понимая, что это бесполезно. Она убила мотороллер. Она много чего убила по пути к своему мужу. Она несла ответственность за смерть всех членов комитета Свободной зоны и тех, кого пригласили на заседание, оборванное взрывом. Плюс Гарольд. И забудьте про так и не родившегося ребенка Фрэн Голдсмит.

От этой мысли ее замутило. Она доплелась до рельса ограждения и выблевала на него весь завтрак. Стояла жуткая жара, Надин чувствовала себя совсем больной, на грани потери сознания, единственное живое существо посреди кошмара залитой солнцем пустыни. Жарко... так жарко.

Она отвернулась от заблеванного рельса, вытирая рот. «Веспа» лежала на боку, как сдохшее животное. Надин несколько мгновений смотрела на мотороллер, а потом зашагала по асфальту. Она уже миновала Сухое озеро, а это означало, что ночью ей предстояло спать у дороги, если кто-то не приедет за ней. При удаче она могла к утру добраться до Лас-Вегаса. И внезапно Надин поняла, что темный человек позволит ей проделать остаток пути на своих двоих, чтобы она пришла в Лас-Вегас голодная, мучаясь от жажды, обожженная солнцем, целиком и полностью лишившаяся всего, что связывало ее с прошлой жизнью. Женщина, учившая маленьких детей в частной школе Новой Англии, уйдет. Мертвая, как Наполеон. Возможно, тихий голос, который так тревожил ее, станет последней частью прежней Надин. Но в итоге, естественно, смолкнет и он.

Она шла, а день клонился к вечеру. Пот струился по лицу. Сверкала ртуть, всегда в месте слияния дороги с небом цвета вылинявшей джинсы. Надин расстегнула блузку и сняла ее, оставшись в белом хлопчатобумажном бюстгальтере. Солнечный ожог? И что с того? Честно говоря, дорогая моя, мне глубоко насрать.

К сумеркам ее кожа окрасилась в жуткий оттенок красного, а на ключицах стала чуть ли не пурпурной. Вечерняя прохлада пришла неожиданно, заставив Надин поежиться, заставив вспомнить, что все походное снаряжение осталось с «веспой».

Она неуверенно огляделась, видя тут и там автомобили, некоторые занесенные песком до самой крыши. Мысль о том, чтобы провести ночь в одной из этих могил, вызвала приступ тошноты — даже сильнейший ожог кожи не вызывал подобного.

У меня бред, подумала Надин.

Но это не имело никакого значения. Она решила, что лучше будет шагать до утра, чем заночует в одном из брошенных автомобилей. Как бы ей хотелось вновь оказаться на Среднем Западе. Там всегда нашелся бы сарай, стог сена, поле клевера. Чистенькое, мягкое место. Здесь она видела только дорогу, песок, спекшуюся, жесткую землю пустыни.

Она откинула длинные волосы с лица и тупо осознала, что хочет умереть.

Теперь солнце закатилось за горизонт, и вечер балансировал между светом и тьмой. Ветер, который обдувал ее, стал холодным как лед. Она огляделась, вдруг охваченная страхом.

Слишком холодно.

Холмы с крутыми склонами превратились в темные монолиты. Песчаные дюны — в зловещих упавших колоссов. Даже шипастые гигантские цереусы выглядели как обвиняющие пальцы мертвых, торчащие сквозь песок из неглубоких могил.

Над головой вращалось космическое небесное колесо.

Ей вспомнились обрывки стихов из песни Дилана, холодной и печальной: *Загнан, словно крокодил... в кукурузе взят...*

Наступая ей на пятки, в голову ворвалась другая песня, «Иглс», внезапно пугающая: *Этой ночью я хочу спать с тобой в пустыне... с миллионом звезд над головой...*

Внезапно Надин осознала, что он здесь.

Поняла это до того, как он заговорил.

— Надин! — Мелодичный голос, наплывающий из сгущающейся темноты. Бесконечно мелодичный, последний штрих охватывающего ее ужаса. — Надин, Надин... как я люблю любить Надин.

Она повернулась и увидела его, именно так, как и предполагалось, иначе просто быть не могло. Он сидел на капоте старого седана «шевроле» (стоял ли он там мгновением раньше? Надин не знала наверняка, но сомневалась), скрестив ноги, его руки лежали на коленях, обтянутых вылинявшими джинсами. Он смотрел на нее и нежно улыбался. Но в его глазах нежности не было. Глаза однозначно свидетельствовали, что никакой нежности этот человек не испытывает. В них Надин видела черное ликование, пляшущее, будто ноги человека, только что вздернутого на виселице.

— Привет, — поздоровалась она. — Я здесь.

— Да. Наконец-то ты здесь. Как и обещано. — Его улыбка стала шире, он протянул к ней руки. Она взяла их и, когда потянулась к нему, ощутила исходящий от него испепеляющий жар. Он излучал этот жар, точно хорошо растопленная кирпичная печь. Его гладкие, без единой линии ладони легли на ее запястья, а потом сомкнулись на них, как наручники. — Ох, Надин, — прошептал он и наклонился, чтобы поцеловать ее. Она чуть повернула голову, глядя вверх на холодный огонь звезд, и поцелуй пришелся в углубление под челюстью, а не в губы. Но этим она его не провела. Кожей почувствовала его насмешливую ухмылку.

Он мне отвратителен, подумала она.

Однако отвращение было лишь чешуйчатой корочкой над чем-то более худшим — сгущенной и давно скрываемой похотью, вечным прыщом, который наконец-то вырастил головку и собирался выплеснуть зловонную жидкость, давно уже скисшую сладость. Его руки, скользившие по ее спине, обжигали почище солнца. Она прижалась к нему, и тут же тонкая расщелина между ее ног набухла, прибавила в размере и чувствительности. Шов слаксов мягко натирал ее, вызывая желание сунуть руку в трусы, чтобы избавиться от этого зуда, излечиться раз и навсегда.

— Скажи мне одно, — попросила она.

— Все, что угодно.

— Ты сказал: «Как и обещано». Кто пообещал меня тебе? Почему меня? И как мне тебя называть? Я же понятия не имею. Я знала о тебе большую часть своей жизни, но понятия не имею, как мне тебя называть.

— Зови меня Ричард. Это мое настоящее имя. Зови меня так.

— Это твое настоящее имя? Ричард? — В голосе Надин слышалось сомнение, и он хихикнул ей в шею, отчего по коже побежали мурашки отвращения и желания. — И кто обещал меня тебе?

— Надин, я забыл, — ответил он. — Пошли.

Он соскользнул с капота, по-прежнему держа ее за руки, и она чуть не вырвалась и не убежала... да что толку? Он бы побежал следом, догнал, изнасиловал.

— Луна. — Он посмотрел на небо. — Она полная. И я тоже. — Он притянул ее руку к гладкой линялой промежности своих джинсов, и там она обнаружила что-то ужасное, бьющееся в собственном ритме под зазубренной прохладой молнии.

— Нет, — пробормотала она и попыталась отвести руку, думая, как далека эта ночь от другой лунной ночи, как невероятно далека. Она очутилась на другом краю радуги времени.

Он не отпустил ее.

— Пойдем в пустыню. Стань моей женой.

— Нет!

— Для «нет» слишком поздно, дорогая.

Она пошла с ним. На земле лежал спальник, рядом с черными, остывшими углями костра, под серебряным сиянием луны.

Он уложил ее.

— Хорошо, — выдохнул он. — Теперь все хорошо. — Его пальцы расстегнули пряжку ремня, потом пуговицу, потом молнию.

Она увидела, что он для нее приготовил, и начала кричать.

Улыбка темного человека стала шире, огромная, сверкающая и непристойная, а луна бесстрастно смотрела на них, раздувшаяся и яркая.

Крича, Надин пыталась отползти, но он схватил ее, и тогда она изо всех сил сжала ноги. Тут одна из этих лишенных линий рук вклинилась между ними, и они разошлись, как вода, и она подумала: *Я буду смотреть вверх... Я буду смотреть на луну... я ничего не почувствую, и все закончится... все закончится... я ничего не почувствую...*

Когда его смертельный холод вошел в нее, она закричала в голос, разрывая легкие, и забилась, но борьба была бесполезна. Он вломился в нее, насильник, разрушитель, и холодная кровь хлынула по ее бедрам, и он уже находился в ней полностью, доставая до матки, и луна светила ей в глаза холодным и серебристым огнем, и когда он кончил, в нее словно полилось расплавленное железо, расплавленный чугун, расплавленная латунь, и она кончила сама, кончила с криками, в невероятном наслаждении, кончила в страхе, в ужасе, пройдя через ворота из чугуна и латуни в пустошь безумия, ее вынесло туда, будто лист, ревом его смеха, видом того, как тает его лицо, превращаясь в косматую харю демона, нависшую над ее лицом, демона со сверкающими желтыми лампочками вместо глаз, окнами в ад, который никто и никогда не мог даже представить себе, и при этом в них светилась все та же ужасная добродушная веселость, эти глаза следили за кривыми проулками тысячи мрачных ночных городов; они сверкали, и блестели и, наконец, стекленели. Он кончил снова... и снова... и снова. Казалось, он никогда не насытится. Смертельно холодный. И древний. Древнее человечества, древнее Земли. Вновь и вновь он наполнял ее своей черной спермой, кричащим смехом. Земля. Свет. Оргазм. Опять оргазм. Последний крик вырвался у нее, чтобы ветер пустыни подхватил его и унес в самые дальние уголки этой ночи, туда, где оружие самых разных видов

и назначения ждало, пока новый владелец придет и объявит его своим. Косматая голова демона, вываленный язык с раздвоенным концом. Убийственное дыхание, обдувающее ее лицо. Теперь она находилась в краю безумия. Железные ворота захлопнулись.

Луна!..

Луна опустилась к самому горизонту.

Он поймал еще одного кролика, поймал трясущегося зверька голыми руками и сломал ему шею. Разжег новый костер на углях старого, и теперь на нем жарился кролик, источая дразнящий запах. Волков поблизости не наблюдалось. Сегодня он их не звал и полагал, что поступает правильно. Все-таки брачная ночь. А отупевшее и апатичное существо, которое, обмякнув, сидело по другую сторону костра, — его распрекрасная новобрачная.

Он наклонился и поднял ее руку с колена. Отпустил, и рука так и осталась висеть, застыв на уровне рта. Мгновение он разглядывал этот феномен. Потом вернул руку на прежнее место. Пальцы начали медленно шевелиться, будто умирающие змеи. Он поднес два пальца к ее глазам, но она даже не моргнула. Ее взгляд оставался пустым.

Он искренне недоумевал.

Что он с ней сделал?

Он не помнил.

Это не имело значения. Она забеременела. И если при этом впала в кататоническое состояние, что с того? Она являла собой идеальный инкубатор. От нее требовалось выносить его сына, родить, а потом она могла умереть, выполнив свое предназначение. В конце концов, какую еще она могла принести пользу?

Кролик поджарился. Он разломил его пополам. Потом разорвал ее половину на маленькие кусочки, словно готовил еду для ребенка. Покормил ее, отправляя в рот кусочек за кусочком. Некоторые выпадали изо рта ей на колени, наполовину пережеванные, но большую часть она съела. Он подумал, что ей понадобится сиделка, если она так и не выйдет из этого состояния. Может, Дженни Энгстрем.

— Все было очень хорошо, дорогая, — прошептал он.

Она тупо смотрела на луну. Флэгг мягко улыбнулся и съел свой брачный ужин.

После хорошего секса у него всегда пробуждался аппетит.

Он проснулся во второй половине ночи и сел в спальнике, в недоумении и испуге... испуге интуитивном, лишенном конкретики, свойственном животным... так хищник вдруг чувствует, что кто-то, возможно, охотится на него.

Ему приснился кошмар? Его разбудило видение?..

Они идут.

Испуганный, он попытался понять эту мысль, истолковать ее в каком-то контексте. Не получилось. Она висела сама по себе, словно злые чары.

Они уже ближе.

Кто? Кто уже ближе?

Ночной ветер прошелестел мимо, вроде бы принеся запах. Кто-то приходил и...

Кто-то ушел.

Пока он спал, кто-то прошел мимо его лагеря, направляясь на восток. Неопознанный третий? Он не знал. Было полнолуние. Третий ушел? Эта мысль вызвала панику.

Да, но кто идет сюда?

Он посмотрел на Надин. Она спала, свернувшись в позе зародыша, той позе, которую его сын примет в ее животе лишь через несколько месяцев.

А будут ли у него эти месяцы?

Вновь появилось ощущение, что все идет не так. Он лег в полной уверенности, что больше ему в эту ночь не уснуть. Но уснул. И к тому времени, когда следующим утром приехал в Вегас, вновь улыбался, чуть ли не полностью забыв про ночную панику. Надин покорно сидела рядом с ним на переднем сиденье, большая кукла с запрятанным в животе семечком.

Он сразу направился в «Гранд». Там узнал, что произошло, пока он спал. Увидел их новый взгляд, настороженный и вопрошающий, и почувствовал, как страх снова коснулся его крылышками ночного мотылька.

Глава 66

В то самое время, когда Надин Кросс начала осознавать определенные истины, которые со стороны могли показаться самоочевидными, Ллойд Хенрид сидел в одиночестве в баре «Каб», раскладывал пасьянс «Большие часы» и жульничал. Он пребывал в скверном расположении духа. При пожаре, внезапно возникшем в тот день в Индиан-Спрингсе, один человек погиб, трое получили ранения, и один из этих троих умирал от ожогов. В Вегасе никто не знал, как их лечить.

Новости привез Карл Хок. Приехал злой донельзя, а его было нелегко вывести из себя. До эпидемии Карл работал пилотом в «Озарк эйрлайнс». Бывший морской пехотинец, он, если бы захотел, мог переломить Ллойда надвое одной рукой, при этом другой смешивая «Дайкири». По словам Карла, он убил несколько человек за время долгой и переменчивой службы, и Ллойд склонялся к тому, чтобы ему верить. Но, конечно же, Карла Хока Ллойд не боялся. При всей его силе и габаритах он, как и все остальные на западе, трепетал перед Странником, а Ллойд носил на груди амулет Флэгга. Однако Хок был одним из их пилотов, а потому требовал особого, дипломатического подхода. И Ллойд, как ни странно, обладал дипломатическим талантом. Доказательством тому служил простой, но внушающий уважение факт: он несколько недель провел в компании некоего безумца, Тычка Фримана, и выжил, теперь имея возможность рассказать эту историю. От также провел несколько месяцев рядом с Рэндаллом Флэггом и по-прежнему дышал и оставался в здравом уме.

Карл появился в «Гранде» около двух пополудни двенадцатого сентября, с мотоциклетным шлемом под мышкой. С сильным ожогом на левой щеке и волдырями на руке. На базе случился пожар. Сильный, но не такой сильный, каким мог бы стать. Взорвался автозаправщик, горящее топливо разлилось по летному полю.

— Хорошо, — кивнул Ллойд. — Я позабочусь о том, чтобы большому парню стало об этом известно. Раненые в лазарете?

— Да. Там. Я не думаю, что Фредди Кампанари увидит сегодняшний заход солнца. У нас остается два пилота, я и Энди. Скажи ему это, а также кое-что еще, когда он вернется. Я хочу, чтобы

этот гребаный Мусорный Бак ушел. Я останусь только на таких условиях.

Ллойд вытаращился на Карла Хока:

— Ты — что?

— Я тебе все сказал.

— Что ж, а теперь послушай меня, Карл. Эти твои слова я ему передать не могу. Если хочешь отдавать *ему* приказы, тебе придется делать это самому.

На лице Карла внезапно отразились замешательство и даже страх. Последний смотрелся как-то неуместно.

— Да, я тебя понимаю. Просто я устал и перенервничал, Ллойд. Лицо чертовски болит. Я не собирался вываливать все на тебя.

— Все нормально, мужик. Для этого я здесь и сижу. — Иногда ему сидеть здесь вовсе не хотелось. Вот и сейчас начала болеть голова.

— Но он должен уйти. Если мне придется сказать ему об этом, я скажу. Я знаю, что у него один из этих черных камней. Как я понимаю, у высокого человека он в фаворе. Но ты только послушай. — Карл сел и положил шлем на стол для баккары. — Этот пожар на совести Мусорника. Господи, да как мы сможем поднять эти самолеты в воздух, если один из людей большого парня сжигает его гребаных *пилотов*?

Несколько человек, проходивших по вестибюлю, с тревогой поглядывали на стол, за которым сидели Ллойд и Карл.

— Говори тише, Карл.

— Хорошо. Но ты понимаешь проблему?

— Насколько ты уверен, что это сделал Мусорник?

— Послушай, он был в гаражном ангаре, так? Оставался там долго. Его видели многие, не только я.

— Я думал, он опять в отъезде. В пустыне. Ты знаешь, ищет свои игрушки.

— Что ж, он вернулся. Вездеход, на котором он ездит, набит всякой всячиной. Одному Богу известно, где он это раскапывает. В перерыве на ленч парни просто по земле катались от смеха. Ты же знаешь, какой он. Оружие для него — что сладости для ребенка.

— Да.

— Напоследок он показал нам зажигательный взрыватель. Выдергиваешь чеку, и загорается фосфор. Далее ничего не происхо-

дит тридцать или сорок минут, все зависит от размера взрывателя, так? Понимаешь? А потом вспыхивает огонь. Небольшой, но очень сильный.

— Понятно.

— Все хорошо. Мусорище нам это показывает, просто слюни пускает от удовольствия, и тут Фредди Кампанари говорит: «Эй, Мусорник, люди, которые играют с огнем, дуют в постель». И Стив Тобин, ты его знаешь, мрачный такой парень, от которого шутки не услышишь, добавляет: «Вам, парни, лучше спрятать спички. Мусорище вернулся в город». И тут у Мусорника совсем поехала крыша. Он нас оглядел и что-то забормотал себе под нос. Я сидел рядом с ним, и он вроде бы сказал: «Только больше не спрашивайте меня о пенсионном чеке старухи Семпл». Есть ли в этом хоть какой-то смысл?

Ллойд покачал головой. Во всем, что касалось Мусорного Бака, никакого смысла он не находил.

— Потом он ушел. Забрал все, что нам показывал, и ушел. Знаешь, нам всем стало как-то неловко. Мы же не хотели его обидеть. Большинству Мусорник нравится. Или нравился. Он же как маленький мальчик, понимаешь?

Ллойд кивнул.

— Часом позже этот чертов автозаправщик взрывается, точно ракета. И пока мы приходили в себя, стараясь спасти еще живых, я случайно поднял голову и увидел вездеход Мусорника, стоявший рядом с казармами. А сам он наблюдал за нами в бинокль.

— Это все, что у тебя есть? — В голосе Ллойда слышалось облегчение.

— Нет, не все. Иначе я бы не потревожил тебя, Ллойд. Но, взглянув на него, я начал думать о том, как взорвался автозаправщик. Они так взрываются, если использовать зажигательный взрыватель. Во Вьетнаме вьетконговцы взорвали множество наших баз с оружием и боеприпасами нашими же зажигательными взрывателями. Его надо закрепить под грузовиком, на выхлопной трубе. Если никто не заводит двигатель, он взрывается по времени, установленному на таймере. Если кто-то заводит — когда нагревается выхлопная труба. В любом случае — ба-бах, взрыв, и грузовику капут. Смущало меня только одно. В гаражном ангаре обычно стоит не меньше десятка автозаправщиков, и мы не используем их в каком-то определенном порядке. Поэтому, отпра-

вив бедного Фредди в лазарет, мы с Джоном Уэйтом пошли в ангар. Джон ведает всем транспортом базы, и он кипел от злости. Он тоже видел Мусорника в гаражном ангаре.

— Он уверен, что видел именно Мусорного Бака?

— С такими ожогами на руке его едва ли с кем спутаешь, так? Правильно излагаю? Да никто ведь тогда ничего такого не думал. Он просто ходил и смотрел, для него же это обычное дело, правда?

— Да, пожалуй, можно сказать и так.

— Короче, мы с Джоном начали осматривать остальные автозаправщики. И черт возьми, зажигательные взрыватели были на каждом. Он прикрепил их к выхлопным трубам у самого бензобака. Этот заправщик взорвался первым только потому, что выхлопная труба нагрелась, как я тебе и говорил. Но остальные могли взорваться в самое ближайшее время. Два или три взрывателя уже дымились. Некоторые заправщики стояли пустые, но как минимум пять были залиты авиационным горючим. Еще десять минут, и мы потеряли бы половину этой чертовой базы.

Господи Иисусе, печально подумал Ллойд. *Это плохо. Можно сказать, хуже не бывает.*

Карл поднял обожженную руку:

— Я ее обжег, снимая один из горячих взрывателей. Теперь ты понимаешь, почему его нужно прогнать?

— Может, кто-то украл эти взрыватели из его вездехода, когда он отошел, чтобы отлить, или что-то в этом роде? — Ллойд, похоже, и сам не верил в эту версию.

— Все произошло по другой причине, — *терпеливым, ровным* голосом ответил Карл. — Кто-то его обидел, когда он показывал нам свои игрушки, и он попытался нас сжечь. И у него практически получилось. С этим надо что-то делать, Ллойд.

— Хорошо, Карл.

Остаток дня он провел, расспрашивая о Мусорнике: видел ли его кто-нибудь, знает ли, где он может быть? Результатом стали настороженные взгляды и отрицательные ответы. Новости распространялись быстро. Ллойд полагал, что оно и к лучшему. Любой, кто увидит Мусорника, поспешит доложить об этом в надежде, что за него замолвят словечко перед самым главным. Но Ллойд склонялся к тому, что Мусорника не найдут. Он устроил им небольшой фейерверк и укатил в пустыню на своем вездеходе.

Ллойд посмотрел на разложенные на столе карты и с трудом подавил желание смахнуть их на пол. Вместо этого нашел в колоде очередного туза и продолжил игру. Это не имело значения. Когда он понадобится Флэггу, тот его позовет. И старина Мусорище закончит свой путь на кресте, так же как Гек Дроугэн. Не повезло тебе, парень.

Но в самых глубинах его сердца начали возникать вопросы.

Ему не нравилось происходящее в последнее время. Дейна, к примеру. Флэгг о ней узнал, это правда, но она не заговорила. Каким-то образом сумела умереть, оставив их в неведении насчет третьего шпиона.

И еще. Как вышло, что Флэгг не знал, кто этот третий шпион? Он знал о старом пердуне и, вернувшись из пустыни, знал о Дейне. Более того, рассказал им, как он себя с ней поведет. И все равно не сработало.

А теперь Мусорный Бак.

Мусорник — это тебе не мелкая сошка. Может, он был никем в прежние дни, но теперь ситуация кардинально изменилась. Мусорник носил на груди камень темного человека, так же как и сам Ллойд. Когда в Лос-Анджелесе Флэгг выжег мозги не в меру болтливому адвокату, Ллойд видел, как он положил руки на плечи Мусорного Бака и мягко сказал ему, что все сны, которые тот видел, настоящие. А Мусорник прошептал в ответ: «Моя жизнь принадлежит тебе».

Ллойд не знал, о чем еще они говорили, но не вызывало сомнений, что Мусорник кружил по пустыне с благословения Флэгга. А теперь Мусорный Бак окончательно рехнулся.

И с этим тоже возникали серьезные вопросы.

По этой самой причине Ллойд сидел в одиночестве в девять часов вечера, жульничал в пасьянсе и сожалел, что не может напиться в стельку.

— Мистер Хенрид!

Что *еще*? Он поднял голову и увидел девушку с симпатичным, капризным личиком. Обтягивающие белые шорты, топик, не полностью скрывающий ареолы сосков. Сексапильная крошка, это точно, но сейчас она выглядела нервной и бледной, чуть ли не больной. Она нервно грызла ноготь большого пальца, и Ллойд обратил внимание, что все ее ногти кажутся неровными и обгрызенными.

— Что?

— Я... мне надо увидеть мистера Флэгга... — Громкость быстро уходила из ее голоса, фразу она закончила шепотом.

— Надо, да? И кто я, по-твоему? Его личный секретарь?

— Нет... но они сказали... обратиться к вам.

— Кто сказал?

— Энджи Хиршфилд. Ее идея.

— Как тебя зовут?

— Э... Джули. — Она нервно хихикнула. Страх не уходил с ее лица, и Ллойд задался вопросом, что еще могло сегодня стрястись. Такая девушка не стала бы просить о встрече с Флэггом, если б не что-то серьезное. — Джули Лори.

— Что ж, Джули Лори, Флэгга сейчас нет в Лас-Вегасе.

— А когда он вернется?

— Не знаю. Он приходит и уходит, а пейджер с собой не берет. И мне не докладывается. Если у тебя есть что сказать, поделись со мной, а я приложу все силы, чтобы он получил необходимую информацию. — Она с сомнением посмотрела на него, и Ллойд повторил слова, которые днем сказал Карлу Хоку: — Для этого я здесь и сижу, Джули.

— Хорошо. — И тут же торопливо добавила: — Если это окажется важным, вы скажете ему, что узнали об этом от меня. От Джули Лори.

— Ладно.

— Вы не забудете?

— *Господи, конечно же, нет!* Так в чем дело?

Она надула губки.

— Вам совсем не обязательно на меня злиться.

Он вздохнул и положил на стол карты, которые держал в руке.

— Ты права. Не обязательно. Ну, так в чем дело?

— Этот болван. Раз он здесь, я уверена, он шпионит. И подумала, что вам лучше знать. — Ее глаза злобно блеснули. — Этот ублюдок угрожал мне пистолетом.

— Какой болван?

— Я увидела слабоумного и решила, что болван должен быть с ним, знаете ли. И они не наши люди. Я решила, что они пришли с той стороны.

— Ты так решила?

— Да.

— Знаешь, я просто представить себе не могу, о чем ты говоришь. День выдался длинный, и я устал. Если не начнешь говорить толково, Джули, я пойду спать.

Джули села, положила ногу на ногу и рассказала Ллойду о встрече с Ником Эндросом и Томом Калленом в Прэтте, штат Канзас, ее родном городе. О пепто-бисмоле («Я только хотела подшутить над этим слабоумным, а глухонемой наставил на меня пистолет»). Она рассказала ему даже о том, что стреляла в них, когда они покидали город.

— И что это доказывает? — спросил Ллойд, когда Джули закончила. Его в какой-то степени заинтриговало слово «шпионит», но потом рассказ Джули стал скучным.

Джули вновь надула губки и закурила.

— Я же *сказала*. Этот слабоумный, он теперь *здесь*. Я готова спорить, он шпионит.

— Том Каллен, так, ты говоришь, его зовут?

— Да.

Мелькнуло какое-то смутное воспоминание. Том Каллен. Крупный парень со светлыми волосами, действительно умственно отсталый, но уж точно не такой монстр, каким его расписывала эта капризная сучка. Ллойд попытался вспомнить о Каллене что-нибудь еще, но тщетно. В день в Вегас приходило от шестидесяти до ста человек, и упомнить всех не представлялось возможным, а Флэгг сказал, что поток значительно усилится, прежде чем иссякнуть. Он решил, что свяжется с Полом Берлсоном, который вел учет жителей Лас-Вегаса, и спросит об этом Каллене.

— Вы собираетесь его арестовать? — спросила Джули.

Ллойд посмотрел на нее:

— Я арестую тебя, если ты не перестанешь доставать меня.

— Сукин сын! — визгливым, срывающимся голосом воскликнула Джули Лори и вскочила, испепеляя его взглядом. Коротенькие белые хлопчатобумажные шортики создавали впечатление, будто ее ноги растут из подбородка. — Я только старалась помочь!

— Я проверю его.

— Да, конечно, слышала я эту историю!

Она вылетела из бара, обтянутые шортиками упругие ягодицы возмущенно раскачивались.

Наблюдая за ней с усталой улыбкой, Ллойд подумал, что таких телок, как она, в мире великое множество, даже теперь, после «супергриппа». Найти подход к ним легко, но вот потом надо остерегаться ноготков. Дальние родственницы тех паучих, которые после секса пожирают самцов. Прошло два месяца, а она по-прежнему злится на того немого. Как там его фамилия? Эндрос?

Ллойд достал из заднего кармана блокнот в потертой черной обложке, послюнил палец и пролистывал, пока не открылась чистая страница. В блокнот он записывал все, что не следовало забывать, касалось ли это его лично или общего дела: от напоминания чисто бриться перед каждой встречей с Флэггом до взятого в рамку указания о проведении инвентаризации всех аптек Лас-Вегаса, чтобы не допустить исчезновения из них морфия и кодеина. И чувствовалось, что очень скоро ему предстояло завести второй такой блокнот.

Корявым почерком *ученика начальной школы он записал: Ник Эндрос или Эндротес — глухонемой. В городе?* А ниже: *Том Каллен, проверить у Пола.* Затем вернул блокнот в задний карман. В сорока милях к северо-востоку, под сверкающими звездами пустыни, темный человек довел до логического завершения длительные отношения с Надин Кросс. Его бы очень заинтересовал тот факт, что друг Ника Эндроса находится в Вегасе.

Но Флэгг спал.

Ллойд угрюмо уставился на разложенные на столе карты, забыв про Джули Лори, ее обиду и аппетитный зад. Достал из колоды еще одного туза, *и его мысли печально вернулись к Мусорному* Баку и тому, что может сказать — или сделать — Флэгг, услышав о случившемся в Индиан-Спрингсе.

В то самое время, когда Джули Лори выбегала из «Каба», чувствуя, что ее, можно сказать, высекли за исполнение, как она себе это представляла, гражданского долга, Том Каллен стоял у панорамного окна своей квартиры в другой части города и зачарованно смотрел на луну.

Пора идти.

Пора возвращаться.

Эта квартира ничем не напоминала его дом в Боулдере. Обставленная, но не украшенная. Ни одного постера на стенах, ни одного чучела, подвешенного на струнной проволоке. Квартиру

эту он воспринимал лишь как промежуточную станцию, и теперь пришло время отправления. Его это радовало. Ему тут не нравилось. Здесь везде стоял запах, сухой и неприятный, к которому никак не удавалось подобрать слово. Люди по большей части были хорошие, некоторые ничем не отличались от тех, кто жил в Боулдере, к примеру, Энджи и этот маленький мальчик, Динни. Никто не смеялся над тем, что до него все медленно доходило. Ему дали работу и шутили с ним, а во время ленча обменивались содержимым корзинок. Хорошие люди, не слишком отличающиеся от жителей Боулдера, насколько он мог сказать, но...

От всех них шел этот *запах*.

Все они, казалось, ждали и наблюдали. Иногда вдруг замолкали, их глаза туманились, словно они начинали грезить о чем-то неприятном. Они делали все, что им поручали, не спрашивая, почему должны это делать и для чего это нужно. Они все вроде бы носили маски счастливых людей, но их истинные лица, их скрытые лица, были образинами монстров. Однажды он видел об этом страшный фильм. Такие монстры назывались оборотнями.

Луна плыла над пустыней, призрачная, высокая, свободная.

Он видел Дейну из Свободной зоны. Видел только однажды и больше ни разу. Что с ней сталось? Она тоже шпионила? Она вернулась?

Он не знал. И он боялся.

Маленький рюкзак лежал в раскладном кресле, которое стояло перед никому не нужным цветным телевизором. Рюкзак, набитый вакуумными упаковками ветчины, копчеными колбасками «Слим джимс» и банками сардин. Том поднял его и надел.

Идти ночью, спать днем.

Он вышел во двор дома, где жил, не оглянувшись. Луна светила так ярко, что его тень ложилась на потрескавшийся бетон, на котором когда-то любители азартных игр парковали свои автомобили с номерными знаками других штатов.

Он посмотрел вверх, на призрачную монету, плывущую по небу.

— Родные мои, это луна, — прошептал он. — Родные мои, да. Том Каллен знает, что это означает.

Велосипед дожидался его, прислоненный к розовой оштукатуренной стене многоквартирного дома. Он задержался буквально на секунду, чтобы поправить рюкзак, потом сел на велосипед

и покатил к автостраде 15. К одиннадцати вечера оставил позади Лас-Вегас и ехал на восток по аварийной полосе автострады 15. Никто его не увидел. Никто не поднял тревогу.

Мысли ушли, как случалось практически всегда после решения насущных проблем. Том крутил педали, ощущая только легкий ночной ветерок, который приятно холодил разгоряченное лицо. Изредка ему приходилось поворачивать, чтобы обогнуть песчаную дюну, принесенную из пустыни, которая выбеленной рукой скелета перегораживала часть дороги, а когда он отъехал от города на достаточное расстояние, появились застывшие легковушки и грузовики, которые тоже приходилось объезжать... посмотри на мою работу, о великий, и приди в отчаяние, как мог бы сказать Глен Бейтман в присущей ему иронической манере.

Он остановился в два часа ночи, чтобы перекусить копчеными колбасками и крекерами, которые запил кулэйдом из большого термоса, закрепленного на багажнике велосипеда над задним колесом. Потом поехал дальше. Луна зашла. Лас-Вегас удалялся с каждым оборотом колес. Настроение Тома от этого только улучшалось.

Но в четверть пятого утра тринадцатого сентября холодная волна страха накрыла его. Еще более пугающая из-за внезапности, с которой она накатила, из-за ее иррациональности. Том бы громко вскрикнул, если бы его голосовые связки вдруг не застыли, потеряв способность двигаться. Мускулы ног, вращавших педали, расслабились, и дальше он уже катил по инерции под яркими звездами. Бело-черная пустыня по обеим сторонам дороги смещалась назад все медленнее и медленнее.

Он находился рядом.

Человек без лица, демон, который теперь ходил по земле.

Флэгг.

Высокий человек, как они его называли. Улыбающийся человек, как Том называл его в своем сердце. Только когда его улыбка обрушивалась на тебя, кровь в твоем теле застывала, оставляя плоть холодной и безжизненной. Человек, который мог посмотреть на кошку и заставить ее блевать волосяными комками. А если он попадал в строящийся дом, люди отбивали себе пальцы молотками, укладывали черепицы вверх тормашками, как лунатики, подходили к краю балки...

...и, святый Боже, он проснулся.

Том захныкал. Почувствовал внезапное пробуждение. Увидел, ощутил Глаз, открывающийся в предрассветной темноте, жуткий красный Глаз, еще не полностью проснувшийся. И он поворачивался во мраке. Высматривал. Высматривал его. Он знал, что Том Каллен здесь, только не мог определить, где именно.

Его ноги слепо нашли педали и принялись их вертеть, быстрее и быстрее, он склонился над рулем, чтобы уменьшить сопротивление ветра, набирал скорость, наконец чуть ли не летел над дорогой. Если бы на пути попался автомобиль, он бы врезался в него и, наверное, разбился насмерть.

Но мало-помалу Том начал ощущать, что это темное, жаркое присутствие все удаляется и удаляется от него. И, чудо из чудес, этот ужасный красный Глаз посмотрел в его сторону, но не увидел (*Возможно, потому, что я согнулся над рулем,* решил Том Каллен)... а потом медленно закрылся.

Темный человек снова заснул.

Что чувствует кролик, когда тень ястреба накрывает его, словно черный крест... а потом продолжает движение, не останавливаясь и даже не замедляя скорости? Что чувствует мышь, когда кошку, терпеливо прождавшую у норки весь день, поднимает хозяйка и бесцеремонно вышвыривает за дверь? Что чувствует олень, когда проходит мимо охотника, задремавшего после трех выпитых за ленчем банок пива? Возможно, они не чувствуют ничего, а может, то самое, что почувствовал Том Каллен, выезжая из этой черной и опасной зоны притяжения темного человека: безмерное, ни с чем не сравнимое облегчение, ощущение, что родился заново. Он почувствовал себя спасенным, причем заслуга принадлежала не ему: удачу, которая не оставила его, даровали небеса.

Том ехал до пяти утра. Впереди небо стало темно-синим с золотыми блестками рассвета. Звезды угасали.

Сил у него почти не осталось. Он проехал чуть дальше, увидел справа от дороги склон, уходящий вниз ярдов на семьдесят. Свез по нему велосипед, прошел немного по руслу пересохшей реки. Повинуясь инстинкту, надергал сухой травы, чтобы замаскировать велосипед. Примерно в десяти ярдах нашел две скалы, которые наклонялись друг к другу. Залез в зазор между ними, положил под голову куртку и практически мгновенно уснул.

Глава 67

Странник вернулся в Вегас.

Он прибыл примерно в половине десятого утра. Ллойд его видел. Флэгг тоже видел Ллойда, но словно и не заметил его. Пересек вестибюль «Гранда», ведя с собой женщину. Головы поворачивались, чтобы взглянуть на нее, хотя все боялись смотреть на темного человека. Белоснежные волосы падали на спину и плечи. Женщина обгорела на солнце так жутко, что Ллойд подумал о жертвах пожара в Индиан-Спрингсе. Белые волосы, ужасный солнечный ожог, совершенно пустые глаза. Ничего не выражающий взгляд говорил о том, что они не видят окружающего мира, не воспринимают его. Ллойду уже доводилось встречать такие глаза. В Лос-Анджелесе, после того как темный человек разобрался с Эриком Стреллертоном, адвокатом, который вознамерился указывать Флэггу, как и что надо делать.

Флэгг ни на кого не смотрел. Он улыбался. Провел женщину к лифту, потом в кабину. Двери захлопнулись, и они поднялись на верхний этаж.

Следующие шесть часов Ллойд занимался организационными вопросами, чтобы не ударить *лицом в грязь, когда Флэгг вы*зовет его на доклад. И он полагал, что теперь все под контролем. Осталось только найти Пола Берлсона и узнать, что у него есть по Тому Каллену, на случай если Джули Лори действительно наткнулась на что-то важное. Ллойд полагал, что вероятность этого крайне мала, но по себе знал, что с Флэггом лучше перестраховаться. Гораздо лучше.

Он снял трубку, терпеливо подождал. Через какое-то время послышался щелчок и теннессийский, гнусавый говор Ширли Данбар:

— Оператор.

— Привет, Ширли, это Ллойд.

— Ллойд Хенрид! Как дела?

— Неплохо, Ширли. Можешь соединить меня с номером шестьдесят два четырнадцать?

— С Полом? Его нет дома. Он в Индиан-Спрингсе. Готова спорить, я найду его через коммуникационный центр базы.

— Хорошо, попытайся.

— Найду, будь уверен. Слушай, Ллойд, а когда ты заглянешь ко мне и попробуешь мой кофейный торт? Я пеку свежий каждые два-три дня.

— Скоро, Ширли. — Ллойд поморщился. Ширли было сорок, вес под сто восемьдесят... и она положила глаз на Ллойда. Как над ним только не шутили, особенно Уитни и Ронни Сайкс. Однако свое дело она знала прекрасно и творила чудеса с телефонной системой Лас-Вегаса. Обеспечить работу телефонов — во всяком случае, самых нужных — стало их приоритетной задачей после восстановления подачи электроэнергии, но большая часть оборудования, обеспечивающего автоматическое переключение, сгорела, так что пришлось вернуться к коммутатору начала века. Ширли демонстрировала сверхъестественное мастерство, и ей хватало терпения, чтобы обучать еще трех или четырех операторов.

К тому же она *действительно* пекла очень вкусные кофейные торты.

— Правда, скоро, — добавил он и пожалел, что в одной женщине не сочетаются упругое, аппетитное тело Джули Лори и блестящие профессиональные навыки и добродушная натура Ширли Данбар.

Ее это вроде бы устроило. В трубке слышались звон и пиканье, один раз пронзительный визг заставил Ллойда отодвинуть трубку от уха на пару дюймов, а потом пошли долгие хриплова-тые гудки.

— Бейли, операционный центр, — раздался искаженный расстоянием голос.

— Это Ллойд! — прокричал он в трубку. — Пол на базе?

— Какой Хол, Ллойд? — спросил Бейли.

— Пол! Пол Берлсон!

— Ах он! Да, сидит рядом, пьет колу.

Последовала пауза, Ллойд уже решил, что связь прервалась, но тут услышал голос Пола.

— Нам придется кричать, Пол. Связь — полное дерьмо. — Ллойд не знал, хватит ли Полу объема легких, чтобы кричать. Этого маленького, худенького человечка в очках с толстыми линзами некоторые называли мистер Холодильник, потому что, не обращая внимания на жару, он появлялся на людях исключительно в костюме-тройке. Но по части сбора информации равных ему не было, и Флэгг как-то сказал Ллойду — на него иной раз нападало

желание пооткровенничать, — что к тысяча девятьсот девяносто первому году Берлсон возглавит секретную полицию. «Он о-о-очень подходит на эту должность», — добавил темный человек с теплой, ласковой улыбкой.

Пол, однако, смог говорить громче.

— Адресная книга у тебя с собой? — спросил Ллойд.

— Да. Мы со Стэном Бейли обдумываем программу ротации работ.

— Посмотри, есть ли у тебя что-нибудь на парня по имени Том Каллен, а?

— Секундочку. — Секундочка растянулась на две или три минуты, и Ллойд вновь задался вопросом, не оборвалась ли связь. Потом Пол заговорил: — Ага, Том Каллен... ты слушаешь, Ллойд?

— Да.

— С этими телефонами никогда не знаешь, есть ли связь или уже нет. Ему от двадцати двух до тридцати пяти. Сам он не знает. Легкая умственная отсталость. У него есть кое-какие рабочие навыки. Мы определили его в уборщики.

— Как давно он в Вегасе?

— Меньше трех недель.

— Из Колорадо?

— Да, у нас человек десять, которые побывали там и решили, что им это не подходит. Его оттуда выгнали. Он занимался сексом с нормальной женщиной, и, как я понимаю, они испугались за свой генофонд. — Пол рассмеялся.

— Адрес у тебя есть?

Пол продиктовал адрес, который Ллойд записал в свой блокнот.

— Это все, Ллойд?

— Еще одна фамилия, если у тебя найдется время.

Пол рассмеялся — нервным смехом маленького человечка.

— Конечно, это мой перерыв на чашку кофе.

— Ник Эндрос.

Пол ответил без запинки:

— Эта фамилия — в моем красном списке.

— Да? — Ллойд соображал со всей доступной ему скоростью, но определенно не слишком быстро. Он понятия не имел о «красном списке» Пола. — Кто назвал тебе ее?

— А как ты думаешь? — раздраженно ответил Пол. — Тот же, кто назвал мне и все остальные фамилии красного списка.

— Ага. Понятно. — Ллойд попрощался и положил трубку на рычаг. Разговор о пустяках при таком качестве связи не представлялся возможным, да и времени на него, судя по всему, не было.

Красный список.

Фамилии, которые Флэгг назвал только Полу и, вероятно, больше никому, хотя Пол не сомневался, что Ллойду они тоже известны. Красный список, и что это означает? Красное означает запрет.

Красное означает опасность.

Ллойд вновь взялся за трубку.

— Оператор.

— Опять Ллойд, Ширли.

— Что, Ллойд, ты...

— Ширли, некогда болтать. Дело, возможно, очень важное.

— Хорошо, Ллойд! — Игривость мгновенно ушла из ее голоса. Дело есть дело.

— Кто сейчас дежурит в службе безопасности?

— Барри Доргэн.

— Соедини меня с ним. И я тебе не звонил.

— Да, Ллойд. — В голосе Ширли слышался страх. Ллойд тоже боялся, но в нем нарастало радостное волнение.

Через секунду раздался голос Доргэна. Ллойд этому порадовался, потому что знал, что Доргэн — хороший парень. Слишком многие из тех, кого тянуло в полицию, очень напоминали Тычка Фримана.

— Я хочу, чтобы ты привел ко мне одного человека. Возьми его живым. Он мне нужен живым, даже если ты и потеряешь людей. Его зовут Том Каллен, и ты скорее всего застанешь его дома. Приведи его в «Гранд». — Он продиктовал Барри адрес Тома, потом заставил повторить.

— Насколько это важно, Ллойд?

— Очень важно. Сделай все правильно, и тот, кто выше меня, будет тобой очень доволен.

— Ладно. — Барри положил трубку, и Ллойд последовал его примеру, уверенный, что на другом конце провода поняли подтекст: *Облажаешься, и кое-кто очень сильно на тебя рассердится.*

Барри позвонил часом позже, чтобы сказать, что Том Каллен, судя по всему, смылся.

— Но он слабоумный, — продолжил Барри. — Не может вести не только автомобиль, но и мотороллер. Если он направился на восток, то еще не добрался и до Сухого озера. Мы сможем его перехватить, Ллойд, я знаю, что сможем. Дай мне зеленый свет. — Барри почти пускал слюни. Во всем Вегасе только четыре или пять человек знали о шпионах, и Барри входил в их число, поэтому он читал мысли Ллойда.

— Дай подумать, — ответил Ллойд и положил трубку, отсекая протесты Барри. Голова у него теперь работала куда лучше, чем до эпидемии — тогда он и представить себе не мог, что она может настолько хорошо работать, — но Ллойд понимал, что принимать подобное решение должен не он. Тревожил его и красный список. Как вышло, что ему ничего не сказали?

Впервые после встречи с Флэггом в Финиксе у Ллойда возникло неприятное ощущение, что позиция его уязвима. Секреты оставались секретами. Возможно, им бы еще удалось перехватить Каллена: Карл Хок и Билл Джеймисон умели водить армейские вертолеты, которые базировались в Спрингсе, и при необходимости они могли перекрыть все дороги, ведущие из Невады на восток. Опять же этот парень не был ни Джеком Потрошителем, ни Доктором Осьминогом*. Они имели дело со слабоумным, пустившимся в бега. Если бы он знал об этом Эндросе до того, как к нему пришла Джули Лори, они бы, возможно, успели взять Каллена в его квартире на севере Вегаса.

Где-то внутри открылась дверца, и из нее подул холодный ветерок страха. Флэгг дал маху. И Флэгг, как выясняется, доверял Ллойду Хенриду не во всем. А это было о-о-очень плохо.

Тем не менее Флэггу следовало доложить о происходящем. Сам Ллойд не хотел начинать новую охоту на человека. Особенно после случившегося с Судьей. Он уже поднялся, чтобы подойти к местным телефонам, когда увидел направляющегося к нему Уитни Хоргэна.

— Позвонил главный, Ллойд. Ты ему нужен.

---

* Доктор Осьминог — герой комиксов, злой ученый, один из врагов Человека-паука.

— Хорошо. — Ллойд удивился спокойствию собственного голоса: страх внутри зашкаливал. Но прежде всего следовало помнить, что он давно бы умер от голода в тюрьме Финикса, если бы не Флэгг. И не имело смысла себя обманывать: он с потрохами принадлежал темному человеку.

Я же не могу выполнять свою работу, если он скрывает информацию, думал Ллойд, направляясь к лифтам. Нажал кнопку пентхауса, и кабина плавно пошла вверх. И вот что еще не отпускало его, сидело занозой: Флэгг не знал. Третий шпион жил среди них, *а Флэгг не знал.*

— Заходи, Ллойд. — Флэгг лениво улыбался, закутанный в сине-белый клетчатый банный халат.

Ллойд вошел. Кондиционер работал на полную мощность, и он словно попал в Гренландию. Но при этом, проходя мимо Флэгга, почувствовал идущий от него жар. Будто в комнате также работал маленький, но очень мощный нагреватель.

В углу, на длинном белом шезлонге, сидела женщина, которая этим утром пришла с Флэггом. С аккуратно подколотыми волосами, в платье-рубашке, с апатичным, ничего не выражающим лицом, и от взгляда на нее по спине Ллойда побежали мурашки. Когда-то давно, еще подростками, он и его друзья украли на стройке несколько шашек динамита, подожгли фитили и бросили в озеро Гаррисон, где те и взорвались. Потом по поверхности плавала дохлая рыба, и в ее глазах читалось такое же безразличие.

— Я хочу познакомить тебя с Надин Кросс, — раздался у него за спиной голос Флэгга, и он подпрыгнул от неожиданности. — Моей женой.

В изумлении Ллойд повернулся к Флэггу, чтобы увидеть насмешливую улыбку и пляшущее в глазах веселье.

— Дорогая, это Ллойд Хенрид, моя правая рука. Мы с Ллойдом встретились в Финиксе, где Ллойд сидел в тюрьме и собирался пообедать собратом-заключенным. Собственно, Ллойд уже успел снять пробу. Верно, Ллойд?

Ллойд густо покраснел и промолчал, хотя женщина выглядела так, будто рехнулась или, закинувшись, унеслась на луну.

— Протяни руку, дорогая, — велел темный человек.

Будто робот, Надин протянула руку. Ее глаза продолжали тупо смотреть в какую-то точку над плечом Ллойда.

Господи, вот страх-то, подумал Ллойд. Несмотря на мощный кондиционер, его тело покрывала пленка пота.

— Радпознакомиться, — пробормотал он и пожал мягкую, теплую плоть ее руки. Потом едва подавил сильное желание вытереть ладонь о штанину. Вялая рука Надин так и осталась висеть в воздухе.

— Теперь можешь опустить руку, любовь моя, — сказал Флэгг.

Рука Надин опустилась между ног, и пальцы начали изгибаться и крутиться. Ллойд не без ужаса осознал, что она мастурбирует.

— Моей жене немного нездоровится. — Флэгг захихикал. — Кроме того, она, как говорится, в интересном положении. Поздравь меня, Ллойд. Я собираюсь стать папой. — Вновь хихиканье, будто крысы забегали в старой стене.

— Поздравляю... — Ллойд с трудом продавил это слово сквозь губы, которые, судя по ощущениям, посинели и онемели.

— Мы можем делиться нашими маленькими секретами в присутствии Надин, правда, дорогая? Она будет молчать как могила. Так что у нас в Индиан-Спрингсе?

Ллойд моргнул, пытаясь переключиться с другой, более интересующей его темы, чувствуя себя голым и беззащитным.

— Там все хорошо, — наконец выдавил он из себя.

— Все хорошо? — Темный человек наклонился к нему, и на мгновение Ллойд решил, что тот сейчас раскроет рот и откусит ему голову, как леденец. Он отпрянул. — Едва ли я могу посчитать такую оценку соответствующей действительности, Ллойд.

— Есть кое-что еще...

— Когда я захочу поговорить о кое-чем еще, я тебя об этом спрошу! — Голос Флэгга поднялся, едва не перейдя в крик. Ллойд никогда не видел его в таком возбуждении и перепугался еще сильнее. — А сейчас я хочу получить доклад о ситуации в Индиан-Спрингсе, и чем быстрее я его получу, тем лучше, Ллойд!

— Хорошо, — пробормотал Ллойд. — Ладно. — Он достал из кармана потрепанный блокнот, и следующие полчаса они говорили об Индиан-Спрингсе, реактивных штурмовиках Национальной гвардии, ракетах «шрайк». Флэгг снова начал расслаб-

ляться — хотя полной уверенности в этом у Ллойда не было. Имея дело со Странником, не следовало быть в чем-либо уверенным.

— Как думаешь, смогут ли они пролететь над Боулдером через две недели? — спросил Флэгг. — Скажем... к первому октября?

— Карл, думаю, сможет... — В голосе Ллойда слышалось сомнение. — Насчет двух остальных не знаю...

— Я хочу, чтобы они смогли, — пробормотал Флэгг. Поднялся и принялся ходить по комнате. — Я хочу, чтобы к следующей весне эти люди прятались по норам. Я хочу наносить удары по ночам, когда они спят. Я хочу разнести весь этот город. Превратить его в Гамбург или Дрезден времен Второй мировой. — Он повернул к Ллойду мертвенно-бледное лицо, на котором сверкали безумным огнем глаза. Улыбка Флэгга напоминала ятаган. — К весне они будут жить в пещерах. А потом мы придем туда и устроим охоту на свиней. Будут знать, как засылать к нам шпионов.

К Ллойду наконец вернулся дар речи.

— Третий шпион...

— Мы найдем его, Ллойд. Насчет этого не волнуйся. Мы возьмем мерзавца. — Прежняя обаятельная улыбка вернулась. Но перед этим Ллойд увидел на лице Флэгга злость и недоумевающий страх. Если на то пошло, он и представить себе не мог, что увидит страх на этом лице.

— Думаю, мы знаем, кто он, — спокойно сказал Ллойд.

Флэгг вертел в руках маленькую фигурку из нефрита. При словах Ллойда его пальцы застыли. И сам он застыл. Его лицо стало предельно сосредоточенным. Впервые взгляд Надин Кросс сместился на Флэгга, а потом торопливо ушел в сторону. Воздух в пентхаусе, казалось, начал сгущаться.

— Что? Что ты сказал?

— Третий шпион...

— Нет, — решительно оборвал его Флэгг. — Нет. Ты ловишь черную кошку в темной комнате.

— Если я все понимаю правильно, он друг человека по имени Ник Эндрос.

Нефритовая фигурка выпала из пальцев Флэгга и разбилась. Мгновением позже Ллойда ухватили за грудки и подняли со стула. Флэгг так быстро пересек комнату, что Ллойд не заметил, как он оказался перед ним. А теперь лицо темного человека находи-

лось вплотную к его лицу, жуткий жар обжигал, и черные, как у ласки, глаза Флэгга отделял от его глаз какой-то дюйм.

Флэгг заорал:

— *И ты сидел здесь и говорил об Индиан-Спрингсе?! Я должен выбросить тебя из этого окна!*

Что-то, — возможно, уязвимость темного человека, которая открылась ему, возможно, уверенность, что Флэгг не убьет его, не получив всей информации, — позволило Ллойду не лишиться дара речи и заговорить в свою защиту.

— Я пытался сказать тебе! — выкрикнул он. — Ты меня осадил! И ты ничего не сказал мне о красном списке! Если бы я о нем знал, я мог бы арестовать этого гребаного ублюдка прошлым вечером!

В следующее мгновение он уже летел через комнату, чтобы врезаться в дальнюю стену. Звезды вспыхнули у него перед глазами, и в полубессознательном состоянии он сполз на паркет. Потряс головой, пытаясь прийти в себя. В ушах звенело.

Флэгг, казалось, обезумел. Широкими шагами кружил по комнате, его лицо потемнело от ярости. Надин вжалась в спинку шезлонга. Флэгг остановился около полки, населенной молочно-зеленым зоопарком нефритовых животных. Мгновение смотрел на них, словно видел впервые. Потом смахнул на пол. Они взрывались, как маленькие гранаты. Большие куски он отшвыривал босой ногой. Черные волосы упали ему на лоб. Он откинул их резким движением головы и повернулся к Ллойду. На его лице отражались сочувствие и сострадание — подлинные, как трехдолларовая купюра, подумал Ллойд. Флэгг подошел, чтобы помочь Ллойду встать, и тот заметил, что по пути темный человек наступил на несколько острых осколков нефрита. Но не вздрогнул от боли, и кровь не потекла.

— Извини. Давай выпьем. — Флэгг протянул руку, и Ллойд, ухватившись за нее, поднялся. *Как ребенок, устроивший истерику,* подумал он. — Тебе чистый бурбон, верно?

— Да.

Флэгг подошел к бару и наполнил два больших стакана. Ллойд ополовинил свой одним глотком. Стекло звякнуло о стол, когда он ставил стакан, но ему полегчало.

— Я не думал, что красный список может когда-нибудь тебе понадобиться, — объяснил Флэгг. — Он состоял из восьми имен.

Теперь осталось пять. Это их руководящий совет и старуха. Эндрос входил в их число. Но теперь он мертв. Да, Эндрос мертв, в этом я уверен. — Он коротко, злобно глянул на Ллойда.

Ллойд рассказал ему всю историю, изредка заглядывая в блокнот. Без всякой на то необходимости, просто ему хотелось — время от времени — уклониться от этого дымящегося взгляда. Начал с Джули Лори и закончил Барри Доргэном.

— Ты говоришь, он умственно отсталый? — проворковал Флэгг.

— Да.

Счастливая улыбка растянула губы Флэгга, он начал кивать.

— Да, — сказал он, но не Ллойду. — Да, вот почему я не смог увидеть...

Не завершив фразу, Флэгг направился к телефону. Через несколько секунд уже говорил с Барри:

— Вертолеты. В одном полетит Карл, в другом — Билл Джеймисон. Постоянный радиоконтакт. Пошли шестьдесят человек... нет, сто. Перекрой все дороги в восточной и южной Неваде. Проследи, чтобы все получили приметы Каллена. Докладывать мне каждый час.

Он положил трубку и потер руки.

— Мы его возьмем. Мне бы хотелось послать голову Каллена его другу Эндросу. Но Эндрос мертв. Так, Надин?

Надин тупо смотрела прямо перед собой.

— Этим вечером пользы от вертолетов будет немного, — вставил Ллойд. — Через три часа стемнеет.

— Не тревожься из-за этого, Ллойд! — радостно воскликнул темный человек. — Хватит времени и завтра. Он же не ушел далеко. Нет, не ушел.

Ллойд нервно сгибал и разгибал блокнот, желая оказаться в каком-нибудь другом месте. Флэгг сейчас пребывал в хорошем настроении, но Ллойд не сомневался, что оно испортится после того, как он доложит о Мусорнике.

— Есть еще одно дело, — с неохотой заговорил он. — Касается Мусорного Бака. — И задался вопросом, не закончится ли все еще одной истерикой.

— Дорогой Мусорище! Разве он не в пустыне? Не отправился в очередную поисковую экспедицию?

— Я не знаю, где он сейчас. Но он устроил заварушку в Индиан-Спрингсе, прежде чем уехать. — И Ллойд пересказал историю, услышанную от Карла днем раньше. Лицо Флэгга потемнело, когда он узнал, что Фредди Кампанари смертельно ранен, но к тому времени, как Ллойд закончил, вновь стало спокойным. Никакой вспышки ярости не последовало, Флэгг лишь нетерпеливо махнул рукой:

— Ясно. Когда он вернется, я хочу, чтобы его убили. Но быстро и милосердно. Не хочу, чтобы он страдал. Я надеялся, что он сможет... протянуть дольше. Ты, наверное, этого не понимаешь, Ллойд, но я ощущал определенное... родство душ с этим парнем. Я думал, что мы сможем использовать его — и мы использовали, — однако полной уверенности у меня все-таки не было. Даже у гениального скульптора резец может провернуться в руке... если это дефектный резец. Правильно, Ллойд?

Ллойд, который ничего не знал о скульпторах и их резцах (он думал, что они пользуются деревянными молотками и зубилами), согласно кивнул:

— Конечно.

— И он оказал нам огромную услугу, подвесив под крылья самолетов «шрайки». Это ведь сделал он?

— Да. Он.

— Он вернется. Скажи Барри, что Мусорника надо... избавить от страданий. По возможности — безболезненно. Сейчас меня куда больше волнует этот умственно отсталый парень на востоке. Я мог бы его отпустить, но это дело принципа. Возможно, мы сумеем найти его до темноты. Как думаешь, дорогая?

Он уже присел на корточки у шезлонга Надин. Коснулся ее щеки, и она отпрянула, словно от раскаленной докрасна кочерги. Флэгг улыбнулся и коснулся ее вновь. На этот раз Надин лишь содрогнулась.

— Луна! — Флэгг просиял и вскочил. — Если вертолеты не найдут его до темноты, ночью им поможет луна. Но я готов спорить, что он сейчас катит по пятнадцатой автостраде, средь бела дня. Думает, что Бог этой старухи защитит его. Но она мертва, так, дорогая? — Флэгг весело рассмеялся смехом счастливого ребенка. — И ее Бог, подозреваю, тоже. Все получится как нельзя лучше. И Флэгг собирается стать папой!

Он еще раз прикоснулся к ее щеке. Она застонала, как животное, которому причинили боль.

Ллойд облизал пересохшие губы.

— Я пойду, если не возражаешь.

— Отлично, Ллойд, отлично! — Он даже не обернулся, восторженно глядя на Надин. — Все будет хорошо. Очень хорошо.

Ллойд ушел быстро, почти убежал. В лифте напряжение дало о себе знать, и ему пришлось нажать кнопку аварийной остановки, чтобы никто не увидел его истерики. Он смеялся и плакал не меньше пяти минут. Выплеснув эмоции, почувствовал себя чуть получше.

Он не разваливается на глазах, заявил себе Ллойд. *У него маленькие проблемы, но он с ними справляется. Противостояние, вероятно, закончится к первому октября, уж точно к пятнадцатому. И все будет хорошо, как он и говорил. Нечего обращать внимание на то, что он едва меня не убил... не имеет значения, что он становится все более странным...*

Пятнадцать минут спустя Стэн Бейли позвонил Ллойду из Индиан-Спрингса. Стэн бился в истерике от злости на Мусорного Бака и страха перед темным человеком.

Карл Хок и Билл Джеймисон вылетели из Спрингса в восемнадцать ноль две с разведывательной миссией. Взяли курс на восток от Лас-Вегаса. Один из пилотов-курсантов, Клифф Бенсон, полетел с Карлом в качестве наблюдателя.

В восемнадцать двенадцать оба вертолета взорвались в воздухе. Стэн, потрясенный случившимся, все-таки отправил пятерых людей в девятый ангар, где стояли еще два легких вертолета и три больших «беби Хьюи»*. Они нашли взрывчатку, закрепленную на всех пяти оставшихся вертолетах, с воспламеняющимися взрывателями, подсоединенными к простеньким таймерам от кухонных плит. Взрыватели отличались от установленных Мусорным Баком на автозаправщиках, но ненамного. Так что не приходилось сомневаться в личности злоумышленника.

— Это сделал Мусорный Бак! — визжал Стэн. — Он рехнулся! Один Иисус знает, что еще он заминировал!

*.«Беби Хьюи» — сленговое название семейства боевых многоцелевых вертолетов «Белл Ю-Эйч-1».

— Проверь все, — приказал Ллойд. От страха сердце билось быстро и гулко. Адреналин гигантскими дозами впрыскивался в кровь, Ллойду казалось, что его глаза сейчас вылезут из орбит. — *Проверь все!* Задействуй всех, кто есть, и пусть они прочешут всю эту трехнутую базу. Ты меня слышишь, Стэн?

— Зачем?

— *Зачем?* — проорал Ллойд. — Мне надо тебе объяснять, козел? Что скажет большой чувак, если вся база...

— Все наши пилоты мертвы, — мягко прервал его Стэн. — Ты этого еще не понял? Даже Клифф, хотя у него и получалось хреново. У нас остались шесть человек, которые в одиночку ничего не могут, и ни одного инструктора. Так зачем нам теперь эти реактивные самолеты, Ллойд?

И положил трубку, а Ллойд остался сидеть как громом пораженный: до него наконец дошло.

Том Каллен проснулся чуть позже половины десятого вечера. Хотелось пить, тело затекло. Он глотнул воды из фляги, выполз из-под двух наклонных скал и посмотрел на темное небо. Луна плыла над головой, загадочная и суровая. Пришла пора двигаться дальше. Но ему требовалось соблюдать осторожность, родные мои, да.

Потому что его уже искали.

Ему приснился сон. Ник говорил с ним, и это было удивительно, потому что Ник не мог говорить. Он был, родные мои, глухонемым. Раньше ему приходилось все писать, а Том едва мог читать. Но сны такие странные, во сне все может случиться, вот и во сне Тома Ник заговорил.

«Теперь они знают о тебе, Том, — сказал Ник, — но это не твоя вина. Ты все сделал правильно. Просто не повезло. Так что тебе нужно соблюдать осторожность. На дорогу больше возвращаться нельзя, но продолжай идти на восток».

Том понял насчет востока, но опасался, что заблудится в пустыне. Будет ходить большими кругами.

«Ты сориентируешься, — заверил его Ник. — Прежде всего тебе надо найти Перст Божий».

Теперь Том повесил флягу на ремень и надел рюкзак. Он направился к автостраде, оставив велосипед там, где его спрятал. Поднялся на насыпь, посмотрел направо и налево. Пересек по-

лосы, ведущие на восток, разделительную полосу, вновь осторожно посмотрел в обе стороны и трусцой перебежал полосы, уходящие на запад.

Теперь они знают о тебе, Том.

Он зацепился ногой за рельс ограждения и катился по насыпи до самого дна. Полежал с гулко бьющимся сердцем. Слабый ветерок, дующий по пустыне, тихонько завывал.

Он поднялся и принялся оглядывать горизонт. Зрение у него было острое, а воздух над пустыней отличался кристальной чистотой. И вскоре Том увидел его: он выделялся на фоне звездного неба, как восклицательный знак. Перст Божий. Если смотреть на восток, каменный монолит оказывался по левую руку. Том подумал, что сумеет добраться до него за час или два. Но чистый, увеличивающий объекты воздух вводил в заблуждение и более опытных туристов, чем Том Каллен, и он изумился, потому что время шло, а каменный палец, казалось, не приближался. Минула полночь, прошло еще два часа. На небе медленно вращались звездные часы. У Тома уже возникла мысль, а не мираж ли это. Он потер глаза, но нет, палец остался на месте. За спиной Тома автострада давно растворилась в темноте.

Когда он снова посмотрел на Перст, у него возникло ощущение, что тот все-таки чуть приблизился, а к четырем утра, когда внутренний голос начал шептать, что пора искать укромное местечко для ночлега, уже не оставалось сомнений, что теперь ориентир находится гораздо ближе, чем раньше. Но Том понимал, что в эту ночь ему до Перста Божьего не добраться.

А когда доберется (при условии, что его не поймают днем)? Что тогда?

Это значения не имело.

Ник ему скажет. Хороший, добрый старина Ник.

Тому не терпелось вернуться в Боулдер и повидаться с Ником, родные мои, да.

Он нашел удобное место в тени огромного скального выступа и почти мгновенно уснул. В ту ночь он прошел почти тридцать миль на северо-восток и приближался к Мормонским горам.

Днем большая гремучая змея подползла к спящему Тому и свернулась клубком рядом с ним, чтобы укрыться от жаркого солнца, поспала сама, а потом уползла.

* * *

В тот день Флэгг стоял на открытой веранде пентхауса и смотрел на восток. До захода солнца оставалось четыре часа, а потом слабоумный снова тронется в путь.

Сильный и ровный ветер из пустыни сдувал черные волосы Флэгга с разгоряченного лба. Город так резко обрывался, сдаваясь песку. Несколько рекламных щитов на краю пустоши — и все. Слишком много пустыни, слишком много мест, чтобы спрятаться. Люди уходили в пустыню и раньше, а потом их никто никогда не видел.

— Но не в этот раз, — прошептал Флэгг. — Я его найду. Я его найду.

Он не мог объяснить важность поимки слабоумного. Рациональный подход давал сбой. Все больше и больше его тянуло к простым решениям, хотелось действовать, *делать*. Уничтожать.

Прошлым вечером, когда Ллойд сообщил ему о взрыве вертолетов и гибели троих пилотов, ему пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы не завопить от ярости. Первым возникло желание немедленно собрать бронетанковую колонну — танки, огнеходки, броневики, все остальное. Он мог добраться до Боулдера за пять дней. Кровавая бойня закончилась бы за полторы недели.

Будьте уверены.

Но если на перевалах выпал ранний снег, это означало бы конец великого вермахта. На календаре было четырнадцатое сентября. Уже не приходилось рассчитывать на хорошую погоду. Как, черт побери, получилось, что время пролетело так быстро?

Но он самый могущественный человек на земле, верно? Подобные ему могли найтись в России, или в Китае, или в Иране, но это станет проблемой лишь лет через десять. Сейчас же главное заключалось в том, что он набирал силу, он это знал, *чувствовал*. Он сильный, и это все, что сможет рассказать им слабоумный... если не заблудится в пустыне и не замерзнет в горах. Он сможет только сказать им, что люди Флэгга до смерти боятся Странника и исполняют любой его приказ. Он сможет сказать им только то, что еще сильнее их деморализует. Тогда почему его не отпускало устойчивое, гложущее чувство, что Каллена надо найти и убить до того, как он покинет запад?

Потому что я этого хочу, а я всегда добиваюсь того, чего хочу, и это достаточная причина.

И Мусорный Бак. Он думал, что может забыть про Мусорника. Он думал, что может отбросить его, как сломавшийся инструмент. Но Мусорнику удалось сделать то, что никогда не сделала бы вся Свободная зона. Он застопорил ранее безупречно работавшую машину завоевательного похода темного человека.

Я неправильно использовал...

Отвратительная мысль, и Флэгг не позволил разуму закончить ее. Бросил стакан через низкий парапет веранды и наблюдал, как он поблескивает на солнце, переворачиваясь, а потом летит вниз. Злая мысль, мысль вечно всем недовольного ребенка мелькнула в голове: *Надеюсь, он стукнет кого-нибудь по голове.*

Далеко внизу стакан упал на автомобильную стоянку и разбился... так далеко, что темный человек этого не услышал.

В Индиан-Спрингсе других бомб не нашли. Всю базу перевернули вверх дном. Вероятно, Мусорник заминировал первое, что попалось под руку: вертолеты в девятом ангаре и автозаправщики в соседнем гараже.

Флэгг подтвердил свой приказ о немедленном уничтожении Мусорного Бака, если он где-то объявится. Теперь его в определенной степени нервировала мысль о Мусорнике, который бродил по территории, ранее принадлежавшей государству, где хранилось всякое.

Нервировала.

Да. Столь радостная сердцу уверенность, что все хорошо, продолжала таять. И когда это началось? Он сказать не мог, во всяком случае, точно. Только знал, что дела идут не так, как хотелось бы. И Ллойд это знал. Он это видел по тому, как Ллойд на него смотрел. Может, не самая плохая идея, если с Ллойдом до наступления зимы произойдет несчастный случай. Он слишком уж сдружился со многими людьми в дворцовой гвардии, с такими, как Уитни Хоргэн или Кен Демотт. Даже с Берлсоном, который проболтался про красный список. Флэгг лениво подумал, что за это неплохо бы содрать с Пола Берлсона кожу живьем.

Но если бы Ллойд знал о красном списке, не пришлось бы...

— Заткнись! — пробормотал он. — Просто... заткнись!

Однако мысль не желала уходить. Почему он не дал Ллойду список высшего эшелона Свободной зоны? Он не знал, не мог

вспомнить. Вроде бы на тот момент имелась веская причина, но чем больше он прилагал усилий, чтобы вспомнить ее, тем легче она от него ускользала. Может, речь шла о глупом решении не класть слишком много яиц в одну корзину... стремлении не делиться слишком многими секретами с одним человеком, пусть и с таким глупым и верным, как Ллойд Хенрид?

На его лице отразилось недоумение. Может, он все время принимал такие идиотские решения?

— И насколько верен Ллойд? — пробормотал он. — Это выражение его глаз...

К черту, лучше отбросить все эти мысли и полевитировать. Вот что всегда поднимало ему настроение. Позволяло почувствовать себя сильнее, спокойнее, да и в голове прояснялось. Он вскинул глаза к небу над пустыней.

(*Я есть, я есть, я есть, я...*)

Стоптанные каблуки его сапог оторвались от пола открытой террасы, зависли над ним, поднялись еще на дюйм. Потом на два. Умиротворенность вошла в него, и внезапно он понял, что сумеет найти ответы на все вопросы. Все становилось куда яснее. Сначала он должен...

— Они идут за тобой, знаешь ли.

При звуке этого мягкого, бесстрастного голоса он грохнулся вниз. Ударная волна поднялась по ногам и позвоночнику к нижней челюсти. Зубы клацнули. Он развернулся, как кот. Но его широкая улыбка увяла, когда он увидел Надин. Она вышла на веранду в белой ночной рубашке, ветер трепал прозрачный материал, прижимая к телу. Волосы, такие же белые, как рубашка, развевались вокруг лица. Она напоминала бледную, тронувшуюся умом сивиллу, и, несмотря на все свое могущество, Флэгг испугался. Она шагнула к нему. Босая.

— Они идут. Стью Редман, Глен Бейтман, Ральф Брентнер и Ларри Андервуд. Они идут — и они убьют тебя, как крадущую кур ласку.

— Они в Боулдере, — возразил он. — Прячутся под кроватями и скорбят по умершей старухе-негритянке.

— Нет, — все так же бесстрастно возразила Надин. — Они почти добрались до Юты. Скоро будут здесь. И они покончат с тобой, как с болезнью.

— Заткнись. Иди вниз.

— Я пойду вниз. — Но она шла к нему и теперь улыбалась: улыбка эта наполняла его ужасом. Яростный румянец сползал с его щек, а с ним таяла эта странная, жаркая жизненная сила. На мгновение он стал старым и немощным. — Я пойду вниз... вместе с тобой.

— Убирайся.

— Мы сойдем вниз, — пропела она улыбаясь... И это было ужасно. — Вниз, *вни-и-и-из*...

— Они в *Боулдере*!

— Они почти здесь.

— *Иди вниз!*

— Все, что ты сделал, рушится, и чему удивляться? Период полураспада зла всегда относительно невелик. Люди шепчутся о тебе. Они говорят, что ты упустил Тома Каллена, умственно отсталого, но достаточно умного, чтобы перехитрить Рэндалла Флэгга. — Слова все быстрее срывались с губ, растянутых в насмешливой улыбке. — Они говорят, что твой спец по оружию рехнулся, а ты не знал, что это произойдет. Они боятся, что находки, которые он привезет из пустыни в следующий раз, будут направлены против *них*, а не против людей с востока. И они уходят. Ты это знаешь?

— Ты лжешь, — прошептал Флэгг. Его лицо стало мертвенно-бледным, глаза выпучились. — Они не посмеют. А если бы посмели, я бы знал.

Ее глаза невидяще смотрели поверх его плеча на восток.

— Я их вижу, — прошептала она. — Они покидают свои посты глубокой ночью, и твой Глаз их не видит. Они покидают свои посты и разбегаются. В рабочей команде уходят двадцать человек, а возвращаются восемнадцать. Пограничники дезертируют. Они боятся, что баланс сил меняется. Они уходят от тебя, уходят от тебя, а те, кто остается, не шевельнут и пальцем, когда люди с Востока придут, чтобы покончить с тобой раз и навсегда...

Что-то лопнуло. Что бы там ни было у него внутри, оно лопнуло.

— *ТЫ ЛЖЕШЬ!* — заорал он ей в лицо. Его руки упали ей на плечи, сломав ключицы, как карандаши. Он поднял Надин над головой к выцветшему синему небу и, поворачиваясь на каблуках, швырнул ее вверх за пределы террасы, как недавно — стакан. Увидел широкую улыбку облегчения и триумфа на ее лице, вне-

запное здравомыслие в глазах и понял: она спровоцировала его, каким-то образом осознав, что только он может ее освободить...

И она носила под сердцем моего ребенка.

Он перегнулся через низкий парапет, чуть не потеряв равновесие, пытаясь исправить содеянное. Ее ночная рубашка развевалась. Его рука схватилась за тонкую материю, и он почувствовал, как она рвется. В руке остался только клок, такой прозрачный, что он видел сквозь него свои пальцы, эфемерный, как сны в момент пробуждения.

А потом она полетела вниз, нацелившись в землю пальцами ног, ее ночная рубашка поднялась к шее, окутала голову. Она не кричала.

Надин падала молча, как ракета с заглохшим двигателем.

Когда Флэгг услышал глухой удар, он вскинул голову к небу и завыл.

Это не имело значения, это не имело значения.

Все было по-прежнему в его руках.

Он вновь наклонился над парапетом и наблюдал, как сбегаются люди, словно железные опилки к магниту. Или черви к куску печенки.

Они выглядели такими маленькими, он вознесся над ними так высоко...

Надо полевитировать, решил он, чтобы восстановить внутреннее спокойствие.

Но прошло много, много времени, прежде чем его каблуки оторвались от пола открытой веранды, а оторвавшись, зависли в четверти дюйма над бетоном. И выше так и не поднялись.

В тот вечер Том проснулся в восемь часов. Было еще слишком светло, чтобы идти дальше. Оставалось только ждать. Ник снова пришел к нему во сне, и они говорили. Ему так нравилось говорить с Ником.

Он лежал в тени большой скалы и наблюдал, как темнеет небо. Начали высыпать звезды. Том подумал о картофельных чипсах «Принглс» и пожалел, что не захватил их с собой. Вернувшись в Зону — при условии, что он вернется, — он будет есть их, сколько захочется. Будет обжираться ими. И купаться в любви друзей. Вот чего ему больше всего не хватало в Вегасе — простой любви. Люди там жили приятные и все такое, но любви в них не было.

Потому что они слишком боялись. Любовь не приживается там, где есть только страх, точно так же, как растения редко приживаются там, где всегда темно.

Только грибы, что съедобные, что поганки, становятся в темноте большими и толстыми, даже он это знал, родные мои, да.

— Я люблю Ника, и Фрэнни, и Дика Эллиса, и Люси, — прошептал Том. Это была его молитва. — Я люблю Ларри Андервуда и Глена Бейтмана. Я люблю Стэна и Рону. Я люблю Ральфа. Я люблю Стью. Я люблю...

Странно, как легко вспоминались имена. В Зоне ему крупно повезло, что он вспомнил имя Стью, когда тот пришел в гости. Мысли Тома перешли к его игрушкам. Гараж, автомобили, модели поездов. Раньше он играл с ними часами. Тут Том задался вопросом, захочется ли ему играть с ними так же долго, как и раньше, когда он вернется домой после... если он вернется. Теперь все будет по-другому. Грустно, конечно, но, может, оно и к лучшему.

— Господь — Пастырь мой, — негромко продекламировал Том, — я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях*. Он умасливает голову мою елеем. Он дает мне кун-фу перед лицом врагов моих. Аминь.

Уже стемнело, и он тронулся в путь. В половине двенадцатого ночи добрался до Перста Божьего и сделал привал, чтобы перекусить. Он уже заметно поднялся над уровнем пустыни и, оглянувшись в ту сторону, откуда пришел, увидел огни. Решил, что это автострада. Они искали его.

Том вновь посмотрел на северо-восток. Далеко впереди, едва различимый в темноте (прошло две ночи после полнолуния, и луна уже начала уменьшаться), виднелся огромный закругленный гранитный купол. Теперь ему следовало идти туда.

— Том стер ноги, — прошептал он себе, но в его голосе слышались веселые нотки. С ним могло случиться кое-что похуже стертых ног. — Родные мои, стер ноги.

Он пошел дальше, ночное зверье бросалось от него врассыпную, и когда на заре устроился на ночлег, за спиной остались почти сорок миль. До границы Невады и Юты, проходившей к востоку, было совсем недалеко.

---

* Псалом 22.

К восьми утра Том крепко спал, положив голову на куртку. Глаза его быстро-быстро двигались под опущенными веками.

Пришел Ник, и Том говорил с ним.

Лоб спящего Тома прорезала морщина. Он сказал Нику, что с нетерпением ждет встречи с ним.

Но по непонятной ему причине Ник отвернулся от него.

Глава 68

Ох, как же повторяется история: Мусорный Бак вновь жарился живьем на сковороде дьявола, но на этот раз без надежды охладиться в фонтанах Сиболы.

Именно этого я заслуживаю, получаю только то, чего заслуживаю.

Его кожа обгорала, слезала, обгорала, снова слезала, и наконец он почернел. Будто кто-то облил его керосином, а потом поднес к нему горящую спичку. Синева его глаз выцвела от постоянного ослепительного блеска пустыни, а заглянув в них, вы бы увидели перед собой какие-то необычные космические дыры, ведущие в четвертое, пятое и все последующие измерения. В выборе одежды он странным образом копировал темного человека: рубашка в красную клетку с отложным воротником, линялые джинсы, тяжелые ботинки, которые уже поцарапались, смялись, пошли складками, треснули. Он доказал свою подлость. И, как всех недостойных демонов, его отринули.

Он замер под испепеляющим солнцем и провел трясущейся рукой по лбу. Он хотел жить в этом месте и в это время — вся его жизнь служила подготовкой к этому. Он прошел горящими коридорами ада, чтобы добраться сюда. Выдержал отцеубийцу-шерифа, выдержал то место в Терре-Хоте, выдержал Карли Ейтса. И после странной и одинокой жизни нашел друзей. Ллойда. Кена. Уитни Хоргэна.

И, о Господи, он все просрал. Он заслуживал того, чтобы изжариться на сковороде дьявола. Мог ли он искупить свою вину? Темный человек, возможно, знал это. Мусорный Бак — нет.

Теперь он едва мог вспомнить, что произошло: возможно, потому, что его истерзанный разум *не хотел* вспоминать. Он пробыл

в пустыне больше недели до последнего катастрофического возвращения в Индиан-Спрингс. Скорпион укусил его в средний палец левой руки (трахальный палец, как сказал бы давно сгинувший Карли Ейтс из давно сгинувшего Паутенвилла), и кисть раздулась, словно резиновая перчатка, наполненная водой. Неземной огонь пылал в его голове. И тем не менее он не останавливался.

В конце концов вернулся в Индиан-Спрингс, все еще ощущая себя плодом чьего-то воображения. Потом потек добродушный разговор, когда мужчины осматривали его находки: воспламеняющиеся взрыватели, контактные мины, всякую мелочевку. Впервые после укуса скорпиона Мусорник почувствовал, что ему хорошо.

А потом, безо всякого предупреждения, время сместилось, и он вдруг вернулся в Паутенвилл. Кто-то сказал: «Эй, Мусорник, люди, которые играют с огнем, дуют в постель», — и он поднял голову, ожидая увидеть Билли Джеймисона, но увидел Рича Граудемора, улыбающегося и ковыряющего в зубах спичкой, с почерневшими от машинного масла пальцами, потому что в бильярдную он пришел прямо с автозаправочной станции «Тексако», чтобы сгонять партию во время обеденного перерыва. И кто-то еще сказал: «Вам, парни, лучше спрятать спички. Мусорище вернулся в город», — и начинал фразу вроде бы Стив Тобин, а заканчивал ее уже не он. Заканчивал ее Карли Ейтс в старой, потертой мотоциклетной куртке с капюшоном. С нарастающим ужасом Мусорный Бак видел, что все они здесь, не желающие угомониться трупы, вернувшиеся в его жизнь. Ричи Граудемор, и Карли, и Норм Моррисетт, и Хэтч Каннингэм, тот самый, который начал лысеть в восемнадцать, и остальные называли его Хэтч Куннилингус.

И они все подозрительно смотрели на него. А потом посыпались вопросы, перенесшиеся через пропасть времени: *Эй, Мусорник, почему ты не сжег ШКОЛУ? Эй, Мусорище, ты уже отжег себе зад? Эй, Мусорный Бак, я слышал, ты нюхаешь жидкость из зажигалки «Ронсон», это правда?*

Потом внес свою лепту и Карли Ейтс: *Эй, Мусорник! Что сказала старуха Семпл, когда ты сжег ее пенсионный чек?*

Он попытался закричать на них, но лишь прошептал: «Только больше не спрашивайте меня о пенсионном чеке старухи Семпл». А потом убежал.

Остальное происходило как во сне. Он брал зажигательные взрыватели и закреплял их на автозаправщиках, которые стояли в гаражном ангаре. Руки сами делали работу, разум пребывал где-то далеко-далеко, унесенный вихрем. Люди видели, как он курсировал между гаражным ангаром и вездеходом на больших баллонных шинах, некоторые даже махали ему рукой, но никто не подошел и не спросил, что он делает. В конце концов, он носил на шее амулет Флэгга.

Мусорище делал свою работу и думал о Терре-Хоте.

В Терре-Хоте они заставляли его кусать зубами резиновую штуковину, когда били электрическими разрядами, и человек, который стоял у пульта, иногда выглядел как отцеубийца-шериф, иногда — как Карли Ейтс, иногда — как Хэтч Куннилингус. И Мусорник всегда надрывно клялся себе, что на этот раз не обоссыться. И обязательно обоссывался.

Заминировав автозаправщики, он отправился в ближайший ангар и заминировал стоявшие там вертолеты. Чтобы сделать все правильно, ему требовались взрыватели с таймерами, поэтому он пошел на кухню столовой и нашел с десяток дешевых пластмассовых таймеров. Ставишь их на пятнадцать минут или на полчаса, а когда стрелка возвращается к нулю, они издают мелодичный «динь», и ты знаешь, что пора вынимать пирог из духовки. «Только вместо «динь», — подумал Мусорник, — на этот раз будет "бах"». Ему это нравилось. Хорошо он это придумал. Если Карл Ейтс или Рич Граудемор попытаются поднять эти вертолеты в воздух, их будет ждать большой и толстый сюрприз. Мусорник просто подключил кухонные таймеры к системам зажигания вертолетов.

Когда он с этим покончил, на мгновение к нему вернулось здравомыслие. Момент выбора. Он в изумлении оглядел вертолеты, стоящие в гулком ангаре, потом посмотрел на свои руки. Они пахли сгоревшими пистонами. Но ведь он находился не в Паутенвилле. В Паутенвилле никаких вертолетов не было. И солнце Индианы не сияло так ярко и не жгло так сильно, как здешнее солнце. Он находился в Неваде. Карли и его дружки из бильярдной умерли. Умерли от «супергриппа».

Мусорник повернулся и с сомнением посмотрел на свои труды. Что он наделал, собравшись вывести из строя принадлежа-

щую темному человеку технику? Это же бессмысленно, чистое безумие. Он должен все разминировать, и быстро.

Да... но прекрасные взрывы.

Прекрасные *пожары*.

Растекающееся повсюду горящее самолетное топливо. Вертолеты, взрывающиеся в воздухе. Какая красота!..

И внезапно он отказался от новой жизни. Побежал к своему вездеходу с вороватой улыбкой на почерневшем лице, сел в него и уехал... но не слишком далеко. Он ждал, и наконец автозаправщик выехал из гаражного ангара и пополз по летному полю, как большой оливково-зеленый жук. И когда он взорвался, расплескивая во все стороны масляный огонь, Мусорник уронил бинокль и заорал, вскинув лицо к небу, тряся кулаками в невыразимой радости. Но долго радость не продлилась. Ее вытеснили смертельный ужас и вызывающая тошноту, скорбная печаль.

Он поехал на северо-запад, в пустыню, гнал вездеход на самоубийственной скорости. Как давно это случилось? Он не знал. И если бы ему сказали, что уже шестнадцатое сентября, он бы просто кивнул, совершенно не понимая, о чем, собственно, речь.

Он думал о том, чтобы покончить с собой, вроде бы ничего другого ему и не оставалось, все отвернулись от него, иначе просто и не могло быть. Когда ты кусаешь руку, которая тебя кормит, надо ожидать, что рука сожмется в кулак. И речь не о том, что так устроена жизнь; этого требовала справедливость. В кузове вездехода стояли три большие бочки с бензином. Он мог облиться им и чиркнуть спичкой. Именно этого он и заслуживал.

Но он этого не сделал. Почему — сам не знал. Какая-то сила остановила его, более могущественная, чем агония угрызений совести и одиночества. Самосожжение, на манер буддийского монаха, показалось ему недостаточным наказанием. Он заснул. А когда проснулся, понял, что во сне новая мысль прокралась ему в мозг.

ИСКУПЛЕНИЕ ГРЕХА.

Возможно ли такое? Он не знал. Но если бы он что-нибудь нашел... что-то большое... и привез темному человеку в Лас-Вегас... может, шанс оставался? Даже если об *ИСКУПЛЕНИИ ГРЕХА* не могло быть и речи, возможно, он мог хоть как-то *ЗАГЛАДИТЬ* свою вину. Если так, он умер бы удовлетворенный.

Но что? Что это могло быть? Что могло *ИСКУПИТЬ ЕГО ГРЕХ* или хотя бы *ЗАГЛАДИТЬ ЕГО ВИНУ?* Не мины и не армада огнеходок, не гранаты и не автоматическое оружие. Это, конечно, не годилось. Он знал, где стоят два больших экспериментальных бомбардировщика (которые строились без разрешения конгресса из тайных фондов министерства обороны), но не мог привезти их в Вегас, а если бы и смог, там никто не знал, как поднять их в воздух. Судя по внешнему виду, экипаж каждого состоял человек из десяти, а то и больше.

Он напоминал тепловизор, который отыскивает в темноте источники тепла и показывает их расплывчатыми красными пятнами. Он мог каким-то загадочным способом выискивать оружие, брошенное в этой пустыне, где велись работы по столь многим военным проектам. Он мог бы поехать на запад, прямо к проекту «Синева», где все и началось. Но холодные вирусы его не привлекали, и, пусть в голове у него все спуталось, он полагал (и вывод этот не противоречил логике), что не влекут они и Флэгга. Вирусам без разницы, кого убивать. Наверное, все человечество только бы выиграло, если бы идейные вдохновители проекта «Синева» не упустили из виду эту простую истину.

Поэтому он поехал на северо-запад от Индиан-Спрингса, на территорию полигона Неллис, принадлежавшего военно-воздушным силам, останавливая вездеход, когда приходилось прорезать дыру в высоких заборах из колючей проволоки, на которых висели большие щиты с надписями: «ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», «АРМЕЙСКИЕ ПАТРУЛИ И СТОРОЖЕВЫЕ СОБАКИ», «ПОД ВЫСОКИМ НАПРЯЖЕНИЕМ». Но подача электроэнергии давно отключилась, а сторожевые собаки и патрульные умерли, и Мусорный Бак ехал и ехал, лишь изредка подправляя курс. Его влекло, к чему-то влекло. Он не знал, к чему именно, но предполагал, что к чему-то важному. Достаточно важному.

Баллонные шины «Гудиер» размеренно вращались, переправляя Мусорника через высохшие русла рек и вознося на склоны, усеянные таким количеством камней, что, казалось, из земли выпирают скелеты стегозавров. Над землей завис сухой и неподвижный воздух. Его температура немного превышала сто градусов*.

---

* По Фаренгейту; примерно 37,8°С.

Слышалось только мерное гудение форсированного двигателя «Студебекер».

Мусорник поднялся на холм, увидел, что перед ним, и поставил передачу на нейтрал, чтобы разобраться, что к чему.

Внизу располагался комплекс сооружений, которые в колеблющемся от жары воздухе словно поблескивали ртутью. Ангары из гофрированного железа и низкое здание из шлакоблоков. На пыльных улицах тут и там стояли автомобили. Комплекс окружали три ряда колючей проволоки, и Мусорник видел фарфоровые изоляторы. Не маленькие, размером с фалангу пальца, использующиеся при низком напряжении. Гигантские, с кулак.

С востока двухполосная асфальтированная дорога подходила к сторожевому посту, который больше всего напоминал укрепленный дот. Тут не было щитов с надписями: «СООБЩИТЕ О ФОТОАППАРАТЕ ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ» и «ЕСЛИ МЫ ВАМ ПОНРАВИЛИСЬ, СКАЖИТЕ ВАШЕМУ КОНГРЕССМЕНУ». Мусорник увидел только один щит с красными буквами на желтом фоне, цветами опасности. Буквы складывались в короткое, деловое предложение: «НЕМЕДЛЕННО ПРЕДЪЯВИТЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ».

— Спасибо, — прошептал Мусорник. Он понятия не имел, кого благодарит. — Ох, спасибо... спасибо. — Особое чувство привело его сюда, но Мусорник знал, что такое место наверняка есть в пустыне. Где-то...

Он включил передачу, и вездеход покатил вниз по склону.

Десять минут спустя Мусорник уже подъезжал по дороге к сторожевому посту. Здесь путь преграждали черно-белые барьеры безопасности, и Мусорник вылез из вездехода, чтобы осмотреть их. Такие места обычно располагали большими аварийными генераторами, которые могли вырабатывать электроэнергию долго и в достаточном количестве. Он сомневался, что хоть один из этих генераторов способен проработать три месяца, но хотел проявить максимальную осторожность и убедиться, что никакие сюрпризы его не ждут. То, что он искал, находилось совсем рядом. И он не мог позволить себе потерять бдительность и превратиться в кусок мяса, поджаренный в микроволновке.

Отделенная от него шестью дюймами пуленепробиваемого стекла мумия в армейской форме смотрела в далекую даль.

Мусорник поднырнул под ближайший к посту барьер и подошел к двери бетонного сооружения. Потянул ее на себя, и она открылась. Это был хороший знак. В таких местах при переключении на аварийный источник электроэнергии все замки запирались автоматически. Если в этот момент человек справлял нужду, то оставался в сортире до разрешения кризиса. Но когда прекращалось поступление энергии от аварийного источника, все двери открывались.

От мертвого охранника тянуло необычным, сладковато-сухим запахом, словно для приготовления гренка смешали корицу и сахар. Он не раздулся и не сгнил — просто высох. На шее по-прежнему виднелись черные пятна — визитная карточка «Капитана Торча». В углу позади охранника стояла автоматическая винтовка Браунинга. Мусорный Бак взял ее и вышел на дорогу.

Перевел винтовку на стрельбу одиночными патронами, подрегулировал прицел, уперся прикладом в костлявое правое плечо. Прицелился в один из фарфоровых изоляторов и нажал на спусковой крючок. Раздался громкий хлопок, запахло сгоревшим порохом. Изолятор разлетелся на мелкие осколки, но лилово-белой электрической вспышки не последовало. Мусорный Бак улыбнулся.

Напевая себе под нос, подошел к воротам и осмотрел их. Обнаружил, что они, как и дверь сторожевого поста, не заперты. Толкнул ворота и присел. Под покрытием находилась мина нажимного действия. Он не мог сказать, откуда это знает, но знал. Она могла быть снаряженной, могла и не быть.

Вернувшись к вездеходу, он включил передачу, проехал сквозь барьеры. Заскрежетав, они сломались, и баллонные колеса прокатились по ним. С неба светило яркое солнце. Необычные глаза Мусорника сверкали счастьем. Перед воротами он вылез из вездехода, вновь включил передачу. Оставшийся без водителя вездеход покатил вперед, распахнул ворота. Мусорник метнулся в сторожевой пост.

Закрыл глаза, но взрыва не последовало. Его это вполне устроило: электричество действительно вырубилось полностью. Аварийные системы, возможно, проработали месяц, даже два, но в конце концов вышли из строя из-за жары и отсутствия регулярного технического обслуживания. Но все равно он намеревался соблюдать осторожность.

Тем временем вездеход неспешно катился к гофрированной стене длинного ангара. Мусорный Бак побежал следом и догнал вездеход, когда тот взбирался на бордюр Иллинойской улицы, если верить табличке-указателю. Перевел передачу на нейтрал, и вездеход замер. Мусорник вновь залез на водительское сиденье, сдал назад и поехал ко входу в ангар.

В нем располагалась казарма. Сумрак наполнял все тот же запах сахара и корицы. Около двадцати мертвых солдат, более пятидесяти коек. Мусорный Бак прошел по проходу, гадая, что он здесь делает. Тут не могло быть ничего интересного, верно? Эти люди когда-то служили оружием, но «супергрипп» вывел их из строя.

Тем не менее у дальней стены он заметил нечто любопытное. Плакат. Подошел ближе, чтобы прочитать, что на нем написано. Жара в ангаре стояла жуткая, и голова у него просто раскалывалась. Но, встав перед плакатом, Мусорник заулыбался. Да, он прибыл по назначению. На этой базе находилось то, что он искал.

На плакате мультяшный мужчина мылся в мультяшном душе. Он деловито намыливал мультяшные гениталии. Их почти полностью покрывали мультяшные мыльные пузыри. Надпись под рисунком гласила: «ПОМНИ! В ТВОИХ ИНТЕРЕСАХ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРИНИМАТЬ ДУШ!»

А ниже красовалась черно-желтая эмблема с тремя треугольниками, остриями направленными к центру.

Знак радиации.

Мусорный Бак рассмеялся как ребенок и радостно захлопал в ладоши в полной тишине.

Глава 69

Уитни Хоргэн нашел Ллойда в его номере, лежащим на большой круглой кровати, которую он недавно делил с Дейной Джергенс. На его голой груди стоял высокий стакан с джином и тоником. Он пристально всматривался в свое отражение в потолочном зеркале.

— Заходи, — позвал Ллойд, увидев Уитни. — Ради Бога, обойдемся без церемоний. И стучать не обязательно. Ублюдок. — Последнее слово он произнес как «ублудок».

— Ты пьян, Ллойд? — осторожно спросил Уитни.

— Нет. Еще нет. Но иду к этому.

— Он здесь?

— Кто? Бесстрашный лидер? — Ллойд сел. — Где-то имеется. Полуночный бродяга. — Он рассмеялся и снова лег.

— Ты следи за тем, что говоришь, — прошептал Уитни. — Ты же знаешь, это идея не из лучших — пить что-то крепкое, когда он...

— На хрен!..

— Помнишь, что случилось с Геком Дроугэном? И со Стреллертоном?

Ллойд кивнул:

— Ты прав. У стен есть уши. У гребаных стен есть уши. Ты когда-нибудь слышал такое выражение?

— Да, пару раз. Но здесь это соответствует действительности, Ллойд.

— Будь уверен. — Ллойд внезапно сел и швырнул стакан через комнату. Тот разбился. — Это для уборщицы, Уитни.

— Ты в норме, Ллойд?

— У меня все хорошо. Хочешь джина с тоником?

Уитни замялся.

— Нет. Без лайма не пью.

— Эй, не говори «нет» из-за такой ерунды! У меня есть лайм! В бутылочке. — Ллойд прошел к бару и поднял пластиковую бутылочку риалайма*. — Напоминает левое яйцо Зеленого великана. Смешно, да?

— Похоже на лайм?

— Само собой, — мрачно ответил Ллойд. — На что же еще? На гребаную овсянку? Так что скажешь? Будь человеком и выпей со мной.

— Ну... ладно.

— Мы будем пить у окна и любоваться видом.

---

* Риалайм — восстановленный сок лайма, продающийся в характерных бутылочках в форме лайма.

— Нет! — хрипло и резко ответил Уитни. Ллойд остановился на полпути к бару, его лицо вдруг застыло. Он посмотрел на Уитни, их взгляды на мгновение встретились.

— Да, конечно, — кивнул Ллойд. — Извини, чел. Глупая идея.

— Все хорошо.

Но они оба знали, что ничего хорошего нет. Женщина, которую Флэгг представил своей «новобрачной», днем раньше сиганула вниз. Ллойд помнил, как Одинокий Туз сказал, что Дейна не может выброситься из окна, поскольку окна не открывались. Но в пентхаусе была открытая веранда. Наверное, в казино не сомневались, что те, кто действительно играет по-крупному — преимущественно арабы, — вниз никогда не прыгнут. Знатоки суицида.

Он налил Уитни джина с тоником, они сели и некоторое время пили молча. Снаружи солнце заходило в красном сиянии. Наконец Уитни спросил едва слышным шепотом:

— Ты действительно думаешь, что она прыгнула сама?

Ллойд пожал плечами:

— Какое это имеет значение? Конечно. Я думаю, она прыгнула сама. А ты бы не прыгнул, если бы стал *его* женой? Готов повторить?

Уитни глянул на свой стакан и с удивлением увидел, что тот пуст. Протянул его Ллойду, который направился к бару. Джина Ллойд не жалел, и Уитни уже чувствовал приятное гудение в голове.

Вновь некоторое время они пили молча, наблюдая, как солнце все ниже скатывается за горизонт.

— Что слышно об этом Каллене? — спросил наконец Уитни.

— Ничего. Полная тишина. Абсолютный ноль. Я ничего не слышу. Барри ничего не слышит. Ничего с шоссе сорок, с шоссе тридцать, с шоссе два и семьдесят четыре. С автострады пятнадцать. Ничего с проселочных дорог. Они перекрыли все пути, а результат нулевой. Он где-то в пустыне, но если будет по-прежнему идти ночью и сумеет не сбиться с пути на восток, он от нас ускользнет. Только какое это имеет значение? Что он сможет им рассказать?

— Не знаю.

— Я тоже. Пусть уходит, вот что я говорю.

Уитни чувствовал себя не в своей тарелке. Ллойд опять слишком близко подошел к тому, чтобы критиковать босса. В голове гудело все сильнее, и он этому только радовался. Может, очень скоро он соберется с духом и выложит Ллойду все, что хотел сказать, ради чего и пришел.

— Я тебе кое-что скажу. — Ллойд наклонился вперед. — Он теряет хватку. Ты когда-нибудь слышал это гребаное выражение? Сейчас восьмой иннинг, и он теряет хватку, а на гребаной площадке запасных пусто.

— Ллойд, я...

— Стакан пустой?

— Похоже на то.

Ллойд снова наполнил стаканы. Протянул один Уитни, и по телу того пробежала дрожь, когда он сделал первый глоток. Практически чистый джин.

— Теряет хватку, — гнул свое Ллойд. — Сначала Дейна, потом этот Каллен. Его собственная жена — если это действительно так — прыгает вниз. Ты думаешь, ее двойное-гребаное-сальто с открытой веранды пентхауса входило в его планы?

— Не следует нам об этом говорить.

— И Мусорный Бак. Ты посмотри, что сделал один этот парень. С такими друзьями... кому нужны враги? Вот что я хочу знать!..

— Ллойд...

Ллойд качал головой:

— Я ничего не понимаю. Все шло хорошо до той ночи, когда он пришел и сказал, что в Свободной зоне умерла эта старая женщина. Сказал, что устранено последнее препятствие на нашем пути. Но с того самого момента все пошло наперекосяк.

— Ллойд, я не думаю, что нам следует...

— А теперь я просто не знаю. Наверное, мы можем напасть на них следующей весной, добравшись туда по земле. Раньше нам точно этого не сделать. Но к следующей весне одному Богу известно, что они там придумают. Мы собирались напасть на них до того, как они приготовят нам всякие сюрпризы, а теперь хрен нам. Плюс, святой Бог на троне, надо помнить еще и о Мусорище. Он опять в пустыне, что-то ищет, и я чертовски уверен...

— Ллойд!.. — Тихий, сдавленный голос. — Послушай меня...

Ллойд наклонился к Уитни, на его лице читалась озабоченность.

— Что? Что случилось, старина?

— Я даже не знал, хватит ли мне духа спросить тебя об этом. — Уитни крепко сжимал стакан. — Я, и Одинокий Туз, и Ронни Сайкс, и Дженни Энгстрем. Мы сматываемся. Хочешь с нами? Господи, я, наверное, рехнулся, говоря тебе об этом, потому что ты так с ним близок.

— Сматываетесь? И куда?

— Полагаю, в Южную Америку. В Бразилию. Думаю, это достаточно далеко. — Он помолчал, пожал плечами и продолжил: — Многие уходят. Может, не слишком многие, но уже не единицы, и с каждым днем их становится все больше. Они не думают, что Флэгг сможет одержать верх. Некоторые идут на север, в Канаду. Для меня там чертовски холодно. Но отсюда я ухожу. Пошел бы на восток, если бы думал, что они примут меня. И если бы была уверенность, что мы сумеем прорваться. — Уитни резко замолчал и с тоской посмотрел на Ллойда. Судя по выражению его лица, он не сомневался, что зашел слишком далеко.

— Все в порядке, — мягко ответил Ллойд. — Я не собираюсь закладывать вас, старина.

— Просто... здесь все разваливается, — убитым голосом сказал Уитни.

— Когда собираетесь уйти? — спросил Ллойд.

Уитни бросил на него подозрительный взгляд.

— Ох, забудь, что я задал этот вопрос. Стакан пуст?

— Еще нет. — Уитни смотрел в свой стакан.

— А мой пуст. — Ллойд пошел к бару. Добавил, стоя спиной к Уитни: — Я не могу.

— Что?

— Не могу! — резко повторил Ллойд и обернулся. — Я у него в долгу, я у него в большом долгу. В Финиксе он меня спас, и с тех пор я с ним. Кажется, даже дольше. Кажется, целую вечность.

— Понимаю.

— Но это не все. Он что-то сделал со мной, я стал умнее или что-то в этом роде. Я не знаю, что именно, но я не тот человек, каким был, Уитни. Рядом не лежало. До... *него*... я был мелкой сошкой. А теперь он поставил меня рулить, и у меня получается. Вроде бы я и соображаю лучше. Да, он сделал меня умнее. — Ллойд

поднял с груди камень со щелью, глянул на него, вернул на прежнее место. Вытер руку о штаны, словно прикоснулся к чему-то гадкому. — Я знаю, что я не гений. Должен записывать в блокнот все, что нужно сделать, иначе забываю. Но если он стоит за моей спиной, я могу отдавать приказы, и в большинстве случаев все получается очень даже хорошо. Раньше я мог только получать приказы и попадать в передряги. Я изменился... он изменил меня. Да, кажется, все это началось очень давно. Когда мы попали в Вегас, здесь было только шестнадцать человек. В том числе Ронни, а также Дженни и бедный Гек Дроугэн. Они ждали его. Когда мы пришли в город, Дженни Энгстрем опустилась на свои красивые колени и поцеловала его сапоги. Готов спорить, в постели она тебе никогда об этом не рассказывала. — Он криво улыбнулся Уитни. — А теперь она хочет порвать с ним и слинять. Что ж, я ее не виню, да и тебя тоже. Но не так уж много требуется, чтобы загубить хорошее дело, верно?

— Ты намерен остаться?

— До самого конца, Уитни. Его или моего. Это мой долг перед ним. — Ллойд не стал добавлять, что по-прежнему верит в темного человека и склонен думать, что Уитни и остальные закончат свою жизнь на крестах, скорее да, чем нет. Существовало и еще одно обстоятельство. Здесь он подчинялся только Флэгу. А кем бы стал в Бразилии? Уитни и Ронни были умнее его. Ему и Одинокому Тузу лежал прямой путь в «шестерки», а Ллойда это уже не устраивало. Когда-то он ничего не имел против, но ситуация изменилась. А если что-то меняется в голове, он это выяснил на собственном опыте, то уже навсегда.

— Что ж, может, все образуется для всех нас, — промямлил Уитни.

— Конечно, — кивнул Ллойд и подумал: *Но я бы не хотел оказаться на твоем месте, если для Флэгга все обернется к лучшему. Я бы не хотел оказаться на твоем месте, когда у него наконец найдется время, чтобы заметить тебя в Бразилии. Тогда смерть на кресте покажется тебе меньшим из зол...*

Ллойд поднял стакан.

— Тост, Уитни.

Поднял стакан и Уитни.

— Чтобы никто не пострадал. Вот мой тост. Чтобы никто не пострадал.

— Чел, за это я выпью! — с жаром воскликнул Уитни, и они выпили.

Вскоре он ушел. Ллойд продолжал пить. Отключился где-то в половине десятого вечера и спал пьяным сном на круглой кровати. Спал без сновидений, получив практически равноценную компенсацию за утреннее похмелье.

Когда солнце поднялось семнадцатого сентября, Том Каллен остановился на ночлег чуть севернее Ганлока, штат Юта. Температура воздуха так упала, что он видел пар от своего дыхания. Уши замерзли и онемели. Но чувствовал он себя прекрасно. Этой ночью прошел рядом с разбитой проселочной дорогой и заметил троих мужчин, которые сидели вокруг маленького костерка. Все с винтовками.

Он пытался пробраться мимо них по сильно пересеченной местности — на западной границе бесплодных земель Юты, — когда из-под его ноги посыпались мелкие камешки, скатываясь в русло пересохшей реки. Том замер. Теплая моча полилась по ногам, но он понял, что напустил в штаны, как маленький ребенок, только через час, а то и позже.

Все трое повернулись, двое вскинули винтовки. Укрытие Тома оставляло желать лучшего. Пока он был тенью среди теней, потому что луна скрылась за облаками. А если бы она выглянула...

Один из них расслабился.

— Олень. Их тут полным-полно.

— Думаю, надо проверить, — ответил другой.

— Сунь палец в жопу и проверь, — подал голос третий, и на том дискуссия закончилась. Они вновь подсели к костру, а Том двинулся дальше, ощупывая землю перед собой при каждом шаге, наблюдая, как костер с мучительной медлительностью тает в темноте. Часом позже он превратился в искру на склоне внизу. Наконец исчез полностью, и, казалось, огромная глыба скатилась с плеч Тома. Появилось ощущение, что худшее позади. Он по-прежнему оставался на западе и знал, что должен соблюдать осторожность — родные мои, да, — но опасность уже не подступала так близко, как раньше, когда его словно со всех сторон окружали индейцы и бандиты.

А теперь, когда взошло солнце, он свернулся в плотный клубок в зарослях низких кустов и приготовился заснуть. *Надо достать одеяла,* подумал он. *Становится холодно.* Тут сон и забрал его, внезапно и целиком, как и всегда.

Ему снился Ник.

Глава 70

Мусорный Бак нашел то, что хотел.

Он продвигался по коридору глубоко под землей, такому же темному, как горная шахта. В левой руке держал фонарь, в правой — оружие, потому что здесь было жутковато. Он ехал на электрокаре, который практически бесшумно катил по широкому коридору. Тишину нарушало лишь тихое, на пределе слышимости, гудение.

За водительским сиденьем электрокара начинался большой грузовой отсек. В нем лежала атомная боеголовка.

Тяжелая.

Мусорник не знал, сколько она весит в действительности, потому что руками ему не удавалось даже сдвинуть ее. Длинную и цилиндрическую. Холодную на ощупь. И когда он проводил ладонью по изгибающейся поверхности, ему с трудом верилось, что такой холодный, мертвый кусок металла мог дать столько тепла.

Боеголовку он нашел в четыре утра. Вернулся в гараж и взял цепной подъемник. Спустил его вниз и закрепил цепи на боеголовке. Девяносто минут спустя она уже лежала в грузовом отсеке, носом кверху. Там же был выбит номер: «A161410USAF». Литые резиновые шины электрокара заметно просели под тяжестью боеголовки.

Он приближался к концу тоннеля. Впереди был грузовой лифт с приглашающе открытой дверью. Размеров лифта хватало, чтобы вместить электрокар, но электричество, разумеется, отсутствовало. Мусорник спустился вниз по лестнице. Цепной подъемник весил сущие пустяки в сравнении с боеголовкой. Каких-то сто пятьдесят фунтов. И все-таки он затратил немало усилий, чтобы спустить его на пять этажей.

Как же ему поднять на эти этажи боеголовку?

Приводная лебедка, прошептал разум.

Сидя на водительском кресле, посвечивая фонарем в разные стороны, Мусорник согласно кивнул. Конечно, вот правильный

ответ. Затащить боеголовку наверх. Установить лебедку наверху и тянуть, если придется, один лестничный пролет за другим. Но где он возьмет пятисотфутовую цепь?

Что ж, пожалуй, нигде. Однако он мог сварить отдельные куски цепи. А выдержат ли сварные швы? Трудно сказать. И даже если выдержат, что делать с поворотами лестничных маршей?

Он наклонился и в молчаливой темноте ласково провел рукой по гладкой, смертоносной поверхности боеголовки.

Любовь найдет способ.

Оставив боеголовку в грузовом отсеке электрокара, он начал подниматься по лестнице, чтобы посмотреть, что отыщется наверху. На такой базе могло быть что угодно. И он не сомневался, что найдет все необходимое.

Миновав два пролета, он остановился, чтобы перевести дух. Внезапно в голове сверкнула мысль: *Я облучаюсь?* Они экранировали радиоактивные материалы, экранировали свинцом. Но в фильмах, которые он видел по телику, люди, работавшие с такими материалами, всегда носили защитные костюмы и имели при себе пленочные дозиметры, которые меняли цвет в зависимости от полученной дозы облучения. Потому что радиация была беззвучна. И ты не мог ее увидеть. Она просто проникала в твою плоть и кости. Ты даже не знал, что болен, пока не начинал блевать, и терять волосы, и бегать в сортир каждые несколько минут.

Все это ждало и его?

Мусорник осознал, что ему без разницы. Он собирался поднять эту боеголовку наверх. Еще не знал как, но собирался. А потом каким-то образом привезти в Вегас, чтобы загладить вину за содеянное в Индиан-Спрингсе. И если ему суждено умереть, заглаживая свою вину, что ж, он согласен умереть.

— Моя жизнь принадлежит тебе, — прошептал он в темноте и продолжил подъем.

Глава 71

Семнадцатого сентября, около полуночи, Рэндалл Флэгг находился в пустыне. Завернувшись в три одеяла от пальцев ног до подбородка, четвертое он накинул на голову наподобие бурнуса, так, что на виду остались только глаза и кончик носа.

Мало-помалу он выдавил из головы все мысли. Застыл. Звезды над головой сверкали холодным огнем, излучали ведьмин свет.

Он послал Глаз.

Почувствовал, как тот отделяется от него с легким и безболезненным толчком. Глаз полетел, молчаливый, словно ястреб, поднимающийся на темных воздушных потоках. Теперь он слился с ночью. Стал глазом вороны, глазом волка, глазом ласки, глазом кота. Скорпионом, пауком, проскальзывающим в щель. Смертоносной ядовитой стрелой, пронзающей воздух над пустыней. Что бы ни случилось, Глаз всегда будет при нем.

Он летел, не прилагая к этому никаких усилий, а под ним, словно циферблат, раскинулся мир рожденных ползать.

Они идут... они почти добрались до Юты.

Высоко и молча летел он над кладбищенской землей. Лежащая под ним пустыня напоминала белую могилу, которую пересекала темная лента автострады. Он летел на восток, уже над границей штата, его тело осталось далеко позади, поблескивающие глаза закатились, выставив между веками слепые белки.

Ландшафт начал меняться. Конические горы, скалы, причудливо изъеденные ветром, столовые горы. Автострада прорезала их. Далеко на севере остались Бонневилльские соляные поля. Где-то на западе — Долина черепов. Полет. Шум ветра, мертвый и далекий...

Орел, устроившийся на верхней развилке старого, сожженного молнией дерева где-то к югу от Ричфилда, почувствовал, как что-то пролетело мимо, как что-то зрячее и смертоносное пронеслось сквозь ночь, и бесстрашно ринулся на это что-то, размахивая крыльями, но его отнесло в сторону волной леденящего холода. Ошеломленный орел камнем падал чуть ли не до самой земли, едва успев выйти из пике.

Глаз темного человека летел на восток.

Теперь под ним уходила вдаль автострада 70. Тут и там к ней прилепились маленькие городки, покинутые всеми, кроме крыс и кошек, и олени уже начали заходить туда из лесов, по мере того как выветривался запах человека. Городки эти назывались Фримонт, и Грин-Ривер, и Сего, и Томпсон, и Харли-Доум. Еще один маленький город, тоже заброшенный. Гранд-Джанкшен, штат Колорадо. Потом...

Западнее Гранд-Джанкшена светилась искра огня.

Глаз начал спускаться по спирали.

Костер умирал. Около него спали четыре человека.

Значит, правда.

Глаз хладнокровно оглядел их. Они шли. По причинам, которых он не мог себе и представить, они действительно шли. Надин его не обманула.

Послышалось глухое рычание, и Глаз развернулся. За костром лежала собака, приподняв голову, прикрыв хвостом гениталии. Ее глаза светились, как два злобных янтарных огня. Рычание не прекращалось, словно где-то раздирали бесконечно длинную простыню. Глаз смотрел на пса, пес — на Глаз, не выказывая испуга. Верхняя губа поднялась, обнажая зубы.

Один из людей сел.

— Коджак, — пробормотал он. — Чего бы тебе не заткнуться?

Коджак продолжал рычать, его шерсть встала дыбом.

Проснувшийся мужчина — Глен Бейтман — огляделся, и внезапно ему стало не по себе.

— Кто здесь, мальчик? — шепнул он собаке. — Есть тут кто-нибудь?

Коджак продолжал рычать.

— Стью! — Бейтман толкнул мужчину, лежащего рядом. Тот что-то пробормотал и затих в спальнике.

Темный человек, который теперь стал темным глазом, увидел предостаточно. Он взвился вверх, успев заметить, как изогнулась шея собаки, следившей за ним взглядом. Рычание сменилось лаем. Сначала громким, потом затихающим, затихающим, затихшим.

Остались тишина и летящая тьма.

Какое-то время спустя он завис над пустыней, глядя вниз на себя. Начал медленно спускаться, приближаясь к телу, затем вошел в него. На мгновение возникло странное ощущение головокружения, двое сливались в одного. Потом глаз исчез, и остались только его глаза, уставившиеся на холодные поблескивающие звезды.

Они шли, да.

Флэгг улыбнулся. Старуха велела им прийти? Они послушались ее, когда она, лежа на смертном одре, предложила им покончить с собой таким необычным способом? Он полагал, что да.

Как он мог забыть столь простую истину? У них тоже хватало проблем, они тоже боялись... и в результате совершали колоссальную ошибку.

А может, их изгнали из Зоны?

Эта идея очень ему приглянулась, но в конце концов он понял, что не верит в это. Они шли по собственному выбору. Они шли, уверенные в своей праведности, как миссионеры к деревне каннибалов.

Ох, до чего же хорошо!

Сомнения уйдут. Страхи уйдут. И потребуется для этого только одно: вид четырех голов, поднятых на пиках перед фонтаном у отеля «МГМ-Гранд». Он соберет всех жителей Вегаса и заставит пройти мимо и увидеть это собственными глазами. Он сделает фотографии, плакаты и разошлет их в Лос-Анджелес, и Сан-Франциско, и Спокан, и Портленд.

Пять голов. Он прикажет поднять на пике и собачью голову.

— Хороший песик! — произнес Флэгг и рассмеялся впервые после того, как сбросил с крыши Надин. — Хороший песик, — повторил он улыбаясь.

Спал он в ту ночь хорошо, а утром отдал приказ утроить численность блокпостов на всех дорогах между Ютой и Невадой. Теперь они поджидали не одного человека, уходящего на восток, а четверых мужчин и собаку, идущих на запад. Взять их следовало живыми. Живыми любой ценой.

О да.

Глава 72

— Знаете, — Глен Бейтман смотрел на Гранд-Джанкшен, купающийся в свете раннего утра, — я многие годы слышал выражение: «Это паршиво», — но как-то не понимал, что же оно означает. Теперь наконец понял. — Он опустил глаза на свой завтрак, состоящий из синтетических сосисок «Морнинг стар фармс», и скорчил гримасу.

— Нет, это еще ничего! — с жаром возразил ему Ральф. — Тебе бы попробовать жрачку, которой кормили нас в армии.

Они сидели вокруг костра, разожженного Ларри часом раньше. В теплых куртках и перчатках. Пили по второй чашке кофе. Температура не превышала тридцати пяти градусов*, небо затянули серые облака. Коджак спал у самого костра. Еще чуть ближе — и спалил бы шерсть.

— Я заморил червячка. — Глен поднялся. — Дайте мне ваших бедных, ваших голодных**. С другой стороны, просто дайте мне ваш мусор. Я его похороню.

Стью протянул ему бумажную тарелку и стаканчик.

— Ходьба — это что-то, верно, лысый? Готов спорить, в такой хорошей форме ты был лишь в глубокой молодости.

— Да, семьдесят лет назад, — добавил Ларри и рассмеялся.

— Стью, я никогда не был в такой форме, — мрачно ответил Глен, собирая мусор и укладывая его в пластиковый мешок, который намеревался похоронить. — Я никогда *не хотел* быть в такой форме. Но я ничего не имею против. После пятидесяти лет непоколебимого агностицизма мне, похоже, предназначено следовать за Богом старой женщины-негритянки в челюсти смерти. Если такова моя судьба, значит, это моя судьба. Конец истории. Но я предпочитаю идти, а не ехать, если все закончится именно так. Ходьба занимает больше времени, следовательно, я проживу дольше... хотя бы на несколько дней. Извините меня, господа, я должен устроить этим отбросам достойные похороны.

Они наблюдали, как он идет к краю лагеря с маленькой саперной лопаткой в руке. Этот «пеший тур по Колорадо и на запад», как обозвал его Глен, тяжелее всего давался именно Глену. Он был самым старым из них, на двенадцать лет старше Ральфа Брентнера. Однако следует отметить, что остальным благодаря ему шагалось легче. Он постоянно иронизировал, но мягко, и чувствовалось, что в душе у него царят мир и покой. А сам факт, что он мог идти день за днем, не просто производил впечатление, но, можно сказать, вдохновлял. Все-таки ему исполнилось пять-

---

* По Фаренгейту; примерно 1,7°С.

** «Дайте мне ваших бедных, ваших голодных» — аллюзия на строку «А мне отдайте ваших усталых, ваших бедных» из стихотворения «Новый колосс» американской писательницы и поэтессы Эммы Лазарус (1849—1887), которое выгравировано на табличке, прикрепленной к пьедесталу статуи Свободы.

десят семь, и Стью видел, как он растирал фаланги пальцев по утрам, морщась от боли.

— Сильно болит? — вчера спросил его Стью, примерно через час после того, как они двинулись в путь.

— Аспирин с этим справляется. Это артрит, знаешь ли, и все гораздо лучше, чем будет лет через пять — семь, но, скажу тебе откровенно, Восточный Техас, я так далеко не заглядываю.

— Ты действительно думаешь, что он собирается нас убить?

И тут Глен Бейтман произнес необычную фразу:

— Я не убоюсь зла*.

На том дискуссия и закончилась.

Теперь они слушали, как он роет подмерзшую землю и клянет ее.

— Парень что надо, да? — спросил Ральф.

Ларри кивнул:

— Да. Я тоже так считаю.

— Я всегда думал, что эти профессора из колледжа — маменькины сынки, но этот точно не такой. Знаешь, что он сказал, когда я спросил, а почему он просто не выбрасывает это дерьмо в придорожный кювет? Сказал, что мы не должны снова начинать гадить. Сказал, что мы и так уже повторили многое из того, что следовало оставить в прошлом.

Коджак поднялся и побежал посмотреть, что там делает Глен. До них долетел голос социолога:

— А вот и ты, большая ленивая жаба! Я уже начал думать, что ты не сдвинешься с места. Хочешь, чтобы я похоронил и тебя?

Ларри улыбнулся и снял с пояса шагомер. Он позаимствовал его в магазине спортивных товаров в Голдене. Устанавливаешь на нем длину шага и цепляешь к ремню, как рулетку плотника. Каждый вечер он записывал, сколько миль они прошли, на сложенный в несколько раз листок бумаги с оборванными уголками.

— Можно взглянуть на твою шпаргалку? — спросил Стью.

— Конечно! — Ларри протянул ему листок.

Вверху было написано: *От Боулдера до Вегаса — 771 миля*. Ниже следовало:

---

* Глен частично цитирует фразу из Псалма 22: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла...»

Дата	Мили	Всего пройдено
6 сентября	28,1	28,1
7 сентября	27,0	55,1
8 сентября	26,5	81,6
9 сентября	28,2	109,8
10 сентября	27,9	137,7
11 сентября	29,1	166,8
12 сентября	28,8	195,6
13 сентября	29,5	225,1
14 сентября	32,0	257,1
15 сентября	32,6	289,7
16 сентября	35,5	325,2
17 сентября	37,2	362,4

Стью достал из бумажника обрывок бумаги и сделал какие-то подсчеты.

— Что ж, мы идем быстрее, чем в начале, но нам еще осталось больше четырехсот миль. Черт, мы даже не прошли половину!

Ларри кивнул:

— Идем быстрее, это точно. Потому что под гору. И Глен прав, знаешь ли. Чего нам торопиться? Этот парень прикончит нас, как только мы до него доберемся.

— Знаешь, я в это не верю, — покачал головой Ральф. — Мы можем умереть, это правда, но едва ли все будет так просто. Матушка Абагейл не отправила бы нас туда только для того, чтобы нам всадили по пуле в лоб и на том все закончилось. Не отправила бы.

— Я не верю, что нас отправила именно она, — спокойно заметил Стью.

Шагомер Ларри издал четыре щелчка, когда тот обнулил его. Стью забросал землей остатки костра. Маленькие утренние ритуалы продолжались. Они провели в дороге уже двенадцать дней. И Стью казалось, что дни эти растянутся до бесконечности: Глен, добродушно поругивающий еду, Ларри, записывающий на помятом листке пройденные мили и устанавливающий шагомер, кто-то закапывает вчерашний мусор, кто-то забрасывает костер. Таков порядок, хороший порядок. Благодаря ему забываешь, к чему он ведет, и это хорошо. По утрам Фрэнни казалась очень дале-

кой: он ясно видел ее, но как-то далеко, она напоминала фотографию в медальоне. А по вечерам, когда подступала темнота и по небу плыла луна, она становилась удивительно близкой. Такой близкой, что он, казалось, мог прикоснуться к ней... и тогда, разумеется, приходила боль. Именно в такие моменты его вера в матушку Абагейл слабела, и ему хотелось разбудить всех и сказать, что это пустая затея, что они взяли резиновые копья, чтобы сражаться со смертоносной ветряной мельницей, поэтому им лучше остановиться в следующем городе, найти мотоциклы и вернуться. Что лучше получить хоть немного света и любви, пока еще есть такая возможность... потому что очень скоро Флэгг лишит их всего.

Но подобные желания возникали у него ночью. А утром возвращалось ощущение, что они все делают правильно. Он задумчиво посмотрел на Ларри, гадая, а думает ли Ларри о своей Люси поздним вечером... Грезит ли о ней, хочет ли?..

Вернулся Глен в сопровождении Коджака, чуть морщась при каждом шаге.

— Поднимаем их? Да, Коджак?

Коджак завилял хвостом.

— Он говорит: «Лас-Вегас или смерть». Пошли!

По насыпи они поднялись на автостраду 70, теперь спускающуюся к Гранд-Джанкшен, и начали отсчет пройденных миль этого дня.

Во второй половине дня зарядил холодный дождь, проморозив их до костей и утопив разговор. Ларри шагал, погрузившись в себя, сунув руки в карманы. Сначала он думал о Гарольде Лаудере, на чей труп они наткнулись двумя днями ранее — у них вроде бы существовал негласный договор не говорить о Гарольде, — но потом его мысли сместились к Человеку-волку.

Они нашли Человека-волка у самого тоннеля Эйзенхауэра. Здесь автомобили стояли чуть ли не вплотную друг к другу, и все пропитывал запах смерти. Человек-волк наполовину вывалился из «остина», одетый в обтягивающие джинсы с отворотами и шелковую, расшитую блестками ковбойку. Вокруг «остина» лежало несколько убитых волков. Человек-волк сполз с переднего пассажирского сиденья «остина», и мертвый волк покоился на его груди. Руки Человека-волка сжимали шею волка, а пасть волка, в за-

пекшейся крови, находилась рядом с шеей Человека-волка. Они попытались восстановить ход событий. Стая волков спускалась с гор, заметила одинокого человека и атаковала его. Человек-волк отстреливался. Убил нескольких волков, прежде чем укрылся в «остине».

И через какое время голод заставил его покинуть свое убежище?

Ларри не знал, не хотел знать. Но он видел, каким невероятно тощим стал Человек-волк. Через неделю, наверное. Он ехал на запад, кем бы он ни был, собирался присоединиться к темному человеку, но Ларри никому бы не пожелал такой ужасной судьбы. Об этом он как-то поговорил со Стью, через два дня после того, как они вышли из тоннеля, а Человек-волк остался на другой стороне.

«Почему стая волков так долго ждала на одном месте, Стью?»

«Не знаю».

«Я хочу сказать, если им хотелось поесть, разве они не могли найти еду?»

«Думаю, могли».

Эта жуткая загадка не давала Ларри покоя, но он понимал, что никогда не разгадает ее. Кем бы ни был этот Человек-волк, мужества ему хватало. Голод и жажда в конце концов заставили его открыть пассажирскую дверь. Один из волков прыгнул на него и вырвал горло. Но и Человек-волк задушил своего убийцу.

Вчетвером они прошли тоннель Эйзенхауэра, связавшись веревкой, и в этой темноте Ларри сразу же вспомнился тоннель Линкольна. Только теперь его преследовала не Рита Блейкмур, а лицо Человека-волка, застывшее в предсмертной гримасе, когда он и волк убивали друг друга.

Волков послали, чтобы они убили того человека?

Но эту слишком тревожную мысль не хотелось даже рассматривать. Он попытался вытолкнуть из головы все связанное с Человеком-волком и просто идти, однако оказалось, что это далеко не просто.

В тот вечер они встали лагерем за Лоумой, в непосредственной близости от границы штата Юта. Ужин состоял из найденных по пути продуктов и кипяченой воды, как, собственно, и все их трапезы, — они целиком и полностью следовали указанию матуш-

ки Абагейл: «Идите в одежде, которая на вас. Ничего с собой не берите».

— В Юте будет куда хуже, — отметил Ральф. — Наверное, там нам действительно предстоит выяснить, присматривает ли за нами Господь. Нас ждет отрезок длиной более сотни миль не просто без единого города, но и без автозаправочных станций и кафе. — Его такая перспектива определенно не радовала.

— Вода? — спросил Стью.

Ральф пожал плечами:

— И ее немного. Пожалуй, пора спать.

Ларри последовал его примеру и забрался в спальник. Глен задержался у костра, чтобы выкурить трубку. У Стью оставалось несколько сигарет, и он достал одну. Какое-то время они молча курили.

— Долгий путь от Нью-Хэмпшира, верно, лысый?

— Да и до Техаса отсюда не докричишься.

Стью улыбнулся:

— Это точно. Не докричишься.

— Как я понимаю, ты сильно тоскуешь по Фрэн.

— Да. Мне ее недостает, я тревожусь о ней. Тревожусь о ребенке. С наступлением темноты становится хуже.

Глен выпустил струю дыма.

— Ты ничего не можешь изменить, Стюарт.

— Я знаю. Но все равно тревожусь.

— Конечно. — Глен выбил трубку о камень. — Прошлой ночью случилось что-то странное, Стью. Я весь день пытался понять, случилось ли оно наяву или во сне.

— Что же?

— Я проснулся ночью, и Коджак на что-то рычал. Думаю, уже после полуночи, потому что в костре остались одни угли. Коджак находился по другую сторону костра, его шерсть стояла дыбом. Я велел ему замолчать, но он даже не взглянул на меня. Смотрел куда-то вправо. И я подумал: «А вдруг волки?» С тех пор как мы увидели парня, которого Ларри называет Человек-волк...

— Да, зрелище не из приятных.

— Но никаких волков. Я все хорошо рассмотрел. Коджак рычал на *пустоту*.

— Что-то унюхал, ничего больше.

— Да, но самая безумная часть еще впереди. Через пару минут я начал чувствовать... ладно, нечто странное. Я чувствовал, будто над автострадой что-то зависло и разглядывает меня. Разглядывает нас всех. Я чувствовал, что почти вижу это, надо только правильно прищуриться. Но я не хотел. Потому что по ощущениям это был *он*. По ощущениям это был Флэгг, Стюарт.

— Возможно, там ничего не было.

— Я чувствовал, что было. И Коджак тоже.

— Что ж, возможно, он каким-то образом наблюдает за нами. Что мы можем с этим поделать?

— Ничего. Но мне это не нравится. Не нравится, что он может следить за нами... если так оно и было. Меня это пугает до смерти.

Стью докурил сигарету, затушил о камень, но не двинулся с места. Посмотрел на Коджака, который лежал у костра, глядя на них.

— Значит, Гарольд мертв, — нарушил он молчание.

— Да.

— Бессмысленная потеря. Смерть Сью и Ника. И его самого, думаю.

— Согласен.

Добавить было нечего. Они нашли Гарольда и его жалкую предсмертную декларацию через день после того, как миновали тоннель Эйзенхауэра. Он и Надин, похоже, воспользовались перевалом Лавленд, потому что рядом они увидели «триумф» Гарольда — точнее, его обломки, — а, как правильно отметил Ральф, протащить через тоннель Эйзенхауэра что-нибудь больше красного детского возка не представлялось возможным. Стервятники сильно объели тело, но блокнот «Пермакавер» в целости и сохранности дожидался в седельной сумке «триумфа». Ствол пистолета так и остался у Гарольда во рту, словно гротескный леденец, и хотя хоронить труп они не стали, пистолет Стью вытащил. Медленно и осторожно. Видя, как эффективно темный человек уничтожил Гарольда, как небрежно отбросил его, едва он сыграл свою роль, Стью почувствовал, что его охватывает еще большая ненависть к Флэггу. У него создавалось ощущение, что они отправились в безумный детский крестовый поход, и пусть он и понимал, что они должны продолжать начатое, труп Гарольда с изломанной, раздувшейся ногой преследовал его так же, как застывшая гримаса

Человека-волка преследовала Ларри. Он обнаружил, что хочет отплатить Флэггу за Гарольда, а не только за Ника и Сюзан... но все больше склонялся к тому, что такого шанса ему не выпадет.

Но тебе лучше остерегаться, мрачно думал он. *Тебе лучше остерегаться и не подпускать меня к себе, выродок, а не то я задушу тебя голыми руками.*

Глен, поморщившись, встал.

— Пойду спать, Восточный Техас. И не проси меня остаться. Вечеринка кислая.

— Как твой артрит?

Глен улыбнулся:

— Терпимо. — И захромал к своему спальнику.

Стью подумал, что не следует доставать еще одну сигарету — даже если бы он выкуривал в день по две или три, его запас иссяк бы к концу недели, — но достал и закурил. Нынешний вечер выдался не таким холодным, однако не вызывало сомнений, что в этих краях, расположенных достаточно высоко над уровнем моря, лето закончилось. От этой мысли ему взгрустнулось, поскольку он практически не сомневался, что следующего лета уже не увидит. Когда все началось, он то работал, то не работал на заводе, где изготавливали карманные калькуляторы. Жил в маленьком городке под названием Арнетт, свободное время проводил на заправочной станции «Тексако» Билла Хэпскомба, слушая, как другие люди трындят об экономике, политике, тяжелых временах. Стью догадывался, что никто из них понятия не имел, что такое действительно тяжелые времена. Он докурил сигарету и бросил окурок в костер. Прошептал:

— Держись, Фрэнни, девочка моя.

Залез в спальник. И во сне увидел, как Что-то подлетело к их лагерю, как Что-то злобно наблюдает за ними. Возможно, волк с человеческим интеллектом. Или ворона. Или ласка, крадущаяся на животе сквозь кусты. А может, что-то бестелесное. Следящий Глаз.

Я не убоюсь зла, говорил Стью в своем сне. *Да, хотя я иду долиной смертной тени, я не убоюсь зла. Никакого зла.*

Наконец кошмар ушел, и он крепко заснул.

На следующее утро они вновь рано двинулись в дорогу, приборчик Ларри деловито отщелкивал пройденные мили на пути по пологому западному склону к Юте. Вскоре после полудня Коло-

радо остался за спиной. В тот вечер они встали лагерем к западу от города Харли-Доум, штат Юта. И впервые окружающая тишина показалась им давящей и гибельной. В тот вечер Ральф Брентнер заснул с мыслью: «Теперь мы на западе. Мы покинули свою территорию и ступили на его».

В ту же ночь Ральфу приснился волк с единственным красным глазом, который вышел из пустоши, чтобы посмотреть на них. *Уходи,* сказал ему Ральф. *Уходи, мы не боимся. Совершенно не боимся тебя.*

Двадцать первого сентября к двум часам дня они миновали Сего. Далее, согласно карманной карте Стью, их путь лежал через Грин-Ривер, а до следующего города идти было очень, очень долго. Там, как и говорил Ральф, им предстояло выяснить, с ними Господь или нет.

— Если на то пошло, — Ларри повернулся к Глену, — еда беспокоит меня в гораздо меньшей степени, чем вода... Любой, кто отправляется в путешествие, берет с собой что-нибудь пожевать. «Орео», «Фиг ньютонс», что-то в этом роде.

Глен улыбнулся:

— Может, Господь изольет на нас Его благодать.

Ларри посмотрел на безоблачное небо и поморщился:

— Я иногда думаю, что в конце у нее съехала крыша.

— Может, и съехала. — Глен, похоже, не собирался с ним спорить. — Когда начнешь изучать теологию, узнаешь, что Бог часто предпочитает говорить устами умирающих и безумцев. Мне иногда даже кажется — это во мне просыпается тайный иезуит, — что на то есть серьезные психологические причины. Безумец или лежащий на смертном одре — человеческое существо с радикально измененной психикой. Здоровый человек может отфильтровать божественное послание, изменить его в соответствии со своими личностными особенностями. Другими словами, из здорового человека получится дерьмовый пророк.

— Пути Господни, — кивнул Ларри. — Знаю, знаю. Мы видим сквозь тусклое стекло. И для меня оно достаточно тусклое, будьте уверены. Почему мы идем по этой дороге, когда могли бы быстро по ней проехать? Но раз уж мы решились на безумство, наверное, и делать его следует по-безумному.

— Есть достаточно исторических примеров того, что мы сейчас делаем, — заметил Глен. — Я вижу совершенно обоснованные психологические и социологические резоны для этой пешей прогулки. Я не знаю, теми ли резонами руководствовался Бог, но для меня они совершенно логичны.

— Например? — одновременно спросили Стью и Ральф, заинтересовавшись разговором.

— Для нескольких племен американских индейцев «визуализация видения» являлась составной частью ритуала становления мужчиной. Когда приходило твое время стать мужчиной, тебя отправляли в лес или в прерии безоружным. От тебя требовалось убить зверя, сочинить две песни — обращенную к Великому духу и прославляющую твои собственные достоинства как охотника, всадника, воина и мужчины — и увидеть видение. Есть не разрешалось. Предполагалось, что ты постоянно будешь в тонусе, как физически, так и духовно, ожидая, пока придет видение. И со временем оно, разумеется, приходило. — Глен рассмеялся. — Голод — великий галлюциноген.

— Ты думаешь, матушка послала нас сюда за видениями? — спросил Ральф.

— Может, обрести силу и святость в процессе очищения, — ответил Глен. — Отбрасывать вещи — это символ, вы понимаете. Талисман. Когда вы отказываетесь от вещей, вы также отбрасываете созданные вами же имитации себя, связанные с этими вещами. Вы начинаете процесс очищения. Вы начинаете опустошать сосуд.

Ларри медленно покачал головой:

— Я этого не понимаю.

— Что ж, давайте возьмем интеллигентного человека доэпидемического времени. Разбейте ему телевизор, и что он будет делать по вечерам?

— Читать книгу, — ответил Ральф.

— Пойдет повидаться с друзьями, — добавил Стью.

— Включит стереосистему, — улыбнулся Ларри.

— Конечно, и первое, и второе, и третье, — кивнул Глен. — Но при этом ему также будет недоставать телевизора. В его жизни образуется дыра на том месте, которое занимал телевизор. В глубинах сознания будет вертеться мысль: *В девять часов я собираюсь выпить несколько банок пива и посмотреть игру «Сокс» по телику.*

И когда он приходит в гостиную и видит на месте телевизора пустоту, он чувствует себя чертовски разочарованным. Часть его привычной жизни выплеснулась, или не так?

— Да, — кивнул Ральф. — Наш телевизор как-то раз ремонтировали две недели, и я чувствовал себя не в своей тарелке, пока он не вернулся на прежнее место.

— Дыра будет больше, если он часто смотрел телевизор, меньше — если редко. Но что-то уходит. Теперь заберите все его книги, всех его друзей, его стерео. Также заберите все средства к существованию, кроме того, что он может подобрать по пути. В процессе опустошения также сжимается и его эго. Ваши *личности*, господа, они превращаются в оконное стекло. Или, даже лучше, в пустые стаканы.

— Но в чем смысл? — спросил Ральф. — Зачем проходить через все это?

— Если вы откроете Библию, — ответил Глен, — то увидите, что это достаточно традиционно для пророков — время от времени уходить в пустошь. Магические туры Ветхого Завета. Для этих походов обычно указывается и продолжительность: сорок дней и сорок ночей. На самом деле это древнееврейская идиома, которая означает: никто не знает, когда он ушел, но достаточно давно. Вам это никого не напоминает?

— Конечно, — кивнул Ральф. — Матушку.

— А теперь подумайте о себе как об аккумуляторе. Вы, между прочим, и есть аккумуляторы, знаете ли. Ваш мозг работает на химически преобразованном электрическом токе. Ваши мышцы тоже управляются крохотными разрядами. Химическое вещество под названием ацетилхолин позволяет разряду пройти, когда вам нужно двинуться, а когда надо остановиться, вырабатывается другое химическое вещество — холинэстераза. Холинэстераза уничтожает ацетилхолин, и ваши нервы тут же перестают передавать команды. И это, кстати, хорошо. Иначе, начав чесать нос, вы бы уже не смогли остановиться. Ладно, речь вот о чем: все, что вы думаете, все, что вы делаете, должно работать от аккумулятора. Как вспомогательное оборудование автомобиля.

Они внимательно слушали.

— Смотреть телевизор, читать книгу, говорить с друзьями, есть обед... на все уходит энергия аккумулятора. Нормальная жизнь — по крайней мере в западной цивилизации — что автомобиль с

электрическими стеклоподъемниками, усилителем тормоза, подогревом сидений, прочими штучками. Но чем больше вспомогательных устройств, тем быстрее разряжается аккумулятор.

— Да, — кивнул Ральф. — Даже большому «Делко»* не грозит перезаряд, если он стоит на «кадиллаке».

— Итак, что мы сделали? Мы сняли вспомогательное оборудование. Идет зарядка.

— Если слишком долго заряжать автомобильный аккумулятор, он взорвется, — с опаской заметил Ральф.

— Да, — кивнул Глен. — То же самое и с людьми. Библия рассказывает нам об Исайе, и Иове, и остальных, но не говорит, сколько пророков вернулось из пустоши со спаленным мозгом. Могу представить себе, что немало. Но я также уважаю человеческий интеллект и человеческую психику, несмотря на то что они иногда делают шаг назад. Пример тому — Восточный Техас...

— Давай без меня, лысый, — пробурчал Стью.

— В любом случае емкость человеческого мозга гораздо больше, чем у самого большого аккумулятора «Делко». Я думаю, он может заряжаться чуть ли не до бесконечности. А иногда и дальше.

Какое-то время они шли молча, обдумывая его слова.

— Мы заряжаемся? — тихо спросил Стью.

— Да, — ответил Глен. — Да, думаю, заряжаемся.

— Мы сбросили вес, — вставил Ральф. — Я это понимаю, глядя на вас, парни. А у меня всегда был пивной живот. Теперь я снова вижу пальцы ног. Чего там, я вижу почти всю стопу.

— Это состояние ума, — внезапно заговорил Ларри. Когда они все посмотрели на него, смутился, но все-таки продолжил: — У меня это ощущение появилось на прошлой неделе, и я не мог понять, что это такое. Может, теперь понимаю. Я словил кайф. Как бывало после косяка действительно качественной травы или понюшки кокаина. Но напрочь отсутствует дезориентация, возникающая от наркоты. Когда принимаешь наркотики, нормально думать не получается, реальность куда-то уплывает. А сейчас мне думается очень хорошо, если на то пошло, лучше, чем когда бы то

---

* «Делко» — аккумуляторы известной американской компании «Эй-Си Делко».

ни было. Но я все равно под кайфом. — Ларри рассмеялся. — Может, это просто голод.

— Мне все время хочется есть, — признался Ральф, — но это не так уж важно. Я прекрасно себя чувствую.

— Я тоже, — согласился с ним Стью. — Физически давно уже не чувствовал себя так хорошо.

— Когда опустошается сосуд, уходит и все дерьмо, плавающее в нем, — заметил Глен. — Примеси. Загрязнения. Конечно же, ощущения приятные. Это клизма, очищающая как все тело, так и весь разум.

— Оригинальный у тебя способ объяснений, лысый.

— Возможно, грубовато, зато точно.

— И как это нам поможет? — спросил Ральф.

— На это все и направлено, — ответил Глен. — У меня нет никаких сомнений. Но нам остается только ждать. Еще увидим, что из этого выйдет, верно?

Они шагали и шагали. Коджак выбежал из кустов и какое-то время шел вместе с ними, его когти цокали по асфальту автострады 70. Ларри наклонился и потрепал пса по голове.

— Старина Коджак! Ты знаешь, что ты аккумулятор? Совсем как большой аккумулятор «Делко» с пожизненной гарантией!..

Коджак, похоже, либо не знал, либо его это совершенно не волновало, но помахал хвостом, чтобы показать, что они с Ларри в одной команде.

Лагерь они разбили в пятнадцати километрах к западу от Сего, и, словно в подтверждение дневного разговора, выяснилось, что впервые после ухода из Боулдера им нечего есть. Глен смог предложить единственный оставшийся пакетик растворимого кофе, и они выпили его из единственной кружки, передавая из рук в руки. Последние десять миль они прошли, не встретив ни одного автомобиля.

На следующее утро, двадцать второго, они наткнулись на перевернутый «форд»-универсал, в котором остались четыре трупа, два — детских. В багажном отделении нашлись две коробки крекеров в виде фигурок животных и большой пакет слежавшихся картофельных чипсов. Крекеры оказались в лучшем состоянии. Они разделили их на пять частей.

— Не жри все разом, Коджак, — посоветовал Глен. — Плохой пес! Где твои манеры? А если манер у тебя нет — что ты наглядно демонстрируешь, — где твоя savoir faire*?

Коджак вертел хвостом и поедал крекеры Глена взглядом, однозначно указывающим, что с savoir faire у него так же плохо, как и с манерами.

— Тогда трудись как вол — или пропадешь. — Глен отдал собаке последний из своих крекеров, тигра. Коджак мгновенно проглотил его и принялся обнюхивать асфальт.

Ларри разом отправил в рот весь зоопарк, примерно десять животных. Жевал долго и мечтательно.

— Вы не обратили внимания, что от крекеров в форме животных во рту остается привкус лимона? Я помню это с детства. Но взрослым заметил только сейчас.

Ральф, который перекидывал с руки на руку два последних крекера, съел один.

— Да, ты прав. Привкус лимона. Знаете, мне бы хотелось, чтобы с нами был старина Ник. Я бы не возражал против того, чтобы разделить эти крекеры на шестерых.

Стью кивнул. Они доели крекеры и пошли дальше. В тот же день нашли фургон «Грейт уэстерн маркетс», вероятно, направлявшийся в Грин-Ривер. Фургон стоял на аварийной полосе, мертвый водитель сидел за рулем. В кузове стояли ящики с банками консервированной ветчины, но никто на нее не набросился. Глен предположил, что у них ссохлись желудки. Стью отметил, что его мутит от запаха ветчины, нет, он не говорит, что она стухла, просто запах слишком сильный. Слишком *мясной*. Вот желудок и бунтует. Он смог съесть только один ломтик. Ральф сказал, что предпочел бы найти две или три коробки звериных крекеров, и все рассмеялись. Даже Коджак съел совсем немного и отправился исследовать какой-то запах. Ту ночь они провели к востоку от Грин-Ривер, а ранним утром обнаружили, что земля покрыта инеем.

К провалу они подошли двадцать третьего, вскоре после полудня. Небо весь день затягивали облака, было холодно — достаточно холодно для снега, подумал Стью, и не только отдельных снежинок.

---

* Выдержка (*фр.*).

Все четверо стояли на краю, Коджак у ноги Глена, и смотрели вниз и на другую сторону провала. Где-то к северу прорвало дамбу, а может, сказались сильные летние ливни. Как бы то ни было, волна прошла по руслу реки Сан-Рафаэль, которая в некоторые годы пересыхала полностью, и снесла примерно тридцатифутовый участок автострады 70. Глубина провала составляла футов пятьдесят. Из крутых, осыпающихся склонов торчали камни и куски бетона. По дну лениво тек ручеек.

— Ё-моё! — выдохнул Ральф. — Нужно позвонить в дорожный департамент штата Юта.

— Посмотрите туда, — указал Ларри.

Они посмотрели в окружающую шоссе пустоту, где уже начали появляться странные, изъеденные ветром каменные колонны и монолиты, и примерно в сотне ярдов ниже по течению увидели переплетение оградительных рельсов, арматуры, кусков асфальта и бетона. Один кусок торчал вверх, к облачному, грозящему просыпаться небу, словно апокалиптический палец с белой полоской разметки.

Глен с рассеянным, мечтательным выражением на лице смотрел вниз, на обрывистый склон, сунув руки в карманы.

— Сможешь спуститься, Глен? — спросил Стью.

— Конечно, думаю, да.

— А как твой артрит?

— Бывало и хуже. — Он выдавил из себя улыбку. — Но, если честно, бывало и лучше.

У них не было веревки, чтобы подстраховать друг друга. Стью спускался первым, очень осторожно. Ему не нравилось, как земля иной раз осыпалась под ногами, вызывая маленькие оползни. Однажды, когда нога заскользила, он подумал, что сейчас потеряет равновесие и остаток пути проедет на заду. Но успел ухватиться за выступающий из земли камень и удержался. Потом Коджак легко пробежал мимо него, из-под лап летели маленькие фонтанчики земли. Мгновением позже пес уже стоял на дне провала, виляя хвостом и радостно лая на Стью.

— Гребаный хвастун, — пробурчал Стью и осторожно добрался до самого низа.

— Я следующий! — крикнул Глен. — Я слышал, как ты обозвал мою собаку!

— Будь осторожен, лысый! Будь чертовски осторожен! Земля действительно уходит из-под ног.

Глен спускался осторожно, неспешно перебираясь от опоры к опоре. Сердце Стью замирало всякий раз, когда он видел, как земля начинает осыпаться из-под потрепанных ботинок Глена. Легкий ветерок поднимал над ушами совершенно седые волосы. Стью вдруг подумал, что при их первой встрече на дороге в Нью-Хэмпшире, где Глен рисовал весьма посредственную картину, волосы социолога только тронула седина.

И пока Глен не оказался на дне провала, Стью не сомневался, что он вот-вот упадет и переломает себе все, что можно. Когда же социолог встал рядом, Стью облегченно выдохнул и хлопнул его по плечу.

— Никаких проблем, Восточный Техас. — Глен наклонился, чтобы потрепать Коджака по голове.

— Если бы, — ответил ему Стью.

Следующим спустился Ральф, так же осторожно передвигаясь от опоры к опоре, последние восемь футов прихрамывая.

— Господи, склон скользкий, как жидкое дерьмо, — прокомментировал он. — Будет забавно, если мы не сможем здесь забраться и нам придется пройти четыре или пять миль, прежде чем мы найдем более пологий участок.

— Будет гораздо забавнее, если придет еще одна волна, пока мы будем искать его, — ответил Стью.

Ларри проворно спустился вниз, быстро присоединившись к ним.

— Кто поднимается первым? — спросил он.

— Почему не ты, наш прыткий мальчик? — предложил Глен.

— Идет.

На подъем времени у него ушло гораздо больше, дважды земля уходила из-под ноги и он едва не падал. Но в конце концов Ларри забрался наверх и помахал им рукой.

— Кто следующий? — спросил Ральф.

— Я, — ответил Глен и направился к склону.

Стью поймал его за руку.

— Послушай! Мы можем пойти вдоль насыпи и найти более пологий участок, как и предложил Ральф.

— И потерять остаток дня? В детстве я смог бы забраться туда за сорок секунд, и частота сердцебиения не превысила бы семьдесят ударов в минуту.

— Ты уже не ребенок, Глен.

— Нет. Но я думаю, что-то от него во мне осталось.

И прежде чем Стью успел сказать хоть слово, Глен начал подъем. Остановился передохнуть, оставив позади треть пути. На середине схватился рукой за торчащий кусок сланца, и тот раскрошился у него в ладони. Стью уже не сомневался, что теперь Глен точно полетит до самого дна, а артрит отступит на второй план.

— Дерьмо... — выдохнул Ральф.

Глен взмахнул руками и как-то удержал равновесие. Сдвинулся вправо. Поднялся еще на двадцать футов, остановился передохнуть, вновь полез наверх. У самого верха камень, на котором он стоял, вывалился из склона, и Глен точно полетел бы следом, но Ларри был наготове. Он схватил Глена за руку и затащил наверх.

— Сущий пустяк! — крикнул вниз Глен.

Стью облегченно улыбнулся:

— И какой у тебя пульс, лысый?

— Думаю, за девяносто, — признал Глен.

Ральф взбирался по склону, точно опытный горный козел, проверяя каждую опору, перемещая руки и ноги, лишь убедившись, что сюрпризов не будет. Когда он оказался наверху, начал подъем и Стью.

До самого момента падения он думал, что этот склон проще того, по которому они спускались. И опоры крепче, и наклон чуть меньше. Но сцепление поверхностного слоя — известковой земли с вкраплениями камней — с массивом заметно ослабло из-за дождей. Стью чувствовал, что слой этот мог в любой момент поползти вниз, поэтому поднимался очень осторожно.

И его грудь уже поднялась над краем, когда камень, на котором стояла его левая нога, внезапно исчез. Стью почувствовал, как сползает вниз. Ларри попытался схватить его за руку, но на этот раз промахнулся. Стью ухватился на зубчатый край дорожного полотна, однако тот обломился у него в руке. Мгновение Стью тупо смотрел на кусок асфальта, а потом начал соскальзывать все быстрее. Он отбросил кусок, чувствуя себя Хитрым Койо-

том. «Не хватает только услышать «бип-бип»*, когда долечу до дна», — подумал он.

Он ударился обо что-то коленом, и ногу пронзила боль. Схватился за липкую поверхность склона, по которому его тащило со все нарастающей скоростью, но в руках осталась только земля.

Он стукнулся о валун, торчавший, будто большой затупленный наконечник стрелы, его подбросило в воздух, а дыхание перехватило. Пролетел футов десять и упал на согнутую ногу. Услышал треск кости. Мгновенно вспыхнула дикая боль. Он закричал. Сделал кувырок назад. Уткнулся лицом в землю. Земля лезла в рот. Мелкие камешки прочерчивали кровавые борозды на лице и руках. Он вновь упал на сломанную ногу и почувствовал, как сломалось что-то еще. На этот раз он не закричал — завопил благим матом.

Последние пятнадцать футов Стью проскользил на животе, как ребенок по водной горке. Застыл со штанами, полными земли, и сердцем, гулко бьющимся в ушах. Нога полыхала белым огнем. Куртка и рубашка задрались до подбородка.

Перелом. Насколько серьезный? Судя по боли, более чем. В двух местах, может, и больше. И растяжение коленных связок.

Ларри сбежал вниз маленькими прыжками, словно в насмешку над тем, что случилось со Стью. Потом опустился рядом с ним, озвучил вопрос, который Стью уже задавал себе:

— Перелом серьезный, Стью?

Стью приподнялся на локтях и посмотрел на Ларри. Его лицо под маской грязи заметно побледнело.

— Полагаю, я снова смогу ходить месяца через три. — Он почувствовал, что его сейчас вырвет. Лег на спину, посмотрел на небо, сжал руки в кулаки. Поднял и потряс ими. — *О-О-ОХ, ДЕРЬМО!* — прокричал он.

Ральф и Ларри наложили на ногу шину. Глен достал пузырек «моих артритных таблеток», как он их называл, и дал Стью одну. Стью не знал состава этих «артритных таблеток», а Глен отказался сказать, но боль в ноге ушла далеко-далеко. Он чувствовал себя очень спокойным, очень серьезным. В голову пришла мысль, что

* Хитрый Койот и Дорожный Бегун — одна из самых известных пар мультипликационных персонажей. Когда очередной замысел Койота проваливался и он попадал в яму, которую рыл Бегуну, последний издавал звук: «Бип-бип».

все они живут на полученное взаймы время, и не потому, что идут к Флэгту. Причина заключалась в том, что их не смог убить «Капитан Торч». В любом случае он знал, что необходимо сделать, и намеревался приложить все силы, чтобы все прошло именно так, а не иначе. Ларри только что закончил говорить. Теперь они озабоченно смотрели на Стью, ожидая, что тот скажет.

Он выразился коротко:

— Нет.

— Стью, — мягко начал Глен, — ты не понимаешь...

— Я понимаю. Я говорю — нет. Никакого возвращения в Грин-Ривер. Никакой веревки. Никакого автомобиля. Это нарушение правил игры.

— Это не гребаная *игра*! — воскликнул Ларри. — Ты здесь умрешь!

— А вы наверняка умрете в Неваде. Так что отправляйтесь. У вас еще четыре часа светлого времени. Незачем тратить его попусту.

— Мы тебя не оставим, — настаивал Ларри.

— Извини, но оставите. Я говорю, что должны оставить.

— Нет. Теперь командую я. Матушка сказала, если что-то случится с тобой...

— ...тогда вы должны идти дальше.

— Нет. Нет. — Ларри посмотрел на Глена и Ральфа, ожидая поддержки. На их лицах отражалась тревога. Коджак сидел рядом, обернув задние лапы хвостом, и следил за всеми четырьмя.

— Послушай меня, Ларри, — сказал Стью. — Весь этот поход основывается на одной идее: старая женщина знала, о чем говорит. Если сейчас ты начнешь ставить под сомнение ее слова, все пойдет насмарку.

— Да, это правильно, — кивнул Ральф.

— Нет, неправильно, хлебопашец! — Ларри сымитировал оклахомский выговор Ральфа. — Стью свалился не по Божьей воле, даже темный человек тут ни при чем. Земля, это земля ушла из-под ног! Я не брошу тебя, Стью. Я больше не собираюсь бросать людей.

— Да. Нам придется оставить его здесь, — подал голос Глен.

Ларри развернулся, не веря своим ушам, словно его предали.

— Я думал, ты его друг!

— Друг. Но это не имеет значения.

Ларри издал истерический смешок, отошел на несколько шагов.

— Вы психи! Вы это знаете?

— Нет, я не псих. Мы заключили договор. Мы стояли у смертного одра матушки Абагейл и дали согласие. Мы знали, что практически наверняка идем на смерть. Мы понимали смысл нашего договора. И теперь должны полностью его выполнять.

— Что ж, я хочу его выполнить. Нам не обязательно возвращаться в Грин-Ривер. Мы можем взять универсал. Положить его на заднее сиденье и поехать...

— Мы должны идти пешком. — Ральф указал на Стью: — Он идти не может.

— Ларри... — начал Стью.

Прежде чем он успел продолжить, Глен схватил Ларри за грудки и рванул на себя.

— Кого ты пытаешься спасти? — Его голос звучал холодно и сурово. — Стью или себя?

Ларри смотрел на Глена, его губы беззвучно шевелились.

— Все очень просто, — продолжил Глен. — Мы не можем остаться... а он не может идти.

— Я отказываюсь это принять, — прошептал Ларри. Он смертельно побледнел.

— Это испытание, — вдруг осенило Ральфа. — Вот что это такое.

— Возможно, испытание на здравомыслие, — ответил Ларри.

— Голосуем, — заговорил Стью с земли. — Я за то, чтобы вы шли дальше.

— Я этого не сделаю, — упорствовал Ларри.

— Ты думаешь не о Стью, — возразил Глен. — Ты хочешь спасти что-то в себе. Но на этот раз правильное решение — идти дальше. Мы должны.

Ларри медленно вытер рот тыльной стороной ладони.

— Давайте останемся здесь на ночь. Хорошенько все обдумаем.

— Нет, — возразил Стью.

Ральф кивнул. Они с Гленом переглянулись, а потом Глен вытащил из кармана пузырек с «артритными таблетками» и вложил в руку Стью.

— Они на основе морфина. Больше трех или четырех за раз, возможно, приведут к летальному исходу. — Он встретился взглядом со Стью. — Ты меня понимаешь, Восточный Техас?

— Да. Я тебя понял.

— О чем вы говорите? — крикнул Ларри. — Что, черт побери, ты предлагаешь?

— Разве ты не знаешь? — спросил Ральф с таким презрением, что на мгновение Ларри не нашелся с ответом. А потом все пронеслось перед его мысленным взором, как проносится множество незнакомых лиц, когда мчишься на карусели: таблетки, красные, синие, желтые. Рита. Вот он поворачивает ее в спальном мешке и видит, что она мертва и уже окоченела, а ее рот забит зеленой блевотой.

— Нет! — крикнул он и попытался выхватить пузырек из руки Стью.

Ральф схватил его за плечи. Ларри принялся вырываться.

— Отпусти его, — сказал Стью. — Я хочу с ним поговорить. — Ральф не убирал рук, вопросительно глядя на Стью. — Нет, отпусти, все хорошо.

Ральф послушался, но, похоже, был готов в любой момент снова броситься на Ларри.

— Подойди сюда, Ларри. Присядь.

Ларри подошел, присел рядом со Стью. С тоской посмотрел ему в глаза.

— Это неправильно, мужик. Когда кто-то падает и ломает ногу, нельзя... нельзя просто уйти и оставить упавшего человека умирать. Разве ты этого не знаешь? Эй... — Он коснулся лица Стью. — *Пожалуйста. Подумай.*

Стью взял руку Ларри, сжал в своей.

— Ты думаешь, я рехнулся?

— Нет! Нет, но...

— И как по-твоему, люди в здравом уме не имеют права решать за себя, что им делать?

— Ох!.. — выдохнул Ларри и заплакал.

— Ларри, спорить тут не о чем. Я хочу, чтобы вы шли дальше. Если сможешь выбраться из Вегаса, возвращайся этим путем. Может, Бог пошлет ворона, чтобы он кормил меня, кто знает. Однажды я прочитал в каком-то таблоиде, что человек может прожить без пищи семьдесят дней, если у него будет вода.

— Зима здесь наступит гораздо раньше. Ты умрешь от холода в три дня, даже если не наглотаешься таблеток.

— Это решать не тебе. Ты к этому отношения не имеешь.

— Не прогоняй меня, Стью.

— Я прогоняю тебя, — мрачно ответил Стью.

— Это паршиво. — Ларри поднялся. — И что скажет Фрэнни? Когда выяснит, что мы оставили тебя сусликам и стервятникам?

— Она ничего не скажет, если вы не сможете вернуться и вытащить меня отсюда. Как и Люси. Как и Дик Эллис. Как и Брэд. Или кто-либо еще.

— Ладно, — кивнул Ларри. — Мы уйдем, но завтра. Сегодня встанем лагерем здесь, и, может, нам приснится сон... или что-то...

— Никаких снов. — Стью покачал головой. — Никаких знамений. Так не бывает. Вы останетесь на одну ночь, а если ничего не произойдет, останетесь на вторую... и третью... Вы должны уйти немедленно.

Ларри отошел, опустив голову, застыл спиной к ним.

— Хорошо. — произнес он так тихо, что они едва его услышали. — Мы сделаем по-твоему. Да спасет Бог наши души.

Ральф шагнул к Стью, опустился на колени.

— Можем ли мы что-нибудь для тебя сделать, Стью?

Стью улыбнулся:

— Да. Принесите мне все, что написал Гор Видал. Книги о Линкольне, об Аароне Бэрре, всех этих людях. Я всегда хотел почитать об этих бедолагах. Теперь, похоже, у меня появился шанс.

Ральф криво усмехнулся:

— Извини, Стью. Похоже, я сейчас заплачу.

Стью сжал его руку, и Ральф отошел. Его место занял Глен. Он уже плакал. А когда сел рядом со Стью, слезы полились с новой силой.

— Да перестань! — попытался ободрить его Стью. — Все у меня будет хорошо.

— Ларри прав. Это ужасно. Мы бросаем тебя, словно лошадь.

— Ты знаешь, что другого не дано.

— Вероятно, но кто знает наверняка? Как нога?

— Сейчас не болит.

— Ладно, таблетки у тебя. — Глен вытер глаза. — Прощай, Восточный Техас. Я чертовски рад нашему знакомству.

Стью отвернулся.

— Не говори «прощай», Глен. Скажи «пока» — это к удаче. Возможно, ты свалишься с этого трехнутого склона, и мы проведем здесь зиму, играя в криббидж.

— Так долго не получится. Я это чувствую. А ты?

И поскольку Стью тоже это чувствовал, он повернулся к Глену.

— Да. — Он чуть улыбнулся. — Но я не убоюсь зла, верно?

— Верно! — Голос Глена упал до хриплого шепота. — Прими таблетки, если почувствуешь, что больше не можешь. Не мучай себя.

— Не буду.

— Тогда... до встречи.

— До встречи, Глен.

Втроем они подошли к склону провала, и, раз оглянувшись, Глен начал подъем. Стью следил за ним с нарастающей тревогой. Социолог двигался легко, даже небрежно, практически не глядя, куда ставит ноги. Земля посыпалась вниз один раз, потом другой. Глен попытался зацепиться руками, и дважды ему это удалось. Когда он выбрался на шоссе, Стью с облегчением выдохнул.

Ральф последовал за ним, и когда он присоединился к Глену, Стью в последний раз позвал Ларри. Глядя снизу вверх на его лицо, подумал, что оно очень похоже на лицо погибшего Гарольда Лаудера — застывшее, с наблюдающими, чуть настороженными глазами. Лицо, которое ничего не выдавало, за исключением того, что хотело выдать.

— Ты теперь главный. Справишься?

— Не знаю. Попробую.

— Решения придется принимать тебе.

— Правда? Похоже, первое уже отклонили. — Теперь в глазах появилось чувство: упрек.

— Да, но только первое. Послушай... *его* люди схватят вас.

— Да. Я тоже так думаю. Или схватят, или расстреляют из засады, словно собак.

— Нет, думаю, они схватят вас и отвезут к *нему*. Это произойдет в ближайшие дни. Когда вас привезут в Вегас, будь настороже. Жди. Что-то случится.

— Что, Стью? Что случится?

— Не знаю. То, ради чего нас послали. Будь наготове. Не пропусти.

— Мы вернемся за тобой, если сможем. Ты знаешь.

— Да, конечно.

Ларри быстро поднялся по склону и присоединился к остальным. Все трое помахали Стью руками. Он в ответ поднял руку. Они ушли. И больше никогда не видели Стью Редмана.

Глава 73

Втроем они разбили лагерь в шестнадцати милях к западу от того места, где оставили Стью. По пути наткнулись на еще один провал, только гораздо меньших размеров. Но так мало они прошли по другой причине: потому что лишились какой-то частицы сердца. И пока не могли сказать, вернется ли она к ним. Ноги вдруг заметно отяжелели. Разговор не клеился. Никто не хотел смотреть в лицо другого — из страха, что увидит отражение собственной вины.

Они остановились уже в темноте и разожгли костер. Ужинать в этот вечер пришлось водой. Глен высыпал в трубку остававшийся у него табак и внезапно задался вопросом: а есть ли у Стью сигареты? Эта мысль испортила аромат табака, и он рассеянно выбил из трубки остатки «Боркум рифф». Когда несколько минут спустя где-то в темноте заухала сова, Глен огляделся.

— Слушайте, а где Коджак? — спросил он.

— Действительно, странно, — ответил Ральф. — Не помню, чтобы видел его последнюю пару часов.

Глен поднялся.

— Коджак! — закричал он. — Эй, Коджак! *Коджак!* — Голос полетел над пустынной землей. Ответного лая не последовало. Глен сел, сокрушенный печалью. С его губ сорвался тоскливый выдох. По его следу Коджак пересек чуть ли не весь континент, а теперь пропал. Дурной знак.

— Ты думаешь, кто-то его поймал? — спросил Ральф.

— Может, он остался со Стью? — предположил Ларри.

Глен вскинул голову, такая мысль, похоже, его не посещала.

— Может, — кивнул он. — Может, так и случилось.

Ларри перебрасывал камушек из руки в руку, туда-сюда, туда-сюда.

— Он сказал, что Бог, возможно, пошлет ворона, чтобы кормить его. Я сомневаюсь, чтобы здесь водились вороны, так что, может, Он послал пса.

В костре что-то треснуло, в темноту взметнулся столб искр, ярко вспыхнул и погас.

Когда Стью увидел темный силуэт, спускающийся к нему по склону, он прижался спиной к валуну — сломанная нога лежала перед ним — и одной немеющей рукой нашарил булыжник. Он промерз до костей. Ларри был прав. Два-три дня лежания на земле при такой температуре — верная смерть. Вот только кто-то хотел забрать его жизнь еще раньше. Коджак пробыл с ним до заката, а потом ушел, легко выбравшись из провала. Звать его Стью не стал. Пес наверняка побежал за Гленом и остальными. Возможно, чтобы сыграть отведенную ему роль. Но теперь он жалел, что Коджак не задержался здесь чуть дольше. Таблетки — это одно, однако ему не хотелось, чтобы его изорвал в клочья один из волков темного человека.

Он крепче сжал булыжник, а темный силуэт остановился на склоне где-то в двадцати ярдах от него. Потом продолжил спуск, черная тень на фоне ночи.

— Иди сюда, иди!.. — прохрипел Стью.

Черный силуэт завилял хвостом.

— *Коджак?*

Он самый. И он что-то тащил в пасти, а потом бросил свою ношу рядом со Стью. Сел, виляя хвостом, ожидая похвалы.

— *Хороший пес...* — В голосе Стью слышалось изумление. — *Хороший пес!*

Коджак принес ему кролика.

Стью достал складной нож, тремя быстрыми движениями вспорол кролику брюхо. Вытащил дымящиеся внутренности и бросил Коджаку.

— Хочешь?

Коджак хотел. Стью освежевал кролика. Но мысль о том, чтобы съесть его сырым, желудку не приглянулась.

— Дерево? — обратился он к Коджаку без особой надежды. Вдоль ручейка валялось много ветвей и стволов деревьев, принесенных волной, но не в пределах досягаемости.

Коджак вилял хвостом, однако с места не сдвинулся.

— Принеси! При...

Но Коджак уже убежал. Покрутился на восточном берегу ручейка и прибежал с сухой ветвью в пасти. Положил рядом со Стью и гавкнул. Хвост мотался из стороны в сторону.

— Хороший пес, — повторил Стью. — Будь я проклят! Неси еще, Коджак!

Радостно лая, Коджак убежал вновь. Через двадцать минут дров уже хватало для большого костра. Стью приготовил стружки для растопки, посмотрел, как дела со спичками. Полторы книжицы. Стружки занялись со второй спички, а потом он осторожно подкармливал огонь. Скоро костер весело потрескивал, и Стью, сидя на спальнике, расположился как можно ближе к теплу. Коджак лежал с другой стороны костра, положив морду на лапы.

Когда появились угли, Стью насадил кролика на палку и принялся его жарить. Очень скоро запахло так вкусно, что желудок Стью заурчал. Коджак сел, с интересом наблюдая за процессом.

— Половину тебе и половину мне, большой мальчик, идет?

Пятнадцать минут спустя он вытащил кролика из огня и сумел разделить на две части, не обжегшись. Мясо местами обгорело, местами осталось полусырым, но по вкусу заметно превосходило консервированную ветчину от «Грейт уэстерн маркетс». Он и Коджак расправились с кроликом очень быстро... а когда заканчивали, издалека донесся леденящий кровь вой.

— *Господи!* — пробормотал Стью с набитым крольчатиной ртом.

Коджак вскочил, его шерсть встала дыбом, он зарычал. Обошел костер кругом и зарычал вновь. Повторного воя не последовало.

Стью лег, с булыжником у одной руки, с раскрытым складным ножом у другой. Над головой сияли холодные, высокие, безразличные звезды. Его мысли устремились к Фрэн, но он тут же развернул их в другую сторону. Слишком сильную они вызывали боль, даже на полный желудок. «Я не смогу заснуть, — подумал он. — Долго не смогу».

Но он заснул, с помощью еще одной таблетки Глена. И когда угли костра превратились в золу, Коджак подошел и лег рядом с ним, отдавая Стью свое тепло. Так уж вышло, что в первую ночь после разлуки Стью поел, тогда как остальные легли спать голодными, и спал хорошо — в отличие от Ларри, Глена и Ральфа, которых тревожили кошмары и ощущение быстро надвигающейся беды.

Двадцать четвертого сентября группа Ларри Андервуда, состоящая из трех человек, прошла тридцать миль и встала лагерем к северо-востоку от холма Сан-Рафаэль. В ту ночь температура упала до двадцати пяти градусов*, поэтому они разожгли большой костер и спали рядом с огнем. Коджак к ним так и не присоединился.

— И что, по-твоему, делает этим вечером Стью? — спросил Ральф у Ларри.

— Умирает, — коротко ответил Ларри и тут же об этом пожалел, увидев гримасу боли на открытом, честном лице Ральфа, но было уже поздно. С другой стороны, он скорее всего сказал правду.

Он снова лег, в полной уверенности, что это случится завтра. Куда бы они ни шли, конечная точка их похода находилась совсем рядом.

И в эту ночь ему снились кошмары. В одном, который запечатлелся в памяти лучше других, он отправился в турне с рок-группой «Шейди блюз коннекшн». Они выступали в «Мэдисон-Сквер-Гарден», и в зале не осталось ни одного свободного места. Они поднялись на сцену под громовые аплодисменты. Ларри подошел к микрофону, чтобы отрегулировать его высоту, но тот не желал сдвигаться с места. Тогда он подошел к микрофону соло-гитариста, но и тот словно приварился к стойке. Бас-гитарист, клавишник — та же история. Зрители принялись улюлюкать и хлопать. Один за другим музыканты «Шейди блюз коннекшн» уходили со сцены, тоскливо улыбаясь в высокие психоделические воротники, похожие на те, что носила рок-группа «Бердс» в далеком тысяча девятьсот шестьдесят шестом году, когда Роджер Макгуинн еще летал на высоте восьми миль. Или восьмисот. А Ларри

* По Фаренгейту; примерно –3,9°С.

все бродил от микрофона к микрофону в надежде найти один, который удастся подстроить под себя. Но все они застыли в девяти футах от сцены, прямо-таки кобры из нержавеющей стали. Кто-то из толпы стал требовать, чтобы он спел «Поймешь ли ты своего парня, детка?». *Я больше не исполняю эту песню,* попытался сказать он. *Перестал, когда умер прежний мир.* Они не захотели его слушать, начали скандировать. Сначала в задних рядах, потом по всему залу, все громче и громче: *«Поймешь ли ты своего парня, детка?! Поймешь ли ты своего парня, детка?! ПОЙМЕШЬ ЛИ ТЫ СВОЕГО ПАРНЯ, ДЕТКА?!»*

Он проснулся, а скандирование все звучало в ушах. Тело покрывал пот.

Он и без Глена знал, что это за сон и как его толковать. Рок-музыкантам часто снится, что они не могут дотянуться до микрофона, не могут приспособить его под себя. Как и другой сон: ты на сцене, но не можешь вспомнить ни единого слова песни. Ларри не сомневался, что все исполнители видели подобные сны перед...

Перед выступлением.

Сон, свидетельствующий о сомнении в собственных способностях. Сон, выражающий захлестывающий страх: «А если я не смогу? Если буду хотеть, но не смогу?» Ужас перед тем, что не удастся преодолеть себя, сделать «прыжок веры», без которого артист — будь то певец, писатель, художник или музыкант — просто не может состояться.

Уважь людей, Ларри.

Чей это голос? Матери?

Ты можешь только брать, Ларри.

Нет, мама, не я. Больше я этого не делаю. Перестал, когда умер прежний мир. Честное слово.

Он лег и снова заснул. Успел только подумать, что Стью сказал правду: темный человек собирался их схватить. *Завтра,* решил он. *Что бы нас ни ждало, это случится скоро.*

Но двадцать пятого они никого не встретили. Все трое дружно шагали под ярко-синими небесами, видели в большом количестве птиц и всякое зверье, но не людей.

— Просто удивительно, как быстро возвращаются дикие звери, — выразил общую мысль Глен. — Я знал, что процесс этот бу-

дет достаточно быстрым, и, разумеется, зима его обязательно притормозит, но все равно удивительно. Ведь после начала эпидемии прошла какая-то сотня дней.

— Да, но ведь нет собак и лошадей, — заметил Ральф. — Это совсем неправильно, знаете ли. Они изобрели вирус, который убил чуть ли не всех людей, но ведь этим дело не ограничилось. Заодно вирус порешил и любимых животных человека. Забрал человека и его лучших друзей.

— И оставил кошек, — мрачно ввернул Ларри.

Ральф просиял:

— Есть еще и Коджак...

— Был Коджак.

Эта фраза убила разговор. Холмы хмурились на них с обеих сторон дороги, идеальное место для укрытия десятков людей со снайперскими винтовками. Предчувствие, что встреча с людьми темного человека произойдет сегодня, не оставляло Ларри. Всякий раз, поднимаясь на холм, он ожидал увидеть внизу блокпост. И всякий раз, не видя его, думал о засаде.

Они поговорили о лошадях. О собаках и бизонах. Бизоны возвращались, заверил их Ральф. Ник и Том Каллен их видели. И недалек тот день — возможно, они его застанут, — когда бизоны вновь заполонят прерии.

Ларри знал, что это правда, но также знал, что это чушь: жить им, вполне вероятно, оставалось минут десять.

Потом начало темнеть, и пришло время остановиться на ночлег. Они поднялись на еще один, последний в этот день холм, и Ларри подумал: *Сейчас. Они будут поджидать нас внизу.*

Но никто их не поджидал.

Они разбили лагерь под зеленым светоотражающим щитом с надписью: «ЛАС-ВЕГАС 260». В этот день им удалось сравнительно неплохо поесть: чипсы, газировка, две копченые колбаски «Слим джимс», которые они разделили поровну.

Завтра, вновь подумал Ларри и заснул. В эту ночь ему приснилось, что в «Гарден» выступают он, и Барри Грайг, и «Тэттерд ремнантс». Им выпал огромный шанс — они выступали на разогреве какой-то супергруппы, названной в честь какого-то города. То ли Бостона, то ли Чикаго. И микрофоны вновь оказались на высоте девяти футов, а когда он принялся ходить от одного к дру-

гому, зрители вновь начали скандировать: «Поймешь ли ты своего парня, детка?»

Он посмотрел на первый ряд, и его окатила волна ледяного страха. Там сидел Чарльз Мэнсон, знак «Х» у него на лбу заживал, превращаясь в белый шрам. Он хлопал и скандировал. И Ричард Спек сидел рядом, уставившись на Ларри наглыми, самоуверенными глазами. Сигарета без фильтра торчала у него изо рта. Место между ними занимал темный человек. Позади устроился Джон Уэйн Гейси*. Флэгг дирижировал скандированием.

Завтра, опять подумал Ларри, переходя от одного слишком высокого микрофона к другому под жаркими прожекторами «Мэдисон-Сквер-Гарден». *Я увижу тебя завтра.*

Но не увидел ни на следующий день, ни днем позже. Вечером двадцать седьмого сентября они заночевали в городе Фримонт-Джанкшен, и с едой не возникло никаких проблем.

— Я постоянно жду, что все закончится, — в тот вечер признался Ларри Глену. — Но день проходит, а ничего не заканчивается. И становится только хуже.

Глен кивнул:

— У меня те же ощущения. Будет забавно, если он окажется миражом, правда? Всего лишь дурным сном нашего коллективного сознания.

Во взгляде Ларри промелькнуло удивление. Потом он медленно покачал головой:

— Нет, не думаю, что это всего лишь сон.

Глен улыбнулся:

— Я тоже, молодой человек. Я тоже так не думаю.

С людьми Флэгга они встретились на следующий день.

Утром, в самом начале одиннадцатого, они поднялись на холм, и внизу, на западе, в четырех милях от них стояли капот к капоту два автомобиля, перегораживая автостраду. Все выглядело именно так, как и ожидал Ларри.

— Авария? — спросил Глен.

Ральф прикрыл глаза ладонью.

---

* Джон Уэйн Гейси (1942—1994) — американский серийный убийца. Также известен как Клоун-убийца.

— Не думаю. Так не сталкиваются.

Ларри вытащил из кармана шейный платок и вытер лицо. В этот день то ли вернулось лето, то ли они начали ощущать влияние юго-западной пустыни. Температура воздуха явно превышала восемьдесят градусов*.

Но это сухая жара, хладнокровно подумал Ларри. *Я только чуть вспотел. Самую малость.* Он убрал платок в карман. Теперь, когда все, можно сказать, произошло, он чувствовал себя прекрасно. Вновь появилось ощущение, что это выступление, концерт, который надо отыграть.

— Мы пойдем вниз и посмотрим, действительно ли Бог с нами. Верно, Глен?

— Ты босс.

Они зашагали дальше. Полчаса спустя подошли достаточно близко, чтобы разглядеть, что автомобили, стоявшие капот к капоту, принадлежали дорожной полиции штата Юта. Их поджидали несколько вооруженных людей.

— Они собираются нас застрелить? — буднично спросил Ральф.

— Не знаю, — ответил Ларри.

— Потому что у некоторых снайперские винтовки. С оптическим прицелом. Я вижу, как линзы поблескивают на солнце. Если они хотят нас уложить, мы уже в пределах досягаемости.

Они продолжали идти. Мужчины на блокпосте разделились на две группы. Пятеро, направив на них оружие, выдвинулись чуть вперед. Трое укрылись за автомобилями, тоже взяв их на прицел.

— Их восемь, Ларри? — спросил Глен.

— Я насчитал восемь, да. Как ты?

— В порядке, — ответил Глен.

— Ральф?

— Если бы мы только знали, что нужно делать, когда придет время... Это единственное, что меня волнует.

Ларри взял его руку и сжал. Потом проделал то же с рукой Глена.

От патрульных автомобилей их отделяло меньше мили.

— Они не собираются нас убивать, — заметил Ральф. — Иначе уже бы это сделали.

---

* По Фаренгейту; примерно 26,7°С.

Теперь они различали лица, и Ларри с любопытством их разглядывал. Один с густой бородой. Второй молодой, но почти облысевший (*Должно быть, это стало для него трагедией — начать лысеть еще в старшей школе*, подумал Ларри). Третий надел ярко-желтую безрукавку с улыбающимся верблюдом на груди. Под верблюдом тянулась подпись витиеватыми буквами: «СУПЕРГОРБ». Еще один напоминал бухгалтера. Он размахивал триста пятьдесят седьмым «магнумом» и, судя по внешнему виду, нервничал в три раза сильнее, чем Ларри. Чувствовалось, что он прострелит себе ногу, если не успокоится.

— Они совсем не отличаются от наших людей! — В голосе Ральфа слышалось удивление.

— Конечно же, отличаются, — ответил Глен. — У них пушки.

До патрульных автомобилей, блокирующих дорогу, оставалось двадцать футов. Ларри остановился, Глен и Ральф последовали его примеру. Какое-то время люди Флэгга и пилигримы Ларри смотрели друг на друга в мертвой тишине. Наконец Ларри негромко поздоровался:

— Привет.

Невысокий мужчина, похожий на бухгалтера, выступил вперед. Он по-прежнему не мог найти место своему «магнуму».

— Вы — Глендон Бейтман, Лоусон Андервуд, Стюарт Редман и Ральф Брентнер?

— Скажи, дундук, ты не умеешь считать? — спросил Ральф.

Кто-то засмеялся. Бухгалтер покраснел.

— Кто отсутствует?

— Со Стью произошел несчастный случай, — ответил Ларри. — И я уверен, что с тобой то же произойдет, если ты не перестанешь размахивать своей пушкой.

Новые смешки.

Бухгалтеру удалось засунуть пистолет за ремень серых слаксов, отчего выглядеть он стал еще более нелепо. Таким, наверное, представлял себя в своих грезах Уолтер Митти*.

— Меня зовут Пол Берлсон, и возложенной на меня властью я беру вас под арест и приказываю идти со мной.

— От чьего имени вы действуете? — тут же спросил Глен.

---

* Уолтер Митти — герой рассказа «Тайная жизнь Уолтера Митти» (1939) американского писателя Джеймса Тербера (1894—1961).

Берлсон с презрением посмотрел на него... но презрение смешивалось с чем-то еще.

— Ты знаешь, о ком я говорю.

— Так назови его имя.

Но Берлсон молчал.

— Ты боишься? — спросил Глен. Оглядел всех восьмерых. — Вы так боитесь, что не решаетесь произнести *его* имя? Очень хорошо, я сделаю это за вас. Его зовут Рэндалл Флэгг, также известный как темный человек, как высокий человек, как Странник. Или некоторые из вас называют его иначе? — Он возвысил голос, вибрирующий от ярости. Некоторые из людей Флэгга тревожно переглядывались, а Берлсон отступил на шаг. — Зовите его Вельзевулом, ведь и это его имя. Зовите его Ньярлатотепом*, и Ахазом**, и Астаротом***. Зовите его Райлахом****, и Сетом, и Анубисом. Имя ему легион, и он апостол ада, а вы целуете ему зад. — Голос Глена вновь стал нормальным, он обезоруживающе улыбнулся. — Просто подумал, что лучше сразу расставить все на свои места.

— Взять их! — приказал Берлсон. — Взять их, и пристрелите первого, кто попытается бежать.

Но никто не сдвинулся с места, и Ларри подумал: *Они этого не сделают, они боятся нас не меньше, чем мы их, даже больше, хотя они и вооружены...*

Он посмотрел на Берлсона:

— Кому ты дуришь голову, жалкий червяк? Мы *хотим* попасть в Вегас. Для этого мы и пришли.

Тут они двинулись, словно получили приказ от Ларри. Его и Ральфа запихнули на заднее сиденье одного патрульного автомобиля, Глена — второго. От переднего сиденья их отделяла стальная сетка. Ручки на дверях отсутствовали.

Мы арестованы, подумал Ларри. И нашел, что эта идея забавляет его.

Четверо мужчин втиснулись на переднее сиденье. Автомобиль задним ходом отъехал на обочину, водитель вывернул руль, и они покатили на запад.

---

* Ньярлатотеп — воплощение хаоса, посланник богов из мира, созданного Говардом Лавкрафтом (1890—1937).

** Ахаз — иудейский царь-вероотступник.

*** Астарот — один из самых могущественных демонов ада.

**** Райлах — демон, встречающийся только в произведениях Стивена Кинга.

Ральф вздохнул.

— Боишься? — шепотом спросил Ларри.

— Если б я знал. Так приятно не идти, а ехать, что я не могу сказать.

Один из мужчин, сидевших впереди, спросил:

— Этот болтливый старик — он главный?

— Нет. Я.

— Как тебя зовут?

— Ларри Андервуд. Это Ральф Брентнер. А тот парень — Глен Бейтман. — Ларри обернулся. Второй патрульный автомобиль следовал за ними.

— А что случилось с четвертым?

— Он сломал ногу. Нам пришлось оставить его.

— Не повезло, это точно. Я Барри Доргэн. Служба безопасности Вегаса.

Ларри почувствовал, что едва не выдал глупейшим образом: *Рад с вами познакомиться,* и не смог сдержать улыбку.

— Сколько ехать до Вегаса?

— С ветерком не получится из-за заторов на дорогах. Мы их расчищаем, начиная с города, но дело идет медленно. Будем там примерно через пять часов.

— Это ж надо! — Ральф покачал головой. — Мы шли три недели. А на машине можно доехать за пять часов.

Доргэн развернулся, чтобы посмотреть на них.

— Я не понимаю, зачем вы шли. Если честно, я не понимаю, зачем вы вообще явились. Вы не могли не знать, чем все закончится.

— Нас послали, — ответил Ларри. — Думаю, убить Флэгга.

— Шансы невелики, дружище. Ты и твои друзья прямиком отправитесь в окружную тюрьму Лас-Вегаса. Никакого пропуска в казино, никаких бонусных двухсот долларов. Он проявляет к вам особый интерес. Знал о том, что вы идете. — Доргэн помолчал. — Вам остается только надеяться, что он покончит с вами быстро. Но я бы на это не рассчитывал. В последнее время настроение у него не самое радужное.

— Это почему? — спросил Ларри.

Однако Доргэн, казалось, почувствовал, что и так сказал достаточно — может, даже сболтнул лишнего. Он отвернулся, не отвечая, и Ларри и Ральфу оставалось только смотреть на проплы-

вающую мимо пустыню. За какие-то три недели скорость вновь стала для них в диковинку.

До Вегаса они добирались шесть часов. Город лежал посреди пустыни, как огромный драгоценный камень. На улицах было много людей. Рабочий день закончился, и они наслаждались прохладой раннего вечера, сидели на лужайках, на скамьях автобусных остановок, на ступенях, которые вели в оставшиеся в прошлом свадебные часовни и ювелирные магазины. Люди провожали взглядами патрульные автомобили дорожной полиции штата Юта, а потом возвращались к прерванным разговорам.

Ларри задумчиво оглядывался. Электричество работает, улицы чистые, никаких следов грабежей и погромов.

— Глен прав, — нарушил он затянувшееся молчание. — Поезда у него приходят вовремя. Но я все-таки не уверен, что управлять железной дорогой надо именно так. Ваши люди неважно выглядят, Доргэн, будто все они на грани нервного срыва.

Тот не ответил.

Они прибыли к окружной тюрьме и заехали во двор. Остановились. Когда Ларри вышел, морщась от боли в затекшем теле, он увидел, что Доргэн держит две пары наручников.

— Да перестань! — отмахнулся он. — Зачем?

— Извини. Его приказ.

— На меня за всю жизнь ни разу не надевали наручники, — заговорил Ральф. — В «обезьянник» я по пьяни пару раз попадал, прежде чем женился, но обходилось без наручников. — Ральф тянул каждое слово, оклахомский выговор стал намного заметнее, и Ларри понял, что тот в дикой ярости.

— У меня приказ, — ответил Доргэн. — Давайте обойдемся без лишнего насилия.

— У тебя приказ! — фыркнул Ральф. — Я знаю, кто отдает тебе приказы. Он убил моего друга Ника. Как получилось, что ты стал его верным псом? Вроде бы ты неплохой парень. — Он так пристально всмотрелся в Доргэна, что тот покачал головой и отвернулся.

— Это моя работа, и я ее выполняю. Ничего больше. Вытяните руки, иначе кто-то поможет вам это сделать.

Ларри вытянул руки, и Доргэн защелкнул на его запястьях наручники.

— Кем ты был? — спросил Ларри. Его это действительно интересовало. — Прежде?

— Полиция Санта-Моники. Помощник детектива.

— И теперь ты с *ним*. Это... ты уж извини, что я так говорю, но это действительно странно.

К ним подвели Глена Бейтмана, как следует толкнув напоследок.

— Почему вы его толкаете? — зло спросил Доргэн.

— Если бы тебе пришлось шесть часов кряду слушать его болтовню, ты бы тоже начал толкаться, — ответил один из мужчин.

— Мне плевать, что вы там слушали, руки нечего распускать. — Доргэн повернулся к Ларри. — Что странного в том, что я с ним? До «Капитана Торча» я десять лет служил в полиции. Я видел, что происходит, когда начинают рулить такие, как вы.

— Молодой человек, — ответил ему Глен, — общение с избитыми подростками и наркоманами никак не оправдывает ваше служение монстру.

— Уведите их отсюда, — распорядился Доргэн. — Разные камеры, разные крылья.

— Я не думаю, что вы сможете жить с вашим выбором, молодой человек, — добавил Глен. — В вас слишком мало от нациста.

На этот раз Доргэн сам толкнул Глена.

Ларри отделили от Глена и Ральфа и повели по пустому коридору с табличками на стенах: «НЕ ПЛЕВАТЬ», «К ДУШУ И ДЕЗИНФЕКЦИИ». Одну он выделил особо: «ТЫ ЗДЕСЬ НЕ ГОСТЬ».

— Я бы не возражал против душа, — сказал он.

— Возможно, — ответил Доргэн. — Мы посмотрим.

— Посмотрим на что?

— Как ты будешь нам помогать.

Доргэн открыл дверь в камеру в конце коридора и завел туда Ларри.

— Как насчет браслетов? — Ларри протянул руки.

— Конечно. — Доргэн расстегнул наручники и забрал. — Лучше?

— Гораздо.

— Все еще хочешь принять душ?

— Само собой. — Если на то пошло, Ларри не хотел оставаться в одиночестве, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Если б он остался один, начал бы нарастать страх.

Доргэн достал маленький блокнот.

— Сколько у вас людей? В Зоне?

— Шесть тысяч, — ответил Ларри. — По четвергам мы играем в бинго, и победитель получает двадцатифунтовую индейку.

— Ты хочешь помыться в душе или нет?

— Хочу. — Но он уже понимал, что без душа придется обойтись.

— Сколько там человек?

— Двадцать пять тысяч, но четыре тысячи моложе двенадцати и в автокинотеатрах смотрят фильмы бесплатно. С точки зрения экономики — полная жопа.

Доргэн захлопнул блокнот и посмотрел на него.

— Я не могу, чел, — объяснил ему Ларри. — Поставь себя на мое место.

Доргэн покачал головой:

— Не могу этого сделать, потому что я не псих. Почему вы *здесь*? Какой вам от этого прок? Он собирается убить вас, если не завтра, то днем позже. Вы станете куском собачьего дерьма. И если он захочет, чтобы вы заговорили, так и будет. Если он захочет, чтобы вы одновременно выбивали чечетку и дрочили, вы и это сделаете. Вы просто рехнулись!..

— Нам велела идти сюда старая женщина, матушка Абагейл. Вероятно, она тебе снилась.

Доргэн покачал головой, но на Ларри больше не смотрел.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Тогда давай поставим на этом точку.

— Ты точно не хочешь поговорить со мной? Принять душ?

Ларри рассмеялся:

— Меня так дешево не купишь. Отправьте своего шпиона на нашу сторону. Если сможете найти хоть одного, у кого душа не уйдет в пятки при одном лишь упоминании матушки Абагейл.

— Как скажешь. — Доргэн вышел из камеры и зашагал по коридору под лампами, прикрытыми металлической сеткой. Миновал сдвижную решетчатую дверь в конце коридора, закрыл ее. Послышался глухой стук.

Ларри огляделся. Как и Ральф, он пару раз попадал в тюрьму — за пребывание на публике в пьяном виде и за владение унцией марихуаны. Бурная юность.

— Это вам не «Ритц», — пробормотал он.

Матрас на койке выглядел заплесневелым, и Ларри задался — его чуть передернуло — вопросом: а не умер ли кто на нем в июне или в начале июля?.. Туалет работал, но когда он спустил воду, полилась ржавая струйка — надежное свидетельство того, что унитазом давно не пользовались. Кто-то оставил в камере вестерн в бумажной обложке. Ларри взял книгу, потом положил. Сел на койку. Вслушался в тишину. Он терпеть не мог пребывать в одиночестве... но, так уж вышло, всегда пребывал... пока не попал в Свободную зону. И теперь одиночество оказалось не столь ужасным, как он опасался. Конечно, ему не нравилось, но он мог это пережить.

Он собирается убить вас, если не завтра, то днем позже. Вы станете куском собачьего дерьма.

Только Ларри в это не верил. Их не могли просто убить.

— Я не убоюсь зла, — сообщил он мертвой тишине тюремного блока, и ему понравилось, как это звучит. Он повторил фразу.

Лег, и тут в голову ему пришла мысль, что он практически вернулся на западное побережье. Только путешествие получилось более долгим и более странным, чем кто-либо мог себе представить. И оно еще не закончилось.

— Я не убоюсь зла, — вновь произнес Ларри. Он заснул со спокойным лицом, и его не мучили кошмары.

На следующий день в десять утра, через двадцать четыре часа после того как они увидели вдалеке блокпост, Рэндалл Флэгг и Ллойд Хенрид пришли повидаться с Гленом Бейтманом.

Тот сидел на полу своей камеры, скрестив ноги. Он нашел под койкой кусок древесного угля и только что закончил писать послание среди рисунков мужских и женских гениталий, имен и фамилий, телефонных номеров и коротких скабрезных стишков: *Я не гончар и не гончарный круг, а гончарная глина; но разве достоинства готовой формы зависят от внутренних свойств глины в меньшей степени, чем от гончарного круга и умения мастера?* Глен восхищался этой пословицей — или афоризмом? — когда температура в тюремном блоке вдруг упала градусов на десять. Дверь в конце коридора с грохотом откатилась. Во рту у Глена внезапно пересохло, уголь выпал из его пальцев.

Каблуки сапог застучали по полу, приближаясь. Звуки других шагов — жалкие и тихие — торопились за первыми, пытаясь не отстать.

Это же он. Сейчас я увижу его лицо.

Артритные боли резко усилились. До невыносимости. Кости вдруг стали полыми, их словно наполнили толченым стеклом. Однако когда шаги остановились у его камеры, Глен повернулся с заинтересованной, выжидательной улыбкой.

— Что ж, вот вы какой. И вовсе не такое страшилище, как мы думали.

С другой стороны решетки стояли двое мужчин, Флэгг — справа. В синих джинсах и белой шелковой рубашке, которая мягко поблескивала в тусклом свете потолочных ламп. Он улыбался Глену. Второй мужчина, ростом поменьше, расположившийся чуть позади Флэгга, не улыбался вовсе. Со скошенным подбородком и глазами, слишком большими для такого лица. Кожа его определенно не ладила с климатом пустыни. Обгорала, лупилась, обгорала вновь. На шее у него висел черный камень с красной щелью, выглядевший каким-то сальным, смолистым.

— Хочу представить вам моего помощника. — Флэгг хохотнул. — Ллойд Хенрид, познакомься с Гленом Бейтманом, социологом, членом комитета Свободной зоны, а теперь, после смерти Ника Эндроса, единственным оставшимся членом мозгового центра Свободной зоны.

— Приятнопознакомиться, — пробурчал Ллойд.

— Как ваш артрит, Глен? — спросил Флэгг. В голосе слышалось сочувствие, но глаза блестели весельем и тайным знанием.

Глен быстро разжал и сжал кулаки, улыбаясь Флэггу. Никто никогда не узнал, какой ценой давалась ему эта доброжелательная улыбка.

Внутренние свойства глины!

— Отлично. Гораздо лучше благодаря ночевке под крышей, спасибо вам.

Улыбка Флэгга чуть поблекла. Глен уловил в его глазах удивление и злость. Или страх?

— Я решил вас отпустить! — отчеканил он. Улыбка вновь набрала силу, сияющая и коварная. Ллойд от изумления ахнул, и Флэгг повернулся к нему. — Ведь так, Ллойд?

— Э... конечно, — ответил Ллойд. — Само собой.

— Что ж, прекрасно, — небрежно ответил Глен. Он чувствовал, как артрит все глубже и глубже проникает в его суставы, сковывает, словно лед, и они распухают, как от огня.

— Вам дадут маленький мотоцикл, и вы можете в свое удовольствие ехать домой.

— Разумеется, без своих друзей я уехать не смогу.

— Разумеется. Что от вас требуется, так это попросить отпустить вас. Встать передо мной на колени и попросить.

Глен расхохотался. Откинулся назад и хохотал, хохотал, хохотал. И пока он смеялся, боль в суставах начала утихать. Самочувствие улучшилось. Прибавилось сил, он полностью держал себя в руках.

— Ну вы и чудак! Я скажу, что вам надо сделать. Найдите большой красивый песчаный бархан, возьмите молоток, а потом забейте весь этот песок себе в жопу.

Лицо Флэгга потемнело. С него сползла улыбка. Глаза, прежде черные, как камень на груди Ллойда, теперь заблестели желтизной. Он протянул руку к запорному механизму двери и сжал его. Послышалось электрическое гудение. Между пальцами полыхнул огонь. В воздухе поплыл запах горелого. Замочная коробка упала на пол, почерневшая и дымящаяся. Ллойд вскрикнул. Темный человек взялся руками за решетчатую дверь, сдвинул ее в сторону.

— Прекрати смеяться.

Глен захохотал пуще прежнего.

— *Прекрати смеяться надо мной!*

— Ты ничто!.. — Глен утирал слезы, катящиеся из глаз, и все еще смеялся. — Ох, извини... просто мы все так боялись... мы раздули из тебя такого слона... Я смеюсь в равной степени и над нашей глупостью, и над твоим прискорбным отсутствием субстанции...

— Пристрели его, Ллойд! — Флэгг повернулся ко второму мужчине. Лицо его исказилось. Пальцы загнулись, как когти хищника.

— Ох, убей меня сам, если уж так хочется, — предложил Глен. — Конечно, ты же можешь. Прикоснись ко мне пальцем и останови мое сердце. Начерти знак перевернутого креста и убей меня массивным кровоизлиянием в мозг. Порази меня молнией

из лампы. Пусть она развалит меня надвое. Ох... ох, Господи... Господи!

Глен плюхнулся на койку и принялся покачиваться взад-вперед, заливаясь смехом.

— *Пристрели его!* — рявкнул Флэгг, глядя на Ллойда.

Бледный, трясущийся от страха Ллойд достал из кобуры пистолет, чуть не выронил его, попытался прицелиться в Глена. Пистолет ему пришлось держать двумя руками.

Глен посмотрел на Ллойда, по-прежнему улыбаясь. Он словно находился на факультетской вечеринке в «Мозговом гетто» в Вудсвилле, штат Нью-Хэмпшир, приходил в себя после отменной шутки и собирался вернуться к более серьезному разговору.

— Если уж вы должны кого-то пристрелить, мистер Хенрид, пристрелите его.

— Давай, Ллойд.

Ллойд слепо нажал на спусковой крючок. В замкнутом пространстве прогремел выстрел. Эхо яростно отдавалось и отдавалось от стен. Пуля черканула бетон в двух дюймах от правого плеча Глена, отрикошетила, ударилась обо что-то еще и куда-то отскочила.

— Можешь ты хоть что-нибудь сделать правильно?! — проревел Флэгг. — Пристрели его, идиот! Пристрели его! Он сидит прямо перед тобой!

— Я пытаюсь...

Улыбка Глена не изменилась, он лишь чуть поморщился при выстреле.

— Повторяю, если уж вы должны кого-то пристрелить, пристрелите его. Он же совсем и не человек, знаете ли. Я однажды охарактеризовал его другу как последнего мага рациональной мысли, мистер Хенрид. И оказался более чем прав. Но он теряет свою магию. Она ускользает от него, и он это знает. И вы тоже знаете. Пристрелите его сейчас и спасите нас всех от бог знает какого кровопролития и смерти.

Лицо Флэгга застыло.

— Пристрели одного из нас, Ллойд. Я вытащил тебя из тюрьмы, когда ты умирал от голода. Ты хотел посчитаться с такими парнями, как он. Маленькими человечками, которые так важно разглагольствуют.

— Мистер, вам меня не одурачить, — пробормотал Ллойд. — Все так, как и говорит Рэнди Флэгг.

— Но он лжет. Вы знаете, что он лжет.

— Он сказал мне больше правды, чем кто бы то ни было за всю мою паршивую жизнь, — ответил Ллойд и трижды выстрелил в Глена. Социолога отбросило назад, скрутило, перевернуло, как тряпичную куклу. Кровь выплеснулась в сумрачный воздух. Он ударился о койку, подпрыгнул, скатился на пол. Сумел приподняться на локте.

— Все хорошо, мистер Ллойд, — прошептал он. — Вы ничего другого и не знали.

— *Заткнись, старый болтливый ублюдок!* — прокричал Ллойд. Выстрел, и лицо Глена Бейтмана исчезло. Выстрел, и тело безжизненно подпрыгнуло. Ллойд выстрелил еще раз. Он плакал. Слезы текли по злому, обожженному солнцем лицу. Ему вспоминался кролик, про которого он забыл, которого оставил грызть собственные лапы. Ему вспоминался Тычок, и люди в белом «конни», и Красавчик Джордж. Ему вспоминалась тюрьма в Финиксе, и крыса, и как он не смог есть набивку матраса. Ему вспоминался Трэск и нога Трэска, которая через какое-то время стала напоминать жареную куриную ножку в «Кентакки фрайд чикен». Он вновь нажал на спусковой крючок, но пистолет лишь сухо щелкнул.

— Хорошо, — кивнул Флэгг. — Хорошо. Отлично. Отлично, Ллойд.

Ллойд выронил пистолет на пол и попятился от Флэгга.

— Не прикасайся ко мне! — воскликнул он. — Я сделал это не для тебя!

— Нет, для меня! — В голосе Флэгга слышалась нежность. — Ты, возможно, так не думаешь, но для меня.

Он протянул руку и пальцем подцепил черный камень с красной щелью. Потом его рука сомкнулась на камне, а когда пальцы разжались, камень исчез. Его заменил маленький серебряный ключ.

— Думаю, я тебе это обещал, — продолжил темный человек. — В другой тюрьме. Он соврал... Я всегда выполняю свои обещания, так, Ллойд?

— Да.

— Другие бегут, собираются бежать. Я знаю, кто они. Я знаю все имена. Уитни... Кен... Дженни... да, я знаю все имена.

— Тогда почему ты...

— Не положил этому конец? Не знаю. Может, лучше позволить им уйти. Но ты, Ллойд, ты мой хороший и верный слуга, так?

— Да, — прошептал Ллойд. Он это признавал. — Да, пожалуй, что так.

— Без меня ты мог заниматься только мелочевкой, даже если бы сумел выбраться из той тюрьмы. Правильно?

— Да.

— Тот парнишка Лаудер это знал. Знал, что я смогу сделать его сильнее. Выше. Вот почему он шел ко мне. Но его слишком уж переполняли мысли... слишком переполняли... — На лице Флэгга вдруг отразилось замешательство, он разом постарел. Потом нетерпеливо махнул рукой и вновь засиял улыбкой. — Может, все идет плохо, Ллойд. Может, и так, по причине, которую даже я не могу понять... но у старого мага припасено в рукаве еще несколько фокусов, Ллойд. Один или два. Теперь слушай меня. Времени мало, если мы хотим остановить этот... этот кризис доверия. Если мы хотим подавить его в зародыше, да. Завтра мы покончим с Андервудом и Брентнером. А теперь слушай меня очень внимательно...

Ллойд лег спать уже после полуночи, а заснуть смог лишь в предрассветные часы. Он переговорил с Крысоловом. Переговорил с Полом Берлсоном. С Барри Доргэном, который согласился с тем, что всю работу, как и хотел темный человек, удастся — и следует — завершить до утра. Стройка на лужайке перед отелем «МГМ-Гранд» началась около десяти вечера двадцать девятого сентября. Десять человек со сварочными аппаратами и молотками взялись за дело. На лужайку подвезли большое количество металлических труб. Сборка велась на двух грузовиках с безбортовыми платформами, которые установили перед фонтаном. Сварочные вспышки скоро собрали толпу.

— Посмотри, мама Энджи! — крикнул Динни. — Это фейерверк!

— Да, но хорошим маленьким мальчикам пора спать. — И Энджи Хиршфилд увела малыша, ощущая страх в сердце, чувствуя,

что грядет что-то плохое, возможно, столь же плохое, как сам «супергрипп».

— Хочу посмотреть! Хочу посмотреть на искры! — плакал Динни, но она увела его быстро и решительно.

Джули Лори подошла к Крысолову, единственному мужчине в Вегасе, который казался ей слишком жутким, чтобы переспать с ним... ну, разве что совсем на безрыбье. Его черная кожа блестела в сине-белых всполохах сварочных дуг. Он напоминал эфиопского пирата: широкие шелковые шаровары, красный пояс, ожерелье из серебряных долларов на жилистой шее.

— Что это, Крыс? — спросила она.

— Крысолов не знает, детка, но у Крысолова есть идея. Да, действительно есть. Завтра ожидается черная работа, очень черная. Хочешь перепихнуться с Крысом, дорогая?

— Возможно, но если только ты мне скажешь, что все это значит.

— Завтра об этом будет знать весь Вегас, — ответил Крыс. — Можешь поспорить на свою сладенькую попку. Пойдем с Крысом, и он покажет тебе девять тысяч имен Бога.

Но Джули, к неудовольствию Крысолова, убежала.

К тому времени, когда Ллойд лег спать, работу закончили, и толпа разошлась. На платформах стояли две большие клетки. С квадратными дырами в левой и правой стенках. Рядом с грузовиками дожидались утра четыре автомобиля, каждый с закрепленной по капотом лебедкой. От лебедок по траве змеились тяжелые стальные буксировочные тросы, которые поднимались на платформы и ныряли в квадратные отверстия клеток.

Каждый трос заканчивался одним стальным наручником.

На заре тридцатого сентября Ларри услышал, как открылась дверь в дальнем конце коридора. Шаги быстро приближались к его камере. Ларри лежал на койке, подложив сцепленные руки под голову. В эту ночь он не спал. Он

(*думал? молился?*)

Первое слилось со вторым. Так или иначе, застарелая рана внутри зажила, и он пребывал в мире с самим собой. Чувствовал, что два человека, которыми он был всю жизнь — реальный Ларри и идеальный, — наконец-то слились воедино. Его матери понравился бы такой Ларри. И Рите Блейкмур. Уэйну Стьюки не

пришлось бы разъяснять факты жизни этому Ларри. Этот Ларри, возможно, понравился бы даже давно умершей специалистке по гигиене рта.

Мне предстоит умереть. Если Бог есть — а теперь я верю, что Он должен быть, — такова Его воля. Нам предстоит умереть, и каким-то образом Его воля реализуется через нашу смерть.

Он подозревал, что Глен Бейтман уже умер. Днем раньше из одного из крыльев донеслись выстрелы, много выстрелов. В том направлении вроде бы увели Глена, а не Ральфа. Что ж, Глен был старый, его донимал артрит, а на это утро Флэгг наверняка запланировал для них что-то малоприятное.

Шаги остановились у его камеры.

— Поднимайся, Чудо-Хлеб, — послышался веселый голос. — Крысолов пришел за твоей бледно-серой задницей.

Ларри повернул голову. У решетки стоял ухмыляющийся чернокожий пират с ожерельем из серебряных долларов на шее и с мечом в руке. Из-за него выглядывал знакомый Ларри бухгалтер. Кажется, Берлсон.

— В чем дело? — спросил Ларри.

— Дорогой мой, — ответил пират. — Это конец. Твой конец.

Берлсон подал голос, и Ларри видел, что он напуган.

— Я хочу, чтобы ты знал: это не моя идея.

— Мне и так понятно, что не твоя. Кого убили вчера? — спросил Ларри.

— Бейтмана. — Берлсон опустил глаза. — При попытке к бегству.

— При попытке к бегству, — пробормотал Ларри. Потом рассмеялся. Крысолов присоединился, издеваясь. Теперь они смеялись вместе.

Дверь камеры открылась. Берлсон держал наручники. Ларри и не думал сопротивляться. Просто вытянул руки. Берлсон защелкнул браслеты.

— При попытке к бегству, — вновь повторил Ларри. — Скоро и тебя застрелят при попытке к бегству, Берлсон. — Его глаза сместились к пирату. — И тебя, Крыс. Просто застрелят при попытке к бегству. — Он вновь засмеялся, но на этот раз Крысолов не присоединился к нему. Мрачно посмотрел на Ларри, а потом начал поднимать меч.

— Опусти, говнюк, — приказал Берлсон.

Они вышли из камеры: Берлсон первым, за ним Ларри, последним Крысолов. Когда миновали дверь в конце коридора, к ним присоединились еще пять человек. Среди них был Ральф, тоже в наручниках.

— Эй, Ларри! — В голосе Ральфа прозвучала печаль. — Ты слышал? Они тебе сказали?

— Да. Я слышал.

— Мерзавцы. Для них все почти кончено, так?

— Да. Так.

— Вы лучше заткнитесь! — прорычал кто-то из конвоиров. — Это для вас все почти кончено. Скоро увидите, что вам приготовили. Это будет зрелище.

— Нет, все кончено, — настаивал Ральф. — Разве вы этого не знаете? Разве не чувствуете?

Крысолов толкнул Ральфа, и тот споткнулся.

— Заткнись! — крикнул он. — Крысолов больше не хочет слушать этого вонючего вуду! Баста!

— Ты что-то ужасно бледный, Крыс. — Ларри улыбался. — Ужасно бледный. Ты уже выглядишь трупаком.

Крысолов вновь вытащил меч, но угрозы в нем не чувствовалось. Он действительно выглядел испуганным, и не он один. Что-то носилось в воздухе, словно их всех накрыла тень чего-то большого, надвигающегося.

В залитом солнцем дворе стоял оливково-серый фургон с надписью на борту: «ОКРУЖНАЯ ТЮРЬМА ЛАС-ВЕГАСА». Ларри и Ральфа затолкали в кузов. Двери захлопнулись, двигатель завелся, фургон тронулся с места. Они сидели на жестких деревянных скамьях, опустив скованные руки между колен.

— Я слышал, кто-то сказал, что соберется все население Лас-Вегаса, — тихим голосом заговорил Ральф. — Думаешь, они намерены нас распять, Ларри?

— Либо это, либо что-нибудь в этом роде. — Ларри посмотрел на здоровяка. На шляпе Ральфа проступали пятна пота. Перышко обтрепалось, но по-прежнему задорно торчало из-под ленты. — Ты боишься, Ральф?

— До смерти, — прошептал Ральф. — Не могу терпеть боль. Боялся даже уколов. Всегда находил какой-нибудь предлог не пойти. А ты?

— Тоже боюсь. Можешь пересесть ко мне?

Ральф поднялся, звякнув цепью наручников, сел рядом с Ларри. Прервал паузу:

— Мы проделали чертовски долгий путь.

— Это верно.

— Хотелось бы только знать для чего. Пока я вижу, что он хочет устроить из нашей казни шоу. Чтобы все поняли, какой он крутой. Мы здесь для этого?

— Не знаю.

Какое-то время они ехали молча, под урчание двигателя. Сидели на скамье, держась за руки. Ларри боялся, но под страхом крылась умиротворенность, с которой этот страх ничего не мог поделать. Он не сомневался, что все как-то образуется.

— Я не убоюсь зла, — пробормотал он... но он боялся. Закрыл глаза, подумал о Люси. Подумал о матери. Вспомнил, как шел в школу холодным утром. Как его вырвало в церкви. Как он нашел в ливневой канаве порнографический журнал и пролистывал его с Руди, тогда им только-только исполнилось девять. Как смотрел Мировые серии в свою первую осень в Лос-Анджелесе с Ивонн Уэттерлен. Он не хотел умирать, боялся умирать, но, насколько мог, примирился со своей судьбой. Выбор, в конце концов, делал не он, и Ларри все больше склонялся к мысли, что смерть — всего лишь район сосредоточения, место ожидания, та же зеленая комната, в которой находишься перед выходом на сцену.

Ларри расслабился, стараясь подготовиться ко всему.

Фургон остановился, двери открылись. Яркий свет залил Ларри и Ральфа, заставив прищуриться. Крысолов и Берлсон влезли в кузов. Вместе со светом вливался и звук, низкий шелестящий гул, заставивший Ральфа настороженно склонить голову набок. Но Ларри знал, что это за звук.

В тысяча девятьсот восемьдесят шестом году «Тэттерд ремнантс» отыграли свой самый большой концерт — выступили на разогреве у группы «Ван Хален» на стадионе «Чавес равин». И перед тем как выйти на сцену, они слышали именно такой гул. Поэтому, вылезая из фургона, Ларри знал, чего ждать, и лицо его не дрогнуло, хотя он и услышал, как рядом ахнул Ральф.

Они оказались на лужайке перед огромным отелем-казино. Вход в отель охраняли две золотистые пирамиды. На лужайке сто-

яли два грузовика с платформами. На каждой платформе возвышалась клетка из железных труб.

Они застыли неровным кольцом. И на лужайке, и на автомобильной стоянке, и на ступенях, которые вели к парадному входу в отель, и на разворотном круге, где парковались автомобили с подъезжающими гостями, пока швейцар вызывал коридорных. Некоторые стояли даже на улице. Молодые парни сажали своих подружек на плечи, чтобы те могли насладиться зрелищем. Низкий гул исходил от толпы, превратившейся в животное.

Ларри пробежался по ним взглядом, и все как один отворачивались. Он видел лица, бледные, отстраненные, помеченные смертью, и их обладатели, похоже, знали об этом. Да, здесь собрались все.

Его и Ральфа повели к клеткам, и по пути Ларри заметил тросы и лебедки. Но именно Ральф понял, что все это означает. Ведь это он, в конце концов, всю жизнь работал с техникой.

— Ларри, — у него сел голос, — они собираются нас разорвать!

— Давайте поднимайтесь! — Крысолов дыхнул Ларри в лицо чесноком. — Шевелись, Чудо-Хлеб! Тебе и твоему дружку предстоит прокатиться на тигре.

Ларри поднялся на платформу.

— Дай мне свою рубашку, Чудо-Хлеб.

Ларри снял рубашку и остался голым по пояс, утренний воздух приятно холодил тело. Ральф тоже разделся. Шепот прокатился по толпе и смолк. В этом походе они сильно похудели. Сквозь кожу отчетливо просматривалось каждое ребро.

— Заходи в клетку, серое мясо.

Ларри зашел.

Теперь приказы отдавал Барри Доргэн. Он ходил по лужайке, проверяя, все ли готово, и на его лице читалось отвращение.

Четверо водителей сели в машины и завели двигатели. Ральф на мгновение застыл, а потом схватил один наручник и вышвырнул в квадратную дыру. Наручник ударил Пола Берлсона по голове, вызвав в толпе нервный смех.

Доргэн подошел к платформе, на которой стояла клетка Ральфа.

— Больше не делай этого, парень. А не то я пошлю людей, чтобы они держали тебя.

— Не мешай им, — сказал Ларри Ральфу. Сверху вниз посмотрел на Доргэна: — Эй, Барри! Тебя этому научили в полицейском управлении Санта-Моники?

Толпа вновь засмеялась.

— Зверства полиции! — крикнул какой-то смельчак.

Доргэн покраснел, но ничего не сказал. Он чуть дальше продвинул тросы в клетку Ларри, и тот плюнул на них, удивившись, что во рту нашлась слюна. Из задних рядов послышались подбадривающие крики, и Ларри подумал: *Может, дело идет к этому, может, они готовы восстать...*

Но сердцем он в это не верил. Лица были слишком бледными, слишком замкнутыми. Вызывающее поведение задних рядов ничего не значило. Обычные крики с галерки студенческой аудитории — только и всего. Ларри ощущал сомнения... и недовольство тоже. Но Флэггу нечего было опасаться. Кто-то мог уйти под покровом ночи. Спрятаться в далеком уголке этого ныне пустынного мира. И Странник мог позволить им уйти, зная, что удерживать нужно основное ядро, таких как Доргэн и Берлсон. А полуночных беглецов можно собрать позже, заставив их заплатить за свои сомнения. Нет, на открытый мятеж рассчитывать не приходилось.

Доргэн, Крысолов и кто-то третий втиснулись в его клетку. Крысолов держал наготове наручники, приваренные к тросам.

— Вытяни руки, — приказал Доргэн.

— Разве закон и порядок не прекрасны, Барри?

— Вытяни руки, черт побери.

— Ты неважно выглядишь, Доргэн... сердечко не пошаливает?

— Я говорю тебе в последний раз, друг мой, вытяни руки.

Ларри подчинился. Наручники защелкнулись на его запястьях. Доргэн и остальные покинули клетку. Дверь захлопнулась. Ларри посмотрел направо и увидел, что Ральф стоит в своей клетке, опустив голову, в наручниках.

— Люди, вы видите, что это неправильно! — закричал Ларри, и его голос, натренированный годами пения, вырвался из груди с удивительной силой. — Я не жду, что вы это прекратите, но я хочу, чтобы вы это запомнили! Мы умрем, потому что Рэндалл Флэгг нас боится. Он боится нас и людей, от которых мы пришли! — Нарастающий шепот пробежал по толпе. — Запомните, как мы ум-

рем! И запомните, что в следующий раз наступит ваша очередь умереть точно так же, без всякого человеческого достоинства, как животное в клетке!

Вновь шепот, поднимающийся и злобный... и полная тишина.

— Ларри! — позвал Ральф.

Флэгг, в джинсах, клетчатой рубашке, джинсовой куртке со значками-пуговицами на нагрудных карманах и ковбойских сапогах со стоптанными каблуками, спускался по лестнице «Гранда». За ним следовал Ллойд. В полной тишине слышался только звук их шагов, цоканье каблуков по бетону дорожки... звук вне времени.

Темный человек улыбался.

Ларри смотрел на него сверху вниз. Флэгг остановился между клетками и поднял голову. Его улыбка излучала темное обаяние. Чувствовалось, что он полностью контролирует ситуацию, и Ларри внезапно понял, что это переломный пункт, апофеоз его жизни.

Флэгг отвернулся от них и теперь встал лицом к людям. Оглядел толпу, и никто не решился встретиться с ним взглядом.

— Ллойд! — коротко бросил он, и Ллойд, бледный, запуганный и больной, протянул ему бумажный свиток.

Темный человек развернул его, поднял и начал читать. Громким, звонким, приятным голосом, расходящимся в тишине, как серебристая рябь по черному пруду.

— Довожу до вашего сведения, что это подлинный указ, на который я, Рэндалл Флэгг, поставил свое имя в тридцатый день сентября года одна тысяча девятьсот девяностого, теперь именуемого годом Первым, годом эпидемии.

— Флэгг — не твое имя! — проревел Ральф. Шепот изумления прошелестел по толпе. — Почему ты не скажешь им свое настоящее имя?

Флэгг пропустил эти слова мимо ушей.

— Довожу до вашего сведения, что эти люди, Лоусон Андервуд и Ральф Брентнер, шпионы, пришли в Лас-Вегас не с добрыми намерениями, а со стремлением поднять бунт, тайком проникли в это государство и под покровом темноты...

— Это очень любопытно, — перебил его Ларри, — учитывая, что мы шли по семидесятой автостраде ясным днем. — Он поднял

голос до крика: — *Нас арестовали в полдень на автостраде. Как это соотносится с тайным проникновением под покровом ночи?*

Флэгг терпеливо ждал, всем своим видом давая понять, что Ларри и Ральф имеют полное право отвечать на обвинения... только это ни в коей мере не скажется на приговоре.

Затем он продолжил:

— Довожу до вашего сведения, что пособники этих людей ответственны за взрывы вертолетов в Индиан-Спрингсе, и, таким образом, они ответственны за гибель Карла Хока, Билла Джеймисона и Клиффа Бенсона. Они виновны в убийстве.

Взгляд Ларри остановился на мужчине, который стоял в первом ряду. И хотя Ларри не знал этого, он видел перед собой Стэна Бейли, начальника операционного центра в Индиан-Спрингсе. На лице мужчины отражались недоумение и изумление, а его губы произнесли что-то нелепое, вроде бы: «Мусорный Бак!»

— Довожу до вашего сведения, что сообщники этих людей засылали к нам других шпионов, и они уже убиты. Приговор этим людям — смертная казнь, соответствующая их злодеяниям, а потому они будут разорваны надвое. Долг и обязанность каждого из вас — засвидетельствовать это наказание, чтобы вы запомнили его и смогли рассказать другим о том, что увидите сегодня.

Сверкнула улыбка, казалось бы, великодушная, но теплотой и человечностью соперничающая с акульим оскалом.

— Те из вас, у кого дети, могут уйти.

Он повернулся к автомобилям, двигатели которых работали на холостом ходу, выдыхая в утро облачка выхлопных газов. И в этот самый момент в первых рядах толпы возникло какое-то мельтешение. На лужайку протолкался мужчина. Крупный мужчина, с лицом таким же белым, как его поварской наряд. Темный человек протянул свиток Ллойду, и руки Ллойда судорожно дернулись, когда он увидел появившегося на лужайке Уитни Хоргэна. Послышался резкий треск: свиток разорвался пополам.

— *Эй, люди!* — крикнул Уитни.

Шепот недоумения прокатился по толпе. Уитни трясло, словно припадочного. Его голова то наклонялась к Флэггу, то отдергивалась назад. Флэгг смотрел на Уитни с яростной улыбкой. Доргэн уже двинулся к повару, но темный человек остановил его взмахом руки.

— *Это неправильно!* — прокричал Уитни. — *Вы знаете, что это неправильно!*

Мертвое молчание накрыло толпу. Люди словно превратились в надгробные камни.

Шея Уитни пребывала в непрерывном движении. Адамово яблоко прыгало вверх-вниз, словно обезьяна на палке.

— Мы когда-то были американцами! — наконец крикнул Уитни. — Так американцы не поступают. Я, конечно, мелкая сошка, могу вам это сказать, всего лишь повар, но я знаю, что так американцы не поступают, слушая какого-то кровожадного выродка в ковбойских сапогах...

Новые жители Лас-Вегаса в ужасе ахнули. Ларри и Ральф в недоумении переглянулись.

— Вот он кто! — настаивал Уитни. Пот струился по его щекам, как слезы. — Вы хотите увидеть, как этих двух парней у вас на глазах разорвут надвое, да? Вы думаете, так нужно начинать новую жизнь? Вы думаете, такое когда-нибудь будет правильным? Я скажу вам вот что: после такого кошмары будут сниться вам *до конца жизни*!

Толпа согласно загудела.

— Мы должны это остановить, — продолжил Уитни. — Вы это знаете? Нам нужно время, чтобы подумать о том... о том...

— Уитни. — Этого голоса, мягкого как шелк, чуть громче шепота, вполне хватило, чтобы сбивчивая речь повара смолкла.

Уитни повернулся к Флэггу, его губы беззвучно шевелились, глаза полностью остекленели, не отличаясь от рыбьих. Теперь пот лил по его лицу потоками.

— Уитни, тебе следовало молчать. — Голос по-прежнему звучал мягко, но долетал до каждого уха. — Я бы дал тебе уйти... зачем ты мне нужен?

Губы Уитни продолжали двигаться, но с них не слетало ни звука.

— Подойди сюда, Уитни.

— Нет, — прошептал Уитни, и никто не услышал этого короткого слова, за исключением Ллойда, и Ральфа, и Ларри, и, возможно, Барри Доргэна. Ноги Уитни пришли в движение. Потрескавшиеся, потерявшие форму туфли из мягкой кожи шуршали по траве, когда он, словно призрак, шел к темному человеку.

Толпа замерла в немом изумлении.

— Я знал о твоих планах, — продолжил темный человек. — Я знал, что ты собираешься сделать, до того, как ты это сделал. И я бы позволил тебе уползти отсюда, не трогал бы, пока не представилась бы возможность вернуть тебя обратно. Может, через год, может, через десять. Но теперь ты упустил свой шанс, Уитни. Поверь мне.

Уитни наконец обрел дар речи — в последний раз. Слова вырвались потоком:

— *Ты не человек! Ты один из... демонов!*

Флэгг вытянул указательный палец левой руки и едва не коснулся им подбородка Уитни.

— Да, это так, — прошептал он тихо-тихо, его услышали только Ллойд и Ларри Андервуд. — Он самый.

Синий шар огня, размером не больше шарика для пинг-понга, которым стучал Лео, сорвался с пальца Флэгга, издавая характерное озоновое потрескивание.

Осенний ветер вздохов прошелся по толпе.

Уитни закричал... но не сдвинулся с места. Огненный шарик вспыхнул на его подбородке. В воздухе поплыл неприятный запах горящей плоти. Шарик двинулся вверх, через рот, сваривая губы, отсекая крик, который теперь застыл за выпучивающимися глазами. Огонь поднимался по щеке, оставляя после себя обугленную траншею.

Шарик закрыл глаза Уитни. Остановился на лбу, и Ларри услышал, как Ральф повторяет одну и ту же фразу, и присоединил свой голос к голосу Ральфа, превратив фразу в литанию:

— Я не убоюсь зла... я не убоюсь зла... я не убоюсь зла...

Огонь двинулся выше, и теперь запахло горящими волосами. Покатился к затылку, оставляя за собой гротескную выбритую полосу. Уитни закачался и упал, к счастью, лицом вниз.

Толпа выдала долгое, свистящее:

— *А-а-а-а-а-х-х-х!*

Такой звук раньше можно было услышать Четвертого июля после особо красивого фейерверка. Шарик синего огня повис в воздухе, увеличившись в размерах, слишком яркий, чтобы смотреть на него не прищурившись. Потом темный человек указал на него, и он медленно поплыл к толпе. Стоявшие в первом ряду — в их числе побледневшая как полотно Дженни Энгстрем — отпрянули...

— *Кто-нибудь еще не согласен с моим приговором?* — прогремел Флэгг. — *Если да, пусть скажет!*

Мертвая тишина.

Флэгга это, похоже, вполне устроило.

— А теперь...

Все внезапно начали отворачиваться от него. Удивленный шепот побежал по толпе, набирая силу. Для Флэгга это стало полным сюрпризом. Послышались голоса, и хотя разобрать слова не представлялось возможным, в них звучало изумление. Шар огня нырнул вниз и в нерешительности начал вращаться на одном месте.

Жужжащий звук электромотора донесся до ушей Ларри. И вновь он услышал это непонятное прозвище, которое передавалось из уст в уста, какими-то обрывками, постоянно меняющееся:

— Бак... Мусорный Бак... Мусор... Мусорный...

Кто-то приближался к ним сквозь толпу, словно в ответ на вызов темного человека.

Флэгг почувствовал ужас, просачивающийся в сердце. Ужас неизвестного и неожиданного. Он предвидел все, даже глупую, импульсивную речь Уитни. Он предвидел все — но не это. Толпа — *его толпа* — раздавалась в стороны, отступала. Послышался крик, громкий и леденящий. Кто-то не выдержал и побежал. Потом еще кто-то. И тут уже вся толпа, напряженная до предела, бросилась врассыпную.

— Стоять! — крикнул Флэгг во всю мощь легких, но куда там. Толпа превратилась в сильный ветер, а остановить ветер не мог даже темный человек. Безумная, бессильная ярость поднялась в нем, присоединившись к страху, образовав новую взрывоопасную смесь. В последнюю минуту что-то пошло не так, как со стариком судьей в Орегоне, как с женщиной, перерезавшей себе горло осколком оконного стекла... и как с Надин... Надин, падающей...

Они разбегались во все стороны, мчались по лужайке перед отелем «МГМ-Гранд», через улицу, к бульвару. Они увидели последнего гостя, наконец-то прибывшего, словно какой-то жуткий фантом в фильме ужасов. Они увидели распадающееся лицо окончательного, ужасного возмездия.

И они увидели, *что* привез с собой вернувшийся бродяга.

По мере того как таяла толпа, увидели это и Рэндалл Флэгг, и Ларри, и Ральф, и Ллойд Хенрид, все еще державший в руках разорванный свиток.

К отелю «МГМ-Гранд» прибыл Дональд Мервин Элберт, теперь известный как Мусорный Бак, отныне и навсегда, во веки вечные, аллилуйя, аминь.

Он сидел за рулем длинного грязного электрокара. Мощные аккумуляторы практически разрядились. Электрокар жужжал, гудел и вилял из стороны в сторону. Мусорного Бака, сидевшего в открытом водительском кресле, мотало взад-вперед, как безумную марионетку.

Его лучевая болезнь достигла последней стадии. Волосы выпали. Руки, торчащие из оторванных рукавов рубашки, были покрыты сочащимися гноем язвами. Лицо напоминало густой красный суп, в котором светился жутким, страдальческим умом один синий глаз, выцветший под ярким солнцем пустыни. Зубы тоже выпали. И ногти. Веки превратились в рваные клочья.

Он словно выехал на своем электрокаре из черной, горящей подземной пасти самого ада.

Флэгг, застыв, наблюдал за его приближением. Щеки утратили яркий румянец. Лицо внезапно превратилось в окно из матового стекла.

Голос Мусорного Бака в экстазе бубнил, вырываясь из тощей груди:

— Я это привез... Я привез огонь... пожалуйста... я так сожалею...

Первым вышел из ступора Ллойд. Сделал шаг вперед, затем еще один.

— Мусорище... Мусорник, дружище... — просипел он.

Единственный глаз сместился, выискивая Ллойда.

— Ллойд? Это ты?

— Это я, Мусорник. — Ллойда трясло, точно так же, как недавно трясло Уитни. — Эй, что у тебя там? Это?..

— Это она, — радостно ответил Мусорник. — Это А-бомба! — Он принялся раскачиваться в водительском кресле, как новообращенный на собрании секты. — А-бомба, великанша, большой огонь, *моя жизнь принадлежит тебе*!

— Увези ее, Мусорник, — прошептал Ллойд. — Она опасна. Она... излучает. Увези ее...

— Заставь его избавиться от нее, Ллойд! — проверещал темный человек, теперь ставший бледным человеком. — Заставь отвезти туда, где он ее взял! Заставь его!..

В единственном глазу Мусорного Бака отразилось недоумение.

— Где он? — спросил Мусорник, и его голос поднялся до визга: — Где он? Он ушел! *Где он? Что ты с ним сделал?*

Ллойд сделал еще одну отчаянную попытку:

— Мусорник! Ты должен избавиться от нее. Ты...

И внезапно Ральф закричал:

— Ларри! Ларри! Рука Божья! — Его лицо сияло ужасной радостью. Он указывал на небо.

Ларри поднял голову. Увидел электрический шарик, который выскользнул из пальца Флэгга. Тот вырос до невероятных размеров и висел в небе, смещаясь к Мусорному Баку, испуская искры, напоминающие волоски. Ларри вдруг осознал, что воздух настолько наэлектризован, что все его волосы стоят дыбом.

И этот шар по форме действительно напоминал руку.

— *Не-е-е-ет!* — взвыл темный человек.

Ларри посмотрел на него... но Флэгга не увидел. На месте Флэгга возникло что-то чудовищное, сутулое, горбатое, бесформенное... что-то с огромными желтыми глазами, прорезанными темными щелями кошачьих зрачков.

Потом монстр пропал.

Ларри увидел одежду Флэгга — куртку, джинсы, сапоги, — застывшую в воздухе, сохраняющую форму тела, тогда как само тело бесследно исчезло. И тут же одежда грудой упала на землю.

Потрескивающий синий огонь, зависший в небесах, устремился к желтому электрокару, который Мусорный Бак каким-то образом доставил сюда из Неллис-Рэндж. Лучевая болезнь все глубже проникала в его тело, он терял волосы и выплевывал зубы, но по-прежнему горел решимостью привезти атомную бомбу темному человеку... можно сказать, у него не возникало сомнений в том, что это необходимо.

Шар синего огня нырнул в грузовой отсек электрокара, исследуя его содержимое, притягиваемый его содержимым.

— *Ох, черт, мы все в заднице!* — крикнул Ллойд Хенрид. Закрыл голову руками, упал на колени.

Ох, Господи, спасибо Тебе, Господи, подумал Ларри. *Я не убоюсь, я не убоюсь...*

Бесшумный белый свет заполнил мир.

Святой огонь поглотил праведных и неправедных, без разбора.

Глава 74

Стью проснулся на заре, после ночи беспокойного сна, и лежал, дрожа всем телом, хотя Коджак свернулся калачиком рядом с ним. Над головой висело холодное утреннее небо, но, несмотря на дрожь, он чувствовал, что у него жар. Он температурил.

— Заболел, — пробормотал он, и Коджак, подняв голову, посмотрел на него. Завилял хвостом, а потом отбежал в сторону. Вернулся с сухой палкой и положил ее у ног Стью. — Я заболел, палкой тут не поможешь, но она точно не помешает, — сказал ему Стью. Отправил Коджака за добавкой. Скоро запылал костер. Даже сидя рядом с ним, Стью не мог изгнать из тела дрожь, хотя по его лицу катился пот. Ирония судьбы. Он заболел гриппом или чем-то вроде этого. Заболел через два дня после того, как Глен, Ларри и Ральф оставили его. Пару дней болезнь словно приглядывалась к нему: а стоит ли с ним связываться? Вероятно, решила, что стоит. И мало-помалу Стью становилось все хуже. Этим утром он чувствовал себя совсем скверно.

Среди разной мелочевки, оказавшейся в карманах, Стью нашел огрызок карандаша, блокнот (все эти организационные моменты, связанные со Свободной зоной, когда-то казались жизненно важными, а теперь выглядели так глупо) и связку ключей. В последние дни он часто и подолгу смотрел на связку ключей, снова и снова доставая ее, удивленный силой грусти и ностальгии, которые она вызывала. Один от квартиры. Один от шкафчика в раздевалке. Запасной от автомобиля — ржавого «доджа» семьдесят седьмого года выпуска, который, насколько он знал, до сих пор стоял около его многоквартирного дома по адресу: улица Томпсона, тридцать один, Арнетт.

Висел на кольце и картонный прямоугольник в футляре из плексигласа, с именем, фамилией и адресом владельца кольца и

ключей: «СТЬЮ РЕДМАН — УЛИЦА ТОМПСОНА, 31 — ТЕЛ. (713) 555-6283». Он снял ключи с кольца, задумчиво покачал на руке, потом выбросил. Последнее имущество человека, которым он был, упало в пересохшее русло и застряло в сухом островке шалфея, где и осталось лежать, как полагал Стью, до скончания веков. Он вытащил картонный прямоугольник, потом вырвал пустую страницу из блокнота. Написал сверху: *Дорогая Фрэнни.*

Рассказал ей обо всем, что случилось до того, как он сломал ногу. Рассказал, что надеется вновь ее увидеть, хотя и сомневается, что такое возможно. Он мог надеяться только на то, что Коджак сумеет добраться до Зоны. Стью рассеянно смахнул слезы с лица и написал, что любил ее.

Думаю, ты какое-то время будешь скорбеть обо мне, а потом жизнь для тебя пойдет своим чередом. Она должна пойти — для тебя и для малыша. Теперь это очень важно.

Затем подписал письмо, сложил листок, сунул его в плексигласовый футляр. Потом прицепил кольцо для ключей к ошейнику Коджака.

— Хороший пес, — сказал он, покончив с этим. — Хочешь погулять? Найти кролика или еще кого?

Коджак поднялся по склону, на котором Стью сломал ногу, и исчез. Стью наблюдал за его продвижением со смешанными чувствами удивления и горечи, потом взял банку из-под севен-ап, которую Коджак принес ему днем раньше вместе с палками, и наполнил ее мутной водой из канавы. Через некоторое время вода отстоялась, грязь осела на дно. Песчаное питье, как сказала бы его мать, но все лучше, чем никакого. Он пил медленно, постепенно утоляя жажду. Каждый глоток причинял боль.

— Жизнь, конечно же, сука, — пробормотал он и невольно рассмеялся. Несколько секунд ощупывал припухлости на шее, под подбородком. Потом лег, вытянув перед собой сломанную ногу, и задремал.

Проснулся он, как от толчка, примерно через час, в панике хватаясь руками за песчаную землю. Ему приснился кошмар? Если да, то кошмар этот продолжался. Земля медленно двигалась под его руками.

Землетрясение? Произошло землетрясение?

Он схватился за идею, что у него бред, что температура резко поднялась, пока он спал. Но, оглядывая провал, увидел, что земля слоями медленно сползает вниз. Катились камушки, поблескивая вкраплениями слюды и кварца. Потом до Стью донесся слабый, глухой грохот — что-то словно продавливало его барабанные перепонки. Мгновением позже возникли трудности с дыханием, как будто из провала выдуло весь воздух.

Над головой послышался скулеж. Коджак стоял на краю западного склона, упрятав хвост между ног, и смотрел на запад, в сторону Невады.

— Коджак! — в панике крикнул Стью. Давящий на уши шум ужасал его: казалось, Господь Бог внезапно топнул по земле где-то не слишком далеко.

Коджак спустился по склону и присоединился к Стью, по-прежнему скуля. Проведя рукой по спине пса, Стью почувствовал, что тот весь дрожит.

«Я должен все увидеть сам, — решил Стью, — просто *должен*».

Внезапно со всей очевидностью ему стало ясно: то, чему следовало случиться, *случилось*. Только что.

— Я поднимаюсь наверх, малыш, — пробормотал Стью.

Он пополз к восточному склону провала. Более крутому, но с большим количеством возможных опор. Подумал о том, что за последние три дня вполне мог подняться по нему, но не видел в этом смысла. На дне провала ветер дул не так сильно и была вода. Однако теперь пришла пора двигаться. Наверх. Чтобы увидеть. Он тащил за собой сломанную ногу, как дубину. Подтягивался на руках и изгибал шею, чтобы увидеть верхний край, который находился очень высоко и очень далеко.

— Не смогу этого сделать, — пробормотал Стью Коджаку, но тем не менее не отказался от своего намерения.

Свежая куча камней образовалась внизу в результате... землетрясения. Или что там произошло. Стью перебрался через нее и начал подъем, используя руки и здоровое колено. Поднялся на двенадцать ярдов, после чего сполз на шесть, прежде чем удалось схватиться за выступ кварца.

— Нет, не получится, — пробормотал он, переводя дыхание.

Десять минут спустя вновь двинулся вверх и преодолел еще десять ярдов. Отдохнул. Двинулся дальше. Добрался до места, где

не нашлось ни одной опоры, и смещался влево, пока не нашел подходящую. Коджак шел рядом с ним, безусловно, гадая, что задумал этот дурак, оставив воду и теплый костер.

Теплый. Слишком теплый.

Температура, должно быть, поднималась, но он хотя бы перестал дрожать. Пот катился по лицу и рукам. Волосы, пыльные и сальные, падали на глаза.

*Господи, я весь горю! Должно быть, температура у меня сто два, а то и все сто три**.

Его взгляд случайно упал на Коджака. Ему потребовалась минута, чтобы осознать, что он видит. Коджак тяжело дышал. Причина заключалась не в температуре, во всяком случае, *не только* в температуре, потому что Коджаку тоже было жарко.

Над головой внезапно появилась стая птиц, они кричали и бесцельно кружили.

Они тоже это чувствуют. Что бы это ни было, птицы тоже это чувствуют.

Стью вновь пополз, страх придал ему силы. Миновал час, второй. Он боролся за каждый фут, каждый дюйм. К часу пополудни от края провала его отделяли только шесть футов. Он уже видел над головой зазубренный край асфальта. Только шесть футов — но уж больно крутого, гладкого склона. Он попытался просто заползти наверх, однако из-под него тут же посыпался гравий, и Стью испугался, что при малейшем движении покатится вниз, до самого дна, и сломает при этом вторую ногу.

— Застрял, — пробормотал он. — Интересное кино. И что теперь?

Ответ на этот вопрос пришел быстро, и очевидный. Он-то не шевелился, зато земля под ним поползла вниз. Стью соскользнул на дюйм и вцепился в камни руками. Сломанная нога пульсировала болью, а он не подумал о том, чтобы сунуть в карман таблетки Глена.

Он соскользнул еще на два дюйма. Потом на пять. Левая ступня потеряла точку опоры. Он держался только на руках, но и они уже начали скользить, прочерчивая в земле десять канавок.

— *Коджак!* — в отчаянии крикнул он, ничего не ожидая, однако внезапно пес оказался рядом. Стью слепо схватился руками

* По Фаренгейту; примерно 38,9°С и 39,4°С соответственно.

за его шею, не надеясь на спасение, как утопающий. Коджак не стал сопротивляться и уперся лапами в землю. На мгновение они застыли — живая скульптура. Потом пес двинулся, отыгрывая у склона дюйм за дюймом, его когти скребли по кусочкам кварца и гравию. Камушки посыпались в лицо Стью, и он зажмурился. Коджак тащил его, пыхтя в правое ухо, словно воздушный компрессор.

Чуть приоткрыв глаза, Стью увидел, что они почти добрались до верха. Коджак опустил голову. Его задние лапы отчаянно упирались в землю. Он поднял Стью еще на четыре дюйма, и тот решил, что этого достаточно. С отчаянным криком отпустил шею Коджака и схватился за асфальтовый выступ, который раскрошился в его руках. Схватился за другой. Два ногтя отлетели, как намокшие этикетки, и он снова закричал. Резкая, пронизывающая боль пронзила тело. Он рванулся вверх, оттолкнувшись здоровой ногой, и наконец-то — каким-то чудом — распластался на асфальте автострады 70, тяжело дыша, с закрытыми глазами.

Коджак уже стоял рядом с ним. Пес заскулил и лизнул Стью в лицо.

Очень медленно Стью сел и посмотрел на запад. Смотрел долго, не замечая жары, которая волнами накатывала на него.

— О Господи, — наконец пролепетал он срывающимся голосом. — Посмотри на это, Коджак. Ларри, Глен... Их больше нет. Господи, больше *ничего* нет. Все погибли...

Грибовидное облако возвышалось на горизонте, словно сжатый кулак, которым заканчивалась длинная пыльная рука. Оно бурлило, но края уже смазались: облако начинало рассеиваться и светилось оранжево-красным, будто солнце решило закатиться ясным днем.

Огненный смерч, подумал Стью.

В Лас-Вегасе все погибли. Кто-то влез не в свое дело, и атомная бомба взорвалась... чертовски большая, судя по виду облака и по ощущениям. Может, взорвался целый арсенал. Глен, Ларри и Ральф... даже если они еще не дошли до Вегаса, даже если еще шагали по автостраде, конечно, оказались достаточно близко, чтобы их зажарило живьем.

Рядом с ним тоскливо повизгивал Коджак.

Радиоактивные осадки. В какую сторону дует ветер?

Это имело какое-то значение?

Он вспомнил про свою записку Фрэн. Понял, что очень важно добавить несколько строк о том, что произошло. Если радиоактивный ветер дул на восток, могли возникнуть проблемы... но главное, им требовалось сообщить, что Лас-Вегас, опорная база темного человека, перестал существовать. Люди превратились в пар вместе с опасными игрушками, которые лежали вокруг, ожидая, пока кто-нибудь их подберет. Стью понимал, что должен добавить в записку эти строки.

Но не сейчас. Он слишком устал. Подъем вымотал его, а вид рассеивающегося грибовидного облака добил окончательно. Стью не испытывал никакой радости, только отупляющую, давящую слабость. Он лег на мостовую, и последней в его голове мелькнула мысль: «Сколько мегатонн?»

Он не думал, что кто-нибудь узнает или захочет узнать.

Проснулся он после шести. Грибовидное облако исчезло, но западный горизонт злобно светился розовато-красным, напоминая обожженную плоть. Стью дополз до аварийной полосы и лег, лишившись остатков сил. Его вновь начало трясти. Температура тоже никуда не делась. Он коснулся лба запястьем и попытался прикинуть, какой у него жар. Решил, что определенно выше ста*.

Коджак вернулся ранним вечером с кроликом в зубах. Положил добычу у ног Стью и завилял хвостом, требуя похвалы.

— Хороший пес, — устало прошептал Стью. — Ты хороший пес.

Хвост Коджака завилял быстрее. *Да, я очень хороший пес,* казалось, соглашался он. Но при этом не сводил глаз со Стью, словно чего-то от него ожидая. Какая-то часть ритуала оставалась невыполненной. Стью попытался понять, какая именно. Мозг его работал очень медленно. Пока он спал, кто-то, похоже, залил патокой все шестеренки.

— Хороший пес, — повторил он и посмотрел на тушку кролика. Тут вспомнил ритуал, хотя даже не знал, остались ли при нем спички. — Принеси, Коджак.

Слова эти он произнес, чтобы доставить удовольствие собаке. Коджак убежал и скоро вернулся с сухой веткой. Спички нашлись,

* По Фаренгейту; примерно 37,8°С.

но на автостраде дул ветер, а руки у Стью сильно тряслись. Прошло немало времени, прежде чем ему удалось разжечь костер. Растопка занялась только с десятой спички, но потом сильный порыв ветра задул пламя. Стью предпринял вторую попытку, прикрывая слабый огонек телом и руками. У него осталось восемь спичек в книжице с рекламой школы Ласалль. Он поджарил кролика, отдал Коджаку его половину, смог съесть только малую часть своей. Бросил Коджаку все, что осталось. Коджак есть не стал. Посмотрел на мясо, потом на Стью, заскулил.

— Ешь, мальчик. Я не могу.

Коджак доел кролика. Стью смотрел на него и дрожал. Его одеяла, само собой, остались внизу.

Солнце зашло, небо на западе по-прежнему гротескно пламенело. Такого удивительного заката Стью не видел за всю свою жизнь... и закат этот нес смерть. Он вспомнил, как в начале шестидесятых годов комментатор в новостном киножурнале с энтузиазмом рассказывал об удивительных закатах, которые в течение недель радовали глаз после испытаний атомного оружия. И разумеется, после землетрясений.

Коджак поднялся из провала, держа что-то в пасти — одно из одеял Стью. Положил ему на колени.

— Эй! — Стью обнял собаку, прижал к себе. — Ты потрясающий пес, знаешь об этом?

Коджак завилял хвостом, показывая, что знает.

Стью завернулся в одеяло и поближе придвинулся к костру. Коджак лег рядом с ним, и скоро они уснули. Но Стью спал плохо и тревожно, то и дело впадая в бред. Где-то после полуночи он разбудил Коджака своими криками.

— Хэп! — кричал Стью. — Тебе лучше отключить колонки! Он едет! Темный человек едет к тебе! Лучше отключи колонки! Он в старом автомобиле!

Коджак тоскливо заскулил. Человек заболел. Он мог унюхать болезнь, и запах этот смешивался с другим запахом. Черным запахом. Этот запах шел от кроликов, когда он набрасывался на них. Этот же запах источал волк, которого он убил у дома матушки Абагейл в Хемингфорд-Хоуме. Этот запах окутывал города, через которые он проходил по пути к Боулдеру и Глену Бейтману. Запах смерти. Если бы он мог атаковать его и прогнать от Человека, он бы это сделал. Но запах шел из Человека. Человек вдыхал хоро-

ший воздух и выдыхал запах грядущей смерти, поэтому не оставалось ничего другого, как ждать и наблюдать, до самого конца. Коджак вновь тихонько заскулил, а потом заснул.

Стью проснулся следующим утром с еще большей температурой. Подчелюстные железы увеличились до размера мячей для гольфа. Глаза напоминали горячие камни.

Я умираю... да, это точно.

Он подозвал Коджака, снял с ошейника кольцо для ключей и достал записку. Тщательно выводя каждую букву, добавил строки о том, что увидел, и вернул листок на место. Лег и заснул. Когда проснулся, уже почти стемнело. На западе вновь горел удивительный, ужасный закат. На обед Коджак принес суслика.

— Это все, что ты сумел добыть?

Коджак вилял хвостом и стыдливо улыбался.

Стью поджарил суслика, разделил и сумел съесть свою половину. Жесткое мясо имело отвратительный привкус, и после еды желудок у него свела судорога.

— Когда я умру, я хочу, чтобы ты вернулся в Боулдер, — сказал он псу. — Ты вернешься и найдешь Фрэн. Найдешь Фрэнни. Хорошо, большой старый безмолвный пес?

Коджак с сомнением вилял хвостом.

Часом позже желудок Стью заурчал, предупреждая об опасности. Он едва успел приподняться на локте, чтобы не запачкать одежду, и съеденный суслик выплеснулся наружу.

— Дерьмо, — печально пробормотал он и задремал.

Проснулся в темный предрассветный час, голова гудела от высокой температуры. Костер потух. Это не имело значения. Он знал, что скоро умрет.

Его разбудил какой-то звук, донесшийся из темноты. Звук осыпающейся земли и камней. Наверное, Коджак поднимался по склону из провала...

Вот только Коджак спал рядом с ним.

Едва Стью посмотрел на пса, тот проснулся. Голова поднялась с лап, а мгновением позже он уже вскочил, глядя на провал, из его горла донеслось рычание.

Осыпающаяся земля и камни. Кто-то... что-то... поднималось.

Стью с трудом сел.

Это он, подумал Стью. *Он был там, но каким-то образом сумел ускользнуть. Теперь он здесь, и это означает, что он собирается убить меня до того, как это сделает грипп.*

Коджак на прямых лапах двинулся к провалу, продолжая рычать.

— Эй! — послышался удивленный, но знакомый голос. — Эй, это же Коджак! Да?

Рычание мгновенно смолкло. Коджак весело побежал вперед, виляя хвостом.

— Нет! — прохрипел Стью. — Это обман! *Коджак!..*

Но Коджак уже прыгал вокруг фигуры, которая наконец-то выбралась на асфальт. И в этой фигуре... что-то в этой фигуре показалось знакомым и Стью. Она приближалась, а Коджак трусил рядом. Коджак радостно лаял. Стью облизнул губы, готовый к схватке, если возникнет такая необходимость. Он полагал, что сможет нанести один хороший удар, может, два.

— Кто это? — позвал он. — Кто здесь?

Фигура остановилась. Потом заговорила:

— Это Том Каллен, вот кто, мои родные, да. Том Каллен. А *ты* кто?

— Стью, — тихо ответил он. Перед глазами все поплыло. — Привет, Том, рад тебя видеть.

Но Тома Стью не увидел, во всяком случае, в ту ночь, потому что потерял сознание.

В себя Стью пришел около десяти утра второго октября, хотя ни он, ни Том не знали, какой это день. Том развел огромный костер и завернул Стью в свой спальник и одеяла. Сам он сидел у костра и жарил кролика. Коджак с довольным видом лежал на земле между ними.

— Том, — прошептал Стью.

Том подошел. Стью увидел, что он отрастил бороду и вообще выглядел совсем не тем человеком, который покинул Боулдер пятью неделями раньше. Синие глаза радостно блестели.

— Стью Редман! Ты уже проснулся, родные мои, да! Я рад. Так хорошо видеть тебя. Что ты сделал со своей ногой? Ушиб, наверное. Я однажды ушиб свою. Спрыгнул со стога сена и сломал, наверное. Папаша высек меня? Родные мои, да! Это случилось еще до того, как он сбежал с Ди-Ди Пэкалотт.

— Моя тоже сломана. И сильно. Том, мне ужасно хочется пить...

— Ох, вода есть. Любая. Вот.

Он протянул Стью пластиковую бутылку, в которую когда-то наливали молоко. Теперь ее наполняла вода, чистая и вкусная. Безо всякой грязи. Стью жадно пил, а потом его вырвало.

— Пить надо медленно и не спеша, — сказал Том. — В этом весь секрет. Медленно и не спеша. Ох, как приятно тебя видеть! Повредил ногу, да?

— Да, сломал. Неделю тому назад, может, раньше. — Стью вновь выпил воды, и на этот раз она удержалась в желудке. — Но нога — это еще не все, Том. Я сильно болен. Высокая температура. Послушай меня.

— Точно! Том слушает. Просто скажи мне, что надо сделать.

Том наклонился к нему, и Стью подумал: *Он выглядит умнее. Неужели такое возможно?* Где был Том? Знает ли что-нибудь о Судье? О Дейне? О многом надо поговорить, *а времени нет. Ему становилось все хуже.* В груди дребезжало, словно кто-то стучал цепями. Как при «супергриппе». Обхохочешься.

— Надо сбить температуру, — сказал он Тому. — Это первое. Мне нужен аспирин. Ты знаешь, что такое аспирин?

— Конечно. Аспирин. Для быстрого-быстрого-быстрого облегчения.

— Да, совершенно верно. Ты пойдешь по дороге, Том. Заглядывай в бардачок и багажник каждого автомобиля. Ищи аптечку первой помощи. Обычно это коробочка с нарисованным на ней красным крестом. Когда найдешь аспирин в одной из этих коробочек, принеси сюда. А если найдешь автомобиль с походным снаряжением, принеси палатку, хорошо?

— Конечно. — Том поднялся. — Аспирин и палатку. А потом ты быстро пойдешь на поправку, да?

— Что ж, это будет началом.

— Слушай, а как Ник? — спросил Том. — Он мне снился. В моих снах он говорит мне, что делать, потому что во сне он может говорить. Сны такие странные, правда? Но когда я пытаюсь заговорить с ним, он всегда уходит. С ним все хорошо, да? — Том озабоченно посмотрел на Стью.

— Не сейчас, — ответил Стью. — Я... сейчас я не могу говорить. Об этом не могу. Принеси мне аспирин, хорошо? Тогда мы поговорим.

— Хорошо... — Но страх окутал лицо Тома, как серое облако. — Коджак, хочешь пойти с Томом?

Коджак хотел. Они ушли вместе, направившись на восток. Стью лег и закрыл глаза рукой.

Когда он вновь вернулся в реальность, сгущались сумерки. Том тряс его:

— Стью! Просыпайся! Просыпайся, Стью!

Стью пугало, что время вдруг стало ускользать на достаточно длительные промежутки, когда он целиком и полностью утрачивал связь с реальностью. Сесть он сумел только с помощью Тома, а когда сел, ему пришлось наклониться вперед, потому что его начал терзать кашель. Он кашлял так долго и надсадно, что едва вновь не потерял сознание. Том с тревогой наблюдал за ним. Мало-помалу Стью справился с кашлем. Поплотнее завернулся в одеяла. Его опять била дрожь.

— Что ты нашел, Том?

Том протянул аптечку первой помощи. В ней лежали бинты, пластырь, маленький пузырек меркурохрома и побольше, с таблетками анацина*. Стью пришел в ужас, когда понял, что не может справиться с крышкой. Ему пришлось отдать пузырек Тому, который, повозившись, сумел его открыть. Стью запил три таблетки анацина водой из пластиковой бутылки.

— И я нашел вот это, — сказал Том. — В автомобиле, набитом походным снаряжением, но палатки там не было. — Он принес огромный, толстый двухместный спальный мешок, ярко-оранжевый снаружи и звездно-полосатый изнутри.

— Да, здорово. Ничуть не хуже палатки. Ты все сделал отлично, Том.

— И это. Лежали в том же автомобиле. — Том сунул руку в куртку и достал несколько пакетов из фольги. Стью не верил своим глазам. Сублимированные концентраты. Яйца. Горошек. Тыква. Говядина. — Еда, правда, Стью? На картинках еда, родные мои, да.

— Это еда, — благодарно согласился Стью. — Думаю, единственная, какую примет мой желудок. — Голова гудела, а где-то

* Меркурохром — антисептическое средство, анацин — группа жаропонижающих и снимающих головную боль препаратов.

глубоко, наверное, в самом центре мозга, стучал отбойный молоток. — Мы можем согреть воду? У нас нет ни кастрюли, ни котелка.

— Я что-нибудь найду.

— Да, хорошо...

— Стью...

Стью посмотрел на его охваченное тревогой, несчастное лицо, лицо мальчика, несмотря на бороду, и мягко сказал:

— Он мертв, Том. Ник мертв. Прошел почти месяц. Это... политика. Пожалуй, можно сказать, убийство. Я сожалею.

Том наклонил голову, и в свете вновь разведенного костра Стью увидел, как капают его слезы. Они падали серебряным дождем. Том молчал. А когда снова поднял голову, его синие глаза блестели ярче, чем прежде. Он вытер их ладонями.

— Я знал, что он мертв, — просипел Том. — Я не хотел думать, что знаю, но знал. Родные мои, да. Он все время поворачивался ко мне спиной и уходил. Он был для меня главным человеком, Стью... ты это знал?

Стью протянул руку и сжал большую ладонь Тома.

— Знал, Том.

— Да, был, родные мои. Мне его ужасно недостает. Но я собираюсь увидеть его на небесах. Том Каллен увидит его там. И он сможет говорить, а я смогу думать. Ведь так?

— Меня это совершенно не удивит, Том.

— Ника убил плохой человек. Том знает. Но Бог разобрался с этим плохим человеком. Я это видел. Рука Божья опустилась с неба. — Холодный ветер дул по бесплодным землям Юты, и Стью дрожал всем телом. — Разобрался с ним за то, что он сделал с Ником и бедным Судьей. Родные мои, да.

— Что ты знаешь о Судье, Том?

— Убит! В Орегоне! Его застрелили!

Стью огорченно кивнул.

— А Дейна? Ты что-нибудь о ней знаешь?

— Том видел ее, но ничего не знает. Они определили меня убирать улицы. Однажды, возвращаясь домой, я увидел, как она делала свою работу. Ее подняли высоко над землей, и она меняла лампу уличного фонаря. Она посмотрела на меня и... — Он замолчал, а когда заговорил вновь, обращался скорее к себе, чем к

Стью: — Она видела Тома? Она узнала Тома? Том не знает. Том... *думает*... она узнала. Но больше Том ее не видел.

Вскоре Том вновь ушел за добычей, взяв с собой Коджака, а Стью задремал. Вернулся Том не с жестяной банкой, на что надеялся Стью, а со сковородой с высокими стенками, достаточно большой, чтобы в ней поместилась рождественская индейка. В пустыне, похоже, сокровищ хватало. Стью улыбнулся, несмотря на болезненные высыпания, которые начали появляться на губах. Том рассказал ему, что взял сковороду из оранжевого фургона с большой буквой «А» на борту. Стью догадался, что кто-то пытался убежать от «супергриппа» со всем своим домашним имуществом. Конечно же, ничего не вышло.

Полчаса спустя они приступили к ужину. Стью ел осторожно, отдавая предпочтение овощам, разбавляя концентраты водой до состояния кашицы. Все съеденное осталось в желудке, и он почувствовал себя лучше. Вскоре после ужина они уже спали. Коджак устроился между ними.

— Том, послушай меня.

Том присел на корточки рядом с большим, толстым спальником Стью. Уже наступило утро. На завтрак Стью съел самую малость. Горло распухло и воспалилось, суставы болели. Кашель стал хуже, анацин не мог сбить температуру.

— Если я не окажусь в тепле и не приму лекарства, то умру. Ближайший город — Грин-Ривер, в шестидесяти милях к востоку. Нам надо доехать туда на автомобиле.

— Том Каллен не может водить автомобиль, Стью. Само собой, никогда!

— Да, я знаю. Для меня это будет проблематично, потому что я не только заболел, но и сломал не ту трехнутую ногу.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну... сейчас это не важно. Слишком трудно объяснить. Мы не будем даже волноваться об этом, потому что это не первая проблема. А первая — найти автомобиль, у которого заведется двигатель. Большинство из них простояли на одном месте три месяца, а то и больше. Аккумуляторы давно сели. Поэтому без удачи у нас ничего не выйдет. Мы должны найти автомобиль с механической коробкой передач, стоящий на вершине одного из этих холмов. Возможно, нам повезет. Местность здесь холмистая. — Он не стал

добавлять, что автомобиль им нужен в относительно хорошем состоянии, с бензином в баке и... ключом в замке зажигания. Все эти парни в фильмах, которые показывали по телику, умели заводить двигатель, соединяя соответствующие провода, но Стью понятия не имел, как это делается.

Он посмотрел на небо, затянутое облаками.

— Большую часть работы делать придется тебе, Том. Ты станешь моими ногами.

— Хорошо, Стью. Когда мы найдем автомобиль, мы поедем в Боулдер? Том хочет поехать в Боулдер, а ты?

— Больше всего на свете, Том. — Стью посмотрел на Скалистые горы, едва проступающие на горизонте. На перевалах уже пошел снег? Почти наверняка. А если нет, то скоро пойдет. Зима наступала рано в этой высокой и Богом забытой части света. — Но на это потребуется время.

— С чего мы начнем?

— Сделаем волокушу.

— Воло?..

Стью дал Тому складной нож.

— Ты должен проделать две дыры в дне спальника. По одной с каждой стороны.

На изготовление волокуши им потребовался час. Том нашел две относительно прямые палки, засунул их в спальный мешок и вытащил концы через проделанные дыры. Веревка нашлась в том же фургоне, где и сковорода, и Стью привязал палки к спальнику. Когда закончил сборку, полученное транспортное средство, по мнению Стью, больше напоминало рикшу, чем волокушу индейцев.

Том взялся за палки и с сомнением обернулся.

— Ты в мешке, Стью?

— Да. — Он задался вопросом, сколько протянут швы, трущиеся об асфальт. — Я тяжелый, Томми?

— Не очень. Я смогу долго волочь тебя. Поехали!

Они двинулись, постепенно удаляясь от провала, в котором Стью сломал ногу — и в котором уже собрался умереть. Пусть и невероятно ослабевший, Стью ощущал безумный восторг. Все-таки не здесь. Где-то его, возможно, и настигнет смерть, но он не умрет в этой грязной канаве. Спальный мешок убаюкивающе по-

качивался из стороны в сторону. Он задремал. Том тащил его под темнеющими облаками. Коджак бежал рядом.

Стью проснулся, когда Том опустил его на землю.

— Прости. — В голосе Тома слышались извиняющиеся нотки. — Мне надо дать отдых рукам. — Он потряс ими, потом сжал и разжал кулаки.

— Отдыхай сколько надо, — ответил Стью. — Тише едешь — дальше будешь. — Голова у него раскалывалась от боли. Он нашел пузырек анацина и проглотил две таблетки, не запивая. Казалось, горло выложено наждачной бумагой и какой-то садист раз за разом чиркает по ней спичками. Стью проверил швы спальника. Как он и ожидал, они начали расползаться, но пока держались. Том тащил его вверх по длинному пологому склону, именно такому, какой ему и требовался. Больше двух миль, где автомобиль, спускаясь на нейтрале, мог развить достаточную скорость. Чтобы у водителя появилась возможность завести двигатель со второй, а то и с третьей передачи.

Стью посмотрел налево, где на аварийной полосе стоял под углом фиолетовый «триумф». За рулем сидело нечто высохшее в ярком шерстяном свитере. На «триумфе» была механическая коробка передач, но Стью никогда не удалось бы втиснуться со сломанной ногой в такую маленькую кабину.

— Далеко мы ушли? — спросил он Тома, но тот лишь пожал плечами. Наверное, достаточно далеко, подумал Стью. Том тащил его часа три, прежде чем остановился, чтобы отдохнуть. Феноменальный силач. Прежние ориентиры скрылись за горизонтом. Том, как молодой бык, протащил его шесть или восемь миль, пока он спал. — Отдыхай сколько хочешь, — повторил Стью. — Не перенапрягайся.

— Том в порядке. В порядке, родные мои, да, все это знают.

Том съел огромный ленч, и Стью тоже удалось чуть-чуть поесть. Потом они продолжили путь. Дорога, изгибаясь по широкой дуге, поднималась вверх, и Стью начал осознавать, что автомобиль они должны найти на этом холме. Иначе им потребуется еще два часа, чтобы добраться до следующего холма, а потом — темнота. Плюс дождь или снег, судя по тому, как выглядело небо. Прекрасная холодная ночь на сыром ветру. И прощай, Стью Редман.

Они подошли к седану «шевроле».

— Стоп, — прохрипел Стью, и Том опустил волокушу на асфальт. — Подойди к этому автомобилю. Сосчитай педали на полу. Скажи мне, сколько их, две или три.

Том подошел и открыл переднюю дверь. Мумия в цветастом платье вывалилась на дорогу, словно чья-то дурная шутка. За ней последовала сумочка, из которой посыпались косметика, бумажные салфетки, деньги.

— Две! — крикнул Том Стью.

— Ладно. Идем дальше.

Том вернулся, глубоко вдохнул и взялся на ручки волокуши. Через четверть мили они набрели на микроавтобус «фольксваген».

— Хочешь, чтобы я сосчитал педали? — спросил Том.

— Нет. — Микроавтобус стоял на трех спущенных колесах.

Стью уже начал думать, что нужного автомобиля им не найти — просто выдался не их день. Они подошли к универсалу с одним спущенным колесом, которое не составляло труда заменить, но, как и в случае с седаном «шевроле», Том доложил только о двух педалях. Это означало, что коробка передач автоматическая, а потому универсал им не подходит. Они двинулись дальше, наклон становился все более пологим, вершина приближалась. Стью видел впереди только один автомобиль, их последний шанс. Сердце у него упало, потому что это был очень старый «плимут», выехавший из заводских ворот никак не позже семидесятого года. Он с удивлением обнаружил, что все четыре колеса накачаны. Однако на проеденном ржавчиной кузове хватало вмятин. Никто не утруждал себя заботой об этой рухляди. Стью навидался таких колымаг в Арнетте. Аккумулятор будет старым и, возможно, треснувшим, масло — чернее полуночи, зато на руле вполне могла обнаружиться пушистая розовая ленточка, а на задней полке — пудель с большущими глазами из горного хрусталя и с качающейся головой.

— Хочешь, чтобы я посмотрел? — спросил Том.

— Да, пожалуй, беднякам выбирать не приходится, верно?

В воздухе повис влажный туман.

Том пересек дорогу и заглянул в пустой автомобиль. Стью дрожал в спальном мешке.

— Три педали.

Стью попытался сосредоточиться. Пронзительное гудение в голове мешало собраться с мыслями.

От старого «плимута» толку скорее всего не будет. Они могли перебраться на другую половину шоссе, но там все автомобили стоят капотом в другую сторону, вверх, если только не пересечь разделительную полосу... добрых полмили каменистой земли. Да, возможно, им удалось бы найти подходящую машину на другой стороне... однако к тому времени уже наступила бы темнота.

— Том, помоги мне встать.

Каким-то образом Тому удалось поставить Стью на одну ногу, не потревожив другую. Его голова гудела и грозила расколоться от боли. Черные кометы мелькали перед глазами, он едва не потерял сознание. Потом ухватился рукой за шею Тома.

— Отдохнуть, — пробормотал он. — Отдохнуть...

Стью понятия не имел, сколько он так простоял. Том терпеливо поддерживал его, пока он плавал в сером тумане полубессознательности. Не отпустил и тогда, когда к миру вернулись реальные очертания, а влажный туман сменился мелким холодным дождем.

— Том, помоги мне добраться до автомобиля.

Одной рукой Том обхватил Стью за пояс, и на трех ногах они двинулись к старому «плимуту», стоявшему на аварийной полосе.

— Защелка капота, — пробормотал Стью, возясь в радиаторной решетке «плимута». Пот градом катился по его лицу. Защелку он нашел, но открыть капот не смог. Пришлось направлять руки Тома.

Двигатель оправдал ожидания Стью: грязный и неухоженный, с восемью цилиндрами. Зато аккумулятор приятно удивил. «Сирс», не самая дорогая модель, но с гарантией до февраля тысяча девятьсот девяносто первого года. Мысли от температуры путались, однако Стью удалось подсчитать, что аккумулятор был сделан в мае.

— Попробуй клаксон, — попросил он Тома и привалился к автомобилю, пока тот шел к кабине. Стью слышал о том, что утопающие хватаются за соломинку, и пришел к выводу, что теперь он их понимает. Его последним шансом на выживание стала эта развалюха, по которой давно плакала свалка.

Раздался громкий гудок. Если в замке зажигания торчал ключ, имело смысл попытаться завести двигатель. Возможно, ему следовало попросить Тома проверить ключ с самого начала, но, наверное, значения это не имело: если ключа нет, для них — во всяком случае, для него — все кончено.

Он закрыл капот и защелкнул его, навалившись всем телом. Потом на одной ноге допрыгал до водительской двери и заглянул в кабину, ожидая увидеть пустую щель замка зажигания. Но нет, ключ торчал в замке, а под ключом висел чехол из кожзаменителя с инициалами «А.К.». Осторожно наклонившись, Стью повернул ключ, оживив приборную панель. Стрелка топливомера медленно двинулась, оторвавшись от нуля, и показала, что бензина чуть больше четверти бака. Еще одна загадка. Почему владелец автомобиля, этот А.К., оставил его на аварийной полосе и решил пойти пешком, хотя мог ехать дальше?

В состоянии, близком к бредовому, Стью подумал о Чарльзе Кэмпионе, почти что покойнике, въехавшем в заправочные колонки Хэпа. Старина А.К. заболел «супергриппом». Почувствовав, что находится на грани смерти, он сворачивает на аварийную полосу, выключает двигатель — не сознательно, а благодаря многолетней привычке — и выходит из автомобиля. Он бредит, может, галлюцинирует. Пошатываясь, уходит с дороги в пустошь, смеется, поет и что-то бормочет. Там и умирает. А четыре месяца спустя Стью Редман и Том Каллен случайно проходят мимо и видят, что ключ в замке зажигания, аккумулятор относительно новый и даже бензина...

Рука Божья.

Как там сказал Том о Вегасе? *Рука Божья опустилась с неба.* И возможно, Бог оставил им потрепанный «плимут» семидесятого года, как манну в пустыне. Безумная, конечно, идея, но ненамного безумнее чернокожей женщины ста восьми лет от роду, ведущей толпу беженцев в землю обетованную.

— И она сама пекла себе лепешки, — прохрипел Стью. — До самого конца она сама пекла себе лепешки.

— Что, Стью?

— Не важно. Подвинься, Том.

Том подвинулся.

— Мы поедем? — с надеждой спросил он.

Стью сдвинул водительское сиденье, чтобы Коджак смог запрыгнуть в кабину. Что тот и сделал, пару раз втянув носом воздух.

— Не знаю. Ты лучше молись, чтобы завелся мотор.

— Хорошо, — согласился Том.

Стью потребовалось пять минут, чтобы устроиться за рулем. Он сидел наискось, практически на середине переднего сиденья, где положено сидеть второму пассажиру. Коджак шумно дышал позади. На полу валялись коробки из «Макдоналдса» и обертки из «Тако белл». Пахло лежалыми кукурузными чипсами.

Стью повернул ключ зажигания. Старый «плимут» хрипел секунд двадцать, после чего стартер затих. Стью нажал на клаксон, но услышал только жалкий писк. У Тома от огорчения вытянулось лицо.

— Мы еще не закончили, — подбодрил его Стью. И он действительно считал, что не все потеряно: в аккумуляторе оставался заряд. Он выжал сцепление и включил вторую передачу. — Открой дверь и сдвинь нас с места. Потом запрыгивай в автомобиль.

— Разве мы поедем не в другую сторону?

— Сейчас да, но если мы сможем завести эту колымагу, то быстро развернемся.

Том вылез и уперся в дверную стойку. «Плимут» покатился. Когда спидометр показал пять миль в час, Стью велел Тому влезть в кабину.

Том влез и захлопнул дверь. Стью вновь включил зажигание. Гидравлический усилитель руля при выключенном двигателе не работал, поэтому остатки сил уходили на то, чтобы удерживать «плимут» на прямой. Стрелка спидометра проползла мимо десяти, пятнадцати, двадцати миль в час. Они преодолели немалую часть холма, на который Том втаскивал Стью все утро. На ветровом стекле собирались капли воды. Слишком поздно Стью сообразил, что волокушу они оставили наверху. Двадцать пять миль в час.

— Он не работает, Стью! — В голосе Тома слышалась озабоченность.

Тридцать миль в час. Достаточно.

— Господи, помоги нам сейчас! — И Стью отпустил сцепление.

«Плимут» дернулся, сбросил скорость. Двигатель кашлянул, ожил, заглох. Стью застонал от раздражения и от боли, пронзившей сломанную ногу.

— Дерьмо! — крикнул он, вновь выжимая сцепление. — Прокачай педаль газа, Том! Рукой!

— Какую из них? — в недоумении спросил Том.

— Длинную!

Том пригнулся к полу, дважды надавил на педаль газа. Они проехали уже больше половины холма.

— Давай же! — крикнул Стью и вновь отпустил сцепление.

«Плимут», оживая, взревел. Коджак залаял. Черный дым повалил из ржавой выхлопной трубы, затем сменился синим. Двигатель работал, пусть и неровно, на шести цилиндрах, но работал. Стью включил третью передачу, вновь отпустил сцепление, управляясь со всеми педалями левой ногой.

— Мы едем, Том! — проревел он. — Мы теперь на колесах!

Том заорал от радости. Коджак лаял и вилял хвостом. В прошлой жизни, в жизни до «Капитана Торча», будучи Большим Стивом, он часто ездил в автомобиле своего хозяина. И теперь получал огромное удовольствие от того, что снова едет, с новыми хозяевами.

Они нашли разворот, проехав примерно четыре мили. У разворота стоял щит со строгим предупреждением: «ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖЕБНЫХ АВТОМОБИЛЕЙ». Стью, манипулируя сцеплением, удалось перебраться на восточные полосы. Возник лишь один неприятный момент, когда старый двигатель кашлянул, угрожая заглохнуть. Однако к тому времени он уже прогрелся, так что обошлось. Стью вновь включил третью передачу и чуть расслабился, тяжело дыша, стараясь хоть немного успокоить сердцебиение. На глаза вновь начал наползать серый туман, но усилием воли Стью разогнал его. Пять минут спустя Том заметил ярко-оранжевый спальный мешок, послуживший самодельной волокушей.

— Пока-пока! — радостно прокричал он. — Пока-пока, мы едем в Боулдер, родные мои, да!

Этим вечером я согласился бы и на Грин-Ривер, подумал Стью.

Они добрались туда уже с наступлением темноты. Стью осторожно вел «плимут» на низкой передаче: на темных улицах тут и

там стояли брошенные автомобили. Он припарковался на главной улице, перед отелем «Юта». Невзрачное трехэтажное здание особых эмоций не вызывало, но Стью полагал, что на текущий момент этот отель покажется ему ничуть не хуже «Уолдорф-Астории». Голова раскалывалась от боли, он то и дело впадал в забытье, теряя связь с реальностью. На протяжении последних двадцати миль ему казалось, что в кабине сидят разные люди. Фрэн, Ник Эндрос, Норм Бруэтт. Один раз он повернул голову и увидел рядом с собой Криса Ортегу, бармена из «Головы индейца».

Он устал. Он когда-нибудь так уставал?

— Здесь, — пробормотал Стью. — Нам придется остановиться на ночь, Никки. Я вымотался.

— Это Том, Стью. Том Каллен. Родные мои, да.

— Том, конечно. Мы должны остановиться. Поможешь мне добраться до отеля?

— Само собой. Завести старый автомобиль — это круто.

— Я выпью еще пива, — сказал ему Стью. — Нет ли у тебя сигареты? Ужасно хочется покурить. — И упал на руль.

Том вылез из кабины, вытащил Стью, отнес в отель. В вестибюле царили сырость и темнота, но там был большой камин и наполовину заполненный дровяной ящик. Том уложил Стью на истертый диван под головой лося, висевшей на стене, и принялся разжигать огонь, в то время как Коджак ходил кругами, принюхиваясь. Дышал Стью медленно и хрипло. Иногда бормотал, иногда выкрикивал что-то нечленораздельное, пугая Тома.

Как только в камине запылал огонь, Том отправился на разведку. Нашел одеяла и подушки для себя и для Стью. Придвинул диван поближе к огню, а потом улегся рядом со Стью. Коджак пристроился с другой стороны, и они согревали больного теплом своих тел.

Том смотрел в потолок, обшитый тонкими листами жести, с паутиной по углам. Стью сильно болел. Том тревожился. Если бы Стью проснулся, Том спросил бы, что делать с его болезнью.

Но допустим... допустим, он не проснется?

Ветер набрал силу и с завыванием проносился мимо отеля. К полуночи, когда Том заснул, температура упала еще на четыре градуса, и по окнам уже скреб ледяной дождь. Далеко на западе край циклона погнал радиоактивное облако к Калифорнии, где многим еще предстояло умереть.

В какой-то момент, уже в начале третьего, Коджак поднял голову и тоскливо заскулил. Том Каллен встал с дивана. Его широко распахнутые глаза были пусты. Коджак снова заскулил, но Том не обратил на него ни малейшего внимания, направился к двери и вышел в ревущую ночь. Коджак подбежал к окну вестибюля, поставил передние лапы на подоконник. Какое-то время смотрел, жалобно повизгивая. Потом вернулся и лег рядом со Стью.

За окнами завывал и скрежетал ветер.

Глава 75

— Знаешь, я ведь чуть не умер, — сказал Ник. Они с Томом шагали по пустынному тротуару. Ветер выл, не переставая, бесконечный поток облаков летел по черному небу. Из боковых улиц доносились ухающие звуки. «Филины», — сказал бы Том, если бы бодрствовал, и убежал. Но он не бодрствовал — не совсем бодрствовал, — и Ник составлял ему компанию. Ледяной дождь сек щеки холодом.

— Правда? — спросил Том. — Родные мои!

Ник рассмеялся. Голос у него был низкий и мелодичный, хороший голос. Тому нравилось слушать, когда Ник говорил.

— Я точно едва не умер. Будь уверен. Грипп со мной не справился, а вот маленькая царапина на ноге чуть не отправила на тот свет.

Не замечая холода, Ник расстегнул пряжку ремня, стащил джинсы. Том наклонился вперед, любопытный, словно маленький мальчик, которому предложили посмотреть на бородавку с растущими из нее волосами, интересную рану или нарыв. По ноге Ника шел отвратительный шрам — недавно зажившая рана. Он начинался чуть ниже паха, тянулся по бедру, огибал колено, продолжался на голени и, наконец, исчезал.

— И это почти *убило* тебя?

Ник подтянул джинсы, застегнул ремень.

— Царапина была неглубокой, но в нее попала инфекция. Это означает, что в рану проникли плохие микробы. Нет ничего опаснее инфекции, Том. «Супергрипп», который убил столько людей,

тоже инфекция. Именно инфекция и заставила людей создать «супергрипп». Инфекция мозга.

— Инфекция, — зачарованно прошептал Том. Они снова шли, почти плыли над тротуаром.

— Том, у Стью сейчас инфекция.

— Нет... нет, не говори так, Ник... ты пугаешь Тома Каллена, родные мои, да, пугаешь!

— Я знаю, что пугаю, Том, и сожалею об этом. Но ты должен знать. У него двухстороннее воспаление легких. Он спал под открытым небом почти две недели. Ты должен кое-что для него сделать. И все равно он почти наверняка умрет. Ты должен к этому готовиться.

— Нет, не...

— Том. — Ник положил руку на плечо Тома, но Том ничего не почувствовал... словно рука Ника состояла из дыма. — Если он умрет, тебе и Коджаку придется идти дальше. Ты должен вернуться в Боулдер и рассказать им, что видел в пустыне руку Божью. Если будет на то воля Господа, Стью пойдет с тобой... со временем. Если Бог захочет, чтобы Стью умер, он умрет. Как я.

— Ник! — взмолился Том. — Пожалуйста...

— Я показал тебе свою ногу не без причины. От инфекций есть таблетки. В таких местах, как это.

Том огляделся и с удивлением увидел, что они уже не на улице, а в темном помещении. В аптеке. Инвалидное кресло свисало с потолка на струнной проволоке, как чудовищный механический труп. Справа от себя Том увидел на стене табличку: «ЛЕКАРСТВА ПО РЕЦЕПТАМ».

— Да, сэр? Чем я могу вам помочь?

Том повернулся. Ник стоял за прилавком в белом халате.

— Ник?

— Да, сэр. — Ник начал выставлять перед Томом маленькие пузырьки с таблетками. — Это пенициллин. Очень хорошо помогает от воспаления легких. Это ампициллин, а это амоксициллин. Тоже сильное лекарство. А это вициллин, его обычно дают детям, но он может помочь там, где не справятся другие средства. Стью должен пить много воды и соки, хотя их ты можешь не найти. Так что отдай ему это. Таблетки витамина С. Еще он должен ходить...

— *Я не смогу все это запомнить!* — застонал Том.

— Боюсь, ты должен, потому что больше никого нет. Ты теперь сам по себе.

Том заплакал.

Ник наклонился вперед. Взмахнул рукой. Пощечины Том не ощутил — рука Ника по-прежнему напоминала дым, который обогнул его, а может, прошел насквозь, — но голова Тома откинулась назад. И что-то в голове вроде бы лопнуло.

— Прекрати! Сейчас тебе нельзя быть ребенком, Том! Будь мужчиной! Ради Бога, будь мужчиной!

Том смотрел на Ника широко раскрытыми глазами, прижимая руку к щеке.

— Ходи с ним, — продолжил Ник. — Ставь его на здоровую ногу. Таскай, если придется. Но только не давай все время лежать на спине, а не то он захлебнется.

— Он не в себе, — сказал Том. — Он кричит... кричит на людей, которых нет.

— У него бред. Все равно прогуливай его, когда сможешь. Заставляй принимать пенициллин, по одной таблетке. Давай ему аспирин. Держи его в тепле. Молись. Все это ты в состоянии делать.

— Хорошо, Ник. Хорошо, я постараюсь быть мужчиной. Я постараюсь запомнить. Но я бы хотел, чтобы ты был здесь, родные мои, да, хотел бы!

— Ты сделаешь все, что в твоих силах, Том. Большего и не требуется.

Ник ушел. Том проснулся и обнаружил, что стоит в пустой аптеке у прилавка рецептурных лекарств. На прилавке увидел четыре пузырька с таблетками. Долго смотрел на них, а потом забрал.

В отель Том вернулся в четыре утра, вымокший под ледяным дождем. Непогода утихала, и на востоке уже появилась полоска зари. Коджак радостно залаял, увидев Тома, Стью застонал и проснулся. Том опустился рядом с ним на колени.

— Стью!

— Том... Трудно дышать.

— У меня есть лекарство, Стью. Ник мне показал. Ты его примешь и избавишься от инфекции. Одну таблетку ты должен принять прямо сейчас. — Из пакета, который он принес с собой, Том

достал четыре пузырька с таблетками и высокую бутылку гаторейда*. Насчет сока Ник ошибся. В супермаркете Грин-Ривера хватало бутылок с соком.

Стью смотрел на пузырьки, поднеся их к глазам.

— Том, где ты это взял?

— В аптеке. Их дал мне Ник.

— Нет, правда?..

— Правда! Правда! Первым ты должен принять пенициллин, чтобы посмотреть, поможет ли он тебе. На каком написано «пенициллин»?

— На этом... но, Том...

— Нет. Ты должен. Так сказал Ник. И тебе надо ходить.

— Я не могу ходить. У меня сломана нога. И я болен! — Голос Стью стал злобным и раздражительным. Голосом больного.

— Ты должен. Или я буду тебя таскать.

Стью впал в полубессознательное состояние. Том положил капсулу пенициллина ему в рот, и Стью рефлекторно проглотил ее, а чтобы она не застряла в горле, запил гаторейдом. Тут же закашлялся, и Том принялся хлопать его по спине, как подавившегося ребенка. Потом поставил Стью на здоровую ногу и принялся таскать по вестибюлю. Коджак озабоченно следовал за ними.

— Пожалуйста, Господи, — молил Том. — Пожалуйста, Господи, пожалуйста, Господи.

— Я знаю, где взять стиральную доску, Глен! — крикнул Стью. — В магазине музыкальных инструментов! Я видел одну в витрине.

— Пожалуйста, Господи. — Том тяжело дышал. Голова Стью каталась по его плечу. Он чувствовал, что она горячая, как топка. Сломанная нога волочилась сзади.

Никогда Боулдер не казался таким далеким, как в это ужасное утро.

Борьба Стью с воспалением легких продолжалась две недели. Он выпивал кварты гаторейда, овощных соков, виноградного сока, различных апельсиновых напитков. Он плохо соображал, что пьет. Его моча стала едкой и приобрела сильный запах.

---

* Гаторейд — серия напитков, обогащенных белком, в том числе на основе фруктовых соков.

Он дул в кровать, как младенец, а его кал желтизной и полужидкой консистенцией напоминал кал новорожденного. Том мыл Стью и содержал в чистоте. Том таскал его по вестибюлю отеля «Юта». И Том ждал, когда Стью проснется, и не потому, что Стью бушевал во сне, а потому, что затрудненное дыхание наконец ушло.

От пенициллина кожа Стью через два дня покрылась отвратительной красной сыпью, и Том переключился на ампициллин. Этот антибиотик сыпи не вызывал. Седьмого октября, проснувшись утром, Том увидел, что Стью спит крепче, чем в последние дни. Его тело покрывал пот, но лоб был холодным. Ночью температура упала. И следующие двое суток Стью практически полностью проспал. Тому пришлось будить его, чтобы дать ему таблетки и сахарные кубики из ресторана отеля.

Одиннадцатого октября ему стало хуже, и Том жутко испугался, что это конец. Но температура поднялась не очень высоко, а дыхание не стало таким натужным и затрудненным, каким было утром пятого и шестого.

Тринадцатого октября Том задремал в одном из больших кресел вестибюля, а когда проснулся, увидел, что Стью сидит и оглядывается.

— Том, — прошептал он. — Я жив.

— Да! — радостно воскликнул Том. — Родные мои, да!

— Я голоден. Можешь сварганить какой-нибудь супчик, Том? Скажем, с лапшой?

К восемнадцатому *силы постепенно начали возвращаться к* нему. Он уже мог ходить по вестибюлю *на костылях, которые Том* принес из аптеки. Зуд в сломанной ноге, где начали срастаться кости, сводил Стью с ума. Двадцатого октября он впервые вышел на улицу, надев термобелье и огромный овчинный тулуп.

День выдался довольно теплым и солнечным, но чувствовалось приближение холодов. В Боулдере, возможно, еще стояла осень, осины окрасились золотом, однако здесь до прихода зимы оставалось совсем недолго. Стью видел пятна снега в тенистых местах.

— Я не знаю, Том, — сказал он. — Думаю, мы сможем добраться до Гранд-Джанкшена, но потом просто не знаю. В горах уже наверняка много снега. И еще какое-то время я не решусь отсюда уезжать. Мне нужно вновь научиться ходить.

— И сколько пройдет времени, прежде чем ты вновь научишься ходить?

— Не знаю, Том. Нам просто придется ждать. Там будет видно.

Стью твердо решил не гнать лошадей, не торопиться. Он достаточно близко познакомился со смертью и теперь наслаждался выздоровлением. Он хотел восстановиться полностью. Из вестибюля они перебрались в смежные комнаты на первом этаже. Еще одна комната, по другую сторону коридора, стала временной будкой Коджака. Нога Стью действительно срасталась, но ей уже никогда не удалось бы стать такой прямой, как прежде, если бы только Джордж Ричардсон вновь не сломал ее и не загипсовал, сведя обломки костей как положено. Стью не сомневался, что будет хромать, когда сможет обходиться без костылей.

Тем не менее он начал нагружать ногу, чтобы поскорее вернуть ей работоспособность. Даже для того, чтобы восстановить прежнюю эффективность на семьдесят пять процентов, требовалось немало времени, но, судя по всему, впереди лежала долгая зима, которую он мог этому посвятить.

Двадцать восьмого октября в Грин-Ривере выпало почти пять дюймов снега.

— Если не уедем отсюда в самом скором времени, — сказал Стью Тому, глядя на снег, — то нам придется провести целую чертову зиму в отеле «Юта».

На следующий день они поехали на «плимуте» к заправочной станции на окраине города. Часто отдыхая и используя Тома для тяжелой работы, Стью поменял лысеющие покрышки задних колес на зимнюю шипованную резину. Он подумывал над тем, чтобы взять полноприводный автомобиль, но в конце концов принял решение, весьма иррациональное, не испытывать судьбу. Как говорится, от добра добра не ищут. В завершение Том положил в багажник четыре пятидесятифунтовых мешка с песком. Грин-Ривер они покинули на Хэллоуин и поехали на восток.

В Гранд-Джанкшен они прибыли в полдень второго ноября, и, как потом выяснилось, на обустройство у них оставалось только три часа. В тот день свинцово-серые облака нависали почти над самой землей, и первые снежинки упали на капот «плимута»,

когда они выехали на Главную улицу. По пути снег начинал идти раз десять и быстро переставал, но на этот раз чувствовалось, что дело серьезное.

— Выбирай место, — предложил Стью. — Мы, возможно, задержимся здесь на какое-то время.

Том указал:

— Туда. Мотель под звездой.

Это был «Гранд-Джанкшен холидей инн». Под вывеской и звездой висел большущий рекламный щит с надписью красными буквами:

ДО РО ПОЖА ОВАТЬ В ГР НД-ДЖАН ШЕН
НА ЛЕТНИЙ ФЕСТ ВАЛЬ-90.
12 ИЮНЯ — 4 И ЛЯ!

— Ладно, — кивнул Стью. — Пусть будет «Холидей инн».

Он подъехал к мотелю, заглушил двигатель «плимута», и, насколько они оба знали, он больше никогда не завелся. К двум часам дня планировавшие с неба отдельные снежинки превратились в сильнейший снегопад, словно на землю опустился бесшумный белый занавес. К четырем часам ветер усилился до ураганного. Он гнал перед собой снег, и сугробы росли с невероятной быстротой. Буран продолжался всю ночь. Когда Стью и Том проснулись следующим утром, они нашли Коджака сидящим перед двустворчатой дверью в вестибюле и разглядывающим практически неподвижный белый мир. Только сойка крутилась вокруг рухнувшего летнего навеса на другой стороне улицы.

— Чур меня, — прошептал Том. — Нас завалило снегом, да, Стью?

Стью кивнул.

— И как же мы сможем добраться до Боулдера?

— Мы подождем до весны, — ответил Стью.

— Так долго? — На лице Тома отразилась такая печаль, что Стью обнял мужчину-мальчика за плечи.

— Время пройдет, — успокаивающе сказал он, хотя сам сомневался, смогут ли они ждать так долго.

Какое-то время Стью стонал и метался в темноте. Наконец издал такой громкий крик, что проснулся и вырвался из кошма-

ра в свой номер в «Холидей инн». Приподнявшись на локтях, он всматривался в темноту широко раскрытыми глазами. Шумно выдохнул, рукой поискал лампу на прикроватном столике. Дважды щелкнул выключателем, прежде чем вспомнил. Странное дело, но вера в электричество умирала очень тяжело. Он нашел на полу лампу Коулмана и зажег ее. После этого воспользовался горшком. Потом опустился на стул, который стоял у стола. Взглянул на часы: четверть четвертого утра.

Снова этот сон. Сон о Фрэнни. Кошмар.

Всегда одно и то же. Фрэнни рожает, ее лицо покрыто потом. Ричардсон у нее между ног, Лори Констебл стоит рядом, готовая прийти на помощь. Ноги Фрэн подняты и зафиксированы стальными захватами.

Тужься, Фрэнни. Давай. Все идет хорошо.

Но, глядя на мрачные глаза Джорджа над маской, Стью понимал: у Фрэнни все идет не очень хорошо. Что-то идет совсем не так. Лори протерла губкой ее потное лицо и отбросила волосы со лба.

Тазовое предлежание.

Кто это сказал? Зловещий, бестелесный голос, низкий и тягучий, будто голос с пластинки-сорокапятки, которую проигрывают при тридцати трех с третью оборотах в минуту.

Тазовое предлежание.

Голос Джорджа: *Тебе лучше позвать Дика. Скажи ему, что нам, возможно, придется...*

Голос Лори: *Доктор, она теряет много крови...*

Стью закурил. Вкус был отвратительный, но после такого сна любая сигарета успокаивала. *Это тревожный сон, ничего больше. Типичная для мужчины идея, что все пойдет не так, раз уж тебя там нет. Перестань волноваться понапрасну, Стюарт. Все у нее хорошо. Не все сны сбываются.*

Но за последние полгода сбылось слишком много снов. И ощущение, что в этом повторяющемся кошмаре он видел будущие роды Фрэн, не отпускало Стью.

Он затушил наполовину выкуренную сигарету и тупо уставился на ровный свет газовой лампы. Наступило двадцать девятое ноября. Они прожили в «Холидей инн» Гранд-Джанкшена почти четыре недели. Время ползло медленно, но им удавалось занять его, собирая со всего города всякую всячину.

На складе, расположенном на Гранд-авеню, Стью нашел средних размеров электрогенератор «Хонда». Они с Томом перевезли его в муниципалитет, расположенный напротив мотеля. Сначала с помощью цепного подъемника поставили на сани, потом запрягли в сани два «сноу кэта»*. Другими словами, транспортировали генератор примерно так же, как Мусорный Бак транспортировал свой последний подарок Рэндаллу Флэггу.

— Зачем он нам нужен? — спросил Том. — Чтобы подать электричество в мотель?

— Для этого он слишком мал, — ответил Стью.

— Тогда зачем? Для чего? — нетерпеливо спросил Том.

— Увидишь, — ответил Стью.

Они поставили генератор в чулан для электрооборудования, примыкавший к залу собраний, и Том забыл о нем, на что и рассчитывал Стью. На следующий день он поехал на снегоходе к шестизальному комплексу «Гранд-Джанкшен-синема» и уже сам, с помощью того же цепного подъемника, через окно складского помещения на втором этаже спустил на землю проектор для тридцатипятимиллиметровой пленки, который нашел, когда бродил по городу. Проектор завернули в полиэтилен... а потом просто забыли о нем, судя по слою накопившейся пыли.

Сломанная нога уже исправно служила ему, но Стью потребовалось почти три часа, чтобы перетащить проектор от входа в муниципалитет до центра зала собраний. Он воспользовался тремя тележками, каждую минуту ожидая появления разыскивающего его Тома. С Томом работа пошла бы быстрее, а вот сюрприз бы не удался. Но вероятно, у Тома нашлись другие дела, и днем Стью его так и не увидел. Когда же в пять вечера Том появился в «Холидей инн», с красными от мороза щеками и замотанной шарфом шеей, сюрприз его уже ждал.

Стью захватил с собой все шесть фильмов, которые демонстрировались в «Гранд-Джанкшен-синема». И после ужина невзначай предложил:

— Давай сходим в муниципалитет, Том?

— Зачем?

— Увидишь.

---

* «Сноу кэт» — семейство гусеничных транспортных средств для передвижения по снегу.

Они вышли из «Холидей инн» и пересекли заснеженную улицу. У двери Стью протянул Тому коробку с поп-корном.

— А это зачем? — спросил Том.

— Кто же смотрит кино без поп-корна, чучело ты мое? — с улыбкой ответил Стью.

— *КИНО?!*

— Само собой!

Том ворвался в зал собраний. Увидел большой проектор, готовый к работе. Увидел большой экран. Увидел два складных стула посреди огромного пустого зала.

— Вау! — выдохнул он, и на его лице отразился тот самый восторг, на который и рассчитывал Стью.

— Я три лета отработал в автокинотеатре «Старлайт» в Брейнтри, — пояснил Стью. — Надеюсь, не забыл, что надо делать, если оборвется пленка.

— Вау, — повторил Том.

— Между катушками придется делать перерыв. За вторым проектором я не пойду. — Стью переступил через провода, тянувшиеся от проектора к генератору «Хонда», стоявшему в чулане, и дернул за пусковой трос. Генератор весело затарахтел. Стью закрыл дверь в чулан, чтобы приглушить тарахтение, и погасил свет. Через пять минут они уже сидели бок о бок и смотрели, как Сталлоне убивает сотни наркоторговцев в фильме «Рэмбо-4: Огненное сражение». Из шестнадцати динамиков системы «Долби», установленных в зале, на них обрушивался такой громкий звук, что иногда они не слышали диалогов (когда таковые были)... но им все равно нравилось.

Теперь, думая об этом, Стью улыбался. Кто-то наверняка назвал бы его глупцом: он мог подключить видеомагнитофон к генератору куда меньших размеров, и они смотрели бы сотни фильмов, возможно, не выходя из «Холидей инн». Но фильмы по телику, по его мнению, не шли ни в какое сравнение с киносеансом. Впрочем, истинная причина заключалась в другом. Им требовалось убить время... а в некоторые дни оно никак не хотело умирать.

Да и потом, среди прочего он принес полнометражный мультфильм Диснея «Оливер и компания», который так и не выпустили на видеокассетах. Том смотрел его снова и снова и смеялся как

ребенок над выходками Оливера, и Артура Доджера, и Фейджина, который в мультфильме жил на барже в Нью-Йорке и спал в украденном самолетном пассажирском кресле.

Помимо реализации кинопроекта, Стью собрал больше двадцати моделей автомобилей, включая «роллс-ройс» из двухсот сорока частей, который до эпидемии «супергриппа» стоил шестьдесят пять долларов. Том построил какой-то невероятный ландшафт, занявший половину пола большого банкетного зала «Холидей инн». В качестве подручных материалов он использовал папье-маше, гипс и различные пищевые красители и назвал свое произведение «Лунной базой Альфа». Да, они находили чем заняться, но...

То, о чем ты думаешь, — безумие.

Стью согнул ногу. Она функционировала даже лучше, чем он надеялся, спасибо тренажерному залу «Холидей инн». Конечно, еще плохо сгибалась и разгибалась, иной раз и болела, но он уже мог, пусть и хромая, передвигаться без костылей. И Стью не сомневался, что Том научится управлять одним из «арктик кэтов», стоявших в гараже едва ли не каждого жителя Гранд-Джанкшена. Двадцать миль в день, с палатками, большими спальниками, сублимированными концентратами...

Конечно, а когда лавина сойдет на вас на перевале Вейл, вы с Томом помашете ей пакетом сублимированной моркови и скажете, чтобы она проваливала. Это безумие.

Он выключил газовую лампу. Но еще долго не мог заснуть.

— Том, — спросил Стью за завтраком, — ты очень хочешь вернуться в Боулдер?

— И увидеть Фрэн? Дика? Сэнди? Родные мои, я хочу вернуться в Боулдер больше всего на свете, Стью. Ты не думаешь, что они забрали мой маленький домик, а?

— Нет. Я уверен, что не забрали. Я вот про что: ты готов рискнуть ради возвращения?

Том в недоумении посмотрел на него. Стью уже собрался объяснить, что имеет в виду, когда Том ответил:

— Родные мои, вся жизнь — это риск, верно?

Так все и решилось. Они покинули Гранд-Джанкшен в последний день ноября.

* * *

Стью не пришлось учить Тома основам вождения снегохода. На складе дорожного департамента Колорадо в какой-то миле от «Холидей инн» нашелся чудовищный агрегат с мощным двигателем, лобовым обтекателем, защищающим от ветра, и, что более важно, большим открытым грузовым отсеком. Вероятно, он использовался для перевозки различного аварийного оборудования, и его размеров с лихвой хватало, чтобы вместить крупную собаку. В местных магазинах, торгующих товарами для активной жизни на открытом воздухе, они без труда нашли все необходимое для путешествия, несмотря на то что эпидемия «супергриппа» разразилась в начале лета. Они взяли легкие палатки, толстые спальники, по паре беговых лыж (хотя у Стью холодела кровь при мысли, что Тома придется учить азам бега на лыжах), большую коулмановскую газовую плиту, лампы, баллоны с газом, дополнительные батарейки, пищевые концентраты и винтовку с оптическим прицелом.

Уже к двум часам пополудни первого дня путешествия Стью понял, что его страхи оказаться в снежном плену и погибнуть от голода беспочвенны. Леса буквально кишели дичью. Никогда в жизни он не видел ничего подобного. А позже он подстрелил оленя, своего первого оленя после девятого класса, когда он прогулял пару дней, чтобы отправиться на охоту с дядей Дейлом. Тогда они подстрелили костлявую олениху, мясо которой оказалось жестким и даже чуть горчило. На этот раз — самца, крепкого, с широкой грудью. «Зима только началась, — думал Стью, потроша оленя охотничьим ножом, взятым в магазине спортивных товаров в Гранд-Джанкшене. — У природы есть свои способы борьбы с перенаселением».

Том развел большой костер, пока Стью занимался оленем. Рукава его толстой куртки пропитались кровью и стали жесткими. Закончил он через три часа после наступления темноты, и его сломанная нога уже давно просила о пощаде. Олениху, убитую им и дядей Дейлом, они отвезли старику по фамилии Шуйи, который жил у административной границы Брейнтри. Он снимал шкуру и разделывал оленя за три доллара и десять фунтов оленины.

— Если бы Шуйи оказался сегодня здесь, — вздохнул Стью.

— Кто? — спросил Том, выходя из полудремы.

— Никто, Том. Разговариваю сам с собой.

Как выяснилось, вырезка, вкусная и нежная, стоила затраченных усилий. После того как они съели все, что могли, Стью приготовил еще тридцать фунтов мяса и следующим утром положил в одно из маленьких багажных отделений снегохода дорожного департамента. В первый день они проехали только шестнадцать миль.

В ту ночь сон изменился. Он вновь находился в родильной палате. Все заливала кровь. Ее пятна краснели на рукавах его белого халата. Простыня, прикрывавшая Фрэнни, промокла насквозь. И Фрэнни кричала.

Он идет. Джордж тяжело дышал. *Его время наконец-то пришло, Фрэнни, он хочет родиться, так что тужься! ТУЖЬСЯ!*

И он появился на свет, в заключительном выбросе свежей крови. Джордж вытащил младенца за бедра, потому что тот родился ножками вперед.

Лори начала кричать. Инструменты из нержавеющей стали полетели во все стороны...

Потому что Джордж держал в руках волка с яростно улыбающимся человеческим лицом, *его* лицом, это был Флэгг, пришло его время появиться вновь, он не умер, он по-прежнему топтал ногами этот мир, Фрэнни родила Рэндалла Флэгга...

Стью проснулся, хрипы собственного дыхания били по ушам. Он кричал?

Том все еще спал, так глубоко забравшись в спальник, что Стью видел только его чуб. Коджак свернулся клубком под боком Стью. Все хорошо, это всего лишь сон...

И тут из ночи донесся вой, длинный, протяжный. Полный отчаянного ужаса... вой волка, а может, крик призрака-убийцы.

Коджак поднял голову.

Мурашки побежали по рукам Стью, бедрам, паху.

Вой не повторился.

Стью заснул. Утром они собрали вещи и двинулись дальше. Это Том заметил, что внутренности оленя исчезли. На том месте, где они лежали, осталось множество следов, а кровавое пятно на снегу выцвело, стало тускло-розовым... и все.

Благодаря пяти дням хорошей погоды они добрались до Райфла. Наутро, когда проснулись, начался буран. Стью решил, что его

лучше переждать, и они обосновались в местном мотеле. Том держал двустворчатую дверь открытой, а Стью заехал на снегоходе в вестибюль. Объяснил Тому, что лучшего гаража не найти, хотя тяжелые гусеницы снегохода изрядно пожевали высокий ворс напольного ковра.

Снег шел три дня. Когда они проснулись десятого декабря и выглянули в окно, ярко светило солнце, а температура поднялась градусов до тридцати пяти*. Толщина снежного покрова заметно увеличилась, и им стало сложнее находить изгибы и повороты автострады 70. Но в этот яркий, теплый, солнечный день Стью волновался не из-за того, что они могут сбиться с пути. Ближе к вечеру, когда синие тени начали удлиняться, Стью сбавил обороты, а потом и вовсе заглушил двигатель снегохода, склонил голову и, казалось, весь обратился в слух.

— Что такое, Стью? Что?.. — Тут Том тоже услышал. Низкое погромыхивание впереди слева. Оно усилилось до рева поезда-экспресса и сошло на нет. Вновь воцарилась тишина. — Стью? — озабоченно спросил Том.

— Не волнуйся, — ответил Стью и подумал: *Я достаточно волнуюсь за нас обоих.*

Плюсовая температура держалась. К тринадцатому декабря они приблизились к Шошону, продолжая продвигаться вверх по склонам Скалистых гор: самой высокой точкой, откуда им предстояло начать спуск, был перевал Лавленд.

Снова и снова они слышали низкое громыхание лавин, иногда далеко, иногда так близко, что оставалось только смотреть вверх, ждать и надеяться, что эти громадные навесы белой смерти не сползут на тебя, закрывая небо. Двенадцатого числа лавина сошла на то место, которое они миновали получасом ранее, похоронив след снегохода под тоннами спрессованного снега. Стью с нарастающим страхом думал о том, что вибрации, вызванные шумом двигателя, и станут причиной их смерти, спровоцировав лавину, которая накроет снегоход сорокафутовым слоем снега, прежде чем они сумеют сообразить, что к чему. Но им ничего не оставалось, кроме как двигаться вперед и надеяться на лучшее.

---

* По Фаренгейту; примерно 1,7°С.

Потом температура вновь упала, и угроза отступила. Налетел очередной буран, остановивший их на два дня. Они вылезли из снега, продолжили путь... а по ночам выли волки. Иногда далеко, иногда так близко, что, казалось, они у самой палатки. Коджак вскакивал, рычал, напряженный, как взведенная стальная пружина. Температура воздуха оставалась низкой, частота схода лавин уменьшилась, хотя восемнадцатого одна прошла совсем близко.

Двадцать второго декабря, когда они миновали город Эйвон, Стью съехал с насыпи автострады. Их скорость составляла десять миль в час, они радовались жизни, снегоход взрывал клубы снега. Том только что показал на маленький городок внизу, безмолвный, как стереоскопическая картинка восьмидесятых, с белым шпилем церкви и нетронутым снегом на крышах. А буквально в следующий момент обтекатель начал заваливаться вперед.

— Какого хре... — начал Стью, но договорить уже не успел.

Снегоход еще сильнее наклонился вперед. Стью попытался дать задний ход, однако было слишком поздно. Возникло особое ощущение невесомости, какое испытываешь, когда прыгаешь с трамплина в воду. Их выбросило с сидений, и они полетели вверх тормашками. Стью потерял из виду и Тома, и Коджака. Холодный снег забил нос. Когда он открыл рот, чтобы закричать, снег полез в горло, за шиворот куртки. Он катился по склону. Наконец остановился, влетев в большой сугроб.

Выбирался на поверхность, как пловец, в горле пылал огонь. Он обжег его снегом.

— Том! — закричал Стью, прокладывая в снегу глубокую колею.

Как ни странно, с такого угла он ясно видел и насыпь автострады, и то место, в котором они с нее слетели, вызвав маленькую лавину. Задняя часть снегохода торчала из снега в пятидесяти футах ниже по крутому склону, напоминая оранжевый буй. Удивительно, что все время возникали водяные ассоциации... и, к слову, не тонул ли Том?

— Том! *Томми!*

Из снега вынырнул Коджак, выглядевший так, будто его от носа до кончика хвоста обсыпали сахарной пудрой, и принялся прокладывать путь к Стью.

— Коджак! — закричал Стью. — Найди Тома! *Найди Тома!*

Коджак гавкнул и двинулся в другую сторону, к развороченному пятну на гладкой белой поверхности. Снова гавкнул. Отчаянно пробираясь вперед, падая, вновь глотая снег, Стью добрался до того места и принялся ощупывать снег. Одна рука наткнулась на куртку Тома, и Стью потащил ее на себя. Том появился из снега, жадно хватая ртом воздух и кашляя, а потом они оба повалились на спину. Том кричал и никак не мог отдышаться.

— Мое горло! Оно горит! Ох, родные мои, оно горит!

— Это от холодного снега, Том. Пройдет...

— Я задыхался...

— Теперь все хорошо, Том. Ты оклемаешься.

Они полежали на снегу некоторое время, переводя дух. Стью обнял Тома за плечи, чтобы поскорее успокоить здоровяка. Где-то вдали, сначала набирая громкость, а потом затихая, со склона сошла очередная лавина.

Остаток дня ушел на то, чтобы преодолеть три четверти мили между тем местом, где они слетели с автострады, и Эйвоном. О спасении снегохода и всех припасов не могло быть и речи: он находился слишком далеко по склону. Ему предстояло остаться там до весны, а может, и навсегда.

В город они попали примерно через полчаса после наступления темноты, замерзшие и вымотанные донельзя. Сил хватило только на то, чтобы развести огонь в камине и хотя бы чуть-чуть прогреть комнату, в которой они собрались ночевать. В ту ночь им ничего не снилось — только чернота предельной усталости.

Утром они отправились на поиски снаряжения. По сравнению с Гранд-Джанкшеном в крошечном Эйвоне пришлось столкнуться с немалыми трудностями. Стью вновь подумал о том, а не перезимовать ли им здесь. Если бы он сказал Тому, что так надо, Том бы не усомнился, и они только вчера получили наглядный урок того, что случается с людьми, которые слишком искушают судьбу. Но в итоге он отказался от этой идеи. Фрэнни должна была родить в начале января. Он хотел к этому времени добраться до Боулдера. Он хотел собственными глазами увидеть, что все в порядке.

В конце короткой Главной улицы Эйвона они нашли салон сельскохозяйственной техники компании «Джон Дир», а в гараже за выставочным залом — два подержанных снегохода производства этой компании. Они не могли сравниться с машиной до-

рожного департамента, на которой Стью съехал с дороги, но на одном стояли сверхширокие гусеницы, и Стью подумал, что он им подойдет. Сублимированных концентратов они не нашли, так что пришлось ограничиться консервами. Вторую половину дня они ходили по домам в поисках походного снаряжения, и это занятие не доставило им никакого удовольствия. Везде лежали жертвы эпидемии, превратившиеся в ледяные статуи на различной стадии разложения.

Уже в конце дня они обнаружили практически все, что им требовалось, в большом пансионе рядом с Главной улицей. До эпидемии в нем, вероятно, жили молодые люди, которые приезжали в Колорадо, чтобы делать все то, о чем пел Джон Денвер. Том даже отыскал в каком-то темном углу зеленый полиэтиленовый пакет, наполненный очень качественной версией «Высоких Скалистых гор».

— Что это? Это табак, Стью?

Стью улыбнулся:

— Да, некоторые люди так думают. Это марихуана, Том. Положи туда, где взял.

Они заправили снегоход, загрузили консервы, привязали новые спальные мешки и палатки. К тому времени на небе высыпали первые звезды, и они решили провести в Эйвоне еще одну ночь.

Когда они медленно возвращались к дому, где расположились, Стью вдруг как громом поразило: завтра же сочельник. Казалось невозможным поверить, что время вдруг понеслось так быстро, но доказательство смотрело на него с циферблата наручных часов. Прошло более трех недель с того дня, как они покинули Гранд-Джанкшен.

Когда они добрались до дома, Стью повернулся к Тому:

— Вы с Коджаком идите в дом и разводите огонь, а у меня есть маленькое дельце.

— Какое, Стью?

— Знаешь, это сюрприз.

— Сюрприз? Я о нем узнаю?

— Да.

— Когда? — Глаза Тома сверкнули.

— Через пару дней.

— Том Каллен не может ждать сюрприза пару дней, само собой, никогда.

— Тому Каллену придется, — с улыбкой ответил Стью. — Я вернусь через час. А ты иди в дом.

— Ну... хорошо.

Стью потребовалось более полутора часов, чтобы отыскать нужные ему вещи. Потом Том два или три часа приставал к нему насчет сюрприза, но затем забыл о нем.

Когда они уже лежали в темноте, Стью спросил:

— Готов спорить, ты бы хотел, чтобы мы остались в Гранд-Джанкшене, а?

— Само собой, никогда, — сонно ответил Том. — Я хочу как можно быстрее вернуться в мой маленький дом. Я только надеюсь, что больше мы не съедем с дороги и не упадем в снег. Том Каллен чуть не задохнулся.

— Мы будем ехать медленнее и более внимательно смотреть на дорогу, — пообещал Стью, не упомянув про то, что может случиться с ними, если они вновь съедут с шоссе, а поблизости не окажется никакого жилья.

— Когда, по-твоему, мы доберемся туда?

— На это еще уйдет время, старина. Но мы доберемся. И я думаю, что сейчас нам лучше поспать, правда?

— Пожалуй.

В ту ночь ему приснилось, что и Фрэнни, и ее ужасный ребенок-волк умерли при родах. Он услышал донесшиеся издалека слова Джорджа Ричардсона: *Это грипп. Из-за гриппа больше детей не будет. Из-за гриппа беременность означает смерть. Курица в каждой кастрюле и волк в каждом чреве. Из-за гриппа. Нам конец. Человечеству конец. Из-за гриппа.*

И откуда-то, гораздо ближе, донесся звучащий все громче, воющий смех темного человека.

На Рождество начался очень удачный для них период, который продлился почти до Нового года. От низких температур снег покрылся твердой коркой. Ветер формировал на ней дюны из ледяных кристалликов, которые снегоход фирмы «Джон Дир» преодолевал без труда. Они ехали в темных очках, чтобы избежать снежной слепоты.

В канун Рождества они разбили лагерь в двадцати четырех милях к востоку от Эйвона, неподалеку от Силверторна. Они уже въехали в горловину перевала Лавленд, а забитый автомобилями и погребенный под снегом тоннель Эйзенхауэра находился далеко внизу и к востоку от них. И пока они разогревали обед, Стью обнаружил нечто удивительное. Пробив ледяную корку топором и зачерпнув находящийся под ней снег, он наткнулся на металл на глубине менее фута. Уже собрался позвать Тома, чтобы показать ему свою находку, но в последний момент передумал. Мысль о том, что они сидят в каком-то футе над транспортной пробкой, в каком-то футе над множеством тел, спокойствия не добавляла.

Проснувшись без четверти семь утра двадцать пятого декабря, Том с удивлением обнаружил, что Стью уже встал и готовит завтрак, что выглядело более чем странно. Обычно Том всегда поднимался первым. На газовой плитке стояла кастрюля с овощным супом «Кэмпбелл», который уже закипал. Коджак не отрывал от кастрюли глаз.

— Доброе утро, Стью. — Том застегнул куртку и вылез из спального мешка и палатки. Ему очень хотелось отлить.

— Доброе утро, — небрежно ответил Стью. — И счастливого Рождества.

— Рождества? — Том уставился на него, тут же забыв о насущном желании облегчиться. — *Рождества?* — повторил он.

— С рождественским утром. — Стью ткнул большим пальцем куда-то влево. — Я старался.

В ледяном насте торчала двухфутовая макушка ели, украшенная посеребренными сосульками из «Центовки» Эйвона.

— Елка! — в восторге прошептал Том. — И подарки! Это подарки, Стью, правда?

На снегу под елкой лежали три свертка. Все в одинаковой синей бумаге с серебряными свадебными колокольчиками: рождественской бумаги в «Центовке» не нашлось, даже в кладовой.

— Это подарки, именно так, — кивнул Стью. — Для тебя. Как я понимаю, от Санта-Клауса.

Том негодующе посмотрел на Стью:

— Том Каллен знает, что никакого Санта-Клауса нет, само собой, никогда! Они от тебя! — Его лицо опечалилось. — А я не подумал о подарке для тебя. Я забыл... Я не знал, что это Рождест-

во... Я глупый! Глупый! — Он сжал пальцы в кулак и ударил себя по лбу, чуть не плача.

Стью присел рядом с ним.

— Том, ты сделал мне рождественский подарок раньше.

— Нет, сэр, никогда. Я забыл. Том Каллен — тупица. *Тупица!*

— Но ты сделал. Самый лучший подарок. Я все еще жив. Если бы не ты, я бы умер.

Том недоверчиво посмотрел на него.

— Если бы не ты, я бы так и умер к западу от Грин-Ривера. Если бы не ты, Том, я бы умер от воспаления легких, или от гриппа, или от чего-то еще в отеле «Юта». Я не знаю, как ты сумел отыскать нужные таблетки... с помощью Ника, Бога или просто удачи... но ты это сделал. Ты не имеешь никакого права называть себя тупицей. Если бы не ты, я бы не увидел этого Рождества. Я у тебя в долгу.

— Нет, это не одно и то же, — ответил Том, но просиял от удовольствия.

— Это одно и то же, — очень серьезно возразил Стью.

— Что ж...

— Давай открывай подарки. Посмотри, что он тебе принес. Я слышал, как глубокой ночью он подъехал на санях. Наверное, грипп не добрался до Северного полюса.

— Ты слышал? — Том пристально всматривался в Стью, чтобы убедиться, что тот над ним не подшучивает.

— Что-то слышал.

Том взял первый подарок, осторожно развернул. Маленький автомат для игры в пинбол в плексигласовом корпусе, новая игрушка, получить которую на прошлое Рождество мечтали все дети, с уже вставленными батарейками. У Тома сразу зажглись глаза.

— Включи, — предложил Стью.

— Нет, я хочу увидеть, что еще мне подарили.

Ему подарили свитер с изображением усталого лыжника, который отдыхал, опершись на палки.

— Здесь написано: «Я ПОКОРИЛ ПЕРЕВАЛ ЛАВЛЕНД», — сказал Стью. — Мы к этому только идем, но, думаю, справимся.

Том тут же скинул куртку, надел свитер, потом вернул куртку на место.

— Здорово! Здорово, Стью!

Третьим подарком оказалась простенькая серебряная подвеска на серебряной цепочке. Том решил, что это цифра восемь, лежащая на боку. Он в недоумении уставился на подвеску.

— Что это, Стью?

— Это греческий символ. Я помню его с давних пор, по медицинскому телесериалу «Бен Кейси». Он означает бесконечность, Том. На веки вечные. — Стью наклонился к Тому, сжал руку, которая держала подвеску. — Я думаю, мы сумеем добраться до Боулдера, Томми. Я думаю, с самого начала предполагалось, что мы туда доберемся. Если не возражаешь, я хочу, чтобы ты носил эту подвеску. И если тебе что-то потребуется и ты задашься вопросом, а к кому за этим обратиться, просто посмотри на нее и вспомни Стью Редмана. Договорились?

— Бесконечность. — Том вертел подвеску в руке. — На веки вечные.

Затем надел ее.

— Я это запомню, — сказал он. — Том Каллен будет это помнить.

— Черт! Чуть не забыл! — Стью нырнул в свою палатку и вернулся с еще одним свертком. — Счастливого Рождества, Коджак! Только я уж сам разверну.

Он снял оберточную бумагу и достал коробку собачьих сухарей «Хартц маунтин». Бросил пригоршню на снег, и Коджак быстренько их подобрал, после чего вернулся к Стью, с надеждой виляя хвостом.

— Остальное позже. — Стью убрал коробку. — Всегда помни о манерах, как говаривал старый, лысый... — Его голос вдруг осип, слезы обожгли глаза. Он затосковал по Глену, затосковал по Ларри, затосковал по Ральфу с его шляпой набекрень. Внезапно затосковал по ним всем, тем, кто ушел, затосковал ужасно. Матушка Абагейл сказала, что, прежде чем все закончится, прольется много крови, и не ошиблась. В сердце Стью Редман одновременно проклинал и боготворил ее.

— Стью! Ты в порядке?

— Да, Томми, все отлично. — Он крепко обнял Тома, и тот ответил тем же. — Счастливого Рождества, старина!

— Могу я спеть песню перед тем, как мы уедем? — нерешительно спросил Том.

— Конечно, если тебе хочется.

Стью ожидал «Звените, колокольчики» или «Веселого снеговика», не в такт и немелодичным детским голосом. Но Том на удивление приятным баритоном спел несколько строк «Первого рождественского гимна».

— Христос родился! — Его голос поплыл над белыми просторами, отражаясь от горных склонов. — Ангелы весть принесли... тем бедным пастухам, что в поле скот пасли... Что в поле скот пасли, укрывшись от снегов...

Когда дело дошло до припева, Стью присоединился к Тому, пусть его голос был не так хорош, и древний гимн далеко разносился в кафедральной тишине рождественского утра:

— Рождество, Рождество, Рождество, Рождество... Христос родился в Израиле!..

— Это все, что я помню, — чуть виновато признался Том, когда стихло эхо их голосов.

— Прекрасная песня. — Стью почувствовал, что слезы опять жгут глаза. Еще немного, и он бы заплакал, а Тома это расстроило бы. Поэтому он сдержался. — Нам пора ехать. День уходит.

— Конечно. — Том посмотрел на Стью, который сворачивал свою палатку. — Это лучшее Рождество в моей жизни, Стью.

— Я рад, Томми.

Вскоре они уже снялись с места и продвигались на восток и вверх под ярким и холодным рождественским солнцем.

В тот вечер они встали лагерем почти у самой верхней точки перевала Лавленд, на высоте двенадцать тысяч футов над уровнем моря. Спали в одной палатке, а температура воздуха упала до двадцати градусов ниже нуля*. Без устали дул ветер, холодный, как лезвие кухонного ножа, на землю падали резкие тени скал, звезды казались такими большими и близкими, что не составляло труда до них дотянуться, и где-то выли волки. Лежащий внизу мир напоминал огромную гробницу, что на западе, что на востоке.

На следующий день, еще до рассвета, Коджак разбудил их громким лаем. Стью подкрался к выходу из палатки с винтовкой в руках. И впервые увидел волков. Они подошли вплотную, сидели вокруг лагеря, не выли — только смотрели. Их глаза поблескивали зеленым. Все они, казалось, безжалостно ухмылялись.

---

* По Фаренгейту; примерно –28,9°С.

Стью выстрелил шесть раз, практически не целясь. Волки разбежались. Один высоко подпрыгнул и рухнул. Коджак подбежал к нему, обнюхал, поднял лапу и помочился.

— Волки по-прежнему его, — пробормотал Том. — И всегда будут его.

Он пребывал в каком-то полусне. Веки не желали подниматься, глазные яблоки двигались медленно. Стью вдруг осознал, что происходит: Том впал в транс.

— Том... он мертв? Ты знаешь?

— Он никогда не умрет, — ответил Том. — Он в волках, родные мои, да. В воронах. Он — тень совы в полночь и скорпиона ясным днем. Он спит головой вниз вместе с летучими мышами. Он слеп, как они.

— Он вернется? — с ужасом спросил Стью, почувствовав, как внутри все похолодело.

Том не ответил.

— Томми...

— Том спит. Он ушел смотреть на слона.

— Том, ты можешь увидеть Боулдер?

Далеко-далеко белая полоска зари поднималась по небу, разорванная безжизненными горными пиками.

— Да. Они ждут. Ждут известий. Ждут весны. В Боулдере все спокойно.

— Ты можешь увидеть Фрэнни?

Том просиял.

— Фрэнни, да. Она толстая. *Думаю, она собирается рожать.* Она переехала к Люси Суонн. Люси тоже ждет ребенка. Но Фрэнни родит первой. Да только... — Лицо Тома потемнело.

— Том? Что — только?

— Ребенок...

— *Что с ребенком?*

Том в недоумении осмотрелся.

— Мы стреляли в волков, да? Я заснул, Стью?

Стью выдавил улыбку.

— Ненадолго, Том.

— Мне приснился слон. Смешно, правда?

— Да.

Что с ребенком? Что с Фрэн?

Он начал подозревать, что они не успеют вовремя добраться до Боулдера: то, что видел Том, произойдет до их возвращения.

Хорошая погода закончилась за три дня до Нового года, и они остановились в Киттридже. До Боулдера оставалось так недалеко, что теперь любая задержка вызывала горькое разочарование. Даже Коджак нервничал и не находил себе места.

— Скоро пойдем дальше? — с надеждой спросил Том.

— Не знаю, — ответил Стью. — Хочется верить, что скоро. Нам бы еще два дня хорошей погоды, я уверен, больше и не нужно. Черт! — Он вздохнул, потом пожал плечами. — Что ж, может, только посыплет и перестанет.

Но буран выдался самым сильным за всю зиму. Снег валил пять дней, и местами высота сугробов достигла двенадцати, а то и четырнадцати футов. Когда второго января они сумели выбраться на поверхность и увидели солнце, плоское и маленькое, как тусклая медная монета, все ориентиры исчезли. Большую часть крошечного делового района города не просто засыпало, а похоронило под толстым слоем снега. Ветер придавал сугробам, поднимающимся над белизной, причудливые формы. Они будто попали на другую планету.

Они двинулись дальше, но с гораздо меньшей скоростью. Поиск дороги из относительного пустяка превратился в серьезную проблему. Кроме того, снегоход часто застревал, и им приходилось его откапывать. А на второй день тысяча девятьсот девяносто первого года до их ушей начал доноситься рокот лавин.

Четвертого января они подошли к тому месту, где федеральное шоссе 6 отходило от автострады, беря курс на Голден, и, пусть они этого не знали — ни снов, ни предчувствий, — в этот день у Фрэнни Голдсмит начались схватки.

— Отлично! — вырвалось у Стью, когда они остановились у поворота. — Больше дорогу искать не нужно. Ее прорубили в скалах. Нам чертовски повезло, что мы не проскочили мимо.

Зато появилась новая проблема — тоннели. Чтобы добраться до входа, им приходилось или отбрасывать свежий снег, или вгрызаться в ранее сошедший слежавшийся. В самом тоннеле снегоход ревел и шлепал по асфальту.

Хуже того, тоннели пугали — Ларри и Мусорный Бак могли бы много чего рассказать об этом. Там было темно, как в шахте, если не считать конуса света, вырывающегося из фары снегохода, потому что с обоих торцов тоннели завалило снегом. Возникало ощущение, что ты находишься в темном холодильнике. Медленное продвижение по тоннелю заканчивалось тем, что приходилось прилагать титанические усилия и инженерную смекалку, чтобы выбраться из него. И Стью все время боялся, что в конце концов они попадут в тоннель, миновать который не смогут, как бы ни старались, передвигая застывшие автомобили и освобождая дорогу снегоходу. Если бы такое произошло, им пришлось бы разворачиваться и возвращаться на автостраду. То есть они потеряли бы не меньше недели. О том, чтобы оставить снегоход, не могло быть и речи: сделав это, они обрекли бы себя на растянутое во времени самоубийство.

А Боулдер находился уже совсем близко.

Седьмого января, примерно через два часа после того, как они прорыли себе путь из очередного тоннеля, Том поднялся и указал вперед:

— Что это, Стью?

Стью устал и пребывал в скверном настроении. Снов он больше не видел, но, так уж вышло, это пугало его еще сильнее.

— Не вставай на ходу, Том, сколько раз я должен тебе это говорить? Ты свалишься, уйдешь головой в снег и...

— Да, но что это? Похоже на мост. Мы должны пересечь реку, Стью?

Стью посмотрел, увидел, снизил обороты двигателя, потом заглушил его.

— Что это? — озабоченно повторил Том.

— Эстакада, — пробормотал Стью. — Я... я просто не верю...

— Эстакада? Эстакада?

Стью повернулся и сгреб Тома за плечи.

— Это эстакада Голдена, Том. Впереди сто девятнадцатое, шоссе сто девятнадцать! Дорога на Боулдер! Мы всего в двадцати милях от города! Может, и ближе!

Том наконец-то понял и раскрыл рот. Он выглядел так комично, что Стью рассмеялся и хлопнул Тома по спине. Даже ноющая боль в ноге теперь совершенно его не беспокоила.

— Мы почти дома, Стью?

— *Да, да, да-а-а-а-а!*

Тут они схватили друг друга за руки и принялись неуклюже танцевать, поднимая фонтаны белой пыли, падая и поднимаясь, засыпанные снегом. Коджак какое-то время изумленно смотрел на них, а потом начал прыгать рядом, радостно лая и виляя хвостом.

На ночлег они остановились в Голдене и уже рано утром двинулись по шоссе 119 к Боулдеру. Предыдущую ночь спали плохо. Никогда еще Стью не испытывал такого нетерпения... смешанного с нарастающей тревогой за Фрэнни и ребенка.

Где-то в час пополудни двигатель снегохода начал чихать и кашлять. Стью заглушил его и взял канистру с бензином, закрепленную на борту маленькой кабины Коджака.

— Господи! — вырвалось у него, когда он ощутил ее легкость.

— Что случилось, Стью?

— Это все я! Я виноват! Я знал, что эта трехнутая канистра пуста, и забыл наполнить ее. От волнения, наверное. Ну не глупость ли?

— У нас нет бензина?

Стью отбросил пустую канистру.

— Это точно. Как я мог так сглупить?

— Наверное, все время думал о Фрэнни. И что нам теперь делать, Стью?

— Пойдем пешком или постараемся пойти. Ты возьми свой спальник. Консервы разделим, положим в спальники. Палатки оставим здесь. Извини, Том. Моя вина.

— Все нормально, Стью. А палатки?

— Пожалуй, лучше оставить их здесь, старина.

В тот день они до Боулдера не добрались. Остановились с наступлением сумерек, уставшие донельзя. Снег казался таким легким и пушистым, но брели они по нему со скоростью черепахи, буквально ползли. Костер разводить не стали. Дров под рукой не нашлось, а идти за ними не было сил. Их окружали высокие снежные дюны. И даже когда совсем стемнело, они не увидели зарева на северном горизонте, хотя Стью то и дело озабоченно туда поглядывал.

Ужин они съели холодным. Том залез в спальник и тут же заснул, даже не пожелав Стью спокойной ночи. Стью тоже устал, и у него ужасно болела нога. *Хорошо хоть, что она меня еще держит,* подумал он.

И пообещал себе, что к завтрашнему вечеру они обязательно доберутся до Боулдера и следующую ночь проведут уже в настоящих постелях.

Тревожная мысль пришла к нему, когда он заползал в спальник. Вдруг они придут в Боулдер и найдут его опустевшим, таким же, как Гранд-Джанкшен, и Эйвон, и Киттридж? Пустые дома, пустые магазины, крыши, провалившиеся под тяжестью снега, улицы в сугробах. Ни единого звука, кроме капели при оттепелях: он где-то прочитал, что в разгар зимы температура воздуха в Боулдере иной раз поднималась до семидесяти градусов*. Но все ушли, как уходят люди из сна, когда ты просыпаешься. Потому что во всем мире остались только Стью Редман и Том Каллен.

Безумная, конечно, мысль, однако Стью никак не мог отделаться от нее. Вылез из спального мешка и вновь посмотрел на север, в надежде на слабое свечение на горизонте, которое можно видеть недалеко от города, где живут люди. Конечно же, он *должен* что-то видеть. Стью попытался вспомнить предположение Глена относительно того, сколько людей будет жить в Боулдере к тому времени, когда снег перекроет дороги. Но память упорно буксовала. Восемь тысяч? Не больше? Восемь тысяч — не так уж и густо. Они много света не нажгут, даже при восстановленной подаче электричества. Может...

Может, лучше поспать и не тревожиться понапрасну? Завтра все прояснится.

Он забрался в спальник, поворочался несколько минут, а потом усталость взяла свое. Он спал. Ему снилось, что он в Боулдере, в летнем Боулдере, где лужайки все желтые, высохшие от жары без полива. И тишину нарушает только скрип петель открытой двери, которую раскачивает легкий ветерок. Все ушли. Даже Том ушел.

Фрэнни! — позвал он, но ответил ему только ветер и скрип двери, раскачивающейся взад-вперед.

---

* По Фаренгейту; примерно 21,1°С.

* * *

К двум пополудни следующего дня они преодолели еще несколько миль. Тропу пробивали по очереди. Стью уже начал склоняться к мысли, что им придется провести в пути еще один день. Тормозил их он. Сломанная нога отказывалась служить ему, боль нарастала с каждым шагом. *Скоро мне придется ползти,* думал Стью. Дорогу преимущественно прокладывал Том.

Когда они остановились, чтобы перекусить холодными консервами — о костре речь не шла, — Стью вдруг подумал, что так и не увидел Фрэнни с большим животом. *Может, еще есть шанс.* Но он в этом сомневался. Крепла убежденность в том, что все произошло без него... к лучшему или к худшему.

Теперь же, через час после ленча, он с головой ушел в свои мысли и чуть не наткнулся на Тома, который вдруг остановился.

— В чем дело? — спросил он, потирая больную ногу.

— Дорога, — ответил Том, и Стью торопливо обошел его, чтобы посмотреть.

Заговорил он только после долгой, изумленной паузы:

— Я бы просто свалился вниз.

Они стояли на снежном обрыве, высотой почти девять футов. Смерзшаяся корка круто уходила к расчищенному асфальту. Справа от дороги стоял щит-указатель с надписью: «АДМИНИСТРАТИВНАЯ ГРАНИЦА БОУЛДЕРА».

Стью захохотал. Уселся в снег и смеялся, не обращая внимания на недоумевающий взгляд Тома. Наконец объяснил:

— Они расчищают дороги. Понимаешь? Мы сумели вернуться, Том! Мы сумели вернуться! Коджак! Иди сюда!

Он бросил на снег последние собачьи сухари, и Коджак ел их, пока Стью курил, а Том смотрел на дорогу, которая разрезала нетронутую снежную целину, как мираж лунатика.

— Мы снова в Боулдере, — пробормотал Том. — Мы действительно в Боулдере. Родные мои.

Стью хлопнул его по плечу и отбросил окурок.

— Пошли, Томми. Пора нам наконец попасть домой.

Около четырех вновь пошел снег. К шести вечера стемнело, и черный асфальт под ногами стал призрачно белым. Стью сильно хромал и пошатывался. Один раз Том спросил, не хочет ли тот отдохнуть, но он лишь покачал головой.

К восьми снег заметно усилился. Раз или два они теряли направление и утыкались в сугробы по обочинам дороги, прежде чем понимали, куда надо идти. Покрытый снегом асфальт стал скользким. Том падал дважды, а потом, где-то в четверть девятого, Стью упал на больную ногу. Ему пришлось сцепить зубы, чтобы подавить стон. Том поспешил на помощь.

— Я в порядке. — Стью удалось подняться.

Двадцать минут спустя из темноты донесся нервный молодой голос, заставивший их замереть:

— К-кто и-идет?

Коджак начал рычать, его шерсть встала дыбом. Том ахнул. И тут Стью едва различил в вое ветра звук, который вселил в него ужас: передергивание затвора винтовки.

Часовые. Они поставили часовых. Это ж надо, пройти весь путь, чтобы получить пулю от часового рядом с торговым центром «Столовая гора». Обхохочешься. Эту шутку оценил бы даже Рэндалл Флэгг.

— Стью Редман! — крикнул он в темноту. — Здесь Стью Редман. — Он сглотнул и услышал, как что-то щелкнуло в горле. — Кто говорит?

Глупец. Наверняка ты не знаешь этого человека...

Но голос, доносящийся из-за снежной пелены, казался знакомым.

— Стью? Стью *Редман*?

— Со мной Том Каллен... ради Бога, не подстрелите нас!

— Это уловка? — Голос, похоже, спорил сам с собой.

— Никакой уловки! Том, скажи что-нибудь!

— Всем привет! — тут же откликнулся Том.

Последовала пауза. Ветер выл и визжал. Потом часовой (да, Стью точно знал этот голос) сказал:

— В старой квартире Стью на стене висела картина. Какая?

Стью принялся лихорадочно рыться в памяти. Звук передергиваемого затвора определенно мешал сосредоточиться. Он подумал: *Господи, я стою под валящим снегом и пытаюсь вспомнить, какая картина висела у меня в квартире — в старой квартире, сказал он, то есть Фрэн, должно быть, действительно переехала к Люси. Люси еще смеялась над этой картиной, говорила, что Джон Уэйн подстрелит этих индейцев, как только ты отвернешься...*

— Фредерика Ремингтона! — прокричал он во всю мощь легких. — Она называлась «Тропа войны»!

— Стью! — воскликнул часовой. Черная тень материализовалась из снега, поскальзываясь на каждом шаге, побежала к ним. — Я просто не могу поверить!..

Он оказался перед ними, и Стью увидел, что это Билли Джеринджер, который прошлым летом доставил им столько хлопот из-за пристрастия к быстрой езде.

— Стью! Том! И, клянусь Иисусом, Коджак! Где Бейтман и Ларри? Где Ральф?

Стью медленно покачал головой:

— Не знаю. Нам надо уйти с холода, Билли. Мы замерзаем.

— Конечно, супермаркет совсем рядом. Я позвоню Норму Келлогу... Гарри Данбартону... Дику Эллису... черт, я разбужу весь город! Это здорово! Я просто не могу поверить!

— Билли...

Билли вновь повернулся к ним, и Стью, хромая, направился к нему.

— Билли, Фрэн собиралась рожать...

Билли замер. Потом прошептал:

— Черт, я совсем об этом забыл.

— Она родила?

— Джордж. Джордж Ричардсон может сказать тебе, Стью. Или Дэн Латроп. Он наш новый врач, появился примерно через четыре недели после вашего ухода, раньше лечил уши, горло и нос, но он...

Стью тряхнул Билли, оборвав его лепетание.

— Что-то не так? — спросил Том. — Что-то не так с Фрэнни?

— Скажи мне, Билли! — взмолился Стью. — Пожалуйста!

— С Фрэн все хорошо, — ответил Билли. — Она поправляется.

— Ты это слышал?

— Нет, я видел ее. Мы с Тони Донахью заходили к ней, принесли цветы из теплицы. Теплица — это проект Тони, он там много чего выращивает, не только цветы. Она все еще в больнице только потому, что ей пришлось делать... как это называется... римские роды...

— Кесарево сечение?

— Да, именно, потому что ребенок лежал неправильно. Но никаких проблем не возникло. Мы виделись с ней через три дня

после рождения ребенка, седьмого января, два дня тому назад. Мы принесли ей розы. Решили, что они ее подбодрят.

— Ребенок умер? — мрачно спросил Стью.

— Нет, — ответил Билли, а после паузы с неохотой добавил: — Пока нет.

Стью внезапно почувствовал, что его уносит в пустоту. Услышал смех... и волчий вой...

Билли же говорил и говорил:

— У него грипп. «Капитан Торч». Это конец для всех нас, вот что говорят люди. Фрэнни родила четвертого января, мальчика, шесть фунтов девять унций, и поначалу все шло хорошо, и, наверное, в Зоне напились все, Дик Эллис сказал, что это был День победы в Европе и День победы над Японией одновременно. А потом, шестого, он... заболел. Вот так. — Тут у Билли сел голос. — Он заболел, черт, это не самая радостная новость для человека, вернувшегося домой, мне очень жаль, Стью...

Стью нащупал плечо Билли, притянул его ближе.

— Поначалу все говорили, что он поправится, может, это обычный грипп... или бронхит... или даже круп... но врачи, они сказали, что новорожденные почти никогда этим не болеют. Это как природный иммунитет, потому что они такие маленькие. И оба, и Джордж, и Дэн... в прошлом году навидались больных «супергриппом».

— А значит, ошибку они допустить не могли, — закончил за него Стью.

— Да, — прошептал Билли. — Ты все понял правильно.

— Вот беда, — пробормотал Стью. Отпустил плечо Билли и вновь захромал по дороге.

— Стью, куда ты идешь?

— В больницу, — ответил Стью. — Повидаться с моей женщиной.

Глава 76

Фрэн лежала без сна с включенной настольной лампой. Яркий свет падал на левую часть чистой белой простыни. Центр светового пятна занимал нераскрытый роман Агаты Кристи, лежащий лицом вниз. Фрэн еще бодрствовала, но медленно впадала в

сон, пребывала в том состоянии, когда воспоминания становятся невероятно ясными, чтобы вскоре трансформироваться в сны. Она собиралась хоронить отца. Остальное значения не имело, но чтобы сделать это, ей предстояло оправиться от потрясения, вызванного его смертью. Акт любви. Покончив с этим, она отрезала бы себе кусок клубнично-ревеневого пирога. Большой, сочный и очень-очень горький.

Полчаса тому назад заходила Марси, чтобы справиться о ее самочувствии, и Фрэн спросила: «Питер еще не умер?» Когда задавала вопрос, два времени до такой степени слились друг с другом, что она сама не могла в точности сказать, о ком спрашивала — о Питере-младенце или о Питере-дедушке, давно усопшем.

«Ш-ш-ш, он прекрасно себя чувствует», — ответила Марси, но в ее глазах Фрэнни прочитала более правдивый ответ. Ребенок, которого она зачала с Джессом Райдером, умирал где-то за четырьмя стеклянными стенами. Возможно, ребенку Люси повезет больше: оба родителя обладали врожденным иммунитетом к «Капитану Торчу». Зона поставила крест на ее Питере и возлагала коллективные надежды на тех женщин, которые забеременели после первого июля прошлого года. Жестоко, конечно, но объяснимо. Разум Фрэнни плавно перетек на новый уровень, приблизившись к границе сна, следуя дорогами прошлого и лабиринтами сердца. Она думала о гостиной матери, где царила эпоха консервации. Она думала о глазах Стью, о первом взгляде на своего ребенка, Питера Голдсмита-Редмана. Она грезила, что Стью сейчас с ней, в ее палате.

— Фрэн...

Все вышло не так, как хотелось. Все надежды пошли прахом, оказались такими же ненастоящими, как говорящие и двигающиеся животные в «Дисней уорлде», просто пригоршня пружинок и шестеренок, обман, ложная заря, ложная беременность, ло...

— Эй, Фрэнни!

В своем сне она видела, что Стью вернулся. Стоял в дверях ее палаты, одетый в огромную меховую куртку с капюшоном. Еще один обман. Но она видела, что Стью из сна отрастил бороду. Ну не смех ли?

Фрэнни уже начала сомневаться, а сон ли это, когда *увидела* Тома Каллена, стоящего за спиной Стью, и... уж не *Коджак ли* сидит у его ноги?

Ее рука метнулась к щеке и ущипнула так яростно, что заслезился левый глаз. Ничего не изменилось.

— Стью? — прошептала она. — Господи, это Стью?

Его лицо загорело дочерна, не считая той части вокруг глаз, которую, вероятно, закрывали очки. Такую подробность во сне не уловить...

Она вновь ущипнула себя.

— Это я. — Стью вошел в палату. — Перестань мучить себя, милая. — Он так сильно хромал, что едва не падал. — Фрэнни, я дома.

— Стью! — вскричала она. — *Ты настоящий?* Если ты настоящий, подойди сюда!

Он подошел и обнял ее.

Глава 77

Стью сидел на стуле у кровати Фрэн, когда вошли Джордж Ричардсон и Дэн Латроп. Фрэн тут же схватила его руку и крепко, чуть ли не до боли, сжала. Лицо ее напряглось, и на мгновение Стью увидел, какой она будет в старости: совсем как матушка Абагейл.

— Стью! — воскликнул Джордж. — Мне сказали о твоем возвращении. Это просто чудо. У меня нет слов. Я так рад видеть тебя. Мы все рады.

Джордж пожал ему руку и представил Дэна Латропа.

— Мы слышали о взрыве в Лас-Вегасе, — сказал Дэн. — Вы действительно его видели?

— Да.

— Здесь люди думают, что это был атомный взрыв. Это правда?

— Да. — Джордж кивнул, а потом решил сменить тему и повернулся к Фрэн: — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Рада, что мой мужчина вернулся. Как ребенок?

— По этому поводу мы и пришли, — ответил Латроп.

Фрэн кивнула.

— Он умер?

Джордж и Дэн переглянулись.

— Фрэнни, — начал Джордж, — я хочу, чтобы ты выслушала меня очень внимательно и правильно поняла все, что я скажу...

— Если он умер, так и скажи! — Она едва сдерживала истерику.

— Фрэн!.. — попытался вразумить ее Стью.

— Питер, похоже, выздоравливает, — вставил Дэн Латроп.

На мгновение в палате воцарилась полная тишина. Фрэн — белый овал лица в обрамлении темно-каштановых волос, рассыпанных по подушке, — смотрела на Дэна так, будто тот начал нести какую-то несусветную чушь. Кто-то — Лори Констебл или Марси Спрюс — заглянул в палату и пошел дальше. Эти мгновения Стью запомнил навсегда.

— Что? — наконец прошептала Фрэн.

— Пока радоваться рано, — предупредил ее Джордж.

— Но вы сказали... выздоравливает. — На ее лице отражалось полнейшее изумление. До этого момента она сама не понимала, насколько смирилась со смертью сына.

— Мы с Дэном видели тысячи больных во время эпидемии, Фрэн... обрати внимание, я не говорю «лечили», потому что не думаю, что кому-то из нас удалось хоть в малой степени помочь нашим пациентам. Это справедливое утверждение, Дэн?

— Да.

На лбу Фрэн появилась морщинка «я-хочу», которую Стью заметил в первые часы после их знакомства в Нью-Хэмпшире.

— Ради Бога, ты можешь говорить по делу?

— Я пытаюсь, но я не должен вселять ложных надежд и не собираюсь этого делать, — ответил Джордж. — Мы говорим о твоем сыне, и я не разрешу тебе давить на меня. Я хочу, чтобы ты поняла ход наших мыслей. Теперь мы склоняемся к тому, что «Капитан Торч» — грипп с переменным антигеном. Каждый вид гриппа — старого гриппа — обладал своим антигеном. По этой причине он обязательно возвращался раз в два или три года, несмотря на прививки. Могла быть вспышка гриппа типа А или гонконгского гриппа, и ты делал прививку, но через два года приходил грипп типа Б, и ты заболевал, если не делал себе уже другую прививку.

— Но тебе удавалось поправиться, — вмешался Дэн, — потому что организм начинал вырабатывать антитела. Организм изменялся, чтобы справиться с гриппом. В случае «Капитана

Торча» *сам вирус* изменялся всякий раз, когда организм начинал защищаться от какого-то конкретного штамма. В этом смысле «Капитан Торч» больше схож с вирусом СПИДа, а не с разновидностями гриппа, с которыми мы сталкивались раньше. И, как и вирус СПИДа, он продолжал изменяться, пока не подавлял сопротивление иммунной системы. Потом наступала смерть.

— Тогда почему мы им не заболели? — спросил Стью.

— Этого мы не знаем, — ответил Джордж. — И не думаю, что когда-нибудь узнаем. Уверены мы только в одном: врожденный иммунитет не помогал заболевшим выздороветь. Они просто не заболевали. И это вновь возвращает нас к Питеру, так, Дэн?

— Да. Заболевшим «Капитаном Торчем» в какой-то момент становилось лучше, но *полностью* они не выздоравливали. Наоборот, состояние ухудшалось. Этот младенец, Питер, заболел через сорок восемь часов после рождения. В том, что это «Капитан Торч», сомневаться не приходилось. Симптомы классические. Но потемнения кожи под челюстью, которые мы с Джорджем ассоциируем с четвертой и летальной стадией «супергриппа», *так и не появились*. С другой стороны, периоды ремиссии удлинялись и удлинялись.

— Я не понимаю. — На лице Фрэн отражалось недоумение. — Что?..

— Всякий раз, когда вирус мутировал, иммунная система Питера менялась следом за ним, вырабатывая новые антитела, — ответил Джордж. — Теоретически еще существует возможность ухудшения состояния мальчика, но он ни разу не входил в последнюю, критическую стадию. Похоже, он справляется с болезнью.

Вновь в палате повисла тишина.

— Ты передала свой иммунитет ребенку, Фрэн, — нарушил молчание Дэн. — И теперь мы думаем, что благодаря этому у него есть возможность побороть болезнь. Мы предполагаем, что тот же шанс был и у близнецов миссис Уэнтуорт, но обстоятельства сложились против них. Я придерживаюсь мнения, что они умерли не от «супергриппа», а от связанных с ним осложнений. Это небольшое отличие, я понимаю, но, возможно, именно оно и оказалось решающим.

— А другие женщины, которые забеременели от мужчин, не обладавших иммунитетом? — спросил Стью.

— Мы думаем, им придется наблюдать, как их дети будут бороться с «супергриппом», — ответил Джордж. — Некоторые, возможно, умрут, какое-то время жизнь Питера тоже висела на волоске, но другие успешно справятся с вирусом. И очень скоро наступит время, когда все еще не родившиеся дети, и в Свободной зоне, и во всем мире, будут иметь родителей, обладающих врожденным иммунитетом к «супергриппу». Пусть делать такие прогнозы не совсем корректно, но я готов поставить все деньги, которые заработаю, если они вновь у нас появятся, что победа будет за нами, а не за «супергриппом». А пока мы должны очень внимательно наблюдать за самочувствием Питера.

— И не только мы, — добавил Дэн. — В определенном смысле сейчас Питер — достояние всей Свободной зоны.

— Я хочу, чтобы он жил, потому что он мой и я его люблю, — прошептала Фрэнни и посмотрела на Стью. — И он моя связь с прежним миром. На Джесса он похож больше, чем на меня, и я этому рада. Это правильно. Ты меня понимаешь, любимый?

Стью кивнул, и странная мысль пришла ему в голову: как же хочется посидеть сейчас с Хэпом, и Нормом Бруэттом, и с Виком Полфри, пить с ними пиво, наблюдать, как Вик закуривает самокрутку с вонючим табаком, и рассказывать о том, что из всего этого вышло. Они прозвали его Молчальником Стью, говорили, что он не скажет «говно», даже если набьет им рот. Но ему хотелось столько им рассказать. Он бы говорил сутки напролет. Стью сжал руку Фрэн, чувствуя, как слезы жгут глаза.

— Нам надо обойти больных, — Джордж встал, — но Питер будет находиться под нашим неусыпным контролем, Фрэн. Когда у нас появится полная уверенность, что он выздоровел, ты узнаешь об этом первой.

— Когда я смогу кормить его? Если... если он не...

— Через неделю, — ответил Дэн.

— Но это так долго!

— Это будет долгий срок для всех нас. В Зоне шестьдесят одна беременная, и шесть зачали до начала эпидемии. Для них это будет особенно долгая неделя. Стью! Приятно познакомиться. — Дэн протянул руку, и Стью ее пожал. Врач тут же ушел, как человек, у которого много работы и который стремится ее сделать.

Джордж тоже пожал руку Стью.

— Увидимся завтра, самое позднее — во второй половине дня, хорошо? Только скажи Лори, какое время для тебя наиболее удобно.

— Зачем?

— Нога, — ответил Джордж. — С ней беда, верно?

— Не такая уж и беда.

— Стью! — Фрэнни села. — Что у тебя с ногой?

— Перелом, неправильное срастание костей, избыточная нагрузка, — ответил Джордж. — Хорошего мало, но все это можно исправить.

— Ну... — произнес Стью.

— Никаких «ну»! Дай мне взглянуть на нее, Стюарт! — На лбу Фрэнни вновь появилась морщинка «я-хочу».

— Позже, — ответил Стью.

Джордж направился к двери.

— Зайди к Лори, хорошо?

— Он зайдет, — пообещала Фрэнни.

Стью улыбнулся:

— Зайду. Раз леди-босс так говорит...

— Как хорошо, что ты вернулся. — По лицу Джорджа чувствовалось, что его так и распирают вопросы, но он лишь качнул головой и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

— Дай-ка взглянуть, как ты ходишь. — Морщинка «я-хочу» не сходила со лба Фрэн.

— Слушай, Фрэнни...

— Пройдись, дай взглянуть.

Он прошелся, напоминая матроса, пересекающего палубу в сильный шторм. Когда вернулся к стулу, она плакала.

— Фрэнни, не надо. Милая!..

— Не могу. — Она закрыла лицо руками.

Он сел, взял ее за руки, опустил их.

— Нет. Нет, не надо.

Она смотрела на него, по ее щекам катились слезы.

— Так много людей умерло... Гарольд, Ник, Сюзан... а как же Ларри? Как Глен и Ральф?

— Я не знаю.

— И что сказать Люси? Она придет через час. Она приходит каждый день, и она уже на четвертом месяце. Стью, когда она спросит тебя...

— Они умерли там... — Стью говорил скорее себе, чем Фрэн. — Вот что я думаю. Вот что я знаю... сердцем.

— Не говори этого, — взмолилась Фрэнни. — Не говори при Люси. Это разобьет ей сердце.

— Я думаю, они были жертвой. Бог всегда просит жертву. Его руки в крови жертв. Почему? Не могу сказать. Я не такой умный. Возможно, мы сами навлекли это на себя. Точно я знаю одно: эта бомба взорвалась там, вместо того чтобы взорваться здесь, и на какое-то время мы в полной безопасности. На короткое время.

— Флэгг погиб? Действительно погиб?

— Не знаю. Я думаю... мы не должны терять бдительности. Со временем кто-то найдет место, где создавали такие вирусы, как «Капитан Торч», и завалит это место землей, и засеет землю солью, и потом помолится над ним. Помолится за нас всех.

Тем же вечером, только гораздо позже, почти в полночь, Стью вез Фрэнни по тихому и пустынному больничному коридору в инвалидном кресле. С ними шла Лори Констебл, и Фрэн проследила, чтобы Стью договорился с ней о завтрашнем осмотре.

— Ты выглядишь так, будто тебя самого впору возить в кресле, — заметила Лори.

— Сейчас нога совершенно меня не беспокоит, — ответил Стью.

Они подошли к широкому окну, за которым находилась палата, выдержанная в голубых и розовых тонах. Под потолком висел большой мобиль. Только в одной кроватке, в первом ряду, лежал младенец.

Стью как зачарованный смотрел на него.

«ГОЛДСМИТ-РЕДМАН, ПИТЕР, — гласила надпись на медицинской карте, прикрепленной к кроватке. — МАЛЬЧИК. ВЕС 6 ФУНТ. 9 УНЦ. М. ФРЭНСИС ГОЛДСМИТ, ПАЛАТА 209. ОТ. ДЖЕССИ РАЙДЕР (УМ.)».

Питер плакал, сжав маленькие пальчики в кулачки. Его лицо покраснело. Он родился с черными как смоль волосами, синие глаза смотрели прямо в глаза Стью, словно обвиняя его во всех несчастьях.

Лоб пересекала глубокая вертикальная морщинка... «я-хочу».

Фрэнни снова плакала.

— Фрэнни, что не так?

— Все эти пустые кроватки. — С ее губ сорвалось рыдание. — Вот что не так. Он здесь один. Неудивительно, что он плачет, Стью, он совсем один. И эти пустые кроватки, Господи...

— Один он пробудет недолго. — Стью обнял ее за плечи. — И судя по тому, как он выглядит, все у него будет хорошо. Как думаешь, Лори?

Но Лори уже оставила их одних у окна палаты новорожденных.

Морщась от боли в ноге, Стью опустился рядом с Фрэн на колени и неуклюже обнял ее. Вдвоем они восторженно смотрели на Питера, словно на первого ребенка на Земле. Через какое-то время Питер заснул, прижимая кулачки к груди, а они по-прежнему смотрели на него, дивясь тому, что он вообще есть.

Глава 78

Праздник весны

Наконец зима осталась в прошлом.

Она выдалась долгой. А для Стью, уроженца восточного Техаса, еще и фантастически холодной. Через два дня после возвращения в Боулдер его правую ногу сломали, соединили обломки кости как положено и загипсовали. Гипс сняли только в начале апреля. К тому времени он напоминал невероятно сложную дорожную карту: практически все жители Зоны расписались на нем, хотя казалось, что такое просто невозможно. К первому марта в Боулдер начали вновь приходить люди, а к тому дню, когда в старом мире переставали принимать заявления на возврат подоходного налога, население Свободной зоны составляло почти одиннадцать тысяч человек. Об этом говорили данные Сэнди Дюшен, которая по-прежнему возглавляла переписную комиссию, только работало в ней теперь двенадцать человек и она располагала собственной компьютерной базой, располагавшейся в «Первом банке Боулдера».

Стью, и Фрэн, и Люси Суонн сидели в зоне для пикников на Флагштоковой горе и наблюдали за Майскими салками. Все дети Зоны (и немало взрослых) принимали участие в игре. Майскую

корзину, украшенную креповыми лентами и наполненную фруктами и игрушками, вручили Тому Каллену. Идея принадлежала Фрэн.

Том сумел поймать Билла Джеринджера (несмотря на застенчивое заявление, что он слишком старый для такой игры, Билли с удовольствием к ней присоединился), а вдвоем они поймали юного Аршоу... или Апсона? Стью уже в них путался. Втроем отыскали Лео Рокуэя, который спрятался за скалой Брентнера. Том лично его осалил.

Поиски тех, кому пока удавалось ускользнуть, велись по всему западному Боулдеру, группы детей и молодежи прочесывали практически пустынные улицы, Том ревел от восторга и носился со своей корзиной. Потом игра вновь переместилась на Флагштоковую гору. Двести осаленных продолжали поиски еще пятерых или шестерых, которые оставались «на свободе», в процессе пугая десятки оленей, не желавших участвовать в игре.

Двумя милями дальше, в Рассветном амфитеатре, готовился гигантский пикник, на том самом месте, где Гарольд Лаудер ждал подходящего момента, чтобы сказать в «уоки-токи» роковые слова. В полдень две или три тысячи человек сидели там, смотрели на восток, в сторону Денвера, ели оленину, и вареные яйца, и сандвичи с арахисовым маслом и конфитюром, а на десерт — свежеиспеченные пироги. Возможно, больше людей, чем в тот день, вместе в Зоне собраться уже не могли, разве что если решили бы поехать в Денвер и провести митинг на футбольном стадионе, где когда-то играли «Бронкос»*. К первому мая потекший ранней весной ручеек переселенцев превратился в бурный поток. После пятнадцатого апреля прибыли еще восемь тысяч человек, и теперь население Боулдера составляло девятнадцать тысяч или около того, причем число это постоянно менялось: комиссия Сэнди Дюшен не успевала сразу вносить всех в список.

В манеже, который Стью принес с собой и накрыл одеялом, громко заплакал Питер. Фрэн направилась к нему, но ее опередила Люси, с огромным животом, на восьмом месяце беременности.

---

* Имеется в виду «Денвер бронкос» — профессиональная футбольная команда.

— Сразу тебе говорю, придется менять подгузник, — предупредила Фрэн. — Я это знаю по его крику.

— Я не умру, увидев его какашки. — Люси подняла из манежа негодующе ревущего Питера и принялась покачивать из стороны в сторону. — Привет, малыш! Чем занимаешься? Не перестарался?

Питер продолжал орать.

Люси положила его на другое одеяло, которое они принесли, чтобы использовать вместо пеленального столика. Питер пополз, но орать не прекратил. Люси перевернула его на спину и начала расстегивать синие вельветовые брючки. Питер сучил ножками.

— Почему бы вам не прогуляться? — спросила Люси, улыбнувшись Фрэн, но Стью подумал, что это очень грустная улыбка.

— Почему бы нам не прогуляться? — согласилась Фрэн и взяла Стью за руку.

Он позволил увести себя. Они пересекли дорогу и пошли по зеленому лугу, уходящему под крутым углом к белым облакам на ярко-синем небе.

— И что все это значит? — спросил Стью.

— Не поняла? — Фрэн смотрела на него слишком невинно.

— Этот взгляд.

— Какой взгляд?

— Я его узнаю, когда вижу, — ответил Стью. — Не могу сказать, что он означает, но я его узнаю.

— Давай присядем, Стью.

— Вот оно что!..

Они присели и посмотрели на восток, где предгорья переходили в равнину, которая вдали терялась в голубой дымке. А уж где-то за этой дымкой лежала Небраска.

— Дело серьезное. И я не знаю, как заговорить с тобой об этом, Стюарт.

— Как можешь, так и говори, — ответил он и взял ее за руку.

Но Фрэн не заговорила. Лицо ее пришло в движение, из глаза покатилась слезинка, уголки рта опустились, губы задрожали.

— Фрэн!

— Нет, плакать я *не буду*! — сердито бросила она, но слезы все равно потекли, и Фрэнни разрыдалась. Стью обнял ее и ждал, пока она успокоится.

Когда худшее вроде бы осталось позади, он подал голос:

— А теперь скажи мне, в чем дело?

— Я тоскую по дому, Стью. Хочу вернуться в Мэн.

За их спинами вопили и кричали дети. Стью смотрел на Фрэн как громом пораженный. Потом неуверенно улыбнулся:

— Правда? Я-то подумал, что ты решила как минимум развестись со мной. Пусть мы так и не воспользовались услугами церкви.

— Без тебя я никуда не пойду. — Она достала из нагрудного кармана бумажную салфетку и вытерла глаза. — Или ты этого не знаешь?

— Пожалуй, знаю.

— Но я хочу вернуться в Мэн. Мне снятся об этом сны. Тебе когда-нибудь снился восточный Техас, Стью? Арнетт?

— Нет, — честно ответил он. — Я проживу оставшиеся годы и умру счастливым, если никогда больше не увижу Арнетт. Ты хочешь поехать в Оганквит, Фрэнни?

— Со временем, возможно. Но не сразу. Я бы хотела поехать в западный Мэн, его еще называют Озерным краем. Ты почти добрался туда, когда мы с Гарольдом встретили тебя в Нью-Хэмпшире. Там такие красивые места, Стью. Бриджтон... Суиден... Касл-Рок. Озера, наверное, будут кишеть рыбой. Со временем, полагаю, мы обоснуемся на побережье. Но в первый год я не хочу видеть океан. Слишком много воспоминаний. И он будет слишком большим. Я про океан. — Она уставилась на свои пальцы, нервно комкающие салфетку. — Если ты хочешь остаться здесь... помогать им все налаживать... я пойму. Горы тоже прекрасны, но... это не мой дом.

Стью посмотрел на восток и понял, что наконец-то может сформулировать то неопределенное чувство, которое не давало ему покоя с того самого момента, как начал таять снег: стремление переехать. Здесь стало слишком много людей; нет, они еще не ходили друг другу по головам, пока не ходили, но их количество уже начало его нервировать. В Боулдере хватало зонеров (так они начали себя называть), которых вполне устраивало людское скопище. Им это очень даже нравилось. В их число входил Джек Джексон, который возглавлял новый постоянный комитет Свободной зоны (теперь он состоял из девяти человек). И Брэд Китчнер. Брэд развернул добрую сотню проектов, и для каждого ему

требовались люди. Именно он предложил возобновить работу одной из денверских телестанций. С шести вечера до часа ночи она транслировала только старые фильмы, которые прерывались пятнадцатиминутным выпуском новостей в девять часов.

Стью не нравился человек, который возглавил полицию на время его отсутствия, Хью Петрелла. Он с подозрением отнесся уже к тому факту, что Петрелла — суровый пуританин с лицом, будто вытесанным из дерева, — провел предвыборную кампанию, чтобы получить эту должность. Теперь под его началом служили семнадцать человек, и на каждом заседании постоянного комитета Свободной зоны он требовал новых и новых людей. Будь Глен здесь, он бы — Стью так думал — сказал, что началась бесконечная американская борьба между законом и свободой индивидуума. Стью не считал, что Петрелла — плохой человек (жесткий — да, но не плохой), и полагал, что Хью, уверенный в том, что закон — окончательное решение любой проблемы, будет для Зоны лучшим начальником полиции, чем мог бы стать он сам.

— Я знаю, что тебе предложили место в комитете, — осторожно добавила Фрэн.

— У меня такое ощущение, что это будет почетная должность, или ты не согласна?

На лице Фрэн отразилось облегчение.

— Что ж...

— Я понял, что они будут счастливы, если я откажусь. Я — наследие прошлого комитета. И у нас был кризисный комитет. Сейчас кризиса нет. А как же Питер, Фрэнни?

— Думаю, к июню он станет достаточно взрослым, чтобы путешествовать, — ответила она. — Я бы хотела подождать, пока родит Люси.

После Питера, появившегося на свет четвертого января, в Зоне родилось восемнадцать детей. Четверо умерли, остальные чувствовали себя прекрасно. И очень скоро Зона ждала появления младенцев, у которых оба родителя обладали врожденным иммунитетом к «супергриппу». Роды Люси были намечены на четырнадцатое июня.

— Как насчет того, чтобы уехать первого июля? — спросил он.

Фрэнни просияла.

— Ты поедешь? Ты хочешь?

— Конечно!

— Ты говоришь это не для того, чтобы доставить мне удовольствие?

— Нет. Другие люди тоже начнут уезжать. Не многие и не сразу. Но начнут.

Она обвила руками его шею, прижалась к нему.

— Может, это будет всего лишь отпуск. А может... может, нам действительно понравится. — Она робко посмотрела на него. — Может, мы захотим остаться.

Он кивнул:

— Возможно.

Но задался вопросом: а захотят ли они надолго задерживаться в одном месте?

Посмотрел на Люси и Питера. Люси сидела на одеяле и подбрасывала ребенка. Мальчик смеялся и пытался ухватить Люси за нос.

— А ты подумала о том, что он может заболеть? И ты. А если ты вновь забеременеешь?

Фрэн улыбнулась:

— Есть книги. Мы оба умеем читать. Мы не можем прожить всю жизнь в страхе, правда?

— Нет, пожалуй, что нет.

— Книги и хорошие лекарства. Мы научимся пользоваться ими, а что касается лекарств, которые закончатся... мы научимся их делать. Когда речь идет о болезни и смерти... — Она посмотрела в дальний конец луга, где дети шли к столам для пикника, потные и уставшие. — Это случается и здесь. Помнишь Рича Моффэта? — Он кивнул. — И Ширли Хэммет?

— Да...

Ширли умерла в феврале от инсульта.

Фрэнни взяла его за руки. Ее яркие глаза светились решимостью.

— Я считаю, что мы не должны бояться того, что нас ждет, и можем жить так, как нам хочется.

— Хорошо. Мне нравится. Это правильно.

— Я люблю тебя, Восточный Техас.

— Взаимно, мэм.

Питер вновь заплакал.

— Пойдем посмотрим, что с нашим императором.

— Он пытался ползти и стукнулся носом. — Люси передала малыша Фрэн. — Бедный кроха!

— Бедный кроха, — согласилась Фрэн и прижала сына к себе. Малыш привычно ткнулся головой в ее шею, посмотрел на Стью и улыбнулся. Стью ответил тем же.

— Привет, малявка!

Питер засмеялся.

Люси перевела взгляд с Фрэн на Стью, снова на Фрэн.

— Вы уезжаете, так? Ты его уговорила?

— Скорее да, чем нет, — ответил Стью. — Но мы пробудем здесь еще достаточно долго, посмотрим, кто у тебя в животе.

— Я рада, — кивнула Люси.

Издалека донесся звон колокола, мелодичные звуки поплыли в теплом воздухе.

— Ленч. — Люси поднялась, похлопала по огромному животу. — Слышишь, мелкий? Мы собираемся поесть. Ох, не пинайся, я уже иду.

Стью и Фрэн тоже поднялись.

— Возьми мальчика. — Фрэн передала ему малыша.

Питер уже заснул. Втроем они пошли вверх по склону к Рассветному амфитеатру.

Летний вечер, сумерки

На закате они сидели на крыльце и наблюдали, как Питер энергично ползает по пыльному двору, Стью — на стуле с плетеным сиденьем, продавленным от многолетнего использования, Фрэн — в кресле-качалке, слева от Стью. Во дворе подвешенная на цепях покрышка-качели отбрасывала на землю тень, похожую на пончик.

— Она долго жила здесь, да? — спросила Фрэнни.

— Очень долго, — ответил Стью и указал на Питера: — Он весь перепачкается.

— Вода у нас есть. Ручной насос. Надо только покачать. Все удобства к нашим услугам, Стюарт.

Он кивнул и больше не сказал ни слова. Раскурил трубку, глубоко затягиваясь. Питер обернулся, чтобы убедиться, что они все еще на крыльце.

— Привет, малыш! — Стью помахал ему рукой.

Питер упал. Поднялся на четвереньки и вновь пополз по большому кругу. У начала проселочной дороги, уходящей в поле дикой кукурузы, стоял маленький кемпер «виннебаго» с закрепленной на капоте лебедкой. Они ехали по сельским дорогам, но время от времени лебедку все равно приходилось пускать в ход.

— Тебе одиноко? — спросила Фрэнни.

— Нет. Может, и будет... со временем.

— Тревожишься о ребенке? — Она похлопала себя по животу, пока еще плоскому.

— Нет.

— Питер будет ревновать.

— Это пройдет. И Люси родила *двойню*. — Он улыбнулся небесам. — Подумать только!

— Я их видела. Как говорится, лучше один раз увидеть. Когда, по-твоему, мы доберемся до Мэна?

Он пожал плечами:

— Где-то в конце июля. Хватит времени, чтобы подготовиться к зиме. Тревожишься?

— Нет, — ответила она. Встала. — Посмотри на него, он весь перемазался.

— Я тебе говорил.

Стью наблюдал, как она спускается с крыльца и поднимает малыша. Он сидел там, где частенько сиживала матушка Абагейл, и думал о жизни, которая ждала их впереди. Думал, что все у них будет хорошо. Со временем им придется вернуться в Боулдер, хотя бы для того, чтобы их дети могли встретить своих сверстников, найти себе пару, жениться и родить своих детей. А может, Боулдер придет к ним. Некоторые из оставшихся задавали множество вопросов об их планах, можно сказать, устроили настоящий допрос... но в глазах читалось желание сделать то же самое, а не презрение или злость. Жажда странствий охватила не только Фрэн и Стью. Гарри Данбартон, который раньше продавал очки, говорил о Миннесоте. Марк Зеллман — о Гавайях, это же надо. Учился управлять самолетом, чтобы добраться до Гавайских островов!

«Марк, ты убьешься!» — попыталась переубедить его Фрэн.

Марк задорно улыбнулся и ответил: «Кто бы говорил, Фрэнни».

И Стэн Ноготны мечтал о походе на юг. Остановиться на несколько лет в Акапулько, а потом двинуться в Перу. «Вот что я тебе

скажу, Стью, — признавался он, — все эти люди нервируют меня. Я чувствую себя одноногим калекой на конкурсе пинков. Теперь я знаю только одного человека из десяти. Люди запирают на ночь двери... да, это факт! Послушав меня, никогда не поверишь, что я жил в Майами. А ведь я прожил там шестнадцать лет и каждый вечер запирал дверь. Но черт побери! С этой привычкой я с радостью расстался! В любом случае здесь становится слишком людно. Я много думаю об Акапулько. Поэтому, если смогу убедить Джейни...»

«Будет не так уж и плохо, — думал Стью, наблюдая, как Фрэн качает воду, — если Свободная зона развалится». Глен Бейтман с ним бы согласился, он в этом не сомневался. Она выполнила свою роль, сказал бы Глен. Лучше бы ей распасться до того, как...

До чего?

Что ж, на последнем заседании постоянного комитета Свободной зоны, которое состоялось перед их с Фрэн отъездом, Хью Петрелла попросил разрешения вооружить своих сотрудников и получил его. Последние несколько недель все говорили только об этом. В начале июня какой-то пьяница избил подчиненного Петреллы и швырнул его в витрину «Прорванного барабана», бара на Жемчужной улице. Пострадавшему сделали переливание крови и наложили тридцать швов. Петрелла заявил, что ничего этого не случилось бы, если бы у его человека был «полис спешл». Тут и вспыхнула полемика, в которой принял участие чуть ли не весь город. Многие люди (и Стью в их числе, хотя он старался не афишировать свои взгляды) не сомневались, что инцидент закончился бы убийством пьяницы, а не ранением стража порядка, будь у последнего оружие.

«Что происходит, когда вы даете оружие стражам правопорядка? — спросил себя Стью. — Что дальше?» И словно услышал профессорский, чуть суховатый голос Глена Бейтмана: «Вы даете им оружие большего калибра. И патрульные автомобили. А когда обнаруживаете Свободную зону в Чили или в Канаде, поднимаете статус Хью Петреллы до министра обороны, на всякий случай, и, возможно, начинаете рассылать разведывательные группы, потому что в конце концов...»

Оружие лежит под ногами, просто ждет, чтобы его подобрали.

— Давай уложим его спать. — Фрэн поднималась по ступенькам.

— Хорошо.

— Почему ты сидишь такой кислый?

— Неужели?

— Безусловно.

Пальцами он растянул уголки рта.

— Так лучше?

— Гораздо. Помоги мне уложить его.

— С удовольствием.

Следуя за Фрэн в дом матушки Абагейл, Стью думал о том, что будет лучше, гораздо лучше, если все уйдут из Боулдера и рассеются по стране. Отложат организацию на максимально долгий срок. Организация всегда несла проблемы. Клетки начинают собираться вместе и темнеть. У копов появляется оружие, только когда они уже не могут запомнить все имена... все лица...

Фрэн зажгла керосиновую лампу, которая давала мягкий желтый свет. Питер смотрел на них сонными глазами. Он наигрался и устал. Фрэн переодела его в ночную рубашку.

Что мы можем выиграть, так это время, думал Стью. *Время жизни Питера, его детей, может, даже моих правнуков. До две тысячи сотого года оно у нас есть, но не дольше. Может, меньше. Время, чтобы Мать-Земля смогла немного прийти в себя. Сезон отдыха.*

— Что? — спросила Фрэн, и он понял, что думал вслух.

— Сезон отдыха.

— И что это значит?

— Все, — ответил Стью и взял ее за руку.

Глядя на Питера, он думал: *Может, если мы расскажем ему, что случилось, он расскажет это своим детям. Предупредит их. Дорогие дети, эти игрушки — смерть. Они несут в себе и ожоги, и лучевую болезнь, и черное удушье. Эти игрушки опасны. Они создавались руками Божьими, которые направлял дьявол, засевший в человеческих головах. Не играйте в эти игрушки, дорогие дети. Пожалуйста, никогда не играйте. Никогда-никогда. Пожалуйста... пожалуйста, выучите этот урок. Пусть этот опустевший мир станет вашей тетрадью.*

— Фрэнни. — Он развернул ее к себе, чтобы заглянуть в глаза.

— Что, Стюарт?

— Как думаешь... люди могут чему-нибудь научиться?

Она открыла рот, чтобы ответить, замялась, промолчала. Керосиновая лампа мигала. Синие глаза Фрэн казались бездонными.

— Не знаю, — наконец ответила она. Ответ ей не понравился, она пожала плечами, попыталась сказать что-то еще, но смогла только повторить: — Не знаю.

По новой...

Нам пригодится помощь, предположил Поэт.

Эдуард Дорн

Он проснулся на заре.

Сел и осмотрелся. Увидел вокруг белый как кость песок. Над головой, далекое и высокое, синело безоблачное небо. Перед ним лазурное море разбивалось о риф, а потом мягко плескалось вокруг странных лодок, которые назывались...

(*каноэ аутригер каноэ*)

Он это знал... но откуда?

Он поднялся и чуть не упал. Ноги не держали его. Он дрожал. С головы до пят. Едва контролировал свое тело.

Он обернулся. Зеленые джунгли, казалось, надвинулись на него, густое переплетение лиан, широких листьев, ярких цветов,

(*розовых, как соски девушки-хористки*)

Вновь недоумение.

Кто такая девушка-хористка?

И что такое, если уж честно, сосок?

Попугай закричал, заметив его, улетел, бешено махая крыльями, ничего не видя перед собой, врезался в толстый ствол старого баньяна, мертвым упал на землю, лапками кверху.

(*положить его на стол лапками кверху*)

Мангуст глянул на его румяное лицо, заросшее щетиной, и умер от мозговой эмболии.

(входит сестра с ложкой и стаканом)

Жук, деловито ползущий по стволу пальмы, почернел, выжженный изнутри. Синие молнии электрических разрядов на мгновение соединили его усики.

(*и начинает черпать сок из его зада-зада-зада*)

Кто я?

Он не знал.

Где я?

Разве это имело значение?

Он пошел — поплелся — к джунглям. Голова кружилась от голода. Шум прибоя глухо отдавался в ушах, словно удары безумной крови. Мозг был пуст, как у новорожденного.

Он преодолел полпути до зеленой стены, когда та разошлась, и на белый песок вышли трое мужчин. Затем их стало четверо. Потом полдюжины.

С гладкой коричневой кожей.

Они смотрели на него.

Он — на них.

В голове начало проясняться.

Число мужчин увеличилось до восьми. До двенадцати. Каждый держал в руке копье. Копья начали угрожающе подниматься. Мужчина с заросшим щетиной лицом смотрел на них. Мужчина в джинсах и старых, треснувших ковбойских сапогах. Верхняя половина тела, исхудалая донельзя, белизной напоминала брюхо дохлого карпа.

Копья поднялись над головами. И тут один из коричневых людей — вождь — начал сдавленным голосом выкрикивать одно и то же слово, что-то вроде: *Юн-нах!*

Да, в голове прояснялось.

Так точно.

Теперь он знал свое имя.

Он улыбнулся.

Улыбка красным солнцем прорвалась сквозь черные облака. Продемонстрировала ярко-белые зубы и удивительные сверкающие глаза. Он протянул к ним руки с ладонями без единой линии в знакомом всем жесте мира.

Они не устояли перед мощью его улыбки. Копья упали на песок. Одно воткнулось и осталось торчать, чуть вибрируя.

— Вы говорите по-английски?

Они только смотрели на него.

— Habla español?*

Увы. Они определенно не хаблали на гребаном эспаньоле.

И что это означало?

Куда его занесло?

---

* Вы говорите по-испански? (*исп.*)

Что ж, со временем все прояснится. Рим строился не один день, если на то пошло, и Акрон, штат Огайо, тоже. А место не имело значения.

Место, по которому ступали ноги, никогда не имело значения. Главное — быть там... и все еще стоять на ногах.

— *Parlez-vous français?**

Нет ответа. Они смотрели на него как зачарованные.

Он перешел на немецкий, потом рассмеялся, глядя в их глупые овечьи лица. Один беспомощно разрыдался, как малое дитя.

Простые парни. Примитивные, доверчивые, неграмотные. Но я смогу их использовать. Да, очень даже хорошо смогу их использовать.

Он пошел к ним с поднятыми руками, по-прежнему улыбаясь. Его глаза сверкали теплым, безумным ликованием.

— Меня зовут Рассел Фарадей, — произнес он медленно и отчетливо. — У меня миссия.

Они смотрели на него во все глаза, до смерти напуганные, зачарованные.

— Я пришел, чтобы помочь вам.

Они принялись падать на колени и склонять перед ним головы, и когда его темная тень накрыла их, безумная улыбка стала еще шире.

— Я пришел, чтобы указать вам путь к цивилизации!

— *Юн-нах!* — всхлипнул вождь, объятый радостью и ужасом. И когда он принялся целовать ноги Рассела Фарадея, темный человек захохотал. Он смеялся, и смеялся, и смеялся.

Жизнь — колесо, на котором никому долго не удержаться.

И оно всегда — в конце концов — возвращается к исходной точке.

Февраль 1975 г.
*Декабрь 1988 г.***

---

* Вы говорите по-французски? (*фр.*)

** Пользуясь случаем, переводчик выражает искреннюю благодарность русскоязычным фанам Стивена Кинга (прежде всего Алексею Анисимову из Сестрорецка, Александру Викторову из Саратова, Дмитрию Витеру из Москвы, Сергею Ларину из Рязани, Алексею Рожину из Санкт-Петербурга, Сергею Сухову из Новосибирска), принявшим участие в работе над черновыми материалами перевода, и администрации сайтов «Стивен Кинг.ру — Творчество Стивена Кинга», «Русский сайт Стивена Кинга» и «Стивен Кинг. Королевский клуб» в лице Дмитрия Голомолзина, Сергея Тихоненко и Екатерины Лян, усилиями которых эту работу удалось провести.

Содержание

Предисловие 8
Часть 1. Прочитать перед покупкой 8
Часть 2. Прочитать после покупки 9
Понеслось 17
Книга I. «Капитан Торч». 16 июня — 4 июля 1990 года 23
Книга II. Перепутье. 5 июля — 6 сентября 1990 года 458
Книга III. Противостояние.
7 сентября 1990 года — 10 января 1991 года 1059
По новой 1302

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Кинг Стивен

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Роман

Редактор *К. Егорова*
Компьютерная верстка: *Л. Огнева*
Технический редактор *Т. Полонская*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

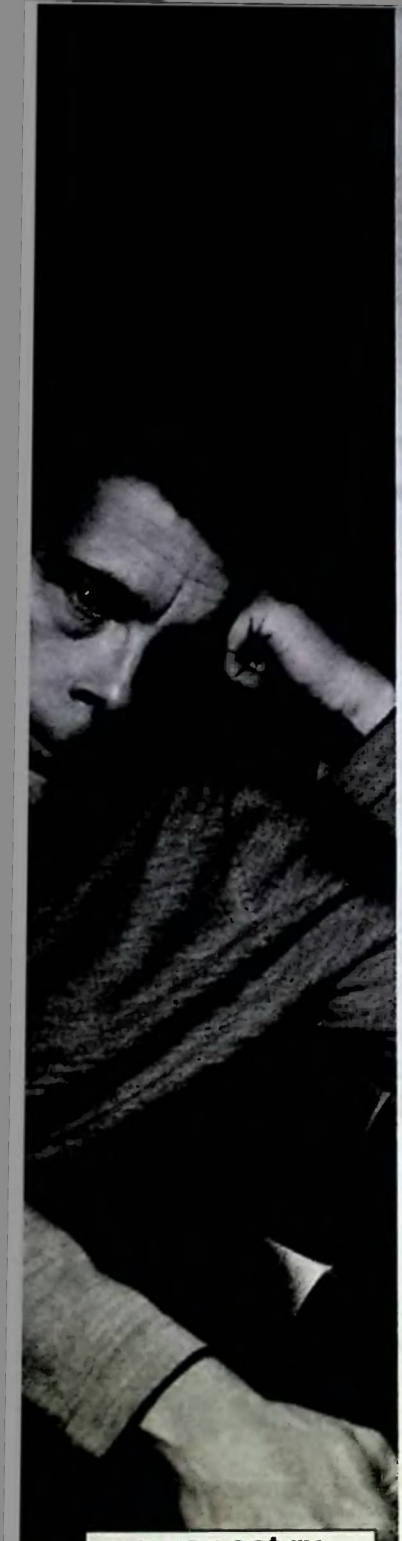
Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 07.09.2017. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 68,88.
С.: Король на все времена. Доп. тираж 4000 экз. Заказ №8714.
С.: Темная Башня. Доп. тираж 3000 экз. Заказ №8713.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.
Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Америка превратилась в ад. Из секретной лаборатории вырвался на свободу опаснейший вирус. Умерли сотни тысяч, миллионы ни в чем не повинных людей... Однако и это еще не все. Вступили в игру беспощадные и могучие силы.
Рвется к власти таинственный темный человек, способный подчинять себе слабые, сомневающиеся души. Кто он? Откуда явился? Что сулит человечеству его победа?
Немногие люди, не утратившие еще представления о Добре и Зле, должны понять это, — ведь, не зная врага, его невозможно победить...

Роман «Противостояние» — одно из лучших произведений Стивена Кинга — в новом переводе и без сокращений!

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-076503-4
9 785170 765034 >